ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Том сорок первый — часть I.

Социальная гигиена — Союз Советских Социалистических Республик.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скалигер).

Редакция „Русского Библиографического Института Гранат“:
Москва, Тверской бульвар, 25.

В виду обширности цикла статей „Союз Советских Социалистических Республик" 41-й том будет подразделен на несколько самостоятельных томов, которые будут именоваться соответствующими частями 41-го тома.

Главлит № 37.407. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф", Мыльников пер., 14. Тираж 5.100.

Важнейшие статьи, помещенные в XLI томе I части.

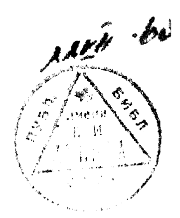
(Продолжение цикла „СССР“ во II части 41 т.).

См. на обороте.

Приложения к циклу статей „Союз Советских Социалистических Республик“:

Автобиографии и авторизованные биографии:

(Продолжение во II ч. XLI т.)



СОЦІАЛЬНАЯ ГИГІЕНА.

Соціальная гигіена — новая отрасль знанія, которая до настоящаго времени еще не закончила своего оформленія и не вполнѣ опредѣлила границы, чѣмъ и объясняется наличіе весьма многочисленныхъ попытокъ дать этому понятію точное опредѣленіе и очертить мѣсто С. г. среди такихъ смежныхъ понятій, какъ „соціальная патологія“, „соціальная медицина“, „соціальная терапія“ и т. п. Наиболѣе существеннымъ является отграничить эту отрасль знанія отъ общепринятаго понятія *гигіены*, какъ научной дисциплины, трактующей вопросы охраны здоровья, и *санитаріи*, какъ „искусства поддержанія и улучшенія здоровья отдѣльнаго лица и цѣлаго общества“ (опредѣленіе проф. Хлопина, см. *Санитарія*, XXXVII, 211).

Самоопредѣленіе С. г., какъ самостоятельной отрасли знанія, началось въ половинѣ прошлаго столѣтія, хотя историческія предпосылки для этого сложились значительно ранѣе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ тому усложненію жизни, которое связано съ переживаемой фазой общественнаго развитія—*капитализмомъ*, съ неизбѣжно присущими ему явленіями общественной жизни, каковы разслоеніе на классы съ взаимно противоположными интересами, односторонними привилегіями, анархіей производства, распредѣленія и потребленія, истощающими условіями и напряженіемъ труда, концентраціей населенія въ городахъ, развитіемъ слоя паразитирующихъ элементовъ общества и элементовъ „трудящихся“ надъ созданіемъ предметовъ, разрушающихъ народный организмъ (слуги алкогольнаго капитала и др.). Объ „исторіи“ С. г., въ точномъ смыслѣ этого слова, въ докапиталистическую эпоху говорить не приходится. Весь комплексъ оздоровительныхъ мѣропріятій, какъ личнаго, такъ и общественнаго характера, наличіе которыхъ намѣтилось въ отдаленнѣйшей исторической перспективѣ (древніе евреи, греки, римляне, средніе вѣка), не имѣлъ подъ собой научной основы. Стремленіе сохранить жизнь, сводящееся къ изысканію способовъ удовлетворенія основныхъ біологическихъ потребностей организма и самозащиты, и опредѣлившее весь поступательный ходъ культурнаго развитія человѣчества, базировалось на вѣковомъ накопленіи опыта, который приводилъ къ созданію не только правилъ личнаго поведенія, но и къ общественнымъ регулятивамъ, ограничивавшимъ права личности и подчинявшимъ ея интересы интересамъ цѣлаго. Этотъ эмпиризмъ приводилъ къ созданію нормъ и къ проведенію въ жизнь общественныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ громадное значеніе въ чисто санитарномъ смыслѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ основной своей цѣли не преслѣдовали непосредственно охраны здоровья, но попутно оказывали большое вліяніе въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя мѣропріятія, по сущности своей направленныя на цѣли охраны экономическихъ интересовъ господствующаго меньшинства, попутно захватывали и интересы широкихъ массъ. Но это не были санитарныя мѣропріятія въ современномъ значеніи этого слова.

Одна изъ насущнѣйшихъ привилегій господствующихъ классовъ—*привилегія знанія* и накопленія квалифицированнаго опыта, создавала то положеніе, что и врачебный опытъ на-

ходился въ рукахъ правителей, а при теократическомъ построеніи власти—дѣло это зачастую отожествлялось съ дѣломъ священнослуженія. Шаманы, жрецы и первосвященники—первые спеціализировавшіеся цѣлители. Древнее еврейское санитарное законодательство неотдѣлимо отъ „закона божія“, а наблюдателями за исполненіемъ его (своего рода санитарными инспекторами) были священники. Эмпиризмъ въ медицинѣ того времени (т.-е. лѣчебной медицинѣ), а также въ общихъ мѣрахъ, имѣвшихъ косвенное предупредительное санитарное значеніе, порою не былъ лишенъ цѣлесообразныхъ пріемовъ (напр., использованіе свѣта, воздуха, воды и др.), апробированныхъ затѣмъ научной медициной. Развитіе послѣдней, однако, стоитъ въ прямой зависимости *отъ развитія положительныхъ знаній* и открытія законовъ мертвой и живой природы. Физика, химія, біологія и рядъ подчиненныхъ имъ дисциплинъ подвели твердый фундаментъ подъ медицину, давъ ей возможность изъ искусства превратиться въ науку, твердо обоснованную на усвоенныхъ ею методахъ и предпосылкахъ точныхъ наукъ. Еще въ отдаленной исторической перспективѣ развитія той отрасли человѣческой дѣятельности, которая служитъ цѣлямъ охраненія здоровья, можно подмѣтить раздѣленіе пріемовъ лѣченія уже наступившей болѣзни и пріемовъ предупрежденія таковой. Лѣчебныя функціи образовали особую лѣчебную спеціальность. Предупредительныя мѣры дѣлятся въ свою очередь на мѣры, охраняющія отдѣльную личность, обособленный индивидуумъ (личная гигіена), и мѣры, принимаемыя „сообща“ и дѣйствующія на совокупность индивидуумовъ (общественная гигіена).—Свое строго научное обоснованіе гигіена получила лишь во второй половинѣ XIX вѣка, когда Петтенкоферъ (*см.*) изъ науки, пользовавшейся почти исключительно методомъ наблюденія, перевелъ ее въ число наукъ, примѣняющихъ точные методы физики и химіи въ области гигіеническихъ изслѣдованій воды, воздуха, почвы и жилищъ, т.-е. среды, окружающей человѣческій организмъ и оказывающей свое вліяніе на его здоровье. Изъ работъ Петтенкофера и его послѣдователей и учениковъ вытекли широкія общественно-оздоровительныя мѣропріятія, существенно измѣнившія условія жизни городовъ и приведшія къ улучшенію ихъ санитарнаго состоянія, что ясно учитывается санитарно-статистическими показателями заболѣваемости и смертности (см. *Санитарія*, *Заболѣваемость*). Методъ учета уровня здоровья населенія, какъ совокупности индивидуумовъ, также не самобытно выработанъ гигіеной, а позаимствованъ ею у соціологіи. Пасторъ *Зюссмильхъ* (*см.*) и математикъ *Кетле* (*см.*) являются основоположниками демографической и санитарной статистики, которая для опредѣленія уровня здоровья населенія получила характеръ діагностическаго средства. Гигіена, какъ особая отрасль медицины, изучаетъ законы зависимости человѣческаго организма отъ окружающей среды и изыскиваетъ способы наилучшаго обезпеченія организма всѣмъ необходимымъ и способы защиты его отъ вредныхъ вліяній среды. Оперируя съ явленіями типовыми и средними, она вырабатываетъ нормы и правила. Практическое примѣненіе ихъ въ жизни *отдѣльнаго индивидуума* (личная профилактика)—отходитъ къ задачамъ лѣчебной медицины, которая по самой своей сущности индивидуализируетъ каждаго отдѣльнаго больного, учитывая всѣ его анатомофизіологическія, наслѣдственныя и другія особенности. Практическое же примѣненіе къ жизни большихъ группъ населенія относится къ задачамъ санитаріи. Достиженія гигіены въ этой области (мѣропріятія по оздоровленію населенныхъ мѣстъ) оказали поразительное вліяніе на повышеніе уровня здоровья населенія и придали самой наукѣ *общественный характеръ*. Гигіена включаетъ въ поле своего зрѣнія *общія явленія жизни*, изслѣдуетъ законы рождаемости, смертности и заболѣваемости населенія, намѣчая общіе пути къ улучшенію здоровья большихъ массъ. Это даетъ основаніе нѣкоторымъ ученымъ отрицательно относиться къ обособленію въ особую научную дисциплину тѣхъ вопросовъ гигіены, которые тѣсно связаны съ соціальнымъ

и политическимъ строемъ современнаго общества. Въ такомъ смыслѣ высказывается, напр., проф. В. Г. Хлопинъ въ предисловіи къ своему большому руководству по гигіенѣ. „Общественный или соціальный элементъ, говоритъ онъ, пронизываетъ, какъ самую науку (гигіену), такъ и практическую часть ея—санитарію. Отрывъ гигіены отъ современныхъ проблемъ общественности, замкнутая работа въ лабораторіяхъ—вынимаетъ изъ нея живую душу". Научная работа въ стѣнахъ лабораторій пріобрѣтаетъ особенно глубокій смыслъ и значеніе тогда, когда она примѣнитъ свои методы изслѣдованія для рѣшенія не только теоретическихъ проблемъ, но и жизненныхъ задачъ, дастъ раціональныя основанія искусству оздоровленія своей страны и своего народа. По существу своихъ задачъ гигіена обращаетъ особенное вниманіе на тѣ группы населенія, которыя особенно нуждаются въ защитѣ ихъ здоровья и которыя не въ состояніи сами бороться съ условіями жизни, подрывающими ихъ здоровье, такъ что представителю гигіены чаще приходится быть защитникомъ экономически и соціально-угнетенныхъ.

Несмотря на справедливость этихъ замѣчаній, дающихъ совершенно правильную перспективную оцѣнку гигіены, которая не должна отрываться отъ жизни и, въ этомъ смыслѣ, всегда должна оставаться *общественной*, фактъ образованія особой отрасли знанія, получившей общее названіе С. г., есть фактъ совершившійся. Этотъ фактъ не сопровождался искусственнымъ отдѣленіемъ или насильственнымъ отторженіемъ какихъ-либо областей компетенціи отъ гигіены, получившей теперь названіе экспериментальной или физико-біологической гигіены и, въ виду громаднаго роста ея содержанія, дифференцировавшейся на цѣлый рядъ большихъ отдѣловъ и отраслей (профессіональная гигіена, школьная, военная, морская и т. д.). Въ основѣ этой дифференцировки лежатъ: a) особенность метода, особенность изучаемой среды, b) обособленность практическихъ цѣлей или задачъ.

Соціальная гигіена, отрасль знанія, овладѣвшая методомъ статистики и біометріи, поставившая себѣ обособленныя цѣли и накопившая значительный литературный матеріалъ, генетически больше связана съ т. наз. лѣчебной медициной, чѣмъ съ гигіеной. Лѣчебная медицина, индивидуализируя каждаго отдѣльнаго больного, не можетъ, однако, обойтись безъ уясненія общихъ причинъ и вліяній, опредѣляющихъ возникновеніе, теченіе и исходъ болѣзни, и обращается къ изученію не только конституціи больного, но и внѣшнихъ факторовъ—среды его окружающей, въ томъ числѣ соціальной среды. Свои воздѣйствія лѣчебная медицина стремится при мало-мальски правильной постановкѣ дѣла перенести на цѣлыя группы индивидуумовъ, на окружающую ихъ среду, прибѣгая къ методамъ обобщенія, подобно тому, какъ это дѣлаетъ экспериментальная гигіена.

Въ практическомъ смыслѣ, при наличіи дифференцировки силъ, пріемовъ и задачъ, существуетъ также опредѣленный синтезъ медицинскаго дѣла, сближающій чисто лѣчебное дѣло съ дѣломъ предупрежденія болѣзней. Это особенно ощутимо тамъ, гдѣ удовлетвореніе лѣчебныхъ нуждъ населенія получило т. н. общественно-медицинское направленіе, а не остановилось на формахъ договорныхъ отношеній отдѣльнаго больного съ отдѣльнымъ врачомъ. Русская земская участковая медицина, въ силу особыхъ историческихъ причинъ, при самомъ зарожденіи своемъ, еще въ 70-хъ г. г. прошл. стол., поставила предъ собой задачи *участковой санитаріи*, требовавшей организованной связи участковаго врача съ населеніемъ (борьба съ эпидеміями, оспопрививаніе, школьно-санитарный надзоръ, медико-топографическія изслѣдованія, распространеніе гигіеническихъ знаній). Объективныя условія русской дѣйствительности—порабощенное состояніе крестьянства, слабость пролетаріата, противодѣйствіе помѣщиковъ, фабрикантовъ и бюрократіи—свели къ мизернымъ результатамъ эту санитарно-культурную задачу участковой медицины; тѣмъ не менѣе, она не только не заглохла, но постепенно преобразовалась на почвѣ дифференцировки силъ съ выдѣленіемъ сани-

тарныхъ функцій въ особый аппаратъ, при сохраненіи полнаго (синтетическаго) единства лѣчебнаго и профилактическаго общественно-медицинскаго дѣла. Въ Россіи нѣкоторые представители научной гигіены въ свое время принимали дѣятельнѣйшее участіе въ выработкѣ этихъ принциповъ (особенно почетная и плодотворная роль въ этомъ отношеніи принадлежала проф. Эрисману), но въ общемъ и цѣломъ медико-санитарный строй Россіи выросъ не изъ офиціальной науки того времени, а изъ нѣдръ самой медицинской организаціи. Объединенію медицинскаго дѣла въ странѣ служили всероссійскіе врачебные Пироговскіе съѣзды, какъбы замѣнявшіе въ то время отсутствовавшую въ университетахъ каѳедру соціальной гигіены и являвшіеся школой, учившей врачей общественно мыслить и дѣйствовать (къ чему офиціальная медицинская школа того времени ни въ какой мѣрѣ не подготовляла врачей).

Въ Западной Европѣ офиціальная гигіеническая наука также мало причастна къ созданію медицинской общественности въ указанномъ выше смыслѣ. При всей колоссальности той общественной пользы, которая проистекала изъ экспериментально-лабораторныхъ работъ Петтенкофера и изъ великихъ открытій Коха (одно время стоявшего во главѣ гигіеническаго Института въ Берлинѣ) и ихъ учениковъ, нельзя отрицать того, что проблемы общественной медицины, тѣсно связанныя съ политическимъ и соціальнымъ строемъ современнаго общества, не ставились и не разрабатывались ихъ институтами и лабораторіями. „Соц.-гиг." теченіе въ медицинѣ зародилось гораздо раньше выдѣленія С. гигіены въ самостоятельную научную дисциплину, которая впослѣдствіи разработана въ стройную систему, гл. обр., врачами-практиками и соціалъ-политиками.

Первымъ большимъ трудомъ, имѣвшимъ характеръ систематическаго подхода къ одной изъ проблемъ С. г., считаютъ появивш. въ 1700 г. книгу итальянскаго врача *Рамаццини „De morbis artificum diatribe"* („О болѣзняхъ трудящагося люда"). Въ этой книгѣ авторъ не только собралъ существовавшій до того времени литературный матеріалъ по профессіональнымъ заболѣваніямъ, но изложилъ въ систематическомъ порядкѣ свои наблюденія, какъ клиническія, такъ и собранныя при посѣщеніи самыхъ *мѣстъ работы*, въ томъ числѣ и подземныхъ рудниковъ и шахтъ. Въ 1776 г. появилось многотомное сочиненіе *Франка* (Peter Frank) „Система медицинской полиціи", въ которой разсматриваются вопросы чисто соц.-гиг. порядка: о дѣтской смертности, о школьной гигіенѣ, о мѣрахъ противъ распространенія половыхъ болѣзней, о гигіенѣ брака и т. д. Въ 19-мъ столѣтіи на поприщѣ пропаганды соц.-гиг. мѣропріятій выступилъ Рудольфъ Вирховъ, (*см.*), основ. для этого спеціальную газету (просуществовавшую, однако, очень недолго) и, на основаніи своихъ наблюденій надъ развитіемъ тифозной эпидеміи въ Верхней Силезіи, высказавшій взглядъ о тѣсной зависимости распространенія инфекціи отъ соціально-экономическаго положенія населенія. (Бѣдность сама по себѣ не вызываетъ тифа, но она готовитъ людей въ большой массѣ къ тому, чтобы дать благодарную почву для воспріятія и развитія инфекціи. „Ослабленное и истощенное голодомъ населеніе представляетъ благопріятное поле для распространенія заразы". „Врачи — это естественные защитники бѣдныхъ, и соціальный вопросъ *въ значительной степени* относится къ ихъ юрисдикціи".)

Почти одновременно съ Вирховомъ Соломонъ Нейманъ въ своей кн. „Обществ. здравоохраненіе и собственность" высказалъ мнѣніе, что матеріальная *нужда* есть ужасная и плодородная причина болѣзней. („Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ онъ, что большая часть болѣзней, которыя не только нарушаютъ радость жизни, но и преждевременно губятъ значительную часть людей, зависитъ не отъ естественныхъ причинъ, а отъ искусственно созданныхъ „общественныхъ отношеній"; медицинская наука во внутренней своей сущности есть *соціальная наука*. На обязанности государства лежитъ защита здоровья тѣхъ, кто не имѣетъ другой собственности, кромѣ здоровья".)

Еще ранѣе нѣкоторыми авторами были высказаны такія же положенія. И хотя идеи, такъ ярко и опредѣленно высказанныя Вирховомъ, не нашли тогда подготовленной почвы для проведенія ихъ въ жизнь, въ виду того, что пролетаріатъ (наиболѣе заинтересованный въ этомъ классъ) не былъ еще достаточно силенъ для изъявленія своей воли, все же не было недостатка въ работахъ, подтверждающихъ высказанныя выше положенія.

Статистикъ *Кёрёзи* (Körösi) еще въ 80-хъ г.г. прошл. стол. придалъ этому вопросу своими изслѣдованіями значительную углубленность и точность; методъ его примѣненъ затѣмъ его послѣдователями въ Будапештѣ. Въ концѣ прошл. столѣтія и началѣ текущаго въ указанномъ направленіи было произведено очень много работъ, неизмѣнно показывавшихъ тѣснѣйшую зависимость санитарнаго состоянія населенія отъ степени его благосостоянія. Даже такое стихійное бѣдствіе, какъ Гамбургская холера въ 1892 г., разразившаяся вслѣдствіе зараженія городского водопровода, дала совершенно закономѣрно выраженную пониженную смертность для слоевъ населенія, отличавшихся высокой степенью благосостоянія. Такъ:

На каждую тысячу плательщиковъ налога: съ доходомъ:	заболѣло холерой:	умерло:
съ 800— 1.000 марокъ	114	62
„ 1.000— 2.000 „	100	55
„ 2.000— 3.500 „	47	27
„ 3.500— 5.000 „	40	22
„ 5.000—10.000 „	31	16
„ 10.000—25.000 „	18	10
„ 25.000—50.000 „	17	11
„ 50.000 и выше „	6	5

На междунар. конгрессѣ гигіены и демографіи въ Берлинѣ, въ 1907 г., извѣстный французскій статистикъ *Бертильонъ* представилъ данныя о смертности въ Парижѣ на 100.000 жителей каждаго возраста и въ различныхъ районахъ города, отличающихся по степени зажиточности населенія. Смертность грудныхъ младенцевъ въ очень богатомъ округѣ (Елисейскія поля) была въ среднемъ за 1901—1906 г.г.—90, въ то время какъ въ бѣдномъ округѣ она дала 213, для возраста 1—19 лѣтъ соотвѣтственныя цифры дали 4 и 11; для возраста 20—39 л. 4 и 12; для возраста 40—59 л. 10 и 25. Особенно большую цѣнность представляютъ опубликованныя въ 1911 г. изслѣдованія *Функа* (Funk) о смертности въ г. *Бременъ*. Приводимъ нѣкоторыя данныя изъ его сводной таблицы смертности на 100.000 живущихъ каждой группы, выпуская данныя о болѣзняхъ, приведшихъ къ смерти и раздѣленіе по поламъ:

Возрастъ:	Богатые:	Средніе:	Бѣдные:
Всѣ возрасты	73	107	193
0— 1 года	489	909	2.558
1— 5 лѣтъ	28	92	262
5—15 „	17	25	40
15—30 „	12	27	66
30—60 „	62	86	136
Св. 60 „	507	561	509

Въ Россіи, при всей трудности углубленія санит.-обслѣдовательскихъ работъ такого рода—все же имѣется достаточно данныхъ, показывающихъ колоссальную разницу санитарнаго состоянія разныхъ классовъ населенія. Такъ, напр., если принять за критерій благосостоянія сравнительную высоту квартирной платы, то для Петербурга (Роммъ) умирало отъ туберкулеза (передъ войной) на каждые 10.000 жителей, при квартирной платѣ на 1 чел.:

болѣе 100 руб.	25,0
70—100 „	29,0
50— 70 „	37,1
40— 50 „	42,1
30— 40 „	49,1
20 - 30 „	50,4
меньше 20 „	45,7

Даже въ крестьянской средѣ, гдѣ, казалось бы, условія жизни не представляютъ такихъ разительныхъ контрастовъ, какъ въ капиталистическомъ городѣ, замѣчается прямая связь между количествомъ земли и смертностью. Такъ, по наблюденію земской экономической статистики Воронежской губ., относящ. къ 1884—91 г.г. (*Щербина*), на 1.000 населенія было:

Хозяйства:	Смертность:	Больные:	Калѣки:
Безземельныя	34,1	9,7	39,1
имѣющ. на дворъ: до 5 дес.	35,0	5,8	17,8
5—15 „	33,2	4,2	14,7
15—25 „	28,6	3,2	11,5
свыше 25 „	26,2	2,5	8,3

Соціальное положеніе отдѣльныхъ группъ населенія опредѣляетъ самыя разнообразныя стороны ихъ быта и труда, отражающіяся, каждая сама по себѣ и въ общей совокупности, на со-

стояніи здоровья этихъ группъ. Зависимости здѣсь крайне сложны и разнообразны. Бѣдность есть суммарное опредѣленіе, за которымъ кроется комплексъ непосредственно дѣйствующихъ и вліяющихъ на здоровье причинъ, вызывающихъ самыя разнообразныя послѣдствія, отражающіяся въ цифрахъ повышенной смертности и заболѣваемости. Обнаруженіе этихъ детальныхъ факторовъ, на познаніи которыхъ только и можетъ базироваться система практическихъ соціально-гигіеническихъ мѣропріятій, представляетъ большую сложность и требуетъ углубленной изслѣдовательской методики.

С. г., имѣя конечной цѣлью изученіе и регулированіе явленій жизни и смерти, т.-е., явленій чисто біологическаго порядка, и не отрываясь поэтому отъ біологическихъ основъ медицины и ея экспериментальныхъ методовъ, вливается въ кругъ соціологическихъ наукъ, используетъ ихъ методъ (статистику) и широко примѣняетъ наряду съ этимъ методы біологическихъ наукъ (антропометрія, экспериментъ). Здѣсь пріобрѣтаетъ также опредѣленное мѣсто особаго рода *соціологическій экспериментъ* въ смыслѣ учета результатовъ и слѣдствій разнаго рода опытно-показательныхъ оздоровительныхъ мѣропріятій массоваго порядка.

Добытыя статистическимъ методомъ данныя показываютъ, что даже при наличіи самыхъ совершенныхъ достиженій санитарной техники, вытекающихъ изъ основъ экспериментальной гигіены и давшихъ рѣшительное оздоровленіе цѣлаго ряда странъ, въ послѣднихъ остается колоссальная несоразмѣрность въ использованіи гигіеническихъ благъ для разныхъ слоевъ населенія, при чемъ наименьшее оздоровляющее вліяніе сказывается какъ разъ на наиболѣе широкихъ слояхъ трудового населенія. А насколько преобладаютъ въ массѣ населенія бѣдные трудовые слои, можно судить по даннымъ прусской налоговой статистики (1910 г.), показавшей, что 42,84% населенія стоитъ даже ниже уровня платежной способности и не подлежитъ обложенію поимущественнымъ налогомъ, вслѣдствіе низкаго уровня ихъ доходности (ниже 900 марокъ въ годъ); изъ числа подлежащихъ обложенію лицъ около 89% имѣли доходъ ниже 3.000 марокъ. Подобныя соотношенія численности группъ населенія, разнящихся по ихъ имущественному положенію, свойственны всѣмъ капиталистическимъ странамъ. Отсюда ясна давно назрѣвшая потребность, чтобы попеченіе о бѣдныхъ, а въ сущности о подавляющемъ большинствѣ трудящихся, являлось не дѣломъ частной благотворительности, а представляло бы собой планомѣрно проводимую систему государственныхъ и коммунальныхъ мѣропріятій, составляющихъ содержаніе С. г. въ ея практическомъ примѣненіи къ жизни.

Вотъ почему С. г. есть, прежде всего и главнымъ образомъ, *гигіена обездоленныхъ* (*Кискальтъ*). *Какъ наука*, С. г., на основаніи изученія вліянія соціально-эконом., бытовыхъ и профессіон. условій на группы населенія и ихъ потомство, указываетъ тѣ пути, которые ведутъ къ устраненію вредныхъ вліяній и созданію условій, наиболѣе благопріятствующихъ здоровой жизни; какъ *практическая проблема* жизни, С. г. представляетъ собой совокупность мѣропріятій, осуществленіе которыхъ направлено къ фактическому устраненію вредныхъ условій и къ поднятію санитарнаго благосостоянія трудящихся массъ. Само собой понятно, что, съ измѣненіемъ общественныхъ отношеній, объемъ и характеръ этихъ мѣропріятій долженъ претерпѣвать измѣненія, такъ какъ измѣненія въ формахъ общественной жизни опредѣляютъ собой ослабленіе или усиленіе ея дисгармоній.

По внутреннему своему содержанію, какъ научно-обслѣдовательская, такъ и регулятивная соц.-гигіен. работа стремится охватить всѣ главнѣйшіе моменты жизни и стороны быта: рожденіе (*охрана материнства*), воспитаніе (*охрана дѣтства*), трудъ (*охрана труда*), питаніе и жилище (*пищевой и жилищный вопросы*), бракъ и потомство (*евгеника*), помощь въ болѣзняхъ (*организація медицинской помощи*), борьба съ условіями, создающими распространеніе болѣзней (*заразныя и соціальныя болѣзни*), укрѣпленіе организма (*физи-*

ческая культура), организація отдыха (*дома отдыха, курортное дѣло*).

Практическими пріемами регулированія этихъ сторонъ общественной жизни являются: 1) законодательство; 2) просвѣщеніе; 3) организація соц.-гигіен. учрежденій; 4) организація населенія; 5) надзоръ и инспекція; 6) изученіе, учетъ и контроль; 7) подготовка спеціалистовъ и дѣятелей (исполнителей разнаго рода соц.-гигіен. мѣропріятій).

Какъ уже сказано выше, представляетъ большую практическую важность и научный интересъ расшифровать дѣйствительное и наиболѣе опредѣленно выраженное значеніе каждаго изъ соціальныхъ факторовъ, входящихъ въ комплексъ явленій, опредѣляемыхъ понятіемъ бѣдность. Значеніе это часто затуманено и закрыто другими явленіями соціальнаго порядка или явленіями окружающей среды, зависящ., напр., отъ различій климата или расы, или такого обстоятельства, какъ возрастный составъ населенія. Послѣдній долженъ особенно приниматься во вниманіе при изученіи такого, напр., фактора, какъ профессія. Такъ, въ профессіи, гдѣ возрастный составъ работниковъ выше, и смертность можетъ оказаться выше, но не потому, что профессія особенно вредна, а потому, что старшій возрастъ вообще даетъ повышенную заболѣваемость и смертность (причина біологическая). Тѣмъ не менѣе, послѣдовательное накопленіе данныхъ и углубленіе изслѣдовательской методики даютъ достаточно указаній для того, чтобы выдѣлить вліяніе главнѣйшихъ факторовъ, воздѣйствующихъ на уровень здоровья необезпеченныхъ группъ населенія. Исходя отъ общихъ статистическихъ показателей, опредѣляющихъ уровень здоровья населенія путемъ учета смертности, рождаемости, прироста, заболѣваемости населенія и т. д. (см. *Заболѣваемость, Санитарія*), можно путемъ анализа ихъ выяснить основные факты, показывающіе: а) наиболѣе ранимыя возрастно-половыя группы населенія, б) относительное значеніе отдѣльныхъ формъ заболѣваній для всего населенія и отдѣльныхъ группъ его. Въ первомъ случаѣ нужно отмѣтить исключительно важное значеніе *дѣтскаго возраста* (особенно ранняго дѣтства) и во второмъ— значеніе т. н. *соціальныхъ болѣзней*.

Отдѣльныя возрастныя группы, въ силу ихъ біологическихъ особенностей и соціальной обстановки, различно реагируютъ на вредныя внѣшнія вліянія, различно болѣютъ. Такъ, грудныя дѣти наиболѣе нуждаются въ правильномъ уходѣ и питаніи, недочеты въ этомъ отношеніи зависятъ отъ некультурности матерей, ихъ бѣдности и профессіональной занятости, въ результатѣ—громадная дѣтская смертность, превышающая въ Россіи въ среднемъ одну четверть всѣхъ родившихся (въ Англіи она составляетъ лишь около 12% числа родившихся, въ Сѣверныхъ странахъ лишь около 7%). Въ возрастѣ 1—5 лѣтъ на первый планъ выступаетъ неприспособленность организма къ климатическимъ и метеорологическимъ вліяніямъ и бытовымъ условіямъ, чѣмъ вызывается повышеніе заболѣваемости органовъ дыханія и кожныхъ покрововъ. Въ возрастѣ 1—15 лѣтъ преимущественное значеніе имѣютъ заразныя дѣтскія болѣзни (скарлатина, дифтерія и др.), въ возрастѣ 15—20 лѣтъ начинаютъ выступать „соціальныя болѣзни"—туберкулезъ и венерическія. Рабочій возрастъ 20—40 лѣтъ характеризуется развитіемъ соціальныхъ и профессіональныхъ болѣзней; въ болѣе старшихъ группахъ примѣшиваются элементы увяданія и болѣзни, свойственные старческому возрасту.

Въ общей массѣ заболѣваній, поражающихъ населеніе страны, наибольшее значеніе съ соціальной точки зрѣнія имѣютъ, конечно, тѣ, которыя наносятъ ему наибольшій біологическій и экономическій ущербъ и наичаще служатъ причиной сокращенія жизни. Съ этой точки зрѣнія, въ согласіи съ опредѣленіемъ проф. Гротьяна (Grotjahn), можно установить слѣдующіе признаки соціальныхъ болѣзней: 1) частота (для состоянія народнаго здоровья рѣдкіе случаи, хотя бы и очень тяжелыхъ заболѣваній, не имѣютъ большого значенія); 2) причинная связь съ соціальными условіями (которыя не только создаютъ предрасположеніе къ болѣзни, но и опредѣляютъ теченіе и исходъ ея); 3) зависимость отъ вліянія

соціальныхъ мѣропріятій экономическаго и гигіеническаго характера.

Обычно подъ названіемъ „*соціальныя болѣзни*" подразумѣваютъ главныя три формы: туберкулезъ, алкоголизмъ и сифилисъ. Съ отмѣченной выше точки зрѣнія сюда нужно отнести гораздо болѣе широкій кругъ заболѣваній, а именно: прежде всего заразныя болѣзни, паразитарныя болѣзни, собственно соціальныя болѣзни (выше упомянутые сифилисъ, туберкулезъ и алкоголизмъ), нервныя и душевныя заболѣванія, а также профессіональныя болѣзни. Всѣ эти формы можно считать устранимыми при посредствѣ широкихъ соціальныхъ реформъ и мѣропріятій. Между тѣмъ, въ Россіи, при крайне недостаточномъ обращеніи крестьянства къ медицинской помощи, однѣхъ только заразныхъ болѣзней въ 1914 г. зарегистрировано 11.843.088 случаевъ, паразитарныхъ — 7.277.577. Въ общемъ, около 23.000.000 случаевъ, или 25% всей массы заболѣваній, связаны не съ біологическими особенностями организма, а съ соціально-экономическимъ и бытовымъ укладомъ страны (*Сысинъ*). Сюда же слѣдуетъ добавить профессіональныя болѣзни и кишечно-желудочныя заболѣванія грудныхъ дѣтей; послѣднія даютъ громадную смертность ихъ, опредѣляемую милліонами напрасно потраченныхъ жизней; эта смертность ведетъ за собой другое явленіе крупнаго соц.-гигіен. значенія — именно высокую рождаемость, которая, съ одной стороны, какъ бы компенсируетъ уронъ и даетъ условія естественнаго отбора въ смыслѣ выживанія наиболѣе крѣпкихъ, съ другой, безъ нужды истощаетъ женское населеніе страны, переносящее всѣ тяготы, опасности и страданія, связанныя съ дѣторожденіемъ, лишь для того, чтобы дать жатву смерти.

Переходя къ сжатому очерку соц.-гигіен. мѣропріятій Совѣтской Россіи, считаемъ нужнымъ оговориться, что не ставимъ себѣ задачей исчерпывающее изложеніе всей ихъ совокупности, ограничиваемся лишь нѣсколькими типичными образцами для обрисовки ихъ общихъ основаній и общихъ тенденцій. Придерживаемся приведенной выше схемы дѣленія с.-г. мѣропріятій:

I. *Дѣтская смертность. Охрана материнства.* Дѣтская смертность (% умершихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 0—1 г. къ числу родившихся за годъ), зависящая отъ біологической слабости и особенной „легкоранимости" организма въ этомъ возрастѣ — увеличивается или уменьшается въ прямой зависимости отъ такихъ соціальныхъ факторовъ, какъ условія быта, профессія родителей, благосостояніе ихъ, жилищныя условія и т. д. Въ Россіи она выше, чѣмъ въ какой бы то ни было европейской странѣ. За періодъ 1901—1905 г. въ Россіи она была равна приблизительно — 25,3%, въ то время, какъ въ другихъ странахъ составляла:

Австрія	21,3	Бельгія	14 8
Венгрія	21,2	Франція	13,9
Германія	19,9	Англія	13,8
Испанія	17,3	Швейцарія	13,4
Италія	16,7	Швеція	9,2
Сербія	14,9	Норвегія	8,1

Средняя цифра годовой смертности для цѣлой страны, конечно, скрываетъ за собой большія отклоненія въ ту и другую сторону по отдѣльнымъ районамъ. Установлено, напримѣръ, что по территоріи Россіи дѣтская смертность постепенно повышается по направленію къ востоку (въ Пермской губ. отмѣчена смертность до 48%, а по отдѣльнымъ уѣздамъ еще выше). Но если приведенныя выше цифры констатируютъ разницу средней для смертности въ предѣлахъ отъ 25 до 8, т.-е. въ три слишкомъ раза, между отдѣльными странами, то еще болѣе разительна она въ предѣлахъ одного и того же города у различныхъ группъ населенія, отличающихся имущественнымъ и профессіон. положеніемъ. Такъ, въ Лондонѣ, въ одномъ изъ округовъ, въ 1901 г., въ квартирахъ съ различнымъ числомъ комнатъ наблюдалась слѣд. разница въ напряженіи дѣтской смертности:

Число комнатъ въ квартирѣ.	Число обслѣдован. квартиръ.	% дѣтской смертности.
1	14.516	21,9
2	31.482	15,7
3	22.180	14,1
4	33.785	9,2
больше 4	1.000	3,7

Число комнатъ въ квартирѣ здѣсь, конечно, прежде всего есть показатель благосостоянія.

Подобныя же данныя приводитъ Нейманъ для Берлина. Смертность соста-

вляла въ квартирахъ, имѣющихъ кромѣ кухни:

1—2 комнаты	17,7%
3 „	12,7%
4 „	7,2%

Занятость матерей профессіональной работой приводитъ къ весьма чувствительнымъ результатамъ: по даннымъ Вигдорчика, по анкетѣ среди петроградскихъ рабочихъ въ семьяхъ, гдѣ мать занималась домашнимъ хозяйствомъ, смертность была 19,5%, въ семьяхъ, гдѣ мать была занята наемнымъ трудомъ—25,9%. Въ г. Галле (1901 г.) дѣтская смертность въ семьяхъ лицъ, занятыхъ различными профессіями, была:

у чернорабочихъ	24,1
„ квалифицир. рабочихъ	18,1
„ купцовъ, фабрик., помѣщик.	12,4
„ лицъ свободн. проф.	4,3

Ближайшей причиной смерти грудныхъ младенцевъ являются желудочно-кишечныя заболѣванія, возникающія на почвѣ неправильнаго питанія и, прежде всего, на почвѣ отсутствія единственно правильнаго для ребенка *грудного* вскармливанія. По даннымъ того же Неймана смертность дѣтей, вскармливаемыхъ правильно грудью, въ 4 раза меньше, чѣмъ дѣтей искусственно вскармливаемыхъ—даже въ бѣдныхъ семьяхъ. По обслѣдованію Криге и Зейтемана смертность дѣтей въ семьяхъ съ доходомъ ниже 1.500 марокъ была: вскармливаемыхъ грудью—7,3%, вскармливаемыхъ искусственно—31,6%; у семей съ доходомъ болѣе 1.500 марокъ: первыхъ—4%, вторыхъ—12,5%.

Это, несомнѣнно, и служитъ ближайшей причиной того явленія, что въ Россіи смертность дѣтей въ фабричныхъ районахъ еще выше, чѣмъ въ сельскихъ (обслѣдованія д-ра Н. С. Вегера, Н. Письменного, А. В. Смирнова). Лишеніе грудного молока матери не остается безразличнымъ и для тѣхъ дѣтей, которыхъ вылѣчиваютъ: развитіе ихъ идетъ неправильно, устойчивость и сопротивленіе болѣзнямъ ослаблены; рахитъ несравненно чаще поражаетъ дѣтей, вскармливаемыхъ искусственно. Даже пригодность къ военной службѣ по нѣкоторымъ обслѣдованіямъ стоитъ въ зависимости отъ способа вскармливанія. Къ этимъ фактамъ нужно добавить еще и то, что и частота смерти дѣтей въ утробѣ матери (выкидыши) стоитъ въ зависимости отъ *соціальнаго положенія матери*. По даннымъ Дрезденской выставки (1911 г.) число выкидышей и преждевременныхъ родовъ въ рабочей средѣ составляло 17,89% всѣхъ случаевъ беременности, а въ зажиточныхъ семьяхъ—9,17%; число мертворожденныхъ въ состоятельныхъ кругахъ равнялось 9,85% всѣхъ зачатій, а въ рабочихъ семьяхъ —32,87%, т.-е. въ 3 раза больше.

Какая же цѣпь мѣропріятій отвѣчаетъ цѣлямъ борьбы съ указанными выше явленіями? Прежде всего, конечно, законодательная нормировка труда женщины. Кодексомъ законовъ о трудѣ въ РСФСР предусмотрѣно обязательное освобожденіе беременной женщины съ сохраненіемъ содержанія за 8 недѣль (для занятыхъ умственнымъ трудомъ—6 недѣль) до родовъ и столько же послѣ родовъ; послѣ этого—получасовые перерывы въ работѣ черезъ $3^1/_2$ часа для кормленія ребенка; запрещеніе ночныхъ работъ и рядъ другихъ облегченій и привилегій.

Учрежденія для грудныхъ дѣтей дѣлятся на 2 типа:—открытыя (ясли для дѣтей, консультаціи съ молочными кухнями) и закрытыя (домъ матери и ребенка, домъ младенца, домъ ребенка, дѣтскій домъ). Первый типъ учрежденій отвѣчаетъ потребности—сохранить физіологическую связь матери съ ребенкомъ (приносящая сюда ребенка мать можетъ кормить его грудью); вторыя имѣютъ значеніе для дѣтей-сиротъ и для случаевъ особыхъ спеціальныхъ показаній по отношенію къ беременнымъ женщинамъ. Общее число учрежденій къ началу 1922 г. по РСФСР значилось: яслей—717, домовъ ребенка—797, домовъ матери и ребенка—169, консультацій для матерей—155.

Всѣ эти учрежденія служатъ также и цѣлямъ воспитанія матерей—въ смыслѣ обученія ихъ пріемамъ ухода за дѣтьми. Въ качествѣ особо проводимыхъ просвѣтительныхъ мѣръ нужно назвать лекціи, чтенія, распространеніе листовокъ, брошюръ, кар-

тинъ и плакатовъ, устройство выставокъ по уходу за ребенкомъ, такова, напр., центральная выставка по охранѣ здоровья дѣтей въ Москвѣ, откр. въ 1922 г.

Особо трудную и сложную задачу представляетъ проведеніе с.-г. мѣропріятій по охранѣ материнства и младенчества въ деревнѣ. Здѣсь организующимъ и направляющимъ центромъ является участковая лѣчебница, которая все болѣе и болѣе втягивается въ профилактическую работу.

II. Охрана здоровья дѣтей и подростковъ. Физическая культура. Непосредственно примыкающая къ предыдущей—задача воспитанія здороваго поколѣнія—есть дѣло органовъ народн. просвѣщ., но соц.-гигіен. проблемы настолько неотдѣлимы отъ этого дѣла, что поступательное развитіе его немыслимо безъ участія врачей. Основаніемъ для соц.-гигіен. вмѣшательства здѣсь служитъ не только то обстоятельство, что дѣтскій организмъ, еще неокрѣпшій и неустойчивый, легко поддается вліяніямъ внѣшней среды и легко подвергается заболѣваніямъ, требующимъ помощи врача, но и то обстоятельство, что процессъ роста и развитія какъ физическаго, такъ и психическаго—есть процессъ біологическій, и правильное регулированіе его со стороны педагоговъ, не основанное на глубокомъ знакомствѣ съ біологіей, совершенно немыслимо. Между тѣмъ, старая педагогическая школа далека отъ такого пониманія вещей; съ пережиткомъ этого явленія придется считаться такъ долго, пока на смѣну прежнимъ педагогамъ не придутъ совершенно новыя силы—педологи. *Педологія*—это наука о психо-физіологическихъ особенностяхъ дѣтскаго организма и законахъ его развитія, разсматривающая вопросъ о развитіи тѣла и духа съ монистической точки зрѣнія—именно физіологической (см. *Воспитаніе*). Всестороннее гармоническое развитіе личности—это гармонія тѣла и духа; оно возможно только при всестороннемъ развитіи всѣхъ органовъ—какъ нервно-психическаго аппарата, такъ и органовъ движенія, сердца, легкихъ и т. д.; это развитіе правильно происходитъ лишь при правильной дозировкѣ упражненія и отдыха. Сюда привходитъ и задача—достигнуть наиболѣе полныхъ и лучшихъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія личности при наименьшей затратѣ средствъ и силъ, какъ со стороны дѣтскаго населенія, подлежащаго воспитанію, такъ и со стороны органовъ, берущихъ на себя эту задачу.

Если принять во вниманіе, что новое строительство жизни базируетъ свои планы на будущее на подготовкѣ членовъ трудового коллектива путемъ соотвѣтствующаго воспитанія подрастающихъ поколѣній, и что въ связи съ этимъ все большее и большее значеніе пріобрѣтаютъ пріемы группового обществ. воспитанія передъ индивидуальнымъ, то станетъ яснымъ, что вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно измѣнились функціи школьно-санитарнаго надзора, имѣвшаго ранѣе задачей только наблюденіе за внѣшними условіями школьнаго труда и за состояніемъ физическаго здоровья дѣтей, не вмѣшиваясь въ вопросы воспитанія. Теперь врачъ—педологъ, въ качествѣ школьно-санитарнаго врача, напротивъ, призванъ выступать въ роли наблюдателя и контролера дѣла психо-физическаго развитія ребенка и въ роли руководителя въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, уклоняющихся отъ нормы.

Особыя дѣтскія учрежденія не только чисто воспитательнаго значенія, но и соціально-гигіеническаго—предназначены теперь для изученія объективными методами уровня здоровья дѣтей: это школьныя амбулаторіи и врачебно-педологическіе кабинеты, производящіе квалифицированные осмотры и антропометрическія изслѣдованія; ихъ имѣлось въ 1923 г. въ РСФСР 165. Кромѣ нихъ нужно указать еще на слѣдующія учрежденія: діэтетическія столовыя для дѣтей съ ослабленнымъ питаніемъ (открыто 22), учрежденія по физической культурѣ: институты физической культуры—высшія научно-учебныя заведенія (4); дома физической культуры — организующіе центры (13); курсы физическаго образованія (12); учрежденія для борьбы съ дѣтскимъ туберкулезомъ, кожными и венерическими болѣзнями у дѣтей—

диспансеры, лѣсныя школы, колоніи, дома для кожныхъ и венериковъ (240); учрежденія для дефективныхъ дѣтей (врачебно-наблюдательные пункты, лѣчебно-воспитательныя колоніи, учрежденія для умственно дефективныхъ), учрежденія для психически больныхъ, учрежденія для глухонѣмыхъ, учрежденія для слѣпыхъ (355).

Высшимъ научно-учебнымъ учрежденіемъ, готовящимъ педологовъ, является Медико-Педологическій Институтъ въ Москвѣ. Для подготовки врачей-педологовъ имѣется особое отдѣление при Институтѣ Физической Культуры Наркомздрава.

Весьма важное соц.-гиг. значеніе имѣетъ дѣятельность по *оздоровленію труда подростковъ*. Глубокое вліяніе соціальнаго положенія на здоровье населенія — проявляется на дѣтскомъ населеніи всѣхъ возрастовъ. Имѣются большія обслѣдованія, показывающія на высокую заболѣваемость, усиленное вымираніе и пониженіе физическаго развитія дѣтей трудового населенія — дѣтей фабрично-заводскихъ центровъ и городскихъ пригородовъ. Въ особенно сильной степени приложимо это къ тому возрасту, когда человѣкъ начинаетъ выступать въ качествѣ участника въ производствѣ. Неокрѣпшій организмъ ребенка и подростка очень сильно реагируетъ на вліяніе профессіональнаго труда (см. *Санитарія промышленная*). Это вліяніе сказывается на ихъ физическомъ развитіи и на состояніи здоровья на всю послѣдующую жизнь, при чемъ многочисленными обслѣдованіями и въ Россіи и за границей установленъ тотъ фактъ, что дѣти, занятыя промышленнымъ трудомъ, отстаютъ отъ своихъ сверстниковъ не только въ физическомъ развитіи (ростъ, обхватъ груди, вѣсъ, сила мышцъ, питаніе), но и въ психическомъ отношеніи. Проводя большую часть своего времени на фабрикѣ, подростокъ не только переутомляется, подвергается дѣйствію разнаго рода вредностей, но и теряетъ то время, которое должно было бы итти на обогащеніе его знаній въ школѣ. Въ результатѣ—не только ослабленіе организма, но и умственная отсталость.

Охрана труда дѣтей и подростковъ всегда ставилась на первомъ планѣ во всѣхъ странахъ, приступавшихъ къ государственой охранѣ труда. Но мѣры эти весьма долго оставались половинчатыми: слишкомъ выгодна была эксплоатація дѣтскаго труда. Только развитіе рабочаго движенія обусловл. болѣе или менѣе существ. сдвиги въ смыслѣ улучшенія положенія дѣтскаго труда. Въ Россіи до революціи закономъ была запрещена фабричная работа дѣтей до 12 лѣтъ и ограничена 8-ю час. работа подростковъ; на самомъ дѣлѣ эти правила часто нарушались, вслѣдствіе отсутствія правильной инспекціи. Между тѣмъ, число офиціально учитываемыхъ дѣтей рабочихъ даже въ однихъ только среднихъ и крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ было значительно:

		Малолѣтнихъ.	Подростковъ.
1904 г.	муж.	16.363	97.479
	жен.	11.728	61.298
1914 г.	муж.	17.446	105.285
	жен.	17.881	71.308

Въ процентномъ отношеніи къ числу рабочихъ это составляетъ для 1914 г. около 11% всего числа; во время войны оно возросло до 14%; по даннымъ на 1 іюля 1922 г. оно равнялось 5,4% общаго числа рабочихъ. Юношескій возрастъ представляетъ, кромѣ описаннаго, еще и другія опасности: заболѣванія венерическими болѣзнями и алкоголизмъ.

Отмѣченныя особенности этого возрастнаго періода указываютъ и главнѣйшіе пути соц.-гигіен. мѣропріятій. Въ РСФСР въ законодательномъ порядкѣ запрещенъ пріемъ на работу малолѣтнихъ, не достигшихъ 14 лѣтъ (за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ); для малолѣтнихъ до 16 лѣтъ рабочій день сокращенъ до 4 час., для подростковъ до 18 лѣтъ—до 6 час.; удлиненъ ежегодный отпускъ до 1 мѣсяца; запрещены сверхурочныя и ночныя работы и работы особо-вредныя. Кромѣ законодательной охраны труда принимаются мѣры къ проведенію въ среду подростковъ физической культуры (*см.*), какъ мѣры, долженствующей не только содѣйствовать укрѣпленію организма, но и парализовать вредныя вліянія фабрично-заводского труда. Съ этою

цѣлью институтами физической культуры разрабатываются методы примѣненія ея, въ зависимости отъ особенностей производства; это т. наз. исправляющія упражненія (напр., гимнастика легкихъ при профессіяхъ, связанныхъ съ вдыханіемъ пыли, упражненія конечностей, при профессіяхъ, связанныхъ съ согнутымъ положеніемъ тѣла при работѣ, какъ у портныхъ, сапожниковъ и т. д.

III. Охрана труда взрослыхъ. Трудъ, съ біологической точки зрѣнія, необходимъ для организма, т. к. бездѣятельное состояніе органовъ ведетъ къ ихъ атрофіи и къ ослабленію здоровья. Но трудъ при раздѣленіи общества на классы является предметомъ жестокой эксплуатаціи и совершенно неравномѣрно ложится на разные классы. При современныхъ условіяхъ профессія опредѣляетъ всѣ стороны быта и труда человѣка—напряженность труда, условія его приложенія, подверженность дѣйствію профессіональныхъ вредностей (яды, пары, пыль), рискъ травматическихъ поврежденій, условія жилища и питанія, возможность удовлетворенія культурныхъ потребностей и потребностей личной гигіены и лѣченія. Всѣ эти обстоятельства ведутъ за собой опредѣленныя послѣдствія для здоровья трудового населенія, выражающіяся въ повышенной общей и профессіональной заболѣваемости, калѣчности и повышенной смертности (см. *Профессіональныя болѣзни*). Законодательная охрана труда (см. *Рабочее законодательство*) на Западѣ есть показатель соотношенія борющихся силъ, такъ какъ только подъ натискомъ организованныхъ рабочихъ правительства капиталистическихъ странъ проводили въ жизнь эту нормировку. Исторія русскаго рабочаго законодательства до 1917 г. особенно ярко это показываетъ: каждый этапъ его имѣетъ за собой опредѣленный этапъ въ развитіи рабочаго движенія. Въ Совѣтской Россіи, переживающей переходный періодъ строительства, сохраняютъ еще мѣсто многія дисгармоніи капиталистическаго строя, но въ задачахъ и постановкѣ охраны труда имѣются глубокія и коренныя отличія отъ капиталистическихъ странъ. Съ принципіальной стороны русское законодательство по труду можно разсматривать, какъ самоограниченіе рабочаго класса во имя интересовъ цѣлаго въ цѣляхъ поднятія продуктивности производства, но съ проведеніемъ максимальной программы защиты трудящихся, формулированной (но не достигнутой) рабочимъ движеніемъ Запада.

29 октября 1917 г. (на 4-й день послѣ Октябрьской Революціи) въ законодательномъ порядкѣ былъ закрѣпленъ для всѣхъ лицъ наемнаго труда, независимо отъ размѣра и характера производства и формъ найма, 8-часовой рабочій день; болѣе сокращенный рабочій день (7 и 6 час.) введенъ постановленіемъ НК труда въ отрасляхъ промышленности, отличающихся особой вредностью (табачное, газовое производство и т. п.), а также для отдѣльныхъ категорій работъ въ другихъ производствахъ, напр., въ точильныхъ отдѣленіяхъ фарфоро-фаянсоваго производства, для лицъ, занятыхъ чисткой котловъ и т. д. Рабочій день для лицъ, занятыхъ умственнымъ и конторскимъ трудомъ, установленъ 6-часовой. Специальными правилами урегулированъ вопросъ о сверхурочныхъ работахъ. Главнѣйшія нормы и требованія охраны труда сведены въ Кодексѣ законовъ о трудѣ (1922 г.). Въ надзорѣ за правильностью выполненія законовъ, охраняющихъ трудъ, нужно отмѣтить двѣ особенности: 1) онъ распространяется рѣшительно на всѣ категоріи трудящихся, служащихъ по найму, 2) во главѣ его стоятъ лица, избранныя самими трудящимися; *инспектора труда* избираются на опредѣленный срокъ совѣтами профессіон. союзовъ и утверждаются Нар. Ком. труда. Практика показала, что на должности этихъ инспекторовъ труда въ 70% избираются рабочіе и въ остальныхъ случаяхъ пользующіеся довѣріемъ рабочихъ служащіе и лица свободныхъ профессій. Неся на себѣ всю отвѣтственность за постановку надзора и за всю организаціонную сторону дѣла, лица эти въ большинствѣ случаевъ не могутъ обладать достаточной технической и санитарной подготовкой для оцѣнки вопросовъ технической безопасности и гигіенической обстановки

труда. Поэтому въ составъ инспекціи введены еще техническіе инспектора труда (инженеры) и санитарные инспектора (врачи). На долю послѣднихъ и выпадаетъ главная работа не только по надзору за санитарнымъ состояніемъ фабрикъ и заводовъ, какъ мѣстъ приложенія труда, но и организаціонная роль въ дѣлѣ проведенія соц.-гиг. мѣропріятій, а также изученіе профессіональныхъ вредностей и выработка мѣръ для ихъ устраненія. Изученіе это въ Россіи ведется въ настоящее время въ довольно широкихъ предѣлахъ и направлено, какъ на обслѣдованіе здоровья рабочихъ, такъ и на изученіе процессовъ производства и связанныхъ съ ними вредностей, съ одной стороны, и реакціи организма рабочаго, физіологіи труда и патологическихъ явленій, вызываемыхъ въ организмѣ трудомъ и его условіями—съ другой. Изъ новыхъ учрежденій, возникшихъ для указанныхъ выше цѣлей, нужно отмѣтить: институты труда въ нѣкоторыхъ городахъ и институтъ по изученію профессіональныхъ вредностей въ Москвѣ.

Численный составъ инспекціи труда непрерывно растетъ: число фактически работавшихъ инспекторовъ труда было въ концѣ 1918 г.—177, въ 1922 г.—1.150; число санитарныхъ инспекторовъ возросло съ 17 въ 1917 г. до 291 въ концѣ 1921 г.; число техническихъ инспекторовъ — со 100 возросло до 200 (техническая инспекція до революціи подъ наименованіемъ „фабричной инспекціи“ несла и нѣкоторыя функціи инспекторовъ труда).

Большое соц.-гигіенич. значеніе имѣетъ *соціальное страхованіе* (*см.*) трудящихся. Въ Россіи до Октябрьской Революціи имѣлись лишь очень робкія попытки этого дѣла, не отвѣчавшія ни практическимъ требованіямъ жизни, ни принципіальной сущности этого мѣропріятія, какъ мѣропріятія по охранѣ труда. Въ то время, какъ въ сосѣдней Германіи институтъ этотъ имѣетъ болѣе чѣмъ сорокалѣтнюю давность (съ 1882 г.)—въ Россіи, если не считать закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, не имѣвшаго въ основѣ страхового принципа, законъ о больничныхъ кассахъ появился лишь въ 1912 г., но былъ весьма несовершеннымъ. Послѣ Февральской и особенно послѣ Октябрьской Революціи 1917 г. законодательство о соціальномъ страхованіи сдѣлало быстрые шаги.

По Кодексу законовъ о трудѣ 1922 г. Соц. страхов. распространяется на всѣхъ лицъ наемнаго труда, независимо отъ того, зачяты они въ государственныхъ общественныхъ, кооперативныхъ, концессіонныхъ, смѣшанныхъ или частныхъ предпріятіяхъ, учрежденіяхъ, хозяйствахъ, или у частныхъ лицъ, независимо отъ характера или длительности ихъ работы и способовъ расплаты съ ними (ст. 175). На 1/XI—1923 г. всѣхъ застрахованныхъ было 5.200.000 (безъ членовъ семьи); изъ нихъ на РСФСР приходилось 3.375.000, на Украину—770.000, на Закавказье—122.000, на Бѣлоруссію—42.000 и на транспортъ—900.000.

Соц. страх. охватываетъ собою: а) оказаніе лѣчебной помощи, б) выдачу пособій при временной утратѣ трудоспособности (болѣзнь, увѣчье, карантинъ, беременность, роды, уходъ за больнымъ членомъ семьи), в) выдачу дополнительныхъ пособій (на кормленіе ребенка, предметы ухода, погребеніе), г) выдачу пособій при безработицѣ, д) выдачу пособій членамъ семействъ трудящихся по найму, въ случаѣ смерти или абсолютнаго отсутствія ихъ кормильца, е) выдачу пособій при инвалидности.

Для проведенія соціальнаго страхованія установлены страховые взносы въ процентномъ отношеніи къ заработной платѣ, которые выплачиваются исключительно работодателемъ безъ права переложенія какой бы то ни было части этого расхода на страхуемаго. Въ Германіи и до настоящаго времени $^2/_3$ страховыхъ платежей въ больничныя кассы взимается съ рабочихъ и лишь $^1/_3$—съ предпринимателей; при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ страхуемые взносовъ не дѣлаютъ, но зато не имѣютъ и представительства въ страховыхъ товариществахъ этого вида (въ больничн. кассахъ установлено представительство сторонъ пропорціонально взносамъ). Въ Совѣтской Россіи институтъ страхованія не

имѣетъ того соціально-политич. значенія, какъ на Западѣ, а осуществляетъ, гл. обр., техническія функціи. Управленіе кассами слагается изъ слѣд. аппаратовъ: а) центральное управленіе, б) губ. управленіе, в) кассы соціальнаго страхованія, кот. являются первичной страховой ячейкой районной или общегородской. Дѣлами кассы управляетъ комитетъ, избираемый на собраніи представителей профсоюзовъ. На 1/XI—23 г. существовало 791 территоріальн. кассъ и 276 транспортныхъ. Денежныя средства, поступающія на соціальное страхованіе—образуютъ фонды: а) операціонные и б) всероссійскій запасный. Оперативные фонды въ свою очередь дѣлятся на: фондъ А—на случай временной нетрудоспособности; фондъ Б—инвалидности, вдовства и сиротства; фондъ В—безработицы и Г—на лѣчебную помощь застрахованнымъ. Въ декабрѣ 1923 г. пособія по А составили 92,8% зар. платы застрахованнаго, поднявшись съ 65,9% въ январѣ того же года; пенсіи по I разр. инвалид. (Б) въ янв. 23 г. равнялись 32,5% бюджетнаго набора, а въ декабрѣ—70,5%, пособія безработнымъ I группы—22,6% бюджетн. набора въ янв. и 55,5% въ дек. 1923 г. Въ февр. 1924 г. НК труда повысилъ полную пенсію инвалидности съ 70% до 90% бюджет. набора.

Лѣчебная помощь застрахованнымъ въ общеорганизаціонномъ планѣ не выдѣлена въ обособленную организацію и въ практической своей части объединена съ общими задачами совѣтской медицины; при этомъ, однако, внутри органовъ, вѣдающихъ медицинское дѣло въ странѣ, выдѣлены особые аппараты, организующіе помощь рабочимъ, а въ крупныхъ фабричныхъ центрахъ выдѣлены и особыя лѣчебницы для рабочихъ.

IV. Организація медицинскаго дѣла и борьбы съ соціальными болѣзнями въ Россіи имѣетъ свою оригинальную, значительно отличающуюся отъ другихъ европейскихъ странъ, исторію. При всемъ громадномъ развитіи успѣховъ научной медицины и медицинскаго дѣла на Западѣ—тамъ главенствующей формой медицинской помощи является *частная практика врачей*, которую можно охарактеризовать, какъ „налогъ на болѣзнь", т. к. человѣкъ, не имѣя надобности производить расходы на мед. помощь до тѣхъ поръ, пока онъ не заболѣетъ, становится плательщикомъ именно тогда, когда болѣзнь лишаетъ его заработка.

Организація страхового дѣла въ Германіи измѣнила въ корнѣ взаимоотношенія больного и врача, но она касается лишь части населенія, входящей въ категорію застрахованныхъ (въ Германіи въ послѣднемъ довоенномъ году, 1914, было около 15,6 милл. застрахованныхъ). Въ Россіи уже со времени введенія земскихъ учрежденій начала развиваться т. наз. *общественная или земская медицина*, основанная на лозунгѣ—„безплатность и доступность врачебной помощи" (см. *Врачебная помощь*). Частная практика врачей являлась удѣломъ городовъ—вся многомилліонная сельская Русь въ 34 земскихъ губерніяхъ дѣлилась на земскіе врачебные (иногда фельдшерскіе) участки, съ лѣчебницами въ центрѣ. Развитіе этой земской участковой сѣти, въ смыслѣ улучшенія постановки дѣла, увеличенія персонала и уменьшенія радіуса участковъ, совершалось чрезвычайно медленно, въ силу общей бѣдности страны и вслѣдствіе того, что распорядителями ея были помѣщики и дворяне, чрезвычайно мало заинтересованные въ вопросѣ объ обезпеченіи медицинской помощью крестьянскихъ массъ. Картина медицинскаго дѣла въ странѣ была чрезвычайно пестрая—въ зависимости частью отъ существенныхъ различій въ экономическомъ положеніи различныхъ районовъ (земскія нужды, въ томъ числѣ и медицинскія, удовлетворялись исключительно за счетъ мѣстныхъ налоговъ), частью въ зависимости отъ случайнаго, большаго или меньшаго преобладанія реакціонныхъ или либеральныхъ теченій среди мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Въ общемъ развитіе этой сѣти для 24 земскихъ губерній, вошедшихъ въ районъ РСФСР. — характеризуется для 1913 г. слѣд. цифрами: количество населенія—87.083.663, въ т. ч. городского населенія—11.201.265; число

врачебныхъ участковъ—2.518, число самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ—3.051, число жителей на 1 врачебный участокъ—30.138, площадь его—3.465 кв. верстъ, радіусъ—32,2 в. Таковы среднія цифры; въ отдѣльныхъ мѣстахъ дѣло обстояло значительно хуже, въ другихъ лучше (такъ, въ Московск. губ. радіусъ приближался къ 8 верстамъ, а число жителей на 1 участокъ къ 10.000). Земской медициной, конечно, не исчерпывалось медицинское дѣло страны, но насколько большое относительно значеніе ей принадлежало можно судить по тому, что изъ общаго медицинскаго бюджета страны на нее падало 48,9%, тогда какъ на правительственные расходы лишь 10,9% и на долю городскихъ самоуправленій—22%.

Наряду съ „общественной" существовала еще т.н. „фабричная медицина", возникшая сначала какъ временный институтъ послѣ холерной эпидеміи 1875 г., въ силу особаго, изданн. комитетомъ министровъ положенія, не придававшаго никакой нормировки этому дѣлу и очень мало повліявшаго на его развитіе и упорядоченіе; но помощь эта или совсѣмъ отсутствовала или была фиктивной. Даже послѣ 40 лѣтъ ея существованія, послѣ Революціи 1905 г., врачебная помощь имѣлась только въ 38% предпріятій и изъ нихъ въ 20%—только амбулаторный пріемъ. Но и тутъ во многихъ случаяхъ помощь была фиктивной, и только 44% рабочихъ пользовались сравнительно удовлетворительной помощью. Въ виду этого, въ послѣдніе годы передъ войной среди земскихъ и городскихъ дѣятелей создалось движеніе въ пользу передачи фабричной медицины въ вѣдѣніе земства; но этому воспротивились не только правительство и фабриканты, но и сами рабочіе, не довѣрявшіе цензовому земству и требовавшіе передачи дѣла ихъ медицинскаго обслуживанія въ руки больничныхъ кассъ, которыя были образованы по закону 1912 г. По этому закону устройство больничныхъ кассъ распространилось лишь на $^1/_4$ рабочихъ, и роль кассъ ограничивалась задачами выдачи пособій заболѣвшимъ. Законъ этотъ одновременно освободилъ фабрикантовъ отъ обязанности коечнаго лѣченія рабочихъ тѣмъ, въ сущности, ухудшивъ ихъ положеніе, и предоставилъ кассамъ право обезпеченія медицинской помощью семей застрахованныхъ. Кассы развили лихорадочную дѣятельность и во многихъ мѣстахъ положили начало страховой медицинѣ, принявъ на себя дѣло медицинской помощи по соглашенію съ работодателями. Дѣятельность эта нѣсколько оживилась послѣ Февральской революціи, когда Временнымъ правительствомъ (законъ 25/VI 1917 г.) было предоставлено больничнымъ кассамъ право брать на себя организацію мед. помощи застрахованнымъ, и опредѣленъ для фабрикантовъ максимальный размѣръ взносовъ въ 2% къ заработной платѣ (крайне недостаточный для организаціи дѣла). Законъ этотъ оставилъ внѣ круга страхуемыхъ большія категоріи трудящихся (торговопромышл. служащіе, прислуга, желѣзнодорожники, сельскохоз. рабочіе), не освободилъ рабочихъ отъ бремени расхода и далъ имъ мало вліянія въ органахъ управленія. Послѣ Октября 1917 г. работа больничныхъ кассъ пошла полнымъ ходомъ, когда декретомъ 23 декабря страховое дѣло распространено на всѣ категоріи лицъ, служащихъ по найму, а 31 декабря больничнымъ кассамъ были переданы всѣ фабрично-заводскія лѣчебныя учрежденія. Однако, по мѣрѣ развитія соціалистическаго строительства—послѣ національзаціи всей частной промышленности и введенія трудовой повинности, почва изъ подъ больничныхъ кассъ и всей медицинской страховой организаціи, какъ органовъ защиты рабочаго класса при капиталистическихъ отношеніяхъ, все болѣе и болѣе ускользала. Положеніе о соціальномъ обезпеченіи трудящихся 31 октября 1918 г. превращаетъ соціальное страхованіе въ *соціальное обезпеченіе*. Это привело къ передачѣ медицинскаго дѣла въ вѣдѣніе *Нар. Комиссаріата Здравоохраненія*, учрежденнаго 21 іюля 1918 г. Задачей Народнаго Комиссаріата Здравоохраненія являлось: 1) объединеніе всѣхъ разнородныхъ видовъ прежней вѣдомственной медицины въ единую систему „совѣтской" медицины и 2) пе-

рестройка прежней капиталистич. системы въ организацію, обслуживающую исключительно трудящихся и въ первую очередь пролетаріатъ и крестьянство. Это естественно сдѣлало ненужнымъ параллельное существованіе независимой страховой медицины, которое и влилось въ общее русло медицины „совѣтской" (декретъ 18 февраля 1919 г). Послѣдовавшее по введеніи новой экономической политики (1921) возсозданіе страховыхъ органовъ и образованіе страховыхъ фондовъ дало возможность органамъ здравоохраненія—путемъ дотацій изъ этого фонда, работать надъ улучшеніемъ и повышеніемъ качества мед. помощи застрахованнымъ (въ общемъ страховыхъ взносовъ, опредѣляемыхъ въ $5^1/_2$—$7^0/_0$ къ размѣру заработной платы, хватаетъ лишь для покрытія $^1/_4$ части всѣхъ связанныхъ съ организаціей мед. помощи застрахованнымъ расходовъ). По отчету Нар. Комисс. Здрав. 3 сессіи ВЦИК'а X созыва въ 1923 г. на 1/I 1923 г. число больницъ въ РСФСР равнялось—3.937 и число кроватей въ нихъ—198.471 (по сравненію съ 1913г. нѣкоторое уменьшеніе числа больницъ, вслѣдствіе сліянія мелкихъ въ болѣе крупныя, и увеличеніе числа кроватей на $47^0/_0$); число врачебныхъ участковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ возросло съ 2.518 (1913 г.) до 3.556 (1923 г.); средній радіусъ врачебнаго участка уменьшился съ 32,2 до 28,8 верстъ. Цифры эти, по словамъ отчета, указываютъ на опредѣленный процессъ не только возстановленія тѣхъ разрушеній, которыя произошли вслѣдствіе войны, блокады и голода, но и на дальнѣйшее развитіе дѣла. Хуже дѣло обстоитъ въ сельскихъ мѣстностяхъ (вслѣдствіе отчасти недостатка скудно оплачиваемаго врачебнаго персонала), но гораздо лучше въ городахъ. Здѣсь имѣются налицо новыя формы помощи, какъ безплатная помощь на дому, совершенно отсутствовавшая ранѣе; во многихъ городахъ организована „скорая помощь". Амбулаторный пріемъ въ крупныхъ городахъ строится по принципу поликлиникъ, т.-е., пріема въ данной амбулаторіи по разнымъ спеціальностямъ (особенное вниманіе обращается на помощь застрахованнымъ). Въ качествѣ одного изъ видовъ спеціальной безплатной помощи развивается безплатное зубоврачеваніе, ранѣе почти совершенно отсутствовавшее.

Въ ряду квалифицированныхъ лѣчебныхъ заведеній слѣдуетъ указать на *физіо-терапевтическіе институты*, обслуживающіе, гл. обр., *инвалидовъ труда и войны*. Сверхъ 8 учрежденій такого рода, функціонировавшихъ еще до войны, было открыто 20 новыхъ институтовъ или отдѣленій больницъ, многіе изъ нихъ на далекихъ окраинахъ (Ташкентъ, Томскъ, Краснодаръ, Архангельскъ, Казань и т. д.). Въ Москвѣ открытъ въ 1922 г. *Центральный Институтъ физіо-терапіи* и ортопедіи, который, помимо лѣчебной дѣятельности, ведетъ научно-изслѣдовательскую работу и подготовляетъ кадры спеціалистовъ въ этой новой отрасли медицинскаго дѣла. Къ характеристикѣ организаціи лѣчебнаго дѣла страны нужно добавить нѣсколько словъ о *курортномъ дѣлѣ*. Россія—богатѣйшая страна по обилію и разнообразію лѣчебныхъ мѣстъ, начиная отъ лѣчебныхъ грязей и горячихъ источниковъ Дальняго Востока, продолжая сибирскими курортами, кумысными степями Пріамурья, лѣчебными мѣстностями центральной Россіи и кончая морскими, горными и грязевыми курортами Кавказа, Крыма, Кубани, Черноморья и Одессы (см. *Курорты*). Ранѣе разобщенные и разбросанные въ смыслѣ руководства и завѣдыванія и управленія по разнымъ вѣдомствамъ, теперь всѣ они собраны и объединены подъ однимъ управленіемъ Комисс. Здравоохраненія, чѣмъ создана возможность единой плановой работы во всемъ курортномъ дѣлѣ и использованія ихъ для лѣченія трудящихся подъ общимъ лозунгомъ „курорты для трудящихся". Въ теченіе 1923 г. домами отдыха пользовались 85.000 рабочихъ и служащихъ, курортами и санаторіями — 30.000.

Далѣе, въ числѣ оздоровительныхъ задачъ нужно указать на борьбу съ *соціальными болѣзнями—туберкулезомъ* (см. *Легочная чахотка* и *Туберкулезъ*) *и сифилисомъ* (*см.*). Развитіе ихъ въ Россіи достигло еще до войны громад-

ныхъ размѣровъ (подъ вліяніемъ быстраго роста городовъ и промышленности при искуственно задерживаемомъ слабомъ развитіи санитарной культуры страны). Въ 1896 г. было зарегистрировано 278.573 случая туберкулеза (23,3 на 10.000 жителей), въ 1913 г. эта цифра поднялась уже до 876.568 или 53,9 на 10.000 (частичное значеніе здѣсь имѣетъ повышеніе обращаемости населенія к врачебной помощи въ связи съ развитіемъ медицинской сѣти). Больныхъ сифилисомъ было въ 1896 г. 882.666 (или 70,0 на 10.000 жителей), въ 1912 г.—1.248.002 (76,8). Война и тяжелыя условія пережитого времени, несомнѣнно, еще болѣе повысили эти числа. До революціи слабые проблески борьбы съ этими бѣдствіями проявлялись лишь со стороны нѣкоторыхъ частныхъ организацій (Лига по борьбѣ съ туберкулезом, Общество борьбы съ венерическими болѣзнями). Теперь это стало государственной задачей — для чего пришлось заново создать аппараты и органы. Въ центрѣ борьбы съ туберкулезомъ, а также съ венерическими болѣзнями, по государственному плану поставлены *диспансеры*, т.-е. учрежденія, не только оказывающія медицинскую помощь заболевшимъ, но и преслѣдующія профилактическія (предупредительныя) задачи. Диспансеръ обслѣдует причины заболѣваній, принимаетъ мѣры къ устраненію этихъ причинъ, ведетъ санитарно-просвѣтит. пропаганду; черезъ совѣты соціальной помощи онъ связанъ съ самимъ населеніемъ въ лицѣ его организованныхъ группъ (профессіональные союзы, страховыя кассы, женотдѣлы, комсомолъ и т. д. и особыя ячейки на фабрикахъ и заводахъ). Черезъ *„сестеръ-обслѣдовательницъ"* диспансеръ связанъ съ домашней обстановкой и бытомъ самого больного, въ которые онъ стремится внести упорядоченіе санитарной (напр., жилищной) и бытовой обстановки, при чемъ заботится о томъ, чтобы сдѣлать больного, по возможности, безопаснымъ для окружающихъ. Диспансер стоит въ связи съ рядомъ стационарныхъ учрежденій, какъ, напр., санаторіями, лѣсными школами и т. д., для которыхъ онъ служитъ опорнымъ пунктомъ для установленія показаній въ смыслѣ отбора больныхъ. Въ началѣ 1923 г. имѣлось 58 туберкулезныхъ диспансеровъ съ 2.071 койкой во вспомогательныхъ учрежденіяхъ и 139 стаціонарныхъ учрежденій (санаторіевъ) съ 8.521 койкой; къ концу 1923 г. число туберкулезныхъ диспансеровъ возросло до 86. Венерическихъ диспансеровъ въ началѣ года было 26 и число коекъ, предназначенныхъ для венерич. больныхъ—1 на 10.000 жителей; къ концу 1923 г. такихъ диспансеровъ было уже 46.

Здѣсь такъ же, какъ и по отношенію къ борьбѣ с дѣтской смертностью, нужно отмѣтить, что спеціальныя учрежденія и особо квалифицированные пріемы борьбы въ условіяхъ русской дѣйствительности примѣнимы въ густонаселенныхъ (городскихъ и промышленныхъ) районахъ и центрахъ. Въ деревнѣ же вся тяжесть задачъ падаетъ на участковую лѣчебницу, которая преобразуется въ организаціонный центръ оздоровительныхъ мѣропріятій („диспансеризація" лѣчебницъ).

V. Изъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на здоровье трудящихся—внѣ ихъ трудовой обстановки, громадное значеніе имѣетъ *жилище* (см. *Жилищный вопросъ*). Въ соціальной патологіи жилищу принадлежитъ особенно большое значеніе въ смыслѣ распространенія туберкулеза, рахита, въ смыслѣ вліянія на высоту дѣтской смертности, а также распространенія венерическихъ болѣзней и алкоголизма. Съ 1914 г. во всѣхъ европейскихъ странахъ, какъ принимавшихъ участіе въ войнѣ, такъ и въ нейтральныхъ, положеніе жилищнаго вопроса пріобрѣло значительную остроту, а ко времени окончанія войны обнаружился жилищный кризисъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Нагляднымъ выраженіемъ этого кризиса является учетъ недостающихъ жилищъ, исчислявшихся въ 1919 г. для Сѣв.-Американскихъ Штатовъ въ 2—3 милл. жилищъ, для Англіи въ 1 милліонъ. Во Франціи одна только имперіалистическая война разрушила свыше 300.000 зданій и сожгла 290.000. Въ Германіи, строившей до войны приблизительно 200.000 жилищъ ежегодно

вслѣдствіе остановки этого строительства во время войны, недочетъ квартиръ въ крупныхъ (свыше 100.000 жителей) городахъ учитывался въ 27%. Причинами кризиса, кромѣ разрушенія построекъ военными дѣйствіями, служитъ еще разрушеніе ихъ вслѣдствіе отсутствія ремонта и наплыва населенія въ города, при остановившемся строительствѣ ихъ. Это прекращеніе произошло частью вслѣдствіе повышенія денежной зар. платы въ годы войны, частью же вслѣдствіе вздорожанія строительныхъ матеріаловъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ 10—11 разъ по сравненію съ довоенными цѣнами. Но главной причиной нужно считать пониженіе заинтересованности капиталавъ дѣлѣ жилищнаго строительства, такъ какъ почти во всѣхъ странахъ квартирная плата подверглась законодательному регулированію и не могла быть произвольно повышаема домовладѣльцами. Въ Россіи, съ уничтоженіемъ частной собственности на большіе дома и особняки, Республика получила въ свое распоряженіе значительный жилищный фондъ. Но уже при первыхъ мѣропріятіяхъ въ области распредѣленія этихъ жилищъ выяснилась санитарная природа жилищнаго вопроса, потребовалось вмѣшательство органовъ санитарнаго надзора въ это дѣло. Первымъ актомъ, который кладетъ основу *жилищно-санитарной инспекціи*, является декретъ Сов. Нар. Комисс. отъ 18 іюня 1919 г. „О санитарной охранѣ жилища“.

Особыми декретами Сов. Нар. Комиссаровъ (20/v 1920 г. и 23/v 1921 г.) указаны мѣры для правильнаго распредѣленія жилищъ среди трудящагося населенія. Въ связи съ новой экономической политикой, необходимостью возродить строительство и возстановить пришедшія въ негодность, вслѣдствіе отсутствія ремонта за время войны и блокады, дома и квартиры, жилищная политика нѣсколько измѣнилась въ направленіи привлеченія къ этому дѣлу частной иниціативы и предоставленія ей извѣстныхъ правъ, но основная линія осталась неизмѣнной; сохранились дома-коммуны, установлены предѣльныя нормы жилищной площади, образованъ резервный 10% жилищный фондъ, сохраняющійся въ распоряженіи совѣтскихъ органовъ, нормирована жилищная плата для жильцовъ на основахъ классового принципа. Этихъ мѣръ, конечно, недостаточно для рѣшенія жилищной проблемы. Намѣчается переходъ къ широкому строительству новыхъ жилищъ. Насколько велика потребность въ этомъ, показываютъ слѣд. цифры: у рабочихъ всѣхъ текстильныхъ фабрикъ на 1 взрослаго приходится всего 9 кв. арш. жил. площади вмѣсто нормальныхъ 16 кв. арш., у железнодорожниковъ большей частью отъ 6,5 до 10 кв. арш., у горняковъ и особенно у торфяниковъ дѣло обстоитъ еще хуже.

VI. Въ качествѣ особаго мѣропріятія глубокаго соц.-гигіенич. значенія нужно разсматривать *санитарное просвѣщеніе* широкихъ массъ трудового населенія. Оно необходимо не только по вполнѣ понятной важности для каждаго отдѣльнаго лица знать основныя правила гигіеническаго поведенія и гигіеническаго образа жизни, но и въ чисто общественномъ смыслѣ; санитарное просвѣщеніе: 1) подготовляетъ трудовые слои населенія къ воспріятію санитарныхъ мѣропріятій; 2) вызываетъ самодѣятельность населенія въ дѣлѣ организаціи здоровыхъ условій и въ дѣлѣ содѣйствія санитарнымъ органамъ.

Дѣло это, начавшееся въ Россіи послѣ т. наз. холерныхъ бунтовъ 1901—1902 гг. и развившееся въ порядкѣ частной иниціативы при организующемъ содѣйствіи „Пироговской Комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній“, затѣмъ было подхвачено больничными кассами, а съ учрежденіемъ Нар. Ком. Здр. стало дѣломъ государственнымъ. Для разработки его методики и для содѣйствія повсемѣстной организаціи былъ учрежденъ при Нар. Ком. Здр. особый отдѣлъ, аппаратами котораго являлись „музей соціальной гигіены“ съ популярной выставкой и центральный домъ санитарнаго просвѣщенія. Существеннѣйшей задачей санитарн. просвѣщенія является правильная постановка С. г. въ школѣ. Главнѣйшими методами внѣшкольной санит.-просвѣт. работы являются: *печатное слово* (брошюры, листки, газетныя статьи, странички въ газетѣ, ра-

склеиваемые плакаты и воззванія); *живое слово* (лекціи и бесѣды); *наглядный методъ* (устройство музеевъ, выставокъ, витринъ, демонстрація діапозитивовъ, санитарныхъ кино-лентъ, организація экскурсій для ознакомленія съ санитарными учрежденіями и установками—напр., водопроводомъ и т. д.). Къ задачамъ с.-г. просвѣщенія примыкаетъ проведеніе С. г., какъ предмета преподаванія въ высшей медицинской школѣ, еще только начавшагося какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Въ Россіи каѳедра С. г. впервые учреждена весной 1922 г. при 1 Московск. Унив. Въ настоящее время при всѣхъ медиц. факультетахъ страны организованы каѳедры С. г. При каѳедрахъ С. г. Моск. Унив. организована клиника соціальныхъ и профессіональныхъ болѣзней.

VII. Въ задачи С. г. входятъ также мѣропріятія, имѣющія ближайшей цѣлью обезпечить *здоровье грядущихъ поколѣній*. Само собой понятно, что этой цѣли соотвѣтствуютъ всѣ достиженія С. г. въ области улучшенія условій труда и быта, въ области жилищнаго, пищевого вопросовъ, въ области оздоровленія населенія (борьба съ туберкулезомъ, сифилисомъ и алкоголизмомъ). Но на ряду съ этимъ получаютъ большое значеніе еще особыя мѣропріятія, обезпечивающія хорошія біологическія предпосылки для нарождающагося поколѣнія, въ смыслѣ обезпеченія хорошей наслѣдственности. Эти біологическія задачи въ коллективной жизни людей связаны съ сложнѣйшими проблемами—установленія правильной формы семьи и брака и правильной постановки полового воспитанія, и должны разсматриваться съ точки зрѣнія *евгеники* (*см.*).

Библіографія. *„Пятилѣтіе совѣтской медицины“*, юбил. сб., М. 1923; *Н. А. Семашко*, „Основы сов. мед.“ и ежегодн. отчеты НКЗ. съѣздамъ Совѣтовъ; *Хайесъ*, „Краткое руков. по С. г.“, перев. подъ ред. и съ дополн. С. Каплуна; *Э. Френкель*, „С. Г.“, I, Харьк. 1923; *А. Мольковъ*, „Соц. проблемы питанія“, М. 1923; *С. Н. Каплунъ*, „Трудъ и здоровье“, М. 1923; *его же*, „Охрана труда“, М. 1922; *А. Н. Сысинъ*, *Н. А. Выдорчикъ*, „Теорія и практика соц. страх.“, Птг. 1920—1923 (6 вып.); „*Справочникъ* секціи по борьбѣ съ туберкул. и др. секцій и отдѣловъ НКЗ.; *„Вопросы оздоровленія труда и быта“*, — труды И-та проф. заболѣваемости Мосздрав., М. 1923; *„Труды комиссіи по обслѣдов. санит. послѣдствій войны 1914—1920 г.г.“*, М. 1923; „*Профессіональные* союзы СССР. 1922—1924 г. Отчет ВЦСПС.“ М., 1924; *П. И. Куркинъ*, „Санит.-статист. таблицы“, М. 1910; *Новосельскій*, „Смертность и продолжит. жизни въ Россіи“, Птг. 1916; *Ф. Д. Маркузонъ*, „Матеріалы по статист. соц. страхов.“, М. 1923; *„Труды земск. санит. организацій“ (въ частности моск. земства)*; *„Труды пироговскихъ съѣздовъ“*; *Дементьевъ*, „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“, М. 1897; *Грановскій*, „Обществ. здравоохр. и капитализмъ“, М. 1908; *Шингаревъ*, „Вымирающая деревня“, Петербургъ, 1907.

Grotjahn u. Kaup, „Handwörterb. d. sozialen Hygiene“, Leipzig, 1912, IIв.; *Mosse u. Tugendreich*, „Krankheit u. soziale Lage“, 1913; *A. Grotjahn*, „Soz. Pathologie“, 3-е изд., 1923; *W. Ewald*, „Soz. Medizin“, т. I—1911, т. II—1914; *Gottstein u. Tugendreich*, „Sozialärztliches Praktikum“, 2-е изд., Berlin, 1921; *A. Fischer*, „Grundriss d. Soz. Hygiene“, Berlin, 1913; *Dresel*, „Soz. Fürsorge“, 2-е изд., 1922; *Das deutsche Gesundheitswesen*“, под ред. Möllers'а, 1923; „*Münchener Sozial-hygienische Arbeiten*“, I Kaup. Konstitution u. Umwelt, München, 1922; *L. Teleky*, „Vorlesungen übersoz. Medizin“, I Teil, Medizinalstatistische Grundlagen; *F Prinsing*, „Mediz. Statistik“, Iena, 1906; *Westergaard*, „Die Lehre v. d. Morbidität u. Mortalität, Iena, 1901; Соотвѣтств. отдѣлы большихъ коллективныхъ руководствъ: „*Weyl's* Handbuch d. Hygiene“, I и II изд.; „Handbuch d. Hygiene“, подъ ред. Rubner'a, Gruber'a u. Ficker'a.

Періодическія изданія.

„Извѣстія“ и *„Бюллетени“* Наркомздрава; *„Соц. Гигіена“*, сборники подъ ред. каѳедр. соц. гигіены Моск. Госуд. Универс., М., Госиздатъ, въ 1923 г. вышли №№ 1 и 2; *„Профилактич. медицина“*, изд. Наркомздр. Украины, Харьковъ, съ 1922 г.; *„Общественный врачъ“*, журн. Пироговск. Общества, основной органъ обществ. медицины до революціи. Послѣ почти 5-лѣтняго перерыва вышли въ 1922—1923 г. №№ 1 и 2, (М., изд. Френкеля), на которыхъ изданіе, повидимому, прекратилось; *„Гигіена труда“*, ежемѣс. журн., изд. НКТрудомъ, М. (съ января 1923 г.); *„Гигіена и эпидеміологія“*, изд. сан.-эпид. НКЗ (въ 1922 г.—2 номера, въ 1923 г.—одинъ); *Моск. медиц. журналъ*, удѣляетъ много мѣста вопросамъ С. г.; *„Гигіена и санитарія путей сообщенія*, съ 1923 г.

На нѣмецк. языкѣ: *„Archiv f. Soz. Hygiene u. Demographie“* (бывш. „Zeitschrift f. Soz. Medizin“), подъ ред. Rösle, Leipzig (наиболѣе серьезный нѣмецкій органъ по С. г., 3—4 вып. въ годъ, въ 1923 г.—XV томъ); *Soz. Hygiene, Fürsorge u. Krankenhauswesen*“, подъ ред. Cnales u. Rabnow, Berlin, органъ берлинской организ. здравоохраненія, союза нѣмецкихъ коммунальныхъ врачей и т. д. Выходитъ разъ въ мѣсяцъ (съ 1920 г.); *Soz. hygienische Mitteilungen*“, съ прилож. „Soz. Hyg. Abhandlungen“, изд. Баденскимъ о-вомъ С. г., подъ ред. A. Fischer, вых. разъ въ 2 мѣс. (съ 1917 г.); *„Öffentliche Gesundheitspflege“*, d. deutschen Vereins f. öffentliche Gesundheitspflege, ред. проф. Abel u. Dr. Merkel, ежемѣсячн. (до 1916 г. выход. 4 р. въ годъ подъ назв. „Deutsche Vierteljahresschrift f. öffentliche Gesundheitspflege“); *„Veroffentlichungen auf d. Gebiete d. Medizinalverwaltung“*, im Auftrage d. Ministeriums f. Volkswohlfahrt herausgegeb. v. d. Medizinalverwaltung. Серія монографич. работъ разнаго объема, отдѣльн. вып., составивш. въ 1923 г. XVIII томъ; *„Bibliograph. Jahresbericht über Soz. Hygiene, Demographie u. Medizinalstatistik“*, herausg. von A. Grotjahn u. F. Kriegel (въ посл. годы при ближ. участіи д-ра Haustein). Вых. съ 1902 г. и даетъ чрезвычайно богатую библіогр. вопроса, для нѣмецкой литературы—исчерпывающую (съ 1917 г. выходитъ, какъ часть Veröffentl. auf d. Gebiete d. Medizinalverwaltung).

На франц. яз.: *„Revue internation. d'Hygiène publique“*, издав. въ 1920 и 1921 г.г. международной лигой Кр. Креста въ Женевѣ. Больше не выходитъ; *„Informations sociales“*, еженед.; *„Revue* internat. du Travail“, ежемѣс.; *„Annuaire* internat. du Travail“, ежегодн. и рядъ др. органовъ—издаются съ 1920 г. Bureau internat. du Travail въ Женевѣ; *„Revue d'hygiène et de police sanitaire“* (въ 1923 г.—XLV томъ); *„Annales d'hygiène publique“*.

На англ. яз.: *„Social Hygiene“*, съ 1915 г.; *„The Journal* of State Medicine“ (въ 1923 г. XXXI томъ).

На итальян. яз.: *„La medicina sociale“*.

А. Мольковъ.

Соціальная жизнь животныхъ. Изученіе С. ж. ж. представляетъ интересъ не только само по себѣ, но и какъ ключъ къ пониманію С. ж. человѣка. Исходя изъ эволюціоннаго принципа, мы должны имѣть въ виду, что какъ бы ни были сложны явленія человѣческой жизни, они однородны съ явленіями низшей животной жизни и могутъ быть поняты только путемъ сравнительнаго съ ними изученія. Лишь переходя отъ простѣйшаго къ наиболѣе сложному, можно разобраться въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ, какъ физической, такъ и духовной жизни человѣка.—Общества животныхъ по своему происхожденію могутъ быть рѣзко раздѣлены на двѣ категоріи: общества одной категоріи естественно выводятся изъ семейныхъ началъ, общества другой категоріи складываются подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій. Семья, родъ (въ историческомъ значеніи), то, что у французовъ называется „peuplade"—„народецъ", вотъ постепенно расширяющееся понятіе объ обществѣ въ первомъ случаѣ. Какъ формы С. ж., выводимыя изъ семейныхъ началъ, они являются болѣе стойкими, и связь между ними легко можетъ быть прослѣжена на разныхъ стадіяхъ ихъ эволюціи. Не трудно убѣдиться, что семейныя начала въ предѣлахъ одной и той же группы развиты прямо пропорціонально развитію умственныхъ способностей ея членовъ. Съ другой стороны, изъ тѣхъ же семейныхъ началъ выводится понятіе объ обществѣ, какъ о политической единицѣ. Въ иномъ видѣ являются общества, складывающіяся подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ условій, каковы условія безопасности и добыванія корма. При ихъ образованіи національность или кровное родство, въ близкой или отдаленной степени, между ихъ членами не играетъ никакой роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти общества не отличаются стойкостью и скорѣе заслуживаютъ названія „сборищъ". Съ первыми обществами тѣсно связано развитіе соціальныхъ инстинктовъ, со вторыми лишь простѣйшія формы общественности.

Иллюстрируемъ сказанное примѣрами, которые помогутъ уяснить сущность дѣла. Впервые мы встрѣчаемся съ семейной жизнью у насѣкомыхъ, но у нихъ семья является еще въ своемъ простѣйшемъ видѣ, хотя у нѣкоторыхъ представляетъ уже весьма сложную форму общественнаго устройства. У насѣкомыхъ семья состоитъ изъ матки и болѣе или менѣе значительнаго потомства. Самцы не принимаютъ никакого участія въ семейной жизни и сходятся съ самками только для оплодотворенія послѣднихъ. Несложныя семейныя заботы у такихъ насѣкомыхъ, у которыхъ къ сем. началамъ не примѣшиваются политическія, всецѣло падаютъ на самокъ. Но у такихъ общественныхъ насѣкомыхъ, какъ нѣкоторыя перепончатокрылыя—осы, пчелы, муравьи, дѣло осложняется. У нихъ самки уже не ограничиваются выборомъ подходящаго мѣста для яицъ, а строятъ себѣ жилища, гдѣ живутъ сами и гдѣ воспитываются ихъ личинки. Вмѣстѣ съ тѣмъ у многихъ изъ нихъ семья разрастается до значенія „народца". Въ простѣйшемъ видѣ это выражено у осъ, среди которыхъ есть виды лишь съ зачатками общественной жизни: у такихъ видовъ по нѣскольку семей сходятся вмѣстѣ, но каждая с. совершенно самостоятельна, хотя у всѣхъ вмѣстѣ живущихъ с. имѣются общіе стражи. Такія зачаточныя общества осъ существуютъ только по году. Съ наступленіемъ холодовъ самцы и работницы осъ умираютъ, а самки или закапываются въ землю, или забиваются подъ камни, въ трещины деревьевъ и т. п. и тамъ перезимовываютъ. Весною онѣ строятъ себѣ новое жилище и основываютъ новое общество. У тропическихъ осъ въ общинѣ остается только одна плодущая самка, а осы-работницы измѣнены еще больше, нежели у европейскихъ. Это та форма общественнаго устройства, которая наилучше выражена у пчелъ. У нихъ община или рой состоитъ изъ т.-наз. царицы—плодущей самки, трутней—самцовъ и рабочихъ пчелъ—недоразвитыхъ самокъ. Послѣднія въ свою очередь дѣлятся на двѣ категоріи: рабочихъ, которые строятъ и ремонтируютъ жилища, и нянекъ, которыя выхаживаютъ молодыхъ. Пчелиная царица является гла-

вой общины: вся масса рабочихъ пчелъ сберегаетъ ее, окружаетъ своими попеченіями, живетъ, т. сказ., ея жизнью. Т. к. въ роѣ отъ времени до времени изъ личинокъ (черезъ стадію куколки) выходитъ нѣсколько плодущихъ самокъ, одна изъ нихъ дѣлается царицей послѣ борьбы со своими соперницами. Побѣжденныя, если не погибаютъ, то отдѣляются одна за одной, каждая съ частью особей роя (пчелы роятся). Слѣдовательно, въ пчелиномъ роѣ наблюдается соединеніе двухъ началъ — семейнаго и государственнаго. Матка является и общей матерью всѣхъ живущихъ въ одномъ ульѣ пчелъ и главой пчелинаго государства. Это, т. сказать, типъ монархическаго государства у насѣкомыхъ.

У муравьевъ семьи вступаютъ въ сожительство на равныхъ основаніяхъ. Низшую форму общественной жизни у нихъ проявляютъ такіе виды, какъ Formica fusca, которые живутъ преимущественно охотою, подобно охотничьимъ племенамъ. Они собираются лишь небольшими обществами, постоянно пробѣгаютъ лѣса и открытыя мѣста и храбро борются съ врагами. Другіе, какъ Lasius flavus, являются уже болѣе осѣдлыми, строятъ себѣ лучшія жилища, содержатъ въ своихъ общинахъ, въ качествѣ домашнихъ животныхъ, травяныхъ тлей и живутъ преимущественно на ихъ счетъ. Ихъ большая общественность проявляется также и въ столкновеніяхъ съ врагами. Такіе виды представляютъ собою какъ бы пастушескія племена. Наконецъ, послѣднюю высшую форму общественной жизни находимъ у вполнѣ осѣдлыхъ муравьевъ, которые устраиваютъ себѣ сложныя жилища и могутъ быть приравнены къ земледѣльческимъ народамъ. Ихъ соц. строй является въ слѣдующемъ видѣ.

Муравьи, подобно осамъ и пчеламъ, выходятъ изъ яицъ въ видѣ личинокъ, похожихъ на небольшихъ червячковъ бѣлаго цвѣта, нѣсколько суживающихся къ переднему концу. Т.-наз. рабочіе муравьи, которые составляютъ главную массу населенія муравейника, ходятъ за ними съ такой же заботливостью, какъ рабочія пчелы-няньки ходятъ за личинками пчелъ. Они приносятъ имъ кормъ, переносятъ изъ одной части муравейника въ другую, чтобы доставить личинкамъ наилучшія условія температуры и влажности, нерѣдко даже распредѣляютъ ихъ на группы по величинѣ, т.-е. по возрасту. Черезъ опредѣленное время личинки превращаются въ куколокъ, у однихъ муравьевъ не одѣтыхъ оболочкою, у другихъ — одѣтыхъ довольно плотною оболочкою. Одѣтыя оболочкой куколки называются муравьиными яйцами. Черезъ нѣсколько дней послѣ закукливанія изъ куколки выходитъ взрослое насѣкомое, но иногда и въ этомъ случаѣ нужна помощь рабочихъ муравьевъ, которые помогаютъ насѣкомому освободиться отъ оболочки.

Община муравьевъ состоитъ изъ особей троякаго сорта: рабочіе муравьи, представляющіе собою, какъ и у пчелъ, недоразвитыхъ самокъ, составляютъ главную массу населенія; на второмъ мѣстѣ по количеству стоятъ самцы и вполнѣ развитыя самки. Число самокъ неопредѣленно: въ большомъ муравейникѣ ихъ больше, въ меньшемъ—меньше. До перваго вылета изъ муравейника самки имѣютъ крылья, которыя обламываются у нихъ при первомъ же вылетѣ, послѣ чего онѣ становятся безкрылыми. У нѣкоторыхъ муравьевъ всѣ рабочіе одинаковы, у другихъ между ними различаются двѣ группы по величинѣ, у третьихъ одна категорія рабочихъ развивается въ болѣе крупныхъ, съ непропорціонально большой головой и огромными челюстями. Это т.-наз. воины или солдаты. Очевидно, что все это разнообразіе въ особяхъ муравьиной общины построено на принципѣ раздѣленія труда, т. к. каждая категорія особей выполняетъ въ муравейникѣ опредѣленную функцію. Обыкновенную пищу муравьевъ составляютъ насѣкомыя, медъ, цвѣточный нектаръ и плоды, но они заслуженно могутъ называться всеядными. Нѣкоторые виды муравьевъ преслѣдуютъ травяныхъ тлей и, найдя ихъ, до тѣхъ поръ раздражаютъ прикосновеніемъ своихъ усиковъ, пока ласкаемое насѣкомое не выпуститъ изъ себя каплю сладкой жидкости, которую муравей сейчасъ же выпиваетъ. Другіе муравьи устраи-

ваютъ даже крытыя галлереи къ травянымъ вшамъ, защищаютъ послѣднихъ отъ нападеній, а нѣкоторые, какъ малый желтый луговой муравей, питающійся преимущественно сладкою жидкостью, выпускаемой тлями, даже уводятъ этихъ насѣкомыхъ въ свои гнѣзда и тамъ старательно ухаживаютъ, какъ за взрослыми насѣкомыми, такъ и за ихъ яйцами. Такимъ образомъ, тли становятся для муравьевъ чѣмъ-то въ родѣ домашнихъ животныхъ. Есть и другія насѣкомыя, встрѣчающіяся исключительно въ муравьиныхъ гнѣздахъ, но относительно ихъ вопросъ не рѣшенъ, можно ли ихъ считать за одомашненныхъ муравьями животныхъ; быть можетъ, здѣсь имѣетъ мѣсто лишь простое сожительство.

Одинъ изъ техасскихъ муравьевъ запасаетъ себѣ въ прокъ зерна двухъ растеній, изъ которыхъ одно получило названіе муравьинаго риса (Aristida oligantha). Этотъ муравей расчищаетъ передъ входомъ въ муравейникъ круглую площадку отъ 10 до 12 футовъ въ діаметрѣ, оставляя тамъ расти только названное растеніе, и старательно собираетъ жатву, когда на то настанетъ время.

Но, быть можетъ, самымъ замѣчательн. изъ соціальныхъ инстинктовъ у муравьевъ является рабовладѣльческій инстинктъ, выражающійся въ томъ, что между опредѣленными двумя видами муравьевъ устанавливаются отношенія рабовладѣльцевъ къ рабамъ. Понять возникновеніе этого на первый взглядъ удивительнаго инстинкта можно, принявъ во вниманіе существованіе у муравьевъ, съ одной стороны, храбрыхъ и сильныхъ видовъ, съ другой, распространенную у этихъ насѣкомыхъ привычку красть личинокъ и куколокъ чужихъ видовъ. Такъ, красный и черный муравьи весьма многочисленны, и первые, побуждаемые голодомъ, часто нападаютъ на вторыхъ и крадутъ ихъ личинокъ и куколокъ. Если послѣднія доразвиваются во взрослыхъ насѣкомыхъ въ муравейникѣ краснаго муравья, населеніе послѣдняго является не чистымъ, а смѣшаннымъ. Видъ Formica sanguinea совершаетъ періодическія экспедиціи противъ чернаго муравья для грабежа его куколокъ. Эти куколки, развиваясь въ чужомъ муравейникѣ, со смѣшаннымъ населеніемъ изъ красныхъ и ранѣе захваченныхъ черныхъ муравьевъ, оказываются въ такихъ условіяхъ, при которыхъ вышедшія изъ нихъ взрослыя насѣкомыя лишены всякой возможности ухаживать за личинками и куколками своего вида, и начинаютъ ухаживать за личинками и куколками краснаго муравья. Слѣдовательно, у краснаго муравья существуютъ рабы, но это не ведетъ къ его регрессу, т. к. красный муравей сохраняетъ свою работоспособность. Напротивъ, у муравья Polyergus rufescens произошли такія измѣненія организаціи, которыя дѣлаютъ для него невозможнымъ существованіе безъ его рабовъ. Такъ, челюсти его стали только вооруженіемъ, и онъ не можетъ даже кормиться безъ помощи рабовъ. Когда колонія этого муравья перебирается съ одного мѣста на другое, всѣ труды и хлопоты по переселенію также выпадаютъ исключительно на рабовъ. Однако, у описываемаго муравья есть еще свои рабочія особи, хотя онѣ очень слабы и приносятъ мало пользы населенію муравейника. Но есть и такіе виды, у которыхъ остаются только самцы и полныя самки, тогда какъ рабочій классъ представленъ рабочими особями другого вида.

Все это удивительное разнообразіе и сложность соц. инст. муравьевъ можетъ быть ошибочно принято за проявленіе ихъ умственнаго совершенства, но несомнѣнные признаки инстинктовъ, существующіе въ нихъ, не оставляютъ сомнѣнія, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло только съ чрезвычайно сложными инстинктами.

Послѣднимъ примѣромъ общественныхъ насѣкомыхъ мы возьмемъ термитовъ, которые относятся совсѣмъ къ другой группѣ насѣкомыхъ, нежели осы, пчелы и муравьи. И у нихъ существуютъ четыре формы особей: самцы, самки, рабочіе и солдаты, но рабочіе являются недоразвитыми самцами, а не самками, какъ у ранѣе разсмотрѣнныхъ насѣкомыхъ. Термиты строятъ огромныя и весьма сложныя жилища: въ нихъ можно найти подземныя галлереи, крытые переходы, комнаты, приспособленныя къ различнымъ цѣлямъ,

общій сводъ надъ всѣмъ жилищемъ. Къ сожалѣнію, для насъ до сихъ поръ еще невыяснено, какимъ образомъ развился этотъ удивительный инстинктъ, приведшій къ сложному устройству общины термитовъ и къ умѣнью строить сложныя жилища.

Описанныя формы с. строя насѣкомыхъ чрезвычайно соблазнительны для сравненій съ разными формами с. строя человѣка. Можно говорить о монархіи у пчелъ, о республикѣ у муравьевъ и т. д., но кромѣ аналогій въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего. Изученіе С. ж. насѣкомыхъ говоритъ лишь о томъ, какъ могли развиться различныя формы С. ж. человѣка, но генетической связи между тѣми и другими, конечно, искать нечего. Самое большее, что можно допустить, это то, что нѣкоторые с. инст. наслѣдственно перешли къ нему отъ его ближайшихъ прародителей, т.-е. отъ человѣкоподобныхъ формъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что у насѣкомыхъ сложные инстинкты наиболѣе выражены у формъ съ наиболѣе развитымъ головнымъ мозгомъ. Какъ у человѣка идіоты не способны даже къ инстинктивнымъ поступкамъ сколько-нибудь сложнаго характера, такъ и у насѣкомыхъ наиболѣе сложныя инстинктивныя движенія неразрывно связаны съ извѣстнымъ совершенствомъ головного мозга. У позвоночныхъ развитіе С. ж. и с. и. въ свою очередь начинается съ низшихъ формъ и рядомъ послѣдовательныхъ осложненій въ предѣлахъ каждаго класса приводитъ къ болѣе сложнымъ. У рыбъ семейныя заботы самки ограничиваются обыкновенно выборомъ подходящаго мѣста для откладыванія икры; если же молодь и встрѣчаетъ болѣе серьезныя заботы, онѣ идутъ обыкновенно со стороны самца. Такъ, у морской иглы, морск. конька самцы принимаютъ яйца, отложенныя самками, въ особый родъ насиживательнаго мѣшка на ихъ брюшной сторонѣ и здѣсь носятъ ихъ съ собою до самаго рожденія молоди. Самецъ бычка по цѣлымъ недѣлямъ охраняетъ и храбро защищаетъ икру, которая отложена самкой въ ямку между камнями на днѣ ручья. У колюшки самцы вьютъ гнѣздо изъ волоконъ корней и листьевъ на песчаномъ днѣ потока и не только стерегутъ отложенныя въ гнѣздо самкой икринки, но даже задерживаютъ въ немъ на нѣкоторое время молодь, чтобы она нѣсколько окрѣпла. У рыбки Тиверіадскаго озера Chromis paterfamilias самецъ осторожно втягиваетъ въ ротъ вмѣстѣ съ водой яйца, отложенныя самкой въ углубленіяхъ дна, и затѣмъ носитъ яйца, попадающія въ концѣ концовъ въ промежутки между жаберными лепестками, пока изъ нихъ не выйдутъ рыбешки. По мѣрѣ роста послѣднихъ онѣ набиваются въ ротъ самца и, оставаясь тамъ еще нѣкоторое время до своего выхода наружу, растягиваютъ его до такой степени, что челюсти перестаютъ сходиться.

У амфибій семейныя заботы развиты не болѣе, чѣмъ у рыбъ, но, несомнѣнно, развились самостоятельно, отнюдь не представляя собою продолженія развитія с. инст. рыбъ. Громадное большинство амфибій совсѣмъ не заботится о своей икрѣ и молоди, но у нѣкоторыхъ такая забота выражена. Такъ, самцы европейской жабы-повитухи наматываютъ себѣ на заднія лапы гроздевидныя скопленія икринокъ, отложенныя самкой, зарываются съ ними въ сырую землю и относятъ икру въ воду лишь позднѣе, незадолго до того, какъ изъ нея должны вывестись личинки. У суринамской жабы самецъ накладываетъ икру отдѣльными икринками на спину самки, гдѣ она прилипаетъ, послѣ чего вокругъ каждой икринки изъ набуханія кожи развивается ячейка. Въ этихъ ячейкахъ икринки развиваются въ маленькихъ лягушатъ, которые и выходятъ наружу. У мексиканской Notodelphys ovifera икринки развиваются въ мѣшкѣ на задней части спины самки, куда, вѣроятно, помѣщаются самцомъ.

Болѣе развитой является семейная жизнь у пресмыкающихся. Ящерицы въ періодъ размноженія обыкновенно живутъ парами. Самки крокодиловъ подолгу держатъ при себѣ дѣтенышей, кладя, такимъ образомъ, начало обществамъ себѣ подобныхъ. Удавы насиживаютъ яйца и потомъ защищаютъ дѣтенышей. Черепахи въ періодъ размноженія также образуютъ пары, нѣкоторыя устраиваютъ подобіе гнѣз-

да и въ сооруженіи его принимаютъ одинаковое участіе самцы и самки.

Классъ птицъ представляетъ огромный интересъ со стороны изученія С. ж. и с. и. животныхъ. Что касается семейной жизни птицъ, то онѣ вообще дѣлятся на полигамовъ и моногамовъ. У полигамическихъ птицъ семья зиждется на самкѣ. Самцы сходятся у нихъ съ самками безпорядочно и на самое короткое время; самка же устраиваетъ гнѣздо, откладываетъ и высиживаетъ яйца, охраняетъ и воспитываетъ дѣтей. Лишь послѣ того, какъ дѣти выросли и перелиняли (въ первый разъ), самцы и самки, старые и молодые сходятся вмѣстѣ для образованія стай и совмѣстной жизни до слѣдующаго брачнаго періода. Если не у всѣхъ, то у большинства полигамовъ птенцы рождаются достаточно крѣпкими для того, чтобы бѣгать и слѣдовать за маткой почти сейчасъ же послѣ того, какъ обсохнутъ. Совершенно особый видъ сем. ж. представляютъ колоніально гнѣздящіяся птицы, каковы многія чайки и крачки, у которыхъ нѣтъ паръ; каждая самка можетъ временно сойтись съ любымъ самцомъ колоніи, и забота о воспитаніи дѣтей всецѣло падаетъ на самокъ. Есть основаніе думать, что въ такихъ колоніяхъ самки нерѣдко путаютъ дѣтей и гнѣзда, изъ чего слѣдуетъ, что сем. жизни здѣсь нѣтъ. Въ отличіе отъ полигамовъ у этихъ птицъ дѣти родятся безпомощными.

Не велико значеніе семьи и у австралійскихъ таллегалъ или малайскихъ малео. Самки таллегалъ нагребаютъ въ кучи упавшій листъ, траву и др. растительный матеріалъ и въ эти кучи откладываютъ свои яйца, иногда нѣсколько самокъ въ одну кучу. Этимъ заботы самки о яйцахъ обыкновенно заканчиваются, хотя, по разсказамъ туземцевъ, иногда самка временно держится около гнѣзда, какъ бы охраняя его. Въ сваленныхъ въ кучу растительныхъ веществахъ начинается гніеніе, сопровождаемое развитіемъ тепла, котораго бываетъ достаточно для того, чтобы зародыши въ яйцахъ развивались. Выклюнувшіеся цыплята начинаютъ жить самостоятельно сейчасъ же по рожденіи. Малео поступаетъ подобнымъ же образомъ. Она вырываетъ ямки въ пескѣ на морскомъ берегу и въ нихъ откладываетъ свои яйца, которыя развиваются отъ согрѣванія солнечными лучами.

Какъ ни просты семейныя отношенія у крачекъ и чаекъ, съ одной стороны, и таллегалъ съ малео—съ другой, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что это не первичная, а вторичная форма сем. ж.; и для колоніальной жизни и для устройства сорныхъ кучъ должны были выработаться вторичные инстинкты.

Повидимому, есть основаніе думать, что въ простѣйшемъ видѣ семья птицъ представлена самцомъ и самкой, сошедшимися на одинъ брачный періодъ. Самка устраиваетъ гнѣздо въ его простѣйшемъ видѣ или на землѣ, выбирая уже готовую ямку и выстилая ее стебельками травъ, листьями и т. п., или на деревѣ изъ немногихъ вѣтокъ, безпорядочно положенныхъ другъ на друга и сверху выстланныхъ небольшимъ количествомъ пуха, перьевъ, шерсти и т. д. Сюда самка откладываетъ свои яйца и высиживаетъ ихъ; здѣсь же многія воспитываютъ своихъ дѣтей. Самецъ держится у гнѣзда, подкармливаетъ самку, а потомъ и птенцовъ, но большая часть сем. заботъ падаетъ на самку. Изъ такой простѣйшей формы семейной жизни путемъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ измѣненій выработались чрезвычайно сложныя и разнообразныя формы сем. ж. птицъ.

Что касается гнѣздъ, то они иногда удивительно сложны, являясь то глубокими, чашковидными, обмазанными внутри глиной, то шаровидными изъ одной глины, то висячими, сотканными изъ растительныхъ волоконъ, то прочно устроенными изъ сучьевъ и вѣтокъ, то склеенными изъ комочковъ грязи слюною птицъ, то состоящими изъ комочковъ застывшей слюны и т. д. Хотя постройка гнѣздъ, безъ сомнѣнія, инстинктивна, однако, несомнѣнно, что взрослыя и старыя птицы строятъ лучше и болѣе сложныя гнѣзда, чѣмъ молодыя, почему есть полное основаніе думать, что къ инстинктивному дѣйствію примѣшивается и разумное. Обыкновенно сам-

ка окрашена скромнѣе самца, иногда же разнится отъ него очень сильно не только по окраскѣ, но и по развитію перьевъ: у многихъ видовъ самцы отличаются яркой окраской и пышными перьяными украшеніями, то въ теченіе всего года, то лишь въ теченіе брачнаго періода, тогда какъ самки подчинены закону покровительственной окраски. Но у нѣкоторыхъ куликовъ наблюдается обратное: самки окрашены ярче самцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ семейныя обязанности ограничиваются только снесеніемъ яицъ; устройство гнѣзда, насиживаніе яицъ, воспитаніе молодыхъ—все это ложится на самцовъ. Какимъ образомъ произошло подобное измѣненіе половыхъ инстинктовъ и что дало ему толчокъ, пока еще не удалось выяснить. Однако, надо имѣть въ виду, что у страусовъ самки несутся не ежедневно, откладываютъ яйца въ разныхъ мѣстахъ, часто кучками, въ отложеніи которыхъ принимаютъ участіе многія самки, и затѣмъ оставляютъ ихъ безъ призора. Но о такихъ кучкахъ яицъ заботятся самцы, уподобившіеся въ этомъ отношеніи самцамъ куликовъ. Сем. ж. птицъ часто осложняется совершенно неожиданнымъ образомъ: самцы полигамическихъ птицъ часто устраиваютъ турниры изъ-за обладанія самками, на которыхъ щеголяютъ другъ предъ другомъ. Таковы тока тетеревей, тяга вальдшнеповъ. У нѣкоторыхъ турниры замѣняются болѣе мирными состязаніями въ танцахъ (скалистые пѣтушки). Но, безъ сомнѣнія, самыми поразительными особенностями сем. ж. являются привычки австралійскихъ и ново-гвинейскихъ т.-наз. бесѣдковыхъ птицъ: у нихъ самцы устраиваютъ изъ прутьевъ крытыя бесѣдки, которыя украшаютъ различными бросающимися въ глаза предметами, каковы цвѣтныя раковины, ярко окрашенныя перья и т. п. Въ этихъ бесѣдкахъ самцы собираются и безъ драки расхаживаютъ передъ самками, пока послѣдними не будетъ сдѣланъ выборъ. Ново-Гвинейская Amblyornis устраиваетъ „сады“ передъ своими крытыми хижинами, которыя строятся вокругъ основанія „тонкихъ“ деревьевъ изъ кучи мха вокругъ самаго основанія и радіально наложенныхъ нѣсколько выше стеблей, часто орхидей, упирающихся на стволъ. Такимъ образомъ, вокругъ основанія деревца получается крытый коридоръ, одна сторона котораго не задѣлана, и передъ нею расчищается площадка украшаемая самцомъ различными цвѣтами, отчего и получается родъ сада. Такая своеобразная постройка принадлежитъ только одной парѣ и представляетъ собою крайнюю степень выраженія любви нѣкоторыхъ птицъ къ яркимъ блестящимъ предметамъ. Инстинктъ къ возведенію этихъ построекъ могъ развиться лишь постепенно. Наконецъ, упомянемъ о настоящихъ общественныхъ гнѣздахъ ткачей, постройка которыхъ связана съ общественностью этихъ птицъ.

Но если, съ одной стороны, сем. инст. могъ совершенствоваться, съ другой, онъ могъ и утратиться. Такимъ образомъ, выработалась привычка нѣкоторыхъ кукушекъ и отчасти т. наз. коровьихъ птицъ откладывать яйца въ гнѣзда другихъ птицъ. При этомъ у кукушекъ полное подавленіе семейныхъ инстинктовъ повело къ одиночной жизни этихъ птицъ, у которыхъ нѣтъ ни обществъ, ни паръ.

Какъ и у человѣка, у птицъ прочность семейныхъ началъ выражается въ привязанности членовъ пары другъ къ другу и въ заботахъ о дѣтяхъ. Напр., у нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ пары сходятся на всю жизнь или, точнѣе, до смерти одного изъ супруговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самецъ и самка не только выращиваютъ дѣтей, но настоящимъ образомъ воспитываютъ ихъ. Когда дѣти выросли, родители показываютъ имъ на примѣрѣ, какъ нужно ловить живую добычу, а затѣмъ пріучаютъ сначала схватывать въ воздухѣ уже битыхъ птицъ, которыхъ они бросаютъ имъ, чтобы потомъ птенцы начали ловить и живыхъ. У нѣкоторыхъ птицъ съ весьма развитой сем. жиз., напр., у грача, семья ведетъ къ основанію гнѣздящихся колоній, которыя и послѣ гнѣздового періода не разбиваются на пары. Въ этихъ случаяхъ очевидно, что общество выводится изъ семьи и потому естественно заключить, что соц. инст. берутъ свое начало въ сем. инст. Съ другой сто-

роды, нельзя не поставить въ связь высокое развитіе семейныхъ началъ въ группѣ птицъ съ ихъ высоко развитыми умственными способностями. Любопытно, что съ гнѣздостроеніемъ у птицъ связано понятіе о собственности. У всѣхъ птицъ съ хорошо развитой семьей гнѣздо является центромъ участка, куда пара, владѣющая гнѣздомъ, старается недопустить пришлецовъ. При этомъ размѣръ участка болѣе или менѣе прямо пропорціоналенъ величинѣ и силѣ птицы. Естественно, что у хищныхъ птицъ эти гнѣздовые участки особенно сильно выражены, такъ какъ у крупныхъ хищниковъ, каковы орлы, одно и то же гнѣздо служитъ по многу лѣтъ и, будучи годъ изъ году поправляемо и надстраиваемо, достигаетъ иногда огромныхъ размѣровъ.

Зависимость между родомъ пищи и общественностью устанавливается у птицъ очень легко. У птицъ, образующихъ пары, колоніи или общества выражены только у всеядныхъ и насѣкомоядныхъ. Даже насѣкомоядные хищники, какъ кобчикъ, гнѣздятся колоніально. Отлично извѣстны колоніи розовыхъ скворцовъ, стрижей, ласточекъ, грачей и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обиліе корма и легкость, съ которою онъ добывается, способствуютъ развитію у птицъ общественности, которая представляетъ цѣлый рядъ преимуществъ въ охранѣ и защитѣ членовъ колоніи. У перечисленныхъ птицъ общественность не разрушаетъ семьи: колонія можетъ состоять и изъ очень немногихъ паръ и изъ очень большого числа ихъ, но пары выражены ясно. Однако, не трудно представить себѣ, что дальнѣйшее развитіе соц. инстинк. можетъ повести къ разрушенію семьи, какъ это мы видѣли на примѣрахъ многихъ чаекъ и крачекъ.

Среди зерноядныхъ птицъ замѣчательный примѣръ общественности представляютъ собою ткачи, которые устраиваютъ общественныя гнѣзда въ видѣ шатровъ на деревьяхъ: такія гнѣзда защищаютъ ихъ обитателей отъ нападенія разныхъ враговъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ обезьяны.

Очень много сходнаго. съ сем. и обществ. жизнью птицъ представляетъ собою сем. и обществ. жизнь млекопитающихъ. И у нихъ дѣти рождаются на чрезвычайно различной степени развитія: у китовъ, копытныхъ новорожденные настолько крѣпки, что могутъ слѣдовать за родителями сейчасъ же по рожденіи, у большинства новорожденные совершенно безпомощны, при чемъ у однихъ слѣпые, у другихъ зрячіе. Въ связи съ этимъ воспитаніе то упрощается, то осложняется. При этомъ одни изъ такихъ млекопитающихъ живутъ семьями, другія стадами, и у слоновъ, животныхъ стадныхъ, существуетъ замѣчательный фактъ кормленія слонятъ не одними матерями, а всѣми самками вообще. Это значительный шагъ въ дѣлѣ разрушенія семьи, но у другихъ млекопитающихъ подобнаго не наблюдается. Въ данномъ случаѣ общественный инст., несомнѣнно, одержалъ верхъ надъ семейнымъ. Но весьма вѣроятно, что причину этого исключительнаго явленія надо искать въ особенностяхъ организаціи слоновъ: въ ихъ массивности, продолжительномъ развитіи и возникающей отсюда трудности выкармливанія слонятъ.

У млек., которыя рождаютъ дѣтей безпомощными, на самку выпадаетъ трудная забота не только выкармливанія и воспитанія дѣтей, но у нѣкоторыхъ еще и охраны ихъ отъ самцовъ (кошки). Зато у нихъ нерѣдки и такіе примѣры, когда самецъ и самка одинаково пекутся о дѣтяхъ. Такъ обстоитъ дѣло у собакъ въ широкомъ смыслѣ ихъ. Волкъ и волчица одинаково заботятся охранить и накормить дѣтей въ первомъ возрастѣ, а затѣмъ водятъ ихъ съ собою на охоту и посвящаютъ во всѣ тайны труднаго ремесла добыванія добычи. У медвѣдей самецъ не принимаетъ участія въ воспитаніи дѣтей, но на помощь самки всегда приходятъ т. наз. пестуны, т. е. годовалые медвѣжата, которые весь второй годъ своей жизни состоятъ при семьѣ и всячески ухаживаютъ за медвѣжатами слѣдующаго за ними помета. Выкормивъ одно поколѣніе своихъ сестеръ и братьевъ, они либо сами уходятъ отъ семьи, либо ихъ прогоняютъ самки.

Зависимость родительскихъ заботъ и прочности семейныхъ началъ отъ умственнаго развитія весьма легко можетъ быть прослѣжена на млекопитающихъ. У глупыхъ грызуновъ родители во время голода нерѣдко поѣдаютъ дѣтей. У тюленей, которые щенятся на землѣ, мать не отходитъ отъ дѣтей и въ свое время обучаетъ ихъ плаванію и нырянію, къ чему сами тюленята не способны. У обезьянъ любовь къ дѣтямъ развита до чрезвычайности. Извѣстны случаи, когда матери своими ласками душили дѣтей. Но у обезьянъ къ семейн. инст. присоединяются обществ.: большинство обезьянъ—животныя стадныя, и у нихъ въ охранѣ и воспитаніи дѣтей принимаетъ участіе все стадо, не исключая почтеннаго стараго вожака. Подобная же стадность наблюдается у многихъ копытныхъ, напр., у лошадей, оленей, но въ основѣ такихъ стадъ лежитъ полигамическая семья. Тогда какъ у полигамич. птицъ самцы держатся особнякомъ отъ самокъ, у полигам. млекопитающихъ самецъ охраняетъ свой гаремъ, являясь въ то же время его властелиномъ. Внѣ періода яра полигам. семьи образуютъ стада, охраняемыя самцами по числу составившихъ стадо семей. Во время яра стада разбиваются на семьи, т. к. половое чувство оказывается сильнѣе обществ. инст., и между самцами возникаютъ серьезные бои изъ-за обладанія самками. У тюленей стада разбиваются по выходѣ на берегъ во время яра на семьи, изъ которыхъ каждая, охраняемая своимъ самцомъ, завладѣваетъ опредѣленнымъ участкомъ берега, откуда прогоняются пришельцы. Въ данномъ случаѣ съ семейн. инст. связывается и понятіе о собственности.

Наибольшаго развитія достигаетъ общественность у обезьянъ. Стадо обез. обыкновенно избираетъ себѣ опредѣленный районъ и здѣсь жительствуетъ подъ предводительствомъ стараго вожака, который сумѣлъ подчинить своей силѣ и уму болѣе слабыхъ членовъ стада. Всякое неповиновеніе вожаку карается пинками и щипками. Зато вожакъ въ свою очередь заботится о своихъ подчиненныхъ и нерѣдко спасаетъ ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Во время набѣговъ обезьяны дѣйствуютъ согласно и, достигнувъ намѣченной цѣли экскурсіи, становятся въ цѣпь, передовые члены которой грабятъ плантацію и передаютъ награбленное слѣдующимъ, а эти въ свою очередь передаютъ добычу въ задній конецъ цѣпи. Когда стадо отдыхаетъ, его охраняютъ часовые.

Нѣтъ сомнѣнія что соціальн. инст. развиваются въ животномъ царствѣ вслѣдствіе того, что они полезны въ борьбѣ за существованіе. Но было бы огромной ошибкой считать ихъ присущими всѣмъ животнымъ, достигшимъ извѣстнаго умственнаго развитія. Притомъ значеніе ихъ различно у разныхъ животныхъ. У общественныхъ насѣкомыхъ они приводятъ къ раздѣленію труда между членами общины и къ измѣненію организаціи послѣднихъ примѣнительно къ разнымъ функціямъ. У хищныхъ млекопитающихъ они служатъ для общественныхъ охотъ, у копытныхъ или для болѣе легкой защиты отъ враговъ, или какъ результатъ полигаміи. У птицъ общественность преимущественно полезна беззащитнымъ птицамъ для обороны отъ хищниковъ и т. д.

У нѣкоторыхъ животныхъ крайняя степень развитія соціальн. инст. разрушаетъ семью, что является неблагопріятнымъ для личной жизни, но полезно для сохраненія вида. У многихъ животныхъ, принадлежащихъ къ низшимъ группамъ животнаго царства, тѣсное сожительство неопредѣленнаго числа особей, съ распредѣленіемъ между ними извѣстныхъ функцій, т.е. коммунистическій строй, ведетъ къ полному подавленію особи или индивидуума и къ замѣнѣ его физіологической единицей. Прѣсноводная гидра, представляющая собою трубочку, которая однимъ концомъ укрѣплена на ряскѣ, а на другомъ свободномъ и нѣсколько расширенномъ несетъ нитевидныя щупальцы, размножается и половымъ и безполымъ путемъ, т.-е. почками. Каждая почка, представляющая собою мѣстное выпячиваніе стѣнокъ тру-

бочки, растетъ и развивается въ свою очередь въ подобіе взрослой гидры, отъ которой обыкновенно рано отдѣляется, чтобы начать самостоятельную жизнь, а иногда, напротивъ, долго остается въ соединеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на старой гидрѣ развивается не одна, а нѣсколько почекъ, каждая почкуетъ въ свою очередь и, такимъ образомъ, вмѣсто одиночной гидры получается колоніальная, въ видѣ деревца, и на самомъ дѣлѣ представляющая собою живое генеалогическое древо. Всѣ такія соединенныя вмѣстѣ гидры живутъ общей жизнью, и добыча, пойманная одною изъ нихъ, является достояніемъ всей колоніи. Но такая колонія для гидры явленіе не нормальное, въ концѣ концовъ преходящее, и всѣ особи колоніи совершенно походятъ другъ на друга. Напротивъ, у близкихъ къ гидрѣ формъ, у морскихъ т. наз. гидроидныхъ полиповъ колоніи явленіе нормальное и состоятъ изъ группъ особей, разнящихся между собою по формѣ, строенію и отправленію. У плавающихъ морскихъ сифонофоръ подобныя же колоніи представляютъ собою каждая стебель, на которомъ расположены группы разнообразно измѣненныхъ особей, развившихся, какъ у гидры, путемъ почкованія изъ первичной особи, которая въ свою очередь развилась изъ яйца. Раздѣленіе труда у сифонофоръ до такой степени сказалось на особяхъ колоніи, что каждая особь, въ сущности, превратилась въ органъ, а группы подобныхъ особей-органовъ, сидящія въ опредѣленномъ порядкѣ на стеблѣ колоніи, замѣняютъ особь въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но, въ сущности, представляютъ собою особь лишь въ физіологическомъ, а не морфологическомъ смыслѣ. Не зная исторіи развитія сифонофоръ, нельзя опредѣлить и значенія ея составныхъ частей. И въ этихъ случаяхъ общественность, безусловно вредная для особи, т. к. приводитъ къ ея полному подавленію, могла развиться въ качествѣ полезной для вида. Такъ-же образовались, подъ вліяніемъ паразитизма, недоразвитыя особи или особи, развившіяся регрессивнымъ путемъ. Невозможно представить себѣ, чтобы недоразвитіе могло быть полезно для индивидуальнаго существованія, но оно полезно для существованія вида и потому дало такія удивительныя формы паразитизма.

Итакъ, семейн. инст. могъ привести къ развитію социальн. инст., и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ семьи могли развиться формы общественной жизни, заканчивающіяся образованіемъ государства. Не то представляютъ собою собранія особей одного и того же вида, и даже разныхъ, иногда весьма многочисленныя, но выросшія не изъ семьи, а образовавшіяся подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. И по отношенію къ нимъ проявляются соціальные инст., повидимому, того же типа, какъ у обществъ, развившихся изъ семьи, но такія общества не прочны и имѣютъ временное значеніе. У необщественныхъ насѣкомыхъ, каковы мухи, бабочки, часто наблюдаются сборища ихъ личинокъ, которыя, будучи связаны кормовыми условіями, держатся вмѣстѣ, перебираясь съ растенія на растеніе, а иногда, вслѣдствіе недостатка корма, сообща пускаются въ путь, въ поискахъ за другимъ, болѣе кормнымъ мѣстомъ. Однако, какъ только наступаетъ періодъ закукливанія, эти сборища разбиваются, каждая личинка закукливается независимо отъ другихъ, и выходящее изъ куколки взрослое насѣкомое ведетъ совершенно самостоятельную жизнь. Правда, у нѣкоторыхъ бабочекъ наблюдаются временныя скопленія, когда эти насѣкомыя предпринимаютъ мѣстныя переселенія, но такъ какъ причина или причины этихъ переселеній далеко не выяснены, было бы рисковано утверждать, что временное стаденіе имѣетъ что-либо сродное съ настоящей общественностью. Быть можетъ, и даже вѣроятно, что эти стаденія и странствованія вызываются кормовыми или температурными условіями, и странствующія вмѣстѣ особи ничѣмъ, въ сущности, не связаны другъ съ другомъ.

Точно такъ же многія рыбы держатся стадами, но причины образованія стадъ у разныхъ рыбъ различны: осетровыя собираются стадами, въ усть-

яхъ рѣкъ, откуда поднимаются вверхъ противъ теченія, для откладыванія своей икры въ прѣсной водѣ. Подобныя общества, очевидно, объясняются скопленіями большого числа особей на небольшой площади и половымъ инстинктомъ (отношеніемъ самцовъ къ самкамъ). Сельди странствуютъ большими массами, образованіе которыхъ отчасти объясняется тѣмъ, что эти рыбы откладываютъ свою икру на опредѣленныхъ неглубокихъ мѣстахъ и, вѣроятно, связаны съ опредѣленными морскими теченіями, условіями температуры окружающей воды. Нельзя отрицать, что въ подобныхъ странствованіяхъ играетъ роль привычка, т. е. изъ года въ годъ въ безчисленномъ рядѣ поколѣній повторяющіяся движенія, но настоящей общественности и въ этомъ случаѣ нѣтъ. Но еще лучше это обнаруживается въ сухопутныхъ странствованіяхъ рыбъ, когда, напр., нѣкоторые изъ сомовъ въ Ю. Америкѣ перебираются въ большомъ количествѣ изъ одного высыхающаго водоема въ другой, съ сохраняющейся водой, пользуясь для своихъ переселеній болѣе сырыми, по возможности болотистыми участками, съ кой-гдѣ сохраняющейся водой.

Подобіе такихъ же временныхъ собраній большаго или меньшаго количества особей извѣстно и для амфибій, и для рептилій, но всюду, гдѣ они не связаны съ зачатками семейной жизни, они объясняются внѣшними причинами.

Лучше всего можно ознакомиться съ образованіемъ сборищъ у птицъ и звѣрей. Такъ, останавливаясь на птицахъ мы, напр., видимъ, что подорожники часто держатся вмѣстѣ съ жаворонками, сороки съ воронами, различныя цапли вмѣстѣ другъ съ другомъ и бакланами и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ побудительной причиной къ такой совмѣстной жизни является однородность пищи. Въ чрезвычайно многочисленныхъ и сложныхъ колоніяхъ цапель и баклановъ, и цапли и бакланы, птицы общественныя сами по себѣ, живутъ самостоятельной жизнью. Но не трудно видѣть, что общественность всегда способствуетъ большей безопасности, т. к. опасность скорѣе можетъ быть пропущена одной птицей, нежели многочисленнымъ сборищемъ: въ послѣднемъ угрожающую опасность замѣтитъ если не одинъ, то другой членъ сборища, и это, конечно, сейчасъ же будетъ извѣстно остальнымъ. Отсюда легко перейти къ такимъ сборищамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ забота о безопасности. Путемъ опыта и продолжительной привычки, у птицъ могла, наконецъ, выработаться и болѣе сложная форма стадной жизни, когда собравшіяся въ стадо птицы образуютъ добровольный союзъ съ нѣкоторымъ распредѣленіемъ обязанностей между членами стада. Такъ, у дрофъ, гусей и пр. стадо ввѣряетъ свою охрану немногимъ часовымъ, бодрствующимъ, пока большинство стада отдыхаетъ. Отъ времени до времени часовые смѣняются. Въ другихъ случаяхъ стадо птицъ одного вида охотно допускаетъ въ свою среду отдѣльныя особи другихъ болѣе осторожнаго вида и вполнѣ полагается на ихъ бдительность. Даже случайно собравшіяся птицы, напр., птицы, живущія въ опредѣленномъ участкѣ лѣса, оказываютъ другъ другу взаимныя услуги въ дѣлѣ охраны, и осторожные и крикливые сойки, сороки и дрозды своимъ тревожнымъ крикомъ предостерегаютъ объ угрожающей опасности все птичье населеніе своего округа. Въ Африкѣ калао предостерегаетъ своимъ крикомъ другихъ птицъ о появленіи змѣи, кошки и другого врага. Осторожнымъ страусомъ съ его длинной шеей охотно пользуются даже звѣри, со стадами которыхъ онъ часто встрѣчается: газели, зебры, кваги и др. немедленно обращаются въ бѣгство слѣдомъ за испуганными страусами.

Иногда общества птицъ образуются временно подъ вліяніемъ недостатка гнѣздовыхъ мѣстъ. Извѣстныя „птичьи горы" или, какъ ихъ у насъ называютъ, „базары", преимущественно находящіеся въ сѣверныхъ странахъ, но иногда и въ среднихъ широтахъ, только всегда въ связи съ гнѣздованьемъ океаническихъ птицъ, обязаны своимъ происхожденіемъ именно этой причинѣ. Скопленія птицъ въ такихъ базарахъ бываютъ огромны и исчисляются десятками тысячъ. Образованы они разными видами: тутъ и чайки, и кайры и др.; но не только каждый видъ слѣдуетъ

своимъ собственнымъ привычкамъ, но каждая семья сохраняетъ свою самостоятельность. Когда птенцы выросли и вылетѣли изъ гнѣздъ, колоніи разбиваются. Но пока колонія существуетъ, соколъ или поморникъ является общимъ врагомъ всѣхъ ея членовъ и одинаково преслѣдуется всѣми. Точно такъ же зимою общественность птицъ проявляется на мѣстахъ ихъ зимовокъ, напр., въ Египтѣ на оз. Мензалѣ, подъ вліяніемъ мѣстнаго скопленія обильнаго корма.

Отъ такой формы общественной жизни нетрудно перейти къ т.-наз. „комменсализму", т.-е. такимъ случаямъ совмѣстной жизни, когда особь приноситъ прямую или косвенную пользу другимъ особямъ, не приходя съ ними въ прямое столкновеніе. И въ этомъ отношеніи птицы доставляютъ большое число поучительныхъ примѣровъ. Одинъ изъ зуйковъ забирается въ разинутую пасть крокодила и тамъ безбоязненно ищетъ себѣ кормъ, состоящій изъ пріютившихся тамъ паразитовъ. Скворцы въ порядочномъ количествѣ собираются на спинахъ буйволовъ, отыскивая тамъ паразитовъ, и, будучи очень осторожными птицами, своими криками и безпокойными движеніями предупреждаютъ огромныхъ звѣрей объ опасности. Сорока, найдя трупъ убитаго или павшаго звѣря и будучи не въ силахъ сама расклевать его кожу, своими криками даетъ знать о своей находкѣ большимъ хищникамъ и довольствуется остающимися послѣ нихъ объѣдками.

Естественно ожидать, что у млекопитающихъ вообще съ болѣе развитыми умственными способностями, нежели у птицъ, встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, тѣ же формы сборищъ, какія наблюдаются у птицъ, и это дѣйствительно подтверждается фактами. Но, вообще говоря, общественность, связанная съ семейными началами, преобладаетъ у млекопитающихъ надъ другими формами совмѣстной жизни. Стаденіе, вызываемое кормовыми условіями, хорошо выражено только у травоядныхъ и хищныхъ. Огромныя стада буйволовъ и въ прежнее время бизоновъ, антилопъ, лошадей и др. травоядныхъ прямо связаны съ мѣстными условіями сохраненія корма. Хищники, напр. волки, собираются въ большомъ числѣ, слѣдуя за стадами травоядныхъ. Но даже и у этихъ животныхъ, какъ мы уже видѣли, семейная жизнь является преобладающей формой общественности, а изъ нея выводятся уже простѣйшіе виды государственности. Однако, сравнительно большое число зачаточныхъ государствъ у животныхъ, связанныхъ иногда съ чрезвычайной спеціализаціей въ распредѣленіи труда, указываетъ на то, что у животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, государства зачинаются, но не прогрессируютъ особенно въ своемъ развитіи. Отчасти это можетъ обусловливаться неравномѣрнымъ распредѣленіемъ труда среди населенія, отчасти же, и это м. б. дѣйствительнѣе, это стоитъ въ связи съ недостаточнымъ умственнымъ развитіемъ, что мѣшаетъ правильной оцѣнкѣ значенія соціальныхъ инстинктовъ, пользы общественности для отдѣльныхъ членовъ общества и правильному опредѣленію возникающихъ отсюда взаимоотношеній между обществомъ и государствомъ.

Оцѣнивая вліяніе общественной жизни на особь, надо снова имѣть въ виду два рода общественности: общ. вытекающую изъ семейныхъ началъ и общ. обусловливаемую внѣшними условіями. Хотя говорить объ этическихъ началахъ у животныхъ можно лишь съ осторожностью, совершенно не признавать ихъ существованія у жив. нельзя. Поскольку же они имѣются у жив., они, безъ сомнѣнія, связаны съ семейными началами. Съ другой стороны, если даже совершенно отрицать этич. начала у животныхъ, необходимо допустить, что рано или поздно они появились у предковъ человѣка, и опять-таки наиболѣе логично связать ихъ появленіе съ семейными инстинктами. При различеніи двоякаго вида общ., тѣ общества, которыя образуются подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, должны быть признаны менѣе устойчивыми, нежели общ., построенныя на семейныхъ началахъ, и вліяніе общ. того и другого рода на особь, конечно, должно быть различно. Въ стадахъ копытныхъ, охраняемыхъ однимъ или, во всякомъ случаѣ, немногими старыми особями, стадо защищено настолько же хорошо, насколько

отдѣльные его члены сами по себѣ безпомощны. Въ случаѣ гибели вожака, стадо разбивается, и одни его члены находятъ себѣ спасеніе въ томъ, что присоединяются къ другимъ стадамъ, а другіе, оказавшись предоставленными сами себѣ, погибаютъ. Часто вожаками становятся такія особи, которыя не охотно подчиняются уже имѣющемуся вожаку своего стада, за что рано или поздно изгоняются изъ среды своихъ товарищей. Если они достаточно сильны и мужественны, имъ удается сдѣлаться вожаками своихъ собственныхъ стадъ, подчиняя себѣ болѣе слабыхъ особей, преимущественно самокъ. Такіе вожаки, руководимые преимущественно половымъ инстинктомъ, едва ли могутъ быть названы обладающими соціал. инст. Подчиненныя имъ особи умственно и даже физически слабѣютъ, и существованіе подобныхъ общ. возможно лишь потому, что они полезны для вида. Но если животныя съ такой формой общ. строя вступятъ въ соревнованіе съ другимъ, тоже общественнымъ видомъ, но обладающимъ болѣе совершенной формой общ., въ такомъ случаѣ побѣда окажется на сторонѣ послѣдняго. Не исключена возможность, что масса особей вида побѣдителя еще болѣе подавлена своими вожаками, нежели у конкурирующаго вида. Ихъ побѣда въ жизненной борьбѣ можетъ обусловливаться какими-либо другими факторами, нежели ихъ личныя свойства, какова, напр., дисциплина, выражающаяся въ полномъ и быстромъ выполненіи распоряженій сильныхъ особей, которыя олицетворяютъ собою физическія и умственныя преимущества вида.

Другой примѣръ подавляющаго вліянія общества на особь представляютъ собою пчелы. Какъ извѣстно, у пчелъ три формы особей, составляющихъ общину: плодущая самка, матка или царица, самцы—трутни и неспособныя къ размноженію самки, рабочія пчелы. Матка одна, трутней много, массу населенія составляютъ рабочія пчелы. На маткѣ и трутняхъ лежатъ половыя функціи, на пч. работницахъ всѣ остальныя необходимыя для пчелиной общины функціи. Онѣ строятъ соты, добываютъ кормъ, ухаживаютъ за личинками, куколками и матками, регулируютъ пребываніе въ ульѣ самцовъ. Такимъ образомъ, утративъ способность къ размноженію, онѣ сохранили за собой всѣ остальныя функціи. Такимъ образомъ, пчелиное государство построено на принципѣ раздѣленія труда, но при этомъ односторонне развиты только матка и трутни; пч. работницы утратили только одну половую функцію. Поэтому на первый взглядъ можетъ казаться, что матка и трутни болѣе зависятъ отъ пч. работницъ, нежели послѣднія отъ нихъ. Такъ оно и есть въ индивидуальной жизни, но въ вопросѣ о жизни и сохраненіи вида всѣ три категоріи особей, независимо отъ различія въ ихъ численности, одинаково необходимы: пч. работницы могутъ жить индивидуально независимо отъ матки и трутней, но поддержать существованіе вида онѣ не могутъ, т. к. безплодны. И въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, интересы особи принесены въ жертву интересамъ государства до значительной степени подавленія индивидуальной жизни. Въ однотипныхъ съ пчелами государствахъ различныхъ муравьевъ наблюдается то же, но въ еще большей степени, съ подавленіемъ индивидуальныхъ интересовъ не только у особей одного и того же вида, но даже чуждаго вида (рабство у муравьевъ).

Наконецъ, классическій примѣръ подавленія соціальной жизнью ж. индивидуальной мы имѣемъ на гидроидныхъ полипахъ и сифонофорахъ, гдѣ особь стала органомъ особи высшаго порядка и только.

Въ другомъ видѣ намъ представляется значеніе особи въ такихъ колоніяхъ, какъ гнѣздовыя колоніи многихъ птицъ, гдѣ всѣ члены колоніи равноправны, но защищаются общими силами. Въ нихъ нѣтъ преобладанія одной группы особей надъ другой, но колоніальность или общественность сама по себѣ, повидимому, ведетъ иногда къ разрушенію семей, входящихъ въ составъ колоніи или, что то же, къ подавленію материнскихъ инстинктовъ. Такъ, у нѣкоторыхъ птицъ птенцы въ колоніи выкармливаются не собственной матерью, а разными; слоненокъ выкармливается разными матками

и т. д. Какъ разсматривать эти явленія? Объясняются ли они только подавленіемъ семейныхъ началъ, или допускаютъ и иное толкованіе? Конечно, допускаютъ: стоитъ только принять, что у крачекъ, чаекъ, куликовъ—среди птицъ и у слоновъ среди—млекопитающихъ материнскій инстинктъ развитъ до размѣровъ выше нормы, и тогда получится объясненіе, почему самки нѣкоторыхъ птицъ и слонихи распространяютъ свои попеченія не только на своихъ дѣтей, но и на чужихъ. М. б., въ дѣйствительности, не соц. инст. объясняютъ тѣ или другія явленія сем. ж. а сем. нач. объясняютъ крайне высокую степень развитія соц. инстинкта.

Какъ выше указано, сем. нач. развиваются пропорціонально умств. способн., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ сложныя явленія соціальной жизни нарушаютъ нормальныя отношенія между особями разнаго пола. Допуская, что съ сем. нач. соединены зачатки этическихъ началъ, нечего удивляться, что нѣкоторыя животныя, напр. обезьяны, проявляютъ столько же сложную, сколько и прочную соціал. организацію. Самымъ замѣчательнымъ въ ихъ обществахъ является то, что вожакъ стада беретъ на себя его охрану, до извѣстной степени въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ—такова уже сила ихъ соціальн. инст. Сравнивая поступокъ павіана, спасающаго малютку-обезьяну отъ стаи окружающихъ ее собакъ съ аналогичнымъ поступкомъ человѣка, намъ хочется назвать его „благороднымъ". Но отъ такой оцѣнки его насъ удерживаетъ вопросъ, инстинктивно или сознательно было это сдѣлано. Повидимому, у насъ налицо всѣ признаки считать такой актъ сознательнымъ, но большинство все-таки склонно объяснить его въ качествѣ своеобразнаго проявленія соц. инст. Съ точки зрѣнія эволюціоннаго ученія, понятіямъ о добрѣ и злѣ предшествовало понятіе о пользѣ и вредѣ. Но когда къ этому присоединились сем. инст., подражаніе однѣхъ особей другимъ, стремленіе заслужить одобреніе себѣ подобныхъ, изъ сочетанія такихъ данныхъ не только могли, но должны были возникнуть этическія начала. Вопросъ о томъ, могла ли соц. ж. человѣка развиться изъ зачатковъ соц. ж. животныхъ, совершенно безполезенъ. Было бы полнымъ отсутствіемъ логики признавать человѣка происшедшимъ отъ одной изъ болѣе низко организованныхъ животныхъ формъ и не признавать его родство съ жив. по духу. Труднѣе обстоитъ дѣло съ вопросомъ, развились ли формы соц. ж. человѣка прямо изъ формъ соц. ж. животныхъ, или же человѣкъ, достигнувъ извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія, т. сказать, порвалъ со своимъ прошлымъ и пошелъ по новому пути. При первомъ толкованіи надо признать, что человѣкъ утрачивалъ постепенно, одну за другой, привычки, перешедшія къ нему отъ его животныхъ предковъ; при второмъ надо допустить, что вмѣстѣ съ понятіемъ о добрѣ и злѣ онъ сразу отказался отъ физическихъ принциповъ борьбы за существованіе. Вмѣсто уничтоженія слабыхъ особей, осужденныхъ въ физической борьбѣ за жизнь на гибель, онъ ставитъ своей задачей облегчать ихъ существованіе, руководясь сознаніемъ, что взаимная помощь для него полезнѣе, нежели физическія средства борьбы за существованіе. Эта точка зрѣнія отнюдь не противорѣчитъ основному принципу теоріи подбора—принципу переживанія способнѣйшаго; въ длинномъ рядѣ поколѣній для человѣка измѣнилось направленіе борьбы за существованіе, и вмѣстѣ съ измѣненіемъ этого направленія онъ измѣнилъ способы борьбы. Развитіе этическихъ началъ дѣлаетъ для цивилизованнаго человѣка невозможнымъ продолженіе физической борьбы за жизнь, т. к. получаемая при побѣдѣ такимъ путемъ выгода совершенно уничтожается сопровождающими ее внутренними страданіями, и онъ предпочитаетъ отказаться отъ цѣлаго ряда преимуществъ, чтобы не испытывать т. наз. укоровъ совѣсти.

Очень часто сравниваютъ разныя формы соц. ж. животныхъ съ разными формами соц. ж. человѣка. Любятъ говорить о монархіи пчелъ, республикѣ однѣхъ и коммунистическомъ строѣ другихъ птицъ, и т. д. Но съ такими

сравненіями надо всегда соблюдать большую осторожность. Кромѣ аналогій, иногда довольно отдаленныхъ, иногда болѣе близкихъ, въ этихъ случаяхъ ничего нѣтъ. Только у высшихъ млекопитающихъ, и по своей организаціи приближающихся къ человѣку, можно найти, на ряду съ психическимъ сходствомъ, болѣе тѣсную связь между формами соц. ж. ихъ и человѣка.

Во всякомъ случаѣ, подъ соціологіей въ настоящее время мы должны разумѣть отдѣлъ біологіи, занимающійся изслѣдованіемъ и изученіемъ законовъ образованія и развитія обществъ во всемъ животномъ царствѣ и у человѣка. Какъ между организаціей животныхъ предковъ человѣка, будутъ ли они формами близкими къ современнымъ антропоморфнымъ обезьянамъ или къ болѣе отдаленнымъ формамъ приматовъ, и человѣкомъ существуютъ постепенные переходы, такъ точно между формами соц. ж. приматовъ и человѣка также должны быть постепенные переходы. Но не лишено вѣроятія; что соц. ж. дикарей ставитъ ихъ ближе къ приматамъ, нежели къ цивилизованному человѣку съ его высоко развитымъ этическимъ чувствомъ.

М. Мензбиръ.

Соціальная психологія. Подъ этимъ названіемъ разумѣется та отрасль знанія, которая изслѣдуетъ психическія явленія человѣка, какъ члена общества. С. п., какъ наука, выдѣлилась изъ общаго круга общественныхъ знаній очень поздно. Первоначально ея данныя и выводы входили въ философію, психологію, особенно же этику и политику. Широкое использованіе данныхъ С. п. мы находимъ уже у Платона и Аристотеля, при чемъ они принимали во вниманіе эти данныя при раздѣленіи общества на отдѣльные классы. У Платона само раздѣленіе труда слѣдуетъ за наличностью прирожденныхъ психическихъ свойствъ, а государство принимаетъ внутренній строй отдѣльнаго человѣка; у Аристотеля дается очеркъ классовой психологіи, сообразно имущественному раздѣленію общества, а ученіе о политическихъ формахъ и смѣнѣ ихъ подвергается широкому с.-психолог. освѣщенію. У римлянъ С. п. трактуется лишь попутно, поскольку она даетъ с.-психолог. типы въ связи съ гражданской этикой (Цицеронъ) или обосновываетъ живое содержаніе субъекта права (заботливый хозяинъ, честный отецъ семейства, добросовѣстный владѣлецъ и т. п.). Въ христіанскую эпоху данныя С. п. примѣняются при построеніи грѣха и грѣховности, поскольку дѣло идетъ о соблазнахъ и искушеніяхъ власти. Особенное развитіе получаетъ ученіе о психологіи свѣтской (царской) власти (Златоустъ, Амвросій, Августинъ и т. д.). Впослѣдствіи въ церкви не только практически разрабатывается психотехника духовной организаціи—методы и пріемы массоваго внушенія, психотерапіи (исповѣдь и исцѣленія), вытѣсненія эротики и ея организаціи для общей связи, но и создаются подробныя практическія руководства. Таковы всевозможные уставы и статуты монашескихъ орденовъ, а въ частности произведенія, достигнувшаго большихъ успеховъ въ данной области, ордена іезуитовъ. Положительно непревзойденнымъ образцомъ по мистической организаціи массовой психики и до сихъ поръ является твореніе Игнатія Лойолы: „Exercitia Spiritualia“ (1593—1594). Неменьшей заслугой ордена является и разработка системы воспитанія и преподаванія на основѣ индивид. и массовой психологіи. Въ эпоху возрожденія, съ пробужденіемъ политич. мысли, воскресла и С. п., какъ составная часть политики. Образцомъ здѣсь можно считать Макіавелли, который широко пользовался психологическими обобщеніями въ своихъ трактатахъ, посвященныхъ государственной наукѣ. Въ основѣ психологично и его ученіе объ историческомъ процессѣ. При господствѣ теорій естественнаго права дѣлается попытка обосновать ученіе о душевной жизни общественнаго человѣка на законахъ природы (lege naturali) и геометрическимъ способомъ (modo geometrico). Само понятіе естественнаго человѣка, бывшаго исходнымъ пунктомъ всѣхъ экономическихъ, политическихъ и правно-политическихъ построеній, было ни чѣмъ инымъ, какъ психологическимъ обобщеніемъ типическихъ чертъ общественнаго человѣка данной эпохи

опредѣленныхъ странъ и того общественнаго класса, интересы коего отстаивалъ тотъ или иной авторъ. И если Гоббсъ рисуетъ намъ въ своемъ естественномъ человѣкѣ психологическій типъ хищника періода первоначальнаго накопленія капитала, то Локкъ даетъ подъ личиной естественнаго человѣка англійскаго буржуа своего времени, а Руссо—мелко-буржуазнаго представителя третьяго сословія революціонной Франціи. Во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ мыслители XVII—XVIII вв. пытались представить общество, какъ своеобразный психическій механизмъ, движимый отдѣльными личностями, какъ центрами приложенія психической силы. У Самуила Пуффендорфа, Христіана Томазія и Зонненфельса мы встрѣчаемся съ цѣлой наукой о мотивахъ, какъ движущихъ силахъ, при помощи которыхъ правитель или законодатель можетъ по произволу направлять общественную дѣятельность. Въ качествѣ такихъ главнѣйшихъ мотиваціонныхъ средствъ фигурируютъ излюбленные пріемы полицейской опеки—„лоза" и „пряникъ", т.-е. награда и наказаніе. Сообразно съ этимъ на первый планъ выдвигается, м. пр., воспитательная и просвѣтительная дѣятельность правительства. Искусство правленія, т. обр., становится искусствомъ психической массовой мотиваціи. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, однако, С. п. менѣе всего ставится въ связь съ общими условіями естественнаго или даже бытового характера, и еще менѣе наслѣдуется подлинная психическая жизнь человѣка. Самое большее, что мы встрѣчаемъ въ указаніяхъ и данныхъ по С. п., начиная съ древности до конца XVIII в., это психологическія характеристики „толпы", „народа", „массы", составленныя примѣнительно къ политическимъ воззрѣніямъ того или другого автора, и завершеніемъ здѣсь является установленіе зависимости характера народовъ въ зависимости отъ климата—жаркаго, средняго или холоднаго (Боденъ). Только съ появленіемъ соціологіи, какъ спеціальной науки объ обществѣ, данныя С. п. получаютъ болѣе упорядоченный характеръ и принимаютъ болѣе научную форму. Ученіе Вико является здѣсь рубежомъ: въ своей „Новой наукѣ" онъ не только установилъ опредѣленные періоды и типы развитія человѣчества, но и связалъ явленія С. п. съ исторически сложившимся бытомъ. На первый планъ онъ выдвинулъ то, что мы бы назвали „способомъ представленія", и что онъ называлъ „языкомъ" той или иной общественной группы. Такъ, у него получилось три различныхъ языка—божескій, героическій и человѣческій, обнимающіе собой соціальную символику общества въ различные періоды развитія и тѣсно связанные съ переходомъ отъ первобытнаго человѣчества къ феодализму и послѣдующему городскому хозяйству. Подобный психологизмъ вообще становится прибѣжищемъ въ такой же мѣрѣ историософскихъ, какъ соціологическихъ и соціально-утопическихъ системъ. Монтескье устанавливаетъ соотношеніе между нравами и „духомъ законовъ", Кондорсе почерпаетъ изъ свойствъ человѣческаго разума основы безконечнаго прогресса, въ чемъ ему слѣдуетъ Гердеръ; Огюстъ Контъ основываетъ соціологію и опять-таки строитъ свои эпохи развитія на психологическомъ типѣ познанія, переходящаго отъ дѣятельности чувствъ къ положительной наукѣ; Гегель въ своей грандіозной системѣ разсматриваетъ всю исторію человѣчества, какъ процессъ развитія и самопознанія духа, воплощеннаго въ отдѣльные народы. Необходимо отмѣтить, что и у Гегеля и Конта мы находимъ богатый матеріалъ по сопоставленію с.-психич. явленій и явленій матеріальнаго міра и, въ частности, экономическаго быта. Выдающееся вниманіе посвящаютъ и первые утопическіе соціалисты С. п., когда они подобно Сенъ-Симону и Фурье пробуютъ учесть значеніе и силу „страстей" и „чувствъ" при построеніи своихъ идеаловъ человѣческаго общежитія (ассоціаціи, фаланстеры и т. д.). При недостаточномъ знакомствѣ и пониманіи, съ одной стороны, біологическаго фактора въ развитіи человѣческаго общества, а съ другой, экономической его структуры, вполнѣ естественно, что, какъ теоретическія, такъ и практическія построенія въ области обществовѣдѣнія должны были, прежде всего

искать прибѣжища въ психологизмѣ и, въ частности, въ различныхъ построеніяхъ С. п. Такому выходу изъ затрудненія вполнѣ соотвѣтствовалъ и классовый интересъ общества, основаннаго на товарно-капиталистич. производствѣ, которое при помощи „разума", „души" и психологическихъ построеній оправдывало господство „духа" буржуазіи надъ „плотью" пролетаріата и затемняло при помощи „идеи" грубую матерію экономическихъ отношеній эксплуатации и господства.

Выдѣленіе С. п. въ отдѣльную науку совершилось также подъ вліяніемъ идеалистическихъ и классовыхъ тенденцій. Съ этой стороны на С. п. съ самаго начала легла нѣкоторая порочная тѣнь, отъ которой впослѣдствіи, и то съ трудомъ, ей удалось отдѣлаться. Въ основу изслѣдованія была положена толпа или масса, которая уже по самому своему мѣстонахожденію охватила собой отнюдь не образованные и господствующіе классы общества, такъ какъ они весьма рѣдко собираются или фигурируютъ въ качествѣ „толпы", но именно неимущіе и трудящіеся элементы населенія, которые не только по своему числу образуютъ массу, но и движутся, работаютъ и дѣйствуютъ массами, скопищами или толпами. Не менѣе характерно, что особое вниманіе было обращено на „преступную" толпу, образцы которой думали найти не только въ различныхъ погромныхъ и разрушительныхъ выступленіяхъ, но, въ частности, въ массовыхъ движеніяхъ великой французской революціи (Сигеле, Тардъ, Леббонъ). Методъ обработки подобнаго матеріала менѣе всего соотвѣтствовалъ требованіямъ научнаго изслѣдованія. Во-первыхъ, не устанавливалось никакой связи между психологіей данной толпы и психологическимъ уровнемъ и типомъ образующей ее болѣе широкой группы—класса, профессіи, мѣстности и т. д. Во-вторыхъ, анализъ производился не столько при помощи изученія сущаго, сколько оцѣнки съ точки зрѣнія должнаго. И въ-третьихъ, наконецъ, полученныя эмпирическія данныя, признаки, свойства, соотношенія безъ всякаго стѣсненія объявлялись имѣющими всеобщее значеніе, данная толпа превращалась въ толпу или народъ вообще, а установленныя такимъ путемъ преимущественно отрицательныя свойства толпы или даже „преступной" толпы распространялись на характеристику массы вообще. Такъ получались сужденія, которыя затѣмъ служили лишнимъ „научнымъ" аргументомъ въ борьбѣ буржуазіи и ея организованной „демократіи" противъ „анархическихъ, коммунистическихъ" и даже „соціалистическихъ" массъ. (Ср. Леббонъ, „Психологія соціализма"). Болѣе плодотворны были изслѣдованія ряда соціальныхъ психологовъ въ области такихъ явленій, какъ традиція, подражаніе и внушеніе въ общественной средѣ. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить заслуги Михайловскаго и Тарда. Однако и здѣсь, благодаря крайней односторонности психологическаго подхода (этотъ упрекъ значительно меньше относится къ первому, чѣмъ ко второму), этимъ мыслителямъ не удалось ни установить закономѣрной связи между психологіей и внѣшней средой, ни соотношенія между сознательными и безсознательными видами и формами общественной связи. Этотъ основной порокъ С. п., взятый даже безъ отношенія къ той или другой прикрытой ею соціальной и политической идеологіи, остался присущимъ ей всякій разъ, какъ только она замыкалась въ тѣсный кругъ чисто психологическаго изслѣдованія. Такой порокъ былъ методологически неустранимъ, благодаря присущему С. п. предмету изслѣдованія. Ибо, поскольку дѣло идетъ объ общественномъ человѣкѣ, на первый планъ совершенно неизбѣжно выдвигаются три основныхъ вопроса: 1) вопросъ объ общественномъ человѣкѣ, какъ одномъ изъ членовъ біологическаго ряда и, слѣдовательно, о содержаніи и границахъ его психофизіологическаго приспособленія въ историческомъ процессѣ; 2) вопросъ о формахъ и типахъ общественнаго взаимодѣйствія и связи, въ зависимости отъ хозяйственно-технической среды активнаго приспособленія; 3) вопросъ объ овладѣніи при помощи прикладной психологіи (психотехники) массовымъ поведеніемъ человѣка, въ цѣляхъ обогащенія и развитія его

индивидуальныхъ производительныхъ силъ и организаціи ихъ сообразно запросамъ общества. Разрѣшеніе указанныхъ вопросовъ необходимо требуетъ полнаго отказа отъ раздвоенія души и тѣла, отъ противоположенія духа и матеріи, наоборотъ установки С. п., какъ науки положительной, заключенной въ общій рядъ наукъ естественныхъ и работающей не только при помощи экспериментальнаго метода, но и въ тѣсномъ союзѣ съ науками о живомъ существѣ, такъ же какъ науками объ обществѣ. Отрицательными образцами чрезвычайно широкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безплодныхъ построеній С. п. является цѣлый рядъ односторонне с.-психологическихъ „системъ", которыя, однако, не дали и не могли дать ничего кромѣ противорѣчивыхъ или случайныхъ обобщеній. Таковы: теорія Уорда, основанная на признаніи нѣсколькихъ основныхъ „желаній" или „влеченій", какъ движущей силы; ученіе Гидингса съ его господствомъ „сознанія рода"; доктрина Кидда, видящаго главную связь общества въ „религіи"; система Макъ Дауголла, исчерпывающаго исторію человѣчества каталогомъ различныхъ „инстинктовъ"; Де-Роберти, создавшаго особый видъ „духовной формы міровой энергіи", присущей именно обществу, и даже нѣкоторыхъ современныхъ послѣдователей психоаналитической школы Фрейда, которые исчерпываютъ всѣ явленія общественности исключительно обнаруженіемъ присущей человѣку „сексуальности" (Кольнай, Федернъ, Абрагамъ, Ференчи и др.). Подобныя теоріи пользуются тѣмъ большимъ успѣхомъ, что, будучи лишены твердаго соціально-научнаго основанія, онѣ даютъ ихъ авторамъ полную возможность фантазированія въ желательномъ направленіи и превращаютъ С. п. въ формально-научную оболочку для опредѣленныхъ классовыхъ и политическихъ идеологій. И такъ какъ примѣненіе фрейдовскаго психоанализа къ С. п. совпало по времени съ борьбой буржуазіи противъ коммунистическаго пролетаріата и большевизма, то вполнѣ естественно, что и С. п. фрейдистовъ опредѣленнаго лагеря всѣ стрѣлы регрессивнаго варварства, инфантильнаго извращенія и первобытнаго идіотизма направила на опороченіе и пролетаріата и большевиковъ. Выводъ отсюда неизбѣженъ—однимъ психологическимъ методомъ не можетъ быть разрѣшена проблема С. п. Будучи по своему положенію посредствующей отраслью знанія между соціологіей и психо-физіологіей особи, она можетъ развиваться лишь въ томъ случаѣ, если указанныя смежныя науки также достигли извѣстнаго уровня. Только современные успѣхи экспериментальной психологіи, съ одной стороны, и матеріалистически обоснованной соціологіи, съ другой, дѣлаютъ возможной заслуживающую этого имени С. п.

Предпосылокъ современной психологіи надо искать, однако, въ физіологіи. Именно здѣсь сдѣланъ рядъ чрезвычайно важныхъ открытій. Лебъ объяснилъ природу оріентировочныхъ движеній живыхъ существъ въ видѣ тропизмовъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ химическихъ и физическихъ раздражителей. Сѣченовъ, а за нимъ Павловъ установили на основаніи громаднаго опытнаго матеріала общій характеръ дѣятельности какъ животныхъ, такъ и человѣка, въ видѣ рефлексовъ, то-есть, автоматическаго движенія, какъ отвѣта на то или иное раздраженіе чувствительнаго нерва. Къ такимъ безусловнымъ рефлексамъ Павловъ присоединилъ ученіе объ условныхъ рефлексахъ, дающихъ реакцію на вторичнаго или побочнаго раздражителя, связаннаго съ безусловнымъ, а Бехтеревъ построилъ на этомъ основаніи объективную психологію или рефлексологію, гдѣ въ разрядъ сочетательныхъ рефлексовъ (у Павлова—условныхъ) зачислилъ и наше мышленіе, какъ явленіе заторможеннаго рефлекса. Эти ученія дали твердую физіологическую и экспериментальную основу всякой дальнѣйшей психологіи, они установили общій законъ всей нервно-мозговой дѣятельности человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ связали самымъ тѣснымъ образомъ эту дѣятельность съ внѣшнимъ матеріальнымъ міромъ, такъ какъ именно физическіе и химическіе процессы внѣ и внутри человѣка оказались началомъ и концомъ всякаго нервнаго разряда. Эти ученія

были дополнены въ значительной степени открытіями Штейнаха, Воронова и др. (Индіанская школа врачей въ Америкѣ), которые установили рѣшающее значеніе внутреннихъ секрецій различныхъ железъ (гл. обр., половой) въ качествѣ раздражителей нервно-мозговой дѣятельности человѣка. Навстрѣчу этимъ открытіямъ шли новѣйшіе успѣхи въ области психологіи живыхъ существъ, въ видѣ зоопсихологіи, гдѣ въ особенности были подвергнуты тщательному наблюденію и въ возможныхъ предѣлахъ эксперименту явленія общественной жизни среди какъ насѣкомыхъ, такъ и рыбъ, амфибій и млекопитающихъ (Дарвинъ, Ламаркъ, Роменсъ, Васманъ, Эспинасъ, Лебъ, Ферворнъ, Дженнингсъ, Ваксвейлеръ, Влад. Вагнеръ и др.). Въ результатѣ и здѣсь отъ перенесенія на животныхъ субъективной психологіи человѣка удалось перейти къ объективнымъ даннымъ, установившимъ съ непоколебимой очевидностью близкое родство между общественной жизнью человѣка и животныхъ. Эти успѣхи зоопсихологіи получили серьезное подкрѣпленіе со стороны антропологіи (Ратцель, Вольтманъ, Крживицкій) и ученія о наслѣдственности (менделизмъ), такъ что явилась возможность научнаго построенія „евгеники", какъ науки о практическомъ улучшеніи человѣческой расы путемъ соотвѣтственнаго отбора и гигіены брака. Послѣ этого становится понятнымъ то направленіе американскихъ психологовъ-бигевіористовъ (behavior—значитъ поведеніе), которые сдѣлали основнымъ предметомъ своего изслѣдованія не данныя субъективнаго наблюденія или интроспекціи и соотвѣтственный анализъ, но непосредственно человѣческое поведеніе, какъ оно выражается въ его многоразличныхъ реакціяхъ на внѣшній міръ и внутреннее раздраженіе. Этой школѣ (Болдуинъ, Дьюи, Гобгаузъ, Эллвудъ, Ройсъ, Титченеръ, изъ русскихъ ученыхъ къ нимъ присоединился Блонскій) удались многія достиженія. Ея заслугой является не только установленіе многочисленныхъ „атавизмовъ" или пережитковъ животной эпохи въ поведеніи человѣка, но, что гораздо важнѣе, открытіе въ онтогенезисѣ (отдѣльномъ развитіи) особи такого отраженія филогенезиса (развитія рода), которое позволяетъ съ несомнѣнностью установить въ жизни ребенка значительное повтореніе процессовъ, пройденныхъ древнѣйшей человѣческой культурой. Необходимымъ же выводомъ изъ положеній этой школы является и полное сліяніе индивидуальной психологіи съ соціальной, или даже поглощеніе первой второй, такъ какъ поскольку человѣкъ обнаруживаетъ свое поведеніе, онъ его проявляетъ въ обществѣ и, слѣдовательно, является общественнымъ человѣкомъ, а С. п. изучаетъ, какъ разъ, жизнь общественнаго человѣка. Гораздо менѣе была удачна попытка нѣкоторыхъ рефлексологовъ построить „коллективную рефлексологію", въ качествѣ непосредственно С. п. Эта попытка (Бехтерева) опредѣленно не удалась, такъ какъ оказалось невозможнымъ исчерпать всю сложность и богатство соціологическаго матеріала при помощи простого механическаго расширенія физіологическихъ понятій. По нѣсколько другому пути, нежели школа „бигевіора", шли врачи-психопатологи и психіатры, которые, начиная с Льебо и Бернгейма, сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій явленія внушенія и гипноза. Создавшаяся на этой почвѣ обширная школа ученыхъ чрезвычайно содѣйствовала С. п. своимъ выясненіемъ и значенія и природы подсознательной или безсознательной дѣятельности въ психикѣ человѣка, такъ же какъ анализомъ процессовъ внушенія. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ непосредственно перешли къ изученію массовыхъ психическихъ эпидемій и явленій массоваго внушенія, въ особенности въ случаяхъ массоваго религіознаго помѣшательства (Сидисъ, Бехтеревъ). Другая медицинская школа, Брейера, Фрейда и его учениковъ, добыла еще болѣе важные для С. п. результаты. Эта школа, которая родилась изъ непосредственнаго психоанализа невротиковъ, въ цѣляхъ врачебнаго воздѣйствія, пришла къ совершенно неожиданнымъ для ея основателей результатамъ. Во-первыхъ, она вскрыла исключительное значеніе сексуальной жизни человѣка

для его подсознательной (безсознательной) жизни и дѣятельности. Благодаря этому былъ брошенъ яркій свѣтъ на мистическое, подсознательное или фантастическое (автистическое) мышленіе съ его своеобразной символикой. Во-вторыхъ, въ подсознаніи установлена наличность психики первобытнаго человѣка, филогенетически переживаемой каждымъ ребенкомъ и вытѣсняемой по мѣрѣ развитія зрѣлости и борьбы за существованіе. Въ-третьихъ, содержаніе подсознательной психики отдѣльнаго лица оказалось тождественнымъ съ коллективнымъ опытомъ первобытнаго человѣчества, и, т. обр., еще разъ была доказана тождественность индувидуальной и С. п. Въ-четвертыхъ, была намѣчена сексуальная сторона массоваго общенія, и произведено много изслѣдованій, въ цѣляхъ анализа религій и искусства, какъ сублимаціи (общественной переработки) первоначальныхъ (въ значительной степени вытѣсненныхъ) сексуальныхъ влеченій. Так. обр., съ одной стороны, самая интимная сторона личной психики, подсознаніе (по терминологіи Фрейда, система безсознанія), оказалось явленіемъ С. п., съ другой же стороны, сознаніе, какъ результатъ борьбы за существованіе и, слѣдовательно, общественнаго трудового процесса, оказалось не въ меньшей степени результатомъ объединеннаго въ коллективѣ производства. Лишнее говорить, что послѣднее положеніе уже явно выходило изъ предѣловъ психоаналитическаго изслѣдованія и ставило вопросъ о выясненіи той матеріальной „дѣйствительности“, которая была предметомъ соціологическаго и с.-психологическ. изученія. И нѣтъ никакой случайности въ томъ, что обращеніе къ С. п., какъ къ доктринѣ, опредѣляющей индивидуальную психологію, совпало со временемъ крупныхъ научныхъ успѣховъ и побѣдъ со стороны теоріи историческаго матеріализма.

Всеобъемлющая система, построенная Марксомъ и Энгельсомъ, была менѣе всего только экономическимъ или даже философскимъ ученіемъ. Представляя собой соціологическую теорію въ наиболѣе широкомъ смыслѣ и глубокомъ обоснованіи, она уже потому не могла игнорировать С. п., что была не только теоретическимъ построеніемъ, но и политическимъ (практическимъ) руководствомъ для стратегіи и тактики новаго возставшаго класса—пролетаріата. Ученіе историческаго матеріализма, какъ оно было обосновано Марксомъ и Энгельсомъ, а затѣмъ развито Плехановымъ, Каутскимъ, Мерингомъ, Лафаргомъ, Куновымъ, А. Лабріола и Гортеромъ, а въ послѣднее время Ленинымъ и Троцкимъ, содержитъ поэтому рядъ цѣнныхъ с.-психолог. положеній, которыя дали впервые С. п. твердое соціологическое обоснованіе. Ихъ можно свести къ слѣдующимъ: 1) нервно-мозговой аппаратъ человѣка есть индивидуальная производительная сила, которая опредѣляется всей совокупностью условій матеріальнаго быта, а въ частности, формой производства общественнаго человѣка. Выпрямленное тѣло и работающія руки создаютъ мозгъ; 2) при низкомъ развитіи производительныхъ силъ опредѣляющую роль играютъ отношенія кровнаго родства и половой связи (родовой бытъ); тѣми же условіями опредѣляется и появленіе религіи. Когда вмѣстѣ съ ростомъ матеріальнаго производства начинается производство отражающихъ дѣйствительность идей, такъ же какъ всевозможныхъ „идеальныхъ движущихъ силъ“, то появляются два вида дѣятельности сознанія—правильнаго и неправильнаго или идеологическаго; 3) какъ содержаніе, такъ и форма нервно-мозговой работы человѣка не зависятъ отъ субъективнаго произвола личности, но опредѣляются объективными общественными условіями, коренящимися въ конечномъ счетѣ въ производственныхъ условіяхъ и уровнѣ производительныхъ силъ. Недостатки и пороки познанія міра, общества и человѣка и соотвѣтственной мотиваціи опредѣляются несовершенствомъ общественно-техническаго овладѣнія силами природы; 4) экономическое положеніе каждой общественной группы, хоть и не всѣхъ ея членовъ въ одинаковой мѣрѣ, даетъ и строго обусловленную этимъ положеніемъ коллективную или С. п. группы. Поэтому каста, старый

цехъ, современная профессія („идеологическое сословіе“ или интеллигенція), партійная группировка—даютъ въ разныя эпохи различную психологію, но рѣшающимъ факторомъ здѣсь остается важнѣйшее соціальное раздѣленіе на общественные классы, которое опредѣляетъ собой классовую психологію; 5) будучи отраженіемъ матеріальныхъ условій производства и въ томъ числе классоваго положенія, С. п., съ другой стороны, даетъ объективное выраженіе въ символикѣ, какъ идеологическаго, такъ и познавательно-техническаго характера, создаетъ своего рода „эфиръ“ или „стиль“ эпохи и порождаетъ т.-наз. „надстройку“ надъ экономической структурой общества; 6) идеологическая надстройка имѣетъ тенденцію всегда отставать отъ реальнаго развитія производительныхъ силъ. Спеціальными условіями, которыя задерживаютъ развитіе сознательно-цѣлесообразнаго овладѣнія силами общества, природы и человѣка, являются: отдѣленіе умственнаго труда отъ физическаго, нѣкоторые виды физическаго труда (мануфактура, парцеллярное хозяйство и т. д.), изолированность, товарный характеръ производства и т. д.; 7) съ полнымъ водвореніемъ коммунизма и упраздненіемъ классовъ на основѣ совершенной организаціи производства и овладѣнія силами природы человѣкъ достигнетъ и освобожденія отъ затрудняющихъ его дѣятельность заблужденій. Помимо данныхъ положеній Марксъ, Энгельсъ и ихъ послѣдователи (особенно Каутскій и Плехановъ) дали громадные матеріалы по С. п. въ экономическихъ, историческихъ и философскихъ трудахъ; особенно слѣдуетъ отмѣтить образцы классовой психологіи, данные непосредственно Марксомъ и Энгельсомъ („Капиталъ“, историческія произведенія). Методъ, установленный Марксомъ и Энгельсомъ, былъ весьма слабо использованъ спеціально въ области С. п., какъ отдѣльной науки. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить лишь опытъ польскаго марксиста Кржививцкаго, давшаго ученіе по психологіи профессіональныхъ типовъ и особое изслѣдованіе о „психическихъ расахъ“. Психологическіе образцы Маркса и Энгельса были значительно использованы нѣкоторыми экономистами буржуазнаго лагеря, какъ, напр., Вернеромъ Зомбартомъ въ его изслѣдованіяхъ по классовой психологіи капиталистическаго общества. Психологи же въ общемъ и цѣломъ совершенно игнорировали психологическія открытія историческаго матеріализма. Лишь косвенное отраженіе этой теоріи можно найти у соціологовъ и соціопсихологовъ, изслѣдующихъ исторію матеріальной культуры (Липпертъ, Летурно, Тэйлоръ, Леббокъ, Лакомбъ, Вундтъ, Шурцъ, у насъ Ковалевскій, Тахтаревъ и пр.). И это въ то время, какъ успѣхи прикладной психологіи, въ особенности же психотехники, непосредственно поставили вопросъ не только о коренной связи между экономической жизнью и психологіей, между индивидомъ и обществомъ, но и объ организаціи индивидуальныхъ производительныхъ силъ человѣка непосредственно въ цѣляхъ повышенія производства. Совершенно очевидно, что психотехника, какъ теорія цѣлесообразной организаціи нервно-мозговой дѣятельности человѣка, какъ общественнаго производителя, никоимъ образомъ не можетъ быть правильно поставлена безъ привлеченія къ дѣлу С. п., разработанной в духѣ историческаго матеріализма. Въ противномъ случаѣ, лишаясь научно-соціологическаго обоснованія, она становится или утопіей и фантастикой, или классовой идеологіей и соціальной техникой буржуазіи.

Послѣ сказаннаго выясняется и основная задача С. п. Она сводится къ строго объективному изученію психическихъ реакцій общественнаго человѣка, необходимо обусловленныхъ физической средой группы и данными ея пассивно-активнаго приспособленія. Отсюда рождаются слѣдующія проблемы: 1) выясненія связи между біолого-антропол. факторами и С. п. человѣка. Сюда относится вопросъ о наслѣдственности, конституціи, расовой психологіи и антропологическихъ типахъ, о значеніи полового отбора въ человѣческомъ обществѣ и наслѣдственности профессіонально-классовыхъ типовъ; 2) изслѣдованіе С. п. первобытнаго чело-

вѣка сравнительно съ С. п. дикаря, на основѣ данныхъ первобытной и современной дикарской культуры. Изученіе жизни ребенка и его С. п.; 3) анализъ С. п. общественнаго человѣка, какъ непосредственной надстройки надъ хозяйственной структурой общества. Выясненіе процесса образованія системы общественной символики, какъ соціальнаго раздражителя (идеологическія формы) и связи его съ процессомъ производства; 4) установленіе типовъ общественной группировки на основѣ данной хозяйственной структуры и при помощи соціальныхъ раздражителей. Наслѣдованіе с.-психолог. стороны организаціонно-техническихъ связей и зависимостей (классъ, профессія, предпріятіе, армія, школа и т. д.); 5) обслѣдованіе „психіатрическихъ расъ", явленій соціальнаго вырожденія, соціально-психопатическихъ явленій, психическихъ эпидемій и т. п. Всѣмъ этимъ теоретическимъ задачамъ отвѣчаютъ отдѣлы прикладной или практической С. п. или соціальной психотехники, которая въ соотвѣтствіи съ перечисленными задачами охватываетъ собой и евгенику (*см.*), какъ науку объ организаціи наслѣдственности, и педагогику, какъ науку о воспитаніи, и психотехнику экономики, управленія, политики, права, войны, культуры и т. п. рядъ доктринъ, имѣющихъ задачей создать технику наиболѣе цѣлесообразнаго использованія нервно-мозгового аппарата человѣка въ его общественной дѣятельности или его излѣченіе (соціальная психотерапія). Необходимо, однако, отмѣтить, что, само собой, приведенныя нами проблемы и задачи какъ теоретической, такъ и практической С. п. менѣе всего исчерпываютъ ея содержаніе, такъ какъ сама жизнь каждую минуту ставитъ новые научные запросы и практическія требованія. Что же касается метода С. п., то здѣсь должно быть поставлено одно основное условіе—всѣ методы хороши, которые основаны на строго объективномъ матеріалѣ и подлежатъ столь же объективной провѣркѣ. Т. обр., на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ экспериментъ и наблюденіе, статистическое или историческое изслѣдованіе, и лишь въ качествѣ вспомогательнаго средства можетъ быть допущено обращеніе къ субъективнымъ высказываніямъ, имѣющимъ характеръ симптома, рѣчевого рефлекса, и только при наличности исключительно строгой объективной провѣрки—самоанализа.

Изъ новѣйшей *литературы* по С. п., кромѣ произведеній упомянутыхъ выше авторовъ, отмѣтимъ: *Watson* „Psychology from Standpoint of a Behoviaoris"; I. *Roback*, „Behaviourism and Psychology"; *Tridon*, „Psychoanalysis"; *Mc. Dougall*, „The groupe Mind"; *Его же*, „Introduction to social Psychology"; *Russell*, „The Analysis of Mind"; *Ellwood*, „An Introduction to social Psychology"; *Его же*, „Sociology in Its Psychological Aspect"; *Freud*, „Massenpsychologie und Ich. — Analyse"; *Его же*, „Totem und Tabu"; *П. П. Блонскій*, „Очеркъ научной психологіи"; „*Лестеръ Джемсонъ* и коллегія „Плебса" (русск. пер.), „Очеркъ марксистской психологіи"; *М. Рейснеръ*, „Психологія общественнаго человѣка и марксизмъ".

М. Рейснеръ.

Соціальное распредѣленіе, или *распредѣленіе народнаго дохода* — одна изъ сложнѣйшихъ проблемъ политической экономіи, занимающая экономическую мысль съ первыхъ же дней возникновенія экономической науки. Въ теоретическомъ отношеніи проблема распредѣленія имѣетъ дѣло съ выясненіемъ закономѣрности въ явленіяхъ раздѣла общественнаго (народнаго) дохода между общественными классами (см. *Соціальные классы*), какъ агентами капиталистическаго производства, а въ своей обычной, наиболѣе распространенной постановкѣ—вообще съ выясненіемъ процесса образованія и размѣщенія различныхъ видовъ общественнаго (народнаго) дохода. Впрочемъ, что касается точнаго содержанія проблемы С. р., то вопросы теоретическаго характера, входящіе въ эту проблему, измѣнялись всегда по мѣрѣ углубленія и развитія экономической методологіи. Въ исторіи развитія проблемы С. р., какъ общее явленіе, можно замѣтить, что при анализѣ отношеній экономическаго порядка большинство экономистовъ обычно всегда смѣшивало распредѣлительный моментъ съ производственнымъ и чаще всего съ мѣновымъ. Самое понятіе распредѣленія въ политической экономіи оставалось вообще, вплоть до послѣдняго времени, недостаточно опредѣленнымъ. Впервые идея распредѣленія нар. дох., какъ экономическая идея, рождается у физіократовъ и ихъ предшественниковъ (Вобанъ, Буагильберъ) подъ вліяніемъ

рѣзко въ ихъ время выступавшихъ предъ глазами фактовъ непомѣрно высокаго для низшихъ классовъ населенія и неравномѣрнаго распредѣленія налоговыхъ тяжестей въ странѣ (Франція XVIII в.)—тяжестей, ложившихся, гл. обр., на плечи крестьянства. Неравномѣрное распредѣленіе налоговаго обложенія дало толчокъ теоретическимъ исканіямъ и въ области вопросовъ распредѣленія народнаго (общественнаго) дохода вообще. Теоретическіе выразители физіократической мысли (Кенэ, Тюрго) подъ С. р. разумѣли, однако, не больше, какъ форму, въ которой присваиваются доходы различными группами населенія, или скорѣе — способы извлеченія дохода различными классами или группами населенія въ различные періоды хозяйственнаго развитія (Тюрго). Своимъ изслѣдованіемъ „Reflexion sur la formation et la distribution des richesses" (1788) Тюрго, тѣмъ не менѣе, опредѣленно вводитъ распредѣлительную проблему въ политическую экономію. П. Б. Струве видитъ зарожденіе идеи распредѣленія въ отличіе отъ обмѣна, однако, еще у Аристотеля, говорившаго о распредѣлительной справедливости и уравнительной (мѣновой). Но у Аристотеля эти понятія еще не были экономическими, еще не имѣли экономическаго содержанія. Во всякомъ случаѣ, проблема С. р. отъ физіократовъ переходитъ къ классикамъ и ихъ продолжателямъ и, въ концѣ-концовъ, прочно осѣдаетъ въ политической экономіи, завоевывая для себя въ ней самостоятельный отдѣлъ. Послѣднее обстоятельство не мѣшало, однако, нѣкоторымъ экономистамъ сомнѣваться въ правильности примѣненія термина распредѣленія въ экономической наукѣ. Такъ, напр., Курсейль Сенейль находитъ возможнымъ примѣнять понятіе распредѣленія только тамъ, гдѣ имѣется на лицо распредѣлитель, который дѣлитъ общественное (народное) богатство между хозяйственными субъектами или по своей собственной волѣ, или согласно опредѣленному плану; въ „распредѣленіи" же нар. дох. такого обдуманнаго и подготовленнаго единою волей хозяйственнаго акта, по его мнѣнію, нѣтъ. Въ общественно-хозяйственной жизни рѣчь идетъ поэтому, по Курсейль Сенейлю, не о „распредѣленіи", а о „присвоеніи". Послѣдній терминъ онъ и считаетъ болѣе соотвѣтствующимъ, чѣмъ терминъ распредѣленіе. Въ свою очередь, американскій профессоръ Феттеръ въ понятіи распредѣленія различаетъ два вида: р. функціональное и р. персональное, при чемъ функціональное распредѣленіе имѣетъ дѣло съ вопросами о разнесеніи долей созданной цѣнности по адресу всѣхъ участниковъ производства, какъ активныхъ, такъ и пассивныхъ, соразмѣрно долямъ участія каждаго агента, какъ производственнаго фактора, т.-е., гл. обр., о разнесеніи долей созданной цѣнности между „трудомъ, землей и машинами"; персональное же р. это, по его мнѣнію, выясненіе способовъ или путей, по которымъ народный доходъ распадается между членами общества. Такое сведеніе проблемы распредѣленія къ проблемѣ размѣщенія цѣнности, соразмѣрно произведенной каждымъ агентомъ доли или „отнесенія", можно найти подъ формой ученія о „вмѣненіи" (Zurechnung, Imputation) у всѣхъ представителей австрійской (психологической) школы. Школа Маркса въ проблемѣ распредѣленія имѣетъ въ виду, наоборотъ, гл. обр., проблему отношеній или проблему долей, въ какихъ общественный (народный) доходъ распадается въ общемъ итогѣ производственныхъ отношеній между основными классами общества. На содержаніи проблемы С. р., какъ и на содержаніи любой экономической проблемы, отражается вообще тотъ или иной методъ экономическ. трактованія, та или иная точка зрѣнія; проблема распредѣленія получаетъ различную постановку и различное содержаніе въ зависимости отъ того, трактуется ли она представителями индивидуалистической экономики или представителями соціальнаго направленія. Необходимо различать распредѣленіе въ общественно-хозяйственномъ смыслѣ отъ р. нар. дох. въ частно-хозяйственномъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о р. общественнаго дохода (народнаго) въ его цѣломъ между не отдѣльными

хозяйственными субъектами, а общественными классами, какъ агентами (пассивными или активными, безразлично) общественнаго производства; въ этомъ смыслѣ р. можно назвать распредѣленіемъ перваго порядка. Во второмъ случаѣ рѣчь идетъ о р. общественнаго (народнаго) дохода между отдѣльными индивидуумами, отдѣльными лицами, независимо отъ всего цѣлаго; въ данномъ случаѣ распредѣленіе является уже р. второго порядка, гдѣ вопросъ сводится къ раздѣлу доходовъ между членами внутри одного и того же класса, а не между классами, и гдѣ рѣчь итти можетъ не о доходѣ изъ первыхъ рукъ, изъ первыхъ источниковъ, а о производныхъ доходахъ. Въ современной экономикѣ, гдѣ преобладающими являются направленія мысли индивидуалистическія, нѣтъ опредѣленной постановки проблемы р., методологически строго разработанной. Экономисты-индивидуалисты къ распредѣленію относятъ вообще ученіе объ общественномъ (народномъ) доходѣ, разсматриваемомъ и изучаемомъ отдѣльно по видамъ послѣдняго (заработная плата, поземельная рента и прибыль), при чемъ въ этомъ изученіи всегда смѣшивается производственная сторона дохода съ мѣновой (реализаціонной) и съ распредѣлительной (долевой); болѣе же точно разработанной распредѣлительной проблемы, какъ таковой, независимо отъ проблемъ, относящихся къ отдѣльнымъ видамъ общественнаго (народнаго) дохода, мы здѣсь не находимъ. За послѣднія десятилѣтія, однако, по мѣрѣ нарастанія всякаго рода соціальныхъ противорѣчій и обостренія соціальнаго вопроса, выростало въ экономической наукѣ и вниманіе къ распредѣлительной проблемѣ; и въ своемъ содержаніи и методологически распредѣлительная проблема углублялась, а вмѣстѣ съ этимъ разрасталось и теоретическое ученіе по вопросамъ распредѣленія. Къ нашему времени, поэтому, можно уже говорить, если не о теоріяхъ распр. нар. дох. въ строгомъ смыслѣ слова, то, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ, опредѣленно выявившихся, направленіяхъ въ теоретической разработкѣ проблемы р. Прежде всего, еще не окончательно исчезло *старое направленіе въ духѣ смитовской школы*, отражающееся въ большей или меньшей степени и на большинствѣ другихъ направленій болѣе новаго времени. Въ своемъ „Богатствѣ народовъ" *Адамъ Смитъ* (*см.*) ставитъ въ первой же книгѣ вопросъ о „порядкѣ, въ которомъ продуктъ труда естественно распредѣляется между различными классами народа", но весь свой анализъ распредѣлительныхъ явленій А. Смитъ сводитъ къ анализу отдѣльныхъ видовъ дохода и при этомъ на индивидуалистической основѣ; въ проблемѣ заработной платы онъ изслѣдуетъ условія, опредѣляющія абсолютную величину заработной платы на голову рабочаго, т.-е. размѣръ заработной платы индивидуальнаго рабочаго; въ проблемѣ прибыли—условія, опредѣляющія абсолютный размѣръ прибыли на 100 единицъ капитала; въ проблемѣ земельной ренты—условія, опредѣляющія абсолютный размѣръ земельной ренты съ опредѣленной единицы земельной площади (одного акра, одной десятины). Вмѣсто того, чтобы говорить о цѣнностной массѣ общественнаго (народнаго) дохода въ его цѣломъ и о частяхъ, на которыя распадается эта цѣнностная масса при раздѣлѣ, и которыя достаются на томъ или иномъ основаніи тѣмъ или инымъ соціальнымъ группамъ, участвующимъ въ общественномъ производствѣ, А. Смитъ говоритъ о продуктѣ общественнаго труда и о заработной платѣ одного рабочаго, прибыли на 100, земельной рентѣ съ 1 десятины. Распредѣленіе у Смита превращается въ образованіе дохода, а образованіе дохода—въ образованіе цѣнъ. Такое ученіе о распредѣленіи проф. Э. Кеннанъ назвалъ ученіемъ о псевдораспредѣленіи, находя такое трактованіе проблемы р. неправильнымъ методологически и поэтому не научнымъ. Смиту и его школѣ не только не удалось установить какіе-либо общіе законы раздѣла общественнаго дохода между соціальными классами, но не удалось даже подойти къ такого рода постановкѣ проблемы, хотя самъ Смитъ и пытался это сдѣ-

лать. Смитовское направленіе въ разработкѣ распредѣлительной проблемы нашло себѣ отраженіе въ ученіи Д. С. Милля и позднѣе у всѣхъ почти представителей нѣмецкой исторической школы. Въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи“ *Д. С. Милль* (*см.*) прежде всего устанавливаетъ отдѣлы производства, распредѣленія (книга II) и обмѣна, при чемъ Милль проводитъ принципіальное разграниченіе между законами производства и распредѣленія. Первые Милль представляетъ себѣ независимыми отъ воли людей, какъ законы природы, вторые же, напротивъ, онъ считаетъ дѣломъ человѣческихъ учрежденій. Но, выдвигая на первый планъ въ распредѣлительной проблемѣ изученіе, гл. обр., результатовъ дѣйствія тѣхъ правилъ, согласно которымъ общество распредѣляетъ свои продукты, Милль думаетъ, что эти результаты такъ же мало произвольны и по своему характеру такъ же близки къ физическимъ законамъ, какъ и законы производства. Но содержаніе ученія о распредѣленіи Милль сводитъ къ изученію вопросовъ частной собственности и различныхъ правъ перехода и владѣнія собственностью; далѣе—къ описанію различныхъ формъ и способовъ извлеченія доходовъ изъ земли, въ связи съ различными формами землевладѣнія и земледѣлія и, наконецъ, къ вопросу объ образованіи и происхожденіи различныхъ видовъ дохода. Общій законъ распредѣленія, по Миллю—законъ конкуренціи и въ частности законъ спроса и предложенія, и въ связи съ этимъ Милль, говоря о различныхъ видахъ дохода, имѣетъ дѣло съ индивидуальной заработной платой средняго рабочаго, съ прибылью со 100, съ земельной рентой съ одного акра. Въ концѣ-концовъ, ученіе о доходѣ у него—все то же ученіе объ образованіи цѣнъ; распредѣлительной проблемы, какъ таковой, разсматриваемой съ точки зрѣнія всего соціальнаго цѣлаго, мы у него не находимъ. Такъ же въ индивидуалистической постановкѣ и на мѣновой основѣ трактуется распредѣлительная проблема и у представителей исторической школы. И у историковъ законы р. сводились къ законамъ спроса и предложенія и издержкамъ производства (Рошеръ, Шмоллеръ). При такой постановкѣ вопроса у *Шмоллера*, наприм., уже нѣтъ и раздѣленія политической экономіи на производство, обмѣнъ и распредѣленіе, какъ это мы видѣли у Д. С. Милля; проблема р. трактуется имъ въ связи съ явленіями товарнаго обращенія и образованія цѣнъ непосредственно; распредѣлительная проблема теряла, т. о., характеръ самостоятельной проблемы. Рошеръ еще различаетъ проблему долей, но не видитъ въ ней никакого теоретическаго интереса, считая это вопросомъ скорѣе индуктивной статистики; то же, что онъ трактуетъ подъ именемъ распредѣленія, онъ сводитъ къ проблемѣ образованія цѣнъ. Постановка проблемы здѣсь та же, что и у классиковъ. Въ проблемѣ р.—говоритъ Шмоллеръ —„дѣло идетъ о раскрытіи причинъ, благодаря которымъ по адресу отдѣльнаго, индивидуальнаго хозяйства поступаетъ большее или меньшее количество благъ изъ процесса хозяйственной циркуляціи“. Причины же эти Шмоллеръ искалъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ рынка, въ потребностяхъ, въ силѣ сторонъ, а также въ характерѣ государственно-правовыхъ институтовъ. Близкое къ такой же постановкѣ ученіе о распредѣленіи мы находимъ и у представителей психологической школы, выступившей въ изученіи вопросовъ С. р. съ особой *теоріей вмѣненія*, пытающейся явленія р. объяснить на основѣ особаго рода хозяйственной калькуляціи, совершаемой хозяйствующими субъектами соразмѣрно съ производительнымъ содѣйствіемъ всѣхъ трехъ основныхъ агентовъ производства (труда, земли и капитала). Это направленіе въ изученіи распредѣлительныхъ явленій еще болѣе рѣзко, чѣмъ первое, затушевываетъ самостоятельный характеръ распредѣлительной проблемы. Теорія вмѣненія превращаетъ проблему р. въ подъ-отдѣлъ теоріи цѣнности (*см.*) и цѣны. Въ представленіи психологической школы цѣнность не только расцѣниваетъ, но и распредѣляетъ, такъ какъ каждый агентъ производства получаетъ изъ произведенной цѣнностной массы ровно столько цѣнности, сколько онъ

производитъ, создаетъ (отсюда понятіе „производительныхъ услугъ“, „доли производительнаго содѣйствія“). Р. и есть, по мнѣнію представителей психологической школы, разнесеніе цѣнности изъ созданной совокупнымъ содѣйствіемъ нѣсколькихъ различныхъ факторовъ (земля, трудъ и капиталъ) цѣнностной массы по адресу того или иного фактора и въ такомъ размѣрѣ, который соотвѣтствуетъ строго произведенному каждымъ факторомъ количеству цѣнности. Такое разнесеніе и есть „вмѣненіе“. Чтобы распредѣлить данное количество цѣнности, явившееся въ результатѣ сотрудничества нѣсколькихъ (трехъ) факторовъ, нужно только опредѣлить цѣнность, созданную каждымъ факторомъ въ отдѣльности. Отсюда процессъ р. есть, въ сущности, актъ оцѣнокъ, актъ цѣнностнаго учета. Отсюда р. всецѣло покоится на цѣнности; это явленія одного и того же порядка. Стоитъ только найти законы или общія правила для „вмѣненія“ каждому фактору того, что онъ создаетъ, вѣрнѣе—что онъ создалъ въ каждомъ данномъ случаѣ, и этимъ уже будутъ даны законы или правила р. Теорія вмѣненія родилась изъ теоріи услугъ, которая болѣе опредѣленно сложилась у *Сэ* и сводится къ тому, что въ производственномъ процессѣ участвуютъ три производительныхъ силы: сила земли, труда и капитала, и что каждая изъ этихъ силъ оказываетъ производству „производительную услугу“, за что получаетъ долю въ созданномъ продуктѣ, т.-к. производительныя услуги, какъ и всякое другое благо, какъ и всякій товаръ, обладаютъ цѣнностью; эти цѣнности оплачиваются потребителями посредствомъ акта купли-продажи, и, такимъ образомъ, продуктъ переходитъ собственникамъ производительныхъ силъ, въ чемъ и выражается распредѣлительный процессъ; каждый, т. о., беретъ свою долю. Но какимъ образомъ опредѣляется цѣнность каждой производительной услуги, какъ происходитъ перенесеніе цѣнности услугъ, какъ эти цѣнности превращаются въ доходы, объ этомъ ничего опредѣленнаго мы не находимъ; Сэ считалъ перенесеніе просто за фактъ, видѣлъ въ немъ актъ „физическаго вмѣненія“, который на рынкѣ находилъ себѣ реализацію. Сущность перенесенія оставалась безъ изслѣдованія; никакихъ правилъ, по которымъ можно было бы произвести учетъ „производительныхъ услугъ“, Сэ не устанавливалъ, не давалъ. Но у Менгера, Визера, Бёмъ-Баверка, Кларка мы уже находимъ такого рода правила. *Менгеръ* въ качествѣ правила для выдѣленія различныхъ частей цѣнности рекомендуетъ принципъ утраты: представляется, что одно изъ опредѣляемыхъ производительныхъ благъ (природа, трудъ или капиталъ) утрачивается; изъ опыта выводится, какой цѣнности получится, при условіи такой утраты, новый продуктъ; въ послѣднемъ случаѣ продуктъ, во всякомъ случаѣ, будетъ меньше предыдущаго; получившаяся разница между количествомъ цѣнности въ первомъ случаѣ и во второмъ и дастъ намъ количество цѣнности, приходящееся на долю утраченнаго блага; разница эта покажетъ намъ, что мы потеряли, лишившись производительнаго содѣйствія утраченнаго блага. Если мы имѣемъ уравненіе $X+Y+Z=100$, гдѣ X, Y, Z соотвѣтствуютъ нѣкоторому количеству труда, земли и капитала, приносящихъ въ результатѣ совмѣстнаго производительнаго содѣйствія 100 единицъ цѣнности, и если при утратѣ, наприм., половины X мы получаемъ уравненіе $\frac{1}{2}X+Y+Z=90$, то 100—90 составитъ какъ разъ цѣнность половины даннаго количества труда. Этимъ дана цѣнность всей части продукта, приходящейся на долю труда: она будетъ составлять 20 единицъ. Таковы правила раздѣла по Менгеру. Визеръ считаетъ, однако, менгеровскія правила нахожденія и разнесенія долей неправильными, думая, что отнимая отъ комплементарной производительной группы благъ одно изъ нихъ, мы рискуемъ понизить общій производственный результатъ не только на величину того содѣйствія, которое оказывало при производствѣ утраченное благо, но и еще на нѣкоторую величину, такъ какъ при утратѣ одного изъ благъ сократится производительность двухъ другихъ факторовъ. Производительная сила

труда и земли безъ капитала будетъ по *Визеру*, много ниже, чѣмъ при совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ трехъ силъ. По Визеру, всякая производительная сила трехъ факторовъ вноситъ съ собой въ производство не только свою собственную цѣнность, но и кромѣ того еще нѣкоторую цѣнность остальныхъ факторовъ. Поэтому Визеръ опредѣляетъ цѣнностныя части продукта, созданнаго сотрудничествомъ трехъ силъ, „долей производительнаго содѣйствія" каждой силы. Для болѣе точнаго учета этихъ долей Визеръ предлагаетъ, въ качествѣ руководящаго правила, принципъ комбинацій, состоящій въ томъ, что въ хозяйствѣ общества въ каждый данный моментъ встрѣчается примѣненіе производительныхъ факторовъ въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ, и поэтому всегда можно составить любое количество уравненій съ неизвѣстными; разрѣшить эти уравненія будетъ всегда легко уже потому, что цѣнностная величина продукта при любой комбинаціи каждому хозяйствующему субъекту хорошо извѣстна изъ практики жизни. Три уравненія съ тремя неизвѣстными (по числу трехъ факторовъ) всегда можно составить и разрѣшить, отыскавъ неизвѣстныя. Визеръ, т. о., предлагаетъ подставлять цѣнностный размѣръ производительныхъ факторовъ (X, У, Z), какъ одну и ту же величину, остающуюся неизмѣнной при самыхъ различныхъ комбинаціяхъ; но тотъ же Визеръ находитъ, что доли производительнаго содѣйствія каждаго фактора различны въ зависимости отъ той или иной комбинаціи. Поэтому *Бёмъ-Баверкъ* не согласенъ съ принципомъ и правилами комбинацій Визера и вводитъ свой особый принципъ опредѣленія долей—принципъ субституціи. Онъ прежде всего всѣ средства производства раздѣляетъ на двѣ группы: замѣстимыхъ и незамѣстимыхъ. Изъ этихъ двухъ группъ сначала нужно опредѣлить цѣнность замѣстимыхъ производительныхъ благъ, т. е. тѣхъ, которыя свободно могутъ быть замѣнены другими же такими подобными, въ случаѣ, наприм., утраты ихъ; цѣнность такихъ замѣстимыхъ благъ опредѣлится цѣнностью благъ замѣщающихъ, а чаще всего—основа для оцѣнки ихъ данавъ рыночныхъ цѣнахъ (наприм., цѣнность такого замѣстимаго блага, какъ рабочая сила). Опредѣливши же цѣнность замѣстимыхъ благъ, легко уже опредѣлить цѣнность незамѣстимыхъ благъ. Таковъ принципъ субституціи у Бёмъ-Баверка, въ основѣ ничѣмъ не отличающійся отъ правилъ раздѣла Менгера и Визера. Можно ли, однако, вообще говорить о производительномъ содѣйствіи земли или машинъ? Можетъ ли земля или машина создавать цѣнность? Этихъ вопросовъ и сами авторы теоріи вмѣненія не могли не ставить, когда касались проблемы р., но они отвѣчали на эти вопросы весьма своеобразно. Такъ, Визеръ заявляетъ, что ему извѣстны взгляды соціалистовъ, отвергающихъ ученіе о трехъ факторахъ производства и считающихъ землю и машины лишь условіями производства, а не причиной производящейся цѣнности. Но всѣ эти вопросы и возраженія соціалистовъ не больше, по его мнѣнію, какъ „вопросы морали", реальный же раздѣлъ продукта (дохода) происходитъ помимо всякихъ моральныхъ соображеній. Почему капиталисты чувствуютъ себя богатыми, обладая землей и капиталомъ? Только потому, отвѣчаетъ Визеръ, что реально и земля и капиталы приносятъ имъ цѣнности; это реальный фактъ. Говорить же, что только трудъ создаетъ цѣнность, что только трудъ можетъ быть производительной силой, можно, по мнѣнію Визера, лишь въ моральномъ смыслѣ; въ жизни же приходится имѣть дѣло съ реальными фактами, съ реальною стороной, съ реальными данными. Слабость визеровской аргументаціи рѣзко бьетъ въ глаза: въ поставленныхъ вопросахъ дѣло не въ морали, а въ научномъ объясненіи того реальнаго факта, что мертвая матерія (земля) можетъ что-то создавать, приносить доходъ ея обладателямъ. Вся постановка проблемы вмѣненія носитъ характеръ метафизичности, и неудивительно, если новѣйшіе представители психологической школы не удовлетворяются разрѣшеніемъ вопросовъ о раздѣлѣ общественнаго дохода на основѣ теоріи вмѣненія и отвергаютъ послѣднюю, поскольку дѣло идетъ объ объясненіи

явленій распредѣленія. Таковы Іосифъ Шумпетеръ и Робертъ Лифманъ. Слабой стороной теоріи вмѣненія *Шумпетеръ* считаетъ прежде всего смѣшиваніе представителями ея (Визеромъ) двухъ различныхъ вещей: раздѣлъ цѣнности продукта между производительными факторами и раздѣлъ продукта между владѣльцами этихъ факторовъ; то и другое, по мнѣнію Шумпетера, далеко не совпадаетъ. Шумпетеръ находитъ, что въ дѣйствительномъ раздѣлѣ продукта доли производительнаго содѣйствія не при чемъ, а роль играетъ законъ образованія цѣнъ, условія рынка, конкуренція, соотношеніе соціальныхъ силъ; „образованіе дохода—говоритъ онъ—есть соціальный процессъ". По существу, однако, и Шумпетеръ остается на основѣ тѣхъ же положеній теоріи вмѣненія, которыя выдвинули основоположники психологической школы. Онъ лишь отчасти освободилъ или, по крайней мѣрѣ, старался освободить теорію вмѣненія отъ нѣкоторой доли метафизическихъ элементовъ, свойственныхъ вообще школѣ предѣльной полезности. Болѣе сурово отнесся къ теоріи вмѣненія другой представитель психологической школы—*Робертъ Лифманъ*, всецѣло сохранившій, однако, индивидуально-психологическій подходъ при объясненіи явленій р. Вообще говоря, въ своей теоріи вмѣненія ея защитники и обоснователи особенно выпукло выдвинули на свѣтъ всѣ слабыя стороны австрійской школы: неточное установленіе объекта р. (не общественный доходъ, какъ слѣдовало бы, а весь продуктъ производства), индивидуалистическую постановку проблемы (доходы отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ), близость къ давно отжившей свое время, крайне наивной теоріи производительныхъ услугъ и проч. Близко къ теоріи вмѣненія стоитъ и ученіе о С. р., развиваемое проф. *Кларкомъ*—ученіе, вносящее, однако, въ постановку проблемы больше опредѣленности и ясности, чѣмъ это можно было найти у австрійцевъ. И для Кларка теорія р. и теорія цѣнности одна и та же теорія, но Кларкъ болѣе точно устанавливает самый объект раздѣла. Предметом р. для него является не весь общественный продуктъ, а только часть его и именно та, которая представляетъ собою всегда текущій потокъ предметовъ непосредственнаго потребленія; къ распредѣленію онъ относитъ лишь общую сумму заработныхъ платъ, общую сумму процента и прибыли. При этомъ Кларкъ полагаетъ, что явленія р. общественнаго дохода подчинены дѣйствію не соціальныхъ законовъ, не соціальныхъ силъ, не соціальной закономѣрности, а дѣйствію естественнаго, имманентнаго закона. Доказать существованіе такого закона, раскрыть содержаніе дѣйствія этого закона—и составляетъ по Кларку задачу теоріи р. У Кларка законъ этотъ сводится все къ тому же „вмѣненію": каждый участникъ въ общественномъ раздѣлѣ получаетъ, по его мнѣнію, столько, сколько имъ произведено, не больше и не меньше. Къ этому Кларкъ вводитъ лишь тюненовскую идею предѣльнаго работника и предѣльной единицы капитала. Предѣльный рабочій, т. е. тотъ послѣдній рабочій, который можетъ быть приставленъ къ дѣлу предпринимателемъ безъ ущерба для дѣла, который создаетъ какъ разъ столько, сколько заключено въ его трудѣ производительной силы; онъ и получаетъ „полный продуктъ своего труда"; этимъ же опредѣляется цѣнностная доля труда и для всѣхъ рабочихъ. То же, что создается въ производствѣ сверхъ доли труда, сверхъ трудовой доли, поступающей рабочимъ, создается рабочими же, но не какъ таковыми, а какъ работающими при помощи машинъ въ опредѣленныхъ техническихъ условіяхъ; этотъ излишекъ составитъ долю капиталистовъ, такъ какъ онъ результатъ не труда, какъ таковаго, а производительнаго содѣйствія, производительныхъ функцій машинъ. Въ концѣ-концовъ, и капиталистъ получаетъ полный продуктъ своихъ производительныхъ функцій, или точнѣе — полный продуктъ производительныхъ функцій своей машины, и, такимъ образомъ, каждый получаетъ то, что производитъ, никто никого, по Кларку, не эксплоатируетъ. Къ этому и сводится, по Кларку, дѣйствіе естественнаго закона, на которомъ, по его мнѣнію, зиждется весь современный общественный по-

рядокъ. И у Кларка мы видимъ всѣ слабыя стороны теоріи вмѣненія: метафизическій подходъ къ изученію явленій хозяйственной жизни, фетишистскій характеръ объясненія распредѣлительнаго процесса, одухотвореніе машины, индивидуалистическую постановку вопроса и проч. Австрійская школа и Кларкъ, т. о., не отрываютъ явленій С. р. отъ явленій цѣнности, хотя послѣдняго рода явленія они считаютъ продуктомъ мѣновыхъ отношеній, а не производственныхъ. Такой же разрывъ между распредѣлительной и производственной проблемой можно найти и у *Дюринга,* развивавшаго особую, т. н. *соціалитарную теорію* С. р. Въ объясненіи явленій С. р. Дюрингъ особенно подчеркиваетъ моментъ „права" и „силы", придавая этимъ моментамъ въ распредѣлительныхъ актахъ гораздо большее значеніе, чѣмъ моментамъ чисто экономическимъ. Соціалитарная теорія Дюринга настаиваетъ на томъ, что явленія распредѣленія отнюдь не могутъ быть объяснены изъ производственныхъ явленій. Понять экономическое растеніе распредѣлительныхъ формъ и отношеній можно, по его мнѣнію, исходя только изъ политическихъ корней общественной жизни; естественные законы политическаго расчлененія общества управляютъ явленіями С. р. Рѣшающими моментами въ распредѣленіи Дюрингъ считаетъ правно-политическія отношенія, отношенія политическихъ силъ. Эта идея Дюринга высказывалась и до Дюринга. Еще въ „Nouveaux Principes" *Сисмонди* мы находимъ главу, посвященную вопросу о „раздѣлѣ національнаго дохода между различными классами населенія", гдѣ Сисмонди указываетъ, что въ основѣ раздѣла лежитъ борьба сторонъ за возможно бо́льшую долю. Въ этой борьбѣ, говоритъ Сисмонди, капиталистъ стремится оставить рабочему лишь столько, сколько необходимо для поддержанія его жизни, а себѣ захватить все остальное изъ произведеннаго рабочимъ; рабочій, со своей стороны, борется за удержаніе въ своихъ рукахъ также возможно большей доли. Государство, по его мнѣнію, можетъ смягчить неравномѣрность въ распредѣленіи.

Эта идея Дюринга и Сисмонди о томъ, чтобы проблему р. рѣшать не на экономической базѣ, а на политической, нашла себѣ послѣдователей и въ новѣйшее время. Особенно близко къ этой идеѣ и соціалитарной теоріи Дюринга ученіе о распредѣленіи *Туганъ-Барановскаго,* выступившаго съ т. н. *„соціальной теоріей"* р. Въ этой теоріи своей Туганъ-Барановскій прежде всего рѣзко отмежевываетъ распредѣлительную проблему отъ теоріи цѣны и цѣнности, считая ошибкой выводить явленія С. р. изъ явленій цѣнности. Онъ полагаетъ, что явленія распредѣленія можно понять независимо отъ проблемы производства и обмѣна, что проблема С. р., оставаясь экономической проблемой, является проблемой sui generis, совершенно отличной отъ производственной и мѣновой проблемы. Въ мѣновомъ актѣ, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, стороны соціально равны, въ распредѣлительномъ же актѣ въ капиталистическомъ обществѣ, которое только и имѣется въ виду, стороны не только соціально не равны, но въ этомъ соціальномъ неравенствѣ и лежитъ сущность явленій С. р. Поэтому-то отношенія С. р., по мнѣнію Т.-Б., опредѣляются не отношеніями производства или обмѣна, а отношеніями власти и соціальной зависимости. Отсюда и важнѣйшимъ факторомъ, вліяющимъ на результаты р. общественнаго дохода (т.-е. на высоту доходовъ того или иного класса), является по Т.-Б. соотношеніе соціальныхъ силъ участвующихъ въ р. сторонъ. Чѣмъ соціально сильнѣе тотъ или иной классъ общества, тѣмъ будетъ выше, согласно теоріи Т.-Б., его доходъ. Какъ видимъ, это та же „соціалитарная" теорія Дюринга, та же идея борьбы сторонъ Сисмонди, тотъ же факторъ силы и права, насилія и безправія. Правда, Т.-Б. присоединяетъ къ этому фактору еще одинъ факторъ уже чисто техническаго характера— производительность общественнаго труда, вліяющую на размѣръ матеріальной массы общественнаго продукта. Но Т.-Б. забываетъ здѣсь, что въ вопросѣ С. р. рѣчь идетъ не о раздѣлѣ матеріальныхъ массъ произведеннаго продукта, а о раздѣлѣ цѣн-

ностной массы, на высоту которой размѣръ матеріальныхъ массъ никакого вліянія не имѣетъ, какъ и вообще вся вещественная сторона въ явленіяхъ экономики. Къ тому же ни политическій факторъ, ни матеріально-техническій факторъ не могутъ сами по себѣ ни въ отдѣльности, ни вмѣстѣ взятые объяснить экономическую природу и закономѣрность въ отношеніяхъ С. р. Всякая соціально-политическая теорія, каковой, по существу, является соціальная теорія, въ объясненіи экономическихъ явленій неизбѣжно обречена на роль безсодержательной теоріи: всякое экономическое явленіе, всякое экономическое отношеніе всегда есть результатъ борьбы, результатъ столкновенія, соотношенія силъ; всякое экономическое явленіе „соціально", но ссылаться при объясненіи того или другого экономическаго явленія на его „соціальность", на то, что оно результатъ борьбы, соотношенія соціальныхъ силъ, значило бы не давать никакого экономическаго объясненія; задача всякаго теоретика-экономиста —раскрытіе экономической закономѣрности, объясненіе изучаемаго экономическаго явленія въ рамкахъ и на основѣ отношеній борьбы, а не просто указаніе на эту основу. Своеобразную попытку объяснить явленія р. дѣлаетъ *Штольцманъ* въ своей *„соціально-органической"* теоріи распредѣленія. Штольцманъ считаетъ являніе р. продуктомъ сложныхъ, вѣчно мѣняющихся отношеній, „продуктомъ конституированныхъ отношеній силы и права". Штольцманъ выдвигаетъ для объясненія этихъ явленій этическій моментъ, идею соціально-этической цѣлесообразности. Проблема С. р., по Штольцману, есть проблема „соціальнаго надѣленія", т. е. соціальнаго раздѣла общественнаго дохода между соціальными классами, сущность котораго вытекаетъ изъ его цѣли; послѣднею же является обезпеченіе правильнаго отправленія общественно - необходимыхъ функцій каждаго соціальнаго класса; доходъ получается классами за выполненіе ими опредѣленныхъ соціальныхъ функцій, въ видѣ „соціальнаго вознагражденія"; высота дохода опредѣляется поэтому, соціальнымъ минимумомъ, необходимымъ для выполненія соціальныхъ функцій. По мнѣнію Штольцмана, есть предѣльный рабочій и предѣльный капиталистъ съ предѣльнымъ минимумомъ существованія, опредѣляющимъ долю каждаго въ общественномъ доходѣ. Эта теорія „соціальнаго надѣленія", „соціальныхъ единицъ питанія" является не менѣе безсодержательной, чѣмъ соціально-политическія теоріи. Отъ безсодержательности теорію Штольцмана не спасаетъ пестрый рядъ самыхъ различныхъ идей въ нее нагроможденныхъ: здѣсь и идея соотношенія силъ, и идея борьбы сторонъ, и идея предѣльнаго рабочаго, и идея производительныхъ услугъ, и идея соціальной гармоніи школы Сэ, и идея о максимумѣ существованія, и идея необходимаго „вмѣненія", и идея организма съ отожествленіемъ общественной жизни съ жизнью организма, выполняющаго извѣстныя функціи черезъ свои органы, и идеи „оцѣнки" въ духѣ школы Виндельбанда-Риккерта и т. д. Существуетъ въ объясненіи распредѣлительныхъ явленій направленіе, отрицающее всякую экономическую закономѣрность явленій С. р. и считающее эту проблему вопросомъ индуктивной соціологіи, сводящимся къ простому констатированію данныхъ распредѣленія общественнаго дохода, къ простому описанію распредѣлительныхъ явленій, къ простымъ эмпирическимъ обобщеніямъ. Представителемъ такой „идіографической" теоріи р. является *П. Б. Струве*. Съ точки зрѣнія Струве, современный хозяйственный строй вовсе и не знаетъ никакого „процесса распредѣленія", въ истинномъ смыслѣ этого слова; онъ знаетъ распредѣленіе только какъ результатъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ это—результатъ столкновенія или „соотношенія соціальныхъ силъ" и является не столько распредѣленіемъ, сколько „присвоеніемъ"; поэтому, по Струве, проблема т. н. распредѣленія есть, въ сущности, не экономическая, а соціологическая проблема, хотя и не сводимая къ абстрактнымъ положеніямъ и подлежащая, поэтому, индуктивной соціологіи описательнаго характера. Струве, однако устраняетъ проблему, но не

разрѣшаетъ, ошибочно отрывая акты распредѣленія отъ производственно-мѣновыхъ отношеній. Соціалистическая школа выдвигаетъ въ объясненіи явленій распредѣленія особую теорію, разсматривающую проблему распредѣленія, какъ проблему отношеній („*долевая теорія* распредѣленія"). Долевая теорія не отрываетъ проблему распредѣленія отъ производственно-мѣновыхъ процессовъ, считая явленія распредѣленія тѣми же производственными категоріями, какъ и явленія цѣнности, принимающими лишь особыя формы. Проблему распредѣленія долевая теорія сводитъ къ проблемѣ долей или отношеній, къ какимъ сводятся доходы общественныхъ классовъ въ общественномъ раздѣлѣ, и задачей своей ставитъ опредѣленіе законовъ, устанавливающихъ эти отношенія въ процессѣ экономическаго развитія. Съ точки зрѣнія долевой теоріи, проблема распредѣленія имѣетъ дѣло лишь съ заключительнымъ результатомъ раздѣла общественнаго дохода между общественными классами, зависящими отъ характера производственно-мѣнового процесса образованія тѣхъ или иныхъ видовъ общественнаго дохода; самые же моменты возникновенія и образованія доходовъ, какъ общественныхъ цѣнностей, она считаетъ производственной проблемой, а процессъ реализаціи этихъ доходовъ-цѣнностей на рынкѣ и превращенія ихъ въ цѣны—мѣновой проблемой; поскольку же разграничиваются методологически эти проблемы, постольку распредѣлительная проблема имѣетъ дѣло лишь съ конечными результатами всѣхъ производственно-мѣновыхъ актовъ, связанныхъ съ явленіями доходовъ, т. е. только съ долями или отношеніями, въ какихъ выступаютъ доходы соціальныхъ классовъ въ общественно-производственной жизни, и съ движеніемъ этихъ долей или отношеній по мѣрѣ развитія жизни. Разсматривая процессъ экономическихъ отношеній въ цѣломъ, долевая теорія дѣлитъ общественный доходъ всего на двѣ части: заработную плату и прибавочную цѣнность, выражая долю рабочихъ отношеніемъ $\frac{v}{v+m}$, а долю нетрудового дохода отношеніемъ $\frac{m}{v+m}$. Анализъ этихъ долей или отношеній долевая теорія ставитъ въ непосредственную связь съ анализомъ всей формулы общественнаго производства, отыскивая закономѣрныя измѣненія въ соотношеніяхъ долей общественнаго дохода, по мѣрѣ измѣненія соотношеній всѣхъ элементовъ производственнаго процесса и особенно по мѣрѣ измѣненія отношенія $\frac{c}{v}$ (органическаго строенія капитала у Маркса). Этотъ анализъ приводитъ долевую теорію къ установленію закона паденія доли рабочихъ въ общественномъ доходѣ, по мѣрѣ накопленія. Свой теоретическій анализъ представители долевой теоріи подкрѣпляютъ данными конкретнаго индуктивнаго матеріала, подвергая тщательной разработкѣ имѣющіяся въ разныхъ странахъ данныя подоходной статистики и движенія заработной платы. Представителями долевой теоріи являются: отчасти Давидъ Рикардо, ранніе англійскіе соціалисты (Холлъ, Грэй, Томпсонъ, Ходжскинъ), нѣкоторые изъ французскихъ соціалистовъ-утопистовъ (Прудонъ, Пекэръ, Видаль), особенно же Родбертусъ и Марксъ. Распредѣленіе *Марксъ* считаетъ продуктомъ производства; система распредѣленія, по его мнѣнію, вполнѣ опредѣляется системой производства; „распредѣленіе — говоритъ Марксъ—указываетъ пропорцію, въ которой каждый принимаетъ участіе въ произведенномъ"; „распредѣленіе опредѣляетъ отношеніе, въ которомъ продукты достаются индивиду"; но „отношенія и способы распредѣленія являются лишь оборотной стороной агентовъ производства". И заработная плата и прибавочная цѣнность, для Маркса, лишь части, пропорціи, въ которыхъ два класса производителей раздѣляютъ между собою цѣнность товара. По его мнѣнію, важно знать, какую относительную долю извлекаетъ каждая сторона изъ общаго фонда. И въ этомъ смыслѣ заработная плата, напр., интересна Марксу лишь какъ относительная, пропорціональная заработная плата, т. е. плата, взятая въ своемъ отношеніи къ доходамъ капиталистовъ. Выдвигая идею долей, Марксъ

устанавливаетъ въ данномъ случаѣ законъ обратной зависимости, „законъ обратной пропорціональности“ между основными двумя элементами, на которые распадается весь общественный доходъ, т.-е. трудовой частью его и нетрудовой. Этотъ законъ Марксъ выводитъ изъ анализа накопленія, какъ характерной особенности капиталистическаго производства. Анализъ этого накопленія приводитъ Маркса къ установленію закона паденія доли рабочихъ съ развитіемъ капитализма, т.-е. съ ростомъ накопленія —закона, который Марксъ считаетъ основной тенденціей капиталистическаго накопленія. Въ частности, этотъ законъ Марксъ выводитъ изъ теоретическаго анализа движенія органическаго состава капитала, имѣющаго тенденціюкъ повышенію, что сопровождается неизбѣжно повышеніемъ нормы прибавочной цѣнности и болѣе быстрымъ выростаніемъ постояннаго капитала сравнительно съ ростомъ перемѣннаго капитала. Въ такомъ анализѣ долей или отношеній Марксъ и видитъ сущность разрѣшенія распредѣлительной проблемы, находя это разрѣшеніе, какъ мы видѣли, въ анализѣ производственныхъ отношеній, въ анализѣ движенія производственныхъ моментовъ. Долевая теорія С. р. сводитъ, т. обр., проблему распредѣленія къ довольно узкой области вопросовъ о взаимоотношеніяхъ между двумя основными видами общественнаго дохода и ихъ измѣненіи въ процессѣ развитія, оставляя всѣ другіе важнѣйшіе вопросы проблемы дохода въ области производственно-мѣновыхъ ученій.

Въ проблемѣ распредѣленія народнаго (общественнаго) дохода, помимо теоретической стороны, имѣется еще одна сторона, занимавшая издавна экономическую мысль — это вопрос о фактической картинѣ С. р. въ важнѣйшихъ капиталистическихъ странахъ между трудовыми и не трудовыми группами населенія. Этотъ вопросъ связанъ, гл. обр., съ вопросомъ объ обнищаніи массъ, по мѣрѣ развитія капитализма, или съ вопросомъ о томъ, въ какомъ направленіи идетъ съ развитіемъ общественной жизни *кривая распредѣленія* въ важнѣйшихъ странахъ, т.-е. происходитъ ли постепенное, но неуклонно идущее выравниваніе доходовъ двухъ антагонистическихъ полюсовъ общества—труда и капитала, совершается ли диффузія доходовъ или все большее и большее расхожденіе между ними, все большее и большее нарастаніе пропасти между трудомъ и капиталомъ. Проблема движенія кривой р. сводится, такимъ образомъ, къ проблемѣ о томъ, совершается ли развитіе общества въ направленіи къ соціальной гармоніи или же по линіи нарастанія соціальныхъ противорѣчій. Въ разрѣшеніи этой проблемы съ давняго времени образовались два различныхъ направленія, двѣ различныхъ школы: школа оптимистовъ, связанная съ именами соціальныхъ гармонистовъ Кери и Бастіа, и школа пессимистовъ, основанная соціалистами. Оптимисты-гармонисты утверждали, что съ накопленіемъ капитала выигрываетъ капиталистъ, но еще больше выигрываетъ и абсолютно и относительно, рабочій, что, слѣдовательно, въ интересахъ человѣчества необходимо привѣтствовать быстрое нарастаніе капитала, освобождающаго людей „отъ цѣпей невѣжества, нищеты и деспотизма“. Общій ходъ развитія и движенія кривой р. оптимисты рисуютъ себѣ въ такомъ направленіи, что доля капитала въ общественномъ доходѣ растетъ абсолютно, но относительно падаетъ; доля же рабочихъ растетъ и абсолютно и относительно и, т. обр., разстояніе между полюсомъ труда и капитала постепенно съуживается, сглаживается. Наоборотъ, соціалистическая школа и, гл. обр., школа Маркса рисуетъ себѣ общественный прогрессъ идущимъ въ обратномъ направленіи, выдвигая свой теоретически выведенный абстрактный законъ о паденіи доли рабочихъ въ общественномъ доходѣ съ ростомъ накопленія, въ связи съ измѣненіемъ органическаго строенія капитала въ сторону постояннаго повышенія. Споръ разрѣшить могли, казалось бы, тщательно установленныя данныя индуктивной статистики доходовъ населенія за разные періоды времени. Но, какъ оказывается, разработка однихъ и тѣхъ же данныхъ статистики распредѣленія приводитъ изслѣдователей къ

различнымъ результатамъ. Кромѣ того, современная статистика даже наиболѣе передовыхъ странъ не даетъ непосредственнаго, достаточно надежнаго, матеріала для выясненія точной картины движенія долей общественнаго дохода или кривой распредѣленія. Разрабатывая подоходную статистику въ нѣкоторыхъ странахъ, рядъ экономистовъ (проф. Юліусъ Вольфъ, Ив. Гюйо, Гиффенъ) приходитъ къ выводамъ школы Кери-Бастіа; другіе — наоборотъ — приходятъ къ противоположнымъ выводамъ (Родбертусъ, Марксъ, Чіоза-Мони, Уоткинсъ), указывающимъ на растущую концентрацію богатства. Причина расхожденія выводовъ лежитъ въ различіи пріемовъ разработки данныхъ распредѣленія и въ отсутствіи точныхъ пріемовъ изслѣдованія при анализѣ индуктивной статистики распредѣленія доходовъ. Отсюда — проблема методовъ опредѣленія кривой распредѣленія, съ одной стороны, и точнаго учета національнаго дохода и его основныхъ долей—съ другой стороны, проблемы—имѣющія огромное значеніе при пользованіи индуктивными данными распредѣленія общественнаго дохода.

Что касается *учета національнаго дохода и его долей* (*трудовой и не трудовой*), то таковой учетъ болѣе или менѣе серьезную основу можетъ имѣть лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ имѣется система подоходнаго обложенія и подоходная статистика (въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, Германіи). Больше всего попытокъ учета и національнаго дохода и его долей дѣлалось въ Англіи, особенно съ 40-хъ годовъ XIX в. (въ 1842 г. заложена основа дѣйствующей нынѣ системы подоходнаго обложенія). До этого времени имѣвшіяся попытки носили характеръ предположительныхъ вычисленій, съ относительнымъ значеніемъ. Къ послѣдняго рода попыткамъ относятся труды Грегори Кинга (1696), опредѣлявшаго національный доходъ Англіи для 1688 г. въ 43.505.800 фунтовъ стерл. при населеніи въ 5.500.520 душъ (на душу въ годъ ок. 7,9 ф. ст.), Колькюна (Colquhoun)—для всего Соед. Королевства на 1812 г., опредѣл. доходъ въ 430.521.372 ф. ст. при населеніи въ 17.096.803 душъ (въ среднемъ на душу ок. 25,2 ф. ст.). Болѣе серьезныя попытки начинаются лишь со второй половины XIX ст., когда можно было пытаться учесть размѣры трудовыхъ доходовъ широкихъ рабочихъ массъ. Подобный учетъ былъ произведенъ Леономъ Леви въ блестящей по времени работѣ „Wages and Earnings of the working Classes“ (1867), согласно которой національная заработная плата рабочихъ Соединеннаго Королевства составляла въ 1866—1867 г.г. 418.000.000 ф. ст., не включая сюда 10.000.000 ф. ст., идущихъ на мастеровъ, но считая въ этомъ числѣ доходы низшихъ служащихъ арміи и флота, почтовыхъ чиновниковъ и служащихъ въ полиціи, а также домашней прислуги. Для учета заработной платы Королевства Леви разбивалъ рабочее населеніе на группы по профессіямъ, находилъ среднюю заработную плату для каждой рабочей группы, какъ по офиціальнымъ даннымъ, такъ и на основаніи личныхъ опросовъ, и затѣмъ обращался къ переписи населенія за ближайшій годъ и по даннымъ переписи, пользуясь соотвѣтственнымъ коэффиціентомъ прироста населенія, вычислялъ количество рабочихъ въ каждой группѣ. Т. о., получалась возможность опредѣленія всей массы заработныхъ платъ для каждой взятой профессіональной группы. Послѣ Леви по тому же методу опредѣляетъ доходы населенія Англіи (для 1867 г.) Р. Д. Бакстеръ (1868), касавшійся уже и подоходной статистики. Сумму заработныхъ платъ Бакстеръ на 1867 г. опредѣляетъ въ 324.645.000 ф. ст., а весь національный доходъ — въ 814.119.000 ф. ст. при 13.720.000 душъ. Таблица Бакстера доходовъ всего населенія Соед. Королевства въ 1867 г. приведена на слѣд. стр. (103 стлб.).

Въ „рабочій классъ“ Бакстера входятъ: и солдаты, и матросы, и домашняя прислуга, и $^2/_3$ общаго состава полиціи. Въ 1885 г. Леонъ Леви снова дѣлаетъ попытку учесть національную заработную плату Соед. Корол. для 1882—1883 г. вмѣстѣ съ національнымъ доходомъ. Итоги изслѣдованія Лев.. даны на слѣд. стран. (2-я табл.).

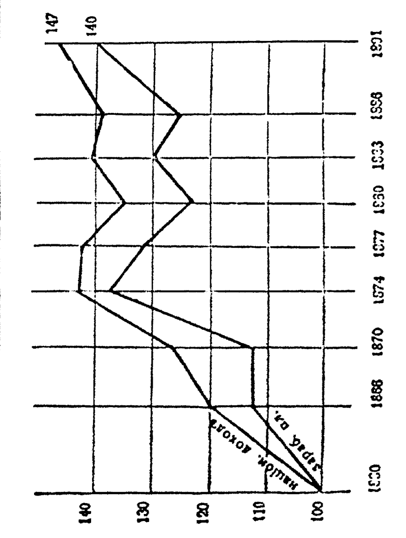
Доходъ Соедин. Королевства, 1867 годъ.

Высшій и средніе классы.		Число лицъ.	Сумма дохода.
Классъ I.	Крупные доходы:		
	1) ф. ст. 5.000 и выше	8.500	126.157.000
	2) ф. ст. 1.000—5.000	48.000	83.324.000
Классъ II.	Средніе доходы:		
	300—1.000 ф. ст.	178.300	87.723.000
Классъ III.	Мелкіе доходы:		
	1) 100—300 ф. ст.	1.026.400	110.950.000
	2) ниже 100 ф. ст.	1.497.800	81.320.000
	Всего	2.759.000	489.474.000
Рабочій классъ.			
Мужская средняя зар. плата.			
Классъ IV.	Высоко-квалиф. рабочіе; 50—73 ф. ст.	1.345.000	66.353.000
Классъ V.	Менѣе квалифиц.: 35—52 ф. ст.	5.087.000	160.652.000
Классъ VI.	Землед. и неквал. трудъ: 10 ф. ст. 10 шил.—36 ф. ст.	4.529.000	97.640.000
	Всего	10.961.000	324.645.000
	Общая сумма . .	13.720.000	814.119.000

Данныя Леви опредѣленно указываютъ, что за періодъ времени съ 1866 по 1883 г.г. въ Соед. Корол. доля рабочихъ въ національномъ доходѣ вмѣстѣ съ долей среднихъ классовъ понизилась (съ $39{,}_{10}$% до $35{,}_{9}$% и съ $13{,}_{5}$% до $11{,}_{9}$%), при чемъ 60-е и 70-е годы были въ Соед. Кор. годами высокаго капиталистическаго подъема. Въ 1880-хъ годахъ интересъ къ учету національнаго дохода и общей картины распредѣленія въ Англіи особенно возрастаетъ. Въ 1885 г. въ Лондонѣ собирается даже частная конференція изъ 125 членовъ, на частныя средства, для рѣшенія вопроса о томъ, въ одинаковой ли пропорціи съ капиталистами рабочій классъ участвуетъ въ приростѣ общественнаго богатства (т. н. Industrial Remuneration Conference); затѣмъ выходятъ на ту же тему работы Гиффена и Гошена, позднѣе—Боули и Чіоза-Мони, давая отвѣтъ на занимающій общественную мысль страны вопросъ. У Гиффена этотъ отвѣтъ оптимистическій. Въ „Прогрессѣ рабочихъ классовъ въ послѣдней половинѣ столѣтія" (1883 г., рѣчь въ Корол. Статистич. Обществѣ) Гиффенъ изслѣдуетъ вопросъ о распредѣленіи національнаго дохода въ Соед. Корол. съ 1843 по 1883 г. Сравнивая зараб. плату у различныхъ категорій рабочихъ за 1843 и 1883 г.г., Гиффенъ находитъ, что за 50 лѣтъ номинальная заработная плата возросла на 50—100%, а если считать происшедшее за этотъ періодъ сокращеніе рабочаго дня на 20%, то ростъ номинальной заработной платы составитъ 70—120%. Что же касается реальной зараб. платы за это время, то она росла такъ же, какъ и номинальная, такъ какъ Гиффенъ находитъ, что ростъ цѣнъ на одни предметы рабочаго потребленія (мясо, жилище) компенсировался паденіемъ цѣнъ на другіе предметы (пшеница). Что же касается отношенія между долей труда и капитала въ національномъ доходѣ, то и здѣсь Гиффенъ находитъ за 50 лѣтъ „диффузію" богатства, а не концентрацію его. Для 1843 г. національный доходъ онъ опредѣляетъ въ 515 милліоновъ ф. ст., а доходы отъ капитала—въ 190 милл. ф. ст., что составляетъ около 37%; въ 1883 же году національный доходъ, по Гиффену, опредѣлялся въ 1200 милл. ф. ст., а доходы отъ капитала въ 400 м. ф. ст., что составляло лишь ок. 33%. Считая, что за это время заработная плата возросла на 50—100%, Гиффенъ заключаетъ, что „весь почти колоссальный прогрессъ въ матеріальномъ богатствѣ за послѣдніе 50 лѣтъ достался рабочимъ массамъ; доля

	1866—1867	1882—1883	въ 1866—1867	1882—1883
	въ фунт. стерлинговъ.		%% ко всей суммѣ.	
1. Доходы от 150 ф. ст. и выше (обложенные). .	423.000.000	613.000.000	47,[illegible]	52,[illegible]
2. Доходы низшихъ и среднихъ классовъ (не обложенные).	120.000.000	140.000.000	$13{,}_{5}$	$11{,}_{9}$
3 Заработная плата (безъ прислуги, солдатъ и проч.)	349.000.000	421.000.000	$39{,}_{10}$	$35{,}_{9}$
Національный доходъ . .	892.000.000	1.174.000.000	100	100

капитала была весьма незначительна"; что богатыхъ оказалось больше, но они не сдѣлались богаче, а бѣдныхъ стало меньше, и при томъ кто и остался бѣднымъ, тотъ живетъ вдвое лучше, чѣмъ 50 лѣтъ назадъ. Эти выводы Гиффена, такъ же какъ и все его изслѣдованіе о „Прогрессѣ рабочихъ", встрѣтили рѣшительныя возраженія критиковъ (Роджерсъ, Шиппель, Стефенъ) и сильно грѣшатъ въ отношеніи точности и объективности. Такимъ же оптимизмомъ, какъ и изслѣдованіе Гиффена, пропитано и изслѣдованіе Гошена „Ростъ среднихъ доходовъ" (1887), доказывающаго положеніе Гиффена о выравниваніи богатствъ, путемъ установленія факта роста среднихъ классовъ и нарастанія „умѣренныхъ" (среднихъ) доходовъ. Гошенъ оперируетъ, гл. о., статистикой подоходнаго налога для 1877 и 1886 г.г., пользуясь методомъ, признаннымъ статистиками совершенно неправильнымъ (методъ „процентнаго прироста классовъ", сущность котораго и оцѣнку см. ниже). Болѣе научны въ данномъ отношеніи работы Боули. Рѣшая вопросъ о долѣ рабочихъ въ національномъ доходѣ и ея измѣненіи съ развитіемъ жизни, Боули прибѣгаетъ къ особому „кинетическому" методу, обращая все вниманіе не на абсолютное, а на относительное измѣненіе заработныхъ платъ изъ года въ годъ, отъ періода къ періоду, и сравнивая лишь коэффиціенты возрастанія, а не абсолютные уровни заработныхъ платъ. Такого метода придерживается Боули въ своей работѣ объ „Измѣненіяхъ средней заработной платы (номинальной и реальной) въ Соед. Кор. между 1860 и 1891 г." (1895). Для 1860 г. Боули исчисляетъ національный доходъ Соед. Кор. въ 832 милліона ф. ст., сумму заработной платы—въ 392 милл. ф. ст., долю рабочихъ—въ 47%, средній націон. доходъ на душу населенія—въ $28,_9$ ф. ст., среднюю заработную плату на 1 рабочаго—$38,_1$ ф. ст. Для 1891 года національный доходъ—1.611 милл. ф. ст., сумма заработной платы—699 милл. ф. ст., доля рабочихъ—$43^1/_2$%, средній націон. доходъ—$42,_7$ ф. ст., средняя зараб. плата—$53,_8$ ф. ст. Въ итогѣ Боули находитъ за періодъ 1860—1891 г.г. паденіе доли рабочихъ съ 47% до $43^1/_2$% и соотвѣтственный ростъ доли нетрудовыхъ доходовъ (съ 53% до $56^1/_2$%). Любопытны данныя, полученныя Боули, по сравненію движенія за взятый періодъ (1860—1891) средняго національнаго дохода на душу населенія и средней заработной платы одного рабочаго. Если взять эти среднія за 100 для 1860 г., то обнаруживается тенденція къ ихъ расхожденію по мѣрѣ общаго роста: въ то время, какъ средній національный доходъ возросъ къ 1891 г. до 147, средняя заработная плата поднялась лишь до 140, при чемъ особенно сильное расхожденіе наблюдалось въ 1870 году, 1880 и 1886. Движеніе этихъ среднихъ показываетъ, что ростъ благосостоянія рабочихъ въ Соед. Корол. за 1860—1891 г.г. не поспѣвалъ за ростомъ общаго благосостоянія страны, иначе говоря—доля рабочихъ въ общемъ богатствѣ (доходѣ) понижалась. Графически эти отношенія въ движеніи средней заработной платы на голову рабочаго и національнаго дохода на голову населенія Боули выражаетъ въ такого рода діаграммѣ, гдѣ средній національный доходъ и средняя заработная плата въ 1860 г. приняты за 100:

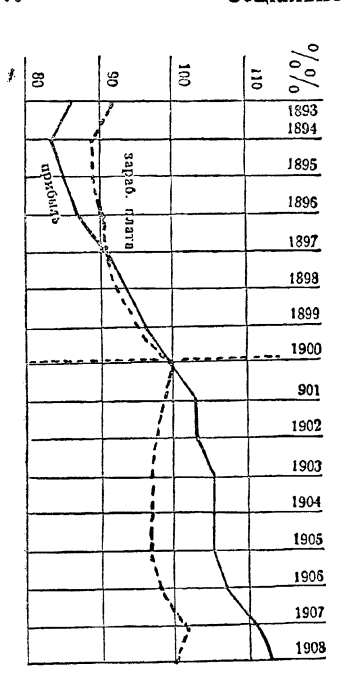


Для позднѣйшаго времени заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе Чіоза-Мони „Богатство и бѣдность“, выдержавшее съ 1905 по 1911 г.г. десять изданій. Чіоза-Мони подвергаетъ анализу какъ статистику заработной платы, такъ и подоходную статистику Соед. Кор., пользуясь также данными оцѣнки жилыхъ строеній. Національный доходъ Соед. Корол. и его долей (трудовой и не трудовой) онъ делаетъ для 1903—1908 г.г. Эти данныя могутъ быть представлены въ следующемъ видѣ:

Классы по размѣрамъ доходовъ:	1903 Число лицъ.	1903 Доходъ въ милл. ф. стерл.	1903 Въ %%	1908 Число лицъ.	1908 Доходъ милл. ф. стерл.	1908 Въ %%
1. Лица съ доходомъ выше 700 ф. ст. (с семьями)	1.250.000	570	$33,_3$	1.400.000	634	34,
2. Лица съ доходомъ выше 160 ф. ст. и ниже 700 (с семьями)	4.000.000	260	$15,_2$	4.100.000	275	$14,_9$
3. Лица съ доходомъ ниже 160 ф. ст. (съ семьями)	37.250.000	880	$51,_5$	39.000.000	935	$50,_7$
Всего	42.500.000	1.710	100	44.500.000	1.844	100

Данныя указываютъ на измѣненіе доли трудового населенія за 1903—1908 г.г. въ сторону паденія и на ростъ доли нетрудовыхъ доходовъ (крупныхъ). Съ другой стороны, мы видимъ, что $^1/_8$ населенія держитъ въ своихъ рукахъ половину національнаго дохода. Чіоза-Мони, анализируя доходы и составъ лицъ третьей группы, разбиваетъ ихъ на двѣ группы, выдѣляя чисто рабочій классъ, и, т. о., даетъ возможность болѣе точнаго учета дѣйствительно трудовой доли. Изъ общей суммы доходовъ низшихъ классовъ (3-й группы), по его вычисленію, приходилось на чисто рабочее населеніе, живущее на заработную плату, 655 милл. ф. ст. въ 1903 г. и 703 милл. ф. ст. въ 1908 г.; отсюда болѣе точно опредѣлится доля рабочихъ въ національномъ доходѣ за это время: $38,_3$% въ 1904 г. и $38,_1$% въ 1908 г., т.-е. съ тенденціей не къ росту, а къ паденію. Чіоза-Мони приводитъ также весьма характерную діаграмму движенія прибыли и заработной платы въ ихъ относительномъ сопоставленіи. Эта діаграмма даетъ расходящіяся линіи, указывающія на то, что доля труда не поспѣваетъ за ростомъ нетрудовыхъ доходовъ. Эта діаграмма для Соед. Корол. воспроизведена на слѣдующей страницѣ.

Изслѣдованія и выводы Чіоза-Мони вызвали рядъ возраженій критики. Но вышедшія работы въ этомъ направленіи не носятъ характера строго научнаго. Таковы работы Франка Айрисона (The Peoples Progress, 1910) и Мэллока (The Nation as a business Firm, 1910), доказывающія, что доходы рабочихъ растутъ въ большей степени, чѣмъ доходы богатыхъ классовъ, и что доходы обоихъ классовъ увеличиваются одновременно. Мэллокъ оперируетъ, гл. о., данными о среднихъ размѣрахъ доходовъ на голову населенія за разные годы, всякій разъ упуская изъ вниманія, что понятія богатства и бѣдности—относительныя понятія, и полагая, что если уровень рабочихъ доходовъ на голову рабочаго за 50-лѣтній періодъ достигъ того средняго уровня, который приходился на голову всего населенія 50 лѣтъ назадъ, то это указываетъ на улучше-

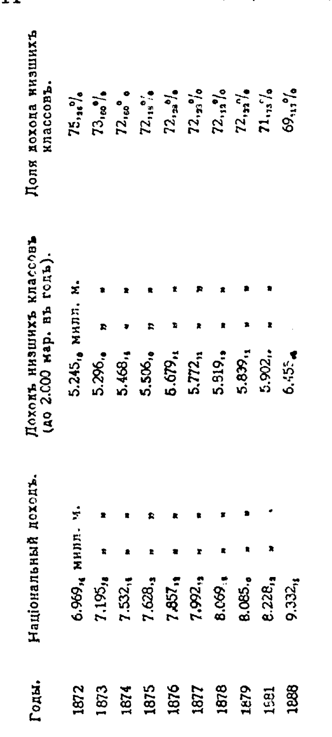


	Нац. доходъ въ ф. ст.	Сумма зар. платы въ ф. ст.	Доля рабочихъ въ нац. доходѣ.
1843 (Гиффенъ)	515.000.000	235.000.000	45,6%
1860 (Боули)	832.000.000	392.000.000	47,11%
1866 (Леви)	961.000.000	418.000.000	43,5%
1884 (Леви)	1.274.000.000	521.000.000	41,4%
1891 (Боули)	1.611.000.000	699.000.000	42,11%
1903 (Чіоза-Мони)	1.710.000.000	655.000.000	38,3%
1905 (Facts for Socialists) .	1.920.000.000	730.000.000	38,10%
1938 (Чіоза-Мони	1.844.000.000	703.000.000	38,1%

ніе и возрастаніе рабочаго благосостоянія и рабочихъ доходовъ въ общемъ ростѣ богатства. Средній національн. доходъ на голову всего населенія Мэллокъ опредѣляетъ для 1800 г. въ 16 ф. ст. 14 шилл., для 1850 г. въ 23 ф. ст., 6 шилл. и для 1880 г. въ 39 ф. ст., доходы же бѣдныхъ классовъ (ниже 150 ф. ст. въ годъ) въ среднемъ на голову бѣднаго населенія для 1850 г. въ 15 ф. ст., для 1888 г. въ 25 ф. ст., для 1905 г. въ 29 ф. ст. Сопоставленіе различныхъ данныхъ за разные годы по учету національнаго дохода въ Соед. Корол. дастъ намъ таблицу на 110 стлб.

Гораздо менѣе точный, чѣмъ для Англіи, имѣется учетъ національнаго дохода и его распредѣленія для Германіи и Франціи, въ виду, гл. о., отсутствія хорошо поставленной статистики заработныхъ платъ, а для Франціи и подоходной статистики. Въ Германіи первыми попытками учета доходовъ страны и ихъ распредѣленія были попытки Леопольда Круга и Дитерици (1805 г. и 1846—48 г.г.). Кругъ опредѣляетъ національный доходъ Прусскаго государства для 1798 года въ 82.942.000 талеровъ, что составитъ $27^{1}/_{4}$ тал. на голову населенія. Эту сумму націон. дохода онъ разлагаетъ по группамъ населенія: государства и крупныя общины (33 милл. тал.), дворяне-помѣщики (17,2 милл. т.), фермеры-арендаторы (4 милл. т.), домовладѣльцы въ городахъ (7,3 м. т.), промышленный классъ (1,238 м. т.) и остальное населеніе: крестьяне, учителя, духовенство и пр. (20,201 милл. т.). Дитерици даетъ сумму націон. дохода Пруссіи на 1805 г., 1831 и 1843 г.г. (147.250 тыс. т., 321.000 тыс. т. и 460.750 тыс. тал.); на голову населенія: ок. 14 тал., 24 т. и 29 т. Болѣе серьезна попытка Зётбера (1879) также для Прусскаго государства. Зётберъ опредѣляетъ націон. доходъ Пруссіи для 1872—1888 г.г. на каждый годъ, пользуясь подоходной статистикой и статистикой заработныхъ платъ. Данныя, къ которымъ онъ приходитъ, заслуживаютъ вниманія; они приведены на 111 стлб.

Т. о., данныя Зётбера показываютъ паденіе доли низшихъ классовъ населенія въ націон. доходѣ. Съ 90-хъ г.г.



Годы.	Національный доходъ.	Доходъ низшихъ классовъ (до 2.000 мар. въ годъ).	Доля дохода низшихъ классовъ.
1872	6.969,4 милл. м.	5.245,6 милл. м.	75,26 %
1873	7.195,8 „ „	5.296,0 „ „	73,60 %
1874	7.532,1 „ „	5.468,4 „ „	72,60 %
1875	7.628,3 „ „	5.506,0 „ „	72,18 %
1876	7.857,1 „ „	6.679,1 „ „	72,28 %
1877	7.992,3 „ „	5.772,1 „ „	72,23 %
1878	8.069,1 „ „	5.819,0 „ „	72,12 %
1879	8.085,0 „ „	5.839,1 „ „	72,22 %
1881	8.228,2 „ „	5.902,. „ „	71,73 %
1888	9.332,1	6.45?,4	69,17 %

изъ попытокъ по учету національнаго дохода и его распредѣленія заслуживаютъ вниманія работы Бёмерта, Вагнера, Ничке, Мая и Шмоллера. По даннымъ этихъ изслѣдователей національный доходъ Пруссіи для 1888 года составлялъ 9.300 милл. мар. (Шмоллеръ), 330 марокъ на голову, для 1892 г.—9.881 м. м. (Ничке), для 1893—94 г.—10.400 м. м. (Бёмертъ), 350 марокъ на голову, для 1895—96 г.—15.111 м. м. (Май), 493 мар. на голову, для 1896 г.—10.312 м. м. (Ничке), для 1897—98 г.—12.200 м. м. (Бёмертъ), 390 марокъ на голову, для 1899 г.—11.150 м. м. (Шмоллеръ), 350 м. на голову, для 1900 г.—12.100 (Ничке). Нѣкоторые изъ этихъ авторовъ пытались учесть и доли трудового и не трудового населенія. По учету Мая доля рабочихъ въ національномъ доходѣ Германской Имперіи въ 1895 г. составляла 41,4%, а въ 1900—41,5%. Шмоллеръ доходы рабочихъ въ 1895 г. опредѣляетъ въ 8,83 милліарда марокъ (для всей Германіи, при численномъ составѣ рабочаго активнаго населенія въ 15,2 милліона), что составитъ 40,4% ко всему національному доходу; доходы чиновниковъ и лицъ либеральныхъ профессій (1,16 милл. душъ) въ 3,07 милліарда мар.; доходы мелкихъ предпринимателей, мелкаго крестьянства, ремесленниковъ и проч. (3,26 милл.) въ 3,25 мрд. мар.; доходы среднихъ предпринимателей, какъ въ индустріи, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ (1,55 милл.) въ 2,71 мрд. м.; доходы крупныхъ предпринимателей (0,55 милл.) въ 4,0 мрд. мар.; весь національный доходъ—въ 21,86 мрд. мар. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что націон. доходъ Шмоллера не чистый общественный доходъ, а доходъ, содержащій въ себѣ неоднократно повторяющіяся однѣ и тѣ же суммы производныхъ доходовъ вторичнаго раздѣла. Проф. Вагнеръ для Пруссіи опредѣляетъ національный доходъ на 1892 г. въ 9.702 милл. мар., 1893—10.149 милл. мар., на 1902 г.—12.771 милл. м. Для 1907 года по даннымъ „Матеріаловъ по учету благосостоянія Германіи за 50 лѣтъ", опубликованныхъ въ 1908 г., національный доходъ Пруссіи опредѣляется въ 17.990 милл. мар., на голову населенія 474 мар.

Еще менѣе удовлетворительный и небогатый матеріалъ по учету распредѣленія имѣемъ мы *во Франціи*. Здѣсь національный доходъ можно было учитывать лишь на основаніи косвенныхъ данныхъ и потому лишь приблизительно. Имѣющіяся во Франціи попытки учета націон. дохода, поэтому, крайне противорѣчивы. Такъ, Леруа-Болье для 1883 г. даетъ цифру націон. дохода Франціи въ 25—30 милліард. франковъ, Фовилль для 1886 г.—20—25 мрд. фр., Костъ для 1890 г.—22,5 мрд. фр., Пуанкаре для 1906 г.—въ 22,5 мрд. фр. Заслуживаютъ вниманія работы въ этомъ направленіи Фовилля и Коста. Фовилль исходитъ изъ данныхъ статистики прямыхъ налоговъ и бюджетовъ населенія у различныхъ группъ, но, главнымъ образомъ, онъ опирается на статистику наслѣдствъ, опредѣляя изъ этого сумму національнаго капитала; дать

цифры распредѣленія націон. дохода во Франціи онъ считаетъ невозможною задачею. Отъ этой задачи не отказывается, однако, Костъ. Путемъ ряда весьма сложныхъ вычисленій онъ опредѣляетъ для 1890 г. доходы земледѣльческаго населенія въ 10.000 милл. франк., торгово-промышленнаго въ 13.600 милл. франковъ (въ деревняхъ—3.400 милл. фр., въ городахъ безъ Парижа—7.700 м. фр. и въ Парижѣ—2.500 м. фр.), т. о., весь націон. доходъ для 1890 г.—въ 23.600 милл. фр. Эту цифру Костъ сокращаетъ на $^1/_{20}$ и получаетъ сумму націон. дохода въ $22^1/_2$ мрд. фр. Для учета распредѣленія этой суммы онъ прибѣгаетъ къ даннымъ профессіональной переписи 1886 года, модифицируетъ ихъ съ данными земледѣльческой анкеты 1882 г., устанавливая различныя категоріи населенія и вычисляя заработныя платы и средніе доходы для каждой группы населенія. Итоги, къ которымъ приходитъ Костъ, таковы: доходы трудового населенія въ общемъ національномъ доходѣ страны выразились въ суммѣ 8.000 милліон. фр.; въ этомъ числѣ доходы земледѣльческихъ рабочихъ—2.000 милл. фр., торгово-промышленныхъ—3.600 м. фр., служащихъ и приказчиковъ—1.000 м. фр. и доходы прислуги домашней —1.400 м. фр. Доходы мелкой буржуазіи (мелкихъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и проч.) составили 4.000 м. фр., и доходы крупнаго капитала—10.500 м. фр. Т. о., доля рабочихъ въ національномъ доходѣ Франціи въ 1890 г. не превышала 35,5% всего національнаго дохода страны. Для 1900-хъ г.г. Ляверньи Анри, исходя изъ тѣхъ же пріемовъ, какъ и Костъ, и опираясь на данныя профессіональной переписи 1901 г. и средніе уровни заработныхъ платъ, опредѣляютъ сумму трудовыхъ доходовъ Франціи въ 12.635 милл. фр., сумму же доходовъ отъ капитала въ 8.782 м. фр., а смѣшанныхъ доходовъ (и отъ труда и отъ капитала) въ 6.360 м. фр. и, т. о., весь національный доходъ въ 27.777 м. фр. Если взять доходъ рабочихъ, прислуги и служащихъ въ промышленности и торговлѣ, получимъ, по даннымъ Анри, сумму трудовыхъ доходовъ, доля которыхъ во всемъ національномъ доходѣ составитъ около 39,4%. Придерживаясь группировки доходовъ самихъ авторовъ, мы получимъ слѣд. отношенія: доля доходовъ исключительно отъ капиталовъ составитъ 31,6%, доля отъ капитала и труда—22,8% и доля исключительно отъ труда—45,6%. Таковы приблизительныя данныя для одного года. Для сравненія картины распредѣленія во Франціи въ ея измѣненіи изъ года въ годъ, изъ періода въ періодъ, данныхъ почти не имѣется. Если и есть попытки въ этомъ направленіи, то лишь приблизительныя. Таковы, наприм., попытки проф. Шатлена, который даетъ слѣдующія отношенія для измѣненій доли труда и капитала: съ 1826 по 1906 г.г. общая сумма доходовъ Франціи увеличилась въ отношеніи 1 : 3,16, т.-е. на 216%, заработная же плата за это время увеличилась лишь въ отношеніи 1 : 2,72, т.-е. всего лишь на 172%, а это показываетъ, что за данный періодъ времени доля труда въ національномъ доходѣ уменьшилась; кромѣ того, за это время средній національный доходъ на голову населенія увеличился на 151%, а индивидуальная заработная плата возросла лишь на 116%, что также указываетъ на то, что рабочіе доходы отъ общаго роста національнаго дохода все больше и больше отстаютъ.

Для Россіи нѣтъ возможности учесть ни національнаго дохода, ни его распредѣленія между основными классами, такъ какъ у насъ нѣтъ ни подоходной статистики, ни сколько-нибудь организованной статистики заработныхъ платъ, ни профессіональныхъ переписей. Въ Россіи, слѣдовательно, нѣтъ даже такой основы для выясненія общей суммы дохода страны, какая существуетъ, напр., во Франціи, гдѣ до послѣднихъ лѣтъ не было также подоходнаго налога. Ясно, что серьезныхъ, строго научныхъ попытокъ по установленію общей картины распредѣленія нар. д. или учета послѣдняго въ Россіи быть не могло. Имѣвшіяся же попытки въ этомъ направленіи не могутъ быть признаны сколько-нибудь удовлетворительными. Таковы, напр., работы по опредѣленію національнаго дохода въ Россіи, принадлежащія Де-

партаменту окладныхъ сборовъ въ 1906 г. („Опытъ приблизительнаго исчисленія народнаго дохода. Матеріалъ по проекту о государств. подоходномъ налогѣ. Печат. по распоряж. Департамента окладныхъ сборовъ М. Ф. 1906 г.“) и докладъ С. Н. Прокоповича, сдѣланный въ 1906 г. въ Вольно-экономическ. Обществѣ и содержащій попытку учесть національный доходъ въ 50 губ. Европ. Россіи на 1900 г. И та и другая работа совершенно не касающихся вопроса о С. р. между трудовой и нетрудовой частью населенія, учетъ же самого дохода страны производится въ нихъ лишь приблизительно, по различнаго рода косвеннымъ даннымъ. Такъ, Прокоповичъ пытался въ отдѣльныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства (сельское хоз., лѣсоводство, рыболовство, добывающая и обрабатывающая промышленность, транспортъ, торговля, строительное дѣло) опредѣлить чистый доходъ путемъ установленія размѣра валового продукта (въ рыночныхъ цѣнахъ) и издержекъ производства (въ цѣнахъ же). Такая задача, естественно, не могла быть рѣшена удовлетворительно за отсутствіемъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ данныхъ. По Прокоповичу, въ 50 губ. Европ. Россіи въ 1900 г. національный доходъ составлялъ 6.125 милліоновъ рублей (золотомъ) или 63 рубля на душу населенія. В. И. Покровскій этотъ доходъ опредѣлялъ въ 73 руб. на душу для 1894 г. Для новѣйшаго времени С. Н. Прокоповичъ опредѣляетъ народный доходъ Совѣтской Россіи для 1921 г. въ $4^1/_2$ м-рда золот. р. при населеніи $115{,}_6$ милл., считая, что на душу населенія нар. д. здѣсь составлялъ 101 р. 39 коп. въ 1913 г., 85 р. 60 к. въ 1916—1917 г.г. и 38 р. 60 к. въ 1921 г., при чемъ въ сельск. хоз. на душу приходилось 48 р. 34 к. (1913) и 30 р. 40 к. (1921), въ промышленности 22 р. 3 к. (1913) и 5 руб. 10 коп. (1921), въ прочихъ же отрасляхъ 30 руб. 35 коп. (1913) и 3 руб. 10 коп. (1921). Е. Преображенскій для 1920 г. принимаетъ цифру нар. д. въ Россіи въ $4^1/_2$—5 м-рд. зол. руб. по довоеннымъ цѣнамъ, С. Масловъ — около 4 м-рд., что составляетъ, по его мнѣнію, отъ $26{,}_6$% до 31,[illegible]% къ суммѣ нар. д. въ 1913 г.

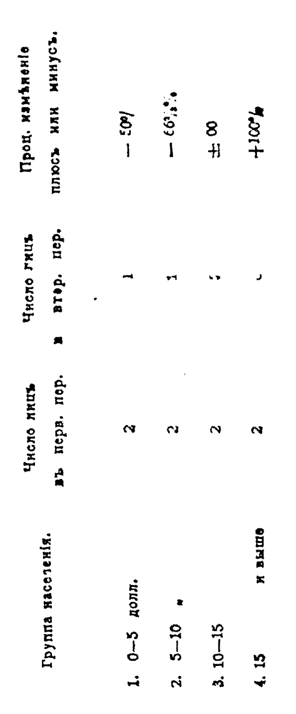
Въ виду того, что разработка статистическихъ данныхъ по распредѣленію и учету національнаго дохода различными методами и пріемами обычно приводитъ изслѣдователей къ совершенно различнымъ и иногда совершенно противоположнымъ выводамъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, въ проблемѣ распредѣленія и проблемѣ учета долей національнаго дохода имѣетъ большое значеніе правильный методъ учета кривой распредѣленія доходовъ.

Ученіе *о методахъ опредѣленія кривой распредѣленія* и вообще о методахъ опредѣленія движенія основныхъ линій, по которымъ идетъ распредѣленіе общественныхъ доходовъ въ той или иной странѣ, стало развиваться лишь въ недавнее время и наилучшую себѣ разработку нашло, главнымъ образомъ, среди американскихъ статистиковъ и экономистовъ. Естественно, больше всего вниманія здѣсь обращено было на правильное пользованіе данными подоходной статистики въ цѣляхъ установленія картины распредѣленія по мѣрѣ развитія капитализма. Это ученіе о методахъ опредѣленія кривой распредѣленія показало, что большинство наиболѣе всего распространенныхъ методовъ въ этомъ вопросѣ для научныхъ выводовъ совершенно не пригодно. Изъ различныхъ методовъ, употребляющихся при опредѣленіи кривой р. д., можно установить слѣдующіе: 1) методъ процентнаго прироста классовъ, 2) методъ Вольфа, состоящій въ исправленіи перваго, 3) методъ процентнаго распредѣленія состава и прироста, 4) методъ сравненія двухъ половинъ, 5) методъ медіанъ (Холмса), 6) методъ учета средняго дохода на голову населенія, 7) методъ Парето, 8) методъ отношеній (Лоренца и Уоткинса). Разборъ и относительная оцѣнка всѣхъ этихъ методовъ заслуживаетъ особаго вниманія; особенно же это важно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ установленіи болѣе научнаго метода.

Первый методъ *процентнаго прироста классовъ* наиболѣе простой и наиболѣе распространенный. Онъ сво-

дится къ простому установленію факта процентнаго прироста или процентнаго сокращенія числа цензитовъ въ различныхъ группахъ благосостоянія при разработкѣ данныхъ подоходной статистики. Поэтому методу все населеніе цензитовъ разбивается на нѣсколько типичныхъ группъ по размѣрамъ доходовъ. Затѣмъ наблюдаютъ процентное измѣненіе числа цензитовъ каждой группы за различные періоды времени. Большій приростъ цензитовъ съ крупными доходами сравнительно съ приростомъ числа цензитовъ съ болѣе мелкими доходами будетъ показывать, согласно этому методу, на растущую неравномѣрность распредѣления доходовъ, т.-е. будетъ говорить о растущей концентраціи доходовъ за данный періодъ времени. Большій приростъ цензитовъ съ мелкими доходами при сокращеніи числа крупныхъ цензитовъ будетъ говорить, наоборотъ, о диффузіи доходовъ. Равнымъ образомъ, о той же диффузіи будетъ, съ точки зрѣнія даннаго метода, говорить приростъ числа цензитовъ съ средними доходами. Методъ этотъ былъ излюбленнымъ не только въ публицистической, но и въ научной статистико-экономической литературѣ. Упомянутый выше Гошенъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ этого метода, когда онъ доказывалъ, что въ Англіи въ 70-е и 80-е г.г. имѣло мѣсто выравниваніе доходовъ. Эту диффузію Гошенъ, какъ мы видѣли, выводилъ изъ того, что категорія цензитовъ съ самыми мелкими доходами выросла въ своемъ количествѣ на 21,4%, въ то время какъ крупныя категоріи плательщиковъ, съ крупными доходами, въ своей численности относительно сократились. Такого же метода придерживается въ Германіи Шульце-Геверницъ, во Франціи—Леруа-Болье. Даже проф. Вагнеръ пользуется въ своихъ работахъ этимъ же методомъ, устанавливая, однако, гораздо большій приростъ цензитовъ для высшихъ категорій цензитовъ, чѣмъ для низшихъ въ прирейнскихъ провинціяхъ за 1872—1882 г.г. Методъ процентнаго прироста, однако, совершенно несостоятеленъ. Эту несостоятельность его особенно ярко вскрываютъ проф. Ю. Вольфъ и американскій проф. Или. Къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ повести этотъ методъ, проф. Или указываетъ на слѣд. примѣрѣ. Предположимъ, говоритъ онъ, въ какомъ-либо періодѣ 10 лицъ распредѣляли между собою 100 долларовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 19, 17, 15, 13, 11, 9, 7, 5, 3, 1, а во второмъ—предположимъ—доходы всѣхъ тѣхъ же 10 лицъ равномѣрно удвоились, и 100 долларовъ распредѣлялись такъ: 38, 34, 30, 26, 22, 18, 14, 10, 6, 2. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что степень концентраціи осталась неизмѣнной, такъ какъ взаимоотношенія ничуть не измѣнились. Каждое лицо изъ 10 разбогатѣло вдвое, но характеръ распредѣленія возросшаго богатства остался такимъ же, какъ и былъ. Отношеніе доходовъ самаго крупнаго богача къ доходу самаго послѣдняго бѣдняка осталось неизмѣннымъ: это отношеніе 19 : 1. Между тѣмъ иной выводъ относительно характера распредѣленія доходовъ въ нашемъ примѣрѣ получится, если мы послѣдуемъ за методомъ процентнаго прироста классовъ. Согласно послѣднему, мы все населеніе (10 лицъ) должны разбить на группы по размѣрамъ доходовъ и наблюдать процентное измѣненіе числа лицъ въ каждой группѣ. Если мы имѣемъ четыре группы: 1) 0 и менѣе 5 долл., 2) отъ 5 до 10 долл., 3) отъ 10 до 15 долл. и 4) отъ 15 и выше, то процентное измѣненіе числа лицъ нашихъ группъ за два взятыхъ періода выразится въ слѣд. видѣ: (см. на слѣдующ. стран.).

Судя по полученному процентному приросту, характеръ распредѣленія доходовъ за два періода рѣзко измѣнился въ сторону рѣзкой концентраціи доходовъ въ рукахъ послѣдней группы, на самомъ же дѣлѣ, какъ мы это знаемъ, никакого измѣненія въ характерѣ распредѣленія не было. Ошибка, говоритъ проф. Или, въ слѣдующемъ: старая группировка перваго періода не можетъ имѣть мѣста во второмъ періодѣ; въ виду измѣненія богатства на голову населенія группировка доходовъ во второмъ періодѣ должна быть иная, а именно такая: 1) 0—10, 2) 10—20, 3) 20—30, 4) 30 и выше. т.-е. съ удвоенными доходами. Лишь



Группа населенія.	Число лицъ въ перв. пер.	Число лицъ во втор. пер.	Проц. измѣненіе плюсъ или минусъ.
1. 0—5 долл.	2	1	— 50%
2. 5—10 „	2	1	— 66⅔%
3. 10—15 „	2	[illegible]	± 0
4. 15 и выше	2	[illegible]	+ 100%

при такой измѣненной группировкѣ можно пользоваться процентнымъ измѣненіемъ числа лицъ въ той или иной группѣ въ цѣляхъ установленія картины распредѣленія въ новомъ періодѣ. Разсматриваемый методъ не принимаетъ во вниманіе того обстоятельства, что при общемъ передвиженіи средняго уровня доходовъ, т.-е. средняго уровня общаго благосостоянія, старая скала доходовъ, составленная въ абсолютныхъ числахъ, уже не годна; она должна передвигаться соотвѣтственно передвиженію общаго благосостоянія, въ среднемъ, на голову. На неправильность метода „процентнаго прироста" впервые обратилъ вниманіе проф. Ю. Вольфъ въ Германіи, критикуя, гл. обр., соціалистическихъ писателей, широко пользовавшихся этимъ методомъ для установленія картины роста концентраціи богатствъ. Ошибку разсматриваемаго метода Вольфъ видитъ, однако, не въ томъ, въ чемъ она заключается на самомъ дѣлѣ. Ошибку онъ видитъ въ томъ, что этотъ методъ исходитъ изъ молчаливо принимаемой предпосылки, что каждый классъ (каждая группа) цензитовъ развивается самъ изъ себя, т.-е., что ростъ или сокращеніе каждаго класса происходитъ въ предѣлахъ собственнаго наличнаго состава, на счетъ собственныхъ членовъ, а не на счетъ членовъ другихъ классовъ. Это положеніе Вольфъ и считаетъ неправильнымъ.

Исправляя эту ошибку, Вольфъ предлагаетъ свой методъ, состоящій въ томъ, что онъ пользуется процентнымъ измѣненіемъ числа цензитовъ, но сравниваетъ между собою лишь числа, относящіяся къ одному и тому же классу, и въ этихъ цѣляхъ тщательно опредѣляетъ, сколько цензитовъ перешло за данный періодъ изъ одного класса въ другой, и лишь послѣ этого, имѣя передъ собой ряды однородныхъ цифръ, приступаетъ къ вычисленію процентныхъ измѣненій. По *методу Вольфа*, нужно прежде всего опредѣлить, сколько лицъ изъ одного класса перешло въ другой, съ нимъ смежный. Если окажется, что въ первой группѣ произошло сокращеніе числа лицъ, то это могло произойти лишь потому, что часть лицъ изъ первой группы перешла во вторую и, можетъ статься, и въ третью и выше. Смотря потому, какой процентъ каждый классъ потерялъ и въ какую сторону установится, по Вольфу, характеръ происшедшаго перераспредѣленія доходовъ. За методомъ Вольфа, однако, не пошли. Онъ нашелъ себѣ послѣдователя лишь въ лицѣ итальянскаго экономиста Константино Брешани, который внесъ въ методъ Вольфа нѣкоторыя измѣненія въ опредѣленіи числа лицъ, переходящихъ изъ одного класса въ другой — измѣненія, которыя еще болѣе увеличиваютъ возможность слишкомъ оптимистическихъ выводовъ. Методъ Вольфа, правильно разоблачающій основную ошибку метода „процентнаго прироста", однако, самъ не чуждъ ошибокъ. Первая ошибка этого метода въ томъ, что онъ предполагаетъ, что группы съ высшими доходами могутъ увеличиваться только на счетъ низовъ, а не верховъ населенія, что сверху пере-

хода внизъ, въ ряды лицъ съ низкими доходами, не можетъ быть. Такое положеніе, однако, ни на чемъ не основано. Средніе, напр., классы могутъ отдавать часть своего состава и внизъ, они могутъ раскалываться такъ, что одна часть ихъ можетъ подниматься по скалѣ доходной лѣстницы вверхъ, другая опускаться внизъ, переходя въ ряды малоимущихъ или совсѣмъ неимущихъ. Ростъ капиталистическаго накопленія это послѣднее именно и обнаруживаетъ. А если такъ, то методъ Вольфа стоитъ на неправильной предпосылкѣ и поэтому не можетъ разсчитывать на правильность своихъ выводовъ. Но основная ошибка Вольфа даже не въ этомъ. Основная ошибка его метода, построеннаго, по существу, на основѣ метода процентнаго прироста, та же, что и послѣдняго метода: методъ Вольфа точно также игнорируетъ необходимость непремѣннаго измѣненія группировокъ населенія по доходамъ въ новые періоды, сообразно измѣненію общаго масштаба благосостоянія и измѣнившихся соотношеній. Несостоятельность метода Вольфа особенно рельефно и убѣдительно вскрываетъ американскій статистикъ *Лоренцъ*. Онъ беретъ въ данномъ случаѣ такой примѣръ: предположимъ, мы имѣемъ пять группъ лицъ съ различными доходами, по пяти лицъ въ каждой группѣ; доходы первой группы— 1, 3, 5, 7, 9; второй—10, 12, 14, 16, 18; третьей—25, 28, 31, 34, 37; доходы четвертой—50, 60, 70, 80, 90; и пятой— 100, 110, 120, 130, 140. Если предположить, что за какой-либо опредѣленный періодъ времени доходы каждаго лица во всѣхъ группахъ удвоятся, то ясно, что общій характеръ распредѣленія доходовъ нашего населенія не измѣнится: нельзя говорить ни о концентраціи, ни о диффузіи доходовъ. Соотношенія между группировками остаются такими же, какъ и были. Въ каждой группѣ, равномѣрно удвоившей свои доходы, остается, какъ и прежде, по пяти лицъ въ каждой. Если же мы расположимъ доходы лицъ второго періода по прежней скалѣ, оставляя ее безъ всякаго измѣненія, какъ это дѣлаетъ методъ процентнаго прироста и методъ Вольфа, то получимъ число лицъ въ первой группѣ 2, во второй 5, въ третьей 3, въ четвертой 5 и въ пятой 10. Слѣдуя методу Вольфа, мы должны заключить, что изъ перваго класса (группы) перешло трое, изъ второго въ третій тоже трое, изъ третьяго въ четвертый пять и изъ червертаго въ пятый также пять. Если теперь, по Вольфу, мы высчитаемъ процентный приростъ лицъ нашихъ пяти категорій, то окажется, что во вторую группу перешло 60%, въ третью 60%, въ четвертую 100% и въ пятую тоже 100%, т.-е. произошла концентрація доходовъ, ибо верхніе классы выросли неравномѣрно съ низшими. Въ дѣйствительности же, какъ мы знаемъ, никакой концентраціи не произошло и не могло произойти, т. к. отношенія не измѣнились. Для правильнаго примѣненія метода процентныхъ измѣненій необходимо для новыхъ періодовъ брать новую скалу доходовъ въ связи съ происшедшими измѣненіями въ среднемъ уровнѣ доходовъ и соотвѣтственно съ измѣнившимися отношеніями. Нужно считаться не только съ движеніемъ числа цензитовъ, но и движеніемъ ихъ доходовъ.

На почвѣ послѣдняго требованія и возникъ особый методъ, методъ „*процентнаго распредѣленія состава и прироста*". Сущность этого метода въ слѣдующемъ: населеніе группировалось и по числу цензитовъ и по ихъ доходамъ, но цифры брались не въ абсолютныхъ размѣрахъ, но относительныя, въ процентахъ ко всему числу цензитовъ и ко всей суммѣ доходовъ. Получалось, т. о., процентное распредѣленіе и лицъ и доходовъ. Изъ сравненія измѣненій того и другого ряда выводилось соотвѣтственное заключеніе и устанавливалась соотвѣтственная картина движенія распредѣленія доходовъ въ новомъ періодѣ. Этотъ методъ пользуется широкимъ распространеніемъ особенно въ Германіи; его придерживались и Робертъ Мейеръ, и Зётберъ, и Бёмертъ, и Вагнеръ, и Ничке и др. Этотъ методъ, въ общемъ, приводилъ изслѣдователей къ установленію тенденціи весьма благопріятнаго развитія въ распредѣленіи доходовъ въ странѣ, т. к. у большинства приверженцевъ этого метода обыч-

но получалось, что средній классъ растетъ, а малообезпеченный классъ замѣтно сокращается, если не абсолютно, то, по крайней мѣрѣ, относительно. Пользуясь процентнымъ исчисленіемъ числа лицъ въ группахъ и ихъ доходовъ, этотъ методъ оставлялъ, однако, неизмѣнной скалу размѣщенія доходовъ и для перваго и для новыхъ періодовъ одинаково. Это обстоятельство приводило неизбѣжно къ неправильнымъ выводамъ, т. к. въ основѣ такого метода лежала уже указанная выше ошибка — неподвижность скалы доходовъ. Особенно ясна эта ошибка на гипотетическомъ примѣрѣ Лоренца, приведенномъ выше.

Такъ какъ при оперированіи съ нѣсколькими, различными по размѣрамъ доходовъ, группами чрезвычайно трудно уловить общій характеръ происходящихъ въ различные періоды времени измѣненій въ распредѣленіи, то существуетъ методъ, сводящій весь анализъ къ анализу лишь двухъ группъ, на которыя въ цѣляхъ упрощенія и большей наглядности раздѣляется при изслѣдованіи все населеніе и ихъ доходы. Это—*методъ сравненія двухъ половинъ*, которымъ пользовался, между прочимъ, Шиппель въ своей извѣстной работѣ „Современная бѣдность и перенаселеніе“. Согласно этому методу, все населеніе данной страны разлагается на двѣ половины: богатыхъ и бѣдныхъ, при чемъ опредѣляется для той и другой половины доля въ общей массѣ дохода, и наблюдается измѣненіе этихъ долей въ ту или иную сторону за извѣстный періодъ времени— въ сторону ли концентраціи или въ сторону диффузіи. Или же обратно: вся сумма доходовъ разлагается на двѣ равныя половины и устанавливается, какая часть населенія владѣетъ одной и какая другой половиной: измѣненіе этихъ двухъ частей въ ту или другую сторону и будетъ выражать основную тенденцію въ движеніи доходовъ. Если окажется, наприм., что въ новомъ періодѣ половина всѣхъ доходовъ сосредоточена въ большей части населенія, чѣмъ было въ первомъ періодѣ, то заключаютъ о диффузіи доходовъ. Этотъ методъ сравненія двухъ половинъ избѣгаетъ ошибокъ предыдущихъ методовъ, но недостатокъ его въ томъ, что измѣненіе движенія распредѣленія во всемъ цѣломъ имъ не улавливается: что совершается въ первой половинѣ и что во второй, остается неизвѣстнымъ. Гунке, однако, въ своей критикѣ этого метода идетъ дальше и находитъ, что методъ двухъ половинъ во многихъ случаяхъ можетъ приводить къ совершенно ошибочнымъ выводамъ. Въ своей работѣ „Methodologisches zur Verwertung der Einkommensstatistik“ (1907) онъ приводитъ примѣры, довольно убѣдительно показывающіе, что пользоваться методомъ сравненія двухъ половинъ приходится крайне осторожно, и что методъ этотъ не свободенъ дѣйствительно отъ ошибокъ. Варіаціей разсмотрѣннаго метода является методъ Джорджа Холмса, который можетъ быть названъ *методомъ медіанъ*. Вмѣсто двухъ половинъ Холмсъ имѣетъ дѣло съ двумя медіанами: одной медіаной для числа цензитовъ, другой для общей массы доходовъ. Расхожденіе этихъ медіанъ между собою, увеличеніе разстоянія между ними Холмсъ считаетъ признакомъ роста концентраціи доходовъ, проявленіемъ тенденціи къ неравенству въ распредѣленіи. Арифметическую разницу между двумя медіанами Холмсъ считаетъ масштабомъ или мѣриломъ для измѣренія неравенства доходовъ: если растетъ эта разница, растетъ соотвѣтственно и неравенство, наоборотъ — сокращеніе этой разницы означаетъ ростъ выравниванія доходовъ, тенденцію къ диффузіи. Въ своемъ трудѣ „Measure of Distribution“ („Масштабъ распредѣленія“) Холмсъ приводитъ рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ правильность, по его мнѣнію, и сущность его метода. Формула для измѣренія распредѣленія доходовъ, предлагаемая Холмсомъ, не избѣгаетъ, однако, общей ошибки метода процентнаго распредѣленія состава и прироста; она ошибочна уже потому, что она стоитъ на основѣ остающейся неизмѣнной скалы доходовъ, несмотря на передвиженіе общаго масштаба богатства (доходовъ). Вотъ почему въ наукѣ методъ медіанъ, несмотря на его формальную научность, встрѣтилъ къ себѣ отрицательное отношеніе.

Въ своемъ трудѣ „Elements of Statistics" Боули предлагаетъ замѣнить методъ медіанъ болѣе сложнымъ и болѣе правильнымъ методомъ вычисленія первой и послѣдней „квартильи" и даетъ особую формулу для измѣренія концентраціи или, наоборотъ, дисперсіи доходовъ, представляющую частное отъ дѣленія разности двухъ квартилій на ихъ сумму. Это частное, по формулѣ Боули, варьируетъ въ предѣлахъ 0 и 1, и чѣмъ ближе оно къ 1, тѣмъ больше степень концентраціи. Кромѣ перечисленныхъ методовъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ своеобразный методъ учета процентнаго измѣненія средняго на голову дохода въ каждой группѣ населенія. Согласно такому методу *учета прироста средняго дохода на голову*, опредѣляется процентный приростъ средняго дохода въ каждой группѣ; если этотъ приростъ выше въ одномъ классѣ, чѣмъ въ другомъ, то дѣлается заключеніе, что развитіе распредѣленія шло въ сторону благопріятную данному классу (группѣ) и въ ущербъ другимъ группамъ. Если большій приростъ приходился на низшіе классы, заключаютъ о тенденціи къ выравниванію доходовъ; если, напротивъ, наибольшій приростъ падалъ на высшіе классы, говорятъ о ростѣ концентраціи, о тенденціи къ неравенству. Представителемъ такого метода въ Германіи является Зётберъ. Изслѣдуя распредѣленіе народнаго дохода въ Пруссіи и Саксоніи, Зётберъ, согласно своему методу, устанавливаетъ опредѣленную скалу доходовъ, располагая все населеніе на шесть группъ, и для каждой группы доходовъ опредѣляетъ средній доходъ, приходившійся на голову одного цензита въ каждой группѣ, въ каждомъ году, а равнымъ образомъ и средній доходъ на голову всего населенія, принадлежащаго къ тому или другому классу. Сравнивая полученныя среднія для каждой изъ шести группъ, Зётберъ устанавливаетъ фактъ роста средняго дохода на голову въ низшихъ классахъ (группахъ) и въ то же время его паденія въ классѣ богатыхъ и очень богатыхъ, откуда Зётберъ находитъ (для Пруссіи) тенденцію къ растущей равномѣрности въ распредѣленіи доходовъ. Ошибочность и полная непригодность метода Зётбера ясно вытекаютъ уже изъ того, что этотъ методъ построенъ на основѣ фиксированной скалы доходовъ для всѣхъ сравниваемыхъ періодовъ времени. Мы уже видѣли, что эта основа приводитъ и должна неизбѣжно приводить къ неправильнымъ выводамъ и заключеніямъ, невѣрно освѣщая факты дѣйствительной жизни.

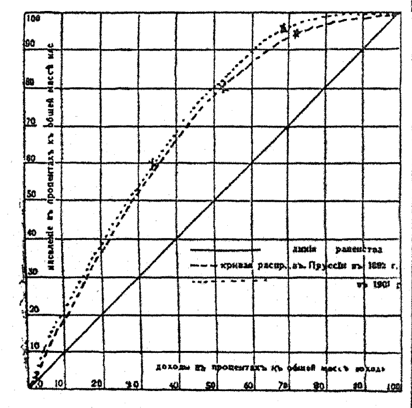
Своеобразный методъ для опредѣленія кривой распредѣленія предлагаетъ лозаннскій профессоръ *Парето*, говоря въ своемъ „Курсѣ политической экономіи" (т. I, 1896) о „кривой доходовъ". Считая наиболѣе точными для учета распредѣленія доходовъ страны данныя подоходной статистики, Парето устанавливаетъ особый методъ для ихъ пользованія и обработки, въ цѣляхъ опредѣленія кривой доходовъ. Онъ беретъ двѣ координатныхъ оси и на одной переноситъ логарифмы чиселъ, выражающихъ тотъ или иной доходъ, больше котораго получаетъ та или иная часть цензитовъ, а на другой откладываетъ логарифмы чиселъ, выражающихъ то или иное количество лицъ цензитовъ, получающихъ выше дохода, уже отложеннаго на другой оси. Продолжая послѣдовательное откладываніе тѣхъ и другихъ логарифмовъ, получаемъ рядъ точекъ, а проводя изъ этихъ точекъ параллели координатнымъ осямъ, получаемъ рядъ линій, пересѣкающихся такъ, что точки пересѣченій расположены всѣ по одной линіи, или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ тенденцію располагаться по одной линіи. Эту линію Парето называетъ „кривой распредѣленія". Эта кривая распредѣленія характерна, по Парето, еще тѣмъ, что она обнаруживаетъ полный параллелизмъ въ своемъ расположеніи (направленіи) при сопоставленіи данныхъ какихъ-угодно странъ. Кривыя распредѣленія всегда одинаковы, отличаясь лишь размѣрами, но не своимъ характеромъ, качествомъ. Мы видимъ предъ собой, говоритъ Парето, какъ-будто изображеніе большого числа кристалловъ одной и той же химической субстанціи, предъ нами большіе кристаллы, мелкіе, средніе, но всѣ они одной формы.

Далѣе Парето находитъ, что между отдѣльными элементами образованія кривой распредѣленія имѣется строгое закономѣрное соотношеніе: если буквой N обозначить число цензитовъ, получающихъ выше X ежегоднаго дохода, буквой A — сумму всѣхъ цензитовъ, какъ лицъ, между которыми происходитъ распредѣленіе дохода, и, наконецъ, буквой α (альфа) обозначить уголъ наклона, который дѣлаетъ прямая распредѣленія съ осью X, то получится уравненіе: *лог.* $N =$ *лог.* $A - \alpha$ *лог.* X, каковая формула можетъ быть выражена болѣе простой: $N = \frac{A}{X^{\alpha}}$. Эту формулу Парето и считаетъ „закономъ", которому слѣдуетъ кривая распредѣленія. Уголъ альфа, согласно Парето, далеко не одинаковъ для каждой страны, для каждаго даннаго момента: чѣмъ больше неравенство, чѣмъ выше степень неравномѣрности въ распредѣленіи доходовъ, тѣмъ больше уголъ альфа, тѣмъ круче кривая распредѣленія по отношенію къ оси X; напротивъ, чѣмъ болѣе отлога кривая распредѣленія, чѣмъ меньше уголъ ея наклона къ оси X, тѣмъ выше степень неравномѣрности въ распредѣленіи доходовъ. Если всѣ группы населенія получаютъ равный доходъ, и нѣтъ ни одного лица, которое получало бы больше другого, то въ этомъ случаѣ уголъ альфа будетъ прямой уголъ, и кривая распредѣленія пойдетъ параллельно той оси, на которой откладываются логарифмы чиселъ цензитовъ; кривая распредѣленія здѣсь не будетъ дѣлать никакого наклона надъ осью X и, т. о., не будетъ здѣсь и неравномѣрности въ распредѣленіи. Неравномѣрность распредѣленія найдетъ себѣ мѣсто лишь тогда, когда кривая распредѣленія по отношенію къ оси X будетъ не перпендикулярна, а будетъ образовывать съ ней нѣкоторый острый уголъ. Большая или меньшая величина этого остраго угла всегда будетъ зависѣть отъ измѣненія двухъ моментовъ: отъ размѣровъ массы бѣднѣйшей части населенія, съ одной стороны, и, съ другой — отъ колебанія размѣровъ средняго дохода самаго богатаго класса. По идеѣ Парето, ростъ числа цензитовъ съ минимальнымъ доходомъ, какой только существуетъ въ странѣ, еще не означаетъ роста неравномѣрности; послѣдняя будетъ зависѣть еще и отъ того, какъ намѣняются въ среднемъ доходы самой богатой группы: если послѣдніе рѣзко падаютъ, сокращаясь въ размѣрахъ, степень неравномѣрности можетъ падать, и кривая распредѣленія будетъ ложиться болѣе круто по отношенію къ оси X. Наоборотъ, если масса цензитовъ бѣднѣйшей группы растетъ, а доходы самой богатой группы цензитовъ сокращаются, то, по Парето, кривая распредѣленія будетъ выражать несомнѣнную тенденцію къ неравномѣрности. Т. о., у Парето измѣрителемъ степени неравномѣрности распредѣленія является уголъ альфа. Опредѣляя этотъ уголъ за разное время для различныхъ странъ, Парето всюду обнаруживаетъ тенденцію къ увеличенію степени неравномѣрности въ распредѣленіи народнаго дохода, при чемъ размѣръ угла альфа тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе капиталистически развита страна, т.-е. съ ростомъ капитализма степень неравномѣрности распредѣленія увеличивается. Для Англіи размѣръ угла альфа Парето опредѣляетъ въ 1,50 для 1843 г., 1,35 для 1879—1880 г.; для Пруссіи: 1,89 въ 1852 г., 1,72 въ 1876 г., 1,73 въ 1881 г., 1,68 въ 1886 г., 1,60 въ 1890 г., и 1,60 въ 1894 г.; для Саксоніи 1,58 въ 1880 г. и 1,51 въ 1886 г.; для Перу въ концѣ XVIII в. 1,79 г. Какъ мы видимъ, гдѣ есть возможность сравненія за разные годы, тамъ всюду уголъ альфа падаетъ. Нѣкоторые, однако, пользуясь формулой Парето, приходятъ и къ весьма оптимистическимъ выводамъ. Вообще говоря, къ формулѣ Парето надо отнестись весьма осторожно. Какъ методъ опредѣленія кривой распредѣленія, законъ Парето, который считаютъ за величайшее изобрѣтеніе человѣческой мысли (Фовилль, Леруа-Болье), не выдерживаетъ строгой критики. Такъ, проф. Борткевичъ къ этому закону отнесся съ большой долей скептицизма, указывая на примѣрѣ, что данныя, вычисленныя по методу Парето и наблюдаемыя въ дѣйствительности, далеко не совпадаютъ. Несовпаденіе

такое же во многихъ случаяхъ находитъ и Боули. Ошибочнымъ этотъ методъ Лоренцъ считаетъ уже по одному тому, что Парето повторяетъ въ немъ общую ошибку другихъ методовъ; и у Парето мы видимъ фиксированную скалу доходовъ, остающуюся неизмѣнной для всѣхъ періодовъ. Лоренцъ указываетъ, что по схемѣ Парето фактъ нарастанія огромныхъ массъ доходовъ въ самой высшей группѣ, при остающемся неизмѣнномъ числѣ лицъ въ этой группѣ, не отразится совершенно на характерѣ распредѣленія, не можетъ найти своего отраженія, что, этимъ самымъ, дѣлаетъ методъ Парето мало пригоднымъ и неточнымъ. На рядѣ гипотетическихъ примѣровъ Лоренцъ совершенно опредѣленно устанавливаетъ ошибочность и непригодность метода Парето при учетѣ движенія кривой распредѣленія, при чемъ Лоренцъ считаетъ, что вообще всѣ логарифмическія кривыя вѣроломны.

Лоренцъ предлагаетъ свой методъ для опредѣленія кривой распредѣленія и ее измѣненій, который можно назвать *методомъ отношеній*. Научное высокое достоинство его метода въ томъ, что Лоренцъ впервые исходитъ изъ взгляда на проблему распредѣленія, какъ на проблему отношеній, и, съ этой точки зрѣнія, Лоренцъ рѣшительно отвергаетъ старые методы съ фиксированной скалой доходовъ, пытаясь поставить учетъ кривой распредѣленія на болѣе научный путь. Въ своемъ методѣ Лоренцъ старается избѣжать, во-первыхъ, закрѣпленности скалы доходовъ для разныхъ періодовъ времени и, во-вторыхъ, пользованія логарифмированными величинами, неудобными, по его мнѣнію, для опредѣленія картины распредѣленія, при чемъ Лоренцъ прибѣгаетъ въ цѣляхъ большей рельефности къ графикѣ. Въ своемъ методѣ Лоренцъ предлагаетъ слѣдующее: группы населенія нужно располагать въ видѣ процентныхъ отношеній къ общему числу населенія, обладающаго тѣмъ или инымъ доходомъ, и, въ свою очередь, количество дохода въ каждой группѣ нужно представлять въ соотвѣтствующихъ процентныхъ отношеніяхъ ко всей массѣ доходовъ. Такимъ пріемомъ учетъ и опредѣленіе характера распредѣленія сразу становились на почву относительнаго сравненія, т.-е. на почву отношеній. Для болѣе отчетливаго изображенія кривой распредѣленія, Лоренцъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ пріемамъ графики: берутъ двѣ координатныхъ оси *X* и *У*; на оси *У* откладываютъ проценты группъ населенія, начиная отъ бѣднѣйшей до самыхъ богатыхъ, на другой оси *X* откладываютъ въ процентахъ доходы, которыми обладаетъ соотвѣтственная группа населенія, взятая также въ процентахъ; на той и другой оси получаются, такимъ образомъ, точки соотвѣтственно каждой процентной группѣ, при чемъ отъ этихъ точекъ возстанавливаются перпендикуляры, образующіе другъ съ другомъ пересѣченія; точки пересѣченій и укажутъ направленіе кривой распредѣленія. Если бы мы взяли такой случай, гдѣ все населеніе обладаетъ равными доходами, гдѣ, т. е., 1% населенія будетъ получать и 1% доходовъ, 3% населенія будутъ имѣть и 3% доходовъ и т. д., то въ такомъ случаѣ линія, соединяющая точки пересѣченія линій, обозначающихъ проценты численнаго состава каждой группы и проценты размѣра доходовъ каждой группы, т.-е. кривая распредѣленія не будетъ уже кривой, а прямой, она будетъ какъ разъ діагональю, разсѣкающею на двѣ равныя половины параллелограммъ. При неравномѣрномъ же распредѣленіи, когда доходы различныхъ группъ населенія различны, кривыя распредѣленія будутъ начинаться и кончаться въ тѣхъ же точкахъ, гдѣ начало и конецъ діагонали, но онѣ будутъ уже не прямыя линіи, какъ въ случаѣ равномѣрнаго распредѣленія, а изломаныя, т. к. онѣ будутъ выгибаться надъ прямой, и чѣмъ больше будетъ ихъ изогнутость, чѣмъ дальше онѣ будутъ уходить отъ діагонали, тѣмъ болѣе высшую степень неравномѣрности онѣ будутъ показывать. Примѣняя свой методъ къ даннымъ прусской подоходной статистики для 1892 и 1901 гг., Лоренцъ получаетъ двѣ дугообразныхъ кривыхъ; менѣе согнутая кривая, лежащая ближе къ діагонали или линіи

равенства, представляетъ собою кривую распредѣленія доходовъ Пруссіи въ 1892 г., а болѣе согнутая и болѣе уходящая отъ линіи равенства кривая представляетъ кривую распредѣленія въ 1901 г. Бо́льшая изогнутость линіи позднѣйшаго періода указываетъ на растущую концентрацію доходовъ въ Пруссіи за взятый періодъ. Эти кривыя распредѣленія, такъ же какъ и весь чертежъ метода Лоренца, видны изъ нижеслѣдующаго чертежа:

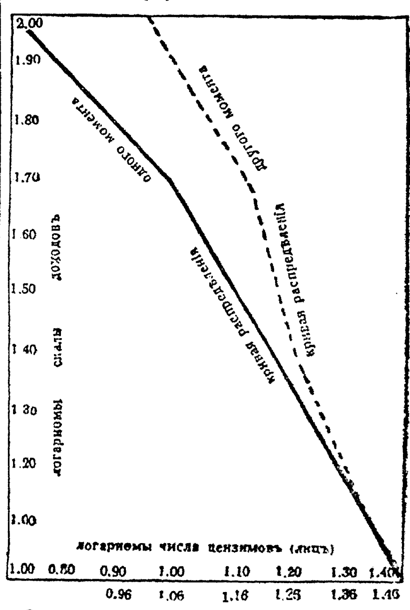


Не всегда, однако, графическое изображеніе кривой распредѣленія, по методу Лоренца, дастъ совершенно ясное представленіе о точномъ характерѣ происшедшихъ за тотъ или другой періодъ времени измѣненій въ распредѣленіи доходовъ. Лоренцъ самъ приводитъ гипотетическій примѣръ, когда кривая распредѣленія за позднѣйшій періодъ можетъ въ одной своей части быть ближе къ линіи равенства, чѣмъ кривая перваго періода, а въ другой части быть дальше отъ линіи равенства. Въ данномъ случаѣ, говоритъ Лоренцъ, можно сказать лишь одно, что въ первой части произошло выравниваніе доходовъ, а во второй—концентрація. Преимущество метода и графическихъ пріемовъ Лоренца заключается въ строгой выдержанности относительнаго характера явленій распредѣленія. Примѣненіе фиксированной скалы доходовъ у Лоренца, какъ мы видимъ, исчезаетъ. Вмѣсто этого Лоренцъ сводитъ какъ группы населенія, такъ и группы соотвѣтствующаго дохода, выпадающаго на долю той или иной группы, къ относительнымъ величинамъ, выражая то и другое въ процентныхъ отношеніяхъ къ цѣлому. Этимъ Лоренцъ освобождается отъ основной ошибки почти всѣхъ распространенныхъ методовъ учета кривой распредѣленія. Съ другой стороны, графическими своими пріемами Лоренцъ достигаетъ рельефнаго представленія объ основномъ характерѣ происходящихъ въ распредѣленіи доходовъ измѣненій. Недостатокъ метода Лоренца, кромѣ того, что уже было указано, лишь въ томъ, что въ случаяхъ очень высокихъ доходовъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ относительно очень незначительной по своей численности группы населенія (что всегда можетъ быть въ крупно-капиталистическихъ странахъ), не будетъ никакой возможности графически представить подобныя отношенія. Недостатки эти не имѣютъ, однако, принципіальнаго значенія. Устранить эти недостатки пытается Уоткинсъ, одинъ изъ видныхъ американскихъ статистиковъ.

Подобно Лоренцу, *Уоткинсъ* видитъ коренной пунктъ проблемы учета кривой распредѣленія въ признаніи того, что „концентрація есть фактъ отношеній“, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло только съ относительными количествами. Въ игнорированіи относительной природы проблемы концентраціи Уоткинсъ видитъ коренное заблужденіе большинства существующихъ ученій по данному вопросу. Неравенство распредѣленія Уоткинсъ считаетъ вопросомъ отношеній, а понятія о „среднемъ“ или „высшемъ“—относительными понятіями. Поэтому Уоткинсъ полагаетъ, что линія, отдѣляющая богатый классъ отъ средняго, съ измѣненіемъ общаго богатства должна быть соотвѣтственно модифицирована, въ зависимости отъ измѣненій средней линіи доходовъ. Методъ отношеній Лоренца, однако, не совсѣмъ удовлетворяетъ Уоткинса. По мнѣнію Уоткинса, соціальная пирамида богатства по своей природѣ такова, что не легко поддается діаграммиро-

ванью по тому способу, который предлагает Лоренцъ, ибо колонна бѣдныхъ настолько выпячивается вверхъ въ видъ заостренной линіи и такъ тонка, что простымъ глазомъ невозможно наблюдать картину дѣйствительныхъ отношеній. Особенно трудно графически изобразить, какъ думаетъ Уоткинсъ, картину распредѣленія собственности. Но такого рода кривыя безъ труда могутъ быть представлены графически, по мнѣнію Уоткинса, если числа переводить не на проценты и процентныя отношенія, а логариѳмировать, и на чертежъ переносить не проценты, а логариѳмы чиселъ. Въ смыслѣ установленія общаго *направленія* происходящихъ измѣненій въ движеніи доходовъ, такой методъ, по мнѣнію Уоткинса, неуязвимъ для критики. Методъ, предлагаемый Уоткинсомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: прежде всего устанавливается опредѣленная скала доходовъ, которая располагается въ восходящемъ порядкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственно устанавливаются и располагаются числа лицъ, получающихъ тотъ или иной доходъ; абсолютныя числа взятой скалы, а также и абсолютныя числа лицъ въ каждой группѣ выражаются въ логариѳмахъ; послѣ этого переходятъ къ графическому изображенію, въ цѣляхъ полученія наглядной кривой распредѣленія за разные періоды; для этого берется система двухъ координатныхъ осей и на одной изъ нихъ—горизонтальной — откладываются логариѳмы отъ числа лицъ съ доходами, а на другой—логариѳмы отъ соотвѣтствующихъ массъ скалы доходовъ; точки пересѣченія прямыхъ, проведенныхъ изъ точекъ того и другого ряда, дадутъ направленіе кривой распредѣленія. Для большей наглядности Уоткинсъ располагаетъ кривыя такъ, чтобы нижнія точки ихъ сходились всѣ въ одномъ пунктѣ, при чемъ такимъ пунктомъ Уоткинсъ выбираетъ наибольшій изъ полученныхъ логариѳмовъ, т.-е. обычно логариѳмъ для послѣдней изъ наблюдаемыхъ эпохъ. Методъ Уоткинса не свободенъ отъ ударовъ критики и не такъ уже неуязвимъ, какъ это представляется самому автору. Наиболѣе слабой стороной, дѣлающей этотъ методъ мало пріемлемымъ, является возвращеніе къ идеѣ фиксированной скалы. На гипотетическомъ примѣрѣ легко убѣдиться въ ошибочности пріемов Уоткинса, особенно, если взять гипотетическій примѣръ Лоренца, который мы приводили выше.

Нижеследующая діаграмма даетъ намъ графическое изображеніе этого примера Лоренца, а, равнымъ образомъ, познакомитъ насъ и съ системой Уоткинса въ ея графическомъ виде.



Эта діаграмма построена по слѣд. цифровымъ даннымъ. Дано 25 лицъ съ доходами въ одномъ году 1, 3, 5, 7, 9; 10, 12, 14, 16, 18; 25, 28, 31, 34, 37; 50, 60, 70, 80, 90; 100, 110, 120, 130, 140; и въ другомъ—тѣ же 25 лицъ съ равномѣрно удвоившимися доходами: 2, 6, 10, 14, 18; 20, 24, 28, 32, 36; 50, 56, 62, 68, 74; 100, 120, 140, 160, 180; 2°0, 220, 240, 260, 280. Если расположить эти доходы по скалѣ: отъ 10 и выше, отъ 25 и выше, отъ 50 и выше, отъ 100 и выше, то, располагая цифры по системѣ и въ порядкѣ Уоткинса, мы получимъ таблицу:

Скала доходовъ.	Логариѳмы скалы доходовъ.	Число лицъ въ I мом. абс.	I мом. лог.	во II м. абс.	II м. лог.
10 и выше . . .	1,00	20	1,30	23	1,36
25 „ „ . . .	1,40	15	1,18	18	1,26
50 „ „ . . .	1,70	10	1,00	15	1,18
100 „ „ . . .	2,00	5	0,70	10	1,00
Всего	—	25	—	25	—

Діаграмма показываетъ, что, по Уоткинсу, при удвоеніи доходовъ равномѣрно, во второй моментъ находитъ мѣсто ростъ неравномѣрности, что невѣрно и что противорѣчитъ данному условію. Это и показываетъ, что методъ Уоткинса ненадеженъ.

Сопоставляя различные способы при учетѣ измѣненій въ распредѣленіи, нужно прійти къ выводу, что наиболѣе всего отвѣчающимъ научнымъ требованіямъ въ данномъ случаѣ будетъ тотъ способъ, который построенъ на принципѣ отсутствія разъ навсегда закрѣпленной скалы для всѣхъ изучаемыхъ эпохъ и который имѣетъ дѣло только съ отношеніями. Таковъ именно методъ Лоренца, гдѣ числа лицъ, обладающихъ доходами, выражаются въ процентахъ къ общему ихъ числу, а суммы доходовъ въ каждой группѣ въ процентахъ къ общей суммѣ дохода, благодаря чему весь вопросъ сводится только къ отношеніямъ. Достоинства этого метода: простота, эластичность и наглядность. Пользуясь методомъ Лоренца, особенно, если въ качествѣ дополненія къ нему примѣнять формулу Боули для измѣренія степени дисперсіи, можно подвергнуть переработкѣ тотъ матеріалъ, который въ рукахъ экономистовъ и статистиковъ, пользовавшихся неправильными пріемами, давалъ основаніе оптимистически освѣщать современную картину распредѣленія въ капиталистическихъ странахъ. Наиболѣе годнымъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ могутъ быть данныя распредѣленія дохода по подоходной статистикѣ въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Англіи. Результаты этой переработки показываютъ, что всюду мы находимъ несомнѣнную тенденцію къ росту неравномѣрности доходовъ, тенденцію къ концентраціи доходовъ.

Литература. *По общей теоріи С. р.: Carver T. N.*, „Machinery a. t. laborers" (T. Quarterly Journ. of Economies, v. XXII, 1908); *Cannan Edw.*, „A history o. t. Theories of Production a. Distribution english polit. Economy from 1776 to 1848", 1903 (2-е изд.); *его же*, „The division of income" (T. Quart. J. of Econ. 1905, May); *его же*, „Element. polit. economy", 1897 (2-е изд.); *I. B. Clark*, „T. Distrib. of wealth", N.-J. 1899; *его же*, „Essentials of Econom. theory as applied to modern Problems of Industry a. public Policy", N.-J. 1907; *его же*, ст. „Distrib." въ „Diction. of Political. Economy" Пальгреви, v. I, 1894; *John R. Commons*, „T. distrib. of wealth", N.-J. 1905; *H. J. Davenport*, „Value and distrib. A critical and construct. study", 1908; *Fr. A. Fetter*, „T. principles of econom. with applicat. to practical problems", 1910 (2-е изд.); *Irving Fisher*, „T. nature of capital a. income", 1906; *Herbert M. Thompson*, „T. theory of wages a. its application to t. eight hours question a. other labour problems", 1892; *William Tompson*, „An inquiry into t. principles of t. Distrib. of Wealth..." и т. д., 1824; *J. W. Taussig*, „Wages a. capital", 1896; *S. a. B. Webb*, „Problems of modern industry", 1902 (гл. V); *J. C. Smith*, „T. distrib. of t. Produce", 1892; *Courcelle Seneuil*, „Distrib." въ „Nouveau dictionn. d'écon. polit.", 1896, t. I; *Benard*, „De l'influence d. lois. s. le répartition d. richesses", 1874; *Simonde de Sismondi*, „Nouveaux principes d'économie polit., ou d. l. richesse d. s. rapports a. la population", T. I—II. 1819; *F. Vidal*, „De la répartition d. l. richesses, ou de la justice distrib. en économie sociale", 1846; *Böhm-Bawerk*, „Kapital u. Kapitalzins", B. I—II; *E. Dühring*, „Waffen, Kapital, Arbeit", 1906; *его же*, „Cursus d. National u. Socialökon..." и т. д., 1892 (3-е изд.); *Dr. Béla Foldes*, „Beiträge z. Einkommenslehre", 1908; *R. Liefmann*, „Ertrag u. Einkommen a. d. Grundlage einer rein subjectiven Wertlehre", 1906; *R. Liefmann*, „Grundsätze d. Volkswirtsch. Lehre", B. I—II, 1917: *Th. Mithoff*, „Die volkswirtsch. Verteilung" въ „Handb. d. P. Oek." Шенберга; *K. Marx*, „D. Kapital", I—III *его же*, „Einleitung z. einer Kritik d. polit. Oekonomie" въ „Z. Kritik d. Pol. Oek.", 2-е изд. 1907; *его же*, „Lohnarbeit u. Kapit."; *его же*, „Lohn, Preis und Profit"; *его же*, „Theorien u. d. Mehrwerth". 1905; *Dr. C. Rodbertus-Jagetzow*, „D. Kapital", 1899; *его же*, „Z. Beleuchtung d. socialen Frage", 1890; *его же*, „Erster socialer Brief"; *I. Schumpeter*, „Bemerkungen ü. d. Zurechnungsproblem" (Zeitschr. f. Volksw., Sozialpol. u. Verw. XVIII B., 1909); *его же*, „Das Wesen u. d. Hauptinhalt in d. theoret. Nationalökon.", 1908; *R. Stolzman*, „D. sociale Kategorie in d. Volkswirtsch. Lehre", 1906; *его же*, „D. Zweck in d. Volkswirtsch.", 1909; *Wieser*, „D. natürl. Wert", 1889; *Dr. Cassel*, „D. Recht auf d. vollen Arbeitsertrag", 1900; *Kleinwächter*, „D. Einkommen u. seine Vertheilung", 1896; *М. И. Туганъ-Барановскій*, „Соц. теорія распред.", 1913; *его же*, „Основы пол. экономіи"; *его же*, ст. въ „Русск. Мысли", 1910, I; *Н. Н. Шапошниковъ*, „Теорія цѣнности и распред.", 1912; *С. И. Солнцевъ*, „Зараб. плата, какъ проблема распред.", 1911; „Новыя идеи въ эконом.", сборн. I; *П. Б. Струве*, „Хозяйство и цѣна", т. I и II, 1913—1916; *его же*, „Эконом. сист. М. И. Туганъ-Баран." („Русск. М." 1910, I); *его же* „Къ критикѣ нѣкот. основн. проблемъ и положеній полит. экон." („Жизнь" 1900, кн. III и VI); *Н. Бухаринъ*, „Полит. эконом. безъ цѣнности (соц. теорія распредѣл.)", ст. въ сб. „Основн. проблемы полит. экон.", 1922.

По статистикѣ распредѣленія нар. дох. и методу учета и опредѣленія кривой распр.: *R. D. Baxter*, „National Income T. Unit. Kingdom", 1868; *A. L. Bowley*. "Changes in Average Wages (nominal a. real) in t. United Kingdom between 1860 a. 1891" („Journ. of t. R. Statist". S., 1895, June); *его же*, „Elements of Stat."; *P. Colquhoun*, „A treatise on t. Wealth, Power a. Resources of t. British. Empire..." и т. д., 1811; *L. G. Chiosa-Money*, „Riches a. Poverty", 1911; *его же*, „La distrib. d. l. richesse en Angleterre" („Revue écon internat", 1908, oct.); *A. L. Bowley*, „Nation. progress in Wealth a. trade since 1882", (1904); „Facts — Socialists..." etc., „Fabian Tracts" № 5, 1908; *Giffd.* „T. progress of t. working Classes in t. last haf Century" („Essays in Finance", 1890); *его же*, „Further Notes on t. progress of t. working Classes" („Stat. Soc. Journ.", 1886, III); *G. I. Goschen*, „T. increase of moderate incomes" („Jorn. of t. R. St. Soc.", 1887, Dec.); *G. K. Holmes*, „Measure of Distrib." („Amer. Stat. Assoc. New Series", v. III, 1892—1893, June-Sept. 1892); „Industr. Remuner. Confer.", 1885; *R. T. Ely*, „Studies in t. evolut. of industr. society", 1903; *Fr. Ireson*, „T. people's Progress", 1910; *W. H. Mallock*, „T. nation as business firm", 1910; *Gr. King*, „Natur. a. polit. observat..." etc., 1696; *M. O. Lorenz*, „Methods of measur. t. concentr. of Wealth" („Americ. Statist. Assoc.", N. Series, № 72, Dec., 1905); *Edith Simcox*, „Income a. expenditure of t. upper a. midle classes since 1880" („Industr. Rew. Confer.", 1885); *Leone Levi*, „Wages a. earnings of t. working klasses", 1885; *его же*, „Wages a. earnings", 1867; *G. P. Watkins*, „Comment on t. method of measuring concentr. of Wealth" („Amer. Stat. Assoc.", № 72, Dec. 1905); *его же*, „An interpret. of certain statist. evidence of concentr. of. Wealth" („Amer. Stat. Assoc." N. Series, № 81); *Em. Chatelain*, „La répartit. d. l. richesse en France" („La Revue socialiste", oct. 1909); *его же*, „Introduct. à l'étude d'un problème d. répartition" („Revue d'écon. polit.", 1911, I—II); *его же*, „Le probleme d. l. répartition proport. de revenu" („Quest. pratiques d. legislat. ouvrière etc..." 1907, III—V); *его*

же полемика съ Гюйо въ „Journ. de la Soc. de statist. de Paris“, 1909, IV; *A. Coste*, „Etude statist. s. l. salaires d. travailleurs et l. revenu d. l. France“, 1890; *de Foville*, „La France économ.“, 1887; *его же* ст. „Richesse“ въ „Dictionn. d. finances“, t. II, 1894; *его же*, „L. fortunes en France“ etc. („Revue polit. et Parlem.“, 1903, t. 37); *Yves Guyot*, „Rodbertus contre Bastiat“ („Journ. d. Econ.“, 1907, авг.); *его же*, „Encore Rodb. c. Bast.“ (тамъ же); *его же*, „La part du capital e. d. travail d. la product.“ („Journ. d. l. Société de Stat. de Paris“, III, 1 09); *Clément Juglar*, „De l'inégalité du la répart. d. bénéfices du travail et du capital d. l'accroiss. d. l. richesse depuis 50 ans“ („Journ. d. l. S. de St. de Paris“ 1897, VII); *A. de Lavergne e. L. Paul Henry*, „La richesse d. l. France“, 1908; *P. Leroy-Beaulieu*, „Essais s. la répart. d. richesse etc...“, 1897 (4-е изд.); *Vilfredo Pareto*, „Cours d'écónom. polit.“, т. I, кн. III, 1896; *Turquan*, „Evaluation d. l. fortune privée en France“ („Revue d'écon. pol.“, 1900); *Bortkewitsch Lad.*, „D. Grenznutzentheorie als Grundlage einer ultraliberalen Wirtschaftspolitik“ („Schmoller's Jahrbuch“, 1898, 4 Heft); *W. Böhmert*, „D. Verteil. d. Eincomm. in Preussen u. Sachsen .. etc“, 1898; *Bresciani Const.*, „Ueber d. Methoden d. Einkommenvertheil. Stat.“ („Jahrb. f. Nationalökon. u. Stat.“, 33. B., 1907, 5 H.); *W. Dieterici*, „D. Volkswohlst. im preuss. Staate“, 1846; *его же*, „U. preuss. Zustände, ü. Arbeit u. Kapit.“, 1848; *Georg Evert*, „Sozialstat. Streifzüged d. Material. d. Veranlagung z. Staatseinkommensst. in Preussen v. 1892—1901, 1902“; *E. Huncke*, „Methodolog. z. Verwertung d. Einkommensteuerst.“ („Allg. stat. Archiv“, J. B., 1907) *A. N. Kiaer*. „Essai s. l. question d'une statist. d. revenu nation.“, Christiania, 1874; *его же*, „Répart. sociale d. revenus“ („Bullet. de l'inst. intern. de stat.“, t. XVIII, 2 livr., 1909); *L. Krug*, „Betracht. ü. d. Nation.-Reichthum d. preuss. Staats.“, 1805; *H. Losch*, „Volksvermögen, Volkseinkom u. ihre Verteil.“, 1887; *R. E. May*, „D. deutsche Volkseinkom. in Iahre 1900 ...etc.“ („Schm.'s Jahrb.“, 1903); *его же*, „D. Anteil d. Arbeit., d. Angestellten u. d. Selbständ. am deutschen Volkseinkom. d. Jahres 1900 ... etc.“ („Schm's Jahrb.“, 1903); *его же*, „D. Hamburg. Volkseinkomm. im Iahre 1907“ („Schm.'s Jahrb.“, 1910, I H.); *R. Meyer*, „Einkomm“ въ „Handw. d. Staatsw.“, 1900; „*Material.* z. Beurteil. d. Wohlstandsentwickl. Deutschl. ... etc.“, 1908; (Berlin); *Nitschke Kurt*, „Einkomm. u. Vermögen in Preussen...“ etc., 1902; *G. Schmoller*, „Grundriss d. Allgem. Volksw.“, 2. Th. 1904; *A. Soetbeer*, „Umfang. u. Vertheilung d. Volkseinkomm. in Preuss. Staate 1872—1878, 1879“; *его же*, „Volkseinkom. im Preuss. Staate 1876 u. 1888“ („Conrad's Jahrb.“, 1889); *Schippel*, „D. moderne Elend u. d. moderne Uebervölker.“, 1883 (есть русск. переводъ); *Stephen*, „Studien z. Geschichte d. Englisch. Lohnarbeiter“... etc., 1900—1905; *A. Wagner*, „Z. Methodik d. Statist d. Volkseinkomm. u. Volksvermög.“ („Zeitschr. d. Kön. Preuss. Stat. Bureaus“, 1904, II); *его же*, „Weitere statist. Untersuch. ü. d. Verteilung d. Volkseinkomm. in Preussen“ (тамъ же, 1904, IV); *Wolf Julius*, „Sozialism. u. Kapitalist. Gesellschaftsordn.“, 1872; *его же*, „Illusionisten u. Realisten in d. Nationalökon.“ („Zeitschr. f. Sozialw.“, B. I).

С. Солнцевъ.

Соціальное страхованіе и *соц. обезпеченіе. Понятіе риска.* Введеніе машинного способа производства съ XVIII в. существенно измѣнило вопросъ объ обезпеченіи населенія. Если въ предшествующіе періоды хозяйственной исторіи — какъ въ ремесленно - цеховой и крѣпостнич. періодъ, такъ и въ періодъ натуральнаго хозяйства — при общемъ крайне низкомъ уровнѣ обезпеченности (соотвѣтствующемъ низкому уровню хозяйств. техники), населеніе всецѣло и полностью зависѣло отъ непосредственно вырабатывающагося народнымъ хозяйствомъ продукта, то въ условіяхъ капиталист. организаціи промышленности эта непосредственная и полная зависимость благополучія отъ продукта производства прекратилась. Въ самомъ дѣлѣ, у пастушескаго народа благополучіе всѣхъ и каждаго зависѣло отъ состоянія пастбищъ, отъ состоянія скота; у охотничьихъ племенъ это благосостояніе зависитъ отъ удачи охотника, отъ наличія стада бизоновъ или слоновъ, отъ миграціи страусовъ и т. п.; у земледѣльч. населенія періода натуральнаго хозяйства благопріятныя атмосферическія вліянія создаютъ всѣ матеріальныя предпосылки благополучія и обезпеченности, тогда какъ засуха или слишкомъ обильные осадки создаютъ неблагополучіе, необезпеченность. Въ условіяхъ капиталист. производственныхъ отношеній положеніе рѣзко мѣняется. Работникъ-производитель оказывается разлученнымъ съ орудіями производства. Не является онъ и владѣльцемъ продукта производства. Онъ принимаетъ участіе въ воспроизводствѣ какъ разъ именно тѣхъ продуктовъ, непосредственное потребленіе которыхъ для него недоступно. Ремесленникъ, вырабатывающій какой-либо видъ продукта, могъ и не пользоваться имъ. Но онъ немедленно реализовалъ этотъ продуктъ для обмѣна на необходимое ему, и потому его право владѣнія продуктомъ своего труда претворялось въ реальное право на опредѣленную сумму благъ. Рабочій, не являющійся владѣльцемъ орудій производства и не пользующійся непосредственно вырабатываемымъ имъ продуктомъ, въ реализаціи продуктовъ производства не участвуетъ. Онъ оказывается только продавцомъ рабочей силы и реализуетъ только ее. Въ силу этого, его обезпеченность оказывается внѣ всякой связи съ производствомъ, въ которомъ онъ участвуетъ, и предопредѣляется состояніемъ рынка труда и возможностью для него использовать конъюнктуру на этомъ рынкѣ для той или иной мѣры обезпеченности. Отсюда вытекаетъ и радикальное отличіе характера необезпеченности до и послѣ введенія капит. машинн. способа производства. До

этого введенія производитель оказывался въ тяжеломъ положеніи при неблагопріятномъ ходѣ производства— и только. Неурожай, падежъ скота, пожаръ, наводненіе и т. п. стихійныя бѣдствія могли поставить въ исключительно тяжелое положеніе крестьянина періода феодальныхъ отношеній. Періодически повторяющіеся голодные годы, картина вымиранія цѣлыхъ племенъ, благодаря отсутствію дичи—эти явленія свойственны исторіи человѣчества до-капиталистической эры. Свойственны они отчасти и капиталист. обществу: крестьянское хозяйство переживало голодные годы въ Россіи не только въ періодъ крѣпостн. отношеній, оно бывало жертвой неурожаевъ и въ послѣдующіе годы, въ годы торжества торговаго и промышленнаго капитала. Но въ области производственныхъ отношеній, созданныхъ капитализмомъ въ промышленности, эти причины необезпеченности смѣняются совершенно иными. Производитель - рабочій оказывается зависящимъ въ своемъ существованіи не непосредственно отъ суммы продукціи производства. Онъ переживаетъ періодъ благополучія или неблагополучія непосредственно въ силу состоянія рабочаго рынка, на которомъ реализуется, какъ товаръ, его рабочая сила, и отъ его собственнаго положенія на этомъ рынкѣ.

Другими словами, рискъ, созданный капиталист. способомъ производства, оказывается рискомъ, рождаемымъ общественными отношеніями. Въ отличіе отъ предшествующаго періода, когда рискъ неблагополучія зависѣлъ всецѣло и полностью либо отъ стихійныхъ силъ, надъ которыми у производителя не было контроля, либо отъ собственной непредусмотрительности— въ періодъ машиннаго производства рискъ заключался уже въ томъ мѣстѣ производства, какое удѣлялось каждому отдѣльному работнику общественнымъ характеромъ производства. Непосредственная связь производителя съ производимымъ имъ продуктомъ нарушена была цѣлой сѣтью сложныхъ общественныхъ отношеній, малѣйшее измѣненіе которыхъ сказывалось пониженіемъ или повышеніемъ благополучія отдѣльнаго работника.

Т. обр., рискъ, свойственный періоду машиннаго производства и возникающій съ момента зарожденія капиталист. отношеній, есть не что иное, какъ необезпеченность населенія въ условіяхъ обществ., но построенн. на началахъ капитализма, организаціи производства.

Виды риска. Непосредственнѣе всего эта общественная природа риска сказывается черезъ *рынокъ труда*, предопредѣляющій мѣсто каждаго работника въ общественно-организованномъ производствѣ. При общественной организаціи послѣдняго только тотъ работникъ въ состояніи пользоваться извѣстной суммой благъ, который вовлеченъ въ процессъ производства и тѣмъ самымъ имѣетъ право на участіе въ той или иной мѣрѣ въ распредѣленіи продуктовъ его. Иначе говоря, лишь фактъ участія въ производствѣ даетъ опредѣленныя средства къ существованію, а въ условіяхъ общественной организаціи послѣдняго этотъ фактъ имѣется налицо не всегда. Напротивъ, капиталист. строю свойственна наличность резервной арміи труда. Безъ работы всегда остается при организаціи капиталист. производства извѣстный процентъ наличной рабочей силы, непоглощаемой производственными процессами.

„Наемные рабочіе въ Соедин. Штатахъ — говоритъ проф. Уоткинсъ („Introduction to the Study of Labor Problems“, Нью-Іоркъ, 1923 г.) — въ главнѣйшихъ отрасляхъ обрабатывающей и горной промышленности теряютъ въ среднемъ отъ 1/5 до 1/4 рабочаго времени въ нормальные годы, а въ наиболѣе организованныхъ профессіяхъ и отрасляхъ производства, въ періодъ максимальной индустріальной активности, безъ работы остаются ежегодно от 7 до 20% всего числа организованныхъ въ профессіональные союзы рабочихъ... Всеобщая перепись въ Соедин. Штатахъ за 1900 г. показала, что 6.468.964 рабочихъ, или почти 1/4 всего активнаго населенія, были безработными тотъ или иной періодъ въ теченіе года. Изъ этого числа свыше 3 милліоновъ потеряли отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, а свыше 736.000—отъ 7 до 12 мѣс. Въ работахъ, посвященныхъ безработицѣ, мы часто встрѣчаемся

съ выраженіемъ „неизмѣнный минимумъ“ безработицы, который въ Англіи, напр., никогда за послѣднюю четверть вѣка не падалъ ниже уровня, достигнутаго въ 1899 г., а именно—2,0% всего числа организованныхъ въ профессіон. союзы рабочихъ. Но колебанія безработицы по восходящей линіи повышаютъ этотъ „неизмѣнный минимумъ“ до весьма значительнаго уровня. Такъ, статистика безработицы въ Англіи, гдѣ она ведется регулярно уже достаточно длинный періодъ времени, чтобы допустить возможность историческихъ сравненій, даетъ такую картину:

Процентъ безработныхъ среди членовъ профессіональныхъ союзовъ съ 1850—1922 г.

Годы	%	Годы.	%	Годы.	%	Годы.	%	Годы.	%	Годы.	%	Годы.	%	Годы.	%
1850	4,0	1860	1,9	1870	3,9	1880	5,5	1890	2,1	1900	2,5	1910	4,7	1920	2,4
1851	3,9	1861	5,2	1871	1,6	1881	3,5	1891	3,5	1901	3,3	1911	3,0	1921	15,3
1852	6,0	1862	8,4	1872	0,9	1882	2,3	1892	6,3	1902	4,0	1912	3,2	1922	15,4
1853	1,7	1863	6,0	1873	1,2	1883	2,6	1893	7,5	1903	4,7	1913	2,1		
1854	2,9	1864	2,7	1874	1,7	1884	3,1	1894	6,9	1904	6,0	1914	3,3		
1855	5,4	1865	2,1	1875	2,4	1885	9,3	1895	5,8	1905	5,0	1915	1,1		
1856	4,7	1866	3,3	1876	3,7	1886	10,2	1896	3,3	1906	3,6	1916	0,4		
1857	6,0	1867	7,4	1877	4,7	1887	7,6	1897	3,3	1907	3,7	1917	0,7		
1858	11,9	1868	7,9	1878	6,3	1888	4,9	1898	2,8	1908	9,8	1918	0,8		
1859	3,8	1869	6,7	1879	11,4	1889	2,1	1899	2,0	1909	7,7	1919	2,4		

Колебания безработицы по месяцамъ в 1923 г. и первой четверти 1924 г. показаны в прилож. к XL т.: „*Современное состояние важнейшихъ государств*“ *табл. 53.*

В общемъ, можно сказать, что колебанія безработицы, свойственныя Англіи, являются характерными для всякой страны, промышленность которой построена на чисто капиталистическихъ основахъ. На международной Рабочей Конференціи, состоявшейся въ Вашингтонѣ въ ноябрѣ 1919 г., приведены были цифры средней безработицы для главнѣйшихъ странъ, но исчисленныя не по единому плану. Эти цифры, въ общемъ, совпадали, если принять во вниманіе, что онѣ выведены изъ данныхъ о движеніи членовъ однихъ лишь профессіональныхъ союзовъ. Въ періодъ съ 1904 по 1913 г. включительно средняя для безработицы составляла: въ Германіи — 2,1%, въ Бельгіи — 2,7%, въ Англіи — 4,7% и во Франціи — 7,8%, при чемъ для Соедин. Штатовъ показательнымъ былъ признанъ Нью-Іоркъ, гдѣ средняя безработицы составляла 15,2% (8-й ежег. отчетъ Статсъ-секрет. Труда за 1920 г.). Т. обр., можно считать твердо установленнымъ то, что рискъ безработицы или, что то же самое, рискъ невозможности приложить свои силы производительно и продажей своей рабочей силы пріобрѣсти право на извѣстную часть продукціи—входитъ чрезвычайно важнымъ элементомъ въ жизнь работника общественно организованнаго производства при господствѣ капиталист. формы послѣдняго.

Но безработица представляетъ собою далеко не единственную форму необезпеченности, вытекающей изъ капиталист. отношеній. Въ ремесленный періодъ и въ болѣе раннія общественныя формаціи больной работникъ содержался за счетъ общесемейнаго производства. Въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства предъ нами фактъ отсутствія какой бы то ни было поддержки за счетъ производства заболѣвшаго и потому временно прекратившаго свою работу участника производства. Наемныя отношенія предполагаютъ при господствѣ капитализма

оплату лишь труда, реально примѣненнаго къ производству товаровъ и созданію прибавочной цѣнности. Въ случаяхъ высокой квалификаціи работника наблюдается выдача ему нѣкотораго пособія на время болѣзни предпріятіемъ, нежелающимъ лишиться такого работника. Но, какъ правило, больной рабочій оказывается совершенно безъ всякихъ средствъ къ существованію, если не существуетъ той или иной формы его обезпеченія на случай болѣзни. И тотъ фактъ, что уже на зарѣ капитализма возникаютъ спеціальныя общества взаимопомощи, берущія на себя задачу такого обезпеченія (въ Англіи эти общества существуютъ съ середины XVII — начала XVIII в.), а также и включеніе профессіональными объединеніями въ число своихъ задачъ функціи помощи больнымъ—свидѣтельствуютъ о значительной обостренности для рабочаго капиталистическаго общества вопроса о судьбѣ его въ періодъ его болѣзни. Лишь съ 80-хъ гг., какъ мы знаемъ, въ Германіи и лишь съ 1911 г. въ Англіи и съ 1912 г. въ Россіи законодательство устанавливаетъ опредѣленное обезпеченіе больного работника частично и за счетъ производства. Это законодательство, т. обр., вводитъ принципъ принужденія по отношенію къ предпріятію и ко всему народному хозяйству въ вопросѣ объ *обезпеченіи больного рабочаго*, что свидѣтельствуетъ о наличности необезпеченности послѣднихъ, точно такъ же какъ и фактъ организаціи помощи больному рабочему его спеціальной организаціей взаимопомощи или его профессіональнымъ союзомъ.

А, между тѣмъ, удѣльный вѣсъ и этого риска оказывается весьма значительнымъ. Д-ръ Вигдорчикъ, который опредѣляетъ всю сумму, необходимую для правильнаго обезпеченія рабочаго отъ возможности риска, въ 45% его зараб. платы, устанавливаетъ (въ своей „Теоріи и практикѣ соц. страх.", в. I), что на болѣзнь необходимо удѣлить 10% зараб. платы, т.-е. столько же, сколько и на безработицу. Въ самомъ дѣлѣ, практика англійскихъ профессіон. союзовъ въ области обезпеченія больныхъ сочленовъ указываетъ на то, что страхованіе отъ безработицы требуетъ, примѣрно, суммы, равной суммѣ, идущей на обезпеченіе и больныхъ. Такъ, если мы возьмемъ всѣ союзы съ доходомъ свыше 50 тыс. фунтовъ стерл., то окажется, что общая сумма расходовъ этихъ союзовъ складывается изъ слѣд. статей *):

Виды пособій	Всего фунт. стерл.	% всѣхъ дох. союз
Больнымъ и инвалидамъ	442.915	17,4%
Безработнымъ	350.596	13,8%
На похороны	73.132	2,9%
Другія пособія	414.344	16,9%
Всего на пособія	1.280.987	50,9%

Если учесть, что къ датѣ, къ которой относятся наши данныя, въ Англіи уже дѣйствовалъ законъ о національномъ страхованіи, то значеніе приведенныхъ нами цифръ станетъ совершенно яснымъ. Даже при наличности государственнаго страхованія необезпеченность рабочихъ при болѣзни и безработицѣ настолько велика, что требуется добавочное пособіе со стороны союзовъ, чтобы обезпечить больного или безработнаго члена союза. Другими словами, больной рабочій, примѣрно, столь же мало обезпеченъ за счетъ производства при господствѣ капитализма, какъ и рабочій безработный. Объ этомъ же говорятъ и расходы германскихъ союзовъ. К. Цвингъ въ своей работѣ о германскихъ союзахъ приводитъ слѣд. данныя о пособіяхъ и расходахъ союзовъ въ томъ же 1914 г.:

Дорожныя пособія	1.002.8[illegible]4	марокъ
Пособія безработнымъ	23.718.902	„
„ больнымъ	10.826.663	„
„ инвалидамъ	564.596	„
„ при перемѣнѣ мѣстожительства и въ случаѣ смерти	11.722.982	„
„ пострадавшимъ отъ репрессій	588.434	„
„ юридическая помощь	307.176	„
„ стачечникамъ	5.477.636	„

Другими словами, въ [illegible], гдѣ съ 80-хъ гг. въ силѣ система страхованія на случай болѣзни и инвалидности, система, считавшаяся долгое время образцовой, союзы расходуютъ на пособія больнымъ вдвое больше,

*) Доходъ всѣхъ этихъ союзовъ (19) составлялъ въ 1914 г. сумму въ 2.536.648 ф. ст.

чѣмъ на пособія стачечникамъ и почти половину того, что ими расходуется на поддержаніе безработныхъ, совершенно почти не обезпечиваемыхъ государствомъ или мѣстными самоуправленіями. Это, разумѣется, свидѣтельствуетъ о томъ, что рискъ, связанный съ болѣзнью, является столь же значительнымъ, какъ и рискъ безработицы.

Близко къ нему примыкаетъ рискъ *инвалидности*. Въ сущности, почти во всѣхъ существующихъ страховыхъ системахъ болѣзнь, продолжающаяся свыше полугода (26 недѣль) считается инвалидностью. Англійская статистика профессіональнаго движенія даже объединяетъ оба вида пособій въ одну рубрику. И если менѣе продолжительная невозможность зарабатывать средства къ существованію составляетъ въ рабочемъ быту чрезвычайно болѣзненное, требующее особаго законодательства и дополнительныхъ пособій со стороны рабочихъ организацій, явленіе, то инвалидность, слѣдующая за длительной болѣзнью и потому выпадающая на долю рабочаго въ моментъ, когда его средства совершенно истощены, а срокъ полученія пособій на случай болѣзни кончается, оказывается для каждаго отдѣльнаго рабочаго даже болѣе зловѣщимъ рискомъ.

Инвалидность, однако, можетъ быть результатомъ не только длительной или хронической болѣзни, но и старости. Поэтому, хотя старость сама по себѣ не рискъ, не непредвидѣнный, но возможный случай, а нормальное завершеніе жизни, она оказывается— и по тѣмъ же самымъ причинамъ, что и болѣзнь — слѣдующимъ по степени значенія для рабочаго рискомъ. Въ Англіи пожилые рабочіе красятъ волосы, такъ какъ предприниматель зачастую не предоставляетъ работу рабочимъ съ сѣдыми волосами. Къ старости тѣсно примыкаетъ материнство, тоже не являющееся, въ сущности, рискомъ, но оказывающееся таковымъ въ силу необезпеченности работницы. Фактическое прекращеніе періода трудоспособности равносильно для продающихъ свою рабочую силу иссяканію источниковъ средства къ существованію.

Наконецъ, пятый видъ риска представляетъ собой *несчастный случай*. Этотъ рискъ является однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся въ условіяхъ машиннаго производства. Такъ, по даннымъ англійскаго министерства труда было на работѣ:

	Убито.	Ранено.
Въ 1899—1903 г.г. . . .	22.660	535.720
„ 1904—1908 г.г. . . .	21.229	688.228
„ 1909—1913 г.г. . . .	23.259	930.793

Или, иначе говоря, средняя ежегодная цифра убитыхъ равна 4.477, а средняя ежегодная цифра пострадавшихъ въ той или иной мѣрѣ отъ несчастныхъ случаевъ доходитъ до 143.649 рабочихъ. При этомъ, изъ числа пострадавшихъ въ однихъ только копяхъ и рудникахъ въ 178.962 рабочихъ (по даннымъ за 1913 г.):

Свыше недѣли и до 2 недѣль проболѣло	15.541
Отъ 2 до 3 недѣль проболѣло . .	62.196
„ 3 „ 4 „ „ . .	33.1959
„ 4 „ 13 „ „ . .	50.29
„ 13 „ 26 „ „ . .	3.742
„ 26 „ 39 „ „ . .	548
Свыше 39 „ „ . .	112
Не выздоровѣло до конца года . .	13.152
Прекратило работу въ копяхъ .	171

Т. обр., весьма значительное число рабочихъ оказывается подъ угрозой потери заработка и въ силу несчастнаго случая. По утвержденію проф. Уоткинса въ 1919 г. въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 22 тысячъ рабочихъ погибло и около 500 тысячъ было изувѣчено въ результатѣ несчастныхъ случаевъ. „Какъ ни чудовищны потери въ войнахъ, онѣ не могутъ итти въ сравненіе съ тѣми жертвами, какія приносятся промышленности, и на какія міръ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія“.

Теорія профессіональнаго риска. То обстоятельство, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно прослѣдить прямую связь между утерей—временной (болѣзнь, материнство, не фатальный несчастный случай) или постоянной (инвалидность, старость) — трудоспособности и, слѣдовательно, средствъ къ существованію, съ одной стороны, и фактомъ работы на предпріятіи—съ другой, создало ученіе о т. н. профессіональномъ рискѣ. Это ученіе основано на прямой отвѣтственности предпринимателя за непринятіе въ цѣломъ

рядѣ случаевъ мѣръ предосторожности, въ результате чего происходятъ несчастные случаи, на использованіи въ производствѣ вредныхъ веществъ (ртути, свинца, свинцовыхъ бѣлилъ, фосфора и т. п.), въ результатѣ чего имѣетъ мѣсто отравленіе и такъ наз. профессіональныя заболѣванія, на наличности въ подземныхъ шахтахъ гремучаго газа, неизмѣнно почти сопровождающаго выработку каменнаго угля и на т. п. фактахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ давно уже отмѣчалось, что характеръ профессіи отражается на степени податливости человѣческаго организма всевозможнымъ болѣзнямъ, причемъ имѣются спеціальныя, свойственныя преимущественно данной профессіи и вытекающія изъ нея заболѣванія (напр., „горная чахотка“ въ алмазныхъ копяхъ, гдѣ идетъ сверленіе твердыхъ породъ и соотвѣтствующее окаменѣніе легкихъ рабочаго, вслѣдствіе пропитыванія ихъ кварцевой пылью). Энгельсъ въ своей работѣ о положеніи рабочаго класса въ Англіи приводитъ чрезвычайно показательную таблицу, составленную д-ромъ Уэдомъ и помѣщенную имъ въ его кн. „History of the Middle and Working Classes“, гдѣ устанавливается для 1832 г. поразительная разница въ смертности населенія до и послѣ устройства фабрикъ въ отдѣльныхъ городахъ. Такъ, въ Карлейлѣ въ 1779—1787 гг. умирала въ молодомъ возрастѣ гораздо меньшая пропорція населенія, въ старшемъ гораздо большая, чѣмъ послѣ основанія въ томъ же городѣ фабрикъ. Подробныя данныя различныхъ страховыхъ органовъ и государственной статистики труда въ послѣдующіе годы полностью подтвердили зависимость высокой и низкой смертности отъ рода занятій населенія. Въ работѣ Каплуна—„Профессіон. смертность по послѣднимъ даннымъ“ (М. 1922 г.), приведенъ большой матеріалъ о зависимости смертности отъ профессіи и о среднемъ возрастѣ въ каждой изъ нихъ.

Т. обр., устанавливается безспорная зависимость риска отъ рода занятій. Въ особенности же это ясно по характеру несчастныхъ случаевъ и ихъ частотѣ въ различныхъ производствахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, наприм., на 1000 работниковъ приходится несчастныхъ случаевъ, кончающихся смертью пострадавшихъ:

Въ рудникахъ	4,00
„ копяхъ	3,50
„ рыбной ловлѣ	3,00
„ мореплаваніи	3,00
На желѣзн. дорогѣ	2,40
Въ электротехникѣ	2,25
„ лѣсномъ дѣлѣ	1,50
„ строит. дѣлѣ	1,49
Среди возчиковъ	1,25
Трамвай	1,00
Среди пожарныхъ, полицейскихъ и стор.	1,00
Телефонъ и телеграфъ	0,75
Сельское хоз.	0,35
Обрабатывающая промышленность	0,25
Всѣ ост. професс.	0,75
Въ среднемъ	0,73 для мужчинъ и 0,75 для женщинъ.

Что налицо имѣется профессіональный рискъ—въ этомъ врядъ ли приходится сомнѣваться на основаніи такихъ данныхъ. Однако, врядъ ли можно рискъ, свойственный капиталист. организованному народному хозяйству, класть въ основу теоріи профессіональнаго риска. Теорія эта предполагаетъ не столько непосредственную зависимость смертности и пр. явленій отъ профессіи, отъ мѣста работника въ производствѣ, сколько пытается вывести изъ такой безспорной зависимости необходимость расцѣнивать самое явленіе, какъ прямой продуктъ работы. При такой же трактовкѣ вопроса мы должны признать, что игроки въ футболъ, которыхъ такъ много въ Англіи и среди которыхъ часты несчастные случаи, или еще болѣе часто становящіеся жертвой несчастныхъ случаевъ игроки въ бэзъ-боллъ въ Соединенныхъ Штатахъ приравниваются къ остальнымъ „профессіямъ“, связаннымъ съ рискомъ несчастнаго случая. Между тѣмъ, для состоятельнаго студента англійскаго или американскаго университета переломъ ключицы во время игры или вывихъ руки не имѣютъ никакого значенія въ экономическомъ разрѣзѣ. На степени ихъ обезпеченности такой несчастный случай нисколько не отражается. Между тѣмъ, подлинно профессіональному игроку въ футболъ совершенно аналогичный несчастный случай приноситъ исчезновеніе средствъ къ существованію, и потому переломъ ключицы у него

связанъ не только съ болевыми ощущеніями, но и съ весьма реальными матеріальными лишеніями. Вотъ почему, даже въ случаѣ прямой и тѣсной связи того или иного факта лишенія трудоспособности съ профессіей, одной этой связи мало, чтобы признать наличность риска въ смыслѣ не рискованія жизнью или здоровьемъ, а въ смыслѣ чреватой тяжелымъ осложненіемъ потери трудоспособности.

Между тѣмъ, теорія профессіон. риска, основываясь на такой связи, разграничиваетъ различныя категоріи риска, считая возможнымъ различный подходъ къ каждому изъ нихъ. Несчастный случай трактуется, как рискъ, связанный съ отвѣтственностью предпринимателя. Подъ этимъ угломъ зрѣнія трактовали данный рискъ В. Яроцкій, Литвиновъ-Фалинскій и русскій, французскій и англійскій законодатели. До сихъ поръ еще въ англійскомъ законодательствѣ сохраняется понятіе личной отвѣтственности предпринимателя за обезпеченность пострадавшаго отъ несчастнаго случая рабочаго (уголовное законодательство, гражданское право и т. наз. Workmen's Compensation Acts). И даже такой теоретикъ Соц. страх., какъ д-ръ Вигдорчикъ, котораго трудно заподозрить въ неясномъ пониманіи природы риска, невольно поддается этому толкованію, когда полагаетъ, что на капиталистовъ должны быть возложены издержки лишь по профессіональному риску, т.-е. по несчастнымъ случаямъ и профессіональнымъ заболѣваніямъ, и отчасти лишь по безработицѣ, такъ какъ безработица, до извѣстной степени, входитъ также въ понятіе „профессіональный рискъ". Но разъ персональный рискъ, рискъ жизнью и здоровьемъ, встрѣчающійся не только въ формѣ риска при работѣ, а и въ формѣ риска при спортѣ, и не только въ условіяхъ машиннаго производства, а въ еще большей мѣрѣ въ условіяхъ первобытнаго, въ частности, охотничьяго хозяйства, не можетъ привести къ необезпеченности его жертвы въ нашемъ пониманіи этой необезпеченности, то признать его рискомъ, подлежащимъ страхованію, или даже рискомъ, свойственнымъ именно машинному способу производства, никоимъ образомъ нельзя. Понятіе риска, какъ мы его опредѣлили выше, покрываетъ собою только одинъ рискъ, именно рискъ необезпеченности. Различные виды риска являются, т. обр., лишь различными проявленіями одного и того же риска. И потому и для безработицы, и для болѣзни, и для инвалидности, и для старости и для несчастныхъ случаевъ должна существовать одна и та же основа борьбы съ рискомъ. Эта основа—обезпеченіе рабочихъ на случай риска. И какъ ни разнообразны бываютъ формы и виды подобнаго обезпеченія, всегда и во всемъ въ этомъ обезпеченіи имѣется нѣчто единое. Всѣ онѣ покоятся на предоставленіи средствъ существованія тѣмъ, кто ихъ теряетъ въ силу особенностей организаціи народнаго хозяйства. Другими словами — рискъ, о которомъ при общественной организаціи только и можетъ итти рѣчь—является рискомъ соціальнымъ. Отсюда дѣлается и выводъ, который остается совершенно чуждымъ теоріи профессіональнаго риска, а именно тотъ, что никакой личной отвѣтственности за обезпеченіе пострадавшаго нѣтъ и быть не должно *). Эту отвѣтственность должно нести цѣликомъ и полностью все народное хозяйство. Основной принципъ борьбы съ рискомъ, выросшимъ на почвѣ машиннаго способа производства и капиталистической его организаціи, заключается въ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе.

Форма обезпеченія. Само собой разумѣется, что въ историческомъ разрѣзѣ картина развитія дѣла обезпеченія населенія отъ риска отнюдь не говоритъ о коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе въ такихъ ясныхъ контурахъ, въ какихъ къ нему подводитъ теоретическій анализъ. Дѣло обезпеченія оказывается не только построеннымъ на разно-

*) Личная отвѣтственность въ данномъ случаѣ существуетъ лишь по отношенію къ несоблюденію законовъ объ охранѣ труда. Предприниматель отвѣтственъ за несчастный случай только въ томъ смыслѣ, въ какомъ отвѣчаетъ за свои поступки и третье лицо, содѣйствовавшее несчастному случаю (шоферъ, переѣхавшій на улицѣ по неосторожности

образнѣйшихъ основахъ, но и не сведеннымъ въ единую систему нигдѣ, кромѣ СССР, даже въ настоящее время.

Однако, въ настоящее время даже буржуазная наука признаетъ именно такой характеръ соціальнаго страхованія. „Понятіе С. с.—пишетъ, напр., проф. Уоткинсъ—относится къ различнымъ системамъ, организованнымъ государствомъ для того, чтобы компенсировать рабочихъ за ущербъ, понесенный, гл. обр., въ ходѣ ихъ промысловой жизни. Коллективная отвѣтственность замѣняетъ собою отвѣтственность индивидуальную въ дѣлѣ несенія финансовыхъ тяготъ, падающихъ въ противномъ случаѣ на плечи отдѣльныхъ лицъ; накопленіе фонда позволяетъ группѣ помогать впавшимъ въ несчастіе сочленамъ“. „С. с.—читаемъ мы въ другом мѣстѣ („Labor Yearbook“)—есть принудительная система составленія фондовъ изъ платежей, которые должны производиться каждымъ, съ цѣлью доставлять помощь въ случаяхъ потребности, нормальной или абнормальной, въ обезпеченіи рабочаго, когда доходъ работника по найму оказывается слишкомъ незначительнымъ“.

Въ этихъ опредѣленіяхъ понятія С. с. содержится много неточностей. Въ первую голову оба они упускаютъ изъ виду то, что коллективная отвѣтственность не есть отвѣтственность коллектива лицъ, составляющихъ фонды. Такая отвѣтственность—будь она проведена въ жизнь добровольно группой столковавшихся относительно организаціи фонда лицъ, или же будь она предписана законодательной мѣрой—носитъ характеръ персональной отвѣтственности, круговой поруки отдѣльныхъ лицъ, а отнюдь не подлинно - коллективной отвѣтственности. Эта точка зрѣнія на природу послѣдней не учитываетъ совершенно того обстоятельства, что при общественной организаціи производства мы имѣемъ дѣло съ единымъ, по существу, народнымъ хозяйствомъ. И такъ какъ именно эта общественная природа хозяйственной организаціи машиннаго типа уничтожаетъ непосредственную связь производителя съ процессомъ реализаціи продукта производства и тѣмъ самымъ создаетъ необезпеченность, рискъ, потери средствъ существованія, то вводить принципъ круговой поруки или усматривать въ С. с. такую поруку можно, въ сущности, лишь при условіи признанія мелко-буржуазнаго взгляда на происхожденіе риска. Народное хозяйство въ цѣломъ, а не отдѣльныя лица, является причиной возникновенія риска при машинномъ производствѣ. Т. обр., не отдѣльныя лица, а само народное хозяйство въ цѣломъ и должно быть носителемъ коллективной отвѣтственности за обезпеченіе пострадавшихъ отъ риска. Затѣмъ обѣ формулы допускаютъ, что С. с. можно и должно считать всякую форму обезпеченія на случай утери средствъ къ существованію въ результатѣ дѣйствія того или иного риска. Это, конечно, не менѣе невѣрно. Добровольное страхованіе, имѣющее до сихъ поръ значительное распространеніе (организація кассъ взаимопомощи, организація выдачи пособій профессіональными союзами и созданія, на основаніи опредѣленныхъ законодательныхъ актовъ, факультативныхъ фондовъ страхованія), представляетъ собою отнюдь не С. с. Это—разнообразные виды групповыхъ соглашеній о круговой порукѣ, различныя формы индивидуалистическаго обезпеченія.

За всѣмъ тѣмъ—самое понятіе „коллективная отвѣтственность“—хотя бы и невѣрно толкуемое — вошло уже въ обиходъ въ примѣненіи къ С. с. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что, по мѣрѣ развитія дѣла обезпеченія рабочаго населенія отъ всевозможныхъ видовъ риска, выясняется все больше и больше соціальный, т.-е. независящій отъ персональныхъ свойствъ стремленій и недостатковъ, характеръ риска и вытекающій отсюда соціальный же характеръ отвѣтственности за благополучіе тѣхъ, кто отъ этого риска страдаетъ. Тѣмъ не менѣе фактъ тотъ, что этотъ результатъ проявляется лишь въ длительномъ процессѣ развитія всего дѣла обезпеченія, въ ходѣ котораго складываются различныя формы обезпеченія.

Исторически первой оказывается форма обезпеченія попечительствами

о бѣдныхъ (Poor Law Guardians). Уже тогда, когда впервые въ строй хозяйственной жизни вклиниваются отношенія наемного труда, мы находимъ первыя попытки обезпеченія населенія. Знаменитый актъ Елизаветы (*см.* VIII, 553—567) предписывающій принудительное взиманіе на содержаніе бѣдныхъ извѣстныхъ налоговъ (налоги въ пользу бѣдныхъ), датированъ 1601 г., т.-е. относится къ началу XVII ст., когда въ Англіи уже появляется наемный трудъ, и купля и продажа рабочей силы становится съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе общимъ явленіемъ. Этотъ извѣстный и оказавшійся длительнымъ, несмотря на свой первоначально временный характеръ, актъ предписывалъ на собираемыя въ принудительномъ порядкѣ средства доставлять работу тѣмъ, кто могъ и желалъ работать, и оказаніе поддержки тѣмъ, кто этого дѣлать не могъ; дѣти бѣдныхъ родителей должны были получать выучку въ какомъ-нибудь ремеслѣ, лѣнивыхъ же ждало наказаніе. Это была организація государствомъ за счетъ налогоплательщика обезпеченія всего нетрудоспособнаго или неспособнаго существовать своимъ трудомъ населенія. На практикѣ законы о бѣдныхъ свелись къ ряду злоупотребленій и даже къ системѣ скрытаго субсидированія капиталистовъ за счетъ землевладѣльцевъ. Такъ, въ Ноттингемѣ предприниматели сознательно снизили заработную плату до размѣровъ, которые не обезпечивали существованія ихъ рабочимъ, и выдавали послѣднимъ удостовѣренія о размѣрѣ получаемаго ими заработка, на основаніи которыхъ приходское попечительство доплачивало ежедневно каждому почти столько же, сколько причиталось и заработка (ср. Гиббинсъ, „Industry in England"). „Мы можемъ суммировать оцѣнку дѣйствія законовъ о бѣдныхъ — говоритъ одинъ авторъ — сказавъ, что система субсидированія заработной платы, введенная Спингемлэндскими резолюціями (мировыхъ судей) и узаконенная актомъ 1796 г., обезпечила деморализацію равно и предпринимателей и наемныхъ рабочихъ, снимая съ первыхъ отвѣтственность за расплату полностью съ рабочими и премируя низкую работоспособность и неумѣренность послѣднихъ. Этотъ методъ оказанія помощи дѣйствовалъ съ 1795 г. [illegible] фактически до изданія новаго текста законовъ о бѣдныхъ. Наниматели, равно промышленники и сельскіе хозяева, снизили заработную плату во многихъ мѣстностяхъ до голоднаго уровня, зная, что рабочіе получатъ субсидію изъ суммъ, собранныхъ въ пользу бѣдныхъ. Заработки, выплачивавшіеся взрослымъ работоспособнымъ работникамъ, часто равнялись 5 или 6 шиллингамъ въ недѣлю, а вспомоществованія доходили до 4,5,6 и даже 7 шиллинговъ, въ зависимости отъ размѣровъ семьи рабочаго". Одинъ изъ самыхъ выдающихся идеологовъ зарождающагося капитализма характеризовалъ создавшееся положеніе, какъ сплошное зло. „Зло, вытекающее отсюда, неисчислимо, ибо мотивы къ труду и бережливости подрѣзаны у корня, разъ бѣднякъ знаетъ, что если онъ не накормитъ себя, то это за него сдѣлаетъ приходъ, и что какъ бы ни былъ онъ трудолюбивъ и бережливъ, у него нѣтъ ни малѣйшей надежды стать независимымъ" (Артуръ Юнгъ „Annales of Agriculture", XXXVI т.).

Несмотря на то, что система субсидированія была совершенно уничтожена реформой 1834 г. (*см.* IX, 182—186) послѣ обстоятельнаго и мотивированнаго осужденія ея особой комиссіей по законамъ о бѣдныхъ, и вся дѣятельность приходскихъ наблюдателей за бѣдными ограничилась содержаніемъ неимущихъ въ особыхъ домахъ и убѣжищахъ, либо „помощью на дому", практика законовъ о бѣдныхъ, какъ системы обезпеченія на случай риска утери средствъ къ существованію, на протяженіи трехъ четвертей столѣтія была осуждена безповоротно новой комиссіей, подъитожившей результаты этой практики къ 1909 году. И иначе, конечно, не могло быть. Ибо та коллективная отвѣтственность за индивидуальное благополучіе, какая вводилась елизаветинскимъ законодательствомъ, совершенно не соотвѣтствовала экономической обстановкѣ капиталист. строя. На начальныхъ ступеняхъ разложенія феодальныхъ отношеній подъ вліяніемъ

торговаго капитала система законовъ о бѣдныхъ имѣла еще въ своемъ основаніи недифференцированный строй экономическихъ отношеній. Крестьянинъ, согнанный съ огороженнаго поля землевладѣльцевъ, представлялъ собою ту категорію лишенныхъ средствъ къ существованію, какая именуется „unemployable“ (т.-е. непригодными къ работѣ) въ англійской литературѣ вопроса. Сырая масса работниковъ, разлученныхъ съ землей, насильственно выброшенная на рынокъ труда, не располагала никакими навыками, которые дѣлали бы ее полезной рабочей силой. Длительные періоды бездѣлія—часто проводимые въ бродяжничествѣ — еще болѣе понижали пригодность этого элемента къ работѣ по найму. Низкая производительность такого труда—а кромѣ него, въ сущности, у зарождающагося капитализма и не было иныхъ резервовъ—давала поводъ (которымъ предприниматели пользовались при малѣйшей возможности) къ сниженію заработной платы. Но эта низкая производительность не снимала съ государства обязанности обезпеченія полной нормы минимальнаго потребленія за семьей такого паупера. Отсюда— закономѣрность на начальныхъ стадіяхъ капитализма сохраненія человѣческихъ жизней за счетъ всей массы налогоплательщиковъ. Но, съ укрѣпленіемъ капиталистическаго способа производства, наемный трудъ сталъ несравненно продуктивнѣе. Рабочій изъ люмпенпролетарія превращался въ пролетарія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, производство не могло ограничиваться тѣмъ малоподготовленнымъ кадромъ работниковъ, который сохранился за нимъ системой субсидированія. Ему требовались работники высшей квалификаціи. А для этого даже въ періодъ первоначальнаго накопленія соотвѣтствующая оплата труда оказывалась несравненно болѣе цѣлесообразной. На ряду съ этимъ ростъ промышленныхъ предпріятій, возводившій въ идеалъ индивидуализмъ, отрицательно сказывался на самомъ фактѣ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе. Отсюда и всѣ измѣненія въ законодательствѣ о бѣдныхъ и его осужденіе еще въ 1834 г. Сверхъ же всего, практика законовъ о бѣдныхъ показала, что методъ, примѣняемый въ цѣляхъ отталкиванія пострадавшихъ въ случаѣ риска отъ благотвор. учрежденій прихода (лишеніе избирательныхъ правъ, клеймо паупера и т. п.), къ практическому проведенію въ жизнь коллективной отвѣтственности, дѣлаетъ всю эту организацію и дорого стоющей и недостигающей своей цѣли. Деклассированный, пауперизированный осадокъ городовъ пользовался помощью полностью; какъ разъ именно тѣ группы рабочаго класса, которыя, въ силу перенесеннаго ими ущерба отъ того или иного вида риска, нуждались въ обезпеченіи, оказывались внѣ предѣловъ дѣйствія законовъ о бѣдныхъ. Это было отчетливо показано въ докладѣ меньшинства Королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ и показаніями предъ этой комиссіей къ 1909 г. Т. обр., первая исторически попытка организаціи обезпеченія на основѣ коллективной отвѣтственности оказалась несоотвѣтствующей строю экономическихъ отношеній.

Вторая форма обезпеченія носила уже явный слѣдъ чисто капиталист. отношеній. На протяженіи весьма длительнаго періода дѣло обезпеченія цѣликомъ и полностью предоставлялось частной и групповой иниціативѣ. Періодъ факультативнаго страхованія, индивидуалистическаго сбереженія про черный день смѣняетъ собою опытъ государственнаго обезпеченія бѣдныхъ. До конца 80-хъ годовъ XIX стол. государство стоитъ въ сторонѣ и не вмѣшивается въ работу частно-правовыхъ организацій въ данной области.

Кассы и общества взаимопомощи возникаютъ среди тѣхъ группъ рабочихъ, которыя попадаютъ подъ дѣйствіе риска утери средствъ къ существованію, создавая фонды пособій на случай болѣзни, инвалидности, старости, смерти, выдавая пособія пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и даже безработнымъ. Эти кассы и общества возникаютъ немедленно вслѣдъ за появленіемъ наемнаго труда въ народномъ хозяйствѣ (въ Англіи въ XVII—XVIII в., въ Германіи—съ двад-

датыхъ—тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ этого же періода—въ Россіи и т. д.). Кромѣ того, по мѣрѣ развертыванія и профессіональной организаціи рабочихъ, послѣдняя беретъ на себя часть функцій общества взаимопомощи. Ньютонъ, Алленъ и Гетчинсонъ, создавая „Амальгамированное Общество Механиковъ“ въ 1851 г., включили въ число задачъ новаго объединенія всѣ эти функціи и продѣлали это настолько основательно, что одинъ изъ раннѣйшихъ теоретиковъ тредъ-юніонизма, Ричардъ Дэннингъ, отнюдь не являвшійся сторонникомъ послѣдовательной классовой борьбы, упрекалъ ихъ въ превращеніи профессіональнаго союза въ общество взаимопомощи. Мы уже видѣли, что даже послѣ введенія государствомъ страхованія и германскіе и англійскіе профессіональные союзы продолжаютъ выполнять функціи обществъ взаимопомощи, удѣляя на эту задачу значительную пропорцію своихъ доходовъ (см. вышепривед. таблицы). Болѣе того, даже въ условіяхъ пролетарской диктатуры въ СССР, при наличіи самой развитой системы обезпеченія рабочихъ на случай риска потери средствъ къ существованію, профессіон. союзы организуютъ и кассы и общества взаимопомощи.

Но факультативное страхованіе того типа, которое проводится объединеніями самихъ застрахованныхъ и по ихъ иниціативѣ, не только построено по индивидуалистическому принципу и основано на персональныхъ сбереженіяхъ (въ Бельгіи до сихъ поръ еще есть союзы, которые ведутъ личный счетъ каждаго члена по фонду пособій и выдаютъ эти пособія только въ соотвѣтствіи съ наличной суммой накопившихся взносовъ). Оно приводитъ къ повторенію въ отношеніи къ соціальному риску метода страхованія, примѣняющагося по отношенію къ личному риску, свойственному всякому человѣку, независимо отъ его классоваго положенія. „Теорія страхованія—говоритъ такой авторитетъ по вопросу страхованія въ его буржуазной постановкѣ, какъ М. Герценштейнъ — опредѣляетъ страхованіе, какъ уничтоженіе случая путемъ распредѣленія риска... Т. обр., сущность страхованія сводится къ уничтоженію случая путемъ распредѣленія ущерба, понесеннаго отдѣльнымъ хозяйствомъ, на возможно большую массу хозяйствъ, называемую страховымъ полемъ“. А другой авторъ (Іоллосъ) утверждаетъ, что „страхованіе рабочихъ есть примѣненіе общей идеи страхованія къ спеціальнымъ условіямъ жизни рабочаго класса. Отличіе его отъ страхованія жизни и т. п. состоитъ въ томъ, что оно требуетъ приспособленія техники страхового дѣла къ платежеспособности массы людей съ небольшими, *колеблящимися и непостоянными заработками* и предусматриваетъ организацію страхованія на началахъ общественнаго права“. И дѣйствительно, поскольку идетъ рѣчь о страхованіи, построенномъ частно-правовыми организаціями, то утвержденіе Іоллоса о совпаденіи сущности страхованія рабочихъ съ сущностью страхованія имущества капиталистомъ или жизни отдѣльнымъ лицомъ въ капиталистически организованномъ обществѣ окажется совершенно точнымъ. Мы знаемъ, что въ практикѣ организаціи страхованія, организованнаго капиталистическими компаніями на Западѣ, имѣются случаи приспособленія аппарата страхованія, его техники къ той же категоріи незначительныхъ непостоянныхъ и колеблющихся заработковъ, съ которыми имѣютъ дѣло общества взаимопомощи. „Дубовые сердца“ (Hearts of Oak) или „Странные парни“ (Strange Fellows) в Англіи (два извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ общества взаимопомощи) соперничаютъ въ страховыхъ операціяхъ съ „Прюденшіалъ“ (извѣстная капиталистическая фирма). Т. обр., принципъ организаціи добровольнаго страхованія силами самихъ объединеній, страхуемыхъ отъ риска, оказывается идентичнымъ принципу страхованія, принятому въ капиталист. обществѣ: это—составленіе силами всей страхуемой группы фонда для выдачи пособій тѣмъ, кто въ тотъ или иной моментъ пострадалъ отъ риска.

Достаточно часто встрѣчающаяся форма добровольнаго страхованія въ порядкѣ его регулированія государ-

ствомъ опять-таки в принципѣ не отличается отъ чистой формы добровольнаго страхованія. Бельгійская и французская система узаконенія соглашеній между рабочими и предпринимателями, относительно созданія совмѣстными силами кассъ и фондовъ страхованія, допуская участіе въ составленіи фондовъ и капиталиста, служитъ лишь небольшой ступенью къ перенесенію отвѣтственности за рискъ на народное хозяйство. Основа и его—страховой взносъ самого страхуемаго отъ риска. Т. обр., лишь организація страхованія государствомъ за счетъ общенаціональнаго дохода является полнымъ соціальнымъ страхованіемъ, страхованіемъ отъ соціальнаго риска. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель устанавливаетъ обязательность страхованія—проводимое въ принудительномъ порядкѣ черезъ институціи публично правового характера,—страхованіе оказывается страхованіемъ смѣшаннаго типа, лишь болѣе или менѣе приближающимся къ соціальному страхованію.

Ближе всего къ послѣднему стоитъ страхованіе на случай *старости*, приведенное въ Англіи въ видѣ „Акта о пенсіяхъ старости“ 1908 г. Согласно этому акту рабочій или работница, точнѣе лица, обладающія доходомъ не свыше 30 ф. ст. 10 шилл. въ годъ, пользуются правомъ получать изъ государ. казначейства пенсію въ размѣрѣ 5 шилл. въ недѣлю и меньше (въ зависимости отъ суммъ своего дохода) по достиженію 70-лѣтн. возраста безъ всякихъ предварительныхъ взносовъ въ какой бы то ни было фондъ. Существеннымъ, принципіальнымъ отличіемъ англійской системы является то, что по акту 1908 г. организовано не страхованіе, а обезпеченіе. Сущность страховой операціи включается въ учетъ вліянія производственныхъ процессовъ на степень риска въ отдѣльныхъ отросляхъ народнаго хозяйства и на моментъ наступленія самого риска опять-таки въ зависимости отъ отрасли промышленности. При обезпеченіи же такой учетъ не производится, и потому отвѣтственность за финансовую сторону операціи ложится на отдѣльныя отвѣтвленія народнаго хозяйства неравномѣрно, непропорціонально ихъ отрицательной роли въ объусловл. риска.

Всѣ формы *страхованія отъ болѣзни и инвалидности*, проводимыя законодательствомъ въ Англіи, Германіи, Австріи и т. д., являются уже гораздо менѣе подходящими подъ опредѣленіе понятія С. с. Ихъ, скорѣй всего, можно назвать „рабочимъ страхованіемъ“ или „страхованіемъ *рабочихъ*“. Весьма существеннымъ моментомъ въ ихъ операціи всегда входило участіе въ составленіи фонда страхованія самихъ застрахованныхъ. Взносы послѣднихъ не покрываютъ собою ни въ одномъ случаѣ всего фонда. Чаще всего они составляютъ отъ $^1/_2$ до $^1/_3$ всей необходимой для операціи суммы. Остальное поступаетъ либо изъ средствъ предпріятія, въ которыхъ заняты застрахованные, либо еще изъ государственнаго казначейства. Въ Англіи степень риска въ системѣ взносовъ не учтена, такъ какъ для всѣхъ категорій страхуемыхъ установленъ одинъ и тотъ же размѣръ взноса; въ Германіи учетъ риска, равно какъ и степень состоятельности страхуемаго, проведенъ и въ системѣ взносовъ. Но за всѣмъ тѣмъ—всюду страхуемый участвуетъ въ составленіи страхового фонда, и тѣмъ самымъ все дѣло страхованія значительно отходитъ отъ типа С. с.

Наиболѣе близка къ типично-капиталист. системѣ страхованія та форма обезпеченія отъ риска, рождаемаго несчастнымъ случаемъ, которая примѣняется въ Англіи и которая долгое время пропагандировалась въ разныхъ странахъ послѣдовательными индивидуалистами. Рѣчь идетъ о матеріальной *отвѣтственности предпринимателей* за несчастный случай. Теорія отвѣтственности предпринимателей сближаетъ обезпеченіе отъ несчастныхъ случаевъ съ уголовной и гражданской отвѣтственностью за непринятіе предохранит. мѣръ по обезопасенію работы. Фактически практика суда и сводилась долгое время къ примѣненію нормъ уголовнаго и гражданскаго права, предусматривающихъ обязанность предпринимателя принимать надлежащія мѣры безопасности. Но въ виду того, что, по вычисленію проф. Уоткинса, при примѣненіи данной

нормы угол. и гражд. права изъ каждыхъ 100 долл. рабочій получаетъ—за вычетомъ его издержекъ по судопроизводству и послѣ 2 — 6 лѣтъ судебныхъ тяжбъ—всего 28 долл., то спеціальное законодательство всюду смягчило условія полученія компенсаціи за понесенный въ результатѣ несчастнаго случая ущербъ. Германія первая провела страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ законѣ 1882 г., установивъ соотвѣтствующія степени опасности профессій ставки страховыхъ взносовъ предпринимателей и переложивъ на нихъ всю тяжесть финансированія страхового фонда. Въ другихъ странахъ компенсація рабочаго за ущербъ въ результатѣ несчастнаго случая, въ общемъ, проводится въ томъ же видѣ, какъ и въ Германіи. Лишь въ Англіи мы находимъ дополнительныя положенія въ актѣ 1911 г. о національномъ страхованіи, по которому всѣ лица съ доходомъ не св. 100 ф. ст. въ годъ имѣютъ право на пособія, если они не добились ихъ у предпринимателя или если полученное пособіе меньшаго размѣра, чѣмъ предусмотрѣнное этимъ актомъ, и при этомъ пострадавшимъ предоставляется еще и безплатная медицинская помощь. Здѣсь мы находимъ переложеніе матеріальной отвѣтственности за несчастный случай въ извѣстной части съ предпринимателя и на самихъ страхуемыхъ, поскольку въ составленіи страховыхъ фондовъ по закону 1911 г. принимаютъ участіе и сами застрахованные и государство.

Единственная вполнѣ развитая форма С. с. проведена въ жизнь лишь въ СССР, гдѣ соотвѣтствующее законодательство предусматриваетъ и *градацію взносовъ,* соотвѣтственно степени угрожаемости профессіи съ точки зрѣнія риска, и *переложеніе всей матеріальной отвѣтственности за рискъ на народное хозяйство* въ цѣломъ, съ пропорціональнымъ перераспредѣленіемъ его въ формѣ %% начисленій на заработную плату въ отдѣльныхъ его отвѣтвленіяхъ, какъ по степени опасности риска, такъ и по платежеспособности производства, и *организацію всего страхового дѣла черезъ самоуправляющіяся страховыя кассы.*

Основные виды страхованія. Нигдѣ еще полностью не проведено страхованіе рабочихъ отъ всѣхъ видовъ риска. Между тѣмъ функціей страхованія является организація обезпеченія работниковъ на случай утери средствъ къ существованію именно отъ всѣхъ видовъ риска. Поэтому, для выясненія подлинной картины страховыхъ операцій, необходимо установить полную программу функцій страхованія, что и дѣлаетъ д-ръ Вигдорчикъ сл. обр.: „Функціями С. с. являются: 1) Пособіе въ размѣрѣ полнаго заработка съ перваго дня болѣзни до выясненія исхода послѣдней. 2) Въ случаѣ развитія стойкой инвалидности — пожизненная инвалидная пенсія. При потерѣ больше половины работоспособности инвалидная пенсія составляетъ половину заработка; при потерѣ меньше половины, но больше четверти работоспособности пенсія составляетъ одну четверть заработка. Инвалиды, нуждающіеся въ постороннемъ уходѣ, получаютъ усиленную пенсію въ размѣрѣ полуторнаго заработка. Инвалидная пенсія можетъ быть замѣнена помѣщеніемъ инвалида въ спеціальный пріютъ. Оставшаяся семья имѣетъ право на пособіе въ размѣрѣ одной четверти до половины полной инвалидной пенсіи. 3) Безплатная медицинская помощь какъ самимъ застрахованнымъ, такъ и членамъ ихъ семействъ. Сюда относится первая помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ, амбулаторная помощь, лѣченіе на дому, больничное и санаторно-курортное лѣченіе, а также акушерская помощь во всѣхъ ея видахъ. Профилактика болѣзней и инвалидности. 4) Въ случаѣ смерти застрахованнаго, семья получаетъ пособіе на погребеніе въ размѣрѣ 1—3 мѣсячнаго заработка. Вдовѣ и сиротамъ выдается пенсія, размѣръ которой колеблется, въ зависимости отъ числа сиротъ, отъ половины до полнаго заработка умершаго. При вторичномъ замужествѣ вдовы пенсія ея уменьшается или прекращается, въ зависимости отъ числа дѣтей. Круглыя сироты получаютъ повышенную пенсію. Сиротская пенсія выдается до совершеннолѣтія. Какъ вдовья, такъ и сиротская пенсіи могутъ замѣняться помѣщеніемъ пенсі-

онеровъ въ спеціальные пріюты. 5) Старческая пенсія въ размѣрѣ полнаго заработка, начиная съ 60-летн. возраста, независимо отъ состоянія работоспособности. Старческая пенсія можетъ быть замѣнена помѣщеніемъ застрахованнаго въ пріютъ. Оставшаяся семья, въ зависимости отъ своего состава, имѣетъ право на полученіе извѣстной части пенсіи. 6) Материнское пособіе въ размѣрѣ полнаго заработка въ теченіе 6 недѣль до родовъ и 6 недѣль послѣ родовъ. Пособіе на наемъ помощницы въ теченіе 4 недѣль послѣ родовъ въ размѣрѣ средняго заработка поденщицы. Единовременное пособіе на пріобрѣтеніе дѣтскаго приданаго въ размѣрѣ полумѣсячнаго заработка. Пособіе на усиленное питаніе въ періодъ кормленія въ теченіе 8 мѣс. въ размѣрѣ $^1/_4$ заработка застрахованной. 7) Въ случаѣ инвалидности и старости жены застрахованнаго выдача инвалидной и старческой пенсіи, исчисляемыхъ изъ заработка поденщицы. Пенсіи эти могутъ замѣняться призрѣніемъ натурой. 8) Выдача похоронныхъ денегъ въ случаѣ смерти неработающихъ членовъ семьи въ размѣрѣ 1—3 мѣс. заработка чернорабочаго. 9) Материнское пособіе женѣ застрахованнаго въ теченіе послѣднихъ 4 недѣль беременности и первыхъ 4 недѣль послѣ родовъ въ размѣрѣ заработка поденщицы. Единовременное пособіе на пріобрѣтеніе дѣтскаго приданаго въ размѣрѣ полумѣсячнаго заработка. Пособіе въ періодъ кормленія въ размѣрѣ $^1/_4$ заработка поденщицы. 10) Пособіе въ размѣрѣ полнаго заработка во все время безработицы, если невозможность найти работу засвидѣтельствована установленными учрежденіями".

Даже въ условіяхъ, сложившихся къ моменту введенія въ дѣйствіе страхового законодательства въ СССР, къ 1922 г. не было налицо благопріятной обстановки для полнаго и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь такой программы. Послѣдній пунктъ, п. 10, не выполняется къ указанному сроку, и пособіе безработнымъ выдавалось къ 1924 г. въ размѣрѣ 6 товарныхъ рублей всѣмъ рабочимъ, оказавшимся безработными, что не соотвѣтствовало не только полному заработку застрах., но и самой низшей ставкѣ оплаты труда многихъ рабочихъ по наиболѣе типичнымъ коллект. договорамъ (до 10 тов. р.). Лишь съ 1924 г. сумма пособія для квалиф. безработныхъ доведена до 10 зол. р.

Сущность вопроса, однако, не въ томъ, проведена ли или не проведена по условіямъ хозяйственнаго существованія въ тотъ или иной историческій періодъ въ той или иной странѣ вся программа полностью. Сущность вопроса въ томъ, отвѣчаетъ ли или не отвѣчаетъ основная тенденція законодательства такой программѣ. Въ этомъ отношеніи, разумѣется, намѣченная программа тоже далеко не всюду принята въ качествѣ руководящаго начала для строительства страхового дѣла. Лишь въ СССР мы находимъ намѣтку всѣхъ видовъ страхованія въ законодательствѣ. Страховая же практика всѣхъ остальныхъ странъ страдаетъ отсутствіем одного или многихъ пунктовъ, соотвѣтствующихъ совершенно определенн. виду риска.

Теорія С. с., т. обр., исходитъ изъ построенія понятія риска, какъ понятія, объединяющаго всѣ виды риска по признаку потери пострадавшимъ возможности существовать своимъ трудомъ. Другими словами, рискомъ является необезпеченность, вытекающая для рабочаго непосредственно изъ утери имъ, по той или иной причинѣ (риску), возможности продавать свою рабочую силу. Нѣкоторые виды риска вытекаютъ изъ особенностей производственнаго процесса, т.-е. носятъ характеръ професcіон. риска, другіе вытекаютъ изъ факта эксплуатаціи труда капиталомъ и созданія для рабочихъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ для остальныхъ группъ населенія, условій существованія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, мы, однако, имѣемъ дѣло не съ продуктомъ техники производства, а съ условіями, создаваемыми общественными отношеніями, покоящимися на превращеніи труда въ товаръ. Поэтому всякій видъ риска, какова бы ни была его связь съ производственной техникой, является рискомъ соціальнымъ.

На различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическихъ отношеній дѣло

обезпеченія пострадавшихъ отъ этого соціальнаго риска необезпеченности строится по-разному, по мѣрѣ усложненія общественныхъ отношеній все болѣе приближаясь къ внѣдренію въ дѣло обезпеченія принципа коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе. Формы, въ которыя выливается обезпеченіе, соотвѣтствуютъ производственнымъ отношеніямъ. Для каждаго дифференцированнаго вида риска, въ конечномъ счетѣ, вырабатывается и соотвѣтствующій видъ обезпеченія, проводимаго въ формѣ страхованія, т.-е. въ формѣ образованія пропорціонально угрожаемости по риску и платежеспособности отдѣльнаго отвѣтвленія промышленности страховыхъ фондовъ. При этомъ отдѣльное существованіе различныхъ фондовъ страхованія (Германія, Англія) смѣняется единой организаціей страхового дѣла (Совѣтская Россія), съ раздѣленіемъ фондовъ по видамъ риска внутри этой послѣдней.

О современномъ положеніи дѣла С. с. и с. о. въ различныхъ странахъ см. циклъ *Рабочій классъ*.

В. Яроцкій.

Соціальные классы—это соціально-неравныя группы, на которыя распадается населеніе опредѣленной общественной формаціи въ своемъ общественно-трудовомъ процессѣ. Въ общественной жизни можно различать сложный рядъ различнаго рода массовыхъ образованій, сложный рядъ различнаго рода общественныхъ группъ. *Шеффле* различаетъ естественно-органическія массовыя образованія (семья, родъ, раса), земляческія или національно-территоріальныя, народно-хозяйственныя, религіозныя, партійныя и многія другія, при чемъ къ народно-хозяйственнымъ онъ относитъ сословныя и классовыя групповыя образованія. Въ соціально-экономической литературѣ нерѣдко понятія „соціальный классъ" и „сословіе" не различаются. Въ послѣднее, однако, время, при болѣе тщательномъ анализѣ понятій, стали проводить строгое разграниченіе, отличая классы и отъ сословій, и отъ кастъ, и отъ профессій. С. классъ—экономическая категорія, въ то время какъ сословіе—юридическая, а профессія—техническая. Современные классы *Шмоллеръ* считаетъ тѣми же сословіями, какъ они существовали и въ до-капиталистическомъ обществѣ, но освободившимися отъ правно-политическихъ различій и потерявшими характеръ наслѣдственнаго перехода изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ же какъ и сословное расчлененіе, классовое находитъ себѣ мѣсто лишь на опредѣленной ступени историческаго развитія общества. *Визе* считаетъ сословіе и классъ покрывающими другъ друга вплоть до появленія городского патриціата, когда аристократія и крупное земледѣліе впервые перестали совпадать одна съ другимъ, при чемъ толчкомъ обособленія сословія отъ класса послужило, по его мнѣнію, появленіе и образованіе денежнаго капитала. По *Ш. Жиду* классъ также—экономическая категорія, вызываемая къ жизни силою экономическихъ причинъ; касты же, напротивъ, возникаютъ на правно-политической и религіозной основѣ. Въ этомъ смыслѣ С. к.—историческая категорія, связанная лишь съ опредѣленной общественной формаціей. Въ проблемѣ С. к. спорнымъ является вопросъ объ основѣ, на которой происходитъ расчлененіе общества на классы, и въ связи съ этимъ спорно и самое опредѣленіе понятія С. к. Въ англійскомъ толковомъ словарѣ „новыхъ" словъ, составленномъ *Блаунтомъ* въ 1656 г., „классъ" опредѣляется, какъ „порядокъ или распредѣленіе населенія по различнымъ рангамъ". Такая же идея ранговъ въ опредѣленіи С. к. встрѣчается и въ „Dictionnaire" *Литтре*, который опредѣляетъ „классъ", какъ „ранги, установленные между людьми вслѣдствіе различія и неравенства ихъ условій". То же самое мы находимъ и у нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ писателей. Такъ, проф. *Г. Пешъ* подъ „соціальнымъ классомъ" понимаетъ ту или иную ступень ранга, имѣющагося внутри общества и основаннаго на томъ вліяніи, уваженіи и значеніи, которыми пользуется данный рангъ въ обществѣ, въ глазахъ сочленовъ общества, при чемъ основой образова-

нія той или иной ступени ранга могутъ быть, по его мнѣнію, или сила, или умственное и моральное превосходство, или размѣры богатства, причемъ эта основа различна въ различныя эпохи; при современномъ хозяйственномъ строѣ—это, главнымъ образомъ, богатство, размѣры владѣнія: С.к., говоритъ Пешъ, это различные ранги, которые образуются неравенствомъ общественныхъ отношеній и фактическими различіями между людьми. По *Лоренцу Штейну*, С. к.—это „совокупность тѣхъ, кто въ силу одинаковаго хозяйственнаго положенія занимаетъ одинаковое общественное положеніе“, при чемъ необходимымъ условіемъ существованія С. к. должно быть, по его мнѣнію, предварительное появленіе *сознанія* одинаковости хозяйственнаго положенія. Шеффле сводитъ понятіе С. класса къ „разслоенію по различію владѣнія или невладѣнія“. *Артуръ Бауеръ*, наоборотъ, понятіе С. класса соединяетъ съ понятіемъ профессіи: С. к., говоритъ онъ, это различныя группы, составляющія общество и включающія въ себя всѣхъ индивидовъ, которые „получили одинаковое образованіе, развились въ одинаковой средѣ, ведутъ одинаковый образъ жизни, имѣютъ одинаковыя привычки, одинаково чувствуютъ и мыслятъ и, наконецъ, одинаково поступаютъ при сходныхъ обстоятельствахъ“, проще говоря, С. к.—это группы лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же профессіи. Въ противоположность Бауеру, рѣзко разграничиваетъ С. к. отъ профессій *Ренэ Вормсъ*. Соціальный классъ заключаетъ въ себѣ, по его опредѣленію, всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ одному и тому же рангу, къ одной и той же соціальной ступенькѣ, какова бы ни была ихъ профессія; по Вормсу, С. классъ это совокупность индивидовъ, ведущихъ одинаковый образъ жизни и имѣющихъ, въ силу одинаковости своего положенія, одинаковыя стремленія и одинаковый образъ мыслей; раздѣляетъ этихъ индивидовъ на различныя группы не различіе профессій, а различіе въ рангахъ. Согласно Ш. Жиду, С. к.—это „всѣ тѣ объединенныя общностью интересовъ лица, которыя выступаютъ съ общими претензіями при распредѣленіи“. Равнымъ образомъ, отношенія распредѣленія, какъ опредѣляющіе признаки С. к., выдвигаетъ и *Туганъ-Барановскій*, опредѣляя С. классъ, какъ „общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи по отношенію къ общественному процессу присвоенія одними группами прибавочнаго труда другихъ группъ и, вслѣдствіе этого, имѣютъ общихъ антагонистовъ и общіе экономическіе интересы въ процессѣ общественнаго хозяйства“. *Лоріа* опредѣляетъ С. к. по тремъ слѣдующимъ признакамъ: 1) различіе источниковъ дохода, 2) антагонистическій характеръ ихъ, 3) различіе интересовъ. На иной основѣ стоитъ опредѣленіе С. к. у *Маркса* и его школы. Для Маркса, С. к.—соціально-производственная категорія, какъ и всякая иная экономическая категорія; классовыя различія онъ сводитъ къ различіямъ, покоющимся въ производственныхъ отношеніяхъ, къ различіямъ, вытекающимъ изъ характера или способа производства. Соціальные к.—говоритъ *Гентъ*, одинъ изъ сторонниковъ школы Маркса—это „совокупность такихъ лицъ, у которыхъ общія специфическія функціи и общіе интересы, и которые, поэтому, занимаютъ одинаковое положеніе въ данной экономической системѣ“. По *Бухарину*, классъ—совокупность людей, играющихъ сходную роль въ производствѣ, стоящихъ въ процессѣ производства въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, при чемъ эти отношенія выражаются также и въ вещахъ (средствахъ труда). Недостаточно разработаннымъ въ проблемѣ С. к. является и вопросъ о возникновеніи и образованіи С. к. Къ какой исторической эпохѣ въ развитіи человѣческаго общества можно отнести появленіе С. к., что дало толчокъ классовому расчлененію, какъ измѣнялись формы классоваго расчлененія въ различныя историческія эпохи—все это изслѣдовано до сихъ поръ недостаточно.

Говоря о *возникновеніи* С. к., нужно вообще сказать, что во всякомъ общеніи соединяетъ индивидовъ сходство,

а расчленяетъ различіе. Но всякое ли различіе между людьми, живущими въ общеніи, можетъ вызвать классовое расчлененіе? Очевидно, не всякое. Въ вопросѣ о возникновеніи С. к. рѣчь идетъ лишь о соціальныхъ различіяхъ, такъ или иначе возникшихъ между группами человѣческаго общенія, рѣчь идетъ о соціальной дифференціаціи. Вопросъ о возникновеніи С. к. сводится, такимъ образомъ, къ вопросу о зарожденіи соціальнаго. Въ зарожденіи и развитіи соціальности (общественности) *Лоренцъ Штейнъ* различаетъ три стадіи, которыя въ своемъ развитіи переживало человѣческое общеніе: первая стадія—это стадія естественнаго состоянія, status naturalis, періодъ стаднаго существованія человѣчества, когда не было ни права, ни нравственности, ни иного рода соціальности въ характерѣ общенія вообще; здѣсь нѣтъ и общественнаго производства, нѣтъ даже вообще производства, какъ таковаго; предметы потребленія берутся въ готовомъ видѣ, какъ ихъ даетъ сама природа; въ этой стадіи нѣтъ классовыхъ расчлененій, высшихъ и низшихъ, нѣтъ господства и подчиненія, нѣтъ отношеній зависимости, нѣтъ противоположностей; если и возможно здѣсь общеніе на почвѣ общаго суда, общаго поля брани, общихъ религіозныхъ обрядовъ, то все это носитъ характеръ случайности; переходнымъ моментомъ къ зарожденію соціальнаго и, такимъ образомъ, и классоваго служитъ вторая стадія; здѣсь на почвѣ обработки земли возникаетъ собственность, появляется индивидуальное владѣніе, но это—стадія равенства владѣнія, такъ какъ производительность труда ограничена лишь физическими силами, приблизительно одинаковыми у всѣхъ; отсюда всѣ владѣнія здѣсь равны; но уже возникаютъ группы, несущія отдѣльно отъ другихъ функціи (воины, жрецы, старѣйшины); хотя еще нѣтъ противоположности богатыхъ и бѣдныхъ, но элементы для борьбы между группами и для разложенія общины равныхъ уже даны; но соціальное неравенство и С. к. въ собственномъ смыслѣ возникаютъ лишь въ третьей стадіи, которая является стадіей неравенства владѣнія; здѣсь распредѣленіе различныхъ общественныхъ функцій сопровождается уже различіями въ размѣрахъ владѣнія, неравенствомъ владѣнія; здѣсь имѣются уже противоположности интересовъ; размѣры владѣнія здѣсь опредѣляютъ и степень общественнаго положенія; отсюда борьба, антагонизмъ, весь общественный порядокъ покоится на неравенствѣ распредѣленія; эта стадія общественнаго строя и есть стадія классоваго строя. Т. о., моментъ возникновенія С. к. Л. Штейнъ соединяетъ съ моментомъ образованія различій владѣнія, при чемъ, по его мнѣнію, послѣдняго рода образованіе можетъ быть трояким: или на почвѣ физическихъ, естественныхъ свойствъ индивидовъ или той или иной семьи; или на основѣ силы и насилія; или же, наконецъ, путемъ торгово-промышленной дѣятельности, при мѣновомъ хозяйствѣ. *Гумпловичъ* моментомъ возникновенія С. к. считаетъ моментъ появленія господства и подчиненія, т.-е. моментъ возникновенія рабства; съ этимъ моментомъ, по его мнѣнію, совпадаетъ и образованіе государства; господа и рабы—это первичное классовое образованіе, результатъ расовой гетерогенности и завоеваній. Шмоллеръ, напротивъ, классовое образованіе связываетъ не съ установленіемъ рабства, а выводитъ образованіе классовъ изъ условій неравенства внутренняго порядка—неравенства, порождаемаго внутри общества, независимо отъ факта рабства, въ силу возникновенія профессій и раздѣленія труда. Классовое расчлененіе Шмоллеръ устанавливаетъ для всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ осѣвшихъ на землѣ народовъ, пережившихъ строй кровнаго родства и систему родового быта. Мнѣніе Гумпловича поддерживаетъ Гентъ, считая форму рабства самымъ раннимъ проявленіемъ классоваго расчлененія, при чемъ Гентъ устанавливаетъ двоякій путь образованія С. к.: или мирный, или путь войны; въ первомъ случаѣ С. к.—слѣдствіе образованія индивидуальной собственности, во второмъ—результатъ завоеванія одного племени другимъ; съ паденіемъ феодализма классы транс-

формируются, идя навстрѣчу новымъ отношеніямъ. *А. Лоріа* моментомъ появленія классоваго неравенства считаетъ моментъ возрастанія населенія и начала обработки земель второсортнаго качества, съ пониженной плодородностью. Необходимость перехода къ обработкѣ такого рода земель, въ силу роста населенія, и создаетъ впервые неравенство. *Оверберіъ*, однако, не считаетъ возможнымъ точное установленіе момента образованія С. к. при современномъ состояніи научнаго знанія, хотя въ общихъ чертахъ этотъ моментъ, по его мнѣнію, есть моментъ образованія имущественнаго неравенства. Школа Маркса моментомъ образованія С. к. считаетъ моментъ образованія „избыточнаго продукта", что было возможно лишь при возросшей техникѣ, когда человѣкъ могъ произвести больше благъ, чѣмъ требовалось на возстановленіе потраченныхъ при производствѣ этихъ благъ силъ. Классовъ не могло быть, прежде чѣмъ человѣческая рабочая сила не была въ состояніи создавать больше, чѣмъ необходимо на содержаніе ея и на возстановленіе. Самъ Марксъ началомъ зарожденія С. к. считаетъ начало цивилизаціи, полагая, что съ началомъ ея и возникъ антагонизмъ, сдѣлавшій возможнымъ человѣческій прогрессъ („безъ антагонизма нѣтъ прогресса"). Такой именно моментъ возникновенія антагонизма, соціальнаго неравенства, *Энгельсъ* соединяетъ съ моментомъ разложенія первобытной общины; въ частности, моментомъ роста производительности труда, сдѣлавшаго возможнымъ существованіе неработающихъ группъ, Энгельсъ считаетъ возникновеніе ткачества и плавленія желѣзной руды. Послѣднее, однако, *Оверберіъ* подвергаетъ сомнѣнію, отмѣчая фактъ существованія народовъ, достигшихъ высокаго экономическаго развитія, переживших даже систему рабства, но не знавшихъ никакихъ желѣзныхъ орудій. Оверберіъ ссылается при этомъ на указанія историковъ, по даннымъ которыхъ у германцевъ существовало пользованіе каменными орудіями вплоть до VI—VII вѣка нашей эры, въ Ирландіи—до VII—IX, а въ Богеміи даже до X вѣка. Во всякомъ случаѣ, необходимо допустить, что С. к. существовали и въ до-капиталистическомъ обществѣ (античномъ и феодальномъ), такъ какъ соціальный антагонизмъ, соціальное неравенство, соціальная борьба—явленія, присущія самымъ отдаленнымъ временамъ человѣческаго общенія. Можно сказать, что С. к. существуютъ съ момента возникновенія рабства какимъ бы то ни было путемъ, но болѣе ясныя и болѣе опредѣленныя экономическія формы свои С. к. получили лишь въ капиталистическомъ обществѣ.

Проблема С. к. не сразу стала предметомъ научнаго вниманія. Сначала идея о С. к. возникла въ видѣ смутной, неясно сознаваемой идеи расчлененія общества на соціально-неравныя группы съ антагонистическими интересами, причины которыхъ не могли быть еще выяснены. Въ XIX в., ко второй половинѣ, эта идея находитъ, однако, себѣ уже богатое содержаніе, особенно въ ученіи соціалистической школы. Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ обостренія соціальной борьбы и роста соціально-научнаго познанія, проблема С. к. стала привлекать къ себѣ все больше и больше вниманія, и стали складываться уже болѣе или менѣе цѣльныя и стройныя ученія о С. к. Отсюда, въ ученіи о С. к. можно установить два періода: первый періодъ—до половины XIX в., когда проблема о С. к. еще лишь намѣчала свои контуры и все содержаніе знаній о С. к. сводилось, большею частью, лишь къ отрывочнымъ, отдѣльно высказываемымъ, мало связаннымъ взглядамъ, безъ сколько-нибудь глубокаго теоретическаго трактованія; второй періодъ—приблизительно со второй половины XIX вѣка, когда уже рѣзко и отчетливо выявился самый предметъ изслѣдованія, и когда ученія о С. к. въ передовыхъ странахъ могли претендовать на нѣкоторую уже систематичность и пріобрѣтали характеръ научно-теоретическихъ построеній. Въ первомъ періодѣ бросается въ глаза та своеобразная особенность исканій человѣческой мысли въ области проблемы о С. к., что эти исканія начинаются едва ли не съ колыбели человѣческой исторіи. Уже въ

миѳахъ и легендахъ можно установить, какъ интересуетъ человѣческую мысль тайна соціальнаго неравенства, при чемъ разгадка этого явленія дается здѣсь въ мистической формѣ, на религіозной основѣ; тайна соціальнаго неравенства здѣсь божественнаго происхожденія. Античное сознаніе ищетъ не столько разгадки классоваго расчлененія общества, сколько ограничивается установленіемъ и подчеркиваніемъ самаго факта существованія этого неравенства. У *Платона* идея С. к. находитъ свое выраженіе въ противопоставленіи богатыхъ и бѣдныхъ, находящихся во взаимной борьбѣ и антагонизмѣ, несмотря на ихъ совмѣстную жизнь въ одномъ государствѣ. У *Мененія Агриппы* идея С. к. точно такъ же сводится къ идеѣ противоположности богатства и бѣдности, противоположности интересовъ большинства и меньшинства, низшихъ и высшихъ: „Не только у насъ—говоритъ М. Агриппа—и не въ первый разъ бѣднота возстаетъ противъ богачей, низшіе противъ высшихъ, но, можно сказать, во всѣхъ государствахъ, какъ въ мелкихъ, такъ и въ крупныхъ, существуетъ враждебная противоположность между большинствомъ и меньшинствомъ“. Равнымъ образомъ, и римскій историкъ *Саллюстій*, по поводу симпатій низшихъ массъ народа къ революціоннымъ замысламъ Катилины, подчеркиваетъ, что „это направленіе вообще свойственно самой природѣ этого класса (т.-е. низшимъ слоямъ народныхъ массъ)“, что всюду неимущій относится къ собственнику съ завистью и недоброжелательствомъ, увлекается смутами, ненавидитъ существующее и стремится къ новымъ порядкамъ. Но дальше голаго констатированія факта соціальнаго неравенства, антагонизма и соціальной борьбы античная мысль не идетъ. Въ XVIII в., когда въ жизни общества нашелъ себѣ мѣсто рѣзкій процессъ отрыванія производителя отъ средствъ производства, идея о С. к. могла быть выдвинута болѣе опредѣленно. С этого времени въ передовыхъ странахъ стали появляться писатели, подходившіе уже болѣе углубленно къ вопросу о С. к.. Во Франціи среди нихъ могутъ быть отмѣчены: наканунѣ великой французской революціи—соціально-революціонные писатели—аббатъ Мелье, Мабли, философы и энциклопедисты—Вольтеръ, Рейналь, Дидро, Гельвецій; изъ физіократовъ—Кенэ, Тюрго, Неккеръ, и ихъ критикъ—Ленге; въ моментъ великой революціи—анонимные авторы „наказовъ отъ четвертаго сословія“, заговорившіе впервые о выдѣленіи рабочаго класса изъ 3-го сословія (брошюра „Бѣдняка“, „Наказы четвертаго сословія“ и др.); въ первой четверти XIX в.—историки французской революціи—Гизо, Минье, Ог. Тьери, подвергшіе разработкѣ едвали не впервые вопросъ о природѣ С. к. и ихъ возникновеніи въ новое время; далѣе, въ это же почти время и нѣсколько позднѣе—французскіе соціалисты-утописты (Сенъ-Симонъ, Анфантенъ, Консидеранъ и др.). Въ Англіи идея о С. к. не проявлялась въ столь яркой и красочной формѣ, какъ во Франціи, но зато здѣсь она была много глубже и болѣе содержательной. Среди англійскихъ писателей этого періода, положившихъ начало и давшихъ толчокъ ученію о С. к., могутъ быть упомянуты: въ XVIII в. анонимный авторъ памфлета „Въ защиту естественнаго общества“ (1756), за нимъ Р. Уоллесъ (1761); „отецъ“ политической экономіи—Адамъ Смитъ (1776), писатели-публицисты—Томасъ Пенъ, Джонъ Тэлюолъ, Томасъ Спенсъ; далѣе—т.-н. ранніе англійскіе соціалисты: Годвинъ, Холлъ, Равенстонъ, Томпсонъ, Грей, Ходжскинъ, Брей и др.; нѣсколько позднѣе писатели—вожди демократическаго движенія 30-хъ годовъ: Томасъ Этвудъ и Джемсъ Бронтерръ О'Бріенъ. Среди всѣхъ перечисленныхъ авторовъ наибольшее значеніе и вліяніе на послѣдующее развитіе проблемы С. к. имѣли взгляды Мелье, физіократовъ (Кенэ, Тюрго), Сенъ-Симона, французскихъ историковъ великой революціи, А. Смита и раннихъ англійскихъ соціалистовъ. Ограничимся, поэтому, изложеніемъ взглядовъ и идей по вопросу о С. к. лишь у этихъ послѣднихъ писателей.

Мелье въ своемъ „Завѣщаніи“ говоритъ о двухъ неравныхъ частяхъ, на которыя раскололось французское

общество его времени (1733); это, съ одной стороны, небольшая кучка богатыхъ и знатныхъ, съ другой—масса бѣдныхъ, попавшихъ подъ ярмо первыхъ; общественный строй, который приводитъ къ этому расчлененію населенія на такія неравныя и взаимно враждующія части, построенъ на основѣ собственности, послѣдняя—причина неравенства. Въ современномъ ему обществѣ Мелье видитъ два класса; къ одному принадлежатъ: короли и принцы, дворянство и духовенство, а также банкиры, откупщики и всѣ вообще богатые бездѣльники, существующіе съ своей дворней и лакеями на труды другого класса; второй классъ—это крестьяне; исторія возникновенія перваго класса есть исторія насилія, угнетенія и эксплуатаціи; первый классъ богатыхъ живетъ на труды другого класса; исчезновеніе неравенства, наступленіе „золотого вѣка"—лишь въ устраненіи частной собственности; благодаря послѣдней, вся жизнь есть непрерывная борьба. Въ противоположность революціонеру Мелье, физіократы не находили въ классовыхъ отношеніяхъ антагонизма; фактъ существованія классоваго расчлененія, напротивъ, они строили на основѣ естественнаго порядка и, поскольку не нарушался ничѣмъ послѣдній, на соціальной гармоніи; при этомъ у физіократовъ преобладала идея трехчленнаго дѣленія общества, идея трехъ классовъ. Эти три класса, по мнѣнію *Кенэ* и его школы, таковы: первый классъ—земельныхъ собственниковъ, это такой классъ, который въ производствѣ общественнаго продукта не несетъ никакого труда, но, въ силу права собственности и вложенныхъ въ землю собственныхъ затратъ, забираетъ себѣ весь чистый доходъ и поэтому свободенъ для функцій управленія, короче—это классъ „disponible"; второй большой классъ—земледѣльцы, классъ производящихъ чистый продуктъ (прибавочную цѣнность); это классъ „производительный", это, главнымъ образомъ, организаторы въ сельскомъ хозяйствѣ, капиталистическіе фермеры; третій классъ—это „безплодный" классъ; сюда Кенэ относитъ классъ наемныхъ работниковъ, классъ саларіата, который ничего не создаетъ новаго, а лишь перерабатываетъ уже созданное, торговцевъ, промышленниковъ, ремесленниковъ и вообще всѣхъ оплачиваемыхъ по найму (salariés). Рабочіе отъ хозяевъ-предпринимателей здѣсь еще не отличаются. Рѣзкаго обособленія здѣсь Кенэ еще не замѣчалъ. Все же Кенэ проводитъ уже различіе между сословнымъ строемъ и классовымъ, соціальнымъ. Сословное дѣленіе общества Кенэ всячески осуждаетъ, находя въ немъ тормозъ для развитія общественнаго строя, при которомъ предполагается политическое равенство каждаго и полнѣйшая свобода хозяйственнаго поведенія для всѣхъ. Нѣсколько иначе строитъ классовый раздѣлъ общества другой представитель физіократовъ—*Тюрго*. У него уже нѣтъ идеи гармоніи интересовъ между различными классами, какъ у Кенэ. У него также трехчленное дѣленіе и при этомъ похожее на схему Кенэ: 1) классъ праздныхъ людей, располагающихъ досугомъ; это классъ—disponible, классъ земельныхъ собственниковъ и собственниковъ капитала, отдаваемаго подъ проценты; 2) классъ „производительный", или классъ земледѣльцевъ и 3) классъ „непроизводительный", классъ занятыхъ въ ремеслѣ, мануфактурѣ и торговлѣ; каждый изъ двухъ послѣднихъ классовъ (второй и третій) Тюрго подраздѣляетъ на два различныхъ слоя, на два различныхъ порядка: во-первыхъ, на группу простыхъ рабочихъ, во-вторыхъ—группу предпринимателей-капиталистовъ; та и другая группа по своимъ интересамъ сходны, хотя и относятся къ различнымъ классамъ. У Тюрго, т. о., въ основѣ дѣленія общества на классы лежитъ собственно схема трехъ слѣдующихъ классовъ: 1) земельные собственники и рантье, 2) капиталисты-предприниматели, какъ въ земледѣліи, такъ и въ ремеслѣ, мануфактурѣ и торговлѣ, 3) рабочіе всѣхъ видовъ промысловой дѣятельности. Неудивительно, если у Тюрго идея гармоніи уже пропадаетъ. Съ новой, болѣе широкой точки зрѣнія подходитъ къ проблемѣ С. к. *Сенъ-Симонъ* (*см.*). Изучить любой соціаль-

ный строй и освѣтить соціальныя явленія онъ хочетъ исторически, разсматривая каждый строй въ данной, ему присущей, исторической обстановкѣ. Вообще, въ человѣческомъ обществѣ Сенъ-Симонъ находитъ два большихъ слоя: классъ имущихъ и классъ неимущихъ, между которыми „въ силу самой природы вещей“ всегда и неизбѣжно происходитъ борьба. Эти два образованія Сенъ-Симонъ развертываетъ въ три класса: первый классъ (идущій въ союзѣ съ неимущими)— ученые, артисты и всѣ вообще раздѣляющіе либеральныя идеи; это руководители и организаторы новаго общества; это классъ носителей новыхъ идей, долженствующихъ пересоздать современное общество; въ рукахъ этого класса—скипетръ общественнаго мнѣнія; второй классъ (имущихъ)—это классъ собственниковъ, это консерваторы со знаменемъ: никакихъ нововведеній; это—малочисленный классъ; третій классъ, обнимающій все остальное человѣчество—классъ неимущихъ; основнымъ признакомъ его является идея равенства. Отношенія между классами имущихъ и неимущихъ—отношенія господства и подчиненія. Причины происхожденія такихъ отношеній коренятся въ самой человѣческой психикѣ. Въ результатѣ этихъ отношеній—вражда, раздраженіе, борьба и отсюда всеобщее броженіе, кризисы и анархія. Впослѣдствіи Сенъ-Симонъ измѣняетъ свою конструкцію классовъ и приходитъ къ новому построенію. Въ „L'Organisateur“, „Systéme industriel“, Catéchisme des industriels“ у него два класса: командующихъ и подчиненныхъ. Эти два класса, антагонистическихъ по своей природѣ, по Сенъ-Симону, присущи не только современному обществу, но ихъ знаетъ и древнее время и средневѣковье; въ древнемъ Римѣ—это господа и рабы, при чемъ классъ господъ распадался на двѣ касты (сословія): патриціевъ и плебеевъ; въ средневѣковье, со времени Лютера, рабство постепенно исчезаетъ, изъ плебеевъ создается аристократія таланта и богатства, позднѣе выростаетъ денежный капиталъ и образовывается „буржуазія“, активно выступившая уже въ 1789 г.. Какъ на причины зарожденія классовъ Сенъ-Симонъ указываетъ, во-первыхъ, на завоеваніе одного народа другимъ, во-вторыхъ, на наступившее позднѣе развитіе обмѣна и денегъ, начавшееся съ крестовыхъ походовъ. Въ концѣ-концовъ, по мнѣнію Сенъ-Симона, каждая историческая эпоха имѣетъ свой особо складывающійся классовый строй; до великой революціи было три большихъ соціальныхъ класса: дворяне, буржуазія (городское сословіе) и промышленники, при чемъ дворяне были господствующимъ классомъ, а буржуазія и промышленники—подчиненнымъ; послѣ же революціи Франція раздѣлилась, думаетъ Сенъ-Симонъ, всего на два класса: на буржуазію, ставшую правящимъ классомъ, и классъ „промышленниковъ“, оставшійся подчиненнымъ. Но, намѣчая появленіе буржуазіи, какъ господствующаго класса, Сенъ-Симонъ не имѣлъ яснаго представленія о природѣ этого класса, такъ же какъ о новыхъ свершившихся послѣ революціи соціальныхъ передвиженіяхъ въ французскомъ обществѣ. Подъ „буржуазіей“ онъ разумѣлъ военныхъ не дворянскаго происхожденія, юристовъ, разночинцевъ и рантье, а подъ „промышленниками“—хлѣбопашцевъ, фабрикантовъ, купцовъ и рабочихъ. Распаденія общества на два полюса въ производственномъ отношеніи Сенъ-Симонъ не видѣлъ. Это было сдѣлано лишь позднѣе его учениками и послѣдователями (Анфантэнъ). Что касается историковъ великой фр. революціи (Минье, Гизо, О. Тьери, Луи-Бланъ), то нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что въ ихъ сочиненіяхъ содержится все, что можно сказать въ наше время о сущности и процессѣ образованія С. к. (Зомбартъ). Это мнѣніе, разумѣется, слишкомъ преувеличиваетъ заслуги французскихъ историковъ. Въ общемъ, однако, въ ихъ работахъ проблема С. к. расширяетъ свое содержаніе. *Минье* считаетъ 17 іюня 1789 г. моментомъ, когда во Франціи исчезъ сословный строй (духовенство, дворянство и среднее сословіе), смѣнившійся новымъ соціальнымъ строемъ. Новые классы рисуются Минье, однако, туманно. Подъ ними онъ разумѣетъ, собственно, различные ранги, на кото-

рые распалось новое общество, съ взаимно-противоположными интересами—тѣ соціально-правовые ранги, на которые распадались и сословія стараго режима и которые еще и въ прошломъ обнаруживались. Среди такого рода ранговъ Минье отмѣчаетъ три класса: 1) классъ привилегированныхъ, тянущихся къ старымъ сословнымъ привилегіямъ, 2) классъ буржуазіи, враждебно настроенный какъ по отношенію къ привилегированному классу, такъ и къ третьему классу, 3) „народная масса" (низшій классъ), выступающая съ своей особой системой отношеній. Классы Минье сводятся, т. о., къ дѣленію общества на аристократію, буржуазію и простонародье. Исторія послѣдняго—это исторія Жака Бонома. Но у Минье не было яснаго представленія ни о сущности буржуазіи, ни о томъ, что такое „народная масса". *Ог. Тьери* видитъ отношенія антагонизма какъ въ прошломъ—въ отношеніяхъ рабовъ и господъ, сеньёровъ и крестьянъ—такъ и въ настоящемъ, т.-е. въ пореволюціонномъ обществѣ. Но характеръ и природу антагонизма прошлаго и настоящаго, такъ же, какъ и характеръ соціальной борьбы въ старое время и теперь, онъ считаетъ далеко не одинаковыми: борьба въ старомъ обществѣ вела къ постепенному смягченію неравенства и имѣла благодѣтельное значеніе, въ то время какъ современная борьба—борьба разрушительная. Возникновеніе классовъ Тьери сводитъ къ расовымъ различіямъ и завоеваніямъ одного народа другимъ (господа и рабы, дворянство и крѣпостные), и лишь постепенно, въ феодальномъ уже строѣ, вырастаетъ третье сословіе, классъ буржуазіи, ставшій между господствующими и трудящимися и съ XII в. выступившій противъ феодаловъ. Въ „Исторіи третьяго сословія" О. Тьери даетъ подробный анализъ процесса превращенія стараго строя въ новый. Болѣе глубокое содержаніе идея С. к. находитъ себѣ у *Гизо*. Послѣдній находитъ въ человѣческомъ общеніи всѣхъ временъ три слѣдующаго рода соціально-неравныхъ образованія (класса): 1) людей, живущихъ отъ доходовъ съ собственности, не вкладывая при этомъ никакого труда, 2) людей, эксплуатирующихъ собственность и увеличивающихъ съ нее доходы посредствомъ приложенія и собственнаго труда, 3) людей, безъ всякой собственности, живущихъ лишь собственнымъ трудомъ. Возникаютъ эти состоянія, эти три класса (аристократія, буржуазія и народъ), по мнѣнію Гизо, въ силу опредѣленныхъ законовъ „естественно"; классовое разслоеніе—неизбѣжно, съ нимъ приходится мириться хотя бы путемъ компромиссовъ, если желать обезпечить соціальный миръ. *Луи-Бланъ* впервые пытается подвести подъ понятіе „народа"—пролетаріевъ, наемныхъ работниковъ, противопоставляя имъ буржуазію. Онъ все общество дѣлитъ на буржуазію и народъ (пролетаріевъ), при чемъ подъ буржуазіей разумѣетъ „совокупность гражданъ, которые, обладая орудіями труда или капиталомъ, работаютъ на счетъ своихъ собственныхъ ресурсовъ и лишь до извѣстной степени зависятъ отъ другихъ", а подъ „народомъ"—„совокупность гражданъ, которые, не обладая никакимъ капиталомъ, зависятъ отъ другихъ вполнѣ, даже и въ томъ, что касается элементарныхъ потребностей жизни". Между этими классами Л. Бланъ видитъ глубокій антагонизмъ, хотя и всегда замаскированный общими интересами. Даже въ идеологіи эти два класса приводятъ, по Л. Блану, къ двумъ противоположнымъ системамъ общественной мысли: индивидуализму и соціализму. Идею двухъ рѣзко противоположныхъ классовъ (буржуазія и пролетаріатъ) Луи-Бланъ не вездѣ, однако, выдерживаетъ. У него встрѣчается отождествленіе буржуазіи съ „среднимъ классомъ", что уже предполагаетъ и третью категорію высшаго класса (аристократію).

Что касается англійскихъ писателей, которые до половины XIX в. дали толчокъ развитію проблемы о С. к., то слѣдуетъ остановиться прежде всего на *А. Смитѣ*, экономистѣ-классикѣ, который въ „Богатствѣ Народовъ" развиваетъ идею трехчленнаго классоваго дѣленія общества. Въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ онъ находитъ три основныхъ класса: землевладѣль-

цевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Основой этого дѣленія для Смита послужило трехчленное же дѣленіе общественнаго (народнаго) дохода на земельную ренту, прибыль и заработную плату; общественный же (народный) доходъ Смитъ отождествлялъ съ общественнымъ продуктомъ. Руководящимъ для него въ данномъ случаѣ была общность и различіе источниковъ доходовъ. У Смита, т. о., преобладаетъ идея распредѣлительной основы С. к. Никакого углубленнаго анализа своимъ тремъ классамъ А. Смитъ, однако, не даетъ, говоря о нихъ лишь вскользь. Но идея трехъ классовъ, сведенная имъ къ тремъ источникамъ дохода, вошла въ политическую экономію со времени Смита и прочно оставалась въ ней до самаго послѣдняго времени. Труды писавшихъ позднѣе Смита раннихъ англійскихъ соціалистовъ по вопросу о С. к. имѣютъ гораздо большее значеніе сравнительно съ смитовскими взглядами. Всѣ они стоятъ на распредѣлительно-потребительной основѣ, находясь подъ вліяніемъ работы Колькюна (1814), пытавшагося дать картину распредѣленія національнаго дохода между различными классами англійскаго населенія. Въ своемъ трактатѣ о „Политической справедливости“ (1793) соціалистъ-инцивидуалистъ *Годвинъ* считаетъ С. к. продуктомъ института частной собственности, различая два такихъ класса: классъ богатыхъ и классъ бѣдныхъ; первые—это классъ правящихъ и командующихъ, вторые—угнетенныхъ и рабовъ; трудомъ вторыхъ создается національное богатство и производится національный доходъ, хотя они и обладаютъ въ послѣднемъ меньшею долей, чѣмъ первые; первые распоряжаются продуктомъ труда вторыхъ. Соціальное неравенство, думаетъ Годвинъ, есть результатъ скопленія собственности въ рукахъ немногихъ, что и дѣлаетъ изъ людей грубую массу, которой можно управлять, какъ простой машиной. Другой представитель ранняго англійскаго соціализма—*Ч. Холлъ* такъ же, какъ и Годвинъ, развиваетъ идею двухъ классовъ. Въ „The Effects of Civilisation“ (1805) онъ думаетъ, что „въ цѣляхъ изслѣдованія того, какимъ образомъ одни наслаждаются, а другіе лишены необходимаго для поддержанія жизни, нужно раздѣлять населеніе только на два класса, т.-е. богатыхъ и бѣдныхъ“. Холлъ ищетъ и основу существующаго между классами соціальнаго антагонизма и видитъ его въ экономическихъ отношеніяхъ; „каждый изъ класса богатыхъ—говоритъ онъ—можетъ разсматриваться, какъ покупатель, а каждый бѣднякъ, какъ продавецъ и, именно, продавецъ труда; въ интересахъ перваго—получить какъ можно больше труда отъ бѣднаго, а дать послѣднему за этотъ трудъ лишь ничтожную долю; отсюда... борьба классовъ“: хозяева-предприниматели стараются уменьшить долю трудового дохода, рабочіе, наоборотъ,—увеличить; въ смыслѣ результатовъ борьбы для рабочихъ Холлъ, при этомъ, пессимистъ. *Равенстонъ*, сторонникъ школы Годвина, въ книгѣ „A few doubls“ (1821) говоритъ уже о классѣ производительномъ и классѣ непроизводительномъ и ищетъ основу классовъ непосредственно въ производствѣ; „человѣческое хозяйственное производство“ онъ считаетъ главнѣйшею силою въ общественной жизни и поэтому онъ останавливаетъ все свое вниманіе на анализѣ капитала. Равенстонъ даетъ исторію присвоенія общественнаго продукта непроизводительнымъ классомъ и думаетъ, что эксплуатація класса классомъ всегда построена на насиліи, что экономическая сила всегда сопровождается политической. У Равенстона классовый антагонизмъ уже опредѣленно сводится къ противоположности между трудомъ и капиталомъ. За Равенстономъ выступаетъ *В. Томпсонъ*, съ книгой „The principles of the Distribution of Wealth“ (1824). У Томпсона съ опредѣленностью уже выступаетъ дѣленіе общества на капиталистовъ и рабочихъ. По Томпсону—это собственники капитала, съ одной стороны, и собственники рабочей силы, съ другой. Классовый антагонизмъ Томпсонъ обосновываетъ экономическими отношеніями и видитъ его въ антагонизмѣ образованія доходовъ отъ труда и капитала. Важнѣйшимъ факторомъ классовыхъ отношеній онъ считаетъ при этомъ отноше-

нія распредѣленія; система распредѣленія для него исходный пунктъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, Томпсонъ говоритъ и о „среднихъ классахъ“, возвращаясь къ идеѣ трехъ классовъ, выдвинутой физіократами и А. Смитомъ; на ряду съ дѣленіемъ общества на два класса (классъ капитала и классъ труда) онъ принимаетъ и трехчленный раздѣлъ на высшій классъ, средній и низшій (массы народа). *Джонъ Грей* трактуетъ о С. к. въ книгѣ „A Lecture on human hapiness“ (1825), не внося, однако, въ проблему ничего особеннаго, ничего новаго. Болѣе содержательнымъ является *Ходжскинъ*, въ книгѣ „Labour defended against the claims of capital“ (1825). Ходжскинъ занятъ анализомъ борьбы между трудомъ и капиталомъ, что способствуетъ ему въ выясненіи природы С. к. Онъ устанавливаетъ историческую преемственность между современнымъ рабочимъ и категоріей раба въ прошломъ и строго стоитъ за идею двухъ классовъ—капиталистовъ и рабочихъ, между которыми онъ абстрактно не находитъ ничего третьяго. Антагонизмъ классовъ и Ходжскинъ сводитъ къ экономической основѣ, формулируя ее, какъ экономическій законъ обратной зависимости между долей капитала въ національномъ доходѣ и долей рабочихъ или заработной платой. Ко взглядамъ Ходжскина близко стоитъ и *Брей* (1839).

Къ половинѣ XIX в., когда сложился уже значительный матеріалъ по вопросу о С. к., и когда развитіе капиталистическихъ отношеній выдвинуло для объекта изученія проблемы о С. к. болѣе ясныя очертанія, стали возникать и складываться уже болѣе или менѣе систематически разрабатываемыя *ученія о С. к.* Среди этихъ ученій къ нашему времени можно установить нѣсколько различныхъ основныхъ направленій. Эти направленія могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ, въ зависимости отъ того, что кладетъ то или другое ученіе въ основу образованія С. к.: А.—ученія о С. к. на не экономической основѣ, В.—ученія на смѣшанной основѣ и С.—ученія чисто экономическія.

А. Къ группѣ перваго рода ученій, базирующихся на внѣ-экономическихъ основахъ, относятся: 1) естественно-органическія ученія О. Аммона и Г. Спенсера, 2) расовая теорія С. к. Гумпловича, Ратценгофера и Лестера Уорда и 3) ученіе Шмоллера и Бауера на основѣ раздѣленія труда и образованія профессій.

1. Естественно-органическія ученія о С. к. видятъ причины образованія и развитія С. к. въ явленіяхъ или біоантропологическаго порядка (*О. Аммонъ*) или естественно-органическаго (*Спенсеръ*). О. Аммонъ близокъ ко взглядамъ, развиваемымъ Шеффле, Френсисомъ Гальтономъ. Собственные взгляды о С. к. О. Аммонъ развиваетъ, гл. обр., въ „Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen“ (1895). Человѣкъ, въ глазахъ О. Аммона, не только хозяйствующій индивидъ, homo economicus, но и „естественное существо“, одаренное опредѣленными способностями, врожденными при этомъ, безъ чего немыслима бы была, по его мнѣнію, общественная жизнь. Для объясненія явленій классоваго образованія и соціальнаго неравенства въ обществѣ Аммонъ вноситъ въ изученіе соціальныхъ явленій дарвиновскій принципъ борьбы за существованіе, принципъ естественнаго отбора и выживанія наиболѣе приспособляющихся. Классовыя образованія и классовая обособленность, по Аммону, и есть продуктъ этого естественнаго или, лучше сказать—„соціальнаго“ отбора, соціальной борьбы за существованіе, за соціальное приспособленіе. Самый фактъ классоваго или сословнаго образованія (между этими понятіями Аммонъ не дѣлаетъ никакого различія), самый фактъ соціальнаго расслоенія, по мнѣнію Аммона, имѣетъ для общественной жизни высочайшее значеніе, такъ какъ это явленіе обезпечиваетъ обществу движеніе впередъ, обезпечиваетъ возможность появленія болѣе одаренныхъ и талантливыхъ людей, предохраняя отъ смѣшенія или спариванія (т.-н. панмиксіи) индивидовъ высшаго порядка съ низшими, гарантируетъ чистоту воспитанія дѣтей высшихъ типовъ, охраняя ихъ отъ дѣтей низшихъ ранговъ населенія, вызываетъ соревнованіе между индивидами, развивая ихъ этимъ и толкая впередъ ихъ си-

лы и дарованія. Наличность въ обществѣ нѣкотораго количества геніевъ и талантовъ обязана, по мнѣнію Аммона, только классовому строю. Самый классовый строй, основанный на соціальномъ отборѣ, выживаніи болѣе способныхъ и вымираніи менѣе приспособленныхъ и негодныхъ къ жизни, самъ по себѣ представляется Аммону именно строемъ порядка дарованій и талантовъ, „развѣ лишь за немногими исключеніями". Прочность такого классоваго строя, построеннаго по дарованіямъ и талантамъ, обезпечена, по мнѣнію Аммона, тѣмъ, что геній и талантъ передаются по наслѣдству, какъ объ этомъ говоритъ Гальтонъ („Наслѣдственность таланта"). Устанавливая типы классовыхъ образованій, Аммонъ главное вниманіе обращаетъ на различія въ антропологическомъ строеніи индивидовъ, устанавливая три типа индивидовъ въ обществѣ: 1) типъ съ высшимъ антропологическимъ строеніемъ—это типъ длинноголовыхъ, высокорослыхъ, голубоглазыхъ, свѣтловолосыхъ, наиболѣе чистымъ выразителемъ котораго является германская раса; это наиболѣе талантливые и даровитые, наиболѣе способные, наиболѣе сильные и въ борьбѣ за существованіе занимающіе высшія ступеньки соціальной лѣстницы, оттѣсняя внизъ менѣе даровитыхъ, наиболѣе слабыхъ; 2) типъ съ самымъ низкимъ антропологическимъ строеніемъ—это круглоголовые, низкорослые, темноволосые и темноглазые; это типъ наименѣе талантливыхъ, наименѣе способныхъ и даровитыхъ, занимающихъ поэтому на соціальной лѣстницѣ самыя низшія ступеньки; 3) типъ смѣшанный, образовавшійся въ силу не легко предотвратимой панмиксіи, смѣшенія; антропологически это типъ съ нѣкоторыми чертами высшаго строенія, въ то же время удержавшій признаки и низшаго типа. Такъ какъ, по мнѣнію Аммона, наиболѣе талантливый и даровитый и наиболѣе приспособленный къ жизни и стоящій поэтому на высшихъ ступенькахъ соціальной пирамиды является, въ то же время, и наиболѣе образованнымъ (получить образованіе онъ имѣетъ полную возможность и способность), то Аммонъ къ своей главной основѣ классообразованія—различіе антропологическаго строенія —присоединяетъ и второй признакъ класса: различіе въ образованіи. Помимо этихъ двухъ признаковъ классоваго обособленія Аммонъ приводитъ и еще одинъ, тѣсно связанный съ первымъ и непосредственно вытекающій изъ главной основы С. к. (антропологическаго различія); это—матеріальное богатство. По Аммону, пирамида богатствъ строится на пирамидѣ способностей и дарованій: кто болѣе талантливъ, болѣе образованъ, болѣе даровитъ, тотъ въ силу характера самой борьбы за существованіе будетъ и болѣе богатъ; кривая таланта соотвѣтствуетъ кривой богатства. Отсюда различіе антропологическаго строенія, различіе въ образованіи и различіе въ обладаніи богатствомъ — вотъ характерные признаки, тѣсно и неразрывно взаимно обусловливающіе классовое обособленіе, признаки, на основѣ которыхъ происходитъ образованіе С. к., классовое разслоеніе общества. По этимъ признакамъ Аммонъ устанавливаетъ въ современномъ обществѣ три класса или сословія (какъ мы видѣли, это для него одно и то же): 1) высшее сословіе, обнимающее всѣхъ высоко образованныхъ людей—ученыхъ, чиновниковъ высшихъ ранговъ и другихъ лицъ, выдающихся по своему значенію — крупныхъ помѣщиковъ, крупныхъ коммерсантовъ, крупныхъ рантье, безразлично, будутъ ли всѣ такія лица имѣть передъ своею фамиліей приставку „фонъ" или нѣтъ; лица этого класса всѣ съ высшимъ образованіемъ, что Аммонъ считаетъ наиболѣе характернымъ, наиболѣе отличительнымъ признакомъ для высшаго класса; 2) среднее сословіе, обнимающее собою всѣхъ промышленниковъ, купцовъ, чиновниковъ средняго ранга; это всѣ тѣ, кого мы называемъ „въ собственномъ смыслѣ слова буржуазіей"; здѣсь отличительный признакъ — среднее образованіе; сюда же, въ видѣ исключенія, принадлежатъ и народные учителя, хотя бы и безъ средняго образованія; 3) низшее сословіе, низшій классъ—это рабочіе всѣхъ видовъ, чиновники низшаго

ранга, получившіе образованіе не выше народной школы; въ этомъ классѣ всегда имѣются два слоя, двѣ вѣтви: одна выше предѣльной границы соціальной годности, другая ниже и состоитъ изъ лицъ не только соціально-негодныхъ, но и соціально вредныхъ, къ которымъ относятся всѣ преступные элементы, всѣ отбросы общества, алкоголики, калѣки, неспособные и т. д.; въ этомъ же классѣ и крестьяне, хотя они, какъ кажется Аммону, нѣсколько и отличны отъ рабочаго сословія (класса). Въ подтвержденіе своего положенія о прямой зависимости между антропологическимъ строеніемъ индивида и его талантливостью и способностями, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе, Аммонъ ссылается на работы Гальтона о наслѣдственности талантовъ, на свои собственныя антропологическія изслѣдованія, произведенныя имъ въ Баденѣ среди дѣтей школьнаго возраста (1884—1894), а также на примѣры изъ исторіи: расцвѣтъ Рима, когда онъ былъ жизнедѣятеленъ и энергиченъ, его гибель, когда Римъ одряхлѣлъ и облѣнился и проч. Ученіе и идеи, развиваемыя Аммономъ, нашли себѣ, особенно въ Германіи, большое распространеніе, несмотря на ихъ научную несостоятельность. Лоріа въ „La Morphologie sociale“ называетъ эту теорію не имѣющей себѣ основаній претензіей богатыхъ классовъ на физическое и умственное превосходство, считая кривыя Аммона бездоказательными и указывая на примѣры Лютера — сына рудокопа, Канта—сына шорника и т. п. Научныя основы положеній Аммона крайне слабы. Ссылки на инстинкты не болѣе убѣдительны, чѣмъ и освѣщеніе природы С. к. ихъ божественнымъ происхожденіемъ. Въ отличіе отъ Аммона, Спенсеръ ищетъ основы зарожденія классовъ и классоваго разслоенія по аналогіи съ образованіемъ въ животномъ организмѣ тканей и слоевъ и отдѣльныхъ частей организма, которыя несутъ тѣ или иныя функціи. С. к., по *Спенсеру*, это тѣсно связанныя между собою части одного соціальнаго цѣлаго; каждый изъ классовъ можетъ быть уподобленъ тому или иному органу или той или другой части въ животномъ организмѣ, т.-к. каждый имѣетъ свои особыя, строго опредѣленныя функціи. Общая схема классоваго строенія въ обществѣ аналогична строенію животнаго организма. Классы возникаютъ и развиваются такъ же, какъ возникли и развивались слои у простѣйшихъ организмовъ, по мѣрѣ ихъ перехода отъ простѣйшаго къ болѣе сложному строенію. У простѣйшихъ организмовъ сначала всего два слоя—внутренній и внѣшній; внѣшнимъ слоемъ посредствомъ щупальцевъ животный организмъ разыскиваетъ и схватываетъ себѣ пищу; пойманная пища передается внутреннему слою, состоящему изъ пищеварительной полости, гдѣ выдѣляется особый растворитель для превращенія пищи въ годную для всасыванія массу. Въ дальнѣйшемъ, при развитіи организма два основныхъ слоя его усложняются въ своей конструкціи, каждый изъ нихъ разслаивается на особые слои; во внѣшнемъ слоѣ появляется скелетъ, нервно-мышечная система и проч., во внутреннемъ слоѣ —пищеварительный каналъ съ другими необходимыми органами внутренней полости; наконецъ, между усложненной первой и второй системами органовъ возникаетъ новый средній слой, помогая работѣ первыхъ двухъ и ихъ обслуживая; эта посредническая система при наиболѣе высокой ступени развитія животнаго организма превращается въ распредѣлительную систему—сложную систему кровеносныхъ сосудовъ, регулирующую правильность распредѣленія пищевыхъ веществъ („Основы соціологіи“, т. I). По мнѣнію Спенсера, подобное же мы видимъ и въ развитіи общественной жизни, въ развитіи классоваго разслоенія. У совершенно недифференцированныхъ племенныхъ образованій мы не находимъ обособленія функцій, у болѣе развитыхъ племенъ находимъ классъ господъ, выполняющихъ въ лицѣ воиновъ оборонительныя функціи, а равнымъ образомъ и наступательныя, и классъ рабовъ съ функціей, направленной на поддержаніе жизни сначала господъ, а потомъ и собственной; особенно сильно общество дифференцируется съ переходомъ

къ земледѣльческому состоянію, когда функціи рабовъ и господъ опредѣленно обособляются. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, въ высшемъ классѣ (господъ) и низшемъ (рабовъ) совершается внутренняя дифференціація, появляются новыя разслоенія и распаденіе по различнымъ рангамъ и ступенямъ; низшій классъ распадается на крестьянъ и свободныхъ, высшій — на группы болѣе привилегированныхъ и менѣе. Пока еще низшій и высшій слои сносятся другъ съ другомъ путемъ непосредственнаго соприкосновенія, они обходятся безъ посредниковъ. Но впослѣдствіи возникаетъ обмѣнъ, образуется особый слой съ распредѣлительными, посредническими функціями. Въ развитомъ обществѣ Спенсеръ находитъ три крупныхъ общественныхъ класса: 1) низшій классъ, функціи котораго—оперативныя, функціи поддержанія жизни общества путемъ добыванія матеріаловъ для пищи и изготовленія ея; это классъ физическаго труда и распадается на два слоя—добывающихъ и обрабатывающихъ; 2) средній классъ, функціи котораго аналогичны функціямъ системы кровеносныхъ сосудовъ въ животномъ организмѣ; это—мѣновыя функціи; это слой занятыхъ доставкой всякаго рода предметовъ посредствомъ покупки ихъ и продажи; 3) высшій классъ—классъ контролирующій, регулирующій, направляющій; это классъ правящій, господствующій. У Спенсера ссылка на развитіе животнаго организма, въ смыслѣ картины образованія въ немъ различныхъ слоевъ, имѣетъ характеръ лишь аналогіи. Въ соціальной жизни Спенсеръ считаетъ причиной соціальной дифференціаціи не естественно-біологическій принципъ, а войну, повѣдшую къ установленію рабства. Съ этого момента дана первая простѣйшая форма соціальнаго разслоенія. Дальнѣйшій процессъ разслоенія—появленіе крѣпостничества. Послѣднее Спенсеръ выводитъ не изъ рабства, путемъ постепеннаго его перерожденія, а изъ завоеванія одного народа другимъ и именно путемъ присоединенія въ цѣломъ видѣ чужихъ областей; отсюда крѣпостничество—это, по Спенсеру, рабство земледѣльческой ступени развитія общества. Спенсеръ останавливается и на исторіи образованія различныхъ слоевъ и группъ среди высшего класса, идущаго вплоть до отрыванія нѣкоторыхъ группъ отъ высшего класса, превращенія ихъ сначала въ свободныхъ, но мало имущихъ или неимущихъ, потомъ полусвободныхъ и, наконецъ, в слугъ у своихъ господъ. Не и аналогіей одной Спенсеръ не ограничиваетъ своего анализа С. к. Соціальное неравенство, разъ образовавшееся, онъ считаетъ доходящимъ до такой высокой степени, что оно превращается уже въ неравенство физическое, неравенство въ тѣлосложеніи, такъ какъ классовое неравенство сопровождается неравенствомъ имущественнымъ, а послѣднее ведетъ къ различію въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищѣ, во всемъ укладѣ жизни, а вмѣстѣ съ темъ выростаютъ, по мненію Спенсера, резкія различія и въ тѣлесной природѣ людей, принадлежащихъ къ различнымъ соціальнымъ классамъ; люди высшаго правящаго класса выше ростомъ, плотнѣе и физически стройнѣе, чѣмъ рабочіе, какъ думаетъ Спенсеръ, а сложившееся физическое превосходство у высшихъ классовъ переносится изъ рода въ родъ. За физическими различіями, по мнѣнію Спенсера, идутъ и различія въ привычкахъ, различія эмоціональныя и интеллектуальныя. Для индустріальнаго строя Спенсеръ ослабляетъ силу вліянія на образованіе С. к. фактора завоеванія, думая, что въ индустріальномъ обществѣ устанавливаются особыя классовыя дѣленія, базирующіяся на различіяхъ въ пригодности къ выполненію тѣхъ или иныхъ функцій. Въ чемъ состоитъ и къ чему сводится эта „пригодность", объ этомъ Спенсеръ, однако, не говоритъ.

2. Расовая теорія С. к. считаетъ основой классообразованія расовыя различія, различія не столько антропологическаго строенія, сколько именно этническую гетерогенность, приводившую въ исторіи всегда и всюду къ борьбѣ расъ, которая и привела къ соціальному неравенству и къ классовому разслоенію. Наиболѣе яркимъ выразителемъ и творцомъ этой теоріи

является *Л. Гумпловичъ*, развивавшій свои взгляды на проблему С. к., гл. обр., въ своемъ изслѣдованіи „Der Rassenkampf“ (1883). Центральнымъ пунктомъ въ зарожденіи классоваго разслоенія Гумпловичъ считаетъ присущую человѣчеству, въ силу характера самаго происхожденія человѣка, этническую (расовую) гетерогенность. Человѣчество произошло, по мнѣнію Гумпловича, вовсе не отъ одного корня, не отъ одной пары (Адама и Евы), а отъ большого числа прародительскихъ паръ или человѣческихъ ордъ, которыя образовались въ разное время, въ разныя эпохи въ самыхъ различныхъ частяхъ земли. Вслѣдствіе этого нашло себѣ мѣсто безчисленное количество различныхъ племенъ, и соціальная эволюція, по мнѣнію Гумпловича, шла не по пути къ дифференціаціи и развѣтвленіямъ, а, наоборотъ—къ все большей и большей агломераціи и интеграціи. Этническая гетерогенность, существующая между первобытными ордами и различными образованіями, приводила къ войнамъ между ними и къ завоеваніямъ; въ результатѣ же войнъ возникали отношенія господства и подчиненія, а это приводило къ рабству и крѣпостничеству и, т. о., создавало С. к., соціальное неравенство. Во всякомъ обществѣ Гумпловичъ находитъ три класса: дворянъ, буржуазію (торгово-промышленное бюргерство) и крестьянство. Два крайнихъ соціальныхъ класса—дворянство и крестьянство—это всюду этнически чуждыя между собою и противостоящія другъ другу, враждебныя, чужеродныя племенныя образованія, вошедшія въ соприкосновеніе другъ съ другомъ на началахъ господства и подчиненія въ результатѣ войны; это—побѣдители и побѣжденные. Что касается средняго класса—буржуазіи, то и относительно послѣдней Гумпловичъ настаиваетъ на ея этнически гетерогенномъ образованіи; первоначально третье „сословіе“ всюду, по мнѣнію Гумпловича, это „гости“, иностранцы, иноземные купцы; впослѣдствіи они укрѣпляютъ свое положеніе и входятъ въ качествѣ средняго класса, являясь въ результатѣ мирнаго образованія. Соціальный классъ представляется Гумпловичу, т. о., просто соціальной группой, объединенной общностью происхожденія, имѣющей интересы, противоположные другимъ группамъ, при чемъ эта противоположность — противоположность господства и подчиненія, что получилось въ силу расовой гетерогенности, столкновенія и борьбы. Близокъ къ Гумпловичу по своимъ взглядамъ на проблему С. к. и *Ратценгоферъ* въ „Die soziologische Erkenntniss“ (1898), который также отрицаетъ возможность соціальной дифференціаціи внутри однородной по расовому или племенному составу орды. По его мнѣнію, соціальныя разслоенія появляются въ обществѣ лишь послѣ того, какъ однородныя племена или примитивныя родовыя образованія раскалываются, отдѣляются одно отъ другого, попадаютъ въ различныя условія и, т. о., отчуждаются и обособляются и при передвиженіи въ поискахъ за пищей сталкиваются, какъ чуждые и враждебные элементы; побѣдители становятся господами, побѣжденные—рабами; соціальное неравенство дано этимъ въ соединеніи двухъ зародышевыхъ клѣточекъ, двухъ монопластидъ; въ дальнѣйшемъ, съ возникновеніемъ государства, появляются новыя соціальныя разслоенія сословнаго порядка (династія, дворянство, духовенство, военное сословіе, среднее сословіе, рабочіе); всѣ эти образованія въ каждомъ государствѣ сводятся, по Ратценгоферу, къ тремъ главнымъ: 1) группѣ привилегированныхъ, 2) среднему сословію и 3) не владѣющимъ ни правами, ни имуществомъ, ни политическимъ вліяніемъ. Таково же и ученіе *Лестера Уорда* (въ „Pure Sociology“ (1903) и въ рядѣ статей „Американскаго Журнала Соціологіи“). Уордъ всецѣло примыкаетъ къ идеѣ Гумпловича о борьбѣ расъ; столкновеніе расъ приводитъ неизбѣжно, по его представленію, къ формамъ рабства; побѣжденная раса и раса - побѣдительница, живя въ соприкосновеніи одна съ другой, въ одномъ обществѣ, не могутъ, однако, ассимилироваться, благодаря враждѣ, ненависти, презрѣнію; отношенія существуютъ лишь въ формѣ подчиненія грубой силѣ; это приводитъ къ *кастовому* строю. Классы Уордъ выводитъ

изъ разложенія родовой общины, которая классовъ не знаетъ. Зарожденіе С. к. онъ видитъ въ образованіи и развитіи кастъ. Раса завоевателей—это высшая каста, побѣжденныхъ—низшая, при чемъ между ними скоро выростаетъ, въ силу требованій жизни, промежуточная каста; высшая дифференцируется, разлагаясь на касту жрецовъ и касту воиновъ; промежуточная тоже растетъ, складываясь изъ наиболѣе образованныхъ элементовъ какъ высшей касты, такъ и низшей, и завѣдываетъ матеріальнымъ производствомъ новаго общества; низшая же раса несетъ за всѣхъ работу или въ качествѣ касты рабовъ, или въ качествѣ касты ремесленниковъ, распадающейся точно такъ же на рядъ подкастъ и гильдій съ наслѣдственнымъ характеромъ. Изъ такого рода кастъ и выросли, по мнѣнію Уорда, С. к., которые мы находимъ во всѣхъ странахъ; „современные классы—это модернизированныя касты"; но, такъ какъ касты—это продуктъ завоеванія и борьбы расъ, то отсюда и классы покоются на расовомъ принципѣ, при чемъ низшія расы становятся „низшими", въ представленіи Уорда, не какъ таковыя, а лишь въ силу собственнаго пораженія въ борьбѣ съ „высшими", и это „низшее" состояніе имѣетъ лишь искусственный характеръ. Въ общемъ, Уордъ считаетъ, что органическій процессъ и надъ-органическій въ принципѣ идентичны и различны лишь въ методѣ, что процессъ классообразованія совершается въ силу однихъ и тѣхъ же законовъ, какъ и звѣздная система, что законы здѣсь и тамъ одни и тѣ же. Этимъ послѣднимъ расовая теорія Уорда не далеко уходитъ отъ естественно-органическихъ теорій Аммона и Спенсера, нося въ себѣ тѣ же элементы естественно-органическаго обоснованія и воспринимая вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ слабыя стороны такого рода построеній.

3. Ученіе, построенное на основѣ раздѣленія труда и профессій, принадлежитъ *Шмоллеру* и *А. Бауеру* (A. Bauer). Шмоллера интересуетъ проблема С. к. больше съ соціально-политической стороны, поскольку она помогаетъ разрѣшенію „соціальнаго вопроса". Больше всего въ этой проблемѣ онъ отводитъ мѣста вопросу объ образованіи С. к. (въ своемъ „Die Thatsachen der Arbeitsteilung" и „Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung", Schm. J. 1889 и 1890). Подъ образованіемъ С. к. Шмоллеръ разумѣетъ разложеніе общества на группы, сословія и классы, въ которые соединяются индивиды, образуя болѣе или менѣе открытыя или совершенно замкнутыя единицы, на основѣ не родства или сосѣдства, а на основѣ общей профессіи, трудовой дѣятельности, владѣнія, образованія, иногда только политическаго и правового положенія. С. к., по Шмоллеру, возникаютъ съ момента разложенія родовой общины, съ раздѣленіемъ труда и образованіемъ профессій. Пока группы, на которыя распадается общество, различны въ правовомъ отношеніи, и различіе ихъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе наслѣдственно, они являются „сословіями". Въ настоящій же моментъ они обозначаются, какъ „классы", такъ какъ они уже освободились теперь отъ правно-политическихъ различій и лишились характера наслѣдственнаго перехода. Изъ множества факторовъ, вліяющихъ на образованіе С. к., Шмоллеръ останавливаетъ вниманіе на трехъ основныхъ: раса, раздѣленіе труда и образованіе профессій, а равнымъ образомъ и неравномѣрное распредѣленіе доходовъ. Изъ всѣхъ этихъ причинъ классообразованія Шмоллеръ за важнѣйшую считаетъ раздѣленіе труда. Расовому фактору онъ придаетъ большое значеніе, но думаетъ, что образованіе классовъ находитъ себѣ мѣсто и тамъ, гдѣ нѣтъ гетерогенности расъ. Различіе же въ доходахъ Шмоллеръ считаетъ слѣдствіемъ раздѣленія труда и образованія профессій. Самый процессъ образованія С. к. на основѣ раздѣленія труда Шмоллеру рисуется въ слѣдующемъ видѣ: появленіе профессій и раздѣленіе труда создаетъ въ каждой отдѣльной профессіи, въ каждой спеціальности особыя разновидности въ народномъ характерѣ, передающіяся по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; вмѣстѣ съ этимъ создаются и рѣзкія различія и расхожденія въ способѣ жизни и въ усло-

віяхъ самого труда; эти различія не стираются, несмотря на соприкосновеніе и общеніе однѣхъ профессій съ другими; въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ прогрессированія раздѣленія труда, въ каждой отрасли дѣятельности вырабатывается специфическая духовная и физическая приспособленность, которая передается отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе; даже нервы, мышцы, мозгъ и кости въ концѣ-концовъ приспособляются къ опредѣленной той или иной дѣятельности; отсюда, думаетъ Шмоллеръ, въ соотвѣтствующихъ кругахъ вырабатывается опредѣленный видъ привычекъ, воспитанія, образованія, нравственности, что закрѣпляется въ тотъ или иной опредѣленный соціальный типъ; этотъ типъ выростаетъ въ соотвѣтствующія характерныя классовыя очертанія, создающіяся и благодаря естественному отбору, и въ силу приспособленія и наслѣдственной передачи; пока господинъ и рабъ дѣлали одну и ту же работу, вели одинаковый образъ жизни, до тѣхъ поръ между ними не существовало никакихъ классовыхъ противоположностей: соціальныя противоположности были вызваны лишь въ силу появленія профессій и раздѣленія труда и создавшихся, благодаря этому, различій; правда, не всякое раздѣленіе труда, по Шмоллеру, является классообразующимъ, но лишь такое, которое имѣетъ крупный масштабъ, широко захватываетъ жизнь народа и глубоко проникаетъ въ нее. Въ современномъ обществѣ Шмоллеръ видитъ три основныхъ С. к.; это—аристократія, средній классъ (народъ) и низшій классъ, іерархически связанные одинъ съ другимъ, каждый съ различной степенью политической силы и власти и, кромѣ того, каждый съ различной оцѣнкой въ общественномъ мнѣніи; въ связи съ этой оцѣнкой классы расположены по извѣстнымъ рангамъ; эти ранги могутъ быть различны для однихъ и тѣхъ же классовъ въ различныя эпохи: на первомъ мѣстѣ могутъ стоять то духовенство, то воины, то дворяне, то промышленники, въ зависимости отъ характера эпохи. Эту классовую іерархію, эти соціальные ранги Шмоллеръ считаетъ „психологическою необходимостью всѣхъ временъ“ и придаетъ ей огромное соціальное значеніе, полагая, что полное соціальное равенство было бы смертью для общества, такъ какъ для человѣка не было бы точекъ высшаго достиженія, если бы не было налицо соціальной лѣстницы съ различными ступеньками; Шмоллеру представляется соціальное неравенство необходимымъ явленіемъ, необходимымъ для прогресса, для развитія культуры. Особенно высокую роль въ классовомъ строѣ онъ придаетъ аристократіи, отъ господства демократіи онъ ждетъ лишь разрушенія культуры и полагаетъ, что плохая аристократія лучше отсутствія аристократіи. Шмоллеръ въ данномъ случаѣ сторонникъ идеи соціальнаго отбора, выживанія сильнѣйшаго путемъ вытѣсненія имъ слабѣйшаго, т.-е., сторонникъ идей Аммона, Гальтона, Гобино, Лапужа и проч. Для Германіи своего времени Шмоллеръ даетъ четыре класса въ зависимости отъ характера хозяйственной дѣятельности, размѣровъ имущества и доходовъ и, наконецъ, соціальнаго положенія; это—1) высшій первый классъ (родовая, служилая и денежная аристократія) съ доходомъ отъ 8—9000 марокъ въ годъ и имуществомъ выше 100.000 марокъ; здѣсь крупные земельные собственники, крупные предприниматели, высшіе чиновники, рантье, видные художники, врачи и проч.—всего $^1/_4$ милл. семей; 2) высшій средній классъ—съ доходомъ 2700—8000 марокъ, или съ имуществомъ въ 60.000—100.000 м.; здѣсь средніе землевладѣльцы и предприниматели, большая часть чиновниковъ, многія изъ лицъ либеральныхъ профессій; число всѣхъ ихъ для 1895 года—$2^3/_4$ милл. семей; 3) низшій средній классъ—съ доходомъ отъ 1800—2700 м., съ нѣкоторымъ собственнымъ имуществомъ; это всѣ самостоятельно ведущіе дѣло мелкіе хозяева, мелкіе крестьяне, мелкіе торговцы, мелкіе ремесленники, заводскіе мастера, наиболѣе высоко оплачиваемые рабочіе; число ихъ для 1895 г. $3^1/_4$ милл. семей; 4) четвертый низшій классъ—лица съ доходомъ ниже 1800 марокъ въ годъ; здѣсь наемные рабочіе, многіе изъ низшихъ чиновниковъ, бѣд-

нѣйшихъ ремесленниковъ и наибѣднѣйшихъ мелкихъ крестьянъ; число ихъ—5¼ милл. семей. Въ 1904 году, въ своемъ „Grundriss" Шмоллеръ это четырехъклассовое расчлененіе германскаго населенія представляетъ въ видѣ пяти классовъ: 1) классъ крупныхъ предпринимателей, 2) классъ среднихъ предпринимателей, 3) классъ мелкихъ предпринимателей, куда относится и крестьянство, и ремесленники, и мелкіе торговцы, 4) классъ крупныхъ чиновниковъ, лицъ либеральныхъ профессій, низшихъ чиновниковъ, частнослужащихъ, 5) классъ рабочихъ, живущій наемнымъ трудомъ. Значительное вниманіе въ ученіи о С. к. Шмоллеръ отдаетъ и вопросу о борьбѣ классовъ и классовомъ господствѣ, о классовомъ антагонизмѣ и мѣрахъ для его смягченія, возлагая въ послѣднемъ пунктѣ большія надежды на монархическую власть. Шмоллеръ, т. о., идеологъ аристократіи. Въ смыслѣ обоснованности своихъ основныхъ положеній ученіе Шмоллера не блещетъ строгостью аргументаціи и опредѣленностью. Особенно неяснымъ у Шмоллера является понятіе раздѣленія труда; то у него это просто техническое раздѣленіе труда; то это различное общественное положеніе, занимаемое той или иной группой. Слабо обосновано у Шмоллера и положеніе его о наслѣдственной передачѣ профессіональныхъ навыковъ и профессіональной приспособленности мышцъ, нервовъ, костей и мозга. Особенно много возраженій встрѣтило положеніе Шмоллера о томъ, что имущественное различіе есть результатъ различія профессій. *Бюхеръ* указываетъ, что въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное; различіе въ имуществѣ и доходахъ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда; появленіе въ средніе вѣка профессій свои корни имѣетъ въ неравномъ распредѣленіи имущества; появленіе торговаго класса, рабочихъ, оторвавшихся отъ земли и проч., по *Бюхеру*, слѣдствіе имущественныхъ измѣненій, а не наоборотъ.

Близко къ Шмоллеровскому ученіе о С. к. Артура Бауера, развиваемое имъ въ „Les classes sociales" (1902). И Бауеръ подходитъ къ выясненію основъ С. к., подобно Шмоллеру, путемъ психологическимъ. Всякое занятіе, говоритъ онъ, налагаетъ на человѣка опредѣленный отпечатокъ, отражаясь на физіономіи, манерахъ себя держать, способѣ жизни, образѣ мыслей и дѣйствій. Поэтому у лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же профессіи, вырабатывается одинаковый кругъ поведенія. Создается опредѣленный типъ, какъ физическій, такъ и моральный, съ особой психикой, вкусомъ, характеромъ, желаніями, вѣрованіями. Эти типы и есть соціальные классы. Въ современномъ обществѣ Бауеръ находитъ такихъ общихъ типовъ, т.-е. соціальныхъ классовъ всего 14, при чемъ первыхъ семь изъ нихъ онъ считаетъ правящими классами, а вторыхъ семь подчиненными Эти 14 классовъ слѣдующіе: 1) законодатели, 2) судьи, 3) представители государства и его главы, 4) представители исполнительной власти, 5) армія, 6) представители духовной власти и 7) руководящая интеллигенція: учителя, журналисты, ученые и проч.; изъ второй группы (управляемыхъ)—8) классъ крестьянъ, 9) рабочіе, 10) предприниматели, 11) торговцы и финансовые дѣльцы, 12) лица, занятыя въ транспортѣ, 13) пауперы, 14) преступные элементы. Схема Бауера достаточно ясно вскрываетъ всю шаткость основы классоваго расчлененія по признакамъ различія профессій: по этому признаку ему приходилось относить въ одну группу и рабочихъ и предпринимателей, и богатыхъ и бѣдныхъ, и высшихъ и низшихъ, не говоря уже о томъ, что совершенно непонятнымъ остается, почему армія и интеллигенція попадаетъ въ группу правящихъ, а финансовые промышленные дѣльцы и предприниматели въ группу подчиненныхъ.

В. Среди ученій о С. к. на смѣшанной основѣ заслуживаютъ вниманія: 1) ученіе Зомбарта, которое можно формулировать, какъ теорію „историческихъ наслоеній", 2) теорія ранговъ, принадлежащая Ренэ Вормсу и Пешу, и 3) теорія Standard of life (Д'Этъ и Деканъ). 1. Каждый С. к., по *Зомбарту*, это такая общественная группа, которая является представи-

тельницей какой-либо опредѣленной системы хозяйства, воплощая въ себѣ послѣднюю и продолжая существовать и при новой хозяйственной системѣ. С. к. выражаютъ собою ту или иную систему хозяйства или прошлаго, или настоящаго, или будущаго. Если исчезаетъ система хозяйства, то ея духъ, ея идея остается и при новой системѣ, воплощаясь въ опредѣленномъ, оставшемся отъ прежняго времени, слоѣ, продолжающемъ жить, приспособляясь къ новымъ формамъ общественнаго хозяйства. Зомбартъ отмѣчаетъ слѣдующія хозяйственныя системы: въ прошломъ — феодально-земледѣльческую съ системой ремесленнической организаціи, въ настоящемъ—систему капиталистическую и въ будущемъ—соціалистическую. Отсюда, по Зомбарту, въ современномъ обществѣ можно вскрыть 4 С. к.: 1) дворянство или феодальную аристократію — группу, оставшуюся отъ прошлаго, съ идеями, связанными съ хозяйствомъ феодально-земледѣльческой эпохи, 2) буржуазію—это группа, представляющая собой современное капиталистическое хозяйство, 3) мелкую буржуазію или мѣщанство — это отживающая ремесленная организація, 4) пролетаріатъ—представитель будущаго зарождающагося хозяйственнаго строя—соціальнаго. До 19 вѣка было, по Зомбарту, два основныхъ С. к.: феодальные землевладѣльцы съ ихъ зависимыми и крѣпостными и ремесленники съ учениками и подмастерьями; со второй половины 19 в. возникаетъ новое общество съ двумя новыми классами: буржуазіей и пролетаріатомъ, но въ новомъ обществѣ остаются и старые С. к., при чемъ даже до конца 19-го в. и крестьянство, и дворянство мало измѣнились въ своемъ составѣ: въ Германіи же дворянство особенно живуче и политически мощно (союзъ аграріевъ). Въ общемъ, по Зомбарту, классовыя отношенія къ XX в. не упростились, какъ думалъ Марксъ, а, наоборотъ, еще больше усложнились. 2. Своеобразное ученіе о С. к., какъ объ особаго рода соціальныхъ рангахъ, развиваетъ *Ренэ Вормсъ* въ „Philosophie des sciences sociales“ (1907), придавая изученію проблемы С. к. большое научное значеніе и требуя для разработки этой проблемы созданія особой соціально-научной дисциплины, подъ названіемъ хотя бы „соціальной гистологіи“, по аналогіи съ естественными науками. Вормсъ разсматриваетъ классовое расчлененіе общества вмѣстѣ съ профессіональнымъ расчлененіемъ, но требуетъ строгаго разграниченія профессіональной группировки отъ классовой. Въ каждой профессіи Вормсъ находитъ различные по соціальному положенію слои: высшій, средній и низшій; эти слои какъ бы разсѣкаютъ пирамиду профессіональнаго раздѣла поперечными, горизонтальными линіями. Въ профессіи, напр., лицъ, занятыхъ въ индустріи, имѣются и хозяева, и рабочіе, и мастера; среди военной профессіи—группы офицерства, унтеръ-офицеры и солдаты; въ профессіи чиновниковъ — группы высшихъ чиновъ, напримѣръ, директора департаментовъ, столоначальники, и низшіе служащіе, курьеры и проч. Отрѣзъ изъ всѣхъ высшихъ слоевъ и составитъ одинъ С. классъ, высшій рангъ; такой же отрѣзъ по средней линіи даетъ средній классъ; низшіе слои всѣхъ различныхъ профессій составятъ низшій рангъ или низшій классъ. Классъ, слѣдовательно, это всѣ тѣ, кто принадлежитъ къ самымъ различнымъ профессіямъ, но находится въ одномъ и томъ же рангѣ, на одной и той же соціальной ступенькѣ. Въ кастовомъ строѣ классъ совпадаетъ, думаетъ Вормсъ, съ профессіей, такъ, наприм., было съ индійскими кастами: жрецы, воины, земледѣльцы, ремесленники—это въ то же время и касты брахмановъ, кшатріевъ, вайшья, шудры. Какое же содержаніе вкладываетъ Вормсъ въ понятіе соціальнаго ранга? На этотъ вопросъ яснаго отвѣта мы не находимъ: различіе ранговъ у Вормса сводится то къ различію въ степени престижа, то это различные размѣры богатства, то еще шире. Эта неясность понятія с. ранга и отсюда неопредѣленность характеризующихъ его признаковъ являются слабою стороной въ ученіи Вормса. Близки къ Вормсу взгляды на природу С. к. Пеша, Леона Пирара, Ландтмана. 3. Къ третьей группѣ ученій, стоящихъ на смѣшанной основѣ, принадлежатъ попытки *Д'Эта* и *Декана* понять клас-

совое разслоеніе общества на основѣ опредѣленнаго уровня жизни, который усвоенъ данной соціальной группой. Д'Этъ думаетъ, что современная соціальная жизнь, благодаря ряду экономическихъ и политическихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ за послѣднее время, настолько дифференцировалась, что обычное трехчленное дѣленіе общества на классы (аристократія, рабочій классъ и торгово-промышленный) уже не годится: и рабочій классъ распался на нѣсколько группъ, и торгово-промышленный классъ выдѣлилъ изъ себя рядъ группъ, далеко неодинаковыхъ соціально, и кромѣ того создался за это время особый классъ изъ лицъ либеральныхъ профессій и спеціалистовъ въ разныхъ областяхъ. Въ виду этихъ измѣненій Д'Этъ пытается основой С. к. взять „standard of life". Для Англіи такихъ уровней жизни онъ беретъ семь, какъ типическихъ, разбивая все англійское общество на семь различныхъ С. к., при чемъ въ каждой группѣ Д'Этъ отмѣчаетъ особенности въ размѣрахъ бюджета, въ жилищѣ, въ характерѣ занятій и въ соціальныхъ привычкахъ и образованіи. Къ первому классу (A) онъ относитъ люмпенъ-пролетаріатъ, ко второму (B) неквалифицированныхъ рабочихъ, къ третьему (C) квалифицированный трудъ, къ четвертому (D)—мелкихъ хозяевъ (мелкихъ лавочниковъ, торговцевъ, коммерческихъ агентовъ и проч.), къ пятому (E) классъ мелкихъ промышленниковъ, къ шестому (F) лицъ свободныхъ профессій и высшій чиновничій персоналъ, къ седьмому (G) классъ состоятельныхъ (богатыхъ). Анализъ Д'Эта углубляетъ Поль Деканъ, видоизмѣняя группы Д'Эта и сводя ихъ всего къ пяти классамъ: I) низшій классъ, II) низшій средній, III) средній, IV) высшій средній и V) высшій классъ. Особенности каждаго класса подмѣчены Деканомъ очень тонко и даютъ въ общемъ богатый матеріалъ для изученія соціальной картины англійскаго населенія, но большой теоретической цѣнности эти двѣ попытки не представляютъ.

C. Группа ученій о С. к. на экономической основѣ можетъ быть разбита на двѣ части: ученія на распредѣлительной основѣ и ученія на производственной основѣ. Распредѣлительныя теоріи С. к. едва ли не самыя распространенныя: и физіократы, и соціалисты-утописты, и А. Смитъ ближе всего стояли къ той идеѣ, что классовое расчлененіе имѣетъ основой своей распредѣлительныя отношенія. Распредѣлительныя теоріи распадаются на двѣ группы, въ зависимости отъ того, исходятъ ли онѣ просто изъ различій въ размѣрахъ богатства (теоріи богатства) или же изъ различій въ источникахъ доходовъ, на которые живетъ тотъ или иной классъ. Къ первой группѣ (на основѣ богатства) принадлежатъ ученія Л. Штейна, Шеффле, Бюхера, Оверберга; ко второй (на основѣ источниковъ дохода)—ученія, развиваемыя Лоріа, Ш. Жидомъ, Туганъ-Барановскимъ. *Лоренцъ Штейнъ* едва ли не впервые подошелъ къ проблемѣ С. к. съ попыткою научнаго обоснованія и всесторонняго изученія. Въ своей „System der Staatswissenschaft" всю первую часть ученія объ обществѣ (весь второй томъ) онъ посвящаетъ изслѣдованію о „Понятіи общества и ученіи объ общественныхъ классахъ". До французской революціи Л. Штейнъ видитъ лишь сословный строй (дворянство, духовенство и третье сословіе), но французская революція привела, по его мнѣнію, къ новому обществу, къ классовому обществу съ двумя основными соц. классами: буржуазіей и пролетаріатомъ. Характеризуя С. к. новаго общества, Л. Штейнъ считаетъ размѣры владѣнія или даже самый фактъ владѣнія или невладѣнія важнѣйшей основой, на которой возникаютъ, по его мнѣнію, и развиваются С. к.; на идеѣ владѣнія онъ строитъ объясненіе противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ. Значительное вниманіе Л. Штейнъ останавливаетъ на вопросѣ о возникновеніи С. к. (см. выше), выдвигая идею о трехъ состояніяхъ (стадіяхъ) общественнаго развитія. Особое вниманіе Л. Штейнъ удѣляетъ и вопросу о среднемъ классѣ, съ понятіемъ котораго онъ соединяетъ какъ признакъ владѣнія такъ и признакъ трудовой дѣятельности. Отсюда, согласно Л. Штейну, средній классъ выступаетъ защитникомъ какъ труда, такъ и капитала, и,

въ то же время, въ роли примирителя при возрастаніи соціальныхъ противорѣчій. Особенную роль Л. Штейнъ придаетъ среднему классу, поскольку послѣдній является не столько *экономическимъ*, сколько *общественнымъ*. Эта идея выдѣленія особой категоріи общественныхъ классовъ на ряду съ категоріей экономическаго класса — одна изъ своеобразныхъ идей Штейна. Матеріальное различіе (размѣры владѣнія) приводитъ, по его мнѣнію, къ различіямъ и высшаго порядка: къ различію въ области духовной жизни и соціальныхъ функцій; на основѣ послѣдняго рода различій и создается понятіе общественнаго класса. Ученіе о С. к. *Бюхеръ* развиваетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Возникновеніе народнаго хозяйства", доказывая, гл. обр., положеніе, что соціальная дифференціація покоится на различіяхъ имущественнаго характера. Бюхеръ насчитываетъ до 6—8 „соціально-профессіональныхъ" классовъ въ современномъ обществѣ, но какіе именно это классы объ этомъ нигдѣ не останавливается. Болѣе разработаннымъ является ученіе о С.к. у *ванъ-Оверберга* („La classe sociale", 1903), который даетъ содержательный разборъ и критику ученій о С.к. французскихъ соціологовъ, Шеффле, Бюхера, Шмоллера, Ш. Жида, а также школы Маркса; при этомъ Овербергъ считаетъ проблему С.к. не экономической, а соціологической. Основу С. к. онъ видитъ въ фактѣ собственности на средства производства или отсутствія ея. Отсюда у него три класса: буржуазія—классъ собственниковъ капитала, пролетаріатъ—классъ лицъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ рабочей силы—и средній классъ—классъ лицъ, обладающихъ и небольшимъ капиталомъ и собственной рабочей силой. Такое трехчленное дѣленіе Овербергъ предпочитаетъ смитовскому и думаетъ, что оно установлено было К. Марксомъ. Съ послѣднимъ онъ не соглашается лишь въ вопросѣ объ исчезновеніи среднихъ классовъ. На ряду съ экономической основой С. к. (размѣры владѣнія) Овербергъ выставляетъ и юридическую или политическую, считая характерной чертой для С. к. и различія въ рангѣ и престижѣ. Съ каждымъ изъ С. к. Овербергъ соединяетъ опредѣленныя функціи, экономическія и соціальныя. Экономическая функція рабочаго класса—оперативная (вкладывать въ производство рабочую силу), буржуазіи—регулятивная—организовывать и управлять фондомъ средствъ производства, средняго класса—посредничество между рабочими и буржуазіей и увеличеніе интенсивности труда въ производствѣ. Соціальная функція С. к.—это функція руководительства соціальной жизнью общества. Эта функція, по мнѣнію Оверберга,—принадлежность высшаго класса. Свою основу классоваго расчлененія—размѣры богатства—Овербергъ не проводитъ до конца, считая за такую же основу расу и раздѣленіе труда (вслѣдъ за Шмоллеромъ). Въ концѣ-концовъ ученіе Оверберга не отличается строгой послѣдовательностью и опредѣленностью. Многое остается у него совершенно не выясненнымъ: наприм., почему средній классъ способствуетъ увеличенію интенсивности труда. Вторая группа распредѣлительныхъ теорій основу С. к. видитъ не въ размѣрахъ богатства, а въ источникахъ дохода, т.-е. не въ количественной сторонѣ распредѣлительныхъ отношеній, а въ качественной. Наиболѣе виднымъ сторонникомъ этой основы является *Ахиллъ Лоріа* (гл. обр., въ „La Morphologie sociale", 1905). Лоріа развиваетъ идею двухъ основныхъ классовъ: буржуазіи—класса, который живетъ, не работая, и пролетаріата — класса, который работаетъ, не живя. Самый фактъ классоваго разслоенія имѣетъ историческое значеніе: это результатъ историческихъ причинъ, которыя въ извѣстный историческій моментъ неизбѣжно исчезнутъ. Возникновеніе С. к. Лоріа ставитъ въ связь съ появленіемъ частной собственности на землю и исчезновеніемъ свободныхъ земель. С. к. существуютъ, какъ думаетъ Лоріа, поскольку существуютъ два различныхъ источника дохода — заработная плата и прибавочная цѣнность. Эти источники создаютъ два большихъ историческихъ класса — рабочихъ не собственниковъ и не работающихъ собственниковъ. На ряду съ этими классами Лоріа различаетъ еще два переходныхъ класса: это—мелкіе собствен-

ники и самостоятельные ремесленники. Каждый изъ классовъ въ свою очередь распадается на подъ-классы. Если прежде С. к. были закрытыми, съ юридическими перегородками, отдѣлявшими ихъ одинъ отъ другого, то классы новаго общества—безъ этихъ юридическихъ перегородокъ. Разложеніе дохода на различные источники Лоріа считаетъ причиной возникновенія С. к., отмѣчая три слѣдующихъ существенныхъ черты, характеризующихъ понятіе С. класса: 1) различіе источниковъ дохода, 2) антагонистическій ихъ характеръ и 3) различіе интересовъ. Близокъ къ идеямъ Лоріа *Ш. Жидъ*, устанавливающій пять слѣдующихъ С. к.: А) классъ активныхъ капиталистовъ (источникъ дохода—прибыль), Б) классъ пассивныхъ капиталистовъ или рантье (источникъ дохода—процентъ), В) классъ самостоятельныхъ производителей (крестьяне, ремесленники, мелкіе торговцы и проч., а также лица либеральныхъ профессій), источникъ дохода смѣшанный, Г) классъ наемныхъ рабочихъ (источникъ—заработная плата) и Д) классъ государственныхъ чиновниковъ и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ (получающихъ свою долю въ общественномъ доходѣ въ формѣ жалованья),—а также и *Туганъ-Барановскій*, который разлагаетъ современное общество на три „основныхъ" класса (1. аристократія—землевладѣльцы, 2. буржуазія—капиталисты и 3. пролетаріатъ—рабочіе) и пять „крупныхъ", изъ которыхъ первыхъ три это тѣ же категоріи основныхъ классовъ, и кромѣ того дополнительные: 4. классъ мелкой буржуазіи и 5. классъ крестьянства.

Производственная теорія С. к. основу С. к. видитъ не въ отношеніяхъ распредѣленія, а въ отношеніяхъ производства. Весь анализъ о С. к. здѣсь ведется съ точки зрѣнія производственнаго момента. Представители этой теоріи—сторонники школы *Маркса*. Производственная теорія С. к. развита наиболѣе всего у самихъ основоположниковъ марксизма (у Маркса и Энгельса), а также у нѣкоторыхъ изъ учениковъ Маркса. Среди послѣднихъ можно отмѣтить *Гента*, спеціально останавливающагося на проблемѣ о С. к. въ книгѣ „Moss and class", который типическими классами, стоящими на двухъ крайнихъ полюсахъ, считаетъ два класса: 1) классъ наемныхъ рабочихъ-производителей и 2) классъ капиталистовъ-предпринимателей, но конкретно для Америки онъ считаетъ необходимымъ расчлененіе американскаго населенія на пять классовъ. Для Маркса С. к.—это прежде всего экономическая категорія; С. к. могли возникнуть только на экономической почвѣ: „массу населенія превратили въ рабочихъ прежде всего экономическія условія" (Марксъ). Основа же всякой экономической категоріи — производственная. Отсюда „всякаго рода классовыя различія, говоритъ Марксъ, покоятся на производственныхъ отношеніяхъ".Измѣненія въ классовомъ строеніи общества—измѣненія въ способѣ производства. С. к. для Маркса—историческая категорія. Характерная черта классовыхъ отношеній—ихъ антагонизмъ, вытекающій изъ антагонизма производственныхъ отношеній, антагонизмъ между накопленнымъ и непосредственнымъ, живымъ трудомъ. Источникъ дохода для Маркса, слѣдовательно,—производный, второстепенный признакъ, вытекающій изъ отношеній производства. Гдѣ антагонизмъ, тамъ и борьба. Отсюда борьба классовъ—идея, проходящая черезъ все ученіе Маркса. Помимо антагонизма и борьбы, характерной чертой классовыхъ отношеній Марксъ считаетъ и отношенія господства и подчиненія. Для Маркса существуютъ вообще только два исходныхъ пункта: капиталисты и рабочіе. Капиталисты и рабочіе—единственные функціонеры, по словамъ Маркса, и факторы производства. Отсюда, два основныхъ класса: классъ капитала и классъ труда. Смитовскую формулу трехъ классовъ Марксъ не считалъ годной для теоретическаго анализа общества. Классы Марксъ считаетъ присущими не только капиталистическому обществу: они были извѣстны и античному и феодальному производству. Но анализъ свой С. к. Марксъ производитъ лишь для капиталистическаго общества, выросшаго на развалинахъ феодализма. Для этой эпохи онъ даетъ блестящій историче-

скій очеркъ возникновенія и роста буржуазіи вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала и образованіемъ рабочаго класса, выроставшаго по мѣрѣ отрыванія мелкаго производителя (главнымъ образомъ крестьянина) отъ орудій производства (I т. „Капитала“). Содержательный историко-социологическій анализъ С. к. даетъ и Энгельсъ. Такъ же, какъ и Марксъ, онъ возникновеніе С. к. считаетъ продуктомъ измѣненія способовъ производства, при чемъ въ общей формѣ идею двухъ классовъ Энгельсъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ историческаго развитія общества, начиная съ возникновенія цивилизаціи. Эти два класса—классъ эксплуатирующій и эксплуатируемыхъ, классъ господствующій и классъ управляемыхъ; въ раннюю эпоху—это рабовладѣльцы и рабы; позднѣе—феодалы и крестьяне; въ новое время—капиталисты и рабочіе. Значительное вниманіе удѣляетъ Энгельсъ вопросу объ образованіи С. к. (въ „Происхожденіи семьи, частной собственности и государства“).

Литература: *Ammon Otto*. „Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen.“ Jena. 1896; *Dr. Karl Bücher*. „Arbeitsgliederung u. sociale Klassenbildung,“ IX гл. изъ „Die Entstehung d. Volkswirtschaft.“ 4-te Aufl. 1904. Tübingen (есть русскій перев.); *Dr. L. von Wiese*. „Standesentwicklung u. Klassenbildung. Vortrag“. 2—Aufl. 1906. *Его же*. „Zur Grundlegung d. Gesellschaftslehre.“ Jena. 1906; *Dr. Ludwig Gumplowicz*. „D. Rassenkampf. Soziologische Untersuchungen“. Innsbruck. 1883; *Werner Sombart* „D. deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Sahrhundert“. Berlin. 1909, 17-я гл.: „Die sozialen Klassen“; *Его же*. „D. moderne Kapitalismus“ I т., 28 гл. Leipzig. 1902 (есть русскій перев.); *Kautsky, K*. „Klasseninteresse—Sonderninteresse—Gemeininteresse.“ Die N. Zeit. 21 Jahrg., Bd. 2, № 34 (есть русск. перев.); *H. Pesch*. „Lehrbuch d. Nationalökonomie.“ Freiburg im Breisgau. 1909. Zweiter Band, § 7 (есть богатая библіографія вопроса); *Dr. Schäffle*. „Bau u. Leben d. sozialen Körpers.“ 1 B. 1896 (2 изд.); *Gustav Schmoller*. „Grundriss d. Volkswirtschaftslehre“ („D. gesellschaftliche Klassenbildung“), 1901. Leipzig; *Его же*. „D. Wesen d. Arbeitsteilung u. d. sozialen Klassenbildung.“ Schmoller's Jahrbuch. 1890, Erster Heft; *L. Stein*. „System d. Staatswissenschaft.“ Erster B. 1852 und Zw. Band. 1856 („Die Gesellschaftslehre. D. Begriff d. Gesellschafts u. d. Lehre von d. Gesellschaftsklassen“. 1856; *Его же*. „D. Sozialismus u. Communismus d. heutigen Frankreichs.“ Leipzig. 1842; *Friedrich Engels*. „Ursprung d. Familie, d. Privateigentums u. d. Staates“. 2 изд. 1888 (есть русск. перев.);—*Arthur Bauer*. „Les classes sociales. Analyse de la vie sociale“. Paris. 1902; *René Worms*. „Philosophie d. sciences sociales.“ Paris. 1907; *Maurice Halbwachs*. „La klasse ouvrière et les niveaux de vie.“ Paris. 1913; *Paul Descamps*. „La Hièrarchie des classes en Angleterre.“ Paris. 1911 (въ „La Science sociale“); *Achille Loria*. «La Morphologie sociale». 1905 и «Les Bases économiques de la constitution sociale“. Paris. 1893; *Cyr van Overbergh*. „La closse sociale.“ Bruxelles. 1905; *Picard Roger*. „La théorie de la lutte des classes à la veille de la révolution Française.“ Revue d'économie politique. 1911, № 5; *Fahlbeck Pontus*. „Les classes sociales“. Bulletin de l'Inst. intern. de Stat. t. XVIII, 1-re livraison. 1909;—*W. J. Ghent*. „Mass and class. A. survey of social divisions.“ New-York. 1904; *Lester F. Ward*. „Social classes in the light of modern sociological theory.“ (Amer. Journal of Sociology. Vol. XIII); *D'Aeth G. G.* „Present tendencies of klass differentiation“ (The Sociological Review, vol. III, № 4, 1910).—*А. Богдановъ*. „Эмпиріомонизмъ“ Кн. III. Б. Классы и группы. СПБ. 1906: *Ю. Делевскій*. „Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи.“ СПБ. 1910; *Викторъ Черновъ*. „Соціалистич. этюды.“ М. 1908; *М. Туганъ-Барановскій*. „Что такое общественный классъ?“ („Міръ Бож.“, 1904,1); *Его же*: „Основы политич. экономіи“ СПБ. 1911; *Его же*: „Теоретич. основы марксизма“. СПБ. 1905; *С. Солнцевъ*. „Общественные классы.“ Петр. 1923 (2 изд.); *Н. Бухаринъ*. „Теорія историческаго матеріализма.“ М. 2 изд. 1921 (гл. VIII).

С. Солнцевъ.

Соціальный рискъ, см. *соціальное страхованіе.*

Соціальный романъ, см. *романъ.*

Соціальныя болѣзни, см. *соціальная гигіена,* XLI, 15/32.

Соціальныя науки, см. *соціологія.*

Соціологія. Такъ называется наука, которая изучаетъ общественную жизнь, взятую въ цѣлостномъ соотношеніи ея явленій, и устанавливаетъ и выясняетъ ея закономѣрности. Самое названіе С., Sociologie, представляетъ собой варварское смѣшеніе латин. слова socio, sociare (входить въ общеніе, въ союзъ) или socius (со-общественникъ) съ греческ. словомъ λόγος (слово, ученіе). Это варварское названіе означаетъ ученіе объ общеніи людей или науку объ обществѣ и о человѣкѣ, какъ объ общественномъ существѣ, какъ о со-общественникѣ или socius'ѣ, какъ выражаются новѣйшіе американскіе соціологи. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что опредѣленіе С., какъ особой общественной науки, до сихъ поръ еще окончательно не установлено. Существуетъ много различныхъ опредѣленій С., что, конечно, свидѣтельствуетъ о далеко не одинаковомъ пониманіи С. различными представителями этой науки. Такъ, одни понимаютъ С., какъ науку объ общественной жизни, взятой во всемъ многообразіи ея явленій, и очень часто расширяютъ это пониманіе С. до того, что начинаютъ отождествлять С. со всей совокупностью общественныхъ наукъ, опредѣляя С., какъ обществовѣдѣніе или обществознаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, или же опредѣляютъ ее, какъ философію обществен. наукъ. Другіе, наоборотъ, ограничиваютъ С. изученіемъ общества, его структуры, функцій, изученіемъ развитія общества или даже изученіемъ

однѣхъ лишь формъ общенія людей. При этомъ одни сближаютъ С. съ біологіей, другіе — съ психологіей, третьи—съ этикой, четвертые готовы отождествлять ее съ философіей исторіи, съ исторіей культуры, антропогеографіей и проч. Одни считаютъ С. наукою конкретной и описательной, другіе—наукою абстрактною и теоретическою. Одни говорятъ о соціальной физикѣ и механикѣ, статикѣ и динамикѣ, другіе—о соціальной анатоміи и физіологіи. Третьи, ограничивая С. изученіемъ явленій общенія, имѣютъ въ виду не только общества людей (антропо-соціологія), но и общества животныхъ (зоосоціологія), общества растеній (фито-соціологія) и говорятъ даже объ обществахъ небесныхъ тѣлъ (космо-соціологія), имѣя въ виду различныя системы небесныхъ тѣлъ.

Само собою разумѣется, что все это множество различныхъ пониманій С. объясняется какъ различными условіями развитія С., такъ и различными стремленіями ея обоснователей. Разобраться должнымъ образомъ въ этомъ смѣшеніи понятій можно, лишь зная исторію развитія С. и условія происхожденія ея различныхъ направленій.

1. *Происхожденіе С., краткая исторія ея развитія и ея главнѣйшія направленія.* Начало С. обыкновенно связываютъ съ именемъ Огюста Конта, который далъ С. ея варварское названіе. Но на самомъ дѣлѣ даже и самъ Контъ, весьма несклонный умалять свои заслуги въ дѣлѣ обоснованія С., приписывалъ себѣ лишь опредѣленное построеніе этой науки и совершенно правильно велъ ея происхожденіе отъ Аристотеля, считая въ числѣ позднѣйшихъ ея родоначальниковъ и Монтескьо и Кондорсе, которыхъ онъ называлъ своими знаменитыми предшественниками.

Аристотель, дѣйствительно, съ полнымъ правомъ можетъ считаться истиннымъ родоначальникомъ С. Не-даромъ одинъ изъ новѣйшихъ, извѣстныхъ американскихъ соціологовъ, проф. С. въ Миссур. унив. Чарльзъ Эллвудъ, призываетъ всѣхъ соціологовъ вернуться къ Аристотелю и принять его соціологическое ученіе за исходную точку развитія С. „Главная цѣнность изученія Аристотеля для новѣйшаго соціолога“, говоритъ проф. Эллвудъ, „заключается въ самомъ методѣ Аристотеля. Методъ Аристотеля былъ методъ реалистическій и индуктивный, а духъ его истинно философскій, свободный отъ условностей и односторонностей. Аристотель всегда старался мыслить, исходя изъ данныхъ опыта, стремясь къ общимъ выводамъ. Онъ основывалъ свои заключенія на всѣхъ имѣвшихся научныхъ данныхъ“. Свидѣтельствомъ этому можетъ служить знаменитая „Политика“ Аристотеля. Она не что иное, какъ сводка научныхъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи того громаднаго соціологическаго матеріала, который представляютъ собой 158 научныхъ монографій, составленныхъ Аристотелемъ и его учениками и посвященныхъ изслѣдованію исторіи развитія самыхъ различныхъ, извѣстныхъ Аристотелю, политическихъ обществъ классическаго міра. Аристотелемъ, дѣйствительно, былъ вполнѣ усвоенъ аналитическій методъ изслѣдованія соціальныхъ явленій. Не-даромъ въ своей „Политикѣ“ онъ писалъ: „Какъ въ другихъ областяхъ знанія, такъ и въ области политической науки, сложное (*σύνϑετον*) необходимо всегда разлагать на простые элементы или наименьшія части цѣлаго“ (*Πολιτικων, A. I*). Не въ меньшей степени былъ свойственъ Аристотелю и эволюціонный методъ. Аристотель говорилъ: „Тотъ, кто разсматриваетъ вещи въ ихъ происхожденіи и развитіи (*ἐξ ἀρχῆς φυόμενα*), все равно, будетъ ли то политическое общество или что-нибудь другое, можетъ лучше всего судить о нихъ (*κάλλιστ' ἂν οὕτω θεωρήσειεν*) (*Πολιτικων A, § 2*). Вся „Политика“ Аристотеля, поскольку онъ выясняетъ въ ней смѣну политическихъ системъ и формъ извѣстными измѣненіями въ соотношеніи общественныхъ классовъ, измѣненіями формъ классоваго господства, представляетъ собою примѣненіе своего рода діалектическаго метода къ изученію развитія общественныхъ формъ. Его „Политика“ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая С. Она заключаетъ въ себѣ общественно-групповое соціологическое истолкованіе политической

жизни и одновременно является первымъ научнымъ трактатомъ о классовой борьбѣ. Опредѣляя современную ему гражданскую общину или республику (*Πολιτεία*), какъ политическое общеніе сограждапъ, Аристотель понимаетъ общество, какъ самую широкую форму самодостаточнаго общенія людей, включающую въ себя всѣ другія формы общенія, съ помощью котораго сожительствующіе люди обеспечиваютъ сообща удовлетвореніе всѣхъ своихъ человѣческихъ потребностей и свои стремленія къ болѣе совершенной жизни. Государственное устройство Аристотель точно такъ же понимаетъ соціологически, давая геніальное опредѣленіе конституціи гражданской общины, республики или политейи. *Политейя*, говоритъ Аристотель, есть организація властей, которыя граждане распредѣляютъ между собой, согласно силѣ классовъ, участвующихъ во властвованіи. Отмѣчая закономѣрность общественной и политической жизни людей, Аристотель указываетъ на тѣ необходимыя соотношенія, какія существуютъ между формой общественной организаціи и образомъ жизни даннаго народа, между тѣмъ или инымъ расслоеніемъ общества и тою или иною формою организаціи власти, между опредѣленнымъ соотношеніемъ классовъ и тою или иною политическою системою, которая выражается въ опредѣленномъ соотношеніи политическихъ учрежденій и т. д.

Сливавшаяся въ произведеніяхъ Аристотеля съ этикой и политикой, общественная наука продолжала сливаться съ ними и въ произведеніяхъ политическихъ мыслителей эпохи Возрожденія и даже болѣе поздняго времени. Въ числѣ предшественниковъ современной С. можно назвать многихъ выдающихся общественныхъ и политическихъ мыслителей XV, XVI и XVII вѣковъ. При этомъ нельзя не упомянуть Макіавелли (1469—1527, *см.*), Бодена (1530—1596, *см.*) XVI в., Гоббса (1588—1679, *см.*), Локка (1632—1704, *см.*), а также и творцовъ „Соціальной физики“ XVII стол. Равнымъ образомъ нельзя не упомянуть при этомъ и имени выдающагося арабскаго ученаго-историка еще болѣе ранняго времени, а именно Ибнъ-Халдуна (1332—1406). Ибнъ-Халдунъ еще за нѣсколько столѣтій до Монтескье стремился выяснить соціологическое значеніе среды, окружающей людей, и обусловленность общественныхъ формъ образомъ жизни населенія.

Родоначальниками С., какъ науки о закономѣрности явленій общественной жизни, можно считать и такъ наз. „политическихъ ариѳметиковъ“ XVII и XVIII вв., истинныхъ родоначальниковъ новѣйшей статистики. Изъ ихъ числа нельзя не упомянуть англичанъ, Граунта и Петти (*см.*), членовъ научнаго Королевскаго Общества, основаннаго учениками и послѣдователями Бэкона. Джонъ Граунтъ еще въ 1662 г., въ самый годъ основанія этого научнаго общества, издалъ свои знаменитыя „Естественныя и политическія обозрѣнія записей смертности г. Лондона“ (Natural and political Observations upon the bills of mortality of the city of London by captain John Graunt). Въ этомъ изслѣдованіи Граунтъ пытается впервые на основаніи данныхъ рождаемости и смертности опредѣлить движеніе населенія и кладетъ, такимъ образомъ, основаніе демографіи. Его другъ, В. Петти, слѣдуетъ тому же методу массоваго наблюденія и численнаго измѣренія явленій и говоритъ о нихъ языкомъ „числа, мѣры и вѣса“, пользуясь лишь доказательствами, постигаемыми чувствомъ, и принимая въ соображеніе лишь такія причины, которыя очевидно покоятся въ самой природѣ вещей. Этотъ статистическій методъ былъ очень рано понятъ, какъ самое подходящее научное орудіе для изслѣдованія закономѣрностей общественной жизни Слѣдуя Граунту, этимъ методомъ воспользовался и знаменитый нѣмецкій представитель политической ариѳметики XVIII в. Зюссмильхъ (*см.*), говорившій объ общей связи явленій общественной жизни, о „божественномъ порядкѣ, проявляющемся во всѣхъ измѣненіяхъ человѣческаго рода“, какъ озаглавлено его сочиненіе.

Предшественниками современныхъ соціологовъ, наравнѣ со сторонниками „политической ариѳметики“ XVII и XVIII вв., можно считать и знаменитыхъ мыслителей XVIII ст.: Вико, Монтескье,

Тюрго, А. Смита, Руссо, Кондорсе, Сенъ-Симона, Мальтуса и др. Вико (*см.*) пытался положить основаніе новой общественной наукѣ объ основныхъ ступеняхъ историческаго развитія, проходимыхъ всѣми народами. Онъ стремился построить исторію, какъ науку о повторяющихся общественныхъ явленіяхъ. Монтескье (*см.*), въ своемъ „Духѣ законовъ", какъ бы слѣдуя Ибнъ-Халдуну и Бодену, еще болѣе обстоятельно выясняетъ значеніе географической среды и климата для образа жизни народовъ и формы ихъ общественной организаціи. Не безъ вліянія англійской философской мысли, Монтескье говоритъ также о законахъ, какъ о необходимыхъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ самой сущности вещей, и стремится, подобно Аристотелю, показать закономѣрность различныхъ политическихъ формъ. Руссо (*см.*) говорилъ о значеніи величины общества для общественнаго строя, выяснялъ причины общественнаго неравенства, давалъ общественно-договорную основу политическаго общества. Тюрго (*см.*) въ своихъ разсужденіяхъ „Объ успѣхахъ человѣческаго разума" и „О всеобщей исторіи" говорилъ объ общественномъ прогрессѣ и намѣчалъ его основныя ступени. Кондорсе (*см.*) въ своемъ геніальномъ „Наброскѣ исторической картины успѣховъ человѣческаго разума" развилъ цѣлое соціологическое ученіе о прогрессѣ, какъ о поступательномъ ходѣ общественной жизни, обусловленномъ различными открытіями и изобрѣтеніями. Изучая общій ходъ развитія различныхъ народовъ и общественныхъ учрежденій, въ связи съ великими открытіями и изобрѣтеніями, Кондорсе дѣлитъ все развитіе человѣчества на рядъ опредѣленныхъ ступеней развитія общественности, полагая, такимъ образомъ, основаніе генетической соціологіи. Кондорсе, между прочимъ, указывалъ на приложимость математическаго метода къ обществознанію, говорилъ о соціальной математикѣ, какъ бы имѣя въ виду новѣйшее статистическое направленіе С. Адамъ Смитъ (*см.*) въ своемъ „Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ" далъ настоящую С. труда и хозяйственной жизни. А Сенъ-Симонъ (*см.*) въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній, подчеркивая экономическую основу общественной жизни, давалъ соціалистическое ученіе, направленное къ преобразованію человѣческаго общества на трудовыхъ началахъ. Мальтусъ (*см.*) пытался научно обосновать соціологическій законъ народонаселенія.

Перечисленныя имена достаточно убѣдительно показываютъ, что С., какъ наука объ общественной жизни, ея явленіяхъ, ихъ соотношеніяхъ и закономѣрностяхъ, зародилась задолго до появленія Огюста Конта, котораго многіе продолжаютъ считать истиннымъ основателемъ С., но который на самомъ дѣлѣ, какъ онъ и самъ это думалъ, подобно Герберту Спенсеру, былъ основателемъ опредѣленной системы научной философіи и опредѣленной соціологической школы и системы, имѣя въ послѣднемъ отношеніи предшественника въ лицѣ Кондорсе.

О. Контъ (1798—1857) (*см.*) является основателемъ извѣстной системы научной или положительной философіи и опредѣленной классификаціи наукъ. Свою классификацію наукъ Контъ начинаетъ математикой и кончаетъ С., которая, по Конту, примыкаетъ непосредственно къ біологіи и, какъ бы представляя собою ея продолженіе, является вѣнцомъ всѣхъ наукъ. Послѣдніе тома своего „Курса положительной философіи" (тома IV, V и VI) Контъ посвящаетъ изложенію „Соціальной физики", какъ называлъ Контъ первоначально С., очевидно слѣдуя обычаю прежнихъ общественныхъ мыслителей.

Свою „Соціальную физику" Контъ посвящаетъ изложенію своего ученія объ общественномъ порядкѣ и объ общественномъ прогрессѣ. Ту часть работы, въ которой Контъ излагаетъ ученіе объ общественномъ порядкѣ, онъ называетъ „Соціальной статикой". Вторая часть, излагающая ученіе объ общественномъ прогрессѣ, носитъ названіе „Соціальной динамики". „Соціальная статика" О. Конта есть не что иное, какъ попытка воспользоваться мощно развивавшейся въ его время біологіей, и въ особенности зоологіей, наукой о животныхъ организмахъ, для выясненія законовъ су-

ществованія общественной организаціи. Контъ видѣлъ въ обществѣ особый соціальный или коллективный организмъ, „настоящій общественный организмъ“ (un vrai organisme social). Въ основѣ устройства этого общественнаго организма, т.-е. въ основѣ общественнаго строя, по ученію Конта, лежитъ біологическій законъ раздѣленія труда между органами, между функціями различныхъ членовъ организма. Такимъ образомъ, „Соціальная статика“, обосновываемая Контомъ чисто біологически, въ значительной степени сводится къ анатоміи и физіологіи человѣческаго общества, какъ особаго общественнаго тѣла. Впрочемъ, общественный порядокъ, какъ опредѣленное соотношеніе различныхъ общественныхъ слоевъ, группъ и классовъ истолковывается Контомъ зоологически. По ученію Конта, общественный порядокъ, представляющій собою опредѣленную общественную іерархію различныхъ соподчиненныхъ, субординированныхъ группъ людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, есть не что иное, какъ простое продолженіе зоологической іерархической лѣстницы различныхъ видовъ животныхъ. Основной законъ общественнаго порядка и „Соціальной статики“ О. Конта есть біологическій законъ раздѣленія общественнаго труда между различными, спеціализирующимися членами общественнаго организма. Всѣ члены, всѣ части его находятся въ неразрывной связи, въ необходимомъ соотношеніи, въ извѣстной согласованности другъ съ другомъ, солидарны другъ съ другомъ. Контъ, беря общественную жизнь въ цѣлостномъ соотношеніи ея различныхъ сторонъ, особенно настаивалъ на этой согласованности и солидарности различныхъ ея явленій (Consensus или Solidarité des faits sociaux). Мельчайшими частицами и единицами общественнаго организма Контъ считалъ не отдѣльную личность, не индивидуума, а семью. Самостоятельнаго значенія личности, какъ и какихъ бы то ни было личныхъ правъ, Контъ не признавалъ. Контъ былъ убѣжденъ, что существуютъ лишь общественныя права, публичныя права общественной власти, а личность должна знать лишь свои обязанности, которыя вытекаютъ изъ общественнаго раздѣленія труда между отдѣльными членами общественнаго организма. Контъ объявлялъ даже самое понятіе „права личности“ извращеніемъ и испошленіемъ правильныхъ общественныхъ понятій. Думая такимъ образомъ, очевидно находясь подъ господствующимъ вліяніемъ развивавшейся въ его время біологической науки и органической теоріи, Контъ явно стремился обосновать закономѣрность общественной жизни и общественнаго устройства съ помощью біологіи. Въ своемъ пониманіи человѣческаго общества Контъ вполнѣ опредѣленно становился на органическую точку зрѣнія и въ своей четырехтомной „Системѣ положительной политики или соціологическомъ трактатѣ, устанавливающемъ религію человѣчества“ („Systéme de Politique Positive ou Traité de Sociologie, instituant la Religion de l'Humanité“, 1851—54, 4 vol.), утверждалъ, что даже все человѣчество, взятое въ его цѣломъ, есть „настоящій общественный организмъ“ (un vrai organisme social), „настоящее Великое Существо“ (le vrai Grand-Être), „Высшее Существо“ (Être Suprême) и т. д.

Съ другой стороны, въ своей „Соціальной динамикѣ“ или въ ученіи объ общественномъ прогрессѣ, Контъ, слѣдуя Кондорсе и пользуясь историческимъ методомъ, устанавливаетъ основныя ступени развитія человѣчества на основаніи послѣдовательной смѣны различныхъ формъ мышленія (теологическаго, метафизическаго и позитивнаго). Такимъ образомъ, съ одной стороны, Контъ строитъ С. на біологической основѣ, какъ органическую теорію общества. Съ другой стороны, онъ строитъ ее, какъ историко-философское ученіе объ умственномъ развитіи человѣчества. Въ первомъ случаѣ онъ, какъ естествоиспытатель, пользуется для построенія соціологіи пріемами и данными біологіи, во второмъ случаѣ онъ, какъ философъ-историкъ, пользуется для построенія С. историческимъ методомъ и историческими данными, мечтая о построеніи ея на чисто соціологическомъ,

свойственномъ ей основаніи, но не оказывается въ состояніи осуществить эту мечту. Итакъ, Контъ одновременно является представителемъ двухъ направленій соціологической мысли: направленія біологическо-органическаго и историко-философскаго. Его соціологическое пониманіе общественной жизни, взятой въ цѣлостномъ соотношеніи и согласованности всѣхъ ея различныхъ сторонъ и явленій, и ученіе объ этомъ *необходимомъ соотношеніи, согласованіи* или Consensus'ѣ имѣетъ безспорно первостепенное и важнѣйшее соціологическое значеніе. Это пониманіе свидѣтельствуетъ объ усвоеніи Контомъ совершенно правильной соціологической точки зрѣнія на соціальныя явленія. И можно сказать, что ученіе Конта о Consensus'ѣ или объ естественной согласованности всѣхъ явленій общественной жизни составляетъ самую сущность соціологизма.

Соціологическое ученіе Конта, какъ и его „Положительная философія", имѣло многочисленныхъ послѣдователей въ самыхъ различныхъ странахъ. Во Франціи ученіе Конта, воспринятое Литтре, Лафиттомъ и другими, распространялось потомъ и нашими соотечественниками: Вырубовымъ и Де-Роберти. Е. В. Де-Роберти не только воспринялъ свое міросозерцаніе отъ Конта, но и былъ самымъ ревностнымъ позитивистомъ. Даже занявъ впослѣдствіи нѣсколько болѣе самостоятельное положеніе и ставъ въ области С. на свою біо-соціальную или „соборную" точку зрѣнія, Де-Роберти продолжалъ быть послѣдователемъ Конта, называя себя нео-позитивистомъ. Контъ весьма сильно повліялъ и на нѣкоторыя новѣйшія соціологическія ученія, напр., на соціологическія теоріи Дюркгейма (*см.*). Въ Англіи ученіе Конта распространилось, благодаря Дж. Ст. Миллю, Мартино, Льюнсу, Фредерику Гаррисону и др., оказавъ нѣкоторое вліяніе и на самого Герберта Спенсера. Изъ числа наиболѣе выдающихся русскихъ общественныхъ мыслителей, воспринявшихъ въ извѣстной степени ученіе Конта, кромѣ Вырубова, можно назвать П. Лаврова, Н. К. Михайловскаго и М. М. Ковалевскаго, которыхъ вмѣстѣ съ П. Лиліенфельдомъ и Де-Роберти можно назвать первыми русскими соціологами, если не считать первымъ русскимъ соціологомъ Н. Г. Чернышевскаго, общественное міросозерцаніе котораго сложилось совершенно независимо отъ соціологическаго ученія Конта.

Гербертъ Спенсеръ (1820—1903, *см.*) строилъ свою соціологическую систему въ моментъ еще болѣе мощнаго развитія естествознанія и, въ частности, науки объ организмахъ. Поэтому нисколько неудивительно, что его соціологическое ученіе имѣетъ еще болѣе опредѣленный органическій характеръ, чѣмъ ученіе Ог. Конта. Соціологическое ученіе Спенсера находится въ такой же тѣснѣйшей связи съ его научною философіей, въ какой соціологическое ученіе Конта находится съ его положительной философіей. Согласно ученію Конта, С. примыкаетъ непосредственно къ біологіи. Согласно ученію Спенсера, С. отдѣляется отъ біологіи психологіей, которая, впрочемъ, носитъ у Спенсера въ значительной степени біологическій или физіологическій характеръ. Спенсеръ понимаетъ С., какъ науку о человѣческомъ обществѣ, его структурѣ, функціяхъ и развитіи. Подобно Конту, Спенсеръ считаетъ любое человѣческое общество общественнымъ организмомъ и въ своей „Соціальной статикѣ", въ своихъ „Основаніяхъ соціологіи", а также и въ другихъ работахъ онъ даетъ вполнѣ развитую органическую теорію общества, сравнивая общество съ животнымъ организмомъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія статья Спенсера, спеціально посвященная этому вопросу: „Social Organism" („Westminster Review", January, 1860). Въ этой статьѣ онъ отрицалъ сходство между организаціей общества и организаціей человѣка, но въ то же время утверждалъ существованіе сходства, почти тождества, между общественнымъ организмомъ и организмомъ животнымъ. Подобно Конту, Спенсеръ обращаетъ особое вниманіе на раздѣленіе труда, отмѣчаемое какъ экономистами, такъ и біологами, и утверждаетъ, что это явленіе есть самое характерное явленіе, какъ для общества, взятаго въ цѣломъ, такъ и для

любого животнаго организма. Въ цѣломъ рядѣ работъ Спенсеръ сравниваетъ различныя функціи животнаго организма съ нѣкоторыми соціальными функціями, широко пользуясь такъ наз. методомъ аналогіи. Въ свое время органическая теорія Спенсера встрѣтила не мало возраженій, какъ въ самой Англіи, такъ и въ другихъ странахъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что у самого Спенсера имѣется нѣкотораго рода поправка къ его органической теоріи общества. Дѣло въ томъ, что Спенсеръ понимаетъ общество не только, какъ организмъ, но и какъ организацію сотрудничества, какъ кооперацію его членовъ. При этомъ онъ считаетъ, что въ процессѣ своего историческаго развитія общественная организація переходитъ отъ формъ болѣе или менѣе принудительнаго общественнаго сотрудничества къ формамъ болѣе и болѣе свободнаго общественнаго сотрудничества. Это представленіе Спенсера, связанное съ его пониманіемъ соціальной эволюціи, даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ Спенсеръ, съ одной стороны, развивалъ органическую теорію общества, а съ другой—отстаивалъ свободу человѣческой личности, личныя права и былъ чуть ли не апостоломъ индивидуализма, что вовсе не вяжется съ органической теоріей общества, изъ которой Контъ вполнѣ послѣдовательно выводилъ отрицаніе всякихъ личныхъ правъ и самостоятельности личности. Конечно, и Спенсеръ не могъ бы вывести признанія личныхъ правъ изъ органической теоріи общества, изъ которой вытекаютъ лишь опредѣленныя функціи и общественныя обязанности личности, а не ея права. Но, какъ сказано, у Спенсера имѣется совсѣмъ иное пониманіе общества, какъ общественнаго сотрудничества, становящагося съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества все болѣе и болѣе добровольнымъ. Изъ этого представленія совершенно логически вытекаетъ ученіе Спенсера о личной свободѣ. Такимъ образомъ, ученіе Спенсера о человѣческомъ обществѣ двойственно. Но эта двойственность нѣсколько теряется въ ученіи Спенсера объ эволюціи. Дѣло въ томъ, что всѣ явленія, какъ соціальной жизни, такъ и міровой, Спенсеръ разсматриваетъ въ процессѣ эволюціи, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Слѣдуя ученію біологовъ (Поля Бэра и др.), Спенсеръ принимаетъ явленія дифференціаціи и интеграціи за основныя явленія и наиболѣе характерные признаки процесса эволюціи. Говоритъ ли Спенсеръ объ эволюціи солнечной системы, или объ эволюціи органическихъ формъ растеній или животныхъ, или говоритъ онъ о соціальной эволюціи и прогрессѣ, онъ всегда и всюду говоритъ о постепенномъ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному и отъ простого къ сложному. Подобно Конту, Спенсеръ указываетъ на раздѣленіе общественнаго труда, какъ на главнѣйшее условіе развитія общественнаго организма, въ основѣ котораго, по мнѣнію Спенсера, лежитъ общественное сотрудничество, постепенно усложняемое раздѣленіемъ труда. Всѣ тома „Описательной соціологіи“ Спенсера посвящены описанію структуры и функцій самыхъ различныхъ общественныхъ организацій, выясненію процесса раздѣленія общественнаго труда, организаціи труда, развитія уклада семейной жизни, политическаго строя и постепеннаго усложненія самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни у самыхъ различныхъ племенъ и народовъ всѣхъ странъ и временъ. Сравнительно-эволюціонный методъ есть тотъ методъ, которымъ пользуется Спенсеръ при выясненіи всевозможныхъ общественныхъ формъ и учрежденій. Пользуется онъ и тѣмъ методомъ, который былъ названъ Эдуардомъ Тайлоромъ методомъ пережитковъ, и который можетъ быть названъ своего рода необходимымъ дополненіемъ къ сравнительно историческому или къ сравнительно-эволюціонному методу. Несмотря на то, что и Контъ и болѣе ранніе представители общественной науки, напр., Кондорсе, изучали общественную жизнь людей въ процессѣ ея развитія или эволюціи, Спенсеръ, сосредоточившій свое вниманіе на самыхъ различныхъ сторонахъ соціальной эволюціи, не безъ основанія считается отцомъ эволюціонистской школы соціологовъ. Эта школа Спенсера имѣла многихъ вы-

дающихся представителей и еще большее число послѣдователей, соціологовъ эволюціонистовъ и органицистовъ.

Выдающимся представителемъ органическо-біологическаго направленія былъ и однимъ изъ первыхъ русскихъ соціологовъ, П. Лиліенфельдъ (1829—1903, *см.*), считающійся однимъ изъ крупнѣйшихъ европейскихъ соціологовъ. Въ 1872 г. П. Лиліенфельдъ издалъ первую часть своей соціологіи подъ названіемъ „Мысли о соціальной наукѣ будущаго". Иниціалы „П. Л.", подъ которыми авторъ скрылъ свое имя и фамилію, въ свое время ввели нѣкоторыхъ русскихъ читателей въ заблужденіе и позволили лицамъ, недостаточно знакомымъ съ работами П. Л. Лаврова, приписать ему работу П. Лиліенфельда. Это недоразумѣніе разъяснилось съ выходомъ соціологіи Лиліенфельда въ болѣе полномъ видѣ на нѣмецкомъ языкѣ (Paul v. Lilienfeld, „Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft", Mitau. 1873). Лиліенфельдъ совершенно самостоятельно развивалъ органическо-біологическую теорію общества почти одновременно со Спенсеромъ, подобно тому, какъ тоже совершенно самостоятельно и почти въ то же самое время развивалъ эту же теорію въ Австріи и Германіи А. Шеффле (A. Schäffle, „Bau und Leben des socialen Körpers"; 4 B-de 1875—1878). Одинаковое направленіе мысли всѣхъ этихъ трехъ виднѣйшихъ соціологовъ различныхъ странъ, очевидно, было обусловлено одновременнымъ господствомъ въ этихъ странахъ біологическихъ наукъ. Послѣдователями органическо-біологическаго направленія были такіе французскіе соціологи, какъ Ренэ Вормсъ (*см.*) и Э. Дюркгеймъ (*см.*), и русскій соціологъ Я. А. Новиковъ, работавшій, правда, среди французскихъ соціологовъ и писавшій почти исключительно на французскомъ яз. („Les luttes entre l. sociétés humaines et leur phases successives" и др. работы). Впрочемъ и Ренэ Вормсъ, и Дюркгеймъ, и Я. А. Новиковъ впослѣдствіи измѣнили своему первоначальному органическому направленію. Новиковъ склонился на сторону психологической школы С., а Вормсъ и Дюркгеймъ стали пытаться стать на совершенно самостоятельную точку зрѣнія, независимую отъ своихъ прежнихъ направленій.

Органическое и эволюціонное направленіе Спенсера есть, собственно говоря, направленіе біологическое. И свое ученіе объ общественномъ строѣ, и свое ученіе о развитіи общества Спенсеръ обосновываетъ біологически. Къ этому біологическому направленію Спенсера весьма близко другое біологическое направленіе, которое мы замѣчаемъ въ С. во время распространенія біологическаго ученія Чарльза Дарвина о борьбѣ за существованіе и о выживаніи наиболѣе приспособленныхъ. Это направленіе указываетъ на явленіе борьбы за существованіе, какъ на основное соціальное явленіе и какъ на главнѣйшее условіе соціальнаго прогресса. Это соціологическое направленіе извѣстно подъ названіемъ соціальнаго дарвинизма. Изъ числа наиболѣе видныхъ представителей его можно назвать австро-польскаго соціолога Людвига Гумпловича (*см.*) и италіанскаго соціолога Анджело Ваккаро („La lotta per l'existenza e i suoi effetti nell umanità", Roma, 1885).

Среди русскихъ ученыхъ это направленіе не встрѣтило особаго сочувствія. По крайней мѣрѣ изъ наиболѣе видныхъ русскихъ соціологовъ нельзя назвать ни одного соціальнаго дарвиниста и въ то же время можно указать нѣсколько весьма видныхъ его противниковъ. Первымъ изъ нихъ, конечно, слѣдуетъ назвать Н. Г. Чернышевскаго, который въ 1885 г. выступилъ съ отрицаніемъ „теоріи благотворности борьбы за жизнь" (статья Чернышевскаго въ „Русской Мысли", книга IX, 1885 г.). Вторымъ слѣдуетъ назвать Я. А. Новикова. Изъ его работъ, направленныхъ противъ соціальнаго дарвинизма, нельзя не указать: „La guerre et ses prétendus bienfaits", P. 1894; „La Critique du Darwinisme social", P. 1910, а также и болѣе раннюю, уже упомянутую его работу „Les luttes et cet". Нельзя не упомянуть здѣсь точно такъ же и о работѣ П. А. Кропоткина (*см.*) „Взаимопомощь, какъ факторъ эволюціи". Надо сказать, что соціальный дарвинизмъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и въ другомъ крупномъ

представителѣ русской общественной мысли, а именно въ Михайловскомъ.

Почти одновременно съ біологическимъ направленіемъ С., развивавшемся подъ вліяніемъ пышнаго расцвѣта естествознанія и въ особенности біологіи, происходило развитіе С. и въ нѣсколько иномъ направленіи. Какъ извѣстно, одновременно съ „Соціальной физикой“ Огюста Конта появилась и Соціальная физика знаменитаго бельгійскаго ученаго Адольфа *Кетле* (*см.*) (Adolphe Quetelet, „Sur l'homme et le developpement des ses facultés, ou essai de physique sociale“, Bruxelles, 1885). Въ этой работѣ, какъ и въ другой своей работѣ („Du système social et des lois qui le régissent“, Bruxelles, 1848), Кетле строитъ съ помощью статистическаго метода массоваго наблюденія и численнаго измѣренія соціальныхъ явленій особую науку о закономѣрности общественной жизни, прилагая къ объясненію ея явленій различные физическіе законы (законы движенія, равновѣсія, равнодѣйствующей, противодѣйствія и другіе законы механики). Эту науку Кетле и назвалъ „соціальной физикой“. Она должна была быть осуществленіемъ мысли Лапласа: „приложить къ наукамъ политическимъ и нравственнымъ методъ, основанный на наблюденіяхъ и вычисленіяхъ, тотъ самый методъ, который принесъ намъ столько пользы при изученіи наукъ естественныхъ“. Съ помощью статистическаго метода массоваго наблюденія и численнаго измѣренія явленій въ жизни человѣчества, Кетле пытался, во-первыхъ, установить извѣстную степень повторяемости различныхъ соціальныхъ явленій и выяснить средній типъ человѣка во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ и, во-вторыхъ, выяснить дѣйствительное соотношеніе различныхъ явленій общественной жизни и „подмѣтить тѣ законы, которые связываютъ эти явленія въ одно цѣлое“. Такъ, сравнивая число рожденій въ сельскихъ мѣстностяхъ и городахъ, Кетле выясняетъ то отношеніе, которое существуетъ между числомъ рожденій и сельскимъ и городскимъ образомъ жизни населенія. Сравнивая различную смертность людей различныхъ занятій, онъ устанавливаетъ зависимость между опредѣленнымъ занятіемъ и смертностью и т. д. Отмѣчая опредѣленную правильную повторяемость количествъ преступленій, числа которыхъ соотвѣтствуютъ данной численности населенія, а ежегодная повторяемость которыхъ можетъ быть установлена съ такою точностью, какая позволяетъ говорить о вѣроятномъ количествѣ преступленій въ будущемъ, Кетле положилъ основу особой общественной наукѣ, извѣстной подъ названіемъ моральной статистики. Кетле имѣлъ многихъ послѣдователей. Но его научные труды имѣли несравненно большее значеніе для развитія статистики, чѣмъ для развитія С.

Почти одновременно съ Кетле мы видимъ во Франціи другого виднаго представителя общественной науки, разрабатываемой съ помощью подобнаго же метода массоваго наблюденія явленій, *Ле-Плэ* (*см.*). Онъ обращалъ особое вниманіе на точное наблюденіе и описаніе явленій общественной жизни, ихъ сравненіе и классификацію. Особое значеніе онъ придавалъ монографическому изслѣдованію различныхъ явленій общественной жизни и, въ частности, онъ сосредоточивался на изслѣдованіи семьи, считая ее главнѣйшею основой общественнаго строя. Сдѣлавъ немало по изслѣдованію экономической и семейной жизни населенія самыхъ различныхъ странъ, Ле-Плэ пытался изложить свое пониманіе общественной жизни въ особой общей работѣ („La Constitution essentielle de l'humanité“, 1893). Однако, эта попытка построенія опредѣленной системы научно-общественнаго міросозерцанія врядъ ли можетъ быть признана удачной. Но монографическій методъ Ле-Плэ оказался очень плодотворнымъ въ рукахъ учениковъ и послѣдователей Ле-Плэ, образовавшихъ въ память своего учителя особое „Международное общество соціальной науки“, разрабатываемой по методу Ле-Плэ.

Изъ числа продолжателей Ле-Плэ нельзя не упомянуть именъ Эдмонда Демолена, Поля Де-Рузье, Генри Де-Турвилля, Мориса Виня и Роберта Пино. Первому изъ нихъ принадлежитъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ научныхъ работъ въ области изслѣдованія вліянія мѣстныхъ условій жизни на образованіе различныхъ общественныхъ типовъ („Le Français d'aujourd'hui. Les types sociaux du Midi et du Centre“, Paris, 1898 и проч.) Демоленъ

старался такъ же выяснять и главнѣйшіе факторы общественнаго развитія народовъ („A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons", Paris, 1897. Русск. пер: „Отъ чего зависитъ превосходство англо-саксонской расы", Одесса, 1899). Изъ числа этихъ факторовъ Демоленъ указываетъ на то огромное значеніе, которое имѣетъ для развитія различныхъ народовъ ихъ общеніе другъ съ другомъ, великіе пути передвиженій различныхъ человѣческихъ обществъ („Comment la route crée le type social", 2 vols., Paris, 1901). Поль Де Рузье изучалъ экономическую жизнь Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, сосредоточивалъ свое вниманіе на промышленной организаціи этихъ странъ и на жизни рабочаго населенія. Винь стремился построить общее ученіе объ общественной жизни, изучаемой по наблюдательному методу Ле-Плэ и его продолжателей (J. B. Maurice Vignes, „La Science Sociale d'après les principes de Le Play et de ses continuateurs", 2 vols, Paris, 1897).

Разработка общественной науки по методу Ле-Плэ, какъ и статистико-соціологическое направленіе Кетле, имѣли безспорное значеніе для С., какъ особой науки, строящейся на ея собственномъ, свойственномъ ей, чисто соціологическомъ фундаментѣ. Въ этомъ отношеніи пріобрѣла особо важное значеніе такъ-наз. экономическая школа С., возникшая подъ вліяніемъ историко-экономическихъ работъ Маркса и Энгельса, выступившихъ противъ философскаго идеализма и положившихъ основаніе матеріалистическому пониманію исторіи (см. *Марксъ*).

Къ сходнымъ взглядамъ, исходя почти изъ тѣхъ же идей философскаго матеріализма, приходилъ въ Россіи Н. Г. Чернышевскій (*см.*), развивая свое собственное ученіе объ опредѣленномъ необходимомъ соотношеніи различныхъ сторонъ общественной жизни, о ея закономѣрномъ поступательномъ ходѣ, объ общественномъ сотрудничествѣ, какъ объ истинной основѣ общественной организаціи, о соціологическомъ значеніи раздѣленія труда, объ общественныхъ классахъ, какъ о важнѣйшихъ общественныхъ силахъ, имѣющихъ первостепенное значеніе въ историческомъ процессѣ.

Общественное ученіе Чернышевскаго, однако, не только не получило въ Россіи того значенія, какое получили во всемъ мірѣ теоріи Маркса и Энгельса, но и не было даже должнымъ образомъ понято и оцѣнено. Теоріи же Маркса и Энгельса имѣли многочисленныхъ послѣдователей въ самыхъ различныхъ странахъ, особенно въ Германіи и въ Россіи, на культурную и умственную жизнь которой до сихъ поръ такое сильное вліяніе оказывали нѣмцы и нѣмецкія идеи.

Изъ числа ученыхъ марксистовъ въ Германіи нельзя не упомянуть *Карла Каутскаго* (род. въ 1854 г.): Darwin und der Socialismus, 1875; Der Einfluss der Volksvermehrung auf d. Fortschritt der Gesellschaft, 1880. K. Marx' Oekonomische Lehren; Vorläufer des Socialismus; Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft; Die Entstehung der Ehe und der Familie; Die Agrarfrage, 1899 и цѣлый рядъ другихъ произведеній, см. XXIII, 639/40, XLVII, указатель современн. полит. деятелей; *Э. Бернштейна* (см.) (Die Voraussetzungen des Socialismus, 1899); *Карнера-Шпрингера* (*Karner*—Die sociale Funktion der Rechtsinstitute); *Гильдебранда* (*R. Hildebrand*—Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, Jena, 1896); *Гроссе* (*E. Grosse*-Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, Freiburg und Leipz. 1896); *Кунова* (*H. Cunow* – Die Sociale Verfassung des Inkareichs. Eine Untersuchung des Altperuanischen Agrar-Kommunismus, Stuttg. 1896; Die Verwandschafts-Organisation der Australneger, Stuttg. 1894); *Гильфердинга* (*Rudolf Hilferding*—Das Finanzkapital, Berlin, 1910); *Отто Бауэра* (Національный вопросъ и соціалъ-демократія, Вѣна, 1907). Изъ русскихъ марксистовъ нельзя не упомянуть *Н. И. Зибера* (1834—88; „Экономическая теорія Маркса", 1876; „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ;" „Очерки первобытной экономической культуры", П. 1883 и др. работы); *Г. В. Плеханова* (1857—1918; „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію", П. 1895; „Наши разногласія"; „Основные вопросы Марксизма", 1908; „Исторія русской общественной мысли", 1914—15, и друг. произведенія).

Изъ числа марксистскихъ писателей другихъ странъ нельзя не назвать итальянца *Антоніо Лабріола* (Del materialismo storico, 1896; Discorrendo di Socialismo et di filosofia, 1898); голландца *Г. І. Нибура* (*Niboer H. J.*—Slavery as industrial system, 1900). Необходимо, однако, замѣтить, что изъ весьма значительнаго числа ученыхъ марксистовъ нельзя назвать ни одного, который былъ бы настоящимъ соціологомъ по своей спеціальности. Почти всѣ ученые-марксисты сосредоточивались на изученіи тѣхъ или иныхъ вопросовъ общественной жизни съ марксистской точки зрѣнія, не задаваясь построеніемъ соціологіи, какъ особой самостоятельной науки. Своей соціологической системы, подобной экономической системѣ Маркса, марксистское направленіе не создало, хотя къ этому направленію до извѣстной степени и примыкали различные соціологи вродѣ *Ахилла Лоріа* (La teoria economica della constituzione politica, La legge dè popolazione ed il sistema sociale, Analisi della proprietà capitalista, La terra ed il sistema sociale и др. произведенія). Это направленіе вполнѣ естественно получило названіе экономическаго направленія, или экономической школы соціологіи, вліяніе которой отразилось на цѣломъ рядѣ общественныхъ наукъ.

Во второй половинѣ и въ особенности въ концѣ прошлаго столѣтія,—въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, мы видимъ мощное развитіе психологіи, которая, въ свою очередь, начинаетъ оказывать весьма сильное вліяніе на общественныя науки, въ частности, на соціологію и нѣкоторыя теченія въ политической экономіи.

Работы Габріэля Тарда во Франціи, Лестера Уорда и его послѣдователей въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, Георга Зиммеля въ Германіи кладутъ основаніе тому новому направленію соціологіи, которое съ полнымъ пра-

вомъ получило названіе психологическаго направленія или психологической школы соціологіи. *Габріэль Тардъ* былъ не только основателемъ, но и наиболѣе талантливымъ и блестящимъ представителемъ французскихъ соціологовъ психологическаго направленія. Въ своихъ извѣстныхъ „Законахъ подражанія“ и въ „Соціальной логикѣ“ (G. Tarde, „Les lois de l'Imitation“, Paris. 1890; „La Logique Sociale“, P., 2 ed., 1898) *Тардъ* пытается выяснить основное явленіе общественной жизни и указываетъ на подражаніе, какъ на явленіе, которое сообщаетъ всякому личному начинанію, открытію и изобрѣтенію общественное значеніе, превращая его въ нововведеніе, усвоиваемое людьми посредствомъ подражанія. Объясняя поступательный ходъ жизни усвоеніемъ открытій и изобрѣтеній въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни и удовлетворенія потребностей, Г. Тардъ отмѣчаетъ волнообразность, ритмичность этого процесса, сравнивая волны подражанія съ колебательнымъ движеніемъ матеріи и подчеркивая полную закономѣрность этого явленія. Въ небольшомъ, но въ очень яркомъ и содержательномъ наброскѣ соціологіи („Les Lois Sociales. Esquisse d'une Sociologie“, Paris. 1898) Тардъ стремится выяснить закономѣрность явленій общественной жизни, указываетъ на ихъ правильную повторяемость и попутно отмѣчаетъ значеніе статистическаго метода для соціологіи. Во „Всеобщемъ противопоставленіи“ („L'Oposition Universelle. Essai d'une théorie des contraires“, P. 1897) Тардъ стремится выяснить явленія противорѣчія и противоборчества въ общественной жизни. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Тардъ смотритъ на соціальныя явленія съ психологической точки зрѣнія междуумственнаго или интерментальнаго взаимодѣйствія людей, думая, что это взаимодѣйствіе выражается, главнымъ образомъ, въ подражаніи, и считая самое общество ничѣмъ инымъ, какъ организаціей подражанія.

Лестеръ Уордъ (Lester Frank Ward, „Dynamic Sociology“, 2 vols, New-York, 1883; „The Psychic Factors of Civilisation“, Boston, 1883; „Ontlines of Sociology“, N. Y., 1898; „Pure Sociology“, New-York, 1903; „Applied Sociology“, Boston, 1906) выдвигаетъ психическіе факторы общественной жизни. Въ своей „Динамической соціологіи“, какъ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, Лестеръ Уордъ говоритъ о побужденіяхъ и желаніяхъ личностей, какъ объ общественныхъ силахъ, приводящихъ въ движеніе всю общественную жизнь, возникновеніе которой, по мнѣнію Уорда, обусловливается извѣстной степенью умственнаго развитія. Соціологическая система Уорда состоитъ изъ двухъ частей. Первая посвящена естественно-научному, біологическо-антропологическому и психологическому ученію о человѣческой жизни, начиная съ самыхъ простѣйшихъ явленій физической жизни человѣка и кончая такимъ сложнымъ явленіемъ, какъ общественный прогрессъ. Вторая часть соціологической системы Уорда представляетъ собой область прикладной соціологіи. Она посвящена, главнымъ образомъ, цѣлесообразной дѣятельности людей и такъ называемому меліоризму. Выдвигая, по примѣру Тарда, значеніе открытій и изобрѣтеній, какъ двигателей прогресса, Уордъ подчеркиваетъ его теллическій характеръ, проявляющійся въ цѣлесообразномъ творчествѣ людей. Ученіе Лестера Уорда о психическихъ факторахъ соціальной жизни было воспринято его многочисленными послѣдователями, изъ числа которыхъ нельзя не упомянуть Албіона Смолла, Эдуарда Росса, Чарльза Элвуда,—видныхъ представителей американской психологической школы соціологіи. Близокъ къ ней и наиболѣе видный изъ современныхъ американскихъ соціологовъ, Генри Франклинъ *Гиддингсъ* (Henry Franklin Giddings, „The Principles of Sociology. An analysis of the Phenomena of Association and of Social Organization“, New-York, 1896; „Inductive Sociology. A Syllabus of methods, analyses and classifications, and provisionally formulated laws“, New-York, 1901; „The Elements of Sociology“, New-York, 1898 и проч.). Гиддингсъ, слѣдуя Спенсеру, смотритъ на соціальную эволюцію, какъ на частицу міровой и видитъ въ соціологіи попытку объяснить возникновеніе, ростъ, строй и дѣятельность общества дѣйствіемъ

физическихъ, жизненныхъ и психическихъ причинъ, направляющихъ совмѣстно процессъ эволюціи.

Въ Германіи, гдѣ еще въ 60 г.г. прошлаго столѣтія Лацарусомъ и Штейнталемъ были поставлены вопросы такъ называемой коллективной или народной психологіи (Völkerpsychologie), наиболѣе виднымъ представителемъ психологич. направленія въ соціол. является *Г. оргъ Зиммель*. Въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей, объединенныхъ впослѣдствіи подъ общимъ заглавіемъ „Соціологія" („Sociologie", Leipzig, 1908), Зиммель стремится выяснить различныя формы общенія людей и ихъ психическаго взаимодѣйствія, ограничивая задачи соціологіи изученіемъ этихъ формъ и тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникаютъ, какъ неизбѣжныя послѣдствія общенія и взаимодѣйствія людей. Самое общество Зиммель понимаетъ, какъ совокупность различныхъ формъ общенія и взаимодѣйствія людей. Впрочемъ, Зиммель, по своимъ главнымъ работамъ, является скорѣе психологомъ и философомъ, чѣмъ соціологомъ. Изъ числа нѣмецкихъ представителей психологической школы нельзя не упомянуть также и Тенніэса (F. Tönnies, „Gemeinschaft und Gesellschaft", 1887), который указываетъ на необходимость различать понятія: „общеніе" и „общество".

Въ Россіи психологическое направленіе проявилось въ нѣкоторыхъ публицистическихъ работахъ Н. К. Михайловскаго, особенно въ его знаменитой статьѣ „Герои и Толпа", написанной, какъ онъ самъ поспѣшилъ отмѣтить этотъ фактъ, еще „за восемь лѣтъ до появленія" „Законовъ подражанія" Тарда и, по крайней мѣрѣ, за два года до первыхъ набросковъ теоріи Тарда въ „Revue philosophique", 1884. Къ психологическому направленію нѣкоторое время своей соціологической дѣятельности склонялся Я. А. Новиковъ. Нѣсколько приближался къ тому же направленію и неопозитивистъ Де-Роберти. Но особенно яркимъ русскимъ представителемъ психологическаго направленія въ соціологіи является извѣстный русско-польскій юристъ Л. Петражицкій, мечтавшій о созданіи своей особой „эмоціональной соціологіи". Отдалъ дань психологическому направленію и молодой русскій соціологъ П. А. Сорокинъ, ученикъ Петражицкаго и Де-Роберти, пытающійся строить свою собственную соціологическую систему съ помощью аналитическаго метода и механистическаго истолкованія взаимодѣйствія явленій общественной жизни. Представленное весьма крупными научными силами психологическое направленіе получило въ новѣйшей соціологіи, въ особенности въ американской, господствующее значеніе. Изъ числа американскихъ соціологовъ достаточно назвать имена Марка Болдуина, Симона Паттена, Джорджа Эллiота Гоуарда, Росса, Чарльза Эллвуда. Къ этому же психологическому направленію весьма близко стоятъ и нѣкоторые изъ виднѣйшихъ европейскихъ соціологовъ. Достаточно упомянуть Альфреда Фулье, Изуле, Лебона, Сигеле.

Кромѣ перечисленныхъ соціологическихъ направленій (историко-философскаго, біологическо-органическаго и эволюціоннаго, соціально-дарвинистическаго, статистико-соціологическаго, экономическаго и психологическаго), нельзя не упомянуть также о направленіи географическомъ или антропогеографическомъ и этнологическомъ. Соціологи географическаго направленія, изъ числа которыхъ нельзя не упомянуть Эдмонда Демолена, Маттеуцци и такихъ географовъ, какъ Элизэ Реклю, Левъ Мечниковъ и Фридрихъ Ратцель, очень много сдѣлали для того, чтобы выяснить то огромное значеніе, какое оказываетъ на общественную жизнь людей та природная, географическая среда въ которой развивается эта жизнь. Соціологи этнологическаго направленія обращали вниманіе на существованіе расъ и ихъ соціологическое значеніе. Къ сожалѣнію, ни труды Гобино, ни Лапужа, ни Аммона, ни самого Гумпловича далеко не выяснили этого сложнаго вопроса.

Существованіе перечисленныхъ соціологическихъ направленій можетъ служить прекраснымъ показателемъ того громаднаго вліянія, какое оказывало развитіе другихъ наукъ на развитіе соціологіи. Одновременно оно не менѣе убѣдительно показываетъ на

неразрывную связь самыхъ различныхъ областей человѣческаго знанія и на самую тѣсную зависимость развитія однѣхъ наукъ отъ другихъ.

Соціологія возникла во времена господства философіи исторіи, мощнаго развитія естествознанія и примѣненія статистическаго метода массового наблюденія къ явленіямъ общественной жизни. Этимъ было обусловлено почти одновременное возникновеніе трехъ основныхъ соціологическихъ направленій: историко-философскаго, біологическо-органическаго и статистическо-наблюдательнаго (Кетле и Ле-Плэ). Дальнѣйшее развитіе естествознанія отразилось на соціологіи въ видѣ временнаго господства біологическо-органическаго направленія, возникновенія эволюціонной школы Герберта Спенсера и теоріи соціальнаго дарвинизма. Возрастающее вліяніе марксизма въ политической экономіи и сосредоточеніе вниманія на исторіи развитія хозяйственнаго быта имѣли своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновеніе экономической школы соціологіи. Мощное развитіе психологической науки и ее вліяніе на соціологію столь же естественно выразилось въ развитіи психологической школы соціологіи. Точно такимъ же образомъ и развитіе географіи, этнологіи, антропологіи и исторіи культуры выразились въ возникновеніи соотвѣтствующихъ соціологическихъ направленій.

Все это очень убѣдительно и наглядно указываетъ на ту зависимость, въ которой до сихъ поръ находилась соціологія отъ другихъ общественныхъ и естественныхъ наукъ, несмотря на то, что съ самаго возникновенія соціологіи существовала мысль о необходимости совершенно самостоятельнаго построенія этой науки. Эта мысль была высказана еще Контомъ, который прекрасно понималъ, что соціологію недопустимо дѣлать какимъ-то придаткомъ біологіи. Контъ утверждалъ, что соціологія или, какъ онъ ее первоначально называлъ, „соціальная физика“, конечно, должна пониматься, какъ совершенно особая наука, которая должна строиться непосредственно на свойственной ей, ея собственной основѣ. Къ сожалѣнію, самъ Огюстъ Контъ, такъ хорошо понимавшій необходимость построенія соціологіи, какъ совершенно самостоятельной науки, не сумѣлъ освободиться отъ вліянія біологіи и слишкомъ связалъ съ нею свою органическую соціологическую систему. И только въ лицѣ Адольфа Кетле и Фредерика Ле-Плэ соціологія съ самаго своего возникновенія получила совершенно самостоятельное развитіе, какъ особая наука о явленіяхъ общественной жизни. И даже послѣ того, какъ Ле-Плэ и его послѣдователи образовали особое научное общество для самостоятельнаго развитія общественной науки по методу массоваго наблюденія явленій, представители самыхъ различныхъ соціологическихъ направленій еще долгое время продолжали строить соціологію, подчиняя ее той или другой наукѣ, и только въ самое послѣднее время среди соціологовъ начинаютъ раздаваться рѣшительные голоса въ пользу совершенно самостоятельнаго построенія соціологіи. Къ этому рѣшенію приходятъ не только новѣйшіе представители соціологической мысли, но и нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей прежнихъ направленій, каковы, напр., Эмиль Дюркгеймъ и Ренэ Вормсъ. Дюркгеймъ, выявившійся въ первой большой и наиболѣе извѣстной своей работѣ „О раздѣленіи общественнаго труда“ (Emile Durkheim, „De la division du travail social“. Paris. 1893), какъ органицистъ, въ болѣе позднихъ своихъ работахъ („Les règles de la methode sociologique“, 1895; „Le Suicide“, P. 1897 и проч.) освобождается отъ прежняго вліянія органической школы и отстаиваетъ независимость соціологіи отъ другихъ наукъ. То же самое, если еще не въ большей степени, можно сказать и о Ренэ Вормсѣ. Этотъ видный французскій соціологъ въ болѣе ранней своей работѣ „Организмъ и Общество“ (René Worms, „Organisme et Société“) выступаетъ яркимъ представителемъ біологическо-органической школы. Но въ своемъ позднѣйшемъ и наиболѣе крупномъ, трехтомномъ произведеніи „Философія общественныхъ наукъ“ („Philosophie des sciences sociales“, P. 1903—1907. 3 vols) Вормсъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаиваетъ полную самостоя-

тельность и независимость соціологіи. Изъ русскихъ соціологовъ полную самостоятельность соціологіи отстаиваютъ К. М. Тахтаревъ и П. А. Сорокинъ. К. М. Тахтаревъ („Наука объ общественной жизни“, П. 1919 и др. работы) понимаетъ соціологію, какъ науку объ общественной жизни, взятой въ цѣлостномъ соотношеніи ея явленій, и утверждаетъ, что соціологія должна строиться съ помощью соотносительнаго соціологическаго метода на чисто соціологическомъ основаніи, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ сравнительной исторіи и сравнительной статистики. Стремясь приблизить соціологію къ точнымъ наукамъ, онъ обращаетъ особое вниманіе на методъ массоваго наблюденія и численнаго измѣренія соціальныхъ явленій, какъ на вѣрнѣйшее средство осуществленія этого стремленія. П. Сорокинъ („Система соціологіи“, П. 1920) понимаетъ соціологію, какъ естественную науку о взаимодѣйствіяхъ и воздѣйствіяхъ людей другъ на друга, и строитъ свою плюралистическую систему соціальной аналитики и соціальной механики, обнаруживая нѣкоторый уклонъ въ сторону механическаго мышленія первыхъ обоснователей „Соціальной физики“.

Стремленія новѣйшихъ соціологовъ строить соціологію, какъ совершенно самостоятельную науку, на основаніи всѣхъ имѣющихся для того научныхъ данныхъ съ помощью научныхъ методовъ массоваго наблюденія явленій общественной жизни, проявляется въ настоящее время достаточно широко въ самыхъ различныхъ странахъ. Французская школа общественной науки по наблюдательному методу Ле-Плэ оказалась въ этомъ отношеніи не менѣе плодотворной, чѣмъ новѣйшая американская статистико-соціологическая школа, пользующаяся сравнительно-статистическимъ методомъ массоваго наблюденія и численнаго измѣренія различныхъ явленій общественной жизни для своихъ научныхъ соціологическихъ выводовъ. Особо важное значеніе пріобрѣтаетъ въ данномъ случаѣ соотносительный соціологическій методъ, который требуетъ разсмотрѣнія всѣхъ явленій общественной жизни въ ихъ естественной связи и необходимомъ соотношеніи, въ ихъ соціальномъ консензусѣ, какъ выражался когда-то Огюстъ Контъ и какъ это повторялъ за Контомъ Гербертъ Спенсеръ. Дѣйствительно, въ этомъ связномъ соотносительномъ изученіи самыхъ различныхъ соціальныхъ явленій заключается вся особенность соціологической точки зрѣнія и соціологической науки, берущей общественную жизнь, какъ она на самомъ дѣлѣ есть, во всемъ ея цѣломъ, въ цѣлостномъ соотношеніи самыхъ различныхъ ея сторонъ и явленій, пользуясь соотносительнымъ, сравнительно-историческимъ и сравнительно-статистическимъ методами, логическими методами сходства, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ, а также и тѣмъ соотносительнымъ комбинаціоннымъ методомъ, который извѣстенъ у статистиковъ подъ названіемъ такъ-называемаго статистическаго опыта. Сущность этого метода, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что одно изъ изслѣдуемыхъ массовыхъ явленій принимается за основное. При этомъ изслѣдуется: какъ съ измѣненіемъ его измѣняются (если только измѣняются) другія явленія, считающіяся въ этомъ случаѣ обусловленными, находящимися съ нимъ въ необходимой зависимости и естественномъ соотношеніи. Съ помощью этихъ методовъ удалось установить уже не малое число закономѣрностей общественной жизни и, такимъ образомъ, положить настоящее начало соціологіи, какъ дѣйствительной науки о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрностяхъ.

Изученіе С-и. Во всѣхъ наиболѣе развитыхъ странахъ міра, особенно въ тѣхъ, гдѣ въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ начинаютъ принимать все большее и большее участіе самыя широкія массы населенія, соціологія дѣлается предметомъ высшаго образованія. Особенно поучителенъ въ данномъ случаѣ примѣръ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ соціологія введена въ качествѣ основного и спеціальнаго предмета не только во всѣ университеты, но и въ очень большое число среднихъ школъ, и гдѣ преподаваніе соціологіи часто имѣетъ практи-

ческій характеръ, будучи приспособлено къ лучшему пониманію наиболѣе важныхъ изъ общественныхъ вопросовъ окружающей дѣйствительности. Повсюду учреждаются научные соціологическіе общества и соціологическіе институты для научной разработки самыхъ различныхъ соціологическихъ вопросовъ съ помощью научнаго сотрудничества соціологовъ. Издаются соціологическіе журналы.

Въ нѣкоторыхъ странахъ ихъ существуетъ даже не одинъ въ одномъ и томъ же умственномъ центрѣ. Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ, на ряду съ „Соціологическимъ Обществомъ" (Société de Sociologie de Paris), издающимъ свое „Международное Соціологическое Обозрѣніе" (Revue Internationale de Sociologie), существуетъ еще „Международное Общество Общественной Науки" (Société Internationale de Science Sociale), издающее уже много лѣтъ свой особый соціологическій органъ: „Общественная Наука по наблюдательному методу" (La Science Sociale suivant la Méthode d'observation). Въ Парижѣ же издается и „Année Sociologique" („Соціологическій Ежегодникъ"). Въ Лондонѣ существуетъ Лондонское „Соціологическое Общество" (The Sociological Society), издающее свои „Соціологическіе Матеріалы" („Sociological Papers", и „Соціологическое Обозрѣніе" (The Sociological Review). Въ Брюсселѣ имѣется „Соціологическій Институтъ Солвэ" (Institut de Sociologie Solvay), издающій свои „Труды", „Замѣтки и Мемуары" (Travaux de l'Institut de Sociologie. Notes et mémoires), а также „Соціологическій Архивъ" (Archives sociologiques, publiées par Emile Waxweiler). „Американское Соціологическое Общество" (The American Sociological Society) издаетъ въ Чикаго свой образцовый „Американскій Журналъ Соціологіи" (The American Journal of Sociologie), кромѣ котораго въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ цѣлый рядъ и другихъ изданій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ соціологіи, напр., „Анналы Американской Академіи политическихъ и общественныхъ наукъ" (American Academy of Political and Social Science), издающіеся въ Филадельфіи, а также „Журналъ Общественной Науки" (Journal of Social Science), издаваемый въ Нью-Іоркѣ „Американской Ассоціацией Общественной Науки" (American Social Science Association). Въ Нью-Іоркѣ же издается и „Трехмѣсячникъ Политической Науки" (Political Science Quarterly), имѣющій извѣстный соціологическій интересъ. Точно такъ же имѣемъ мы соціологическіе журналы и въ другихъ странахъ. Изъ нихъ, кромѣ перечисленныхъ, большою извѣстностью пользуется „Итальянское Соціологическое Обозрѣніе" (Rivista italiana di Sociologia). Изъ германскихъ—„Временникъ Соціальной Науки" (Zeitschrift für Socialwissenschaft). Въ Германіи же имѣется и „Международный Институтъ для Общественной Библіографіи" (Internationales Institut für Socialbibliographie), издающій свои „Библіографическіе Листки" (Blätter für Socialbibliographie). Здѣсь нельзя не упомянуть, конечно, и „Международнаго Соціологическаго Института", который представляетъ собой международную научную соціологическую организацію, которая объединяетъ соціологовъ самыхъ различныхъ странъ, созываетъ международные соціологическіе конгрессы и печатаетъ ихъ труды „Анналы Международнаго Института Соціологіи" (Annales de l'Institut International de Sociologie). Нельзя не упомянуть здѣсь точно такъ же и аналогичнаго изданія „Международнаго Статистическаго Института", издающаго свои богатѣйшіе по содержанію „Бюллетени" (Bulletin de l'Institut International de Statistique), въ которыхъ можно найти не мало матеріала въ высшей степени цѣннаго для каждаго соціолога.

Введеніе соціологіи въ число предметовъ высшей русской школы началось болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, если не считать опыта основанной въ началѣ 1900 годовъ М. М. Ковалевскимъ „Русской Высшей Школы Общественныхъ Наукъ", въ которой соціологіи было отведено весьма почетное мѣсто. Въ самой Россіи соціологія была введена въ число преподаваемыхъ предметовъ по иниціативѣ того же М. М. Ковалевскаго сперва въ „Высшей Вольной Школѣ", основанной въ Петроградѣ извѣстнымъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ П. Ф. Лесгафтомъ, при участіи того же М. М. Ковалевскаго, а потомъ на курсахъ при Психо-неврологическомъ Институтѣ, которые явились до извѣстной степени продолжателями Вольной Высшей Школы П. Ф. Лесгафта, закрытой правительствомъ въ 1907 году и возобновленной въ 1911 году, уже по смерти П. Ф. Лесгафта подъ названіемъ „Высшихъ Курсовъ Лесгафта." На этихъ курсахъ тоже была введена соціологія въ качествѣ основного предмета. Первыми преподавателями соціологіи въ Россіи были самъ М. М. Ковалевскій, его другъ Е. В. Де-Роберти и К. М. Тахтаревъ, начавшій свое преподаваніе соціологіи въ „Высшей Русской Школѣ Общественныхъ Наукъ" въ Парижѣ и продолжавшаго ея преподаваніе на Высшихъ Курсахъ П. Ф. Лесгафта, а по смерти Е. В. Де-Роберти и въ Психо-неврологическомъ Институтѣ. Послѣ революціи 1917 года соціологія, какъ извѣстно, была сдѣлана обязательнымъ предметомъ преподаванія не только высшей, но даже и средней русской школы, но вскорѣ за недостаткомъ средствъ и достаточно подготовленныхъ научныхъ силъ отъ этого опыта пришлось отказаться.

Не менѣе печальна была судьба и Петроградскаго Соціологическаго Института, возникшаго въ 1919 г. изъ преобразовавшагося Соціо-библіографическаго Института, возникшаго годъ передъ тѣмъ. Это учрежденіе, возникшее при Центральной Библіотекѣ Васильеостровскаго Сов. Раб. Деп. вначалѣ пользовалось нѣкоторой денежной поддержкой комиссаріата Просвѣщенія, организовало рядъ соціологическихъ курсовъ и даже приступило къ организаціи соціологическихъ анкетъ и соціологическихъ изданій. Но дѣятельность этого соціологическаго учрежденія прекратилась въ самомъ ея началѣ за недостаткомъ средствъ. Важнѣйшимъ соціологическимъ учрежденіемъ въ Россіи до недавняго времени было, возникшее въ Петроградѣ еще при старомъ порядкѣ, почти за годъ до революціи, „Русское Соціологическое Общество имени М. М. Ковалевскаго", основанное въ 1916 году друзьями и учениками М. М. Ковалевскаго, собравшимися у его гроба и рѣшившими увѣковѣчить память своего учителя основаніемъ русскаго соціологическаго общества, объ основаніи котораго часто думалъ и самъ М. М. Ковалевскій, какъ и Е. В. Де-Роберти, но основать которое имъ не удалось. Русское Соціологическое Общество имени М. М. Ковалевскаго при самомъ своемъ основаніи сумѣло объединить не малое число выдающихся научныхъ силъ. Въ 1922 г. оно прекратило свое существованіе.

К. Тахтаревъ.

Соцоловая кислота, см. *асептолъ.*

Сочетанія, см. *соединенія.*

Сочи (*прежде Даховск. посадъ*) б. окр. гор. Черном. губ. (нынѣ въ Черноморск. окр. Кубано-Черном. обл.) на берегу Чернаго м., до 1914 года 11.347 ж., по переписи 1920 г. 7.752 ж. С. отличается прекрасн. климатомъ; средн. t^0 зимы 6,2°, весны—12,2°; лѣта—21,9°; осени—15,3°; годов.—14°. Курортъ. Сезонъ климат. лѣч.: полов. апр.—ноябрь; сезонъ морск. купан.: іюнь—сент. Больные съ зачатк.

туберкулеза, золотушн., малок., нерв., переутомл., выздоровл. Въ 8 в. отъ С. *Мацестинскіе источники.*

Составъ источн. № 2 на 1000: *хлор. Na* 5,90; хлор. К—0,18; хлор. Mg. 0,45; *хлор. Ca* 0,80; *углек. Ca* 0,28; также въ неб. колич.: сѣрнок. Са, сѣрноватисток. Са, *сѣрнист. Na* (0,015); своб. CO_2 въ куб. с. 100; H_2S въ к. с. 90; сумма плотн. част. 8,15; t° 21,8. Сост. ист. № 6: хло . Na 8,33; хлор. К 0,25; хлор. Mg 0,70; *хлор. Ca* 0,98; *угл. Ca* 0,45; сумма пл. ч. 11,18; св. CO_2 въ к. с. 15; H_2 въ к. с. 150; t° 24°. Вблизи источн. залежи илов грязи. Радіоактивн. источн. ничтожна (до 2,5 ед. Маха).

Сочинскій уѣздъ (нынѣ вошедшій въ Черноморск. округъ Кубано-Черном. обл.) занимал ю.-в. часть Черноморск. губ. (Кавказъ), гранич. на ю.-в. съ Сухумск. округомъ, на с.-в. по гребню Главн. Кавк. хребта съ Кубанск. обл., на ю.-з. омывается Чернымъ моремъ. Площ. 4.766, 3 кв. в. (сюда входитъ также перечисленная изъ Сухумскаго округа въ С. у. мѣстность подъ Гаграми и окрестн.). Поверхн. въ высшей степени гориста и заполнена круто падающими къ морю склонами Кавк. хребта, покрытыми густыми трудно проходимыми лѣсами (внизу роскошные перевитые кавказск. ліанами лиственн. лѣса изъ дуба, бука, граба и др., вверху лѣса изъ огромныхъ пихтъ и елей). Вершины гребня Кавк. горъ, огранич. С. у. съ с.-в., достиг. больш. высоты и увѣнчаны вѣчными снѣгами; изъ нихъ главныя: Фиштъ (2852 м.), Чугумъ (3244 м.), Агепста (3261 м.) и др. Перевалы въ Кубанск. об. также высоки, напр., перевалъ Псеашха, ведущій въ Куб. обл. изъ Красной Поляны, нах. на выс. 2003 м. Съ горъ въ море стекаетъ множество ручьевъ и рѣкъ, изъ нихъ наибольшія: Шахе, Сочи, Мзымта, Псоу; всѣ онѣ текутъ въ глубокихъ и трудно доступныхъ ущельяхъ и подвержены сильнымъ наводненіямъ. Насел. къ 1 янв. 1913 г. исчислялось въ 45,1 т. ч. (городского 9,8 т. ч.), плотн. 9,5 ч. на 1 кв. в. (по переп. 1920 г.—35,5 т.) По переп. 1897 г. было въ С. округѣ всего 13.519 ч., въ т. ч. русскіе, армяне, грузины, греки, черкесы и др. Занятія населенія земледѣл., виноград. и плодов., табаков., скотов., рыболовство (въ морѣ) и лѣсн. пром. Подъ посѣвами (б. в. кукурузы) было въ 1911 г. всего лишь 5.565 дес.; колич. ско а также невелико (въ 1911 год. 37.435 головъ, съ преоблад. крупн. рогат. скота). Рыбы было выловлено въ 1911 г. на 15.559 руб. Главн. богатство С. у. лѣса, кот. подъ надзоромъ лѣсоохранит. комитета насчитывали 323.741 дес., въ томъ числѣ 263.966 дес. казенн. вѣдомства. Морской берегъ С. у. чрезвыч. красивъ, здѣсь нах. самые извѣстные курорты черноморскаго побережья Кавказа: Сочи и Гагры, а также рядъ вновь возникающихъ. Къ сожалѣнію, берегъ сильно зараженъ маляріей. Въ С. у. нах. также горная климатич. станція Красная Поляна, имѣющая много шансовъ сдѣлаться первостепеннымъ курортомъ, и сѣрные источники на р. Мацестѣ.

Б. Д.

Сочлененія, или *суставы*, подвижныя соединенія костей. Каждая изъ соприкасающихся поверхностей костей покрыта слоемъ хряща; свободная поверхность каждаго хряща гладкая; такія хрящевыя поверхности называются *сочленовными* или *суставными поверхностями*. Надкостница, переходящая съ одной кости на другую, образуетъ боковыя стѣнки сустава и называется *суставной сумкой* или *капсулой* (*см.* II, 629, рис. 20 и 609—619). Внутренняя поверхность сустава покрыта особой оболочкой (*синовіальная оболочка*) (*см.*). Пространство, ограниченное суставными хрящевыми поверхностями и суставной сумкой, называется *суставной полостью*; однако, въ сущности, это не полость, а щель, такъ какъ суставныя поверхности соприкасаются между собою (между ними лишь тонкій слой синовіальной жидкости). Иногда внутри сустава бываетъ *межсуставный хрящъ*, сращенный своими краями съ суставной сумкой. Въ такихъ случаяхъ самый суставъ является раздѣленнымъ на два сустава (одинъ суставъ—между одною костью и межсуставнымъ хрящемъ, другой суставъ—между другой костью и межсуставнымъ хрящемъ). Суставныя поверхности держатся въ постоянномъ соприкосновеніи, отчасти благодаря атмосферному давленію и силѣ сцѣпленія соприкасающихся поверхностей; что касается суставной сумки, то во многихъ случаяхъ она тонка и не можетъ принимать участія въ скрѣпленіи костей между собою; но въ такихъ случаяхъ нерѣдко въ толщѣ суставной

сумки имѣются плотные соединительнотканные тяжи, переходящіе съ одной кости на другую; это и есть укрѣпляющія суставъ *связки*; въ другихъ случаяхъ такія связки лежатъ внѣ суставной сумки (обыкновенно снаружи ея). Связки обыкновенно располагаются такъ, что при извѣстныхъ положеніяхъ соприкасающихся костей онѣ натягиваются и въ такомъ положеніи укрѣпляютъ суставъ; нерѣдко связки, натягиваясь, ограничиваютъ нѣкоторыя возможныя въ суставѣ движенія; слѣдовательно, связки укрѣпляютъ суставъ лишь въ нѣкоторыхъ строго опредѣленныхъ положеніяхъ; между тѣмъ въ дѣйствительности организму приходится укрѣплять сочлененныя между собою кости въ сам. различ. положеніяхъ. Такое укрѣпленіе суставовъ достигается мышцами; если одновременно сокращаются мышцы, совершающія въ данномъ суставѣ взаимно-противоположныя движенія, то въ результатѣ оба эти движенія будутъ невозможны, суставъ окажется неподвижнымъ въ данномъ опредѣленномъ направленіи, и слѣд., мышцы, сократившись, будутъ дѣйствовать какъ связки, ограничивающія данныя опредѣленныя движенія; преимущество здѣсь то, что каждая такая „мышечн. связка", смотря по надобности, то существуетъ, то не существуетъ, между тѣмъ настоящія связки существуютъ постоянно, иначе говоря, настоящія связки ограничиваютъ тѣ движенія, которыя для организма совершенно излишни; а „мышечныя связки" ограничиваютъ тѣ движенія, которыя излишни лишь въ данный моментъ. Около каждаго сустава обыкновенно имѣется нѣсколько мышцъ, и, благодаря различнымъ сочетаніямъ сокращеній этихъ мышцъ, можно укрѣплять суставы въ различныхъ направленіяхъ и положеніяхъ.

Сухожилія нѣкоторыхъ мышцъ такъ расположены, что при мышечныхъ сокращеніяхъ (и слѣд., при движеніяхъ въ суставахъ) сухожилія испытываютъ значительное треніе о прилежащія кости; въ такихъ случаяхъ суставная капсула дѣлаетъ какъ бы выворотъ подъ сухожиліемъ къ тому мѣсту, гдѣ имѣется треніе; такіе вывороты, благодаря синовіи, значительно уменьшаютъ треніе; въ другихъ случаяхъ между сухожиліемъ и костью образуется совершенно замкнутый мѣшокъ, выстланный изнутри синовіальной оболочкой. Тамъ, гдѣ треніе сухожилія о кости является особенно значительнымъ, соотвѣтствующая часть сухожилія иногда даже окостенѣваетъ, и получается косточка въ самомъ сухожиліи (такъ-называемая *сесамовидная кость*); подъ внутренней поверхностью такой кости образуется замкнутый синовіальнѣй мѣшокъ; въ другихъ же случаяхъ имѣется подъ сесамовидной костью просто выворотъ суставной сумки (напр., въ колѣнномъ суставѣ подъ колѣнной чашкой, которая и представляетъ собою сесамовидную кость).

Въ большинствѣ случаевъ одна изъ суставныхъ поверхностей выпуклая, другая вогнутая, и соотвѣтственно этому движенія въ суставахъ обыкновенно суть вращательныя. Смотря по формѣ суставныхъ поверхностей, вращательныя движенія въ суставѣ могутъ быть однообразныя (напр., въ локтевомъ суставѣ) или разнообразныя (напр., въ плечевомъ суставѣ).

Н. Кабановъ.

Сочуръ, рѣка, притокъ р. Кети, впадающей въ р. Обь. С. входитъ въ систему новаго варіанта Обь-Енисейскаго канала, къ разработкѣ котораго было приступлено въ 1911—13 гг. С. (по остяцки: Ке́нды-кы) беретъ начало изъ обширнаго (10×1 верстъ) Сочурскаго болота на 58°10′ с. ш. и 89°50′ в. д. (отъ Гринв.). Общая длина С. приблизительно 345 верстъ. На всемъ протяженіи С. протекаетъ по низменной болотистой равнинѣ, густо поросшей хвойнымъ лѣсомъ, теченіе его настолько медленно, что С. скорѣе походитъ на рядъ связанныхъ между собою озеръ.

Весною горизонтъ воды подымается выше меженнаго на 2—2,5 саж., и тогда теченіе достигаетъ значительной стремительности. Судоходныя качества С. мало удовлетворительны: въ обычное время онъ пригоденъ для сплава на протяженіи 140 в., въ весеннюю воду на этомъ протяженіи могли бы плавать небольшіе пароходы. Крупнымъ препятствіемъ для судоходства является огромная засоренность русла карчами и заломами: на первыхъ отъ устья 140 верст. три легко-проходимыхъ залома, а съ 141-ой версты начинаются непроходимые. Бассейнъ С. совершенно необитаемъ ни русскими, ни инородцами, послѣдніе приходятъ сюда только на зимніе охотничьи промыслы, которые очень богаты: медвѣдь, лось, олень, россомаха, лисица, выдра, соболь, горностай, бѣлка. Въ водахъ С. въ изобиліи водятся: щука, окунь, язь, налимъ,

сазанъ, сорога. Въ лѣсахъ района большія площади кедра, сосны и лиственницы, масса елей и пихты. Въ береговыхъ обнаженіяхъ встрѣчается бѣлая (каолиновая) глина и охра. По характеру почвъ (сильная заболоченность и обиліе торфяниковъ) долина С. для земледѣльческой культуры совершенно непригодна.

Сошка, см. *соха, выть.*

Сошникъ, см. *анатомія*, II, 647.

Сошникъ, *см.* XXXIX, прил.

Сошное письмо, см. *соха, выть.*

Сошные люди, посадскіе и крестьяне, записанные для несенія тягла въ одну соху (*см.*).

Союзническая война, см. *Римъ—исторія.*

Союзный совѣтъ, см. *Германія*, XIV, 190/191 и *Швейцарія.*

Союзныя государства, см. *Федерація* и *Унія.*

Союзъ (греч. σύνδεσμος, лат. conjunctio)—такъ называются не имѣющія формы, несамостоятельныя слова, служащія для соединенія какъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ словъ, такъ и словосочетаній (по обычной терминологіи—предложеній). Почти всѣ союзы возникли на почвѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ и б. ч. изъ мѣстоименій. Таково несомнѣнное происхожденіе рус. С. „что“ и вѣроятное—С. „*а*“, „*и*“. Есть в русск. яз. союзы и глагольнаго происхожденія: „если“ (есть ли), „хотя“ (дѣеприч. отъ гл. хотѣть). С. могутъ имѣть болѣе или менѣе широкое употребленіе. Такъ, напр., С. „но“ употребляется для обозначенія только противоположенія, С. „если“—условія, тогда какъ С. „и“ можетъ употребляться для соединенія словосочетаній, находящихся въ различныхъ отношеніяхъ, какъ то—временной послѣдовательности: „Солнце скрылось, и быстро стемнѣло“ (Бун.), основанія и слѣдствія: „Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой“ (Лерм.), условія и слѣдствія: „Он знакъ подастъ—и всѣ хлопочутъ“ (Пушк.) и даже противоположенія: „Я ее люблю, и она никогда не будетъ моею“ (Лерм.).

См. *Delbrück*, Vergl. Syntax, *Brugmann*, Kurze vgl. Gramm., *Богородицкій*, Общій курсъ русск. грамм., *Петерсонъ*, Очеркъ синтаксиса русс. яз.

Союзъ благоденствія, см. *декабристы*, XVIII, 140/8.

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, см. *соціализмъ-россійская Соціаль-демократия.*

Союзъ, см. *Лига.*

Союзъ государствъ, см. *Федерация* и *Государство*, XVI, 307.

Союзъ русскаго народа, см. *Россія—партіи.*

Союзъ русскихъ с.-д., см. *Соціализмъ-россійская соціаль-демократія.*

Союзъ семнадцатаго октября, см. *Россія—партіи.*

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. I. Конституция СССР. К. Союза от 6-го июля 1923 года есть результат долгого исторического развития. Ей предшествовал основной закон РСФСР, изданный 10-го июля 1918 г. И та и другая конституция являются лишь закреплением фактического положения вещей. Советы, как государственная форма правления, образовались значительно раньше. Отдаленным предшественником Советов, как классового представительства трудящихся, можно считать в известной степени представительство легионов муниципальной гвардии Парижа во время парижской коммуны 1871 г.; однако, это представительство было там очень скоро заменено общей муниципальной организацией на основе всеобщих выборов. Русские Советы возникли впервые в 1905 г., как организация революционного пролетариата. Природа их определяется двумя моментами: с одной стороны, они представляют собой стачечные комитеты пролетариата для организации всеобщей забастовки, с другой—они становятся государственными органами власти, т. к. забастовка стала непосредственным орудием революции и имела целью завоевание государственной власти.

I. Советы 1905 года. 10 октября 1905 г. была впервые высказана мысль о необходимости образования такого органа „революционного рабочего самоуправления“, и 13-го октября состоялось первое заседание будущего Совета рабочих депутатов: на этом заседании было не более сорока представителей. На каждые 500 рабочих посылался приблизительно один делегат. Правом представительства пользовались также недавно созданные профессиональные союзы. Впослед-

ствии число депутатов возросло до 562, в том числе 6 женщин. Они представляли 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профессиональных союзов. Главную роль играли рабочие по металлу — 351 человек; текстильщики дали 57 депутатов, печатные и бумажные производства—32, от торговых служащих—12 депутатов, от конторщиков и фармацевтов—7. В качестве правительственного органа Совета был образован 17 октября Исполнительный Комитет в составе 31 человека: 22 депутатов и 9 представителей партий. Представители партий, бывшие в Совете, правом решающего голоса ни в Совете, ни в Комитете не пользовались. Значение Совета в течение 50 дней революционной борьбы было громадно. Совет являлся как бы вторым, параллельным правительством рядом с царским правительством Трепова и Витте. Благодаря распоряжению крупной промышленностью и транспортом Совет держал в своих руках важнейшие хозяйственные артерии страны. По образцу Петербургского Совета были образованы Советы рабочих депутатов в Москве, Одессе и др. городах. Государственное значение Советов во время революции было признано и ее врагами („Новое Время"). Оно то повышалось, то понижалось сообразно росту самой революции и силе политической стачки, как революционного орудия. Как форма рабочей демократии, Советы уже тогда выявили свои основные черты. Они не совпадали с партиями и, следовательно, не были строго партийным правительством. Они были органом непосредственного классового представительства рабочих. Они были носителями государственной власти, поскольку это позволяли фактические условия. Они об'единяли законодательную и исполнительную власть. И, наконец, они опирались на хозяйственное значение пролетариата, в данном случае на его роль в капиталистическом производстве. Крушение революции после декабрьского восстания в Москве привело к гибели и Совет рабочих депутатов в Петербурге. 3-го декабря Совет в полном своем составе был арестован. А затем впоследствии был инсценирован особый процесс, где члены Совета были подвергнуты суду за совершение государственного преступления, а именно—образования преступного сообщества в целях низвержения существующей власти.

II. Советы февральской революции 1917 г. С первой победой революции 1917 года воскресли вновь и Советы. Уже 27 февраля собрался особый временный Исполнительный Комитет, составленный из рабочих, солдат и некоторых общественных деятелей; в тот же день он созвал Совет рабочих и солдатских депутатов, образованный из выборных по одному депутату на одну тысячу рабочих и по одному на каждую роту восставших солдат, а также из представителей демократических и социалистических партий и групп. В своем воззвании от 28 февраля Совет определил свою цель и значение: т. к. для „успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию", то Совет и принял все соответственные меры—„назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда" и пригласил „все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами". Другими словами, Совет признал себя правомочным органом революционной государственной власти. Однако, первоначально Совет не взял полноты власти в свои руки: он дал возможность образования другого, чисто буржуазного, правительства. Эту власть захватил избранный советом старейшин (сениорен-конвент) государственной думы особый временный комитет, который первоначально весьма скромно определил свою задачу, как „водворение порядка в Петрограде и сношение с различными учреждениями и лицами", но уже 28 февраля об'явил себя „вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка", а вместе с тем и „создание нового правительства, соответствующего желаниям населения и

могущего пользоваться его доверием". Временный комитет назначил и министров „первого общественного кабинета". 10-го марта образованный временным комитетом совет министров при посредстве „временного переименования" предпринял меру громадной важности, а именно—провозгласил сам себя „временным правительством". Такого рода акт получил юридический смысл благодаря отречению Николая II от престола и отречению великого князя Михаила Александровича, который приглашал в своем акте „всех граждан державы российской подчиниться временному правительству, по почину государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок... учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа". Благодаря этому, с точки зрения старого права, временное правительство превратилось в верховного и единственного, как говорилось впоследствии, „исполнителя и охранителя народной воли".

Все эти акты захвата власти со стороны буржуазии не встречали никакого решительного противодействия со стороны Совета депутатов, т. к. в нем преобладание имели умеренные социалистические партии (социал-демократы меньшевики и социалисты-революционеры). С другой стороны, временное правительство вначале считало необходимым действовать путем фактического соглашения с Советом депутатов, о чем иногда упоминалось в туманной форме в некоторых правительственных актах. Так, при назначении первого совета министров была сделана ссылка на „содействие и сочувствие столичных войск и населения". Сама программа первого кабинета министров была одобрена Советом депутатов, а в число членов кабинета вошел один из президиума Совета депутатов, Керенский. Одно из важнейших постановлений временного правительства—об образовании местных продовольственных комитетов, в самом акте упоминает о том, что оно принимается „в согласии с Советом рабочих депутатов", с другой же стороны, определяется продовольственная власть, как „новая власть в лице продовольственной комиссии, комитета, государственной думы и Совета рабочих депутатов".

Однако, если в первоначальных актах Советы депутатов упоминаются рядом с временным комитетом, то приблизительно с 7-го марта это упоминание прекращается и с 10-го марта отпадает совершенно. Советы депутатов становятся лишь фактической организацией подсобного характера, исключенной из состава официального правительства. Когда же в Советах стала все более укрепляться оппозиция, двоевластие закончилось сначала скрытой, а затем и открытой борьбой между двумя правительствами, и уже после демонстрации 21 апреля, вынудившей первую перемену в составе временного правительства, последнее прибегло не только к протестам и жалобам, но и угрозам. „Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину", так гласит акт временного правительства по поводу демонстрации и заканчивается угрозой, т. к. „встает страшный призрак междоусобной борьбы и анархии, несущий гибель свободе". Демонстрация пролетариата и солдатских масс, шедших за партией большевиков 3—5 июля, обозначается временным правительством в акте 7-го июля уже как выступление „против государственной власти". Нежелание войск продолжать войну характеризуется в акте 12 июля, как „позорное поведение", для прекращения которого восстанавливается смертная казнь. 2-го августа принимаются особые „исключительные меры" против народного движения, восстанавливается внесудебный арест и высылка за границу „опасных лиц", и 4-го августа воскрешаются статьи царского уложения о наказаниях для виновных не только „в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в

России", но и „на смещение органов верховной государственной власти" или даже „на лишение их возможности осуществлять таковую". Наконец, в сентябре распубликовано временным правительством его постановление от 6-го июля, где за один только „публичный призыв к неисполнению законных распоряжений власти" полагается крепость или тюрьма.

Такая политика временного правительства, которое, с одной стороны, оттягивало созыв учредительного собрания, а с другой не принимало никаких мер ни к установлению демократической республики, ни к удовлетворению насущных социальных интересов масс, в виде, например, решения земельного вопроса, вызвало многочисленные народные волнения и усиление революционной партии социал-демократов большевиков в Советах, которое закончилось после попытки временного правительства опереться на вооруженную силу (ген. Корнилов) решительным шагом. А именно: Петроградский Совет постановлением от 31-го августа, а Московский от 6-го сентября приняли резолюции, в которых прямо отвергались „исключительные полномочия временного правительства и его безответственность", требовалось возвращение к первоначальному источнику революционной власти, к „решительной власти революционного пролетариата и крестьянства", и была провозглашена „решительная борьба широких народных масс за власть ", отнятую у нее временным правительством. Петроградский Совет, протестуя 11 сентября против попытки временного правительства опереться на особое демократическое совещание, уже требует „создания власти из уполномоченных представителей рабочих, крестьянских и солдатских организаций", а после крушения упомянутого совещания прямо заявляет, что „отпор контр-революции может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии—Советами рабочих и солдатских депутатов и им подобными органами". „Только Советы, раздавившие мятеж Корнилова, могут спасти революцию", и потому они „должны сейчас мобилизовать все свои силы", а для об'единения действий должен быть созван Всероссийский С'езд Советов. Несмотря на противодействие умеренно настроенного Цент. Исполн. Комитета, в резолюции 25-го сентября С'езд призывается Советом создать „истинно революционную власть", что было воплощением охватившего с неудержимою силой народные массы лозунга, который гласил: „Вся власть Советам".

Необходимо отметить, что даже до октябрьского переворота, который целиком воплотил этот лозунг Советов, несмотря на крайне неблагоприятное их положение в качестве одной из властей государственного „двоевластия", им удалось провести ряд мер, которые впоследствии облегчили захват всей полноты власти. К таким мерам принадлежат: разоружение офицерского корпуса и создание армейских комитетов, уничтожение монархии и провозглашение республики, созыв учредительного собрания, проведение восьмичасового рабочего дня, осуждение империалистической войны и провозглашение мира без аннексий и контрибуций. Все это приходилось проводить через временное правительство, и лишь разгром армии „порядка" Корнилова был исключительно делом Советов. Однако, Советы имели еще одно препятствие на пути овладения полнотой государственной власти. Этим препятствием было созванное временным правительством учредительное собрание. Если бы последнее было созвано согласно тем государственно-правовым обычаям, которые господствуют в демократических республиках современного типа, то конфликта между Советами и учредительным собранием не произошло бы. Ибо, как мы знаем (см. *Учредительное собрание*), в тех случаях, когда учредительное собрание созывается при наличности уже установленной республиканской формы правления, оно играет весьма скромную роль. Оно является лишь специальной комиссией, которая получает определенное задание от непосредственного носителя народного верховенства или суверенитета, причем такое учредительное собрание ограничивается выполнением поста-

вленных ему заданий и представляет выработанные проекты на утверждение или всенародному голосованию или заменяющим его органам.

В России ко времени созыва учредительного собрания временным правительством уже была провозглашена республика, а следовательно не могло быть и речи об установлении какой-то новой формы правления. Могла итти речь лишь о выработке К. для уже имеющейся Российской Республики. И такой законопроект подлежал утверждению или всенародного голосования или заменяющих его в качестве непосредственного органа масс—Советов. Учредительное собрание 1917 г., вопреки логике событий и государственной практике современных демократий, было созвано на платформе его полновластия. Конфликт между ним и Советами, которые после свержения временного правительства возвратили себе полноту власти, был неизбежен. Первоначально Советы попробовали вступить на примирительный путь общей демократической практики и предложили учредительному собранию принять определенные тезисы и декларацию, как основу своей деятельности. Но после того, как учредительное собрание отказалось выполнить волю III Всероссийского С'езда Советов, как носителя верховной власти Российской республики, оно было распущено. Ибо, как совершенно правильно сказано в декрете о роспуске учредительного собрания от 6 января 1918 года: „Российская революция с самого начала своего выдвинула Советы рабочих, солдатскихъ и крестьянских депутатов, как массовую организацию всех трудящихся и эксплоатируемых классов, единственно способную руководить борьбой этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение.“ Как сказано далее, „в течение всего первого периода Российской революции Советы множились, росли и крепли“, пока, наконец, во время октябрьской революции не произошла окончательно „передача всей власти в руки Советов“.

Если характеризовать те достижения, которых добилась власть Советов в период до октябрьского переворота, то они сводятся к следующему: 1) они получили всеобщее распространение в качестве территориальных государственныхъ организаций, вступивших в конкуренцию с местными органами управления и самоуправления. 2) Они охватили своей организацией не только те крестьянские массы, которые находились под ружьем и были представлены с самого начала в солдатских, матросских и казачьих Советах, но и Советах крестьянских и батрацких депутатов. 3) Они получили завершение во Всероссийском С'езде, с'ездах областных, губернских и т. д., которые под разными названиями Совета Советов или С'езда Советов начали слагаться в общую ткань местного и центрального представительства. 4) Складываются в этот период основы советского избирательного права с его различными нормами для разных классовых и профессиональных категорий избирателей и 5) окончательно утверждается система соединения законодательной и исполнительной власти, так что Советы являются вместе с тем органами активного управления.

III. Советы Октябрьской революции и конституция 10 июля 1918 года. После октябрьской революции организационная работа Советов продолжается как в центре, так и на местах. И несмотря на то, что центральное правительство в первый период своего существования посвящает свое главное внимание ликвидации войны и установлению мира, оно в то же самое время ведет лихорадочную деятельность внутри и закладывает основы советского строя. Декретом 28 октября 1917 г. II-го Всероссийского С'езда Советов создается Совет Народных Комиссаров в качестве „рабочего и крестьянского правительства“, в составе коего создаются „комиссии“—впоследствии народные комиссариаты, при чем работа этих комиссий под руководствомъ их председателей, об'единенных в Совет народных комиссаров, должна итти „в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих“. Право назначения, смещения и кон-

троля над деятельностью народных комиссаров предоставляется Всероссийскому С'езду Советов и его Центральному Исполнительному Комитету. Декретом от того же числа устанавливается и общее положение, что „вся власть отныне принадлежит Советам". Характерно, однако, что рабоче-крестьянское правительство в первых актах именуется „временным". Декретом Совета Народных Комиссаров от 30 октября 1917 г. устанавливается порядок утверждения и опубликования законов, которые издаются непосредственно рабоче-крестьянским правительством и подлежат контролю Центрального Исполнительного Комитета, имеющего право во всякое время „приостановить, изменить или отменить всякое постановление правительства." На ряду с упразднением старых учреждений идет организация нового порядка. 12 ноября 1917 г. уничтожаются сословные различия и гражданские чины; 14 ноября вводится рабочий контроль во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и прочих предприятиях через заводские и фабричные комитеты; 24 ноября обнародуется декрет о праве отзыва тех делегатов, которые не соответствуют соотношению сил классов и отношению классов к партиям; 24 ноября в декрете о суде провозглашается народный суд, который получает право судить на основе „революционной совести и революционного правосознания"; в дополнение первого декрета о земле об'является 13 декабря положение о земельных комитетах и соответственная инструкция; 17 декабря национализируются банки и т. д., а в 1918 году следуют не только отдельные декреты вроде отделения церкви от государства и школы от церкви, но и акты III Всероссийского С'езда Советов — резолюция „о федеральных учреждениях Российской республики" и декларация, провозгласившая „права трудящегося и эксплоатируемого народа", которая вошла впоследствии в состав конституции 10 июля.

На местах в этот период продолжается работа по организации Советов, при чем господствует большая пестрота в их составе и деятельности. В этот период мы встречаемся с далеко идущей децентрализацией и самоуправлением Советов, которые порою доходят до широкой автономии, а иногда и независимости. Происходит распыление и раздробление прежней царской России, при чем каждый местный Совет самостоятельно осуществляет меры земельной политики, национализирует поземельные владения, проводит меры по жилищному вопросу, национализирует банки, облагает революционными налогами буржуазию, создает свою финансовую систему вплоть до взимания таможенных пошлин и ведет борьбу с контрреволюцией. Особенно была чувствительна для центра податная политика местных Советов, так что декретом Совета Народных Комиссаров от 8 декабря 1918 г. были, наконец, точно урегулированы финансово-хозяйственные права местных Советов. В этот же период вырабатывается и советская система представительства, которая, несмотря на известную пестроту в отдельных местах, все же сохраняет известные общие черты. Выборы производятся не по территориальным участкам и числу населения, а по отдельным хозяйственным, профессиональным и социальным организациям, между которыми число депутатов опять-таки распределяется не поровну, а сообразно их общественному значению и весу.

В Советах этого времени мы находим депутатов от следующих общественных соединений: промышленных предприятий, профессиональных союзов, военных единиц, железнодорожных организаций, почтово-телеграфных учреждений рабочих кооперативов, волостей, сельскохозяйственных коммун, политических партий и интеллигентных тружеников. Пропорция весьма различна. Как показывает пример Московского Совета, профессиональные союзы посылали по одному депутату на 5.000 человек, но всего не более десяти, хотя бы число избирателей достигало полумиллиона, кооперативы посылали по одному или двум, несмотря на коли-

чество их членов, в то время как промышленные предприятия посылали одного делегата на тысячу, пятьсот или даже меньшее число рабочих. Шло далее и расчленение Советов на различные отделы; так, например, среди отделов Кронштадтской коммуны мы находим следующие: финансы, заготовка продовольствия и товаров, распределение и торговля продовольствием и товарами, квартиры, врачебно-санитарное дело, санитарно-техническое дело, механика, техника и промышленность, ремонт и строительство, хозяйственная заготовка, труд, культура и просвещение, военное дело, юстиция, общественная помощь, милиция, красная гвардия и военное дело, контроль. Что касается, наконец, роста Советов, то в течение декабря 1917 и января 1918 гг. они размножаются с чрезвычайной быстротою на всем пространстве бывшей царской России и в одних местах конкурируют с органами местного управления и самоуправления, в других кооперируют с ними, а в третьих упраздняют их и становятся на их место. Рост Советов совершается совершенно стихийно и в массовом об'еме. Ни о каком декретировании Советов из центра говорить не приходится. Поэтому, когда настало время выполнить задание III С'езда о разработке и издании Советской конституции, то, по существу, законодателю пришлось лишь закрепить на бумаге и формулировать уже твердо сложившуюся практику.

Председ. комиссии, образов. для выработки конституции, Я. М. Свердлов, характеризовал цели комиссии на V С'езде след. образом: „Мы, разрабатывая конституцию, имели в виду главным образом, интересы урегулирования, интересы установления стройности в советской работе повсюду на местах". Т. обр., целью было „внести полную планомерность, организованность, стройность во все наше советское строительство". В виду этого комиссия в отличие от работы III С'езда, где декларация, по словам того же Свердлова, „суммировала положение трудящегося человека в социалистическом обществе, как в свое время декларация прав великой французской революции определяла положение человека в буржуазно-капиталистическом обществе", не творила ничего нового, ее задача была формально-организационной. Результатом работ комиссии по составлению конституции явился проект, обнародованный в „Известиях ВЦИК", который был затем внесен в комиссию, образованную под председательством Ленина при Центральном комитете РКП, для внесения его от имени коммунистической фракции на рассмотрение V С'езда Советов. В то же самое время коллегия народного комиссариата юстиции, не удовлетворенная проектом комиссии, внесла со своей стороны вполне разработанный проект Советской Конституции, который был сопровожден критическими замечаниями относительно проекта комиссии.

Главными пунктами этой критики были следующие: 1) слишком расплывчатая и неопределенная форма многих положений, 2) отсутствие регулирования таких вопросов, как издание законодательных и правительственных актов, порядок пересмотра конституции, меры воздействия центральной власти на местные, порядок образования на местах органов центральной власти и т. п., 3) определение избирательного права по буржуазно-демократическим образцам, применительно к территориальному принципу числа населения и числа избирателей и, наконец, 4) внесение в конституцию положения о местных властях без указания пределов власти, разграничения ведомства и точного определения ответственности. При рассмотрении указанных двух проектов—с одной стороны, конституционной комиссии, а с другой, коллегии народного комиссариата юстиции, в основу был положен первый, с тем, чтобы были сделаны нужные дополнения при помощи второго. Для об'единения проектов была создана особая комиссия, которая от имени фракции коммунистов и внесла на рассмотрение V С'езда так выработанный проект конституции. Он был принят С'ездом после речи Ленина, заявившего о несовершенстве предлагаемого конституционного акта, но вместе с тем указавшего на особый

характер конституции в советском государстве, где она имеет характер рабочего плана и подлежит постоянным изменениям, согласно данным практического опыта.

IV. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 10 июля 1918 г. Сравнение советской конституции, принятой V-м С'ездом Советов, с конституциями буржуазных демократий показывает прежде всего, что действительно Советам была совершенно чужда мысль о конституционномъ акте, как высшем проявлении правового закона, обладающего характером верховности, неизменности и общественной справедливости. Наоборот, этот акт, в который была включена уже упомянутая выше „декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа“, определенно проникнут началами цели и целесообразности. Сам закон является лишь средством для выполнения „основной задачи“, рассчитанной на „настоящий переходный момент“ (ст. 9-я К.). Основная цель такого переходного строя намечается следующим образом: „Уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах“ (ст. 3-я К.). Эта же цель высказывается и в другом месте, где к задачам „полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет.... деления на классы“, присоединяется еще уничтожение „государственной власти“, ибо она признается несовместимой с „водворением социализма“ (ст. 9-я К.). За этими общими целями следуют задачи более частного характера; к ним принадлежат „установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти“ (там же). Перечисляются отдельные цели, установленные республикой по отношению к ее гражданам, при чем почти все положения, говорящие о правах граждан, начинаются с характерных слов: „в целях“, за которыми уже следует указание и самой цели и различных прав, направленных в качестве средств к выполнению поставленной цели (ст. ст. 13, 14, 15, 16 и 17 К.).

Что же касается, „Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа“, то здесь прямо отмечаются отдельные задачи, выполнение которых служит лишь средством для осуществления выше поставленной общей цели. Таковы: национализация земли, фабрик, заводов, рудников и т. п., аннулирование займов старого режима, национализация банков, введение всеобщей трудовой повинности, вооружение трудящихся и полное разоружение имущих и т. п. (ст. 3-я, п.п. а, б, в, г, д, е, ж К). Насколько К. имеет декларативно-целевой характер показывает то обстоятельство, что в ней весьма часто описывается и то, что уже сделано для осуществления поставленных целей (см. указанные выше пункты ст. 3-й). В К. вошли и такие частные цели, как уничтожение „варварской политики буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения Азии, в колониях вообще и в малых странах“, и, с другой стороны, провозглашение независимости Финляндии, вывод войск из Персии, об'явление самоопределения и независимости Армении и т. д. (ст. ст. 5-я, 6-я К.). В К. оказались указанными даже те задачи, которые имели временный характер и относились целиком к империалистской войне. Таково указание на необходимость „организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собою армий и достижение, во чтобы то ни стало, революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций“ (ст. 4-я К.).

На ряду с таким характером целесообразности важно отметить и другую черту конституции. Как уже видно из приведенных положений, она отнюдь не расчитывает на вечность и неизменность. Она организует власть лишь на время социалистического переход-

ного периода, при чем высшей целью ее остается совершенное устранение государственной власти путем перехода к коммунистическому обществу с его отсутствием классов и аппарата политического принуждения. Вот почему самое понятие власти в отличие от формального понятия „суверенитета“ или даже народного суверенитета буржуазно - демократических республик здесь заменяется различными, иногда весьма конкретными определениями. Так, в одном месте говорится специально о „диктатуре городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства“ (ст. 9-я К.), в другом она описывается в виде „мощной всероссийской Советской власти“ (там же), или же обозначается по общему образцу, как „верховная власть“ (ст. 12-я К.), или как „высшая власть“ (ст. 24-я К.), или, наконец, в согласии с революционными лозунгами, как „вся власть“ (ст. 1-я К.) и т. п. Носитель такой, хотя и временной,но тем не менее государственной власти, определяется вполне точно: „Вся власть в пределах... республики принадлежит всему рабочему населению страны, об'единенному в городских и сельских Советах“ (ст. 10-я К., ее 11-я часть), или, как сказано в другом месте: „Россия об'является республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам“ (ст. 1-я К.). Этими положениями определяется весьма важная сторона советского строя. И хотя в К. упоминается о специальных носителях „верховной власти“ или „высшей власти“ в РСФСР, а именно о Всероссийском С'езде Советов и его Центральном Исполнительном Комитете (ст. 12-я, 24-я, 30-я К.), но в последнем случае мы имеем дело лишь с непосредственными органами Советов, и на первый план выдвигается именно то положение, которое формулировано выше, и которое было провозглашено еще во время революции в лозунге: „Вся власть Советам“.

Этим определяется то свойство советского строя, что здесь верховная власть принадлежит не народу или нации, как таковым. Она принадлежит непосредственно всей совокупности Советов, как органов диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. С этой стороны каждый местный Совет признается не только органом самоуправления в определенных территориальных рамках, но прежде всего носителем верховной власти, образующим путем делегации все здание высших органов, начиная с волостного С'езда и кончая С'ездом Всероссийским, а впоследствии и союзным. Место отдельного индивида, снабженного по буржуазным конституциям полнотою политических и гражданских прав, занимает в советской стране коллективная организация господствующего класса, об'единенного в Советы. Народ или нация индивидов буржуазного общества здесь поэтому вполне логично заменяется „республикой Советов“ (ст. 1-я К.), а сами Советы являются „высшей в пределах данной территории властью“ (ст. 60-я К.). Логическим выводом отсюда является положение, по которому: „Советы областей, отличающихся особым опытом и национальным составом, могут об'единяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всех могущих быть образованными областных об'единений вообще, стоят областные С'езды Советов и их исполнительные органы (ст. 11-я К.). Такая формулировка „высшей власти Советов“ вполне отвечает историческому их происхождению и дает об'яснение весьма своеобразной союзной природе советского строя. Ибо на подобие того, как в Соединенных Штатах Америки отдельные штаты, а в Швейцарском союзе кантоны, не превосходящие подчас по размеру нашей волости, об'единились впоследствии в союзное государство, так и у нас различные Советы с их более или менее значительной территорией слились сначала в единую Российскую Социалистическую Федеративную и Советскую Республику, а впоследствии в целый Союз Советских Социалистических Республик. Что такое об'единение совершилось не без труда, об этом свидетельствуют многие работники советского строительства (Владимирский), которые след. обр. характеризуют действия

местных властей, вплоть до 1919 года: „Областные учреждения до сих пор еще продолжают издавать свои законы и декреты, нередко противоречащие декретам центральной власти, внося хаос и путаницу в общую законодательную работу Советской республики. Создается на местах и в областях ряд преград и запретов... стесняющих передвижение продуктов и людей в пределах Республики. Издается на местах и в областях ряд постановлений, тормозящих работу центра по распоряжению имуществом Республики: таможней, заводами, эвакуированными грузами, запасами всякого рода. Наконец, непомерно разрастающаяся ведомственная переписка... грозит утопить живую работу Советской власти в море ненужной бумаги“. Многие Советы и республики защищали „полную, абсолютную, в ущерб интересам других Советов, власть Советов у себя на месте“. Нет сомнения, что весь раздел К. РСФСР, посвященный характеристике власти на местах, в значительной степени является данью такой первоначальной независимости Советов, т. к. действительно не устанавливает точных отношений власти и подчинения, пределов действия центральных органов Республики и местных Советов.

Ст. 61-я К. след. обр. определяет компетенцию местных Советов: „Областные, губернские, уездные и волостные органы Советской власти, а также советы депутатов имеют предметом своей деятельности: а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов советской власти; б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях; в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение; г) об'единение всей советской деятельности в пределах данной территории“. Это определение страдает рядом недостатков, которые об'ясняются вполне не только спешностью работ конституционной комиссии, но и условиями времени. Характерно, что здесь идет речь не об исполнении постановлений высших органов, но только о „проведении их в жизнь“. Этим как бы признается право за местными Советами своего рода пересмотра постановлений высшей власти, которые при проведении в жизнь могут быть так или иначе видоизменены. Такому пониманию содействует задача „об'единения всей Советской деятельности“ на местах, а следовательно, как бы отказ центральной власти от такого об'единения в пользу местных Советов.

С другой стороны, таким функциям противополагается специально деятельность „в культурном и хозяйственном отношениях“ и „вопросы, имеющие чисто местное значение“. Здесь выясняется двойственное значение местных Советов, которые в этот период выступают в качестве своего рода заместителей высших органов Советской власти и в то же время в виде органов местного самоуправления. Отсутствие строгого и точного разграничения между той и другой категорией дел в первое время служило решительно на пользу местных Советов, тем более, что в отличие от неопределенности компетенции местной власти предел ведомства центральных органов—Всеросс. С'езда и Всеросс. же Центрального Исполнит. Комитета был определен довольно точно и, следовательно, давал впечатление, что все прочие дела тем самым относились к компетенции местных органов. Так, к предметам ведомства Всероссийского С'езда и его Исполнительного Комитета были отнесены: „Все вопросы общегосударственного значения, как то: а) утверждение, изменение и дополнение конституции РСФСР, б) общее руководство всей внешней и внутренней политикой РСФСР, в) установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории РСФСР или принадлежащих ей прав, г) установление границ и компетенции областных Советских союзов, входящих в состав РСФСР, а также разрешение споров между ними, д) принятие в состав РСФСР новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее, е) общее административное разделение территории РСФСР и утверждение областных об'единений, ж) установление и изменение систем мер, весов

и денег на территории РСФСР, з) сношения с иностранными государствами, об'явление войны и заключение мира, и) заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений, к) установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей на территории РСФСР, л) утверждение бюджета РСФСР, м) установление общегосударственных налогов и повинностей, н) установление основ организации вооруженных сил РСФСР, о) общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр., п) назначение и смещение как отдельных членов СНК, так и всего СНК в целом, а также утверждение председателя СНК, р) издание общих постановлений о приобретении и утрате прав российского гражданства и о правах иностранцев на территории Республики, с) право амнистии, общей и частичной. Сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского С'езда Советов и Всероссийского ЦИК подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению" (ст. ст. 49, 50 К.).

Значительные изменения в структуре Советов принесла с собой дальнейшая эпоха в развитии советского строя, получившая в истории наименование „военного коммунизма". Этот период, как известно, заключал в себе усиленную деятельность по экспроприации земли и средств производства у буржуазии, энергичное подавление этой последней при помощи мер террора, ведение войны с державами стран согласия, вооруженных мерами интервенции и блокады, и в то же самое время ведение гражданской войны против белых армий, образованных буржуазией, поместным классом и их союзниками среди населения. Военный коммунизм сводился к введению режима осажденной крепости, при чем в руках государства было сосредоточено производство и потребление, была введена трудовая повинность, и все силы страны сосредоточены для целей борьбы. Такое положение необходимо вызвало крайнее напряжение государственной власти и привело к крайней централизации, выдвинувшей на первый план не местные Советы, а центр с его военным, финансовым и продовольственным аппаратом. Неопределенность компетенции местных Советов послужила к тому, что фактически господствующее значение получил пункт „а" ст. 61 К., при чем „проведение в жизнь" превратилось в самое настоящее, беспрекословное и немедленное исполнение. Под влиянием такой централизации, которая поддерживалась при помощи совершенно непредусмотренных конституцией чрезвычайных комиссаров и полномочных представителей центральной власти на местах, развился порядок, который в общем и целом сводился к след. отношениям.

1. Местные Советы попрежнему остались носителями всей полноты государственной власти. Их компетенция и впоследствии ни разу не была ограничена в том смысле, чтобы у них отнималось право обсуждать все вообще государственные дела и принимать по ним те или иные резолюции. Однако, осуществление таких решений на подобие деятельности Советов первого периода от них отошло. Для этого был отныне открыт исключительно путь делегирования депутатов на высшие С'езды вплоть до Всероссийского, где эти делегаты могли поставить любой вопрос общегосударственного характера на обсуждение С'езда. В этом отношении решения Советов, как носителей всей полноты власти, концентрировались исключительно в Всероссийском С'езде и его Исполнительном Комитете. Можно сказать, следовательно, что верховная власть Советов образуется путем ее восхождения снизу вверх и при помощи избрания делегатов, посылаемых в центр. При этом надо отметить, что не только не имеется запрещения императивных мандатов, но что делегаты весьма часто привозят с собой разные местные наказы для обсуждения и голосования. Местные Советы, т. обр., являются не только носителями власти, но и участниками в обще-государственной работе, но не столько непосредственно, сколько через свои высшие представительные органы. Этим осу-

ществляется принцип так называемого „демократического централизма", сложившегося первоначально лишь в рядах коммунистической партии, а затем и государства Советов.

2. Благодаря централизации эпохи военного коммунизма особенно развилась чисто административная связь между местными органами и центром. На местах выросли в большом числе учреждения, непосредственно не подведомственные Советам, но подчиненные различным ведомствам, центрам и главным управлениям (главкам). Особенно развилась такая сеть ведомственных органов на местах в области военного, финансового, производственного и продовольственного дела. Рядом с этим отделы местных исполнительных комитетов при советах или с'ездах были почти оторваны от местной организации и прямо подчинены центральным органам. Пункт „г" 61-й ст. К. этим был совершенно нарушен в целом ряде отдельных областей активной администрации. Вопросы местного значения, так же, как культурного и хозяйственного, отошли на задний план.

3. Лишь в самых незначительных размерах поэтому уцелела связь между отдельными местными органами — Советами, их Исполнительными Комитетами или Исполкомами и отделами Исполкомов, которые лишь с окончанием гражданской войны и блокады, с началом хозяйственного возрождения и строительства стали опять теснее связываться друг с другом. Таким образом, лишь параллельно с зависимостью отделов от центра стала складываться более или менее прочная связь и ответственность тех же отделов от местного Исполкома, а с тем вместе и от соответственного Совета или С'езда Советов. Здесь стала выясняться возможность параллельного использования одного и того же органа, который, с одной стороны и в одном отношении, оказывался в подчинении центру, а с другой, в известном круге дел в подчиненности у местной Советской власти. Благодаря такому развитию намеченные конституцией органы советской власти получили впоследствии следующую форму.

1) *Система Советов.* За исключением некоторых сельских местностей, где вопросы управления разрешаются общим собранием избирателей, Советы образуются во всех деревнях, селах, станицах, фабрично-заводских поселках, местечках, городах, аулах, хуторах и т. п. Советы посылали первоначально делегатов на С'езды таким образом, что волости. С'езд образовался из представителей всех сельских Советов. Уездные С'езды образовались из делегатов как сельских, так и городских Советов. Губернские С'езды создавались из депутатов от городских Советов и Советов фабрично-заводских поселков с населением свыше 5.000 жителей, а также из депутатов от волостных С'ездов, проходящих, таким образом, две ступени выборов. Областные С'езды образовались из городских депутатов и депутатов уездных С'ездов. Наконец, на Всероссийском С'езде мы имели депутатов городских Советов и депутатов от губернских С'ездов. Только тогда губернский С'езд мог заменить уездный при посылке делегатов, а уездный—волостной, если первые произошли позднее, а следовательно более правильно выражают интересы избирателей. Впоследствии, однако, т. к. все выборы стали производиться почти одновременно, то исключение стало общим правилом, и сельские депутаты стали образовывать лишь волостной С'езд, волостные—уездный, уездные—губернский и т. д. Положение городских депутатов при этом осталось неизменным.

С другой стороны, принимались все меры, чтобы на С'ездах Советов принимали участие „представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы, а равно и тех местностей, где вопросы управлений решаются общим собранием избирателей" (Постановление 7 Всероссийского С'езда Советов). С'езды, т. обр., должны охватывать все без исключения Советы местностей, которые обязательно должны принимать участие в выборах на С'езды и посылать своихъ депутатов. Система Советов заканчивается по К. 10 июля Всероссийским С'ездом, и этот орган сыграл важную роль в истории со-

ветского строя. История деятельности С'ездов, этих непосредственных представителей местных Советов и вместе высших органов власти, весьма замечательна. Так, 2 С'езд, первый после Октябрьской революции, создал центральное правительство в лице Совета Народных Комиссаров, издал знаменитое обращение о мире ко всем воюющим странам и к трудящимся о национализации земли и фактически установил верховную власть Советов. 3 С'езд окончательно покончил с буржуазной демократией и парламентаризмом, утвердил центральные органы Советской республики и принял „Декларацию прав". 4 С'езд ратифицировал Брестский мир и вместе стал организатором всех дальнейших побед Советской власти. Он же перенес столицу России из бывшего императорского Петербурга в советскую Москву. 5—закрепил продовольственную диктатуру и организацию Красной армии, а также утвердил первую Советскую Конституцию. 6—окончательно сформировал борьбу против белых армий и обеспечил победу Советов. Начиная с 7 С'езда мы находим последовательное развитие и дополнение Советского строя рядом учредительных постановлений по вопросу Советского строительства. 8 С'езд действует в этом же духе и упорядочивает отношения центральных и местных властей. 9 С'езд закрепил переход от военного коммунизма к новой экономической политике. 10 С'езд Советов установил основы для создания Союза Советских Социалистических Республик посредством заключения особого договора с ними. И лишь 11 Всероссийский С'езд теряет свое значение высшего органа Советов, потому что в виду об'единения Советских республик в Союз одновременно с ним работает первый и второй С'езды Союза, принимающие не только Конституцию Союза, образованную на основе договора четырех республик, но и ряд важнейших законоположений, определяющих структуру Союза и его сочленов. Можно сказать без преувеличения, что высшее осуществление учредительной власти, принадлежащей Советам, сконцентрировалось сначала во Всероссийских, а затем Общесоюзных С'ездах. Через них Советы осуществляют высшую государственную задачу организации власти.

2) Система Исполкомов. На ряду с системой Советов и С'ездов создалась другая система, а именно исполнительных комитетов или Исполкомов. Каждый Совет депутатов „для текущей работы" „избирает из своей среды исполнительный орган (Исполнительный Комитет).... Исполнительный Комитет всецело ответствен перед избравшим его Советом" (ст. 58 К.). „С'езд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) избирает свой исполнительный орган—Исполнительный Комитет", который „всецело ответствен перед избравшим его С'ездом Советов" (ст. 55 К.). „Всероссийский С'езд Советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который всецело ответствен перед Всероссийским С'ездом Советов" (ст. ст. 28, 29 К.). Эти Исполнительные Комитеты меньше всего являются исполнительными органами Советов в общем смысле слова. Это невозможно уже потому, что государство Советов не знает того разделения властей, которое является основой буржуазно-демократического порядка. Здесь нет необходимости исключительных гарантий для частной собственности, а следовательно и выделения судебной власти, как самостоятельной и независимой области государственного верховенства. Здесь также отсутствует необходимость законодательного соглашения между отдельными классами, образующими диктатуру буржуазии, а следовательно нет нужды в специальном законодательном органе, который бы путем борьбы парламентских фракций создавал такой закон на основе парламентского соглашения. В республиках Советов отсутствует также специальная административная или исполнительная власть, которая бы имела своей специальной задачей охрану частной собственности и осуществление буржуазной диктатуры в рамках парламентом изданного закона и под ответственностью перед судами, оберегающими частного собственника. С самого на-

чала Советы поэтому об'единяли в своих руках исполнительную и законодательную власть, т.-е. были органами чисто делового характера. Поэтому Исполкомы при Советах являются в буквальном смысле слова комитетами, выделенными из своей среды Советами, и в виду этого осуществляют своеобразную функцию. В промежутках между сессиями С'ездов они осуществляют всю полноту Советской власти в пределах той территории, в которой действует их С'езд. На местах Исполкомы работают совместно с Советами, ведя постоянную работу, подотчетную Советам (ст. 30, 56 К.).

Значение Исполкомов в центре и на местах сложилось весьма различно, благодаря различию компетенций центральных органов и местной власти. В центре до образования союзного Исполкома Всероссийский Исполнительный Комитет приобрел совершенно исключительное значение. Так как его сессии созываются значительно чаще, нежели С'езд, и состав его менее многочислен, то он получил значение „высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа РСФСР“. Он „дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов советской власти в стране, об'единяет и согласует работу по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь советской конституции, постановлений Всероссийских С'ездов Советов и Центральных органов Советской власти“. „ВЦИК рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народных Комиссаров или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения“. „ВЦИК созывает Всероссийский С'езд Советов, которому представляет отчеты своей деятельности и доклады по общей политике и отдельным вопросам“. Наконец, он „образует Совет Народных Комиссаров для общего управления делами РСФСР и отделы (народные комиссариаты) для руководства отдельными отраслями управления“ (ст. ст. 31, 32, 33, 34, 35 К.). Такая деятельность приводит к необходимости известного разграничения компетенции между ВЦИК'ом и с'ездами. Конституция определяет предметы ведения Всероссийского С'езда и ВЦИК'а, как общую сферу их деятельности в статьях 49 и 50 К., с которыми мы уже познакомились выше. Специально выделены, как подлежащие „исключительному ведению Всероссийского С'езда“ „а) установление, дополнение и изменение основных начал советской конституции и б) ратификация мирных договоров“. Однако, и здесь сделана весьма существенная оговорка относительно пункта „б“, т. к. „при невозможности созыва Всероссийского С'езда“ ВЦИК имеет право на „сношения с иностранными государствами, об'явление войны и заключение мира“, а также „установление и изменение границ, а равно частей“ территории РСФСР (ст. ст. 51, 52 и п. „з“ ст. 49 К.). Практика, впрочем, разрешила вопрос о пределах ведомства С'езда и ВЦИК'а следующим образом. Неоднократно изменения К. предварительно принимались и приводились в действие постановлениями ВЦИК'а, которые впоследствии вносились на утверждение С'езда. Что же касается остальной сферы компетенции ВЦИК'а, то практика установила лишь то различие между с'ездами и ВЦИК'ом, что на решение первого вносятся наиболее важные дела, требующие торжественной декларации или учредительного акта.

За ВЦИК'ом, т. обр., осталась важнейшая и законодательная и правительственная работа, которая приблизительно развилась в следующем направлении. 8 С'езд установил требование, чтобы „все декреты, касающиеся установления общих норм политической и экономической жизни, а также все декреты, вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов“ обязательно рассматривались во ВЦИК'е, которому также предлагается „усилить контроль“ над „работой ведомств и местных Советов“, с предварительным обследованием деятельности этих учреждений при помощи особых комиссий. Специально же на обязанность Президиума ВЦИК'а возложено разрешение „вопросов и конфликтов, касающихся взаимо-

отношений между наркоматами, главками и центрами, с одной стороны, и местными исполкомами, с другой", „вопросов административн.-хозяйственного деления РСФСР, а также отмена и утверждение постановлений Совнаркома. На практике эти постановления свелись к обеспечению за ВЦИК'ом, кроме общих законодательных функций, еще высших правительственных и контрольных. Остановимся на них подробнее. Законодательная функция закреплена за ВЦИК'ом не только К., но и специально постановлениями 8 С'езда. Она сводится, т. обр., во-первых, к утверждению „всех постановлений и решений Совнаркома, имеющих обще-политическое значение" (ст. 41 К.). ВЦИК'у здесь принадлежит право пересмотреть, изменить, дополнить, отвергнуть соответственный акт или же издать вместо него другой закон либо постановление „в порядке управления". Во-вторых, ВЦИК издает самостоятельно, по собственной инициативе, необходимые „общие нормы" и постановления, „вносящие коренные изменения в существующую практику", причем „все законодательные мероприятия по делам военным и все влекущие за собой обязательства для РСФСР" предварительно должны быть рассмотрены и утверждены Совнаркомом (по ст. 8 С'езда). Сообразно с такими задачами число членов ВЦИК'а было увеличено до 386 человек, при нем были образованы постоянные комиссии: бюджетная, федеральная, административная и т. п. На ВЦИК же возложена задача по особо тщательной подготовке как С'ездов, так и сессий самого ВЦИК'а, с обязательством опубликовывать законопроекты и необходимые для них материалы за месяц до С'езда или за два до сессии. К высшей правительственной функции ВЦИК'а принадлежит далее охрана законности в Республике. Еще 6 С'езд в 1918 году призвал всех граждан и учреждения Республики „к строжайшему соблюдению законов РСФСР". На ВЦИК возложена обязанность „наблюдать за проведением в жизнь" постановлений законодательных органов страны. Для этой цели ВЦИК образует особые комиссии по обследованию деятельности наркоматов и губисполкомов, устанавливает точные штаты учреждений РСФСР, ставит „очередной задачей обследование целого ряда государственных отправлений", как то: продовольственного дела, жилищного вопроса, транспорта, топливного дела и т. п., обращает особенное внимание на „усиление надзора за работой всех органов, устранение волокиты и упрощение аппарата их", привлекает „широкие трудящиеся массы" в органы государственного контроля Советов, т.-е. рабоче-крестьянской инспекции. В частности на ВЦИК было возложено особое наблюдение за правильным ходом и развитием деятельности местных Советов и „за выполнением постановлений 7 и 8 С'ездов о советском строительстве" (ст. 31, 32 К., пост. 8 С'езда).

Деятельность ВЦИК'а по охране законности и контролю не получила специального развития, так как ни рабоче-крестьянская инспекция не установила достаточной связи со ВЦИК'ом, ни последующая реформа, об'единившая ее работу с партийным контролем, не приблизила ее ко ВЦИК'у. Контроль последнего, таким образом, получил лишь обще-административный характер. Важнее инструкторская функция ВЦИК'а, которая была разработана 7-м и 8-м С'ездами. Здесь особые обязанности возложены на президиум, который и „является руководящим центром по инструктированию всей работы как в центре, так и на местах". Такие общие обязанности обыкновенно дополняются разными специальными поручениями, которые с'езды дают ВЦИК'у, как, например, выработать инструкцию о порядке выборов в волостные и сельские Советы, ускорить меры по выработке советских аппаратов и определению их штатов, создать инструкцию в целях укрепления Советов и их значения, приближения их к массам трудящихся, упорядочения их производства и т. п. Судебные и судебно-административные функции ВЦИК'а, которые первоначально были довольно широки, в настоящее время значительно сократились и едва ли не ограничиваются судебно-административной деятельно-

стью по разрешению конфликтов между разными учреждениями и изданием инструкций и постановлений относительно дисциплинарных и административных взысканий, налагаемых на служащих и членов Исполнительных Комитетов. Лишь амнистия целиком осталась в руках ВЦИК'а. Рост правительственно-административных задач ВЦИК'а привел фактически к развитию деятельности Президиума ВЦИК'а, положение которого было юридически оформлено 7-м и 8-м С'ездами. Президиум стал по отношению ко ВЦИК'у своего рода малым Исполнительным Комитетом в такой связи с ним, как ВЦИК по отношению к С'езду. Президиум стал комитетом комитета, с тем лишь различием, что изданные президиумом „в порядке управления необходимые постановления от имени ВЦИК'а" подлежат обязательному докладу в очередные сессии ВЦИК'а. Вместе с тем на Президиум перенесено и право ВЦИК'а по отмене постановлений Совета Народных Комиссаров опять-таки с последующим сообщением об этом очередным сессиям ВЦИК'а. К самостоятельной компетенции Президиума отнесены дела по надзору и контролю, о спорах между учреждениями, вопросы административно-хозяйственного деления и подготовка с'ездов и сессий ВЦИК'а.

Переходим к местным Исполкомам. Как мы видели выше, эпоха военного коммунизма отразилась на местных учреждениях двояким образом. С одной стороны, она дала естественное преобладание постоянно действующим органам по сравнению с собирающимися лишь периодически (в полугодичные или годичные сроки), а с другой—она привела к раздроблению самих Исполкомов на отделы, ставшие в непосредственную зависимость от органов центральной администрации. С возвращением Советов к мирному строительству были приняты меры к оживлению деятельности местного советского самоуправления. Однако, здесь опять-таки на первый план были выдвинуты не непосредственно Советы или их С'езды, но Исполкомы, так как в них был центр административно-хозяйственной работы. Постановлениями 7-го и 8-го С'ездов местным Исполкомам был придан следующий вид. Прежде всего была установлена непосредственная связь между ними и центром: „Исполнительные Комитеты... подчинены выше стоящему Исполнительному Комитету, Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров". Это положение 7-го С'езда дополняло ст. 52-ю К., где говорилось, что „с'ездам Советов и их Исполнительным Комитетам принадлежит право контроля над деятельностью местных Советов (т.-е. областным—право контроля над всеми Советами данной области, губернским—над всеми Советами данной губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных С'ездов и т. д.)". Отсюда положение 8-го С'езда о том, что „постановления Исполкомов и их президиумов могут быть отменяемы выше стоящими с'ездами, Исполкомами, их президиумами, ВЦИК-ом, его Президиумом и Совнаркомом". Этим Исполкомы освобождались от непосредственного подчинения народным комиссариатам и ставились в связь с высшими органами центра. Специально оговорено, что Исполкомам и их президиумам имеют право давать предписания „только выше стоящие Исполкомы, их президиумы, ВЦИК, его Президиум и Совнарком". Этой подчиненностью высшим органам власти (но не отдельным наркоматам) соответствует и право Исполкомов представлять выше стоящему Исполкому, Совнаркому или ВЦИК'у соображения о неудобствах выполнения распоряжения народного комиссариата или выше стоящего Исполнительного Комитета или его отдела, при чем, однако, такое оспоренное распоряжение не приостанавливается, но проводится в жизнь. В тех же случаях, когда распоряжения отдельных народных комиссариатов или выше стоящих отделов явно не соответствуют постановлениям Совнаркома или ВЦИК'а, такие распоряжения могут быть приостановлены Исполкомом с тем, что он не только представляет свои соображения о необходимости отмены данного распоряжения выше стоящим органам, но и привлекается к суду в том случае, если его соображения неправильны. Лишь выводом из

такого положения Исполкомов является обязанность центра в тех случаях, когда он сносится с отделами Исполкома, вести переписку или прямо через Исполком, или, во всяком случае, если распоряжение дается непосредственно отделу, сообщать копию его Исполкому.

На ряду с этими мероприятиями, делающими местные Исполкомы центром советского управления, так как впоследствии им было дано также право издания обязательных постановлений, были приняты меры к упразднению непосредственных органов центра на местах, стоящих вне зависимости и связи от Исполкомов, так что в конце концов и всевозможные лица, командируемые на места центральными учреждениями, и различные уполномоченные были или введены в состав отделов или исчезли совершенно. В качестве общего принципа было принято, что „центральные ведомства по правилу ведут дела через местные Советы и их отделы, упраздняя неподведомственные местным Советам отделения и специальные управления". На основании этого правила в состав Исполкомов вошли не только „все постоянные местные органы и административно-хозяйственные учреждения всех народных комиссариатов", но и „все органы, создаваемые временно для ударных работ" (Пост. 8-го С'езда). Завершением этой системы было, наконец, установление твердой связи и зависимости между Исполкомами и их отделами. Как мы увидим дальше, отделы были непосредственно связаны с отдельными народными комиссариатами, для которых они являлись местными органами. Для установления связи между отделами и пленумами Исполкомов, так же как их президиумами, было необходимо определить роль Исполкомов как по отношению к отделам, так и отдельным наркоматам.

Мы здесь имеем следующие положения: „Все крупные мероприятия отделов как принципиальной, так и практической важности, равно как и сметы отделов... должны вноситься отделами на утверждение Исполнительного Комитета". На отделы возложена обязанность исполнения всех предписаний и распоряжений и местного и выше стоящих Исполкомов, так же как соответствующего народного комиссариата. И заведующий и члены коллегии отделов избираются Исполнительным Комитетом, при чем соответствующий народный комиссар имеет лишь право отвода заведующего. Наконец, ответственность за деятельность отделов и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти возлагается не только на заведующего отделом, но и на Исполнительный Комитет. 9-м С'ездом права Исполкома по отношению к отделам были расширены еще в том смысле, что первым предоставлено право закрытия существующих отделов и образование новых—при наличности, однако, соглашения с соответствующим народным комиссариатом с утверждения Совнаркома. Это развитие было завершено постановлениями ВЦИК'а 11-го созыва, которые не только дальнейшим образом разработали положение ВЦИК'а по этому поводу от 1920 года, но и обосновали известную автономию волости в лице ее Исполкомов и сельских обществ с их Советами. Волостные Исполкомы этим самым были введены в общую цепь Исполкомов и снабжены важными правами как по осуществлению прав юридического лица волости, самостоятельного бюджета, так и права издания обязательных постановлений, а также дисциплинарных взысканий с должностных лиц, подчиненных волости. Все приведенные мероприятия бесспорно выдвигают Исполкомы на положение крупных центров не только общей администрации, но также контроля, надзора, охраны законности и действительного об'единения всей советской власти на местах. Исполком по отношению к отделам становится постепенно на такое место, какое занимает ВЦИК и отчасти Совет Народных Комиссаров по отношению к отдельным народным комиссариатам.

3. Система наркоматов и отделов. По К. Совет Народных Комиссаров является органом, которому „принадлежит общее управление делами РСФСР" (ст. 37 К.). Такое определение, однако, далеко не исчерпывает пределов власти и компетенции, так как Совнарком не только издает „рас-

поряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни", но также издает „декреты", т.-е. акты законодательного или высшего правительственного (указного) значения. Даже крупные меры общеполитического характера, подлежащие рассмотрению ВЦИК'а, осуществляются Совнаркомом в случаях неотложности. С этой стороны Совнарком является органом верховного управления, тогда как отдельные образующие его наркоматы и отделы суть установления подчиненного управления. В настоящее время Совнарком разделяется на Большой и Малый, имеющий своего особого председателя, где рассматриваются все сметные дела отдельных наркоматов. Особенного развития при Совнаркоме достигла его комиссия—Совет Труда и Обороны, компетенция которого выросла из чисто военного совета обороны и впоследствии включила в круг своего ведомства и все важнейшие экономические задачи. В эпоху военного коммунизма Совет Обороны имел почти диктаторские полномочия, в настоящее же время он подчинен Совнаркому и в значительной степени поглотил круг дел Высшего Совета Народного Хозяйства, так как последний перешел на положение своего рода экономического ведомства в составе других наркоматов. Т. обр., Совет Труда и Обороны, или сокращенно СТО, в настоящее время имеет своею целью „согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства". Для этого он „устанавливает единый хозяйственный план РСФСР", „направляет работы экономических наркоматов" и осуществляет хозяйственный план на практике. Постановления СТО по силе своей обязательности тем отличаются от постановлений Совнаркома, что могут быть отменены или изменены не только ВЦИК'ом, но и Совнаркомом.

Отдельные наркоматы и подчиненные им отделы местных Исполкомов образованы по общему типу бюрократических учреждений. Наркоматы, как установления подзаконные, издают постановления и делают распоряжения исключительно „в пределах своей компетенции", „точно указанных в соответствующих декретах". Они же ведут „текущую работу" на местах при посредстве местных отделов и заведуют отдельными отраслями управления (ст. 35, 37, 38, 41, постановления 7-го и 8-го С'ездов). И наркоматы и отделы подчинены единоличной власти народных комиссаров (наркомов) или соответственных заведующих. При них состоит коллегия, мнение которой не обязательно, но которая обладает правом протеста, при чем здесь возможны три случая. 1) Коллегия может не согласиться с решением заведующего или наркома и, не приостанавливая исполнения, доводит о своем несогласии до сведения президиума Исполкома или до сведений Совнаркома. 2) Коллегия отдела может найти распоряжение наркомата или выше стоящего Исполкома, либо его отдела, „невыполнимым", и, не приостанавливая исполнения, представляет об этом президиуму, который принимает дальнейшие меры. 3) „При явном несоответствии данного распоряжения постановлениям Совнаркома или ВЦИК'а", коллегия делает представление в уездный или губернский Исполком о немедленной приостановке данного распоряжения, что и может быть выполнено этими установлениями и за их судебной ответственностью. (Ст. 45 К., пост. 7-го и 8-го С'ездов). Несмотря на двойную зависимость отделов—с одной стороны, от наркоматов, а с другой—от местных Исполкомов, необходимо признать, что до настоящего времени подчиненность отделов ведомственным наркоматам гораздо более сильна, нежели местная зависимость от Исполкомов. И хотя здесь приняты известные меры, а именно—у наркоматов отнято право непосредственного назначения заведующих и членов отдела, уполномоченные и комиссары центра введены в состав отдела и тем самым связаны с местными Исполкомами, у наркоматов отнято право самостоятельного декретирования, и, следовательно, подчинение им совершается лишь в рамках постановлений высших органов—С'езда, ВЦИК'а и Совнаркома—наконец,

наркоматы лишены непосредственного права увольнения заведующих и членов коллегии отделов и наложения на них дисциплинарных взысканий, тем не менее приходится говорить о бесспорном перевесе ведомственного подчинения по линии выше стоящего отдела и наркомата, нежели Исполкома.

В особенности такое иерархическое подчинение нужно отметить в ведомствах, обладающих строгой централизацией, каковы военные, Высший Совет Народного Хозяйства и органы борьбы с контр-революцией. Финансовое ведомство теряет такой строго централизованный характер по мере роста союзного или федеративного начала в республике. Необходимо отметить, что сокращение числа отделов в местных исполкомах, повлекшее за собой сосредоточение в том или ином отделе дел нескольких наркоматов, естественно способствовало ослаблению их зависимости от какого-нибудь одного наркомата и укрепляло связь с местным исполкомом. Со стороны политической наркоматы и отделы сделались центром сосредоточия профессионально-технического состава и, следовательно, служащей интеллигенции. Бюрократическая система управления, которая по старому наполеоновскому образцу соединяет ответственного заведующего и совещательный голос коллегии, не принесла ничего нового в организацию административной работы. В результате—возрождение старых бюрократических навыков, развитие всех бедствий канцелярского засилия. Эти черты достигли особенного развития в эпоху военного коммунизма, так что еще в 1920 г. один из знатоков советского управления (Сапронов) след. образом рисует картину „бюрократического централизма". Здесь мы видим, как „нелепые распоряжения, даваемые через голову Исполкомов" на места, привели там к „оторванности", „параллелизму", „дезорганизации работы", „бешеной анархии конкуренций" и породили такие „мелочи", как „протекционизм, прислужничество, помпадурство, буржуазные излишества, кумовство, круговую поруку" и т. д. Так в борьбе против первоначальной анархии Советов народные Комиссариаты „решили централизовать все сверху до низу по ведомствам, ценою разодрания на куски местных Исполкомов". Такое развитие бюрократизма первоначально парализовалось при помощи института партийных комиссаров, которые, будучи связаны с пролетариатом и происходя из пролетарской среды, должны были скреплять после просмотра каждый акт работающих в составе советских учреждений бюрократов. Впоследствии болезнь бюрократии устраняли при помощи расширения власти Исполкомов. В настоящее время, по мысли Ленина, совместно работают слитые в одно ведомство Рабоче-Крестьянская Инспекция и контрольные аппараты коммунистической партии. Наиболее действительным средством здесь является, во-первых, воспитание технической интеллигенции из рядов рабочего класса, а во-вторых, возможное усиление контроля Совета и С'ездов над работой и отделов и Исполкомов и, в третьих, рост гласности и значения прессы, особенно же института свободных рабочих и крестьянских корреспондентов („рабкоры" и „кресткоры").

4) *Советы, Исполкомы и отделы.* Взаимная связь разобранных трех систем выясняется в следующих отношениях. а) *Со стороны их состава.* Система Советов и С'ездов дает органы, наиболее близкие к населению. Здесь действуют или непосредственно сами трудящиеся в составе собрания избирателей или их делегатов, которые по общему правилу проходят одну или две ступени выборов (в сельских Советах 1 делегат на 200 жителей). Только в некоторых случаях мы встречаемся с трехстепенной системой делегации. Исполкомы являются уже созданием Советов и С'ездов, а, следовательно, по самому происхождению своего состава рождаются из двух-трех- и четырехстепенной системы выборов. Ибо Исполкомы по общему правилу избираются или Советами — сельские и городские Исполкомы, или С'ездами—волостные, уездные, губернские, областные, всероссийские. Дальше всего от населения стоит состав Совнаркома и отделов, т. к. Совнарком избирается ВЦИК-ом, а заведующий и коллегия отделов—местными Испол-

комами. И если эти выборы происходят из своей среды, то заведующие и коллегия отделов могут быть избраны Исполкомами из числа лиц, не принадлежащих к составу самих Исполкомов. Привлекаемые на советскую службу специалисты не имеют никакого отношения к воле первичных избирателей. Они назначаются наркоматами или Исполкомами. б) *Периодичность и постоянство деятельности.* В обратном отношении к связи с широкой массой трудящихся, рабочих и крестьян стоит срок продолжительности деятельности в сессиях, наркоматах и отделах. В то время как отделы, наркоматы, Совнарком и президиумы представляют собой постоянно действующие учреждения, сельские и городские Советы собираются не реже двух раз в месяц, волостные, уездные, губернские и всероссийские С'езды не менее раза в год. Такое соотношение близости состава к населению и периодичности деятельности привело Советы в последнее время к необходимости найти способы приближения населения непосредственно к деятельности Исполкомов. На этом основании, согласно постановлениям 7-го и 8-го С'ездов, на обсуждение общих собраний Советов должны ставиться „все вопросы как местного, так и государственного значения“, на заседания Советов должно привлекать „возможно большее количество рабочих и крестьян, устраивая эти заседания в рабочих кварталах и по возможности на крупных фабриках и заводах“, а рядом с Исполкомами создаются особые совещания: при волостных исполкомах из представителей сельских Советов, не реже одного раза в месяц, при уездных — из представителей волостных Исполкомов, тоже не реже одного раза в месяц, а при губернских—из представителей уездных и районных Исполкомов не реже одного раза в два месяца. Проект реорганизации волостных Исполкомов, принятый ВЦИК 11-го созыва, возлагает на волостные органы власти обязанность устраивать сессионные совещания волостных Исполкомов из представителей профессиональных союзов, делегатских женских собраний, общественных организаций и имеющихся на территории волости фабрик, заводов и государственных предприятий. Сельские Советы по тому же проекту должны устраивать всякого рода собрания и сходы в целях раз'яснения сущности и значения советского законодательства. Этим создаются как бы суррогаты непосредственной деятельности Советов и С'ездов, оттесняемых на второй план деятельностью активной администрации и Исполкомов. в) *Децентрализация и самоуправление.* Сопоставление круга ведомства Советов и С'ездов, с одной стороны, наркоматов и отделов, с другой, привело к особенному усилению посредствующей деятельности Исполкомов, которые и заняли центральное место в советском строительстве. Непосредственный контроль Советов над деятельностью активной администрации осуществляется лишь во время собраний и сессий и не получил подробной регламентации в законе. Напротив, усилился контроль со стороны Исполкомов, занявших по отношению к Советам и С'ездам довольно независимую позицию. Непосредственное руководство Исполкомами отделов должно еще более усилить такую независимость, а выборность Исполкомов с их правом назначения личного состава отделов и правом образования и упразднения отделов, в связи с опорою во ВЦИК'е и правом протеста, укрепляет Исполкомы также по отношению к наркоматам и отчасти Совнаркому. И децентрализация и самоуправление идет по линии Исполкомов, но не непосредственной деятельности Советов и С'ездов. Лишь в последнее время (1923—24 гг.) наблюдается стремление усилить значение местных Советов, как городских, так и сельских. Особенное значение должно здесь иметь предоставление известных финансовых прав и самостоятельных источников местного хозяйства, которые влекут за собой возрастающую ответственность не только отделов, но и самих Исполкомов пред Советами и С'ездами.

IV. *Советы и население.* Организация власти Советов, как диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, необходимо ставит вопрос о соотношении классов в таком государстве пере-

ходного периода. Исторически мы имеем здесь две эпохи. Во время господства военного коммунизма все силы пролетариата и революционного крестьянства были направлены непосредственно к подавлению и отчасти уничтожению его классовых врагов, т. е. буржуазии в виде финансовой, торговой, промышленной и землевладельческой группы капиталистов. В это время пролетариат обеспечивает полноту политических и гражданских прав лишь за собою и своими союзниками. Существенные изменения в этом порядке должна была принести с собой, так называемая, новая экономическая политика, период которой сменил господство военного коммунизма.

Эта новая политика или НЭП повлекла за собой следующие перемены. 1) Признание в известных пределах частной собственности; 2) развитие денежного обмена и 3) образование внутреннего рынка. При этих условиях оказалась необходимость заключения известного компромисса между господствующими классами пролетариата и крестьянства, с одной стороны, и мелкой, отчасти крупной, буржуазией, как классом, подвергнутым известным стеснениям и ограничениям—с другой. Окончание гражданской войны повлекло за собой и установление известного рода гражданских прав для всего населения страны безотносительно его классовой принадлежности. Политические права, а в частности право избрания в Советы, и при новом порядке остались целиком за трудящимися. Рассмотрим эти права в отдельности.

1) *Избирательное право*. В основе его лежит классовое разделение. „Не избирают и не могут быть избранными" в Советы: „а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступление с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники". К этим социальным категориям присоединяются политические разряды людей, лишенных избирательного права. Таковы—монахи и духовные служители, бывшие полицейские и члены царствовавшего в России дома (ст. 65-я К.). Эта категория буржуазии и ее защитников во время гражданской войны (в 1919 году) была дополнена более подробным списком, где указывались специальные признаки лиц, которые принадлежали к свергнутому революцией и воюющему против нее классу, т.-е. „бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском и буржуазном строе". Однако, этот список не был применен при определении избирательных прав советских граждан. Понятию буржуазии противополагается понятие трудящихся. Таковы „все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые промышленностью, торговлей, сельским хозяйством и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом в целях извлечения прибыли". К избирателям далее принадлежат солдаты советской армии или красноармейцы военные моряки флота и граждане, входящие в категории, перечисленные в указанных пунктах и „потерявшие в какой-либо мере трудоспособность". Все эти категории могут быть обняты одним понятием „трудящихся". На практике эти положения К. толкуются распространительно, так что лица, входящие ранее в состав буржуазии, а теперь „добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом", получили право выборов в Советы. Лишь в тех местностях, где еще сравнительно недавно свирепствовала гражданская война, практика требует ограничительного толкования, и в выборах не участвуют бывшие крупные помещики и фабриканты и бывшие царские чиновники не ниже 5-го класса, если они своей работой не доказали готовности верно служить республике. Ограничения избирательного права, вытекающие из различных естественных свойств лица или его государственной принадлежности, в конституции РСФСР

сведены до минимума. Исключаются из числа избирателей лишь душевнобольные или умалишенные, граждане не достигшие гражданского совершеннолетия (18 лет), состоящие под опекой, лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. Иностранцы допускаются к пользованию избирательным правом, если они проживают „на территории Российской республики для трудовых занятий“ и принадлежат „к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству“ (ст. 64-я, 65-я и 20-я К.). Самые выборы происходят не только на классовой основе. Но так как избиратели лишь постольку принадлежат к составу трудящихся, поскольку они действительно заняты в производстве или какимнибудь видом общеполезного труда, и так как, с другой стороны, основой диктатуры пролетариата является господство над средствами производства, то и самые выборы происходят по „производственным единицам“ и организациям трудящихся.

Т. обр., мы получаем в качестве избирателей следующие категории: 1) рабочих и служащих фабрик и заводов, 2) крестьян, как трудовых землепользователей, 3) красноармейцев и военных моряков, 4) служащих общественных учреждений, 5) занятых домашним хозяйством членов семейств указанных групп, 6) остальные категории населения, добывающие средства к жизни общеполезным трудом (как напр., мелких ремесленников, подгородных и пригородных крестьян, учащихся и т. п.). Сравнительно с первоначальным образованием Советов здесь отпали некоторые категории, как, например, некоторые организации интеллигентных тружеников (напр., учителей), представители партий, кооперативов и т. п. Для выборов указанные категории избирателей распределяются или по сельским или по городским избирательным единицам.

Что касается городов, то здесь мы встречаем несколько типов организации выборов. 1) Мы находим самую старую систему, а именно выборов по предприятиям и учреждениям, ротам, эскадронам, профессиональным союзам и т. п. В этих случаях отбор делегатов происходит в узких избирательных единицах, производственные интересы коих делегаты и представляют в Советах. Иногда такие избирательные единицы распределяются на участки, об'единяющие известное их число. Так, напр., в одном городе было создано 38 единиц: 2 красноармейских, 5 для профессиональных союзов, 31 для учреждений и предприятий. Семьи избирателей причислялись к тем единицам, где голосовали сами рабочие или служащие. Уклонением от такой системы является: 2) система выборов по профессиональным союзам—производственным и иным (напр., работников просвещения, советских служащих и т. п.). 3) Следующей системой являются выборы по продовольственным районам, что имело место в эпоху военного коммунизма. 4) Имелись попытки создать „общие избирательные округа“, которые живо напоминают всенародное голосование буржуазной демократии. Вторую, третью и четвертую системы нужно считать нарушением К., так как избирательное право определяется не только классовым, но и производственным принципом, а следовательно необходимо ведет к неравномерности распределения депутатов по числу населения. В основе такой неравномерности лежит различная классовая и производственная ценность избирателей для Советов и их деятельности. Поэтому мы имеем следующее распределение депутатов между городом и деревней: на Всероссийский С'езд Советов городские Советы посылают по расчету одного депутата на 25.000 избирателей, а губернские С'езды Советов—по одному депутату на 125.000 жителей. Точно также один депутат областных С'ездов приходится на 15.000 избирателей в городах и 25.000 жителей в уездах, один депутат губернских С'ездов приходится на 2.000 городских избирателей и 10.000 жителей сельских, один в уездных С'ездах на 200 городских избирателей и 1000 сельских жителей, один на волостных С'ездах на 100 жителей, один на городских Советах на 1000 жителей (200 избирателей) и на

сельских Советах один на 100 жителей. Еще более замечательна пропорция среди самих избирателей. В отдельных разрядах избирателей указанная норма отношения одного депутата на число избирателей колеблется от 50 до 500. В этих пределах обыкновенно наименьшее число мест предоставляется служащим в различных учреждениях (советской интеллигенции), которые выбирают по одному на 150 и 200 избирателей, тогда как там же рабочим предоставляется по одному на 50 избирателей. Различные нормы предоставляются красноармейцам, военным морякам, семьям рабочих, учащимся и т. д. В основе лежит не механическое равенство, а целесообразность. Именно ею определяется тот факт, что в то время, как сельские общества посылают на Всероссийские С'езды по одному на 125.000 жителей, в сельские Советы они дают по одному на 100. В результате избирательное право в РСФСР есть не прирожденное право отдельных граждан, а результат всего строя республики, построенного по классовому и производственному принципу; оно организуется по типу отбора лучших рабочих сил для советского правительства, при помощи делегатского представительства от мелких социально-хозяйственных единиц (ст. ст. 25 и 53 К.).

„Подробный порядок производства выборов, а равно участия в них профессиональных и иных рабочих организаций определяется местными Советами согласно инструкции ВЦИК'а". „Выборы производятся согласно установившимся обычаям в дни, устанавливаемые местными Советами", „в присутствии избирательной комиссии и представителя местного Совета" или за отсутствием этих лиц—председателя избирательного собрания. О ходе и результате выборов составляется протокол за подписью членов избирательной комиссии и представителя Совета. Весь материал по производству выборов поступает в соответственный Совет, где избранная им мандатная комиссия проверяет выборы и докладывает о том Совету, которому и принадлежит окончательное право утверждения или неутверждения депутатов. Дела о неправильности выборов в целом и вопрос об их отмене разрешаются высшим по порядку органом советской власти, последней же инстанцией кассационного порядка является ВЦИК (ст. ст. 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77 К.). Полезно отметить, что на ряду с выборами в Советы, производимыми таким сложным путем, в коммунистической партии и профессиональных союзах, в виду равноценности их сочленов, практикуется обычный демократический порядок выборов на началах строгой пропорциональности.

2) *Права граждан.* Права граждан РСФСР определялись в зависимости от двух начал: во-первых, самого развития государства от первоначальной автономии Советов через военный коммунизм к новой экономической политике, а во-вторых, взаимоотношения классов в эти периоды. В период военного коммунизма гражданская война естественно привела к чрезвычайному умалению гражданских прав буржуазии. В это время лица, принадлежащие к составу нетрудового элемента находились или на положении воюющей стороны или же своего рода иностранцев, терпимых на территории Советов.

Отсюда следующие результаты. 1) Члены буржуазного класса подвергались различным репрессиям. Из их среды брались заложники, чтобы гарантировать безопасность граждан и вождей Советов. Они подвергались реквизиции и обложению чрезвычайными налогами, т. к. „городской буржуазией" и „деревенскими кулаками" в качестве „контр-революционных и паразитических элементов" при помощи „хищнической спекуляции" были приобретены „огромные денежные средства". Реквизиции подвергались также помещения, обстановка, одежда и вообще имевшиеся в избытке предметы потребления, которые распределялись среди рабочей массы. Те же меры принимались, в крайнем случае, и для снабжения Красной армии. Известные категории лиц из среды буржуазного общества изолировались в особые концентрационные лагери, дабы этим путем устранить грозящую с их

стороны опасность. 2) Даже более мирные элементы из среды воюющего класса подвергались некоторому умалению прав в области снабжения как необходимым продовольствием, так и предметами потребления. После введения карточной системы снабжения указанные слои населения снабжались в значительно меньшем размере, нежели категории трудящихся, служащих и красноармейцев. Наконец, 3) провозглашенные конституцией права трудящихся вполне последовательно, за немногими исключениями, не были распространены на нетрудящихся из состава бывших и настоящих эксплоататоров. Им были предоставлены лишь те права, которые непосредственно обнимали собой личную безопасность, также как личную честь, достоинство и т. п., поскольку это защищалось народными судами, действующими на основе революционного, а затем и социалистического правосознания.

Наоборот, как „Декларация о правах трудящегося и эксплоатируемого народа", так и, впоследствии, Конституция, определенно говорят о правах, предоставленных исключительно в пользование „трудящихся", „рабочих и крестьян", „рабочего класса и крестьянской бедноты" в противоположность „имущим классам", экономическую и политическую власть которых предполагается „сломить". Самая конструкция прав трудящихся сложна и недостаточно определена, т. к. и декларация и конституция предусматривают не только права личные, но и классовое право трудящихся. Вместе с тем в категорию прав здесь зачисляются и такие моменты, как самое воплощение социалистической программы. В общем и целом получаются следующие категории прав: 1) Право трудящихся, как определенного класса современного общества. К ним принадлежит право на социализацию земли и национализацию лесов, недр и вод общегосударственного значения, равно как поместий и сельскохозяйственных предприятий с живым и мертвым инвентарем; рабочий контроль, а затем и национализация фабрик, заводов, рудников, железных дорог и вообще средств производства и транспорта; национализация банков, вооружение трудящихся, овладение государственным аппаратом и осуществление национального самоопределения. Эти права осуществляются не лично трудящимися, но при посредстве их классовых и национальных организаций (ст. ст. 3 и 8 К.). 2) Права, которые в эпоху военного коммунизма были предоставлены трудящимся в соответствии с целями революции. Таковы—усиленная охрана их неприкосновенности, чести и достоинства, обеспечение в возможно большем об'еме средствами продовольствия и предметами широкого потребления и, наконец, избирательное право, дающее трудящимся исключительную возможность овладения государственным аппаратом, связанной с ним верховной властью и управлением государственными средствами, также как национализированными средствами производства. Наконец, 3) права, которые могут быть вполне уподоблены личным политическим правам свободы в буржуазных демократиях и состоят из права „действительной свободы совести" на основании чего „церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами", права „действительной свободы выражения своих мнений" с предоставлением трудящимся всех необходимых для этого „технических и материальных средств", права действительной свободы собраний, включающего в себя и материальные средства для осуществления такой свободы, права действительной свободы союзов опять с нужным материальным обеспечением и, наконец, права „на действительный доступ к знанию" со „всесторонним бесплатным образованием" (ст. ст. 13, 14, 15, 16, 17 К.). Из этих прав некоторые, как право свободы совести, выходят из пределов классового права трудящихся и распространяются на всех граждан РСФСР. Остальные же права возбуждают некоторое сомнение, т. к. они являются лишь выводом из вышеуказанного права трудящихся на захват орудий производства и пользование ими государственного аппарата.

3) *Обязанности граждан РСФСР.* Обязанности граждан в эпоху военного коммунизма сводились, главным образом, к воинской повинности, трудовой повинности и уплате податей и налогов. Распределение этих видов повинности было также построено на строго классовом принципе. В то время, как на рабочих была возложена подавляющая тяжесть воинской и трудовой повинности, а на крестьян—воинская повинность и податное обложение, буржуазия несла исключительный гнет в сфере податного и имущественного обложения, доходящего порой до полной экспроприации.

а) Воинская повинность. „В целях всемерной охраны завоеваний великой рабоче-крестьянской революции, РСФСР признает обязанностью всех граждан республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся, на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей“ (ст. 19 К.). Воинская повинность, таким образом, возлагается не только на трудящихся, но и на всех граждан страны с тем, однако, различием, что из граждан, „не подлежащих призыву в рабоче-крестьянскую армию“, после „перехода от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации“ создавалось особое „тыловое ополчение“.

б) Трудовая повинность. Во время военного коммунизма трудовая повинность имела также всеобщий характер. Труд был провозглашен „обязанностью всех граждан“, что выражено в известном лозунге „не трудящийся да не ест“. Это было подтверждено в кодексе труда: „для всех граждан РСФСР за из'ятиями“, особо указанными, „устанавливается трудовая повинность“ (ст. 18 К., кодекс труда, разд. 1, ст. ст. 1 и 2). Трудовая повинность, отбываемая в рамках кодекса труда, влекла за собой в то же время и заработную плату и пользование трудовыми карточками, которые давали возможность получить материальное обеспечение, а также безвозмездное потребление различных государственных средств производства и транспорта. Граждане республики пользовались, т. обр., бесплатным помещением и квартирами, бесплатными путями сообщения, почтой, телеграфом и телефоном, бесплатной медицинской помощью, школой, театрами и некоторыми предметами комфорта. Трудовое принуждение осуществлялось, однако, далеко не последовательно и неповсеместно, и тяжесть трудовой повинности несли рабочие, служащие и лица Красной армии и флота. По отношению к буржуазным специалистам и техникам интеллигентам применялись меры усиленного их снабжения, так же, как исключительного материального обеспечения. В общем и целом связь прав и обязанностей была построена по классовому принципу, при чем наибольшие обязанности ложились на трудящихся, получивших наибольшее количество прав.

в) Податное и налогое обложение. Здесь необходимо различать два вида обложения. Первому была подвергнута буржуазия, которая мероприятиями на местах и в центре подвергалась революционно-военным налогам, вплоть до полной реквизиции и экспроприаций. Второму подлежала масса крестьянства, которая была обязана отдать государству все так называемые излишки своих сборов и получений, как результат сельского хозяйства. Здесь проводился принцип пропорциональности, который при несовершенстве государственного аппарата слишком часто не получал применения. Актом 5 августа 1919 г., завершающим постановления 1918 г. о товарообмене, не только было передано органу Народного Комиссариата Продовольствия и кооперативам все снабжение всего населения предметами добывающей и обрабатывающей промышленности, а также хлебом и другими продовольственными продуктами, но вместе с тем была установлена „обязательная сдача населением продуктов сельского хозяйства и промыслов“. На основании этого акта в каждой губернии или районе устанавливалось „количество продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих обязательной сдаче“, а вместе с тем „и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения“. Как показала

практика, при крайне скудном количестве распределяемых продуктов промышленности эта мера на самом деле привела к принудительно-военному обложению массы крестьянства, которая, с одной стороны, сдавала все свои так называемые излишки, а с другой—отбывала воинскую повинность на ряду с пролетариатом.

4) *Гражданские права буржуазии.* Переход от военного коммунизма к новой экономической политике, явившийся результатом уступки настойчивым требованиям широких кругов крестьянства, привел к необходимости не только отмены разверстки по сдаче излишков крестьянами и трудовой повинности, но также компромисса с буржуазией и обеспечения за нею известных прав.

Эти права имели целью обеспечить участие буржуазии и ее капиталов как уцелевших от прежнего, так и выросших вновь из противозаконной спекуляции в общем под'еме производительности страны. В этих целях ВЦИК'ом 9 созыва были обнародованы особые „гражданские права", которые в отличие от прав политических присвоены всем гражданам без различия классовой принадлежности и касаются частного имущественного оборота. Эти права обнимают следующие категории: а) право организации промышленных и торговых предприятий и право свободного выбора профессий и промыслов; б) право собственности на немуниципализированные недвижимости; в) право застройки с вытекающим отсюда правом пользования; г) право собственности на движимое имущество; д) право на изобретения и авторское право; е) право наследования имущества, не превышающего ценности 10.000 золотых рублей; ж) право свободного заключения договоров и обязательств. Права эти распространены и на различные организации, общества, товарищества, которым присвоены права указанного частного оборота или, иначе, права юридических лиц. К этим правам сделана одна лишь оговорка: данное постановление „не имеет обратной силы и не дает права бывшим собственникам, имущество которых экспроприировано на основании революционного права до издания настоящего постановления, требовать возвращения имущества".

Впоследствии гражданские права получили дальнейшее развитие и формальное завершение в гражданском кодексе, где они обозначены след. образом: „В целях развития производительных сил страны, РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности) всем гражданам, неограниченным в своих правах". „Каждый гражданин РСФСР и Союзных Советских Республик имеет право свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущество с ограничениями, указанными в законе, совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда". „Никто не может быть лишен гражданских прав или ограничен в правах иначе, как в случаях и порядке, определенных законом" (Гражд. кодекс, ст. 4, 5, 6). Как очевидно, декларацией гражданских прав существенно изменены положения конституции 10 июля о правах и обязанностях граждан. На ряду с правами и обязанностями классового характера благодаря НЭП'у установлены также частные обще-гражданские права, которые по содержанию имеют в виду именно буржуазию. Этим на ряду с господствующим пролетарским правом установлены важнейшие положения буржуазного права, которые были еще предсказаны Марксом в его критике Готской программы и подтверждены Лениным в его „Государстве и революции". В категорию таких обще-гражданских прав надо зачислить еще упомянутое выше право свободного вероисповедания.

V. Советы и национальность. С самого начала революции Советы поставили одной из своих задач национальное освобождение угнетенных народностей. Это имело особый смысл на территории бывшей Российской империи, где

проводилась не только политика преобладания господствующей русской народности, но и беспощадная денационализация „западных и восточных инородцев“ путем их насильственного и подчас безмерно грубого обрусения. Отсюда вытекает политика Советов, построенная „на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах“. На этом основании Республика Советов была превозглашена не только классовым государством трудящихся, но об'единением освобожденных наций: „Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик“. Так сказано в декларации прав. И там же постановлено: „Стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся наций России“, предлагается „рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение... желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях“ (ст. 2, 4, 5, 8 К.).

В самом тексте К. о национальном самоопределении упомянуто в двух местах: 1) в статье 22-й отменяются „какие-либо привилегии или преимущества“ в зависимости „от расовой и национальной принадлежности“, „а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств и ограничение их равноправия“; 2) в статье 11-й Советам областей, „отличающихся особым бытом и национальным составом“, предоставлено „об'единяться в автономные областные союзы“. Более подробно права национальностей были превозглашены в особой декларации прав народов России (от 2 ноября 1917 года), где установлены: 1) равенство и суверенность народов России, 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Только таким путем предполагалось привлечь доверие к российским Советам, в результате чего „может сложиться честный и прочный Союз народов России“, „только в результате такого Союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу“.

1. Российская федерация Советов. Воплощение национального федерализма не представлялось особенно затруднительным при советском строе, так как в нем самом уже воплощено некоторое союзное начало, хотя и совершенно иного типа, нежели обычная федерация государств, как она развилась в истории буржуазной демократии. Соотношения Советов меньше всего могут быть сравнены со взаимоотношениями кантонов Швейцарии, Штатов Северной Америки или департаментов (провинций) Австралии. Как мы видели выше, представительство в Советах основано на делегации отдельных классовых социально-производственных единиц. Высшие союзы Советов точно так же построены на основе делегации от местных городских и сельских Советов. Сверху донизу проходит принцип делегации определенных хозяйственно-территориальных единиц, которые завершаются делегацией Советов и С'ездов на Всероссийском С'езде, представляющем собою Союз Советов, говоря термином К.—„Республику Советов“. Установление национальной автономии при таких условиях сводится, прежде всего, к использованию существующей союзной структуры Советов и обращению ее в автономию национального характера. Такая возможность и необходимость обосновывается общим и высшим характером пролетарской диктатуры, так как при советском строе признается не национальность вообще, а лишь национальные интересы представленных в Советах трудящихся. Речь идет, следовательно, о национальной автономии Советов и их об'единений. Практика по-

казала, что такое соединение союзного начала и национальной автономии вполне осуществимо. Воплощением этой формы явилась так называемая автономная область, представляющая собой губернскую организацию Советов, которой присвоены права известного национального языка, культуры и национального представительства. Первым образцом такой автономной области была немецкая колония Поволжья (9-го октября 1918 г.). Впоследствии за ней последовала автономная Чувашская область (24-го июня 1920 г.), Карельская трудовая коммуна (6-го августа того же года), автономная область Марийского народа (25-го ноября того же года), автономная область Калмыцкого народа (25-го ноября того же года); в 1921 г. были утверждены: автономная область Вотского народа, автономная область Коми (Зырян); в 1922 г.: Монголо-Бурятская область, об'единенная Карачаево-Черкесская область, об'единенная Кабардино-Балкарская область, автономная область Ойратского народа, Черкесская (Адыгейская) автономная область, а в последнее время Кара-Киргизская автономная область и т. п. Такие области обнимают в своей территории по возможности все местности, населенные данной народностью, а ее С'езд Советов получает права губернского С'езда, который в свою очередь избирает губернский Исполнительный Комитет. Более многочисленные народности, обладающие известной национальной культурой, выделяются соответственно в более крупные об'единения, получающие название автономных социалистических советских республик. С точки зрения государственно-правовой, название: „автономный“ здесь совершенно излишне, так как само собой разумеется, что всякая республика, как особое государственное образование, уже в силу этого „автономна“. В советском праве слово „автономный“ здесь имеет тот смысл, что этим термином отделяются неполноправные члены федерации, обладающие, так сказать, полунезависимостью от других, более крупных и независимых образований. Характерными чертами таких автономных республик являются: 1) наличность высших органов власти в виде Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров; 2) наличность автономно-выработанной конституции; 3) право автономного законодательства в определенных пределах, которые обыкновенно сводятся к ведомствам внутренних дел, юстиции, народного просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия.

Список автономных ведомств несколько разнообразится, смотря по обстоятельствам. Что же касается остальных ведомств, то они, по общему правилу, разделяются на централизованные и об'единенные. Разница между ними в том, что первые остаются целиком в руках центральной власти и в автономной республике управляются ее представителями, а вторые состоят в ведении национальных народных комиссариатов, которые в свою очередь „остаются в непосредственном подчинении соответствующих народных комиссариатов“ федеральной власти. Связь между автономными ведомствами и федеральной властью поддерживается тем, что национальные наркоматы, работающие в пределах автономной компетенции, считаются „ответственными непосредственно“ перед федеральным ЦИК'ом, т.-е. сначала Всероссийским ЦИК'ом, а впоследствии Союзным. В общем и целом отношение советского аппарата такой национальной автономной республики к центральной власти федерации построено аналогично отношениям губернской или областной власти, лишь с тою разницей, что здесь мы имеем строго определенную автономию в известных кругах ведомства, а в области так называемого об'единенного управления значительно большую зависимость национальных наркомов от местного ЦИК'а и С'езда, нежели это мы наблюдаем в обыкновенной советской провинции. Хронологически развитие автономных Советских Социалистических Республик шло следующим путем: в 1920 г. были организованы автономная Советская Башкирская Республика, автономная Татарская Соц. Сов. Республика, автономная Киргизская Соц. Сов. Рес-

публика; в 1921 году—автономная Дагестанская Соц. Сов. Республика, автономная Горская Соц. Сов. Республика, автономная Туркестанская Соц. Сов. Республика, автономная Крымская Соц. Сов. Республика; в 1922 г.—автономная Якутская Соц. Сов. Республика; в 1923 г.—Бурято-Монгольская область сливается с одноименной областью бывшей Дальне-Восточной Республики и преобразуется в автономную Бурято-Монгольскую Соц. Сов. Республику. Подобным же образом преобразуется Карельская трудовая коммуна в автономную Карельскую Соц. Сов. Республику; в 1924 году создается автономная Молдавская Соц. Сов. Республика и, в виду национального разделения территорий бывшей Бухары, Хорезма (Хивы) и Туркестана, образовывается автономная Таджикская Соц. Сов. Республика и т. п.

Значительно большую степень автономии представляют собой республики, которые не носят наименования „автономных“, но подобно Российской федерации именуются лишь Советскими и Социалистическими. Такие республики с самого начала получили большую долю самостоятельности, но вместе с тем стремились к сохранению общей союзной или федеративной связи. Так, еще в 1919 г. был издан декрет ВЦИК'а, который провозглашал „об'единение Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом“. В этом декрете, „стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя, как из резолюции Украинского ЦИК'а,... так и предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии“, ВЦИК счел необходимым „провести тесное об'единение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железно-дорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда... с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий. Об'единение должно быть проведено путем соглашения с Центральными Комитетами и Советами Народных Комиссаров указанных Советских республик“. Фактически такое соглашение оказалось в то время невозможным, так как этому препятствовали военные обстоятельства, а из указанных республик Латвия и Литва совершенно отделились от федерации, так как подпали под власть буржуазии и были превращены в обычные буржуазно-демократические республики. Часть Белоруссии отошла к Польше вследствие неудачного исхода Польско-Советской войны. Что же касается упомянутых здесь республик, а также других советских социалистических республик, образовавшихся благодаря постепенному освобождению из-под власти Антанты и белых армий, бывших частей царской России, то с ними по мере их освобождения и перехода к советскому строю был заключен ряд отдельных договоров. Главной особенностью этих соглашений было сохранение за такими республиками, особенно же расположенными на советских рубежах, права международной независимости и дипломатических сношений. Подобный внешний суверенитет или международное верховенство имели особое значение в виду европейской интервенции и блокады, вплоть до окончания гражданской войны, так как этим путем прерывалась блокада, а независимые государства, в роде Белоруссии, Украины, Грузии или Азербейджана, получали возможность путем заключения особых торговых договоров и вообще дипломатических соглашений с иностранными державами установить известную экономическую связь с внешним миром и тем способствовать импорту (ввозу) необходимых для нас иностранных товаров, также как экспорту (вывозу) нашего сырья. Такого рода политика внешней независимости оказалась не только излишней, но вредной в тот момент, когда блокада была вообще покончена, и Советская Россия, сначала путем фактического признания и торговых отношений, а затем и полного юридического признания, вошла в круг европейских держав. При таком положении вещей сепаратные соглашения пограничных советских республик с ино-

странными государствами, во-первых, легко вели к нарушению интересов всей федерации в целом, а, во-вторых, являлись орудием для частичного прорыва принципов социалистического хозяйства, в особенности же монополии внешней торговли. Международная независимость социалистических советских республик поддерживалась поэтому до вступления их в общий союз и нормировалась отдельными договорами с РСФСР. Их публично-правовое положение определялось поэтому двумя моментами. Во-первых, наличностью конституции, которая устанавливалась этими республиками на их С'ездах Советов, и, во-вторых, договорами не столько международного, сколько государственно-правового характера, согласно которым они входили в состав союза, носившего общее наименование РСФСР. Остановимся прежде всего на их конституциях.

а) *Государственное устройство союзных республик РСФСР.* Ближайшее знакомство с конституциями советских социалистических республик, связанных по договорам с общей федерацией РСФСР, дает впечатление, что все эти основные законы составлены точнейшим образом по образцу К. РСФСР и по большей части почти буквально повторяют ее положения. Лишь в очень незначительных пунктах они отличаются от своего стереотипного образца. Так, К. Белорусской Соц. Сов. Республики, принятая первым Белорусским С'ездом Советов 4-го февраля 1919 г., заключает в себе лишь часть общего состава К. РСФСР, а именно—декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа с некоторыми сокращениями, вызванными окончанием империалистской войны, и общие положения К. с перечислением прав „действительной свободы“ трудящихся и с положением о Белорусском С'езде Советов и Центральном Исполнительном Комитете; этот последний путем создания малого и большого президиумов заменял Совнарком, роль которого играл большой президиум ЦИК'а. Впоследствии, на втором Белорусском с'езде 1920 года, в качестве дополнений К. была завершена организация с'езда ЦИК'а и Совнаркома по образцу РСФСР с тем лишь отличием, что председатель ЦИК'а является здесь одновременно и председателем Совнаркома. Заслуживает упоминания положение о связи членов ЦИК'а и Совнаркома с местами, которое носит инструкционный и порою мелочный характер, так как принимает особые меры к тому, чтобы члены ЦИК'а не вносили „изменений в постановку работы на местах“, если она протекает в нормальном порядке. К. Украинской Соц. Сов. Республики, утвержденная Всеукраинским С'ездом в заседании 10 марта 1919 года и принятая в окончательной редакции Всеукраинским ЦИК'ом 14 марта 1919 года, представляет собой несколько более литературную обработку К. РСФСР с незначительными уклонениями. Так, здесь мы находим заявление о „твердой решимости войти в состав единой международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения“, а вместе о „решении вступить“ с другими братскими республиками „в теснейшее политическое об'единение для совместной борьбы“, а также „в теснейшее сотрудничество“ с ними „в области коммунистического строительства, мыслимого только в международном масштабе“.

Положение Совнаркома на Украине тем отличается от его положения в РСФСР, что Совнарком „в праве разрешать собственной властью те или иные вопросы или дела лишь по общему или специальному полномочию Всеукраинского ЦИК'а Советов; при отсутствии такого полномочия решения Совнаркома представляются на утверждение Всеукраинского ЦИК'а Советов“. Вопросы, относящиеся к компетенции С'езда Советов и Всеукраинского ЦИК'а, совершенно исключаются из компетенции Совнаркома. Ограничено и право свободного вероисповедания в том смысле, что признается лишь то „право пропаганды религиозных учений“, которые не преследуют „никаких социальных и политических целей“, а также право пропаганды „антирелигиозных учений“, которые „по духу своему“ не противо-

речат „коммунистическому мировоззрению". К. Азербейджанской Соц. Сов. Республики опять-таки целиком следует указанному образцу почти буквально. Никаких достопримечательных уклонений здесь не имеется. К. Соц. Сов. Республики Армении от 3 февраля 1922 г. представляет собой только редакционную переработку К. РСФСР с некоторыми отличиями. Так, в самой К. провозглашается „источником рабоче-крестьянского права советское законодательство, социалистическое правовоззрение и революционная совесть". „Основою же юстиции признается единый народный суд".

Право местного исполкома на приостановку распоряжений народных комиссаров обусловлено, кроме судебной ответственности, единогласным решением, да к числу лиц, лишенных избирательного права, причислены члены свергнутых правительств и начальники дашнакских дружин. К. Соц. Сов. Республики Грузии, включающей автономную Соц. Республику Аджарии, Соц. Сов. Республику Абхазии и автономную область Южной Осетии, принята на первом С'езде Советов Соц. Сов. Республики Грузии. На этой К. отразился период новой экономической политики в целом ряде положений, которые значительно смягчают суровые требования декларации прав третьего Всероссийского С'езда. Подчеркивается вместе с тем тот момент, что „государственным языком ССР Грузии является язык грузинский" на ряду с признанием права свободного развития и употребления родного языка для национальных меньшинств. Религиозная пропаганда обусловливается отсутствием „политических и социальных задач". В главе об экономической и финансовой политике изложены основы новой экономической политики, как она была принята в РСФСР. Треть населения республики имеет право созвать Чрезвычайный Грузинский С'езд Советов. Президиум ЦИК'а имеет право приостанавливать постановления Совнаркома и переносить их на разрешение пленума Всегрузинского ЦИК'а. Внесены в К. также и те изменения в положении местных органов, которые для России были установлены 7 и 8 Всероссийскими С'ездами. В перечисленные К. были внесены существенные изменения, благодаря отмеченным выше договорам, при посредстве коих эти независимые республики вступали в весьма тесную связь федеративного характера с РСФСР. Типичными здесь являются отношения между Украинской ССР и РСФСР.

Об об'единении деятельности этих двух республик сначала выносит постановление Всеукраинский Революционный Комитет, затем (25 мая 1920 г.) делает соответственное постановление четвертый Всеукраинский С'езд Советов, где он заявляет, что „УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную К., является членом РСФСР, об'единенной общностью политического и социального строя". Согласно этому постановлению делегируются специально 30 представителей Советской Украины в состав Всероссийского ЦИК'а. 28 декабря 1920 г. был заключен и на следующий день ратифицирован союзный договор между РСФСР и УССР. Согласно этому договору взаимно признается „независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон" и вместе с тем заключается „военный и хозяйственный союз". „Для лучшего осуществления" указанной цели оба правительства об'являют об'единенными следующие ведомства: военное и морское, высший совет народного хозяйства, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфов. Соответственные народные комиссариаты входят в состав Совнаркома РСФСР и в Совнаркоме УССР имеют своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых Украинскими ЦИК'ом и С'ездом Советов. Со своей стороны УССР посылает своих представителей в состав Всероссийского С'езда и ВЦИК'а. Этот договор послужил своего рода образцом, по примеру которого затем были заключены договоры между РСФСР и Азербейджаном (1920 г.), где было заключено несколько соглашений, установивших союзные ведомства. За этим последовал договор с Белорусской Соц. Сов. Республикой (1921 г.), тождественный

с договором, заключенным между РСФСР и УССР. Затем к Союзу Советских Республик присоединились ССР Армении (1920 г.) и ССР Грузии (1921 г.). На особом положении оказались те республики, которые, не имея возможности установить у себя советский и социалистический строй, до времени должны были оставаться при К. народно-демократического характера. Таковыми были, с одной стороны: республика Дальне-Восточная, а с другой, бывшие ханства Бухары и Хивы, установившие у себя республиканский порядок.

Дальне - Восточная Народная Республика является лишь временным эпизодом в истории РСФСР. Под давлением международных обстоятельств и необходимости создать буферное государство между РСФСР, с одной стороны, Японией и Китаем, с другой, из территории Восточной Сибири, начиная от Байкала и кончая Тихим океаном, была образована демократическая Дальне-Восточная Народная Республика, которая пользовалась правами независимого государства и управлялась при помощи парламента (народное собрание) и соответственных министерств. Немедленно после вывода с территории Дальне-Восточной Республики японских войск и разгрома белых Красной армией, Дальне-Восточная Республика установила у себя советский строй и вошла непосредственно в состав РСФСР (1922 г.). Более длительное существование имели Республики Бухары и Хорезма. По К. Бухарской Народной Советской Республики там вся власть принадлежала „всему бухарскому народу“ и его представительству в лице „Всебухарского Курултая“, или С'езда Советов народных депутатов. Здесь были установлены обще-демократические права свободы и специальные гарантии права частной собственности. Управление осуществлялось при посредстве Всебухарского Центрального Исполнительного Комитета и избираемого им Совета Народных Назиров, подчиненного Всебухарскому ЦИК'у. На местах были установлены общие собрания кишлака, или селения, волостные, или кентские, Советы, уездно-городские С'езды и областно-городские С'езды с их Исполнительными Комитетами. В 1924 г. эта народная республика приняла общий социалистический строй, следовательно превратилась в Бухарскую Социалистическую и Советскую Республику, а затем покончила свое существование в виду нового национального распределения государств ближнего Востока. К. Хорезмской Советской Народной Республики (быв. Хива) устанавливала порядок, более приближающийся к социализму, чем это было в Бухаре. В Хорезме мы встречаем и передачу власти Советам трудящихся и определенный фонд народного достояния из национализированного имущества, имеющего обще-государственное значение. Во главе здесь стоял Всехорезмский Курултай Советов трудящихся со своим ЦИК'ом и Советом Народных Назиров, при чем организация этих установлений построена по общему типу советской власти. В 1924 г. Хорезмская республика также перешла в состав советских и социалистических республик, а затем уступила свое место, на ряду с Бухарской Советской Социалистической Республикой, новым образованиям. Эти последние были созданы из общей территории Туркестана, Хорезма и Бухары, образовали Узбекскую Советскую Социалистическую Республику, включающую в свой состав автономную Таджикскую Соц. Сов. Республику, затем Туркменскую Соц. Сов. Республику и, наконец, Кара-Киргизскую автономную область, входящую в состав РСФСР, при чем киргизская часть Туркестана отошла к Киргизской автономной Сов. Соц. Республике, входящей в состав РСФСР. Вновь образованные соц. сов. республики должны войти на договорных началах в общий Союз ССР.

б) *Национальная федерация Советов.* До образования СССР центром федеративного устройства сначала была исключительно РСФСР. Путем договоров с перечисленными выше Советскими Социалистическими Республиками, Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией и Азербейджаном, федеративное об'единение создавалось таким образом, что, с одной стороны, известные предметы ведомства изы-

мались из компетенции входящей в состав федерации республики и передавались федеративным органам для непосредственного управления или же управления совместного. Взамен этого входящая в федерацию республика вводила своих депутатов в состав общих федеративных органов. Этим путем высшие органы РСФСР становились в то же самое время и органами всей федерации. Такое положение вещей вызывало известные неудобства, ощутимые особенно со времени установления гражданского мира и прекращения блокады со стороны иностранных держав. Международная независимость окраинных республик представлялась и бесцельной и в некоторых отношениях вредной, ощущалась вместе с тем все большая потребность в об'единении военного аппарата и хозяйственной политики, а на ряду с этим чувствовалась потребность в дальнейшем шаге национального равноправия, которое могло выразиться лишь в уравнении всех членов федерации перед общесоюзною властью, лишенной какого бы то ни было национального характера. Ступенью к созданию такого союза является образование Закавказской Федерации, возникшей благодаря об'единению трех республик Закавказья, а именно—Грузии, Армении и Азербейджана. Это об'единение было организовано при помощи заключения союзного договора на подобие приведенных выше образцов, но с тою разницей, что здесь было соблюдено возможное равноправие, а органы Союза не только не совпадали с учреждениями одной из республик, но возвышались над нею в качестве особой высшей надстройки. Само союзное образование получило имя „Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья" и было принято полномочной конференцией ЦИК'ов Закавказских республик 12-го марта 1922 года. Указанный „тесный военный, политический и экономический союз" был заключен на след. основаниях: высшая власть Союза была передана полномочной конференции представителей, делегируемых ЦИК'ами Азербейджана, Армении и Грузии в количестве 25 от каждой из республик. Исполнительным органом был признан Союзный Совет, члены которого подлежат избранию и отзыву со стороны конференции. Союзный Совет в данном случае заменяет собою Совнарком, с тою лишь разницей, что его председателем является особый президиум из трех лиц, поочередно исполняющих обязанности председателя союзного совета. В ведение Союза переходят ведомства: по военным делам, финансов, почт и телеграфа, внешней торговли, труда, рабоче-крестьянской инспекции, путей сообщения, председателя чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией. Соответствующие наркоматы в договаривающихся республиках упразднены, за исключением наркомвоенмор, чрезвычайных комиссий и рабоче-крестьянской инспекции, которые сохраняются в республике с подчинением их соответствующим союзным органам. Что же касается наркоматов труда, финансов, почт и телеграфов, то они имеют в республиках своих уполномоченных, входящих на правах членов правительства этих республик. Особое значение по К. Союза получает высший экономический совет, который устанавливает единый хозяйственный план Союза, направляет работу экономических комиссаров и наблюдает за его осуществлением.

Можно сказать без преувеличения, что вся главная деятельность Союза Республик Закавказья сводилась к работе именно высшего экономического совета, компетенция и организация которого были определены чрезвычайно подробно и внимательно. При высшем экономическом совете существовал целый ряд отдельных комиссий, при чем каждая из них образовывалась из трех лиц. Закавказский союз был, однако, лишь переходной формой к более законченному образованию. Через 9 месяцев после создания союза была организована Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, которая и получила свою конституцию 13-го декабря 1922 года, распубликованную постановлением 1-й сессии Закавказского ЦИК'а от 16-го января 1923 года. В этом акте мы находим декларацию, которая, между прочим,

провозглашает неотложным делом „образование Союза ССР — этого прообраза всемирного мощного союза всех советских стран“. Высшей государственной властью по данной К. является Закавказский С'езд депутатов, ЦИК и Совнарком. Отношения между ними установлены по общему типу К. РСФСР. В компетенцию Закавказской федерации входят ведомства или наркоматы иностранных дел, военно-морских дел, внешней торговли, путей сообщения, продовольствия, финансов, рабоче-крестьянской инспекции, труда и почт и телеграфов. В Совнарком входит также председатель закавказской чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией. Высший экономический совет сохраняет свое значение, как орган, направляющий экономическую политику Закавказья и руководящий работой республиканских советов народного хозяйства и экономических советов. На ряду с этим установлена компетенция Закавказского С'езда и ЦИК'а, которая обнимает собой сферу автономного управления федерации в деле конституционного законодательства, расширения или сужения состава федерации, установления народно-хозяйственного плана и финансового бюджета, организации землеустройства и землепользования, а также федерального верховного суда, судебного и материального права. Организованная таким образом федерация была ближайшей предшественницей Союза ССР.

2. *Союз Советских Социалистических Республик.* Решительные шаги к образованию СССР были предприняты в 1922 г., когда 10-м Всероссийским С'ездом Советов РСФСР и 7-м Всеукраинским С'ездом Советов УССР были приняты аналогичные резолюции, намечавшие основы союзного об'единения. Отметим некоторые черты этих постановлений. Так, в первом было принято: „Признать своевременным об'единение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в Союз Советских Социалистических Республик. В основу об'единения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза республик“. Избранной на С'езде делегации, которой было поручено заключение союзного договора, было поручено отстаивать положения, в которых предполагалось образование отдельных союзных органов, „слияние“ некоторых ведомств союзного значения и „подчинение“ других республиканских ведомств „директивам соответствующих комиссариатов Союзных Республик“. При обсуждении вопроса на 7-м Всеукраинском С'езде здесь были намечены более подробные положения, где, между прочим, выставлялись требования об избрании депутатов Союзного С'езда, „национальными с'ездами Советов пропорционально населению при гарантиях прав меньшинства“. Такие же гарантии прав меньшинства были установлены и для Союзного ЦИК'а. Различия между „слиянием“ и „подчинением“ ведомств здесь не проводилось, зато выставлялось пожелание учреждения органа верховного судебного контроля, „верховного суда“, из республиканских наркоматов некоторые предполагалось подчинить „руководству“ союзного Совнаркома и наркоматов, и высказывалось положение о „нецелесообразности“ постоянного совместительства должностей союзных и республиканских наркомов. В общем и целом, как очевидно, пожелания Российского и Украинского С'ездов тождественны, и следует отметить, что ни в том, ни в другом не высказывалось пожелания относительно образования какой-нибудь второй, исключительно национальной, палаты представителей. Речь шла только об известной пропорциональности. 30-го декабря 1922 г. был подписан договор полномочными делегациями от РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР, в котором были установлены, м. пр., следующие положения: новый Союз провозглашен единым государством под наименованием „Союза Советских Социалистических Республик“, определена общая компетенция верховных органов Союза, эти органы созданы по общему советскому образцу, избрание делегатов С'езда перенесено на губернские с'езды, а число депутатов установлено в пропорции одного на 25.000 городских избирателей и одного

депутата губернских с'ездов на 125.000 жителей. Число членов ЦИК'а установлено пропорционально населению каждой республики, всего в составе 371 чел., принято учреждение Верховного Суда, распределены народные комиссариаты на союзные, действующие непосредственно через своих уполномоченных в республиках, и на республиканские, подчиненные союзным. Вместе с тем принято очень важное правило, по которому „декреты и постановления Совнаркома ССР обязательны для всех Союзных Республик и приводятся в исполнение непосредственно по всей территории Союза", чем решительно изменялась прежняя практика, согласно которой акты РСФСР, как высшей союзной инстанции, проходили через республиканские органы на местах лишь при помощи их регистрации и опубликования верховными органами отдельных республик. Этот договор был утвержден первым С'ездом Советов Союза того же 30-го декабря, при чем как особая декларация, так и договор были переданы на дополнительное рассмотрение ЦИК'ов Союзных Республик, а ближайшей сессии союзного ЦИК'а поручено принять во внимание поправки и изменения, предложенные союзными республиками, утвердить в окончательном виде договор и декларацию и ввести их немедленно в действие. Во исполнение этого вторая сессия Союзного ЦИК'а об'единила декларацию и договор в основной закон или К. СССР и обнародовала ее, как К. 6-го июля 1923 г. Этим актом отменялось действие К. 10-го июля 1918 года, как союзной К., об'единяющей в своем представительстве отдельные национальные республики. Что касается новой К., то она сравнительно немного отличается от предшествующих ей актов.

В декларации замечательно особое подчеркивание национального начала и полное умолчание о тех конечных социалистических целях, которые так ярко были формулированы в декларации прав трудящихся и эксплоатируемых народов. В декларации Союза мы находим лишь общее упоминание о социализме, в то время как на первый план выдвигается „свободное развитие народов", „сотрудничество народов", „уничтожение в корне национального гнета", „создание обстановки взаимного доверия" и „основ братского сотрудничества народов". Самый Союз характеризуется, как „добровольное об'единение равноправных народов", где „за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза", при чем „доступ в Союз открыт всем Социалистическим Советским Республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем". Таким образом, и социализм и диктатура пролетариата в этой декларации рассматриваются лишь как орудия для создания „мирного сожительства и братского сотрудничества народов", которое, будучи „оплотом против мирового капитализма", даст в конце концов „мировую социалистическую советскую республику". О конечном же уничтожении классов и связанного с ним государства более не упоминается. По самому содержанию К. верно отражает в себе принципы, установленные в договоре. Компетенция верховных органов власти Союза определяется следующим образом: к ней отнесены а) представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с другими государствами; б) изменение внешних границ Союза, а также урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками; в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик; г) об'явление войны и заключение мира; д) заключение внешних и внутренних займов Союза ССР и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик; е) ратификация международных договоров; ж) руководство внешней торговлей и установление системы внутренней торговли; з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров, как общесоюзных, так и от имени союзных республик; и) руководство транс-

портным и почтово-телеграфным делом; к) организация и руководство вооруженными силами Союза ССР; л) утверждение единого государственного бюджета Союза ССР, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик; м) установление единой денежной и кредитной системы; н) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами на всей территории Союза ССР; о) общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда; п) установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза; р) установление основных законов о труде; с) установление общих начал в области народного просвещения; т) установление общих мер в области охраны народного здравия; у) установление системы мер и весов ф) организация общесоюзной статистики; х) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев; ц) право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза; ч) отмена нарушающих настоящую конституцию постановлений С'ездов Советов и Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик; ш) разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками (ст. 1 К.).

Практически эта компетенция дополняется распределением круга ведомств, как они размежеваны между союзными и республиканскими наркоматами. С этой стороны мы имеем: 1) общесоюзные наркоматы. К ним принадлежат: наркоматы по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов. 2) Об'единенные наркоматы, а именно: высший совет народного хозяйства, продовольствия, а с упразднением его—внутренней торговли, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции. Наконец, 3) наркоматы республиканские, образующие ведомства: земледелия, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. К этому необходимо дополнить еще ведомство об'единенного государственного политического управления, которое принадлежит к составу общесоюзных управлений (ст. ст. 50, 51, 52, 61, 62, 67). Для осуществления союзной компетенции создаются отдельные союзные органы, состоящие из С'езда ЦИК'а с его президиумом, Совнаркома, заключающего в своем составе союзные наркоматы и высшие инстанции об'единенных наркоматов, включая ОГПУ, а также верховного суда СССР. С'езд образуется на общих основаниях, путем избрания представителей от городских Советов и губернских С'ездов согласно приведенного выше договора, очередные С'езды Советов созываются ЦИК'ом Союза один раз в год, чрезвычайные или по решению ЦИК'а, или образующих ЦИК союзного Совета и Совета национальностей, или по требованию двух Союзных республик. ЦИК'у принадлежит и право отсрочки созыва С'езда. К исключительной компетенции С'езда принадлежит утверждение и изменение основных начал К. ЦИК Союза в отличие от республиканских ЦИК'ов образуется С'ездом в составе двух палат: во-первых, С'езд избирает Союзный Совет из представителей союзных республик в составе 371 члена, пропорционально населению. Во-вторых, С'езд утверждает общий состав Совета Национальностей, избранного союзными и автономными советскими социалистическими республиками, также как автономными областями, причем республики посылают по 5 представителей от каждой, а области по 1 представителю. Автономные республики Аджарии и Абхазии, такие как автономная область Юго-Осетии, посылают также по одному представителю. Все постановления ЦИК'а проходят через обе палаты, пользующиеся равными правами. В случае разногласия вопрос передается или в согласительную комиссию, или в совместное заседание обоих Советов, или на разреше-

ние С'езда. По общему правилу ЦИК заменяет собою С'езд во время его отсутствия и ответствен пред ним. Президиум ЦИК'а, включающий в себя полный состав президиумов Союзного Совета и Совета Национальностей, имеет четырех председателей по числу союзных республик и обладает правом приостанавливать и отменять постановления Совнаркома, отдельных наркоматов Союза, ЦИК'ов и Совнаркомов Союзных республик, а также приостанавливать постановления республиканских С'ездов, но в последнем случае с внесением этих постановлений на утверждение Союзного ЦИК'а. Президиум ЦИК'а Союза ответствен пред Союзным ЦИК'ом (ст. ст. 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 24 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 36 К.). Положение Совнаркома и наркоматов Союза определяется вышеуказанной компетенцией Союза и распределением ведомств, при чем он действует в пределах, предоставленных ему ЦИК'ом Союза прав; общесоюзные наркоматы имеют на местах непосредственно своих уполномоченных, входящих в республиканские Совнаркомы с правом совещательного или решающего голоса по решению соответственных ЦИК'ов, в области же об'единенных ведомств действуют через соответственных республиканских наркомов, которым дают свои „директивы". Верховный Суд Союза играет роль официального истолкователя союзного законодательства, органа судебного надзора через прокуратуру и верховного судебного места по разрешению споров между республиками и обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности (ст. ст. 49, 50, 52, 53, 54, 60, 67, 43 К.). Что касается Союзных Республик, то в К. мы находим ряд положений, которые обеспечивают их самостоятельность и автономию. Эти права республик не совсем точно характеризуются, как права суверенитета: „Суверенитет Союзных Республик ограничен лишь в пределах, указанных настоящей К., и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая Союзная Республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права Союзных Республик". За каждой из Союзных Республик сохраняется право свободного выхода из Союза. Территория Союзных Республик не может быть изменяема без их согласия, а равно без согласия всех республик, входящих в Союз; не может быть изменено их право на свободный выход из Союза. В Союзной К. определяются далее следующие права и обязанности этих членов Союза: „В пределах территории каждой Союзной Республики верховным органом власти последней являются: С'езды Советов, соответственные ЦИК'и и Совнаркомы с наркоматами". Другими словами, по союзной К. отдельные республики обязаны соблюдать общий советский тип государственного устройства. Союзной К. установлен также список их наркоматов как об'единенных, так и автономных. ЦИК'ам республик предоставлено право амнистии и помилования тех лиц, которые были судимы органами союзных республик. ЦИК'ам союзных республик и их президиумам предоставлено право опротестовывать декреты и постановления Союзного Совнаркома в Президиум Союзного ЦИК'а без приостановления их исполнения. Что же касается распоряжений народных комиссариатов Союза, то они при явном несоответствии данного распоряжения Союзной К., законодательству Союза или законодательству Союзной Республики могут быть останавливаемы республиканскими ЦИК'ами или их Президиумами с немедленным сообщением об этом Союзному Совнаркому и соответствующему наркомату (ст. ст. 3, 4, 6, 64, 66, 67, 68, 69, 42, 59 К.).

Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство, но К. не дает никакого списка политических прав или прав свободы, которые были бы гарантированы Союзом. Общий характер К. дает типичные формы союзного государства или федерации, обладающей мощной централизованной властью, покоящейся на сосредоточении в руках Союза руководства не только дипломатией и военным делом, но финансами и хозяйственной жизнью страны. С формальной стороны

весьма важно положение, что „взаимоотношения между верховными органами власти Союзных Республик и верховными органами власти Союза ССР устанавливаются настоящей К.“ (ст. 65 К.), а Верховному Суду дано право „заключений по требованию ЦИК'а Союза ССР о законности тех или иных постановлений Союзных Республик с точки зрения К.“ (ст. 43, п. „в“ К.), что, наконец, завершается правом Президиума ЦИК'а „приостанавливать постановления С'ездов Советов Союзных Республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК'а Союза ССР“ (ст. 32 К.). Этим устанавливается гарантия Союзной К. от нарушения ее со стороны деятельности отдельных республик.

VI. Конституция РСФСР 1925 г. Утверждение К. Союза Советских Республик естественно повлекло за собой соответственное изменение основных законов отдельных членов федерации. В особенности это касается К. РСФСР, которая, как мы видели выше, до основания Союза являлась самым высшим федеративным об'единением как отдельных Советских Республик, так и федераций. В 1925 г. XII Всеросс. С'ездом Советов была принята новая Конституция РСФСР, заменившая собой первую К., принятую V Всеросс. С'ездом. Новая К. представляет собой некоторые отличия от К. 10-го июля, вызванные не только переменами федеративного строя, но и влиянием новой экономической политики Советов. Так, прежде всего из К. выпущена, как особая составная часть ее, декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа, принятая III Всеросс. С'ездом и, как известно, присоединенная к ней покойным Лениным. Опущением декларации характеризуется не только отказ от тех положений декларации, которые в настоящее время устарели, но и решительный переход от революции к эпохе строительства, так как именно декларация была величайшим актом революционного переворота как во внутренней, так и во внешней политике пролетариата. Декларация имела менее всего правовой характер в смысле установления твердых норм права, но глубоко принципиальное значение, так как намечала не только пути ближайшей деятельности Советов, но и окончательные цели социалистического государства переходного периода. Со стороны устойчивости революционных принципов декларация могла быть поэтому сохранена без особого ущерба для К., в виде не только исторического введения, но и как торжественный акт величайшего революционного значения. Законодатель, однако, избрал другой путь. Связь между декларацией и новой К. установлена, во-первых, при помощи ссылки на декларацию к ст. 1-й новой К., где потверждается, что К. 1925 г. „исходит из основных положений деклараций прав трудящегося и эксплотируемого народа“, а также „основных начал К.“ 1918 г. Во-вторых, некоторые положения декларации введены в состав общих положений ныне утвержденной К. РСФСР. Такова, например, ст. 15-я, согласно которой „вся земля, леса, недра и воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства“. В измененном несколько виде вошла в общие положения и статья 3-я декларации, говорящая об основной задаче советского строя. Она получила теперь такую форму: „Настоящая К. ... имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата, в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком, осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти“ (ст. 1-я К.). Совершенно отпало упоминание об „установлении социалистической организации общества и победы социализма во всех странах“. Среди опущенных во второй К. РСФСР положений декларации мы находим—об отношении к старым займам, о переходе всех банков в собственность государства, об отказе от тайных договоров, об осуждении варварской политики буржуазной цивилизации в колониях, о классовой основе федерального об'единения Советских Республик. В соответствии с последним моментом в

К. 1925 г. уже сделана ссылка на „волю народов РСФСР“ (ст. 3-я К.).

Последующие изменения внесены в К. в силу перемен в самом федеративном строе и установления Союза. Таковы изменения в предметах ведения Всеросс. С'езда Советов и ВЦИК'а. Внесены дополнения, заимствованные из К. СССР о созыве чрезвычайных с'ездов „по требованию Советов и с'ездов Советов местностей, насчитывающих не менее одной трети всего населения РСФСР“ (ст. 23-я К.). Введены в К. положения предшествующих Всероссийских С'ездов о президиуме ВЦИК'а и его деятельности (ст. 27-я и сл.). Сделана оговорка относительно декретов и постановлений Совнаркома в духе Украинской К. и К. СССР, относительно „пределов предоставленных“ Совнаркому „прав“ (ст. 34-я). Сокращен соответственно новым условиям состав Совнаркома РСФСР (ст. 37-я, 38-я). Совершенной новостью в К. является глава об автономных Советских Социалистических Республиках и областях. Такое дополнение К. давно являлось делом насущной необходимости, так как Всероссийская Федерация, входя в состав Союза, сама является федеративной организацией целого ряда советских республик и автономных областей. Мало разработано положение о местной власти, причем в значительной степени осталась прежняя неопределенность компетенции местных органов, которая дополнена лишь полномочиями по составлению и утверждению местных бюджетов, обеспечению революционной законности и охраны государственного порядка, а также по обсуждению вопросов общегосударственного значения. Установлен твердый порядок отмены и приостановки постановлений исполкомов с'ездами, а также отмены высшими инстанциями постановлений низших и в некоторых случаях постановлений высших органов низшими (ст. 64-я и 67-я). Избирательное право Советов осталось в прежнем виде в несколько более улучшенной формулировке с изменениями, внесенными постановлениями ВЦИК'а XI созыва. Пропорция депутатов к избирателям и жителям в настоящее время установлена более подробно (ст. 51 и 59).

Тексты отдельных конституций: Союза Советских Социалистических Республик, Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Белорусской Сов. Соц. Республики, Совет. Социал. Республики Грузии, Сов. Соц. Республики Азербейджана, Сов. Соц. Республики Армении. *Собрание законов*: Собрание кодексов РСФСР. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. Сборники декретов. *Стенографические отчеты*: Всероссийских С'ездов, Сессий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, С'ездов Союза С. С. Республик, Сессий Центрального Комитета Союза С. С. Республик. *Журналы*: „Власть Советов“, „Советское строительство“, „Вестник Советского Права“. *М. Рейснер.*

II. Социально-экономические основы единства СССР. ***1. Старая империя и современный Союз ССР.*** Прежде всего нам необходимо выяснить, нарушилось ли и, если нарушилось, то в какой именно степени, социально-экономическое единство России, как сложного, более или менее дифференцированного народно-хозяйственного организма, с отходом т. н. „лимитрофов“, являющихся теперь сопредельными с нами государствами. Остановимся сначала на потерях *территориальных* и населением: по наиболее тщательному исчислению проф. В. Э. Дена („Курс экономической географии“ и его же „Новая Европа“), размер территории, отошедшей от нас, и количество живущего на ней населения определяются:

	Кв. верст	Тыс. жител. (1920 г.)
Территория, отошедшая к Финляндии	8.785	1,7
Эстония	36.000	1.250,0
Латвия	61.000	2.500,0
Литва	51.500	2.246,0
Территория, отошедшая к Польше	218.500	16.022
Территория, оккупированная Румынией	39.000	2.213,0
Итого	414.785	24.232,7

	Кв. верст.	Тыс. жител. (1920 г.).
То же, в % к прежнему составу территории б. Европейской России	9,5	19,7
Территория, переданная Турции на Кавказе	17.500	492,0
То же, в % к прежнему составу Кавказа	4,2	3,9
Финляндия	277.715	3.346,3
Итого отошедшая территория (по всей б. России)	710.000	28.071,0
То же, в % к прежнему составу всей б. России. . . .	3,7	17,3[1])

В Советских Республиках осталось 18.360.536 кв. верст с населением в 134.077,3 тыс. жителей. По исчислению ЦСУ (См. Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах, вып. 2) к 1 янв. 1925 г. территория СССР достигает 21.210.500 кв. километров с наличным населением в 139.753.900 чел. Таким образом, потери в населении, с отходом перечисленных в таблице земель, впятеро превышают территориальные; однако, и они достигают кругло лишь шестой части населения бывшей империи.

Отход западно-окраинных областей, населенных, по большей части, не русскими племенами, сделал более однородным этнографический состав населения СССР. Сопоставляя % отношения национального состава по бывшей империи (данные переп. 1897 г.) и по СССР (по переп. 1920 г. с добавл. цифр 2 окраин: Туркестана и Закавказья за 1921 г.), получаем—см. след. табл.

Отсюда видно, что коренной массив национальностей обще-русского происхождения, составлявший в бывшей империи около $^2/_3$ всего населения, расширился до 78%; резко понизился процент национальностей западно-славянского происхождения: литовцев, латышей и румын—с 9,6% до 0,8%, а также евреев—с 4,0% до 1,8% и финнов—с 4,5% до 3,3%. Удельный вес восточных национальностей—тюрко-татар, монгородов поднялся с 10,7% до 12,0%. Таким образом, этнографический состав населения СССР стал более однородным.

Национальный состав в % к итогу:

Название национальностей.	1897 г. (вся империя).	1920 г. (СССР.)
Великороссы	43,4	61,8
Украинцы	17,5	14,7
Белоруссы	4,6	1,7
Всего русских	65,5	78,2
Поляки и проч. славяне . . .	6,3	0,4
Немцы	1,4	0,9
Литовцы, латыши	2,4	0,2
Румыны, молдаване	0,9	0,2
Грузины	1,0	1,5
Греки, армяне	0,9	1,2
Всего арийского происхождения (кроме некот. Кавказских плем.)	78,4	82,6 (с азербейдж.)
Татары	2,9	3,7
Киргизы	3,2	3,1
Башкиры	1,1	1,2
Калмыки, буряты, якуты . . .	0,5	0,4
Сарты, узбеки, туркмены . . .	2,2	2,6
Черкесы, лезгины, кабардинцы, осетины и пр.	0,8	1,0
Всего	10,7	12,0
Финские племена	4,5	3,3
Евреи и проч. семиты	4,0	1,8
Прочие народности	2,4	0,3
Итого	100	100

В экономическом отношении отошедшие от нас области имели по некоторым отраслям народного хозяйства большее значение, чем по количеству их населения. Однако, далеко не всегда возможно учесть более или менее точно размеры тех или иных элементов народного хозяйства, находившихся в их пределах. Элементы, доступные учету, таковы:

1) *Посевные площади* и сборы. По всей бывшей империи в 1913 г. было посеяно, по данным статистического ежегодника министерства земледелия, 104,8 милл. дес. Валовой сбор зерновых хлебов достигал 5.637 милл. пудов и картофеля (полевого)—2.191 милл. пуд. На территории современного Союза Республик вместе с 3 окраинами (Закавказьем, Туркестаном и ДВО) в том же году было посеяно всего 94,0 милл. дес.; валовой сбор на этой территории составлял: зерновых хлебов—4.859 милл. пудов, картофеля—

[1]) Сверх того, переписью 1920 г. было учтено 153,2 тыс. жителей, значащихся „в прочих местах", и не доучтено около 300 тыс. чел. из армии, находившихся и состоявших в момент переписи на боевых фронтах, интернированных в Германию и дезертиров.

1.276 милл. пудов. Отсюда видно, что на территории отошедших областей находилось всего лишь 10,3% всех посевов и около 14% валового сбора зерновых хлебов в 1913 г.; но *картофеля* было собрано в их пределах целых 42% общеимперского сбора. Несомненно, что посевы и сборы других технических и интенсивных культур, садоводство, огородничество и виноградарство в отошедших областях, где сельское хозяйство стояло на более высоком уровне интенсификации, чем в остальной части России, *превышали* вычисленный нами % общей посевной площади и сбора. Однако, необходимо отметить, что в отошедших областях нет ни одной земледельческой культуры, ни одного вида скота, которые бы не культивировались на современной территории. При благоприятных экономических условиях восстановительные процессы, происходящие в современном сельском хозяйстве СССР, развертываются таким быстрым темпом и настолько широко, что в этом отношении утрата отошедших областей становится совершенно неощутимой[1]).

2) *Обмен сельскохозяйств. продуктами.* Благодаря относительно большим размерам и большей экстенсивности сельского хозяйства на современной территории Союза, наш сельскохозяйственный *экспорт* шел, главным образом, из районов СССР. Отошедшие области, наоборот, *ввозили* к себе из остальной России недостающие им продовольственные припасы и сельскохозяйственное сырье. Так, в 1907—1910 гг. ввоз зерновых хлебов в Польшу составлял, в среднем, ежегодно 34,3 милл. пуд., в том числе 25,4 милл. пуд. из России и 8,9 милл. пуд. из за границы. Вывоз же достигал 27,2 милл. пуд., в том числе в Россию 3,1 милл. пудов и за границу 24,1 милл. пудов. Следовательно, русская часть Польши потребляла хлеба ввозимого из России не менее 7,1 милл. пудов. Чистый импорт в Польшу продуктов огородничества, главным образом из России, составлял 8,4 милл. руб., скота и продуктов скотоводства только из России на 22,9 милл., сырья разного рода ввозилось только из России на на 70,1 милл. руб.[1]).

Все отошедшие от нас области в 1913 г. получили из России 188,2 милл. хлебных грузов, а отправили 93,8 милл. пуд. внутрь России. Следовательно, эти области все вместе потребляли русского хлеба накануне войны 94,4 милл. пуд.— около 15% того колич., которое Россия отправляла за границу. [2]) В настоящее время Польша питается своим хлебом, так как в ее состав после войны были включены производящие области Галиции и западной Украины и Познани. Но Эстония и Латвия за весь 1924 г. ввезли к себе из СССР жизненных припасов: первая—на 6,8 милл. руб., вторая—на 18,8 милл. руб., всего на 26,8 милл. довоенн. руб. По мере восстановления и развития польской промышленности и роста в ней городского населения, надо ожидать и с ее стороны усиления спроса на сельскохозяйственные продукты из России.

3) *Промышленность.* Таким образом, по отношению к сельскохозяйственным продуктам отошедшие от нас области являются *потребляющими,* и зависимость некоторых из них, как потребителей русского хлеба, мяса и других продовольственных припасов и сырья, в настоящее время уже довольно значительна, а в дальнейшем—будет еще расширяться. Потребляя наши сельскохозяйственные продукты и сырье, эти области одновременно являлись до войны поставщиками *топлива,* главным образом каменного угля из Домбровского бассейна, и в еще больших размерах — промышленных изделий. В 1913 г. каменного угля из Польши поступило 58 милл. пудов. Зато Россия ввозила нефть (в 1913 г.—18,6 милл. пудов, чистый ввоз), соль (около 25 милл. пудов), необработанных металлов (11 милл. пудов). Из фабрикатов, получавшихся Россией от отошедших областей, на первом месте стояли текстильные. По данным железнодо-

[1]) По скотоводству, к сожалению, перепись 1916 г. как раз на западных окраинах была неполной, а офиц. данные довоенного периода (ветеринарных обзоров) не заслуживают никакого доверия.

[1]) С. Загорский, „Экономич. единство России". Журн. „Междунар. политика и мировое хозяйство", № 4.

[2]) По данным „Материалов по динамике грузооборотов", ч. I. Изд. Ц. С. У. М., 1925 г.

рожной статистики в 1913 г. было вывезено из России в лимитрофы 5.983 тыс. пудов мануфактуры, а ввезено в нее 9.507 тыс. пудов. Следовательно, чистый ввоз в Россию мануфактуры составил 4.520 тыс. пудов, оценивавшийся, вероятно, более чем в 250 милл. руб. Только Польша вывозила в Россию хлопчатобумажных и шерстяных тканей в 1909—1911 гг. на 210 милл. руб. (ежегодный чистый вывоз), а на остальную сумму—преимущественно Литва (Белостокский район)—железных изделий (тоже) на 37,3 милл. руб., сахара—на 6,1 милл., машин—на 6,1 милл. руб. Но чугун, табачные изделия и химикалии Польша, наоборот, получала из России. Следовательно, для нас Польша (и отчасти Эстония) имела главное значение, как поставщик текстильных товаров. Остальные отрасли промышленности лимитрофов давали России сравнительно немного фабрикатов. Но так как у нас имеется свой обширный центр текстильной промышленности в Московской области и т. к. вместе с лимитрофами от нас отошло 18% населения, потребляющего текстильные изделия, то в общем итоге необходимо признать, что утрата отошедших от нас областей не могла в сколько-нибудь заметной степени нарушить целостность народно-хозяйственного организма Союза Республик.

II. Экономическая связь между независимыми республиками Союза ССР. Между входящими в состав Союза ССР главными независимыми республиками: РСФСР (в которую включена Великороссия), Украиной, Закавказским Союзом, Туркреспубликой (Узбекистаном) и Белоруссией существовали до войны и развиваются в настоящее время более глубокие и широкие экономические взаимоотношения, чем те, которые создались до революции между старой имперской Россией и отошедшими от нас западно-окраинными областями. Правда, как указано выше, между этими последними областями и остальной Россией существовал довольно значительный товарообмен, причем западно-окраинные области играли роль поставщиков промышленных фабрикатов и потребителей сельскохозяйственных продуктов, ввозимых из России. Но этот товарообмен не был столь значительным, чтобы после отхода этих областей они начали голодать, а население остальной России—осталось бы без одежды, и промышленность—без топлива. С другой стороны, отошедшие от нас области были связаны товарообменом не только с Россией, но и с соседними с ними государствами центральной Европы, куда они вывозили сами некоторые продукты технических культур, скот и продукты животноводства. Фабричные товары и средства производства эти области получали как из России, так равно и из-за границы. Так, в 1909—1911 гг. готовых изделий в Польшу было ввезено, в среднем, ежегодно (в милл. руб.)

из России	на 181
из-за границы . . .	„ 178,8

Гораздо более существенны экономические взаимоотношения областей нынешнего Союза, входящих в состав упомянутых независимых республик. Рассмотрим их по каждой республике отдельно.

1) *Украина*—область не только, преимущественно, аграрная, но и обладающая на своей территории некоторыми отраслями промышленности, настолько развитыми, что они иногда являются почти монопольными в Союзе.

А. Промышленность. Такова, напр., *сахарная* промышленность: в 1914—15 гг. из 1.683 тыс. тонн сахара, произведенного в России, 1.390 тыс. тонн (83%) получены на заводах Украины [1]). Далее выдающуюся роль в *горнозаводской* и металлургической промышленности СССР играет *Донбасс.* В 1912 г. было добыто твердого минерального топлива, главным образом каменного угля—на всей нынешней территории СССР на 176.470 тыс. рублей, в том числе на Украине—164.834 тыс., или 93%; руд железных и прочих ископаемых—всего по территории Союза на 56.808 тыс. руб., в том числе на Украине на 20.675 тыс. руб. (36%). Металлургическая промышленность России (в нынешних пределах) в 1912 г. оценивалась в

[1]) А. А. Сухов, „Экономич. география Украины", 1923 г. Также изд. „Промышл., торговля и транспорт Украины".

1.137.490 тыс. руб., в том числе на Украине—426.244 тыс. руб. (37%). Добыча *соли* составляла общую сумму в 14.924 тыс. руб., из них на Украине—8.277 тыс. руб. (55%). Заметную роль играла Украина также в производстве ряда *пищевых* и вкусовых веществ, а именно:

Сумма производства в тыс. довоенн. руб. в 1912 г.

	По всей территории.	На Украине.	% Украинск. произв.
Мукомольное, крупяное	484.480	149.701	31
Винокуренное	61.265	21.909	36
Табачное	118.667	24.602	21
Ректификационное, водочное, пивоварен.	156.368	38.808	25
Крахмально-паточное	10.708	7.700	72
Маслобойное	85.276	13.105	15

Но прочие виды промышленного производства, в том числе такие существенные, как текстильное, древообделочное, писчебумажное, химическое, силикатное и т. д., на Украине развития не получили: они были сосредоточены на территории РСФСР, и Украина получала эти товары оттуда. В общем итоге, в 1913 г. Украина с Донбассом и Крымом доставляла стране продукты горнозаводской и обрабатывающей промышленности на 1.218 милл. руб., или 21,7% общей суммы производства России (на территории нынешнего Союза)[1]).

И в настоящее время крупное значение главнейших отраслей украинской промышленности в общесоюзном масштабе остается неизменным. Так, по важнейшим с народнохозяйственной точки зрения отраслям промышленности Украины мы можем представить такие новейшие данные: (см. табл.)[2]).

	1922—1923 гг. По всему Союзу.	В том числе на Украине (Донбасс)	% произв. Украины.	1923—1924 гг. По всему Союзу.	В том числе на Украине Донбасс).	% произв. на Украине.
Каменноугольная промышленность.						
Добыча угля в милл. пуд	659,4	445,7	68	862,8	665,4	77
Железно-рудная промышленность.						
Добыто руды тыс. тонн	427,2	169,4	40	913,8	436,7	48
Металлическая промышленность.						
Чугуна в тыс. пуд	1832,1	686,3	37	40.452	22.675	56
(произв. в тыс. пуд.)						
Мартен. (сталь)	3599,1	11.675	32	60.353	23.668	39
Прокатка металла	2788,6	10.450	37	41.420	17.000	41
Соляная промышленность.						
Добыто в тыс. тонн	1014,3	311,3	31	1.156,1	448,4	39
Свекло-сахарная промышленность.						
Получено тыс. пуд. белого сахара	12290,3	10.008,1	82	23.141,6	18.969,5	82

Отсюда видно, во 1-х, что сравнительно с довоенным производством доля каменно угольной и соляной промышленности Украины несколько сократилась, доля железорудной и металлургической, наоборот, возросла, сахарной—осталась без перемен; во 2-х, что в 1923—1924 гг., по сравнению с 1922—1923 гг., доля участия Украины в перечисленных отраслях промышленности усиливается весьма заметно, за исключением сахарной, по которой она остается на одном уровне. Итак, очевидно, что в сфере тяжелой промышленности Украина, население которой составляет около 20% населения всего Союза (27,6 милл. жителей против 139,8 милл. по Союзу), а территория—только 2,0% (430 тыс. кв. километров против 21,210 тыс.), по ряду важнейших отраслей, как каменно угольная, железорудная, металлургическая, а также сахарная и соляная—доставляет всему Союзу от 39% до 82% всей суммы общесоюзной продукции. Но, с другой стороны, на Украине слабо развиты другие, не менее важные отрасли промышленности, составляющие почти монополию РСФСР, что и должно вызвать тесную экономическую связь между обеими важнейшими республиками Союза.

Б. Сельское хозяйство. Переходя к сельскому хозяйству Украины и значению его для всего Союза, необхо-

[1]) Приведенные данные взяты из офиц. изд. ЦСУ Статистич. Ежегодника 1921 г., Юбилейн. сборн. 1918—1923 гг. и др.

[2]) Данные эти взяты из „Экономич. Обозр“., № 23—24 за 1924 г.

	1916 г. Всего по Союзу ССР без 3-х окр.	В том числе по Украине.	% Украины.	1924 г. Всего по Союзу ССР без 3-х окр.	В том числе по Украине.	% Украины.
А) Земледелие.	в тысяч. десятин.			в тысяч. десятин.		
1) Общая площадь посева	86.490	20.617	24	76.624	20.406	27
2) В том числе посевы главных культур.						
Рожь (озимая и яровая)	22.141	3.794	17	24.179	5.393	22
Пшеница (озимая и яровая)	24.217	6.020	25	15.448	4.712	30
Овес	15.655	2.020	13	10.463	1.222	12
Ячмень	9.254	4.721	51	5.743	3.260	57
Кукуруза	951	619	65	1.430	782	55
Просо	2.941	495	17	4.252	638	15
Гречиха	1.903	701	37	2.342	807	34
Картофель	2.508	515	20	3.814	813	21
Лен	1.384	82	6	1.060	60	6
Конопля	519	82	16	654	133	20
Подсолнух	1.038	186	18	2.102	737	35
Сахарная свекловица	476	367	77	326	260	80
Б. Скотоводство.	тысяч голов.			тысяч голов.		
Лошади	31.307	5.557	18	22.344	3.927	17
Крупн. рог. скот	50.284	7.919	16	46.692	8.419	18
Овцы и козы	83.045	6.498	8	69.204	9.271	13
Свиньи	19.274	4.681	24	16.829	4.374	26

димо прежде всего указать, что в этом отношении удельный вес Украины *выше*, чем относительное количество ее населения и размеры ее территории. Так было в предреволюционный период, то же самое наблюдается и в настоящее время [1]).

Более 20% (то-есть доли соответствующего процента населения Украины) дают посевы пшеницы в 1916 г. (24%), особенно ячменя, кукурузы, гречихи, подсолнуха, сахарной свеклы; по скотоводству же—более, чем в остальном Союзе, развито лишь разведение свиней. Как в главных отраслях промышленности, так и в земледелии роль Украины после революции расширяется. Украинское крестьянство, пользуясь своим сравнительно мягким климатом и тучным черноземом почвы, культивирует посевы более ценных рыночных зерновых растений—пшеницы озимой и яровой, вместо ржи и идущего широко за границу ячменя, вместо овса, поступающего на внутренний рынок. Одна из главных особенностей украинского севооборота—в густо населенных районах юго-запада—*свекловичный клин*, приближающий систему полеводства к интенсивному плодосмену. Вообще, украинское земледелие как по составу посевных культур, так и по методам обработки почвы, более приближается к типу интенсивных, чем во всех остальных районах черноземной полосы. Так, в Полтавщине еще по подворной переписи 1910 г. 84% пахотной земли было занято посевами—площадь, близкая уже к французскому земледельческому типу. Кроме перечисленных выше растений, на Украине весьма заметно развито огородничество, бахчеводство и садоводство, а также посевы табаку и хмеля. Огородов на Украине до 700—800 тыс. дес., 300—400 тыс. дес. бахчей и свыше 200 тыс. дес. садовых культур. Табаку до войны высевалось 28 тыс. дес., из них $26^1/_2$ тыс. дес. под махоркой. Сборы махорки составляли около половины всех растений. По хмелю Украина была почти монопольной, давая до 170 тыс. пудов в год.

В общем, следовательно, сельское хозяйство Украины не только одно из самых интенсивных в системе районов Союза, но отличается также относительно большей рыночностью. Очень многие продукты сельского хозяйства Украина экспортирует внутрь России и за границу, а получает их из России в меньшем количестве. Это видно из торгового баланса Украины,

[1]) Приведенные здесь данные взяты из последних сборн. ЦСУ („Народное хоз. СССР в цифрах"), изд. 1924 и 1925 гг. Посевы 1916 г. взяты с надбавкой на недоучет в 1916 г. в названном издании. Посевы и скот по СССР даны без 3 окраин (ДВО, Закавказья и Туркестана); поэтому и в 1924 г. мы исключаем их.

Ввоз и вывоз Украины (*внутрь России и за границу*) в 1913 г. в милл. руб.

	Вывоз		Ввоз		Баланс
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.	(+или—).
Хлеба в зерне и муке	268,6	26,7	33,3	5,6	+235,3
Семена	8,8	0,8	2,3	0,4	+6,5
Отруби и выжимки	12,4	1,2	0.6	0,1	+11,7
Лесные товары	12,9	1,3	48,8	8,3	—35,9
Продукты лесн. хоз.	0,3	0,0	1,4	0,2	—1,1
Животные	35,8	3,5	7,8	1,3	+27,9
Продукты животн.	42,7	4,3	17,7	3,0	+25,0
Овощи огородн. и полевые	4,5	0,4	1,4	0,2	+3,0
Лен, пенька и пряжа	1,4	0,1	6,9	1,2	—5,5
Мануфактура	16,9	1,8	214,3	36,4	—197,4
Химические товары	5,4	0,5	0,3	0,0	+4,7
Каменный уголь и кокс	54,2	5,4	4,4	0,8	+49,8
Нефть и продукты	1,0	0,1	14,3	2.4	—13,2
Сахар	274,4	27,4	9,4	1,6	+264,9
Минералы не в деле и изделиях	9,9	0,9	11,5	1,9	—1,6
Руды и металлы не в деле	135,9	13,6	20,0	3,3	+115,9
Металлы в изделиях	116,3	11,6	126,5	21,3	—10,1
Прочие	4,6	0,4	71,1	12,0	—66,5
Итого	1006,0	100,0	592,0	100,0	+412,0

который мы и рассмотрим в заключение нашего краткого обзора.

В. Торговый баланс Украины подробно разработан за 1913 г. в работе А. А. Копорского под тем же заглавием (Харьковск. изд. Укрвнешторга 1923 г.) Эта, в своем роде, единственная пока работа основана на данных железнодорожных, водных и даже гужевых перевозок. Результаты ее показывают, насколько важное значение для хозяйственной характеристики района могут иметь работы подобного рода. Приведем оттуда сводную таблицу (см. вверху).

Отсюда видно, что в торговом балансе Украины главные статьи актива составляли: сахар (27,3% всего вывоза), хлеб в зерне и муке (26,7%), руды и металлы не в деле и в изделиях (25,2%), животные и продукты животноводства (7,8%) и, наконец, каменный уголь и кокс (5,4%). Эти 5 статей давали вместе 92,4% суммы всего вывоза, достигавшей в 1913 г. 1006,6 милл. руб., что составляло на душу всего населения около 38 руб. В импорте Украины, общая стоимость которого достигала 593 милл. руб., на первом месте стояла мануфактура и лен (37,5%), на втором месте—металлы и руды (24,6%), на третьем—„прочие" (12%), гл. обр. фабрикаты, на 4—*лесные* товары (8,4%), на 5—хлебные продукты (5,6%). Внутренний товарооборот Украины производился преимущественно с центрально-промышленн. областью, гл. обр. с Москвой; но довольно тесные экономические связи были и с Польшей, куда из Украины вывозились хлеб, скот и мясо, а получала оттуда Украина преимущественно мануфактуру. Оборот Украины с заграницей составил в 1913 г. (в милл. руб.):

	Вывоз.	Ввоз.	Баланс.
Порты Черного и Азовского морей	274,3	21,9	+252,4
Порты Каспийского моря	26,4	21,0	+5,4
Сухопутная граница	36,5	32,1	+4,4
Всего	337,2	75,0	+262,2

Так. обр., общий товарооборот Украины с заграницей достигал в 1913 г. 412,2 милл. руб., а с внутренними областями тогдашней России—1187,4 милл. руб. Иначе говоря, внутренний оборот Украины почти *втрое* превысил внешний. Отсюда, как мы указывали в начале, ясна тесная экономическая связь Украины с центральными коренными областями нашего Союза. Один оборот с Москвой и Ленинградом достигал почти 290 милл. руб.

2) Белоруссия—республика, лежащая на теперешней западной границе СССР, за последнее время расширилась территориально и охватывает уже значительную часть западного района. Новая об'единенная Советская Белоруссия обладает территорией в 9,3 милл. дес. с населением в 4,2 милл. человек. По последним данным сельскохозяйственной статистики ЦСУ за 1924 г. число крестьянских хозяйств

на расширенной территории Белоруссии доходит до 644 тыс.; посевы в поле и усадьбе достигают 2.244,4 тыс. дес. В нынешней Белоруссии 33,1% площ. занимают леса, и кроме того 10,8% неудобных земель, частью также поросших лесами и кустарниками. *Лесное хозяйство* Белоруссии давало один из главных предметов вывоза как внутрь России, так и за границу. В 1913 г. было отправлено из всего западного района по железным дорогам и водным путям 190.266 тыс. пуд. лесоматериалов (чистый вывоз); из этого количества водой по Неману и Западной Двине сплавлялось большое количество древесных материалов: по официальным источникам, в 1913 г. сплавлено 4.201 тыс. пуд. и железными дорогами в Польшу и за границу—8.468 тыс. пуд. Но, как указывает Бурбис[1]), официальные источники были далеки от действительности. По германским отчетам, по Неману и только на Тильзитский рынок доставлено в 1907 г. 2.814 тыс. куб. метров лесоматериалов на сумму 36 милл. марок. В 1922 г. *только* по жел. дорогам белорусского района было вывезено 17 милл. пудов лесных материалов и 29,3 милл. пудов дров. Из лесных материалов 4,8 милл. пудов отправлено за границу[2]). Лесной трест Белоруссии (Лесбел), обладающий 13 заводами, экспортировал в 1921—1922 гг. 1217 тыс. пудов, 1922—1923 гг.—2151 тыс., план на 1923—1924 гг.—3289 тыс. пудов. Так. обр., лесоэкспорт за границу достигает 30—35% довоенного по железным дорогам; водный экспорт пока прекращен[3]) Следовательно, в настоящее время Белоруссия поставляет лесной материал преимущественно на внутренние рынки Союза ССР. Продукты довольно развитой, хотя сравнительно мелкой отрасли промышленности—*химической* переработки дерева (смолокурение—около 800 тыс. пуд., выработка древесного угля—400 тыс. пудов, скипидара—300 тыс. пуд.) поставлялись почти исключительно на внутренний рынок. Вывоз *сельскохозяйственных* продуктов и их фабрикатов из Белоруссии и до войны и в настоящее время поступает также в значительной части внутрь России. На ряду с земледелием в Белоруссии заметно развито и *скотоводство*, благодаря наличности сравнительно большого количества сенокосов и пастбищ. Сенокосных земель в западном районе около 18% против 8% по всему Союзу (на территории Европейской России). По новейшим данным ЦСУ, количество крупно-рогатого скота в Белоруссии в 1924 г. оказывается даже больше, чем в 1916 г.

	Число голов в тыс. в 1924 г.	Отнош. к 1916 г., принят. за 100.
Лошади	780,5	99,7
Крупный рог. скот	1537,5	122,5
Овцы и козы	2228,7	141,9
Свиньи	1357,8	84,6

Главные предметы сельскохозяйств. вывоза из западного района до войны (среднее за 1909—1911 гг.) были следующие:

Отправление (в тыс. пудов)

	Всего.	В том числе за границу.
Лен (волокно) и кудель	5.236	3,928
Маслосемена	3.928	1.724
Жмыхи	3.069	2.632
Масло растит	1.573	294
Масло коровье	156	48
Живой скот (в переводе на мясо) и мясо	866	547
Яйца	108	97

Отсюда видно, что лен-волокно, жмыхи, скот и мясо (а также птица) и яйца шли преимущественно за границу, а маслосемена, масло коровье, масло растительн. и некоторые продукты сельскохозяйственной индустрии—крахмал и спирт—гл. обр., отправлялись внутрь России. Т. обр., Белоруссия по своему экспорту больше связана с внутренними рынками России, чем с внешними.

Импорт продуктов и товаров в западный район, повидимому, *превышал* экспорт. В 1913 г. было ввезено в тыс. пуд. (за вычетом вывоза):

---

[1]) Бурбис, „Краткий очерк по эконом. географии Белоруссии". „Нар. Хозяйство Белор." № 4—1922 г.
[2]) Сборник статистич. сведений по Союзу ССР, 1918—1923 г.
[3]) „Внешняя торговля" № 34 (112), 1924 г.

Хлебных грузов	20.091
Соли	3.483
Каменного угля	15.142
Керосина, нефти и т. п.	1.362
Железа и чугуна не в деле	1.447
Мануфактуры	644

Зерновые продукты, ископаемые, топливо, металлы и металлические изделия, мануфактуру и проч. фабрикаты Белоруссия получала из России.

Итак, при преобладании в Белоруссии сравнительно интенсивного сельского хозяйства и лесных промыслов, продукты которых она экспортирует преимущественно в районы РСФСР и на Украину, получая оттуда недостающие ей хлеб и промышленные товары, нормальное хозяйственное развитие ее обеспечено теснотой экономических связей с Союзом. Эти связи, растущие и крепнущие после миновавшей разрухи с каждым годом, позволяют Белоруссии все шире и всестороннее эксплоатировать природные богатства своего района и использовать выгодное географическое положение между промышленными и земледельческими центрами СССР с востока и культурными странами центральной Европы с запада. Довольно значительная, сравнительно с другими районами, сеть путей сообщения не только железнодорожных, но и шоссейных и хороших грунтовых, является значительным подспорьем в этом отношении.

3) *Закавказье.* Союз Закавказских республик отличается как необычайной пестротой своего национального состава, так и разнообразием физико-географических и хозяйственных особенностей. В природе Закавказья характерны переходы климата от субтропического до соответствующего суровой Сибири, количество осадков от 3000 миллим. в год до 100 и 150, прихотливая смена покрытых роскошной растительностью долин угрюмыми лесами на горах и сухими безводными степями восточной части Закавказья. В сельском хозяйстве, в связи с природными условиями, мы видим, на ряду с интенсивными формами садово-огородных систем, виноградарством, хлопководством, табаководством, разведением риса—самое экстенсивное хлебопашество с переложными и подсечными системами и монопольным преобладанием кукурузы в западной части страны, пшеницы и ячменя в восточной, причем пахота производится допотопными орудиями, зачастую на волах или буйволах. Скот—плохого качества и скотоводческое хозяйство преимущественно пастбищное. В промышленности тоже контрасты: на ряду с высоко организованным, относительно, нефтяным хозяйством Бакинского района и крупным марганцево-рудным в Чиатурах, большинство остальных отраслей промышленности близки еще к стадии мелких ремесленно-кустарных промыслов. Рациональная эксплоатация неисчерпаемых природных возможностей Закавказья—еще в самом начале; но те отрасли его народного хозяйства, которые представляют существенное значение, поставляя внутрь России и за границу продукты и техническое сырье—созданы, гл. обр., средствами и инициативой русского и иностранного капитала, государственного и частного. Хозяйственная инициатива масс туземного населения, испытывавшего до революции гнет феодального быта и самодержавной власти, начнет развертываться только теперь, с образованием федерации. Каждая из трех республик, входящих в состав закавказской федерации, отличается от других своим хозяйственным типом и характером товарообмена с остальными областями Союза ССР и за границей. Поэтому рассмотрим экономические связи каждой республики отдельно.

В Азербейджане главные хозяйственные отрасли, дающие экспортные ресурсы, следующие: в сельском хозяйстве—хлопководство, культура риса, частью виноградарство, садоводство и шелководство; затем—обширное каспийское рыболовство, и, наконец—самая важная отрасль—нефтяная промышленность. По данным жел. дор. перевозок было вывезено (в тыс. пудов)[1]:

Хлопка	1913 г.	2189
Риса	1915 г.	2091
Вина и спирта	1913 г.	2474
Яблок и орехов	1914 г.	387
Нефтепродуктов всего	1916 г.	408.300 тыс. пуд.

[1]) „Краткий обзор коммерч. деятельн. Закавк. жел. дорог". Тифлис.

Мы берем годы наибольших отправлений. Из России Азербейджан получал недостающие ему *хлеб* в зерне и муке (главным образом с северного Кавказа) и фабрикаты: мануфактуру, галантерею, машины всякие, в том числе сельскохозяйственные, металлические и силикатные изделия и т. д. В Европу из Азербейджана шли почти исключительно нефтепродукты (в 1913 г.—58 милл. пудов). На Азиатскую границу—в Персию шли транзитом, преимущественно, московские товары; точно так же и персидские в значительной части поступали через Каспий и Азербейджан на внутренние рынки России.

По последним данным в 1923—24 гг. привоз товаров из Персии составил 76,3 тыс. тонн на 13,3 милл. руб., вывоз товаров туда—32,3 тыс. тонн на 6,3 милл. руб. Общий товарооборот, следовательно, достиг почти 20 милл. руб. против 101,3 милл. в 1913 г.

Грузия заметно делится по природным условиям и экономическим признакам на три области: восточную, более континентальную, с развитием пшеничных посевов, относительно малолесную западную, лежащую ближе к Черному морю с гораздо более влажным климатом, теплыми зимами и роскошной растительностью, приближающейся к субтропической и, наконец, юго-западную—нынешнюю Аджарию и часть Гурии, представляющую из себя типичный образец влажной субтропической области, подобно которой нет нигде в Европе. Преобладающая зерновая культура в двух последних областях—кукурузная, достигающая в иных местах 95% и более всех посевов. Но урожай кукурузы потребляется на месте почти целиком. В общем, по последним данным ЦСУ 1924 г., из 657 тыс. дес. посевов в Грузии (против 712 тыс. дес. в 1909—13 гг.) 387 тыс. дес. находится под кукурузой, 152 тыс.—под пшеницей и 77 тыс. дес.—под овсом. Зерновых продуктов полеводства для продовольствия населения и скота обычно не хватает, и хлеб, как и в Азербейджане, ввозится в Грузию морем с северного Кавказа.

На *вывоз* идут, гл. обр., из сельскохозяйственных продуктов: фрукты, табак и вино, а также коконы шелка сырца. До войны отправлялось внутрь России 303 тыс. пудов фруктов, а за границу—539 тыс. пудов. Вино и табак, наоборот, экспортировались, главным образом, внутрь России: при площади виноградников в 80 тыс. дес. вина производилось 12,2 милл. ведер, до 3 милл. из них вывозилось. Винный спирт шел также на вывоз. Табака вывозилось в Россию 500 тыс. пудов, заграницу—до 40 тыс. пудов. До войны в Грузии производилось до 120 тыс. пудов сырых коконов (40 тыс. пуд. сухих), из общей суммы 300—350 тыс. пудов сырых коконов, производившихся в Закавказьи. Кавказские коконы шли, главным образом, за границу (в 1913 г. 127 тыс. пуд., преимущественно сухих), так как на Кавказе не было своих шелкомотальных фабрик.

Юго-западная область — влажных субтропиков, способна доставить для всего Союза ССР много ценнейших продуктов специальных культур, но доставляет пока лишь мандарины и чай — последний в количестве до 400 тыс. фунтов. Возможно в ближайшее время развитие экспорта бамбуков и сушеной хурмы (японской). Из лесных материалов Грузия может поставлять для маслоделия СССР буковую клепку; ценные лесоматериалы—самшит (кавказская пальма), ореховый наплыв, фанера и клепка шли в большом количестве за границу: одного самшита, незаменимого по твердости материала для ткацких челноков, шло в Англию 85 тыс. пудов. В последнее время вывоз этих лесоматериалов из Грузии начинает возрастать, но на ряду с ним увеличивается спрос на них со стороны России.

Основной предмет *промышленного* экспорта—марганец, который в сыром виде—руды—шел почти целиком за границу. В 1913 г. было отправлено максимальное количество—103 милл. пудов на 19,2 милл. руб., в 1923 г.—3,1 милл. пудов, за весь 1924 г.—496 тыс. тонн—около 30 милл. пуд.

Ввозятся в Грузию, кроме хлеба, те же самые фабрикаты, что и в Азербейджан. В общем итоге, связи Грузии

с СССР выражаются не столько в области грузинского экспорта, до войны уходившего в большой доле за границу, сколько в притоке *капиталов*, необходимых для развития промышленности внутри страны, из России—в импорте фабрикатов, в постройке жел. дорог и прочих путей сообщения за общегосударственный счет и т. д. Но богатые недра и леса Грузии, а также продукты субтропических и других специальных культур, по мере развития ее народного хозяйства, будут содействовать дальнейшему экономическому сближению этой республики со всем Союзом.

Третья республика, *Армения*, проявляющая признаки быстрого оживления после пережитых исключительных потрясений в эпоху мировой и гражданской войны, дает на вывоз, главным образом, хлопок, вина, спирт и коньяк. Чистый вывоз из республики в 1913 г. составил (в тыс. пудов):

Хлопка	553
Семян хлопк	79
Вин виногр.	453
Спирта	21
Шерсти	24

Вывозилось еще меди—на 3,6 милл. руб., ковров—на 10 милл. руб., фруктовых консервов—на 1 милл. руб., всего продуктов и фабрикатов на 34,7 милл. руб., что давало на одного жителя около 34 руб. Т. обр., довоенный экспорт из Армении был довольно значительно развит, и экономические связи соединяли ее, главным образом, с коренной Россией, куда вывозилось хлопка, вин, коньяка, спирта, консервов и проч. предметов более, чем на 25 милл. руб. Из России Армения получала те же самые хлебные продукты и товары, что и остальные республики Закавказья.

В общем выводе можно отметить, что если некоторые товарные отрасли промышленности и сельского хозяйства Закавказья, как марганцевая, шелководство, производство яблок и орехов, и поставляли большую часть своего производства за границу, то большинство других, наиболее существенных, как-то: продукты нефтепромышленности, хлопководства, виноделия, производства спирта, чая, табаку, фруктов и проч., шли на внутреннее потребление населения Союза. С другой стороны, Россия затратила большие суммы на проведение путей сообщения и организацию крупного промышленного хлопководства и субтропических культур в юго-западной области. Можно смело сказать, что все наиболее крупные товарные отрасли народного хозяйства Закавказья созданы по инициативе и средствами, идущими из центров России. И в будущем можно предвидеть, что дальнейшее развитие народного хозяйства здесь будет происходить преимущественно под влиянием крепнущих экономических и культурных связей закавказской федерации со всем Союзом.

4) *Туркестан.* Последняя, недавно созданная в Туркестане независимая республика—Узбекистан, представляет, так же, как и Закавказье, край больших экономических возможностей. Но если в Закавказьи, на ряду с господствующим, в общем, все еще отсталым земледелием (за исключением хлопковых районов и некоторых садоводческих округов) выросли уже крупные отрасли преимущественно горнозаводской промышленности, имеющие очень важное экономическое значение для всего Союза, то в Туркестане, с отходом от него в Киргизию кочевых скотоводческих областей, исключительное значение приобретает довольно культурное, высоко интенсивное земледелие, базирующееся на искусственном орошении. Одновременно с высокой интенсивностью, мелкое трудовое крестьянское хозяйство Туркестана отличается и своей денежностью, т.-е. рыночностью. В то время, как в швейцарском сельском хозяйстве сбыт на рынок составляет 66,4%—для мелких хозяйств, 75,5%—для средних и 85,1%—для крупных, в Средней Азии денежные поступления для мелких хозяйств составляют около 95%, для средних—80% и крупных—61,1%[1]).

Вся посевная площадь Туркестана в 1915 г. достигала 3,3 милл. дес.; площадь под хлопком составила в этом году 679 тыс. дес., а в 1916 г. дошла до своего максимума—714 тыс. дес.

[1]) Пославский, „Торговый оборот и линии торгового тяготения Туркестана“.

(с Бухарой и Хивой). Затем, под влиянием начавшейся гражданской войны, принявшей в Туркестане грандиозные размеры, посевная площадь сокращается в 1919 г. до 1180 тыс. дес., а хлопководство сходит к 1920 г. почти на нет. Предыдущее быстрое развитие хлопковой культуры во время мировой войны могло произойти лишь под условием, что население Туркестана будет снабжаться пшеницей из соседних областей России. Отрыв Туркестана от этих областей во время гражданской войны, в связи с отрезанностью от центров мануфактурной промышленности и с падением этой последней в Московской области, породил в Туркестане, во-первых, голод, во-вторых, потребность в замене посевов хлопка, не имевшего обеспеченного сбыта, пшеничными. Но этот резкий процесс деградации, так быстро охвативший туркестанское земледелие, так же быстро и начал ликвидироваться, по мере восстановления экономических связей области с центральной Россией. В 1922—1923 гг. посевная площадь Турк. республики составила 1503,6 тыс. дес., в 1924 г., по последним данным ЦСУ—1821 тыс. дес., в том числе около 360 тыс. под хлопком. Количество скота, упавшее с 18,8 милл. голов в 1917 г. до 6,6 милл. в 1923 г., также поднялось до 8,5 милл. голов.

При таком хозяйственном типе Туркестана экономические связи его с центрами СССР более тесны, чем во всех остальных областях. Главная „монокультура" края—хлопок—доставляет продукты, *целиком* вывозимые внутрь Союза. Хлопководство дает населению 170—180 милл. довоенных рублей. Однако, кроме хлопка, остальные продукты земледелия давали товарной продукции на гораздо меньшую сумму, чем продукты скотоводства. Так, в 1915 г. рыночная доля скотоводческой продукции оценивалась в 100 милл. руб., а если к стоимости всего урожая хлебов прибавить огородничество, рыболовство и проч., то весь валовой доход от этих отраслей составит сумму 34 милл. руб.[1]).

[1]) Хозяйств. план Туркреспублики на 1923—1924 гг.

Значительно развито было и *шелководство*: в 1910 г. урожай коконов достигал 350 тыс. пудов, вывоз—300 тыс. пудов, больше, чем из Закавказья. В 1923 г. урожай коконов составил 150 тыс. пудов (в 1920 г. только 45 тыс.), из которых на вывоз пошло 63 тыс. пудов. Вся внешняя торговля Туркестана в 1913 г. оценивалась в 63,2 милл. руб., в 1922—1923 гг.—всего в 1,5 милл., в 1923—1924 гг.—8,8 милл. руб.

Внутренняя торговля с Россией, оборот которой до войны превысил 300 милл. руб., в 1923 г. составила сумму в 106 милл. товарных руб.

Выводы. Итак, наш краткий анализ экономических связей окраинных независимых республик с заграницей и с остальными областями Союза ССР показывает: во-первых, что внутренние экономические связи этих республик, в общем, значительно обширнее внешних; во вторых, что в последнее время внутренние связи относительно возрастают, а внешние—пока упали; в-третьих, что наиболее важные товарные отрасли народного хозяйства окраинных республик, имея существенное значение для всего Союза ССР, созданы, по большей части, при помощи средств и инициативы, идущих из центра России; в четвертых, что дальнейшая хозяйственная эволюция этих республик должна еще больше об'единить между собой их хозяйственные интересы с интересами всего Союза ССР в его целом.

III. Экономическая связь между районами, входящими в состав РСФСР. 1) *Территория. Распределение населения по районам.* РСФСР—самая крупная из всех республик Союза. Ее территория простирается до 19.683 тыс. кв. килом. (вместе с Узбекистаном), что составляет 96% по всей территории Союза. В нее входят 60 губерн., 7 областей и 19 республик и автономных областей. Население РСФСР в 1924 г. достигало 96,7 милл. человек, т.-е. 68% всего союзного населения, откуда видно, что территория РСФСР населена значительно менее плотно, чем площадь остальных независимых республик.

На громадной территории РСФСР население расселилось далеко неравно-

Районы.	На 1 кв. версту всего населения в 1916 г.	% жителей. В городах.	В селах.	Прирост всего населения в % за 1897—1916 гг.
Нечерноземная пол.				
Московско-центрально-промышленн.	48,5	26,6	73,4	+ 27,1
Западный (с Белоруссией)	37,0	17,9	82,1	+ 19,4
Вятско-Ветлужский	22,6	7,3	92,7	+ 15,9
Урал	14,3	13,2	84,8	+ 32,8
Северо-западный	15,4	47,4	52,6	+ 33,9
Северо-восточный	2,2	12,6	87,4	+ 19,4
Черноземная пол.				
Центрально-земледельч.	62,1	13,0	87,0	+ 25,8
Средне-Волж.	41,5	12,8	87,2	+ 23,8
Северо-Кавказ.	28,5	20,0	80,0	+ 50,1
Нижне-Волж.	18,9	18,6	81,4	+ 26,2
Крым	23,7	51,1	48,9	
Киргизия	2,9	11,2	88,8	+ 52,5
Сибирь	0,9	13,3	86,7	+ 72,4
Итого по РСФСР	6,6	19,3	80,7	+ 32,4

Примеч. Мы берем за основу данные 1916 г., когда население еще не переживало пертурбационных моментов революции и голода 1921 г., ибо эти моменты—явление временное, и последствия их уже ликвидируются на наших глазах.

мерно: в одних районах мы наблюдаем известное скопление горожан, в других—переуплотнение сельских жителей, в третьих—разреженность тех и других. Этот факт зависит не только от естественно-исторических условий, но и от того, что расселение русского народа по южным и восточным окраинам происходит только за последние полтора столетия. Эти окраины являются колониями для центральной России, из которой до сих пор выселяются на юг и восток массы избыточного крестьянского населения. С другой стороны, крупные торгово-промышленные центры расположены в срединном и северо-западном районах нечерноземной полосы: они, в свою очередь, притягивают из других областей избыточное население деревни, бросающее сельское хозяйство и переходящее на занятия торговлей и промышленностью. Отсюда возникают два потока внутренней эмиграции: один—*земледельческой* колонизации на юг и восток, другой — *промысловой* — в городские центральные районы из окружающих областей. Вследствие этих двух разнородных потоков, городское и сельское население в разных районах распределяется далеко не одинаковым образом; различен и темп прироста всего населения в разных районах.

О плотности населения РСФСР, проценте городских и сельских жителей и % прироста *всего* населения за 1897—1916 гг. по районам Госплана см. выше таблицу.

Самый плотнонаселенный район в РСФСР—земледельческий центр. В нечерноземной полосе максимальная плотность наблюдается в Московско-промышленном центре. От этих двух центров, составляющих ядро старинного Московского царства, плотность населения постепенно падает по направлению к северу, югу и на восток. В общем, однако, в южных черноземных областях Европейской России плотность превышала таковую же в соответствующих районах нечерноземной полосы. Отсюда очевидно, что оползание населения из замосковн. края на юг и на восток, начавшееся со времен Смутной эпохи, происходило довольно быстро. Городское население сосредоточивается в двух подстоличных областях, процент его выше также на вновь заселенных окраинах юговостока: в нижнем Поволжьи, на Сев. Кавказе, в Крыму. Коренное ядро земледельческих районов—среднее Поволжье и северо-восток (вятско-ветлужский район, Приуралье и северо-восточные районы), отличается незначительным развитием городской жизни. Таким образом, в РСФСР заметна экономическая дифференциация районов: одни районы являются преимущественно городскими, другие—сельскими.

Рост населения в районах разных хозяйственных типов был также раз-

личен: в нечерноземной полосе до 1916 г. особенно быстро росло население промышленных городских областей—северо-западной, центральной, а также горнозаводского Урала. Западные, северные и северо-восточные лесные окраины не притягивали большого количества населения. В черноземной полосе и на востоке, наоборот, особенно быстро в XX веке возрастает население окраин—юго-восточных, на Сев. Кавказе, в Сибири и Киргизии. С 1916 г. и до 1922 г. количество городского населения сильно убывает в подстоличных районах; Ленинград теряет значение всероссийской столицы и становится лишь областным окраинным центром. Московская область теряет меньше горожан и восстанавливает их гораздо быстрее: в настоящее время население Москвы уже почти равняется довоенному. В черноземной полосе голодный 1921 г. приводит к резкому падению населения на юго-востоке. Но с благоприятным урожаем 1922 г. нарушенное войной и голодом нормальное передвижение населения по двум, указанным выше, направлениям—в города нечерноземной полосы и на юго-восток—снова возобновляется. Задача ближайшего будущего: на ряду с этими двумя потоками населения организовать третий—на северные и северо-восточные окраины, лесные богатства и неиспользованные луговые пространства которых должны дать толчок развитию лесопромышленности и скотоводству, продукты которых найдут себе обеспеченный сбыт на рынках Европы.

2) *Распределение угодий и сельское хозяйство РСФСР по районам.* Хотя РСФСР—страна, по преимуществу земледельческая, однако, земледелие распространено далеко не одинаково во всех районах. Степень его развития легко устанавливается распределением угодий, которое можно установить по данным 1922 г. (Наркомзема) (см. табл.)

Распределение угодий по Европ. России в 1922 г. в% (кроме Сев. Кавказа.)

Районы.	Пашня.	Сенокос.	Лес.	Остальная удобная.	Неудобная.	Всего.
Нечерноземная полоса.						
Западный	36,2	17,8	33,6	0,9	11,5	100
Северо-западный	7,0	7,7	50,6	4,1	30,6	100
Центрально-промышленн.	34,7	13,8	38,1	8,5	4,9	100
Вятско-Ветлужский	34,5	7,9	45,2	3,6	8,8	100
Урал	19,2	11,0	52,6	4,8	12,4	100
Северо-восточный	1,1	2,4	62,9	—	33,6	100
Черноземная полоса.						
Центрально-земледельч.	73,9	7,2	10,5	3,8	4,6	100
Средне-Волж.	62,2	6,4	19,6	5,9	5,9	100
Нижне-Волж.	59,5	9,4	4,2	16,0	10,9	100
Крым	58,6	22,0	8,5	2,7	8,2	100
Итого по РСФСР	24,4	8,0	44,1	4,5	19,0	100

В нечерноземной полосе преобладают лесные угодья, занимающие от 33,6% до 62,9% всей площади районов; главные массивы лесов сосредоточены в северо-западном районе, на Урале и в северо-восточном. Сравнительно с черноземной полосой, здесь много также и сенокосных земель; на северо-востоке и северо-западе—обилие неудобных, болотистых, поросших мелколесным пространством. Пашня достигает максимум одной трети площади только в трех наиболее густо населенных крестьянами районах: западном, центрально-промышленном и вятско-ветлужском. В черноземной полосе пашня выступает на первое место, занимая от 58,6 до 73,9% всей площади. В последнем случае—в черноземном центре пашня переходит за границы нормального соотношения угодий: нигде в Европе нет такого распространения пашен. В связи с этим, *кормовые* угодия—сенокосы, играют совершенно ничтожную роль в черноземной полосе; невелики они сравнительно и в нечерноземной, благодаря чему в РСФСР земледелие заметно превалирует над скотоводством. В общем, в черноземной полосе площадь, пригодная для земледелия, гораздо

На 100 душ населения:

Районы.	На 100 дес. удобной земли (без леса) сельск. населения (1916 г.).	Посевов. В 1913 г.	В 1923 г.	Скота (1916 г.).	% зерновых культур в посеве 1913 г.	1923 г.	% интенсивн. культур. 1913 г.	1923 г.
Нечерноземная полоса.								
Западный	71,1	73,3	50,4	80,6	76,0	80,5	24,0	19,5
Северо-западн.	45,3	49,8	37,3	69,5	76,1	79,8	23,9	20,2
Центрально-пром.	70,1	58,5	42,3	51,5	82,4	81,7	17,6	18,3
Северо-восточн.	64,5	43,0	26,9	67,8	91,3	92,4	8,7	7,6
Вятско-Ветлуж.	42,6	96,7	55,0	75,8	93,0	92,1	7,0	7,9
Урал	37,6	82,8	53,0	95,4	93,7	94,1	6,3	5,9
Черноземная полоса.								
Центр.-землед.	63,3	84,2	57,2	58,9	85,5	88,7	14,5	11,3
Средне-Волж.	49,2	102,9	55,1	79,2	93,0	91,4	7,0	8,6
Нижне-Волж.	26,6	148,5	80,8	103,0	93,9	88,3	6,1	11,7
Сев.-Кавказ.	—	147,9	77,4	92,6	94,1	84,4	5,9	15,6
Азиатская Россия.								
Сибирь		93,0	51,7	159,1	95,0	94,0	5,0	6,0
Киргизия		71,0	45,9	173,8	96,5	94,0	3,5	6,0
Вся РСФСР		88,5	53,3	88,6	90,7	88,0	9,3	12,0

более использована, чем в нечерноземной, где значительная часть лесных угодий и пустошей может быть отрезана под пашню. В черноземной полосе значительные пустоши (остальная удобная земля) встречаются только в Низовом Поволжьи, где они сильно расширились после голодного 1921 г.

Соотношению пахотных и сенокосных угодий, а также плотности земледельческого населения соответствует распределение посевов и скота по районам и пропорция культур в посевах, т.-е. степень интенсивности земледелия (см. выше табл.)

До войны межрайонные различия по плотности посевов были большими, чем сейчас. Считая, что потребительским хозяйством, не дающим избытков для вывоза из района, является хозяйство, имеющее до 0,6 дес. посева на едока, в 1913 г. районами, могущими отчуждать хлеб или в города, или в другие области, оказываются в нечерноземной полосе западный и два восточных: вятско-ветлужский и приуральский. В черноземной полосе такими районами были все без исключения, при чем особенно крупным товарным земледелием отличались районы нижнего Поволжья и Северного Кавказа, где на душу сельского населения приходилось по $1^1/_2$ дес. посева, где, следовательно, до 60% урожая могло отчуждаться на рынок.

В 1920—1923 гг. в этом отношении происходит значительная нивелировка районов: плотность посевов повсюду падает, но не в одинаковой пропорции: наиболее сокращаются площади посевов в товарно-зерновых районах, наименее—в потребительских. Но развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве способствует тому, что в товарных и полутоварных юго-восточных районах восстановительный процесс в земледелии развертывается значительно быстрее, чем в потребительских—западных и центральных. Если мы сведем районы в области, то мы увидим, что за последний период 1922—1924 гг. под'ем посевных площадей происходил тем быстрее и шире, чем более падали в данной области посевы за предыдущие годы.

Прирост посевов по областям (Европейской России) за 1922—1924 гг. в %.

Нечерноземная полоса.		Черноземная полоса.	
Запад	+ 7,1	Запад (с Украиной)	+ 6,2
Центр	+ 15,0	Центр	+ 25,7
Северо-восток	+ 23,4	Юго-восток	+ 38,6

Наиболее быстрый темп реставрации посевов за последнее двухлетие наблюдается в земледельческом центре и особенно—на юго-востоке.

При порайонном анализе пропорции культур, мы замечаем вполне законо-

мерный рост процента зерновых культур в посевах по направлению с запада на восток как в нечерноземной, так равно и в черноземной полосах, что указывает на наростание интенсификации земледелия в обратном направлении, т.-е. с востока на запад. По различным областям и районам состав земледельческих культур сильно меняется: в одних районах преобладают рожь и овес, в других—пшеница и ячмень, в одних развито льноводство, посевы картофеля и кормовых трав, в других—сахарной свеклы, в третьих—все более и более выпячивается подсолнух и т. д. Географическая дифференциация посевных культур до войны заметно росла под влиянием развития рыночных отношений; каждый район специализировался на тех культурах, которые имели наиболее выгодный и обеспеченный сбыт на рынке. Малорыночные продовольственные культуры, как рожь, просо, частью овес и картофель, однако, были распределены по районам более равномерно, а многорыночные—определенно локализовались в немногих районах: пшеница и ячмень—на юго-востоке, сахарная свекловица (в пределах РСФСР)—в земледельческом центре, подсолнух—там же и на Сев. Кавказе, лен—в льноводных губерниях северо-запада и промышленного центра; конопля, как в фокусе, собралась в земледельческом центре, табак—на юго-востоке и т. д.

Скотоводство, как видно из предыдущей таблицы, количественно развито, преимущественно, в восточной части РСФСР: в нечерноземной полосе—на Урале и в черноземной—в нижнем Поволжьи, на Сев. Кавказе, а более всего на необ'ятных пространствах Сибири и Киргизии. Но качественный под'ем его до революции был особенно заметен в западной половине нечерноземной полосы, в двух подстоличных и в западном районах, а также на Вологодском севере. В годы гражданской войны и голода скотоводство было особенно потрясено в экстенсивных юго-восточных районах и в Сибири; а начавшийся с 1921 г. восстановительный процесс с особенной силой сказался в западных и центральных районах, и в настоящее время в этих районах скотоводство уже *превзошло* цифры 1916 г., тогда как в экстенсивных восточных районах оно далеко еще не достигло этих последних.

По новейшим данным в 1924 г. на 100 голов скота, зарегистриров. перец. 1916 г., приходилось (см. выше табл.).

Районы (ЦСУ).	Лошадей.	Крупн. рог. скота.	Овец.	Свиней.
Нечерноземная полоса.				
Крайний север	104,4	107,1	103,4	192,8
Северный	10[illegible],7	98,2	136,2	103,7
Северо-западн.	112,9	108,6	103,5	109,0
Западный.	104,6	116,2	132,8	98,8
Московско-пром.	109,8	130,2	172,6	174,3
Волжско-Камск.	64,3	78,7	64,2	63,0
Уральский.	76,4	87,4	85,9	75,4
Черноземная полоса.				
Центральн.-землед.	71,1	112,6	81,1	117,9
Башкирия.	43,0	67,4	50,2	71,8
Волжский (средн.).	47,5	80,6	59,3	66,9
Низовье Волги.	39,8	73,2	49,6	116,2
Сев. Кавказ	49,9	71,6	49,0	58,9
Крым	32,5	76,9	52,3	54,4
Сибирь	94,4	101,9	117,4	80,1
Киргизия	48,3	66,8	33,7	47,4
Всего по РСФСР	71,7	91,6	76,6	83,9

Западные и центральные районы с молочным хозяйством не только восстановились, но даже иногда превысили цифры 1916 г.; в них сохранился (и увеличился) не только крупно-рогатый скот, но и овцеводство и свиноводство и в нечерноземной полосе—даже коневодство. В черноземной полосе наиболее пострадало коневодство

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Исполнено Картоиздат. НКВД

Масштаб 1:30000000

Гравировал Е. Э.

Издание Русского Библиограф. Института Гранат

Типо-лит. „Красный Пролетарий“. Москва.

дать, что с прекращением искусственного притягивания индустрии к двум центрам, эта тенденция усилится и оживит громадные естественные богатства нашей окраины, до сих пор обрабатывавшиеся весьма мало.

4) *Торговля между районами*, по данным железнодорожных перевозок. Наиболее точную и ясную характеристику междурайонных экономических связей и порожденной товарообменом *специализации* хозяйственного типа каждого района дает анализ статистических данных о перевозках по жел. дорогам и водным путям. К сожалению, последние разработанные данные за 1922 г. не показательны, ибо в этом году сказались еще последствия голода. Поэтому приходится базироваться на довоенных цифрах. [1]) Взявши баланс перевозок 4 главных хлебов внутрь России и за границу, получаем:

Баланс перевозок зерновых (в тыс. пуд.) (1909—1911 гг.).

Избытки +, недостатки —

Районы.	Всего хлеба (с мукой и крупой). Всего.	За границу.
Северо-восточный. . .	— 13.058	+ 109
Северо-западный. . .	— 74.411	+ 1.346
Западный.	— 19.286	+ 5.023
Центрально-промышл.	+ 22.288	+ 26.562
Вятско-Ветлужский. .	+ 1.313	+ 1.084
Урал.	— 1.853	+ 7.378
Центр.-землед. . . .	+ 111.296	+ 49·340
Средне-Волжский. . .	+ 60 496	+ 41.072
Нижне-Волжский. . .	+ 37.736	+ 30.212
Крым	— 19.222	+ 23.719
Сев. Кавказ.	+ 26.218	+ 139.875
Сибирь	+ 10.614	+ 1.764
Киргизия	+ 23.334	+ 7.638
Итого РСФСР . .	+ 121.794	+ 335.596

Потребляющие привозный хлеб районы — северо-восточный, сев.-западный, западный, Московско-промышленный и Урал. Эти районы потребляли, в общем до войны (чистое потребление) 131 милл. пуд. хлебных грузов—в общем больше пшеницы (с мукой), чем ржи. Из кормовых хлебов — исключительно овес. Ячмень внутри страны имел мало сбыта. Районы, поставляющие хлеб, преимущественно на *внутренние* рынки—это районы северо-черноземных степей: центрально-земледельческий и Средне-Волжский, а также Западная Сибирь и Киргизия. Земледельческий центр отправлял за границу довольно значительные грузы овса и ржи, Среднее Поволжье—пшеницы. Нижне-Волжский район делит избытки своей пшеницы почти пополам между внутренними и заграничными рынками. Но районы Черноморского кольца, из которых Украине принадлежит Новороссия и к РСФСР—Сев. Кавказ, на 70—80% экспортируют свои грузы за границу. Т. обр., с точки зрения хлебного грузооборота все районы делятся на три группы: потребляющие, производящие преимущественно на внутренние рынки и за границу.

[1]) По данным Департамента железнодор. дел за 1909—1911 гг.

Переходим к продуктам интенсивных культур. Баланс перевозок продуктов интенсивного земледелия дает нам характеристику районов избытка и недостатка в производстве этих продуктов иную, чем зерновых. Так, *по льну*—районы преимущественных избытков лежат все в нечерноземной полосе. Главнейшие районы льняного вывоза следующие:

Чистый вывоз льна (в тыс. пуд.)

	Всего.	За границу.
Северо-восточный. . .	377	209
Северо-западный . . .	2398	2272
Западный, ...	4534	3918
Центр.-промышл. . . .	2419	3439
Вятско-Ветлужск. . .	827	601

Заграничный экспорт зачастую превышает весь избыток данного района с транзитом. Эти пять районов одновременно являются поставщиками и на внутренний рынок и за границу. Три главных из них—северо-западный, западный и центр.-промышленный—давали за границу около 10 милл. пуд. чистого экспорта. Районы избытков другого волокнистого растения—конопли, главным образом, северо-черноземные.

Чистый вывоз (в тыс. пуд.) *пеньки и пакли*

	Всего.	За границу.
Центр.-земледельч. .	+ 2511	+ 1671
Средне-Волжск	+ 535	+ 323
Западный.	+ 365	+ 216
Центр.-промышлен. .	— 457	+ 349

В остальных районах имелись лишь незначительные избытки. Т. обр., по пеньке избыточные районы—центрально-земледельческий, Средне-Волжский и западный.

I.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским С‘ездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.*).

Утвержденная III Всероссийским С‘ездом Советов в январе 1918 года декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа вместе с утверждаемой V Всероссийским С‘ездом Советов Конституцией Советской Республики составляют единый Основной Закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Этот Основной Закон вступает в действие с момента его опубликования в окончательной форме в „Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов“. Он должен быть распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте.

V Всероссийский С‘езд Советов поручает Народному Комиссариату Просвещения ввести во всех без из‘ятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно и их раз‘яснение и истолкование.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа.

Глава первая.

1. Россия об‘является Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

Глава вторая.

3. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, III Всероссийский С‘езд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановляет далее: а) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд об‘является общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования. б) Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия об‘являются национальным достоянием. в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается Советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами. г) III Всероссийский С‘езд Советов рассматривает Советский закон оо аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала. д) Подтверждается переход всех банков в собственность Рабоче-Крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала. е) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства, вводится всеобщая трудовая повинность. ж) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Глава третья.

4. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский С‘езд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

5. В тех же целях III Всероссийский С‘езд Советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

6. III Всероссийский С‘езд Советов приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, об‘явившего свободу самоопределения Армении.

Глава четвертая.

7. III Всероссийский С‘езд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный, союз трудящихся классов

*) Печатается по Собр. Уз. 1918 г. № 51 (прил. по 4 изд. Юрид. изд. НКЮ—без приложений к п. „Б“ раздела III, к главе XII и к главе XV). Постановлением XII Всеросс. С‘езда Сов. Раб., Крест., Казачьих и Красноарм. Депутатов от 11 мая 1925 г. утвержден измененный текст „Конституции РСФСР“, опублик. в Собр. Узак. ст. 218, № 30 1925 г. (*см.* ниже III).

всех наций России, III Всероссийский С'езд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском с'езде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Глава пятая.

9. Основная задача, рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

10. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, об'единенному в городских и сельских Советах.

11. Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут об'единиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких, могущих быть образованными, областных об'единений вообще, стоят областные С'езды Советов и их исполнительные органы.

Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

11а. VII Всеросс. С'езд поручает ВЦИК разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР. Впредь до решения этого вопроса ВЦИК образование новых административно-хозяйственных единиц, а также введение нового районного деления всей или части территории РСФСР по каким-либо отдельным отраслям хозяйства или управления, в каждом отдельном случае разрешается Сов. Нар. Ком. после предварительного обсуждения вопроса всеми заинтересованными Исп. Ком. и Нар. Ком.

(Постан. VII Всер. С'езда Сов. Собр. Узак. 1919 г. № 64, ст. 578, п. VI).

12. Верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому С'езду Советов, а в период между С'ездами — Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов.

13. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

15. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением.

16. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов, и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их об'единения и организации.

17. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

18. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: „Не трудящийся, да не ест!“.

19. В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся, на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей.

20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

21. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

22. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, об'являет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

23. Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

Конструкция Советской власти.
А. Организация Центральной власти.

Глава шестая.

О Всероссийском С'езде Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов.

24. Всероссийский С'езд Советов является высшей властью РСФСР.

25. Всер. С'езд Сов. составляется из представителей городских Советов, по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей, и представителей губернских С'ездов Сов., по расчету 1 депутат на 125.000 жителей. *Прим. 1.* В случае, если губ. С'езд Сов. не предшествует Всеросс. С'езду Сов., делегаты на последний посылаются непосредственно уездными С'ездами Сов. *Прим. 2.* В случае, если областной С'езд Сов. непосредственно предшествует Всеросс. С'езду Сов., делегаты на последний могут быть посланы областным С'ездом Сов.

26. Всеросс. С'езд Сов. созывается ВЦИК не реже двух раз в год.

23а. IX С'езд Советов постановляет: Во изменение ст. 26 Конституции РСФСР, очередные Всеросс. С'езды Сов. созываются ВЦИК один раз в год. (Постан. IX С'езда Сов. о советском строительстве. Собр. Узак. 1922 г. № 4, ст. 44, п. 1).

27. Чрезвычайный Всеросс. С'езд Сов. созывается ВЦИК Советов по собственному почину или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее $^1/_3$ всего населения Республики.

28. Всер. С'езд Сов. избирает ВЦИК Советов в числе не свыше 200 человек.

28а. Состав ВЦИК увеличивается до 300 чел. (Постан. VIII Всеросс. С'езда Сов. Р., Кр. и Каз. Депут. Собр. Узак. и Расп. 1921 г., № 1, ст. 1, разд. I, 5).

28б. В виду расширения федерации РСФСР и желания отдельных Советских республик иметь своих представителей в высшем законодательном органе Республики, 9-й С'езд Советов постановляет, во изменение постановления 8-го С'езда Советов, увеличить состав ВЦИК до 386 человек. (Постан. IX С'езда Советов о советском строительстве. Собр. Узак. 1922 г., № 4, ст. 44, п. 2, § 5).

29. ВЦИК Советов всецело ответствен перед Всер. С'ездом Сов.

30. В период между С'ездами высшей властью Республики является ВЦИК Советов.

Глава седьмая.

О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

31. **Всеросс. Центр. Исп. Ком. Советов является высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР.**

32. ВЦИК Советов дает общее направление деятельности Рабоче-Кр. Правительства и всех органов Советской власти в стране, об'единяет и согласует работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений В. С'ездов Сов. и центр. органов Советской власти.

33. ВЦИК Советов рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Сов. Нар. Ком. или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения.

33а. ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК каждые два месяца на сессионные заседания. Чрезвычайные заседания созываются по инициативе Президиума ВЦИК, по предложению Сов. Нар. Ком. или по требованию $^1/_3$ членов ВЦИК. (Пост. 7-го Всеросс. С'езда Сов. Собр. Узак. 1919 г. № 64, ст. 578, п. 11).

33б. Все декреты, касающиеся установления общих норм политической и экономической жизни, а также все декреты, вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов, обязательно рассматриваются ВЦИК, при чем соответствующие проекты декретов и постановлений по вопросам общеполит. и экономич. значения, в том числе все важнейшие мероприятия по военным и иностранным делам, опубликовыв. Президиумом ВЦИК не позднее, как за две недели до сессии, с тем, чтобы местные Советы имели время и возможность обсудить их раньше, чем будет принято окончательное решение. (Пост. 8-го Всер. С'езда Сов. Собр. Узак. 1921 г., № 1, ст. 1).

33в. Во изменение постанов. VII и VIII С'ездов Советов о созыве сессии ВЦИК (Собр. Узак. 1919 г., № 64 и 1921 г., № 1): 1) ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК на сессионные заседания **не менее трех раз в год**, при чем устанавливается, что, в целях подробного обсуждения стоящих вопросов, сессии ВЦИК созываются на более продолжительные сроки. Сверх того, после Всер. С'езда Советов созывается сессия ВЦИК для образования Президиума ВЦИК, Сов. Нар. Ком. и Комиссий ВЦИК. 2) Чрезвычайные заседания созываются по инициативе Президиума ВЦИК, по предложению Совнаркома или по требованию одной трети членов ВЦИК. 3) ВЦИК организует постоянную бюджетную, федеральную и другие комиссии, действующие на основании утвержденных ВЦИК положений. 4) Каждая постоянная Комиссия ВЦИК работает под председ. одного из членов Президиума ВЦИК. (Пост. IX С'езда Советов о советском строительстве. С. У. 1923 г., № 4, п. II, §§ 1—4).

34. ВЦИК Советов созывает Всеросс. С'езд Сов., которому представляет отчет о своей деятельности и доклады по общей политике и отдельным вопросам.

35. ВЦИК Советов образует Сов. Нар. Ком. для общего управления делами РСФСР и отделы (народные комиссариаты) для руководства отдельными отраслями управления.

36. Члены ВЦИК Советов работают в отделах (народных комиссариатах) или выполняют особые поручения ВЦИК Советов.

36а. О Президиуме Всеросс. Центр. Исп. Ком. 1) Президиум ВЦИК руководит заседаниями ВЦИК. 2) Подготовляет материалы для заседаний ВЦИК. 3) Вносит проекты декретов на рассмотрение пленума ВЦИК. 4) Наблюдает за исполнением постановлений ВЦИК. 5) Ведет сношения от имени ВЦИК. 6) Является руководящим центром по инструктированию всей работы, как в центре, так и на местах. 7) Рассматривает ходатайства о помиловании, утверждает награждение орденом Красного Знамени и разрешает другие вопросы в порядке управления. 8) Между заседаниями ВЦИК Президиум имеет право утверждать постановления Сов. Нар. Ком., а также приостанавливать его постановления, перенося их на разрешение ближайшего пленума ВЦИК, назначает отдельных Нар. Ком. по представлению Сов. Нар. Ком. (Постан. VII С'езда Советов о советском строительстве. Собр. Уз. 1919 г., № 64, ст. 578, разд. I).

36б. 1) В дополнение к § 8-му раздела I постан. 7-го С'езда Советов о советском строительстве, С'езд Советов предоставляет Президиуму ВЦИК право отменять постановления Сов. Нар. Ком. и издавать в порядке управления необходимые постановления от имени ВЦИК, с обязательством представлять доклады о своей работе в очередные сессии ВЦИК. 2) Вопросы и конфликты, касающиеся взаимоотношений между Нар. Ком., Главками и Центрами, с одной стороны, и местными Исп. Ком., с другой—разрешаются Президиумом ВЦИК. 3) Вопросы администр.-хозяйств. деления РСФСР разрешаются Президиумом ВЦИК. 4) На Президиум возлагается особо тщательная подготовка В. С'езда Советов и сессий ВЦИК, при чем все необходимые для них материалы должны публиковаться Президиумом за один месяц до С'езда или за две недели до сессии. (Пост. VIII С'езда Советов о сов. строит. Собр. Узак. 1921 г., № 1, ст. 1, разд. II).

Приложение к главе VII-ой.

Положение о Всер. Центр. Исп. Ком. Сов. Рабочих, Крест., Красноарм. и Казачьих Депутатов.

1) Заседания ВЦИК происходят по сессиям. 2) Время сессионных заседаний ВЦИК устанавливается ВЦИК. 3) В экстренных случаях заседания ВЦИК могут созываться или Президиумом ВЦИК, или по предложению Сов. Нар. Ком., или по требованию одной трети членов ВЦИК. 4) В случае назначения Президиумом чрезвычайного заседания, члены ВЦИК извещаются об этом через фракции и путем публикации, с указанием порядка дня заседания. 5) Порядок дня заседания ВЦИК вырабатывается Президиумом не менее чем за 2 недели до заседания сессии ВЦИК и опубликовывается в „Известиях ВЦИК Сов.“ 6) Секретариат ВЦИК, по возможности, рассылает членам ВЦИК материалы по вопросам порядка дня сессии. 7) Созыв всех комиссий, намеченных пленумом, и конструирование их возлагаются на секретариат ВЦИК или особо указанных членов ВЦИК. 8) Кворум считается при наличии не менее 125 членов ВЦИК.

Регламент заседаний пленума.

9) Все члены ВЦИК обязаны точно являться к назначенному времени заседания. 10) Всякое предложение или просьба дать слово должны быть сделаны в письменной форме. 11) Докладчикам и содокладчикам дается не более 45 минут. Группы, на-

считывающие не менее 50 человек, могут выставить содокладчика. 12) Для заключительного слова дается докладчикам 20 минут. 13) Ораторам, выступающим от фракций, предоставляется слово не более 15 минут. 14) По каждому вопросу оратор может высказываться не более двух раз, при чем в первый раз 10 минут, а во второй раз 5 минут. 15) Для поправок, для заявлений и т. п. дается 3 минуту и не более одного раза по каждому вопросу порядка дня. 16) Все резолюции, поправки и дополнения обязательно вносятся в письменной форме. 17) По предложениям слово дается одному „за" другому „против" не более 3 минут. 18) По мотивам голосования дается слово после голосования лишь представителям фракций не более 3 минут. 19) Для заявлений по личному вопросу слово дается в конце заседания не более 3 минут. 20) Заявления вносятся в письменном виде в Президиум, который определяет порядок их оглашения. Прения по этим заявлениям не допускаются.

Голосование.

21) Все вопросы решаются открытым голосованием простым большинством. 22) Поименное голосование производится по письменному заявлению не менее 30-ти членов ВЦИК.

Положение о членах Всер. Центр. Исп. Ком.

23) Члены ВЦИК не могут быть подвергнуты аресту без согласия Президиума или Председателя ВЦИК. 24) Члены ВЦИК предаются суду только по постановлению ВЦИК. 25) Члены ВЦИК не имеют права отказываться от тех или иных поручений, даваемых им Президиумом. 26) Члены ВЦИК обязаны посещать все заседания ВЦИК, отделов и комиссий, в которых они работают. *Прим.* В тех случаях, когда члены ВЦИК не могут присутствовать на заседаниях, они обязаны известить об этом Председателя или секретаря ВЦИК. 27) Выбывшие из состава ВЦИК, члены заменяются кандидатами. 28) Члены ВЦИК, не явившимся на заседания сессии, заменяются кандидатами на время сессии. 29) Члены ВЦИК, отправляемые Президиумом в командировку, получают соответствующ. мандат и обязаны по возвращении немедленно представить доклад о своей поездке. 30) Члены ВЦИК могут выступать от имени ВЦИК лишь в тех случаях, когда они имеют на то полномочия от Президиума ВЦИК. 31) Все члены ВЦИК, где бы они ни работали, получают жалованье от ВЦИК, по ставкам членов ВЦИК. Получение добавочного жалованья воспрещается. 32) Расходы, связанные с поездками членов ВЦИК, отправляемых в командировку, уплачиваются Президиумом ВЦИК. Телеграммы, посылаемые членами ВЦИК, принимаются почтовым отделением бесплатно и оплачиваются ВЦИК в установленном порядке. 33) Члены ВЦИК пользуются совещательным голосом на всех заседаниях местных советских учреждений. 34) Все члены ВЦИК имеют свободный вход во все советские учреждения по пред'явлении своих мандатов и имеют право получения всех необходимых им справок, кроме секретных данных по военному ведомству. 35) Члены Президиума ВЦИК немедленно пропускаются во все без исключения советские учреждения по пред'явлении своего мандата, без каких-либо особых пропусков, установленных для данного учреждения.

Общие положения.

36) Все декреты, доклады и отчеты, предназначенные для обсуждения ВЦИК, предварительно вносятся в Президиум для ознакомления и включения в повестку дня заседания ВЦИК. Ответы на запросы должны быть даны не позднее, как на следующем очередном заседании, после оглашения запроса. 37) Все материалы, резолюции, декреты и т п., вносимые на обсуждение ВЦИК, раздаются всем членам ВЦИК для ознакомления, по возможности, за две недели до открытия сессии. 38) Все ораторы, выступающие на заседании ВЦИК, получают стенограмму своей речи на следующий же день и обязаны в трехдневный срок вернуть ее в исправленном виде. 39) Все замеченные в протоколах неточности и исправления в письменном виде сообщаются не позднее двух дней со дня получения протокола в секретариат ВЦИК. (Декрет ВЦИК, С. У. 1922 г. № 74, ст. 925).

Глава восьмая.

О Совете Народных Комиссаров.

37. Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление делами РСФСР.

38. В осуществление этой задачи СНК издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни.

Приложение к ст. 38.

а) Положение об Экономическом Совещании.

1. В целях согласования всех экономических и хозяйственных мероприятий, проводимых экономическими Народными Комиссариатами Р. С. Ф. С. Р., при Сов. Нар. Ком. Р. С. Ф. С. Р. учреждается Экономическое Совещание Р. С. Ф. С. Р.

2. На Экономическое Совещание Р. С. Ф. С. Р возлагается: а) рассмотрение и проведение в жизнь единого хозяйственного и финансового плана Союза С. С. Р. в части, касающейся Р. С. Ф. С. Р.; б) об'единение, согласование и контролирование работ экономических Нар. Ком. и местных Эконом. Совещаний, а также согласование деятельности уполномоченных общесоюзных наркоматов при С. Н. К. Р. С. Ф. С. Р; в) рассмотрение положения отдельных отраслей хозяйства Р. С. Ф С. Р. и принятие соответствующих мер развития последних; г) рассмотрение отчетов экономических наркоматов и местных Эконом. Совещаний; д) утверждение уставов акционерных обществ, если действие их ограничивается территорией Р. С. Ф. С. Р.; е) разрешение разногласий между наркоматами и Эконом. Совещаниями, а также между Эконом. Совещаниями Автономных Республик, губерний и автономных областей, отмена и приостановка постановлений указанных Экономсовещаний; ж) рассмотрение вопросов экономического характера, которые С. Н. К. Р. С. Ф. С. Р. признает необходимым передать на разрешение Эконом. Совещания.

3. В соответствии с указанными задачами Эконом. Совещание: а) издает обязательные для всех центральных и местных органов власти РСФСР постановления и распоряжения в области хозяйственной деятельности; б) производит ревизию и контроль советских органов и учреждений, имеющих отношение к хозяйственной деятельности; в) устанавливает предварительные задания по выработке общего хозяйственного плана и утверждает отдельные его части до окончательного утверждения всего плана соответствующими высшими органами Союза; г) утверждает уставы трестов, находящихся в ведении экономических Нар. Ком. РСФСР; д) утверждает реквизиции имущества в порядке декрета СНК от 17/Х—21 г.

4. В состав Эконом. Совещания входят: Председатель СНК РСФСР или его заместитель, Народные Комиссары: Продовольствия, Финансов, Земледелия, Председатель ВСНХ и представитель ВЦСПС. С совещательным голосом имеют право участвовать представители других наркоматов РСФСР по вопросам их ведомств, а также уполномоченные общесоюзных наркоматов при СНК РСФСР и представители Центросоюза, Комвнуторга и Госплана.

5. Все постановления Эконом. Совещания РСФСР могут быть отдельными его членами, а также другими Нар. Комиссарами, являющимися членами СНК РСФСР, обжалованы в СНК РСФСР в 3-хдн. срок.

6. Постановлениями Эконом. Совещания могут быть образованы при Эконом. Совещании комиссии по специальным вопросам как в составе его членов.

так и других лиц, по постановлению Эконом. Совещания.

7. Порядок внесения и прохождения дел в Эконом. Совещании определяется Наказом, утверждаемым Эконом. Совещанием.

б) Положение о Малом Совнаркоме *).

В отмену положения о Малом Совнаркоме от 18 октября 1921 г. и постановления о распорядительных заседаниях Малого Совета Народных Комиссаров от 1 декабря 1921 г., Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Для предварительного рассмотрения вопросов, подлежащих разрешению Сов. Нар. Ком., а равно для наблюдения за исполнением Нар. Ком. постановлений СНК, при СНК состоит Малый Сов. Нар. Ком. на правах комиссии СНК.

2. Все вопросы текущего законодательства, ходатайства нар. ком. о сверхсметных ассигнованиях, жалобы на действия и распоряжения Нар. Ком. Финансов по выполнению сметы, а равно прочие вопросы, поступающие на рассмотрение Сов. Нар. Ком. (как-то: дела о неисполнении или задержке в исполнении постановлений СНК, дела о наложении дисциплин. взысканий на должностных лиц, междуведомственные споры, жалобы на постановления Комиссии по разгрузке г. Москвы и проч.), кроме перечисленных в ст. 3-ей, вносятся ведомствами в СНК через Малый Совет Нар. Ком. *Прим.* Председателю СНК, а также Управляющему Делами СНК, по соглашению с Председ. МСНК, предоставляется право ставить вопросы, перечисленные в ст. 2-й, непосредственно на повестку Большого СНК.

3. Исключена согласно постановления СНК РСФСР от 9/VIII 1923 г.

4. Малый Совет Нар. Ком. рассматривает дела: а) вносимые учреждениями и лицами, указанными в ст. 1-ой постановления Сов. Нар. Ком. от 11 апр. 1922 г., о порядке внесения вопросов в Сов. Нар. Ком. и Сов. Труда и Обор. (Собр. Узак. 1922 г., № 29, ст. 340); б) возбуждаемые по собственной инициативе Малым Советом Нар. Ком. при рассмотрении им дел, указанных в п. „а" настоящей статьи.

5. Для осуществления своих задач Малому Сов. Нар. Ком. предоставляется право возлагать на ведомства и отдельные учреждения, под ответственность их руководителей, дополнительную разработку вопросов, находящихся на рассмотрении Малого СНК, подготовку и предоставление необходимых материалов и сведений.

6. Малый СНК состоит из Председателя, его Заместителя и 4-х членов, персонально назначаемых СНК.

7. Заседания Малого СНК считаются действительными при наличии не менее трех членов, в том числе Председателя или его Заместителя.

8. К слушанию дел вызываются для дачи устных об'яснений докладчики от заинтересованных ведомств, которые должны быть снабжены мандатом за подписью главы ведомства и выражать официальную точку зрения ведомств по рассматриваемому вопросу. Вопросы, согласование коих с заинтересованными ведомствами удостоверено в письменном виде, могут слушаться и без докладчика. При повторной неявке докладчиков, вопрос слушается в их отсутствии, либо снимается с повестки.

9. Исключена согласно постановления СНК РСФСР от 9/VIII 1923 г.

10. Все вопросы решаются простым большинством голосов. В случае разделения голосов поровну, вопрос переносится на рассмотрение СНК.

11. Оставшиеся в меньшинстве члены Малого СНК могут внести в письменной форме особое мнение, прилагаемое к протоколу.

12. В случае протеста какого-либо ведомства или Председ. Малого СНК против постановления Малого СНК, вопрос переносится на рассмотрение СНК.

13. Постановления Малого СНК по вопросам сметных и сверхсметных ассигнований должны быть немедленно выполнены Нар. Ком. Финансов в той части, по которой Нар. Ком. Фин. с ведомством достигнуто соглашение.

14. В случае поступления протеста в установленный срок, постановление, принятое Малым СНК, с визой Нар. Ком. Юст., представляется Председ. Сов. Нар. Ком. и за его подписью вступает в законную силу, как постановление Сов. Нар. Ком. Если Председ. СНК не согласен с проектом постановления или вообще считает необходимым рассмотрение его в СНК, таковой переносится в СНК. Постановления распорядительного характера вступают в силу немедленно по подписании протокола Председат. и членами Малого Сов. Нар. Ком.

15. Принятие мер распорядительного характера по организации работ Малого СНК, распределение дел для докладов между членами Малого СНК, направление рассмотренных дел в СНК, затребование от Нар. Ком. и учреждений всякого рода материалов и сведений, а также разрешение всяких дел по исполнению распоряжений СНК и Малого СНК производятся единолично Председ. МСНК, распоряжения коего по указанным вопросам обязательны как для членов Малого СНК, так и для всех ведомств и учреждений.

16. Общее наблюдение за деятельностью Малого СНК возлагается на Председ. СНК.

17. При Малом СНК состоит Секретариат для подготовки дел к слушанию, ведения протокола заседаний и исполнения их.

39. О всех своих постановлениях и решениях СНК немедленно сообщает ВЦИК.

40. ВЦИК в праве отменить или приостановить всякое постановление или решение СНК.

41. Все постановления и решения СНК, имеющие крупное обще-политическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК Сов. *Прим.* Мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены СНК непосредственно.

41а. Все декреты и общегосударственные мероприятия, не терпящие отлагательства, в том числе все законодательные мероприятия по делам военным и все, влекущие за собой обязательства для РСФСР, мероприятия по иностранным делам непременно рассматриваются и утверждаются СНК. (Пост. VIII С'езда Сов. Собр. Уз. 1921 г. № 1, ст. 1, разд. III).

42. Члены СНК стоят во главе отдельных Нар. Ком.

43 *). Нар. Комиссариатов образуется 11, а именно: а) Высший Совет Народного Хозяйства; б) Продовольствия; в) Труда; г) Финансов; д) Рабоче-Крестьянской Инспекции; е) Земледелия; ж) Внутренних Дел; з) Юстиции; и) Просвещения; к) Здравоохранения; л) Социального Обеспечения.

44. При каждом Нар. Ком. под его председат. образуется Коллегия, члены которой утверждаются СНК.

44а. Нар. Ком. издают свои постановления и распоряжения лишь в пределах своей компетенции, точно указанных в соответствующих декретах ВЦИК, его Президиума и СНК. (Пост. VIII С'езда Советов. Собр. Уз. 1921 г. № 1, ст. 1, разд. III).

45. Нар. Ком. в праве единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата, доводя о них до сведения Коллегии. В случае несогласия Коллегии с тем или иным решением Нар. Ком., Коллегия, не приостанавливая исполнения решения, может обжаловать его в Сов. Нар. Ком. или в Президиум ВЦИК Советов. Тоже право обжалования принадлежит и отдельным членам Коллегии.

---

*) В редакции декрета СНК от 31/X 1922 года (С. У. 1922 г., № 75, ст. 927) с изменениями, внесенными постан. СНК РСФСР от 9/VIII 1923 г.

*) Высший Сов. Нар. Хоз. и Нар. Ком. Продов., Фин., Труда, Раб. Кр. Инсп. РСФСР, подчиняясь ВЦИК'у и Совнаркому РСФСР, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных Нар. Ком. СССР (см. ст. 68 Констит. СССР). Общесоюзные Нар. Ком. СССР (по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов) имеют при РСФСР своих уполномоченных, непоср. им подчиненных (см. ст. 53 Конст. СССР).

46. СНК всецело ответствен перед В. С'ездом Сов. и ВЦИК Советов.

47. Нар. Комисс. и Коллегии при народных комиссарнатах всецело ответственны перед СНК и перед ВЦИК Советов.

48. Звание Народного Комиссара принадлежит исключительно членам Совета Нар. Ком., ведающего общими делами РСФСР, и никаким иным представителям Советской власти как в центре, так и на местах, присвоено быть не может.

Глава девятая.

О предметах ведения Всеросс. С'езда Советов и ВЦИК'а Советов.

49. Ведению Всер. С'езда Советов и ВЦИК Советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то: а) Утверждение, изменение и дополнение Конституции РСФСР. б) Общее руководство всей внешней и внутренней политикой РСФСР. в) Установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории РСФСР или принадлежащих ей прав. г) Установление границ и компетенций областных Советских союзов, входящих в состав РСФСР, а также разрешение споров между ними. д) Принятие в состав РСФСР новых сочленов Сов. Респ. и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее. е) Общее административное разделение территории РСФСР и утверждение областных об'единений. ж) Установление и изменение системы мер, весов и денег на территории РСФСР. з) Сношение с иностранными государствами, об'явление войны и заключение мира. и) Заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений. к) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей на территории РСФСР. л) Утверждение бюджета РСФСР. м) Установление общегосударственных налогов и повинностей. н) Установление основ организации вооруженных сил РСФСР. о) Общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр. п) Назначение и смещение как отдельных членов СНК, так и всего СНК в целом, а также утверждение Председ. СНК. р) Издание общих постановлений о приобретении и утрате прав российского гражданства и о правах иностранцев на территории Республики. с) Право амнистии общей и частной.

50. Сверх перечисленных вопросов ведению Всер. С'езда Сов. и ВЦИК Советов подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению.

50а. Никакие органы, кроме Всер. С'езда Сов., ВЦИК, его Президиума и СНК, не имеют права издавать законодательные акты общегосударственного значения. (Пост. VIII Всер. С'езда Советов. Собр. Узак. 1921 г., № 1, ст. 1, разд. III).

50б. Всероссийский Чрезвычайный VI С'езд постановил:

1) Призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

2) Впредь установить, что меры, отступающие от законов РСФСР, или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. В каждом данном случае применение подобной меры должно сопровождаться: а) точным формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица, наличности условий, требующих выхода из пределов закона; б) немедленным сообщением соответствующего заявления в письменной форме в СНК, с копией для местных и заинтересованных властей.

3) Вменить в обязанность всем должностным лицам и советским учреждениям, по требованию любого гражданина Республики, желающего обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения, составление соответствующего краткого протокола. В протоколах должны быть указаны время место и имена должностных лиц, или название учреждения и сущность дела. Копия протокола тут же выдается жалобщику, другая же немедленно сообщается соответствующему высшему учреждению.

4) При конфликтах или спорах между должностными лицами или учреждениями о пределах их ведения составляются обоими сторонами или одной из них подобные же краткие протоколы для сообщения высшему учреждению.

5) За явно неосновательное, грубым злоупотреблением являющееся, требование составления протокола, равно как и за отказ от составления его, привлекать к Народному Суду. (Постан. VI Всер. Чрезв. С'езда Сов. Собр. Уз. 1918 г., № 90, ст. 908).

51. Исключительному ведению Всеросс. С'езда Советов подлежат: а) Установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции. б) Ратификация мирных договоров.

52. Разрешение вопросов, указанных в пунктах „в" и „з" ст. 49, предоставляется ВЦИК Советов лишь при невозможности созыва Всер. С'езда Советов.

Б. Организация Советской власти на местах.

Глава десятая.

О С'ездах Советов.

53. В С'ездах Советов (губернских, уездных, волостных) должны принимать участие представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы, а равно и тех местностей (селений, фабрик, заводов и т. п.), где вопросы управления решаются общим собранием избирателей (§ 57 Конституции) на след. основаниях:

С'езды Советов составляются след. обр.:

а) Губернские—из представителей городских Советов, Советов фабрично-заводских поселков, с населением свыше 5.000 жителей и от волостных с'ездов по расчету: от волостных с'ездов—1 депутат на 10 тысяч жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, фабрик и заводов, стоящих вне поселений—1 депутат на 2.000 избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию, при чем, в случае созыва уездных с'ездов непосредственно перед губернским с'ездом, выборы от волостей производятся не волостными с'ездами, а этими уездными с'ездами Советов. *Прим.* Губернские города, не имеющие Советов, посылают представителей на губернский с'езд по расчету 1 депутат на 10.000 жителей.

б) Уездные—из представителей всех Советов, имеющихся на территории уезда, в том числе и Совета уездного города, по расчету: от сельских Советов—1 депутат на тысячу жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, а также от Советов фабрик и заводов, стоящих вне поселений—по 1 делегату на 200 избирателей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд.

в) Волостные—из представителей всех Советов, имеющихся на территории волости, по расчету 1 депутат на каждые 100 жителей. *Прим.* В тех поселениях и на тех фабриках и заводах, где вопросы управления, согласно примечания к статье 57 Конституции, разрешаются не Советами, а общим собранием избирателей, депутаты на уездный с'езд избираются на этих общих собраниях.

54. С'езды Советов созываются соответствующими по территории исполнительными органами Советской власти (Исполнит. Ком.) по усмотрению последних или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее одной трети всего населения данного района, но во всяком случае не реже двух раз в год по области, губернии, уездам и не реже как через каждые три месяца по волости. (Редакция 53, 54 статей устан. Постан. 7-го Всер. С'езда Сов. Собр. Узак. 1919 г., № 64, ст. 578, разр. III).

54а. О С'ездах Советов на местах.

Во изменение ст. 54 Конституции и постановлений 7-го С'езда Советов (Собр. Уз. 1919 г., № 64, и 1921 г. № 1): 1) Все очередные С'езды Советов

автономных республик и областей, губернские, уездные и волостные созываются **один раз в год.** 2) Перевыборы городских, поселковых и сельских советов производятся один раз в год. *Прим. 1.* В случае необходимости губисполкомы созывают внеочередные уездные с'езды советов, а уисполкомы — волостные с'езды советов, на которых могут быть переизбраны исполкомы. *Прим. 2.* Президиум ВЦИК постановляет о созыве внеочередных с'ездов советов автономных республик, областей и губерний и, в случае необходимости, о перевыборах на них исполнительных органов. (Постан. IX С'езда Сов. о советском строительстве).

55. С'езд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) избирает свой исполнительный орган - Исполнительный Комитет, число членов которого не должно превышать: а) по области и губернии—25, б) по уезду—20, в) по волости—10. Исполнит. Комитет всецело ответствен перед избравшим его С'ездом Советов.

56. В границах своего ведения С'езд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая в пределах данной территории власть: в период же между С'ездами такой властью является Исполнит. Комитет.

Исполнительные Комитеты.

56а. 1. Исполн. Ком. избираются с'ездами, являются между с'ездами высшим органом Советской власти на соответствующей территории и подчинены вышестоящему Исполнительному Комитету, ВЦИК и СНК.

2. Губернский Исполком имеет право контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав отделов Исполкома (за исключением учреждений действующих армий), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального учреждения.

3. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению местной власти, и для проведения в жизнь постановлений вышестоящих Исполкомов и центральной власти, Исполкомы образуют отделы. При губ. Исполкоме образуются отделы: 1 — управления, 2—военный, 3—юстиции, 4—труда и социального обеспечения, 5—народного образования, 6—почт и телеграфов, 7—финансов, 8—земледелия, 9—продовольствия, 10—государственного контроля, 11—Совет народного хозяйства, 12—здравоохранения, 13—статистики, 14—Чрезвычайной Комиссии, 15—коммунальный. При уездном—те же, кроме почт и телеграфов, юстиции и Чрезвыч. Комиссии. Закрытие существующих отделов, а равно и образование отделов, производится Исполкомом по соглашению с соответствующим Народным Комиссариатом и с утверждения СНК. *Прим. 1.* Число отделов при волостных Исполкомах, при Советах фабрично-заводских поселков и местечек определяется Губ. Исполкомом. *Прим. 2.* Все местные Губ. Сов. Нар. Хоз. об'единяются с Губ. Земельным Отделом, под общим руководством Губ. Исполн. Ком., районный Сов. Нар. Хоз.—с Уездным Земельным Отделом, под общим руков. Уездного Исполн. Ком. *Прим. 3.* Все местные (губернские, уездные, районные и т. д.) административно-хозяйственные органы Отделов, Главков и Центров входят в Губ. Сов. Нар. Хоз. *Прим. 4.* Подробная инструкция, определяющая права и обязанности центральных и местных учреждений Высшего Сов. Нар. Хоз. по отношению к государств. заводам особой важности, к предприятиям трестов и т. п. должна быть разработана Высшим Сов. Нар. Хоз. и проведена через Сов. Нар. Ком. и ВЦИК. Эта инструкция должна безусловно сохранить непосредственное подчинение всех трестированных и особо важных государственных предприятий своим центральным правлениям, а равно определить размеры и формы подчинения этих предприятий Губ. Сов. Нар. Хоз., в целях наилучшего и быстрейшего удовлетворения местных потребностей.

4. Во главе каждого отдела ставится заведующий отделом, который может быть и членом Исполн. Ком. При заведующем образуется коллегия. *Прим.* По постановлению Исполн. Ком. коллегии в определенных случаях могут не образовываться. Заведующий и члены коллегии избираются Исполн. Ком. Соответствующий Нар. Комиссар имеет право заявлять отвод заведующего. В случае разногласия, вопрос разрешается Президиумом ВЦИК.

5. За деятельность отдела и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти ответственность возлагается как на заведующего отделом, так и на Исполком.

6. Все крупные мероприятия отделов как принципиальной, так и практической важности, равно, как и сметы отделов (до представления их в центр), должны вноситься отделами на утверждение в Исполком.

7. Заведующий отделом имеет право единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего отдела, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или другим решением заведующего, коллегия не приостанавливает исполнения решения, обжалуя его в Исполком.

8. Отделы Исполкома состоят в подчинении местному Исполкому, обязаны исполнять все предписания и распоряжения местного Исполкома и соответствующего Нар. Комиссариата.

9. В том случае, когда отдел Исполкома находит почему-либо невыполнимым распоряжение Нар. Коммисс. или вышестоящего Исполкома и его отдела, он обязан немедленно поставить об этом в известность Президиум, который, не приостанавливая проведения в жизнь данного распоряжения, свои соображения о необходимости отмены его представляет в Губ. Исп. Ком., в Сов. Нар. Ком. или во ВЦИК, уездный—в Губ. Исп. Ком. и т. д., уведомляя одновременно тот орган, коим распоряжение сделано.

10. Нар. Комисс. и отделы Исполкома делают свои подведомственные распоряжения соответствующим отделам, при чем все распоряжения, имеющие особо важное значение, одновременно сообщаются ими Исполкому, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

11. Нар. Комисс. и отделы Исполкома имеют право непосредственного сношения с соответствующими отделами всех нижестоящих Исполкомов. В тех случаях, когда Нар. Комисс. или Отделы Исполкома сносятся с нижестоящим органом, минуя промежуточные инстанции (напр., Нар. Комисс. с отделом Уездного Исполкома, Губернский отдел—с волостными и т. п.), они обязаны одновременно уведомить эти инстанции.

12. Как общее правило, Исполкомы и их отделы сносятся с высшими Исполкомами и их отделами, а равно с Нар. Комисс. через соответствующие промежуточные инстанции, волостной Исполн. Ком.—через уездный Исполком., уездный — через губернский, но это не лишает их права в тех случаях, когда это признано необходимым, непосредственного сношения с вышестоящими органами.

13. Для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территорией и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти, Исполком избирает Президиум: губернский от 3—5 членов, уездный—3 члена.

14. Решение местных органов о слиянии Исполнительного Комитета подлежит в каждом отдельном случае утверждению Президиума Всероссийского Центр. Исполкома. (Пост. VII С'езда Сов. Собр. Уз. 1919 г., № 64, ст. 578, разд. 5).

Глава одиннадцатая.

О Советах Депутатов.

57. Советы Депутатов образуются:

а) В городах—по расчету 1 депутат на каждые 1.000 человек населения, но в числе не менее 50 и не более 1.000 членов. б) В селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10.000 человек, аулах, хуторах и пр.)— по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение. Срок полномочий депутатов—3 месяца. *Прим.* В тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления разре-

шаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно.

57а. В дополнение к ст. 57 Конституции РСФСР и во изменение постановления VIII С'езда Советов о работе местных советов. (Собр. Уз. 1921 г. № 1, ст. 1): Предоставить право губернским с'ездам советов вводить в состав Губисполкома сверх нормы, установленной Конституцией, членов исполкомов с таким расчетом, чтобы в состав Губисполкомов входило не менее как по одному представителю от каждого промышленного района. Расширенные заседания Губисполкомов созываются на сессии в сроки, устанавливаемые Губисполкомом. (Постан. IX С'езда Сов. о советском строительстве. Собр. Уз. 1922 г. № 4, ст. 44).

58. Для текущей работы Совет Депутатов избирает из своей среды исполнительный орган (Исполнительный Комитет) в количестве не свыше 5 человек в селениях, а в городах по расчету 1 на каждые 50 членов, но не менее 3 и и не более 15 (Ленинград и Москва не более 40). Исполком всецело ответствен перед избравшим его Советом.

59. Совет Депутатов созывается Исполкомом по усмотрению последнего или по требованию не менее половины членов Совета, но не реже 1 раза в неделю в городах и 2 раза в неделю в селениях.

60. В границах своего ведения Совет, а в случае, предусмотренном в ст. 57 (прим.), общее собрание избирателей, есть высшая в пределах данной территории власть.

60а. На общих собраниях Советов необходимо ставить все основные вопросы местной и общей жизни. Советы должны работать не только как аппарат агитации и осведомления, но и как деловой механизм. Каждый член Совета, по возможности, немедленно привлекается к выполнению определенной государств. работы. Все члены Советов обязаны во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Член Совета, невыполнивший два раза по неуважительным причинам данного постановления, считается лишенным мандата и вместо него избирается новый депутат. (Постан. VII С'езда Сов. Собр. Уз. 1919 г. № 64, ст. 578, разд. VI).

60б. **О работе местных Советов и их Исполкомов.**

1. Подтверждая необходимость проведения в жизнь разд. V постановления VII С'езда Советов, VIII С'езд Советов считает необходимым: а) производить регулярные перевыборы сельских, волостных, городских и других советов в установленные сроки, а также регулярно созывать С'езды Советов; б) городские советы образовывать во всех поселениях городского типа; в) вменить в обязанность Исполкомам собираться: волостным и уездным—не реже одного раза в неделю, губернским—не реже одного раза в две недели; г) кроме заседаний Исполкомов, созывать расширенные совещания: Волостных Исполкомов с представителями сельских советов—не реже одного раза в месяц; Уездных с представителями Волостных Исполкомов—не реже одного раза в месяц; Губернских с представителями уездных и районных Исполкомов—не реже одного раза в два месяца; д) на всех этих совещаниях и заседаниях ставить на обсуждение все вопросы как местного, так и общегосударственного значения, при чем решения таких совещаний подлежат утверждению соответствующих Исполкомов; е) сверх того периодически созывать совещания заведующих отделами Исполкомов; ж) на заседания Советов привлекать возможно большее количество рабочих и крестьян, устраивая эти заседания в рабочих кварталах и, по возможности, на крупных фабриках и заводах; з) заседания Исполкомов также, по возможности, устраивать на фабриках и заводах; и) всем Исполкомам принять меры к наиболее широкому осведомлению рабоче-крестьянского населения о всех мероприятиях Советской власти, для установления наибольшей связи советских работников с раб.-крестьянской массой, давать регулярные отчеты о своей деятельности рабоче-крестьянскому населению; к) все постановления городских советов и всех уездных и губернских С'ездов Советов сообщать Президиуму ВЦИК, который раз в два месяца публикует сводку всех важнейших постановлений.

2. Для скорейшего и планомерного проведения в жизнь всех вышеуказанных мероприятий, С'езд поручает Президиуму ВЦИК в двухмесячный срок разработать соответствующие инструкции.

3. С'езд возлагает обязанность на Президиум ВЦИК и Президиум местных Исполкомов установить особый контроль над проведением в жизнь всех вышеперечисленных мероприятий, и, в особенности, за выполнением постановлений VII и VIII С'езда Советов о советском строительстве. (Постан. VIII С'езда Сов. Собр. Уз. 1921 г. № 1, ст. 1, разд. V).

Глава двенадцатая.

О предметах ведения органов Советской власти на местах.

61. Областные, губернские, уездные и волостные органы Советской власти, а также Советы Депутатов имеют предметом своей деятельности: а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Сов. власти; б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях; в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение; г) об'единение всей Советской деятельности в пределах данной территории.

62. С'ездам Советов и их Исполкомам принадлежит право контроля над деятельностью местных Советов (т.-е. областным—право контроля над всеми Советами данной области, губернским—над всеми Советами данной губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных С'ездов Советов и т. д.), а областным и губернским С'ездам Советов и их Исполкомам — кроме того, право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях Центр. Советской власти.

63. Для выполнения, возложенных на органы Советской власти, задач при Советах (городских и сельских) и Исполкомах (областных, губернских, уездных и волостных) образуются соответствующие отделы во главе с заведующими отделами.

63а. **О взаимоотношении центральных и местных органов.**

1. Постановления местных С'ездов Советов могут быть отменяемы лишь вышестоящими С'ездами и их Исполкомами, ВЦИК'ом или его Президиумом. Постановления Исполкомов и их Президиумов могут быть отменяемы вышестоящими С'ездами, Исполкомами, их Президиумами, ВЦИК, его Президиумом и Совнаркомом.

2. Распоряжения Нар. Ком. могут быть отменяемы ВЦИК'ом, его Президиумом и Совнаркомом.

3. Приостановка проведения в жизнь каких-либо распоряжений отдельных Наркоматов допустима только в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлениям Совнаркомов или ВЦИК, по постан. Губисполкома и под коллективной судебной ответственностью последнего. О приостановлении и о своих соображениях о необходимости отмены данного распоряжения Губисполком немедленно сообщает Президиуму ВЦИК'а и соответствующему Наркому и в Совнарком. Президиум ВЦИК постановляет о привлечении к суду виновной стороны, т.-е. либо Народного Комиссара, либо Губисполкома, неправильно приостановившего распоряжения Наркомата. Те же права, на тех же основаниях предоставляются Уездным Исполкомам в отношении местных распоряжений Губ. Отделов.

4. Центральные ведомства по правилу ведут все дела через местные Советы и их отделы, упраздняя неподведомственные местным Советам отделения и специальные управления. Во исполнение этого правила, все постоянные местные органы и административно-хозяйственные учреждения всех Наркоматов, равно как и все органы, создаваемые временно для ударных работ, входят в соответствующие отделы губернских и уездных Исполкомов или непосредственно подчиняются последним. Исключения из этого правила в отношении отдельных учреждений допускаются по специальным постановлениям ВЦИК или его Президиума.

5. Непосредственно Исполкомам и их Президиумам имеют право давать предписания только вышестоящие Исполкомы, их Президиумы, ВЦИК, его Президиум и СНК.

6. Поручается Президиуму ВЦИК пересмотреть декрет от 26 апреля 1920 года (Собр. Уз. 1920 г. № 32, ст. 155) о дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов Исполкомов, исходя из принципа, что дисциплинарные взыскания на членов Исполкомов как состоящих заведующими отделами, так и не состоящих ими, не могут налагаться Наркомами.

7. Поручается Президиуму ВЦИК пересмотреть и дополнить постановления от 25 ноября (Собр. Уз. 1920 г. № 93, ст. 499) о лицах, командируемых на места центральными учреждениями, в направлении постепенного упразднения института уполномоченных и передачи их функций местным советским органам.

8. Поручается СНК рассмотреть положения о Наркоматах и их органах на местах, в целях согласования с постан. VII и VIII С‘ездов Сов. и в целях однообразия строения этих органов, и не позднее 1-го апреля представить на утверждение Президиума ВЦИК. После указанного срока все ранее изданные соответствующие положения отменяются. (Постан. VIII С‘езда Сов. С. У. 1921 г. № 1, ст. 1, разд. IV).

63б. Об отделах местных исполкомов.

Во изменение постановления VII С‘езда Сов. об исполкомах (Собр. Уз. 1919 г. № 64, ст. 578):

1. При уисполкомах отделов РКИ, юстиции, совнархозов и органов ЧК не образовывать.

2. Предоставить право соответствующим отделам губисполкомов в необходимых случаях, по соглашению с уисполкомами, назначить по одному уполномоченному представителю соответствующей отрасли управления, с предоставлением ему права пользоваться аппаратом одного из отделов уисполкома, по указанию Президиума уисполкома. *Прим.* ВСНХ через губернские отделы, а также губернские отделы по собственной инициативе, по соглашению с уисполкомом и по утверждению губисполкомов в промышленных районах и уездах, имеют право образовывать отделы с минимальными штатами.

3. Уполномоченные, а также отделы несут ответственность как перед губисполкомом, так и перед уисполкомом.

4. При горисполкомах заштатных городов, в промышленных и иных поселениях городского типа (кроме уездных и губернских городов), с утверждения губисполкомов могут быть организованы следующие отделы: управления, народного образования, коммунального хозяйства и здравоохранения.

5. Существующие при волисполкомах отделы, а также волэкономсовещания упраздняются. Количество членов волисполкомов устанавливается в три человека. *Прим.* В исключительных случаях губисполкомам предоставляется право увеличить состав волисполкома до четырех членов. Все функции волисполкома распределяются между его членами по особо установленному положению ВЦИК.

6. Для технического обслуживания всех отраслей управления при волисполкомах организуется общее делопроизводство.

7. Все члены волисполкома получают содержание из средств государства; председатели сельсоветов и весь технический аппарат волсовета получают содержание от губисполкомов за счет местных средств. (Постан. IX С‘езда Советов о советском строительстве. Раздел IV, Соб. Уз. 1922 г. № 4, ст. 44).

63в. О постановлениях VII и VIII С‘езда Советов.

IX Всер. С‘езд Советов подтверждает к неуклонному исполнению те пункты постановлений VII и VIII Всер. С‘ездов Советов, которые остались без изменения.

63г. О количестве губерний и губисполкомов.

Признать необходимым сократить количество губисполкомов путем об‘единения соседних губерний, связанных между собой удобными путями сообщения и родственных в хозяйственном отношении. Поручить ВЦИК не позже первой очередной сессии утвердить конкретные постановления о таких об‘единениях. (Постан. IX С‘езда Сов. Соб. Уз. 1922 г. № 4, ст. 44).

Приложение к ст. 63.

О порядке сношения местных Исполнит. Комитетов с Сов. Нар. Комиссаров.

1. Местные Исполкомы направляют в порядке, предусмотренном п. 1 раздела V постан. VII С‘езда Советов (Собр. Уз. 1919 г. № 64, ст. 578), все свои заявления, запросы, жалобы, а равно и извещения о приостановке распоряжений Наркоматов в Совет Наркомов через Наркомат по Внутренним Делам. *Прим.* В случае сношений по телеграфу, Исполкомы адресуют их: Совнаркому, Наркомвнудел и заинтересованному Наркому.

2. Отделы и учреждения местных Исполкомов в необходимых случаях входят с представлением в Совнарком через Президиум Исполкомов, которые направляют эти представления со своим заявлением в Совнарком через Наркомвнудел.

3. Наркомвнудел, предварительно снесясь с заинтересованным Наркоматом, обязан направить возбужденное дело в Совнарком со своим заключением не позднее 3-х дней по его получении.

4. Наркомвнудел является в Совнарком докладчиком по этим делам; Исполком, возбудивший дело, может делегировать в Совнарком также и своего докладчика.

5. Постан. Совнаркома по делам местных Исполкомов препровождается последним через Наркомвнудел. (Декрет Сов. Нар. Ком. от 10 февраля 1921 г. Собр. Уз. 1921 г. № 12, ст. 82).

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Активное и пассивное избирательное право.

Глава тринадцатая.

64. Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане РСФСР, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли; б) солдаты Советской армии и флота; в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах „а“ и „б“ настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность. *Прим. 1.* Местные Советы могут, с утверждения Центральной власти, понижать установленную в настоящей статье возрастную норму. *Прим. 2.* Из лиц, не вступивших в число российских граждан, пользуются активным и пассивным избирательным правом также лица, указанные в ст. 20 (раздел второй, глава пятая).

65. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Поражение прав по Уголовному Кодексу.

Ст. 40. Поражение прав заключается в лишении на срок не свыше пяти лет: а) активного и пассивного избирательного права (Осн. Закон, Собр. Уз.

1918 г., № 51); б) активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; в) права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном; г) гражданских и имущественных прав, переименованных в ст. 5 Гражданского Кодекса. Срок поражения прав для присужденных к лишению свободы исчисляется с момента отбытия сего наказания или условного досрочного освобождения от него.

Ст. 41. Поражение прав может, по особому постановлению суда, сопровождаться лишением осужденного ордена Красного или Трудового Знамени, но такое постановление должно быть представлено, до вступления приговора в законную силу, на утверждение Президиума ВЦИК.

Ст. 42. Поражение прав назначается судом, как дополнительное наказание при вынесении обвинительных приговоров по преступлениям, предусмотренным Уголовным Кодексом, если суд признает осужденного опороченным по суду. Постановка вопроса о поражении прав при осуждении для суда обязательна, если в Уголовном Кодексе указано наказание лишением свободы на срок более одного года или другое более тяжелое наказание.

Глава четырнадцатая.

О производстве выборов.

66. Выборы производятся, согласно установившимся обычаям, в дни, устанавливаемые местными Советами.

67. Выборы производятся в присутствии избирательной комиссии и представителя местного Совета.

68. В тех случаях, когда присутствие представителя Советской власти оказывается технически невозможным, его заменяет председатель избирательной комиссии, а за отсутствием такового—председатель избирательного собрания.

69. О ходе и результате выборов составляется протокол за подписью членов избирательной комиссии и представителя Совета.

70. Подробный порядок производства выборов, а равно и участие в них профессиональных и иных рабочих организаций определяется местными Советами, согласно инструкции ВЦИК Советов.

Глава пятнадцатая.

О проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов.

71. Весь материал по производству выборов поступает в соответственный Совет.

72. Совет для проверки выборов назначает мандатную комиссию.

73. О результатах проверки мандатная комиссия докладывает Совету.

74. Совет решает вопрос об утверждении спорных кандидатов.

75. В случае неутверждения того или иного кандидата, Совет назначает новые выборы.

76. В случае неправильности выборов в целом—вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом Советской власти.

77. Последней инстанцией по кассации Советских выборов является ВЦИК Советов.

78. Избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы, согласно общему положению.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

Бюджетное право.

Глава шестнадцатая.

79. Финансовая политика РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств. В этих целях она ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности.

80. Государственные доходы и расходы РСФСР об'единяются в общегосударственном бюджете.

81. Всероссийский С'езд Советов или ВЦИК Советов определяет, какие виды доходов и сборов входят в общегосударственный бюджет и какие поступают в распоряжение местных Советов, а равно устанавливает пределы обложения.

82. Советы устанавливают обложение налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства. Потребности общегосударственные удовлетворяются за счет средств, отпускаемых из Государственного Казначейства.

83. Ни один расход из средств Госуд. Казначейства не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или путем издания особого постановления центральной власти.

84. На удовлетворение потребностей, имеющих общегосударственное значение, в распоряжение местных Советов предоставляются подлежащими народными комиссариатами необходимые кредиты из Госуд. Казначейства.

85. Все предоставленные Советами кредиты из средств Госуд. Казначейства, а равно кредиты, утвержденные по сметам на местные нужды, расходуются ими в пределах сметных подразделений (параграфы и статьи) по прямому назначению и не могут быть обращаемы на удовлетворение каких-либо других потребностей без особого постановления ВЦИК Советов и Совнаркома.

86. Местные Советы составляют полугодовые и годовые сметы доходов и расходов на местные нужды. Сметы сельских и волостных Советов и Советов городов, участвующих в уездных С'ездах Советов, а также сметы уездных органов Советской власти, утверждаются соответственно губернскими и областными С'ездами Советов или их Исполнительными Комитетами; сметы городских, губернских и областных органов Советской власти утверждаются ВЦИК Советов и Совнаркомом.

87. На расходы, непредусмотренные сметами, а также в случае недостаточности сметных назначений, дополнительные кредиты Советы испрашивают у подлежащих народных комиссариатов.

88. В случае недостаточности местных средств для удовлетворения местных потребностей, необходимые для покрытия неотложных расходов пособия или ссуды из средств Государственного Казначейства местным Советам разрешаются ВЦИК Советов и Совнаркомом.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ.

О гербе и флаге Российской Социал. Федер. Сов. Республики.

Глава семнадцатая.

89. Герб РСФСР состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест, рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

90. Торговый, морской и военный флаг РСФСР состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого—у древка, наверху, помещены золотые буквы РСФСР или надпись: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

90а. В изменение 90-й статьи Конституции РСФСР об установлении единообразного торгового, морского и военного флага, ВЦИК постановляет: 1) Оставить существующий образец в качестве военного флага (красный флаг с золотыми буквами РСФСР в левом верхнем крыле). 2) Для торгового флота установить красный флаг с белыми буквами РСФСР большого размера в середине флага. 3) Для морского флота установить красный флаг с якорем, красной звездой по середине его и белыми буквами РСФСР в верхней части якоря. (Декрет ВЦИК от 29 сент. 1920 г. Собр. Уз. 1920 г. № 82, ст. 404).

Подписали: Председатель V Всеросс. С'езда Советов и Всеросс. Центр. Исполн. Комитета Советов **Я. Свердлов.** Члены Президиума Всер. Центр. Исп. Ком. Советов: **Т. И. Теодорович, Ф. А. Розин, А. П. Розенгольц, А. Х. Митрофанов, К. Г. Максимов.** Секретарь ВЦИК Советов **В. А. Аванесов.**

Распубликован в № 151 „Известий Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов“ от 19 июля 1918 г.

II.

Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик.

(„Вестн. Правительства СССР", 1924 г., № 2 и С. У. 1923 г. № 81, ст. 782) *).

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, торжественно провозглашая незыблемость основ советской власти, во исполнение постановления 1-го С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик, а также на основании договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятого на 1-ом С'езде Советов Союза Советских Социалистических Республик в городе Москве 30 декабря 1922 года, и принимая во внимание поправки и изменения, предложенные центральными исполнительными комитетами союзных республик, постановляет:

Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик составляют Основной Закон (Конституцию) Союза Советских Социалистических Республик.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Со времени образования советских республик, государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма,—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма,—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов. Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности, путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком, оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов. Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападение империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству. Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик. С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения. Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь об'единения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют об'единения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспения, и свободу национального развития народов. Воля народов советских республик, собравшихся недавно на с'езды своих советов и единодушно принявших решение об образовании „Союза Советских Социалистических Республик", служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным об'единением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути об'единения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР), Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР — Советская Социалистическая Республика Азербайджан, Советская Социалистическая Республика Грузия и Советская Социалистическая Республика Армения), Туркменская Социал. Сов. Республ. (ТуркССР) и Узбекская Социал. Сов. Республ. (УзССР) — об'единяются в одно союзное государство — „Союз Советских Социалистических Республик".

Глава первая.

Предметы ведения верховных органов власти Союза Советских Социалистических Республик.

1. Ведению Союза Советских Социалистических Республик, в лице его верховных органов, подлежат: а) представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с другими государствами; б) изменение внешних границ Союза, а также урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками; в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик; г) об'явление войны и заключение мира; д) заключение внешних и внутренних займов Союза ССР и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик; е) ратификация международных

*) Изменения, внесенные III С'ездом Советов ССР, опублик. в „Собр. Зак.", 1925 г. № 35.

договоров; ж) руководство внешней торговлей и установление системы внутренней торговли; з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик; и) руководство транспортным и почтово-телеграфным делом; к) организация и руководство вооруженными силами Союза ССР; л) утверждение единого государственного бюджета Союза ССР, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик; м) установление единой денежной и кредитной системы; н) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза ССР; о) общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда; п) установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза; р) установление основных законов о труде; с) установление общих начал в области народного просвещения; т) установление общих мер в области охраны народного здравия; у) установление системы мер и весов; ф) организация общесоюзной статистики; х) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев; ц) право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза; ч) отмена нарушающих настоящую Конституцию постановлений с'ездов Советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик; ш) разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками.

2. Утверждение и изменение основных начал настоящей Конституции подлежит исключительному ведению С'езда Советов Союза ССР.

Глава вторая.

О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве.

3. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права союзных республик.

4. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

5. Союзные республики, в соответствии с настоящей Конституцией, вносят изменения в свои конституции.

6. Территория союзных республик не может быт изменяема без их согласия, а равно для изменения, ограничения или отмены статьи 4-й требуется согласия всех республик, входящих в Союз ССР.

7. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.

Глава третья.

О С'езде Советов Союза Советских Социалистических Республик.

8. Верховным органом власти Союза Советских Социалистических Республик является С'езд Советов, а в период между С'ездами Советов—Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, состоящий из Союзного Совета и Совета Национальностей.

9. С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик составляется из представителей городских советов и советов городских поселений—по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей и представителей губернских с'ездов советов—по расчету 1 депутат на 125.000 жителей.

10. Делегаты на С'езд Советов Союза ССР избираются на губерских с'ездах советов. В тех республиках, где нет губернских об'единений, делегаты избираются непосредственно на с'езде советов данной республики.

11. Очередные С'езды Советов Союза ССР созываются ЦИК'ом Союза ССР один раз в год чрезвычайные С'езды созываются ЦИК'ом Союза ССР по его собственному решению, по требованию Союзного Совета, Совета Национальностей или же по требованию двух союзных республик.

12. При чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих созыву в срок С'езда Советов Союза ССР, ЦИК'у Союза ССР предоставляется право отсрочки созыва С'езда.

Глава четвертая.

О Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик.

13. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР состоит из Союзного Совета и Совета Национальностей.

14. С'езд Советов Союза ССР избирает Союзный Совет из представителей союзных республик, пропорционально населению каждой, в количестве, определяемом С'ездом Советов Союза ССР.

15. Совет Национальностей образуется из представителей союзных и автономных советских социалистических республик — по 5 представителей от каждой—и из представителей автономных областей — по одному представителю от каждой. Состав Совета Национальностей в целом утверждается С'ездом Советов Союза Советских Социалистеческих Республик.

16. Союзный Совет и Совет Национальностей рассматривают все декреты, кодексы и постановления, поступающие к ним от Президиума Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Союза Советских Социалистических Республик, отдельных наркоматов Союза, цик'ов союзных республик, а также возникающие по инициативе Союзного Совета и Совета Национальностей.

17. Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, об'единяет работу по законодательству и управлению Союза ССР и определяет круг деятельности Президиума ЦИК'а и Совнаркома Союза ССР.

18. Все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза ССР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение ЦИК'а Союза ССР.

19. Все декреты, постановления и распоряжения издаваемые Центральным Исполнительным Комитетом, обязательны к непосредственному исполнению на всей территории Союза ССР.

20. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК'а Союза ССР, а также с'ездов советов и цик'ов союзных республик и других органов власти на территории Союза ССР.

21. Очередные сессии ЦИК'а Союза ССР созываются Президиумом ЦИК'а три раза в год. Чрезвычайные сессии созываются по постановлению Президиума ЦИК'а Союза ССР, по требованию Президиума Союзного Совета или Президиума Совета Национальностей, а также по требованию цик'а одной из союзных республик.

22. Законопроекты, восходящие на рассмотрение ЦИК'а Союза ССР, получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным Советом, так и Советом Национальностей, и публикуются от имени ЦИК'а Союза ССР.

23. В случаях разногласий между Союзным Советом и Советом Национальностей, вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию.

24. При недостижении соглашения в согласительной комиссии, вопрос переносится на рассмот-

рение совместного заседания Союзного Совета и Совета Национальностей, при чем, в случае отсутствия большинства голосов Союзного Совета или Совета Национальностей, вопрос может быть передан, по требованию одного из этих органов, на разрешение очередного или чрезвычайного С'езда Советов Союза ССР.

25. Союзный Совет и Совет Национальностей для подготовки их сессий и руководства работой последних выбирают свои Президиумы, в составе по 9 членов каждый.

26. В период между сессиями ЦИК'а Союза ССР, высшим органом власти является Президиум ЦИК'а Союза ССР, образуемый ЦИК'ом в количестве 27 членов, в число которых входят в полном составе Президиумы Союзного Совета и Совета Национальностей.

Для образования Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, согласно ст. ст. 26 и 37 настоящей Конституции, устраивается совместное заседание Союзного Совета и Совета Национальностей. Голосование на совместном заседании Союзного Совета и Совета Национальностей производится отдельно Союзным Советом и Советом Национальностей.

27. Центральный Исполнительный Комитет избирает по числу союзных республик председателей ЦИК'а Союза ССР из состава членов Президиума ЦИК'а Союза ССР.

28. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР ответствен перед С'ездом Советов Союза ССР.

Глава пятая.

О Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

29. Президиум ЦИК'а Союза ССР, в период между сессиями ЦИК'а Союза ССР, является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР.

30. Президиум ЦИК'а Союза ССР наблюдает за проведением в жизнь Конституции Союза ССР и исполнением всех постановлений С'езда Советов и ЦИК'а Союза ССР всеми органами власти.

31. Президиум ЦИК'а Союза ССР имеет право приостанавливать и отменять постановления Совнаркома и отдельных наркоматов Союза ССР, а также цик'ов и совнаркомов союзных республик.

32. Президиум ЦИК'а Союза ССР имеет право приостанавливать постановления с'ездов советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК'а Союза ССР.

33. Президиум ЦИК'а Союза ССР издает декреты, постановления и распоряжения, рассматривает и утверждает проекты декретов и постановлений, вносимых Советом Народных Комиссаров, отдельными ведомствами Союза ССР, цик'ами союзных республик, их президиумами и другими органами власти.

34. Декреты и постановления ЦИК'а, его Президиума и Совнаркома Союза ССР печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркотатарский).

35. Президиум ЦИК'а Союза ССР разрешает вопросы о взаимоотношениях между Совнаркомом Союза ССР и народными комиссариатами Союза ССР, с одной стороны, и цик'ами союзных республик и их президиумами—с другой.

36. Президиум ЦИК'а Союза ССР ответствен перед ЦИК'ом Союза ССР.

Глава шестая.

О Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

37. Совет Народных Комиссаров Союза ССР является исполнительным и распорядительным органом ЦИК'а Союза ССР и образуется ЦИК'ом Союза ССР в составе: председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР; заместителей председателя; народного комиссара по иностранным делам; народного комиссара по военным и морским делам; народного комиссара внешней торговли; народного комиссара путей сообщения; народного комиссара почт и телеграфов; народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции; председателя высшего совета народного хозяйства; народного комиссара труда; народного комиссара по внутренней торговле; народного комиссара финансов. По ред. Пост. 2 сессии ЦИК Союза ССР 2 созыва. („Собр. зак." 1924 г., № 19, ст. 184).

38. Совет Народных Комиссаров Союза ССР, в пределах предоставленных ему ЦИК'ом Союза ССР прав и на основании Положения о Совете Народных Комиссаров Союза ССР, издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Союза ССР.

39. Совет Народных Комиссаров Союза ССР рассматривает декреты и постановления, вносимые как отдельными наркоматами Союза ССР, так и цик'ами союзных республик и их президиумами.

40. Совет Народных Комиссаров Союза ССР во всей своей работе ответствен перед Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик и его Президиумом.

41. Постановления и распоряжения Совнаркома Союза ССР могут быть приостанавливаемы и отменяемы ЦИК'ом Союза ССР и его Президиумом.

42. Центральные исполнительные комитеты союзных республик и их президиумы опротестовывают декреты и постановления Совнаркома Союза ССР в Президиум ЦИК'а Союза ССР, не приостанавливая их исполнения.

Глава седьмая.

О Верховном Суде Союза ССР.

43. В целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР, при ЦИК'е Союза ССР учреждается Верховный Суд, к компетенции которого относятся: а) дача верховным судам союзных республик руководящих раз'яснений по вопросам общесоюзного законодательства; б) рассмотрение и опротестование перед ЦИК'ом Союза ССР по представлению прокурора Верховного Суда Союза ССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или поскольку ими затрагиваются интересы других республик; в) дача заключений по требованию ЦИК'а Союза ССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции; г) разрешение судебных споров между союзными республиками; д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

44. Верховный Суд Союза ССР действует в составе: а) пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР; б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда Союза ССР; в) военной и военно-транспортной коллегий.

45. Верховный Суд Союза ССР в составе его пленарного заседания образуется из 15-ти членов, в том числе председателя и его заместителя, председателей пленарных заседаний верховных судов союзных республик и одного представителя ОГПУ Союза ССР, при чем председатель и его заместитель и остальные семь членов назначаются Президиумом ЦИК'а Союза ССР.

46. Прокурор Верховного Суда Союза ССР и его заместитель назначаются Президиумом ЦИК'а Союза ССР. На обязанности прокурора Верховного Суда Союза ССР лежит дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза ССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР, опротестование их в Президиум ЦИК'а Союза ССР.

47. Право направления указанных в ст. 43 вопросов на рассмотрение пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР может иметь место исключительно по инициативе ЦИК'а Союза ССР, его Президиума, прокурора Верховного Суда Союза ССР, прокуроров союзных республик и ОГПУ Союза ССР.

48. Пленарные заседания Верховного Суда Союза образуют специальные судебные присутствия (составы) для рассмотрения: а) уголовных и граждан-

ских дел исключительной важности, затрагивающих по своему содержанию две или несколько союзных республик, и б) дел персональной подсудности членов ЦИК'а и Совнаркома Союза ССР. Принятие Верховным Судом Союза ССР к своему производству этих дел может иметь место исключительно по особым на каждый раз постановлениям ЦИК'а Союза или его Президиума.

Глава восьмая.

О народных комиссариатах Союза Советских Социалистических Республик.

49. Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Совнаркома Союза ССР, образуется 10 народных комиссариатов, указанных в ст. 37 настоящей Конституции, действующих на основе Положений о народных комиссариатах, утвержденных ЦИК'ом Союза ССР.

50. Народные комиссариаты Союза ССР делятся на: а) общесоюзные народные комиссариаты, единые для всего Союза ССР; б) об'единенные народные комиссариаты Союза ССР.

51. Общесоюзными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты: по иностранным делам; по военным и морским делам; внешней торговли; путей сообщения; почт и телеграфов.

52. Об'единенными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты: высший совет народного хозяйства; внутренней торговли; труда; финансов и рабоче-крестьянской инспекции. По ред. Пост. 2 сессии ЦИК Союза ССР 2 созыва. („Собр. Зак." 1924 г., № 19, ст. 184).

53. Общесоюзные народные комиссариаты Союза ССР имеют при союзных республиках своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных.

54. Органами об'единенных народных комиссариатов Союза ССР, осуществляющими на территории союзных республик их задания, являются одноименные народные комиссариаты этих республик.

55. Во главе народных Комиссариатов Союза ССР стоят члены Совета Народных Комиссаров—народные комиссары Союза ССР.

56. При каждом народном комиссаре, под его председательством, образуется коллегия, члены которой назначаются Советом Народных Комиссаров Союза ССР.

57. Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия с тем или иным решением народного комиссара, коллегия или отдельные ее члены, не приостанавливая исполнения решения, могут обжаловать его в Совет Народных Комиссаров Союза ССР.

58. Распоряжения отдельных народных комиссариатов Союза ССР могут быть отменяемы Президиумом ЦИК'а и СНК Союза ССР.

59. Распоряжения народных комиссариатов Союза ССР могут быть приостанавливаемы цик'ами или президиумами цик'ов союзных республик, при явном несоответствии данного распоряжения союзной Конституции законодательству Союза или законодательству союзной республики. О приостановке распоряжения цик'и или президиумы цик'ов союзных республик немедленно сообщают Совету Народных Комиссаров Союза ССР и соответствующему народному комиссару Союза ССР.

60. Народные комиссары Союза ССР ответственны перед Советом Народных Комиссаров, Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР и его Президиумом.

Глава девятая.

Об Об'единенном Государственном Политическом Управлении.

61. В целях об'единения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контр-революцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза ССР Об'единенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза ССР с правом совещательного голоса.

62. ОГПУ Союза ССР руководит работой местных органов Государственного Политического Управления (ГПУ) через своих уполномоченных при советах народных комиссаров союзных республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке.

63. Надзор за закономерностью действий ОГПУ Союза ССР осуществляется прокурором Верховного Суда Союза ССР на основе специального постановления ЦИК'а Союза ССР.

Глава десятая.

О союзных республиках.

64. В пределах территории каждой союзной республики, верховным органом власти последней является с'езд советов республики, а в промежутках между с'ездами—ее центральный исполнительный комитет.

65. Взаимоотношения между верховными органами власти союзных республик и верховными органами власти Союза ССР устанавливаются настоящей Конституцией.

66. Центральные исполнительные комитеты союзных республик избирают из своей среды президиумы, которые в период между сессиями цик'ов являются высшими органами власти.

67. Цик'и союзных республик образуют свои исполнительные органы—советы народных комиссаров в составе: председателя совета народных комиссаров; заместителей председателя; председателя высшего совета народного хозяйства; народного комиссара земледелия; народного комиссара финансов; народного комиссара по внутренней торговле; народного комиссара труда; народного комиссара внутренних дел; народного комиссара юстиции; народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции; народного комиссара просвещения; народного комиссара здравоохранения; народного комиссара социального обеспечения, а также, с правом совещательного или решающего голоса, по решению цик'ов союзных республик,—уполномоченных народных комиссаров Союза ССР по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов. По ред. Пост. 2 сессии ЦИК СССР 2 созыва. („Собр. Зак." 1924 г., № 19, ст. 184).

68. Высший совет народного хозяйства и народные комиссариаты внутренней торговли, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции союзных республик, подчиняясь цик'ам и советам народных комиссаров союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссариатов Союза ССР. По ред. Пост. 2 сессии ЦИК СССР 2 созыва. („Собр. Зак." 1924 г., № 19, ст. 184).

69. Право амнистии, а равно право помилования и реабилитации в отношении граждан, осужденных судебными и административными органами союзных республик, сохраняется за цик'ами этих республик.

Глава одиннадцатая.

О гербе, флаге и столице Союза Советских Социалистических Республик.

70. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, колосья переплетены лентами, на лентах имеются надписи на шести языках, упомянутых в ст. 34: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" На верху герба имеется пятиконечная звезда. По ред. Пост. II С'езда Советов СССР. (Стеногр. отчет, стр. 135).

71. Государственный флаг Союза ССР состоит из красного или алого полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2. По ред. Пост. III сессии ЦИК Союза ССР 1 созыва. (С. У. 1923 г., № 113, ст. 1053).

72. Столицею Союза ССР является гор. Москва.

6 июля 1923 г.

III.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики*).

РАЗДЕЛ I.

Общие положения.

Глава 1.

1. Настоящая Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики исходит из основных положений декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, принятой III Всероссийским С'ездом Советов, и основных начал Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой V Всероссийским С'ездом Советов, и имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата, в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

2. Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик. Вся власть в пределах Рос. Соц. Фед. Сов. Респ. принадлежит Советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.

3. Носителем Верховной власти в РСФСР является Всероссийский С'езд Советов, а в период между С'ездами—Всеросс. Центр. Исп. Ком. Сов. Согласно воле народов РСФСР, принявших решение на X Всеросс. С'езде Советов об образовании Союза Сов. Соц. Респ., РСФСР, входя в состав СССР, передает Союзу полномочия, отнесенные, в соответствии со ст. 1 Конституции СССР, к ведению органов СССР.

4. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

5. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений, РСФСР уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянства все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

6. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний, РСФСР, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения.

7. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов, РСФСР, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и крестьянам содействие для их об'единения и организации.

8. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, РСФСР ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование.

9. РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики.

10. В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции, РСФСР признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагается отправление иных воинских обязанностей.

11. РСФСР предоставляет все права, устанавливаемые Конституцией и законодательством Республики для граждан РСФСР, также и всем пребывающим на территории РСФСР гражданам других союзных советских республик. РСФСР, исходя из солидарности трудящихся всех наций, предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории РСФСР для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно к непользующемуся чужим трудом крестьянству, на основе постановлений верховных органов СССР.

12. РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения.

13. РСФСР, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, об'являет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия и тем более установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей и признает право за отдельными национальностями на выделение, по решению их с'ездов советов, с утверждения верховных органов РСФСР, в автономные советские социалистические республики и области. За гражданами РСФСР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе.

14. Руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции.

15. Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства на основах, определяемых особыми законами СССР и верховными органами РСФСР.

РАЗДЕЛ II.

Глава 2.

О предметах ведения Всероссийского С'езда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

16. Исключительному ведению Всероссийского С'езда Советов подлежит: а) установление, дополнение и изменение основных начал Конституции (Основного Закона) РСФСР и окончательное утверждени[е]

*) Измененный текст Конституции РСФСР, утвержденный XII Всеросс. С'ездом Советов Раб., Крестьянск., Каз. и Красноарм. депутатов на основ. ст. 5 Основного Закона (Конституции) СССР и постановл. XI Всероссийск. С'езда Советов от 29 января 1924 г. Опубликован в „Собр. Узак." 1925 г., № 30, ст. 218.

частичных изменений в Конституции РСФСР, принятых сессиями ВЦИК'а в период между Всероссийскими С'ездами Советов; б) окончательное утверждение конституции автономных советских социалистических республик.

17. Ведению Всероссийского С'езда Советов и ВЦИК'а Советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то: а) общее руководство всей политикой и народным хозяйством РСФСР; б) установление границ автономных советских социалистических республик, входящих в состав РСФСР, утверждение конституции их, а также разрешение споров между автономными советскими социалистическими республиками и между ними и другими частями федерации; в) общее административное разделение территории РСФСР и утверждение краевых и областных об'единений; г) установление, в соответствии с законодательством Союза ССР, плана всего народного хозяйства и отдельных отраслей его на территории РСФСР; д) утверждение бюджета РСФСР, как части единого государственного бюджета СССР; е) установление в соответствии с Конституцией и законодательством Союза ССР государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов, а также заключение внешних и внутренних займов РСФСР; ж) верховный контроль над государственными доходами и расходами РСФСР; з) утверждение кодексов законов РСФСР, в соответствии с Конституцией СССР; и) право амнистии, общей и частной, на территории РСФСР; к) отмена постановлений с'ездов советов автономных советских социалистических республик и автономных областей, а также других местных с'ездов советов, нарушающих настоящую Конституцию или постановления верховных органов РСФСР.

18. Сверх перечисленных вопросов, ведению Всеросс. С'езда Советов и ВЦИК подлежат и другие вопросы, в соответствии с Конституцией СССР.

19. В пределах, указанных в Основном Законе (Конституции) СССР, и по предметам, отнесенным к компетенции Союза, на территории РСФСР имеют обязательную силу постановления верховных органов Союза ССР. За этим исключением, никакие органы, кроме Всер. С'езда Советов, ВЦИК'а, его Президиума и Совнаркома, не имеют права издавать законодательные акты общегосударственного значения на территории РСФСР.

РАЗДЕЛ III.

Об устройстве советской власти.

Глава 3.

О центральной власти.

А. О Всероссийском С'езде Советов.

20. Всероссийский С'езд Советов составляется на основаниях, установленных ст. 25 Конституции (Основного Закона) РСФСР, принятой V Всер. С'ездом Советов, из представителей советов городов и городских поселений, по расчету один делегат на 25.000 избирателей, и представителей от губернских и окружных с'ездов советов, по расчету один делегат на 125.000 человек населения.

Примечание. В случае, если губернский с'езд советов не предшествует Всероссийскому С'езду, делегаты на последний посылаются непосредственно уездным с'ездом советов.

21. Всер. С'езд Советов избирает ВЦИК Советов в количестве членов, определяемом С'ездом Советов.

22. Всер. С'езд Советов созывается ВЦИК'ом один раз в год.

23. Чрезвычайный Всер. С'езд Советов созывается ВЦИК'ом как по собственному почину, так и по требованию советов и с'ездов советов местностей, насчитывающих не менее одной трети всего населения РСФСР.

Б. О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

24. ВЦИК Сов. в пределах, указ. в ст.ст. 3, 17 и 18 настоящей Конституции, является верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР.

25. ВЦИК издает кодексы, декреты и постановления в порядке собственной инициативы, а также рассматривает и утверждает законопроекты, внесенные Совнаркомом.

26. Все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни РСФСР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов РСФСР, а равно бюджет РСФСР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение ВЦИК Сов.

27. В период между сессиями ВЦИК'а высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти РСФСР является избираемый ВЦИК'ом Президиум ВЦИК'а.

28. ВЦИК Советов дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов советской власти РСФСР, об'единяет работу по законодательству и управлению, определяет круг деятельности Президиума ВЦИК'а и Сов. Нар. Ком'а и наблюдает за проведением в жизнь Конституции РСФСР, исполнением всех постановлений Всеросс. С'ездов Советов и верховных органов СССР.

29. ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК'а на сессии. Чрезвычайные сессии созываются по инициативе Президиума ВЦИК'а, по предложению Сов. Нар. Ком'а, по требованию $^1/_3$ членов ВЦИК'а или по требованию центральных исполнительных комитетов не менее 6 автономных советских социалистических республик.

30. ВЦИК образует Сов. Нар. Ком. для общего управления РСФСР и народные комиссариаты для руководства отдельными отраслями управления

31. ВЦИК ответственен перед Всеросс. С'ездом Советов, которому представляет отчет о своей деятельности и доклад по общей политике и по отдельным вопросам.

В. О Совете Народных Комиссаров.

32. В состав Сов. Нар. Ком'а РСФСР входят на правах его членов: председатель Сов. Нар. Ком'а, его заместитель и народные комиссары, указанные в ст. 37 Конституции РСФСР, а также уполномоченные общесоюзных наркоматов, назначаемые в порядке общесоюзного законодательства и имеющие права совещательного или решающего голоса, согласно постановления ВЦИК или его Президиума.

33. Сов. Нар. Ком'у принадлежит общее управление РСФСР.

34. Сов. Нар. Ком. РСФСР, в пределах предоставленных ему ВЦИК'ом прав и на основании Положения о Сов. Нар. Ком'е, издаваемого в развитие настоящей статьи, издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории РСФСР.

35. Сов. Нар. Ком. ответственен перед Всеросс. С'ездом Советов и ВЦИК'ом.

36. Всякое постановление Сов. Нар. Ком'а может быть отменено или приостановлено ВЦИК'ом Советов или его Президиумом.

Г. О народных комиссариатах РСФСР.

37. Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Сов. Нар. Ком. РСФСР, образуются 11 народных комиссариатов: высший совет народного хозяйства, внутренней торговли, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия, социального обеспечения.

38. Высший совет народного хозяйства и народные комиссариаты внутренней торговли, финансов, труда и рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, подчиняясь ВЦИК'у, его Президиуму и Сов. Нар. Ком'у

РСФСР, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссариатов СССР.

39. Во главе отдельных народных комиссариатов стоят члены СНК—народные комиссары.

40. При каждом народном комиссаре, под его председательством, образуется коллегия, члены которой утверждаются СНК.

41. Народный комиссар в праве единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара, коллегия, не приостанавливая решения, может обжаловать его в СНК РСФСР или в Президиум ВЦИК Советов. То же право обжалования принадлежит отдельным членам коллегии.

42. Народные комиссары в своей работе ответственны перед СНК и перед ВЦИК'ом и его Президиумом.

43. Распоряжения народных комиссаров РСФСР могут быть отменяемы ВЦИК'ом, его Президиумом, Сов. Нар. Ком'ом РСФСР и в отношении распоряжений об'единенных народных комиссариатов РСФСР—одноименными народными комиссариатами СССР, в последнем случае—если они не основаны на точных предписаниях ВЦИК'а, его Президиума или СНК РСФСР.

Глава 4.

Об автономных Советских Социалистических республиках и областях.

44. Органы государственной власти в автономных советских социалистических республиках и автономных областях образуются на основе Конституции РСФСР из местных советов, их с'ездов, исполнительных комитетов, областных и центральных исполнительных комитетов. Основные законы (конституции) автономных советских социалистических республик принимаются их с'ездами советов, представляются на утверждение ВЦИК'а и вносятся на окончательное утверждение Всеросс. С'езда Советов.

Примечание. Положения об автономных областях принимаются их с'ездами советов и утверждаются ВЦИК'ом.

45. Высшим органом государственной власти в пределах территории каждой автономной советской социалистической республики являются с'езды советов республики, а в период между с'ездами - избираемый ими центральный исполнительный комитет, права которого определяются конституцией каждой автономной советской социалистической республики.

46. Центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик и областные исполнительные комитеты автономных областей избирают из своей среды президиумы, которые в период между сессиями центральных или областных исполнительных комитетов являются на территории данной республики или области высшим органом власти.

47. Центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик образуют свои исполнительные органы—советы народных комиссаров, в составе: председателя Сов. Нар. Ком'а и народных комиссаров внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия и социального обеспечения, а также народных комиссаров об'единенных народных комиссариатов РСФСР: финансов, труда, внутренней торговли, рабоче-крестьянской инспекции и высшего совета народного хозяйства.

В зависимости от местных бытовых условий центральные исполнительные комитеты автономных советских социалистических республик имеют право сократить количество народных комиссариатов и соответственно изменить состав совета народных комиссаров.

48. В пределах прав, предоставленных автономным советским социалистическим республикам, центральные исполнительные комитеты этих республик издают законодательные акты, имеющие обязательную силу на территории соответствующей автономной советской социалистической республики.

Глава 5.

О местной власти.

А. О с'ездах советов.

49. Высшей в пределах данной территории — края, области, губернии, округа, уезда, района и волости - властью в границах своего ведения является с'езд советов.

50. В с'ездах советов: краевых, областных, губернских, окружных, уездных, районных и волостных принимают участие представители всех советов, находящихся на территории данной административной единицы.

51. С'езды советов составляются в соответствии с Конституцией (Основным Законом) РСФСР 1918 г. и постановлениями VII Всеросс. С'езда Советов следующим образом:

а) краевые и областные - из представителей советов городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и окружных советов по расчету: от советов городов - один делегат на 5.000 избирателей и от окружных с'ездов—один делегат на 25.000 человек населения;

б) губернские—из представителей советов городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и уездных с'ездов советов по расчету: от советов городов—один делегат на 2.000 избирателей и от уездных с'ездов - один делегат на 10.000 человек населения;

в) окружные—из представителей советов городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и сельских советов по расчету: от советов городов—один делегат на 1.000 избирателей и от районных с'ездов советов—один делегат на 5.000 человек населения;

г) уездные—из представителей советов городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных на территории уезда, и сельских советов, по расчету: от советов городов—один делегат на 200 избирателей и от волостных с'ездов советов—один делегат на 1.000 человек населения, но не свыше 300 делегатов на уезд;

д) районные и волостные — из представителей всех советов, находящихся на территории района или волости, по расчету: один делегат на 300 человек населения, но не свыше 150 делегатов на район или волость.

Примечание. В исключительных случаях ВЦИК'у предоставляется право изменять установленные настоящей статьей нормы представительства для отдельных местностей, в зависимости от местных условий.

52. С'езды советов бывают очередные и внеочередные. Очередные с'езды советов созываются один раз в год; внеочередные с'езды советов созываются: а) по предложению вышестоящих с'ездов советов или их исполнительных комитетов; б) соответствующими на их территории исполнительными органами советской власти (исполнительными комитетами), как по почину последних, так и по требованию советов, насчитывающих не менее одной трети населения данного района.

53. С'езды советов избирают свои исполнительные органы—исполнительные комитеты, число членов которых для с'ездов советов каждой административной территориальной единицы определяется постановлениями ВЦИК'а или его Президиума.

Б. Об исполнительных комитетах.

54. Исполнительные комитеты избираются с'ездами советов и являются в период между с'ездами высшим органом советской власти на соответствующей территории, ответственны перед избравшими их с'ездами и подчинены вышестоящему исполнительному комитету, ВЦИК и СНК РСФСР.

55. Для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территории и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти, исполнительные комитеты избирают президиумы, число членов которых определяется для каждой административной территориальной единицы ВЦИК'ом или его Президиумом.

56. В период между заседаниями исполнительных комитетов президиумы исполнительных комитетов пользуются правами последних и ответственны перед исполнительными комитетами.

57. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению местной власти, и для проведения в жизнь постановлений вышестоящих исполнительных комитетов и центральной власти, исполнительные комитеты: краевые, областные, губернские, окружные, уездные образуют отделы на основаниях, определяемых ВЦИК'ом или его Президиумом. Упразднение или слияние существующих отделов исполнительных комитетов, а равно образование новых отделов, производится постановлением СНК РСФСР и утверждается ВЦИК'ом или его Президиумом.

Примечание. При районных и волостных исполнительных комитетах могут быть образованы отделы или отделения с разрешения губернского исполнительного комитета или его президиума.

58. Отделы исполнительных комитетов находятся в подчинении исполнительных комитетов и их президиумов и обязаны выполнять все предписания и задания исполнительного комитета и его президиума, а также соответствующего отдела вышестоящего исполнительного комитета, а отделы краевых, областных и губернских исполнительных комитетов—также предписания и задания соответствующих народных комиссариатов РСФСР.

В. О Советах Депутатов.

59. Советы депутатов образуются: а) в городах—по расчету один депутат на каждую 1.000 человек населения, но в числе не менее 50 и не более 1.000 членов; б) в селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10.000 чел. населения, аулах, хуторах и пр.)—по расчету один депутат на каждые 100 чел. населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский совет.

Примечание. Изменение нормы представительства, установленной настоящей статьей, производится постановлениями ВЦИК'а.

60. Для текущей работы советы депутатов в городах избирают из своей среды исполнительный орган на основаниях, установленных ВЦИК'ом или его Президиумом.

61. При сельском совете может быть образован исполнительный комитет на основаниях, устанавливаемых ВЦИК'ом или его Президиумом.

62. Советы депутатов созываются исполнительным комитетом или председателем совета как по собственному почину, так и по требованию не менее половины членов совета.

63. Члены советов депутатов обязаны регулярно давать отчеты своим избирателям.

Г. О предметах ведения местных органов власти.

64. Краевые, областные, губернские, окружные, уездные, районные и волостные органы советской власти—исполнительные комитеты и их президиумы, а также советы депутатов, имеют своей задачей: а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях; б) составление и утверждение местных бюджетов; в) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов советской власти; г) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение; д) об'единение советской деятельности в пределах данной территории; е) обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охрана государственного порядка и общественной безопасности; ж) обсуждение вопросов общегосударственного значения как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов.

65. С'езды советов и их исполнительные комитеты осуществляют контроль над деятельностью нижестоящих местных советов и их исполнительных органов. Постановления местных с'ездов могут быть отменяемы лишь вышестоящими с'ездами и их исполнительными комитетами, ВЦИК или его Президиумом. Постановления исполнительных комитетов и их президиумов могут быть отменяемы избравшими их с'ездами, а также вышестоящими с'ездами, исполнительными комитетами, их президиумами, ВЦИК, его Президиумом и Сов. Нар. Ком. РСФСР.

66. Краевые и областные исполнительные комитеты или их президиумы, а также губернские исполнительные комитеты, в праве приостанавливать под своей ответственностью проведение в жизнь распоряжений народных комиссариатов РСФСР лишь в исключительных случаях, в порядке, определяемом ВЦИК.

67. Окружные и уездные исполнительные комитеты могут приостанавливать проведение в жизнь распоряжений отделов или соответствующих им органов краевого, областного или губернского исполнительного комитета лишь в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлениям ВЦИК, его Президиума, СНК РСФСР или краевого, областного или губернского исполнительного комитета и с немедленным сообщением об этом в краевой, областной или губернский исполнительный комитет и заведующему соответствующим отделом.

РАЗДЕЛ IV.

Глава 6.

О выборах в советы.

А. Об активном и пассивном избирательном праве.

68. Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются, независимо от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т. п., след. граждане РСФСР, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет: а) все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда; б) красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армий и флота; в) граждане, входящие в категории, перечисленные в п. п. „а" и „б" настоящей статьи, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность.

Примечание. Из лиц, не вступивших в число граждан РСФСР, пользуются активным и пассивным избирательным правом лица, указанные в статье 12 настоящей Конституции.

69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду, с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией; д) служащие и агенты бывш. полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок.

Б. О производстве выборов.

70. Выборы производятся в дни, устанавливаемые местными советами или их исполнительными комитетами.

71. О ходе и результате выборов составляется протокол за подписями членов избирательной комиссии.

72. Порядок производства выборов, а равно и участие в них профессиональных союзов и иных рабочих организаций определяется ВЦИК или его Президиумом.

В. О проверке и отмене выборов и отзыве депутатов.

73. Проверка правильности выборов в Советы производится избирательными комиссиями, а проверка правильности полномочий делегатов, избираемых на с'езды советов — мандатными комиссиями.

74. В случае неправильности выборов в целом, вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом советской власти. Высшим органом по кассации советских выборов является ВЦИК и его Президиум.

75. Избиратели, пославшие в совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы.

РАЗДЕЛ V.

Глава 7.

О бюджетном праве.

76. Все государственные доходы и все расходы РСФСР, включая сюда доходы и расходы входящих в нее автономных республик, об'единяются в общегосударственном бюджете.

77. Бюджет РСФСР входит, как составная часть, в единый государственный бюджет СССР, в соответствии с Конституцией СССР и издаваемыми в порядке общесоюзного законодательства правилами.

78. Распределение расходов, а также доходов, собираемых на территории РСФСР, на расходы и доходы, вносимые в общесоюзную роспись и в роспись РСФСР, устанавливается также в порядке общесоюзного законодательства.

79. Бюджет РСФСР рассматривается СНК РСФСР, утверждается ВЦИК и направляется в законодательные органы СССР для включения, в порядке Конституции СССР, в единый государственный бюджет СССР.

80. Государственные доходы и расходы автономных социалистических советских республик, входящих в состав РСФСР, после принятия их советами народных комиссаров и центральными исполнительными комитетами этих республик и рассмотрения СНК РСФСР, утверждаются ВЦИК в качестве составных частей бюджета РСФСР.

81. Ни один расход из средств государственной казны не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или без издания особого постановления законодательных органов РСФСР.

82. Все расходы по росписи РСФСР расходуются в пределах сметных подразделений по их прямому назначению.

83. Все местные доходы и все местные расходы об'единяются в местных бюджетах в порядке общесоюзного и республиканского законодательства.

84. Местные бюджеты рассматриваются и утверждаются соответственными с'ездами советов или в подлежащих случаях исполнительными комитетами под общим контролем соответствующих центральных органов РСФСР.

85. Отчет по исполнению бюджета РСФСР утверждается ВЦИК.

86. В порядке законодательства СССР и РСФСР для покрытия расходов, отнесенных по этому законодательству на местные средства, местным бюджетам предоставляются доходные источники: налоговые и неналоговые.

РАЗДЕЛ VI.

Глава 8.

О гербе, флаге и столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

87. Государственный герб РСФСР состоит из изображения на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест, рукоятки книзу, окруженных венцом из колосьев, и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

88. Государственный флаг РСФСР состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу коего, у древка наверху, помещены золотые буквы „РСФСР".

89. Местопребыванием правительства РСФСР является город Москва.

Подписали: Председатель XII Всероссийского С'езда Советов **М. Калинин.** Секретарь XII Всероссийского С'езда Советов **А. Киселев.**

Москва, 11 мая 1925 г.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

7-е переработан. издание

Под редак: (до 33 тома) проф. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

Седьмое издание
ДО 33-го ТОМА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Четвертый и пятый выпуски
сорок первого (41) тома.

Союз ССР.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скалигер).

РЕДАКЦИЯ И ЭКСПЕДИЦИЯ „РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ“.
МОСКВА, Тверской бульвар, 25.

СОДЕРЖАНИЕ 4-го и 5-го ВЫПУСКА 41-го ТОМА.

Статьи:

Союз Советских Социалистических Республик (продолжение):

(*Продолжение цикла „СССР“ в след. томе—41 т. II части*).

Общее приложение к циклу „СССР“:

Деятели СССР и Октябрьской революции.

Автобиографии и авторизованные биографии:

(*Продолжение во 2-й части 41 т.*)

При сем прилагается заглавный лист и оглавление 1-й части 41 тома.

Из корнеплодов в межрайонный торговый оборот поступает только картофель. Сахарная свекла перевозится только на небольшие расстояния. Районов картофельных избытков—два: центрально-земледельческий, дающий 8.742 тыс. пудов избытка, и западный, экспортировавший за границу 581 тыс. пудов. Остальные поглощали привозный картофель: северо-западный—4.587 тыс. пудов, центрально-промышленный—538 тыс. пудов, Сев. Кавказ — 5.503 тыс. пудов и Крым — 1.827 тыс. пудов.

Растительные масла экспортировались из центрально-земледельческого района—3.114 тыс. пудов, Сев. Кавказа—2.540 тыс. пудов, западного—859 тыс. пудов, Нижне-Волжского — 427 тыс. пудов. Северный Кавказ отправлял за границу 800 тыс. пудов, западный район—264 тыс. пудов. Главные потребители растительного масла: центрально-промышленный район—2.467 тыс. пудов и северо-западный—1.280 тыс. пудов. *Жмыхи* экспортировались, преимущественно, за границу: из Сев. Кавказа—7.588 тыс. пудов, земледельческого центра—5.847 тыс. пудов, западного района—2.632 тыс пуд., центрально-промышленного — 1.598 тыс. пуд., нижнего Поволжья—1.355 тыс. пуд. Чистый вывоз жмыхов из РСФСР достигал 19.907 тыс. пудов. Вывоз масличных *семян* шел из тех же районов, частью на внутренний рынок (северо-западный район—1.303 тыс. пудов, центрально-промышленный—1.575 тыс. пудов), но больше за границу, куда отправлялось из РСФСР 9.320 тыс. пудов.

Переходим к продуктам *скотоводства*. Перевозки *живого скота* шли также в двух направлениях: частью внутрь России, частью за границу. Наиболее крупный поставщик лошадей—земледельческий центр, вывозивший 59,3 тыс. голов, в том числе 16 тыс. голов за границу; второй—промышленный центр—15,3 тыс. голов (за границу—5,3 тыс.). *Покупатели лошадей*: Ленинградский район—10,1 тыс. голов и Сев. Кавказ—27,0 тыс. голов. Крупный рогатый скот поставлялся четырьмя районами Европейской России: центрально-земледельческим — 55,3 тыс. голов (за границу—8,7 тыс.), Средне-Волжским—58,6 тыс. голов (за границу—28,4 тыс.), Нижне-Волжским—65,5 тыс. голов и Сев. Кавказом—95,0 тыс. гол. (за границу—40,8 тыс.), но вывоз Азиатской России покрывал эту цифру: из Киргизии только по жел. дорогам шло 173,9 тыс. голов, в том числе за границу—99,4 тыс. Главные потребители крупнорогатого скота: северо-западный район—270,8 тыс. голов и центрально-промышленный—262,9 тыс. голов. *Грузооборот овец* был ничтожен: они вывозились из Сев. Кавказа в количестве 31 тыс. голов (за границу—41,3 тыс. голов), из Киргизии—26,5 тыс. голов и нижнего Поволжья—15,6 тыс. голов. Главный потребитель —центрально-промышленный район. *Свиньи* шли с западного района—14,8 тыс. голов, центрально-земледельческого—46,6 тыс. гол., среднего Поволжья—30,7 тыс. гол. и нижнего Поволжья—14,4 тыс. голов. За границу отправляли, преимущественно, центральные районы; внутри России главными потребителями были два столичных района (вместе 89 тыс. голов). *Мясо* отправлялось земледельческим центром—1.425 тыс. пудов, из Сибири и Киргизии—2.940 тыс. пуд; потребляли опять-таки столичные районы—до 6 милл. пудов и заграница—4,5 милл. пудов.

Масло коровье экспортировалось в максимальном количестве из Сибири и Киргизии—4,1 милл. пудов, в том числе за границу—3,8 милл. пудов, и из северо-вост. района—457 тыс. пудов, в том числе за границу—222 тыс. пудов. Внутренний грузооборот масла был меньше заграничного: главным потребителем является Ленинградский район, Московский довольствовался своим маслом и даже давал 238 тыс. пуд. за границу. *Яйца* шли, преимущественно, за границу: из земледельческого центра—2.760 тыс. пудов, центрально-промышленного района—1.559 тыс. пудов, среднего Поволжья—1.849 тыс. пудов, всего—в количестве 7.951 тыс. пудов. Внутренний рынок был, как и по маслу, только в Ленинградском округе—3.215 тыс. пудов. *Шерсть* поставлялась во все центральные районы из северного Кавказа—

1.177 тыс. пудов и из Сибири с Киргизией—926 тыс. пудов. *Сала* своего нам не хватало повсюду, как, впрочем, и шерсти (тонкорунной): мы ввозили из-за границы 1.347 тыс. пудов сала, и только Киргизия давала небольшой избыток в 447 тыс. пудов. Наконец, кожи получалось с окраин: С бири и Киргизии—980 тыс. пудов, Сев. Кавказа—229 тыс пудов. В общем итоге мы видим, что северо-черноземные и западный районы поставляли довольно много различных продуктов интенсивного земледелия, скот, яйца. Но главные районы скотоводческих избытков лежали на юго-востоке и востоке.

Перевозки *промышленных* товаров, естественно, идут в противоположном направлении, чем сельскохозяйственные грузы: из подстоличных промышленных районов в производящие сельскохозяйственные поставщиком обработанного лесного материала является, гл. обр., западный район (83,5 милл. пудов), частью Урал (12,7 милл. пудов) и север (8,1 милл. пудов). *Металлы* и металлические изделия поставляет Урал (12,8 милл. пудов), а земледельческие машины—промышленный центр. Московская же область вывозит 12,9 милл. пудов *мануфактурных* изделий, которые растекаются по всей России, однако, в большем количестве—на окраины: западную (2.127 тыс. пудов), юго-восточную—на Сев. Кавказ (2.013 тыс. пуд.), восточную—в Сибирь (1.326 тыс. пудов) и Киргизию (1.154 тыс. пудов).

Стекло и стеклянные изделия производились, гл. обр., в центральных и западных районах. Из западного и северо-западного экспортировалось 2.129 тыс. пудов, центр льно-земледельческого—1.033 тыс. пудов; отправлялось больше всего стекла на Сев. Кавказ и в Сибирь. Сахар, кроме Украины, вывозился в большом количестве из центрально-земледельческого района (8.908 тыс. пудов). Все остальные районы являлись потребителями сахара, при чем одна Московская область поглощала 10.801 тыс. пудов. *Спирт* вывозился из западного района (1.443 тыс. пудов), земледельческого центра (758 тыс. пуд.) и среднего Поволжья (1.278 тыс пуд.). Наиболее крупными потребителями были два столичных района (3.469 тыс. пудов), затем—Северный Кавказ. Из остальных грузов упомянем земледельческие машины: экспортер—промышленный центр и Крым, главный потребитель—юго-восток и восток; фосфориты, вывозившиеся из-за границы через Сев. Кавказ и потреблявшиеся, преимущественно, на западе и в земледельческом центре; мыло, центр производства которого в Ленинградском округе, на западе и в Поволжье, а главный потребитель — Северный Кавказ.

В общем итоге столичные округа поставляют на территорию РСФСР ткани, металлы и металлические изделия, Урал—металлы и руду, западный район—дерево, деревянные изделия и спирт, юго-западный—сахар. Южные и восточные окраины потребляют больше промышленных товаров, чем центральные.

Выводы. Районы РСФСР в физико-географическом и в экономическом отношениях, по степени густоты населения и большему или меньшему развитию городской жизни, значительно дифференцированы. Два торгово-промышленных района—северо-западный и подмосковный, сосредоточившие у себя до $^2/_3$ всей промышленности и значительную часть городского населения, обслуживают фабричными товарами все остальные районы, из которых только один Урал представляет смешанный тип горнозаводского и земледельческого хозяйства. Остальные районы, главным образом земледельческий на востоке,—с большим или меньшим уклоном в сторону скотоводства, берущего верх над земледелием только в обширной Киргизии. Однако, хозяйственная дифференциация районов еще только в начале своего развития, хотя деление на потребляющую, торгово-промышленную и производящую—земледельческую полосы создалось еще в XVIII веке. По мере специализации районов на отдельных отраслях сельского хозяйства, на специальных культурах, по мере эволюции индустрии, которая должна будет разливаться широким пятном от центров к периферии—словом по

мере развития производительных сил обширнейшей из наших Советских Республик—будут расти и крепнуть экономические связи между районами, равно как и между РСФСР и остальными окраинными независимыми республиками.

Н. Огановский.

III. Природа и население СССР. Площадь, занятая Союзом ССР, настолько велика и разнообразна по своим физическим особенностям, что давать физико-географическое описание сразу всей этой громадной территории было бы нецелесообразно. Необходимо разбить ее на естественные области. В качестве таковых мы изберем, прежде всего, *низины* и *горы*. В свою очередь, низины мы разделим на естественные пояса, или зоны, следующие с севера на юг в соответствии с климатическими поясами, именно: на тундру, лесную область, лесостепье, степь, полупустыню, пустыню, область субтропических лесов. Таким образом, мы получим описание естественных зон, с природой которых находится в теснейшей связи хозяйственная деятельность в такой сельскохозяйственной стране, как Союз ССР. Прежде, чем приступить к описанию этих зон, остановимся немного на рельефе всей страны.

В общем, восток Европы и север Азии представляют из себя низину, окаймленную с юга хребтами: Крымскими и Кавказскими горами, Копет-дагом, Памиром, Тянь-шанем, горами южной Сибири. Стройность этой схемы несколько нарушается Уральским хребтом, протянувшимся меридионально, а в сев.-восточной Сибири — Верхоянско - Колымской дугой. Если откинуть окраины, то Европейская Россия представляет из себя низменность, на которой преобладают высоты менее 200—250 м. над уровнем моря. Но есть в пределах низменности несколько областей, где высоты доходят до 300 м. и даже превосходят эту величину. Сюда относится, м. пр., *Валдайская возвышенность*, достигающая в Осташковском уезде 332 м. абсолютной высоты. На окраинах, как сказано, мы встречаем бо́льшие высоты: на Волге, в Самарской луке, до 371 м., в Крыму—до 1.543 м. (Роман-кош), в верховьях южного Буга—до 343 м. (Волыно-Подольское плато), в русской Буковине (Хотинский у.)—до 470 м., на севере русской Карелии—до 600—650 м. (у оз. Пяво), на Кольском полуострове—до 1.250 м. (Хибины). С другой стороны, уровень Каспийского моря лежит на 26 м. ниже уровня Черного.

Прикаспийская низменность с высотами, не достигающими 0 м., простирается по Волге и Уралу приблизительно до 51° с. ш. (по Волге несколько севернее Саратова). Эльтонское соляное озеро лежит на 15 м. ниже уровня океана.

В Сибири, вне окраинных хребтов, мы встречаем довольно значительные высоты между Енисеем и Леной: 1.500 м. в верховьях Курейки, притока Енисея.

Туркестан, по рельефу, страна больших контрастов: тут встречаются и самые высокие во всем Союзе горы, и самые глубокие впадины. Массив *Хан-тенгри*, высшая точка Тянь-шаня, под 42° 13′ с. ш., на границе с Китаем, достигает 6.992 м. высоты (определено триангуляцией в 1912 г.; Записки Военно-Топогр. Отдела Генер. Штаба, ч. LXIX, отд. I, 1914, стр. 126). Еще большую высоту приписывают *пику Кауфмана* в Заалайском хр., именно 7.140 м. С другой стороны, в закаспийских Каракумах есть впадины, дно которых (сухое) на несколько десятков метров ниже уровня океана.

Если обратиться к рассмотрению впадин, покрытых водой, то окажется, что в пределах Союза имеются самые глубокие на всей суше впадины: так, дно Байкала опускается на 1.068 м. ниже уровня океана, а дно Каспийского моря—на 972 м.

После этих вводных замечаний перейдем к описанию сначала низин, а потом горных ландшафтов.

I. Низины.

1. **Зона тундр** занимает крайний север Европы и Азии. От южного конца Кольского залива граница тундры идет к нижнему течению Поноя. Тундрой покрыт весь Канин на юг до 67° с. ш. Далее, граница, проходя несколько южнее города Мезени, направляется к Пустозерску, затем пересекает Обскую

и Тазовскую губы приблизительно под 67° с. ш. и идет по северу Сибири в расстоянии 100—200 км. от берега, лишь на Таймыре вдаваясь довольно далеко вглубь материка. От Нижне-Колымска граница идет к среднему течению Анадыря, а отсюда поворачивает к Гижигинску. Перешеек, соединяющий Камчатку с материком, так наз. Парапольский дол, представляет безлесную тундру. Тундрой покрыты и Командорские о-ва. Значительные площади тундр мы встречаем на западной Камчатке, на Сахалине.

Тундра отличается безлесием; леса встречаются лишь по течению рек. Климат холодный, средняя температура самого теплого месяца не свыше 10°—12°. Атмосферных осадков мало. По северной окраине зоны тундр располагается арктическая тундра, где нет не только деревьев, но обычно и кустарников; последние, если и появляются, то лишь по течению рек. Представителем этого типа может служить тундра северного Таймыра. Южнее арктической тундры идет подзона типичной, или кустарниковой, тундры, где нет деревьев, но кустарниковые заросли встречаются не только по течению рек, но и на междуречных пространствах. Этот тип тундры представлен на севере Канина, на Колгуеве, Ямале и т. д. Еще южнее идет подзона южной тундры, где имеются деревья и даже леса, но только вдоль течения рек. Такова тундра в северной части Кольского полуострова, по южному берегу Чешской губы, далее Тиманская тундра и т. д. Наконец, по южной окраине, на границе с лесной зоной располагается подзона лесотундры (или предлесья), где мы находим леса не только вдоль рек, но островами и в междуречье, на водораздельных пространствах. В нижеследующем обзоре рассматривается как тундра, так и лесотундра.

Южная граница тундры приблизительно совпадает с июльской изотермой в 10°; при средней температуре воздуха в июле ниже 10° деревья уже не могут расти. В связи с низкой температурой воздуха стоит малая испаряемость влаги, а отсюда—малое количество атмосферных осадков, в среднем около 250—300 мм. в год. Скудость атмосферных осадков создает в тундре условия, до некоторой степени сходные с пустынными; так, здесь сравнительно слабо промывание и выщелачивание почв и пород: в Сибири, близ устья Анабары лежит сопка, сложенная из каменной соли. Максимум осадков выпадает обычно в июле и августе, в европейских тундрах местами в сентябре; меньше всего осадков бывает в феврале, марте. Несмотря на малое количество осадков, дождь идет чрезвычайно часто: в енисейской тундре, например, в году 180—200 дней с осадками. Наибольшее число дней с осадками приходится в тундре на осень (сентябрь, октябрь), наименьшее—на весну (март, апрель). Снеговой покров в тундре ничтожен, чему способствуют, кроме малого количества осадков, еще сильные ветры, сгоняющие снег. Зимою пургá бывает по нескольку суток; случалось, что она длилась 12 суток; сила ветра иногда так значительна, что человека и оленя сбивает с ног. Солнца в тундре мало: облачность очень велика, наибольшая в СССР; в среднем около $^3/_4$ неба покрыто облаками. В тундре в году бывает всего 20—60 ясных дней. Морозный период длится в тундре от $6^1/_2$ (Европа) до $8^1/_2$ месяцев (Сибирь). Морозы на севере Сибири бывают в—50° и ниже; но следует иметь в виду, что в глубине материка в Сибири зима гораздо суровее, чем на побережье: так, в устье Яны декабрь в среднем на 10° теплее, чем в Верхоянске, который лежит выше по течению Яны, на $3^1/_2$° южнее; причина заключается в сильных ветрах на побережье, которые перемешивают нижние холодные и тяжелые слои воздуха с верхними теплыми. Еще мягче зима на Новосибирских островах: на западном берегу острова Котельного, под 75° с. ш., зима в среднем на 3°—4° теплее, чем в устье Индигирки, под 71° с. ш. Зато лето на побережье очень прохладное и, главное, погода весьма изменчива. Бунге так описывает лето 1884 года в дельте Лены, под 73° с. ш.: в час дня 22 июля было 21°, летало много насекомых, среди них масса комаров; ночью было тоже тепло, 15°—16°, на следую-

щий день было еще теплее, летало много бабочек, воздух был напоен благоуханием цветов; но вскоре подул сев.-западный ветер, стало холодно и дождливо, и температура ночами стала опускаться до—4°. Таких теплых дней, как выше описано, в тундре бывает всего несколько за лето. Но случаются иногда очень теплые дни, когда термометр (в тени) поднимается до 30° и даже выше.

На небольшой глубине в почве обычно встречается вечная мерзлота; между Мезенью и Печорой песок к концу лета оттаивает до глубины в $1^1/_2$ м. и более, глина—до $1^1/_4$ м., а торф—всего до 35—40 см.

Время, которым располагают в тундре растения для своего развития, в среднем равно двум месяцам. Зато, с наступлением тепла, растительность развивается сразу, как бы по мановению волшебного жезла. Причина заключается в том, что листовые и цветочные почки формируются еще в течение предыдущего периода роста, и достаточно первых теплых лучей, чтобы растения сразу ожили. Растения тундры отличаются обилием цветов, крупной их величиной и яркостью окраски. На Гусиной Земле (Новая Земля) на сланце в щелях можно наблюдать группы ярких цветов: синие незабудки (Myosotis alpestris), розовые Silene acaulis, белые звездчатки, почти совершенно лишенные листьев, с короткими стеблями. Растения тундры удивительно приспособлены к перенесению морозов: на Чукотской Земле ложечная трава к наступлению зимы 1878—79 года была, по наблюдениям Чельмана, в полном цвету застигнута морозами; тем не менее, на следующий год она продолжала вполне благополучно расти, перенеся морозы до—46°. Большинство растений тундры многолетники, много вечнозеленых; многие растут дерновинами или стелются по почве.

В кустарниковой тундре встречаются кустарные ивы, ольха (Alnus fruticosa), карликовая береза (Betula nana); здесь преобладают сфагновые болота. Напротив, в арктической тундре торфообразование идет не за счет Sphagnum, а за счет Hypnum и других мхов.

Лесотундру между Пешой и Печорой, к югу от р. Сулы, левого притока Печоры, Танфильев описывает так. Леса приурочены к небольшим, но весьма многочисленным, песчаным и глинистым холмикам; понижения же заняты болотистыми пространствами или густыми зарослями мелких кустарников, среди которых преобладают мелкие ивы и березовый ерник, а где местность повыше, еще и можжевельник. На сухих местах почва покрыта лишаями (Cladonia rangiferina, Stereocaulon paschale и др.) и некоторыми мхами (Hypnum, Mnium); на влажных местах располагаются сфагновые, кочковатые болота; кочки из пушицы (Eriophorum vaginatum) густо обрастают морошкой, мхом (Polytrichum strictum), березовым ерником, водяникой, иногда можжевельником.

В европейской лесотундре острова леса образованы елью (Picea obovata и P. excelsa) с примесью березы (Betula pubescens) и осины. В западно-сибирской лесотундре острова леса состоят из лиственницы и ели.

Изучая северную границу лесов в тундре, можно видеть, что граница эта вдоль берегов рек сильно вдается к северу. Причину Танфильев видит в том, что река, играющая роль как бы дренажной канавы, понижает на своих берегах уровень мерзлоты и тем способствует появлению леса. Некогда леса в тундре шли гораздо далее к северу, чем ныне. Об этом можно судить по тому, что в торфяных буграх в тундре нередко встречаются пни и стволы елей, берез, лиственниц. Иногда пни можно наблюдать даже на поверхности сухого торфяника. Надо думать, что тундра была покрыта лесом в сухое и теплое послеледниковое время. В настоящее же время лес на своей северной окраине, на стороне, обращенной к тундре, подвергается гибели: на него надвигается тундра.

Не следует думать, чтобы тундра представляла собою сплошь болото, как нередко принимают. В тундрах значительные площади сухих пространств, хотя, конечно, в общем болот очень много. Но замечательно, что даже не на пониженных и не на заболоченных участках почвообразование

идет по типу болотному, т.-е. в условиях пересыщения влагой. Почвы в тундре торфянистые и луговые, на песках и супесях иногда бывают подзолистые; в Канинской тундре обнаружены типичные подзолы. Почвы имеют незначительную мощность. Там, где поверхность сложена песками, нередко наблюдается развеивание песков и образование дюн или барханов (напр., на Ямале).

По рельефу и растительности можно различить: 1) пятнистую тундру: она состоит из голых глинистых пятен, величиной в тарелку или колесо, окаймленных бордюром из багульника (Ledum palustre), голубики (Vaccinium uliginosum), березового ерника (Betula nana), мамуры (Rubus arcticus), куропаточьей травы (Dryas octopetala), водяники (Empetrum nigrum), Arctostaphylos alpina, стелющейся ивы (Salix herbacea), мхов и др.; 2) в пониженных местах развивается моховая тундра; 3) бугристая тундра распространена на Канине, в Земле Тиманских Самоедов и пр.; здесь поверхность покрыта многочисленными буграми длиной 5 — 25 м., высотой 3 — 5 м.; они покрыты лишайниками, мхами (Sphagnum, Polytrichum), морошкой, стелющейся ивой, березовым ерником, голубикой, багульником и пр.; между буграми расположены длинные, извилистые ложбины, обычно наполненные водою или занятые болотами; нередко в основе бугра имеется „минеральное" ядро из грунта; 4) кочкарная тундра из невысоких кочек, состоящих, главным образом, из мха Po lytrichum и обычного злака Festuca ovina (кипец); бывают кочки из пушицы.

Теперь коснемся того „коренного" рельефа, на который накладывается „поверхностный" рельеф тундры. Кольский полуостров сложен архейскими гранитами, гнейсо-гранитами и гнейсами, местами прорезанными выходами диабаза и диорита; все это покрыто новейшими отложениями — моренами, озами, песчаными полями, торфяниками, озерами. Рыбачий полуостров, о-в Кильдин, а также участок берега к северу от устья Поноя сложены песчаниками, конгломератами и глинистыми сланцами и доломитами нижнесилурийского возраста. Берега Мурмана к западу от Кольского залива имеют в высоту 500—300 м., к востоку они сильно понижаются; западный Мурман изрезан фиордообразными заливами. Общее простирание Мурманского берега обусловлено, как полагают, сбросом, происшедшим в палеозойское время.

На Канине, от Канина Носа на юго-восток тянется возвышенность Канинский Камень (150—175 м.), имеющая платообразный вид и сложенная из сланцев и из палеозойских и мезозойских пород; на юге Канина расположены Шомоховские сопки, достигающие 85 м. абс. высоты; они сложены из моренных наносов. Тиманский кряж на севере входит в область тундры. Он состоит из пород, от девонских до пермских, сложенных в складки и прорезанных выходами диабазов и порфиритов; на севере высоты Тиманского кряжа не превосходят 255 м. Кряж оканчивается у моря каменистыми мысами. Между Печорой, ее притоком Усой, берегом океана и Пайхоем располагается Большеземельская тундра; южная часть ее покрыта осадками морской трансгрессии, центральную же и северную часть занимают моренные отложения. На водоразделе между Ледовитым океаном и притоками Печоры и Усы тянется „Земляной хребет", имеющий 160—230 м. абс. высоты и 65—30 м. относительной; эта возвышенность, вытянутая с З. на В., представляет моренную гряду. Реку Адзьву пересекает кряж Чернышева (высотой до 72 м.), сложенный из дислоцированных палеозойских пород и базальтов. Хребет Пай-хой достигает до 450 м. абс. высоты. Девонские породы, слагающие его, переходят на остров Вайгач, отделенный Югорским Шаром шириной около 4 км. Между Обской и Енисейской губами развиты четвертичные отложения. Линия от Енисея ниже Дудинки и до устьев Оленека составляет южную границу Таймырской тундры; она входит в состав Северносибирской низины, сложенной мезозойскими и морскими четвертичными отложениями, а также извер-

женными породами (траппами). От Анабары до дельты Лены тундра сложена меловыми отложениями, от дельты Лены до Колымы—четвертичными. Чукотская тундра сложена гранитами, гнейсами и кристаллическими сланцами. Чукотская земля—это преимущественно горная страна, где высоты достигают 600—900 м.

Переходим к животному миру тундры. Из млекопитающих весьма характерны северный олень, пеструшка (лемминг), песец. В европейской тундре дикий северный олень ныне истреблен везде, за исключением южного острова Новой Земли; но всюду в Старом Свете олень одомашнен. Олень в тундре—это универсальное животное: он служит упряжным животным, мясо его едят, шкура идет на приготовление одежды, обуви, замши, на покрышку чумов. Без оленя тундры были бы почти недоступны; он имеет перед ездовой собакой то преимущество, что для собак нужно запасать в дорогу корм (рыбу), тогда как олень и зимой сам себе находит корм (ягель и др.). Оленья одежда, сохраняя и в сильные морозы эластичность, незаменима для стран с суровыми зимами. Олень питается ягелем (лишайник, Cladonia rangiferina), другими лишайниками, мхами; охотно ест ягоды, грибы и молодую зелень. Отел в Большеземельской тундре происходит в мае. Пеструшка (грызун) в иные годы появляется массами. В Большеземельской тундре весною первыми из птиц прилетают лебеди, затем гусь-гуменник и белолобая казарка. Сбор яиц гуменника составляет особый промысел оленеводов тундры. Очень много уток-нырков. Амфибии и рептилии в типичной тундре отсутствуют. Из рыб в реках много сигов, нельма (Stenodus), голец (Salvelinus) и лососи (в Европе Salmo salar и S. trutta; в Сибири в бассейне Сев. Ледовитого океана лососей нет, но в Анадыре появляются тихоокеанские лососи из рода Oncorhynchus). После теплых дней появляется масса комаров—истинное бедствие для оленей. На берегу океана комаров меньше, в лесотундре же их невообразимое количество. На Новой Земле водятся белые медведи, песцы, два вида пеструшек (Lemmus obensis и Dicrostonyx torquatus), северный олень и изредка лисица и волк, а из водных зверей у берегов: морж, три вида тюленей, белуга, касатка, нарвал, кит. В Белое море массами заходит гренландский тюлень. Замечательно, что на северном Таймыре остаются на зиму: тундряная куропатка, полярная сова, олень, волк, пеструшки, горностай; первою из перелетных птиц появляется здесь пуночка, Plectrophenax nivalis.

Начиная с запада, в тундре и лесотундре живут лопари и русские, самоеды (от Мезени на восток), частью зыряне, в Обской лесотундре остяки, по Хатанге долганы (помесь между тунгусами и якутами), затем юкагиры или, точнее, юкагиро-тунгусы (на севере Верхоянского и Колымского округов), чукчи, коряки, близ м. Дежнева—эскимосы. Несмотря на то, что народы эти самого разнообразного происхождения, ландшафт тундры налагает на всю их культуру общий отпечаток: всем им свойственно собаководство и в значительной степени оленеводство. К востоку от Енисея собака употребляется только для езды, но не для охраны оленьих стад. Верхом на оленях в тундре не ездят (исключение составляют только отунгусившиеся юкагиры). Способы охоты везде однообразны. Всюду распространена меховая одежда из оленьих шкур. Вместо ниток употребляют оленьи сухожилия. Рыбу и мясо едят сырыми, в мороженом виде. У оленя съедают сырыми головной и костный мозг, сердце, почки, печень, сухожилия от ног. Передвижение в тундре зимою и летом происходит на санках (нартах), запряженных оленями или (особенно в сев.-вост. Сибири) собаками.

Есть много очень древних русских поселений: Печенга, Кола, Мезень, Пустозерск, Обдорск, Усть-Янск (вернее—Казачье), Русское Устье, Нижнеколымск, Анадырское. Здешние русские во многом сохранили старинный быт и язык, но частью смешались с инородцами.

Л о п а р и, народ загадочного происхождения, говорят на языке финского корня, живут на Кольском пол-ве, гл. обр. в лесной зоне, отличаются

малым ростом (156 см.), темным цветом волос и глаз; рыболовы; православные; в 1913 г. на всем Кольском пол. числилось 2.236 лопарей (кроме того, лопари есть в Норвегии, Швеции и Финляндии—около 27 тыс.). На западном Мурмане есть небольшое количество финнов (суоми). Самоеды, народ, подобно лопарям, загадочного происхождения, обнаруживают в языке известные (хотя довольно отдаленные) отношения к финской группе; антропологически их сближают с сойотами, живущими в Саянах; есть у них кое-что общее и с лопарями. Самоеды типичные обитатели тундры, оленеводы; они кочуют по тундрам от Белого моря до Хатанги; местами в Большеземельской тундре, на границе с лесом, оседлы. Западные самоеды, обитающие от реки Мезени и Канинского пол-ва*) до Енисея и даже далее, носят название юраков, таймырские же самоеды называются авамцами. Всего самоедов в 1906 г. было 14—15 тысяч, из них в Европе 6 тысяч. Авамцев в 1897 г. было всего 654 души. Занимаются самоеды оленеводством, рыболовством, охотой; частью православные, частью язычники. Долганы, небольшой народ (около 1.000 д.)—по-видимому, объякученные тунгусы,—кочуют частью в лесотундре, частью в тундре, по р. Таймыру, в верховьях рек Пясины и Дудыпты и в области Норильских озер; говорят по-якутски. В низовьях Оленека и в дельте Лены живут тоже объякученные тунгусы—рыболовы (несколько сот душ), говорящие по-якутски. В тундре между Леной и Колымой в конце 19-го века кочевало всего около 750 душ; Иохельсон называет их юкагиро-тунгусами; это помесь между юкагирами и тунгусами; между Леной и Яной они говорят по-якутски, между Яной и Индигиркой — по-тунгусски, между Индигиркой и Колымой—по-юкагирски; все они оленеводы, рыболовы, охотники; все числятся православными. Юкагирский язык не имеет ничего общего с языками окружающих народов; по духовной культуре юкагиры приближаются к некот. индейским племенам сев.-зап. Америки. В 30-х г. 17-го века юкагиры жили между Яной (и м. б. даже Омолоем) и средним течением Анадыря; впервые русские встретились с юкагирами на р. Чендоне (впадает в Ледовитый ок. сейчас же к востоку за Яной), около 1640 г. О чукчах и родственных им коряках будет сказано ниже. На Командорских остр. живут алеуты, переселенные сюда с Алеутских о-в в 1826 г.

*) Есть самоеды-переселенцы и на Новой Земле; первое поселение основано в 1877 г. в Малых Кармакулах.

Ни тундра, ни лесотундра, в сущности, не пригодны для земледелия, хотя местами садят картофель, репу, редьку, лук и даже сеют хлеб (см. ниже). Равным образом и скотоводство, кроме оленеводства, имеет мало шансов на успех.

2. **Лесная зона** (зона лесов умеренного климата с суровыми зимами) занимает в пределах Союза громадное пространство, особенно в Сибири. Располагаясь к югу от зоны тундр, лесная зона в восточной Европе идет на юг приблизительно до линии Новая Александрия (на Висле)—Луцк—Житомир—Киев — Брянск — Калуга — Рязань—Нижний—Казань—по Каме до устья Белой—по Белой. В Зап. Сибири она простирается до линии Тагил—Ирбит—Тюмень и далее южнее Томска (т.-е. на западе до 58° с. ш., на востоке до 56°), а в Восточной—на юг идет до хребтов.

Рельеф на этом громадном протяжении—равнинный и холмистый, лишь изредка встречаются более значительные возвышенности, которые, кроме Урала и окраинных хребтов Сибири, будут рассмотрены здесь. На северо-западе, на Кольском полуострове и в Карелии, мы встречаемся с восточной областью распространения массивно-кристаллических пород Фенноскандии. Восточный предел этой области приблизительно обозначается линией, идущей от средины восточного берега Онежского озера до устья реки Онеги; на юге кристаллические породы идут до р. Свири. О строении Кольского полуострова сказано выше. В западной части его расположено большое озеро Имандра, до которого в поздналедни-

ковое время проникало с юга море; глубина Имандры до 57 м. К западу от него находятся возвышенности — Чуна-тундра и Монча-тундра (тундрой на севере называют безлесные вершины гор), достигающие высоты 800—1.000 м. и состоящие из кристаллических сланцев и пород, близких к габбро-пироксенам. К востоку от озера лежат массивы Хибины (Умптек) и Луявр-урт с высотами в 1.200 — 1.250 м., сложенные из нефелинового сиенита; поверхность их платообразна. Оба эти массива считают за лакколиты весьма древнего происхождения. До высоты в 700—800 м. Хибины покрыты моренным покровом.

Карелия усеяна множеством озер, среди коих крупнейшие (считая с юга): Ладога, Онежское, Сегозеро, Выгозеро, Кунто, Топозеро, Кереть, Пяво, Ковда и др. На севере русской Карелии, у озера Пяво, высоты достигают 600—650 м. Изображаемый нередко на картах „хребет“ Маансельке — это водораздел между Белым морем и Ботническим заливом, по которому местами идет граница с Финляндией; на водоразделе есть высоты до 255 м. Между Ладожским и Онежским озерами высоты не превосходят 100 м.; здесь развиты додевонские песчаники, представляющие крайний южный предел развития фенно-скандийских пород; песчаникам сопутствуют интрузии габбро-диабазов. К северу от Петрозаводска начинается область развития диабазов. Кроме диабазов и диоритов, в Карелии развиты гнейсы, граниты, метаморфические сланцы, кварциты, доломиты и конгломераты. Следами ледниковой эпохи являются сельги (озы), бараньи лбы и куполовидные холмы. В сев. Карелии преобладает моренный ландшафт. Здесь множество узких и длинных гряд („сельг“), достигающих 40—60 м. высоты над понижениями. В йольдиево время от Белого моря через Онежское и Ладожское озера шел к Финскому заливу морской пролив, следами которого являются отложения с Yoldia arctica у Петрозаводска и близ устья Мги (приток Невы). В Ленинграде бурениями обнаружен гнейс на глубинах в 195 и 211 м.; толща четвертичных отложений в городе имеет мощность в 11—66 м.; здесь можно различить две морены. В восточной части Финского залива хорошо видны следы четвертичных бассейнов: южнее Петергофа через Пулково, Детское Село и далее на восток тянется южный берег Йольдиева моря; высота береговой линии его 25—36 м. К этому же времени относятся террасы, опоясывающие плато Ириновки, Колтушей, Токсова. В йольдиево время море, как выше указано, покрывало область Ладожского и Онежского озер. В анциловое время пресноводный бассейн простирался на восток лишь до Ладоги; высота береговой линии анцилового бассейна в вост. части Финского залива находится ныне на 20—30 м. выше уровня моря. Литориновое море вверх по р. Неве доходило почти до современного устья р. Тосны; с Ладогой оно соединялось по линии Выборг—Кексгольм. Следы литоринового моря на южном берегу Финского зал. лежат на высоте до $8^1/_2$ м. над современным уровнем моря, на северном—до 13—21 м. В послелиториновое время началось поднятие, и Ладога отшнуровалась от Балтийского моря; одновременно Ладожское озеро повысило свой уровень („Ладожская трансгрессия“). Следы этой трансгрессии видны на берегах Ладоги в виде валов; у Шлиссельбурга подобный вал имеет абсолютную высоту в 19 м. Когда воды Ладоги достигли этой высоты (19 м.), они стали распространяться по долине современной Невы: у Островков есть терраса на абс. высоте 19 м.; здесь был берег литоринового моря в виде уступа высотой 8—10 м. Ладожская трансгрессия началась около 2500 г. до Р. Х. (неолит); возникновение Невы относят к началу второго тысячелетия до Р. Х. В пределах Ленинграда есть несколько уступов, обозначающих собою берега древних водоемов. Один уступ тянется от Митрофаниева кладбища (к югу от Балтийского вокзала) к Фонтанке у Аничкова моста и к Троицкому мосту; высота его около 4 м.; на другой стороне Невы он идет по Самсониевскому проспекту. С. А. Яковлев считает этот уступ за берег древне-балтийского моря (следовавшего за литориновым). К северу от Невы х

рошо виден другой уступ — терраса литоринового моря, лежащая на высоте 4—10 м. Восточнее есть еще одна терраса—дно анцилового моря. Дельта Невы представлена только островами в ее устьях; она занимает площадь в 40,1 кв. км.; толща аллювиальных наносов Невы равна не более 2—3 м.

По южному берегу Финского залива тянется обрыв, сложенный из силурийских и кембрийских отложений и носящий название глинта. Он начинается у Балтийского порта, где имеет высоту в 25 м. Близ р. Наровы он отступает от берега моря,—в Ленинградской губ. километров на 15—20. На восток глинт идет до Свири. В пределах Ленинградской губ. силурийское плато достигает высшей точки в Дудергофских высотах (167 м.).

Пространство между Карельским кристаллическим массивом и Тиманским кряжем представляет, повидимому, область опускания. С поверхности здесь развиты ледниковые наносы. О Тиманском кряже мы уже говорили; к югу он повышается, достигая в верховьях Вычегды 325 м. высоты.

В средней части Евр. России наивысший пункт находится в Осташковском у., 322 м. В этой области (верховья Волги) отметки свыше 300 м. относятся лишь к единичным пунктам; по водоразделу с бассейном Невы наибольшие высоты колеблются в пределах 300—265 м., а наименьшая высота—уровень Волги при впадении Селижаровки—равна 198 м. (оз. Селигер на 206 м.); нередко на водоразделе господствуют высоты меньшие, чем в стороне от него. Водораздел с бассейном Днепра опять не совпадает с наибольшими высотами, напротив—водораздел верхней Волги и Зап. Двины идет по наибольшим высотам (241—265 м.). В северной и средней части вост. Европы мы наблюдаем ряд моренных гряд, частью продолжающихся сюда из Германии. Валдайская моренная гряда на большей части своего протяжения тянется вдоль границы девонских отложений и нижнего яруса угленосных толщ карбона, полосой в 20—30 км. „С таким же характером рельефа продолжается она на С. между Демьянском и озером Велье, между Валдаем и Крестцами, пересекает Николаевскую ж. д. между станциями Угловкой и Боровенкой, слагает крутые берега р. Мсты в Боровичском у. и наполняет северные части этого уезда по направлению к Тихвину“ (Никитин). В другую сторону Валдайская моренная гряда продолжается в юго-вост. угол Холмского у., переходит в Торопецкий у., продолжается между верхним течением р. Ловати и шоссе из Невеля в Витебск и далее идет на Сенно, Лепель, Минск. Далее, через Вильно и Сувалки гряда эта направляется в пределы Пруссии. Валдайская гряда, вопреки тому, что изображено на карте Тилло, не входит в состав Среднерусской возвышенности. Следующая за упомянутой грядой — Осташковская; она отчленяется от Валдайской севернее оз. Шлино и вскоре соединяется с Валдайской. От Вышнего Волочка на юго-запад идет Вышневолоцкая гряда. Заметную роль в рельефе играет Смоленско-Московская гряда; она идет через города: Борисов Минск. губ., Оршу, Ельню, Мосальск, Вязьму, Медынь, Гжатск, Рузу, Дмитров, Переславль, Ярославль, Данилов и Грязовец Вологодск. губ.; в Дмитровском у. эта гряда достигает 316 м. высоты. На водоразделе левых притоков Волги, с одной стороны, и Сухоны, Юга и Печоры, с другой, располагаются плохо изученные Северные увалы, повидимому, сложенные из моренных отложений.

Некоторые из особенностей рельефа лесной зоны востока Европы вызваны дислокациями. Так, от Вышнего Волочка к Старице тянется с ССЗ на ЮЮВ невысокий увал, на берегу р. Тверцы достигающий 85 м. относительной высоты и сложенный нижнекаменноугольными отложениями; вокруг же развиты известняки среднего карбона. По одним—это флексура, по другим—антиклиналь. В западной части Вятской губ., почти от г. Вятки, в восточную часть Царевококшайского у. тянется в меридиональном направлении, почти на 200 верст, Вятский увал, достигающий высоты до 284 м.; с З. и В. к увалу примы-

кают невысокие, плоскохолмистые равнины, сложенные из пестрых мергелей татарской свиты. Между тем антиклиналь увала состоит из известково-доломитовых толщ казанского яруса пермской системы. От Клязьмы до Цны тянется невысокая антиклиналь из каменноугольных пород, тогда как к востоку расположены пермо-триасовые породы, а к западу юрские. Относительная высота этого увала 40—45 м.

Переходим теперь к описанию рельефа лесной зоны Сибири. Между Уральским хр. на западе и Енисеем на востоке расположена Западно-Сибирская низменность; на С. она доходит до Ледовитого океана (полуостров Ямал), на юге переходит в лесостепье (простираясь до линии Кустанай—Семипалатинск). При огромном протяжении Зап.-Сибирская низменность отличается весьма слабым уклоном; река Обь у железнодорожного моста у станции Обь, в 3.000 км. от устья, имеет абсолютную высоту горизонта меженных вод всего в 94 м. Сложена низменность из горизонтальных отложений, четвертичных и третичных; как те, так и другие преимущественно наземные; отложения морской постплиоценовой трансгрессии встречаются лишь в близком соседстве с берегами Обской губы. Ледниковые отложения идут на юг приблизительно до широты впадения Иртыша в Обь. С середины или конца олигоцена Зап. Сибирь более не покрывалась волнами моря. На севере, по Сосве и по Оби, встречаются островки верхнеюрских и нижне-меловых отложений.

По правому берегу Енисея, от устья Кана на север почти до устья Подкаменной (Средней) Тунгуски, тянется Енисейский кряж, относящийся к системе первичного поднятия Азии. В этой области с начала палеозоя не было моря (впрочем, некоторые допускают на Енисейском кряже присутствие кембрийских отложений), процессы складчатости закончились в докембрийское время, в позднейшее же время происходили лишь дизъюнктивные дислокации: сбросы, опускания, поднятия. Ширина Енисейского кряжа к югу от Верхней Тунгуски 40—50 км., к С. от устья Б. Пита—до 200 км. абсолютная высота до 400 м., высота над Енисеем—до 350 м. Восточный склон круто возвышается над Средне-сибирским плоскогорьем, имеющим абс. высоту около 250 м. Основное простирание дислокаций СЗ—ЮВ. Образование Енисейского кряжа произошло, по всем вероятиям, в докембрийское время. В состав его входят массивно-кристаллические, метаморфические и изверженные породы. Енисейский кряж можно рассматривать, как горст. В Енисейском кряже есть золото. Несколько выше впадения Подкаменной Тунгуски в Енисей, около дер. Осиновской, архейские породы переходят на левый берег Енисея и отсюда тянутся по направлению к верховьям р. Таза.

К востоку от Енисейского кряжа простирается обширное Среднесибирское плоскогорье, которое на север идет приблизительно до линии, соединяющей место пересечения Енисея полярным кругом и устье Оленека, а на юг—до первичного поднятия; на востоке плоскогорье переходит за Лену. Сложено оно из горизонтальных морских отложений кембрийской и силурийской системы (о мезозойских отложениях по Лене и Вилюю будет сказано ниже). По южной окраине плоскогорья слагающие его слои местами собраны в складки. Во многих местах над морскими палеозойскими отложениями лежат слои с отпечатками растений (т. н. ангарская серия). Большим распространением пользуются также лавовые покровы. Средняя высота плоскогорья около 300 м. На картах в пределах плоскогорья обозначают хребты, но эти хребты—не что иное, как столовые горы, обязанные своим происхождением размывающей деятельности воды. На водоразделе между Леной и Ангарой (Верхней Тунгуской) лежат, начиная с юга, горы Березовые, Илимские, Тунгусские. Березовый хребет начинается у хр. Онотского и тянется на С., в верховьях Янды (правый приток Ангары) переходя в хр. Илимский. Высота его до 820 м.; ни сопок, ни выдающихся гольцов на нем нет; на больших пространствах он покрыт девственной тайгой. Илимский хр., расположен-

ный между Леной и Илимом, выше Березового. Высшей точкой страны между Питом и Подкаменной Тунгуской является Енашимский Полкан, столовая гора, сложенная из глинистого сланца и кварцита и достигающая 1.132 м. абс. высоты; она лежит в верховьях р. Енашимо. Тунгусские горы служат водоразделом между Нижней Тунгуской и Вилюем и частью Леной; средняя высота их на юге 430 м., на севере 730—800 м., вершины же имеют 900—1.050 м. В верховьях Курейки, Котуя и Хеты есть высоты до 1.500 м. (Толмачев, 1912). Невысокие горы у оз. Пясино носят название Норильских; в траппах этих гор недавно обнаружено большое содержание платины. На водоразделе между бассейнами Вилюя и Оленека располагаются Вилюйские столовые горы; массив Люча-онгоктон, высотой 1.040 м., служит водоразделом для Хатанги, Оленека и Вилюя; к востоку отсюда Вилюйские горы не превосходят 600 м. высоты; вилюйские траппы тоже содержат платину. Отметим, что в верховьях Анабара, Оленека и правых притоков Хатанги открыты выходы гнейса, выступающего из под горизонтальных кембрийских отложений.

Вдоль долины Лены вверх до ст. Покровской выше Якутска, а также по Вилюю до Сунтара (и выше) и на Алданском плато (у р. Белой) развиты нижнемеловые морские отложения. По Вилюю, Лене у Якутска и по Алдану имеются также юрские морские осадки (средняя и частью верхняя юра).

Из полезных ископаемых Среднесибирского плоскогорья, кроме уже упомянутой платины, отметим графит на притоках Енисея: Бахте, Фатьяновке, Н. Тунгуске, Курейке; он произошел из пермских каменных углей, благодаря контактовому влиянию мощных пластовых интрузий траппа; туруханский графит содержит не ниже 80% углерода, некоторые же слои дают 94—95%. Каменные угли (пермского возраста) есть по Курейке, Нижней Тунгуске, Бахте, Подкаменной Тунгуске, южнее оз. Пясино. На Курейке есть антрацит. Угли есть и по Вилюю, а также в Черемховском угленосном бассейне, расположенном к западу от Иркутска вдоль Сибирской ж. д. Каменная соль есть по Вилюю, железо по Ангаре.

Климат лесной зоны, при ее громадном протяжении, весьма разнообразен, но характеризуется прохладными зимами и сравнительно теплым и влажным летом; средняя температура июля всюду выше 10°. Большим распространением в Сибири пользуется вечная мерзлота; южной границей ее служит линия, проведенная от города Мезени к Туруханску (60° с. ш.), а отсюда на Ургу, далее на восток через Благовещенск на север Камчатки. Мерзлота, будучи слоем водоупорным, препятствует просачиванию воды вглубь; поэтому в области мерзлоты речной сток весьма велик, и на уровне реки резко отражается каждый выпадающий более или менее значительный дождь. В Якутске мощность мерзлоты свыше 110 м. Осадки в лесной зоне выпадают в умеренном количестве, обычно 300—600 мм.; главная масса осадков приходится на лето. Но есть места в Вост. Сибири, где очень мало осадков, 200 мм. и менее: сюда относятся бассейн среднего и нижнего течения Лены, бассейны Яны, Индигирки, Колымы.—По мере движения на восток климат лесной зоны становится более континентальным: лето делается более теплым, а зима более суровой, и таким образом годовая амплитуда, т. е. разница между средними температурами самого теплого и самого холодного месяцев, возрастает. В Якутске, напр., под 62° с. ш., зимою нередкость морозы в—50°, но зато июль гораздо теплее, чем под соответственной широтой в Европе: здесь прекрасно родится пшеница, огурцы. На Лене под Якутском нередки жары в 30°, а осадков мало; в результате ландшафт принимает степной характер: появляются ковыль, типец, среди них суслики, почвы—солончаки и солонцы; а между тем на глубине 2 м.—мерзлота. На солонцевых почвах около Олекминска весной применяют искусственное орошение.

По характеру климата в лесной зоне можно отличить две области: 1) западную, которая имеет зиму облачную и

сравнительно богатую осадками; эта область на восток идет до Енисея, и 2) восточную, к востоку от Енисея, где зима весьма суровая, но сухая, малоснежная, с малой облачностью и большим числом часов солнечного сияния; ветры зимою слабые. Снеговой покров в Вост. Сибири имеет небольшую мощность; так, в Иркутске в феврале, когда снеговой покров достигает наибольшей толщины, он имеет всего 22 см. Там, где снеговой покров выше, мерзлота меньше развита, и возможны озимые культуры.

Почвы лесной области умеренного климата принадлежат к подзолистому типу. Здесь в силу присутствия значительных количеств влаги происходит энергичный распад минеральной массы: алюмосиликаты распадаются так, что кремнезем и полуторные окиси выделяются в свободном состоянии, в виде гидратов. Вследствие этого полуторные окислы (и основания) выщелачиваются и переносятся из верхних горизонтов почвы в более глубокие; вверху (в элювиальном горизонте) остается и накопляется кремнезем, внизу образуется иллювиальный горизонт—ортштейн. Плотные ортштейны препятствуют проникновению воды вглубь и способствуют заболачиванию. На возвышенностях, где влага сбегает быстро, почвы менее оподзолены, чем в низинах, особенно—чем в котловинах, где вода застаивается. Суглинистые почвы, как богатые солями, оподзоливаются труднее, чем песчанистые, из которых соли вымываются очень легко.—В лесной зоне мы встречаем почвы следующих типов: подзолы (с сильным развитием белесого горизонта A_2), подзолистые, слабоподзолистые (последние пользуются громадным распространением в Сибири), лугово-подзолистые (с мощным, темноцветным гумусовым горизонтом), болотно-подзолистые или подзолисто-глеевые (для них характерно присутствие торфянистого горизонта и наличие оглеения, т.-е. восстановление окисных соединений железа подымающимися грунтовыми водами).

Растительность. На Кольском полуострове дальше всего к северу идет береза, на Канине и в Тиманской тундре—местами ель, местами береза, в Большеземельской—ель, в Сибири—лиственница. Из хвойных в Сибири в лесной зоне (в пределах, очерченных нами) встречаются сибирская ель (Picea excelsa obovata), сосна (Pinus silvestris), сибирская пихта (Abies sibirica), сибирский кедр (Pinus sibirica), лиственницы (Larix sibirica и L. daurica). Из этих деревьев в пределах Евр. России большим распространением пользуются европейская ель (Picea excelsa) и сосна; сибирская ель встречается на севере Евр. России; сибирская лиственница идет на запад до линии, идущей от Онежской губы Белого моря к южной оконечности Онежского озера; сибирская пихта идет на запад почти так же далеко, сибирский же кедр имеет в Европе ограниченное распространение.

Лесную зону европейской части СССР можно разбить на две части: 1) северо-восточную, или подзону т а й г и, и 2) юго-западную, или подзону с м е ш а н н ы х л е с о в, для которой характерно присутствие дуба. Граница между ними идет от Ленинграда на Тверь — Ярославль — Иваново-Вознесенск—Нижний—Краснококшайск—севернее Сарапула.

Европейскую тайгу, по признаку присутствия или отсутствия сибирской лиственницы, можно разделить на две части: западную („европейская тайга") и восточную („азиатская тайга"). В западной части большим распространением пользуется вереск, Calluna vulgaris. В восточной, кроме лиственницы, есть еще несколько сибирских растений: например, „лиана" (Atragene sibirica); вереск на большей части территории отсутствует. Лиственница обычно растет на супесях с сосной, на суглинках с елью. Лиственничные и лиственнично-сосновые леса на супесях и песках напоминают сосновые боры; подлесок состоит из можжевельника, почвенный покров из лишаев, мхи слабо представлены, травяной ярус из брусники, черники, голубики, водяники, злаков и пр. В елово-лиственничных лесах покров из мхов (особенно—Hylocomium) развит хорошо, травяной ярус представлен богато; в подлеске—шиповник, малина, красная

смородина, можжевельник, Spiraea chamaedryfolia.

Еловые леса представлены тремя типами: 1) на хорошо дренированных супесях или суглинках моховой покров из Hylocomium и др.; подлесок в не очень тенистых местах из можжевельника, рябины, козьей ивы, шиповника. В первом и втором ярусе ель, часто с березой, иногда с осиной, иногда с сосной; в травяном ярусе, между прочими, плауны, ландыш, грушанка, брусника, черника. 2) На сырых или мокрых почвах, но с проточной грунтовой водой, моховой покров из Polytrichum и др., подлесок из красной и черной смородины; в первом и втором ярусе ель, береза, иногда серая ольха; рост ели плохой. 3) На сырых, мокрых, заболоченных (суглинистых или глинистых) почвах, с непроточной грунтовой водой, моховой покров из Polytrichum, Hylocomium, Dicranum и др., нередок Sphagnum; подлесок из можжевельника, рябины, козьей ивы, пепельной ивы и других ив.

Южная граница распространения ели обозначает собою вместе с тем южный предел очерченной нами лесной зоны.

Сосна—сухолюбивое дерево и в лесной зоне предпочтительно заселяет пески. Различают следующие типы сосняков: 1) Бор-беломошник, весьма часто на древних дюнах; почвенный покров из лишайников: Cladonia rangiferina, Cetraria islandica и др.; в травяном ярусе брусника, медвежья ягода, вереск и др.; подлесок редкий, в нем можжевельник, иногда шиповник, ель; в первом и втором ярусе обычно только сосна. 2) Бор-верещатник, похож на предыдущий, но Cladonia отсутствует или развита слабо, а почва сплошь покрыта вереском (Calluna vulgaris), достигающим иногда до 70 см. высоты. 3) Бор-моховой (бор-ягодник, бор-зеленомошник) на влажных суглинистых или супесчаных почвах, довольно сильно оподзоленных; почвенный покров из мхов Hylocomium, иногда также из Polytrichum; в травяном ярусе черника, голубика, брусника, водяника, костяника, линнея, плаун, вереск и др.; в подлеске можжевельник, рябина, ломкая крушина, козья ива, шиповник, малина; во втором ярусе, а нередко и в первом, нередко ель; в этих борах происходит смена сосны елью; подрост иногда состоит исключительно из ели. 4) Сосновые леса на торфяных болотах; если корни сосны в торфе, то дерево принимает карликовый вид; на сфагновом ковре растут: пушица, болотный вереск, подбел, багульник, вереск, росянка, морошка; в том же ярусе, что сосна, растет береза; в подлеске—Betula nana, иногда единичные карликовые ели (Буш, 1923).

Подзона смешанных лесов в европейской части Союза может быть разделена на два района: 1) елово-дубовый; западной границей этого района служат отчасти восточные пределы распространения западных пород, тиса и граба, а южной границей — южный предел распространения ели: северн. часть Черниговской губ.—Брянск—Калуга—Ока до устья Мокши—Нижний. Западная граница идет через города: Пернов, Ковну, Вильну, Минск, Рогачев, Стародуб. Кроме ели, сосны, березы и осины, свойственных и соседней области европейской тайги, здесь распространены дуб, остролистый клен, вяз, ясень, яблоня и груша, но все они в лесах имеют, по сравнению с вышеназванными четырьмя породами, второстепенное значение. Болот много. Вереск распространен. 2) Район западных лесов характеризуется, помимо наличия пород елово-дубового района, еще присутствием граба. Сюда относится Полесье.

Помимо лесов, в лесной зоне имеются обширные площади болот, которые образуются частью путем зарастания озер и даже рек, частью посредством заболачивания прежде сухих пространств. В еловых лесах, а иногда и сосновых (бор-зеленомошник), начало заболачиванию дает появление мха кукушкина льна (Polytrichum commune), поселяющегося дернинками среди обычных мхов хвойного леса, Hylocomium и Hypnum. С течением времени среди кукушкина льна, легко задерживающего атмосферные осадки, появляются дернинки белого торфяного мха, Sphagnum. В тех случаях, когда почва достаточно выщелочена, сфагнум

Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института ГРАНАТ

Исполнено Картоиздательством НКВД РСФСР.

селится прямо среди Hypnum и Hylocomium и вскоре вытесняет их. В результате сфагнового заболачивания ель исчезает, и лес переходит в чисто сосновый; затем и у сосны рост делается хуже. Таким путем сосновый или еловый лес превращается в моховое сфагновое болото с корявой сосной. Нередко болота появляются после пожаров или вырубок на местах, раньше бывших сухими. Причина та, что лес, испаряя громадное количество влаги, на равнинах понижает уровень грунтовых вод и дренирует местность; с исчезновением леса, грунтовые воды выступают на поверхность. На лесосеках севера Евр. России появляется сначала мох Polytrichum, а потом Sphagnum; иногда же лесосека зарастает вейником, Calamagrostis. На пожарищах в Ленинградской губ. сначала появляются мхи Funaria hygrometrica и Marchantia polymorpha, затем злак Deschampsia flexuosa, и, наконец, могут появиться Polytrichum и Sphagnum.

Заболачивание может итти и другим путем: посредством превращения водоемов в болота. В неглубоких озерах с пологими берегами близ берега растут осоки (Carex gracilis и др.), ситник (Heleocharis palustris), стрелолист (Sagittaria sagittifolia), частуха (Alisma plantago), водяная гречиха (Polygonum amphibium), кизляк (Lysimachia thyrsiflora), рдест (Potamogeton gramineus), водяные лютики (Ranunculus circinnatus), водяная сосенка (Hippuris vulgaris) и много др. Это—м е л к о в о д н а я з о н а, занимающая область от береговой линии до глубины в 1 м. Далее вглубь озера идет з о н а к а м ы ш е й, заключающая высокие растения: тростник (Phragmites communis, его на юге зовут камышом), камыш (Scirpus lacustris), трезубку (Scolochloa festucacea), водяной хвощ (Equisetum limosum) и др. Глубина в этой зоне обычно 2—3 м. Далее идет з о н а в о д я н ы х л и л и й: Nymphaea, Nuphar, здесь же растет плавающий рдест (Potamogeton natans); все эти растения не возвышаются над водою. Еще дальше вглубь озера следует з о н а ш и р о к о л и с т в е н н ы х р д е с т о в: Potamogeton perfoliatus, P. praelongus, P. lucens; здесь же нередки уруть (Myriophyllum), ежеголовка (Sparganium natans), роголистник (Ceratophyllum demersum). Глубина не свыше 4—5 м. Все эти растения погружены в воду. Еще глубже располагается з о н а м а к р о ф и т о в: харовых водорослей (Chara, Nitella), роголистника, узколистных рдестов (Potamogeton obtusifolius, P. mucronatus), мхов (Hypnum giganteum). Кроме этих зональных растений есть такие, которые не приурочены к зонам, каков телорез (Stratiotes aloides) или свободноплавающие: ряска (Lemna minor, L. polyrrhiza), пузырчатка (Utricularia), турча (Hottonia palustris). В мелководной зоне из отмерших остатков растений образуется осоковый торф, в зоне камышей—камышевый и тростниковый торф, еще дальше вглубь озера—сапропелевый торф. Постепенное заполнение котловины торфом влечет за собою надвигание одних растительных зон на другие и превращение озера в болото.

В более влажном, северном климате зарастание озер идет нередко при помощи плавающего на поверхности воды растительного ковра: на свободную водную поверхность надвигается ковер из сплетения корней и стеблей трифоли (Menyanthes trifoliata), сабельника (Comarum palustre), шейхцерии и осок; сюда же присоединяются мхи, сфагнум и Hypnum. Такой ковер, „зыбун“, может иметь толщину до 1—2 м. На нем поселяются осоки (Carex rostrata, C. lasiocarpa, C. limosa), водяной хвощ (Equisetum limosum), кизляк (Lysimachia thyrsiflora), болотный лютик (Ranunculus lingua), вех (Cicuta virosa), болотный папоротник (Aspidium thelypteris), ирис (Iris pseudacorus), стрелолист (Sagittaria sagittifolia) и др.; если преобладает сфагнум, то на ковре может поселиться клюква, кассандра, подбел и др. Иногда на зыбуне поселяется сосна, береза (Betula pubescens). Иногда описанному процессу зарастания водной поверхности дают начало сразу мхи Hypnum и Sphagnum. От растительного ковра отрываются куски и, падая на дно водоема, способствуют его зарастанию.

На сфагновых торфяниках на первой стадии их развития (шейхцериевый торфяник) мы встречаем Scheuchzeria palustris, осока, нередко трифоль. В следующей стадии, пушицевого торфяника, появляются: пушица (Eriophorum vaginatum), клюква (Vaccinium oxycoccus), багульник (Ledum palustre), подбел (Andromeda polifolia), болотный вереск (Lyonia calyculata), царский скипетр (Pedicularis sceptrum-carolinum), росянка (Drosera rotundifolia). В дальнейшем торфяник заселяется корявой сосной (Pinus silvestris), вереском (Calluna vulgaris), морошкой (Rubus chamaemorus), голубикой (Vaccinium uliginosum), водяникой (Empetrum nigrum).

Главные типы болот это—травяные, гипновые, лесные и сфагновые. Травяные (или луговые) болота особенно распространены в Полесье, где моховые болота почти отсутствуют. Центром полесских болот является место слияния Припяти и Ясельды; местность между Пиною и Припятью, носящая название Заречья, представляет почти горизонтальную, низменную, сильно заболоченную страну, высоты которой колеблются всего в пределах от 140 до 130 м. над уровнем моря; здесь лежат известные Пинские болота.

Луговая растительность. Реки во время половодья оставляют в своих долинах, на луговых террасах, наносный материал, или аллювий, из песку и илу. По спаде вод эти места покрываются или зарослями таволги (Filipendula ulmaria), череды (Bidens tripartita), мать-и-мачехи (Tussilago farfara), подбела (Petasites tomentosus) и др., или же смесью как типично луговых трав (каковы: чина—Lathyrus pratensis, луговой клевер—Trifolium pratense, мышиный горошек—Vicia cracca, погремок—Alectorolophus major, щавель—Rumex acetosa, едкий лютик—Ranunculus acer, лисий хвост—Alopecurus pratensis, тимофеевка—Phleum pratense), так и полевых сорняков, придорожных растений, мусорных и др. Во время нового половодья все это покрывается водой и гибнет. Только один подбел, обладающий длинным и быстро растущим корневищем, способен пробиться из-под песчаного наноса. Кроме подбела, закрепителем речных песков является шелюга, Salix acutifolia. Вслед за шелюгой появляется овсяница (Festuca rubra), Astragalus hypoglottis, тмин (Carum carvi), клевер (Trifolium pratense), Lathyrus pratensis, Vicia cracca, Rumex acetosa и др. На глинистых песках появляются лоза (Salix viminalis), S. triandra, а за ними калужница (Caltha palustris), болотная жеруха (Nasturtium palustre), Ranunculus repens, вербейник (Lysimachia nummularia), щучка (Deschampsia caespitosa), Filipendula ulmaria, Valeriana officinalis и др. За ивняками появляются другие деревья и кустарники: ольха (Alnus incana), шиповник (Rosa acicularis, R. cinnamomea), смородина (Ribes nigrum, R. rubrum). В дальнейшем ивняк из Salix acutifolia сменяется нередко сосновым бором, а ивняки из S. viminalis и S. triandra—болотистыми ольшатниками и сырыми ельниками. Буш считает, что луговые террасы, стоящие долго под водой, первично безлесны; поймы же, затопляемые ненадолго, в естественных условиях покрываются лесом, лугами же они остаются благодаря деятельности человека—от пастьбы скота и покосов; от этих причин преобладание получают злаки, густой ковер коих препятствует появлению всходов ивы. Таким образом, многие заливные луга есть искусственное образование. Алехин (1925) указывает, что лишь очень немного растений связано всегда с поймой реки: на песчаных приречных наносах—подбел, пусторебрышник (Cenolophium divaricatum), гулявник (Sisymbrium pannonicum), щавель (Rumex ucrainicus), на собственно луговых местах—молочай (Euphorbia palustris), авран (Gratiola officinalis), лук (Allium angulosum); однако, все эти растения встречаются и в прибрежных ивняках (Salix Gmelini, S. triandra). Столь характерные для наших лугов злаки, каковы лисий хвост (Alopecurus pratensis), мятлик (Poa palustris и др.), овсяница (Festuca rubra) и мн. др., распространены и вне поймы. В пойме же они, после уничтожения лесов, нашли удобные условия существования.

На многих поймах существуют за-

ливные леса—урема из дуба (Quercus robur), ольхи (Alnus incana и A. glutinosa), осокоря (Populus nigra), ивы (Salix cinerea), с подлеском из черемухи, крушины, калины, ивы—Salix amygdalina. Описаны и заливные леса из хвойных дерев: сосновые по р. Вятке, еловые в Архангельской губ.

Переходим к описанию растительности Сибири. В Зап. Сибири тайга (т.-е. область хвойных) на С. начинается приблизительно под 65° с. ш. и идет на юг до линии несколько севернее Ирбита—Тюмень—Тара—между Томском и Колыванью. Городков (1916) делит зап.-сибирскую тайгу на подзоны елово-лиственничную, кедрово-болотную и урманно-болотную. Елово-лиственничная подзона не широка, по Оби на юг не доходит до Березова, на Енисее в пределах ее еще лежит Туруханск; леса из ели, лиственницы, кедра и березы; первые два вида преобладают; в долинах встречаются заливные елово-кедровые леса; сев. граница этой подзоны совпадает с северным пределом сплошного распространения кедра. Кедрово-болотная подзона занимает значительно большее протяжение; северная граница ее совпадает с сев. пределом сплошного распространения сосны; на юг она идет на В. немного за 60° с. ш., на З. не доходит до этой параллели; леса из кедра и ели, к коим на юге присоединяется пихта; почвенный покров этих лесов из мхов (Hylocomium, Hypnum, Sphagnum), травяной же покров беден. Выгоревшие хвойные леса заменяются березняками и осинниками с густым подлеском из Lonicera altaica, Rubus melanolasius, ив и др. На супесях и песках после пожара вырастают сосновые боры (с лиственницей). По менее дренированным пространствам растут кедровники с примесью березы и др. пород. На водораздельных торфяниках мелкая сосна и такой же кедр. На сухих песках сосновые боры с лишайниковым покровом (Cladonia) и с брусникой, черникой и пр.; на более влажных песках и супесях сосновые боры с моховым покровом из Hypnum Schreberi, к сосне примешивается здесь лиственница, а в молодом подросте преобладает кедр. По рекам есть заливные лиственные (береза, осина) леса и хвойные (кедр, ель, а на юге и пихта). Урманно-болотная подзона отличается сильной заболоченностью. Водоразделы покрыты торфяниками и торфяно-болотистыми почвами. Дренированные пространства вдоль рек и по „островам" среди водораздельных болот покрыты густым хвойным лесом (урманом) из пихты (преобладает), ели и кедра, редко лиственницы. Почвенный покров урмана состоит, гл. обр., из мхов (Hylocomium, Polytrichum, Hypnum), подлесок из бузины (Sambucus racemosa), рябины (Sorbus aucuparia), липы (Tilia cordata) и др.; на востоке липа исчезает, и на ее месте появляется Caragana arborescens. На востоке Томской губ. пихтово-елово-кедровые леса носят название черни; местность здесь довольно возвышенная, и болот нет; на прогалинах высокие заросли двудольных, среди которых живокость (Delphinium elatum) достигает до 4 м. высоты. Выгоревший урман заменяется лиственными лесами, которые затем в свою очередь сменяются хвойными; на песках часто после пожара снова появляются сосновые боры. На вырубках и пашнях развиваются крупнотравные луга и елани (редкие лиственные леса с луговой флорой). На песках сосновые боры с лишайниковым покровом, или с моховым, или с травяным. Сосна господствует также на водоразделах, покрытых обширными сфагновыми болотами. Края болот покрыты сильно заболоченными лесами из сосны, кедра, ели, пихты и березы (рямовая согра). На юге подзоны, на ряду со сфагновыми торфяниками, встречаются чистые гипновые, травяные, кочковатые болота и болотистые березняки (согра).

За Енисеем состав флоры меняется. Вместо сибирской лиственницы в Вост. Сибири господствует даурская (Larix daurica). Восточная граница сибирской лиственницы пересекает Енисей под 69° с. ш. и идет приблизительно по водоразделу рек Нижней Тунгуски и Вилюя, подходя к Лене близ устья Б. Патома (впрочем, сиб. лиственница частью переходит и в бассейн Вилюя: она есть по р. р. Чоне и Окунайке).

В бассейне Лены, начиная с севера, можно различить в тайге следующие подзоны: 1) лиственничную; на Лене под полярным кругом (у Жиганска) появляется ель, и мы вступаем в подзону 2) елово-лиственничную; несколько севернее устья Вилюя появляется сосна; это 3) сосново-елово-лиственничная подзона. По Вилюю расположены обширные сосновые боры; много их на водоразделе Вилюя и Нижней Тунгуски. Северная граница сосны в бассейне Лены приблизительно под 64° с. ш., и до Верхоянского хр. она не доходит. Тогда как в Зап. Сибири сосна растет почти исключительно на песках, в Вост. Сибири, с ее сухим климатом, она охотно селится на суглинках; как указывает Крылов (1919), после лесных пожаров сосна здесь легко проникает в область тайги, подобно тому как в Европе это делает береза. 4) Кедр (кедровая подзона) на Лене появляется только у Олекминска (отсюда восточная граница кедра идет на юг, огибая верховья Алдана и Олекмы).

Преобладающий тип леса в Якутской области, начиная от Хатанги и до Станового хребта, это—лес из даурской лиственницы. На Оленеке и западнее ель переходит за 70° с. ш., но восточнее Лены ее северным пределом является $64^1/_2$° с. ш. Весьма развиты в Якутии, даже на низинах, кустарниковые заросли из Pinus pumila (кустарниковый кедр) или кедровники (напр., по среднему течению Вилюя), затем заросли берез (Betula humilis и B. exilis), тальника (Salix vagans и S. repens) и курильского чая (Potentilla fruticosa).

Долина Лены между Олекминском и устьем Алдана весьма замечательна по своей растительности и почвам. В районе Олекминска встречаются солонцы. Между Якутском и устьем Алдана на первой (считая от поймы) речной террасе, на гривах, густые заросли ковыля, иногда в смеси с овсяницею (Festuca) и тонконогом (Koeleria). По склонам грив солончаки, на которых растут солончаковые растения; на второй террасе лески из сосны, или из лиственницы с березой, или из березы с талом; на гривах второй террасы карбонатные солончаки, нередки и структурные солонцы. По маршруту Якутск—Вилюйск солончаки всречаются и на водоразделах. Мы уже отмечали, что причиной этих особенностей является жаркое и бедное осадками лето этих мест.

Пределы земледелия. Земледелие доходит до северных пределов лесной зоны и частью даже заходит в тундру: так, в с. Верхняя Пеша, под полярным кругом, на р. Пеше, впадающей в Чешскую губу, сеют ячмень, рожь, пшеницу. В лесной зоне, в с. Колве, недалеко от впадения Усы в Печору, под 66° с. ш., самоеды сеют ячмень, сажают картофель, репу, редьку. На Кольском полуострове ячмень возделывают в 15 вер. от Колы, под $68^1/_2$° с. ш.; на ст. Хибины Мурманск. ж. д., под 67° 44′ с. ш., в 1924 г. вызрел ячмень (от появления всходов до созревания разные сорта потребовали от 68 до 83 дней), овес (70—75 дней), пшеница (Triticum vulgare ferrugineum sibiricum, 91 день). Пшеница хорошо вызревает у Архангельска, на болотном опытном поле. Помидоры и огурцы в иные годы вызревают в Шенкурске на грядах на открытом воздухе. На Соловецких островах родятся овощи, ячмень же не удается. На Печоре земледелием занимаются, как подсобным делом, вплоть до Пустозерска, но отсюда граница спускается на юг, и в Верхотурском у. Пермской губ. она не идет севернее 61° с. ш. В Зап. Сибири ячмень и овес вызревают у Сургута ($61^1/_4$° с. ш.). В Березовском у., на р. Ляпине ($64^1/_4$° с. ш.) сеют яровые хлеба. На Енисее граница промышленного земледелия (пшеница)—с. Назимовское, под $59^1/_2$° с. ш., но хлеба сеют и севернее, у Дубчевского (Ворогово, 61° с. ш.). По Лене земледелие идет далеко на север, почти до Верхоянского хр.; у Якутска, под 62° с. ш., сеют рожь, ячмень, пшеницу; к северу от Алдана, под $63^1/_2$° с. ш., есть посевы ячменя. На Вилюе с. Нюрба, под $63^1/_4$° с. ш., считается одним из центров земледелия (пшеница). В Верхоянске, под $67^1/_2$° с. ш., разводят овес, ячмень и даже пшеницу (Triticum vulgare ferrugineum sibiricum). На ст. Родчево, в 80 вер. к

северу от Верхнеколымска, сеяли ячмень и садили овощи. На Лене, под 70° с. ш. (Сиктях), поспевает картофель, редька и морковь.

Изобилие леса на севере (в европейской части РСФСР губернии Арханг., Вологод., Олон., Сев.-Двин. и лесистые уезды губерний Новгород., Костром., Вятской, Пермской) позволяет здесь вести особый тип хозяйства, т. н. лесопольное: земля попеременно бывает то под лесом, то под полем. Разделка пашни из-под леса производится выжиганием. Места, выжженные из-под леса, называются лядами; на них сеют лен, овес, ячмень, рожь, рапс, южнее—пшеницу. На крайнем севере на лядинах сеют только озимую рожь и один только раз; для восстановления почвы нужно 18—30 лет. В Вологодской губ. на лядинах практикуют севооборот: овес, ячмень, яровая рожь. В районе льняной культуры севооборот открывается льном, так как на свеже приготовленных лядинах он удается лучше всего. Урожаи на лядинах бывают очень хорошие: лен дает с десятины до 160 пудов волокна и до 5 четвертей семян. В Вологодской губернии лядины используют так: 1—2-й год вырубка и разделка леса; 3—4-й—рожь или овес, 5—19-й—выгон и заросль, 20-й—лен, 21-й—пар, 22-й—рожь или овес, 23-й—пар, 24-й—рожь или овес и т. д.

С возрастанием населения приходится искать других способов восстановления плодородия почвы и от огневого лесопольного хозяйства переходить к системе паровой: поле после ряда лет возделывания поступает не в заросль, а под пар, на 1—3 года, без удобрения. Иногда таким способом получают недурные урожаи. Однако, долго без удобрения обойтись нельзя: приходится часть земли выделить под выгон для получения навоза.

Животный мир. В исторические времена в лесной зоне России водилось много крупных млекопитающих: лосей, северных оленей, козуль, зубров, медведей, рысей; всюду были распространены куницы и белки, а на северо-востоке соболь. Зубр до последнего времени сохранялся в Беловежской пуще Гродней. губ. (ныне отошла от СССР), но во время войны в 1916 г. он был перебит. Козуля имеет еще северный предел своего распространения на юге Ленинградской губ. Северный олень еще водится в Карелии и Вологодской губ., местами встречается в Тверской, Ярослав., Костром., Нижегород. губ., довольно обыкновенен на сев.-зап. Казанской губ.; в 1863 г. забеглая самка сев. оленя была убита в 5 верстах от Казани; очень недавние остатки рогов сев. оленя и лося найдены в истоках Суры (т.-е. в теперешней области лиственных лесов). Благородный олень (Cervus elaphus) сохранился лишь в горах. Лось—типичный обитатель лесов; летом он предпочитает болота, зимою же живет в борах. Соболь сохранился только на севере Пермской губ., на востоке Вологодской и кое-где в Сибири; около 1910 года в Сибири добывали 25—30 тыс. штук соболей. Бобр в пределах лесной зоны водится ныне лишь в Полесье и местами в Сибири. В тайге севера встречается росомаха. Множество форм образует обыкновенная лисица (огневка, крестовка, сиводушка, чернобурая и др.). В лесах севера обыкновенен грызун летяга (Sciuropterus russicus), бурундук (Eutamias asiaticus) на северо-востоке Евр. России и в Сибири. Повсюду в лесах обыкновенен беляк (Lepus timidus или L. variabilis), на зиму белеющий; русак же (Lepus europaeus) встречается только в Евр. России, где он распространен от 62° с. ш. вплоть до степей. Типичным лесным животным является белка; до войны ее добывали в Сибири около 15 милл. штук.

Из птиц характерны для лесной зоны: лесной голубь (вяхирь, витютень, Columba palumbus), глухарь, рябчик, черный дятел, или желна (Picus martuis), пестрый дятел (Dendrocopus), зеленый дятел (Gecinus), сойка (Garrulus glandarius), хохлатая синица (Lophophanes cristatus), клесты—сосновик (Loxia pityopsittacus) и еловик (L. curvirostris), щур (Pinicola enucleator), филин (Bubo bubo) и ушастая сова (Asio otus).

В еловом лесу Средней России в средине апреля слышно звонкое пение певчего дрозда (Turdus musicus)

и характерные звуки дрозда-белобровика (Turdus iliacus). Еще ранее дрозда в лесах Средней России появляется малиновка, или зорянка (Erithacus rubecola). Вечером над лесом тянет вальдшнеп (Scolopax rusticola). Когда совсем стемнеет, слышно токование тетеревов (Lyrurus tetrix). Глухарь (Tetrao urogallus) токует на окраинах больших моховых болот, поросших редкими соснами и расположенных среди густого старого бора.

Зимою в лесах лесной зоны мы встретим корольков, синичек-гаичек (Poecile borealis), московок, хохлатых и долгохвостых (Acredula caudata), поползней, пестрых дятлов, снегирей, свиристелей, пуночек (Plectrophenax nivalis), филина, сову-неясыть, иногда полярную сову, тетерева.

В стоячих водоемах евр. части Союза (и на Кавказе) водится гребенчатый тритон (Molge cristata), идущий на север до Петрозаводска. Обыкновенный тритон (Molge vulgaris, иначе Triton taeniatus) идет до Петрозаводска, Вологды, найден и в Зап. Сибири. В Сибири распространен сибирский тритон, Salamandrella keyserlingi. Водяная лягушка, Rana esculenta, водится в пределах лесной зоны только в евр. части, не переходя в Сибирь, и идет на север до 59°. Травяная лягушка, R. temporaria, распространена шире. Жабы, зеленая и серая, идут до полярного круга. Из насекомых отметим шелкопряда-монашенку (Lymantria monacha), которого Холодковский называет самым опасным врагом леса из всех бабочек, и соснового шелкопряда (Gastropacha pini), весьма опасного вредителя хвойных. (О беспозвоночных лесов севера см.: Б. Райков и М. Римский-Корсаков, Зоологические экскурсии, 1924).

Население лесной зоны СССР чрезвычайно разнообразно, но подавляющее большинство составляют русские, в частности великорусы. На западе великорусы доходят до Наровы и Псковского озера и до зап. границы Псковской губ.; отсюда граница с белорусами идет на восток, приблизительно вдоль границы Псковской и Витебской губ., затем, оставляя Ржев и Зубцов к востоку, спускается на юг, пересекая Смоленскую губ., и направляется к западной оконечности Калужской губ.; а затем входит уже в лесостепье. Тем не менее, чтобы не разбивать описание, мы приведем все границы распространения великорусов здесь. Граница с белорусскими говорами идет так, что к востоку остаются Брянск, Трубчевск и Севск. Далее, граница с украинскими говорами пересекает Курскую губ. почти до границы Рыльского и Путивльского у. и отсюда поворачивает на восток, пересекая Дон у Коротояка, и идет к устью Дона. В Сибири подавляющая часть русских принадлежит к великорусам. Великорусское наречие делится на два поднаречия: северно-великорусское и южно-великорусское; граница между ними идет через города Псков, Тверь, Москву, далее, приблизительно по 55°, пересекает Оку и Суру. Ниже Твери все Поволжье вплоть до Камышина (кроме Самарского у.) занято северно-великорусами. В северно-великорусском поднаречии различают говоры: поморский, или архангельский (сохраняющий много архаических черт, напр.: дáсѝ = даешь, ѣ́сѝ = ешь), олонецкий, новгородский, вологодско-вятский, владимирско-поволжский. Особенности сев.-велик. говора по сравнению с южно-вел.: оканье (у ю.-в. аканье: в*а*да, гол*а*ва), звук *г* мгновенный, как латинское g (у ю.-в., как лат. h), 3-ье лицо настоящ. вр. на *т* твердое (у ю.-в. на *ть*: зна*еть* ид*уть*), употребление члена (избу-ту) и др.

Характерным отличием великорусского быта от украинского является: 1) патриархальный уклад семьи, в которой все члены подчиняются старшему в роде, а женщина занимает сравнительно подчиненное положение, 2) общинное землевладение, при котором все члены общины равномерно пользуются землею и подлежат уравнительному обложению общинными сборами.

Под именем Белоруссии подразумевалась область в верховьях Зап. Двины, Днепра и его левых притоков. Сев. и вост. границы белорусов с великорусами указаны выше; на юг белорусы доходят до Припяти и до северной части Черниговской губ. (Любеч—

Репки—Городня). В Ярославск. губ., на р. Сити, притоке Мологи, живет островок белорусов („ситкари"). Сев.-малорусские говоры иногда очень близки к белорусским; различие, однако, заключается в произношении гласных *е* и *и*: у малорусов они твердые (*вэдэш*), у белорусов всегда мягкие (*ведзеш*). По мнению Шахматова, белорус. язык представляет соединение элементов восточнорусских, польских и южнорусских. К числу польских влияний относится цеканье и дзеканье, т.-е. произношение *т* и *д* как *ц* и *дз*, а также отвердение мягкого *р* (*прямо—прамо*). Общим с малорусскими говорами является переход твердого *л* и *в* в конце слогов в *у* (*мел—меу*, *городов—гарадоу*) и пр. К числу южновеликорусских черт относится аканье.—Украинцы (малорусы) в пределах лесной зоны СССР живут лишь в бассейне правой стороны Припяти и на юге Черниговской губ.

Финские племена некогда занимали всю северную половину Европ. России. В настоящее время они в значительной степени смешались с русскими. Так, напр., во Владимирской губ. сельское население—сплошь великорусы, тогда как, согласно летописи Нестора, в начале XII века здесь на юге обитало финское племя мурома*), а на севере меря. Современных финнов можно разделить на 5 групп: 1) западных, или прибалтийских, 2) поволжских, 3) северо-восточных, 4) угорских, 5) лопарей (о них уже сказано выше).

Начнем с 1) прибалтийских. Эсты—это финский народ, близкий к финскому племени сумь (или суоми); в небольшом числе живут на западе Ленингр. губ. (частью православные, частью лютеране). Водь (waddjalaiset), финское племя из группы ямь, или емь (häme), некогда жило от Наровы до Мсты и от Финского зал. до Ильменя; в средине XIX в. около 5 тысяч их жило в Ямбургском и Петергофск. у. Петерб. губ. Они были православные и в настоящее время бесследно смешались с русскими. Ижоры (ингры, ingrikot) это—карельское племя, появившееся в пределах Петербугской губ. в конце XI или в XII в. Они живут, гл. обр., в Ямбургском и Петергофск. уездах, по берегу Финского зал. и по Неве, но также в Лужском и Ленинградском; в средине XIX в. их было около 18 тыс., по переписи 1897 г.—около 14 тыс. Православные. От ижоров получила свое имя Ингерманландия (ingerin-maa=ижорская страна). Два других финских народца Ленинград. губ., эйремейсет (äyrämöiset) и савакот (savakot), сравнительно недавно (в XIV в.) переселились из Финляндии; первые сами себя называют суоми. Лютеране. Живут на севере Ленингр. губ.; в средине XIX в. их числилось: эйремейсет—29 тыс., савакот—43 тыс. Вепсы (весь), или чухари (чудь), живут в Тихвин. и Белозерском у. Череповец. губ., а также в Лодейнопольском, по р. Оять, и Петрозавод. у. Язык вепсов близок (по данным финского лингвиста Setälä) к карельскому, особенно к олонецким диалектам, и карельским языком вепсы овладевают в несколько дней. К западу от Онежского оз. они называют себя „людикш",—как полагают, от русского „люди". Всего вепсов около 25 тыс., из них к северу от Свири 7 тыс. Летопись помещает весь на Белоозере (слились здесь с русскими) и говорит о подчинении ее варягам (859 г.). Вепсы православные. Карелы живут в Карелии (б. Олонец. губ. и Кемск. у. Арх. губ.), около 80 тыс., в Новгород. губ. (10 тыс.) и в Тверской (132 тыс.). Есть два главных карельских диалекта: собственно карельский, которым говорят в Кемском и Повенецком у., и олонецкий карельский (aunus), которым говорят в южной части Олонец. губ. Неизвестно, к какой группе принадлежала мещера, жившая по среднему течению Оки, в сев. частях Рязан и Тамбов. и запад. Пензен. губ.; область по левую сторону Оки в Рязан. губ. и теперь называется мещерской стороной. Есть мещеряки и в Заволжье (о них ниже), окские же совершенно обрусели.

2) Поволжские финны—мордва и черемисы. Мордва живет в лесостепье. Черемисы (мари) живут на левом

*) Проф. Городцов отметил замечательное совпадение древнемуромских головных дугообразных жгутов с ижорским головным убором из волос (sykerö).

берегу Волги и в Заволжье в Казан., Вят., Нижегор., Уфим., Перм. губ., а на правом бер. Волги—в Козмодемьянском и Васильсурском у. К концу XIX в. их было около 400 тыс., гл. обр. в Уржумском, Яранском и Царевококшайск. у. Начальная летопись помещает черемисов на Оке; с XVI в. они живут там же, где сейчас. Черемисы—исконные охотники и платили ясак беличьими шкурками; ныне они земледельцы. До сих пор много черемисов язычников, и за последние годы число случаев отпадения из православия в язычество сильно возрастает.

3) Северо-восточные финны. В Вятской губ., а частью в Уфим., живут вотяки, ок. 570 тыс. душ, православные, земледельцы, занимаются также лесным промыслом, охотой, пчеловодством. Среди вотяцкого населения, но рядом с татарами, в Глазовском у. живут бесермяне, народ неизвестного происхождения; говорят по-вотяцки и по-русски, частью по-татарски, православные, занимаются земледелием, их около 6 тысяч. Пермяки населяют Чердынский и Соликамский уезды Пермской губ. и Глазовский Вятской; занимаются земледелием, давно православные. Около 130 тыс. Зыряне (коми) по языку почти тожественны с пермяками; живут в восточной части Вологод. губ. и в Архангельской, частью переселились и в зап. Сибирь, где свыше 9 тыс. зырян; всего же 187 тыс. душ; занимаются земледелием, скотоводством, охотой; православные.

4) Особняком стоят вогулы и остяки, по языку родственные венграм (мадьярам). Вогулы живут в зауральских частях Пермской губ. (гл. обр. в Верхотурском у.) и в смежных частях Тобольской губ. Всего около 10 тыс. Охотники и рыболовы; в Пермской губ. и в южной части Туринского у.—земледельцы. Официально считались православными. Остяки в Тобольском у. сплошь заселяют бассейн нижней Конды (лев. приток нижнего Иртыша) и образуют колонии среди русского населения по рр. Оби и Иртышу; выше Тартаса (правый приток Иртыша) их почти нет; по Оби почти до Обской губы; в Томской губ. живут в бассейне р. Васюгана, левого притока Оби, вниз вплоть до его правого притока Чижапки, где сменяются остяко-самоедами. Остяки частью живут в юртах, землянках, избах, частью кочуют. По способу передвижения их разделяют на конных и оленных; конные живут по берегам Оби вплоть до Березова и по некоторым ее притокам, оседлы; оленные—типичные кочевники, живут по Оби ниже Березова и по некоторым притокам. Конные занимаются, гл. обр., рыболовством, затем охотой, сбором кедровых орехов; оленные—рыболовы, оленеводы, охотники (в басс. Ваха—за белкой). На Сосве (северной) живут остяки; лыжники, охотники. Остяков в 1897 г. было 17 тыс.

На обско-тазовском водоразделе (верхн. и средн. течение Пура и др.) живет немногочисленный народец пянхасово, родственный самоедам. Около 600 душ. Оленеводы и рыболовы. Упомянем еще об остяко-самоедах, продукте смешения остяков и самоедов; они населяют Нарымский край и сев. часть Томского уез., а также Надско-Пумпокольскую управу Енисейского у.; по Оби поселения обруселых остяко-самоедов простираются верст на 50 выше устья Чулыма. Рыболовы и охотники. Всего остяко-самоедов около 6.000 душ. Прибавим, что в Сибири самоеды своими перекочевками хватают до лесной зоны (до Назыма, левого притока Оби повыше устья Иртыша, и до Туруханска); и в Европе самоеды частью живут в лесной зоне.

Переходим к турецким народам лесной зоны. Казанские татары живут в Казанской и соседних губ. (Уфимской, Вятской и др.); около половины их в Казанской губ. Всего около 2 милл. Магометане-сунниты. Занимаются земледелием, торговлей, отхожими промыслами. По языку близки к башкирам, киргизам. Западно-сибирские татары живут по среднему Иртышу, нижнему Тоболу, нижней Туре, частью заходя и в лесостепье, почти всюду чересполосно с русскими; на север идут до 59^0, на юг до 57^0 с. ш.; вместе с лесостепными в 1897 году их числилось

$37^1/_2$ тыс. душ. Чулымские татары—помесь татар и телеутов с енисейцами и самоедами. По Оби выше устья Чулыма соседят с остяко-самоедами. На Чулыме живут в нижнем течении. Всего около 11 тыс. Знач. часть обрусела и забыла родной язык. Мещеряки живут в Уфимской губ., в Шадринском, Екатеринбургском, Челябинском у., на севере Саратов. губ. и др. Всего около 150 тыс. Возможно, что они в основе финны (мещера, см. выше), впоследствии отуреченные. Живя среди башкир и татар, подверглись сильному их влиянию. Магометане, местами православные, занимаются земледелием. Башкиры живут в предгорьях южного и частью среднего Урала (Уфимск., Оренбургская, южн. часть Пермск., Самарск., Вятск. губ.). Всего около 1.390 тыс. Занимаются скотоводством, пчеловодством, частью охотой. Весной многие переселяются в летние жилища и отправляются на кочевку. Охотно употребляют конину. Магометане; грамотность довольно велика. Тептяри живут в Сарапульском и Елабужском у. Вятской губ., в Пермской губ., в Верхнеуральском у. Оренб. губ., в Самар. губ. Тептярей около 300 тыс., происхождение их неизвестно; ныне смешались с башкирами и говорят по башкирски. Чуваши живут в Казан., Симб., Самар., Сарат., Уфим. губ., числом 1.045.000 душ. Язык чувашей среди прочих турецких стоит особняком; он в известных случаях заменяет *з* через *р* (вм. *токуз*, девять, *тохар*); акад. Марр находит в чувашском яз. яфетические элементы. В культуре чувашей сказывается влияние соседних финских народов. Замечателен орнамент на платье чувашей; у женщин передник ярко-красного цвета с желтыми цветами или квадратами. Главное занятие земледелие. Православные, но в глухих углах еще в конце XIX в. были язычники. Якуты живут в Якутской республике (бывш. область), населяя берега всех крупных рек, кроме Оленека, нижней Лены и правого берега Колымы, где их мало. В Енисейской губ., по Анабаре, Хатанге и на оз. Есее есть около 3.000 якутов. Живут якуты разбросанно, почти не образуя настоящих поселений. В 1911 г. было 246 тыс. душ, из коих больше половины в Якутском у., между Леной, Алданом и Амгой, в удобных для земледелия и скотоводства местах. Якутский язык принадлежит к группе турецких, но занимает особое положение; где в других турецких языках *дж* или *й* (*джок* или *йок*=нет), там у якутов, как и у чувашей, *с* (якутск. *суох*=нет). Что касается корней, то турецких—треть, монгольских—треть, а остальные неизвестного происхождения. Якуты живут оседло, в деревянных юртах, представляющих собою сруб, обнесенный землею или дерном. Прежде у якутов были большие летние переносные шатры из бересты. Занимаются скотоводством (держат коров и лошадей), рыболовством, земледелием. Православные, однако шаманство сохранилось.

Тунгусы обитают в Енисейской губ., главн. обр. к востоку от Енисея, в Якутской обл. в северо-вост. части Киренского и в восточной Верхоленского у.; есть и в Забайкалье и др. местах. В Енисейской губ. 3.200 душ, в Якутской—12 тыс. Тунгусы—оленеводы и охотники, но есть и скотоводы (по Алдану и Мае и в Вилюйском у.). В Якутской обл. якуты вытеснили тунгусов из лучших мест, предоставив им, главным образом, горы и тундры. Живут в чумах, которые состоят из нижней конической и верхней цилиндрической части. Одежда—кафтан, передник, спускающийся до колен, короткие штаны. Олень служит как вьючным, так и верховым и упряжным животным. Оленей доят. Православные, однако шаманы до сих пор пользуются почетом, особенно—как знахари.

Особняком стоят енисейские остяки или енисейцы, живущие по Енисею от д. Анциферовой (ниже Енисейска) до Курейки, гл. обр. по притокам Енисея; рыболовы. Около 1.300 душ. Говорят на совершенно отличном от всех соседей языке загадочного происхождения.—Юкагиры частью живут в тундре, где смешались с тунгусами, частью в лесной зоне. Эти последние („речные“) населяют берега двух притоков Колымы:

Ясачной и Коркодона, и состоят из двух родов, общей численностью около 150 душ. Все говорят по-юкагирски, но от тунгусов заимствовали покрой одежды. Занимаются рыболовством и охотой. Зимою живут в избах русского типа, весной кочуют в верховьях Колымы. Православные.

3. На Дальнем Востоке, в **Уссурийском крае и по среднему Амуру** лесная зона отличается такими особенностями от вышеописанной европейско-сибирской, что о ней лучше сказать отдельно. Рельеф здесь довольно сильно пересеченный. Между Амуром и Зеею и ее правым притоком Уром (Урканом) лежит Амурско-зейское плато, сложенное из юрских и третичных наземных образований; абс. высота его в среднем 250 м., на северо-западе до 350 м. К востоку от низовьев Зеи располагается Зейско-буреинская низменность, покрытая роскошной травяной растительностью. От восточных склонов Малого Хингана (высоты до 1.400 м.) тянется на восток (прибл. до большого озера Болен-оджал) по левому берегу Амура обширная, ровная и безлесная Нижне-амурская низменность, имеющая в среднем около 50 м. абс. высоты; низменность эта состоит 1) из заливной долины Амура, шириной от нескольких верст до нескольких десятков верст, и 2) из более возвышенной полосы, к подножию коей подходит заливная долина; это—надлуговая терраса Амура, имеющая в ширину тоже от нескольких верст до нескольких десятков верст. Нижне-амурская низменность отличается своей равнинностью, однако, местами на ней встречаются хребты высотой до 800 м. Наконец, низменность представляет собою бассейн оз. Ханка; приханкайская „степь“ обезлесена человеком; еще сохранились кое-где островки хвойных лесов.

Климат на среднем Амуре и в Уссурийском крае ясно муссонного типа: в теплое время года (с апреля по ноябрь) выпадает 85—95% (и более) годовой суммы осадков, в холодное и сухое (декабрь—март) всего 15—5%. Летом дуют влажные ЮВ ветры с моря, зимою—холодные и сухие СЗ с суши. Климат суровый: в Никольске-Уссурийском (43°53′ с. ш.), который лежит южнее Ялты, первый снег выпадает в среднем 29 октября, последний—8 апреля (по данным за 1912—21 годы). Осадков в здешнем краю выпадает 500—800 мм. в год. Для характеристики климата южноуссурийского края может служить Камень-Рыболов на берегу оз. Ханка (44° 45′ с. ш.); здесь январь—20,4°, август (самый теплый) 21,7°, осадков 475 мм. в год, из них с ноября по март 34 мм., летом 254 мм., в августе 100 мм., облачность наименьшая зимой, наибольшая летом. Малоснежная зима и, вследствие этого, глубокое промерзание почвы не позволяют сеять озимые хлеба, клевер и люцерну. Весною посевы страдают от сухости и ветров. В период цветения, налива, созревания и уборки хлеба как раз выпадает наибольшее количество дождей. Это весьма затрудняет жатву и создает, кроме того, благоприятные условия для развития грибных болезней, от которых сильно страдают хлеба Приамурья (головня, ржавчина, а особенно так наз. пьяный хлеб; последний вызывается грибком Fusarium). Сильное заражение наблюдается в годы, богатые атмосферными осадками. Почвы представляют видоизменение болотного и подзолистого типов, черноземов же, которые раньше описывались здесь, не имеется.

На Амуре, между Албазином и Благовещенском, хвойные леса из даурской лиственницы и сосны сменяются лиственными из дуба. Часты рощи из лиственницы, белой и черной березы, ильма, черемухи. Встречается ясень, липа, черноклен (Acer ginnada), бересклет, орешник. Ниже устья Буреи по Амуру по опушкам лесов нередок амурский виноград, вьющийся до высоты 4 м. На Уссури, в долине реки, растут леса из ильма (Ulmus japonica), бархата (Phellodendron amurense), ореха (Juglans mandshurica), маакии (Maackia amurensis), сирени (Syringa amurensis), черемухи, яблони, груши, боярышника; хвойных нет; на холмистых водоразделах растет дуб с небольшой примесью белой и черной березы и осины, а выше хвойные леса из кедра, ели, пихты, липы, клена,

дуба, березы, ясеня, ильма и др.—В южно-уссурийском крае (к югу от линии ст. Иман—р. Тютиха) значительно увеличивается разнообразие деревьев, кустарников и лиан (всего здесь насчитывают до 150 видов деревьев и кустарников), появляются эпифитные папортники. Характерны смешанные, хвойно-лиственные южно-уссурийские леса; преобладающим деревом является монгольский дуб (Quercus mongolica), в подлеске лещина (Corylus heterophylla), кроме дуба, корейский кедр (Pinus koraiensis), пихта (Abies holophylla), аянская ель (Picea ajanensis), манджурский орех (Juglans mandshurica), береза (Betula costata), липа (Tilia amurensis), клен (Acer mandshuricum), очень много кустарников в подлеске и лиан: „кишмиш“ (Actinidia arguta), виноград (Vitis amurensis), лимонник (Schizandra). Кроме того, тут растут граб, вяз, ясень, тополь, осина, ольха, ива, уссурийская груша, „пробковое“ дерево (Phellodendron amurense) и мн. др. Весьма богата водная растительность: тут встречается лотос (Nelumbo speciosum), Brasenia purpurea, водяной орех (Trapa incisa) и мн. др. Культурных растений в южноуссурийском крае очень много: яровая пшеница составляет главную массу русских посевов, овес сеют русские и корейцы, ржи и ячменя сеют мало; много разных сортов проса: красное просо (Panicum frumentaceum) разводится корейцами на корм человеку и скоту, итальянское просо (чумиза, Setaria italica) составляет в виде каши главную пищу корейцев, обыкновенное, или метельчатое, просо (Panicum miliaceum) культивируется русскими, наконец, гаолян, или сорго (Andropogon sorgum japonicum), высеваемый в небольшом количестве корейцами, идет на корм скоту, на кашу людям, на выкурку водки, а стебли на топливо, для настилки крыш и пр. Сеют лен. Кукурузу разводят корейцы и переселенцы-молдаване. Корейцы культивируют много сои (бобовое Glycine hispida). Садят арбузы, дыни, огурцы, баклажаны и пр. Главная культура у русских пшеница и овес. Культура плодовых деревьев из-за весенних заморозков и сырого лета почти не развита. В последнее время начали культивировать рис; его стали сеять впервые корейцы в 1917 г. у Никольска-Уссурийского. Урожаи хлебов высокие: пшеница 55, озимая рожь 80, овес 54, просо 75, бобы 70, рис (очищенный) 120—410 пудов с десятины.

Фауна заключает много своеобразного, показывая смешение северных и южных форм; тигр, леопард, амурская лесная кошка, енотовидная собака (Nyctereutes procyonoides), пятнистый олень, барсук, кабан, амурская кошка, фазан, с другой стороны—соболь, белка. Из тритонов—Geomolge fischeri, из рыб—лососевые (кета, горбуша), тропический змееглав—Ophiocephalus, своеобразный бычок (сем. Eleotridae, близкое к Gobiidae) Perccottus, из жуков—оригинальный Callipogon relictus.

Население состоит из русских и из туземных тунгусских племен (об амурских см. ниже). По Уссури вверх почти до истоков живут гольды (несколько тысяч) из группы мамгу, или мангу, занимаются рыболовством, охотой, рубкой дров, частью земледелием; живут в глинобитных постройках, сходных с китайскими фанзами; большинство православные. В южно-уссурийском крае живут корейцы; по переписи 1897 г. их было 22½ тыс. душ, в 1910 г.—55 тыс., земледельцы. Кроме того, в южно-усс. крае не мало китайцев, частью земледельцев, частью охотников, искателей женьшеня, торговцев; по переп. 1897 г. их было свыше 10 тыс., не считая Владивостока.

4. **Лесостепье**—это область, переходная между лесом на севере и степью на юге; ландшафт представляет чередующиеся участки леса и степи. Лесостепье расположено приблизительно к югу от южного предела распространения ели. Южная граница лесостепья может быть проведена только условно: от р. Днестра к Балте—севернее Елисаветграда—Днепр выше Кременчуга — севернее Полтавы — Харьков—Бобров Ворон. губ.—севернее Борисоглебска Тамб. губ.[1])—Саратов—Самара — р. Самара; в Зауралье: Троицк—Кустанай—севернее оз. Се-

[1]) Другие авторы на востоке проводят границу южнее: севернее Изюма—к северу от Старобельска—устье Медведицы.

леты-денгиз—Иртыш у станицы Песчаной (53° с. ш.) —далее, севернее Кулундинского озера, а отсюда на юго-восток к предгорьям Алтая. К востоку от сейчас указанной линии лесостепье в Сибири встречается пятнами: в т.-н. Кузнецкой степи Томской губ., между Чумышем на севере и Бией на юге, между сосновыми борами правобережья Оби и хвойными лесами южной части Салаирского кряжа на востоке, далее в зап. части Минусинского у. и южной Ачинского, два небольших острова в средних частях Красноярского и Ачинского у. Наконец, небольшие участки лесостепья есть и в Иркутском у. и в южных частях Балаганского и Верхоленского у.; они располагаются узкими, в 5—6 верст шириной, полосами, длиной 30—50 вер., в долинах Ангары и др. рек, под 54—52½° с. ш.

Грунтом в лесостепье обычно является лесс или лессовидные глины; поэтому поверхность нередко изборождена массою оврагов с крутыми стенками. Кроме того, характерной чертой лесостепья является изобилие западин (блюдец), неглубоких округлых углублений различной величины, иногда заполненных озерками, болотами или временными скоплениями воды. Нередко такие углубления порастают осиной и ивой, а в Зап. Сибири березой („ко́лки"). В Полтавской губ. местами западин так много, что расстояния между соседними западинами 2—60 м., диаметр их 10—50 м., глубина ¾—1½ м. Происхождение этих углублений неясно; во всяком случае, образования эти не современные, а древние; их можно сравнить с углублениями на луговых и надлуговых террасах наших рек. Замечательно, что западины (в Воронеж., Тамбов. губ.) с течением времени зарастают лесом: сначала пепельной ивой, затем осиной, далее полевым вязом, березой, татарским кленом и, наконец, дубом, остролистым кленом и даже липой. Для рельефа западно-сибирского лесостепья чрезвычайно характерны гривы—длинные и узкие пологие возвышения, вытянутые в северо-восточном направлении и подымающиеся над низинами на несколько саженей; они тянутся иногда на много верст; происхождение грив не выяснено; вершины и склоны их нередко покрыты черноземом. Из более крупных возвышенностей европейского лесостепья отметим Жегули, возвышающиеся на 371 м. над уровнем океана и на 354 м. над уровнем Волги у Самары; они сложены из каменноугольных, пермских и юрских пород. Жегули есть результат мощного сброса (или, по Ноинскому, флексуры), приведшего на один уровень палеоценовые и верхнекаменноугольные породы. Опустившийся край идет приблизительно вдоль северного края Самарской луки, в ВСВ направлении; в результате Волга отклонилась к востоку, образовав Самарскую луку. Жегулевская дислокация намечается далеко на западе, в Кузнецком у. Саратовской губ., на притоках Канадея. На Жегулевских горах растут дуб, липа, клен, вяз, рябина, береза, осина, сосна. Значительные высоты имеются в т.-н. Авратынских возвышенностях, близ границы Волыни и Подолии, в верховьях Збруча и Случа 343 м. (Кременецкое плато, возвышающееся на 150—180 м. над Кременецко-Дубенской низменностью, имеет абс. высоту в 406 м.; оно ныне в пределах Польши). Еще больше высоты в сев. Бессарабии: у Хотина 468 м.; в средней Бессарабии Кодры достигают 429 м. Значительная часть лесостепья, расположенного к западу от Днепра, относится к области южнорусских кристаллических пород, которая протягивается полосою в 250—300 верст шириною с СЗ на ЮВ, от северных частей Волыни (51½° с. ш.) к Азовскому морю. Главные породы, слагающие эту площадь, гнейсы, гранито-гнейсы, граниты и граниты. Породы эти обнажаются обычно лишь в долинах рек и оврагов. Южнорусский кристаллический массив есть остаток докембрийских складчатых гор, впоследствии смытых до уровня моря; складки, особенно в правобережье Днепра, идут, гл. обр., по СЗ простиранию. К концу силура и началу девона обнаруживается морская трансгрессия; затем между среднедевонским и юрским временем снова произошли дислокации: к СВ от складчатого массива образуется средне-днепровская сбросовая впадина, которая была за

нята верхнеюрским морем; к северу и сев.-вост. от складчатого кряжа море было и в сеноманское время. К востоку от Днепра в пределах лесостепья гранит обнаружен на Дону у Коротояка на глубине 66 м., под девоном. На глубине 162 м. кристаллические породы (железистые кварциты) оказались в буровой скважине в Лозовке около Щигров Курской губ. Есть выходы кристаллических пород на Дону и южнее, уже в степной зоне (Павловск и др.). Таким образом, здесь намечается довольно обширный („Воронежский") кристаллический массив. Между ним и Волыно-Азовским массивом располагается впадина („Бахмач-Харьковская", или „Северо-украинская"), где кристаллические породы опустились глубоко вниз; впадина эта выполнена юрскими, меловыми и палеогеновыми породами; мощность белого мела у Харькова доходит до 275 м.; на юге и северо-востоке впадина, повидимому, отграничена сбросами. Абсолютная высота поверхности этой впадины около 200 м. В пределах этой впадины замечателен выход изверженной породы (диабаза) в 15 вер. от города Лубны Полтав. губ., близ села Исачек; абс. высота Исачковского холма 128 м., относительная—всего 26 м.; холм лежит приблизительно на уровне соседней степи.

Лесостепье есть область, где в современную климатическую эпоху лес надвигается на степь. Поэтому климат северной части лесостепья не отличается от климата зоны лесов, на юге же лесостепья мы встречаем уже степной климат. К западу от Днепра по южной окраине лесостепья выпадает 450 мм. осадков в год. Средняя температура июля в лесостепье от 20° на севере до 22° на юге; январьские изотермы идут с северо-запада на юго-восток, и температура января убывает к востоку, от—5° на западной границе до—16° в Предуралье. В лесостепье Зап. Сибири климат еще более континентальный: в июле здесь температуры воздуха такие же, как в европейской части, в январе же ниже: от—19° до—21°, осадков меньше, от 500—450 мм. на севере, до 300 мм. на юге.

Почвенный покров лесостепья ясно свидетельствует в пользу недавно происшедшего изменения климата в сторону большей влажности, в результате чего лес начал надвигаться на степь. Почвы на севере лесостепья, в подзоне сплошных дубовых лесов,—серые лесные суглинки и деградированные (оподзоленные, выщелоченные) черноземы, южнее—в подзоне типичного лесостепья—под лесами, серые лесные суглинки, а под степными участками—черноземы. Так как под лесом чернозем не образуется, то очевидно, что лес занял участки, некогда бывшие под черноземной степью, и превратил этот чернозем в деградированный и в серые лесные суглинки (эти последние отличаются своим ореховатым строением). Основная причина деградации (выщелачивания солей и оподзоливания) есть повышенное количество влаги, какое получает почва. Лесные суглинки более видоизменены, чем деградированные черноземы: у последних гумусовые горизонты темнее, а ореховатость выражена слабо. В лесостепье расположены самые мощные черноземы: в Золотоношском и Прилукском у. Полтавской губ. их мощность до 140 см. Наиболее богатые перегноем черноземы в Уфимской губ. Подпочвою в лесостепье служит лесс, порода, образовавшаяся в климате более сухом, чем современный; это обстоятельство тоже свидетельствует в пользу того, что степи некогда простирались дальше к северу, чем теперь. Если принять, что в настоящее время происходит смещение к югу лесной зоны в результате изменения климата в сторону большей влажности, то станет понятной та характеристика, какую дает Набоких (1912) южно-русскому лесостепью: „барханы пустынного типа встречаются здесь рядом с болотами, торфяники—рядом с летучими песками, степные курганы рассеяны здесь среди дремучих лесов, леса покрывают не только подзолы, но и типичные содовые солонцы; хвойный лес соседствует с участками ковыльных степей". Лесостепье—это область, где перемешаны лес со степью, подзол с черноземом, лесная фауна со степной, охотник и земледелец.

Коржинский наблюдал на севере Са-

марской губ. все стадии превращения дубовой кустарниковой степи в дубовый лес: сначала в степи поселяются степные кустарники: дикий миндаль (Amygdalus nana), вишарник (Prunus chamaecerasus), спирея (Spiraea crenifolia), ракитник (Cytisus ratisbonensis), Caragana frutex, терновник (Prunus spinosa), Genista tinctoria; затем, среди этих степных кустарников появляются клены (Acer campestre, A. platanoides) и дубы; число дубов постепенно увеличивается; наконец, появляются травяные растения лесных лугов и настоящие лесные (напр., Viola mirabilis). Затем, в дубняке появляется липа, ясень, орешник и др. То же явление, внедрение леса в степь, отмечено в Уфимской, Симбирской, Воронежской, Бессарабской и др. губерниях.

Опишем некоторые типичные растительные ландшафты лесостепья. В с о с н о в ы х б о р а х на песках на севере Воронежской губ. мы оказываемся, как бы в зоне тайги: почвенный покров из лишаев (Cladonia, Cetraria crispa); на более влажных местах брусника, черника; встречаются грушанки, вереск; (на торфяниках около ст. Сомово Воронеж. у. найдена клюква); характерно, что в этих борах бок о бок с лесными формами встречаются и степные: красный василек (Centaurea marschalliana), Veronica incana, песчаный ковыль (Stipa ioannis sabulosa), богородицина трава (Thymus odoratissimus). Подобная смесь и в фауне: северные синичка-гаичка (Poecile borealis) и сойка, а рядом удод, орел-могильник (Aquila heliaca). В Хреновском бору найдена степная ящурка (Eremias arguta), но в этом же бору есть сфагновые торфяники с пушицей, брусникой, клюквой, черникой.

Типом д у б р а в могут служить дубовые леса по правобережью Волги в Казан. губ.; они состоят из дуба, иногда с ясенем, во втором ярусе (иногда и в первом) липа, клен (Acer platanoides), вязы (Ulmus pedunculata, U. montana), иногда береза и др.; в подлеске преобладает береза, обыкновенен бересклет и др.

По правому берегу р. Самары (приток Волги), на южном пределе лесостепья, лежит обширный сосновый Б у з у л у к с к и й б о р; в нем можно различить 4 типа: бор с покровом из лишайника—Cladonia rangiferina, бор с покровом из мха (в нем ландыш, грушанки), бор с травяным покровом (к сосне примешивается береза и осина), бор с липовым ярусом (к сосне примешивается дуб, клен; во втором ярусе липа и рябина). В долине р. Боровки, пересекающей бор, сосновый бор с подлеском из степных кустарников: дикой вишни, спиреи, чилиги (Caragana frutescens), бобовника. Бузулукский бор окаймлен лиственным лесом из осокоря, серебристого тополя, ильма, черемухи, ольхи и др.—Самый южный лесостепной лес, это—Ч е р н ы й л е с в Александрийском у. на севере Херсон. губ. (около ст. Знаменка); площадь его около 80 кв. км.; он занимает высокое, водораздельное пространство, на высоте около 210 м.; почва деградированный чернозем; основная порода дуб, второе место занимает граб, третье полевой клен; есть озерко, на берегу которого сфагновое (Sphagnum squarrosum) и гипновое болото, а на нем изредка береза (Betula verrucosa), грушанка (Pirola rotundifolia). В лесах Бессарабии отсутствует не только ель, но и сосна; к западу от Хотина господствует бук; по мере приближения к Хотину бук исчезает, заменяясь грабом и дубом; в этих лесах масса плюща (Hedera helix), который встречается и в подольском и херсонском Поднестровье. В лесах северной Бессарабии встречается малина, грушанки. К югу от Хотинских возвышенностей расстилается совершенно безлесная Белецкая степь, на высоте 180—200 м.; почвы здесь черноземы. К югу от Белецкой степи лесистые возвышенности К о д р ы (428 м.), покрытые лесами из граба, ясеня, кленов, серебристой липы (Tilia argentea; эта западная порода есть и на левобережье Днестра), обыкновенной липы, дубов, береста, ильма, бука, черешни; близ станции Корнешты найдена береза; почвы под описанными лесами в Кодрах—подзолы.—Д е р н и с т о - л у г о в а я с т е п ь в Воронежском у. имеет в конце мая такой состав растительности: бросается в глаза изобилие двудольных: степной колокольчик (Campanula simplex), клевер (Trifolium montanum), лютик (Ranunculus polyanthemos), козлобо-

родник (Tragopogon brevirostris), Filipendula hexapetala и др.; много также остистого костра (Bromus erectus), кое-где перистый ковыль (Stipa ioannis penicillifera), много типчака (Festuca ovina); после покоса выступает много ковыля-тырсы (Stipa capillata). Южная граница лесостепья в европейской части СССР совпадает с южной границей березы и василька (Centaurea cyanus) и с северной границей солонцов, Statice Gmelini и Caragana frutescens.

Лесостепье можно разделить на западное, европейское, дубовое, и восточное, сибирское, где преобладает береза и где очень много солончаков, солонцов и озер. Следует, однако, иметь в виду, что пермское лесостепье—березовое; в Кунгурско-Красноуфимском мы встречаем березовые перелески обычно в смеси с липой и осиной, местами еловые леса. В Зауральском лесостепье наиболее распространены лиственные леса из березы и осины с травяным покровом из злаков; нередки, особенно на севере, сфагновые болота, поросшие сосной; встречаются также осоково-травяные болота, часто зарастающие березой; на песчаных почвах сосновые боры, в которых на западе встречается ель. Барабинское лесостепье расположено между 54° и 56° с. ш.; это равнина, лишь немного превышающая абс. высоту в 100 м. (оз. Чаны 100 м.), пересеченная невысокими гривами, имеющими простирание СВ—ЮЗ, с чем согласуется и направление рек, а также заливов Чанов; множество пресных и соленых озер, солончаков и болот; в понижениях березовые лески; гривы покрыты черноземами и черноземовидными почвами и сплошь распаханы, под лесами оподзоленные почвы; на севере к березе примешивается осина; на сфагновых болотах встречается низкорослая сосна. Крылов называет Барабу „солончаково-березовым“ лесостепьем, в отличие от европейского, „лугово-дубового“.

Фауна лесостепья показывает смесь лесных и степных форм. Прежде в европейской части этой зоны в изобилии водились медведи, лоси, козули; кое-где сохранились белка, куница, рысь, козуля. В степных участках на восток до Днепра встречается суслик (Citellus citillus), к востоку от Днепра крапчатый суслик (Citellus guttatus), большой тушканчик (Alactaga saliens), сурок (Marmota bobac). Сурок, или байбак, ныне в южнорусских степях почти истреблен. Гмелин, во время путешествия 1768—69 годов, встречал в окрестностях Воронежа множество байбаков и тетеревей, водились здесь, хотя и редко, и глухари.

В лесостепье европ. части Союза на западе живут украинцы (малорусы), приблизительно от Дона до Волги—южновеликорусы, от Волги на восток—северновеликорусы (впрочем, в Самарск. у.—южновеликорусы). Отличия украинского языка следующие: вместо древних *о* и *е* другие звуки (напр., вм. конь — *кінь*), *л* твердое перед согласными и в конце слов перешло в *у* или *в*: *воуk* или *вовk* (= волк), *г* произносится как *h*, все согласные перед *е* твердые; в 3 лице окончание *ть* (*хвалить, несуть*); вм. мы пишем—*пишемо*. Положение женщины у украинцев более свободное; общинного землевладения нет.—Финский народ мордва живет в Самарской, Симбир., Пензен., Саратов., Нижегородской губ.; всего их 1.154 тыс. душ.; делятся на два племени, эрзю и мокшу, говорящих на сильно разнящихся языках. Мордва занимается земледелием, весьма распространено пчеловодство. Православные, но много старообрядцев. Кроме мордвы, в лесостепье Евр. России живут чуваши, башкиры. В лесостепье Зап. Сибири киргизы, татары; в Каинском у. Томской губ. чересполосно с русскими живут барабинские татары ($4^1/_2$ тыс. душ.), помесь зап.-сиб. татар с енисейцами. Под именем абаканских татар Радлов объединил все турецкие племена Енисейской губ., кроме чулымских татар. Абаканские татары, представляющие смесь из чистых турков, отуреченных енисейцев и отуреченных самоедских народностей, разделяются на: 1) кызыльцев, обитающих в юго-зап. части Ачинского у. по рр. Белому и Черному Июсу, 8 тыс., 2) собственно абаканских татар, или качинцев, по левому берегу Енисея от Абакана до Чулыма, по Абакану, Уйбату, по

озерам Иткуль, Шира, Беле, частью по правому берегу Белого Июса, частью по Чулыму, около 12 тыс., 3) сагайцев по Аскызу и на север до Уйбата, около 20 тыс. На правом берегу Абакана ниже Аскызского живут койбалы, около 1 тыс., народ самоедского происхождения. Все абаканские турки говорят на языках, относящихся к уйгурской группе. В лесостепье Иркутской губ. живут буряты; по племенному составу буряты смесь разных монгольских племен; иркутские буряты шаманисты, частью православные, немного буддистов; по переписи 1897 г. бурятов в Иркут. губ. было 110 тыс., из них около половины шаманистов. Обитают чересполосно с русскими, больше всего в Балаган. у., затем в Иркут. и Верхоленском. Главное занятие скотоводство и земледелие; пища молочная и мясная.

5. **Степная зона** располагается к югу от лесостепья; в причерноморских степях она простирается до самого моря, в Предкавказье до линии: Краснодар — Майкоп — Пятигорск—Грозный (южнее здесь начинается вертикальная зона лесостепья), далее на восток степи идут до обрыва Ергеней, в Заволжье на юг до устья Еруслана—Новоузенска—озера Чархала и далее на юго-восток до линии: Темир—г. Тургай—к горам Чингизтау—Семипалатинск—Устькаменогорск—Кокпекты.

Под именем степей подразумевают более или менее ровные, безлесные, незаливаемые полыми водами и не заболоченные пространства, покрытые более или менее густой травянистой растительностью в течение всего вегетационного периода.

Геологическая история южнорусских степей такова. В среднемиоценовое время зап. Украина была покрыта морем („средиземноморским"), находившимся в непосредственной связи с океаном. У Мелитополя это море соединялось с более опресненным Чокракским бассейном, который простирался от Варны, через Крым и Кавказ, до Туркмении. Затем оба бассейна соединились; получился бассейн, в котором отложились спаниодонтовые и фоладовые пласты. С того времени сообщение южнорусских степей с океаном прекратилось. Верхнемиоценовое сарматское озеро-море простиралось от Вены до Арала, на юг до Трои, на север до южной Польши и Волыни. К концу миоцена (меотическое время) почти вся площадь Новороссии представляла сушу, на которой обитали многие крупные млекопитающие: носороги (Rhinoceras, Aceratherium), антилопы (Tragoceras), жирафы (Camelopardalis, Helladotherium), из птиц страус. С наступлением плиоцена значительная часть степей Новороссии снова покрылась солоноватыми водами, достигавшими в окрестностях Кривого Рога 48° с. ш.; это было время отложения понтического известняка (нижний плиоцен). Понтические осадки известны в степях до высоты в 120 м. Климат в Украине был в это время столь умеренный, что реки зимою стали покрываться льдом. Близ Одессы известны солоноватоводные отложения, еще более новые, чем понтические, именно куяльницкие. К концу третичного времени вся площадь южнорусских степей представляла сушу. Черное и Каспийское моря, начиная с конца понтического времени и почти до конца плиоцена, остаются в разобщении. В самом конце плиоцена (пласты Чауда, бакинский ярус) Черное море соединилось с Мраморным, а также по Манычу—с Каспием. В четвертичное время, благодаря тектоническим процессам, повлекшим погружение под уровень моря Эгейской суши, воды Средиземного моря проникли в котловину Черного, оттеснив каспийскую фауну, населявшую Черное море, в лиманы. Это произошло, повидимому, во вторую межледниковую эпоху. В эту эпоху соединение Черного моря с Каспием по Манычу еще не прекратилось, о чем можно судить по тому, что некоторые из средиземноморских форм проникли в Каспий. Образование лиманов Н. А. Соколов приписывает проникновению средиземноморских вод в низовья рек, впадавших в Черное море, и повышению уровня последнего; напротив, Н. И. Андрусов видит в лиманах результат опускания суши.

Подпочвой в степях почти всюду является лесс, характерная порода, образовавшаяся в более сухое время,

предшествовавшее современному, из поверхностных пород в результате процессов почвообразования. Область развития лесса изобилует оврагами. Как и в лесостепье, в степях масса западин; на юге Екатериносл. губ. они носят название „подов"; некоторые из подов достигают диаметра в несколько верст (Агайманский под на границе Мелитопольского и Днепров. у. имеет 10 в. в длину) и во время таяния снегов и дождей превращаются в озера.

Из видных черт рельефа степей нужно упомянуть о Донецком кряже. Это—степное, слабоволнистое плато, вытянутое в направлении ССЗ—ВЮВ. Длина кряжа (именно, выходов кам.-угольных отложений) 370 км., ширина до 160 км. Наибольшая высота по линии Дебальцево—Зверево достигает 369 м. (Могила Мечетная). Вдоль сев. границы кряжа течет Сев. Донец; затем он круто поворачивает на юг и перерезает кряж. Водораздельные пространства кряжа имеют степной, слабо волнистый вид и сплошь распаханы. Донецкий кряж сложен, гл. обр., девонскими и каменноугольными отложениями; на северо-западе пермокарбон и пермская соленосная толща; есть триас (?), на сев.-западе юра; имеется верхний мел; палеоген окружает кам.-угольный массив почти сплошным кольцом; к югу от кряжа неоген. В юго-западной части по речкам Сухой и Мокрой Волновахе (бассейн Кальмиуса) обнажаются древне-кристаллические породы, слагающие также приазовский кристаллический массив. По южной окраине кряжа известны изверженные породы. В тектоническом отношении Донецкий кряж есть древний складчатый хребет, осложненный сбросо-сдвигами; в складчатости принимают участие все отложения от девона до верхнего мела. Кряж чрезвычайно богат каменным углем, антрацитом и каменной солью; запасы кам. угля и антрацита исчисляют в $55^1/_2$ тысяч миллионов тонн, из них в 1924 году добыто около 12 млн. тонн. Каменная соль добывается в пермских отложениях в с. Брянцевка к северу от Бахмута. К югу от Бахмута, у станции Никитовка, есть ртутные руды.

Приазовская кристаллическая площадь расположена в Бердянском и Мариупольском у., на З. она несколько не доходит до р. Молочной, на В. идет до Грузского Еланчика. Состоит из гнейсов, гранититов, гранитов и др., местами прорезанных жилами изверженных пород. Местами есть лакколиты, выраженные в рельефе, напр. лакколит из андезитовидной породы близ впадения Волновахи в Кальмиус. В верховьях р. Каратыша (лев. приток р. Берды) на ровной степи располагается группа возвышенностей из гранита—Каменные Могилы Бесташ. Севернее Верхне-Токмака лежит Могила Токмак,—громадная интрузивная масса гранита, достигающая высоты 290 м. Продолжением приазовского кристалл. массива является днепровский кристаллический массив, о котором мы говорили выше (стлб. 404). Выходы гранито-гнейсов в русле Днепра дают начало знаменитым днепровским порогам, числом 10, между Екатеринославом и Александровском, на протяжении 66 км.; падение Днепра на этом участке равно $^1/_2$ м. на км. Массивно-кристаллические породы обнажаются в долинах многих степных рек (Ингульца, Ингула, Буга и др.), но заметной роли в рельефе не играют. Выходы гранита известны и на Дону близ Павловска (у с. Буйловки); в Богучаре гранит обнаружен бурением на глубине 81 м. В Таганроге буровая скважина достигла кристаллических пород на глубине 580 м. Карпинский полагает, что южнорусский кристаллический массив простирался некогда далее на юго-восток, занимая площадь современного Азовского моря. Отметим, что в Криворожском районе (Верхнеднепров. у. Екатериносл. губ., на границе с Херсон. губ.), по р. Саксагани и Желтой, среди кристаллических сланцев в железисто-кварцитовых сланцах залегают пластообразные толщи красного железняка и железного блеска; с 80-х годов 19-го в. здесь идет разработка железных руд (в 1915 г. добыто около 15 млн. пуд. руды).

Характерной чертой низового Поволжья является разница в высотах правого и левого берега: на правом берегу водоразделы достигают 200—380 м. абс. высоты; на левом же берегу, южнее параллели Камышина, высота

степи 20—40 м., а севернее Камышина 130—170 м. Заволжье является областью опускания. Под именем Приволжской возвышенности можно понимать область возвышенностей на правом берегу Волги, где водоразделы не ниже 200—210 м. На юге, в пределах Камышинского у., эта возвышенность суживается, на С. расширяется, доходя до зап. границ Пензенской губ.; южной границей Архангельский считает течение Иловли южнее параллели Камышина. Причина расширения на С. та, что на юге всего одна антиклиналь, на севере же две или три. Южнее Иловли высоты в 200 м. и более в приволжской части исчезают. Можно думать, однако, что Приволжская возвышенность продолжается к юго-западу по водоразделу Иловли и Медведицы и возобновляется в высотах правого берега Дона, между Клетской и Трехостровянской. В Камышинском у. связь между тектоникой и рельефом весьма явственна: наиболее возвышенные точки, поднимающиеся до 300—327 м., приурочены к кряжам нижнемеловых песчаников, выдвинутых из под толщ верхнемеловых и палеоценовых пород тектоническими процессами; „чередование этих хребтов и отдельных высоких пиков с глубокими поперечными долинами местами придает здешним ландшафтам чисто горный характер“. Между с. Кресты и Н. Добринкой (в сев. части Камышин. у. и южной Аткарского) есть котловина, дно которой на 130—170 м., тогда как окружающие высоты лежат на 235—320 м.; эта котловина, залегающая в области наибольшего поднятия пластов, есть результат денудации центральных частей складок. Правый возвышенный берег Волги от Самарской луки до Ергеней есть, надо думать, результат дислокации, вызвавшей опускание Заволжья. Эта же дислокация дала начало Ергеням, которые представляют собою плато, обрывистый восточный край которого обращен к каспийской впадине. Абсолютные высоты Ергеней не превышают 192 м. На севере Ергени переходят в высоты правобережья Волги, на западе сливаются с донскими степями. Под поверхностными лессовидными породами на Ергенях залегают известняки сарматского возраста. В Заволжье отметим возвышенности Общий Сырт на границе Самарской губ. и б. Уральской обл.; в Новоузенском у. высота его 100—190 м., восточнее—до 280 м.

Рельеф зауральских степей—равнина, южнее сменяющаяся мелкосопочником. Под последним именем здесь понимают невысокие холмы и увалы с пологими склонами, сложенные из коренных пород — гранитов, сиенитов, порфиров, диоритов, а также девонских (кварциты, сланцы) и кам.-угольных отложений. Местами встречаются и довольно крупные возвышенности, каковы, напр., Кокчетавские горы, представляющие сильно денудированный гранитный массив; высота их в горе Кокче-тау достигает 940 м. Складчатость в области мелкосопочника ориентирована по сев.-зап. и сев.-вост. направлениям. Третичные отложения, относимые условно к эоцену (песчаники) и олигоцену, повсюду залегают горизонтально. Мелкосопочник есть „одна из конечных стадий разрушения когда-то более мощных и высоких хребтов, а именно та стадия, в которой утратилась связь не только между отдельными хребтами и грядами, но зачастую отдельные гряды разбились на множество мелких, совершенно обособленных холмов, называемых у местных жителей сопками“ (Тихонович).

Почвы степей — преимущественно черноземы. К югу количество гумуса уменьшается, и чернозем переходит в каштановую почву, у который поверхностный горизонт (*A*) имеет светло-коричневую окраску, гумуса меньше, мощность меньше, вскипание с соляной кислотой ближе к поверхности. Почвы каштанового типа развиты в южной половине степной зоны: на юге Бессарабии, Херсонской, Екатериносл. губ. и Донской обл. и в южной части зауральской степной полосы. Содержание перегноя (гумуса) на севере Херсонской губ., в Харьковской губ., на востоке Екатеринославской местами достигает свыше 7½%. В степной зоне нередки солонцы в местах, где недалеко подпочвенные воды; иногда солонцы

залегают на надлуговых террасах, напр. на Дону; в этих случаях можно думать, что на месте солонца был некогда солончак. Особенно много солонцов в каштановой зоне, где встречаются нередко и солончаки.

Климат степей отличается теплым летом, прохладной зимой, умеренным количеством осадков (450—250 мм. в год), максимум коих приходится на первую половину лета, и сравнительной сухостью. Средняя температура каждого из летних месяцев не ниже 20° и не выше $23^1/_2$°; в июле и августе средняя относительная влажность в час дня 35—45%. Бывают годы, когда летом совсем не бывает осадков; эти засухи сказываются губительным образом на сельском хозяйстве. По северной окраине степной зоны с октября по март располагается полоса повышенного давления — отрог азиатской области зимнего высокого давления. Воейков назвал эту полосу „большой осью материка". К северу от нее преобладают юго-западные ветры, к югу, в зоне степей, северные, сев.-вост. и восточные; эти последние ветры сухие. В степях южной России нередки сухие юго-восточные и восточные ветры—суховеи, нередко сопровождаемые сухими туманами. Облачность в степях невелика; она достигает максимума в декабре, минимума в конце лета. Снеговой покров невысок: на севере степей 20 (на западе)—30 (на востоке) см., на юге менее 10 см.

Как мы указывали, степи вне речных долин и оврагов безлесны. О причинах этого явления существуют разные мнения. Одни видят причину в недостаточности атм. осадков, другие—в сухости воздуха, третьи—в засолении почв (особенно в присутствии хлористых и сернокислых солей), четвертые—в механическом составе почв (на мелкоземистых почвах расположены степи, на грубых—леса), пятые—в рельефе (на равнинах—степь, в пересеченных местах и на возвышенностях—лес), шестые—в условиях и ходе борьбы за существование между лесной и степной растительностью, седьмые думают, что леса в степях некогда росли, но были истреблены кочевниками, и т. д. Последнее мнение, раньше весьма распространенное, нужно признать окончательно опровергнутым: под лесами не образуется чернозема, и там, где на чернозем надвинулся лес, следы от этого процесса сохраняются в почве. Несомненно, степи—есть явление зональное, представляя промежуточный член между лесной и пустынной зоной и, как таковое, вызваны причинами климатическими: зональным распределением климатических областей. Все остальные факторы, засоленность почв и грунтов, механический их состав, характер рельефа и пр., играют второстепенную и подчиненную роль. Основные причины—это недостаток влаги и сухость воздуха, вызывающие большую испаряемость и делающие степи непригодными для древесных пород Средней России. Замечательно, что на юге Евр. России почвенные и климатические зоны идут не в широтном направлении, а с юго-запада на северо-восток—в соответствии с распределением климатических факторов.

Зону степей в Европе можно в отношении растительности разделить на три части: 1) северную, разнотравно-злаковую степь, где распространены типичные черноземы; это крупно-дерновинные ковыльные степи, где главная роль принадлежит ковылям Stipa stenophylla (из группы перистых ковылей, St. pennata) и St. capillata, местами также степному овсу (Avena desertorum); наряду с ковылями, типчаком (Festuca sulcata), келерией, Bromus erectus, здесь много двудольных; 2) южную, сухую, злаковую, где почвы каштановые; это мелко-дерновинные ковыльные и ковыльно-типчаковые степи, здесь преобладает Stipa lessingiana, также St. capillata, много типчаку и сухолюбивых растений (на юго-востоке: ромашник—Pyrethrum achillaeifolium, житняк—Agropyrum cristatum, кермек—Statice sarepiana, и др.).

Наконец, еще более южным, более сухим типом являются 3) злаково-полынные степи (пустынные степи), составляющие переход к полупустыне. Они расположены узкой полосой на самом юге Бессарабии, Херсонской и Екатеринослав. губ. (район Николаев—Херсон—Перекоп), в задонской части

Донской обл., в восточной части Сальского окр. и в юго-восточной части приманычской степи, на Ергенях между Иловлей и Волгой, в Заволжье от устья Еруслана полосой к Уральску и далее, расширяясь, к Актюбинску и восточнее. Некоторые этот тип степей относят к полупустыням. Почвы здесь каштановые и светлокаштановые суглинки (те почвы, которые Димо для юга Царицынского у. называет „типичными почвами полупустыни", Глинка обозначает, как „солонцеватые почвы светлокаштановой подзоны"). Характерно присутствие серой полыни (Artemisia maritima var. incana); на солонцах почти везде обычна черная полынь (A. pauciflora). На целинной не солонцеватой степи растут типчак, ковыли (Stipa capillata, St. lessingiana), житняк, ромашник, Kochia prostrata, Statice sareptana и др. На солонцах Camphorosma monspeliaca и полыни. Злаково-полынные степи изобилуют солонцами.

Танфильев дает такое описание целинной, разнотравно-злаковой черноземной степи в Старобельском у. Харьковской губ. Когда сойдет снег, не позже средины апреля, на поверхности земли, среди стеблей прошлогодних злаков, видна зелень мха Barbula и пластинки сине-зеленой водоросли Nostoc commune. Первые весенние цветы—это степной тюльпан (Tulipa Schrenki), очень близкий к садовым, и сон (Pulsatilla pratensis и P. patens); за ними расцветает катран (Crambe tatarica, крестоцветное), затем степной ирис (Iris pumila), горицвет (Adonis vernalis и A. volgensis) и др. В середине июля массами зацветают Salvia nutans и ковыли: Stipa lessingiana и St. pennata; помимо ковыля, главная масса растительности теперь состоит из злаков (Festuca, Koeleria). К концу лета начинает доминировать тырса (Stipa capillata). Кроме травянистых растений, на старобельской целине нередко встречаются густые кустарные заросли, достигающие высоты около $^3/_4$—1 м. и поперечника в несколько десятков метров; заросли эти, называемые дерезняками или вишарниками, состоят обычно из дерезы (Caragana frutescens), бобовника или дикого миндаля (Amygdalus nana), степной вишни (Prunus chamaecerasus) и таволги (Spiraea crenifolia); иногда заросли образованы ракитниками (Cytisus), терном (Prunus spinosa) и терносливой (Prunus insiticia).

Дадим теперь описание растительности южной степи на каштановых почвах, в Днепровском у. (Аскания Нова), составленное Пачоским (1917). Осадков здесь выпадает менее 300 мм., зимы малоснежные. В средине марта начинает пробуждаться жизнь в степи. В солнечные теплые дни выходят из своих нор суслики (Colobotis musicus). Среди дерновин степных злаков (а больше всего здесь тырсы Stipa capillata) появляются первые весенние белые цветы крупки, Draba (Erophila) verna; почти одновременно зацветают гусятники (Gagea pusilla и G. bulbifera). К средине апреля начинает зеленеть мятлик (Poa bulbosa var. vivipara), массами появляющийся на сильно выпасаемых целинах, и зацветает степная осока (Carex stenophylla). Около 20 апреля распускают свои цветы тюльпаны Tulipa Schrenki (они бывают красные, желтые, розовые и др.); попадается и другой тюльпан, T. biebersteiniana; очень оживляют весною степь петушки (Iris pumila): они бывают сине-фиолетовые и желтые. Затем весною цветут степная валериана (Valeriana tuberosa), лилейное Ornithogalum tenuifolium, два астрагала, лютик, гиацинт и др. Основные злаки, составляющие растительный покров степи, зацветают позднее, в мае: это степная овсяница (Festuca sulcata), перистые ковыли (Stipa lessingiana, St. Zalesskii), келерия (Koeleria gracilis) и житняк (Agropyrum cristatum). К средине июня ости перистых ковылей начинают опадать, к тому же времени созревает и Festuca sulcata; степь принимает желтоватую окраску. Зацветает целый ряд двудольных. К концу июля, если перепали дожди, степь покрывается сплошным ковром цветущей тырсы.

В Зап. Сибири наименее засоленные каштановые почвы заняты типчаково-ковыльными степями, на слабо засоленных почвах расположены полынные и на солонцах—типчаковые степи.

В степи древесную растительность можно встретить лишь в верховьях и

по склонам оврагов, в пойме рек и на песчаных надпойменных террасах. На песчаных надпойменных террасах в бассейне Дона, Днепра, Буга обычны дуб, осина, березы (Betula verrucosa и B. pubescens); лески имеют вид „колков“ (островков), приуроченных к понижениям, где близка грунтовая вода. В пойме рек на Дону растут леса из дуба (Quercus pedunculata), осины, вязов (Ulmus pedunculata, U. campestris), клена (Acer tataricum), бересклета, крушины, а в более низких местах—тополь, осокорь, верба, ольха. Большим разнообразием древесных пород отличаются леса в пойме („плавнях“) Днестра. Так, в Кицканском лесу против Тирасполя встречаются вяз (Ulmus pedunculata), берест (Ulmus campestris), дуб, ясень, осокорь, серебристый тополь, верба, полевой клен, боярышник, лещина, бузина и пр.; встречается дикий виноград (Vitis silvestris), в виде лиан взбирающийся на верхушки дубов; у земли стебли винограда бывают в руку толщиной. В плавнях Днепра перед гирлами растут рощи из ольхи (Alnus glutinosa). По склонам высокого правого берега Днепра в Херсон. губ. попадаются груша, боярышник (Crataegus monogyna), кустарный берест, дуб, яблоня, терн (Prunus spinosa). спиреи, дикий виноград и пр. В Донецком кряже встречаются леса в верховьях речек и оврагов („байрачные“ леса); изредка есть леса и на склонах отдельных вершин (напр., Саур Могила). Самые значительные леса в верхнем течении Миуса и по его притоку Глухой; лес „Леонтьев байрак“, лежащий на высоте 314 м., имеет площадь около тысячи десятин. В этом лесу можно наблюдать на каждом шагу надвигание леса на степь. Обычные породы Миусских лесов: дуб, ясень, вяз, ильм, берест, липа, клены полевой и татарский, черная ольха, груша, яблоня, крушина, боярышник; основные породы дуб и ясень; заселение степи лесом идет так, что среди степных кустарников, широкой каймой примыкающих к лесу, появляются сначала клен татарский, груша, яблоня и др., затем ясень и, наконец, дуб. Следует отметить, что по Грабовой балке, притоку Миуса, растет граб. На Дону есть сыпучие пески, напр., в Голубинском лесничестве (под 49° с. ш.). Для этих песков, расположенных частью на надпойменной террасе, частью на „древнетеррасовых отложениях“, характерны писчик (Elymus giganteus), чернобыль (Artemisia arenaria), осока (Carex colchica), пыреи, льнянка и др.; в некоторых местах сохранились березки (Betula pubescens), иногда с осиной; прежде, пока пески не были искусственно превращены в сыпучие, они были покрыты типчаково-ковыльной степью, а в котловинах располагались березово-осиновые колки. По левому берегу Днепра обширная площадь песков тянется от Каховки до моря; в котловинах среди песков рощицы дубовые, березовые (береза из группы Betula kirghisorum), осиновые, грушевые; на бугристых песках здесь растет песчаный пырей (Agropyrum dasyanthum), задерживающий песок, Cytisus biflorus var. borysthenicus, Linaria odora, Carex colchica, а в котловинах между буграми ива, дрок (Genista sibirica), кое-где всходы березы. В рощицах местами под дубами найден ландыш.

Мнение, будто девственная степь имела сплошной, однообразный и настолько высокий травяной покров, что в траве скрывался всадник с лошадью, это мнение нужно признать неправильным: всегда были различные типы степной растительности в зависимости от рельефа. В девственных степях было очень много диких травоядных: диких лошадей (тарпанов), сайгаков, оленей, козуль; они ходили стадами, выпасали и вытаптывали большие участки, прокладывали тропинки и пр. Вообще, роль крупных млекопитающих в степном ландшафте, как указывает Пачоский, была весьма значительна: животные втаптывают семена степных злаков в почву, очищают междернинные промежутки от излишнего вторжения растений, объедают сухие, отмершие стебли, унавоживают почву и т. д. В Елисаветград. у., в Сагайдакском имении, сохранился участок степи, на котором в течение 15 лет не производилось ни пастьбы скота, ни сенокошения; оказалось, что там масса

сорняков и растений, необычных для типичной целины; больше всего было Bromus inermis, который, хотя и растет на целине, но не играет доминирующей роли; раньше же, когда на участке производился выпас, он был покрыт преимущественно овсяницей (Festuca sulcata). Пастьба скота угнетает прежде всего ковыли, при чем порядок исчезновения их таков: Stipa stenophylla, St. dasyphylla, S. lessingiana, St. capillata; далее, исчезает келерия; напротив, типчаку умеренное вытаптывание не вредит; при сильном вытаптывании типчак заменяется мятликом (Poa bulbosa vivipara).

В экономике природы играют не малую роль и мелкие млекопитающие—грызуны: они выносят на поверхность громадное количество земли. Вычисляют, что в Екатеринослав. губ. суслики выбрасывают на одну десятину около 20 куб. м. земли. О количестве сусликов можно судить по тому, что в 1883 году в Новомосковскую земскую управу Екатериносл. губ. было представлено $^{3}/_{4}$ миллиона сусликов. В степях Бессарабии иногда можно насчитать несколько сот нор крапчатого суслика на десятину, иногда свыше тысячи.

В Днепровском у. по целинным степям много байбаковин, т.-е. невысоких холмиков, насыпанных когда-то байбаками (степными сурками, Marmota bobac). В настоящее время здесь байбаков совершенно не осталось. Ширина байбаковин около 2 м., высота $^{1}/_{3}$ м.; таких курганчиков иногда бывает 200—250 на десятину, „так что издали кажется, что степь покрыта мелкими копнами сена" (Браунер). Байбаковины бросаются в глаза благодаря растущей на них высокой сорной растительности: гулявнику (Sisymbrium pannonicum), кураю (Salsola kali), Bromus squarrosus и др. Теперь сурки сохранились в бассейне Иргиза в Самарской губ., в Балашевском у. Саратовской губ., в Каменной степи Воронеж. губ. (Бобров. у.), в Константиноград. у. Полтав. губ. и еще кое-где.

Из крупных млекопитающих сайга (из антилоп, Saiga tatarica) некогда доходила на запад до южного Буга; еще во второй половине прошлого века сайгаки не составляли редкости в Новоузенских степях, а по правую сторону Волги доходили выше Царицына. Последние экземпляры дикой лошади или тарпана (Equus Gmelini) были убиты в Днепровском уезде в 70-х годах прошлого столетия; раньше они ходили по степи громадными табунами. В 45 вер. от Боброва Гмелин в 1768 г. видел стадо из 6 тарпанов. Браунер справедливо указывает, что в прошлом жизнь стадных степных млекопитающих была более подвижной, и они лучше умели использовать природные условия: из степей они на зиму передвигались в леса, плавни, кучугуры (пески), на лето опять возвращались в степи. Это относится к оленю, козуле, зубру, туру, тарпану. Преследования человека заставили оленя и козулю искать спасения в лесах, сайгу в полупустыне и пустыне, а тур и тарпан совсем вымерли. Кроме упомянутых животных, для степей характерны: перевязка (Vormela peregusna, или Putorius sarmaticus), хомяк (Cricetus vulgaris), суслики, большой тушканчик, слепушонка (Ellobius talpinus), слепыш (Spalax), стрепет (Otis tetrax), дрофа (Otis tarda), журавль-красавка (Grus virgo), степной филин, степной орел и др. Куропатка (Perdrix cinerea) живет в степях оседло, равно как и дрофа, предпочитающая ковыльные степи. Серый суслик (Colobotis musicus) и большой тушканчик (Alactaga saliens) живут в Крыму и к востоку от низовьев Днепра.

Тогда как в лесной зоне население отличается сравнительно прочным местообитанием (финны, литовцы живут на своих местах с незапамятных времен), в степи, вследствие ее открытого положения, происходят беспрестанные смены народов. В южно-русских степях мы видим скифов, с IV века до Р. Хр. сарматов, затем германские племена (бастарнов, готов), гуннов, хазар, славян, разные турецкие народы и т. д. В настоящее время в степях от Прута и до среднего течения Донца и устьев Дона живут украинцы, восточнее их почти до Волги южновеликорусы, от Волги на восток северновеликорусы. Переселившиеся с Балканского п-ва бол-

гары живут в южной Бессарабии, в Херсон., Екатериносл., Таврич. губ. в количестве около $1/4$ миллиона (из них более половины в Бессарабии): земледельцы. Немцы живут на юге Бессарабии, в Херсон., Екатериносл., Таврич. губ., а также в республике немцев Поволжья; всего немцев свыше 900 тыс. душ, из коих две трети в Поволжье (Сарат. и Самар. губ.); земледельцы; по большей части протестанты (есть баптисты, менониты). Итальянцев довольно много в Одессе. Молдаване живут в средней и частью в южной Бессарабии, а также в Молдавской автономной республике (зап. часть Херсон. губ.). Греки, выходцы из Крыма, живут в Мариупольском у., по сев. берегам Азовского моря и в Одессе. В городах и местечках много евреев. В степной части Крыма живут крымские степные татары, между Кумой и Калаусом в XVII веке поселились туркмены (трухмены), выходцы из Туркестана; их около 15 тыс.; в южной Бессарабии живут гагаузы, турецкое племя, переселившееся в начале XIX в. с Балканского п-ва; их около 80 тыс., православные (почему их смешивали с болгарами), но говорят на турецком языке, близком к османскому. За р. Уралом кочуют киргизы. Наконец, калмыки появились в Европе в 1630 г.; в пределах степной зоны они живут между Салом и Манычем (32 тыс.) и между Егорлыком и Калаусом (11 тыс.).

6. **Полупустынная зона** представляет переход от степей к пустыням. Располагаясь к югу от сухих, полынно-ковыльных степей, она занимает большую часть б. Астрахан. губ. (на запад до Ергеней), на юг до низовья Терека, а за р. Уралом на юг немного не достигает до Аральского моря, оставляя к югу пески Б. и М. Барсуки и приаральские Каракумы; южная граница идет приблизительно по линии устье Эмбы—Балхаш.

Полупустыня между низовьями Терека, Ергенями и р. Уралом (иначе— Прикаспийская низменность) сложена частью песками, частью глинистыми породами. Значительная часть ее расположена ниже уровня океана; по Волге отрицательные отметки идут до с. Ровного между Камышиным и Саратовом; уровень оз. Эльтона на 15 м., а Баскунчака на 18 м. ниже уровня океана; по Уралу отрицательные отметки простираются почти до широты оз. Чархала; абсолютная высота Уральска 26 м. В Прикаспийской низменности много солончаков и соленых, самосадочных озер; из последних пользуются известностью упомянутые озера Эльтон и Баскунчак, на берегах которых (а равно на возвышенностях М. Богдо, Чапчачи, Биш-чохо, Индер и у Гурьева) выходят на поверхность пермские отложения; в этих отложениях есть громадные толщи гипса и каменной соли; выщелачивание последней и дает начало самосадочной соли. На берегах этих озер, а равно и в упомянутых возвышенностях, наблюдаются дислокации. Гора Б. Богдо, подымающаяся над Баскунчаком на 171 м., сложена триасовыми известняками, глинами и песчаниками. В 30 вер. к С.-В. от Б. Богдо лежит М. Богдо, относит. высота которой всего 28 м. На Ю.-В. от Баскунчака лежит гора Чапчачи (абс. высота 36 м.), сложенная из пермских пород. Восточнее расположены бугры Биш-чохо, достигающие 60 м. относ. высоты; бугры эти представляют плоскую антиклинальную складку мергельно-песчаниковых пород с мощными залежами гипса. К востоку от р. Урала, на 17 м. ниже уровня океана, лежит Индерское самосадочное озеро; на 56 м. над уровнем озера возвышаются Индерские горы, сложенные дислоцированными пермскими и триасовыми гипсами, песчаниками и известняками; возвышенность Джаман-Индер есть брахиантиклиналь с длинной осью, ориентированной в меридиональном направлении. На Индерском озере, как на Эльтоне и Баскунчаке, дислокацией затронуты и плиоценовые отложения. На водоразделе рек Сагыза и Эмбы расположены возвышенности Иман-кара (225 м. абс. высоты) и Кой-кара (125 м.)—обе типа брахиантиклиналей.

Далее к востоку Оренбург-Ташкентская ж. д. пересекает Мугоджарский хребет. Это меридиональный, узкий кряж, составляющий продолже-

ние Уральского хр. Он распадается на два параллельных хребта, западный, главный, имеет в вершине Бер-чогур, высоту в 653 м.; верстах в 15—20 к востоку от главного хребта тянется другой, более низкий. Западный склон Мугоджар крутой, напротив, восточный—пологий. Низина между обоими хребтами сложена палеозойскими, гл. обр. девонскими, осадочными породами, главный же хребет образован преимущественно диабазами и диабазовыми порфиритами. К востоку от второго хребта, сложенного диабазами, габбро и диоритами, идет пенеплен из гнейсов и гранитов, уходящих постепенно под горизонтальные слои палеогена, слагающего замугоджарскую равнину. В области Карабутака есть следы третьего хребта мугоджарской системы, сложенного кристаллич. сланцами, гранитами и пр. На юге Мугоджары резко обрываются крутыми диабазово-порфиритовыми уступами горы Джаман-тау и сменяются равниной с мало расчлененным рельефом. Мугоджары в общем монотонные горы, покрытые степной растительностью из ковыля, типчака, полыни; только в глубоких оврагах местами встречаются рощицы из березы, осины, ив, черемухи и пр.; по склонам и сухим логам нередки кустарные степи из караганы, спиреи, дикой вишни, бобовника.

К востоку от системы Мугоджар, между нею и горами Улу-тау, располагается Тургайская столовая страна, сложенная из горизонтальных третичных и четвертичных отложений. Арало-каспийское море никогда сюда не заходило. Возвышенности имеют вид невысоких плато, подымающихся на 100—200 м. над низинами. Горы Улу-тау, сложенные из гранита, достигают 1.120 м. высоты; они покрыты степной растительностью, но в более влажных ущельях есть заросли из осины, березы, ив, черемухи, боярышника, шиповника, жимолости, кизильника, ежевики, хмеля. К востоку от них начинается Киргизская складчатая страна, область мелкосопочника; наивысшие точки лежат в горах Кенты, 1.400 м.; для возвышенностей этой страны весьма характерна сосна; но в общем мелкосопочник покрыт степной растительностью.

Климат зоны полупустынь есть среднее между климатами степей и пустынь. Осадков еще меньше, чем в степях, 290—160 мм. (Астрахань—162, Баскунчак—224, Темир—233, Иргиз—174 мм.); максимум осадков в сев. части полупустыни выпадает, как и в степях, в июне; местами в июле (вторичный максимум в ноябре); но на юге максимум переходит на май; соответственно—минимум осадков в северной части, как в степях, зимой (январь, февраль, март), а в южной—летом (июль, август), как в пустынях. Высота снегового покрова очень невелика. Лето еще более жаркое, чем в степях: средняя июльская температура 24°—25°; зима же более суровая; там, где зимы не смягчаются влиянием Каспийского моря, как, напр., в Астрахани или Гурьеве, там средняя январьская от—16° до—14°. Облачность меньше, чем в степях, а солнечного сияния больше; наибольшая облачность в декабре, наименьшая в августе. В этом климате земледелие без искусственного орошения, хотя и возможно на севере, но ненадежно.

Почвы преобладают бурые (буроземы); они близки к каштановым, но отличаются, главным образом, более светлым цветом; обычно солонцеваты, имея уплотненный гумусовый горизонт *B*. Мощность гумусовых горизонтов 40—50 см.; количество гумуса невелико, в верхних горизонтах всего 2—4%. Основной тип почв, как сказано, это бурые суглинки или супеси, но они чередуются с солонцами и разнообразными почвами западин, где на севере встречаются черноземовидные и даже подзолистые почвы; недаром уральские казаки называют такие „комплексные“ площади „чубарой“, т.-е. пятнистой, степью. Полупустыня—это царство солонцов и солончаков; особенно изобилует солонцами северная часть бурой зоны, к югу же они замирают. Солончаки образуются там, где грунтовые воды, подымаясь капиллярно наверх, имеют возможность, испарившись, оставлять на поверхности растворенные в них соли (карбонаты, сернокислые, хлористые соли).

Напротив, солонцы расположены в местах, где грунтовые воды не могут подыматься капиллярно на поверхность; для солонцев характерен плотный, структурный горизонт *B*, распадающийся на плотные, обычно столбчатые, отдельности, почти водоупорные; поэтому на солонцах в известное время года застаиваются атмосферные воды. Характерно для солонцев присутствие соды. В солончаках нельзя различить верхние и нижние гумусовые горизонты. Есть взгляд, по которому, при увлажнении климата, солончаки выщелачиваются и переходят в солонцы.

Растительность полупустынь можно вкратце охарактеризовать так: это типчаково-полынные степи. Но в отличие от настоящих степей, травяной покров здесь очень негустой; растения расположены довольно разбросанно, преобладают сравнительно мелкие дерновинки. Растительность низкорослая, главная масса листьев на 5—8 см., но зато чрезвычайно сильно развита корневая система. Кроме полыней, заметную роль играют многолетние дерновинные злаки тех же или близких видов, что и в зоне степей; именно—типчак (Festuca sulcata valesiaca), келерия (Koeleria gracilis) и ковыли (Stipa lessingiana, формы из группы Stipa pennata, особенно же формы из группы Stipa capillata). Из полыней преобладающую роль играют белая и черная полынь: слабо засоленные суглинки покрыты белой полынью (ак-джусан, по-киргизски) Artemisia maritima var. incana, к которой примешан типчак и др. злаки; почвы более глинистые и более засоленные покрыты черной полынью (кара-джусан): Artemisia pauciflora; у черной полыни листья расправляются лишь после дождя, а в другое время ее черные стебли кажутся совершенно безлистными; в наиболее сухие месяцы она даже совсем сбрасывает листву. Видную роль местами играет изен (Kochia prostrata). Местами полынь заменена кокпеком (Atriplex canum). В полупустыне распространены формации типчаково-ковыльно-полынная, полынно-ковыльная, полынно-типчаковая. Следует отметить, что весьма заметно участие в растительности однолетников, скоро, с наступлением жаров, отцветающих, каковы тюльпаны (Tulipa biebersteiniana, T. Schrenki) лютик Ranunculus polyrhizus, бурачниковое — Rindera tetraspis, ревень Rheum tataricum и др.; весной много мхов, лишаев и синезеленых водорослей (Nostoc); в астраханской полупустыне в промежутках между кустиками белой полыни почва одета мхами, настолько черными, что кажется обугленной; в Зауралье место этого мха иногда занято лишайниками (гл. обр. Parmelia vagans). При неумеренном выпасе полупустыни, прежде всего исчезают степные дерновинные злаки, и разрастается ромашник (Pyrethrum achillaeifolium) и полыни, увеличивается количество однолетников и двухлетников, появляется много Poa bulbosa; наконец, остаются только представители семейства Chenopodiaceae: устелиполе или эбелек (Ceratocarpus arenarius), лебеда (Atriplex laciniatum) и серик (Echinopsilon sedoides).

На солонцах, кроме черной полыни, растет камфоросма (Camphorosma monspeliacum), кустики биюргуна (Brachylepis salsa), кокпек, эбелек, Kochia prostrata, Ferula caspia, тюльпаны, Statice Gmelini, верблюжья колючка (Alhagi camelorum). Для солончаков наиболее характерны Salicornia herbacea, Obione verrucifera, Statice, черная полынь, кустарник Nitraria Schoberi, Salsola, Tamarix и др. Пески весьма распространены в астраханском Заволожье; благодаря неумеренному выпасу, они превращены в сыпучие. В Нарынском песчаном лесничестве (Рынь-пески) на песках растут ольха, береза, тополя, осокорь, осина, тал (Salix caspica), прекрасный закрепитель песков, далее, красная верба (Salix acutifolia), джидда (Elaeagnus angustifolia); из посаженных растут сосна и дуб. На сыпучих песках появляется первым кара-камбак (Salsola kali), который киргизами выкашивается на сено; характерны еще Aristida pungens, кияк (Elymus giganteus), мотыльковое Eremosparton aphyllum, джузгун Pterococcus aphyllus (гречишное) и др.; камыш (Phragmites communis) также охотно селится на песках. На песчаных равнинах растет

пырей—Agropyrum sibiricum („еркек“). На лугах массами растет житняк (Agropyrum cristatum), акмамык (Atropis distans, злак), обыкновенный пырей (Agropyrum repens, „бидаек“). Сено из акмамыка отличается мягкостью и питательностью.

В фауне полупустыни видную роль играют суслики (мугоджарский—Citellus mugosaricus, и желтый—Colobotis fulvus), тушканчики, песчанки, слепушонка, хомячки, песчаный барсук и др. Есть сайга.

Население от Волги на восток киргизы—кочевники, частью переходящие к земледелию; в долине Волги и в дельте великорусы, частью, островками, украинцы. В самых низовьях Волги астраханские татары, около 50 тыс.; они делятся на юртовских, которые живут в Астрахани и ее окрестностях, в Цареве и нескольких других местах Астрахан. у., и кундровских, которые кочуют в Красноярском уезде. К западу от Волги кочуют калмыки.

7. **Пустынная зона** располагается в Туркестане к югу от полупустыни и идет на юг до подножия гор. С известной оговоркой к зоне пустынь можно отнести также низовья Куры и Аракса. Для пустынной зоны характерна скудость атмосферных осадков и высокие температуры лета.

Все низины Туркестана, или вся Туркестанская низменность, относится к зоне пустынь. Низменность эта покрыта новейшими, послетретичными наземными отложениями. Совершенно неправильно Туркестанскую низменность называют иногда Аралокаспийской. Употребляя это наименование, предполагают, что значительная часть низменного Туркестана была покрыта в четвертичный период водами Арало-Каспийского моря. Между тем, это неверно: Аральское море никогда не соединялось с Балхашом и при своем наибольшем распространении покрывало свое восточное и юго-восточное побережье не далее нескольких десятков верст от современной береговой линии. Возможно, хотя пока еще и не доказано, что на северо-восток Аральское море (или, вернее, его пресноводные разливы) простиралось вплоть до озера Чалкар, уровень которого на одной высоте с Аральским морем (50 м.). Далее Чалкара Аральское море не могло распространяться, так как к северу от названного озера идут возвышенности, сложенные из олигоцена и подымающиеся свыше чем на 120 м. над озером. На северо-западе, еще не доходя верст 30 до города Иргиза, абсолютные высоты свыше 85 м., а между тем Арал в эпоху максимальной высоты своего уровня стоял всего на 4 м. над современным уровнем (т.-е. на 54 м.); тогда он через посредство Узбоя соединялся с Каспием.

Начиная с запада, зону пустынь можно разделить на: 1) Каракумы закаспийские, 2) дельту Аму-дарьи, 3) Кызыл-кумы, 4) лессовые районы у подножия гор, 5) Присырдарьинскую низменность, 6) Каракумы приаральские, 7) Муюн-кумы, 8) степь Бедпак-дала, 9) пески Семиречья.

Закаспийские Каракумы простираются от Каспийского моря до Аму-дарьи, на юге они подходят к предгорьям Копет-дага, на севере упираются в обрыв („чинк“) Усть-урта. Значительная площадь их покрыта песками, частью движущимися. Так, движущиеся нагромождения песку (барханы) встречаются на восточной окраине Каракумов, вплоть до берегов Аму-дарьи, где они распространены как на левом, так и на правом берегу. Между Мервом и Чарджуем (а также далее на восток) железная дорога идет среди песчаного моря голых, сыпучих, песчаных холмов. Высота барханов достигает 9—10 м., большинство же возвышается над котловинами всего на 5—7 м. Барханы по большей части соединены в цепи, которые, в свою очередь, нередко связаны друг с другом поперечными перемычками. В сев.-зап. части Каракумов, от Ахалтекинского оазиса до Узбоя, на восток до линии Полторацк (Асхабад)—Язы (на Унгузе) распространены грядовые пески; они представляют собою длинные, параллельные друг другу увалы, или гряды, с слабоволнистыми понижениями; высота гряд 15—20 м., изредка попадаются возвышения до 25—30 м., но это исключение; расстояние между грядами наичаще 60—80 м.

(пределы 50—200 м.); кроме главных гряд, имеются второстепенные, более низкие, высотой 6—10 м., пересекающие главные, — получается система более или менее глубоких котловин. Грядовые пески обыкновенно закреплены растительностью. В котловинах нередко расположены такыры; этим именем в Туркестане называют гладкие, глинистые, твердые, как паркет, площади, расположенные в понижениях; весной такыры наполняются водой и превращаются в мелкие озера, иногда длиной в десятки верст; в мае такыры высыхают. Весьма распространены в Туркмении бугристые пески; они окаймляют долины рек Теджена и Мургаба, ложбину Келифского Узбоя, занимают площадь между Тедженом и Мургабом и Аму-дарьей, окаймляют с севера Атекский оазис, низовья Теджена и Мургаба и пр. Высота бугров колеблется от 1 до 10 м.; всего чаще бугры в 6—8 м. Бугры покрыты довольно обильной растительностью. Между Мургабом и Келифским Узбоем, на север до линии Иолатан-Бурдалык, и в других местах расположены песчаные „степи"; они представляют равнину, иногда слабо всхолмленную и всегда (если не вмешался человек) закрепленную растительностью. На берегу Каспийского моря, на полуострове Дарджа, встречаются дюны; высота их 10—17 м., редко до 20—25 м.

Абсолютные высоты Туркестанской низменности близ юго-вост. берега Каспия расположены ниже уровня океана (уровень Каспия ниже океана на 26 м.). К востоку местность повышается, но еще озеро Топиатан в русле Узбоя лежит всего на 13 м. выше уровня Каспия. У колодца Чарышлы (41°10′ с. ш.) высота ложа Узбоя составляет 74 м. над Каспийским морем. Однако, на севере местность снова начинает понижаться, и мы вступаем в обширную Сарыкамышскую котловину, дно которой лежит ниже уровня океана; низшая точка этой котловины, именно уровень Сарыкамышских озер, осенью 1881 года находился на 12 м. ниже уровня Каспийского моря; глубина в этих озерах до 6 м., так что дно их опускается до 44 м. ниже уровня океана. Обрыв Усть-урта подымается над Сарыкамышской котловиной до 130 м. относит. высоты. На возвышенности Ишек-анкрен-кыр открыты недавно обширные и глубокие впадины, дно коих опускается еще ниже дна Сарыкамышей. К юго-вост. от описанных впадин находится другая, пока мало исследованная; наибольшее понижение ее лежит по линии— колодцы Шиих, Дамлы, водоем Пинхан, колодцы Мирза-чиле, где попадаются высоты до 68 м. ниже уровня океана.

Отложения с пресноводными раковинами поднимаются на склонах Сарыкамышской котловины до абс. высоты в 54 м. Так как осадки древнего Аральского моря встречены до точно такой же высоты (4 м. над уровнем Арала, 54 м. абс. высоты) и так как на такой же высоте (54 м.) находится начало Узбоя, то очевидно, что Сарыкамышский пресноводный бассейн имел некогда соединение с Аральским морем и с Узбоем. Замечательно, что отложения с Cardium edule, которые на берегах Арала подымаются до 54 м. абсолютной высоты, в Сарыкамышской впадине имеются лишь на дне, далеко не доходя до высоты в 54 м. Узбой, таким образом, служил рукавом, соединявшим пресноводный Сарыкамышский бассейн с Каспием. Академик Бартольд полагает, что с половины XIII в. по 1573 год по Узбою текла часть вод Аму-дарьи в Каспийское море. К западу от Аму-дарьи есть, помимо Узбоя, и другие сухие русла. К числу таковых относится Келифский Узбой, начинающийся в пределах Афганистана; в 1911 году в нем была вода, проникшая сюда впервые в 1907 г. благодаря изобилию атмосферных осадков в верховьях рек Балха, Сарыпула и Хулума.

Дельта Аму-дарьи начинается у Нукуса; на западе она отграничена Айбугирской котловиной, на востоке— протоком Яны-су, ныне пересохшим. Рукава дельты беспрестанно изменяются, частью вследствие работы самой реки, частью благодаря деятельности человека, запруживающего или отводящего некоторые рукава. В 1925 году Аму-дарья впадала в море пятью

рукавами: Талдык, Картабай, Медели (Модель), Канд-узяк и Улькун-дарья. В дельте местами возвышаются невысокие горы, каковы Кушкана-тау (99 м. абс. высоты). Южнее дельты лежит хребет Султан-уиз-даг (925 м.), в строении которого принимают участие кристаллические породы.

К восточным берегам Аральского моря, на пространстве между дельтами Аму-дарьи и Сыр-дарьи, примыкает пустыня Кызыл-кум. Она почти сплошь покрыта закрепленными песками. Кое-где попадаются отдельные невысокие горы (Чалпак, Кукча), а также горные хребты (Букан-тау, Арслан-тау), сложенные из массивно-кристаллических пород.

Присырдарьинская низменность расположена на правом берегу Сыр-дарьи, приблизительно от широты г. Туркестана до низовьев Сыр-дарьи. На востоке она отграничена сначала хребетом Кара-тау, а далее к северу уступом Кара-кемир (высотой $1^1/_2$—5 м.); этим уступом на западе оканчивается плато Бедпак-дала.

На юге Присырдарьинская низменность и Кизыл-кумы переходят в лессовые площади; к числу последних относится и Ферганская низина. Последняя имеет около 300 км. в длину и 170 км. в ширину (на меридиане Намангана); вход в низину у Ходжента (320 м. абс. выс.) имеет всего 9 км. в ширину. Дно низины лежит на 350—500 м.; сложенное лессом и песками, оно прорезается во всю длину Сыр-дарьей. По краям низина окаймлена холмами, состоящими из меловых и третичных отложений. Из других лессовых районов упомянем о Голодной Степи, которая расположена между Джизаком и Сыр-дарьей; высота ее 240—290 м.; здесь производятся обширные ирригационные работы. Присырдарьинская низменность на юге переходит в лессовое плато, разрезанное глубокими долинами рек Арыси и Бугуни.

Каракумы аральские лежат у сев.-вост. конца Аральского моря; они тянутся от бывшей почтовой станции Джалавли и почти до Казалинска. Значительная часть их покрыта закрепленными бугристыми песками; высота бугров не более 6—8 м.; сыпучие барханы развиты только там, где растительность уничтожена человеком. Местами в Каракумах встречаются отдельные столовые возвышенности того же типа, что и в Тургайской столовой стране. Западнее Каракумов к Аральскому морю подходят пески Малые Барсуки; низшая точка их по линии ж. д. 62 м. Еще западнее—Большие Барсуки, длина их около 200 км., ширина 10—40 км., южным концом они упираются в северный берег Арал. моря, в заливе Тще-бас.

Пески Муюн-кумы расположены между р. Чу и хребтом Кара-тау; на восток они тянутся до р. Курагаты, притока Чу. Длина песков 530 км., ширина 100—180 км. Высота песков в средней части 300—380 м., т.-е. на 90 м. выше р. Таласа и на 120 м. слишком выше р. Чу. В этих песках много саксаула.

Семиреченская равнина орошается реками Или, Караталом, Биенью, Ак-су и Лепсой. Низший пункт этой равнины, оз. Балхаш, лежит на высоте 345 м. Балхаш, хотя и бессточное озеро, имеет воду пресную; глубина его около 20 м. Северные берега Балхаша скалисты, местами обрывисты; сложенная из кварцита сопка Таргыл подымается до 300 м. над уровнем озера. К южному низменному берегу подходят обширные песчаные пространства, которые между рр. Или и Караталом прорезаны сухими руслами, Баканасами, отходящими от р. Или. По Баканасам обширные заросли саксаула.

Плато Бедпак-дала на юге Акмолинской области сложено из горизонтальных слоев глин и песчаников; на западе оно обрывается к р. Сары-су крутым уступом в 40—60 м., на юге доходит до р. Чу, спускаясь довольно пологим скатом; здесь его высота (абс.) около 130 м.

К зоне пустынь относится еще плато Усть-урт, расположенное между Каспийским и Аральским морями и не относящееся к Туркестанской низменности. Ровная поверхность Усть-урта сложена из горизонтальных сарматских отложений. Со всех четырех сторон Усть-урт окаймлен обрывами и потому представляет собою типичное плато. Восточный обрыв спускается к Араль-

скому морю; под $44^{3}/_{4}$° с. ш. он имеет 240 м. абс. высоты, или 190 м. над Аралом. На западе Усть-урт обрывается к Каспийскому морю обрывами до 180 м. высоты. Поверхность Усть-урта представляет монотонную равнину; кое-где встречаются понижения, занятые песками или солеными озерами. Из песчаных пространств известны пески Сам (абс. высота 75—85 м.), расположенные у озера того же имени, и пески Матай у озера Асмантай-Матай. Высшие точки Усть-урта имеют около 300 м. над Каспием (Каплан-кыр).

Туркестан орошается крупными реками: Аму-дарьей, Зеравшаном, Сыр-дарьей, Чу, Или—но все они принадлежат к внутренним бассейнам, не стоящим в сообщении с океаном. Реки эти берут начало высоко в снежных горах и, протекая по пустыне, теряют громадное количество воды на испарение; много воды берется также на орошение. Максимальное количество воды эти реки несут летом, когда в горах наиболее интенсивно идет таяние льдов и снегов. Аму-дарья у Чарджуя в среднем за 1887—1901 годы несет в секунду 1.993 куб. м. воды, больше всего в июле (старого стиля)—4.747 куб. м., меньше всего в феврале (ст. ст.)—860 куб. м. Вода Аму-дарьи чрезвычайно мутна: в 1911 г. у Керков река пронесла за год около 50 куб. км. воды и около $^{1}/_{5}$ куб. км. наносов, из коих на летнее полугодие приходится 92%; в другие годы наносов еще больше. По этой причине река весьма быстро накопляет в своем русле мели и вследствие большой скорости течения столь же быстро перемещает их. Амплитуда колебаний горизонта Аму-дарьи по среднему и нижнему течению колеблется в пределах 1—3 м. Русло этой грандиозной реки представляет, в сущности, ряд отдельных протоков, разъединенных друг от друга мелями и песчаными островами; в этих отдельных рукавах река течет с различной скоростью, имеет в них различные продольные уклоны и, следовательно, различные уровни. Разность уровней у противоположных берегов может достигать 0,5 м. Сыр-дарья в среднем течении наибольшее количество воды несет в июне, июле, наименьшее—в январе.

Климат зоны пустынь весьма своеобразен: осадков во все сезоны мало (300 мм. и менее), но особенно ничтожное количество их выпадает в зап. Туркестане летом, которое местами бывает совершенно бездождным. Зима прохладная (самый холодный месяц обычно ниже +2°); выпадает, хотя и на короткое время, снег; лето же очень жаркое, в июле в среднем 25°—32°, т.-е. жарче, чем в тропиках (где 24°—28°). В отдельные дни летом на юге температура может доходить до 50° в тени (отмечено в Термезе, на Аму-дарье). Средние максимумы температуры в июле 39°—41°. Почва нагревается летом чрезвычайно сильно, до 70° и выше; 20 июня 1915 года в Репетеке (между Мургабом и Аму-дарьей) отмечено в песке 79°; в Ташкенте почва летом нагревается до 70°. Зимою бывают сильные морозы: даже в южной части—30° и ниже (напр., в Голодной Степи; в Ташкенте бывали морозы до—28°). Воздух летом очень сухой, относительная влажность в июле 50—25%. На северной окраине зоны пустынь наибольшее количество осадков выпадает в мае (на северных берегах Арала два максимума: весной и в ноябре—декабре), в средней части пустынь—в апреле, на юге—в марте; наименьшее количество осадков приходится на лето. Больше всего дней с осадками бывает в апреле (у Казалинска в декабре), меньше всего—в июле—сентябре. Лето местами отличается полным бездождием: так, в Байрам-али (37° 40′ с. ш.) за 10 лет не выпало в течение июля, августа и сентября ни капли дождя, а в 1903 г. дождей не было с июня по ноябрь включительно; распределение осадков в Байрам-али за 1900—1909 г. такое: зима 48, весна 63, лето 1, осень 15, год 128 мм. Пустыни отличаются ясным небом: тогда как в лесной зоне европейской части Союза в среднем 65—75% неба покрыты облаками, в Туркестане всего 35—45%, а летом местами облачность спускается до 5%. В Термезе по двенадцатилетним наблюдениям средняя облачность в августе 3%, число ясных дней в этом месяце

30, число пасмурных 0; в году здесь всего 202 ясных дня и 37 пасмурных. Очень ясное небо также в Мерве, Кушке. Туркестан—это страна солнца. Солнечного сияния здесь много больше, чем в лесистых тропиках; так, в Байрам-али в августе солнечное сияние составляет 94% возможного. Лето и сентябрь в Туркестане отличаются бо́льшим числом солнечного сияния, чем даже Каир (31° 17′ с. ш.). Большое количество солнечного света и тепла в связи с плодородной почвой (а плодородна она потому, что, вследствие скудости атмосферных осадков, не выщелочена) делают Туркестан весьма благоприятным для земледелия, особенно для культуры хлопка. Изобилие тепла способствует накоплению сахара в плодах; своей сладостью славятся туркестанский виноград и изюм, урюк (абрикосы), хивинские дыни. Выпадение осадков весною весьма благоприятно для хлебов; сухость сентября очень выгодна для сбора хлопка и фруктов. Земледелец в Туркестане, при наличии искусственного орошения, может регулировать по своему усмотрению доставку воды растению: ему нечего бояться ни засух, ни избытка влаги. Рядом с болотным растением, рисом, можно разводить растения, требующие мало воды.

Ветры в Туркестане не отличаются, в среднем, особой силой. Очень много штилей; вечером и ночью преобладает затишье. В пустынях, окружающих Аральское море, нередко в летнее время днем дует очень сильный ветер, который, однако, к вечеру успокаивается. В Сыр-дарьинской обл. преобладают северо-восточные ветры, в Туркмении—ветры из северной части горизонта, в Фергане—разнообразные.

Если полупустыня есть область развития бурых почв, то в пустыне преобладающим типом являются серые почвы, или сероземы. Замечательно, что в области пустынь нет (или почти нет) солонцов; между тем, солончаками эта зона весьма богата. На севере пустынной зоны, именно на Усть-урте, на третичных платообразных возвышенностях к северу от Аральского моря, по правобережью р. Чу (Бедпак-дала), мы встречаем серобурые солонцеватые суглинки (иначе—солонцеватые сероземы); с поверхности эти почвы не засолены, но на известной глубине (небольшой) расположен горизонт уплотнения бурого цвета с выделениями карбонатов, а еще глубже присутствует гипс. Далее к югу, ближе к горам, следует область распространения сероземов; это почвы светлого, серовато-буроватого цвета, сильно карбонатные, малогумусные; верхний горизонт (10—12 см.) слоевато-чечевичатый, ниже залегает то комковато-плотноватый горизонт, мощностью 10—15 см., то сразу начинается сильно источенный червями и личинками слой с дырчато-губчатым характером; под этим горизонтом, а иногда уже в нем, замечается выделение карбонатов; ниже 80—100 см. обычно залегает лесс. Мощность почвенных горизонтов типичных сероземов Ташкентского у. 50—65 см. Прежде сероземы Туркестана принимали просто за лесс, говорили о „лессовых почвах", но Неуструев показал, что это неверно: серозем есть нормальная, зональная почва, залегающая чаще всего на лессе, но могущая развиваться и на других породах. Во всяком случае, свое плодородие сероземы, развитые на лессе, получают от лесса. О происхождении туркестанского лесса существуют такие же гипотезы, как и относительно южно-русского (ветровая, делювиальная, почвенная).

В местах, где грунтовые воды имеют возможность достигать поверхности и испаряться, развиты солончаковые почвы. Особенным распространением они пользуются в долинах рек (напр., Сыр-дарьи). Все низменности Туркестана, не занятые лессом и песками, можно отнести к солончаковатой области. Замечательны пухлые солончаки, или кебиры, залегающие в соседстве водоемов, но в местах не заливаемых или редко заливаемых водою; подымающиеся на поверхность соли, преимущественно сернокислый и хлористый натрий, выделяются на поверхности, образуя рыхлый, пухлый слой; ниже, в вязком и мокром слое, находятся в изобилии кристаллы гипса; количество солей в верхнем пухлом слое может доходить до 23%; из ра-

стений на кебирах обыкновенны Tamarix, Nitraria Schoberi, Halostachys caspia и др. „Редкие куртины розовеющих в цвету тамарисков, среди серой поверхности кебира, с коркою, покрытой выцветами белых солей, пробитой и изломанной следами животных и людей—типичнейший ландшафт тугайной (=поемной) полосы“ (Неуструев). В долине Сыр-дарьи большие площади занимают слабосолончаковатые луговые почвы, покрытые чием (Lasiagrostis splendens), ажреком (Aeluropus litoralis), чингилом (Halimodendron argenteum), а иногда древесной растительностью: джиддой и тополем; почвы эти расположены на аллювиальных осадках и засолены лишь с поверхности. На территории древней долины Сыр-дарьи (а также в других местах) часто встречаются такыры,—почти совершенно голые, глинистые площадки, поверхность которых растрескивается при высыхании паркетообразно; поверхность такыра состоит из крупно-пористой корки, под которой лежит более или менее осоленный грунт.

На третичных, послетретичных и современных галечниках и конгломератах, слагающих нередко широкие террасы рек или предгорья, развиты галечниковые пустыни; под галькой находится слоеватая палево-серая глинистая рыхлая корка, ниже переходящая в слабо комковатую, а еще ниже идут слои гипса.

Пески пустыни представляют азональное явление, переносящее нас в более северные зоны. Благодаря способности песков сохранять влагу, на них развивается богатая растительность, кустарниковая и травяная. Следует иметь в виду, что большинство сыпучих песчаных площадей Туркестана есть вторичное явление; они произошли из закрепленных песков благодаря деятельности человека, именно вследствие неумеренного выпаса скота. Предоставленные самим себе, пески при современных климатических условиях закрепляются. Одним из первых пионеров—закрепителей песков в пустыне является злак кияк (Elymus sabulosus) и кустарники из гречишных Calligonum (джузгун), затем деревцо куян-суек (Ammodendron Conollyi, из мотыльковых), селеу (Aristida pennata, злак, растущий кустами до метра высотой), деревцо черкез (Salsola Richteri), сыир-куйрюк (Eremosparton aphyllum), безлистное растение, похожее на казуарину, из мотыльковых некоторые астрагалы. Эти растения покрывают бугристые пески. На песчаных площадях охотно селится белый саксаул, вытесняющий джузгун и черкез; в песках саксаул достигает свыше полуметра в диаметре и 6—8 м. в высоту. Предыдущие данные относятся к закаспийским Каракумам.

Вообще, растительность пустынь отличается многими характерными свойствами. Сплошного растительного покрова летом здесь не бывает: растения далеко расставлены одно от другого, и в промежутках просвечивает голая почва; площадь голой почвы больше, чем площадь под растениями. Весной, однако, в период дождей почва покрывается, иногда сплошь, недолговечным ковром однолетников, т. н. эфемеров, * представленных злаками, осоками и некоторыми двудольными. К средине весны вся эта растительность выгорает и заменяется типичнопустынными сухолюбами (ксерофитами), среди которых много колючих растений и полыней.

Опишем теперь сезонное развитие растительности в песках и для примера возьмем юго-восточную часть Кызыл-кумов. Здесь песчаная степь представляетсобою слабо всхолмленную равнину; на ней местами видны бугры высотой 4—15 м.; грунтовые воды на 4—20 м. Весною развивается богатая злаково-разнотравная растительность: мятлик (Poa bulbosa var. vivipara), костер (Bromus tectorum), пыреи, осоки (Carex stenophylla, C. physodes), маки (Papaver pavoninum, Hypecoum pendulum), астрагалы, Echinospermum echinophorum и др. К началу лета вся эта растительность выгорает, и на смену ей появляется летне-осенняя, вегетирующая с средины мая до осени; это: мотыльковое ак-курай (Psoralea drupacea), джусан (Artemisia maritima), бургун (Artemisia scopariaeformis).

Типом растительности на суглинистых почвах может служить Голодная

Степь между Сыр-дарьей и Джизаком. Она покрыта светлыми сероземами, залегающими на лессе. Высота степи 240—385 м. Раннею весною земля покрыта сплошным невысоким травяным покровом сочной зелени, состоящей из осоки (Carex stenophylla) и мятлика, среди которых выделяются яркие цветы Gagea, Holosteum, Erodium, Veronica, Geranium, Ceratocephalus, Trigonella. В средине апреля они по большей части отцветают, а на смену им распускаются другие виды, между прочим—мак, местами покрывающий землю сплошным ковром, под которым не видать зелени осоки и мятлика. В конце апреля степь начинает слегка желтеть, а к средине мая принимает совершенно летне-осенний облик: осока, мятлик и другие весенние виды исчезают, и почва покрывается грязновато-серым ковром невзрачного, мелкого, стелющегося молочая, Euphorbia chamaesyce („табан-кок"). Этот молочай не образует сомкнутого покрова, а разбросан пятнами в 3—8 см. в диаметре, с промежутками в 3—12 см.; вегетирует он вплоть до осени. Площадь, занятая табан-коком, окаймляется зарослями Diarthron vesiculosum, куян-джуна (Halocharis hispida), ак-курая (Psoralea drupacea), полыни (Artemisia scopariaeformis) и др.

Большие пространства в Голодной Степи заняты солончаками, на которых растут: Statice leptostachya, сарсазан (Halocnemum strobilaceum), Kalidium caspium, куян-джун, тамариск, балык-кузь (Salsola lanata), Kochia prostrata, полынь (Artemisia maritima), Gamanthus gamocarpus, и др.; на влажных солончаковых берегах водоемов массами растет Salicornia herbacea.

На третичных плато, расположенных по северной окраине зоны пустынь и покрытых серобурыми карбонатными суглинками, растительность состоит, главным образом, из полыни (Artemisia maritima terrae-albae и A. turanica), баялыча (Salsola arbuscula), биюргуна (Brachylepis salsa), тас-биюргуна (Nanophyton erinaceum) и Caragana grandiflora var. Steveni; преобладают полыни и баялыч; местами чистые заросли полыни; на поверхности в изобилии лишайник (Aspicilia alpino-desertorum). Очень редко попадаются чахлые кусты черного саксаула. Часто встречаются кустарные солянки: терскен (Eurotia ceratoides), изен (Kochia prostrata), кокпек (Atriplex canum), Anabasis aphylla. Баялыч—это полукустарник, высотой 30—50 см., кусты его на расстоянии ½—2 м. один от другого. Биюргун—это мелкий полукустарник, высотой 10—15 см., тас-биюргун—стелющийся полукустарничек. Полыни имеют в высоту 30—50см., на квадратный метр их 5—10 экземпляров. Карагана растет кустами до 1 м. высотой в небольших понижениях; среди зарослей ее часто встречается полынь (Art. maritima terrae-albae) и ковыль (Stipa caragana).

Тугаи, или поемные леса в долинах рек, состоят из разных видов гребенщиков (Tamarix, джингыл), колючки (Halimodendron argenteum, чингил), тала (Salix), единичных тополей (Populus euphratica, P. pruinosa), джиды (Elaeagnus hortensis). Замечательны заросли высоких злаков в низовьях Сурхана и Вахша: Phragmites communis и Arundo donax достигают иногда высоты в 6—8 м.; кроме них, встречаются еще Erianthus и Saccharum spontaneum; местами эти заросли расстилаются на десятки верст, и в них находят себе убежище тигр и олень.

В долинах рек встречаются солончаковатые луга, покрытые более или менее сплошным покровом дерновин злаков Aeluropus litoralis, Cynodon dactylon, Atropis distans, иногда с невысоким камышом; к ним примешиваются Suaeda maritima, Dodartia orientalis, солодка (Glycyrrhiza glabra), часто образующие целые заросли, Statice Gmelini, St. otolepis, иногда разбросаны отдельно или группами кусты гребенщиков и колючки Halimodendron. Примером щебенчатой пустыни может служить пространство в Фергане к югу от линии ж. д. Веревкино—Федченко, в низовьях речек, не доходящих до Сыр-дарьи. Эту пустыню можно назвать полынно-солянковой. Почва—солончаки и солончаковатые сероземы. Весенняя растительность, выгорающая к концу мая, состоит из мелких злаков и однолетников (Agropyrum orientale

var. lanuginosum, A. squarrosum, Hordeum murinum, Bromus tectorum и др.). В средине июня зацветают типичные пустынные полынно-солянковые растения: Girgensohnia diptera, Kochia prostrata, Arthrophytum Regeli, Salsola, Artemisia maritima, Echinops nanus и др.

Описав растительность пустынь, остановимся вкратце на некоторых характерных растениях. Саксаул, оригинальное дерево пустыни, встречается в двух видах: черный саксаул (Arthrophyton ammodendron) растет на глинистых площадях, достигая до 8 м. в высоту; напротив, белый саксаул (A. acutifolium) свойствен пескам и растет в виде кустарника. Полнота насаждения в саксауловом „лесу" очень невелика: на десятину приходится около 300 дерев (высотой более 2 м.). Попадаются деревья в обхвате 120 см. близ земли. Саксаул, вопреки прежде распространенному мнению, растет довольно быстро: на заброшенных пашнях можно бывает встретить саксаул высотой до $1^1/_2$ м. в возрасте четырех лет. Большие саксауловые заросли еще сохранились в юго-вост. части Каракумов, в Кызыл-кумах, в Перовском у., в Муюн-кумах, между Или и Караталом. Тяжелая древесина саксаула дает превосходное топливо. Замечательны гигантские зонтичные Dorema и Ferula, встречающиеся по окраине пустыни (ближе к горам) от Закаспийской области до Семиречья, а также сасык-курай (Scorodosma foetidum), доставляющий отвратительно пахнущее смолистое вещество (асафетиду); сасык-курай обыкновенен в Голодной Степи, образуя своими саженными стеблями своеобразные заросли; сасык-курай растение многолетнее, но после созревания семян он погибает. В низовьях р. Арыси большие площади занимают заросли дармины или цытварной полыни (Artemisia cina), цветочные головки которой дают сантонин; сбор их производится в начале сентября. На корнях джузгуна (Calligonum) паразитирует гигантская заразиха (Cystanche flava), достигающая высоты до $1^1/_2$ м. В песках встречаются крупные и красивые эремурусы („шириш"), напр., Eremurus Korolkowi. Летом в Голодной Степи ветер перегоняет громадные клубы (величиной в рост человека) перекати-поле, крестоцветного Malcolmia Bungei.

Фауна песков, подобно флоре, отличается своим богатством и разнообразием. Здесь мы встречаем песчаного суслика (Spermophilopsis leptodactylus), желтого суслика (Cynomys fulvus), песчанок (Gerbillus), песчаного хомячка (Cricetulus arenarius), тушканчиков—мохноногого, два вида пятипалых и плоскохвостого, зайцев (Lepus lehmanni и др.), песчаного барсука (Meles arenarius), а из крупных млекопитающих можно встретить кулана (Equus hemionus) и антилоп: сайгу (Saiga tatarica) и джейрана (Antilope subgutturosa). Из птиц для саксаульников, растущих на песках, весьма характерна саксаульная сойка (Podoces panderi), птица из семейства вороновых (по киргизски „кум-таук", „кум-саускан"); пески, и именно бугристые, ее коренное местопребывание; ни на степных горах, ни на глинистых степях она не встечается; из песков она не улетает и на зиму; питается весной и летом личинками жуков и семенами злаков, а осенью и зимой семенами саксаула, джузгуна и других кустарников. В саксаульниках и кустарных зарослях по течению рек встречаются фазаны. Из других птиц пустыни назовем копытку или бульдрука (Syrrhaptes paradoxus), залетающую иногда в Европу, саксаульного воробья (Ammopasser ammodendri), пустыного сорокопута (Lanius assimilis), ворона (Corax umbrinus), далее, перепела, серую куропатку, дрофу, джека и др.; в степных горах водится кеклик, или горная куропатка (Caccabis kakelik). Пески—это царство пресмыкающихся; здесь много черепах (Testudo horsfieldi), масса ящериц: круглоголовки (Phrynocephalus), из которых—оригинальная ушастая (Ph. mystaceus), быстро зарывающаяся в песок, своеобразная ночная ящерица, как бы покрытая чешуей Teratoscincus, геккон (Gymnodactylus), далее, агама (Agama sanguinolenta), способная менять окраску, быстробегающие Scapteira; громадный варан (Varanus griseus, „ичкемер") достигает почти $1^1/2$ метров в длину и может сильно кусаться. Из змей характерны

небольшой степной удав (Eryx miliaris) до полуметра длиной, стрела-змея (Taphrometopon lineolatum, „ок-джилан“), тонкая и длинная змея, названная так за необычайную быстроту своего передвижения, на юге Туркмении (а частью и восточнее) очковая змея (Naja tripudians). Из паукообразных изобилуют скорпионы и фаланги. Из жуков в песках много бескрылых жужжелиц (Discoptera), похожих на тараканов; характерны точно осыпанные мукой Rhizotrogus, личинки коих питаются корнями джузгуна; прозрачные и рыжеватые, под цвет песка, Ammozoum; крупная черная с белым чернотелка (семейство Tenebrionidae) Sternodes caspia, одно из характернейших песчаных насекомых; далее—саксаульный дровосек (Turcmenigena).

В тугаях, прибрежных камышах и в речной пойме живет тигр, местами изобильный (напр., в дельтах Аму-дарьи и Или), местами же оттесненный (напр., в низовьях Сыр-дарьи, где он попадался еще в середине 19 в.); тигр охотится на кабана, который встречается массами и в дельте Аму-дарьи сильно вредит посевам. В зарослях камышей живет камышевый кот (Catolynx chaus), по Аму-дарье бухарский олень (Cervus bockhariensis). В кустарниках в поймах рек много фазанов разных видов (по Аму-дарье Phasianus chrysomelas, по Зеравшану Ph. zarafschanicus, по Сыр-дарье и в Семиречье Ph. mongolicus, по Теджену и Мургабу, а также по Аму-дарье, Ph. principalis). В камышах же размножается азиатская или перелетная саранча (Locusta migratoria). Поймы рек являются гнездилищем бесчисленного количества комаров. На глинистых и лессовых пространствах встречаются суслики, песчанки, степная пеструшка, тушканчики, слепушонки, ежи, лисица, барсук, волк, степной кот манул (Trichaelurus manul), хорек, черепаха, из ящериц круглоголовки и др. Суслик (Cynomys fulvus oxianus)—это, по выражению Кашкарова, такой же эфемер пустыни, как некоторые растения: в марте он выходит из нор, нагуливает жир, размножается и в конце мая, когда растительность выгорает, снова залегает в свои норы, где засыпает на 9 месяцев, вплоть до следующей весны. Таков же цикл жизни и у пустынной черепахи (Testudo horsfieldi). Из насекомых отметим термитов, местами приносящих значительный вред.

Водная фауна заключает смесь европейских форм (лещ, сазан, судак, сом, щука, жерех — все в Аральском море) с своеобразными туркестанскими, каковы свойственные Аму-дарье и Сыр-дарье лопатоносы или скафиринхи (Pseudoscaphirhynchus), своеобразные осетровые, ближайшие родственники коих водятся в Сев. Америке. В Аральском море распространен шип (Acipenser nudiventris), осетровая рыба, свойственная также Каспийскому и Черному морям, а также усач (Barbus brachycephalus), составляющие предмет промысла. В Балхаше изобилуют маринка, рыба из карповых (Schizothorax argentatus) и особый балхашский окунь (Perca schrenki). В реках Туркестана подавляющее большинство рыб принадлежит семейству карповых; но замечательно, что из Аральского моря изредка в Аму-дарью входят единичные особи лосося. Близ города Туркестана (и только в этом месте) водится туркестанский речной рак (Potamobius kessleri).

Упомянем еще о некоторых туркестанских животных, о которых мы не говорили выше. В Закаспийской области встречается шакал, гиена, степная кошка (Catolynx caudata), каракал (Caracal caracal), гепард (Cynaelurus jubatus), медоед (Mellivora indica). Из пауков в Туркестане известен ядовитый каракурт (Lathrodectes tredecimguttatus), особенно опасный для верблюдов и лошадей.

Обширные пространства пустынь самой природой предназначены для скотоводческого хозяйства. С другой стороны, земледелие здесь возможно только при условии искусственного орошения. Отсюда постоянное противоположение между кочевниками и оседлым населением. Коренное население Туркестана, принадлежавшее к иранской группе народов, было оседлым. Хорезмиец Бируни в сочинении, написанном в 1000 г. по Р. Х., упоминает о двух культурных народах иран-

ского происхождения, согдийцах и хорезмийцах (Согд—это область Зеравшана, Хорезм — Хива). В настоящее время иранское население по большей части оттеснено в горы; на низинах таджики, как называют здесь коренных иранцев, живут в Самарканде (в смеси с населением, говорящим по-турецки), местами по сев. склону гор Нура-тау, а также в Фергане (вперемежку с сартами). По таджикски говорят и в городе Бухаре. В Фергане около 150 тыс. таджиков, в Ходженте 40 тыс., в Самарканде 60 тыс. Таджикский язык близок к персидскому, но кое-что заимствовал от соседей, говорящих на турецких языках. Таджики исконные земледельцы, мусульмане-сунниты. В окрестностях Самарканда и Джизака живут ирани, переселенные сюда бухарским эмиром Маасумом в конце 18 в. из Мерва; они говорят на наречии таджикского языка, шииты; $5^1/_2$ тыс. (Зарубин). Далее, можно отметить, что в городах Туркмении живут персы (35 тыс.); на наречии персидского языка говорят среднеазиатские (бухарские) евреи (15 тыс.), которые живут в г. Бухаре, в Самаркандской обл. и в небольшом количестве в Фергане; наконец, цыгане („люли"), живущие, главным образом, в Фергане (около 500 душ), говорят по таджикски, мусульмане.—Русских, живущих преимущественно в городах, около 500 тыс.

Переходим к турецким (по языку) народам; все они мусульмане-сунниты. Всю северную часть зоны пустынь населяют киргизы (сами себя они называют казак), составляющие большинство населения в Киргизской (Казакской) республике; они говорят на языке, относящемся к кипчацкой группе турецких языков (к этой же группе принадлежат языки казанских татар, башкир и др.); всего в пределах пустынной зоны киргиз свыше 1 миллиона. Каракалпаки живут в нынешней Каракалпакской обл. (б. Хива и Аму-дарьин. отдел) в количестве около 130 тыс.; кроме того, часть их обитает в центральной части Ферганы (у слияния Кара-дарьи с Нарыном и по Сыр-дарье), около 10 тыс. Оседлы, занимаются земледелием, скотоводством, рыболовством. Оседлое, коренное население оазисов Туркестана, говорящее на турецком языке, принадлежит к двум народам, узбекам и сартам; оба эти народа говорят на одном и том же узбекском или сартовском языке, относящемся к чагатайской (джагатайской) группе, но происхождение их совершенно различно: узбеки появились в Туркестане лишь в первой половине 14-го века; это турецкая народность, в основе кочевники, с течением времени осевшие на землю и ставшие земледельцами (местами, впрочем, еще сохранились кочевые привычки); у узбеков до сих пор сохранились родовые деления. Между тем, сарты—это отуреченные иранцы; это те же таджики, но воспринявшие турецкий (узбекский) язык. Сами себя сарты не называют этим именем (на вопрос о национальности сарт отвечает: „мусульманин", или—по местожительству: „ташкентец", „андижанец" и т. п.); слово сарт индийского происхождения и употреблялось в XI в. в смысле „торговец". Монголы называли сартами преимущественно таджиков. Бабур (автор начала XVI в.) туркам Ферганы в отношении языка противополагает „сартов", т.-е. таджиков. После завоевания Туркестана узбеками (в XVI в.), сартами стали называть оседлое население как говорившее на персидском, так и на турецком языках. У русских укоренилось имя сартов за оседлым населением Туркестана, говорящим на турецком языке, хотя Наливкин, знаток Ферганы, говорит, что „оседлое население этой области, или сарты, состоят из узбеков и таджиков". Как бы то ни было, сарты и узбеки это два разных народа, говорящие на одном и том же языке. В настоящее время, с учреждением Узбекской республики, оба эти народа приняли официальное название узбеков. Наша статистика плохо различала сартов и узбеков; для обывателей русских, всякий оседлый абориген Туркестана, на каком бы языке он ни говорил, раз он только мусульманин, был сарт. Узбеков исчисляли в 2 милл. душ, при чем большую часть их помещали в Самарканд-

скую обл., Бухару и Хиву; для сартов же оставляли Фергану и южную часть Сыр-дарьинской обл. Точное разграничение—дело будущего. Количество сартов исчисляли весьма приближенно в 1 милл. Сарты—исконные земледельцы, весьма опытные в проведении оросительных каналов; охотно занимаются торговлей. Оседлое население городов Вост. Туркестана (Кашгар, Яркенд и др.) это те же сарты; выходцы из Вост. Туркестана живут в Фергане, главным образом в Маргеланском и Андижанском у., под названием кашгарлыков (около 45 тыс.), в Семиречье — таранчей. Таранчи (60 тыс.) живут в Верненском и Джаркентском у., куда переселились во второй половине XIX в. из Кульджинского края; это земледельцы. В бассейне Ангрена и в Ходжент. у. живет курама; это смесь киргизов, узбеков и др.; их свыше 60 тыс.; земледельцы. В Фергане (главным образом в Андижанском у.) живут кипчаки, в количестве $4^1/_2$ тыс.; они близки к узбекам, сохранили родовые традиции; занимаются земледелием и скотоводством. В Самаркандской обл. и в Фергане есть народность, называющая себя турками; они сохранили родовую организацию и ведут полуоседлый образ жизни; по данным переписи 1917 г. в Фергане турков всего 7 тыс.; это, повидимому, узбеки. В городах живут пришлые из Евр. России казанские татары (22 тыс.). Туркмен в Туркестане 267 тыс. Они населяют нынешнюю Туркменскую республику (Туркменистан): б. Закаспийскую обл., частью в Хиве, в б. Амударьинском отд., затем по берегам Амударьи. Туркмены говорят на турецком языке туркменской группы, куда, кроме того, относятся адербейджанские татары, турки-османы и др. Туркмены разделяются на много племен: теке, или текинцы, живут в оазисах Ахалтекинском (от Кизил-арвата до Гяурса), Атекском (к юго-востоку от Полторацка, б. Асхабад), Тедженском и Мервском; сарыки по Мургабу в Иолатанском и Пендинском оазисах; салоры в Серахском оазисе; иомуды по Сумбару, Атреку и в прилегающих частях Красноводск. у., также в б. Амударьинском отделе; гокланы и др. Туркмены сохранили родовое устройство. Часть их занимается земледелием, часть кочевники; есть и полукочевники, лето проводящие у посевов, а на зиму уходящие вместе со стадами в пески.

Арабы, некогда покорившие Туркестан, ныне почти окончательно смешались с узбеками. Где арабы сохранились, они по большой части говорят по узбекски или по таджикски. Арабы есть кое-где в Бухаре, в Хиве, в Самарканд. и Каттакурганском у. Всего, вероятно, около 12 тыс.

Дунгане — это китайцы, исповедующие мусульманство. Они бежали в Семиречье во второй половине 19-го столетия из Кульджинского края, во время жестокого подавления китайцами дунганского восстания. Их всего около 18 тыс., в Джаркентском, Верненском и Пишпекском у. (в последнем $10^1/_2$ тыс.); немного дунган есть и в Аулиеатин. у. Дунгане превосходные огородники.

Куро-араксинская пустыня расположена в Вост. Закавказье, в низовьях Куры и Аракса; по Куре она простирается вверх до Евлаха, по Араксу тянется до зап. границы Бакинской губ. Эта низменность, частью залегающая ниже уровня океана, сложена аллювиальными наносами Куры и Аракса. К пустыне же можно отнести и Апшеронский полуостров, знаменитый своими месторождениями нефти. Климат этой пустыни отличается мягкими зимами: температура января около 2° или немного выше: Баку (абс. высота 2 м.) +3,4°, Алят (—15 м.) 2,8°, Сальяны (—17 м.) 1,9°, Кюрдамир (8 м.) 1,4°. Снегового покрова почти нет; число дней со снеговым покровом в Джевате 11, в Сальянах 14; растительность на Мугани пробуждается уже в январе. Лето жаркое, температура самого теплого месяца выше 25° (июль: Баку 26,0°, Сальяны 26,7°, Кюрдамир 28,3°). Осадков менее 300 мм.; лето сухое, максимум осадков приходится на весну, лишь в Баку на зиму (в Баку зима—78 мм., весна—56, лето—18, осень—75, год—228; максим. ноябрь—30, июль—5 мм.). Мягкость зимы позволяет кочевникам держать всю зиму скот на подножном

корму. Благодаря жаркому лету процветают культуры хлопка, винограда, кунжута. Почвы пустынного типа: сероземы, нередко солонцеватые; необычно для пустынь присутствие столбчатых солонцов. Главный период вегетации приходится на весну и начало лета. Весенняя растительность, заканчивающая свое развитие к апрелю, состоит из мелких однолетников; ее на короткое время местами сменяет покров из злаков (Hordeum murinum, Bromus, Lolium, Poa bulbosa var. vivipara), которые местами, напр. в Ширванской степи, образуют недолговечный травяной покров. В мае господство получают многолетники, среди коих преобладают полыни (Artemisia maritima и A. fragrans var. phyllostachys). Иногда полынь представляет единственный покров. Кустики полыни не образуют сплошного ковра, оставляя в промежутках пространства голой почвы. На слегка засоленных почвах к полыни присоединяется в большом количестве „караган" (Kochia hyssopifolia). В низовьях Аракса, а также южнее станции Кюрдамир встречается лотос, Nelumbo nucifera. Из животных отметим антилопу-джейрана (Gazella subgutturosa), шакала, гиену, по рекам камышевого кота (Catolynx chaus); в болотах среди камышей водится кабан; характерны тушканчики (Alactaga williamsi и A. elater) и заяц (Lepus cyrensis). Из птиц здесь встречаются фламинго (Phoenicopterus roseus), каравайка (Ibis falcinellus), щурки (Merops apiaster и M. persicus), турач (Attagen orientalis), фазан (Phasianus colchicus); много змей, ящериц, черепах. Из домашних животных отметим буйвола и верблюда.

Население—адербейджанские татары; говорят на одном из турецких языков (близком к османскому и туркменскому); занимаются земледелием, скотоводством, рыболовством, работой на бакинских нефтяных промыслах. Оседлы, частью кочевники; по религии мусульмане-шииты, частью сунниты. Шахсевены, турецкое племя, в небольшом количестве кочуют в Муганской степи на границе с Персией. В Баку живет небольшое число персов, говорящих на персидском языке (фарси), и много русских. На Апшеронском полуострове живут в довольно большом количестве (несколько десятков тысяч) таты, народ, принадлежащий к иранской группе и говорящий на языке, близком к персидскому (фарси); мусульмане-шииты; оседлые земледельцы и скотоводы; частью слились с адербейджанскими татарами.

Апшеронский полуостров сложен отложениями, начиная от эоцена и кончая постплиоценом. Нефть залегает преимущественно в плиоценовой песчано-глинистой „пресноводной" или „продуктивной" толще, расположенной между акчагыльским ярусом вверху и понтическим внизу; мощность этой сильно дислоцированной толщи не менее 1.100 м. Главные места добычи нефти: Балаханы, Сабунчи, Раманы, Биби-эйбат, Сураханы, Бинагады и др. В 1913 г. добыто 7,65 миллионов тонн, в 1923 г.—около 5 милл. тонн.

Куро-араксинская равнина и Апшеронский пол-в только предположительно, за недостатком подробных исследований, помещены в зону пустынь умеренного климата. Быть может, их правильнее отнести к субтропическим полупустыням (или субтропическим степям).

8. **Зона субтропических лесов** на низинах Союза представлена в Закавказье: 1) Колхидской низменностью, 2) Талышинской низменностью.

1) *Колхидская низменность* расположена по нижнему течению Риона вверх, приблизительно до Кутаиса; на север идет до устья Кодора, на юг до Кобулет. Эта низменность, полого спускающаяся к морю, на большом протяжении сильно заболочена. В низовьях Риона, в двух верстах от моря, среди торфяных болот расположено озеро Палеостом (Палиастоми), повидимому бывшее раньше морским заливом. Климат Колхиды влажный и теплый; осадков много, свыше 100 см., местами до 250 см.; такого большого количества осадков не выпадает нигде в России. Распределены они более или менее равномерно в течение всего года, сухого периода нет. Минимум осадков приходится на май, максимум же на разные месяцы: на август в ни-

зовьях Риона, на конец осени в др. местах, на декабрь в Кутаисе. Облачность наибольшая зимой и весной, наименьшая—на севере в августе, на юге в октябре; годовая амплитуда облачности не велика: в Поти средняя годовая 62, макс. январь и февраль 69, мин. октябрь 55. Зима очень умеренная, средняя температура января от+5° до+6°, так что вегетация продолжается и зимой. Но бывают и морозы: в Поти в марте 1874 г. и в январе 1925 года были морозы до—11,5°; в среднем в Поти за год бывает один день, когда максимальная температура ниже 0°. Средняя температура июля 24°, годовая амплитуда очень мала, 18°, меньше, чем где бы то ни было в Союзе. Осень весьма теплая: октябрь теплее апреля в Поти на 4,7°, в Кутаисе на 3,8°. О теплоте здешней осени можно судить по тому, что в южной части кавказского побережья вода в море имеет на поверхности в сентябре 22,0°, в октябре 18,3° и в ноябре 13,5°. Ветры носят муссонный характер: летом влажные и прохладные с моря, зимою сравнительно теплые и вместе с тем сухие с суши. По этой причине, как указал Воейков, относительная влажность в зап. Закавказье в теплый сезон больше, чем в холодный (в других местах обычно бывает обратно): в Поти летом 82%, зимой 72%. Восточный муссон приобретает нередко характер фена. Зимой в Кутаисе в среднем один из трех дней бывает с феном; в декабре здесь 15 дней с феном, меньше всего в июле (3,4 дня), за год 114 дней.

Нижние течения Ингура и Риона, а также приморская полоса между ними, заняты аллювиальными полуболотными и болотными почвами. В нижней части предгорий — реликтовые красноземы, чередующиеся в понижениях с подзолистыми почвами. Вследствие изобилия влаги, почвы бедны не только растворимыми минеральными веществами, но и гумусом.

Растительность—густые леса из широколиственных пород с опадающей листвой: грабы, дубы, благородный каштан, ясень, местами бук, ольха, клен, липа, хмелеграб (Ostrya carpinifolia, дерево, близкое к грабу), вяз и др., из хвойных один тис (Taxus baccata). Между деревьями масса вьющихся и лазящих растений, делающих лес иногда совершенно непроходимым без топора. Особенно характерно присутствие настоящих лиан: ломоноса (Clematis vitalba), винограда (Vitis vinifera), обвойника (Periploca graeca), сассапарили (из лилейных, Smilax excelsa). Деревья обвиты массами плюща (Hedera colchica). Не менее характерен густой подлесок из вечнозеленых пород: лавровишни (Prunus laurocerasus), рододендрона (Rhododendron ponticum), падуба (Ilex aquifolium), самшита (Buxus sempervirens), а также кустарника с опадающей листвой—кавказской черники (Vaccinium arctostaphylos). Болота у Поти поросли сплошным ольховым лесом (Alnus glutinosa), к которому примешивается верба (Salix fragilis), лапина (Pterocarya fraxinifolia) и фиговое дерево (Ficus carica); все эти деревья переплетены гирляндами колючей сассапарили, хмеля, ежевики, обвойника, совершенно преграждающих путь среди массы луж; где чуть повыше, растет дуб (Quercus pedunculata), граб (Carpinus betulus), бук (Fagus orinetalis) и груша (Pirus communis); здесь деревья тоже перепутаны сассапарилью, хмелем, ломоносом, плющем. Рост растительности весьма буйный: в Гурии, по р. Чолоку, говорит Медведев, местность, бывшая под кукурузным полем, в один-два года зарастает трехсаженным молодняком ольхи и лапины, так что только по остаткам сухих стеблей кукурузы в чаще дерев можно узнать, что тут были посевы. Чрезвычайно быстро разрастается папоротник-орляк (Pteris aquilina), достигающий в одно лето 2 м. высоты и играющий здесь роль трудно истребимой сорной травы. Весьма характерны для Колхиды, а также для Талыша, два дерева—это лапина (или лапани, Pterocarya fraxinifolia), из семейства ореховых (Juglandaceae), предпочитающая сырую почву по берегам рек и окраинам болот, и дзелква (Zelkova crenata) из вязовых (Ulmaceae), произрастающая по более сухим и повышенным местам, преимущественно в дубовых насаждениях. Твердая и плотная древесина дзелквы отличается

большими достоинствами, как поделочный и строительный материал. Лапина растет очень быстро и в 10 лет достигает 10—12 м. высоты, а в возрасте около 200 лет—до 30 м.; мало прочная древесина ее идет на разные поделки, а луб на подвязывание лоз и т. д. Из других характерных колхидских растений отметим Rhamphicarpa Medwedewi, распространенное в Мингрелии, Самурзакани и Абхазии; это небольшое полупаразитное однолетнее растение с крупными белыми пахучими цветами принадлежит к тропической группе семейства норичниковых (Scrophulariaceae). Другое любопытное растение—это водяной орех (Trapa colchica). Около озера Палеостом встречается громадный древовидный папоротник (Osmunda regalis). Ближе к горам ольхи на низменности нет, а растет дуб, граб, дзелква, боярышник, азалея, орешник, каштан, граб (Carpinus orientalis), гранат и др.

Из культурных растений здесь распространены кукуруза, табак, частью хлопок. Несмотря на то, что Колхида родина винограда, лоза дает здесь, из-за обилия осадков, вино слабое и без букета, виноград страдает здесь от грибных болезней. Инжир (Ficus carica), гранат, айва, грецкий орех, хурма (Diospyros lotus), яблоня, груша растут здесь дико или в одичавшем виде, разрастаются быстро, но дают плохие плоды, ибо обилие влаги вызывает сильное развитие вегетативных органов. Возможны культуры чая, апельсинов, лимонов, мандаринов, бамбука.

Фауна млекопитающих и птиц не отличается богатством. Здесь встречается фазан (Phasianus colchicus). Из рыб характерен усач (Barbus escherichi), колхидская храмуля (Varicorhinus sieboldi), голавль, шамая, рыбец (Vimba vimba tenella); много моллюсков, многоножек, особый речной рак (Potamobius colchicus), масса малярийных комаров, отчего рионская низина является рассадником малярии. Встречаются два скорпиона: Euscorpius italicus (средиземноморский) и Eu. mingrelicus. Из домашних животных упомянем о буйволе.

К северу от Риона и вплоть до Ингура и Цхенис-цхали живут мингрельцы (мингрелы, мегрелы), 280 тыс.; племя, близкое к грузинам (картвелам), но говорящее языком, хотя той же группы, но особым; православные; занимаются земледелием. К югу от Риона, в Озургетском у., живут гурийцы, 80 тыс., грузинское (картвельское) племя; православные. По Риону выше впадения в него Цхенис-цхали живут имеретины, 550 тыс., грузинское племя; занимаются земледелием, садоводством; православные. Из хлебов наибольшим распространением в Рионской низменности пользуется кукуруза, затем просо (гоми); много бобов (лоби). Основной пищей служат хлеб из кукурузы, вареные бобы и просяная каша.

Пространство между Ингуром на юге и Кодором на севере носит название Самурзакани. На юге здесь живут мингрельцы или, лучше сказать, оминглившиеся абхазы; на севере Самурзакани обитают абхазы (20 тыс.), народ яфетического происхождения, говорящий на языке, близком к черкесскому и кабардинскому. Абхазы частью православные, частью мусульмане, занимаются земледелием (кукуруза, частью просо и пшеница), садоводством, виноградарством, скотоводством, пчеловодством.

2) *Талышинская низменность* (или Ленкоранская) расположена в Ленкоранском у., к югу от Муганской степи, в виде узкой полосы шириной в 5—30 км. и длиной до 100 км., между Каспийским морем и Талышинскими горами; орошается речками Виляжчай, Ленкоранка, Путасар-чай, Астара (последняя на границе с Персией). Низовья этих рек сильно заболочены. Осадков много, около 1.200 мм. в год; больше всего дождей в сентябре и октябре, меньше всего в июне. В среднем за 1847—1904 г. в Ленкорани выпадало 1.252 мм. осадков, больше всего в сентябре, 216 мм., меньше всего в июне, 24 мм.; но случается, что за все лето выпадает менее одного мм. дождя. Лето жаркое, зима умеренная (в Ленкорани, под $38^3/_4°$ с. ш., июль 25,6°, январь +2,8°). Но бывают и очень суровые зимы; так, в январе 1925 г. температура в Ленкорани опускалась до —15°, Аракс и Кизил-агачский залив замерзали, и погибла масса водяной

дичи (тысячами погибли фламинго). Ветры носят в Ленкорани муссонный характер: летом и весною преобладают ESE и SE, т.-е. ветры с моря, зимою же (с ноября по февраль) WNW, т.-е. ветер с суши. Эти изменения в направлении ветров находятся в зависимости от соответственного распределения атмосферного давления. Ветры с суши являются в виде фенов, теплых и сухих, спускающихся с гор ветров; они зимою повышают иногда температуру до 19°. Отметим еще, что на побережье летом хорошо выражены бризы.

Низменность покрыта лесом, гл. обр. из эндемичного каштанолистного дуба (Quercus castaneaefolia) и эндемичного же железного дерева (Parrotia persica), названного так за плотную, тонущую в воде древесину. Кроме того, здесь растут ольхи (Alnus glutinosa subsp. и A. cordifolia), лапина, клен (Acer insigne), дзелква, в подлеске самшит. Более сухие места порастают, кроме упомянутого дуба, ильмом (Ulmus campestris), грабом, ясенем, хурмой, эндемичной гледичией (Gleditschia caspica), эндемичной шелковой акацией (Acacia julibrissin), боярышником, айвой, мушмулой (Mespilus germanica), алычей, гранатником. В общем эти леса напоминают колхидские; сходство еще более увеличивается благодаря изобилию лиан: винограда, сассапарили, обвойника; есть также колхидский плющ. Но в Талыше нет рододендронов, нет Staphylea; вместо колхидских ежевик здесь Rubus raddeanus, вместо Ruscus aculeatus—R. hyrcanus.

На побережье есть пресные и солоноватые озера и озерки, т.-н. „морцы" (от слова „морцо"), отделенные от моря дюнами. Эти водоемы порастают тростником (Arundo donax), достигающим высоты до 2 м.; массами встречается здесь водяной орех (Trapa natans), есть также Salvinia natans, Marsilia. Самое длинное морцо тянется от устья Кумбашинки до Ленкорани. Дюны покрыты густыми зарослями ежевики (Rubus raddeanus), нередко выше человеческого роста; это почти вечнозеленое растение цветет и приносит плоды вплоть до конца декабря. На прогалинах здесь растут кусты гранатника, корявые ильмы, одичалая шелковица, дикая груша, алыча (Prunus insititia, Pr. divaricata), боярышник; все это перевито лианами сассапарили и обвойника. Ягодами ежевики охотно питается фазан (Phasianus colchicus); за ним в зарослях ежевики и в камышах охотится камышевый кот (Catolynx chaus). Цветы гледичии привлекают массу пчел, а пчелы—целые стаи птиц-пчелоедов. Охотясь за многочисленным на низинах Талыша кабаном, сюда проникает тигр (чаще он встречается у с. Пришиб). Как на низинах, так и в горах есть барс (Leopardus pardus tullianus). Попадается и дикобраз (Hystrix hirsutirostris). Озеро Каладагны (к югу от Ленкорани) прежде славилось обилием лебедей. На о-ве Сара (к югу от Кизилагачского зал.) была прежде громадная колония каспийской чайки (Sterna caspia), яйца которой составляли предмет промысла (площадь, десятин в 10, была в 1908 г. сплошь занята гнездовьями чайки). В морце между Ленкоранью и Кумбашами масса зимующей птицы (лебедей, ныне истребленных, уток, лысух, куликов); здесь же гнездится чрезвычайно любопытная южная птица—султанская курица (Porphyrio poliocephalus); встречаются каравайки, фламинго, а также гальциона (Halcyon smyrnensis). Из насекомых ленкоранских лесов укажем на замечательного жука-усача (Parandra caspia), распространенного по южному берегу Каспия, от Астрабада до Ленкорани; другие виды этого рода свойственны, гл. обр., неотропической области. Из домашних животных отметим быка-зебу.

Население — т а л ы ш и, говорящие на языке, близком к персидскому (фарси). На низинах занимаются земледелием, разводя, гл. обр., рис; занимаются также шелководством, садоводством и пчеловодством. Питаются, гл. обр., рисом и молочными продуктами. Мусульмане-шииты. В отношении языка подвергаются сильному влиянию адербейджанских татар. Всего талышей, как на низине, так и в горах, около 68 тыс. Есть талыши и на Мугани, где они кочуют.

II. Горные ландшафты.

Переходим к описанию горных ландшафтов, при чем, чтобы не терять связи с предыдущим, начнем с горных ландшафтов Кавказа.

Кавказ (*ср. XXIII*, 48—80). Предкавказье, в общем, представляет продолжение южнорусских степей и полупустынь. Но в средней части оно повышается, образуя *Ставропольское плато* (г. Стрижамент 827 м.) из пород третичного возраста, образующих пологую антиклиналь; это плато, служащее водоразделом между бассейнами Кубани, с одной стороны, и Терека и Кумы, с другой, отделяет западное Предкавказье от восточного. *Главный Кавказский хр.* тянется от Анапы (на Черном м.) на ВЮВ.; за восточный конец принимают гору Ильхи-даг близ впадения р. Сумгаит в Каспийское м. ($40^1/_2°$ с. ш.). Длина хребта свыше 1.100 км. Наиболее высокая часть—между Эльбрусом и Казбеком, где средняя высота гребня 3.500—3.600 м.; почти на всем этом протяжении хребет подымается выше снеговой линии. Высшая точка хребта двухвершинная гора Эльбрус (5.629 и 5.593 м.); это потухший вулкан; с Эльбруса спускается 22 ледника, общей площадью в 144 кв. км.; ледники и снега Эльбруса питают Кубань и некоторые притоки Терека. Из других гигантов отметим Дых-тау (5.198 м.), Коштан-тау (5.145 м.), Казбек (5.043 м.) и др. В составе Гл. Кавказского хр. можно отличить Водораздельный хр., не пересекаемый реками, и примыкающие к нему хребты, иногда более высокие, чем Водораздельный. К западу от Крестового перевала (2.379 м.) Водораздельный хр. на значительном протяжении покрыт вечными снегами и ледниками, и многие вершины его превосходят высоту Монблана. Восточнее Крестового перевала Водоразд. хр. понижается, и в нем отсутствуют граниты; только в некоторых вершинах (Базар-дюзи, 4.487 м. и др.) он достигает снеговой линии и покрыт ледниками. Восточным продолжением Кавказского хр. являются возвышенности Апшеронского полуострова, не превосходящие 300 м. К северу от Водораздельного хр. располагается ряд цепей, прорезаемых реками; им дают названия хребтов Бокового, Скалистого или Черного, Пастбищного и Лесного. Боковой хребет, расположенный километрах в 10—30 к северу от центральной части Водораздельного, местами выше последнего; он начинается на западе массивом Эльбруса и кончается на востоке у Шах-дага (4.245 м.); не на всем своем протяжении он ясно выражен. Высочайшие вершины Кавказского хр. расположены в Боковом хр.: Эльбрус, Дых-тау, Адай-хох, Казбек и др. Хребты, лежащие к северу от Бокового, гораздо ниже, нигде не достигая снеговой линии. Черный хр., названный так за отсутствие снега летом, хорошо выражен от истоков Кумы до Терека; он достигает сравнительно большой высоты против Алагира (Кионхох, 3.423 м.) и Владикавказа; гора Бермамыт (2.591 м.), в 30 км. от Кисловодска, славится дивным видом на Эльбрус.

Подобно тому, как на северном склоне Водор. хребта, и на южном имеются второстепенные цепи; это, считая с севера, Гагринский хр. (до 3.200 м.), Бзыбский, Кодорский, Сванетский (до 4.000 м.), Лечхумский, Рачинский. Все эти хребты на востоке примыкают к Водораздельному, на западе же доходят или почти доходят до Черного м. В восточной части Водораздельного хр. к нему примыкают хребты Карталинский (между Арагвой, Курой и Иорой) и Кахетинский (между Иорой и Алазанью).

Наиболее известные и удобные перевалы через Главн. Кавказский хр. следующие: Крестовый (2.379 м.) на Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис, Мамисонский (2.825 м.) на Военно-Осетинской дороге из Алагира в Кутаис, Клухорский (2.813 м.) на Военно-Сухумской дороге из Баталпашинска в Сухум.

Оледенение Кавк. хр. весьма значительно: ледники, числом около 1.400, покрывают площадь в 2.000 кв. км.; самый крупный ледник—Дых-су, спускающийся с гор Дых-тау и Шхара, длина его свыше 15 км.; следующие по величине—Безенги и Карагом; ледники южного склона короче (самый

крупный Лекзыр в Сванетии, в бассейне Ингура, длиною в 13½ км.). Ниже всех ледников спускается Лекзыр, до 1.734 м., затем Карагом (система Уруха): до 1.765 м. С Казбека спускается Девдоракский ледник длиной до 5½ км., известный по завалам, разрушающим Военно-Грузинскую дорогу. В ледниковое время ледники доходили до высоты в 800 м., но на равнины не спускались. *Землетрясения* на Кавказе нередки; особенно часты они в Шемахе, которая испытала сильные землетрясения в 1859 и 1902 годах.

Эпохи складчатости на Кавказе приходятся на нижнепалеозойское время („каледонская“ складчатость), на верхнепалеозойское и начало мезозойского („герцинская“) и на конец третичного („альпийская“). Сложенные из третичных пород передовые цепи Кавказского хребта возникли лишь в конце плиоцена. Водораздельный же и Боковой хребет заложены еще в нижнепалеозойское время. Кроме того, в области Кавказского хр. происходили поднятия, о чем можно судить, напр., по тому, что местами встречаются почти горизонтальные плейстоценовые галечники и еще более молодые лавы на высоте, превосходящей 3.000 м. (Кюген-кая, Кумбаши и др.).

В районе Железноводска среди плоской безлесной степи подымаются 17 уединенных гор, называемых *пятигорскими лакколитами*: Бештау 1.380 м., Машук 1.200 м., Железная 855 м. и др. Ядро гор сложено из изверженных пород порфиритового строения; у подножия этих гор третичные породы более или менее приподняты, иногда образуя угол в 40°—50°, вместо обычных на равнине 2°—3°. Излияния лав произошли или после среднего олигоцена или после нижнего миоцена. Следует отметить, что на Машуке и Лысой совершенно нет выходов изверженных пород, но таковые, очевидно, залегают неглубоко под поверхностью земли.

Д а г е с т а н заполнен многочисленными хребтами, из коих отметим Андийский на водоразделе Сулака и Терека (до 2.876 м.). Продолжением его служит Гимринский хр., от которого Андийский отделен узким и глубоким (до 500 м.) Сулакским каньоном. На водоразделе между Андийским и Аварским Койсу находится Богосский хр., достигающий 4.140 м.

Переходим к описанию М а л о г о К а в к а з а, как называют горную страну Закавказья. С Главным Кавк. хребтом Малый Кавказ соединяется посредством Месхийского массива, служащего, вместе с Аджаро-Ахалцыхским или Имеретинским хр. (до 2.800 м.), водоразделом между бассейнами Риона и Куры. Через Сурамский перевал (1.197 м.) в Месхийском хр. проходит туннель длиною в 4 км., по которому идет железная дорога Батум—Тифлис—Баку. Видным элементом в строении Закавказья является А р м я н с к о е плоскогорье, расположенное на высоте в среднем в 1.500 м., между Арсианским и Соганлугским хребтами на западе, Шах-дагом (бассейном оз. Гокчи) на востоке, Триалетским хр. на севере и Агридагским хр. на юге; плоскогорье сложено молодыми вулканическими породами и несёт на себе несколько потухших вулканов: Ак-даг к западу от Гокчи (3.570 м.), мощный вулканический массив Алагез (4.095 м.), Б. Арарат (или Масис—по-армянски) (5.156 м.), примыкающий к Агридагскому хр., и др. Б. Арарат извергал еще в четвертичное время; склоны его покрыты потоками застывшей лавы; снеговая линия лежит на высоте 4.250 м., а с вершины спускается много коротких ледников. В 1840 году в области Арарата было сильное землетрясение, уничтожившее с. Ахури. Озеро Гокча лежит на высоте 1.925 м., площадь его равна 1.413 кв. км., а глубина, насколько известно, 95 м. Между Зангезурским и Карабахским хребтами расположено Карабахское плоскогорье, имеющее в высоту 2.500—3.000 м. Особняком стоит Талышинский хр., окаймляющий с запада Талышинскую низменность; высота его до 2.470 м.

По среднему течению Куры, ниже Тифлиса и вниз до Куро-араксинской низменности, располагается низина, имеющая на севере высоту до 700—800 м.; это степи Караязская, Ширакская и др.; кроме Куры, эта низина орошается Иорой и Алазанью. — По среднему течению Аракса расположена

Эриванская высокая (около 900 м.) равнина, окруженная горами.—По нижнему течению р. Лиахвы (приток Куры) лежит Горийская равнина (около 750 м. высоты); 20 февраля 1920 г. город Гори и его окрестности были разрушены сильным землетрясением.

Полезными ископаемыми Кавказ весьма богат. Марганец (манганит и пиролюзит) добывается в олигоценовых отложениях в районе Чиатур Шаропан. у. Кутаис. губ. Запас руды 108 млн. тонн. В 1913 г. добыто 1.114 тыс. тонн руды, более половины мировой производительности. Медь в Борчалинск. у. Тифлисск. губ. (Аллаверды), в Зангезур. у., в Батумск. обл. (Кедабекское месторождение Елисаветпол. губ. почти выработано); в 1913 г. Кавказ дал 10.302 тонны металл. меди. Свинец и цинк в горах Терской обл. и в районе Эльбруса. Нефть в районах Апшеронском (см. выше), Грозненском, Майкопском. Каменная соль по Араксу, в Армении. Минеральные источники: Железноводск, Пятигорск, Есентуки, Кисловодск и мн. др. Цементный мергель близ Новороссийска.

Описание климатов, растительности и животного мира Кавказа мы дадим по естественным районам (зонам).

Начнем с 1) альпийских (гольцовых, высокогорных) областей. От области вечных снегов, т.-е. от высоты в 3.500—2.900 м., эта зона спускается до 3.000—2.000 м., до верхней границы лесов. Пределы этой области по вертикали сильно колеблются: на западе, где выпадает много осадков, альпийская область начинается ниже, в сухой восточной части границы альпийской и снеговой областей подымаются гораздо выше.

О температуре воздуха и осадках в этой зоне дают представление след. станции, лежащие на Главном Кавказском хр.:

		Январь	Август	Осадки (год)
Коби . . .	1.987 м.	— 8,1°	13,9°	1.192 мм.
Крестовая	2.380 м.	— 11,6	11,6	1.693
Гудаур . .	2.204 м.	— 6,6	13,7	1.477

Гудаур, хотя на 217 м. выше Коби, в январе на $1^1/_2$° теплее—вследствие стока холодного воздуха вниз. Но еще более теплой окажется зима на Гл. Кавк. хр., если мы сравним ее с зимой на плоскогорье той же высоты; так, в Карсе на 1.742 м. средняя январьская—14,4°, т.-е. ниже, чем на Крестовой, хотя Карс лежит южнее и ниже. В альпийской области самым теплым месяцем является август, но и в августе здесь бывают заморозки. Осадков в западной половине Центрального Кавказа выпадает много, свыше 1.000 мм.; восточнее выпадает меньше, и годовая сумма может опускаться до 500 мм. Максимум осадков приходится на раннее лето или позднюю весну. Согласно карте Медведева (1907, 1915), альпийская область имеется в горах Главн. Кавказского хр., Дагестана, в горах Армянского плоскогорья, в горах Аджаро-Ахалцыхского и Понтийского хр., в Соганлугских горах, на Агридаге, на Арарате и в Талыше.

В Главн. Кавк. хребте в высших пунктах, под снеговым покровом и на россыпях камней мы встречаем лишайники, а также разрозненные группы карликовых крупок (Draba), камнеломок (Saxifraga) и др. Ниже следуют ковры низкорослых альпийских трав; дерн этих ковров состоит из злаков (Poa alpina, Phleum alpinum); среди них пестреют крупные цветы невысоких колокольчиков, генциан, примул, незабудок, Viola oreades, Dryas caucasica (редко), Corydalis conorrhiza и др. Флоре альпийской зоны Гл. Кавк. хребта свойственно много эндемичных растений, но встречаются и некоторые широко распространенные: Galium verum, Solidago virga-aurea, Thymus serpyllum, Stipa pennata, Koeleria cristata, Phleum Boehmeri. На высоте 2.300—2.400 м. появляются субальпийские луга из высокорослых трав: Veratrum lobelianum, Polygonum roseum, Ranunculus caucasicus, Scabiosa caucasica, Senecio и др. С этими лугами чередуются густые, трудно-проходимые заросли рододендрона (Rhododendron caucasicum), в конце мая и начале июня усеянного крупными, телесного цвета цветами; кавказский рододендрон подымается до 3.000 м., местами же (в зап. Закавказье) спускается до 1.800 м.; ему сопутствуют обыкновенно черника, брусника, голубика, водяника, кислица (Oxalis acetosella). В нижнем ярусе субальпийской зоны появляются крупные

кустарники и деревья: береза (Betula verrucosa, B. pubescens), рябина, субальпийский клен (Acer trautvetteri), нередко сосна, кавказский бук, горный ильм и др., а из кустарников: гордовина, жимолость, рябина (Sorbus aria), смородина, малина, черника, брусника, можжевельники и др.; здесь же встречаются очень высокие травы, нередко выше роста человека: Delphinium, Aconitum, Hesperis matronalis, Knautia montana, Valeriana alliariaefolia, Lilium monadelphum и др.—Почвенный покров альпийской области Глав. Кавказ. хр. представлен светло-серыми подзоловидными почвами, а также дерновыми и торфянистыми. В альпийском поясе Закавказья местами встречаются горнолуговые черноземовидные почвы. Следует отметить незначительное развитие болот и также озер в высокогорной области Кавказа.

Для фауны альпийской области Гл. Кавказ. хребта характерны „туры“ (горные козлы): на западе Capra dinniki, C. sewertzowi и C. caucasica, на востоке—C. cylindricornis. Встречается серна (Rupicapra tragus), общая с горами Европы и Мал. Азии. Близ Крестового перевала водится эндемичная прометеева мышь (Prometheomys schaposchnikowi). Другой высокогорный грызун—это Microtus gud, близкий родственник снеговой полевки европейских Альпов (M. nivalis). На субальпийских лугах (напр., на Эльбрусе) встречается серый суслик (Citellus musicus). Для альпийских лугов и зарослей рододендрона весьма характерен кавказский тетерев (Lyrurus mlokosiewiczi); горная индейка (Tetraogallus caucasicus) предпочитает область выше зарослей рододендронов. Далее, в альпийском поясе гор встречаются кавказский щур (Carpodacus rubicillus), белозобый дрозд (Turdus torquatus orientalis), горный конек (Anthus spinoletta caucasicus), альпийская завирушка, желтоклювая альпийская галка.

2) Лесная зона располагается ниже высокогорной. Она занимает большое пространство на северном и южном склонах Глав. хребта, а также на севере Малого Кавказа. Горные леса Зап. Закавказья мы рассмотрим особо. В нижеследующей таблице даны средние температуры самого холодного и самого теплого месяцев для некоторых лесных мест Кавказа:

			янв.	*июль*	*осадки*
			темп.		*год*
Владикавказ	679 м.,	43°2′ с. ш.	—4,6°	20,3°	844 мм.
Боржом. . .	794 м.,	41°51′	—2,8	20,8	580
Абас-туман.	1.260 м.,	41°45′	—6,7	17,4	633
Бакуриани .	1.662 м.,	41°45′	—9,5	15,1	726
Делижан . .	1.257 м.,	40°44′	—1,5	18,6	521
Шуша. . . .	1.368 м.,	39°45′	—2,7	19,3	671

Осадков в верхней части лесной зоны выпадает 800—1.200 мм. в год и более, в нижней—меньше, 800—500 мм. Максимум осадков приходится на май и июнь. Снегу выпадает много в западной части Кавк. хр.; близ Клухорского перевала высота снегового покрова достигает $2^1/_2$ м. и более. В Закавказье, в Боржоме, последний мороз бывает в мае, первый—в сентябре; в Абас-тумане морозов не бывает только в июле. Зимой в Абас-тумане термометр иногда опускается до—25°. Шуша и Делижан отличаются изобилием фенов; в Шуше с ноября по апрель бывает 42 дня с фенами; они повышают здесь, по Фигуровскому, температуру в апреле на 12°. В лесной зоне Малого Кавказа выпадает в год 550—750 мм. осадков, на западе до 800—1.000 мм.; максимум осадков выпадает в мае и июне.

a) В Западном (Кубанском) Предкавказье ниже субальпийской зоны идет пояс хвойных лесов (от 2.100 до 1500 м.), представленный пихтовыми, елово-пихтовыми, буковыми и реже чисто еловыми лесами. Здешняя пихта это Abies Nordmanniana, ель—Picea orientalis, а бук—Fagus orientalis. К буку часто примешан граб (Carpinus betulus). В подлеске хвойных лесов встречаются колхидские формы: Rhododendron ponticum, падуб и кавказская черника (Vaccinium arctostaphylos). На полянах среди хвойных лесов роскошная травяная растительность: Heracleum pubescens, Inula helenium, Aconitum orientale и др.; травы нередко выше всадника. Ниже 1.500 м. располагается пояс лиственных лесов из дуба, граба, ясеня, кленов (Acer platanoides, A. campestre, A. laetum, A. tataricum), бересклетов, кизиля, березы, орешника, осины и местами кавказского бука.

Преобладание ели и пихты сближает ландшафты западной части Кавк. хребта с Зап. Закавказьем и отличает от Восточного Предкавказья, где этих пород нет. Прибавим, что в Зап. Предкавказье найдены еще плющ (Hedera helix), тис, каштан (по р. Аюку), лавровишня (в истоке Белой), сассапариль, указывается самшит.

б) К востоку от меридиана Эльбруса, в Восточном или Терском Предкавказье характер растительности несколько меняется. В лесной зоне Восточного Предкавказья выпадает осадков меньше, чем в западной. Внизу здесь растут лиственные леса из бука, дуба, граба, липы. Выше, в поясе между 1.200 и 2.100 м. растет не пихта и ель, как на западе, а сосна; к сосне иногда примешивается береза и осина.

Над высокоствольными лесами из пихты, ели, бука и сосны в Главном Кавк. хребте располагается зона березняков из Betula pubescens, а в Терской обл. и в Дагестане из B. raddeana.

Для лесов северо-западного Кавказа характерен зубр (Bison bonasus caucasicus, в верховьях Лабы; ныне почти истреблен), благородный олень (Cervus elaphus maral), козуля, барс, дикая кошка, куница, горностай, медведь. Из рыб для Кавказского хр. характерны усачи (Barbus), а для южного склона кроме того храмуля (Varicorhinus или Capoeta), рыба из карповых.

в) В лесах Восточного Закавказья, (Талыша мы пока не касаемся) на южном склоне Кавказского хр. исчезает целый ряд форм, требующих большей влажности и характерных для западного Закавказья: нет подлеска из вечнозеленых пород (лавровишни, рододендрона, падуба); ель и пихта, даже в единичных экземплярах, не переходят к востоку за меридиан Тифлиса; восточным пределом сплошного распространения ели и пихты является бассейн Лиахвы (приток Куры); на границе с Колхидою, в Оконском районе Юго-Осетии есть леса из каштана, бука, ели и пихты; последние сосны попадаются на Главном хребте, не доходя Закатал. Нет в Вост. Закавказье самшита, ограниченное распространение имеет лапина. Но зато появляются более сухолюбивые формы: можжевельники (Juniperus foetidissima и др.), клены (Acer hyrcanum, A. ibericum), дубы (Quercus iberica, Qu. macranthera) и др. В более влажных местах Кахетии и Закатальского округа, каковы, напр., Кварели (высота 410 м., осадков 872 мм.), Лагодехи (500 м., 856 мм.), Закаталы (543 м., 956 мм.), появляется лапина (Pterocarya caucasica), клен (Acer insigne), каштан и др. В средней и отчасти верхней полосе лесов преобладает бук (Fagus orientalis). Для лесов Вост. Закавказья, кроме вышеупомянутого дуба (Qu. macranthera), лапины и каштана, характерны следующие деревья, как и сейчас названные, не переходящие на северный склон: клены (Acer hyrcanum, A. insigne, A. ibericum), инжир (Ficus carica), грецкий орех (Juglans regia), орешник (Corylus colurna), можжевельник (Juniperus polycarpos) и Diospyros lotus.—Почвы под лесами внизу деградированные черноземы и серокаштановые почвы, выше идут лесные почвы, темные и бурые, еще выше светлоокрашенные лесные почвы и, наконец, подзолистые. В самой верхней части лесной зоны, на границе с горно-луговыми, можно наблюдать дерновые лесные почвы.

3) В горах Зап. Закавказья можно различить следующие области.

а) Север от Новороссийска до Джубги и несколько южнее (но не доходя до Туапсе) имеет климат средиземноморский: лето жаркое, сухое; наибольшее количество осадков выпадает в декабре и ноябре, наименьшее в августе и мае. В Новороссийске за 1896—1910 г.г. выпадало в среднем в декабре 83 мм., в августе 28 мм., за год 683 мм.; средняя температура августа 24,0°, января 2,1°. Новороссийск отличается холодным и сухим северо-восточным ветром (борà), дующим преимущественно в холодное время, с октября по март, и понижающим температуру иногда до—27°. В среднем в году бывает 46 дней с борой; случается, что бора дует по нескольку дней, достигая силы в 20—30 м. в секунду, а иногда и больше. Облачность в Новороссийске наибольшая в декабре и январе (70%), наименьшая в августе (35). Характерны заросли из кустарников, среди которых преобладает колючее дер-

жи-дерево (Paliurus aculeatus), занимающее обширные площади и появляющееся на месте вырубленного леса; много также кустарного граба (Carpinus orientalis), низкорослого дуба (Quercus pubescens) и сумаха (Rhus cotinus); встречаются древовидные можжевельники (Juniperus excelsa, J.oxycedrus, J.foetidissima), приморская сосна (Pinus pithyusa), скипидарное дерево (Pistacia mutica)—все деревья, свойственные также южному берегу Крыма. Весьма характерно эндемичное зонтичное Seseli ponticum, родственное крымскому S.gummiferum; упомянем также о трагакантовом крымском астрагале (Astragalus arnacantha). Из колхидских растений у Новороссийска и даже у Анапы встречаются сассапариль и дикий виноград (Vitis vinifera). На открытых склонах начинают попадаться степные формы. Новороссийский район славится своим виноградарством и виноделием.

Выше в горах, которые в среднем достигают 1.000 м. высоты, растут леса из дуба, граба, осины, кавказского бука, ясеня, полевого и горного ильма, липы (Tilia caucasica и T.platyphylla), груши, черешни, каштана.

К средиземноморскому типу относится и довольно засушливый климат Артвинского округа (ныне отошедшего к Турции): Артвин (640 м.) имеет годовую сумму осадков в 493 мм., максимум в ноябре (75 мм.), минимум в августе (13 мм.). На Чорохе у Артвина растет пиния (Pinus pinea) с подлеском из средиземноморских видов: ладонника (Cistus creticus) и земляничного дерева (Arbutus andrachne). Характерно, далее, что по среднему Чороху растет обыкновенная сосна (вид, близкий к Pinus silvestris), отсутствующая в смежных областях Кавказа. Из других форм отметим дуб, можжевельник, Buxus sempervirens и Smilax excelsa; последние два вида в угнетенном состоянии. У Артвина разводят маслину.

б) Горы Западного Закавказья, начиная от Туапсе и на юго-восток, отличаются растительностью колхидского типа. На берегу моря, при устьях некоторых рек (напр., Бзыби, Мзымты и др.) имеются заболоченные низины, покрытые лесом из ольхи, лапины, ясеня, клена, перевитых лианами; на более сухих местах болота растут самшит, тис, бук; попадается древовидный папоротник (Osmunda regalis). Предгорья до высоты в 600—1.000 м. покрыты дубовым лесом (Quercus pedunculata, Qu. sessiliflora, Qu. armeniaca, Qu. pontica) типично колхидского вида с массою лиан; кроме дубов, здесь растут вязы, ясень, липы, дзелква, граб, клены, лавр, самшит, хурма, масса кустарников; на приморских известковых склонах приморская сосна (Pinus pithyusa); местами остатки черкесских и абхазских садов (алыча, слива, черешня, инжир, грецкий орех, яблоня, груша, шелковица). Выше 600—1.000 м. растет буковый лес, в котором из лиан обычно есть только плющ; кроме бука, дуб, граб, клен, липа, каштан, идущий до высоты 1.800 м. От 1.200 до 1.900 м. идет пихтовая зона (Abies nordmanniana); здесь, кроме пихты, бук, клен и др., а в подлеске падуб, лавровишня, Rhododendron ponticum, Vaccinium arctostaphylos; начиная от р. Псезуапсе в южной части встречается кавказская ель (Picea orientalis); на полянах высокорослая травянистая растительность: колокольчики (Campanula lactiflora) в сажень высотой, гигантские зонтичные Heracleum pubescens, красивые лилии (Lilium monadelphum) и др. На 1.800—2.100 м. растут березняки из Betula pubescens с примесью клена Acer trautvetteri и с подлеском из карликового бука, понтийского рододендрона, азалии, лавровишни и др.; здесь встречаются также Betula Medwedewi, Quercus pontica и Rhamnus imeretina.

Климат этой части Зап. Закавказья такой же, как и в Колхидской низменности: богатый атмосферными осадками, с жарким летом и сравнительно теплой зимой, с средней температурой самого холодного месяца не ниже 3°, словом—климат зоны субтропических лесов. Самое теплое место в Зап. Закавказье—это Гагры, имеющие среднюю годовую температуру воздуха 15,1 —такую же как в Ницце (15,0°), но в Гаграх лето теплее (август 24,4°), а зима холоднее (декабрь 9,0°, январь 6,7°, февраль 7,8°), чем в Ницце.

Бывают иногда годы, когда зимою случаются сильные морозы; так, в Сочи отмечено—15,6°. Но обычно вегетация в Сочи возможна круглый год. В южной части Зап. Закавказья удаются культуры растений, свойственных климатам Японии и восточных штатов Сев. Америки: мандарины (начиная от Гагр), апельсины, лимоны, хурма (Diospyros kaki), японская мушмула (Eryobothria japonica), японская айва (Cydonia japonica), камелия (Camellia japonica), камфарный лавр (Cinnamomum camphora), бамбук, чай, магнолии, некоторые пальмы, бананы (несъедобны). В Сухуме долго произрастали апельсины, но суровая зима 1878—79 г. погубила их. В Сочи разводят чернослив, в Новом Афоне маслину, в Сухуме табак, в Батумском районе мандарины, чай, бамбук. Осень в Зап. Закавказье очень теплая: октябрь в Батуме теплее апреля на 5,5°; в Таграх в октябре почти так же тепло, как в Москве в июле. Осадков много, более 1.000 мм. в год (Сочи—1.432 мм., Сухум — 1.265, Батум — 2.503); больше всего осадков зимой или осенью, меньше всего—весной; нередки ливни; случается, что за один день выпадает свыше 200 мм. Ветры имеют муссонный характер: в холодное время года сухие и теплые северо-восточные, дующие с Кавказских гор; летом—юго-западные, морские, влажные. Восточный муссон (зимний) нередко приобретает характер фена; так, в Батуме подобный фен поднял вечером 28 февраля 1915 г. температуру до 24°, влажность же опустилась до 16%. Хорошо развиты, особенно в теплое время года, береговые бризы.

В нижней части предгорий представлены реликтовые красноземы, чередующиеся в понижениях с подзолистыми почвами; наиболее типично развит этот комплекс у Батума. На красноземах, образовавшихся на продуктах выветривания андезитовых туфов, растут буковые леса; выше красноземы сменяются сначала коричневатыми почвами, а затем серыми лесными. Красноземы—почвы очень бедные; благодаря большому количеству осадков, они содержат очень мало калия, кальция и натрия; но как-раз таких почв требует чай (обширные плантации его есть в Чакве). По данным С. А. Захарова, красноземы окаймляют Колхидскую низменность с сев.-востока и юго-востока, располагаясь в предгорьях и частью в области средних гор; на север они идут до широты Очемчири, на юг—до Батума. Некоторые признают красноземы за реликтовые почвы, полагая, что при современных условиях они переходят в подзолистые и серолесные.—В лесах севера встречается олень, козуля, кабан, медведь; еще недавно попадался и зубр. Из амфибий характерна для Батумского и Артвинского округов кавказская саламандра (Salamandra caucasica), севернее встречается лягушка (Pelodytes caucasicus).

4) Г о р н ы й Т а л ы ш. Талышинский хр. составляет, повидимому, продолжение Эльбруса, тянущегося по южному берегу Каспийского моря. Талышинские горы в горе Мараюрт достигают 2.468 м. высоты. За гребнем этого хребта располагается возвышенная степная равнина. Склоны гор почти от Талышинской низменности (о ней см. выше) и до верха заняты лесами из каштанолистного дуба (Quercus castaneaefolia), к которому иногда присоединяются другие дубы (Qu. macranthera, Qu. из группы pedunculata), дзелква (Zelkova crenata), бук и др.; хвойных пород, за исключением тиса, нет. Почти отсутствует также вечнозеленый подлесок (есть только падуб); обыкновенна кавказская черника (Vaccinium arctostaphylos). Растительность горных степей Талыша близка к флоре высоких степей сев. Персии и южного Закавказья. Из животных в горных лесах Талыша встречаются олень, козуля, рысь (Lynx pardina), барс, медведь.

5) Л е с о с т е п ь е н а с к л о н а х Г л а в. К а в к а з с к о г о х р е б т а расположено ниже зоны лиственных лесов.

В пределах лесостепья Западного (Кубанского) Предкавказья расположены Крымская, Майкоп, Подгорная (и далее на восток — по направлению к Кисловодску). В Майкопе (44° 36′, высота 230 м.) средняя январьская температура воздуха—2,2°, июльская 22,3°, осадков 665 мм; в Кисловодске (43°54′, высота 827 м.) средняя январская—4,9°,

июльская 19,0°, осадков 553 мм.; максимум осадков в июне, минимум в январе. Облака в западной части Кавк. хребта зимою лежат низко, ниже 800 м., и в Кисловодске зимою облачность, влажность, число дней с осадками и туманом меньше, чем в лежащих ниже Железноводске (637 м.), Есентуках (616 м.) и Пятигорске (519 м.). В западном предкавказском лесостепье чередуются лугово-степные площади с островами лесов из дуба, груши, вяза (Ulmus campestris), татарского клена, крушины, лещины и др. Под лугово-степными пространствами черноземы, под лесами—черноземы, деградированные черноземы и серые лесные суглинки. В лесах окрестностей Пятигорска, покрывающих Бештау и Машук, растут дуб, граб, бук, ясень, липа, клены, вяз и др. Для восточной части характерны заросли держи-дерева. К области лесостепья относятся леса Ставропольской плоской возвышенности. Здесь у Темнолесской и Ставрополя среди черноземных степей имеются острова леса. Близ Ставропоя растут леса из граба, ясеня и дуба; к ним присоединяются клен полевой и остролистый, ильм, берест, липа, черешня, кавказский бук; встречаются осина, серебристый тополь и, как редчайшее исключение, береза; богатый подлесок из кизиля, свидины (Cornus sanguinea) и др.; встречается дикий виноград. Под этими лесами почвы—деградированные черноземы и серые лесные земли.

В восточном Предкавказье лесостепье занимает неширокую полосу в предгорьях. Но, кроме того, здесь можно наблюдать горное лесостепье, особенно развитое на южных склонах; здесь встречаются: дуб, ясень, липа, черешня, шиповник, барбарис, можжевельник, серебристый шалфей (Salvia canescens), покрывающий большие пространства, затем Scutellaria orientalis, разные виды Teucrium и др.

Закавказское лесостепье занимает область, в которой лежат Гори (600 м.), Тифлис (404 м.), Телав (738 м.), Сигнах [illegible] м.), и далее по на[illegible]авлению к Шемахе (но не включая [illegible]. Здешний климат относится к той [illegible]азновидности средиземноморского, которую Кеппен назвал „климатом маиса". Залегая на периферии средиземноморского, он составляет переход к степному. Зимой здесь сравнительно часто выпадает снег и лежит на западе с декабря и иногда до средины февраля; но случается, что снегу и совсем не бывает. Осадков от 500 (на востоке) до 800 мм. Максимум осадков приходится на май, минимум на январь. В Тифлисе, лежащем уже близ границы степей, в год выпадает 496 мм., максимум в мае 80 мм., минимум в январе 15 мм. Осадки весной и летом нередко выпадают в виде сильных ливней, которые иногда имеют в предгорьях весьма разрушительное действие („сели", особенно известные в Нухинском у.). В июне и июле бывает много гроз, нередко сопровождаемых градобитиями. Лето жаркое, средняя температура его выше 20°; июль: Тифлис 24,5°, Напареули (425 м.) 24,2°, Цинондали (602 м.) 23,2°. Защищенное Кавказским хребтом от холодных северных ветров, Закавказское лесостепье имеет весьма умеренную зиму; январь: Тифлис 0,2°, Напареули 0,1°, Цинондали—0,2°. Весна начинается рано, и с средины февраля или начала марта приступают к полевым работам. В иные годы в Кахетии (долина Алазани) уже в конце января цветут некоторые плодовые деревья (миндаль), полевые цветы, а в феврале—абрикосы, персики, груши. Область эта (Кахетия) славится своим виноделием и садоводством. В Тифлисе часты фены, особенно в апреле; здесь же, в долине Куры, в теплое время года развиты горно-долинные бризы. Наибольшая облачность в августе, наименьшая в феврале.

В более влажных местах Кахетии и Закатальского округа растительность до некоторой степени напоминает колхидскую и талышскую: здесь встречаются лапина, каштан, бук, крупнолистный клен (Acer insigne); довольно много лиан: дикий виноград, ломонос (Clematis vitalba), плющ (Hedera helix), обвойник, сассапариль, хмель. Но подлеска из вечнозеленых пород нет. Характерны для Закавказского лесостепья восточный дуб (Quercus macranthera), можжевельники, клены.

Почвы в долине Алазани аллювиальные карбонатные, выше — лесные

темносерые; в долине Куры у Тифлиса светлокаштановые, выше—каштановые и темно-каштановые, еще выше—каштаново-серые.

6) Дагестан (*см.*), помимо приморской низменности, можно разделить на: а) предгорья, б) горный Дагестан и в) высокогорный. а) Предгорья подымаются до 1.000—1.200 м. абс. высоты и имеют климат средиземноморский на юге и лесной на севере. Максимум осадков на юге приходится на осень и на зиму. Нижним ярусам предгорий свойственны каштановые почвы, верхним черноземы, иногда достигающие значительной мощности. На юге (у Дербента, Каякента) внизу развиты леса из дубов, граба, вязов, бука и многочисленных кустарников; хорошо представлены лианы: сассапариль, виноград, обвойник. Большим развитием пользуются кустарниковые заросли из держи-дерева ((Paliurus aculeatus), крушины (Rhamnus pallasi), кустарникового дуба (Quercus pubescens), с примесью других кустарников. На каменистых склонах растут колючие травы и полукустарники: каперцы (Capparis herbacea), Centaurea, Cirsium, Xeranthemum, Peganum harmala и др. Местами встречаются участки, покрытые степной растительностью (ковыли и др.). В верхней подзоне предгорий, на высоте 600—1.200 м., мы встречаем частью широколиственный горный лес, частью лесные луга. Лес состоит из бука, граба, дубов, вяза, липы, ясеня, кленов, осины, и многочисленных кустарников; лиан здесь нет; для юга характерен горный дуб (Quercus macranthera). Предгорная полоса весьма удобна для поселения и наиболее густо заселена, внизу здесь разводят озимую пшеницу и кукурузу, вверху яровые хлеба; внизу большое значение имеют садоводство, виноградарство и огородничество; на юге разводят буйволов. В пределах зоны предгорий расположена Темир-хан-шура (475 м.).

б) Горный Дагестан обнимает бассейн четырех Кой-су, горный Сулак и верховья Самура. Для внутреннего известнякового Дагестана весьма характерны высокие, сложенные из юрских известняков, синклинальные плато, нередко прорезанные каньонообразными долинами; средняя высота этих плато около 1.900 м., высота же уровня рек около 700 м. Примером может служить Гунибское плато (между рр. Аварской Койсу и Кара-Койсу), достигающее 2.354 м. абс. высоты. Лето теплое, зима сухая, малоснежная, не холодная. Гуниб, на высоте 1.570 м., имеет среднюю июльскую +17°, январьскую —4°. Облачность зимой меньше, чем летом. Осадков 400—800 мм., максимум осадков приходится на весну и раннее лето, минимум на зиму; зимою на месяц приходится 3—5 дней с осадками, летом 12—15 и более. Летом дуют восточные ветры, приносящие влагу с моря. Горный Дагестан относится к области нагорных ксерофитов. Лесов здесь мало, лишь на северных склонах встречаются сосновые леса, а над ними березняки (Betula alba и B. raddeana), образующие верхний субальпийский горизонт; изредка в виде примеси, встречаются граб, клен, ясень, липа, осина. Южные склоны и плато совершенно безлесны, растительность состоит из колючих астрагалов (Astragalus marschallianus), кустарников держи-дерева, барбариса, шиповника, можжевельника (Juniperus isophyllos); много серебристого шалфея (Salvia canescens), затем Teucrium, Capparis herbacea и др.; для известняков характерны Salvia canescens, Scabiosa gumbetica, Campanula daghestanica, Statice Owerini; для сланцевых зон: Heliotropium styligerum, Salvia Beckeri и др. Возделывание ячменя идет до 2.450 м. Из животных в горном Дагестане встречаются в лесах по верховьям Аварского Койсу: олень, медведь, козуля, горная куропатка. Для Хунзахского плато (1.500 м.) характерен хомяк (Mesocricetus raddei), вредящий посевам хлебов.

в) Высокогорный Дагестан, см. выше при описании альпийской зоны. На дагестанской прикаспийской низине, покрытой зарослями камыша, много кабанов, камышевый кот, фазаны, шакалы, встречаются гиены.

7) Горностепная область Восточного Закавказья обнимает Армянское плоскогорье, кроме Эриванской котловины. Здесь климат континентальный, близко подходящий к степному. Высоты от 1.400 до 2.000 м.

Лето прохладное, самый теплый месяц имеет 15—19°. Зимою на Армянском плоскогорье располагается антициклональная область; в результате зимою наблюдается сильное охлаждение: средние температуры января от—15° до—8°; с окружающих гор холодный тяжелый воздух спускается на плоскогорье. Летом на армянском плоскогорье господствует циклональное расположение изобар. В Карсе (40°37′ с. ш., 1.742 м.) средняя темп. января—14,4°, августа (самый теплый месяц) 17,7°; в январе 1897 г. термометр опускался в Карсе до—43,5°. Заморозки случаются даже летом (в Карсе во все месяцы, в Александрополе в июне). Летом (июнь—август) преобладают ветры N и NE, с октября по май S и SW. Годовая сумма осадков на плоскогорье 400—600 мм.; максимум их приходится на май, минимум на зиму. Зимою обычно бывает много снегу. Почвы черноземы, типичные и каштановые; они формируются на богатой карбонатами коре выветривания изверженных пород. В Лорийской степи и в Духоборье развиты мощные глинистые черноземы с содержанием гумуса до 16%, на которых развита ковыльная и ковыльно-скабиозовая растительность. В более возвышенных частях черноземы переходят в горнолуговые почвы. Все плоскогорье есть земледельная область, где разводят пшеницу, ячмень и др. яровые хлеба. К концу лета растительность начинает страдать от засухи. В горах, окаймляющих Армянское плоскогорье, нет ни ели, ни пихты, ни бука; на самом плоскогорье местами встречаются леса из армянской сосны (Pinus armena). Из животных в степях Армянского плоскогорья водятся: суслик (Citellus schmidti), тушканчик (Alactaga williamsi), слепыш (Spalax nehringi), хомяки (Mesocricetus koenigi и Cricetulus phaeus), лисица (Vulpes kurdistanica). Из птиц отсутствуют фазан и турач (Attagen); в горах есть кавказский тетерев (Lyrurus mlokosiewiczi) и улар (Tetraogallus caspius); много каменных и серых куропаток; характерен для нагорной степи рябок (Pterocles arenarius). В озере Гокче водятся „гокчинские форели“ (Salmo ischchan, несколько раз).

8) Еще более сухим климатом отличаются **полупустыни и пустыни по среднему течению Аракса**, в западной части Эриванской губ. Здесь осадков 150—300 мм., максимум их приходится на весну. Самое сухое место Аралых (790 м. высоты) у подножия Арарата: здесь за 1849—53 годы отмечено в среднем 158 мм. осадков; Кульпы 237 мм.; Эривань (994 м.) 318 мм.; максимум осадков в мае, минимум в августе. Лето жаркое: средняя июльская и августовская в Эривани 25,0°, январьская—6,4°. Облачность мала: в Эривани 45% (максимум февраль 74, минимум август 20). При искусственном орошении с успехом разводится пшеница, рис, хлопок, виноград, персики и пр. Почвы типа сероземов. Растительность пустынная: колючие астрагалы, акантолимоны, верблюжья колючка (Alhagi camelorum), Atraphaxis spinosa, Peganum harmala, Lepidium vesicarium, Zygophyllum fabago; на песках у подножия Арарата у (Аралыха) Calligonum. На этих же песках фауна аралокаспийского типа: тушканчик (Alactaga elater), песчанка (Gerbillus persicus), хомячек (Cricetulus phaeus), ежи (Hemiechinus calligoni, Erinaceus transcaucasicus), землеройка (Crocidura aralychensis); здесь же встречается гиена (Hyaena vulgaris), а раньше водился джейран (Gazella subgutturosa). Из ящериц характерны круглоголовка (Phrynocephalus helioscopus) и длинноногий сцинк (Eumeces schneideri).

Возвышенные степи по среднему течению Куры, между Тифлисом и Евлахом отличаются климатом, переходным от средиземноморского к степному. Сюда относятся степи Ширакская (между реками Алазанью и Иорой), Караязская и др. Типом климата могут служить Караязы (41½° с. ш., высота 305 м.): январь—0,4°, июль 25,6°, осадков 431 мм. в год, максимум май 87 мм., минимум январь 12 мм. Вообще осадков 400—500 мм., максимум их в мае. Почва—каштаново-бурые суглинки, по мере приближения к горам переходящие в бурые черноземы. Весною масса двудольных, которые к средине лета выгорают, и тогда растительность представлена

полынями; местами массами развивается злак Andropogon ischaemum, вытесняющий полынь. В Ширакской степи возможна культура хлебов без орошения; почвы близки к черноземам (каштановые и светлокаштановые черноземы), и здешний климат надо отнести к климату степей; следует, впрочем, иметь в виду, что максимум осадков в Ширакской степи выпадает в конце весны. Фауна степей по среднему течению Куры близка к фауне низовий Куры.

Население Кавказа отличается чрезвычайной пестротой. Его можно разделить на след. группы: I) яфетидов или настоящих кавказцев (аборигенов Кавказа), II) индо-европейцев, III) турков, IV) монголов, V) семитов. Для полноты мы вкратце упомянем и о живущих на низинах.

I. Среди яфетидов можно отличить на Кавказе три группы: 1) картвельскую или грузинскую в широком смысле слова, 2) абхазо-черкесскую, 3) чечено-лезгинскую. Помимо того, армяне представляют смешанную, яфетидо-индоевропейскую группу.

1) Всех *картвелов* на Кавказе около 1,7 млн. По языку среди них можно различить три группы: а) грузин, б) мингрельцев, в) сванов — а) Грузины делятся на несколько племен: собственно грузины (сами себя называют картвели) населяют среднее течение Куры и ее притоков (карталинцы) и верхнее и среднее течение Алазани и Иоры, т.-е. Кахетию (кахетинцы); занимаются земледелием, садоводством, виноградарством; около 650 тыс.; православные, как и все следующие, если не оговорено. Тушины живут на сев. склоне Гл. Кавк. хр., в области верховьев Андийского Кой-су; говорят частью на чеченском языке (цовцы или цова-тушины или бацбии, выходцы из Чечни, скотоводы), частью на грузинском; занимаются земледелием и скотоводством; около 10 тыс. Пшавы живут по Пшавской Арагве и в верховьях Иоры; около 15 тыс.; занимаются скотоводством и земледелием. Хевцы (мохэвэ) обитают в горах к западу от хевсуров и пшавов. Хевсуры живут по обоим склонам Гл. Кавк. хр., в верховьях Хевсурской Арагвы, Ассы и Аргуни, частью земледельцы, частью скотоводы; около 10 тыс. Тушинов, пшавов, хевцев и хевсуров Марр считает за огрузинившихся чеченцев. Ингилои (енгилойцы=новообращенные), в Закатальском уезде, мусульмане, земледельцы, около 15 тыс. Имеретины (имеры) населяют Имеретию, т.-е. бассейны р. Квирилы и Риона до впадения Цхенис-цхали; земледельцы, виноградари, садоводы; около 550 тыс. Гурийцы (80 тыс.) живут в Гурии, т.-е. между Рионом и Аджарским хр.; земледельцы, виноградари, скотоводы; Марр считает гурийцев за огрузинившихся мингрельцев. Аджарцы живут в Аджарии (притоки Чороха, Кинтриш и др.); это те же гурийцы, но мусульмане-сунниты, говорят по-грузински и по-османски; скотоводы, частью земледельцы; около 60 тыс.—б) Мингрельская группа делится на мингрельцев (мегрелов) и лазов. О мингрельцах мы говорили выше. Лазы, или чаны, живут, гл. обр., в Лазистане, в пределах Турции; небольшое число их живет в Аджарии; мусульмане-сунниты.—в) Сваны населяют Сванетию, т.-е. верхнее течение рек Ингура и Цхенис-цхали; занимаются земледелием и скотоводством; язык сванов обнаруживает много общих элементов с языком лазов.

2) *В абхазо-черкесскую* группу входят абхазы и черкесы. Абхазы живут в зап. Закавказье, в бывшем Сухумском окр., от р. Псоу на севере (севернее Гагр) до Кодора на юге, где граничат с Мингрелией. Но кроме того, часть абхазов (около 20 тыс.) живет в Кубанской обл. (абазины, бешильбей, баракей и др.). Всего абхазов на Кавказе около 100 тыс., но кроме того, много абхазов в Малой Азии, куда они переселились в 1864 г. Говорят на абхазском языке, близком к черкесскому, но обнаруживающем известное родство и с картвельским. О занятиях абхазов см. выше. Черкесы живут в настоящее время на Кавказе лишь на северном Кавказе. Черкесы (сами себя называют адыге) говорят на языке, близком к абхазскому; их язык делится на два наречия: собственно черкесское, или кяхское, и кабардинское. Черкесы-кяхи

населяют Черкесскую (Адыгейскую) автономную область, расположенную к югу от Кубани, между ее левыми притоками Афипсом и Лабой, в частях бывших Екатеринодарского и Майкопского отделов; кроме того, они живут в части Карачаево-Черкесской авт. области; всего черкесов-кяхов около 70 т. Между Малкой и Тереком (Б. Кабарда) и восточнее живут кабардинцы в числе около 90 тыс. До 1864 г. черкесы занимали еще зап. Закавказье на юг до реки Шахе (между Туапсе и Сочи); южнее р. Шахе жили убыхи, племя, родственное черкесам и абхазам; в 1864 г. все черноморские черкесы (470 тыс.) и все убыхи переселились в Турцию*); в настоящее время в б. Черноморской губ. всего около 2 тыс. черкесов. Черкесы и кабардинцы мусульмане-сунниты, но до XVII века они были христианами. Занимаются земледелием (кукуруза, просо, пшеница), садоводством, скотоводством (кабардинские лошади), пчеловодством, выделкой бурок. Черкесы живут отдельными хуторами, кабардинцы—аулами.

3) *В чечено-лезгинскую* группу входят чеченцы и ряд народов, населяющих Дагестан и объединяемых под именем лезгинов. Чеченцы (сами себя называют нахчий) живут между Тереком и Андийским хр., б. ч. в пределах Чеченской автономной области. Всего чеченцев около 300 тыс. Они разделяются на ряд обществ: кистов, ичкеринцев, назрановцев, ингушей и др.; из них более обособленное положение занимают ингуши (сами себя называют галга), живущие в Ингушском окр. Горской респ. Занимаются земледелием (кукуруза, пшеница), скотоводством. Мусульмане-сунниты, но до XVII века были христианами.—Лезгинские племена, населяющие Дагестан, разделяются по языку на 5 групп: а) андо-дидойцев, б) даргинцев, в) аваров, г) лаков, д) кюринцев. В состав андо-дидойской группы входят 12 языков; говорящие на этих языках племена живут по Андийской Койсу и частью в Гунибском округе. Делятся на две подгруппы: северную или андийскую (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багулальцы, чамалальцы, тиндийцы) и южную или дидойскую (дидойцы, хваршинцы, капучинцы, хунзалы); в первой подгруппе насчитывают 34 тыс. душ, во второй—12 тыс. Даргинцы живут в Даргинском округе и кое-где в соседних местах; 130 тыс.; даргинские наречия делят на три группы: акушинскую, хайдакскую и вуркунскую; к даргинцам принадлежат жители аула Кубачи (кубачинцы), известного выделкой оружия. Авары, или аварцы (сами себя называют хунз или маарул; последнее значит горцы)—самый многочисленный лезгинский народ (235 тыс.), и язык их служит в Дагестане международным; живут от Чир-юрта до Закатал. Закатальские авары, перешедшие сюда в XVII столетии, сами себя называют лезгинами. Лаки, или казикумухи, населяют Казикумухский округ, частью соседние; 90 тыс.; занимаются кустарными промыслами (выделкой кинжалов и серебряных изделий); первые из дагестанских народов приняли от арабов ислам (777 г.). Кюринцы говорят на 10—11 родственных языках: кюринцы (131 тыс.), табасаранцы (28 тыс.), агулы, арчинцы (800 душ), рутулы (12 тыс.), цахуры, хиналуги, джеки, хапутцы, крысы, будухи, удины; живут в Кюринском и Самурском округах, именно по среднему и нижнему течению Самура, по реке Курах-чаю и частью переходят в пределы Кубинского у. и даже в Закавказье (Нухинский у.); 215 тыс., из них преобладающая народность это кюринцы собственно (132 тыс.), живущие по Самуру. В Кубинском у. живут хиналуги, джеки, крысы и будухи в количестве 17 тыс. Удины живут в селениях Ниж и Варташен Нухинского у.; по религии армяно-грегориане и православные; до революции их было около 10 тыс., теперь меньше. Лезгины занимаются земледелием, садоводством, виноградарством, скотоводством, кустарными промыслами. Все (кроме удинов) мусульмане-сунниты.

Армяне (сами себя называют хай, грузины называют армян сомхами, а

---

*) По сведениям Лопатинского (Сборн. матер. для описания мест. и племен Кавказа, XII, 1891, стр. 1), небольшой аул убыхов сохранился на берегу Черного м., недалеко от с. Головинского. Остатки убыхов, в числе 13 семейств (80 душ), жили еще в недавнее время по разным аулам Кубанской обл.

их страну Сомхетией) представляют по языку в основе яфетический народ, но испытавший сильное влияние со стороны индо-европейцев. На Кавказе около $1^1/_2$ млн. армян, из коих в Армении живет 671 тыс., в Грузии 300 тыс. (в Тифлисе 85 тыс.), в Адербейджане 260 тыс. Сельское население занимается земледелием, виноградарством, скотоводством. Большинство—христиане армяно-грегорианского вероисповедания, очень немного армяно-католиков.

II. К числу народов, говорящих на индо-европейских языках, принадлежат: русские, немцы, греки, осетины, талыши, таты, курды. Русские живут, глав. обр., на северном Кавказе, где их около 3 млн.; появились на Тереке еще в XVI веке. Преобладают великорусы; много украинцев в Кубанской области. В Закавказье около 300 тыс. русских, преимущественно великорусов; среди них много сектантов: духоборов, молокан, субботников (в Еленовке). Немцы образуют колонии как на северном Кавказе, так и в Закавказье; около 60 тыс.; в колонии Еленендорф Елисаветпол. губ. занимаются виноградарством и виноделием, в Борчалинском у. сыроварением; появились на Кавказе в начале XIX века. Греки—переселенцы живут в разных местах в количестве около 70 тыс., занимаются земледелием и скотоводством. Много греков в Грузии и в Абхазии.—Следующие индо-европейцы принадлежат к аборигенам Кавказа. Осетины (сами себя называют ирон, т.-е. иранцы; грузины их зовут оси) живут на Главном Кавказском хр., на обоих склонах, западнее Военно-грузинской дороги. Осетины северного склона (140 тыс.) (Владикавказского района) входят в состав Горской республики, осетины южного склона (78 тыс.) образуют автономную область Юго-Осетию. На южном склоне осетины живут в бассейнах Б. и М. Лиахвы и Ксана и частью в бассейне верхнего Риона, на северном—в бассейнах Уруха (Дигория), Ардона, Фиаг-дона, Гизель-дона и Генал-дона (дон по-осетински значит река). Занимаются земледелием (кукуруза, пшеница, ячмень), скотоводством, молочным хозяйством. Осетины Юго-Осетии православные, на северном склоне—частью православные, частью (гл. обр. в Дигории) мусульмане.—О талышах и татах мы уже говорили выше (стр. 454, 460). Талыши в горах занимаются земледелием (пшеница, ячмень), часть же их кочевники-скотоводы. Таты, кроме Апшеронского п-ва, живут на севере Шемахинского и на юге Кубинского уездов; всего татов около 120 тыс.—Курдов в Закавказье около 40 тыс., гл. обр. в Эриванской и Елисаветпол. губ.; курды, живущие в пределах Ардаганского и Кагызманского округов Карсской обл., ныне подвластны Турции. Частью кочевники-овцеводы, частью оседлые земледельцы. Мусульмане-сунниты, но часть курдов (Александроп. и Эчмиадзин. уезды Эриван. губ.)—иезиды (8 тыс.), исповедуют особую религию, в некоторых отношениях близкую к учению Зороастра (их называют „чортопоклонниками“, так как они относятся с почтением и к диаволу); иезиды земледельцы; говорят по-курдски, знают также по-армянски.

III. Турки. На северном Кавказе живут: карачаевцы, балкары, ногайцы, кумыки и туркмены. Карачаевцы живут в верховьях Кубани и ее притоков—Теберды и Даута; говорят на турецком языке кипчакской группы, близком к балкарскому, кумыкскому и ногайскому; оседлы, овцеводы; 20 тыс.; мусульмане - сунниты. — Балкарцы (балкары, горские татары) живут восточнее карачаевцев в горах по Баксану, Чегему и Тереку, в пределах б. Нальчикского окр. Терской обл., ныне входящего в состав Кабардино-Балкарской автономной области; 25 т., мусульмане-сунниты; говорят на турецком языке, весьма близком к карачаевскому; скотоводы; разделяются на общества: балкар, безинги, хулам, чегем и урусбий.—Ногайцы (ногаи) живут между Кумой и Тереком и в устье Сулака, есть также около Пятигорска; около 60 тыс.; мусульмане-сунниты; занимаются земледелием и скотоводством (между прочим, разводят верблюдов), частью оседлы, частью полуоседлы.—Кумыки живут по берегу Каспийского моря к северу от Дербента и в восточной части б. Тер-

ской обл.; район их обитания ныне входит в состав Дагестанской республики; 70 тыс.; мусульмане-сунниты; говорят на турецком языке, близком к ногайскому; оседлые земледельцы и садоводы. — Туркмены (трухмены) живут в Трухменских степях Ставропольской губ. по нижнему течению Калауса и Кумы; переселились сюда в XVIII ст. из Мангышлака; 18 тыс.; мусульмане-сунниты; говорят на турецком языке, близком к языку адербейджанских татар; частью оседлые земледельцы, частью кочевники-овцеводы. Но кроме того, небольшое число туркмен, выходцев из Турции, живет в Закавказье, в Ахалцыхском у. (их называют таракама); они полу-кочевники, скотоводы. — Подавляющее большинство прочих турков Закавказья относится к адербейджанским татарам; они населяют Азербайджанскую республику (1.108.000 душ), кроме того, в других республиках Закавказья их около 160 тыс.; затем очень много адербейджанских татар в соседней провинции Персии—Адербейджане. Говорят на турецком языке, близком к османскому. Занимаются земледелием (пшеница, ячмень, рис), хлопководством, скотоводством (часть адерб. татар полу-кочевники), рыболовством в Куре и Касп. море. Мусульмане, большая часть шииты.—Из других турок в пределах Закавказья упоминаются нередко османы (или турки в узком смысле слова), но настоящих османов на Кавказе очень мало, а большая часть т. н. османов—это грузины-мусульмане. — Карапапахи, кочевой турецкий народ, около 40 тыс., живут в Карсской области, отошедшей к Турции.

IV. Монгольские племена представлены на Кавказе калмыками; они населяют (12 тыс.) Больше-дербетовский улус, расположенный на севере б. Ставропольской губ., между р. Б. Егорлык и оз. Манычем; улус этот ныне вошел в состав Калмыцкой автономной области. Кроме того, около 4 тыс. калмыков живут к северу от станицы Наурской (что на Тереке); кочевники-скотоводы, некоторые занимаются земледелием; буддисты.— Затем можно упомянуть, что этнически монголами являются кайтаки, живущие в Кайтаго-Табасаранском округе Дагестана и забывшие свой язык.

V. Семиты представлены евреями и сирийцами. Евреев Кавказа можно разделить на три группы: 1) горских евреев (даг-чуфут), живущих в Дагестане и частью в Терской, Кубанской обл. и в Бакинской и Елисаветпольской губ.; они говорят на татском языке; много горских евреев в Чир-юрте; всего горских евреев около 60 тыс.; 2) грузинских евреев, 25 тыс.; живут в Имеретии, Карталинии, Кахетии; особенно много евреев в Они, где они составляют 40% населения; говорят по-грузински; 3) пришлых, европейских евреев, живущих в городах; 10 тыс. Туземные евреи появились на Кавказе, по преданию, очень давно, еще до Р. Хр.; во всяком случае, арабы, при завоевании в VIII веке Дагестана, застали здесь евреев. По образу жизни и внешности, туземные евреи не отличаются от кавказских племен, среди которых они живут.—Айсоры (сирийцы) живут в Тифлисе и в Эриванской губ., 5 тыс.; переселились в первой половине XIX века из Урмийского округа Персии, где живут айсоры-несториане; говорят на новосирийском языке семитического корня; по религии православные, немного несториан и яковитов; занимаются земледелием, садоводством, в Тифлисе— чернорабочие (где пользуются хорошей славой).

VI. Наконец, можно упомянуть о кавказских цыганах ($2^1/_2$ тыс.). Цыгане Армении говорят по-армянски, по религии армяно-грегориане; называют их боша. Цыгане Адербайджана говорят на языке местных татар, мусульмане.

Горный Крым (*см.*). Южное побережье Крыма занято Крымскими горами. Они состоят из трех параллельных гряд, слабо выпуклых к северу. Из них самая южная (прибрежная) и вместе с тем самая высокая носит название Яйлы. Яйла начинается на западе у мыса Фиолент (к западу от Балаклавы) и кончается горой Агармыш у Старого Крыма. Южный склон очень крутой, местами

(на западе) отвесный, северный склон—покатый. Вершина Яйлы представляет из себя не гребень, а волнистую равнину, то покрытую лугами, то каменистую; северозападная часть Караби-яйлы есть почти идеальная равнина. На востоке, приблизительно от Алушты, глубокие понижения отчленяют от Яйлы ряд отдельных плато: Чатырдаг (1525 м.), Демерджи-яйла, Долгоруковская Яйла, Караби-яйла. Ширина Яйлы не велика, не более 3—4 км.; только плато Караби-яйлы шире, около 7 км. На плато Яйлы прекрасно выражены воронки, борозды, пещеры, подземные реки и др. карстовые явления. Высота Яйлы в среднем 1.200 м., наибольшие же высоты, располагающиеся к северо-востоку от Ялты, приблизительно одной и той же высоты, 1.530—1.540 м. Высшая точка Яйлы—Роман-кош, 1.543 м. Ай-петри имеет 1.233 м.

Яйла сложена, главным образом, сланцами, песчаниками, конгломератами и известняками юрского и частью триасового возраста. Все породы сильно дислоцированы, падение их на С, СЗ и СВ. Кое-где имеются куполовидные выходы изверженных пород, представляющие собой лакколиты.

Вторая за Яйлой гряда значительно ниже: высота ее 450—595 м. (Мангуп-кале 580 м., Курушлю 595 м.); она отделена от Яйлы понижением в 15—20 км. шириной и расположена по линии Инкерман—Феодосия; на северном пологом склоне этой гряды лежит Симферополь; в строении гряды принимают участие, главным образом, меловые отложения, частью нуммулитовые известняки (эоцен); падение слоев на С и СЗ. Третья, северная гряда еще ниже, всего 150—250 м. абс. высоты; она отделена от предыдущей понижением в 3—4 км. шириной, по которому идет железная дорога в Севастополь; сложена из третичных известняков и полого спускается к северу, переходя в горизонтальные отложения; тянется от устья Бельбека (или даже от м. Фиолента) до г. Старый Крым.

Расчленение Крымских гор на три гряды обязано эрозии. Южный край Яйлы есть сбросовая плоскость; продолжение Яйлы видят в горах Мачин в Добрудже, промежуточная же область опустилась под уровень Черного моря, и сейчас здесь глубины свыше 1.000 м. Горообразовательные процессы в Крымских горах происходили, по Фохту, в начале верхней юры и в конце миоцена, по Добрынину (1922)—в нижнемеловое и верхнеплиоценовое время. Последний автор рассматривает Крымские горы, как одну сводовую антиклиналь, протягивающуюся с ЗЮЗ на ВСВ; южный край ее разбит сбросом, о котором сказано выше, а купол расколот системой продольных и поперечных сбросов и сдвигов.

Южный берег Крыма тянется на протяжении от м. Фиолент до Феодосии, почти на 200 км. На западе горы близко подступают к морю, но постепенно (от Байдарских ворот) отходят, образуя прибрежную полосу сначала в 2—5 км. шириной, а между Алуштой и Чатырдагом—в 12 км.; восточнее, у Судака, горы опять подходят к берегу.

По климату горный Крым можно разделить на три части: 1) южный берег, который тянется от Фороса (у Байдарских ворот) до Алушты и обладает средиземноморским климатом, 2) Яйлу и 3) прочий горный Крым, климат которого может быть назван степным или лесостепным. 1) Южный берег Крыма относится к северной окраине средиземноморского климата: максимум осадков здесь выпадает зимой, минимум приходится на август; однако, весна здесь, как и в материковой части Крыма, сухая (вторичный минимум в мае), а кроме того имеется вторичный максимум осадков в июне и июле—как бы отголосок летнего максимума, какой свойствен материковому Крыму. Защищенный массивом Яйлы от холодных ветров с севера, южный берег имеет очень мягкую зиму. О характере климата этих мест можно получить представление по следующим данным для Ялты ($44^{0}30'$ с. ш., 5 м.):

Я.	Ф.	М.	А.	М.	И.	И.	А.	С.	О.	Н.	Д.	год
осадков, мм.												
65	49	44	31	28	43	44	27	35	45	62	72	545
Средняя температура												
4,2	4,0*	6,2	10,6	16,0	20,5	23,7	23,5	19,2	14,3	8,5	5,8	13,0

Я.	Ф.	М.	А.	М.	И.	И.	А.	С.	О.	Н.	Д.	год
средние минимумы, 1891—1900												
0,2	1,4	2,1	5,3	10,7	14,8	18.2	18,5	13,3	10,3	4,0	1,8	—
абсолютные минимумы, 1900—1911												
—13,5	—12,7	—7,6	—0,9	3,5	7,8	11,4	11,6	6,0	—1,9	—8,4	—9,2	—
облачность, в % покрытия неба												
61	66	56	50	46	35	26	22	32	44	56	60	46

Как видно из этой таблички, морозы бывают и на южном побережье: в январе в Ялте в среднем (1899—1910) 13,8 дней с морозом, в феврале 8,1; в Форосе (абс. выс. 26 м.) соответственно 7,4 и 9,9. Дней с морозом в году в Ялте 43, в Форосе 30 (самую теплую зиму в Крыму имеет Форос: декабрь 7,4°, январь 4,8°, февраль 4,3°, средняя годовая 13,3°.) Магарач (80 м., близ Ялты) имеет более теплое лето, чем Форос, но более холодную зиму. Дней без оттепели на южном берегу в среднем 7. Но бывают зимы в Ялте, когда средняя температура января +8,9° (напр., в 1915 г.). Лето и осень отличаются большим числом часов солнечного сияния. Самое лучшее время в Крыму—осень: сентябрь и октябрь; в сентябре в Ялте теплее, чем в Москве в июле, а октябрь гораздо теплее московского мая. Кроме того, в Ялте осенью тихо и много света. На Южном берегу развиты (особенно летом) бризы: днем с моря, ночью с суши. Относительная влажность сравнительно велика: в Магараче максимальная в декабре (76%), минимальная в августе (57%). Солнечного сияния здесь много: в августе, по наблюдениям за 1902 год, 87% от возможного.

2) Яйла обладает своеобразным климатом, переходным от средиземноморского к климату лиственных лесов умеренных широт. На Яйле, на высоте 1500 м., средняя температура июля должна быть около 13°. Осадков много, в среднем 500—1000 мм., но бывают годы, когда выпадает свыше 1500 мм. Максимум осадков приходится на разное время: обычно на зиму, но на Караби-яйле (974 м.) на лето. Минимум осадков выпадает обычно в конце зимы или в начале весны, но местами в конце лета или осенью. Приводим годовой ход температуры воздуха и осадков для Ай-петри, где метеорологическая станция расположена на 1.180 м.:

Я.	Ф.	М.	А.	М.	И.	И.	А.	С.	О.	Н.	Д.	год
температура												
—3,6*	—3,3	—0,3	3,9	9,2	13,0	15,6	15,5	11,1	7,9	1,4	—1,1	5,8
осадки (1901—1920), мм.												
163	102	95	45	57	82	77	34*	70	82	105	119	1031
число дней с осадками, 1901—1921												
23	18	17	12	13	12	10	8*	11	13	18	21	176
продолжительность солнечного сияния в % от возможной, 1902												
40	39	53	58	65	73	76	85	81	60	47	36	62

Как видим, число дней с осадками на Яйле значительно: летом один из трех дней с осадками, зимой из трех дней два с осадками. Около 60 дней в году со снегом. Ветры на Яйле довольно сильные, но во всяком случае слабее, чем на станции Ай-петри, где средняя скорость ветра 5,8 м. в секунду. Туманов очень много, в году свыше 100 дней с туманом. Зимою и в начале весны во время антициклонов на Яйле иногда бывает теплее, чем на северном склоне, небо ясное и влажность очень мала (это случается при т. н. фенах из свободной атмосферы).

3) На северном склоне Крымских гор и на южном берегу к востоку от Алушты господствует климат, который можно назвать до высоты около 500 м. климатом лиственных лесов, а ниже степным или лесостепным. Осадков 300—500 мм. Максимум осадков в июне, июле, минимум весною или в конце зимы, вторичный минимум осенью, вторичный максимум в начале осени или в первой половине зимы. Космодемьянский монастырь, расположенный на северном склоне Бабуган-яйлы, в верховьях р. Альмы, на высоте 670 м., окружен буковыми лесами; здесь выпадает в год 814 мм. осадков, максимум в июле (92 мм.), минимум в сентябре (47 мм.). Старый Крым на высоте 500 м. имеет 500 мм. осадков в год, максимум в июне (75 мм.), минимум в сентябре и октябре (27-28 мм.); средняя температура февраля—0,8°, июля 21,9°. В Судаке 295 мм. осадков в год, максимум в июле (40 мм.); в Феодосии 341 мм., максимум в июне (45 мм.), минимум в феврале (20 мм.).

Своеобразная средиземноморская растительность Южного берега идет вверх только до 400 м. Для этого пояса характерны вечно-зеленые растения: иглица (Ruscus aculeatus, стебли ее сплющены в листоподобные образования), земляничное дерево (Arbutus andrachne), ладонник (Cistus tauricus), плющ (Hedera helix). Кроме того, здесь растут древовидный можжевельник (Juniperus excelsa) и колючий можжевельник (J. oxycedrus), дуб (Quercus pubescens), скипидарное дерево (Pistacia mutica), жасмин (Jasminium fruticans), авраамово дерево (Vitex agnus-castus), сумах (Rhus coriaria), держи-дерево (Paliurus aculeatus), каперцы (Capparis herbacea), бешеный огурец (Ecbalium elaterinum) и др. В этой же зоне растут искусственно разводимые и прекрасно акклиматизировавшиеся средиземноморские и японские растения: кипарисы, лавры, лавровишни, магнолии, глицинии (Wistaria chinensis), веерные пальмы (Chamaerops excelsa), ленкоранские акации („мимоза", Acacia julibrissin), пробковый дуб, платаны, иудино дерево (Cercis Siliquastrum), золотой дождь (Haburnum vulgare), самшит(Buxus sempervirens), Arbutus unedo и др.; средиземноморская карликовая пальма требует защиты на зиму. Из плодовых деревьев здесь разводят оливковое дерево, миндаль, каштаны, фисташку, гранат, грецкий орех, мушмулу, хурму; много виноградников.

Выше этой зоны на Южном берегу (напр., у Ялты) растет крымская сосна (Pinus laricio var. pallasiana), иногда спускающаяся до уровня моря, а на Ай-петри доходящая до края Яйлы; на восток она идет до района Отуз. В других местах Южного берега место сосны занимают дуб и мелколистный граб (Carpinus orientalis). Еще выше идет пояс буковых лесов (Fagus silvatica) с примесью сосны (крымской и обыкновенной), осины, клена (Acer opulifolium), рябины и др.; в верхних частях букового пояса попадаются единичные экземпляры тиса (Taxus baccata); буковые леса доходят до края Яйлы (1.000 м. и выше) и резко обрываются у края безлесного плато. Кроме обыкновеного бука, на склонах Крымских гор растет и кавказский (Fagus orientalis).

Яйла почти безлесна; лишь кое-где под защитою скал встречаются заросли бука, кленов (Acer campestre, A. hyrcanum), ясеня, рябины, граба и др., а также отдельные сосны и тисы. Впрочем, местами на Яйле встречаются буковые леса, напр., на вершине Караби-яйлы, на юго-восточной части Демерджи-яйлы, на нижнем плато Чатырдага; к буку примешан граб, клены, ясень, рябина. На более сухих местах Яйлы господствует лугово-степная растительность; главную роль играют злаки: типчак (Festuca sulcata), келерия (Koeleria gracilis), костер (Bromus variegatus). На более влажных яйлах преобладает луговая и частью альпийская растительность (Бабуган, Чатырдаг); здесь доминируют двудольные: манжетки (Alchemilla), ползучий клевер (Trifolium repens) и Filipendula hexapetala, много „крымского эдельвейса" (Cerastium biebersteini) и осоки. Из других характерных растений Яйлы отметим: Androsace villosa, Draba cuspidata, Gnaphalium dioicum, фиалку (Viola altaica) и др. На Яйле отмечены горнолуговые почвы, иногда сильно гумусные (до 18%). Выпасаемые на Яйле многочисленные стада овец сильно нарушают естественный характер здешней растительности. Некоторые авторы (Вульф, 1925 г. и др.) полагают, что некогда Яйла была облесена, впоследствии же лес был истреблен человеком. На Чатырдаге крутой северный склон верхнего плато покрыт зарослями стелющегося можжевельника (Juniperus depressa) с примесью Ju. sabina; по мнению Вульфа, эта кустарниковая формация обязана своим возниковением уничтожению буковых лесов человеком.

Северный склон Яйлы покрыт вверху буковым и грабовым лесом, в котором встречаются насаждения сосны (крымской и обыкновенной) и единичные липы (Tilia parvifolia), клены (Acer opulifolium), кизил, рябина; близ Космодемьянского монастыря растет также береза (Betula pubescens). Ниже буковой зоны располагаются леса из дуба и мелколистного граба (Carpinus orientalis), среди которых

встречаются лещина, осина, груша, клен, ясень, бересклеты и др.; на западе, начиная от Бахчисарая, растет крымская сосна.[1] Ниже зоны дубовых лесов идет лесостепье, которое на север простирается за линию Симферополь—Карасубазар; здесь растет, главным образом, дуб, груша, вяз (Ulmus glabra), кустарники; эти лески носят название „дубки".— Близ Судака встречается пицундская сосна (Pinus pithyusa var. stankewitschi; она же указывается и для м. Айя у Балаклавы).

Животный мир Горного Крыма, а особенно Южного берега, несет много своеобразного и заключает ряд средиземноморских форм. Вместе с тем многих характерных видов здесь нет: отсутствует белка, медведь, кабан, сони. Есть олень (Cervus elaphus) и козуля (Capreolus capreolus)—оба в Космодемьянском лесу. В горах волк, лисица, барсук, крымская ласка (Mustela boccamela nikolskii) каменная куница-белодушка (Mustela foina). Многие обычные виды птиц в Крыму образуют особые, крымские формы; таковы, напр., сойка (Garrulus glandarius iphigenia), скворец (Sturnus porphyronotus tauricus), зеленушка (Chloris chloris menzbieri), щегол (Carduelis carduelis nikolskii), горная овсянка (Emberiza cia mokrzeckyi), пищуха (Certhia familiaris buturlini), синица (Parus phaeonotus moltschanowi), долгохвостая синица (Acredula rosea taurica), лазоревка (Cyanistes coeruleus brauneri). Из ящериц на Южном берегу встречается эндемичный геккон (Gymnodactylus danilewskii), несколько средиземноморских форм (среди них Lacerta saxicola). Среди амфибий мы не встречем травяной и остроносой лягушек (Rana temporaria и R. arvalis), жерлянки (Bombinator bombinus) и малого тритона (Molge vulgaris). Из рыб отметим черноморского лосося (Salmo trutta labrax) и его производное—форель, затем голавля, гольяна, горчака, гольца (Nemachilus barbatulus), пескаря и, наконец, единственную эндемичную форму среди рыб—крымского усача (Barbus tauricus). Среди беспозвоночных Крыма много своеобразных форм. В речках есть краб, Telphusa fluviatilis (напр., в Учан-су). Есть сколопендра (Scolopendra cingulata), многоножка (Scutigera coleoptrata), крымский скорпион (Euscorpius tauricus), сольпуга; в лесах встречается дикий черный таракан (Stylopyga orientalis spontanea) и эндемичные тараканы (Aphlebia adusta и др.). Отметим еще богомола (Mantis religiosa), эмпузу (Empusa tricornis), виноградникам вредит кузнечик—крымский бескрылый коник (Isophya taurica). Своеобразны эмбии (Embia taurica), маленькие насекомые, имеющие прядильные железы на передней паре ног. Упомянем еще цикаду (Cicada plebeia), мимикрирующую бабочку (Libythaea celtis), эндемичную для Ай-петри бабочку Satyrus euxinus, нередкого в садах крупного синефиолетового жука из жужжелиц (Procerus scabrosus tauricus), родственного балкано-малоазийской P. scabrosus. В горных лесах изредка попадается жук усач (Rosalia alpina).

Население. Крым был заселен еще в палеолитическое время: недавно в пещерах к востоку от Симферополя обнаружены палеолитические орудия, части скелетов человека, а также остатки мамонта, носорога, дикой лошади, осла, сайги, медведя, гиены. На Яйле найдены неолитические орудия. Не останавливаясь на эпохе металлов, отметим, что история застает в горном Крыму целую свиту народов: загадочных киммерийцев, скифов, греков, сарматов, готов (явились в Крым в половине III века; упоминания о них—до средины XVI в.; потомки их среди мариупольских греков, переселенных с Южного берега в 1778 г.), гуннов, хазар, генуэзцев и венецианцев, татар (с 1223 г.), турок (с 1475 г.), русских. В настоящее время в Горном Крыму живут татары, русские, болгаре, немцы, греки, евреи (крымчаки и караимы), армяне, цыгане.

Крымские татары делятся на степных и горных (включая в число последних и южнобережских). Степные (их горные называют „ногай") татары имеют монгольский облик, горные же (их степные называют „тат") имеют южно-европейский тип, и, как полагают, есть помесь между степными татарами, греками, готами, генуэзцами. Горные татары живут на Южном берегу, а также в горах; их свыше 60 тыс.

(в Ялтинском у. более 40 тыс.). Значительное количество татар выселилось в Турцию по присоединении Крыма, а затем после крымской кампании и в 1902—3 годах. Говорят горные татары на языке, близком к османскому; мусульмане-сунниты. Занимаются в предгорьях садоводством, огородничеством, табаководством, земледелием; овцеводство ныне потеряло значение; южнобережские татары занимаются виноградарством и табаководством; городские—торговлей и ремеслами. Русские живут в городах, но довольно много их и в сельских местностях; так, в Ялтинском у. перепись 1921 г. показала около 19 тыс. в городах (Ялта, Алушта, Алупка) и около 8 тыс. вне городов. Болгары, переселенцы XIX в., живут в районе Старого Крыма и Феодосии (4 тыс.), а также Карасубазара (2$^1/_2$ тыс.). Греки тоже, повидимому, все новые переселенцы, потому что аборигены частью смешались с татарами, частью были переселены после присоединения Крыма на северное побережье Азовского м.; живут в горной части Крыма в районе Карасубазара (1$^1/_2$ тыс.), в Балаклаве и ее окрестностях (1800 д.), в Ялте (3 тыс.) и Ялтинском у. (3200 д.), в Феодосии и Феодосийском у. (около 5$^1/_2$ тыс.). Немцы колонисты есть в Феодосийском районе (2 тыс.), занимаются земледелием. Кроме татар, аборигенами Крыма являются: евреи-крымчаки, евреи-караимы и армяне. Крымчаки живут в Карасубазаре (2$^1/_2$ тыс.), Симферополе (много, но сколько именно, сказать невозможно) и некоторых других местах; по религии евреи-талмудисты, по образу жизни, занятиям и языку близки к горным татарам. Евреи живут в Крыму с очень давних времен и некогда, при хазарах, играли большую роль (хазарский каган принял иудейство); они жили в Инкермане, Чуфут-кале (близ Бахчисарая), Мангупе, Балаклаве, Карасубазаре, Феодосии. Караимы живут в Крыму с древнейших времен. Обитают в городах, в горном Крыму их мало; есть в Ялте (160 д.) и в Феодосии (880 д.); говорят на языке горных татар (ныне по б. ч. по-русски), занимаются торговлей. Очень давно появились в Крыму армяне; ныне в горной части живут в городах (Ялта 850 д., Старый Крым 450 д., Феодосия 1 т. д.) Цыгане тоже очень древние поселенцы в Крыму; много их жило оседло в Бахчисарае, но во время голода 1922 г. почти все вымерли.

Горный Туркестан. В Туркестане, согласно с данными Д. И. Мушкетова (1924), можно различить две горные системы: 1) Каспийско-Памирскую и 2) Тянь-шань. К Каспийско-Памирской системе относятся след. возвышенности: Мангышлакские горы, Б. и М. Балханы, Копет-даг, Заалайский хребет и Памир, включая сюда все хребты южнее Заалайского. Во всех этих цепях процессы складкообразования (пликативные) происходили еще в третичное время. На Мангышлаке, между заливами Кочак на западе и Кайдак на востоке, протянулись два кряжа Ак-тау и Кара-тау. Высшая точка хр. Кара-тау, гора Отпан, достигает 557 м. абс. высоты. Высшая точка Б. Балхана имеет 1867 м. Копет-даг тянется от ст. Ушак до р. Теджена; высшая его точка в пределах Туркмении имеет 2982 м.; хребет сложен меловыми и частью нуммулитовыми известняками, предгорья же дислоцированными сарматскими осадками. Копет-даг, нигде не заходящий в снеговую область, несет в общем отпечаток пустыни; из древесных растений на склонах растет единичными экземплярами арча́ (можжевельник), и лишь в глубоких долинах можно встретить инжир, клен, вяз, барбарис, железное дерево, заросли гранатника. За Аму-дарьей система Копет-дага продолжается в хр. Петра Великого, достигающий высоты до 6480 м. (Мусджилга), и далее в Заалайский, высшая точка которого, пик Кауфмана, имеет 7140 м. высоты. В этих хребтах, а равно и в Гиссарском, наблюдается типичная альпийская складчатость морских мезозойских и третичных отложений, при чем складки здесь выпуклы к северу. Возможно, что и Алайский хребет относится к той же Каспийско-Памирской системе (во всей юго-восточной Фергане юрские, меловые и эоценовые осадки собраны в складки). Ферганский хребет, имеющий

на 800—1000 м., в Пржевальском у. выше. Здесь развиты сухие полынно-злаковые или кустарниковые степи. Выше этой зоны располагается зона черноземов; это область злаковых степей, где практикуется земледелие без искусственного орошения: в Джунгарском Алатау на 800—1200 м., в Фергане на 1100—1600 м. и выше (до 1800 м.). Еще выше располагается горнолуговая субальпийская подзона, где развиты горнолуговые черноземовидные и влажнолуговые темные почвы; на них высокотравные луга (в Дж. Алатау на 1200—2000 м.). Наконец, под снегами и ледниками лежит горнолуговая альпийская подзона с горнолуговыми и влажнолуговыми горнотундровыми почвами; здесь низкотравные горные луга (в Дж. Алатау на 2000—3000 м.).— Местами степи идут гораздо выше, чем сейчас указано; так, к югу от Нарына полынно-типчаковые степи расположены на 2500—3000 м. Местами, между черноземной (степной) и луговой зоной вклинивается лесостепная. Это имеет место, напр., в Андижанском уезде, где на склонах Ферганского хр., по исследованиям Неуструева, зональная последовательность почв такова: 1) Низины; полынно-солянковая солончаковая пустыня, благодаря искусственному орошению главнейший район земледелия: хлопок, рис, ячмень, просо, пшеница. 2) Адыры (холмы): полупустыня с сероземами, быстро изменяющимися с высотой; светлые сероземы до 1100—1200 м.; полынно-злаковая и разнотравная растительность; сплошь распахивается без полива, но ненадежно. 3) Злаковая степь с темными (сильно гумусными) сероземами, обращающимися в аналоги черноземов; надежные бесполивные культуры; в лощинах и ущельях грецкий орех (Juglans fallax), яблоня и пр. Солончаки и солонцы отсутствуют; почвы темносерые, сильно гумусные (до 12%), ореховатые, карбонатные, с высоким вскипанием. Эта зона идет до 1600 м. 4) Лесная зона или, правильнее, лесостепье: участки лесов из грецкого ореха, слив, яблонь и др. На полянах то злаковая степь, то луга. Под лесом почвы сильно гумусные (свыше 21%), сильно ореховатые, напоминающие лесные суглинки. 5) Луговая степь (джайляу), с 1700 м. и до 2500—2700 м. на ферганском склоне и до 3000—3200 м. на семиреченском. На выпуклых частях рельефа степь с полынью (Artemisia maritima), ковылем (Stipa capillata); почвы очень напоминают черноземы. Луга состоят из Ferula, Prangos, Eremurus, Hordeum bulbosum и др.; в верхней зоне луговой степи небольшие рощи из ели, заросли арчи, в долинах клен, тополь, береза; почвы черноземовидные и вплоть до горносолончаковых отличаются большой гумусностью и резко выраженным карбонатным слоем; распашка луговой степи возможна до 2500 м. 6) Субальпийская зона начинается на 2700—3000 м. Высокогорные луга. Почвы и здесь местами карбонатны. Местами на высотах свыше 3000 м. ковыль. В других местах на 3000 м. горнолуговые почвы без карбонатов, более светлые и с бурым дерновым слоем.

В приведенных примерах ясно видно, как далеко вверх в горы сказывается влияние пустыни. Здесь сухость воздуха в горах так велика, что мы встречаем черноземные степи с ковылем и полынью на таких высотах, где в Альпах лежат вечные снега. Еще более рельефно это обнаруживается на Памире, который по характеру почв, преимущественно солонцевых и солончаковых, должен быть отнесен к высокогорной пустыне; здесь большим распространением пользуются терскен (Eurotia ceratoides) и Acantholimon diapensioides, служащие на Памире топливом; затем на каменистых площадях растут различные астрагалы и Oxytropis.

В Тянь-шане можно различить, в общем, такие зоны растительности. На 800—1000 м., местами до 1600 м., распространены полынно-ковыльные сухие степи с господством ковыля (Stipa capillata). На 1000—1200 м. местами до 1800 м. и выше—ковыльно-типчаковая степь (ковыль и Festuca sulcata); в верхних частях этого пояса появляется разнотравная растительность, а также заросли лиственных деревьев.

Древесной растительностью горы Туркестана очень небогаты. Хвойные деревья, хотя и имеются в Туркестане, но представлены преимущественно сухолюбивыми древовидными можжевельниками (арчà), из которых Juniperus pseudosabina распространен вплоть до субальпийской зоны. Лишь в горах северного Семиречья мы местами встречаем хвойные леса, несколько напоминающие тайгу. В Джунгарском Алатау, Заилийском Алатау и по Иссык-кулю, в Таласском Алатау, в Чаткальском и Ферганском хр., в восточной части Алайского и Заалайского хр. распространена тяньшанская ель (Picea schrenkiana), которая кое-где есть и в Тарбагатае. На этом последнем хребте есть леса из сибирской лиственницы (Larix sibirica). Сибирская пихта (Abies sibirica) местами в Джунгарском Алатау образует сплошные насаждения; есть она также в Таласском Алатау и в Чаткальском хр. Во всем остальном Туркестане из хвойных встречается одна арча.

Ель в Тянь-шане заходит вверх на такую высоту, на какой в Альпах уже обычно залегают вечные снега, а начинается на высоте, где в Альпах хвойные, как правило, кончаются. Так, зона ели обнимает в Джунгарском Алатау пространство между 1300 м. и 2150 м., в Заилийском 1800—2800 м., Кунгее 1850—2850 м., Терскее 2150—2800 м., Александровском хр. 1850—2900 м., в Чаткальском 1800—2850 м. Арча доходит местами до 3500 м. и выше.

Опишем теперь наиболее типичную растительность некоторых хребтов. Копет-даг почти сплошь, от подошвы до гребня, занят горностепной растительностью. Одним из замечательных представителей копетдагской высокогорной флоры является Gypsophila aretioides, образующая округлые и весьма плотные подушки до аршина диаметром. Характерны далее различные колючие астрагалы и Acantholimon. Древесная растительность представлена очень редкими насаждениями, чаще единичными деревьями; встречается арча (Juniperus polycarpos), грецкий орех (Juglans fallax), в районе Каракалы образующий лески, карагач (Ulmus campestris), клен (Acer monspessulanum), гранатник (Punica granatum); упомянем еще о зарослях держи-дерева (Paliurus aculeatus) и фисташки (Pistacia vera); попадается миндаль (Prunus bucharica) и алычà (Prunus cerasifera).—Горы сев. Ферганы изобилуют дикими фруктовыми деревьями: грецким орехом, яблоней, грушей, алычей (Prunus divaricata), черемухой, миндалем, фисташкой и др.; встречается абрикос, айва и др.; иногда до высоты в 1500 м. попадается дикий виноград (Vitis vinifera). Кроме того, тут встречается клен, ясень, тополь и др.; о хвойных мы уже говорили.—На склонах Заилийского Алатау в нижнем поясе растут редкие лиственные леса из яблони, рябины, березы (Betula tianschanica), тополей, осины, клена, абрикоса, вяза и др.; от этих лесов, изобилующих яблонями, получил свое имя город Алматы, или Верный (алмà—яблоко); верхний предел лиственных лесов лежит здесь на 1500—1700 м.; выше следует зона тяньшанской ели. В Заилийском Алатау, как и вообще в центральном Тянь-шане, нет грецкого ореха, древовидного можжевельника (арчи), фисташки. В Терскее лиственные леса идут до 2100 м., в Александровском хр. до 1800 м.

Для фауны горного Туркестана характерны следующие формы: на Памире и в Тянь-шане водится баран Марка Поло или качкар (Ovis poloi), достигающий весу до 18—20 пудов, в горной Бухаре и по верхнему Зеравшану встречается другой баран, Ovis vignei, и наконец, Копет-дагу и Мангышлаку свойствен Ovis orientalis. Далее, отметим горного козла („киик“) Capra sibirica, тяньшанскую козулю, Capreolus tianschanicus („илик“), марала, кабана, рысь (Lynx isabellina), тяньшанского медведя, снежного барса или ирбиса (Leopardus uncia), леопарда (Leopardus pardus), гепарда (Cynaelurus jubatus), встречающегося в Копет-даге, дикого кота-манула (Otocolobus manul), известного из Копетдага и Джунгарского Алатау, сурков, сусликов, полевок, барсука, дикобраза, красного волка (Cyon alpinus). Из птиц в горах Туркестана

встречается снежный гриф (Gyps himalayensis), рогатый жаворонок, горная индейка или улар (Megaloperdrix himalayensis), каменная куропатка, горный стриж, альпийская галка, арчевый дубонос, памирская саджа (Syrrhaptes tibetanus), синяя птица (Myophoneus temmincki); из амфибий семиреченский тритон (Ranodon sibiricus). Вообще, амфибиями Туркестан весьма беден. Из рыб горам свойственны маринки (Schizothorax), османы (Diptychus, а на Памире Schizopygopsis), форели (в Алайской долине), своеобразные горные сомики (Parexostoma stoliczkai), гольцы (Nemachilus, Diplophysa). Из домашних животных гор весьма характерен як („кутас“), которого разводят каракиргизы на Памире и севернее.

Население гор Туркестана довольно разнообразно. Коренным арийским населением являются т а д ж и к и, о которых мы уже говорили выше. Они населяют горы в пределах современного Таджикистана, за исключением Памира. Есть таджики и в горах Ферганы и даже в Ташкентском у. (кишлаки Пскент, Зоркент, Паркент). Всего таджиков около 400 тыс. душ. Таджики Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза—это г о р н ы е т а д ж и к и; они говорят на различных говорах того же таджикского языка, что и прочие таджики, но по своей материальной культуре приближаются к гальче, о которых ниже. Горные таджики мусульмане-сунниты; земледельцы: сеют пшеницу, ячмень, просо, горох и пр., разводят хлопок, люцерну. В Дарвазе культивируют много тутового дерева (шелковицы); таджики сушат сладкие белые плоды тута, перетирают в муку и варят из нее кашу или похлебку или же прибавляют в хлеб; в Дарвазе сильно развито хлопководство, и эта область является центром производства хлопчатобумажной ткани—маты. Помимо таджиков, в горах Таджикистана живет целый ряд мелких племен, говорящих на иранских языках; сюда относятся ягнобцы и несколько племен объединяемых под именем гальча. Я г н о б ц ы живут в долине р. Ягноба (между Зеравшанским и Гиссарским хребтами); их всего около 2000 душ; говорят они на особом языке, который относится к северной (скифской) ветви иранских языков и весьма близок к вымершему согдийскому языку; так что можно думать, что ягнобцы прямые потомки согдийцев. Кроме языка, они по религии и быту не отличаются от соседей таджиков, живущих по Зеравшану. Название г а л ь ч á происходит от г а р—гора; гарча, или, по современному, гальча, значит горец; этим именем в Самарканде обозначают всех горцев, подобно тому, как в Дагестане все горские племена именуются „тавлинцами“ (от тау—гора). Среди самих горцев слово гальча знают лишь в верховьях Зеравшана, но здесь не прилагают к себе. Как бы то ни было, русские исследователи объединяют под этим именем иранские народы, обитающие в западном Памире, по Пянджу и его притокам, именно: ш у г н а н ц е в, в а х а н ц е в и и ш к а ш и м ц е в. Их всего около 18 тыс. душ. Первые обитают в Шугнане, вторые в Вахане, третьи в Ишкашиме. Говорят на разных языках и таджикского не понимают. По религии гальча—исмаилиты (шиитская секта, глава коей, ага-хан, живет в Индии). Народ очень бедный, занимаются земледелием; в долине Бартанга разводят абрикосы, яблоки, дыни, арбузы, тутовое дерево, персики, кукурузу, грецкий орех и даже виноград (Кала-и-вамар, 2000 м.), сеют пшеницу, ячмень, рожь, горох, бобы.

Из числа турецких народов в горах Туркестана преобладающую по численности роль играют к а р а к и р г и з ы (сами себя называют „кыргыз“). Это, родственное киргизам, племя живет в горах от Семиречья до Каратегина, населяя Каракиргизскую автономную область. Их около 600 тыс. душ, больше всего в Пишпекском у. и в горах, окружающих Фергану; есть каракиргизы и в Каратегине, они же в числе 2—3 тыс. душ населяют восточный Памир; кочевники, сунниты; говорят на языке, принадлежащем к той же кипчакской группе, что и киргизы. Наконец, в горах Ферганы и Сырдарьинской области можно встретить и с а р т о в.

Алтай (*см.*). Горную систему Алтая делят на четыре главных водораздельных хребта: 1) Южный Алтай, 2) Внутренний Алтай, 3) Сайлюгем и 4) Монгольский Алтай; последний расположен между рр. Черным Иртышом и Кобдо и лежит в пределах Монголии. 1) Южный, или Большой Алтай, называемый в своей западной оконечности Нарымским хребтом, разделяет воды Черного Иртыша и оз. Зайсана от системы р. Бухтармы; он отходит от массива Табын-богдо-ола, который достигает высоты 4500 м. К Табынбогдо-ола примыкает плоскогорье Укок, лежащее на 2200 — 2300 м. Высота Нарымского хр. с 3000 — 3200 м. на востоке понижается до 1200—1500 м. на западе. У южного склона Курчумских гор находится альпийское озеро Марка-куль, лежащее на высоте 1484 м. и достигающее глубины в 27 м. 2) Внутренний Алтай; западная часть его на картах называется Холзунскими Белками; этот хребет, служащий водоразделом между Бухтармой и Катунью, достигает 2200 — 2400 м. высоты. Поперечная долина р. Катуни отделяет хр. Холзун от Катунских Белков, которые, повидимому, являются высочайшим хребтом Русского Алтая. Долина р. Аргута, правого притока Катуни, отделяет Катунские Белки от их непосредственного продолжения—Чуйских Белков. Средняя высота Катунских Белков около 3000 м.; на всем своем протяжении они покрыты вечными снегами; почти посреди протяжения хребта находится высшая точка его, а вместе с тем и всего Русского Алтая, гора Белуха, состоящая из двух вершин, — западной, высотой 4400 м., и восточной, высотой 4500 м. С Белухи спускаются шесть ледников, из коих крупнейшие, Геблера и Берельский, имеют по $8^1/_2$ км. в длину. 3) Хребет Сайлюгем лежит на границе Китая и служит водоразделом между бассейнами рек Оби и Кобдо. Начинается он близ вершины Кийтын в массиве Табын-богдо-ола. Вершины в Сайлюгеме достигают свыше 3300 м. К системе Сайлюгема относится хр. Горбу, который тянется вдоль восточного берега живописного Телецкого озера. Это альпийское озеро лежит на высоте 473 м. и имеет в глубину 311 м. К северо-востоку от Телецкого озера, по левому берегу р. Абакана идут Абаканские горы, достигающие в южной части 2400 м. Продолжением их является Кузнецкий Алатау; высшая точка его достигает 2100 м.; ледников в настоящее время в этом хребте нет, но вершины южной части гор почти все лето покрыты снегом. По направлению к линии Сибирской ж. д. Кузнецкий Алатау постепенно переходит в волнистые равнины. К западу от Кузнецкого Алатау расположен Салаирский кряж высотой до 600 м. Пространство между Салаирским кряжем и Кузнецким Алатау носит название Кузнецкого угленосного бассейна, запасы угля в котором исчисляются в 250 миллиардов тонн, т.-е. в четыре с лишним раза больше донецких: особенно богато углем месторождение Судженское, которое давало до 20 милл. пудов в год, затем Кольчугинское (10 милл. пудов), Горловское. К югу от Кузнецка расположено самое крупное из сибирских железорудных месторождений—Тельбесское, в котором запасы магнитного железняка исчисляются в $1^1/_2$—2 миллиарда пудов.

Алтай сложен из массивно-кристаллических пород, метаморфических сланцев и палеозойских отложений не моложе девона; лишь по окраинам известен нижний карбон. Таким образом, область Алтая осушилась в нижнекаменноугольное время. Последние сильные складчатые дислокации, создавшие палеозойский Алтай, произошли приблизительно около половины каменноугольного времени. Складчатые хребты, существовавшие здесь еще в конце палеозоя и начале мезозоя, имели простирание, повидимому, с ЗСЗ на ВЮВ. Этот складчатый Алтай ныне исчез с лица земли: с половины карбона начался продолжительный период денудации, превративший Алтай в полуравнину. В конце палеозоя или начале мезозоя, по прежним представлениям В. А. Обручева, и в первую половину постплиоцена — по новейшим, начался период дизъюнктивных дислокаций, вновь расчленивших, но по иным направлениям, фундамент древнего

Алтая. Алтай снова превратился в горную страну из плато разной высоты. Начался новый цикл денудации, продолжающийся и поныне.

Для рельефа Алтая характерно господство более или менее широких плато, иногда полуразрушенных размывом. Но даже в наиболее расчлененных размывом самых высоких и узких уступах, каковы Катунские и Южно-Чуйские и Северно-Чуйские Белки, можно восстановить прежнюю ровную поверхность плато. Нередко на поверхности плато располагаются болота. Весьма резка иногда разница между долинами чисто эрозионными и расположенными в грабенах. Последние широки и пользуются иногда довольно сухим климатом, напр. „степь" Канская, „степь" Чуйская и др. Напротив, эрозионные долины большею частью тесны, иногда имея вид ущелий, каково, например, совершенно непроходимое ущелье низовий Аргута. Катунские Белки круто обрываются к долине средней Катуни. Поднявшись по ущельям боковых хребтов, мы оказываемся на высоком, волнистом плато высотой 1800—2500 м. Восточная часть этого хребта, или Южночуйский хр., при взгляде с севера, с Чуйской степи (1700 м. абс. высоты), еще резче обнаруживает характер плато: мы видим перед собою ровное или плоско-холмистое плато, расчлененное несколькими речными долинами и достигающее 2.600—2.400 м. высоты; над плато подымаются вершины (Иикту и др.), расположенные по одной линии и возвышающиеся до 3.000—4.200 м.; очевидно, говорит Обручев, это прежний высший уступ, подобный такому же Катунских Белков, но в настоящее время сильно разрушенный денудацией.

Зимою в Алтае преобладают сухие южные и юго-западные ветры, летом влажные северо-западные и западные. Поэтому максимум осадков приходится в Алтае на лето—июнь-август (местами наблюдается вторичный максимум во второй половине осени). Наибольшее годовое количество осадков отмечено в Вост. Алтае, именно в Андобинском прииске (550 м.), в среднем 938 мм. Западный Алтай (Змеиногорск) сравнительно богат осадками, получая свыше 500 мм., но западные окраины его (Локтевское) подвержены иссушающему влиянию окружающих степей и имеют менее 400 мм. Сбросовые котловины Центрального Алтая, каковы Уймонская (на Катуни) и Чуйская степи, отличаются чрезвычайной сухостью. Южный Алтай тоже сух: Алтайская станица, лежащая на высоте 1000 м., получает всего 378 мм. в год, а плоскогорье Укок (2400 м.) даже 280 мм. На Укоке можно наблюдать следы древних оросительных каналов. Снеговая линия лежит в Алтае в среднем на 2500 м. на северных склонах и на 3000 м.—на южных. Высокие степные плато, окруженные горами, зимою сильно охлаждаются: так, в Чуйской степи (Кош-агач, 1700 м.) отмечены температуры до—48°, а средняя январьская равна—31°; снеговой покров здесь очень тонок, достигая всего 7 см.; как следствие — уже на глубине 1 м. наблюдается вечная мерзлота. Большим распространением пользуются в Алтае зимние инверсии: так, в Зыряновском руднике (450 м., в бассейне Бухтармы, 49³/₄° с. ш.) средняя февральская—22,2°, а в Алтайской станице, лежащей на 550 м. выше, февраль (—12,5°) почти на десять градусов теплее. Одна из причин—это вторгающиеся с севера волны холода, которые не хватают дальше окраины гор. Алтай зимою представляет как бы теплый остров между холодными областями Сибири и центральной Азии. В июле Зыряновский рудник имеет 19,4°, а с. Алтайская (1000 м.) 17,7°. Облачность в Алтае наибольшая осенью, наименьшая в конце зимы и начале весны.

Если от низин по линии Барнаул—Семипалатинск подыматься в горы, то мы встретим последовательно: черноземы, тучные черноземы, серые лесные земли, подзолистые почвы и, наконец, горнолуговые. Подымаясь от Зайсанской котловины вверх, мы будем иметь сначала светлокаштановые почвы, выше щебенчатые темнокаштановые, далее горные черноземы, еще выше подзолистые и, наконец, горнолуговые. С севера и северо-запада Алтай окаймлен деградированными черноземами. В южном Алтае, к югу от

51° с. ш., мы встречаем в нижней зоне каштановые почвы (напр., в Онгудае, что на Урсуле, притоке Катуни), имеющие нередко слабо-солонцеватый характер. По Бухтарме и Нарыну развиты черноземы и черноземовидные почвы. Севернее 51° с. ш. большим распространением пользуются черноземовидные или точнее лугово-степные почвы. Под лесами встречаются подзолистые почвы и деградированные суглинки. У пределов растительности располагается тундра—лишайниковая, моховая и каменисто-лишайниковая, обильно усеянная Dryas.

В отношении растительности в Алтае можно различить следующие зоны: степную, лесную, пояс альпийских кустарников, пояс альпийских лугов, пояс альпийской тундры. Степи прилегают к Алтаю с северо-запада, запада и юга; они вполне пригодны для земледелия, которое идет в горы несколько выше 1000 м. По краям гор степь идет до высоты в 350 м.—600 м., где она сменяется лесом. В степях предгорий видную роль играют злаки и кустарники (таволга, жимолость, шиповник, карагана, бобовник Amygdalus nana). Широкие степные долины западного и центрального Алтая, лежащие на высоте до 1000 м. над уровнем моря, обычно покрыты плотным дерном кипца (Festuca ovina) и других трав, свойственных низким степям. Высокие степи восточного Алтая (Чуйская 1700—1800 м. и Курайская, лежащая ниже первой по течению р. Чуи, на высоте 1500 м.) ближе подходят к щебнистым степям соседней Монголии; особенно типичны здесь астрагалы (Astragalus brevifolius и A. dilutus) и другие низкорослые бобовые, злаки, полыни и солянки. На плоскогорье Укок (2400 м.), где развиты скелетные каштановые почвы, растительный покров состоит из полыней и лапчаток (Potentilla), степного пырея (Agropyrum cristatum) и др., а ближе к горам здесь, на ряду с степными, появляются и альпийские растения: эдельвейс (Leontopodium alpinum), альпийский мак (Papaver alpinum) и др.; по окраине плато к нему спускается несколько ледников, которые оканчиваются на 2500—2600 м., оказываясь в ближайшем соседстве с сухой степью. Лесная область Алтая со стороны западных и южных степей начинается на высоте 350 м.; на северо-востоке же, через Кузнецкую чернь (пихтовые леса) лесная область Алтая соприкасается с сибирской. Из хвойных на Алтае встречаются: сибирская лиственница, которая является господствующей породою, достигающею границы леса, затем кедр, пихта, ель; сосна в Алтае приурочена к предгорьям и не идет выше 700 м. Лиственные породы играют подчиненную роль; к хвойным примешаны береза, осина, рябина, черемуха, а в подлеске калина, таволга, малина, бузина, жимолость, шиповник, барбарис, боярышник и смородина; много багульника („маральник“) Rhododendron dahuricum. Травянистая растительность лиственных лесов представлена гигантскими ярко-синими шпорниками (Delphinium elatum), аконитом (Aconitum septentrionale), крупными зонтичными Archangelica decurrens, Bupleurum aureum и др. Леса приурочены преимущественно к северным склонам. [1]) На высоте 1400 м. исчезает береза, выше осина, еще выше пихта и ель; верхнюю границу леса на более сырых склонах образует кедр, на более сухих лиственница. В Кузнецком Алатау граница леса находится на 1100—1400 м., в вост. Алтае на 1950—2000 м., в центральном на 2050—2465 м., в южном на 2300м., в западном на 1700 м. Пояс альпийских кустарников, захватывающий и верхнюю полосу леса, состоит из карликовой березки (Betula nana), мелких ив и можжевельников.— От 2000—2400 м. до 2800—3000 м. располагается область альпийских лугов (синие голубки Aquilegia glandulosa, альпийская фиалка Viola altaica, белая Anemone narcissiflora и такая же Callianthemum rutaefolium (тоже из лютиковых), розовые и желтые мытники, синие горечавки и др.).—Альпийские луга вверху сменяются альпийской тундрой: в Теректинском хр. на высотах от 2.000 до 2.500 м. господствует лишайниковая тундра; здесь встречаются заросли кустарниковой кругло-

[1]) Следует отметить, что между Салаирским кряжем и Кузнецким Алатау местами есть чистые насаждения липы (Tilia cordata).

листной березки (Betula rotundifolia) и Dryas; под березками преобладают мхи; по близости снеговых пятен травянистые лужайки, переходящие местами в болота с торфяными мхами, пушицей и осоками.

Юго-восточный Алтай (плато Укок, Чуйская степь, Чулышманское плато) по своей фауне составляет продолжение сев.-зап. Монголии. Северо-восточный Алтай (бассейн Абакана и частью Телецкого озера) населен фауной восточно-сибирской тайги.

Из млекопитающих отметим медведя, соболя, каменного хорька, барсука, рысь, снежного барса (Leopardus uncia, по Аргуту и Чуе), кота-манула (Otocolobus manul), горного или красного волка, антилопу (Gazella subgutturosa, в Чуйской степи), горного козла, горного барана (Ovis ammon, Чуйские Белки и р. Чуя, Чуйская степь, верховья Чулышмана), марала (Cervus canadensis asiaticus), северного оленя (изредка), кабаргу, сеноставцев (Ochotona), зайцев, сурка, сусликов, алтайского крота и др.; из птиц — горную индейку или улара (Tetraogallus altaicus), куропаток—белую (Lagopus lagopus), тундряную (Lagopus mutus rupestris), серую (Perdrix perdrix) и бородатую (Perdrix daurica), гуся-сухоноса (Cygnopsis cygnoides, Чуйская степь), индийского гуся (Eulabeia indica, Чуйская степь), тетерева, глухаря, лесного дупеля (Gallinago megala), азиатского бекаса (G. stenura), горного дупеля (Gallinago solitaria), галку обыкновенную (сев.-зап. Алтай) и даурскую (Colaeus dauricus, Чуйская степь), ронжу (Perisoreus infaustus), кедровку (Nucifraga caryocatactes macrorhynchus), клушицу (Pyrrhocorax pyrrhocorax), желтоклювую клушицу (P. alpinus), алтайского вьюрка (Fringillauda altaica), дроздов—черногорлого и рыжегорлого. Из рыб в горных речках изобилуют лососевые: таймень (Hucho taimen), ленок, или ускуч (Brachymystax lenok), хариус (Thymallus arcticus), а в Чуе—„осман“ (Oreoleuciscus), монгольская рыба из карповых.

Алтай начал колонизоваться р у с с к и м и с начала XVIII-го века: Бийский острог основан в 1709 г. Сильно способствовало наплыву русского населения открытие на Алтае медной руды и учреждение Демидовым Колыванского завода (1723 г.). Во второй половине XVIII в. заселено пространство между Бухтармой и Телецким озером. С 1865 г. Алтай открыт для свободного переселения.

Туземцы Алтая говорят в настоящее время на турецких языках, но некоторые из них являются, как полагают, отуреченными самоедами или енисейцами.

А л т а й ц ы (сами себя называют „алтай-кижи“, т. е. алтайские люди), неправильно называемые горными калмыками, живут в Алтае, к западу от Катуни и Аргута; они по большей части кочевники, но есть и оседлые; частью православные, частью язычники. Занимаются скотоводством, охотой и в ничтожной степени земледелием. По исчислению Патканова, алтайцев в конце XIX в. было 20 тыс. душ. К югу от Телецкого озера, по Чулышману, Башкаусу и по Чуйским Белкам живут родственные алтайцам т е л е н г е т ы; их называют еще чуйцами и двоеданцами, так как до 1865 года они платили дань и русским и китайцам. Теленгеты, живущие по Башкаусу и Чулышману, называют себя телесами (от имени телесов получило свое название Телецкое, правильнее Телесское, озеро). На теленгетах сказалось до некоторой степени монгольское влияние. Всего их около 5 тыс. Занимаются теленгеты скотоводством (лошади, коровы, овцы, козы, а на Улагане и в бассейне Чуи, кроме того, верблюды и яки), охотой, а в долинах Чулышмана и Башкауса земледелием. Теленгеты по Чулышману и Башкаусу православные, по Чуе—шаманисты, на границе с Монголией есть буддисты. Между Катунью и Телецким озером живут ч е р н е в ы е т а т а р ы („туба-кижи“), 6 тыс.; они сохраняют некоторые кочевые привычки, занимаются охотой, рыболовством, сбором кедровых орехов, частью земледелием; считаются православными, но в сущности шаманисты. По р. Бие, ниже впадения р. Лебеди, живут к у м а н д и н ц ы, 4 тыс., сильно обрусевшие. Все перечисленные народы считают себя родственными друг другу. Л е б е д и н ц ы („ку-кижи“, ку=лебедь) живут по р. Лебеди, притоку Бии, 900 душ; некото-

рые авторы считают кумандинцев и лебединцев за один и тот же народ, но говорят они на турецких языках, принадлежащих к разным группам, именно — лебединцы на языке шорцев. Шорцы, принадлежащие к группе абаканских турков, живут по р. Мрасе, притоку Томи; их 14 тыс. душ. К западу от шорцев, между ними и русскими, живут на р. Кондоме (к югу от Кузнецка) телеуты, родственные алтайцам; их около 9 тыс.; земледельцы, сильно обрусели. К востоку от шорцев обитают сагайцы, тоже принадлежащие к абаканским туркам; они живут в Абаканском хр. и на восток доходят до р. Абакана и частью переходят за нее, а на север распространяются до верховьев Уйбата. По р. Абакану, выше с. Аскызского, живут бельтиры (из абаканских турков). Из вышеперечисленных народов кумандинцы, телеуты, алтайцы и теленгеты говорят на турецких языках кипчакской группы (Самойлович), т.-е. той же, куда принадлежат киргизы, башкиры, казанские татары и др.; язык же черневых татар относится, возможно, к чагатайской группе (на которой говорят узбеки и сарты). Лебединцы же, шорцы и др. говорят на языках уйгурской группы, куда принадлежат абаканские турки.—В части Чуйской степи, в верховьях Ясатера, по р. Берели, по Бухтарме, в Нарымском хр. и в некоторых других местах кочуют киргизы (казаки); в Черно-Ануйском они живут оседло. В низовьях Бии и Катуни, по линии Абайское—Уймон—Котанда, по Бухтарме и в др. местах живут русские.

Саяны (*см.*). Алтай входит в соприкосновение с Саянами при посредстве Сайлюгема. В сущности, Саяны состоят из двух совершенно различных систем: 1) Западной и 2) Восточной; граница между ними находится в истоках Казыра и Уды. Восточные Саяны тянутся от впадения р. Маны в Енисей (выше Красноярска) до р. Джиды, притока Селенги, и далее в Монголию до берегов Селенги. Хребты Западных Саян вытянуты по сев.-вост. и вост.-сев.-вост. направлению, хребты Восточных—по сев.-западному. В Зап. Саянах гребни гор сложены из собранных в складки сланцев и осадочных девонских отложений; напротив, Вост. Саяны состоят из массивно-кристаллических, метаморфических и изверженных пород; по окраине Вост. Саян имеются сложенные в складки палеозойские отложения; в предгорьях Зап. Саян недавно Я. С. Эдельштейном найден кембрий. На западе за начало Саян принимают перевал Шабин-даба (2.050 м.), ведущий из долины Абакана к сойотам, в Урянхайский край. На водоразделе между бассейнами Уса и Бей-кхема Зап. Саяны достигают 2.800 м. высоты. Ледников в Зап. Саянах нет. От горного узла, лежащего под 26° вост. долг. от Гринича в истоках р. Казыра (приток р. Тубы, впадающей в Енисей) и р. Уды (басс. Верхней Тунгуски), Саяны поворачивают на юго-восток. Восточные Саяны выше Западных: гора Мунку-сардык, лежащая на границе с Монголией, имеет в высоту 3.490 м. С этой горы спускается несколько ледников, а также начинается Иркут, левый приток Ангары. Долина р. Иркута отделяет главный В.-Саянский хребет от лежащих к северу Тункинских Белков высотой до 2.400 м. К северу от Тункинских Белков и параллельно им идут Китойские Белки (Оспинский голец, 2.900 м.).

Климат Саян известен плохо. Господствуют ветры юго-западные и западные. Осадки преобладают летние; при чем на двух имеющихся станциях, расположенных выше 1.000 м., Буйбинской (1.365 м., в бассейне верхнего течения р. Ус, притока Енисея) и Монды (1.310 м., верхнее течение р. Иркута) на первой отмечено 967 мм. (один год наблюдений), на второй 303 мм. По мере движения на юг и юго-восток количество осадков убывает; особенно быстро уменьшается количество зимних осадков, процент же летних увеличивается. В этом видно приближение к климату Монголии. На станции Монды (51° 42′ с. ш.) годовой ход температуры воздуха таков (приведено к многолетним средним): июль 15,7°, январь—20,9°. Облачность по мере приближения к югу (к Монголии) уменьшается: на севере средняя годовая 60—55%, на юге 45%. Особенно быстро убывает облачность по мере движения к югу—зимой. На

западе облачность распределена по сезонам почти равномерно, на востоке же зима отличается ясным небом, лето же облачное (Монды, облачность: февраль 20%, июль 62%).

Растительность в Саянах Минусинского у. такова: предгорья покрыты черноземными степями, которые на южных склонах идут до 400 м.; на этой высоте на северных склонах черноземы уже деградированы, и нередко мы встречаем леса. Между 600 и 1000 м. расположены леса: на почвах подзолистого типа растут леса из смеси березы, осины, пихты и сосны, а выше сплошная тайга из ели, пихты и кедра. В тайге моховой покров из Hypnum и Hylocomium, на нем папоротники, вейник (Calamagrostis langsdorffi), алтайская жимолость (Lonicera coerulea altaica), линнея и др. От 1000 до 1600 м. идет криволесье, деревья становятся низкими, теснятся по ущельям, появляются заросли ив. Леса идут вверх ниже, чем в Алтае: уже на высоте 1600 м. лесная растительность исчезает, и мы вступаем в альпийскую область: в понижениях развиты торфяные почвы, на которых расстилаются высокотравные альпийские луга с чемерицей (Veratrum album), алтайской ветренницей (Anemone altaica), хохлаткой (Corydalis bracteata), мытником (Pedicularis compacta) и др. В альпийской зоне несколько видов карликовых ив, карликовый можжевельник (Juniperus sibirica), брусника, голубика, барбарис (Berberis sibirica) и ароматный Rhododendron fragrans. Много лишайников и мхов.

В области Тункинских гольцов выпадает всего 300—400 мм. осадков. Поэтому растительность имеет сухолюбивый характер: нередки чистые насаждения сосны и сибирской лиственницы. На берегах Иркута то высокоствольный еловый лес, то группы тополей, то ивы и гороховник (Caragana arborescens). Северные склоны хребта покрыты то лиственничным, то елово-пихтовым лесом, а в ущельях—чистый кедровый лес. Сосновые леса в долине Иркута идут вверх не дальше 800 м., а выше господствует лиственница. При этом на сухих склонах в подлеске лиственничного леса даурский рододендрон, а на влажных в лиственничном лесу—сфагновые и гипновые ковры, местами с зарослями багульника. Верхняя граница леса, образованная чаще лиственницей, реже кедром, лежит на 1800—2000 м. (отдельные деревья до 2100—2300 м.). Далее вверх идет пояс кустарников (2000—2400 м.): заросли березки (Betula rotundifolia), рододендронов, ива (Salix vestita), карагана (Caragana jubata), ольха (Alnus fruticosa), смородина (Ribes graveolens), альпийская таволга (Spiraea alpina). Альпийские луга плохо развиты, преобладает высокогорная тундра, главным образом лишайниковая. На вершине Мунку-сардык цветковые исчезают на 3070 м.—Земледелие в Вост. Саянах идет лишь до 850—900 м. Почти не используются луга в таежной и переходной зоне.

Саяны богаты ценным промысловым зверем. Здесь еще сохранился в большом количестве соболь, который держится в тайге, именно в кедровниках; в верхнем течении р. Казыра сто промышленников за 4 года (1908—11) добыли капканами не менее 4000 соболей. Весьма распространен в горной тайге благородный олень (изюбрь, или марал), особенно в Канском у.; за ним охотятся из-за рогов (пантов) и шкур. Лось встречается, гл. обр., в Вост. Саянах. Ковуля распространена весьма широко. Кабарга очень обыкновенна; за ней охотятся преимущественно карагасы из-за кабарговой струи (мускус). Выше границы леса и даже выше альпийских лугов, по каменистым белогорьям водится северный олень; осенью, по снегу, он спускается в лесную область; за оленями, кроме туземцев, охотится красный волк („чикалка"). Есть в небольшом количестве горные козлы. В тайге много медведей. Весьма широко распространена белка, имеющая важное экономическое значение. Не мало горностая, который по своему значению стоит после соболя, белки и изюбря; горностай водится как в тайге, так и в степи. Из других животных упомянем о колонке (Putorius sibiricus), хорьке (P. eversmanni), лисице, рыси (в тайге), росомахе (тайга), волке, выдре, зайце-беляке, горном лемминге (Myopus sayanicus), сеноставце (Ochotona hyperborea). Из птиц много глу-

харей, рябчиков, тетеревей, белых, тундряных и серых куропаток (белые и тундряные куропатки гнездятся в альпийской зоне); изредка около Енисея попадаются улары (Tetraogallus altaicus). Отметим еще гуся-сухоноса, лесного дупеля, азиатского бекаса, бородатую куропатку, колючего стрижа (Chaetura caudacuta),у которого перья хвоста заканчиваются иглами, белоспинного стрижа (Apus pacificus), дроздов—рыжегорлого (Turdus ruficollis) и черногорлого (T. atrogularis).

Население Саян довольно скудное. Кроме русских, поселившихся в предгорьях, в местах удобных для земледелия, а кое-где и в горах (напр., старообрядцы в Усинском крае), здесь живут: карагасы, племя, как полагают, самоедского происхождения, говорящее на турецком языке уйгурской группы; их около 400 душ по рекам Оке, Уде, Бирюсе, Кану; карагасы по большей части кочевники—оленеводы и охотники, частью занимаются лесными промыслами; православные (в сущности шаманисты); буряты в восточных Саянах (земледельцы и частью охотники); сойты в количестве около 2500 душ живут в Усинском крае; эти отуреченные самоеды говорят на турецком языке уйгурской группы, занимаются скотоводством, охотой и частью (близ устья Уса) земледелием. В предгорьях Саян между рр. Маной и Каном живут остатки камасинцев (как думают, турецко-самоедского племени), сильно обрусевшие, православные, занимаются земледелием, охотой, скотоводством (сведения об этих народах можно найти в книге „Саянский промыслово-охотничий район", под. ред. Д. К. Соловьева, П., 1921, изд. С.-х. Учен. Ком.).

Прибайкалье и Забайкалье (см. *Забайкальская область*). Области эти относятся к системе первичного поднятия Азии, которое, по взглядам Зюсса, сложено из архейских пород, собранных в складки в докембрийское время. Зюсс полагает, что система первичного поднятия не покрывалась ни кембрийским, ни каким-либо другим из более поздних морей. Напротив, по мнению Тетяева, на месте первичного поднятия в области Байкала и Забайкалья некогда располагался обширный кембро-силурийский бассейн, отложения коего были сложены в складки в кембро-силурийское время, а затем на большей части Прибайкалья смыты. [1])

Байкал (*см.*) — это глубочайшее озеро в мире, самая глубокая впадина на суше: его наибольшая глубина равна 1521 м., средняя глубина 685 м. Длина этого громадного бассейна, величайшего из пресных озер Европы и Азии, 670 км. Самое узкое место, между дельтой Селенги и устьем реки Бугульдейки, имеет 26 км. Озеро лежит на высоте 453 м. Ежегодно с начала января до средины мая Байкал покрыт ледяным покровом толщиной от 70 до 130 см. В открытой части озера температура воды даже в самое теплое время года невысока, всего 9°; у берегов же гораздо выше, до 15° и даже до 19°; на глубинах же ниже 300 м. господствуют температуры 3,5°—3,6°. Фауна озера отличается своим богатством и своеобразием: в окрестных водоемах нет ничего похожего на байкальские формы. В озере водится тюлень (Phoca foetida sibirica), из рыб: омуль (Coregonus migratorius), составляющий предмет промысла, далее своеобразная живородящая рыба голомянка (Comephorus baicalensis), много подкаменщиков (Cottidae и Cottocomephoridae), некоторые из коих водятся на больших глубинах, много моллюсков, около 200 видов рачков-бокоплавов (Gammaridae), замечательный многощетинковый червь (Manajunkia baicalensis), близкая к коему форма водится в Тонкине, любопытная пьявка Torix baicalensis, другой вид которой встречается в Тонкине, большое количество планарий, мшанка Hislopia placoides (род Hislopia ранее был известен из южной Азии), своеобразные губки и др. Фауна Байкала имеет в общем морской облик, но произошла она вовсе не из моря, а из древних пресноводных бассейнов, окружавших Байкал, частью же выработалась в самом Байкале в течение его долгой геологической жизни. Котловина Байкала

[1]) Тетяев. Бюлл. Моск. Общ. Исп. Прир., отд. геол., II, № 3, год 1923/4.

образовалась путем сбросов около средины третичного периода.

По северному берегу Байкала тянется Приморский хр., сложенный из докембрийских пород, не превосходящий 1.800 м. абс. высоты. К северо-западу от него расположен более низкий Онотский хр., состоящий из палеозойских пород.

Возвышенности Забайкалья не имеют характера хребтов с ясно выраженным гребнем; горы имеют здесь вид плоских и широких водороздельных плоскогорий, рассеченных размывом на куполообразные вершины и округленные гривы. Отдельные выдающиеся вершины редки. Вид с перевала представляет ряд поросших лесом плоских массивов, отделенных друг от друга широкими и глубокими долинами. Судя по топографической карте, в Забайкалье можно было бы ожидать наличия складчатых горных кряжей. На самом же деле картина совершенно иная. Хребты Забайкалья, сложенные из дислоцированных массивно-кристаллических пород и кристаллических сланцев, имеют ВСВ-ое простирание; между тем, простирание слагающих их пород нередко иное. Дело объясняется тем, что после окончания процессов складчатости, собравших в складки докембрийские пласты, горная страна, сильно денудированная, была расчленена дизъюнктивными (сбросовыми) дислокациями на более или менее длинные полосы, из коих одни опустились, образовав грабены (впадины), другие же остались на месте в виде горстов (массивов); последние и представляют собою современные хребты.

В бассейне верхнего Амура мы вступаем в другую область: мы встречаем здесь собранные в складки девонские и каменноугольные отложения.

Из хребтов Забайкалья известностью пользуется Яблоновый хребет, который, грубо говоря, тянется на водоразделе систем Ледовитого океана и Амура. Это справедливо лишь для юго-западной его части, где хребет служит водоразделом между р. Хилком (приток Чикоя, впадающего в Селенгу) и Ингодой (Ингода с Ононом образуют Шилку), но, дойдя до верховьев р. Читы, Яблоновый хребет тянется на водоразделе между р. Витимом и его притоком Каренгой, теряя, таким образом, значение водораздела между бассейнами Лены и Амура. Высшая точка Яблонового хр. это голец Саранакан (1.610 м.), в 65 км. на ССВ от города Читы. В своей юго-западной части Яблоновый хр. имеет ширину от 85 до 30 км.; гребень водораздела на всем этом протяжении представляет широкую равнину, покрытую густым лесом; кое-где подымаются плоские и невысокие вершины с очень пологими склонами. В том месте, где железная дорога пересекает Яблоновый хребет, перевал имеет 1.232 м. абс. высоты; превышение хребта над долиной Ингоды здесь равно 540 м., над долиной Хилка—290 м., так что восточный склон более крутой. Юго-западным продолжением Яблонового хр. является хр. Малханский, достигающий высоты в 1.400 м.; залегая на водоразделе между Чикоем и Хилком, он покрыт густым лесом из лиственницы, кедра, ели, пихты, березы, осины и сосны. Высшей точкой всего Забайкалья является голец Сохондо, сложенный из порфира и достигающий высоты 2.200 м.; он расположен недалеко от монгольской границы, в верховьях р. Ингоды, в Борщовочном хр., который тянется отсюда к Аргуни в северо-восточном направлении.

К северо-западу от Яблонового хр. расстилается плоско-волнистое В и т и м с к о е п л о с к о г о р ь е, покрытое болотами и сплошным лиственничным лесом и орошаемое р. Витимом. Оно сложено, главным образом, из гранитов, гранито-гнейсов и гнейсо-гранитов. В центре плоскогорья развиты базальты и базальтовые лавы мощностью до 20 м.; эти изверженные продукты были доставлены несколькими небольшими вулканами (до 160 м. относительной высоты); реки среди изверженных пород проложили себе каньонообразные русла. Абс. высота плоскогорья 850—1450 м., преобладают высоты 1000—1350 м.—В бассейне р. Патома (правый приток Лены, впадает выше Олекминска) расположена горная страна, которой Кропоткин дал название П а т о м с к о г о н а г о р ь я. По своему строению страна эта соста-

вляет продолжение северного Забайкалья; она сложена из гранитов и метаморфических пород. Средняя высота нагорья 850—1050 м. На север, по направлению к Лене, нагорье спускается к Среднесибирскому плоскогорью крутым уступом в 400—500 м. высотой; линия границы нагорья в грубых чертах повторяет дугу р. Лены между устьями Витима и Патома. Характерными чертами Патомского нагорья является отсутствие ясно выраженных хребтов и приблизительно одинаковая высота для всех отдельных, разрозненных, наиболее значительных вершин. Высшей точкой нагорья является вершина Лонгдор (1956 м.). Страна между Витимом и Олекмой богата золотом; центр золотопромышленности—г. Бодайбо на берегу Витима (т. н. Ленские прииски; с 1846 по 1919 г. они дали 587,5 тонн золота). Забайкалье богато золотом, оловом, вольфрамом, молибденом, висмутом, плавиковым шпатом, радиоактивными рудами, также серебро-свинцовыми и цинковыми рудами и, наконец, минеральными источниками.

Климат Прибайкалья и Забайкалья своеобразен и находится под влиянием разных факторов: климат сибирской тайги сталкивается здесь с климатом монгольских степей; к этому присоединяется мощное влияние Байкала. Монголия отличается резкой разницей в количестве летних и зимних осадков: летом их выпадает до 75% всего годового количества, на зиму же приходится всего 2—3%, а то и менее. Такой же тип распределения осадков мы встречаем и в южном Забайкалье.

Осадков в Забайкалье и Прибайкалье выпадает немного, в среднем около 300 мм. в год, а местами и менее: на острове Ольхоне (Байкал) всего 169 мм., так что буряты, жители Ольхона, принуждены для своих лугов пользоваться искусственным орошением. Лишь в юго-западном Прибайкалье выпадает довольно много осадков: в Мысовой 515 мм., а в Переемной (по трехлетним наблюдениям) даже 689 мм. Лето в Забайкалье теплое, зима же суровая:

	широта	высота	осадков за год	темп. июля	темп. января
Дагары. . . .	55¾°	456 м.	281 мм.	14,5°	—23,0°
Баргузин. . .	53½	507	260	19,0	—26,6
Верхнеудинск	51¾	542	204	20,0	—26,0
Селенгинск.	51	570	162	20,0	—25,9
Троицкосавск	50½	758	280	19,9	—23,1
Нерчинск . .	52	490	283	20,7	—32,5

Максимум осадков выпадет в июле, минимум в феврале; в Селенгинске летом выпадает 74% осадков, зимою всего 3%. Снегу очень мало: наибольшая за зиму высота снегового покрова в Верхнеудинске всего 17 см., в Троицкосавске 13 см., а в Оловяной только 2 см. Вследствие ничтожной мощности снегового покрова грунты сильно промерзают, и мерзлота достигает большого развития: около станции Могзон (51° 43′ с. ш.) мощность вечномерзлого слоя достигает 67 м.; это, конечно, крайняя величина. Летом грунт оттаивает в среднем до глубины в 3 м. Ледяной покров на реках весьма значительный. Весеннего половодья почти не бывает, ибо снеговой покров ничтожен. Но зато летом после дождей вода, не впитываясь в мерзлый грунт, быстро стекает в реки и сильно подымает уровень; после паводков вода быстро сбывает. Зима Забайкалья отличается ясным небом и затишьем. Максимум облачности приходится на июль, минимум на январь и февраль. Вообще же облачность невелика: Верхнеудинск 53%, Троицкосавск 47%, Нерчинский завод 39% (июль и август 53%, январь 19%); вообще, зимою нигде в Союзе (даже в Туркестане) нет такого ясного неба, как в Забайкалье. Продолжительность солнечного сияния весьма велика: в Акатуе годовая продолжительность в % возможной 72, в марте 85% возможной продолжительности, в июле 59%; в этом пункте в году всего 23 дня, когда небо весь день покрыто облаками. Зимою в Верхнеудинске преобладают северо-западные ветры, в южном Забайкалье—на западе юго-западные (Троицкосавск), в средине (Чита, Нерчинск) северо-западные и на востоке (Нерчинский завод) северные. Летом —на восток до 115° в. д. Гр. северо-западные, а восточнее—северо-восточные (Нерчинск, Сретенск); эти последние, северо-восточные, ветры вызыва-

ются охотским летним максимумом давления.

Байкал оказывает резкое влияние на климат окружающих мест: на прибрежных станциях весна и лето гораздо прохладнее, а осень и зима заметно теплее, чем на станциях, удаленных от озера. Для того, чтобы показать это влияние, приведем данные о годовом ходе температуры воздуха в Лиственничном, лежащем на берегу Байкала, и в Верхнеудинске, расположенном под той же широтой (51° 50′), но в некотором удалении от восточного берега (данные приведены к периоду 1896—1905 г.):

Я.	Ф.	М.	А.	М.	И.	
			Лиственничное			
—15,4	—15,7	—10,1	—1,0	5,0	10,1	
И.	А.	С.	О.	Н.	Д.	год
			Лиственничное			
12,7	13,9	8,7	1,5	—5,3	—11,9	—0,6°
Я.	Ф.	М.	А.	М.	И.	
			Верхнеудинск			
—25,7°	—21,2	—11,8	0,5	8,5	17,0	
И.	А.	С.	О.	Н.	Д.	год
			Верхнеудинск			
19,7	16,9	8,8	—0,6	—12,5	—22,3	—1,9°

В январе и декабре в Лиственничном на 10° теплее, чем в Верхнеудинске; напротив, в июне и в июле на берегу озера на 7° холоднее, чем вдали от берегов. Максимальная температура воздуха в Листв. не в июле, а в августе, минимальная—не в январе, а в феврале,—как вообще бывает в океаническом климате. Годовая амплитуда в Листв. всего 29,6°, тогда как в Верхнеудинске 45,4°.

Забайкалье характеризуется пестрым чередованием лесистых хребтов и степных долин. Почвенный покров в местах, покрытых тайгой, принадлежит к типам подзолистому и болотному. Но даже на севере, в бассейне верхней Ангары на южных склонах встречаются почвы, приближающиеся к степным и покрытые степной растительностью (типчаком, келерией, ковылями, степной осокой и др.), на северных же склонах здесь развиты лиственничные и лиственнично-сосновые леса; по более влажным склонам, а также по дну долин нередки кедровники, то чистые, то с примесью пихты и лиственницы; изредка встречается ель, обычно в смеси с пихтой и кедром или лиственницей; почвы под лиственничными и кедрово-пихтовыми лесами — обычно подзолистые. На гольце Кирен, лежащем на берегу В. Ангары и достигающем 1780 м., лес из лиственницы (Larix dahurica) и ели (Picea excelsa obovata) доходит до 1500—1200 м.; на этой высоте обильный и густой подлесок из березы (Betula Middendorffi), которая идет и выше вместе с кедровым сланцем. Выше 1300 м. встречаются лишь отдельные кусты или редкие заросли Betula midd. и Pinus pumila, идущие почти до самой вершины. Здесь, как и обычно в Забайкалье, отсутствует в альпийской зоне пояс сырых лугов, столь характерный, напр., для Алтая. Изредка эта зона в Забайкалье выражена в виде лужаек; так, на гольце Сохондо (2.200 м.) ниже плоской заваленной каменными россыпями вершины мы встречаем лужайки с Anemone narcissiflora, Callianthemum rutaefolium, Aquilegia sibirica, Dracocephalum altaiense, Gentiana altaica, Ranunculus frigidus и др. Ниже на Сохондо располагается пояс кустарников, вообще богато представленных в Забайкалье: кедровник или кедровый сланец, Pinus pumila, весьма характерный для субальпийских кустарных зарослей Забайкалья и восточнее березка Betula exilis, Rhododendron chrysanthum, можжевельник Juniperus dahurica, голубика, брусника, черника, голубой вереск Phyllodoce coerulea. Сохондо возвышается среди слабо-волнистой, сильно приподнятой площади, почти сплошь одетой пеленой густого лиственнично-кедрового леса, прерываемого широкими заболоченными долинами речек. В бассейне Баргузина встречаются почвы, напоминающие светлокаштановые; есть здесь и солонцы; горные скалы, обращенные на север, заняты лиственницей, на юг—сосной; наверху господствует лиственница с подлеском из сибирского багульника (Rhododendron dahuricum). Еравинские степи расположены между $52^1/_2{}^0$ и $53^1/_2{}^0$ с. ш. на высоте около 950 м.; почвы степных равнин обычно засолены, напоминая карбонатные солон-

чаки; на южных склонах здесь встречаются почвы черноземного типа, покрытые типчаком, полынью (Artemisia campestris), осокой и др.; есть также солонцы; под лесами здесь же развиты подзолистые почвы. Южнее располагаются более низкие (620—690 м.) Нерчинские степи; горы имеют в высоту до 850 м.; степи покрыты лугово-степными карбонатными почвами, карбонатные горизонты у них резко выражены: начиная с глубины в 30—70 см. и до $1^1/_2$—$2^1/_2$ м. почва вскипает; можно различить несколько типов растительности: с преобладанием востреца (Agropyrum pseudagropyrum), разнотравная степь с господством ломоноса (Clematis angustifolia), с господством лилейного Hemerocallis graminea и с Phloiodicarpus dahuricus; широко распространены в Нерчинских степях столбчатые солонцы; на дне глубоких долин развиты солончаки. Местами встречаются заросли берез и ив. В окрестностях Сретенска развиты буроватые черноземы.

На юго-западе Забайкалья мы встречаем почвы каштановой зоны. Низины заняты сухими степями с каштановыми почвами, находящимися в комплексе с солонцами и солончаками, а на песках, которые весьма распространены между Селенгой, Чикоем и Хилком, располагаются сосновые боры; выше лежит лесостепье с лиственнично-сосновыми лесами на черноземах и особых лесных почвах; еще выше—тайга (лиственница, кедр, ель, пихта) на подзолистых почвах и, наконец, гольцы. Гора Бурин-хан (1640 м.) между Джидой и Темником, до высоты 1100 м. покрыта степью, выше лиственничным лесом и, наконец, кедровником (сланником). Вообще гольцы, начиная с высоты в 1440 м., свободны от леса (напр., голец Башенный в Хамар-дабане). Между Селенгой и Гусиным озером степь покрыта темнокаштановыми почвами, расположенными по соседству с сосновыми борами. Под сосновыми борами нередко развиты почвы, очень напоминающие каштановые. По южным склонам степь забирается вверх до 1000—1100 м. (напр., по Джиде), а в Монголии, около Урги, выше 1.500 м. наблюдаются каштановые почвы. Под кедровой и кедрово-пихтовой тайгой в южном Забайкалье развиты слабо-подзолистые, изредка подзолистые почвы.—В Акшинском и в части Нерчинско-заводского уездов развиты солонцы и солонцеватые каштановые почвы; на самом юге, где близ границы проходит Манджурская ж. д. (Абагайтуй—Дуроевская), развиты полынные степи; на склонах гор можно наблюдать переход от каштановой степи к черноземам и выше к горным лугам; на вершинах гор, особенно по Адун-чолону, среди горной степи и лугов растут березово-осиновые лески на темносерых слабо-подзолистых почвах. В Акшинском горно-лесном районе почвы оподзоленные и подзолистые.—В общем, значительная часть Забайкалья занята горной тайгой с преобладанием слабо-подзолистых почв. Степные же почвы (черноземы и им подобные) развиты, главным образом, на юге Забайкалья: вдоль линии Чита—Сретенск и по линии Верхнеудинск—Урга.

Из млекопитающих в горах Забайкалья мы встречаем медведя, соболя, росомаху, волка, красного волка, рысь, тигра, изредка ирбиса, летягу, белку, суслика (Citellus eversmanni), кабана, горного барана, кабаргу, козулю, изюбря, лося.

В Забайкалье в степных плодородных местах живут р у с с к и е и б у р я т ы; здешние буряты буддисты, живут оседло, занимаются земледелием и скотоводством; в 1897 г. их было около 178 тыс. душ. На берегах Байкала, на южном побережье и в средней части восточного побережья, живут русские, они же на юге западного берега; в средней части западного побережья и на о-ве Ольхоне буряты; на севере восточного побережья тунгусы.

Север Забайкалья занят бродячими т у н г у с а м и, или о р о ч о н а м и; на юг они доходят почти до Шилки, на запад до линии, соединяющей средние течения рек Баргузина и Читы; кроме немногочисленных русских и нескольких селений оседлых тунгусов по средней Нерче, других постоянных жителей, помимо бродячих тунгусов, здесь нет. Занимаются орочоны оленеводст-

вом, охотой и рыболовством. Но кроме того, на юге Забайкалья есть оседлые тунгусы, частью обрусевшие, частью обурятившиеся: в Читинском, Акшинском и Селенгинском у. В Акшинском у., по переписи 1897 г., числилось около 3000 д. оседлых тунгусов-казаков, говоривших на бурятском языке; по религии они буддисты (ламаиты). В Селенгинском у. тунгусы (920 душ) живут в бассейне р. Хамнея (лев. приток Джиды) и в верхнем течении р. Темника; они говорят по бурятски. Все тунгусское население Забайкалья исчислялось в 1897 г. в 34½ тыс. душ, из коих менее тысячи орочонов [1]) (т. е.—бродячих тунгусов).

Дальний Восток и Северо-восточная Сибирь (*см.*). Старые географы под именем Станового хр. понимали продолжение Яблонового. На самом же деле оба хребта не связаны друг с другом: Яблоновый на севере идет между р. Витимом и его притоком Каренгой, Становой же хребет можно проследить, начиная приблизительно с 53° с. ш. и 117½° в. д., недалеко от ст. Амурской ж. д. Зиловой, что в 90 км. к северу от Сретенска. На западном конце Станового хр. высоты достигают почти до 1.500 м. Далее хребет идет приблизительно на водоразделе бассейнов Лены и Амура (реки названных бассейнов берут начало вовсе не с водораздельного хребта, а начинаются на довольно высоком плоскогорье, с севера и юга окаймленном хребтами, через которые прорываются реки с одной стороны к Лене, с другой—к Амуру). В верховьях Зеи главная цепь Станового хр. достигает свыше 2.500 м. За Становой хр. мы принимаем наиболее возвышенную передовую цепь, протянувшуюся между р. Белым Урюмом (к северу от Сретенска) и верховьями Зеи. Возможно, что хр. Джугджур, расположенный близ того места, где сходятся границы Амурской и Приморской губ. и Якутской республики и откуда берут начало реки бассейнов Алдана, Зеи и Уда, представляет собою продолжение Станового хр. Горы, идущие по берегу Охотского моря, называются Алданским хр.; они достигают 1.300 м. высоты и распадаются на две главных цепи: западная, более высокая, служит водоразделом между бассейнами Лены и Охотского моря; восточная (Приморский хр.), более низкая, тянется по берегу моря; в состав последней входят верхне-девонские известняки; западная же цепь сложена гранитами, гранитогнейсами и порфирами, возраст коих не древнее средней юры. В верховьях р. Маи, а также на берегу Охотского моря известны верхнетриасовые песчаники с Pseudomonotis ochotica. Алданский хребет тянется вплоть до вершины Суантар-хаята, достигающей не менее чем 2.400 м. и питающей своими снегами реки бассейна Охоты, с одной стороны, и Индигирки—с другой. На северо-запад от г. Суантар-хаята идет Верхоянский хр., на восток—Колымский, тянущийся вдоль северного берега Охотского моря. С Колымского хр. на север течет р. Колыма, на юг—реки, впадающие в Охотское море. Верхоянский хр. (высотой до 2.400 м.) лежит на водоразделе Яны и Индигирки с нижней Леной; этот, типично складчатый, хребет сложен осадочными породами: палеозойскими, затем, главным образом, триасовыми сланцами с Pseudomonotis ochotica и меловыми отложениями.

В качестве продолжения Колымского хр. на картах изображают Анадырский хр., но вряд ли это так на самом деле. Анадырский хр. не доходит до м. Дежнева, лежащего под 66°7′ с. ш. и 190°16′ в. д. от Гринича и имеющего 768 м. абс. высоты. На берегу зал. Св. Креста лежит гора Матачингай (2800 м.), высшая точка Чукотской земли; возвышенность эта резко выделяется среди окружающих высот, не превосходящих 450—600 м.; возможно, что Матачингай вулкан, потому что у подножия его найдены андезиты и липариты. В области Матачингая хорошо выражены следы прежнего оледенения.

Между Японским морем и Татарским проливом на востоке и р. Уссури и нижним течением Амура на западе тянется горная система Сихота-алина, состоящая из ряда параллель-

---

[1]) Орочон происходит от манджурского орунчун, что значит „оленный народ"; орон по тунгусски—домашний олень.

ных хребтов, вытянутых в северо-восточном направлении и обязанных своим происхождением частью складчатости, частью сбросам.

На юге Сихота-алин простирается до Владивостока. Вершины его обычно не превосходят 650—850 м.; высшие точки не достигают 1.600 м. Хребет нигде не достигает линии вечных снегов. В состав хребта входят граниты, сиениты, кристаллические сланцы, а также сланцы, песчаники, конгломераты предположительно палеозойского возраста. По окраинам найдены каменноугольные, триасовые и юрские морские отложения, в строении самого хребта, однако, не принимающие участия. Следует отметить богатое свинцово-цинковое месторождение в Тетюхе (севернее Ольги), где запасы определены в 2 миллиона тонн. Отметим еще горы Буреинские, или Малый Хинган, расположенные на водоразделе между Буреей и бассейном р. Тунгуски, впадающей в Амур почти против Хабаровска; в этом хребте есть высоты свыше 1400 м. Буреинские горы пересекают Амур между станицами Пашковой и Екатерино-Никольской; на этом протяжении Амур течет в узком ущелье, местами с отвесными скалами.

Климат гор Дальнего Востока известен очень плохо за полным отсутствием метеорологических станций. Здесь ясно сказывается муссонный тип климата: господство летом влажных и прохладных ветров с моря, а зимою сухих и холодных ветров с суши. Очень сильно охлаждает воздух таяние льдов Охотского моря. Благодаря этим причинам лето в горах Дальнего Востока прохладное, и лесная растительность не идет высоко в горы: на Сихота-алине, напр., лес прекращается уже на 1000 м. Вместе с тем, в виду скудости зимних осадков ледников здесь нигде нет. В Амурской обл. на хр. Тукурингра ($53^3/_4$° с. ш.) велись в 1914 г. наблюдения на высоте 579 м. Они дали среднюю июльскую 18,6°, среднюю январьскую—23,6°; летом бывали жары до 30°, зимою морозы до—36°.

Почвы слабо подзолистые, каменистые, с пятнами торфяно-болотных среди скал и россыпей. На севере Амурской обл., на водораздельном плато Станового хр., на высоте 1300—1500 м. преобладают болотные и полуболотные почвы с зарослями вейника Calamagrostis Langsdorffi, местами же полуболотно-подзолистые почвы, покрытые лесами из даурской лиственницы с подлеском из кедровника и березы Betula Middendorffi. Хребет Тукурингра, который тянется по правому берегу Гилюя (правый приток Зеи), составляя водораздел между ним и бассейном Уркана (тоже правый приток Зеи), и достигает высоты 1780 м., заходит уже в альпийскую (гольцовую) область. На М. Хингане леса состоят из даурской лиственницы и аянской ели (Picea ajanensis). Алданский хр. (Джугджур) покрыт даурской лиственницей, кустарным кедровником и ольховником, каменной березой, осиной, аянской елью. Невысокий хребет Хехцыр у Хабаровска покрыт лиственным и смешанным лесом из массы пород: желтой березы (Betula costata), манджурского ореха (Juglans mandshurica), кленов, черемух, ильмов, белой и черной березы, ольхи, тополя, осины, к которым на северном склоне присоединяется корейский кедр, аянская ель, даурская лиственница, клен укурунду (Acer ukurunduense); в этих лесах необычайно густой, высокий и разнообразный подлесок из орешников, манджурской аралии, амурской сирени (Syringa amurensis), жимолости, винограда, лимонника (Schizandra), японского хмеля, „кишмиша“ (Actinidia kolomicta). Сихота-алин на большей части своего протяжения покрыт лесами; на севере более высокие горизонты заняты дремучей тайгой из ели, пихты и лиственницы, а вдоль рек растут ольха, черемуха, рябина, осина, тополь, береза, клены, ясень, дуб и др.; на юге начинают присоединяться характерные уссурийские формы, представители коих названы выше при описании хр. Хехцыр.

В Верхоянском хр. и восточнее вплоть до Чукотской земли, а также в Алданском и Колымском хр. распространен каменный баран (Ovis nivicola). В общем фауна млекопитающих гор сев.-вост. Азии не отличается заметно от восточно-сибирской, но на юге, в Уссурийском крае, встречается ряд юж-

ных форм: пятнистый олень (Pseudaxis dybowskii), попадающийся между бухтой Ольга, р. Иманом и оз. Ханка, а также в прилегающих частях Манджурии и Кореи (в южной части Приморья этого оленя разводят из-за рогов, сбываемых в Китай); далее, отметим амурскую серну (Nemorhaedus caudatus), харзу (Martes flavigula), амурского барсука (Meles amurensis), из жуков—большого красивого усача Callipogon relictus, найденного в кедровом лесу у станции Вяземской (47½° с. ш.); ближайшие родственники этого жука распространены в центр. и южной Америке. В горах Амурской обл. встречается кабарга.

В горах описываемой области живут тунгусы-оленеводы и некоторые тунгусские племена: на севере Амурской области и к западу от Зеи в местах, не занятых русскими,—манегры (200 душ) кочевники, передвижения совершают на лошадях; язык манегров сходен с тунгусским; занимаются охотой, рыболовством; шаманисты; есть манегры и по правую сторону Амура, в Китае; по р. Амгуни негидальцы, 400 душ; занимаются рыболовством и охотой, частью провославные, частью шаманисты; между Амгунью и Горином самагиры (400 душ), занимаются звероловством и рыболовством, православные, говорят ныне на гольдском языке; почти вымерший самагирский язык близок к языкам ольчей и негидальцев; в Сихота-алине орочи (около 2400 душ); главное занятие орочей рыболовство и звероловство, бьют лося, охотятся на соболя, некоторые занимаются лесными промыслами; на юге орочи находятся под сильным китайским влиянием, занимаются земледелием; большинство шаманисты, есть православные и буддисты. Русские живут по Амуру, по Зее, на берегу Охотского моря (Охотск, Инская, Тауйск, Арман, Ола, Ямск и др.). Ранее по северному побережью Охотского моря, к востоку от Охотска, жили коряки, но теперь они окончательно обрусели; местами здесь по побережью встречаются в небольшом количестве оседлые тунгусы, а также якуты.

Камчатка (*см.*). Посреди полуострова тянутся два параллельных хребта, имеющих направление на ССВ. Западный хребет, называемый иногда Срединным, в сопке Белой или Ичинской (потухший вулкан) достигает 3050 м. высоты. Между Срединным хр. и Охотским морем расположена область „тундр“, залегающих на высоте в 600—750 м. Восточный хр. на юге носит название Ганальских остряков (до 1500 м.), в средине—Валагинского хр., на севере—хр. Кумроч. Как восточный, так и западный хребты сложены сланцами, гранитами, сиенитами, местами прорванными изверженными породами. В строении западных тундр принимают участие дислоцированные плиоценовые отложения. Между восточным хр. и Беринговым морем лежит ряд вулканов, частью действующих, частью потухших; наиболее замечательны, считая с севера: Шивелюч (3200 м., извергал в 1854 г., есть ледники), Ключевская сопка (4917 м., есть ледники) на берегу реки Камчатки, Кроноцкая сопка над озером того же имени (потухла), Коряцкая сопка, Авачинская (2670 м., последний раз извергала в 1909 году) и др. Там, где п-в Камчатка примыкает к материку, от Берингова моря (бухта Корфа под 60° с. ш.) и до Пенжинской губы, расположено невысокое плато, т. н. Парапольский дол, покрытый моховой тундрой. На Камчатке много горячих ключей (Паратунские у Петропавловска и др.). Есть глубокие озера, напр. лежащее на юге оз. Курильское глубиной до 306 м.; оно окружено со всех сторон вулканами; большой глубиной отличается также Кроноцкое озеро.

Камчатка расположена между 60° и 51° с. ш., и климаты ее, естественно, разнообразны; юг (м. Лопатка 50° 57′) лежит приблизительно на широте Саратова. Внутри п-ва климат гораздо более континентальный, чем на берегах. Западное побережье отличается более суровым климатом, чем восточное. Осадков в Петропавловске в среднем 883 мм., максимум в августе—октябре, минимум в январе; зимою выпадает много снега, нередко—более половины всей годовой суммы. Напротив, на западном берегу, где зимою дуют сухие западные ветры из

области сибирского максимума, зимы малоснежны: в Большерецке ($52^3/_4$° с. ш.) в 1910 г. выпало в виде снега лишь 17% годовой (450 мм.) суммы осадков. В долине р. Камчатки зимы не многоснежны. В Петропавловске (53° с. ш.) средняя температура августа (самый теплый месяц) 12,2°, февраля (самый холодный) — 11,6°; лето, как видим, прохладное, зима же умеренная, т.-е. типично океанический климат.

Почвы Камчатки принадлежат к типам подзолистому и болотному. Кроме долины среднего течения р. Камчатки и болотистого западного побережья, вся остальная Камчатка покрыта горной растительностью; лесов, подобных сибирской тайге, здесь нет. Характерным деревом является каменная или горная береза (Betula ermani), имеющая серую или красноватую кору и густую, кудрявую крону; она растет не густо, образуя насаждения в виде парка; рощи из березы чередуются с полянами, покрытыми высокой травой. По восточному побережью каменная береза покрывает морские берега вместе с кедровником, ольховником и рябинником, свойственными нижней альпийской зоне. В средине полуострова она идет в горы до 600—750 м. абс. высоты, а на побережье лишь до 300 м. и даже ниже. В долине р. Камчатки внизу каменной березы нет: здесь растут леса из даурской лиственницы, рощи аянской ели, а также белая береза (Betula japonica); при поднятии в горы сначала исчезает ель, затем лиственница и белая береза. В горах центральной Камчатки выше пояса Betula ermani (600—750 м.) идет роскошно развитый пояс кустарных зарослей, иногда совершенно непроходимых — кедровника, ольховника, рябинника (Sorbus sambucifolia). На 1000 м. начинаются альпийские тундры и луга; для тундр характерно присутствие вересковых. Следует отметить, что на Камчатке альпийские растения встречаются уже на морском берегу.—В долинах рек леса из ив и тополей. Приречные луга покрыты, гл. обр., вейником (Calamagrostis Langsdorffi), осоками и чиной (Lathyrus pratensis). Характерным растением сухих лугов среди рощ каменной березы является „медвежий корень", зонтичное Angelica ursina, достигающее значительной высоты. Другая крупная трава—это зонтичное Heracleum lanatum (или H. dulce), „сладкая трава", высотой до $4^1/_2$ м. и толщиною до 12 см. В долинах встречаются большие заросли шаламайника (Filipendula kamtschatica), травы, вырастающей за один месяц до 2 м. высоты. Около ключей встречается много южных растений. Растительность Камчатки характеризуется обилием кустарных зарослей: кедровника, ольховника и рябинника. В одном месте, близ устья реки Семячика, найдена на Камчатке роща из пихты (Abies gracilis).

Полеводством на Камчатке занимаются только в с. Ключевском, где разводят ячмень и коноплю. Из огородных растений на Камчатке удаются картофель, репа, брюква, капуста.

В горах Камчатки до высоты в 1000 м. распространен дикий баран (Ovis nivicola). Масса медведей (Ursus beringianus и U. collaris), много лисиц, есть байбак, соболь, попадается дикий северный олень, но нет белки. Птиц из Камчатки известно менее 200 видов, тогда как из гораздо меньшей Ленинградской губ., расположенной на широте северной Камчатки, известно 267 видов; богато представлены лишь птицы, привязанные к воде: утки (массы особей), гуси, кулики, чайки, бакланы, чистики; весьма бедно представлены семейства ворон, вьюрков, синиц, славок, дроздов, дятлов, сов, хищных, куриных; отсутствуют совсем скворцы, иволги, крапивники, пищухи, корольки, оляпки, козодои, удоды, сивоворонки, зимородки, голуби, пастушки и журавлиные. Из амфибий отметим сибирского тритона (Hynobius keyserlingi). Камчатка весьма бедна настоящими пресноводными рыбами; из таковых можно назвать лишь хариуса; но зато здесь много проходных рыб из лососевых: чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч (все из рода Oncorhynchus), микижа, или камчатский лосось (Salmo mykiss), мальма (Salvelinus alpinus malma), кунджа (Salvelinus leucomaenis), огуречник, или азиатская корюшка, и близкая к корюшке

Mesopus olidus. Вместе с лососевыми в р. Камчатку входят тюлени и подымаются по ней верст на 200 от устья (до Козыревки). Из пресноводных моллюсков в реках встречается жемчужница (Margaritana complanata), из которой жители с. Голыгина добывали недурной жемчуг. Вообще, фауна Камчатки очень бедна, обнаруживая как бы островной характер.

Коренное население Камчатки—это камчадалы (ительмен, как они сами себя называют), народ, родственный по языку и частью по культуре корякам и чукчам. В настоящее время они почти слились с русскими; в 1911 г. на Камчатке числилось $3^1/_2$ тысячи камчадалов, но подавляющее большинство их помесь с русскими. По камчадальски говорят только в семи селениях западного берега между с. Ича и Аманиным; наречие жителей Седанки является переходным к коряцкому. Все камчадалы оседлы, занимаются рыболовством и охотой, православные. Коряки живут оседло на севере Камчатки, на берегах Охотского и Берингова морей; на зап. берегу Камчатки они живут к северу от Аманина (коряки-паланцы), на восточном—к северу от с. Озерного; оседлые коряки на Камчатке сильно обрусели, православные. Кроме того, в Камчатку заходят южнее 54^0 с. ш. кочевые коряки и такие же тунгусы.

Сахалин (*см.*). Остров этот, расположенный между 54^0 24′ и 45^0 54′ с. ш., принадлежит Союзу только от 50^0 с. ш. к северу. Против мыса Лазарева Сахалин отделен от материка проливом всего в $7^1/_2$ км. шириной. Начиная от границы с Японией и почти до 51^0 оба берега гористы; от 51^0 до $51^1/_2{}^0$ горы понижаются и несколько отходят от берега; наконец, еще севернее горы оставляют на берегу низменные пространства шириною до 30 км., причем сами горы понижаются. Весьма характерны для восточного побережья обширные лагуны (их сравнивают с гафами), отделенные от океана длинными и узкими песчаными косами; вода в этих лагунах, опресняемых впадающими реками, пресная; лагуны дают возможность легкого и безопасного сообщения на десятках верст. Вдоль берегов Сахалина, как западного, так и восточного, тянется по хребту; Западный хребет угасает приблизительно под $51^3/_4{}^0$ с. ш.; Восточный хребет, начинаясь тоже в японских пределах (у м. Терпения), тянется по восточному берегу, но постепенно (севернее окончания Западного хр.) переходит на западный берег (Д. Соколов). Высшею точкою Сахалина является вершина Невельского в Восточном хр., под $50^1/_2{}^0$ с. ш.; она достигает 2013 м. К югу от 52^0 с. ш. расположена Тымь-Поронайская низменность (до 150 м. высоты, 5—30 км. ширины), орошаемая рр. Тымью на севере и Поронаем на юге. Северная оконечность Сахалина, носящая название полуострова Шмидта, достигает высоты в 708 м.

В строении Сахалина принимают участие массивно-кристаллические породы (сиениты, диабазы, андезиты, порфиры), метаморфические породы предположительно палеозойского возраста (сланцы, песчаники, известняки), отложения меловые, третичные и постплиоценовые. В третичных отложениях, имеющих широкое распространение, найдена богатая фауна; система Западного хр. сложена преимущественно третичными осадками; большое участие принимают они в сложении северной части Восточного хр., а также п-ва Шмидта; отложения третичной системы весьма богаты каменным углем (запасы месторождения в районе поста Александровского исчисляют в 10 миллиардов пудов); местами в третичных осадках залегают месторождения нефти, на восточном берегу, а частью и на западном (на склоне Энгиз-пала). Послетретичные отложения развиты до высоты в 60—120 м. Главная эпоха горообразования приходится на время между плиоценом и наступлением послетретичной морской трансгрессии. Перед послетретичной трансгрессией Сахалин был соединен с материком в области м. Погоби—м. Лазарева. Следов оледенения на Сахалине не обнаружено.

Климат Сахалина суровее, чем можно было бы ожидать по положению острова, лежащего между широтами Тулы и Одессы. Лето здесь прохладное, а зима холодная; причина заключается в холодных ветрах—летом

южных, юго-восточных и восточных, дующих с холодного моря, зимою северо-западных из области сибирского максимума. Восточное побережье имеет климат более суровый, чем западное. Наиболее благоприятным климатом отличается срединная низменность, защищенная хребтами от тех и других ветров. Сел. Рыковское, расположенное на р. Тымь, под 50° 47′ с. ш., на высоте около 125 м., имеет среднюю июльскую температуру в 17,2°, среднюю январьскую—23,7°. Лежащий на той же широте на западном берегу (50° 50′) пост Александровский имел за те же годы (1886—90) температуру самого теплого месяца (августа) 16,9°, января—20,6°. Осадков выпадает больше всего летом и осенью, когда дует влажный морской муссон, меньше всего зимою. Упомянутые выше пункты, Рыковское и п. Александровский, имели за 1886—90 годы первый 489 мм. осадков, второй 756 мм. Число дней с осадками велико. Побережья Сахалина славятся своими туманами, которые нередко длятся целыми неделями. Если подняться вверх, в горы, то туманы исчезают; равным образом мало туманов и в средине Сахалина. На восточном берегу острова наиболее упорные туманы бывают в мае, июне и июле; зимою туманы редки. Иногда на берегу Охотского моря при южных и юго-восточных ветрах бывают своеобразные необычайно густые туманы, похожие на дым и состоящие, согласно описаниям, „из весьма мелкой пыли“. Облачность на Сахалине, в среднем годовом выводе, приблизительно такова же, что и на берегах Финского залива—60—65%, но распределение ее по сезонам совершенно иное: наибольшая облачность бывает летом, наименьшая—зимою и весною; пасмурных дней больше всего летом, ясных—зимою; это следствие муссонного климата. Снег в горах остается до средины августа; но вечных снегов в горах нет. Вечная мерзлота пользуется большим распространением. Реки на Сахалине покрыты льдом с начала декабря по средину апреля. Открытое море по восточному побережью и в южной части Татарского пролива не замерзает; но по восточному побережью Сахалина близ берегов и в заливах стоит лед; равным образом, ежегодно замерзают Амурский лиман и Сахалинский залив.

Почвы на Сахалине подзолистого и болотного типов. Ф. Шмидт различает следующие вертикальные зоны растительности: 1) морское прибрежье, 2) нижний пояс лиственного леса, 3) тайгу с преобладанием аянской ели и сахалинской пихты, 4) верхний пояс лиственного леса с каменной березой и курильским бамбуком (Sasa kurilensis), 5) пояс кедрового сланца (Pinus pumila) и 6) альпийский пояс. Краснов отрицает универсальность этих поясов. По его данным, господствующей формацией является тайга из елей (Picea ajanensis, P. glehni) и сахалинской пихты (Abies sachalinensis); в более благоприятных климатических условиях в тайге мы встретим осину, березу, вяз, ясень, клен, иву, тополь и даже дуб; тайга одевает все горы и предгорья Сахалина. На влажных торфянистых почвах растут леса из даурской лиственницы (Larix dahurica), особенно распространенные на полуострове Шмидта, а частью по западному и восточному берегам о-ва, ниже зоны елово-пихтовой тайги. Местами, где морские берега возвышенны, лиственничный лес доходит до самого моря; но на низменных берегах он постепенно переходит в тундру, проходя через стадию чахлых карликовых лиственниц. Тундры развиты как по восточному побережью, так и в области Амурского лимана, а также в верхнем течении р. Пороная. На песчаных побережьях развивается сухая тундра, покрытая лишайником и кустами березы, ольхи, кедровника, шиповника и пр. На аллювиальных почвах развиваются пышные луга, покрытые вейником (Calamagrostis), Hemerocallis, Heracleum, папоротниками и др., среди которых возвышаются группы вязов, берез, ив, ясеней, тополей и пр.; травы иногда вдвое превышают человеческий рост. Большим распространением не только в субальпийской зоне, но и на побережьях пользуются заросли кедрового сланника, иногда непроходимые без топора. Упомянутый вы-

ше верхний пояс лиственного леса с каменной березой и бамбуком весьма характерен.

Фауна Сахалина близка к фауне о-ва Иезо; здесь водятся массами медведь, росомаха, рысь, соболь, белка, бурундук, летяга, лисица, волк, заяц, сев. олень; в реках много горбуши и кеты. Население состоит из русских (по б. ч. ссыльно-поселенцев), гиляков, ороков и тунгусов. Айнов в русской части Сахалина не осталось. Русские занимаются охотой (гл. обр. на соболя) и частью земледелием и рыболовством. Перед войной гиляков было 2629 душ, тунгусов 224, ороков 129. Ороки, тунгусское племя, близкое к ольчам, живут в средней и восточной части острова, кочевники, занимаются оленеводством, рыболовством и охотой; числились православными. Тунгусы живут, гл. обр., по западному берегу, кочевники-оленеводы, православные. Гиляки оседлы, рыболовы, держат для передвижения собак; живут по побережью, внутри же страны лишь по р. Тымь; живут в бревенчатых срубах, язычники.

Урал (см. *Уральский хребет*) делят на северный от Константинова Камня (68° 29′ с. ш., 450 м.) до горы Ишерима (61° 4′ с. ш., 980 м.), средний отсюда на юг до г. Юрмы (55° 25′с. ш.) и южный от Юрмы до среднего течения р. Урала, где он течет по 52° с. ш. Высшей точкой северного Урала, а равно и всего Уральского хр., является гора Тельпос-из, в верховьях р. Щугора, под 63° 55′ с. ш.; она имеет в высоту 1685 м. К югу от горы Сабли (1650 м., южнее 65° с. ш.) в Урале определенно вырисовываются два параллельных хребта, из коих водоразделом служит восточный. Севернее 62° с. ш. Урал распадается на несколько цепей. Водораздельная гряда среднего Урала носит название Поясового Камня; в ней лежит высшая точка среднего Урала, Конжаковский Камень (1595 м.).

В южной части среднего Урала перевалы очень невысоки: железная дорога Пермь-Екатеринбург пересекает Урал на высоте всего 410 м.; близ Екатеринбурга Урал понижается еще более, до 300 м. Здесь, против Уфимского плато, дуга Урала обращена выпуклостью к востоку. Южнее Урал снова повышается, и начало южного Урала, вершина Юрма, достигает 1045 м. Водораздельный хребет в южном Урале носит название Урал-тау; он отодвинут к востоку и ниже (достигая лишь 950 м.), чем расположенные западнее цепи Юрма и ее продолжение Таганай (1220 м.) и Уреньга (1275 м.). Наибольшей высоты Южный Урал достигает севернее 54° с. ш., в вершине Яман-тау (1670 м.). К югу от р. Белой Урал теряет характер цепи (хребта) и превращается в высокую (640—420 м.) равнину, в которую глубоко врезаны долины.

Урал нигде не достигает снеговой линии, хотя в иные годы на Яман-тау и Иремеле (1625 м.) снег в защищенных долинах не сходит. Весьма велико различие между западным и восточным склонами Урала: тогда как западный склон, снабженный предгорьями, полог, восточный—круто спускается к Зап.-Сибирской низменности.

Интенсивные горообразовательные процессы на Урале происходили в конце палеозойского времени; т. обр., Урал относится к так наз. герцинским хребтам. Уже после того как девонские и каменноугольные отложения были сложены в складки, они были прорезаны изверженными породами, излившимися на восточном склоне: диабазами, порфиритами, порфирами. На восточном склоне, кроме изверженных пород, большим развитием пользуются граниты и кристаллические сланцы, на западном же—осадочные породы девонского и каменноугольного возраста. Для северной половины Урала характерны мощные интрузии основных пород—зона габбро, которой подчинены платиноносные участки дунита; возраст этих интрузий неизвестен. В Южном Урале нет габбровой зоны; здесь из глубинных основных пород преобладают змеевики. С востока Урал окаймлен морскими третичными (эоцен и олигоцен) отложениями, с запада—пермокарбоновыми и пермскими. В ледниковое время ледник покрывал Уральский хребет на юг приблизительно до 61°с. ш.

К восточному склону Урала примы-

кает т. н. увалистая полоса. Она сложена, главным образом, поверхностно-изверженными породами (порфиритами и др.), перемежающимися с обрывками сильно дислоцированных осадочных толщ девонского возраста; здесь очень мало глубинных изверженных пород. Восточная граница этой полосы окаймлена горизонталью в 180—190 м. абс. высоты, откуда начинается Зап.-Сибирская низменность. Увалистая полоса сильно всхолмлена; холмы не образуют правильно вытянутых гряд, а разбросаны в беспорядке. Эта „полуравнина" прекрасно видна с вершины Качканара (881 м.). Абсолютные высоты здесь колеблются между 210 и 250 м., и лишь немногие отдельные вершины подымаются до 414 м.

За увалистой полосой в северной половине Урала обычно следует водораздельная гряда из глубинных изверженных пород, а еще западнее—несколько менее высоких хребтов, сложенных осадочными породами, в центральной части сильно метаморфизованными. Напротив, в южной половине Урала за холмистыми предгорьями следуют хребты Кыркты-тау и Ирендык, сложенные из вулканических эффузивных пород, туфов и яшм, а далее к западу расположены еще более высокие хребты, образованные нижнедевонскими отложениями.

Весьма характерны долины многих рек западного склона южного Урала: Инзер, Белая, Сакмара, Урал сначала текут с севера на юг в продольных долинах, а затем резко поворачивают на запад, пересекая хребты вкрест простирания. Чернышев полагал, что в этих случаях размыв шел одновременно с кряжеобразовательным процессом: реки старше гор, и, по мере поднятия гор, реки все глубже и глубже врезались в них. Но в настоящее время обращено внимание на то обстоятельство, что в местах поворота рек на запад наблюдается понижение осей складок: складки разбиты на ряд четкообразных отрезков, и в промежутки между этими отрезками устремляются реки.

Восточный склон среднего Урала изобилует озерами. Особенно много озер между Екатеринбургом и Челябинском; из них можно отметить Иткуль, Иртяш, Увельды (глубина 28 м.), Аргази, Тургояк.

Урал весьма богат полезными ископаемыми. Запасы железных руд Урала исчисляют в 282 милл. тонн; главнейшие железные руды: магнитный железняк (гора Благодать, г. Высокая бл. Нижнетагильска, г. Магнитная в Верхнеуральском у.) и бурый железняк (Бакальские и Алапаевские месторождения). Жильное золото в Екатеринбургском районе, между Миасом и Троицком, россыпное в Миасском окр. и др. Платина, хромистый железняк, никкелевые и марганцевые руды, драгоценные камни (к С и СВ от Екатеринбурга, в Ильменских горах), каменная соль (Илецк), каменные угли, асбест. Важное значение имеет добыча медных руд (Кыштымские рудники, Сысертские, Богословские, Тагильские и Верх-Исетские); в 1912 г. Кыштымские рудники дали 457 тыс. пудов меди.

Климаты Урала, при его громадном меридиональном протяжении (свыше 2500 км.), весьма разнообразны: на севере хребет упирается в побережье Ледовитого океана и покрыт тундрой; на юге, по среднему течению р. Урала, на хребет заходит степь. Урал оказывает заметное влияние на климаты прилегающих склонов, западного и восточного. Так как на Урале преобладают западные ветры, приносящие влагу, то западный склон гораздо богаче осадками (особенно осенними и зимними), чем восточный; в связи с этим высота снегового покрова в Предуралье гораздо больше, чем в Зауралье. В средней части хребта к западу от Урала осадков миллиметров на 150 больше, чем на восточной стороне. В средней части хребта выпадает в год 600 мм. и даже больше (Бисер под $58^1/_2$° с. ш. на высоте 471 м. имеет 683 мм.). К северу от 61° с. ш. количество осадков уменьшается; такое же уменьшение наблюдается и к югу от Златоуста (55°). Относительная влажность и облачность к западу от хребта больше, чем к востоку от него. Высокогорных станций на Урале нет. Наиболее высоко лежащая—это Ивановский рудник (856 м.) под 55° с. ш.; здесь средняя темпе-

ратура января—15,8°, июля 14,7°, тогда как в Златоусте, лежащем на 400 м. ниже под тою же широтой, январь имеет такую же температуру, а июль 16,0°. В Ивановском руднике зимою наблюдается инверсия температуры, т.-е. повышение температуры с высотой: с декабря по март здесь теплее (или не холоднее), чем в Златоусте; 3 декабря 1903 г. в 7 час. у. в Ивановском руднике температура воздуха была + 1,0°, тогда как внизу в Златоусте—21,1°; в то же самое время наверху было сухо (относит. влажность 28%), тогда как внизу влажно (влажность 85%).

Северная оконечность Урала от подошвы до вершины покрыта тундрой. У истоков Кары, под 68° с. ш., Гофман встретил хилые деревца лиственниц. Под 67° с. ш. на восточном склоне граница леса лежит на 300 м. Замечательно, что в области р. Собь (против Обдорска) подножие Урала и предгорья слабо облесены, в центральном же хребте леса, по наблюдениям Городкова, хорошо развиты: сибирская лиственница, образующая верхнюю границу леса, здесь достигает 20 м. высоты; обыкновенны ель (Picea obovata) и береза (Betula tortuosa); у верхней границы леса заросли ольхи (Alnus fruticosa). В долине Соби высота более сплошных лиственничных лесов на южных склонах 210 м., но угнетенная лиственница среди зарослей ольхи подымается до 310 м., а единичные сильно изуродованные экземпляры ее и кусты ольхи встречены по южным склонам до высоты в 400м. На плоских перевалах и водоразделах под полярным кругом леса исчезают на 260 м. Западный склон Урала в этих местах лишен древесной растительности, и вообще жизненные проявления растительного мира на этом склоне запаздывают недели на две. Под 64° с. ш. граница леса лежит на 520 м. Между 62° и 61° альпийская зона начинается на 730 м. и почти непрерывной полосой занимает водораздельные возвышенности. Южнее же 61° альпийская зона представлена островами на вершинах гор, а все остальное пространство покрыто лесом. В верховьях бассейнов Лозьвы и Сосьвы (т.-е. под 62° с. ш.) вершины гор заняты россыпями, покрытыми лишаями и кое-где цветковыми (лишайниковая тундра); в виде сланников здесь в расселинах скал растут ель, кедр, пихта, береза, шиповник, рябина, малина, ольха; выше всех забирается еловый сланник, местами не подымающийся над землей даже на вершок; местами на водораздельном хребте великолепные альпийские луга; границу леса здесь (62° с. ш.) образует береза, а несколько десятков саженей ниже береза вытесняется мало-по-малу елью (Picea excelsa obovata) и пихтой (Abies sibirica); на отрогах же—на одних горах ель или пихта, на других кедр (Pinus sibirica); сосна же и лиственница (Larix sibirica) здесь не идут высоко в горы, занимая предгорья, а на сибирской равнине тут (62°) господствует пихтово-еловая тайга (Н. И. Кузнецов, 1887).

В северном Урале, под 61°—65°, в лесной зоне развиты подзолистые, подзолисто-болотные и торфяно-болотные почвы; в долинах рек обыкновенны неглубокие сфагновые торфяники; в гольцовой зоне преобладают тундровые болотные почвы, россыпи и пятнистые тундры. Предгорья среднего и частью северного Урала, в области Полюдова Камня и Высокой Пармы, где развиты девонские, каменноугольные и артинские породы, сплошь покрыты елово-пихтовым лесом; здесь преобладают высоты в 500—600 м.; развитые здесь подзолистые почвы сильно щебенчаты, переходя нередко в грубые каменистые.—В среднем Урале южнее 59° нет настоящей альпийской области, и хребет здесь сплошь покрыт лесом. Начиная от широты Екатеринбурга (292 м., 56° 50′ с. ш.), Урал возвышается среди лесостепья. В среднем Урале господствуют елово-пихтовые леса с примесью березы, осины, сосны. Почвы под лесами среднего Урала подзолистые, в долинах южной части распространены темноцветные полуболотные (луговые) почвы на мягких наносах; в долинах и на склонах южной части среднего Урала встречаются посевы.—Южный Урал, начиная с высоты в 720 м. и до высоты в 1600 м., покрыт лесом; самые высокие вершины, Иремель, Зигальга, Яман-тау, безлесны. На юг

до 52° с. ш. Урал покрыт лесом, южнее же лесостепью. В южном Урале елово-пихтовые леса имеются лишь в северной части; преобладают сосновые и сосново-лиственничные леса, которые перемежаются с березняками; появляются дуб и липа. Западная часть южного Урала отличается от восточной присутствием дуба, вяза и ильма, особенно к югу от р. Белой; в восточной господствуют сосново-лиственные леса (береза, осина, клен, липа); по Сакмаре преобладают осиново-березовые насаждения. Ныне Урал, вследствие безрассудного лесоистребления, сильно оголен, и на месте хвойных лесов растут березняки и осинники. Под лесами в южном Урале развиты подзолистые почвы; на известняках встречаются темноцветные почвы, частью черноземного типа; под березняками, которые раньше не были тайгой, развиты темноцветные подзолистые почвы, серые лесные почвы, деградированные черноземы и полуболотные деградированные темноцветные почвы; в долинах р. Белой и Инзера местами существует земледелие.—К югу от р. Белой под лиственными лесами на твердых коренных породах почвы подзолистые, на глинистых породах—приближаются к серым лесным землям, а на полянах—к деградированным черноземам; болотных почв мало, земледелие слабо развито. К югу от Белой на безлесных местах появляются тучные черноземы, а ближе к Сакмаре и р. Уралу возвышенность принимает степной характер.

В тайге северной части Пермской губ., на восточном склоне Урала (по р. Лозьве и за р. Сосьвой) еще встречается в небольшом числе соболь. От Тагильского Урала к северу предметом промысла служит куница. Северный олень по лесам забирается далеко на юг (по некоторым сведениям, до 52° с. ш.). Домашние северные олени встречаются на Урале от 60° с. ш. к северу. В южном и среднем Урале обыкновенна козуля. В среднем Урале встречается рысь, на севере Пермской губ. росомаха. Много медведей и белки. Около Екатеринбурга водится сибирский четырехпалый тритон (Hynobius keyserlingi); на север он идет до Богословска, на юг до границ Оренбург. губ. Из рыб для Урала характерны лососевые: хариус, таймень (Hucho taimen), встречающийся в бассейне Камы, и белорыбица (там же).

На северной оконечности Урала кочуют со своими стадами самоеды. В Верхотурском у. живут вогулы. В среднем и частью южном Урале живут русские. Южный и южная часть среднего Урала населены башкирами. К востоку от верхнего течения Урала (Верхнеуральск—Орск) кочуют киргизы. Кое-где в ю. Урале есть татары. Башкиры, главным образом, занимаются скотоводством, но также земледелием, частью охотой. рыболовством.

БИБЛИОГРАФИЯ. В этот указатель вошли лишь главнейшие работы. Преимущественно приводятся или сводные работы, или заключающие карты более крупного масштаба или приводящие подробные литературные указания.

I. След. издания заключают богатую литературу по географии СССР: „*Известия* и *Зап.*“ Русск. Геогр. Общ. и его отделов, „Землеведение“ (М.); „*Изв.* и *Труды* Геологич. Комит.“; „*Зап.* Минерал. Общ.“; „*Матер.* по геологии России“; „*Геологич. Вестн.*“; „*Почвоведение*“ (П. М.); „*Метеор.* Вестн.“ (изд. Геогр. Общ.); „*Ежегодн.* по Геологии и Минер. России“ (подр. библиогр.); „*Изв.* и Труды Ботан. Сада“; „*Живая Старина*“ (изд. Геогр. Общ.); „*Этнограф. Обозр*“. (М), а также многочисл. изд. краеведческих общ. (литер. см. в журн. „Краеведение“).

II. Литература, касающаяся всего СССР или нескольких областей. „*Азиатская Россия*“, 3 т. с атл., изд. Пересел. Упр., СПБ., 1914 (Сибирь и Туркестан; подр. библиогр.); *Л. С. Берг*, „Опыт разделения Сибири и Туркест. на ландшафтные и морфолог. области“. Сб. в честь Д. Н. Анучина. М., 1913, с картами; *его же*, „Устройство поверхности“ („Аз. Россия“, II, П., 1914, изд. Перес. Управ.); *его же*, „Климат и жизнь“, М. 1922 (об изменениях климата, лессе и др. вопросах); *его же*, „Рыбы пресных вод России“, 2 изд., 1923, с картой; *го же*, „Климат. зоны земли“ (Изв. Геогр. Инст., V, 1925); *Г. И. Вильд*, „О темпер. воздуха в Росс. Имп.“, СПБ. 1881, с атл.; *его же*, „Об осадках в Росс. Имп.“, СПБ., 1887, с атл.; *его же*, „Новые нормальн. и пятилетн. средн. темпер. для Росс. Имп.“ (Зап. Акад. Наук, (8), I, № 8, 1894); *его же*, „Новые многолетн. и пятил. средн. колич. осадков и числа дней с осадк. для Росс. Имп.“ (Зап. Акад. Наук (8), III, № 1, 1895); *Геологическая* карта Евр. России (масшт. 60 в. в д.), 1915, изд. Геологич. Ком. (включен Кавказ); *Геолог.* карта Аз. России (масшт. 250 в. в д.), 1922, изд. Геолог. Ком. (Сибирь и Туркестан); *К. Д. Глинка*, „Почвы России и прилег. стран“, 1923; *Б. Н. Городков* и *С. С. Неуструев*, „Почв. районы Урал. обл.“ („Урал“, техн.-экон. сб., № 5, Екатеринб., 1923), с карт. (хр. Урал и Зап. Сибирь); *А. А. Каминский*, „Годовой ход и геогр. распред. влажности на простр. Росс. Имп. в 1871—90 г.“, СПБ., 1894, изд. Ак. Наук; *И. Керсновский*, „О направлении и силе ветра в России“ (Зап. Ак. Н. (8), II, 1895), с атл.; „*Климатолог.* атлас Росс. Имп.“, СПБ., 1900, изд. Главн. Физич. обс.; *И. В. Новопокровский*, „Естеств.-историческ. районы юговост. России (Донск. обл., сев.

Кавказ, Черном. губ.)", Рост. н/Д., 1922, с карт. (из. „Юго-Вост.", 1922, № 2); „Предварит. *отчет* о ботан. исслед. в Сибири и Туркест. в 1908—14 гг.", изд. Перес. Упр.; „Предв. *отчет* об организ. и исполн работ по исследов. почв Аз. России", 1908—1914, 7 том., изд Пер. Упр.; „*Почвенная* карта Сиб. и Турк." (100 в. в д.), сост. Почв. Инст. Ак Наук (пока в рукоп.); *М. А. Рыкачев*, „Вскрытия и замерзания вод в Росс. Имп.", СПБ., 18 6, изд. Ак. Наук, с карт.; *К. А. Сатунин*, „Очерк геогр. распростр. млекопит. Росс. Имп." („Из жизни прир.", М., 1908); *В. К. Совинский*, „Введение в изучен. фауны Понто-Касп. Аральск. морск. басс." (Зап. Киев. Общ. Ест., XVIII), 1904; *Г. И. Танфильев*, „Главн. черты растительн. Росс." (Прил. к Варминг. Распред. раст.), СПБ., 1903, с картой; *его же*, „Геогр. России". Ч II. Вып. 1. Рельеф Евр. России и Кавк., 1922; Вып. 2. Рельеф Аз. России, 1923; Вып. 3. Земной магнет., климат, реки, озера, 1924; „*Труды* почв.-ботан. экспед. в Аз. России", изд Пер. Упр. (чрезвычайно полезное изд); *Химико-технич. справочник*. I. Ископаемое сырье. Под ред. *А. Е. Ферсмана и Д. И. Щербакова*, 1925 г.; *А. Шенрок*, „Об облачности Российск. Имп." (Зап. Ак. Наук (8), I, № 9), 1895; „*Этнограф.* карта Сибири и Турк.", (100 в. в д.). Изд. Ком. по изуч. племен. сост. при Ак. Наук (печат.).

III. Европ. Россия. *J. Ailio.* „D. geogr. Entwickl. d. Ladogasees in postglazial. Zeit", „Fennia", Helsingfors, 1915, с карт.; *Н. Андрусов*, „Геотектоника Керченск. пол.". Мат. для Геол. Росс., XVI, 1893; *Д. Н. Анучин*, „Рельеф поверхн. Евр. Росс.", „Землев.", 1895; *его же*, „Верхневолжские озера и верх. Зап. Двины", Труды экспед. для исслед. истоков рек Евр. России, М., 1897, с карт.; *А. Д. Архангельский*, „Среднее и нижнее Поволжье", „Землевед.", 1911; *его же*, „Введ. в изуч геологии Европ. Р.", I. 1923; *Л. С. Берг*, „Бессарабия. Страна, люди, хозяйство," 1918; *А. А. Браунер*, „Сельско-хоз. зоология", Од., 1923 (животн. мир южнорусских степей; литерат.); *Н. А. Буш*, „Ботан.-геогр. очерк Росс.", I. Евр. Р. Ест. произв. силы Р., V, отд. I, изд. Акад. Наук, 1923, с карт.; *А. А. Григорьев*, „Геология и рельеф Большезем. тундры", Тр. Сев. научно-пром. эксп., в. 22, 1924, с карт.; *его же*, „Полярная граница древ. растит. в Большезем. т.", „Землев.", 1924, в. 1—2; *Н. Димо* и *Б. Келлер*, „В области полупустыни", Сарат., 1907, изд. Сар. земства; *Н. Н. Дурново*, *Н. Н. Соколов* и *Д. Н. Ушаков*, „Опыт диалектолог. карты русск. языка в Европе", М., 1915, изд. Русс. Геогр. Общ., с карт.; *Б. М. Житков*, „Отчет экспед. Геогр. Общ. на п-в Канин в 1902 г.", Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., XLI, № 1, 1904; *Б. Житков* и *С. Бутурлин*, „По северу России", „Землев.", 1901, № 3—4 (устье Двины, Онеж. у., Колгуев, Нов. Земля); *А. Карпинский*, „Очерки геологич. прошлого Евр. Р.", статьи 1883—1894 с дополн., Пгр., 1919, изд. „Прир.", с карт.; *Б. Келлер*, „Растит. Ворон. г.", Вор., 1921; *Н. М. Книпович*, „Гидролог. исследов. в Касп. море 1914—15", П., 1921, с карт.; *Н. Кудрявцев*, „Орограф. характер Кольского пол.", Тр. СПБ. общ. Ест., XIV, в. I, 1883; *В. Д. Ласкарев*, „Общая геологич. карта Евр. Р.", лист 17, Тр. Геол. ком., № 77, 1914, с карт.; *Б. Л. Личков*, „Естеств. районы Украины", К., 1922, изд. Киев. губ. стат. бюро; *Н. Максимович*, „Днепр и его бассейн", К., 1901; *Материалы* для оценки земель Самарск. г., ест.-истор. часть, изд. Сам. земства (раб. С. *Неуструева*, *Л. Прасолова*, *А. Безсонова* и *П. Даценко*), 1904 — 1916, 6 том., с карт.; „*Матер.* по районир. Украины", Х., 1923, изд. Госплана УССР (много карт по физ. геогр. и растит. Укр.); *С. Небольсин*, „Среднее колич. атмосф. осадков в Евр. Р. 1888—1912", Геоф. сборн. Гл. Физ. обсерв., III, 1916, с атл.; *С. С. Неуструев*, „Естеств. районы Оренб. г.", „Нар Дело", 1918, № 5—6, Оренб., с карт.; *С. Неуструев*, *Л. Прасолов* и *А. Безсонов*, „Естеств. районы Самарск. губ.", СПБ., 1910, изд. Самарск. губ. з., с карт.; *С. Н. Никитин*, „Бассейн Днепра", Тр. Эксп. для исслед. ист. рек Евр. Росс., СПБ., 1896, с карт.; *его же*, „Бассейн Волги", там же, 1899, с карт.; *его же*, „Бассейн Оки", там же, 1895, с карт.; *М. Ногинский*, „Самарская Лука", Труды Каз. Общ. Ест., XLV, 1913; *С. И. Огнев* и *К. А. Воробьев*, „Фауна наземн. х позвон. Воронеж. г.", М., 1923, „Нов. Дер."; *И. К. Пачоский*, „Опис. растит. Херсонск. г." I. Леса, Х., 1915, с карт.; II. Степи, Х., 1917; *его же*, „По пескам Днепр. уезда", Изв. Гос. Степн. Запов. Аскания-Нова, Х., I, 1922; II, 1923; „Поволжье". Природа, быт, хозяйство. Под ред. *В. П. Семенова - Тян - Шанского*, 1925, с карт.; *R. Pohle*, „Pflanzengeogr. Studien ü. d. Halbinsel Kanin", Тр. СПБ. ботан. сада, XXI, в. I, 1903; *Л. Прасолов*, „Почв. области Евр. Росс.", П., 1922, изд. С.-Х. учен. ком., с карт.; *Г. И. Попов*, „Происхожд. и развитие осиновых кустов в пределах Ворон. г.", Тр. Докуч. Почв. ком., вып. 2, 1914; *Th. Homén.* „East Carelia a. Kola-Lappmark", „Fennia", XLII, № 3, 1921; *W. Ramsay*, „Ueber d. geolog. Entwickl. d. Halbinsel Kola in d. Quartärzeit", „Fennia", XVI, № 1, 1898; *его же*, „Beiträge z. Geologie d. recenten u. pleistocänen Bild. d. Halbinsel Kanin", „Fennia", XXI, № 7, 1907, с карт.; *его же*, „Beiträge z. Geolog. d. Halbins. Kanin", „Fennia", XXXI, № 4, 1911; „*Россия*", полное географ. описание нашего отечества, под ред. *В. П. Семенова Тян-Шанского*: I. Моск. обл., II. Средне-русская черноз. обл., III. Озерная обл., V. Приуралье, VI. Ср. и нижн. Поволжье и Заволжье, VII. Малороссия, IX. Верхнее Поднепр. и Белоруссия, XIV. Новороссия и Крым; с карт. и литер. указан. Изд. Девриена; „*Самарский край*", Самара, 1924, изд. С. отд. нар. обр; *В. Н. Сукачев*, „Болота". 2 изд., 1923; *Г. И. Танфильев*, „Пределы лесов на юге России", СПБ., 1894, с карт., изд. лесн. деп.; *его же*, „Физико-геогр. обл. Евр. Р.", Тр. Вольно-Эк. общ., 1897, с карт.; *его же*, „Пределы лесов в полярной России", Од., 1911, с карт.; „Географ. описание *Татарской* республ.", Каз., 1922, с карт.; „Эконом. география *Юго - востока* России", Рост. н/Д., 1924, изд. ю.-вост. План. ком., с карт.; *А. Ф. Флеров*, „Окская флора", Тр. СПБ. Бот. Сада, XXVII, 1907—08; *его же*, „Флора Владим. г.", М., 1902, с карт.; *Ф. Н. Чернышев*, „Орограф. очерк Тимана", Тр. Геол. ком., XII, № 1, 1915, с 10-вер. геолог. и гипсом. карт.; *С. А. Яковлев*, „Наносы и рельеф Ленинграда и его окр.", Изв. Научно-Мелиорац. инст., № 7, след. 1924—25, карты, список литер. (основное пособие).

IV. Урал. *О. О. Баклунд*, „Общий обзор деятельн. экспед. бр. Кузнецовых на полярн. Урал летом 1909 г.", Зап. Ак. Наук (8), XXVIII, № 1, 1911, с карт.; *А. П. Карпинский* и *Ф. Н. Чернышев*, „Общая геолог. карта Европ. Росс.", лист 139, орограф. очерк; Тр. Геолог. ком., III, № 2, 1886; *П. Кротов*, „Матер. для географии Урала", оро-гидрогр. исследов. в южной ч. ср. Урала; Зап. Геогр. О. по общ. геогр., XXXIV, № 3, 1905, карта; *Л. Сабанеев*, „Позвон. средн. Урала", М., 1874; *П. В. Сюзев*, „Конспект флоры Урала в предел. Пермск. г.", Мат. к познан. фауны и флоры Росс., изд. Общ. Исп. Прир., М., 1912, с карт.; „*Урал* и Приуралье", „Россия", п. р. *В. П. Семенова-Тян-Шанского*, т. V, СПБ., 1914, с карт.; *Е. С. Федоров*, „Геологич. исследов. в сев. Урале в 1887—89", Горн. Журн., 1896-1897; *Ф. Н. Чернышев*, „Общая геолог. карта Европ. Росс.", лист 139; Тр. Геолог. Ком., III, № 4, 1889.

V. Крым. *Е. В. Вульф*, „Растительность восточных яйл Крыма", М. 1925, „Нов. Дер.", карты, литер.; *Б. Ф. Добрынин*, „К геоморф. Кр.", „Землевед.", 1922, кн. 1—2; *К. Л. Гольде*, „Физиономия растит. Кр. Яйлы", Ботан. Журн., 1906, № 4, изд. СПБ. Общ. Ест.; „*Предв.* итоги переп. в Кр. в 1921 г.", В. I. Порайонн. и уездн. итоги, Симф., 1922, Крым. ст. упр. (данные о плем. сост.); *Крым*, путевод., Симф., 1914, изд. Крым общ. ест. (2 изд. 1923), (прекрасные статьи о природе Кр. напис. специал.); *А. Крубер*,

„Карстовая область Кр.“ (прил. к „Землев.“), карта, литер., М., 1915; *В. И. Талиев*, „Флора Крыма и роль человека в ее развитии“, Тр. Харьк. Общ. Исп. Прир., XXXV, 1900.

VI. Кавказ. *Н. М. Альбов*, „Очерк растит. Колхиды“, „Землевед.“, 1896; *К. И. Богданович*, „Два пересечения Гл. Кавказск. хр.“, Тр. Геолог. ком., XIX, № 1, 1902; *Л. А. Гроссгейм*, „Опыты деления южн. Закавказья на флористические провинции“, Журн. Русск. Ботанич. Общ. IX (1924) *Б. Добрынин*, „Ландшафты Дагестана“. I. „Землевед.“, 1924, в. 1—2, с карт.; *С. А. Захаров*, „О главн. итогах и основных проблемах изучения почв Грузии“, Изв. Тифл. Полит. инст., I, 1924, с карт. и списком литерат.; „*Геологич. исследов.* в области Перевальн. ж. д. через Главн. Кавк. хр.“, СПБ., 1914, с карт.; „*Известия* и *Записки* Кавказск. отд. Русск. Геогр. Общ.“, Тифл.; *Н. И. Кузнецов*, „Принципы деления Кавказа на ботан. геогр. обл.“, Зап. Акад. Наук (8), XXIV, № 1, 1909, с карт.; *его же* „Ботан.-геогр. очерк Рижск. низм.“, Тр. Научно-Мелиор. инст., в.3—4, П., 1923; *И. М. Куприянов*, „Ботан. очерк Черном. г., Тр. Соч. Оп. стан., V, М., 1922; *Н. И. Лебедев*, „Пояснит. записка к геолог. карте Кавк. края“, СПБ., 1905, с карт.; *А. Ф. Ляйстер* и *Г. Ф. Чурсин*, „География Кавказа. Природа и население“, Тифл., 1924, с карт.; *Е. С. Марков*, „Озеро Гокча“. I. СПБ., 1911, с карт., изд. Отд. Зем. Улуч.; *Н. Я. Марр*, „Плем. сост. насел. Кавк.“, классиф. народов Кавк., Петр., 1920, изд. Ак. Наук.; *Я. С. Медведев*, „Об областях растит. на Кавк.“, Вестн. Тифл. Ботан. Сада, VIII, 1907, с карт.; *его же*, „Растит. Кавк.“. т. I, в. I. Тр. Тифл. Бот. Сада, XVIII, 1915, с 2 карт. (вып. посвящ. альпийск. растит.); *Г. И. Радде*, „Основные черты растит. мира на Кавк.“, Зап. Кавк. отд Русск. Геогр. общ., XXII, в. 3, 1901; *А. Л. Рейнгард*, „К вопр. о делении Кавказа на морфолог. обл.“, Изв. Кавк. отд. Русск. Геогр. Общ., XXV, 1917, № 2—3, с карт. и списком литер.; *К. А. Сатунин*, „О зоогеогр. окр. Кавк.“, Изв. Кавк. Муз., VII, 1912, с карт.; *И. В. Фигуровский*, „Опыт исследов. климатов Кавказа“, I. СПБ., 1912, изд. Гл. Физ. обсерв., с карт.; *его же*, „Деление Кавк. на физ.-геогр. обл. и районы“, Изв. Кавк. отд. Р. Г. О., XXIV, 1916, № 2; *его же*, „Климаты Кавк.“, Зап. Кавк. отд. Р. Г. О., XXIX, вып. 5, Тифл., 1919; *Юго-Осетия*“, Матер. по изуч. Грузии, Т., 1925 (Тр. Закавк. Науч. Ассоц., вып. 1), с карт.

VII. Туркестан и Киргизский край. *Астраханск. край*, изд. Ком. Ест. Произв. Сил Ак. Наук, 1921; *Л. С. Берг*, „Озеро Иссык-куль“, „Землев.“, 1904; *его же*, „Рыбы Турк.“, Изв. Турк. Отд. Г. О., IV, 1905; *его же*, „Аральское море“, Изв. Турк. Отд. Г. О., V, СПБ., 1908, с карт., *Бостанжогло*, „Орнитолог. фауна арало-касп. степей“, Мат. к позн. фауны Росс., XI, М., 1911, изд. Моск. Общ. Исп. Прир.; *A. Woeikof*, „Le Turkestan russe“, Paris, 1914, Alcan; „Джеты-су (Семиречье)“, Сб. под ред. *В. Н. Шнитникова*, Ташк., 1925, Узбек. Г. И. (природа Семиречья), с карт.; *А. Замятин*, „Индерское озеро и его окрестн.“, Изв. Геол. ком., 1914, с карт; *Н. А. Зарудный*, „Орнитол. фауна Закасп. края“, Мат. к позн. фауны России, II, М., 1896, изд. Моск. Общ. Исп. Пр.; *он же* и *Б. И. Карсев*, „Орнитол. фауна Семир. Края“, Мат. к позн. фауны России, VII, М., 1906, изд. Моск. Общ. Исп. Пр.; „*Известия* Туркест. Отд. Р. Г. О.“, Ташк.: *А. В. Каульбарс*, „Низовья Аму-дарьи, описанн. по собств. наблюд. в 1873 г.“, Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., IX, 1881, с атл.. 1888 г.; „*Киргизский край*“, „Россия“, под ред. *В. П. Семенова-Тян-Шанского*, XVIII, с карт.; *А. Козырев*, „Гидрогеол. опис. южн. ч. Акмол. обл.“, СПБ., 1911, изд. Отд. Зем. Улуч., с карт.; *Н. Корженевский*, „Опыт подсчета площади оледенения гор Туркест.“, „Вест. Ирриг.“, Ташк., 1924, №6; *его же*, „Физико-геогр. очерк Средн. Азии“, Ташк., 1925, с карт. (имеется в виду Туркестан); *С. Коржинский*, „Очерки раст. Турк.“, Зап. Акад. Наук (8), IV, №4, 1896; *Н. А. Коростелев*, „Климат. очерк басс. р. Сыр-дарьи, как хлопков. района“, Изв. Научно-Мелиор. Инст., вып. 10, Л., 1925; *И. М. Крашенинников*, „Растит. покров Киргизск. респ.“, Тр. Общ. Изуч. Кирг. кр., V, Оренб., 1925, с карт.; *В. И. Липский*, „Лесная растит. в Турк.“, Тр. по лесн. опытн. делу, XXX, 1911; *его же*, „Ботан. исследов. в Закасп. обл.“, Тр. почв. ботан. эксп., П., 1915, изд. Перес. упр.; *его же*, „Путеш. в Джунгарск. Алатау“, Тр. Гл. Ботан. Сада, XXXVII, 1924; *В. И. Масальский*, „Турк. край“, СПБ., 1913 („Россия“, т. XVIII), с карт.; *Fr. Machatschek*, „Landeskunde v. Russ. Turk.“, Stuttg., 1921; *М. А. Мензбир*, „Зоологич. участки Турк. края“ (1914, с картой); *Д. И. Мушкетов*, „Основные вопросы тектоники Туркестана“ (Бюлл. Моск. Общ. Исп. Прир., отд. геолог., II, №3 (1923—4), с карт.); *И. В. Мушкетов*, „Туркест. Геолог. и орограф. описание“, т. I, ч. I, изд. 2, дополн., СПБ., 1915, изд. Геогр. общ. (обзор исследов. со списками литер. до 1914 г.); *С. С. Неуструев*, „Почвы хлопк. районов Турк.“, М., 1926, с 100-вер. почв. карт. Турк; *С. Н. Никитин* и *В. Пашкевич*, „Гипсометрия страны между Волгою и Уралом“ (Изв. Р. Геогр. Общ., XXX, 1894, с карт.); *П. Православлев*, „К познанию геологич. строения Елтонского озера“ (Варш. универ. Изв., 1902); *Л. И. Прасолов*, „Почвы Турк.“, 1925, изд. Ком. Ест. Произв. Сил Ак. Наук, с карт.; *В. Сапожников*, „Очерки Семиречья“, 2 т., Томск, 1904—06 (Изв. Томск. унив.); *Сельское население* по матер. переп. 1917 г. Ферганск. обл., Самаркандск. обл. Изд. Ц. Стат. Упр. Турк. Респ., Ташкент (племенной состав); *Статист. Ежегодник*, 1917—23, под ред. *Д. П. Красновского*, 2 т., Ташк., 1924, изд. Ц. Ст. Упр. Турк. Респ.; *П. П. Сушкин*, „Птицы средней Киргизск. степи“, Мат. к позн. фауны России, 1908, изд. Моск. Общ. Исп. Пр.; *Таджикистан*. Сборн. ст. под ред. *Н. Л. Корженевского*, Ташк., 1925, с карт.; *H. Ficker*, „Untersuchungen ü. d. meteorolog. Verhältnisse d. Pamirgebiete,“ Denkschr. Akad. Wien, math. naturhist. Kl. Bd. 97, 1919.

VIII. Сибирь. „*Очерки Алтайского края*“, Барнаул, 1925, с карт., изд. Алт. Отд. Рус. Геогр. общ.; *Э. Анерт*, „Краткий геологич. оч. Приамурья“, Геолог. исслед. в золотоносных обл. Сибири. Ам.-Прим. район, XVII, 1913, с гипсометр. и геолог. карт.; *Л. С. Берг*, „Фауна Байкала и ее происхождение“ (в сб. *Берг*. Климат и жизнь. 1922); *К. Богданович*, „Очерки Чукотского пол.“, СПБ., 1901; *его же*, „Геологич. очерк зап. побережья Охотского моря от Никол. на Ам. до Охотска“ (Пам. И. В. Мушкетова, сб. стат., СПБ., 1905); *W. Bogoras* „The Chukchee“, New York, 1904-10 (Jesup N. Pacific Exp., vol. VIII); *А. Борисяк*, „Геологич. оч. Сибири“, 1923; *Вербицкий*, „Алтайские инородцы“, М., 1893; *П. В. Виттенбург*, „Геологич. описание п-ва Муравьева-Амурск.“ (Зап. Общ. изуч. Амур. края, XV, 1916, с карт.); *А. В. Вознесенский* и *В. Б. Шостакович*, „Основн. данные для изуч. климата Вост. Сиб.“, Ирк., 1913, с атл., изд. Пересел. Упр.; *Геологич. исследов.* и разведочные работы вдоль линии Сиб. ж. д., изд. Горн. Деп.; *Геологич.* исследов. в золотон. обл. Сибири, изд. Геол. ком.; *А. Герасимов*, „Орогеологич очерк части Яблонового хр. и Витикск. плоск.“ (Пам. И. В. Мушкетова, сб. ст., СПБ., 1905); *Б. Н. Городков*, „Опыт разделения Зап.-Сиб. низменности на ботан.-географ. обл.“ (Ежег. Тобольск. Муз., вып. 27, 1916, с карт.); *Г. Е. Грум-Гржимайло*, „Описание Амурск. обл.“, СПБ., 1894; *Давыдов*, „Лоция побережий Р.С.Ф.С.Р., Охотск моря и вост. бер. Камчатки“, Владив., 1923; *А. Дунин-Горкавич*, „Тобольск. север“, I. СПБ., 1904, с карт., изд. Деп. Земл. (см. также Изв. Геогр. общ., 1904). III. Тоб., 1911 (этнограф. очерк); *Б. М. Житков*, „Полуостров Ямал“ (Зап. Геогр. О. по общ. геогр, XLIX, 1913, с карт.); *Зап. Сибирь*, „Россия“, п. ред. *В. П. Семенова-Тян-Шанского*, XVI, 1907, с карт.; *П. Игнатов*, „Исследов. Телецкого оз. на Алтае летом 1901 г.“ (Изв. Р. Геогр. О., XXXVIII, 1902, с карт.); *H. Johannsen*, „D. Baikalsee, physiograph. u. biogeogr. Ueberblick.“ Mitteil. Geogr. Gesell. München, XVIII, 1925 (с подроб. указ. литер. о Байкале); *W. Jochelson*, „The Koryak“, New York, 1905—8 (*Jesup* N. Pacific Exp., vol. VI); *его же*, „The Yukaghir“,

New-York, 1910 (там же, vol. IX); *В. И. Иохельсон*, „Бродячие роды тундры между р. Индигиркой и Колымой" (Жив. Стар., 1900); *В. Л. Комаров*, „Типы растительн. Южно-Уссур. края", Петр., 1917, изд. Перес. Упр.; *его же*, „Кр. очерк растительн. Сиб.", Петр., 1922, изд. Ком. Ест. Произв. Сил Ак. Наук; *его же*, „Растит. Сиб." (Ест. Произв. Силы Сибири, V, отд. 1, изд. Ак. Наук), Лгр., 1924; *П. Крылов*, „Степи зап. части Томской г." (Труды почв.-бот. экс., П., 1916, с карт., изд. Перес. Упр.); *его же*, „Очерк раст. Сиб.", Томск, 1919 (Стат.-экон. Бюлл., №17); „*Лоция* и физико-геогр. оч. оз. Байкала", СПБ., 1908, изд. Гл. Гидрогр. Упр., с карт. (климат и гидрол. *А. В. Вознесенского*); *Р. Маак*, „Вилюйский округ Якутск. обл.", СПБ., 1883—87; *Г. Майдель*, „Путеш. по сев.-вост. ч. Якутск. обл. в 1868—70 г.", СПБ., 1894—96 изд. Ак. Наук, с карт.; *А. Миддендорф*, „Путеш. на север и восток Сиб.", СПБ., 1860—78, изд. Ак. Наук; *В. А. Обручев*, „Орограф. и геологич. оч. юго-зап. Забайкалья (Селенгинской Даурии)", Геолог. исслед. вдоль линии Сиб. ж. д., XXII, в. I, СПБ., 1914, с карт.; *его же*, „Алтайск. этюды". Землевед., 1914 и 1915; *его же*, „Кр. очерк тектоники Сиб." (Бюлл., Моск. Общ. Исп. Прир., отд. геолог., II, № 3 (1923—4), с карт.); *С. Патканов*, „Опыт. географ. и стат. тунгусск. племен Сиб." (Зап. Р. Геогр. общ. по отд. этн., XXXI, 1906, с карт.); *его же*, „О приросте инородч. насел. Сиб.", СПБ., 1911, изд. Ак. Наук; *его же*, „Стат. данные, показыв. племенной состав насел. Сиб., язык и роды инородцев" (Зап. Р. Геогр. общ. по отд. стат., XI, 1912); *П. Полевой*, „Анадырский край". Труды Геол. ком., № 140, 1925, с карт.; „*Приморье*" (Его природа и хозяйство), Владив., 1923, с карт.; *G. Radde*, „Bericht ü. Reisen im Süden v. Ostsibirien, 1855—59" (Beiträge z. Kennt. d. Russ. Reich., XXIII, 1861); *В. В. Радлов*, „Этнограф. обзор тюркских племен Южн. Сиб. и Дзунгарии", Томск, 1887; *В. В. Сапожников*, „По Алтаю", Изв. Томск. унив., 1897; *его же*, „Катунь и ее истоки, путеш. 1897—99 г." (Изв. Томск. унив., XVIII, 1901); *А. Н. Седельников*, „Оз. Зайсан" (Зап. Сиб. Отд. Геогр. О., XXXV, 1909, с карт.); *Д. К. Соловьев*, „Селянский промысл. охотн. район", 1921, с карт.; *Г. И. Танфильев*, „Бараба и Кулунд. степь" (Тр. Геолог. Части кабинета Е. В., V, в. I, 1902, с карт.); *И. П. Толмачев*, „Об'яснит. записка к карте Хатангск. экспед." (Изв. Геогр. общ., XLVIII, 1912, с карт.); *П. Третьяков*, „Турух. край" (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., II, 1869); *А. А. Тугаринов*, „Геогр. ландшафты приенисейск. края", Красноярск, 1925, изд. Енис. Губ. Зем. Упр., карта; *P. Fickeler*, „D. Altai, eine Physiogeogr.", Peterm. Mitteil., Ergänzungsheft № 187, Gotha, 1925, Y. Perthes, с карт. (список литературы); *А. Чекановский*, „Дневник экспедиции по Н. Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873—75 г." (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XX, 1896); *И. Черский*, „О результ. исследования оз. Байкала" (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XV, 1886, с карт.); *С. П. Швецов*, „Горный Алтай и его насел." I. Кочевники Бийского окр., Барнаул, 1900; *Л. Шренк*, „Об инородцах Амурск. края", СПБ., 1903.

IX. Камчатка и Командорские о-ва. *K. Bogdanowitsch*, „Geolog. Skizze v. Kamtschatka", Peterm. Geogr. Mitteil., Bd. 50, 1904, с карт.; *К. Дитмар*, „Поездки и пребывание в Камч. в 1851—55 г." Ч. I. СПБ. 1901, изд. Ак. Наук; *С. Крашенинников*, „Описание земли Камч.", СПБ., 1755, 2 т., изд. Ак. Наук; *Н. Слюнин*, „Охотско-Камч. край", СПБ., 1900, 2 т., с карт.; *Е. К. Суворов*, „Команд. остр. и пушной промысел на них", СПБ., 1912, изд. Деп. Земл., с карт.; Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского: *В. Л. Комаров*, „Путеш. по К. в 1908—09 г.", М., 1912; *В. А. Власов*, „О климате К.", М., 1916; *В. Н. Лебедев*, „Воды юго-вост. К.", Ч. I. Озера. М.; *П. Ю. Шмидт*, „Работы зоологич. отряда на К. в 1908—09 г.", М., 1916.

X. Сахалин. *П. Глен*, „Отчет о путеш. по С." (Тр. Сиб. Эксп., Физ. Отд., I.), СПБ., 1868, изд. Геогр. общ.; *А. М. Никольский*, „О. Сах. и его фауна позвоночных" (Зап. Ак. Наук, LX, 1889 (список литер.); *Н. Полевой*, „Десятиверстная к. русск. Сах.", Тр. Геол. Ком., № 97, 1914; *Д. Соколов*, „Русский Сах." („Землевед.", 1913) (обстоят. обзор. литер.); *Н. Тихонович*, „Полуостров Шмидта", Тр. Геолог. Ком., № 82, 1914, карта); *Н. Тихонович*, и *П. Полевой*, „Геоморфолог. очерк русск. Сах." (Тр. Геол. Ком., № 120, 1915, с карт.).

ОБЪЯСНЕНИЕ К КАРТЕ. Прилагаемая при сем карта составлена, гл. обр., по данным *Г. И. Танфильева* (1894, 1911), „Матер. по районированию Украйны" (1923), *А. П. Ильинского* (1925), *И. М. Крашенинникова* (1925), *Н. И. Кузнецова* (1909), *И. В. Новопокровского* (1925, а также личные указания), наконец,—по данным Геоботанического отдела Глав. Ботанического Сада, где составляется геоботаническая карта Евр. России под руков. проф. *Н. И. Кузнецова*. Лесостепье на Донецком кряже (следствие рельефа) нанесено по данным *Е. М. Лавренко*, сообщенным на с'езде ботаников в Москве, в январе 1926 г., почему об этом не могло быть упомянуто в тексте. Интересующихся ландшафтными зонами Сибири и Туркестана отсылаю к карте, приложенной к моей статье в „Сборн. в честь Д. Н. Анучина", 1913, а также к атласу: „Азиатская Россия", изд. Пересел. Упр., 1914.

Л. Берг.

(Продолжение цикла статей „СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК" во 2-й части 41-го тома).

Приложение к циклу статей *„Союз Советских Социалистических Республик“*.

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

(Автобиографии и биографии).

ЧАСТЬ I.

Автобиографии, авторизованные биографии и биографии свода:

Приложение к циклу ст. „*Союз Советских Социалистических Республик*“.

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

ОТ РЕДАКЦИИ. Октябрь будут изучать века, будут изучать дела и людей. И поскольку в энциклопедическом словаре, по его об'ему, возможно осветить развитие революции, он должен охватить обе темы, потому что история деятелей облекает плотью и кровью выводы массовых наблюдений и отражает изгибы жизни, не поддающиеся статистическому учету. Но для этого такая история деятеля должна быть историей только суб'ективной, должна быть написана самим деятелем; лишь тогда она приобретает об'ективно высокую ценность, отражая жизнь слоев, которые питали революцию, и влияния, которые дали ей ее передовые ряды.

Большим недочетом при изучении английской и французской революции является отсутствие подобных автобиографий их деятелей. Необходимо, чтобы русская революция не была их лишена.

В виду этого редакция сочла нужным по отношению к деятелям Октября и Союза ССР отступить от принятой в Словаре системы „био-библиографических указателей“ и дать, по возможности, свод автобиографий, хотя бы и очень сжатых. Только там, где нельзя было получить автобиографию или биографию, написанную лицом, близко знающим жизнь деятеля, приводятся для большей полноты свода краткие сведения по материалам, имеющимся в аутентичных печатных источниках, преимущественно из изданий Истпарта), причем такие биографии, где это было исполнимо, посылались данному лицу на авторизацию. Автобиографии, по предложенной для них програме, наибольшее внимание уделяют среде и условиям развития, только очень кратко и схематически отмечая последующую деятельность (б. ч. до нач. 1925 г.); характеристика и оценка деятельности естественно относятся уже к другой теме—к статьям, которые будут изучать ход революции и развитие социалистической мысли и социалистических партий в России.*

---

*) **Сокращения источников, принятые в настоящем Указателе:** *Мат.*—В. Невский „Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступ. в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.“ Вып. 1. А—Д, 1923 г; *Пам. бор.*—„Памятник борцам пролетарск. революции, погибшим в 1917—1921 г.г.“ сост. Л. Лежава и Г. Русаков. 2 изд., т. I, II, III; *Прол. Рев*—„Пролетарская революция“, историческ. журнал Истпарта; *Спр. ж.*—„Справочная книжка журналиста“. Под общ ред. К. П. Новицкого (К. Петровина). Изд. Гос. Инст. Журналистики 1924 г. *Г. и М.*—„Герои и мученики пролетарской революции“, вып. 1, изд. Моск. Рабочего, 1924 г.; *12 б.*—„12 биографий“, изд. Рабочей Москвы, 1924 г.; *Тр. пр.*—Л. Троцкий, Сочинения т. III, ч. I и II, примечания; *Кат. и с.*—„Каторга и ссылка“; *Кал. Ком.*—„Календарь Коммуниста на 1925 г.“, изд. „Моск. рабоч.“; *Изв.*—„Известия ЦИК СССР и ВЦИК; *Пр.*—газ. „Правда“.

Аванесов, Варлаам Александрович, род. в 1884 г., сын крестьянина. Учился в Ставропольск. гимназии, а потом на медицин. факул. в Цюрихском унив. В революционном движении участвует с 1901 г., в 1903 г. вступил в РСДРП., до 1906 г. нес партийную работу на Сев. Кавказе. В 1906 г. должен был эмигрировать за границу, где пробыл до 1914 г. С 1914 г. по возвращении в Россию продолжал работу, примкнув к большевикам. В октябре 1917 г. участвовал на II Всеросс. С'езде Советов, вошел в состав ВЦИК и был избран его секретарем. Был замест. Нар.-Ком. РКИ, затем— замест. Нар. Ком. Внешторга, и член он президиума ВЦИК. См. „*Спр. ж.*".

Азизбеков, Мешади-Бек, род. в бедной мусульман. семье. Своими способностями обратил на себя внимание некоторых знакомых своей семьи, которые помогли ему поступить в бакинск. реальное училище (в 1885 г.) и оказывали во время пребывания его там материальную поддержку. По окончании учил. в 1893 г. поступил в Петербургский Технологич. институт и с первых лет принял участие в студенческом и общереволюционном движении 90-х годов. В 1896 г. А. побудил студентов-мусульман принять участие в общем студенческом движении по поводу самосожжения курсистки Ветровой в Петропавловск. крепости. участвовал в демонстрации в Исаакиевск. соборе и был посажен за это в „Кресты". В 1905 г. энергично боролся против армяно-турецкой резни в Баку, спас жизнь многим армянам, в 1906 г. основал боевую организацию среди мусульманск. рабочих („Бегиц Пусред", т.-е. „Знамя Свободы"). По окончании в 1908 г. института А. жил в Баку, там занимался учебно-педагогич. деятельностью и служил в городск. управе. После революции 1917 г. был избран в бакин. Сов. раб. деп., вошел в коммунистическую партию, вел социалист. пропаганду и призывал к единению мусульманск. и армянск. пролетариат. В 1918 г., когда власть перешла к Советам, А. был назначен губернск. комиссаром. Расстрелян англичанами в числе 26 бакинск. комиссаров 20 сент. 1918 г. См. „*Пам. бор.*"

Айтанов, Надырбай (*автобиография*), род. в 1894 г. в степи Мангишлакского района. Отец его был рыбаком и потонул в море со старшим братом, когда А. было всего 5 лет. Оставшаяся после отца семья, состоявшая из шести человек малолетних детей и матери, была обречена на голодовку, так как отец не оставил после себя никакого хозяйства. Семье пришлось существовать на скудные заработки матери, которой в течение года удавалось выделывать один ковер стоимостью в 35 рублей. В этих условиях протекала жизнь А. до 11—12 летнего возраста, когда представилась возможность бесплатно учиться в городской школе, где был интернат. Учился А. до 14-ти лет. Начиная с 14-ти лет, он, не переставая учиться, во время каникул работал на рыбных промыслах в качестве водовоза и аробщика, за что получал 5 руб. в месяц. В 1910 г., в виду повального падежа скота во всем Мангишлакском районе, материальное положение населения настолько ухудшилось, что правительству пришлось открыть питательные пункты. Помощи ожидать ни от кого нельзя было, учение пришлось бросить и поступить в рыбный промысел Дубского. А. работал аробщиком, носильщиком, поваром, а в зимнее время - в ледниках, по набивке льда. Затем А. переходит на рыбный промысел Авакова в местности Кендирни.

Но вот Октябрьская революция... В 1920 г., после взятия красными войсками города Красноводска, А. работал председателем аулсовета, а потом членом волревкома. В 1921 г. участвовал на уездном с'езде советов, был избран членом уездного исполкома и был заведующим угорсобеза. В августе мес. третьим с'ездом советов был избран членом исполкома и председателем угорисполкома, где работал до 1923 г. Первым пленумом XI сессии Турцика А. был избран членом президиума и заместителем председателя Турцика, а с 9 января 1924 г.—председателем Турцика. А. участвовал на X Всеросс. С'езде Советов и 1-м Союзном С'езде Советов, был избран членом ВЦИК'а и ЦИК'а СССР. После национального размежевания А. назначается председ. Ревкома ТССР. 1-м Всетуркменским С'ездом А. избирается в ЦИК ТССР. ЦИК ТССР избирает А. своим председателем.

Альтфатер, Василий Михайлович, первый командир всех морских сил РСФСР. В 1902 г. был мичманом, в 1909 г.—флагм. штурм. офицером штаба команд. дивиз. Балтфлота, затем—контр-адмиралом и помощн. начал. Мор. Ген. Шт. После Октябр. революции был выбран командующим всеми морскими силами республики, **Ум. в** 1919 г. 36 лет См. „*Пам. бор.*"

Амирьян, Арсений (Амиров, Арсен), учился в Киев. универ., принимал участие в студенч. движении и рано выступил в армянск. период. печати. А. сначала принадлежал к партии „дашнак цутюн", но с 1906 г. выступил про-

тив нее в ряде обличительных брошюр, в 1910 г. примкнул к партии большевиков. Во время войны А. напечатал ряд статей (под псевд. „Адмирал") против националистической политики армянской буржуазии. После октябр. революции всецело отдался редактированию органа Бакинского комитета, газеты „Бакинский рабочий", которая пользовалась, благодаря его блестящим статьям, большой популярностью. Расстрелян англичанами 20 сент. 1918 г. в числе 26 бакин. комиссаров. См. „*Пам. бор.*".

Андреев, Андрей Андреевич (*автобиография*). Род. в 1895 г. в крестьянской семье Смоленской губ. Отец его сначала работал рабочим на одной из московских текстильных фабрик, а затем дворником. А., проучившись два года в сельской школе, отправляется в Москву на заработки, где и поступает 13 л. работать в качестве мальчика в трактирный промысел на мытье посуды и чистку самоваров. 15—16 лет он впервые знакомится с партийными товарищами в Москве, гл. обр. печатниками, а также с этого периода начинает серьезно знакомиться с подпольной и легальной марксистской литературой и работает над пополнением знаний путем самообразования. В 1911 г. А. из Москвы отправляется для поисков новой работы на Кавказ и юг России, где работает в самых различных отраслях труда, кочуя из города в город. В 1914 г. он попадает в Ленинград, поступает на работу на артиллерийский склад рабочим в патронно-гильзовую мастерскую, а затем ведет работу в страховых кассах Путиловского завода и Скорохода. С приездом в Ленинград фактически начинается нелегальное положение, вступление в партию и подпольная работа вплоть до самой февральской революции. В конце 1915 и 1916 г. А. от Нарвского района входит в Петербургский комитет большевиков и работает в нем вместе с Залежским, Москвиным, Толмачевым и др. т. т. членом „Исполнилки". В разгар февральской революции работает в партийных районах и новом П.К., одновременно начинает работу в профессиональных союзах по организации Питерского союза металлистов, работая в последнем в качестве секретаря районного союза и члена Центрального Правления. После Октябрьского переворота А временным Бюро Всер. Союза Металлистов командируется для организации союза на Урал. На Урале до 19 г. работает в проф. и парторганизациях. В 19 г. перебрасывается на Украину, где работает в качестве члена ЦК союза Металлистов и члена Президиума ВЦСПС. В 1920 г. перебрасывается в Москву для работы в качестве секретаря ВЦСПС, затем избирается председ. ЦК железнодорожников, находясь на этой работе и в настоящее время По советской линии—член ПрезидЦИК СССР, по партлинии А. в 1920 г. избирается на XI С'езде РКП членом ЦК партии и затем вновь переизбирается на XI, XII и XIII С'ездах. В настоящее время работает секретарем ЦК РКП.

Антипов, Николай Кириллович (*автобиография*), род. в 1894 г. в крестьянской семье Новгородской губ. По окончании 4-классн. технического училища поступил в адмиралтейский судостроительный завод. В 1911 г. начал работать в марксистском кружке. В конце 1913 г. был арестован и высылался из 58 пунктов. После продолжительного скитания по разным городам возвращается обратно в Ленинград и работает на заводе „Новый Айваз", принимая активное участие в партийной работе. В 1914 г. был арестован и получил год крепости. После отсидки в крепости уехал в Москву, а затем опять в Ленинград, где работал на разных заводах в качестве профессионала-партийца и руководил нелегальными типографиями. В одной из этих типографий был снова арестован и сидел в тюрьме до февральской революции. После октябрьской революции был избран членом ВСНХ, потом работал в ЧК по борьбе с контр-революцией, в 1919 г. — секретарь Казанского губкома, председатель губисполкома и кроме того член Реввоенсовета запасной армии республики. Затем работал в Цектране в продолжение года. На IV с'езде профсоюзов избирается членом Президиума ВЦСПС. На XII Партконференции избран секретарем МК РКП. На XIII С'езде Партии избран членом ЦК РКП и с октября 1924 г. работает в качестве зав Орграспредом ЦК РКП.

Антонов-Овсеенко, Владимир Александрович (*автобиография*). Род. 9 марта 1884 г. в Чернигове, в семье поручика резервного пехотного полка. Отец—захудалый дворянин, умерший в чине капитана в 1902 г. В 1901 г. А. О. окончил Воронежский кадетский корпус и поступил в Николаевское военное инженерное училище. Через месяц за отказ от присяги „на верность царю и отечеству" просидел 11 дней под арестом и был сдан на поруки отцу. Отказ от присяги мотивировал „органическим отвращением к военщине". Зимой 1901 г. вошел в соц.-дем. студенческий кружок в Варшаве (до этого никаких револю-

ционных знакомств А-О. не имел к протесту против военщины дошел „своим умом“, под впечатлением подлой оскорбительной обстановки корпуса и военного училища). Весной 1902 г., уйдя из родительского дома, работал в Питере в Александровском порту чернорабочим, а затем кучером в „О-ве Покровит. Животн“. Осенью 1902 г., стремясь к определенной революционной работе, поступил в Петроградское юнкерское училище, имея связь с организацией социал-революционеров и получая от нее революционную литературу. В училище повел широкую агитацию среди юнкеров. В 1903 г. связался через посредство т. Стомонякова (парт. кличка Кузнецов, ныне член коллегии Внешторга) с большевистской организацией. В августе 1904 г. был захвачен с нелегальной литературой, отсидел 10 дней и выпущен по личному распоряжению б. в. к. Константина Константиновича, кокетничавшего своим либерализмом. Вышел офицером в 40 пехотный Колыванский полк, стоявший в Варшаве. В училище оставил сильный соц.-демокр. кружок. Осенью 1904 г. по поручению Петроградск. организации большевиков об'ездил Москву, Екатеринослав, Одессу, Киев, Вильно, связывая с партией вышедших с ним из училища офицеров—членов его кружка. В Вильне вошел в связь с тамошней военной организацией. В Варшаве установил связь с с.-д., п. п. с., пролетариатцами и „Бундом“. Основал Варшавский военный комитет РСДРП (в который входили впоследствии т. Суриц, наш турецкий посол, и т. Богодский—наш представитель в Швейцарии) и повел агитационную работу среди офицеров и солдат. Весной 1905 г. получил назначение вне очереди на Дальний Восток. Перейдя на нелегальное положение, в чем помогали с.-д., в частности т. Николай (Фюрстенберг), отправился в Краков, Львов, сохраняя связь с польскими с.-д. Через две недели вернулся в Польшу для руководства подготовлявшимся в Ново-Александрии восстанием двух пехотных полков и артил. бригады. Восстание не удалось (оно описано А.-О. в № 100 „Искры“ за подписью „Штык“).

Вернувшись в Австрию, А.-О. с'ездил в Вену, где снесся с т. н. „Советом партии“ (меньшевистск.), от котор. получил назначение в Петроград, куда прибыл в конце мая. Работал в меньшев. военке и в агитац. группе. В конце июня был арестован в Кронштадте на собрании группы матросов и солдат (провокация „Николая-золотые очки“, он же Доброскок). Выпущен под чужой фамилией по октябрьской амнистии. Вошел в об'единенную военку, которой руководил т. Ногин („Макар“). От военки прошел в Петроградский комит. (об'единенный). Редактировал пользовавшуюся большим успехом подпольную „Казарму“. В начале апреля 1906 г. на с'езде военных организаций в Москве был вместе с Емельяном Ярославским, Землячкой и др. арестован. Через 5 дней А.-О., а также т. Емельян и еще 3 товарища бежали из Сущевского полицейского дома, проломав стену. Через месяц по назначению ЦК А.-О.—в Севастополе для подготовки вооруженного восстания. Оно вспыхнуло внезапно в июне. А.-О. был арестован на улице, когда пробирался из оцепленного полицией и патрулем дома, где происходило собрание представителей от воинских частей. Отстреливался безрезультатно. Просидел год в тюрьме. Остался невыясненным и, как неизвестный, именующий себя Кабановым, был приговорен к смертной казни, через 8 дней замененной 20-летн. каторгой. Еще через месяц, в июне 1907 г., накануне отправки в каторгу из Севастополя, бежал вместе с 20-ю другими с прогулки, посредством взрыва стены и обстрела надзирателей и часового. Побег организовал т. Константин больш., приехавш. из Москвы. Через неделю, отсидевшись в горах, А. выехал в Москву. По дороге, спасаясь от сыщиков, соскочил с поезда и после долгих мытарств добрался до Москвы, где разыскал явку бюро ЦК. Бюро ЦК направило А.-О. в Финляндию, откуда через два месяца с „железным“ паспортом прибыл в Петроград, где начал работать среди матросов яхты „Штандарт“, но откуда был вынужден усиленной слежкой выехать в Москву. В Москве начал работать в Сущевско-Марьинском районе в рабочих большевистских кружках, но вскоре перешел к работе в открытых организациях, вступив в связь с „ликвидаторами“. За зиму 1908 г. организовал рабочие кооперативы: „Жизнь“ в Лефортовском районе (Благуши), „Труд“ (на Пресне), „Об'единение“ (в Сокольническом районе). Работал одновременно в союзе Печатников (редакт. еженед. журнал вместе с т. Любимовым—большевиком). Содействовал захвату рабочими-большевиками Лефортовского „О-ва трезвости“, основал „Клуб разумных развлечений“, развернувший широкую революционную работу, но вскоре закрытый. В этой работе шел бок-о-бок с большевистскими рабочими. Весной 1909 г. участвовал в нелегальной конференции в Нижнем (представлены были с.-д. не-

легальные организации Нижнего, Сормова, Москвы и Богородска), где было решено издавать под ред. А.-О. нелегальную газету плехановского направления в Москве. Участвуя на с'езде фабричных врачей (туда прошел от рабочих кооперативов) в Москве, А.-О. был (по провокации Малиновского) арестован с другими на с.-д. собрании, но через 3 дня выпущен и выехал в Киев, откуда, вследствие провалов, вернулся в Москву, где был вновь арестован. Просидел шесть мес. в тюрьмах. После „установления личности" в мест. Креславка, Двинского у. (за „опознание" заплачено было 400 руб., собраных б. ч. рабочими организациями), был в феврале 1910 г. выпущен под той же фамилией Антона Гука. Провалы в Москве, невозможность найти надежный паспорт, неотрывная слежка, заставили А.-О. перейти границу (июль 1910 г.). При переходе границы был арестован прусскими жандармами, но не выдан России по вмешательству германской с.-д. В Париже до войны 1914 г., состоя в меньшев. группе, одновременно работал с большевиками (Владимировым, Лозовским, Сокольниковым) в кружке содействия с.-д. думской фракции и в различных изданиях. Был секретарем Парижского бюро труда, состоявшего из представителей от русских ячеек рабочих синдикатов. С сентября 1914 г. совместно с Д. Мануильским (тогда впередовцем) стал издавать, редактировать ежедневную интернациональную газету „Голос". Газета вскоре окрепла и втянула ряд виднейших интернационалистов различных мастей—Мартова, Троцкого, Луначарского, М. Покровского, Волонтера, Лозовского, Владимирова и др. Газета под разными названиями при активном участии А.-О. просуществовала до апреля 1917 г. В конце 1914 г. А.-О. вышел из группы меньшевиков, из-за ее соглашательства с социал-патриотами, работал в группе „нашесловцев", входя совместно с большевиками (Гриша Беленький и др.) в клуб с.-д. интернационалистов и занимая в редакции „Голоса" („Нашего Слова") и т.д. левый фланг, примыкавший во всем основном к большевикам. В мае 1917 г. А. О. выехал по амнистии в Россию. Тотчас по прибытии явился в ЦК большевиков и вступил формально в партию, публично заявив о разрыве с „межрайонцами". Работал в Гельсингфорсе, редакт. газету „Волна" и, входя в комитет партии и горсовет, работал также в Питере (агитатором). 15 июля в Гельсингфорсе распоряжением Керенского арестован, отсидел один месяц в „Крестах". Был членом областной комиссии Финляндии, прошел в Учредительное Собрание от Севфронта, по партийному списку, был секретарем комитета Сев. Советов и секретарем В. Р. комитета Питера. 25 октября руководил захватом Зимнего Дворца и арестом Временного Правительства. Избран в Совет Наркомов—Наркомвоендел. Назначен главнокомандующим Петроградским военным округом. 6 декабря отбыл на Украину главкомом по борьбе с Калединым и „его пособниками". Руководил борьбой против калединцев, корниловцев, радовцев. С марта по май 1918 г. был главковерхом военсил Южных Советреспублик. Был членом военсовета и Р. В. Совета Республики и членом коллегии Наркомвоен. Сентябрь-октябрь—командовал 2 и 3 армиями, с 11 ноября—ком. Курской группой, и с января по июнь 19 г.—командовал украинским фронтом. В августе, сентябре 19 г.—уполномоченый ВЦИК по продразверстке Витебской губ. С ноября 19 г. по апрель—уполномоченный ВЦИК по Тамбовской губ., предгубкома и предгубисполкома, апрель 1920 г.—зампред. Главкомтруда, член коллегии Наркомтруда. Ноябрь, январь—член коллегии Наркомвнудел и зампред. Малого Совнаркома. С середины января по начало февраля 1921 г.—уполномоченый ВЦИК Пермской губ. (предсовет, посевком, губком, губполитпросвет). С середины февраля по середину июля 1921 г.—предпомком ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губ. С октября 1921 г.—предгубисполкома Самарской губ., где руководил борьбой с голодом. С осени 22 года по февраль 24 г.—начальником Политуправления Республики и член Реввоенсовета. С февраля 1924 г.—в распоряжении Наркоминдела.

Аралов, Семен Иванович (*автобиография*), родился в г. Москве 17 (30) декабря 1880 г., в средней купеческой замоскворецкой семье. Прадед и дед с отцовской стороны вышли из крестьянской среды, Каширского уезда. Вскоре после моего рождения начался коммерческий упадок семьи. Небольшой кожевенный завод закрылся. В моей памяти сохранился эпизод распродажи живого инвентаря, лошадей, запечатлелось в памяти подвальное помещение, в котором жили и работали рабочие этого завода. Помещение полутемное. Мы же помещались в верхнем этаже. Эта разница сильно и резко запечатлелась в моем сознании. Со смертью деда был продан дом, и небольшие остатки средств были разделены между братьями и сестрами отца.

Далее братья отца поступили на работу, отец же стал заниматься комиссионерством. Мать умерла на второй год моего рождения. Отец не занимался младшим сыном. Старший брат был взят на воспитание бабушкой, и я рос один среди взрослых дядей и теток. Отец часто раз'езжал, мало бывал дома и остатки средств тратил на то, чтобы внешне не уступить образу жизни золотой молодежи.

Я помню, что еще с очень раннего возраста мне претила эта жизнь, я тянулся вниз к прислуге, к дворнику, к няне. С ними я чувствовал себя хорошо. Любил с ними разговаривать, слушать их рассказы и сетования на тяжелую жизнь. Как-то смутно помню чей-то рассказ из прислуживающих об убийстве Александра II, и этот рассказ глубоко запал, так что мне впоследствии казалось, что это событие произошло на моей памяти. Из собственн. дома отец с сыновьями перебрался на частную квартиру, сперва большую, потом меньшую, но все продолжал поддерживать „хороший тон", давать большие вечера, созывать гостей, хотя и происходили по этому поводу разговоры о недостатке денег, дороговизне и пр. Отдали меня учиться по традиции в Моск. коммерч. училище. Но школа меня не удовлетворяла, мало с кем из товарищей сошелся. Состав преподавателей был неважен. Учился средне. Помню несколько случаев, оставивших глубокий след. Так, директор приучал нас к шпионству, к выдаванию товарищей. Он вызывал к себе в кабинет, сперва наводил страх, причем стучал ногами, руками, тряс за плечи, а потом ласково уговаривал выдать товарищей, совершивших тот или другой проступок. Создавалась ненависть к учителям, к школьной среде. Дома противна была мещанская обстановка. Создалась ненависть к отцу, его купеческим замашкам, к его презрению к „челяди". И явилось желание противопоставить себя им. Я старался особой ласковостью, предупредительностью и вниманием расположить к себе домашнюю прислугу, теперь уже не многочисленную, состоящую из двух человек. Они это отмечали и часто бывали на моей стороне, я их иногда подговаривал не слушаться и противоречить дядям и теткам. Из шестого класса за неуспешность, выразившуюся в получении за закон божий 0 или 1 (точно не помню), я ушел из коммерч. училища и перешел в частное коммерч. училище К. Мазинга, которое и окончил. Там большое влияние на меня оказал историк В. Н. Сторожев. Его уроки явились для меня откровением после уроков „по Иловайскому".

По окончании училища К. Мазинга вскоре подошло время отбывать воинскую повинность и заботиться о заработке. К этому времени умер отец, и в дальнейшем моем существовании приняли участие дяди и тетка. Последняя заменяла мне мать в смысле внешних материальных обо мне забот. Живя с дядями, служившими в торговых предприятиях, я, естественно, не хотел обременять их материальной заботой о себе, и поэтому вопрос о заработке стал играть для меня не последнюю роль. Это соединялось с периодом воинской повинности, не давая возможности отдать все свое время изучению вопросов общественных и исторических. В 1902 г. я поступил вольноопределяющимся в Перновский гренадерский полк, где впервые познакомился с революционными настроениями. Здесь окончательно оформились во мне революционные стремления, которые бродили с очень раннего возраста.

Так, напр., во время коронации Николая II я с школьным товарищем Цейсом пошли на Ходынку получать подарки. Товарищ был задавлен. Видел раздавленных людей, женщин с выдавленными нерodившимися еще младенцами. Придя домой, я написал прокламацию в нескольких экземплярах, в которой обвинял в этой катастрофе царское правительство и Сергия Александровича (в то время моск. ген.-губерн.) и бросил их из окна. Мы жили тогда на Тверской на углу Б. Гнездниковск. пер. Мне было тогда 15 л.. Среди вольноопределяющихся находился студент А. К. Топорков, социалдемократ. Под его влиянием я принялся за изучение Маркса. Припоминается мне теперь, с какими трудностями старались мы раздобыть то или другое сочинение Плеханова, Маркса. В одном из книжных магазинов нам обещали найти запрещенное „Развитие монистического взгляда на историю", за которую пришлось заплатить найденные с большим трудом 25 рубл. „Коммунистический манифест" впервые принес мне Топорков на французском языке. К периоду отбывания воинской повинности относится моя первая техническая работа для партийной организации, как хранение нелегальной литературы, распределение ее по указываемым местам и первоначальные беседы в рабочих кружках. Обстановка казармы и муштра в учебной команде усиливала революционную ненависть к самодержавному строю, и каждое слово, и каж-

дая революционная фраза в „Искре“, которую удавалось иногда доставать, укрепляли революционное миросозерцание в молодежи того времени. Завершив военную учебу, я занялся изучением политической экономии и партийной работой, в которой начал с мелких технических поручений, и затем принимал участие в работе над налаживанием организации московского комитета РСДРП, работал ответственным техником в М. К., затем помощн. организатора Бутырского района, в то время, когда там организатором был т. Евгений (Л. Н. Кудрявцев), затем был пропагандистом.

В это же время я познакомился с разногласиями, царившими в партии и приведшими к расколу. Вращаясь в кругу Топоркова, Шнеерсона (партkличка Сергей), Землячки и др., я убедился в правильности и жизненности точки зрения большевиков и разделял ее во все последующее время. В эту эпоху начало, как известно, развиваться усиленно общественное движение. Война с Японией оказала огромное влияние на все оппозиционные группы. Немного ранее этого времени стали появляться общественно-литерат. журн.: „Жизнь“, журнал „Правда“, газета „Курьер“, „Мир божий“, высказывая, хотя и эзоповским языком, революц. настроение марксистской мысли. Мобилизация, вызванная войной, коснулась и меня, но, в виду болезни, я получил временную отсрочку с осени 1904 г. до весны 1905 г., когда был призван и зачислен в Ростовский полк прапорщиком. Вскоре я получил новое назначение, на фронт, в Манчжурию. Поехал я туда с поручением от московской партийной организации к писателю Гарину (Михайловскому), известному своими очерками „Детство Темы“, „Гимназисты“ и „Студенты“. По приезде в Харбин приступил к революционной работе среди солдат своего полка. С под'емом революционн. движения стал выступать на солдатских митингах в качестве агитатора. Призывал к восстанию и захвату власти, к недоверию октябрьскому царск. манифесту. Весть об агитации какого-то прапорщика дошла до военного командования и генерал Надаров приговорил меня заочно, не зная моей фамилии к расстрелу. Пришлось скрываться по манчжурским деревням и в небольших городах. А когда началась самочинная демобилизация, я вместе с волной солдатских масс, хлынувшей в Россию, направился в Москву. В Москву я попал к концу московского восстания, когда Пресня дымилась затухавшим огнем революции. Квартира моя была около Зоологического сада. В ней был склад оружия, литературы, и вместе с тем она служила явочным местом для партийных товарищей. В это же время я вступил в военную организацию московского комитета, которая организовывалась во главе с т. Ярославским, Землячкой и др. на неостывшем еще пепле баррикадных редутов. Всецело посвящаю себя работе в ней, исполняя различные поручения, участвуя в собраниях военной организации. Одновременно с этой работой я поступил в Московский Коммерч. институт, где тогда велись занятия по вечерам, и в один из московских банков, вместе с тем подрабатывая репититорствованием. Немного ранее этого времени я женился. Появились семейные заботы, не дававшие возможности быстро окончить Коммерческий институт; партийная работа отнимала у меня большую часть времени. В 1907 г. произошел провал собрания с'ехавшихся из разных мест представителей военных организаций. Были арестованы видные руководители, и работа расстроилась. Пришлось оставить временно непосредственную работу партийной организации, но я продолжал учиться в Коммерч. институте и поступил наставником в Рукавишниковский исправительный приют для малолетних преступников и одновременно вел занятия на Пречистенских вечерних курсах для рабочих, где руководил экскурсиями, кружками по изучению политической экономии и занимался партийной пропаганд. работой. Так шло до 1914 г., когда с началом империалистическ. войны был призван на военную службу в качестве прапорщика и зачислен в 7-ой гренадерский Самогитский полк. Вскоре был перечислен в Сухаревский полк 54 дивизии, с которым и отправился на фронт. На западном фронте был переброшен в 28 дивизию в Новоторжский полк в Восточной Пруссии, где сразу же принял участие в сражении. Во время войны пришлось участвовать более, чем в 20 сражениях.

С начала февральской революции 1917 г. принимаю деятельное участие в общественном движении, выступая на митингах и пользуясь среди масс популярностью. С возникновением войсковых организаций меня выбирают сначала в полковой, затем в дивизионный и, наконец, в армейский комитет 3 армии. Вместе с тем был выбираем на с'езды, конференции, совещания, в которых принимал деятельное участие, обнаруживая симпатии к

интернационалист. течению в РСДРП, но не долго, всего 2—3 месяца. За период с февраля по октябрь был делегирован на различные совещания, участвовал на заседании Предпарламента, во Всероссийском Комитете и т. д. Вскоре, однако, разочаровался в бесплодной работе демократических совещаний, оставил их и вернулся вновь в полк, к самой солдатской массе Я оставался в ней до октябрьского переворота, когда с наступившими новыми днями был выбран помощником командира полка. Со своим полком был переброшен в Гельсингфорс, где и произвел его расформирование. Явившись в начале 1918 года в Москву, приступил к работе в штабе Московск. Военного Округа в качестве руководителя оперативным отделом (оперодом). Затем из Московского Военного Округа был переведен заведующим оперодом Наркомвоена Здесь работал до осени 1918 г. и, когда был организован Реввоенсовет Республики, был назначен членом его. В 1919 г. был откомандирован на Украину для организации XII армии, членом Реввоенсовета которой состоял вплоть до окончания войны с белопольским правительством. После этого был назначен членом Реввоенсовета юго-западной армии и принимал участие в отражении белогвардейских полчищ Деникина, петлюровцев и Махновских банд. По завершении борьбы участвовал в Комиссии по перемирию в Бердичеве. Далее был назначен в комиссию по сформированию Киевского Военного Округа. По завершении этой работы был переведен для работы в Нар. Комиссариат по иностр. делам полномочным представителем в Ковно (Литва), где пробыл до весны 1921 г., а затем с октября 1921 г. назначен полн. представителем в Ангору (Турция) и пробыл до апреля 1923 г. С 1923 по 1925 г. состоял полн. представителем в Риге (Латвия) и, наконец, в апреле 1925 г. был назначен членом коллегии Нар. Комисс. по иностранным делам.

Арманд, Инеса Федоровна, урожд. Стеффен, род. в 1879 г. в Москве в дворянск. семье, получила домашнее образование, вступила в сношение с московск. группой с.-р. Неоднократно подвергалась обыскам и арестам. В 1907 г. была выслана в Мезень, откуда бежала в конце 1908 г. в Петербург, а затем эмигрировала за границу. Здесь, примкнув к фракции большевиков, работала в школе пропагандистов в Лонжулю, организовывала кружки содействия и, обладая прекрасным знанием языков, вела агитацию среди французск. пролетариата. В 1912 г. А. нелегально возвращается в Россию, выполняет ответственную партийную работу в Петербурге, подвергается аресту и по выходе из тюрьмы в 1913 г. опять уезжает за границу. Когда началась мировая война, А. агитирует среди франц. рабочих против войны, участвует в качестве делегатки на с'езде в Кинтале, переводит труды В. И. Ленина и издания Ц. К. партии. После февральск. революции А. возвращается в Россию, ведет агитацию среди женщин-работниц, работает в газетах и журналах, принимает участие в I и II конгрессах Коминтерна и является активнейшим организатором II международн. женской конференции. Ум. в 1920 г. от холеры. См. *„Пам. бор.“ и „Мат.“*.

Аросев, Александр Яковлевич *(автобиография)*. Род. в Казани 25 мая 1890 г. в семье буржуазной. Образование получил в реальном училище, потом учился в Льеже на faculté du philosophie et lettres, а потом в Петроградском Психо-Неврологич. институте. Не доучился, потому что учился урывками в промежутках между арестами, ссылками и побегами. В 1902 г., 15 лет от роду, примкнул к партии с.-р., участвовал в Казанском восстании в 1905 г. 17 окт. 21 октября того же года при подавлении восстания был избит погромщиками наравне с другими, захваченными в городской думе В 1906 г. совместно с тт. Молотовым, Мальцевым, Тихомировым и др. организовал беспартийную революционную организацию высших и средних школ. В 1907 г., оставаясь еще в этой организации, вместе с тов. Молотовым и другими примкнул к организации РСДРП и сразу же к фракции большевиков. В 1909 г. арестован совместно с т. Молотовым, обвинен в принадлежности к трем организациям: 1) РСДРП (большевиков), 2) беспартийно-революционной организации средних и высших школ (которая в то время стала принимать всероссийский масштаб, и в нее входили, кроме Казани, г.г. Вятка, Сарапуль, Пенза) и 3) к политическому Красному Кресту помощи арестованным. В том же году сослан совместно с тов. Молотовым и другими в Вологодскую губ. В том же году бежал оттуда при содействии т.т. Молотова, с.-р. Завьялова и др. Бежал сначала в Питер, потом за границу. За границей в Льеже учился и состоял в организации РСДРП. Был также (одно лето) в Париже, где работал как каменщик, состоя в союзе каменщиков. В 1911 г. из-за границы с транспортом литературы еду в Москву.

После 3 мес. жизни в Москве по предательству („Жоржа“ Романова) „сажусь“ в Бутырки. Высылают снова в Вологодскую губернию. Снова в тот же год побег. Через 3 месяца снова Вологодская губ. и в январе 1912 г., не кончая Волог. ссылки, получаю Архангельскую на 3 года. Отправлен этапным порядком в Мезенский уезд, деревня „Долгая Щель“, близ Канина полуострова. В тот же год в мае оттуда ушел пешком до Пинеги (300 верст). Итти пришлось по компасу, так как летом вследствие болотистой местности (тундры) сухопутных дорог нет, и тамошние жители путешествуют по рекам. Из Пинеги, одевшись плотником, ехал пароходом до Вологды, а там, переодевшись татарином, поездом в Петроград. Из Петрограда в Нижний. Здесь наладил организацию РСДРП при заводах Сормово, Молитовки, установил через пароходные команды связи с Казанью, Самарой, Саратовым. Осенью снова возвратился в Петроград. Работаю как организатор на Охтенских пороховых заводах, в большевистских фракциях Психо-неврологического Института, Политехникума и Горняков. Кроме того совместно с тов Молотовым, Тихомировым, Смирновым начал работать в газете „Правда“. Но это продолжалось недолго. В 1913 г. пред выбором в Гос. Думу отправляюсь в Москву, где мы с т. Тихомировым организуем Центральную инициативную группу РСДРП (большевиков) в составе т.т. Дугачева, Стриевского, Варенцовой, Галдина, Голубева, Малиновского, Романова (последние два—провокаторы). Пред приездом царя в Москву мы готовили демонстрацию. Связи имелись на всех крупных предприятиях Москвы (Прохор. Мануфактура, Алексеевская ф-ка Богатырь, Гужон и т. д.). Вся инициативная группа была арестована вместе с отдельными созданными ею кружками на заводах.

По этому делу я получил 4 года Пермской губ. Сослан был в с. Морчаны (Чердыненский край) и находился там с 1913 по 1916 г. Освобожден был в 1916 г., так как по манифесту, изданному вследствие начала войны, мне как почти всем ссыльным „скостили“ один год. В 1916 г. в Петербурге—секрет. редакции „Соврем. Мир“, студент Психо-неврологич. Института и член Петрогр. организации (Кирилл Шутко, Молотов, Залуцкий, Толмачев, Евреинов, Пылаев, Шведчиков и др.). Осенью 1916 г. я был мобилизован как студент. В том же году стал юнкером одного из Московских военных училищ. Здесь основал военную организацию, куда входили юнкера: Малиновский, Зенько, Лашин и солдаты Смирнов, Антонов и др. Незадолго до революции 22 февраля 1917 г. начальник в военной школе узнает о моем прошлом. За сокрытие меня отправляют в дисциплинарный батальон в Нижний Новгород, но до этого разрешают 10-дневный отпуск. Я еду в Казань. По дороге крушение поезда у ст. Алатырь. В числе других пассажиров я сижу в Алатыре и тут-то приходит телеграмма Бубликова, данная им по ж.-д. станциям и извещающая о начале революции. Я немедленно еду в Петербург, оттуда в Москву. Военное начальство принесло мне извинение и произвело в прапорщики. Я стал прапорщиком и был отправлен в Тверь. Здесь я был выбран членом Исполкома, потом Председателем Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. После июньских дней—в Питере, где пред этим я был на конференции военных организаций и был избран членом Всероссийского Военного Бюро. После конференции в Питере, в Твери меня арестуют, отвозят в Москву на гауптвахту, пред'являют обвинение в „измене родине и революции“ (обвинение по 3 статьям 112, 114 и 110, из которых две смертные).

Просидел полтора месяца на гауптвахте. Восстание Корнилова. Московские большевики подняли газетную кампанию, поставили ультиматум о моем освобождении в образовавшейся Верховной „Шестерке“, и я был освобожден. Во время октябрьского переворота был членом Военно-Революционного Комитета Москвы и Командующим Войсками Московского Военного Революционного Комитета. После провозглашения Советской Власти—Пом. Ком. Войсками МВО. 1918 г.—Комиссар Глав-брони и Главвоздухфлота. 1919 г.— в Украине Председатель Верх. Трибунала и Зав. Госиздатом. 1919 г. (летом) фронт под Царицыном —Комиссар Штаба 10-й армии. Заболевание на фронте. 1920 г. Украйна. Председатель Верховного Рев. Трибунала. 1921 г.— весной— Москва— по вызыву ЦК РКП. В это время появляется мое литературное произведение „Страда“. Осенью назначен Советником Русского Посольства в Риге. Там заболел (сердце) и отправился лечиться в Германию. По возвращении из Германии работаю в Институте Ленина. В 1922 г. появляется моя повесть „Недавние дни“ и тогда же книга рассказов „Белая лестница“. О „Страде“ отзывы в белогвард. „Руле“, в с.-р. газетах, в газ „Сегодня“ (Петр. Пильский), в „Красной Нови“ (Воронского). О „Недавних

днях"—отзывы где-то в Питере (Горболь в „Звезде") и Петр Пильский, где-то у белых. После этого были напечатаны разные мелкие рассказы (напр., „Трамвайчик" в „Звезде"), первая моя литературная вещь, рассказ „Плотники", была помещена в с.-д газете, издав. в Самаре 1916 г. Пишу и сейчас.

Артем (парт. имя Федора Андреевича Сергеева). род. в 1883 г. в семье крестьянина с. Глебова Курск. г., Фатежского у. Первые годы А. прошли в деревне, но затем его отец переселился в Екатеринослав и стал заниматься подрядами строительных работ, причем большую помощь ему оказывала его энергичная жена. Свое раннее детство А провел среди рабочих. Рост горной промышленности Екатериносл. губ. вызвал строительную горячку, и дела отца А. пошли быстро в гору. А. учился сначала в частной подготовительной школе, а затем с 9 лет в реальном училище. Интерес к политической жизни пробудила у А. к 15 годам вся обстановка Екатериносл. губ. с ее изумительно быстрым ростом промышленности, массами стекавшихся сюда со всех концов рабочих, их иногда бурными протестами против беззастенчивой эксплоатации и первыми признаками рабочего движения. В 1901 г., по окончании реального училища, А поступил в Московское Высшее Техн. училище. Здесь он немедленно принял участие как в студенческом движении, так и в партийной работе, но уже в феврале 1902 г. был арестован, уволен из училища и отправлен в Воронежскую тюрьму. По выходе из тюрьмы А. уезжает в Екатериносл. губ и здесь ведет революционную агитацию среди рабочих и крестьянской бедноты, организует соц-дем группу и устанавливает связь с партией. В это время А. был уже убежденным „искровцем". Затем А. уехал за границу и поступил в высшую школу М. М. Ковалевского в Париже, но в том же 1903 г. возвратился в Россию, выдержал конкурсный экзамен в Петерб. Политехн. Институт, но не был принят по „неблагонадежности". А опять уехал на юг, поступил помощником машиниста на Екатериносл. жел. дор. В 1905 г. А. работает, как партийный профессионал, в Харькове, давая общее направление всей организационной и агитационной работе и больше всего внимания отдавая заводам. После III с'езда партии А. ведет пропаганду вооруженного восстания и становится общепризнанным вождем рабочего движения в Донец. бассейне.

В декабре 1905 г. была предпринята А. попытка поднять вооруженное восстание, опираясь на сочувствие некоторых войсковых частей, но вследствие провокации попытка не удалась. А. пришлось скрываться, но тем не менее он работает по подготовке к IV партийному с'езду и на самом с'езде. Скоро затем А. уехал в Петербург, а оттуда был в 1906 г. направлен партией на Урал для борьбы с меньшевиками и соц.-рев Здесь А. образует целый ряд организаций. Благодаря, гл. обр., работе А. рабочая курия Урала послала во 2 ю Думу только большевиков. В марте 1907 г. полиции, наконец, удалось арестовать А. и после нескольких месяцев тюрьмы он был отправлен в николаевские арестантские роты, известные своим кошмарным режимом. В конце 1909 г. он был присужден к поселению в Киренский у. Иркутской губ. В августе 1910 г. А бежал из ссылки и через Японию уехал в Шанхай. Здесь он работает в качестве „кули", затем приказчиком в пекарне и устраивает для русских эмигрантов „коммуну". Глубокое впечатление производило на А., как показывают его письма к Е. Ф. Мечниковой, порабощение китайцев европейцами. А. уезжает в Австралию. Здесь он вначале устроился на железн дороге чернорабочим, затем на сахарной плантации и опять на земляных работах по устройству жел.-дор. пути. Русских эмигрантов в то время в Австралии было довольно много, но эта масса была слабо организована, хотя в Брисбэне существовал эмигрантский союз. А. задался целью сплотить эмигрантов и стал агитировать за издание русской газеты. В то же время А участвует в рабочем движении в Австралии, поддерживает стачки, об'единяет русских рабочих и ведет борьбу с штрейкбрехерством. Во время квинслэндской забастовки рабочих (т.-наз „Черная пятница) русские эмигранты держались, благодаря А., чрезвычайно стойко, были авангардом забастовки и этим значительно подняли свой престиж среди австралийских рабочих. Раз'езжая по штату, А. развивал энергичную агитацию среди русских и воспользовался возбуждением местных рабочих, вызванным избиением демонстрантов, чтобы положить начало австралийской социалистической организации, которой ранее в Брисбэне не было.

В конце июня 1912 г. А., наконец, выпускает газету „Австралийское Эхо", в которой он был сначала единственным работником: он пишет, корректирует, рассылает газету и ведет переписку с подписчиками. В то же время он рабо-

тает грузчиком на пристанях, ведет партийную работу в русском эмигрантском союзе и в местной социалистической группе, состоит деятельным членом в юнионе береговых рабочих. Правительство Квинслэнда борется с упорством местных рабочих привлечением иностранных рабочих, проводит законы, карающие стачки, и привлекает к суду за стачки рабочих. Газета А. горячо отзывается на эти вопросы жизни Австралии, и правительство ее закрывает, воспользовавшись не отмененным законом 1836 г., никогда ранее не применявшимся. А. продолжает свою пропаганду, выступает на митингах, и власти запрещают социалистам выступать в воскресенье. В половине 1913 г. социалистическая партия во главе с А. начинает борьбу за свободу слова. Каждое воскресенье ораторы-социалисты выступают в одном и том же месте. Их арестовывают, но сочувствие толпы к ним возрастает. Чтобы более влиять на политическую жизнь Австралии, А. принял австралийское подданство. Вместо закрытого „Австр. Эхо" русский союз стал издавать „Жизнь рабочего", носившую благодаря А. резко выраженный революционный характер. Эта газета была прикрыта в 1917 г. С начала мировой войны А. занял резко выраженную антимилитаристическую позицию и вел агитацию против воинской повинности.

После февральской революции А. решил возвратиться в Россию, но, как английскому подданному, выезд ему был запрещен. А. уехал в Сев. Австралию и оттуда бежал на пароходе в Шанхай и затем в Владивосток. А. направился в Харьков, опять занял руководящую роль в партийной организации, вошел в Харьковский Совет, в виду опасности наступления Каледина на Донецк. бассейн занялся организацией первых рабочих отрядов, развил агитацию во всем Донецк. бассейне, достал из Тулы оружие и вооружил им красногвардейские отряды. В момент октябрьского переворота А. был в Петрограде, в декабре возвратился в Харьков, где занимался организацией борьбы против Центр. Рады и Каледина. В то же время он боролся с националист. уклоном в среде партии. Им была организована Криворожско-Донецкая республика, во главе которой он стал. В момент нашествия немцев А. работает над организацией обороны, эвакуацией ценного имущества и вместе с тем ведет энергичную агитационную работу. Перед уходом из Донбасса под натиском германских войск, он удержал своих товарищей от затопления шахт и уничтожения оборудования в них и, таким образом, спас весь угольный район. Во время отступления он ведет ответственную работу и принимает участие в боях. В 1919 г. А. становится членом украин. правительства, организует борьбу против Деникина и в 1920 г., после освобождения Украины и Донбасса, становится во главе Ц.К. Всеросс. союза горнорабочих и принимает самое деятельное участие в возрождении Донец. каменноуг. промышленности. Погиб при крушении аэровагона на Кур. ж. д. в 1921 г. (*Н. Александрова.* „А". Гиз. М. 1922)

Ахун-Бабаев, Юлдашбай, род. в 1885 г. в кишлаке Джуй-Базар, Язиванской волости, Маргеланского уезда, Ферганской области, в семье бедного дехканина, имевшего 6 сыновей и 1 десят. земли. Б. учился в Мактабе (низшая старо-методная школа). После смерти отца Б., как старший в семье, занялся возделыванием хлопка и джугары на своем участке, но доходов от своего хозяйства на прожитие семьи не хватало, и он работал на богатых узбеков. Через два года, однако, Б. уехал в город, нанялся в батраки и работал там девять лет, организовал союз „Кошчи" (бедноты) и был избран председателем уездной организации союза. В 1921 г. Б. вступил в коммунистическую партию. В 1925 г. при образовании Узбекской ССР был избран на пост председателя ЦИК'а. См. „*Пр.*", 1925 г. № 42.

Бахутов, Александр Михайлови (*автобиография*), род. 1885 г., в Тифлисе, в армянской семье. Дедушка (по линии отца) был выходцем из Кахетии (винодельческий район Грузии). По своему социальному положению дедушка был связан всю свою жизнь с деревней и в течение года проводил время в Тифлисе всего 1—2 мес. Благодаря такому кратковременному пребыванию в городе, где жила семья Б., дедушка не мог иметь никакого влияния на Б. в смысле его воспитания. Но от дедушки Б., можно сказать, унаследовал его трудолюбие. Несмотря на то, что дедушка его не обходился в летние месяцы и осенью без наемных крестьянских сил, все же сам на равных с крестьянами условиях работал одинаково. Крестьяне очень любили дедушку, и последний, если применить современную мерку, являлся типичным середняцким крестьянином Противоположным дедушке человеком был отец Б. Последнему было около 8 лет, когда отец бросил семью и стал жить в стороне. Он был человеком ленивым,

брюзгливым и вел босяцкую жизнь. Постоянные его ссоры с матерью Б. производили сильное удручающее впечатление на ребенка. Б. было 12 лет, когда он стал понимать тяжелое положение женщины, как рабыни, в семье. Б. не любил за это своего отца и относился с благоговением к своей матери, как обиженому и беззащитному существу. Мать Б была женщина слабая физически, мягкая по характеру и почти неграмотная. После ухода отца из семьи, мать с детьми получила приют у бабушки (со стороны отца). Последняя была женщина сильная по духу, в высшей степени умная и энергичная. Благодоря ее содействию, Б. получил возможность выехать в 1906 г. из Тифлиса в Москву.

С 1905 г. (20 лет от роду) Б. начал знакомиться с марксистской литературой. Первые уроки марксизма начал приобретать в Тифлисе в одном из кружков, организованных в гимназические годы. По приезде в Москву в 1906/7 г., как сочувствующий, примкнул к студенческой социал-демократической организации, после попал в Харьковскую губ. (ст. Краматоровская), где имел намерение ближе познакомиться с рабочей средой Здесь был арестован в 1907 г и водворен в Вологодскую губ. Ссылался два раза. По возвращении из ссылки примкнул к большевикам. В смысле выработки большевистского воззрения сильное влияние имели на Б. двое близких его товарищей (в числе их — покойный Корганов, один из 26 бакинских коммунаров). Б. был одним из руководителей последней всероссийской студенческой забастовки в министерство печальной памяти Кассо—1910—11 г.

По окончании университета (кончил в 1914 г. естеств. отдел. Московск. универс.) около года был безработным. Временами занимался черной работой: разгружал вагоны с дровами на Курском вокзале и пр. В 1915 г. поступил на службу в Земгор. На ряду со службой занимался работой в кооперации и в исполнительном комитете служащих. Вокруг себя создал нелегально группу низших служащих (гл. обр. курьеров, уборщиц и пр.) и вел среди них работу. Сейчас же после февральской революции Б. начал работать по организации профсоюзов Москвы. Московский Комитет партии большевиков в течении первой половины 18 г. держал связь с Московским Бюро Профсоюзов через Б. От Моск. Бюро Профсоюзов Б принимал участие в качестве члена Организац. Бюро по созыву III Всероссийской Конференции Профсоюзов.

В 1918 г. Б. вошел в состав Президиума Московск. Совета Профсоюзов, от имени Совета организовал первую Моск. Биржу Труда, в конце 1918 г. становится членом Коллегии Наркомтруда и с того времени работает все время по труду. В 1919 г. он состоял уполномоч. Наркомтруда в Сибири, в 1920 г. перемещен на Юго-Восток и вошел в состав Революционн. Совета Трудовой Армии Юго-Востока. В 1921—22 году Б. работал в Закавказье в начале по профдвижению, затем по организации Зак. Наркомтруда. С июля 1923 г. состоит членом Коллегии Наркомтруда СССР и Народным Комиссаром Труда РСФСР.

Беленький, Григорий Яковлевич (*автобиография*). Родился я в 1885 г. в мест. Свержень, Рогачевского у., Могилевской губ. в бедной семье. Лишился я отца, когда мне было 12 лет. После смерти отца осталась семья из 6-ти человек, которая находилась в условиях больших материальных лишений, нищеты. Жили мы все на средства старшего брата, который в то время зарабатывал 10 р. в месяц. Разумеется, что еле еле перебивались с хлеба на квас. Скудость материальных средств мешала членам нашей семьи получить официальное или домашнее образование. Рос и развивался я, как дитя улицы. Первые свои знания я получил в качестве самоучки. Тяжелые условия семейного быта, окружающей обстановки, наложили свой особый отпечаток на мою детскую психику и зажгли в моем сердце пламень ненависти к угнетателям, к богатым, сытым и толкали на путь революционной борьбы. 14-ти летним юношей я примкнул к революционному движению. Первое сильное влияние оказала на меня группа минских рабочих-ремесленников, с которой я впервые встретился в Минске на квартире фельдшера Пресмана. На этой квартире я познакомился с „рабоче-дельцами“ и „искровцами“. Здесь я получил литературу того и другого направления. Детально ознакомившись с направлением „Искры“ и „Зари“, я в 1901 г. вступил в Р. С. Д. Р. П., солидаризировавшись с платформой „Искры“. В это время я ревностно занимался, как сейчас выражаются, „политграмотой“ в рабочих кружках, знакомясь усиленно с учением Маркса, с программой и тактикой РСДРП. В то же время я аккуратно посещал вечерние курсы и участвовал на лекциях, устраиваемых обществом русских врачей, во главе которого стоял известный с.-р. Гершуни. В 1902 г. я был арестован по делу минской организации РСДРП и, просидев около года,

я был выслан в административную ссылку в Архангельскую губернию сроком на 3 года.

Должен отметить мимоходом, что тюрьма была для меня настоящим университетом. Здесь мне удалось расширить свой духовный кругозор, расширить круг марксистских знаний и знаний вообще. В ссылке я пробыл всего несколько месяцев и был возвращен, как малолетний, по царскому манифесту 1904 г. Вернувшись из ссылки в Минск, я принимал активное участие в работе Минской большевистской организации в качестве организатора и пропагандиста. После поражения декабрьского восстания я перебрался в Вильну и жил там более $^1/_2$ года по фальшивому паспорту, работая здесь в качестве организатора. В середине 1906 г. я пробрался в Петроград, где я работал в качестве члена Технической группы при П. К. а затем при Ц. К. (после Лондонск. с'езда).

В октябре 1907 г. я здесь был арестован по делу П. К. и, просидев 11 месяцев в „Крестах" по паспорту зубного врача Шапиро, я был послан в казарму 100-го Островского полка (Двинская крепость). Прослужив 4 месяца и наладив совместно с группой активных т. т. солдат военную организацию и создав единый центр, направляющий всю орг.-техническую работу этой организации, я покинул казарму и вернулся обратно в Вильно. Здесь, работая в качестве секретаря Виленской организации РСДРП (б), я вместе с парт'активом повел усиленную работу по восстановлению Виленской организации, по воссозданию нефункционирующих районов, налаживанию связей между всеми частями организации. Общими усилиями нам удалось восстановить районные сходки, а затем возобновить практику периодического созыва городских конференций.

Наладив работу Виленской организации, восстановив связи с профсоюзами, мы взялись за подготовку конференции Северо-Западного края. Эта конференция была созвана по инициативе Двинского и Виленского Комитетов На этой конференции я был избран делегатом на Всероссийскую конференцию 1908 г. (Париж). В Париже я пробыл около месяца. Здесь я имел несколько свиданий с Ильичом и Надеждой Константиновной (Крупская). По возвращении из Парижа, я переехал для работы в Ковно. Здесь я работал в качестве ответственного организатора несколько месяцев, а затем пробрался в Двинск, работал здесь в качестве секретаря местной организации.

19/III-1910 г. я был здесь арестован совместно с группой т. т. по обвинению в принадлежности к Двинской Военной организации по паспорту Макса Шнейдмана и, просидев более года, я был судим, как бродяга, и был выслан на вечное поселение на Ангару Енисейской губ. (Сибирь). Пробыв в ссылке 2 года и активно участвуя в организации О-ва ссыльно-поселенцев, я бежал и прибыл в Париж. Здесь я работал около 4-х лет в качестве секретаря Парижск. Секции б-в. Был секретарем Парижского Клуба с.-д. интернационалистов, ведя совместно с другими активными членами организации с первых дней войны 1914 г. беспощадную борьбу против всех видов социалшовинизма, всецело поддерживая последовательную интернационалистскую линию ЦК РКП и Ц. О („С.-Д.") Будучи секретарем Парижской Секции (б-ов), я вел систематическую переписку с К. З. О, с Вл. Ильичом. с Надеждой Константиновной Крупской, с Инессой Арманд, с тов. Зиновьевым и др. Вернулся в Россию в начале мая 1917 г. Начиная с середины мая по 15/VII-1917 г. я работал в Московской Окружной организации и был членом Областн. Ком. (б-ов), об'езжал целый ряд организаций Московского округа. С 20/VII-1917 г. я был послан в Московский Ком для работы на Красную Пресню в качестве ответственного организатора. Здесь я принял активное участие в подготовке Октябрьского переворота. От Красно-Пресненского района я был избран членом Моск. Ком., членом которого я состою по сей день. Начиная с 1917 г., я работаю в Красно-Пресненском районе в качестве ответственного секретаря Райкома, являясь в то же время членом ВЦИК'а нескольких созывов.

Белобородов, Александр Григорьевич (*автобиография*). Род. 26 октября 1891 г. в Александровском заводе Соликамского уезда Пермской губ. в семье рабочего. Окончил начальное училище. В 1905 г. поступил на работу в качестве ученика в мастерскую газоэлектрического цеха Надеждинского завода, где в то время работал отец. Из мастерской был переведен в цеховую контору сначала рассыльным, потом для помощи цеховому конторщику. Предреволюционное брожение 1904—05 г.г., захватившее и такой медвежий угол, как Надеждинский завод, особенное влияние, конечно, оказало на заводскую молодежь. Многие из нас, только что начавшие сознательную жизнь и расширившие свои умственные горизонты на полулегальной и нелегальной литературе, с головой

окунулись в ту мелкую практическую революционную работу, которая нам отводилась старшими. Первое революционное „крещение“ получил, распространяя революционную литературу и исполняя другие технические поручения работавших в цехе товарищей.

В начале 1907 г. вступил в местную с.-д. организацию. Наиболее близкое и активное участие в партийной работе стал принимать после знакомства с проживавшим в Надеждинске на нелегальном положении Андреем Валек (жившем под фамилией Яков Черняк). Этого самоотверженного большевика, погибшего затем от рук колчаковских палачей в Екатеринбурге в 1919 г., считаю своим первым учителем. Летом 1907 г. избираюсь кандидатом в члены местного с.-д. комитета. Во второй половине лета после убийства „лесными братьями“ (лбовцами) директора Надеждинского завода владельцы об'явили локаут, и в сентябре месяце вместе с остальными я был уволен. Из Надеждинска поехал к себе на родину и поступил электромонтером на Луньевские копи. Организовал там местную группу с.-д. После выпуска от имени группы первой прокламации был арестован 8 февраля 1908 г. вместе с другими. Выездной сессией Казанской судебной палаты 29 сентября 1908 г. осужден по 129 ст. Угол. Улож., как несовершеннолетний, к отдаче до совершеннолетия в исправительный приют для малолетних преступников, „с заключением в тюрьму, если в приюте не окажется помещения“. Места в приюте конечно „не оказалось“, поэтому заключение отбывал в тюрьме. За время сидения снова был отдан под суд за попытку к побегу путем подкопа, вместе с остальными сокамерниками. Судом присяжных по этому делу был оправдан. В тюрьме много читал и занимался самообразованием, пополнив несколько те знания, которые дала начальная школа. Из тюрьмы был освобожден в марте 1912 г., просидев 3 года 2 месяца, плюс 8 месяцев предварительного заключения. Поехал снова в Надеждинский завод и поступил электромонтером; работал в рельсопрокатном цехе. Начавшееся рабочее движение и, особенно, ленский расстрел вызвали некоторое оживление в местной рабочей жизни. В Питере стала выходить „Правда“. В Надеждинске организовался правдистский кружок рабочих, конкурировавший довольно успешно с „лучистами“ и эс-эрами. Принимал участие в организации рабочего культурно-просветительного общества и работал по выборам в местном рабочем кооперативе. Это было единственное учреждение, которое можно было использовать, как „легальную возможность“. Изредка корреспондировал в „Правду“ под псевдонимом „Игорь“. Жандармами был взят под негласный надзор, а потом 20 мая 1914 г. после от'езда из Надеждинска был арестован по обвинению в принадлежности к большевистскому крылу РСДРП и в распространении конфискованных номеров „Правды“. (Такое дело было, т. к. конфискованные номера „Правды“ получались почтовыми посылками и эта малоконспиративная хитрость была обнаружена полицией).

Просидевши в тюрьме с мая по сентябрь 1914 г, был выслан (уже во время войны) в порядке пред'явления „57 пунктов“ на два года из пределов Пермской губернии. Избрал себе местом жительства город Златоуст (Южный Урал), но уфимский губернатор предложил перебраться в другое место. Переехал в город Белебей. Там работал на телефонной установке. Из Белебея взял перевод в гор. Тюмень. В Тюмени работал монтером сначала на заводе Мошорова, но был уволен по той причине, что имел „волчий паспорт“. Поступил на городскую электрическую станцию. В октябре 1916 г. из Тюмени перебрался в Лысьвенский завод Пермской губ. и участвовал в местном кружке с. д. большевиков. После февральской революции наша группа вышла из подполья и послужила ядром для создания наиболее мощной на Урале заводской большевистской организации. На 1-ом с'езде Советов Уральской области, организованном в Перми меньшевиками, в первые же дни Февральской революции, вместе с Новоселовым (теперь член ЦКК) устраиваем меньшевикам первую легальную „неприятность“, с уходом со с'езда. На Областной Уральской конференции (в первых числах апреля 1917 г.) избираюсь в Уральский Областной Комитет. Был делегатом на апрельской (1917 г) конференции нашей партии и делегатом VI партийного с'езда. По списку Обл. Комитета РСДРП (больш.), избран членом Учредительного собрания от Пермской губ.

После разгона Учредительного собрания работал в Екатеринбурге и III Областным С'ездом Советов Уральской Области избран членом Областного Исполнительного Комитета. В Областном Исполнительном Комитете работал сначала заместителем Председателя, затем Председателем Исполкома. После отхода Красной Армии с Урала работал

сначала в Перми, затем в Вятке. VIII с'ездом РКП избран членом ЦК. В апреле 1919 г. Советом Обороны командирован на южный фронт, в район Вешенского восстания, в качестве уполномоченного. По возвращении с фронта в июле 1919 г. назначен зам. начальника политуправления Реввоенсовета Республики. В октябре 1919 г. назначен членом Реввоенсовета IX армии Юго-Восточного (затем Кавказского) фронта. По вступлении IX Армии на Кубань назначен членом Кубанского Революц. Комитета. В августе 1920 г. назначен Заместителем Председателя Революц. Совета Кавказской Трудовой армии, затем председ. Краевого Экономического Совета Юго-Востока. В октябре 1921 г. переведен в Москву и затем назначен Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел. 7-го июля 1923 г. назначен Народным Комиссаром Внутренних Дел.

Бобровский, Владимир Семенович, род. в 1873 г. в г. Белгороде Курск. губ., в семье директора учительской семинарии, окончил реальное училище, а затем Харьковск. ветеринарн. институт. На выработку мировоззрения Б. оказала большое влияние его мать. В 1897 г. он вступает в Москве в с.-д. организацию, арестовывается, высылается в Харьков и там ведет пропаганду в рабочих кружках; в 1900 г. после провала харьковской с.-д. организации переезжает в Киев; вскоре подвергается аресту по делу „Киевского комитета партии „Искра“, затем скрывается за границу. После второго с'езда РСДРП Б. примыкает к большевикам, приезжает в Россию и ведет нелегальную работу в Тифлисе, а затем в Баку. Арестовывается, но попадает под октябрьск. амнистию 1905 г. В 1906 г. следует снова арест и высылка в Новгородскую губ.; здесь им ведется пропаганда среди крестьян и организуются крестьянские комитеты. В 1910 г. по окончании ссылки он продолжает вести революционную работу. В 1914 г. принял участие в организации журнала „Рабочий Труд“. Во время войны его мобилизуют в качестве ветеринарного врача и направляют в Серпухов, где он после февральской революции входит в Совет и организует комитет партии. После октябрьской революции работает в различных советских учреждениях (был начальником Главн. Ветеринарного Управления). Ум. в 1924 г. См. *„Прол. Рев.“, № 5, 1924.*

Богданов (Малиновский), Александр Александрович (*автобиография*), род. 10(22) авг. 1873 г. у народного учителя, второй из 6 детей. Отец скоро дослужился до учитель-инспекторства в городском училище, и благодаря этому я лет 6—7 получил доступ в библиотеку училища, а затем и в его маленький физический кабинет. Учился в Тульской гимн., жил в ее пансионе, стипендиатом, в условиях казарменно-тюремных; там злостно-тупое начальство на опыте научило меня бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты. Кончив с золотой медалью, поступил в Московский университет, естественником; в декабре 1894 г. арестован, как член Союзного Совета землячеств, и выслан в Тулу. Там рабочим оружейником Ив. Ив Савельевым был привлечен к работе в кружках, как пропагандист; скоро в ней приняли участие В. Базаров и И. Степанов. На этой работе в 1896 г. пришел от народовольческих идей к социал-демократизму; а из лекций в кружках составился „Краткий курс экономической науки“ (вышел изувеченный цензурой в конце 1897 г.; Ленин горячо приветствовал его в рецензии „Мира Божьего“, 1898, № 4). С осени 1895 г. часть времени проводил в Харькове, обучаясь на медицинском факультете; бывал в тамошних с.-д. интеллигентских кружках — лидером их был Череванин—но разошелся с ними из-за вопроса о морали, которой они придавали самостоятельное значение. В 1898 г., стремясь дать ответ на широкие запросы наших рабочих в смысле общего мировоззрения, написал свою первую философскую книгу „Основные элементы исторического взгляда на природу“. Осенью 1899 г. кончил университет, а затем был арестован за пропаганду. Полгода тюрьмы в Москве, высылка в Калугу, оттуда на 3 года в Вологду. Много учился и писал; в 1902 г. организовал и редактировал сборник против идеалистов — „Очерки реалистического мировоззрения“. Служил полтора года врачом в психиатрической лечебнице. С конца 1903 г. редактировал марксистский журнал „Правда“, издав. в Москве.

Осенью 1903 г. примкнул к большевикам, и кончив ссылку, вскоре, весной 1904 г. поехал в Швейцарию, там присоединился к Ленину. На собрании 22-х был выбран в Бюро Ком-ов Большинства (Б. К. Б.), первый большевистский центр. Приблизительно тогда же был в первый раз отлучен от марксизма меньшевистской „Искрой“ (статья Ортодокса в № 70, обвинявшая меня в философском идеализме). Осенью вернулся в Россию, с декабря 1904 г. работал в Петербурге в Б К. Б. и П. к-те Мной

были написаны тактические листки Б. К. Б. о вооруженном восстании и о созыве партийного с'езда, как и большинство других листков Б. К. Б. Весной 1905 г. на с'езде в Лондоне (III с'езд, большевистский) был докладчиком по вопросу о вооруженном восстании, а также по организационному вопросу и выбран в первый большев. Ц. К. Работал в П-рге, участвовал в редакции большевистской „Новой Жизни", был представителем ЦК в Совете Раб. Деп., где и арестован 2 дек. 1905 г. Освобожденный в мае под залог, попал в ЦК уже меньшевистский от большевиков; высланный за границу, нелегально вернулся и жил в Куоккале вместе с Лениным, работая в редакции большевистских органов, а также при думских фракциях 1, 2 и 3 Думы. По вопросу о 3-й Думе был бойкотистом, но после решения партийной конференции против бойкота проводил избирательную кампанию в эту Думу в нелегальной рабочей газете „Вперед", которую редактировал.

В конце 1907 г. я был отправлен товарищами за границу в составе тройки (с Лениным и Иннокентием) для редактирования органа большевиков „Пролетария". Летом 1909 г. был вместе с Л. Б. Красиным, в качестве левого б-ка устранен из большевистского центра, а в январе 1910 г., при слиянии фракций большевиков и меньшевиков, и из ЦК партии. Осенью 1909 г. участвовал в организации 1 партийной рабочей школы —на Капри, осенью 1910 г.—II школы в Болонье. В декабре 1909 г. был докладчиком платформы „группы большевиков", вскоре принявшей название „литературной группы Вперед". Эта платформа „Современ. положение и задачи партии"—впервые формулировала лозунг пролетарской культуры. Весной 1911 г., когда группа „Вперед" стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел от политики; писал потом, до революции, только пропагандистские статьи в „Правде" и др. рабочих органах. Вернувшись в Россию в 1914 г. был послан на фронт в качестве врача. Революция застала меня в Москве; там я сначала писал политически-пропагандистские статьи; в одной из них, в январе 1918 года поставил диагноз военного коммунизма; затем перешел всецело на культурную и научную работу—в Пролеткульте, Пролет. университете и пр. Осенью 1921 г. прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной. До сих пор с 1918 г. состою членом Коммунистической (бывшей Социалистической) Академии.

Мои главные работы:

1. По политической экономии: „*Краткий курс экон. науки*", ее первый учебник, написанный по исторической схеме (последние издания переработаны в сотрудничестве с Ш. М. Дволайцким), переведен на английский и несколько других языков; „*Начальный курс полит. экономии*" в вопросах и ответах; большой „*Курс полит. экономии*" (в сотрудничестве с И. И. Степановым). Статья „*Обмен и техника*" (1903), в сборнике „Очерки реалистич. мировоззр.", давшая впервые доказательство теории трудов. стоимости, построенное на принципе равновесия.

2. По историческому материализму: „*Наука об обществ. сознании*"—историческое изложение развития идеологий, главным образом, форм мышления, с об'яснением их генезиса из производств. отношений; переведена на немецк. яз.; „*Из психологии общества*" (сборник статей 1902—06), „*Организационные принципы соц. техники и экономики*" („Вест. Соц. Акад.", 1923 № 4)—об'яснение форм сотрудничества через технические отношения.

3. По философии: „*Эмпириомонизм*" ч. I, II, III (1903—1907 г.), картина мира с организационной точки зрения, т.-е., как процесса формирования, борьбы и взаимодействия комплексов и систем разных типов и ступеней организованности, „*Философия живого опыта*" (1911)—обзор развития реалистических систем философии, кончая эмпириомонизмом; „*От монизма религиозного к научному*", доклад (в прилож. к 3-му изд. „Фил жив. опыта")—обоснование борьбы за научный монизм, устраняющий философию вообще.

4. По организационной науке: „*Всеобщая организац. наука*" (Тектология), ч. I, II, III (1913—1922)—общее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления (часть I издается на немецком); „*Принципы единого хоз. плана*" („Вестник труда", 1921, № 4—6) и „*Труд и потребности работника*" („Молодая Гвардия", 1922 г., № 3)—приложения организационных законов к решению основных хозяйственных задач; „*Об'ективное понимание принципа относительности*"—приложение организ. т. зрения к истолкованию принципа относительности („Вестник Ком. Акад.", 1924, № 8).

5. По пролетарской культуре: „*Новый мир*" (1904—6)—популярная характери-

стика высшего культурного типа жизни; „*Культурные задачи рабочего класса*“ (1911)—обоснование программы пролет. культуры; „*Искусство и раб. класс*“ (переведено на немецкий); „*Социализм науки*“ —о пролет. науке (частью тоже переведено на немецкий); „*Элементы пролет. культуры в развитии раб. класса*“—исторический анализ; „*О пролетарской культуре*“—сборн. статей 1904—1924 г. Сюда же можно отнести два романа: „*Красная звезда*“ (1907), утопия (переведено на франц., немец. и еще неск языков); „*Инженер Мэнни*“ (1912) — картина столкновения пролет. и буржуазной культуры.

Еще несколько книг, несколько десятков журнальных статей, брошюр и докладов, еще больше газетных статей и листков, гл. обр. пропагандистских.

Богданов, Петр Алексеевич, (*автобиография*). Родился я 20 мая 1882 г. в семье московск. 2-й гильдии купца. В 1899 г. окончил Александровское Коммерч. учил. с золотой медалью и в том же году поступил в Московское Высшее Техническое Училище. С 1900 г. стал принимать ближайшее участие в студенческих общественных организациях (студенческая касса, нелегальная библиотека и т. д.). В феврале 1901—02 г. был арестован, приговорен сначала к ссылке в Якутскую область, что затем было заменено шестимесячным тюремным заключением, которое я и отбывал в Вышневолоцкой тюрьме. По отбытии наказания снова поступил в Техническое Училище, продолжая активную общественную работу, при чем сошелся с социал-демократ. студенческими кружками. С нач. 1905 г. приступил к активной работе в Московской организации РСДРП в Сокольническом районе в качестве технического работника по хранению и распространению нелегальной литературы. В августе 1905 г. принимал участие в нелегальном Всероссийском с'езде студенческих организаций, имевшем место в Финляндии (на Иматре), который принял политику открытых дверей высших школ для использования нарастающего революционного движения. В сентябре того же года выехал в г. Воронеж, где вошел в Воронежский большевистский комитет РСДРП и в местную военную организацию после ее образования. В 1906 г., переехав в Москву, вступил в московскую военную организацию, а также, вернувшись к работе в Техническое Училище, стал во главе студенч. фракции РСДРП (об'единенная большевиков и меньшевиков), был введен в Московский комитет, причем одно время заведывал организацией всех студенческих социал-демократич. групп в Москве, оставаясь одновременно в военной организации. В Московском комитете работал в качестве члена до весны 1908 г. В 1909 г. окончил Высшее Техническое Училище со званием инженера и поступил на службу в Московское Городское Самоуправление. С 1908 по 1914 г. продолжал работать в московской организ. РСДРП (техника содействия финансами, явки, переписка и т. д.). В 1914 г. был призван по мобилизации сначала на фронт в ж. д. батальон, а с 1916 г. был назначен в ж. д. парк в г. Гомель. В 1917 г. после февральской революции был избран председ. Военной Секции Гомельского Совета Рабочих, Солд. и Крестьянск. Депутатов. При выборах в местную демократическую Городскую Думу был избран председ. Городской Думы. во время Корниловского восстания состоял председателем местного Революционного Комитета, который руководил операциями против Корнилова с юга. В Октябрьский переворот опять-таки состоял председ. Революционного Комитета и после переворота вошел членом Президиума Исполкома вновь избранного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. При выборах в Учредительное Собрание был выставлен кандидатом гомельскими рабочими в списке об'единенной РСДРП. Во время оккупации Гомеля немцами продолжал оставаться председателем Городской Думы и вел активную работу в местных профсоюзах, за что и был выслан в 24 часа в „Большевизию“. По приезде в Москву в июле 1918 г. приступил к работе в ВСНХ в качестве члена правления Волго Камского химического об'единения, а затем—члена Коллегии Химотдела. В августе месяце 1918 г. восстановил свое членство в партии большевиков со стажем с 1905 г. В 1919 г. был назначен председ. Совета Военной Промышленности, который был создан под моим руководством и об'единял всю военную промышленность, и работал до окончания гражданской войны. В 1920 г., оставаясь председателем СВП, был назначен заведующим Главным Управлением Металлической Промышленности и введен в состав членов Президиума ВСНХ. В мае 1921 г. был назначен на должность председателя ВСНХ, которую занимал до весны 1923 г. В должности предс. ВСНХ провел все начала Нэп'а в промышленности. С созданием Союза Советских Социалист. Республик был назначен на должность председателя ВСНХ РСФСР, в каковой нахожусь и поныне. Одновременно в конце

1923 г. назначен начальн. Главн. Управл. Военной Промышленности и председ. Комитета Военных Заказов, в каковых должностях нахожусь и теперь. В проф. союзах состоял—с 1920 г. в Союзе химиков, а затем в Союзе металлистов.

Богуславский, Михаил Соломонович *(автобиография),* род. 1 мая 1886 г. в пос. Крюкове, Полтавской губ., Кременчугск. уезда. Отец—портной, ремесленник. В семье были еще двое детей от первой жены отца (умершей) и трое детей от второй жены (моей матери). В пять лет я был отдан на обучение в домашнюю еврейскую школу („хедер"), в которой учился до 8 лет, до смерти матери. Оставшись с шестью малолетними детьми на руках, отец женился в третий раз на молодой женщине. Ежегодно пошли дети, которых содержать делалось все труднее и труднее. Нередко огромная семья по целым дням сидела без хлеба, в ожидании пока „заказчики" отдадут отцу его грошевый заработок. Голодная жизнь дополнялась „междуусобицей"—почти постоянными спорами, а нередко и драками между детьми от разных матерей, драками, во время которых мачехе приходилось „умиротворять" и тех и других. В доме был постоянный ад, и отчасти этим можно об'яснить, что отец частенько попадал с получкой не домой, а к приятелям, а иногда попросту в кабак. Частые появления отца домой в пьяном виде без денег вызывали ожесточение мачехи, которая страдала и от „чужих детей" и от постоянных нехваток и от частых выпивок мужа.

Начались поиски выхода из тяжелого положения, и первой „экономией" в бюджете семьи явился перевод меня из платной еврейской школы в бесплатную общественную школу для беднейших еврейских детей („талмуд-тора"), где кроме бесплатного обучения (на еврейском и русском языках), также бесплатно обмундировывали и кормили. Уже одно пребывание в этой школе ставило ребенка в разряд самого низкого сословия и создавало для него положение, при котором дети „более порядочных" (т.-е более богатых) родителей не хотели с ним „иметь дела", т.-е. попросту его избегали.

Незадолго до этого произошел в моей жизни случай, впервые напомнивший мне о моем „происхождении" и оставивший неизгладимый след в моей памяти. Событие это следующее. Будучи способным ребенком, я, по совету учителя „хедера", был отдан отцом на обучение к „ученому еврею", у которого за сравнительно большую плату обучались высшим еврейским наукам („геморе") только пять-шесть детей местных богачей. После недолгого совместного обучения „богачи", будучи, очевидно шокированы, что в компанию их благородных детей „втесался" сын „какого-то портнишки", поставили учителю „ультиматум": если у него будет продолжать учиться „портновский сын", они своих детей отдадут другому учителю. Не желавший потерять заработка учитель сделал „выбор" и отослал меня домой. Обиженный отец устроил „богачам" публичный скандал в синагоге, за что был судим местным раввином, и в результате отцу был сделан строгий выговор за „такое отношение к уважаемым гражданам"; мне же (предварительно проэкзаменовав) в виду „хороших способностей" временно разрешили продолжать учиться у этого учителя. Но учиться у него долго не пришлось, так как „по экономическим соображениям" был переведен в „талмуд-тору". Учеба в этой „талмуд-торе" была сплошным мучением: она находилась в Кременчуге т.-е. на расстоянии 6—7 верст от дома (Крюкова), и приходилось туда ходить, вставая еще до восхода солнца (занятия начинались в 8 час), при чем за малейшее опоздание немилосердно били, приучая к „аккуратности". Кроме того страшно тяготило смутное детское сознание, что ты хуже остальных детей, которые (даже бывшие близкие товарищи) стали избегать совместных игр, прогулок, затей и т. п. Ежедневные посещения Кременчуга сблизили меня с проживавшей в этом городе сестрой покойной матери, чрезвычайно чуткой девушкой, которая, сама работая в портняжной мастерской, по вечерам занималась, готовясь экстерном сдать экзамен за 4 класса гимназии. Начав заниматься со мной, гл. обр., по русскому языку, которого я раньше совсем не знал, она через 5—6 месяцев добивается моего приема в казенное еврейское училище, куда я поступаю в возрасте 10 лет. Проучившись в этой школе около двух лет, я вынужден был ее оставить, так как ухудшившееся материальное положение семьи властно ставит вопрос о невозможности дальнейшего „дармоедничанья" 12-летнего (уже большого) мальчика и необходимости приучать его „к делу". Взяв из школы, отец начинает приучать меня к портновскому производству, но мое двухлетнее пребывание с теткой в Кременчуге не прошло для меня даром, и я отчаянно сопротивлялся приковыванию меня к портновскому

столу со всеми его прелестями: руганью, побоями, тяжелыми семейными сценами, постоянной грызней с мачехой и т. п. Сговорившись с теткой, я в 12 лет, в 1898 г., бросаю отцовский дом и уезжаю к ней в Харьков, куда она переехала. Здесь я поступил в ученье в типографию, где работал муж тетки наборщиком. Условия: три года работать бесплатно. 4-й год 8 руб. в месяц, 5-й год—12 руб. в месяц.

Жизнь моя начинает протекать в совершенно иных условиях: целый день, на работе в типографии, где приходится набирая, все время читать, вечером опять садишься за книгу и за тетрадь (занимались со мной дядя и тетка), по воскресеньям—в воскресную школу, изредка даже в театр (по типографской контрамарке) или на лекцию в народный дом „общества трезвости". К сожалению эта новая жизнь длится не долго—около года. Дядя, попав во время работы ногой в типографскую машину, получил перелом ноги. Это обстоятельство, лишившее его возможности работать и содержать семью, поставило также вопрос о возможности дальнейшего содержания племянника. Нужда в этом доме становилась с каждым днем нестерпимее. Я решил отправиться „за поисками счастья" в Киев. Только очутившись в Киеве на вокзале, без родных и знакомых, я понял всю важность предпринятого путешествия. Не имея, куда зайти и где переночевать, я отправился на Подол (заселенный преимущественно еврейским населением), где и сделался завсегдатаем небольшой синагоги. Здесь я дневал и ночевал, питаясь теми крохами которые давал мне служка этой синагоги за то, что я помогал ему в уборке.

Здесь же я встретился с бездомным слепым стариком, по предложению которого я согласился быть у него поводырем за плату 15 коп. в день с квартирой за счет „хозяина". Два месяца работы в этой „должности" несомненно являются самыми мрачными во всей моей жизни. С утра до ночи хождение по дворам, где старый слепец играл на скрипке, собирание грошей, а ночь в грязной, сырой ночлежке, куда скоплялось все то, что может быть отнесено к еврейскому „дну"—слепые, хромые нищие; здесь и трахома, и чесотка и все прочее. Ко всему этому присоединялось издевательство над „образованным" всякий раз, когда замечали меня за книгой, с которой и здесь я не разлучался. Однажды, придя с нищим по обыкновению в один из дворов для игры, я увидел на воротах дома наклейку о том, что в коробочную мастерскую требуются мальчики, которые принимаются на всем готовом. Хозяин мастерской согласился взять меня на службу. Отведя старика вечером в трущобу, я заявил ему о своем уходе, и был здесь же избит соседями за то, что оставляю беспомощного старика „без предупреждения". Все же утром я был уже учеником коробочной мастерской.

В обязанности, лежавшие на мальчиках мастерской, входило, кроме обычной работы (с 6 ч. утра до 8 ч. веч.), также хождение по очереди с хозяйкой на базар с двумя огромными корзинами, уборка помещения, переноска готовых коробок к заказчикам. Этот тяжелый труд облегчался для меня тем, что старик хозяин-коробочник, узнав, что я грамотный и умею читать книги, брал меня по вечерам к себе в комнату, где „по совместительству" просиживал с ним за чтением вслух романов, которые старик очень любил. Эта „культурно-просветительная работа" с хозяином приводила к различным поблажкам по основной работе. Но меня все тянуло к прежней работе в типографии. Через несколько месяцев мне удалось получить место в одной из крупных типографий, куда я был принят учеником-наборщиком опять на 5 лет Несмотря на очень тяжелые условия существования (так как пришлось платить за стол и квартиру 8 р. в месяц, получая жалованья 5 р., а остальные 3 р. зарабатывая сверхурочно после одиннадцати час. нормального дня работы, при чем платили по три, а затем по пяти копеек в час), все же годы, проведенные в типографии, являются несомненно переломным моментом во всей моей жизни, ибо здесь я впервые получил широкую возможность пополнять свое образование, занимаясь сначала с более грамотными наборщиками типографии, а затем со студентами, с которыми жил на одной квартире. Заниматься было очень трудно, вследствие необходимости почти ежедневно 15—16 часов в сутки работать в типографии, а также вследствие тяжелых условий ученичества, которые проходят при почти непрерывных побоях; мастер, обучавший меня, поставил себе задачу, которую он часто при избиении формулировал так: „или сделаю из тебя труп, или хорошего мастера".

Спустя 5 лет, в начале 1904 г., я окончил срок обучения в типографии, получив звание подмастерья и жалованье 18 рубл. в месяц. За эти пять лет сильно подвинулось и мое общее самообразование, при чем помимо русского языка

удалось также ознакомиться и с немецким и с франц. яз., которые нужно было хоть немного знать (читать и писать), так как это требовалось для работы наборщика. Потекла действительно „счастливая“ жизнь, которой однако суждено было недолго длиться. Через несколько месяцев опубликовывается „раз'яснение“ сената о том, что наборное дело является не ремеслом, а искусством, а потому евреи-наборщики не являются ремесленниками и, следовательно, лишаются права жительства вне черты еврейской оседлости. Это „раз'яснение“ заставляет меня вместе с другими еврейскими наборщиками покинуть в серед. 1904 г. Киев и вернуться в Харьков.

Работая наборщиком в типографии Харьк. губернск. Правления, я вступил в существующую тогда полупрофесс. организацию, наз. „Общество вспомоществ. наборщиков Харькова“. Здесь, встречаясь на собраниях с наиболее передовыми наборщиками, я впервые узнаю о том, что у рабочих имеются другие интересы, не вмещающиеся в рамки устава этого общества. Вскоре я примыкаю к образовавшемуся нелегальному кружку, ставившему себе задачей организацию союза печатников. На одном из собраний кружка (нас собиралось до 30—40 чел.) выделяется организац. бюро для выработки устава союза. Члены кружка распределяются в качестве уполномоченных по всем типографиям, где они работают для вербовки членов будущего союза. Я был назначен уполномоченным по типографии, где я работал. Вербовка членов будущего профсоюза идет довольно успешно, особенно среди молодежи. Но через несколько месяцев организ. бюро проваливается со всеми списками и меня в числе прочих арестовывают в ноябре 1904 г. Мне пред'является обвинение: а) в распространении „нелегальной литературы“ (речь идет о протоколах кружка и проекте устава будущего профсоюза) и б) в организации стачки в казенном учреждении (второе обвинение, очевидно, больше „для комплекта“). Пребывание в тюрьме, встреча там с настоящими революционерами окончательно помогает мне осознать положение рабочего класса и способы борьбы за его освобождение. По выходе из тюрьмы, летом 1905 г., я вступаю в еврейскую социалистическую партию. В ноябре 1905 г. я вновь арестовываюсь во время событий, связанных с манифестом 17 октября, за руководство забастовкой в губернской типографии. Просидев три месяца в той же тюрьме, я был выслан на родину (в Крюков) на три года, под надзор полиции. Ссылка „на родину“ была, пожалуй, не многим лучше любой другой ссылки „в отдаленные места“, ибо негде было работать: в Крюкове типографии не было, а ходить в Кременчуг не было возможности потому, что по требованию крюковского „начальства“ (урядника) два раза в день нужно было являться для отметки в полицию. Вторая прелесть этой „домашней“ ссылки выражалась в том, что нужно было жить на иждивении у бедняка отца, обремененного большой семьей, выслушивать постоянные упреки и т. д. После шести месяцев пребывания „на родине“, достав чужой паспорт, я уезжаю в Киев, где продолжаю работать в подпольной организации партии, гл. об., в качестве техника (организация подпольной типографии и работа в ней). Через несколько месяцев меня случайно арестовывают во время обычной облавы и, не обнаружив чужого паспорта, высылают из Киева, „как еврея“ не имеющего права жительства. После этого, получив разрешение властей, я переехал в Николаев, где работал в типографии, продолжая состоять членом еврейской социалистич. партии. Тяжелая реакция, обрушившаяся тогда на все революционные организации, сделала свое дело. И без того некрепкая и малочисленная николаевская организация этой партии, окончательно распадается. Некоторые арестовываются, многие эмигрируют за границу. В 1910 г. в Николаеве начинается движение за создание рабочей кооперации. Я принимаю деятельное участие в организации 1-го Никол. рабочего кооператива—„Трудовая Копейка“. Вокруг этого кооператива (во главе его стоял рабочий социал-демократ—Васильчиков, оказавшийся впоследствии провокатором), группируются наиболее передовые рабочие, создаются культурно-просветит. кружки. Но после крупных событий на николаевских судостроит. заводах в 1912 г. кооператив был разгромлен властями, и я среди прочих принимавших участие в работе этого кооператива вынужден был выехать из Николаева. В Кременчуге, куда я переехал из Николаева, я работал в типографии, и после издания закона 1912 г. о страховании рабочих приступил к организации обще-городской больничной кассы, председателем которой был избран и состоял им вплоть до февральской революции 1917 г. В феврале я принимал активное участие в организации Кременч. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и был избран

товар. предс. Одновременно ведя работу по организации отдельных профсоюзов и совета профсоюзов, состоял председ. 1-го Кременч. Совета профсоюзов. В февр. 1917 г. я вступил в партию РСДРП (б.) При выборах городской думы прошел по партийному списку гласным этой думы и был избран членом Городской Управы. По партийным спискам также был избран членом Украинского Учредит. Собрания.

После Октябрьского переворота (в котором я принимал участие в Ленинграде, как делегат II Всеросс. С'езда Советов), Кременч. Городская Дума распускается. Все функции по городскому хозяйству переходят в Совет, председателем которого я состоял. Начавшееся в это время наступление немцев на Украину вызывает необходимость в организации воинских отрядов; работа по этой организации всецело меня поглощает. В январе 1918 г. я принимаю участие в работе группы, сражающейся против немцев на участке Кременчуг—Знаменка, Кременчуг — Ромодан, состоя начальником штаба этой группы войска. На состоявшемся в начале февраля 1918 г. II Всеукр. С'езде Советов я был избран членом Украинского ЦИК'а, а также членом коллегии Народного Секретариата (Нар. Комиссариата) Финансов Укр. Советского Правительства. После занятия немцами Украины я уехал в Воронеж, где мне поручается роспуск существовавшей еще там меньшевистско-эсэровской Городской Думы и организация городского совета и Исполкома, председателем которого я и состоял до января 1919 г. Одновременно я состоял председ. Воронежского гор. комит. партии. В Январе 1919 г. я отправился на фронт и вместе с повстанческими войсками участвовал в наступлении на Украину. При занятии советскими войсками Кременчуга я опять стал во главе Совета. В мае 1919 г., во время мятежа Григорьева, я вместе с отрядом сражался против григорьевских войск. Во время наступления Деникина я вступил в одну из дивизий Красной армии, защищавшей Кременчуг. По занятии Кременчуга Деникиным, я избираюсь секретарем укр. ЦИК'а и секретарем укр. правительства. В сентябре 1919 г. я был назначен на работу в Политическом Управлении Республики. В декабре 1919 г. вновь возвратился на Украину, где работал в Харькове, вначале в качестве замест. председ. Ревкома, затем в качестве секретаря Харьк. Губкома. В мае 1920 г. я был мобилизован ЦК партией для работы на транспорте. Работал в Главполитпути в качестве начальника его Политотдела. В июле того же года мне была поручена работа по организации в Москве красного Профсоюза печатников. По организации такового был избран его председателем, которым состоял до 1921 г., когда был избран членом московск. комитета и членом през. московского Совета, на каковую работу я всецело перешел. В 1922 г. меня избрали заместителем председателя московского Совета, эту работу исполнял до 16 января 1924 г., состоя одновременно все время членом моск. комитета партии, членом ВЦИК и членом МСНК. В феврале 1924 г. был назначен зам. предс. Главного Управл. Государств. Страхования. 1 сентября 1924 г. назначен председ. Малого Совнаркома.

Бош, Евгения Богдановна (Готлибовна), род. в 1879 г. в мест. Очаково, Херсон. губ. Отец ее, Готлиб Майш, был механиком в больш. именьи, мать—молдаванская дворянка. Отец умер, когда она была еще ребенком, и мать вышла замуж за брата отца. Б. с 10 лет жила у дяди в г. Вознесенске в очень тяжелых условиях, училась в гимназии, с 13-ти лет она заболела, уехала к матери, стала много читать, решает „слиться с народом“ и уходит из дому, но старший брат—толстовец перехватывает ее, и некоторое время она живет у него. Скоро она возвращается домой. 16 лет она выходит замуж за П. П. Бош, сына мелкого фабриканта. В конце 90-х годов, благодаря одному земскому врачу с.-д., она знакомится с нелегальной литературой, которая произвела полный переворот во взглядах Б., и в 1900 г. она входит в члены с.-д. партии, примыкая к большевистской фракции Б. собирается сделаться сельск. учительницей, берет уроки, но в 1905 г. учитель сделал донос на нее, заметив у нее на столе соц.-дем. литературу. Вскоре она порывает со старой жизнью и с мужем, оставляя у себя детей, и отдается партийной работе, занимается восстановлением киевской организации, созданием рабочих ячеек, летучих типографий и т. п. Ее избирают в члены киев. комитета; в нем она играет руководящую роль и вступает в переписку с В. И. Лениным. Она налаживает связи с ЦК партии и рядом южн. организаций. В 1912 г. Б. была арестована, в 1913 г. по суду была приговорена к ссылке на поселение и отправлена в Верхолен. уезд Иркутск. губ. В 1914 г. Б. бежала чрез Владивосток в Америку, в 1915 г. участвовала по вы-

зову Ленина на Бернской конференции, а затем жила в Норвегии. После февральской революции Б. возвратилась в Россию, сначала в Петроград, а потом в Киев, где вошла в состав Киев. Сов. Раб. Деп., была председат. организ. бюро по созыву областной конференции партии и одним из редакторов органа киевского комитета „Голос социал-демократа". На областн. конференции Б. была избрана председателем областн. комитета, ведет энергичную работу по подготовке революционного восстания против юнкеров и Центр. Рады, агитирует в Виннице и двигает гвардейский корпус на Киев против юнкеров, но власть оставалась в руках Центр. Рады. В Киеве учреждается большев. рев. военн. комитет, в состав которого входит и Б. Первый всеукраинский с'езд советов в Киеве был открыт Б., но большинство с'езда оказалось на стороне Рады. Большевистская часть уехала в Харьков и об'явила себя первым с'ездом советов Украины, и выбрала ЦИК Украины, в состав которого вошла и Б. в качестве народн. секретаря внутренних дел. После взятия Киева советскими войсками, ЦИК переехал туда, но скоро, при приближении немцев должен был эвакуироваться, и Б. увезли из Киева против воли—она хотела остаться для организации вооруженных отрядов киевских рабочих. Вместе с Чудновским Б. организует в Дарнице заслон против немцев, затем вследствие разногласий с др. членами Нар. Секретариата выходит из его состава, отправляется в Бахмач во главе отрядов Красной гвардии, откуда отступает в Ромны, Ахтырку и Харьков. Здесь отряд ее расформировывается, сама Б. тяжко заболевает и могла возвратиться к работе только чрез несколько месяцев. По выздоровлении она была командирована в Пензу для борьбы с с.-р., избрана здесь в губ. комит., а затем на VI с'езд Советов, и в конце 1918 г. была назначена на Каспийско-Кавказский фронт для руководства политич. работой в армии. В 1919 г. Б. была командирована для расследования гомельского восстания, затем в Литов.-Белор. республику, была членом Совета Обороны ее. Впоследствии она работала в ЦК Всеработземлеса, но болезнь заставила ее долго лечиться на Кавказе, в Германии и Италии. В конце 1924 г. покончила с собой. Написала: „Национ. правительство и советская власть на Украине" (1918 г.) и „Год борьбы" (1923 г.). См. *„Прол. Рев."* № 2. 1925 г.

Брюханов, Николай Павлович *(автобиография)*, род. 16-го декабря 1878 г. в г. Ульяновске (Симбирске). Отец был родом из Ленинграда, получил землемерное образование в специальной школе при Департаменте Уделов (главное управление царскими имениями), потому что в этой школе бесплатно принимали детей дворцовых рабочих и служащих, а отец его (мой дед) служил садовником при Царскосельском дворце. „Бесплатное" обучение в этой землемерной школе было связано в дальнейшем обязательной службой по удельному ведомству. Эта служба и забросила моего отца в Ульяновск (Симбирск), где отец и занимал должность землемера в Управлении Удельного Округа. Он был страстным любителем-садоводом (эта страсть была воспитана в нем, должно-быть, дедом, профессионалом-садовником) и рыболовом. Очутившись в Ульяновске, он поселился на окраине города около речки Свияги, обзавелся там маленьким домишкой, развел около дома сад и летом, когда по службе было больше свободного времени (не было вечерних занятий), весь досуг посвящал работе в саду над своими цветами или ловле рыбы на удочку на реке Свияге. В этом доме, в этом саду и на этой речке и протекло мое детство.

Всех своих сыновей (нас было четверо) отец сам обучал грамоте и готовил ко вступительному экзамену в гимназию. После этого его заботы о „духовном преуспевании" детей в значительной степени сводились лишь к наблюдению за безостановочным прохождением ими лестницы гимназических классов. По крайней мере в отношении к себе (я был младшим в семье, и разница в годах с другими братьями была порядочная, 4—6 лет) я не помнил случаев активного и настойчивого вмешательства со стороны отца в свободу выбора мною товарищей в свободу выбора мною книг для чтения, моих занятий и т. п. Так, будучи и оставаясь до смерти религиозным человеком, отец полностью мирился с тем, что дома, вне гимназии—я с 13—14 лет открыто отошел от религии и об'явил себя „атеистом". Или, когда я был уже студентом, отец с одинаковой радостью и любовью встречал меня независимо от того возвращался ли я домой после блестяще выдержанных экзаменов или в качестве административно высланного за участие в университетских беспорядках. Моя мать (родом из Алатыря Ульяновской г.) вспоминается мне по детству, как большая семьянинка, отдававшая все свое время заботам по хозяйству, по обшиванию, обуванию и кормежке своих де-

тей. Домашний уют, материнская ласка—вот то, чем окружала мать наше детство. Один из моих старших братьев (Петр), будучи студентом сначала Казанского универс., потом Ленингр. Военно-медиц. Академии, принимал активное участие в революционном движении. Приходившие к нему в наш дом товарищи (в их числе были: Ал. Аладьин—впоследствии лидер трудовиков в 1-й Государств. Думе, В. И. Ишерский—с.-д., член 1-й Гос. Думы и др.), зачастую вели разговоры, а подчас и жаркие споры на общественно-политические темы, по поводу той или иной статьи в „Русском Богатстве" (орган народников), корреспонденции о германских выборах в „Русских Ведомостях", — „Критических заметок" Струве, книги Бельтова и т п. К этим спорам я очень прислушивался. Если и раньше я был усердным читателем запрещенных для гимназистов книг (Писарев, Добролюбов, Чернышевский), то в этот период (в 1894—97 гг.) я уже читал и перечитывал книгу Бельтова (Плеханова), состоял подписчиком „Самарского Вестника", считал себя „марксистом" и яростно полемизировал со своими товарищами—гимназистами, которые причисляли себя к „народникам". В 1896 г. мой брат был арестован в Ленинграде по делу „Союза Борьбы" и после года тюрьмы был сослан в Вятскую губернию. Поездка в Ленинград на „свидание" с ним, знакомство и связи с его товарищами (в то время в Ульяновске жили некоторые поднадзорные, высланные до приговора), участие в гимназических кружках, чтение запрещенных книг—все это привело к тому, что гимназическим начальством я был причислен к разряду „неблагонадежных" и на этом основании в 1897 г. не был допущен к выпускным экзаменам „на аттестат зрелости". Так я расстался с гимназией. В 1898 г., выдержав весною экстерном экзамен на аттестат зрелости, осенью я поступил на филологич. факультет московского универс. Примкнув к студенческим кружкам, весною 1899 г. за активное участие в студенческих беспорядках я был административно выслан из Москвы на 2 года с запрещением проживания в университ. городах. В конце 1899 г. громадное большинство участников студенческих беспорядков было амнистировано, и с начала 1900 г. я вновь поступил в московский университет. После новых студенческих беспорядков 1901 г., покинув московский университет, я попал в Казань.

Продолженная и в Казани работа в марксистских студенческих кружках вначале вне прямой связи с партийной с.-д. организацией привела и не могла не привести, в конце-концов, к установлению этой связи сначала через участие в сборах денег среди интеллигенции на политический Красный Крест, далее через технические услуги с.-д. организации, к установлению и держанию связи с отдельными заводами и мастерскими через отдельных рабочих и, наконец, ранней весной 1903 г., после провала основной группы казанских комитетчиков, к вступлению путем кооптации в состав казанского комитета Р С Д Р П. В конце июня 1903 г. меня арестовывают, в начале февраля 1904 г. об'являют приговор: 4 года Восточной Сибири. Затем, благодаря Японской войне и прекращению этапов на Восток Сибирь заменяется Вологодской губернией, и, наконец, пройдя кроме Казанской еще Московскую (Бутырскую), Ярославскую и Вологодскую тюрьмы—в мае 1904 г. я выхожу „на волю" и отправляюсь отбывать ссылку в г. Кадников Вологодск. губ. Проходя московскую Бутырскую тюрьму в марте—апреле 1904 года я впервые ознакомился с тем, что было на втором с'езде РСДРП, с расколом на большевиков и меньшевиков. Я примкнул к большевикам и с тех пор до настоящего времени непрерывно работал в рядах большевиков. Участвовал в Лондонском партс'езде 1907 г., куда был делегирован Симбирской (Ульяновской) организацией. В 1912 г. выставлялся кандидатом от с-д. (большевиков) в IV Государств. Думу по г. Уфе (это стоило ареста и трехмесячного сидения в тюрьме). Был делегатом на апрельской большевистской конференции 1917 г. Участвовал от Уфы в сентябрьском демократическом совещании 1917 г. После приезда в Ленинград в начале 1918 г. на первое продовольственное совещание, созванное Наркоматом Продовольствия по настоянию покойного Я. М. Свердлова, лично знавшего меня по нелегальной работе на Урале, я был привлечен к работе в центре, в начале в качестве члена коллегии, потом замнаркома и наконец с 1921 г.—Наркома Продовольствия. С февраля 1924 г. работаю в Народном Комиссариате Финансов СССР в качестве замнаркома.

До революции 1917 г. мне, как и большинству интеллигентов, не имевших официальной профессии и считавших своей основной работой партийную подпольную работу, приходилось средства к жизни добывать личным трудом, работая где придется и в какой придется

области. С 14—15 летнего возраста, помогая семье и прирабатывая на свое содержание, я стал давать уроки. В студенческие годы и позднее в ссылке и после ссылки мне также приходилось заниматься уроками; газетная работа, переводы для печати по заказам издательств с иностранных языков, работа железно-дорожного конторщика, работа десятника на постройке жел. дороги, работа чертежника, по земской и городской статистике по банковской оценке имений, по страховому делу и т. д.—вот те виды личного труда, какими судьба заставляла меня заниматься. На вопрос анкет о том, какую работу и профессию я считаю для себя основной, я всегда затруднялся и затрудняюсь отвечать и уклончиво писал и пишу: „общественная служба".

Бубнов, Андрей Сергеевич (*автобиография*). Род. 6 апреля (23 марта) 1883 г. в Иваново-Вознесенске. Образование получил в Иваново-Вознес. реальном уч., которое окончил в 1903 г. Затем поступил в Московский Сельскохозяйств. Институт (Тимиряз. Академия), который не окончил. В ряды РСДРП (б.) вступил в 1903 г. До этого с 1900—1901 г. принимал участие в революционных кружках учащихся. С момента своего вступления в партию определяется, как большевик. Б. работал преимущественно в губерниях Центральн. Промышлен. района и в Москве, как организатор и пропагандист. В течение своей работы многократно арестовывался и сидел в тюрьмах и в крепости. Всего был арестован Б. 13 раз. В тюрьмах пробыл свыше 4 лет. В 1906 г. Б. по выходе из тюрьмы делегируется Иваново-Вознес. организацией на Стокгольмский с'езд. В 1907 г. делегируется той же организацией на Лондонский с'езд. С лета 1905 г. Б. состоял членом Иваново-Вознес. Комитета партии, затем членом бюро Иваново-Вознесенск. Союза РСДРП (большевиков), об'единявшем ряд местных организаций, а в 1907 году переводится ЦК партии на партработу в Москву и с конца 1907 г. состоит членом М. К. партии.

В эпоху жестокой царской реакции 1907—10 гг. Б. продолжает свою работу в партии, несмотря на систематические аресты. В 1908 г. Б. избран членом Обл. Бюро Центр. Промышл. района и делегирован на Всеросс. партконференцию. Попасть на конференцию Б. не удалось, ибо он был арестован. По выходе из тюрьмы в 1909 г. Б. был назначен агентом ЦК РКП. В 1910 г. в мае был кооптирован в состав большевистского „Центра" в России. В конце года Москов. Судебной Палатой привлекался по ст. 102 (процесс 34-х). Начиная с 1910 г. в рабочем движении России заметен под'ем и оживление. В 1911 г. Б. по выходе из крепости работал в Нижнем и Сормове. Получив извещение о кооптации в Организац. Комитет по созыву Всеросс. партконференции, должен был выехать за границу, но был опять арестован. Будучи избран кандид. в ЦК, Б. вместе с Позерном выпускают большев. газету „Поволжская Быль" (вышло 6 номеров). В 1912—13 г. работал в Петербурге в „Правде" и в думской фракции. Состоял членом Испол. Комиссии Петерб. Комитета партии.

Мировая война застала Б. в Харькове, куда он был выслан после ареста в Петербурге. С самого начала войны Б. занял последовательную интернационалистскую позицию. В начале августа 1914 г., после выпуска Харьковской большев. организ. воззвания против войны, Б. был арестован, после тюрьмы выслан в Полтаву. Переехав из Полтав в Самару, Б. входит в состав Оргбюро по созыву Конференции большевистск. организаций Нижнего Поволжья. После провала Б. был арестован в октябре 1916 г. и в феврале 1917 г. выслан в Сибирь в Туруханский Край. В этот период Б. работал по статистике, причем им был выпущен ряд научных брошюр по экономич. вопросам.

Февральская революция застала Б. в этапной избе в с. Бобровке (тракт Красноярск—Енисейск). Б. возвращается в Москву, входит в состав Областн. Бюро Центр. Промышленной Области. VI-й с'езд партии избирает Б. членом ЦК В это время Б. состоял членом Исполкома Моссовета. В августе Б. переводится ЦК в Петербург и работает, как член ЦК и член Исполкома Петерб. Совета. Входит в редакцию партийной военной газеты (в качестве представителя ЦК партии). В Октябрьском перевороте Б. принял участие, как член Петерб. Военно-Революц. Комитета. На заседаниях ЦК 10/X он избирается в Политбюро ЦК, а 16/X в военно-революц. центр по руководству восстанием. В ноябре в качестве комиссара жел. дорог республики был командирован на юг и принял участие в борьбе против Каледина (в Ростове на Дону). После VII с'езда партии Б. уезжает на Украину, где состоял народным секретарем — членом Раб. Кр. Правительства — принимает участие в борьбе с немцами. После ликвидации украинского правительства входит в Повстанческий Комитет. Состоя чле-

ном ЦК КПУ и членом Всеукр. Военно-Революц. Комитета, Б. с августа по октябрь работал в „нейтральной зоне“ (Черниг.-Курская губ.), формируя части партизанской армии для освобождения Украины. После 2-й Всеукр. партконференции (в октябре 1918 г.) Б. командируется для подпольной работы в Киев. Опытный конспиратор, Б. состоит членом подпольного Киевского Обл. Бюро партии и председ. подпольного Киевского Совета, являясь начальн. подпольного штаба. После свержения Петлюры Б. входит в состав Рабоче-Крест. правительства Украины. Будучи командирован на 8-й парт. с'езд, Б. избирается кандид. в ЦК и членом комиссии по выработке программы партии. Одновременно Б. избирается членом ЦК КПУ. Одновременно он состоит председ. Киевского Совета Раб. и Кр. Депутатов. В 1919 г. Б. назначается членом РВС Украинского фронта, а затем членом РВС XIV армии. В октябре того же года назначен членом РВС Козловской ударной группы. После хозяйств. работы в 1920 г. в Москве был назначен членом РВС Сев. Кавк. Военного Округа. В это время состоял членом МК партии, а в Ростове на Дону членом Обл. Донского комитета и членом Юго-Вост.Кр. Бюро ЦК РКП (б). Во время X партс'езда за участие в ликвидации Кронштадтск. мятежа награжден орденом Красного Знамени. В 1922-23 году Б. назначен заведующим Агитпропом ЦК РКП. XII партс'езд избирает Б. кандид. в ЦК РКП. XIII партс'езд избирает Б.членом ЦК. В начале 1924 г. Б. назначен нач. ПУР'а РККА и членом РВС СССР. Одновременно он несет партийную работу, состоя членом ОРГ Бюро ЦК РКП. Б. состоит также членом ЦИК СССР. Б. является старым партийным литератором. Его литерат. псевдонимы — А. Глотов, С. Яглов, А. Б. Б. с давних пор занимается изучением истории революционного движения и истории нашей партии. В этой области ему принадлежит брошюра „Основные моменты развития коммунист. партии в России“, неоднократно переизданной многими губкомами партии. Из экономических работ Б. следует отметить брошюру „Речные хлебные фрахты“, изд. в 1915 г., а также ряд статей и обзоров по общеагрономич. вопросам в журнале „Земский агроном“ (Самара) и в сельск.-хоз. журналах в Харькове и Полтаве.

Буденный, Семен Михайлович (*автобиография*). Отец мой, Михаил Буденный, 2 летним мальчиком был перевезен из Воронежской губ. в Донскую область, слободу Большая Орловка 1-го Донского округа. Выросши, он женился на донской крестьянке той же слободы. Земли собственной у отца не было, он, арендуя участки земли в Сальском округе, занимался хлебопашеством. В 1883 году 21 апреля родился по счету второй сын. Немного подросший, чтобы не быть лишним ртом в доме, я стал пасти телят и свиней своей слободы. Тяжелая нужда в доме заставила отдать меня в батраки к зажиточному крестьянину, где я вплоть до военной службы и проработал, иногда возвращаясь на зиму домой. Не легка была служба батрака, приходилось заниматься молотобойством, быть смазчиком сельско-хозяйственных машин, стоять иногда за прилавком и работать в поле. С десяти лет я у одного приказчика стал обучаться грамоте. Нелегко давалась грамота, ибо приходилось заниматься урывками, усталым от дневной работы. В 1903 г. был призван на военную службу. В январе 1904 г. уже прибыл в г. Харбин на Дальнем Востоке, в 4-ю пограничную сотню, где прошел обучение новобранца.

Началась русско-японская война. Стали прибывать части из Донской области. 8-го января 1905 г. проходил, двигаясь на японцев, 48 казачий Донской полк, в который из 4-й пограничной сотни была влита часть новобранцев в качестве пополнения, в том числе и я. Этот полк в боях против японцев не был, а вел борьбу с хунхузами. После заключения мира полк возвратился в Россию, а влитое в него пополнение из 4-й погран. сотни передал Приморско-Драгунскому полку, стоявшему в селе Раздольное Приморской обл. и также ведшему борьбу с хунхузами. Находясь в этом полку, был командирован в отдельную заставу, в село Шкотово, на берегу океана. Будучи в этой командировке, был зачислен в полковую учебную команду, но к началу занятий опоздал и по прибытии в полк в январе 1907 г. был командирован в школу наездников в Ленинграде, где пробыл до 1-го октября 1908 г. Пробыв около 2-х лет в школе, был откомандирован обратно в полк, где занимал должность полкового наездника. В 1909 г. кончился срок военной службы, но я, имея в перспективе опять батрачество, остался сверхсрочно на службе и был переведен в Приамурск. Военный Округ в г. Хабаровск для выездки лошадей, где проработал два года. В ноябре 1911 г. возвратился снова в свой Приморско-Драгунский полк, где прослужил до 1913 г. В ноябре 1913 г. получил отпуск и вернулся в Донскую область.

Грянула империалистическая война. Я не поехал в свой полк а был назначен в г. Армавир в 18-й драгунский запасн. эскадрон Кавказской кавалер. дивизии. С первым маршевым эскадроном был отправлен в полк, находившийся на Западном фронте. Прибыв в полк, вскоре был назначен на должность взводного унтер офицера. Эта дивизия, пробыв на Западном фронте семь месяцев, была переброшена на Турецкий фронт, где находилась 11 месяцев. С Турецкого была переброшена на Австрийский фронт, но пробыв здесь всего один месяц, дивизия вошла в состав экспедиционного корпуса ген. Баратова, сформированного для покорения Персии. В январе 1917 г был назначен временно на должность вахмистера 5-го эскадрона. Пробыв в Персии 14 месяцев, дивизия после февральской революции была возвращена в Россию в марте 1917 г. Прибыв в Россию, дивизия была расположена близ Тифлиса в селе Екатеринсфельд, где я был избран членом эскадронного комитета, а вскоре и полкового. Во время стояния дивизии в этом селе, несмотря на агитацию офицеров, солдаты стали пробуждаться, требуя от офицеров отдачи приказа с отменой титулов. 22-го марта во время кутежа в офицерском собрании солдаты, возмущенные поведением своих господ, окружили собрание и после вызывающего поведения некоторых офицеров обстреляли его, убив одного и ранив двух офицеров. В июне 1917 г. Кавказская кавалер дивизия была переброшена снова на Западный фронт в г. Минск Я был избран председателем полкового комитета, а вскоре вошел в состав и дивизионного комитета. Простояв в Минске до августа, дивизия из своего состава выделила бригаду, для подавления якобы „взбунтовавшихся, солдат в количестве 15 000 в городе Гомеле. В это время происходило выступление ген. Корнилова. Прибыв в Гомель, бригада узнала, что взбунтовавшиеся“ солдаты—просто скопившиеся инвалиды, требующие пропуска их через медицинскую комиссию, но их хотели отправить на рытье окопов. По моему настоянию бригада не выгрузилась полностью и, отказавшись подавить инвалидов, двинулась обратно в г. Минск. На станции Орша бригада задержалась. В это время к Орше подходили войска Корнилова, идущие в Ленинград. По моей инициативе у Орши был разобран путь и подошедшие шесть эшелонов корниловцев были задержаны и обезоружены. За эту инициативу дивизионный командир, ген. Корницкий, хотел отдать меня полевому суду, а бригаду, как неблагонадежную, разоружить, но солдаты не выдали меня и отстояли себя.

Октябрьский переворот застал меня в Минске, работающим совместно с фракцией большевиков фронтов. комитета Западного фронта После переворота дивизия вскоре была распущена по домам. Я тоже демобилизовался и возвратился в Сальский округ в Платовскую станицу. Здесь организовал станичный совет из крестьян и калмыков. Я был членом этого совета. 14 февраля 1918 г. был избран на окружной с'езд Сальского округа, на котором был избран заведующим земельным отд. Сальского округа. 22 февраля 1918 г. отряды белых напали и разогнали окружной исполком. Я приступил к формированию красных отрядов Будучи с начала гражданской войны помощн. Думенко, я вскоре отделился от него и уже в начале 1919 г. командовал самостоятельно кавалер. дивизией. В начале июня принял командование конным корпусом, а в ноябре и конной армией. 18 марта 1919 г вступил в ряды Российской Коммунстической Партии (большевиков). Имею два ордена Красного Знамени от ВЦИК'а, один орден Красного Знамени от Азербайджанского ЦИК'а Кроме того, как высшую награду, имею золотое оружие – шашку и маузер— оба с орденом Красного Знамени. В 1920 г. на 8-м С'езде Советов был избран членом ВЦИК'а, в составе которого состою и по настоящее время. После окончания гражданской войны, продолжая командовать 1-й Конной Армией, в октябре 1923 г. был назначен помощником главнокоманд. всеми вооруженными силами СССР по кавалерии и членом РВС СССР, а в апреле 1924 г. назначен инспектором Кавалерии РККА Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Бухарин, Николай Иванович *(автобиография)*. Родился 27 сентября (по ст. стилю) 1888 г. в Москве. Отец был в то время учителем начальной школы, мать—учительницей там же. По специальности отец – математик (кончил физ.-мат. факультет Моск. унив.). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе: $4^1/_2$ лет я уже умел читать и писать, страшно — под влиянием отца—увлекался книжками по естественной истории: Кайгородов, Тимирязев, Брэм были моими любимцами. С азартом собирались коллекции жуков, бабочек; постоянно держали птиц. Увлекался так же рисованием. Одновременно усваивалось постепенно ироническое отношение к религии. Когда мне было около 5 лет, отец получил место податного инспектора в Бессарабской губер-

нии Жили мы здесь около 4 лет. В „духовном“ отношении эта пол са жизни была до известной степени полосой оскудения: не было книг, а общая атмосфера была атмосферой жизни провинциального окраинного городка со всеми ее прелестями. Я с младшим братом были теперь гораздо более „свободны“ от рационального воспитания и „вышли на улицу“; росли в садах, на полях, знали буквально каждую дырку тарантулов в саду, выводили „мертвых голов“, ловили сусликов и т. д. Главной мечтой тогдашней жизни было получить „Атлас бабочек Европы и средне-азиатских владений“ и другие аналогичные издания Девриена. Потом мы снова переехали в Москву, и около 2 лет отец был без места. Мы терпели большую нужду. Нередко я собирал кости и бутылки, продавая их на 2—3 копейки; в мелочную лавку сносились старые газеты, чтобы выручить грош. За это время я поступил во 2-й класс городского училища. Нужно заметить еще, что отец мой—в жизни очень безалаберный человек—прекрасно знал русскую литературу, а из иностранной у него в большой чести был Гейне Читал я в этот период положительно все. Гейне знал страницами наизусть. Знал наизусть всего Козьму Пруткова. Перечитал совсем мальчиком классиков. Как курьез могу отметить, что в этом возрасте я прочитал почти всего Мольера, а также „Историю древней литературы“ Корша. Это бессистемное чтение („как попало“) приводило иногда к большим странностям. Вспоминаю например, что после чтения каких-то глупейших рыцарских испанских романов я стал величайшим сторонником испанцев во время испано-американской войны. Бредил — под влиянием Корша—древностью и не без некоторого презрения смотрел на современную городскую жизнь. В то же время был в постоянном общении с так-называемыми „уличными мальчишками“, о чем отнюдь не сожалею. „Бабки“, городки, драки и т. д. были непременной принадлежностью этой жизни Примерно около этого времени или несколько позднее я пережил первый т. н. „душевный кризис“ и окончательно разделался с религией. Внешне это, между прочим выразилось в довольно озорной форме: я поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви „тело христово“, победоносно выложив оное на стол. Не обошлось и здесь без курьезов. Случайно мне в это время подвернулась знаменитая „лекция об Антихристе“ Владимира Соловьева, и одно время я колебался не антихрист ли я. Так как я из Апокалипсиса знал (за чтение Апокалипсиса мне был, между прочим, сделан строгий выговор школьным священником), что мать антихриста должна была быть блудницей, то я допрашивал свою мать—женщину очень неглупую, на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную - не блудница ли она, что, конечно, повергало ее в величайшее смущение, так как она никак не могла понять, откуда у меня могли быть такие вопросы.

Окончил я школу „первым учеником“ год не мог поступить в гимназию, а потом поступил во 2-й класс, сдав экзамен и предварительно подготовившись по латыни. В гимназии (1-я Моск.) учился все время почти на пятерках, хотя не прилагал никаких к этому усилий, никогда не имел словарей, всегда „списывал“ на-спех „слова“ у товарищей и „готовил“ уроки за 5—10 минут до прихода учителей. В 4 или 5 классе гимназии начались организовываться „кружки“, „журналы“ и т. д., сперва совершенно невинные. Как полагается, мы прошли и через стадию писаревщины. Потом началось чтение нелегальной литературы, затем кружки, „организации учащихся“, куда входили и с.-р и с.-д., а затем окончательное самоопределение в марксистском лагере. Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после „высокого и прекрасного“ — товар — деньги товар“. Но, войдя in medias res марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего. Мне эсэровские теории казались прямо какой-то размазней. Кроме того, либеральные знакомые вселяли в меня дух буйного протеста как раз против либерализма. Тут подходила революция 1905 г., митинги, демонстрации и пр. Конечно, во всем этом мы принимали живейшее участие. В 1906 г. я официально стал числиться членом партии и начал нелегальную работу. Во время выпускных экзаменов вел стачку на обойной фабрике Сладкова, вместе с Ильей Эренбургом. Поступив в университет, использовал его, главным образом, или для явок, или для того, чтобы произвести какой-нибудь теоретический „налет“ на семинарии какого-либо почтенного либерального профессора.

В 1908 г. меня кооптировали в Моск. комитет партии. В 1909 г. я по выборам прошел в его следующий состав. Имел в это время известную еретическую склонность к эмпириокритикам, при чем

прочитал все, вышедшее на русском языке по этому предмету. 23 мая 1909 г. был арестован на собрании МК, потом выпущен, потом снова арестован. Затем меня выпустили под залог, но в 1910 г. при разгроме всей Моск. организации партии (я работал в это время в легальных учреждениях) я был тоже арестован, много месяцев просидел в тюрьме, был выслан в Онегу, а затем, чтобы не получать каторги по суду (у меня была 102 ст.), убежал за границу. За время своей партийной работы в России все время был ортодоксальным большевиком (т.-е. не был ни „отзовистом", ни „примиренцом"). За границей начинается новая полоса в моей жизни. Я первое время жил обычно в рабочих семьях, а целые дни проводил в библиотеках. Если в России я приобрел общие познания и довольно специальные познания в аграрном вопросе, то, несомненно, основной капитал дали мне заграничные библиотеки. Во-вторых, я познакомился с Лениным, который, конечно, оказал на меня огромное влияние. В-третьих, я приобрел знание языков и знание практики европейского рабочего движения. За границей же началась по настоящему и моя литературная деятельность (корреспонденции в „Правде", статьи в „Просвещении", первая печатная работа в „Neue Zeit" — о Туган-Барановском и т. д.). Повсюду старался принимать практическое участие в рабочем движении. Перед войной был арестован в Австрии, где, между прочим, слушал Бем Баверка и Визера, и был выслан в Швейцарию; с большими трудностями перебрался потом (с промежуточным арестом в Нью-Кестле) в Швецию, где вместе со своим ближайшим другом Пятаковым усиленно работал в библиотеках, пока арест (т. н. процесс Хеглунда) не положил этому конец. Затем жил одно время в Норвегии (принимал ближайшее участие в издании „Klassekampen", органа „Молодых"), а затем вынужден был нелегально ехать в Америку. Там был редактором „Нового Мира", принимал участие в формировании „левого крыла" соц. движения и т. д. После революции приехал через Японию в Россию, будучи в Челябинске арестован меньшевиками за агитацию среди солдат. По приезде в Москву стал членом Исполкома Моск. Совета, членом МК, редактором „Соц. Демократа" и журнала „Спартак". Был все время на левом фланге (еще за границей защищал тезис о неизбежности социалистической революции в России). На VI с'езде партии был выбран в ЦК, в коем состою и по сие время. Из важнейших этапов моей политической жизни считаю необходимым указать на брестский период, когда я, будучи во главе „левых коммунистов", сделал крупнейшую политическую ошибку. Весь последующий период есть период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан, как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания и с которым я имел счастье не только быть в тех же рядах, но и стоять близко к нему вообще как товарищу и человеку. В настоящее время работаю как член ЦК и Политбюро, как член президиума ИК Коминтерна и как редактор „Правды", а равно как литератор, лектор, партийный агитатор, пропогандист и т. д.

Из теоретических работ важнейшими являются: 1) „Мировое хозяйство и империализм"; 2) „Политическая экономия рантье" (критика теории ценности и прибыли т. н. „австрийской школы"); 3) „Экономика переходного периода" (попытка теоретического анализа основных закономерностей распада капитализма и общественной реорганизации в условиях пролетарской диктатуры); 4) „Теория исторического материализма"; 5) Сборник теоретических статей „Атака" (против Бем-Баверка, Струве, Туган-Барановского, Франца Оппенгеймера и др.); 6) „Империализм и накопление капитала" (анализ процесса воспроизводства, теория рынка и кризисов в связи с критикой теории Розы Люксембург и Туган-Барановского). Из популярных книжек особое распространение получили: „Азбука Коммунизма" (написанная вместе с Преображенским), „Программа Коммунистов большевиков" и др. Особняком стоит историческая работа „От диктатуры царизма до диктатуры пролетариата" и „К вопросу о троцкизме" (в последнем сборнике дан теоретический анализ правильной и неправильной линии экономической политики в условиях советского режима и в связи с вопросом о соотношении города и деревни). Кроме этого, есть ряд второстепенных брошюр, журнальных статей и проч. Многие из работ, гл. обр. популярные брошюры—переведены на европейские и азиатские языки.

Вайнштейн, Арон Исакович *(автобиография)* (партийная кличка Рахмиэль, Рахмилевич). Родился 23 ноября 1877 г. в Вильне. Отец был приказчиком нисшего ранга на пивоваренном заводе. Семья жила очень бедно. Образование получил сначала в еврейском начальном училище, а потом в еврейском Учительском Институте в Вильне же. С 14 лет уже зарабатывал частными уроками. Начальное учи-

лице состояло при еврейском Учит. Институте. Среди воспитанников Института были социал-демокр. кружки, связанные с местной виленской социал-демокр. рабочей организацией. Еще мальчиком я, повидимому, привлек внимание некоторых членов этих кружков, и они стали осторожно, но внимательно руководить моим чтением. Помню, что еще к 13—14 годам я получил от них книгу Писарева, которая к тому времени уже была из'ята из обращения, при чем со мной вели беседы на темы, связанные с чтением этой книги. Мне осторожно дали понять, чтоб я другим этой книги не показывал. Таким образом, я в этом раннем возрасте уже стал постепенно приучаться к конспирации, хотя не совсем понимал, для чего это нужно. К руководителям моим чтением и развитием я чувствовал особую благодарность (это были: некий Резник, один из первых социал-демократов, умерший сравнительно молодым; Портной—партийная кличка Нойах—очень видный руководитель Бунда, теперь принадлежит к возглавляющим Бунд в Польше и др.).

Летом 1892 г. я уже вошел в состав революц. кружка, на котором хотя читались и разбирались произведения Белинского, Добролюбова, Писарева, но рядом с этим знакомили нас с вопросами революц. движения. В это лето я покончил с верой в бога, с религией. На эту сторону руководители обращали особенное внимание, как в раб. кружках, так и в интеллигентских. Первым признаком члена „кружков“ было курение папирос в субботу, непосещение синагоги, полный разрыв с религиозн. обрядами. В семейном быту это обыкновенно означало полную революцию и разрыв „детей“ с „отцами“. То же произошло и со мной. В это же лето я прочел первую нелегальную книжку (кажется, о Софье Перовской), узнал в общих чертах, что такое социал-демократия, узнал о Марксе. Летом 1893 г я уже познакомился с еврейскими рабочими, участниками виленских рабочих кружков и имел с ними много бесед по злободневным вопросам, выдвинутым тогдашней стадией рабочего движения, читал первые книжки обществ. содержания на еврейск. языке, уже знал в лицо руководителей рабочей организации в Вильне, твердо знал, что я—социал-демократ, что рабочие организованы в кассы, устраивают стачки и т. п. С 1893 г. по 1897 г. я провел в Виленском Евр. Учительском Институте, который и кончил. Институт этот был интернатом, возглавлялся педагогами-реакционерами, и почти все воспитанники питали к Институту и к его реакционному режиму глубокую ненависть, нередко прорывавшуюся в целом ряде коллективных выступлений против самых ненавистных представителей этого режима. Эта обстановка была чрезвычайно благоприятна для революц. развития учащихся. В Институте было несколько социал-демократ. кружков, мы уже читали более серьезные книги по вопросам революц. движения (помню „Вестн. Народн. Воли“, „Соц.-демократ“, издав. Группой Освобождения Труда, отдельные брошюры той же группы, „Коммунист. Манифест“ и т. п.). К концу этого периода мы уже интересовались борьбой между марксизмом и народничеством, усердно изучали Николая О-на, Михайловского, Струве, Бельтова и др. Читали журналы, марксистский сборник со статьей Ленина (К. Тулина), сожженный цензурой За этот период я познакомился с первым томом „Капитала“ Маркса В каникулы уже вел занятия с рабочими кружками. Окончил я институт совершенно оформившимся марксистом - эс-деком, готовым к практической революц. работе, к которой приступил немедленно. В 1898 г. я переехал на учительскую работу в Варшаву, сразу вступил в местную организацию Бунда, сразу сделался членом т.-н. „агитаторского собрания“, об'единявшего всю работу среди еврейских рабочих в Варшаве, и через несколько месяцев кооптирован в комитет Варшавской организации Бунда. Еврейское рабочее движение в Варшаве крепло и развивалось, и я принимал в нем самое активное участие—вел пропаганд. кружки, руководил политич. и экономич. работой в отдельных „крахах“ (профессиях), выступал на собраниях, писал листки, принимал участие в редакции нелегальной газеты, издав. Варшавским комитетом Бунда „Варшавер Арбейтер“ („Варшавский рабочий“) и т. п. Ярко помню ту раздвоенную жизнь, кот. приходилось вести. Как способный педагог, я был назначен одним из руководителей учительских курсов. День проводил в общении с учителями, отсталыми футлярными людьми, очень далекими от какой-либо политики и общественности. Приходилось „застегиваться на все пуговицы“, не выдавать себя ни единым словом. Вечером я отправлялся в рабочие районы, на „биржу“ (место встречи членов партии и рабоч. организации) или в нелег. типографию, помогать печатать, корректировать, выносить готовые экземпляры и т. п. В начале 1900 г. я уже принимал участие в 3-м

с'езде Бунда, происходившем нелегально в Ковне. в качестве делегата Варшавской организации. В развернувшихся на этом с'езде, в связи с вопросом о национальной программе Бунда, дебатах по вопросу о Бунде вообще, я, вместе с остальными варшавскими делегатами, был тогда решительным противником слишком широкого и националист. толкования мотивов, по которым должен существовать Бунд, как особая организация, и высказался за то, что Бунд будет нужен только до падения самодержавия. Тогда же я высказался и голосовал против расширения национальной программы Бунда. К концу 1900 г. я был вынужден покинуть Варшаву, вследствие провала на рабочем собрании и начавшейся усиленной слежки, и выехал нелегально за границу в Берлин. Там несколько месяцев слушал курс общественных наук в Берлинском унив. и близко познакомился с борьбой течений, происходившей тогда в российской социал-демократ. („Искра" и „Рабочее дело"). Стал ближе к загран. комитету и загран. организациям Бунда, где националист. течение наиболее процветало. Там же и мои мысли приняли более националист. и более сепаратистское направление.

Весной 1901 г вернулся в Россию, по предложению ЦК Бунда поехал на работу в Вильну, где сразу вошел в комитет и занял руководящее положение. Летом того же 1901 г. был на 4-м с'езде Бунда, как делегат от Вильны, принял активное участие в решениях с'езда, ознаменовавших решительный поворот во всей истории Бунда (принятие национально-культурной автономии, как программы, и федерализма, как принципа организации партии). На этом же с'езде был избран в центр. комитет Бунда и с тех пор уже оставался несменяемым членом ЦК Бунда до самой ликвидации его, в связи с вступлением в РКП(б). Спустя несколько месяцев был арестован и просидел 15 мес. в различных тюрьмах Вильны и Москвы. Был освобожден под залог в конце 1902 г. С начала 1903 г. бежал из-под надзора, перешел на нелегальное положение и с тех пор до самого конца работал в качестве партийного профессионала, нелегально, с очень короткими просветами легальности, в ЦК Бунда в качестве одного из деятельных его членов. По своим способностям я преимущественно организатор и в качестве такового и вел работу. Был постоянно в раз'ездах по многочисленным, очень разветвленным организациям Бунда, выступал на внутренних собраниях, достаточно широких, а в момент некот. легал. возможностей и на больших рабочих собраниях, принимал участие в редакт. нелегальн. органов Бунда—руководящем „Ди арбайтер штиме" („Рабочий голос") и массовом „Дер Бунд", писал воззвания, принимал участие в междупартийных совещаниях и т. п. Из общепартийных с'ездов и конференций Р. С. Д. Р П. был на Лондонском с'езде. на Парижской конференции и на 2-конференциях в Финляндии (Гельсингфорс и Тамерфорс). Вместе с Бундом в целом разделял все его политические колебания и ошибки и националистич. уклоны, неся за них полную ответственность. В период реакции, после 1905 г., непрерывно оставался на работе в ЦК Бунда и в продолжение всех этих лет, иногда оставаясь почти один, занимался работой по склейке, руководству, укреплению и оживлению нелегальных партийных организаций Бунда.

В период ликвидаторства разделял увлечение легальными формами рабочего движения и „петиционные" иллюзии, но резко расходился с ликвидаторами по вопросу о нелегальной партийной организации, считая необходимым ее сохранение и укрепление в качестве руководительницы всем движением пролетариата. В период империалист. войны был в ссылке, был интернационалистом умеренного толка, вернее центристом. Революция 17 г. освободила меня из ссылки и вернула к активной партийной работе. На X конференции Бунда в апреле 17 г. был вновь избран в ЦК Бунда и этим ЦК был избран его председателем, в качестве какового оставался до ликвидации Бунда. В период от февраля до октября помимо партийной работы принимал активное участие в революц. работе в Минске в качестве члена исполкома, потом председ. городской думы, на каковой пост был выдвинут социалистическим блоком (с.-д., с.-р.). Вместе с другими членами ЦК по мере хода и осложнения революции *фактически* свернул на оборончество, исходя из соображений ответственности за исход революции. Во время Октябрьской революции был ее принципиальным противником, но решительно боролся против всяких попыток насильственного выступления против советской власти.

Большую часть первого года существования советской власти провел в Белоруссии, под немецкой оккупацией, и вел энергичную борьбу против оккупантов. Под влиянием событий в Германии, вместе с несколькими др. видными деятелями Бунда в оккупации, пере-

жил поворот в сторону признания социалистического характера за революцией. Когда в Белоруссию пришла советская власть, сразу, вместе с другими товарищами из Бунда, стал работать на различных ответственных постах, при чем был членом Коллегии двух Комиссариатов. На 7-м с'езде Советов в приветствии с'езду, произнесенном мною от имени Бунда, наш решительный поворот сказался в полной мере. С конца 18 г. совершается постепенная, хотя и медленная эволюция в сторону коммунизма, которая завершается в начале 20 г. на XII бундовской конференции, кончившейся расколом. Вместе с другими товарищами возглавлял большинство, принявшее коммунистическую программу и тактику. Когда перед Бундом встал совершенно конкретно вопрос о вступлении в РКП, я вместе с некоторыми др. товарищами возглавлял течение в пользу об'единения и вел широкую кампанию среди членов Бунда за это об'единение. После последней конференции Бунда вошел в РКП и приветствовал от имени Бунда X с'езд РКП. В Белоруссии был членом ЦИК'а с тех пор как он существовал, а потом и членом президиума ЦИК'а, там же был еще за год до вступления в партию председ. Совнархоза Белоруссии. Потом был замест. председ. Совнаркома Киргизской республики, председ. КирСТО, членом Киргизского Бюро ЦК и Обкома. С лета 1923 г. состою членом Коллегии НКФина СССР. При царской власти сидел в тюрьме 4 раза, в общей сложности 2 года, был в ссылке в Сибири в Енисейском у. в течение 3-лет, из которой освобожден революцией 1917 г.

Вахитов, Мулла Нур, род. в 1885 г. в г. Кунгуре, сын торговца, учился в Казан. реальн. уч., с 1907 года был студент. СПБ политехн. и Психо-неврологич., инст., но был исключен, как не благонад. элемент. Во время войны служил в Казан. управл. пут. сообщ. После февральск. революции В. развил обширную агитац. деятельность среди мусульман, выступая против национ. буржуазии и призывая трудящихся к участию в социалист. революции. В. принадлежит организация мусульман. соц. комитета, который принял активное участие в октябрьск. перевороте. В. вступил в члены военно-революц. штаба, занялся организацией советск. власти в Казани и был выбран в Учредит. Собр. После этого В. организовал Центр. Комиссар. мусульм. внутренней России и Сибири при Совнаркоме, положил начало вооруженн. мусульм. силам и был председател. Военн. Коллегии. В. же принадлежит инициатива Московск. Конференц. Мусульм. рабочих. Еще большее значение имело основание Центр. Мусульм. Союза—Коммунист. Комитета, в котором В. был председателем. Когда Чехо-Словацкие войска заняли Татаро-Башкирск. область, В. приехал в Казань для организации обороны, но был захвачен в плен и 19 авг. 1918 г. расстрелян. См. „*Пам. бор*".

Вацетис, Иоаким Иоакимович (*автобиография*). Первый главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР. Я родился в 1873 г. 11 ноября в Курляндской губ., Гольдингенск. у., Нейгофской вол., мыза Нейгоф, где мой отец служил батраком, работая от солнца до солнца 38 лет. Нас было 8 детей, из которых один умер. Мы все родились и выросли в одной комнате около 80-90 кв. арш. В этой же комнате помещалась моя бабушка и дед. Дед страдал манией преследования, его разорил барон Мирбах, помещик Нейгофской вол., выгнав деда из усадьбы, при чем ему было позволено взять с собою столько багажа, сколько могли унести на себе он сам, его жена и его трое детей (в том числе мой отец). Причина изгнания и последствия баронского самоуправства настолько характерны, что этот факт заслуживает быть приведенным здесь. Дело это произошло в 50-х год. прошлого столетия. В имении Нейгоф барон Мирбах имел винокуренный завод, получивший прозвище „Ад" за свое гибельное влияние на жителей волости. Спирт выгонялся в большом количестве и распродавался в волости так дешево, что спивался, в буквальном смысле этого слова, народ. Доставка спирта из им. Нейгоф в Либаву производилась по сервитутным правилам и была обставлена довольно соблазнительно. Обыкновенно в конце января усадьбовладельцы собирались в им. Нейгоф со своими транспортными средствами—пара саней, и взвалив на каждые огромную ведер в 200 бочку, общим караваном отправлялись в дорогу. Караван сопровождал артельщик с расходной бочкой спирта, который раздавался даром. Главная попойка происходила в Либаве, во время которой пропивались и проигрывались лошади, упряжь и сани, а притоны награждали венерическими болезнями, от которых лечились у барона М., оказавшегося большим специалистом по этой части. Против такого порядка, заведенного бароном, восстал мой дед, носивший тогда иную фамилию. Он отказался ехать. За это и навлек на себя гнев барона и раззорение. Для вящшей остра-

стки барон переименовал название его усадьбы, а моему деду дал, в виде издевательства, другую фамилию: ту, которую ныне я ношу (моя фамилия в переводе на русский язык означает—немец). В этой проделке барона остроумного мало, но все-таки она свидетельствует, до какой брутальности доходила власть феодала и насколько велико было социальное бесправие латышей в Латвии, считавшейся освобожденной от крепостного состояния с 1817 и 18 года. Из этого видно, что сам по себе акт освобождения, без экономического обеспечения, носил спекулятивный характер в интересах помещико-капиталистического класса.

Картина социально - экономического положения батраков Нейгофской волости будет еще более ясна, если добавить, что вышеназванный барон ввел во всей волости ius primae noctis „право первой ночи" и что, умирая в 1864 г., он считался отцом многочисленных детей. Его прозвали „волостной жеребец". Дед страшно ругался за всякие беспокойства, называя всех проклятыми. Он при жизни сделал себе гроб, в котором часто отдыхал. Это обстоятельство создало вокруг него атмосферу тайны и страха. Идя навстречу его больной психологии, ему был отведен в избе на автономных началах угол с инвентарем: столик, нары и метла. Мой отец отличался колоссальной физической силой, поэтому он был назначен старшим батраком, т. е. он на косьбе должен был итти в голове, первым; при пахоте—первым, поднимать тяжести—первым, везде первым, где для большей продукции требовалось тащить за собой более слабых батраков, пожилых, болезненных или не совсем еще физически окрепших. Организация труда, введенная баронами, носила египетский зверский характер, недаром баронов называли организаторами рабства: у них все было расчитано так, чтобы из батрака вытянуть максимум его физической энергии, в расчете меньшим числом батраков обработать свои огромные латифундии. Такой батрак был в каждой мызе, и он считался работником высокой силовой квалификации, за что получал от барона несколько больше платы, против прочих, напр., ржи на 6 пудов больше, селедок на 1/4 бочки больше и полпуда солоду на год. Жалование батракам строго регулировалось для всей Прибалтики на дворянских ландтагах, носивших в своей узко-хозяйственной части совершенно самодержавный характер. Размер жалования определялся не по числу членов семьи, а вообще в расчете на малосемейность, причем за основу выкладок, при определении величины пайка, принималась стоимость прокормления одного прусского солдата.

На основании определения дворянского ландтага, каждый год в феврале назначался день найма батраков на следующий год. Для этого собирались заинтересованные стороны в мызной корчме, где и заключался вербально контракт между „хозяином" и батраком на следующий год. Заработка моего отца не хватало на прокормление многочисленной семьи и поэтому пришлось отдавать нас, детей, с малолетства по чужим людям „к хозяевам", зарабатывать себе средства существования сельско-хозяйственным трудом. Обыкновенно, отдавали нас „к хозяевам" на лето от 23 апреля до 15 октября. Батраков нанимали на год, от 23 апреля до 23 апреля следующего года. Таким образом, в Прибалтике для батрацкого сословия существовал традиционный Егорьев день, сохранившийся до революции. 23 апреля во всей Прибалтике представляло собою день народной скорби: беднота переезжала в этот день от одного „хозяина" к другому, в надежде, что у нового работодателя будет лучше. В этот исторический день все транспортные средства „хозяев", в особенности плохих, были заняты перевозкой скарба вновь нанятых батраков. Чем хуже был хозяин, тем с большей энергией работали его транспортные средства в этот и следующие дни, ибо у такого сорта „благодетелей" батраки менялись каждый год, и приходилось ездить за новыми через 2—3 волости. Восемь раз, восемь лет пришлось мне шагать 23 апреля к „хозяину" и 15 октября возвращаться домой с заработанным пайком, которого до следующего 23 апреля обыкновенно не хватало. По расценке 1887 г., я, юноша, 14 лет, заработал, в переводе на деньги от 23 апреля до 15 октября около 13 рублей, на „хозяйских" харчах. Обыкновенно являлись дети от „хозяев" исхудалыми, так как нас кормили хуже, чем взрослых батраков. Отдавать детей к „хозяевам" считалось несчастьем. Этот сорт эксплоатации детского труда существовал только для батрацких детей; дети разночинцев и горожан росли в иных условиях: для них было беззаботное детство, они посещали школу круглый год.

Батрак вынужден был мириться с тяжелой участью своих детей: он был беден и его семья разделяла его участь бедняка. Он вынужден был отдавать

своих детей с самого раннего возраста „хозяевам" для того, во-первых, чтобы они не голодали и, во-вторых, чтобы дать возможность им зимой посещать местную волостную школу; те батраки, которые своих детей не отдавали „хозяевам", должны были платить за право обучения штраф—три рубля. Отдавать своего ребенка на лето вне своей волости батрак тоже не имел права; те, кто это делали, должны были платить штраф—три рубля. Такой порядок был заведен для того, чтобы из разоренных баронами волостей не бежали дешевые рабочие руки. Протестовать против таких рабских порядков было бесполезно, ибо в руках „хозяев" была мызная полиция и волостная тюрьма. Никакой протест не получал законного выхода. Поэтому, напряженность глухого скрытого брожения среди батрачества росла от поколения к поколению, неоднократно давая взрывы, трактуемые при царизме, как нарушение общественного спокойствия, караемое казацкими нагайками и тюрьмой.

В народе установился обычай, что каждый ребенок должен был посещать волостную школу не менее 4—5 зим; я посещал таковую 7 зим. В волостной школе нас делили тоже на две категории: на детей состоятельных и детей батраков. Дети состоятельных родителей учились круглый год, и они нас обгоняли в учебе, мы же, пролетарии, должны были начинать каждый год сначала, ибо за лето многое выветривалось. Волостная школа была создана для батрацкого сословия; состоятельные классы в ней не нуждались. Например, пастор, барон и разные разночинцы отдавали своих детей в учебные заведения в городе. Назначение волостной школы заключалось в том, чтобы из детей батрака подготовлять новое, более, но в меру надобности, просвещенное поколение рабов, для насыщения местного рынка наемным трудом, полезным для сложной мызной агрономики. Забота об этом была возложена на институт пастората. На душу батрацких детей эти господа смотрели, как на предмет широкой спекуляции и, закутанную старательно в пеленки религиозной романтики, выбрасывали ее на рынок публичного торга. Соответственно этому была конструирована программа обучения, в которой центральное место принадлежало т.-наз. „закону божию".

Семь зим я обучался в волостных школах, и каждый год было одно и то же распределение времени: от 8—9 утра изучение библии (ветхого и нового завета и катехизиса), а от 3—4—пение церковных хоралов, остальные 4 учебных часа отдавались арифметике, чистописанию, географии, истории, чтению, письму и изучению русского и немецкого языков. Так как большинство батрацких детей посещали школу не более 4 зим, то их багаж знаний ограничивался тем, что было получено от изучения библии, арифметики и чистописания. Такого типа волостные школы существовали в Прибалтике несколько сот лет. Прошедшая через них батрацкая масса делалась грамотной, что ставилось в особую заслугу местному дворянству. В такой волостной школе я просидел три зимы.

В 90-х годах начинается руссификация Прибалтики. Местное дворянство, или риттершафт, и институт пастората теряют свое влияние на школу. Временно наступает междуцарствие: немецко-баронское влияние уходит, а руссификация надвигается, забирая в свои руки прежде всего полицию и суд. Вместо феодальной мызной полиции появляется гроза волости—урядник, а в городах—городовой; вместо немецких судебных установлений вводится институт мировых судов. Но пока что, в промежуток времени до прихода общегосударственного режима получается в Прибалтике эпоха от 1885—1905 г., которую можно назвать эпохой возрождения национального самосознания и классовой солидарности батрацкой и рабочей массы. Двигателями этой эпохи являются народные учителя новой формации с идеологией народовольческого уклона.

В 1884 г. нашей волости коснулась первая руссификаторская волна: старый волостной учитель был забракован за незнание русского языка. До того школа помещалась в здании закрытой, вследствие бездоходности, корчмы, и волость платила за нее аренду барону. В течение многих поколений в ней подготовлялись батрацкие дети в духе послушном феодализму. В этой школе учился мой отец, мой дед и мой прадед. Мой отец вспоминал эту школу и свое в ней пребывание с крайним омерзением. Оказывается, баронский гнев обрушился не только на крамольного моего деда, но и на его семью в школе. По словам моего отца, учитель жестоко их порол, а старшего брата, отличавшегося откровенностью и упрямством, запорол на смерть. Нас отец отдавал в школу в соседней волости. Я первые три зимы учился в школе в мызе Шеден. Преподавание велось на латышском языке. За три зимы я изучил там фабулу вет-

хого и нового завета и катехизис, научился читать по-русски и по-немецки, усвоил четыре правила арифметики и особенно большие успехи сделал по чистописанию и устным задачам по арифметике. По географии мы изучали все страны света, кроме России. Из истории изучались подробно история Персидского государства, Египет, Палестина и древняя Греция. Само собою разумеется, что сумма наших высоких познаний носила высоко метафизический характер. Но местный пастор на годовой ревизии пришел в восторг от наших познаний древнего мира и заявил нам, что мы можем считать себя более учеными, чем министры древней Спарты, которые умели лишь читать, писать и плавать. Это был идеал пожеланий феодальной школы для батраков, 95% латышского народа.

В 1885 г. наша волость решила построить новое специальное здание под школу. Был выбран новый учитель—человек нового склада ума и нового мировоззрения. Он прежде всего переименовал волостную школу в народное училище, а себя назвал народным учителем. Этим он хотел сказать, что он сам и руководимое им народное училище должны обслуживать интересы народа, а не бандитов феодализма. Для нашей глухой волости, верившей в бога и в чертей, в пляску ведьм в страстную пятницу, в знахарство — это был удар набата. Этот смелый и отважный человек, фамилия его Густав Ласис,—имел решающее значение в дальнейшей моей судьбе и, кстати сказать, и многих других, бывших в моем положении. Программа народного училища приняла рационалистический характер, не исключая и закона божия, надзор за которым был забронирован за местным пастором. Ласис сумел добиться значительных сокращений в программе. Были заведены новые учебники. Мы стали изучать историю своего края. Социально-экономические отношения классов мы узнали из его вечерних внеклассных бесед с нами. Это был призыв к борьбе. Он основал народную библиотеку при училище. Ласис научил нас разбираться в литературе и в периодической печати.

В народном училище Ласиса я учился четыре зимы. Меня потянуло к этому замечательному человеку, и я нанялся у него работником. Местный барон оказался либералом... он подарил под волостную школу участок болотистого леса и часть спущенного озера. Среди этой первобытной природы на пригорке было построено училищное здание, одноэтажное и тесное.

Нам вдвоем с учителем приходилось корчевать пни, рыть канавы и подготовлять поля для посева. Работа была трудная, но зато я получил возможность круглый год учиться. В благодарность за мою работу Ласис подготовил меня настолько хорошо, что я поступил по конкурсному экзамену в высший класс училища мин. народн. просвещения с четырехлетним курсом. Училищную землю (13 дес.) Ласис предполагал обратить в опытную ферму земледелия, садоводства, пчеловодства, огородничества... Мой учитель был в своем роде оригинал: он совершенно отказался от заборов и оград. Он уверял, что то молодое поколение, которое он воспитывает, у него воровать не будет. Он оказался прав.

Ровно через 20 лет (в 1908 г.), будучи на дополнительном курсе Академии Генерального Штаба, я навестил его и убедился, что на его садах, огородах и пчельниках не было никаких искусственных преград и не было ни одного случая ограбления. Ласис говорил тогда мне, что пройдет еще десяток лет и можно будет бросить в колодец все замки и запоры. В 1889 г. я поступил в вышеупомянутое училище министер. народн. просвещ. в гор. Гольдингене. Учился я превосходно, особенно много работал в библиотеке. Но все-таки было трудно: одолевала плохая материальная обстановка. Для покрытия необходимых расходов нужны были деньги, которые надо было самому зарабатывать. Заработок я нашел в одном начальном училище, преподавая чистописание и, кроме того, на местной спичечной фабрике, склеивая коробки для спичек; эту последнюю работу отпускали на дом. Доходы мои были весьма скудные; они исчислялись 50—60 коп. в неделю. Приходилось жить бедно, нуждаясь, но городская жизнь меня заинтересовывала и поддерживала энергию к борьбе. После деревенской тиши и однообразия город с его многообразием картин и положений давал много пищи для моей наблюдательности. Прежде всего я заметил, что жизнь идет по частному почину богатых классов, так же как там—в провинции. Но там контраст был крутой, очевидный. На одной стороне—богатство, роскошные замки и власть могущественной дворянской организации, риттершафта, проповедывавшего, что человек начинается от барона, с другой стороны—беднота и бесправие трудящейся массы батрацкого сословия.

вынужденного работать на тех, кто его глубоко презирал. Там было налицо casus belli для гражданской войны, необходимость которой сознавалась уже в то время, но не было еще открытого призыва к выступлению и не было оружия. Из этой среды вышли те латышские стрелки, которые покрыли себя бессмертной славой во время пролетарской революции в России, сражаясь за укрепление власти трудового народа.

Летом 1890 г. я поступил на спичечную фабрику Гиршмана, там же в Гольдингене, простым рабочим, получая 40 к. в день. Рабочий день от 6 час. утра до 7 час. вечера с перерывами на обед и завтрак. Одиннадцатичасовой рабочий день приходилось мне провести, работая у рычага. От этой египетской работы у меня руки покрылись волдырями, а мускулатура горела от боли напряжения. Очень мучительными были первые часы работы, пока острая боль в членах не притуплялась от нового напряженного труда. Работа происходила в одной, огромного размера, комнате, в которой работало десять машин-трясалок, издававших страшный шум и пыль. Вентиляции никакой. В воздухе серая мгла. Но когда вырабатывались красные спички, то воздух насыщался красной ядовитой пылью настолько, что полосатая рабочая блуза покрывалась красным бархатом, а легкие переполнялись настолько, что трудно было дышать. Работая в такой дьявольской обстановке, люди делались быстро инвалидами. Я выдержал около трех месяцев и уехал домой.

В то время на фабрике никаких рабочих организаций не было. Достаточно было простой ссоры с мастером, и рабочий вылетал из фабрики. За время своей трехмесячной работы я успел сблизиться с многими рабочими. Это были выходцы из батрацкого класса, спасавшиеся в город от тяжелых условий бесправного положения. В большинстве рабочие были недовольны своим положением: заработок был небольшой, а труд тяжелый. Многие покидали свои фабрики и уходили в Южную Америку. Многие гибли в пути, но большинство, судя по полученным письмам, устроилось в Новом Свете хорошо.

То было странное время: трудящаяся масса совершала какое-то маневренное движение. Из провинции батраки устремились в город, а из города выбрасывались в далекий неведомый свет. Везде были слышны протесты и глухое брожение. Осветить тенденцию этого движения и раскрыть его внутреннюю идеологию запрещалось полицейскими постановлениями, охранявшими так-называемую общественную безопасность. В Гольдингене существовало в то время латышское общество, членами которого состояли, гл. обр., народные учителя окружных волостей и затем местная интеллигенция. На заседаниях этого общества мы, учащиеся, могли присутствовать нелегально на свой риск. Политические вопросы были из'яты из программы деятельности общества. Дебаты вращались около психо-бытовой стороны общественных явлений, но благодаря искусству председательствовавшего Фриденберга (известный латышский поэт-народоволец, идеалист—романтик) прения принимали страстный характер искательства и протеста. Для меня это послужило толчком к следующему шагу. В 1890 г. я создал свой кружок из своих товарищей и стал издавать газету рукописную, под назв. Prata Kule (Сумма разума). В этой газете помещались статьи всевозможнейших направлений Сама по себе газета велась мною в народовольческом духе. Быть может, эта наша работа была скорее забава, чем серьезное дело, но нас она заставила перечитать такую литературу, до которой без этого мы в наши годы иначе и не дошли бы.

Я лично изучил довольно основательно политическую историю Европы XIX века и ознакомился с социальным движением в Германии. Вместе с этим наш кружок поставил себе целью изучение народного быта и его духовные богатства, в роде народных песен, сказок, преданий и воспоминаний. Народные песни и сказки мы заимствовали преимущественно у старых людей. Вместе с тов. Бергом мы собрали около пяти тысяч народных песен, которые летом 1891 г. отправили редактору латышской газеты Tehrvis'a, издававш. адвокатом Чакстэ. Я пришел в неописуемый восторг, когда пришел номер газеты с об'явлением нам благодарности. Позднее собранные мною песни вошли в общий сборник латышских народных песен, составленный латышским поэтом Бароном.

Весной 1891 г. я сдал выпускной экзамен, и вместе с этим должна была прекратиться для меня всякая поддержка и из дому; она, правда, была небольшая, но она представляла из себя тот максимум, который мог урвать батрак из своего скудного заработка. Поддержка из дому заключалась в присылке мне еженедельно большого каравая хлеба и немного жиров. Мне шел восемнад-

цатый год. Желаний было много. Я страстно хотел продолжать образование. Я мечтал поступить в университет, но все дороги были закрыты (это свое желание я осуществил лишь в 22 году, поступив студентом в 1-й Московский Госуд. университет). Надо было наметить что-либо реальное, осуществимое в моем тогдашнем положении безденежья. Я должен был поступить в какое-нибудь учебное заведение на полное казенное иждивение. Я выбрал военную службу, дававшую возможность работать и учиться на казенный счет.

Осенью 1891 г. я поступил в Рижский учебный унтер-офицерский батальон добровольцем. Через четыре года службы, в 1895 г., я поступил в Виленское военное училище, которое окончил через два года по первому разряду. В 1897 г. был произведен в офицеры. В 1906 г. поступил в Академию Генеральн. Штаба, которую окончил в 1909 г. по первому разряду. В 1909 г. произведен в капитаны. Командовал ротой и учебной командой. В 1912 г. произведен в подполковники с переводом в 102 пех. Вятский полк, назначен командиром батальона, с которым выступил на войну 1914 г. в Восточную Пруссию. В боях за Варшавой под Красновицей 2 ноября 1914 г. был тяжело ранен ружейной пулей. Осенью 1915 г. был назначен командиром 5 Латышского Земгальского стрелкового полка, во главе которого сражался на фронте 12 армии от осени 1915 г. до осени 1917 г.; в 1918 г. этот полк был со мною в Казани; в 1919 г. был брошен против рейда Мамонтова, а в конце октября переброшен в Петроград, где вошел в состав ударной группы, сыгравшей решающую роль при разгроме армии ген. Юденича под Петроградом. Латышские стрелковые полки состояли, главным образом, из сыновей батраков. Ту среду, из которой они вышли, я обрисовал выше. Роль, сыгранная латышскими стрелками в РСФСР для укрепления советской власти, общеизвестна. Тех, кто хотел бы подробнее ознакомиться с этим вопросом, я отсылаю к моему труду под загл.: „Историческая роль латышских стрелков“ (изд. Спартак). 18-го декабря 1917 г. приказом главковерха разрозненные латышские полки были сведены в латышский стрелковой корпус; этим же приказом я был назначен командиром этого корпуса; осенью 1918 г. латышский стрелковой корпус был развернут в армию Латвии в составе двух корпусов (18 стрелк. полков) и кавалерийской дивизии, при всех прочих родах оружия и с авиационным отделением. Командующим армией Латвии был назначен я, с оставлением главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. Латышские стрелки никогда не служили в чьих-либо руках орудием угнетения. Они боролись и умирали за правое дело бедняка против исторического засилья капиталистов и помещиков.

Одной из важнейших задач армии Латвии являлось—очистить долгими веками потом и кровью и слезами политую родную почву от исторического мусора, в виде прогнивших привилегированных верхов старого общественного уклада Прибалтики и расчистить почву для власти трудового народа. 12-го декабря 1917 г. я был вызван в Могилев и назначен начальником оперативн. отделения Революционного полевого Штаба при ставке. Этот штаб находился в непосредственном подчинении тов. Ленину, и наша обязанность была проводить в жизнь его директивы по управлению внутренними фронтами и по разрешению вопросов, связанных с ликвидацией старой армии. С двадцатых чисел декабря 1917 г. и до 10-го января я замещал, совместно с двумя комиссарами, должность главковерха Крыленко, уехавшего в Петроград.

В то же время я работал в Комиссии Максимова, образованной при Центральном Исполнительном Комитете Армии и Флота, для создания новой действующей армии в составе семи корпусов трехдивизионного состава. Но эта работа была прервана срывом Брест-Литовских переговоров. 14 января 1918 г. я был назначен главнокомандующим войсками, действовавшими против польского корпуса ген. Довбит-Мусницкого. Эта первая русско-польская война кончилась разгромом поляков под гор. Рогачевым. Мирные переговоры, начавшиеся в Рогачеве между представителями польской общественности и советскими делегатами, были прерваны наступлением германской армии в феврале 1918 г. 13-го апреля 1918 г. приказом наркомвоен Троцкого я был назначен начальником Латышской стрелковой дивизии (тот же прежний Латышск. стрелковой корпус). 6-го и 7-го июля 1918 г. руководил войсками при подавлении лево-эсэровского восстания в Москве.

10-го июля 1918 г. я был назначен Советом Народных Комиссаров главнокоманд. Восточным (Чехо-Словацким) фронтом. Во время этого командования мною была основана 5-я Красная армия, команд. которой я состоял, совмещая эту должность с обязанностями главкома.

4-го сентября 1918 г. Всеросс. Центр. Исполн. Ком. я был назначен главноком. всеми вооруженными силами РСФСР. За время моего командования было создано 62 корпуса, сведенные в 16 армий, а эти последние в пять фронтов. 8-го июля 1919 г. я был освобожден от должности главкома и назначен в распоряжение РВСР, преподавателем военной истории в Военной Академии РККА и председателем Комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с переходом к милиционной системе. Для завершения высшего образования в 1922 г. я поступил студентом в 1-й Московский государственный университет, на факультет общественных наук по юридическому отделению.

Литературные труды мои: 1) „О военной доктрине будущего", 2) „Стратегический очерк военных действий в Восточной Пруссии в августе и сентябре 1914 г.", 3) „Историческая роль латышских стрелков" (на латышском языке), 4) „Человек и война". — Мысли и материалы по военно общественной психологии.

Ведерников, Алексей Степанович (парт. имя „Сибиряк"), р. в 1878 г. в Сибири, сын мелкого служащего, работал учеником на заводе. Большое влияние на него оказали в 1895—96 гг. политическ. ссыльно-поселенцы, он стал много читать и вступил в члены народовольческого кружка; нередко он устраивал массовые рабочие собрания и агитировал в нелегальных кружках. 19 лет он уехал в Москву и здесь, поступив на завод Бромлея, вошел в РСДРП, начал вести партийную работу, пользуясь большой популярностью среди рабочих, но скоро должен был перейти на нелегальное положение. От мобилизации во время японской войны он эмигрировал за границу, но в 1905 г. вернулся в Томск, вел там агитацию и во время известного октябрьского поджога дома жел.-дор. управления в Томске с револьвером в руках прорвался через ряды черносотенцев. В 1906 г. он уехал в Москву, поступил слесарем на завод Дукс, принимал участие в организации боевых дружин и первых партийных ячеек. Спасаясь от расстрела, он уехал на Урал и в 1907 г. проводил избирательн. кампанию во 2-ю Госуд. Думу, а затем в качестве делегата от большевиков участвовал в Лондонск. партс'езде. После с'езда он опять работал на Урале, в Томске и, наконец, в Москве, где принимал участие в организации московск. военно-технич. бюро, был арестован, просидел 8 месяцев в тюрьме, но был освобожден и уехал в Екатеринослав. При поездке в Финляндию он был опять арестован и приговорен к 6 годам каторги, которую провел в Ярославской тюрьме, известной своим исключительно жестоким режимом. В тюрьме занимался самообразованием и изучил 3 иностр. языка. В 1914 году В. был отправлен в ссылку. После февральск. революции В. работает сначала в Минусинске в „Комитете общественного спасения", а с апреля в Москве, где был членом Исполкома Московск. Сов. Депутатов, принимал деятельное участие в улаживании конфликтов между рабочими и администрацией на заводах и с подобной же целью посылался в армию. В октябрьские дни В. входил в состав „семерки" Военно-революц. Комитета, потом был назначен начальником Красн. гвардии, затем комиссаром на Выксунских и Кулебакских заводах Нижегор губ., где шло антисоветск. движение, летом 1918 г. подавил восстание в Муроме. Ум. в 1919 г. См. „*Мат.*".

Везиров, Мир-Гассан, р. в 1886 г., сын бедного учителя у татар-кочевников Закавказья. Уч. в средн. учебн. зав., со II кл. давал уроки, поддерживал семью; еще в школе увлекался рабоч. движением и читал нелегальную литературу. На революционный путь толкали его особенно произвол и насилие ханов и беков Карабаха (Шуша). Агитируя в 1906 г. в пользу сближения татар и армян в Шуше, В. подвергся преследованиям со стороны местных беков и однажды был ими жестоко избит в мечети. Поступив в Новочерк. политехн. инст., В. принял деятельное участие в студен. революционном движении, но заболел туберкулезом, вышел из института и уехал в Крым, продолжая там революционную деятельность. После февральск. революции В. уехал в Шушу, примыкая к левым с.-р., вел агитацию за список большевиков при выборах в Учредит. собрание, но, спасаясь от беков, должен был бежать в Баку, где работал в качестве комиссара земледелия. Был арестован и 20 сент. 1918 г. расстрелян англичанами в числе 26 бакинск. комиссаров. См. „*Пам. бор.*".

Векман, Александр Карлович (*автобиография*), род. 19 июля 1884 г. в Кронштадте, происходит из дворян. В 1903 г. окончил Морской корпус, в 1906 г.— артиллерийский офицерский класс. Служил в Балтийском флоте и плавал во внутренних и заграничных водах с 1903—1907 г. в должности вахтенного начальника, а с 1907—1912 г—артиллеристом сперва в 1-й минной дивизии, а затем на крейсере „Адмирал Макаров". С

1912—1915 г.—командир миноносцев №№ 219, 215 и 222, в составе 2-й минной дивизии и во время войны—дивизии траления. В 1915 г. был старшим офицером заградителя „Волга". С 1915 г. по 1916 г.—командир батареи № 3 (Утэ) Або-Аландской шхерной позиции. С 1916—1917 г.—командир эскадренного миноносца „Инженер-Механик Зверев". С 1917—1918 г.—начальник охраны водного района и начальник прибрежной охраны водного района Николайстад. Участвовал в мировой войне и дослужился до чина капитана 2 ранга. В феврале 1918 г. уволен от службы по демобилизации. В марте 1919 г. принят на службу в артиллер. отдел Главного Управления Кораблестроения, затем командирован в Астраханско-Каспийскую военную флотилию, где был недолго флагманским артиллеристом Речного Отряда, а затем начальником Минного и Верхне-Астраханского Речного Отряда. В последних двух должностях принимал участие в боевых действиях сперва против англичан в Каспийском море, а затем против Деникина на Волге. В 1920 г. сперва—нач. Северного Отряда Волжско-Каспийской военной флотилии, а затем временно исп. должн. команд. Волжско-Каспийской военной флитилией, нач. морских сил Каспийского моря и команд. Азербейджанским флотом. Осенью перевелся в Балтийский флот на должность начальн. бригады крейсеров. В 1921 г. был назначен начальн. Обороны Ладожского озера, а затем старшим морским начальником в Петрограде. С 1921 по 1922 г. был старшим морским начальн. в Кронштадте и начальн. I полубригады линейных кораблей. В 1922 г.—начальник отряда траления. С 1922—1924 г. был начальником морских сил Черного моря. С 1923—1924 г.—помощн. по морской части команд. вооруженными силами Украины и Крыма. С 1924 г. состою начальником морских сил Балтийского моря. За боевые заслуги в 1919 г. награжден золотыми часами и в 1920 г. орденом Красного Знамени за оборону Черного Яра во время месячной осады (с конца сентября до начала ноября 1919 г.). В 1922 г. был награжден званием героя труда Красного Балтийского флота. С ноября 1923 г. по май 1924 г. состоял членом Городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов в Севастополе.

Виленский-Сибиряков, Владимир Дмитриевич (*автобиография*), род. в 1888 г. в Сибири. Раннее детство прошло в большой нужде, ибо рано лишился отца и мать, оставшаяся без средств с двумя детьми, принуждена была перебираться „с хлеба на воду". Первоначальное образование получил в приходской школе. Затем, после неудачной попытки учебы в Томской гимназии, откуда должен был уйти из первых классов, поступил в Томское ремесленное училище, которое было первой трудовой школой. По окончании училища работал в качестве рабочего (литейщика) на заводах Сибири. Еще в ремесленном училище столкнувшись с революционно настроенными рабочими В. С. принял революционное крещение в одной из многочисленных студенческих демонстраций, имевших место в Томске. Позднее, вступив в томскую с.-д. организацию, В. С. принимает активное участие в революционном движении сначала в Томске, а затем в различных городах Сибири и Урала, главным образом среди железнодорожных рабочих. В 1908 г. арестован на станции Иланская по делу о революционной пропаганде среди железнодорожных рабочих и осужден военно-окружным судом на четыре года каторжных работ. По окончании срока каторги сослан на поселение в Якутскую область, где находился до начала революции 1917 г. вместе с рядом с.-д. — Г. И. Петровским, В. П. Ногиным, Е. Ярославским, С. Орджоникидзе и др.

Тюрьма, каторга и ссылка были той высшей школой, которую В.-С., подобно многим своим современникам, прошел благодаря вниманию не совсем осмотрительного самодержавия. Встречи с видными участниками первой русской революции, масса прочитанных книг способствовали общему развитию и углублению той идеологии, которая сложилась в процессе общественной борьбы до тюрьмы. В Якутской ссылке В.-С. принимает активное участие в изучении местного края и местной общественной работы. В качестве сотрудника якутской областной агрономической организации он принимает участие в ряде экономических обследований Якутской области, результатом которых были печатные труды: „Кустарные промыслы якутов", „Очерки земледелия Якутской области" и т. п. Весть о начале революции в России застает В.-С. в глухом улусе Вилюйского округа, где под его руководством работает экспедиция по обследованию якутского скотоводческого хозяйства. Вслед за первой вестью о начавшейся революции, приходит назначение В.-С. Комиссаром Временного Правительства в Вилюйском округе. Позднее В.-С. избирается председателем

Якутского совета рабочих и солдатских депутатов и в качестве представителя последнего выезжает в Петроград на Демократическое совещание.

Октябрьская революция В.-С. захватывает в Сибири, куда он посылается на работу. В момент юнкерского выступления в Иркутске В.-С. редактирует „Известия Иркутского Революционного Комитета" и затем с головой уходит в работу по снабжению и продовольствию Сибири. На Всесибирском съезде советов В.-С. избирается в ЦИК Советов Сибири, в котором работает в качестве члена президиума до момента разгрома советской власти чехо-словаками в Сибири и на Дальнем Востоке. Перейдя на нелегальное положение в момент колчаковщины в Сибири, В.-С некоторое время работает в Красноярске и Томске, а затем совершает путь через всю Сибирь и в апреле 19 9 г., перейдя фронт, едет в Москву с докладом о положении дел в Сибири. Этому периоду посвящена книжка В.-С. „Черная година сибирской реакции", изданная в 1919 г. Назначенный в „Комиссию по сибирским делам" при СНК, В.-С. совершает обратный путь в Сибирь вместе с Красной армией, которая при мощной поддержке сибирского партизанского движения уничтожает армии Колчака и утверждает советскую власть в Сибири. С занятием Иркутска и началом революционного движения на Дальнем Востоке В.-С. командируется в качестве первого полномочного представителя РСФСР на Дальний Восток, где он ведет первые переговоры с японским представ. Мацудайра а равно руководит работой по ликвидации союзнической интервенции Дальнего Востока. Обратный путь из Владивостока в Москву В.-С. совершает через Китай и Монголию. По возвращении с Дальнего Востока В.-С. на 8 с'езде Советов избирается во ВЦИК от Сибири и получает назначение политического комиссара Академии Генерального Штаба, где он подготовляет план преобразования АГШ в нынешнюю Военную Академию и организует Военно-научное общество, явившись первым председателем этого популярнейшего ныне в Красной армии объединения военно-научной мысли. Однако, начавшиеся переговоры с Японией (Дайренская конференция), а затем переговоры с Китаем опять бросили В.-С. на Дальний Восток.

Результатом этих неоднократных путешествий на Дальний Восток и сопредельные с ним зарубежные страны было появление ряда работ, посвященных международной политике и рабочему движению Дальнего Востока. Им написаны: „За великой китайской стеной", „Япония", „Китай", „Сун Ят-Сен—отец китайской революции", „Японский империализм", „Советская Россия у берегов Тихого океана" и целый ряд других брошюр и статей по вопросам дальневосточной политики. Под ред. В.-С. изданы перев. трудов Сун-Ят-Сена, „Капиталистич. развитие Китая" и Кайиро Сато „Япония и Америка".

В последние годы В.-С. работал главным образом в советской журналистике, являясь одним из редакторов крупнейшего советского органа печати — „Известия ЦИК СССР". На ряду с этим В.-С. состоит редактором историко-революционного журнала „Каторга и ссылка", издаваемого Всесоюзным обществом политических каторжан, одним из руководителей (членом старостата) которого является В.-С. Будучи сибиряком по рождению, уделяет много внимания делу изучения Сибири, является одним из инициаторов образования Общества изучения Северной Азии (Урала, Сибири и Дальнего Востока), и его председат. Он также состоит членом Комитета содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК.

Винокуров, Александр Николаевич *(автобиография.)* Свою биографию я считаю необходимым начать с ранних гимназических годов и даже с детства, так как несомненно в это время заложены были семена моего революционного будущего. Я вырос в семье революционно настроенной. Мой отец был убежденный, с большой эрудицией, семидесятник. Не было, кажется, серьезной книги, вышедшей в 60 и 70-х гг. прошлого столетия, которая не имелась бы в библиотеке моего отца. Там можно было найти соч. Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Сеченова, Карпентера, Бокля, Лассаля, Милля, был также „Капитал" Маркса, на котором впоследствии я изучал марксизм. В нашем доме собирались гимназисты старших классов, семинаристы, студенты, молодые революционно настроенные офицеры, велись революц. беседы, читались рефераты. Все это оказывало на меня влияние и послужило той революционной закваской, которая в будущем сделала из меня убежденного революционера Окончив в 1888 году Екатериносл. гимназию, я поступил в Московск. универс на медиц факультет. С 1889 г. я стал завязывать знакомства с радикальными студенческими кружками. Старая революционная закваска, заложенная в от-

рческие и юношеские годы, начала давать себя чувствовать. 1889—1890 г. были годами брожения всего студенчества, в том числе и московского. Весной 1890 г. вспыхнули студенческие „беспорядки“, в которых я принял участие и вместе с другими демонстрантами попал сначала в „Бутырки“, а затем, в числе других „избранных“, был выслан в Екатеринослав. Эти неудачно закончившиеся студенческие волнения явились переломным моментом в дальнейшей моей деятельности, так как опыт этих волнений показал, что для политической борьбы нужно выбирать другие пути. В этот период конца 1890 г. я стал завязывать сношения с доживавшими в то время последние дни народовольческими организациями. Благодаря им я имел возможность ознакомиться с нелегальной марксистской литературой группы „Освобождения Труда“: „Наши разногласия“, „Социализм и полит. борьба“ и др., которые оказали на меня огромное впечатление и заронили в меня семена марксизма. Уже в 1891 году я стал переходить на позиции революционного марксизма. Летом 1891 г. я уже штудирую 1-й т. „Капитала“ Маркса и твердо становлюсь на марксистскую почву. В первой половине 1892 г. в Москве образуется один из первых маркс. кружков, из которого в 1893 г. родилась первая московская революционная с. д. организация. Я был одним из основателей этой организации. Путем широкой агитации эта организация развила широкую работу среди рабочих масс. В 1895 г произошел провал этой организации; вместе с другими товарищами (Лядовым, Мицкевичем и др.) я был посажен в тюрьму и после 2 летн. одиночного заключения был выслан в Вост. Сибирь на 5 лет. Необходимо добавить, что с конца 1894 г. до июня 1895 г. я высланный из Москвы, проживал в Екатеринославе и там принимал участие в организации первой Екатериносл. рабочей организации, которая также провалилась в конце 1895 г., и я был привлечен также по этому делу. Тюрьма и ссылка были для меня, как и для многих других, университетом по углублению моих познаний в марксизме. Из ссылки мне пришлось реагировать на критику марксизма со стороны „Нов. Слова“, „Жизни“, „Русск. Бог.“, в котором особенно в то время подвизался Виктор Чернов. Мои статьи о диалектике, на которую был открыт поход в „Нов. Слове“, не были приняты редакцией. Я принялся за большую работу по эконом. материализму, которая была послана в журнал „Научн. Обозрение“, но которой по цензурным условиям не пришлось увидеть света в полном об'еме. Позже в 1902 г., по возвращении из Сибири, мне удалось издать через Екатериносл. научное О-во извлечение из этой работы, „К вопросу об экономич. материализме“, в котором я защищал ортодоксальную позицию марксизма.

Вернувшись в 1902 г. из ссылки, я не мог поселиться ни в Москве, ни в Екатеринославе, вследствие из'ятия до 60 пунктов из моего местожительства. Заехав с семьей в Екатеринослав, я через неделю по требованию полиции должен был выехать в Кременчуг. Здесь я пробыл около $1/2$ года, завязав сношения с местными революц. организациями и работая в местной с.-д. организации искровского направления. Попытка моих знакомых, среди которых были местные земские деятели, устроить меня на службу в земстве, потерпели фиаско, так как администрация меня не утвердила. Мои попытки вернуться в Екатеринослав опять кончились высылкой, и я должен был для изыскания источников существования обратиться к частной врачебной практике, которая второй раз выручила меня из тяжелых материальных условий. Однако, развить практику в чужом городе было очень трудно, и мне пришлось временно до истечения срока запрещения проживания в больших городах, в том числе и в родном моем городе Екатеринославе, поступить на службу в небольшое еврейское местечко (Корму) Могилевской губ. Рогачевского у., где я пробыл 2 года, почти оторванный от революционной работы. Здесь я столкнулся с братьями П. Н. Лепешинского, революционно-настроенными в духе революц. марксизма.

В этот вынужденно пассивный период своей жизни я написал несколько марксистских вещей: упомянутую выше брошюру „К вопросу об экономическом материализме“, „Краткую историю капитализма“, начатую еще в тюрьме, „Професс. гигиену“ и др., часть которых была издана, часть не прошла через цензуру. В 1905 г. я вернулся в Екатеринослав и принял участие в революционной с.-д. работе по большевистской фракции. Здесь я пробыл до средины 1908 г., принимал участие в организации фабрично-заводской медицины, перешедшей в это время в руки рабочих, выставлялся выборщиком во 2-ю Госуд. Думу, а в третью Думу был выставлен кандидатом от большевистской фракции. С конца 1907 г., когда начался отход с.-д. интеллигенции, мне пришлось при-

нять ближайшее участие в большев. с.-д. комитете, издавать прокламации и проч. К концу 1908 года я переехал в Ленинград и в этот тяжелый для нашей партии период принимал участие в професс. движении, в страховом рабочем движении большевистск. направления, работая в „Правде“, „Вопросах страхования“, „Просвещении“. Осенью 1916 г. вместе с ред. „Вопросов страхования“ и активными деятелями по рабочему страхованию большев. направления (Подвойский, Осипов и др.), я был по доносу провокатора Черномазова арестован и выпущен 1 января 1917 г. Перед самой февральской революцией 24—25 февраля я опять был арестован во время поголовных арестов в Ленинграде. Всероссийская охранка думала обезглавливанием революционных организаций задушить революцию, но на этот раз ей этого не удалось. 28 февраля революция победила, и я вместе с другими товарищами был освобожден вооруженными рабочими из тюрьмы. В течение 1917 г. я продолжал принимать участие в революционном большевистском движении, ведя борьбу с меньшевизмом и откалывая от него рабочие массы на рабочем страховом фронте.

После октябрьской победы я был назначен членом коллегии НКТруда по отделу страхования. Кроме того, в это время я был председ. Совета врачебных коллегий, которому пришлось заняться роспуском старых медицинских органов и закладкой основ для будущего НКЗдрава. В это же время я был избран первым председ. Ленинградской большевистской Городской Думы. В апреле 1918 г. я был назначен народн. комиссаром Призрения и провел преобразование этого наркомата в Наркомсобез. В 1921 г. был направлен на работу по борьбе с голодом в ЦКПомгол, и в этой области по борьбе с последствиями голода и неурожая продолжаю работать и теперь. Кроме того, с января 1924 г. назначен председателем Верховного Суда Союза ССР.

Владимиров, Мирон Константинович. Род. в г. Херсоне 15 ноября 1879 г. Отец мой (пишет о себе) арендатор, занимавшийся сельским хозяйством, серьезно заболел, когда я еще был ребенком (7—8 лет), и семья наша была поставлена в материальную зависимость от отца матери — зажиточного домовладельца. Не испытывая острой нужды в самом необходимом, приходилось, однако, часто переживать серьезные затруднения, главным образом, из-за болезни отца. 13 лет поступил в с.-х. училище, которое не кончил (прошел только 5 классов, а шестой, специальный, оставил) по соображениям отчасти принципиального характера, так как меня хотели оставить на второй год не потому, что у меня не были переводные отметки, а потому, что я мало прилежно относился к школьным занятиям.

С 17—18 лет принимаю участие сначала в гимназических кружках, а затем и в рабочих в качестве лектора по ряду вопросов, преимущественно политической экономии и истории. Около года прослужил в губернском статистическом управлении, где более близко знакомлюсь с положением крестьянства, но в горячих спорах между народниками и марксистами становлюсь решительно на сторону последних. Отдельные номера „Искры“, попадающие в Херсон, побуждают меня принять меры к поездке за границу, которая и удалась в середине 1902 г. Сначала в Берлине, а в конце года в Берне усиленно знакомлюсь с партийной обстановкой и отношениями, вступаю в бернскую группу „Искры“. Однако, сама по себе заграничная обстановка тяготит.

В мае, после разговоров с Владимиром Ильичом Лениным и Надеждой Константиновной, уезжаю в Россию с явкой в Киев, но июньская забастовка и провалы, связанные с нею, не дают мне возможности остаться в Киеве, так как не с кем было связаться по имевшимся двум явкам, и я на свой страх и риск отправляюсь в Гомель. Главный мотив, побудивший меня отправиться в этот город, вытекал из факта полнейшей неорганизованности пролетариата всего района, что так ярко выявилось во время погрома. В Гомеле нашел ячейку из пяти рабочих, которую перенял от доктора Залманова, вскоре уехавшего. Постепенно удалось привлечь новые кадры, и спустя несколько месяцев гомельская организация „Искры“ настолько укрепляется, что кладется в основание вместе с новозыбковской группой Полесского комитета, который охватил своим влиянием, прокламациями по поводу японской войны и главнейших событий того времени значительную часть Могилевской, Черниговской и часть Полтавской губ. (г. Ромны). Будучи послан на с'езд 1905 г., еду в Лондон, где собирается III с'езд, хотя большинство организаций, входивших в Полесский комитет, склонялось к меньшевикам. Возвратившись немедленно после с'езда в Россию, прилагаю все усилия, чтобы организационно связать все организации Полесского комитета с большевистским

ЦК, но удается лишь не допустить этой связи с меньшевистским центром.

Но масштаб работы становится все более недостаточным, и в сентябре 1905 г. выезжаю в Петроград, где и прожил октябрьские дни. В начале ноября, по распоряжению члена ЦК тов Богданова, командируюсь агентом ЦК на юг и начинаю свой об'езд с Одессы. Там содействую об'единению большевиков с меньшевиками под углом зрения обеспечения за большевиками руководящего влияния на массы. В декабре оставляю Одессу и после некоторого перерыва работы, который провожу в Гомеле за изданием газеты, вновь возвращаюсь в Одессу, где состою секретарем комитета. В мае весь состав комитета арестовывается; сижу в тюрьме до декабря, когда освобождаюсь под залог и уезжаю в Луганск. Работаю там несколько месяцев после чего по вызову екатеринославских товарищей и в связи с провалом руководящих меньшевиков срочно выезжаю в Екатеринослав, где начинаю руководить заводским районом. В связи с ярко обозначившимся ликвидаторством меньшевиков борьба обостряется и ведет к разрыву. Но в августе или сентябре меня арестовывают, опознают и отправляют в одесскую тюрьму. В декабре военный суд приговаривает меня к ссылке на поселение, куда и отправляюсь в январе 1908 г. Пробыв в Иркутске и Александровском до мая, еду в село Преображенское, Киренского уезда, где, однако, пробыл только неделю и благополучно убежав, переехал границу.

Сначала прожил год в Вене, затем переехал в Париж. До 1911 г работаю в общей большевистской группе, но затем начинаются разногласия с т. т. ленинцами на почве отношения к меньшевикам. Группа „партийцев большевиков" считала, что необходимо держать кур на изоляцию ликвидаторской части меньшевиков путем сближения с левой частью меньшевизма, что требовало, по мнению этой группы, организационного сближения. На этой платформе происходит об'единение большевиков-партийцев с группой плехановцев. Но это организационное сближение разлетается с первых же дней войны, когда большинство „большевиков-партийцев и часть меньшевиков" становятся на пораженческую позицию, а Плеханов—открыто на сторону оборонцев Вскоре после этого создается новая группировка, имевшая своим идейным органом парижскую газету „Наше Слово" и об'единившая Троцкого, Мануильского, Антонова, Лозовского, меня и других товарищей. Весь ход событий значительно сближает вновь с ленинцами, и когда февральская революция позволила возвратиться в Россию, то почти все бывшие „большевики-партийцы" сливаются с большевиками. С этого момента моя дальнейшая работа протекает в порядке специальных назначений ЦК, но, к сожалению, концентрируется почти полностью только по советской линии: сначала в петроградской городской и продовольств. управе и в Наркомпроде, затем во Всеросс. эвакуац. комиссии, далее на фронте по ж. д. и продовольств. делам; с 1921 г.—Наркомпродом Украины, затем—наркомземом и, наконец, с 1922 г. перебрасываюсь в НКФ. (Автобиография, имеющ. в Истпарте и напеч. в „Эконом. Жизни", 1925 г., № 67).

В 1924 г. В. был назначен замест. председ. ВСНХ СССР. Ум 20 марта 1925 г.

Владимирский, Михаил Федорович (*автобиография*), род. в 1874 г. в г. Арзамасе Нижегородской губ. Первое знакомство с революционным движением и учением Маркса получил в нижегородских марксистских кружках в начале 90-х годов. В рабочем революционном движении начал работать с 1895 г., когда, будучи студентом-медиком Московского универс., как член одного из руководящих социал - демократических кружков, работал в качестве пропагандиста и организатора в рабочих кружках, позднее—в начале 1896 г.—в Московском Рабочем Союзе, образовавшемся из слияния нескольких руководящих социал-демократических кружков и отдельных рабочих кружков. В 1896 г. был арестован и после нескольких месяцев заключения в тюрьме выслан в провинцию. В 1898 г., получив разрешение вернуться в Москву, вступил снова в работу и был членом Московского комитета социал демократической партии после первого с'езда партии начали создаваться отдельные местные комитеты партии). Весной 1899 г. во время студенческих движений—снова выслан из Москвы в провинцию После этого уехал за границу, где, продолжая свое медицинское образование, работал в заграничной организации „Искры". С 1903 г. по начало 1905 г. работал в Нижегородской организации, осенью того же года переехал в Москву и как член Московского комитета партии (большев. организации) принимал активное участие в работе Московской организации в революции 1905 г. После декабрьского восстания работал в Областном комитете партии (центральной части России), в 1906 г. был арестован и предан суду. До суда эмигрировал за-

границу, где (во Франции) оставался до 1917 г., работая там в организациях партии (парижская группа большевиков, Комитет заграничных организаций и др.).

Возвратившись в Россию в июле 1917 г. работал в Московской партийной организации, был назначен комитетом в состав „партийной пятерки" по руководству октябрьским восстанием. После октябрьской победы был делегирован партией и Советом в качестве председателя совета районных дум (центральный орган по управлению хозяйством гор. Москвы). Позднее работал в президиуме Московского Совета и Московской партийной организации, от которой был послан на VII с'езд партии, где был избран в Центральный комитет партии. Позднее принимал участие в советской работе как член президиума ВЦИК и заместитель народного комиссара Внутренних Дел. С 1922 г. работаю на Украине, как заместитель председателя Совнаркома и председатель Госплана, с 1924 г.—как секретарь Центрального комитета коммунистической партии Украины.

Литературные работы по вопросам строения советской власти: „Организация Сов. власти на местах" (М. 1919 и 21 г.) и отдельные статьи в журнале „Власть Советов".

Воеводин, Петр Иванович *(авториз биография)*, род. в 1884 г., сын пролетария и крепостной крестьянки, мальчиком начал работу на русско-бельгийском заводе в Нижне-Днепровске и в 1899 г., 15 л., принял участие в забастовке. С этих пор началась его революционная деятельность и вскоре он проявил выдающийся организаторский и агитационный талант. Участие в с.-д. рабочих кружках способствовало его умственному и политическому развитию В мае 1901 г., по делу группы „Южн. Раб.", он был арестован в Екатеринославе и выслан в Саратов и здесь в 1902 г. за участие в политической демонстрации был арестован и приговорен судебн. палатой к $2^1{}_2$ годам тюремного заключения. Отсидев этот срок в самарской одиночке, он, по выходе на свободу, вошел в состав самарского комитета РСДРП фракции большевиков, а затем для революц. деятельности был командирован в Сибирь и работал в Чите и Омске. В 1905 г. В. опять был арестован и выслан в Уфу под надзор полиции, но бежал в Самару, где в октябрьские дни был одним из руководителей революц. движения и начальником боевой дружины. Отсюда он был переброшен Восточным Бюро фракции большевиков на Урал, руководил всеобщей забастовкой в Златоусте, был арестован и просидел 4 года в тюрьме до 1910 г. По выходе из тюрьмы он в Самаре нашел большев. организацию разгромленной и в числе других энергично принялся за ее восстановление, но скоро опять был арестован, скрылся и бежал в Америку, откуда вернулся в 1913 г. в Баку, здесь был захвачен во время всеобщей забастовки, отправлен в Самару и затем в Нарымский край. По дороге В. с парохода бежал в Баку, опять был пойман и снова сослан. В ссылке В. занимался организацией крестьянских кооперативов, а после февральской революции—организацией рыбаков и промысловых рабочих Нарымского края. В 1919 г. В. был комиссаром поезда „Октябрьская Революция" в поездках по Зап. и Южн. фронту с М. И Калининым, затем членом ВЦИК 5-го и 6-го созывов. Литературная работа В. началась еще до революции, сотрудничеством в нелегальных изданиях, а после ее продолжалась в „Правде", „Известиях ВЦИК", „Экономич. Жизни", затем в литературном издательстве Самарск. губкома. и Самарском Госиздате. В 1921—22 г. работал в Главполитпросвете зам. завед. Художеств. сектором Наркомпроса, завед. Всеросс. Фото-Кино Отделом. После был одним из организаторов Совета С'ездов трестированной промышленности и транспорта и управл. делами этого Совета. В 192? г. откомандирован на работу по пропаганде электрификации СССР, являясь ответственным редактор журн. „Электричество", „Электрификация" и изданий Главн. Электротехнич. Управления ВСНХ СССР. В. является одним из организаторов и состоит членом „Общества старых большевиков", а также „Научно-Технич. Общества содействия электрифик. СССР" (в последнем—зам. председ. правления).

Волгин, Вячеслав Петрович *(автобиография)*, род. в 1879 г. в семье чиновника, в молодости принимавшего участие в революционном движении 70-х г. (привлекался по делу 193). Под влиянием отца с ранних лет начал интересоваться вопросами революционного движения и социализма. В последних классах гимназии познакомился со старой революционно-народнической литературой. При чрезвычайно суровом режиме окраинной гимназии (в Кишиневе) вплоть до поступления в 1897 г. в Московский университет (на естеств. отд. физико-математического факультета) не имел представления о борьбе, разделившей в середине 90-х годов революционную ин-

теллигенцию. Лишь в Москве прочел в первые произведения легального марксизма (книгу Струве, журнал „Новое Слово“ и т. п.). Летом 1898 г. на каникулах в Кишиневе познакомился с рядом революционеров различных оттенков. Среди них были Н. Быховский (впоследствии с.-р.), Зеленский (Надеждин), рано умерший писатель, пытавшийся примирить марксизм с терроризмом, Д. Б. Рязанов. В результате к концу 1898 г. мое марксистское миросозерцание окончательно оформилось. С этого же 1898 г. принимал участие в студенческих организациях, в которых встречался и сблизился с В. И. Невским, П. И. Квитой и др. В 1899 г., почувствовав, что моим главным научным интересом является интерес к общественным наукам, в частности—к истории, перешел с физико-математического факультета на историко-филологический. Будучи марксистом с 1898 г., партийные поручения я получил впервые в 1901 г., каковой год и считаю годом моего вступления в РСДРП. С 1899 до 1902 г. принимал активное участие в студенческом революционном движении, в связи с чем был в 1901 г. выслан в Тулу под надзор полиции. В 1902 г. был выслан в Восточную Сибирь. По возвращении из Сибири поселился сначала в Ростове н/Д., где примкнул к меньшевистской организации и ушел целиком в партийную работу в качестве пропагандиста и организатора. Затем работал в Одессе, где меня застала октябрьская забастовка 1905 г., манифест 17 октября и последовавший за ним погром. В конце ноября или начале декабря 1905 г. переехал в Москву (почти накануне декабрьского восстания). К этому времени относятся мои первые литературные попытки—статьи о классах и классовой борьбе в какой-то из эфемерных рабочих газет того времени (названия не помню). В 1906 г. под моей редакцией выходило издание избранных отрывков из протоколов германской с.-д. партии (вышло 2 выпуска: „Программа партии“ и „Аграрный вопрос“). В связи с этой работой почувствовал потребность в расширении своих исторических знаний, пробудился интерес к науке, временно отодвинутый на задний план практич. револ. деятельностью. Осенью 1906 г. поступил вторично в университет, где работал, гл. обр., в семинариях по всеобщей истории: у Виппера, кривая развития которого была тогда особенно близка к марксизму, и у Виноградова. В 1907 г. научные занятия были прерваны новым арестом (в связи с провалом типографии), но кратковременным. В 1908 г. был оставлен по представлению Виппера при университете. В центре научной работы с 1906 г. была история социализма. Социализму в Риме был посвящен реферат в семинарии Виппера, французскому коммунисту Ж. Мелье—кандидатская работа. Первая напечатанная историческая статья—о социальных теориях XVIII в. 1910 г.—связана с тем же кругом интересов. На ряду с этим все время занимался современной историей Зап. Европы и Америки, что дало мне возможность заработка в газетах. С 1911 г. мои статьи и заметки по внутренней жизни Европы и Америки печатались в „Русских Ведомостях“. До 1914 г. продолжал оставаться меньшевиком. Война,—пестрота и двусмысленность отношения к ней различных меньшевистских групп,—оттолкнули меня от меньшевизма. В 1915 г. я вступил в число сотрудников интернационалистического журнала „Летопись“, где вел хронику иностранной жизни. С 1914 г. преподавал в университете им. Шанявского, где впервые читал, между прочим, курс по истории социализма.

После февральской революции вошел в организацию соц.-дем. интернационалистов, был участником с'ездов и конференций организации, членом МК и ЦК, одним из редакторов и сотрудников газеты „Пролетарий“. В апреле 1917 г. был приглашен И. И. Скворцовым вести иностранный отдел в „Известиях Московского Совета Р. Д.“ В мае стал редактором „Известий“, каковым и оставался до октябрьского переворота. Не будучи еще тогда большевиком, вел газету в последовательно - интернационалистическом направлении, что не раз приводило к конфликтам с меньшевистско-эсэровским президиумом Совета. - особенно во время пресловутого августовского „Государственного Совещания“. Ближайшими моими помощниками по редакции были Ш. М. Дволайцкий, Р. П. Катаньян и К. П. Новицкий. Участвовал в Демократическом совещании в сентябре 1917 г.; стоял в нем на точке зрения необходимости передачи власти Советам. Был членом Исполкома Московского Совета. В 1918—1919 гг. редактировал журнал „Рабочий Мир“, орган Московского Центр Рабочего Кооператива. В том же 1918 г. принимал участие в организации Социалистической Академии, вошел в ее первый состав и преподавал в ней в 1918—1919 гг. В 1919 г. был назначен членом Государственного Ученого Совета и профессором I МГУ по кафедре истории социализма. В 1920 г.

вступил в РКП (б). В 1921 г. был деканом Факультета Общественных Наук I МГУ, а с мая 1921 года состою ректором университета. В 1921—1923 годах был членом коллегии и заместителем заведующего Главпрофобром.

Самостоятельные научные работы относятся исключительно к истории социализма—преимущественно к социализму в древности и во Франции XVIII—XIX вв. Часть их собрана в изданной Гос. Изд. книге „Очерки по истории социализма". Отдельным изданием вышли две книги: „Революционный коммунист XVIII в." и „Сен-Симон и сен-симонизм". Число журнальных и газетных статей публицистич. и научно-популярного характера чрезвычайно велико. Перечислять,—хотя бы самые крупные из них—не представляет интереса.

Володарский В. (псевд. Моисея Марковича Гольдштейна), род. в 1890 г. в мест. Острополье Волын. губ. в бедной еврейской семье. Под влиянием аграрного движения 1905 г. он примкнул к революционн. движению, участвуя сначала в „Малом Бунде", затем в „Спілке" (украин. с.-д. партия), составлял и печатал нелегальные воззвания, устраивал летучие митинги и т. п. Поступив в 5 класс гимназии в Дубно, он был уже через год исключен за „политическую неблагонадежность", в 1908 г. попадает в тюрьму, но скоро освобождается. С 1908 по 1911 г. В. работает в Волыни в качестве агитатора. В 1911 г. В. был арестован и отправлен в Архангел. губ. на 3 года. Вынужденное бездействие он использовал для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости, выдержал экзамен и в 1913 г. по амнистии возвратился на родину, а затем вследствие преследований полиции уехал в Соедин. Штаты, в Филадельфию, где поступил на портновскую фабрику закройщиком и вошел в интернацион. професс. союз портных. В. работает, как агитатор, пропагандист и журналист, сначала в Филадельфии, затем в Нью-Иорке в рабочей среде и принимает ближайшее участие в газете „Новый Мир" вместе с Н. Бухариным и Г. Чудновским. После февральской революции В. возвращается в Россию, скоро примыкает к партии большевиков и постепенно выдвигается в первые ряды партийных деятелей, сначала работая в качестве районного агитатора, затем в Петрогр комитете, как главный агитатор. В. избирается в члены президиума Петрогр. совета, после октябрьского переворота — в президиум ВЦИК и принимает деятельное участие в с'ездах советов. По возвращении из Украины, куда В. был командирован партией на с'езд армии Румынского фронта, ему было поручено редактирование петроградской „Красной Газеты". При образовании Петрокоммуны он избирается комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации. 20 июля 1918 г. был убит по дороге на митинг. В 1920 г. издан сборник его речей. См „*Пам. бор.*".

Воробьев, Яков Зиновьевич, род. в 1885 г., сын фельдшера в Белой Церкви Киевск. г., в 1902 г. участвовал в анархич. кружках, ходил на экспроприации к местн. буржуазии, с 1904—1906 г. три раза был в тюрьме, в 1906 г. был выслан в Арханг. губ., в 1908 г. вернулся из ссылки, перейдя в партию большевиков, в 1908—1910 гг. жил в Одессе, где поступил в зуботехнич. школу, в 1911 г. вернулся в Бел. Церковь, был опять арестован и сослан в Тобольск. губ. на 5 лет. Из тобольской ссылки В. вернулся в 1915 г., работал в Саратове, 3 месяца был в армии, где надеялся развить партийн. работу, но был принужден бежать в Саратов, оттуда перебрался в Нижний Новг., где жил под именем Гр. Марк. Коца. Здесь партийная деятельность его сосредоточивалась преимущественно в Канавине в „О-ве разумн. развлечений". В 1916 г. он был опять арестован и освободился только после февральск. революции. После июльских дней В. организует Красн. гвардию, принимает с ней активное участие в октябрьск. перевороте, затем устраивает революционн. штаб, становится во главе политическ. части и до сент. 1919 г. состоит председ. Губчека. В 1919 г., получив назначение в Воронеж, В попадает в плен к Деникину и погибает. См. „*Пам. бор*".

Воровский, Вацлав Вацлавович (литер. и парт. псевд. Ю. Адамович, П. Орловский, Фавк, Шварц. Шахов), род. в Москве 27 октября 1871 г. Отец его, поляк-дворянин, был инженером, служил на железной дороге; умер, когда сыну было $1^1/_2$ года. Воспитанием ребенка занялась мать, сильно любившая его. В. обучался в средней школе при лютеранской церкви Петра и Павла. Уже в школе замечаются у В. революционные наклонности. Дед и его семья принимали участие в польском восстании 1863 г. Восстанием этим весьма интересовался маленький В. Он втайне от матери приобретал разные нелегальные книжки на эту тему и зачитывался ими. У мальчика складывается определенное, резко враждебное отношение к Александру II, к Муравьеву-вешателю и вообще к царизму. Он пользуется большим влиянием среди товарищей по школе, бла-

годаря своей начитанности, энергии и смелой критике существующего в школе режима. Тогда уже он часто писал сатирические стихи и на учителей и на полицейский режим школы. Еще будучи школьником, он выступает на студенческих собраниях, и его пламенные речи сильно действуют на изумленных студентов. По окончании училища в 1890 г. поступает в университет на физико-математический факультет, а через год переводится в Московское Техническое училище. Его влияние, как студента, было значительно. Первоначально он работает в польском студенческом революционном кружке „Коло“, где является одним из главных организаторов. Но националистический характер кружка заставляет В. искать новых путей. Он начинает организовывать в Техническом училище кружки политического самообразования, где изучается политическая экономия, история революц. движения на Западе и в России. Нелегальную литературу для кружков доставляет при помощи своих связей В. Одновременно он работает в общестуденческом движении, всегда проводя лозунги борьбы против всяких оппортунистических выжидательных тенденций. Его авторитет среди студенчества все больше растет и в 1894 г. он избирается от Технического училища представителем в Союз об'единенных землячеств. Однако, работа среди студенчества его не удовлетворяет. Он начинает знакомиться с рабочими и в 1895 г. организует первые рабочие кружки, с которыми серьезно и систематически занимается и через которых распространяет революционную литературу и воззвания.

Жандармы обращают на него внимание. В 1896 г. он высылается из Москвы на время коронации Николая последнего. После возвращения он продолжает работу в рабочих кружках, 4 апреля 1897 г. его арестовывают и держат в Таганской тюрьме до января 1899 г., откуда высылают в Вятскую губ. В ссылке В. углубляет свои познания по теории марксизма и начинает сотрудничать в столичных журналах. В 1902 г., он едет за границу, в Мюнхен, где в течение семестра слушает лекции в университете. В 1903 г. после второго с'езда РСДРП он переезжает в Женеву, сотрудничает в „Искре“ и примыкает к создавшейся большевистской фракции. В 1903 г. он едет на партийную работу в Одессу, откуда вскоре обратно вызывается в Женеву, где принимает участие в брошюрной кампании („Совет против партии“, „Комментарии к протоколам II С'езда Загр. Лиги“, „О Государственной думе“ и др.). Он принимает деятельное участие в редактировании большевистских журналов „Вперед“ и заменившего его потом „Пролетарий“. Из-под его пера появляются талантливейшие статьи, из которых многие еще недавно приписывались Ленину, как, напр., „Всероссийский с'езд адвокатов“, „Мир и реакция“, „Революция и контр-революция“. Там же помещена его прекрасная художественная статья—„Корабль-скиталец“, по поводу взбунтовавшегося военного корабля „Князь Потемкин“. В 1905 г. В. является одним из руководителей III партийного с'езда, в 1906 г. принимает участие в IV (об'единительном) партийном с'езде в Стокгольме. В этом же году едет на V с'езд польских социал-демократов в качестве представителя от большевиков. С 1907 по 1912 г. он работает в Одессе. В 1909 г. его арестовывают. В 1912 г. вторично арестовывают и высылают в Вологодскую губ. После ссылки в 1914 г. он работает в Петербурге, откуда через год переезжает в Стокгольм. В 1917 г. после февральской революции входит в заграничное бюро Ц. К. партии. После Октябрьского переворота назначается полпредом в скандинавские государства. В 1918 г. председатель делегации по переговорам с Финляндией. В 1919 г. возвращается в Россию и участвует на I Конгрессе Коминтерна. В течение года занимает пост заведывающего Госиздатом. В 1921 г. едет полпредом в Рим. В 1922 г. участвует в Генуэзской конференции и в 1923 г. в Лозаннской. Несмотря на недопущение русского представителя на продолжение Лозаннской конференции, В. приехал в Лозанну. Приезд его сопровождался сильнейшей агитацией фашистов против СССР и угрозами по адресу его представителя. Швейцарское правительство не приняло никаких мер охраны, и 9 мая В. был беспрепятственно убит, как советский представитель, фашистом Конради. 20 мая В. похоронен в Москве на Красной площади.

За 30-летний период своей деятельности В. написал много статей в нелегальной и легальной прессе. Он был одним из лучших партийных литераторов и блестяще проводил анализ классовых противоречий.

Особенно выделялся В. своим высоким и четким моральным обликом, большой душевной чуткостью. По единодушному признанию знавших его, он был человек „обаятельно простой, на редкость остро

умный, с огромной эрудицией, но что больше всего пленяло в этом человеке, так это его удивительная чистота и прямо органическая ненависть ко всякому подхалимству и лакейству, низкопоклонству и сервилизму“ (Невский).

Статьи В. печатались в журн. „Правда“, „Соврем. Мир“, „Просвещение“, „Мысль“, сборн. „Литерат. Распад“, и т. д. Изданы отдельно: В. „Литературные очерки“, 1923 (Гиз и „Нов. Москва“); „Русская интелегенция и русская литература“, 1923 (изд. „Пролетар.“ Харьков); „Карл Маркс“, 1917 (изд. „Прибой“); „В мире мерзости и запустения“, 1919 (Гиз); „К истории марксизма в России“ 1919 (Гиз). „Последняя работа его „может считаться лучшей работой по этому вопросу“, (В. Невский).

Я. Ганецкий.

Ворошилов, Климент Ефремович *(автобиография)*. Род. я в 1881 г. в с. Верхнее, Екатериносл. губ. Отец служил сторожем на ж. д., а мать работала поденщицей. Отец, солдат Николаевской службы, был человеком вольнодумным и весьма своеобразным. Работая на самых тяжелых работах в помещичьих экономиях, рудниках и на ж. д., он часто менял места службы вследствие скандалов с хозяевами и администрацией. Поэтому с раннего детства пришлось познакомиться с самой горькой нуждой. В один из периодов безработицы отца, ходил с сестрой „по миру“, просить хлеба. С 6—7 лет пошел на работу выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 коп. в день. К 10 годам вместе с отцом пас помещичий скот. В тот же период познакомился на практике с кулаком-мироедом. В одну из очередных голодух нашей семьи (отец исчез в поисках работы), меня взял к себе „в гости“ дядя, брат отца, живший в деревне очень богато. Вместо гостя меня обратили в батрака и подвергали в течение года дикой эксплоатации. Затем я снова на рудниках, уже мальчиком, в мастерских. В этот период меня зверски избили работавшие поденно крестьяне соседнего села, придравшись к какой-то глупости, а по сути за то, что меня приняли в мастерские, отказав одному из крестьян. Случай избиения меня—ребенка, целой артелью взрослых парней остался больным воспоминанием на всю жизнь. Рос я неграмотным, и это весьма сокрушало мою мать, поставившую целью своей жизни сделать меня настолько „образованным“, чтобы я мог также читать псалтырь и часослов, как и ее отец (мой дед). Дальше ее мечты не шли. К несчастью, в местах, где мы жили, не было школ. В 1893 г. в с. Васильевка, Славянск. у., открылась земская школа, куда я был принят. Учился две зимы и успешно окончил весь „курс наук“.

За два года сменилось 3 учителя, и последний из них, С. М. Рыжков, оказался прекрасным учителем и воспитателем. Меня С. М. искренно полюбил, и я в семье учителя стал своим, близким. С. М. Рыжков, впоследствии член I Государств. Думы и второй секретарь ее (трудовик), был умным, честным, жизнерадостным и с высоко развитым общественным инстинктом человек. Учась в школе, 14—15 лет я начал под руководством С. М. читать классиков и книжки по естественно-научным вопросам и тогда же начал прозревать на счет религии. В 1896 г. я поступил на завод при ст. Алчевская. Работая на заводе, я не переставал читать, а общение с учителем довольно быстро давало ростки—я умственно и культурно рос. Однажды, кажется в 1897 г. или 1898 г., на завод был назначен полицейский пристав. Отсюда начинается моя политическая работа Сей полиц. пристав Греков приехал к почтмейстеру, мимо которого проходили мы, подростки, человек 10—15. Все поздоровались с приставом, кроме меня. Пристав был ретив и глуп. Соскочив со скамьи, где он сидел в обществе „дам“, бросился ко мне с кулаками и требованием об'яснить, почему я не поклонился. Я рассмеялся в лицо „начальству“, и оно с гневом вцепилось в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руки за галстук озверевшего сатрапа. Почтмейстер и все мои товарищи исчезли, а я с легкими, правда, тумаками, был водворен в каталажку. На второй день я был освобожден, но преследования начались систематические и настойчивые. Сначала за мной следили „тайно“, а затем стали ходить по пятам агенты пристава. Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомства и на заводе и среди учительства.

В 1899 г. в чугунно-литейном цехе под моим руководством забастовали крановщики. Через некоторое время у меня обыск и кратковременный арест. Вместе со мною подвергся обыску и мой учитель. С. М. Рыжкова вызвали в Питер, кажется в министерство просвещения, и требовали прекращения сношения с Ворошиловым. В течение трех лет я без работы. Все заводы и рудники Донбасса отказывают в работе, я значусь в черных списках. В 1903 г. поступаю из Луганске на зав. Гартмана, но через 2—3 месяца меня полицией выдворяют из Луганска. В это же время я официально вступаю в партию и

делаюсь большевиком, вхожу в Луганский комитет. Летом 1909 г. снова удается поступить через Рыжкова на Гартманский завод. В феврале, а затем в июне руковожу на заводе забастовками. Тогда же выбираюсь председателем сов. депутатов на заводе. В июле во время забастовки арестуюсь на заводе и, до полусмерти избитый, сажусь до декабря в тюрьму. В декабре, по требованию тысячи рабочих, подошедших к тюрьме, освобождаюсь под залог. Вскоре я скрылся от нахлынувшей волны реакции. В начале 1906 г. делегатом еду на Стокгольмский с'езд и впервые встречаюсь там с цветом нашей партии—видаюсь с Ильичом.

По возвращении из Стокгольма усиленно готовим организацию к боевым действиям. Я дважды еду в Финляндию и привожу большие партии оружия, закупленного у финских революционеров. С этим оружием пришлось повозиться и нынешнему председателю Исполкома Коминтерна Г. ~~Е. Зиновьеву~~. Луганская организация имела лучшие боевые отряды и прекрасную лабораторию, изготовлявшую в неограниченном количестве бомбы. Оставаясь все время председателем депутатского собрания, я был избран предом вновь организованного профсоюза рабочих завода Гартмана. Управление заводом фактически перешло в руки рабочих, и директор завода управлял номинально.

В октябре меня и других должны были судить выездной сессией Харьковской судебной палаты, но общая забастовка рабочих Луганска сорвала суд. Весной 1907 г. палатой был оправдан и тогда же поехал на Лондонский партийный с'езд делегатом от Луганской организации. Перед этим был делегирован на первую Всероссийскую конференцию профсоюзов металлистов в Москву. В июле 1907 г. был арестован и в октябре того же года выслан в Архангельскую губернию на 3 года.

В декабре 1907 г. бежал из ссылки и был направлен ЦК для работы в Баку. Здесь вместе с т.т. Шаумяном, Джапаридзе, Сталиным, Сосновским и др. проработал до осени 1908 г. и уехал в Питер. В Питере был арестован в сентябре и снова отправлен в Архангельскую губ. В ссылке, в Холмогорах, в январе 1911 г. был арестован и просидел в Архангельской тюрьме до ноября, а затем выслан в Мезенский уезд. Освободившись из ссылки в 1912 г., я поступил служить в кооператив рабочих на заводе „Дюмо", но через 3—4 месяца был арестован и выслан в Чердынский край. Из Чердыни освободился в 1914 году и устроился на Царицынском орудийном заводе. В Царицыне собираю рассеянных по заводам и предприятиям старых большевиков, но вскоре должен был уехать в Питер, спасаясь от царской армии. В Питере снова обыски и слежка.

С первых дней февральской революции я—член питерского С.-Р. Д. и член бюро нашей фракции. В марте я в Донбассе. В апреле участвую на партконференции делегатом, а затем делегатом же на VI с'езде партии. В Луганске, где я работал в 1917 г., председательствовал в Совете, Гор. Думе и комитете партии. Был делегатом на демократическом совещании, а затем был избран от Екатеринославской губ. членом Учред. Собрания. Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 г., в марте под моим командованием дравшегося с оккупационными немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5 Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну. На ст. Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицханауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца „группа войск Ворошилова" пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10 Кр. армия, которою мне было поручено командовать. В 1918 г. вхожу в состав правительства Украины, затем назначаюсь командующим войсками Харьковского в округа. После этого командовал 14 армией и внутренним Украинским фронтом. В конце 1919 г.—член РВС 1 Конной армии, в 1921 г.—член ЦК РКП, командующий Сев. Кавк. в. округом и член РВС Союза ССР, а в 1924 г. — член его Президиума. С мая 1924 г. назначаюсь командующим войсками Московского в. округа и в настоящее время состою членом бюро МК РКП, членом Президиума Моссовета, председателем Московского Авиохима, зам. председ. Авиохима РСФСР и особоуполномочен-

ным РВС СССР при Совнаркоме РСФСР. За боевые заслуги награжден 2 орденами Красного Знамени и почетным оружием.

Восков, Самуил Петрович (парт. имя Семен Петрович), род. в 1889 г. в Полтавск. губ. в бедной семье. По профессии столяр, мальчиком вошел в с.-д. организацию и оказывал ей различные услуги, работал в нелегальной типографии в Одессе, был арестован в Екатеринославе. Революционное выступление заключенных освободило В. из тюрьмы, и он эмигрировал в Австрию, где занялся организацией еврейских рабочих-столяров. Потерпев неудачу в своей попытке, он в 1907 г. уехал в Америку в Нью-Иорк, где принимал близкое участие в жизни русской с.-д. и в Федерации труда, работал над созданием газеты „Новый Мир", входил в редакционн. коллегию газеты. В 1916 г. руководил стачкой столяров. В 1917 г. он поспешил в Россию, как только пришла весть о революции, поступил на работу в Сестрорецк, вошел в партию большевиков, был избран в члены Учред. Собрания от Петрогр. губ., назначен затем комиссаром продовольствия Северн. области и неоднократно занимал самые ответственные посты. Петроградск. рабочими он был выдвинут в Губер. Сов. Р. и К. Д. и нередко выступал перед крестьянами. В. был одним из инициаторов и ближайших участников крестьянск. с'езда комбедов Северн. области. В сент. 1919 г. В. был назначен военкомом дивизии на Деникинском фронте в момент перелома кампании, занимался организацией советской власти в занятых городах. Ум. в Таганроге от сыпного тифа 19 марта 1920 г. См. *„Пам. бор."* и *„Мат."*.

Ганецкий, Яков Станиславович (Я. Фирстенберг) *(автобиография)*. Родился я 15 мая 1879 г. в Варшаве. Происхожу из буржуазной, довольно зажиточной семьи. Еще в юные мои годы отец мечтал о том, чтобы дать мне „хорошее" воспитание, много знания, чтобы я стал „знаменитым адвокатом", „крупным инженером" или кем-нибудь в этом роде... Однако, с детских лет я как-будто намечал себе другой путь. Уже тогда происходил во мне какой-то бунт. Меня раздражало положение прислуги, малое—по моему—вознаграждение учителя и т. п. Гимназия, с ее полицейским режимом, руссификаторскими тенденциями, со сквернейшими педагогическими методами — усиливала лишь во мне этот бунтарский дух... В 4-м классе у меня почти каждый день бывали скандалы с учителями или с пресловутыми „помощниками классных наставников". Редко проходил день без карцера, и если сразу собиралось несколько „проступков", то карцер откладывался на воскресные дни. Гонение против меня усилилось после одного „политического" скандала. „Республиканец" директор гимназии предложил ученикам являться в гимназию в табельные дни. Хор пел, оркестр играл „боже, царя храни", вслед за тем ученики должны были кричать „ура". Два-три праздника прошли благополучно, а в следующий—все ученики открыли рты,—но царствовала гробовая тишина.... Директор установил, что я был одним из зачинщиков. За это мне досталась тройка по поведению до конца года со внесением в кондуитный журнал: „во время хорового пения „боже, царя храни" смеялся и уговаривал младших учеников не кричать „ура"...

Я окончательно считал себя тогда „революционером". Я принадлежал к тайному ученическому кружку (они существовали во всех гимназиях в Польше), который, однако, все меньше меня удовлетворял, вследствие царившего там шовинизма. Летом я ездил с семьей за границу на взморье. Там поглощал революционную литературу и на обратном пути, тайком перед своими, забирал ее с собой. Я имел ее кругом тела забинтованную бинтами. Будучи в 5-м классе в 1896 г., я решил покинуть Варшаву—и гимназия стала невмоготу, и семья стесняла. Переехал я в Петроков. Здесь занятия в гимназии отошли на задний план. Бывало, я по целым неделям „по болезни" не ходил в школу. Удалось найти еще троих таких „усердных" учеников. Днем мы в своем кружке серьезно занимались по политической экономии, читали Каутского, прошли за год почти весь первый том „Капитала" Маркса (хотя многое осталось в нем непонятым). По вечерам читали лекции местным рабочим, среди которых мы сорганизовали несколько кружков; через них распространяли нелегальную литературу, воззвания и т. п. Намечалась также связь с рабочими в окрестности, куда мы ездили весьма конспиративно, переодеваясь в штатское платье (тогда в гимназиях была специальная форма, солдатского типа), и выступали на собраниях в 40—50 человек. В 1899 году, когда я уже был в 8-м классе, вследствие арестов некоторых товарищей в Варшаве, и мне угрожал провал; жандармы заходили уже на квартиру и ста-

ли усиленно расспрашивать про мою жизнь. История эта для меня кончилась вдвойне благополучно. Жандармы успокоились. Но заволновался отец и, желая выбить из моей головы все „глупости", снабдил меня большой суммой денег и отправил на рождественские каникулы повеселиться за границу. Метод очень ловкий и почти верный. Но бедняжка был весьма огорчен, когда впоследствии узнал, что я в Берлине, Лейпциге, Париже своеобразно развеселялся, усердно посещая социалистические митинги. Одно время я был под сильным влиянием Толстого, его „Крейцеровой сонаты". Принимал деятельное участие в организации среди учеников толстовских кружков, даже удалось созвать один с'езд. Но это продолжалось недолго—и чистый марксизм потянул меня целиком.

В том же году, окончив гимназию, я поступил вольноопределяющимся на военную службу в Петрокове. Здесь мне угрожало дело в военном суде за то, что выругал командира полка. Но спас врач, удостоверивший, что я был в „возбужденном состоянии", и дело кончилось недельным арестом и 2-недельным „лечением" в военном лазарете. Окончив через год военную службу, я поехал за границу, где был два семестра в Берлине и по одному в Гейдельберге и Цюрихе. Занимался естественными и общественными науками, но все более партийной работой, являясь связующим звеном между Польшей и заграницей. В начале 1902 г. я был арестован в Берлине и административно выслан из Пруссии: почта донесла полиции, что я получил транспорт социалистической литературы из Парижа (литература была переотправлена в Польшу).... Пребывание в Цюрихе, слишком отдаленном от Польши, тяготило меня. Тянуло на родину для партийной работы... Летом 1902 г. бежал из ссылки Дзержинский. Мы тут же сорганизовали в Берлине партийную (польской с.-д.) конференцию, положившую окончательно твердые основы для нашей партии. После конференции я нелегально поехал в Польшу на работу. Приходилось скрываться не только перед охранкой, но и от родителей, чтобы избавить их от волнений, а себя от семейных драм... Родители были уверены, что я раз'езжаю по прекрасным швейцарским озерам, откуда они систематически получали от меня письма, наперед мною написанные и оставленные товарищам для отправки.

С того времени я становлюсь окончательно профессионалом-партийцем. Принимаю участие во всех партийных с'ездах польской социал-демократии, на 4-ом в 1903 г., 5-ом в 1906 г., 6-ом в 1908 г. и с 1903 г. состою постоянно членом главного правления партии. От польской партии участвую в 1903 г. на 2-м с'езде РСДРП, где впервые познакомился с Лениным, и в 1906 г. на Стокгольмском (об'единит.), где партия наша вступает в РСДРП. На Лондонском с'езде в 1907 г. меня выбрали в центральный комитет РСДРП. До 1911 г. я принимал участие в заседаниях центрального комитета в России, а также в партийных конференциях. Первый раз был арестован в 1903 г. 20-го декабря. Арестован был случайно на конспиративной квартире в Варшаве с подложным паспортом на имя „Троцкого". После разных мытарств, 8-дневной голодовки, а главное—благодаря „новым веяниям", меня освободили под залог в сентябре 1904 г. Возбужденное против меня дело было однажды слушанием отложено из-за неявки других обвиняемых, а потом на основании общей амнистии совсем прекращено. Вторично был арестован в октябре 1906 г. с подложным паспортом на имя „Борель" при организации побега одному товарищу из Влоцлавской тюрьмы. В виду военного положения, в ту же ночь был надо мною устроен полевой суд, благополучно, однако, окончившийся. Из тюрьмы в марте 1907 г. был административно выслан в Вятскую губернию, откуда в апреле бежал. По пути через Питер заезжал к Ленину в Финляндию, где, главным образом, обсуждали вопросы, связанные с предстоящим Лондонским с'ездом. В день приезда в Варшаву я был арестован на партийной квартире и 11 ноября, в виду болезни, административно выслан до суда в Оренбургскую губернию, откуда вскоре бежал. После раскола в польской соц.-демокр. я состою членом краевого правления отколовшейся части партии, которая более приближалась к большевикам и была в тесном контакте с их заграничным центром, во главе с Лениным. В 1912 г. участвую в международном Базельском конгрессе, а в 1914 г., накануне войны, на конференции при Междунар. Бюро (попытка Межд. Бюро об'единить большевиков с меньшевиками).

Война застигла меня в Кракове. В конце 1915 г. я оттуда выбрался, несколько месяцев пробыл в Швейцарии и летом 1916 г. переехал в Скандинавию. На манифесте Циммервальдской конференции имеется моя подпись, на самой конференции из-за паспортных затрудне-

ний я не присутствовал. В 1917 г. после февральской революции при приезде Ленина в Петроград организуется в Стокгольме Заграничное бюро Центр. комитета, куда вхожу я вместе с Воровским и Радеком. После Октябрьской революции переезжаю в Россию, где все время остаюсь на советской работе. В начале работаю в Наркомфине в качестве тов. главн. комиссара Народного банка, а потом назначаюсь главн. комиссаром—управляющим банка и членом коллегии Наркомфина. В 1918 г. принимаю участие в переговорах в Берлине о дополнительном соглашении еще с кайзеровской Германией. В том же году в Берлине вместе с Воровским веду переговоры с Финляндией. В 1920 г. состою членом делегации по переговорам с Латвией, а по их окончании назначаюсь полпредом и торгпредом в Латвии. В 1921 г. участвую в делегации по мирным переговорам с Польшей и в том же году еду в качестве представителя РСФСР на Карскую конференцию (переговоры между Закавказскими республиками и Турцией). На посту представителя в Латвии остаюсь до конца 1921 г., когда переезжаю на работу в Наркоминдел в качестве члена коллегии. В 1923 г. перехожу на работу в Наркомвнешторг, где в качестве члена коллегии работаю по сей день. Сейчас состою председ. делегации по переговорам с Германией о торговом договоре (1 сент. 1925 г.).

Гастев, Алексей Капитонович (*автобиография*), родился 26 сентября 1882 г. в г. Суздале Владимирск. губ. Отец его был учителем и умер, когда Г. исполнилось 2 года. Мать Г. была портниха. По окончании городского училища, а затем технических курсов, Г. поступил в учительский институт, но был исключен оттуда за политическую деятельность. Бросив ученье в 18 лет, отдался политической работе, скитался по тюрьмам, ссылкам и работал слесарем на заводах в Ленинграде, Харькове, Николаеве, а также в трамвайных парках по ремонту трамваев. До 1917 г. находился на нелегальном положении. Скитальческая жизнь бросала Г. то на дикий север (ссылка в Нарымский край), то в Париж, куда он несколько раз эмигрировал, преследуемый за политическую деятельность. За границей работал на заводах.

С 1901 по 1917 г. состоял в РСДРП (б). В профессиональный союз (ВСРМ) вступил в 1907 г. С 1907 по 1918 г. был членом правления ленинградского союза металлистов, а в 1917—18 г.—секретарем ЦКВСРМ. С момента Октябрьской революции работает в качестве профессионалиста, управляющего промышленными предприятиями и журналиста.

Художественные вещи Г. начал писать в 1900-х гг. В первый раз его произведение опубликовано в 1904 г. — рассказ „За стеной“, из жизни политич. ссыльных. Сборники художественных произведений издавались несколько раз под заголовками „Поэзия рабочего удара“. Последний сборник вышел в Москве в 1923 г. В настоящее время Г. оставил деятельность в области художеств. литературы и всецело посвятил себя работе по организации труда. Своим последним художественным произведением Г. считает ЦИТ (Центральный Институт Труда ВЦСПС), которым он заведует и который воплощает все легендарные замыслы, вложенные в его художественную работу. Основным научным трудом Г. является книга „Трудовые Установки“ (издана в 1924 г.), где изложена методика ЦИТ'а по обучению трудовым приемам. Целый ряд книг им написан по вопросам профессионального движения, научной организации труда и строительства новой культуры: „Индустриальный мир“, „Профсоюзы и организация труда“, „Как надо работать“, „Время“, „Восстание культуры“, „Юность, иди!“, „Новая культурная установка“ и др. Редакт. журнал „Организация Труда“ и сборник „КИУ“ („Конструктор—Изобретатель—Установщик“).

Глебов-Авилов, Николай Павлович, (лит. псевдон. *Глебов*) (*авторизованная биография*), сын калужского сапожника, род. 1887 г., детство провел в тяжелой нищете, с 12 л. стал для поддержки семьи работать в типографии. С 1904 г. Г. начал посещать кружки, митинги, читать прокламации, издания „Молота“ и „Донской Речи“ и нелегальн. литературу. Работа в калужск. с.-д. организации сделала его марксистом. В революционном движении 1905 г. Г. принял активное участие. Переехав в 1906 г. в Москву, вошел в связь с партийной организацией, работал в качестве „техника“ в подпольной типографии, где печаталась „Борьба“, затем в нелегальном Всероссийском союзе железнодорожников, в партийных заводских кружках ряда друг. московских предприятий и был уполномоченным от фабрик. Сделавшись, так. обр., партийным профессионалом, Г. получает ряд ответственных поручений от моск. комитета, в 1907 г. командируется на Урал, где входит в близкое общение с революционно настроенными уральскими рабочими. Здесь подвергается аресту, а затем отдается под надзор полиции, скрывается в Москву и работает в город. партийной

организации. Скоро Г. опять попадает в тюрьму, затем ссылается в Калугу и здесь организует подпольную газету „Калужский Рабочий“, которая кончается на втором номере, а Г. попадает на два слишком года в тюрьму и только в 1910 г. выходит на свободу. В конце 1910 г. Г. отправляется по выбору моск. организации в Италию, в высшую партийную школу в Болоньи и пополняет свое марксистское образование. По возвращении в Россию, благодаря провокации, в Петербурге после митинга на Путиловском зав. перед 1 мая 1912 г. подвергается аресту и высылается в г. Ялуторовск Тобольск. губ. Первое время Г. продолжает самообразование, затем бежит из ссылки и работает в г. Николаеве Херсон. губ., но скоро опять попадает в руки полиции и опять высылается в г. Тару Тобольск. губ. Освободившись по манифесту из ссылки, Г. возвращается в Петроград, делается редактором органа союза металлистов, работает в качестве рабочего корреспондента газ. „Правда“, принимает участие в подпольной работе, в 1914 г. по делу об устройстве всероссийской конференции и международного конгресса отправляется в Поронино (близ Кракова) к Ленину, а затем для подготовки конференции в Баку. С начала войны Г. работает в Екатеринославе, организует там партийные кружки, скоро опять попадает под арест и высылается в Нарымский край, откуда бежит в Москву, живет под другой фамилией. Его опять арестовывают и отправляют в ссылку. Февральская революция застает Г. в бегах из Нарымского края. Г. ведет агитацию в Томске, затем уезжает в Петроград, работает в П. К. партии, затем в петрогр. бюро профсоюзов, в его президиуме, а затем в президиуме ВЦСПС. После октября Г. назначается наркомом Почт и Телеграфов, затем опять работает членом президиума ВЦСПС, Наркомтр. Украины, а в последнее время—членом президиума и председателем ленинградск. ГСПС и Сев.-Зап. бюро ВЦСПС. Кандидат в члены ЦК. См. „*Мат.*“.

Гордон, Абе Исакович (Николай, Дон, Менахем) *(автобиография)*, по профессии наборщик, род. в 1884 г. в гор. Тукуме б. Курляндской губ., сын портного. В 1897 г. поступил учеником в типографию. В 1901 г. он, будучи в Риге, знакомится с рабочими с.-д. и начинает принимать участие в революционном движении, примыкая к латышской с.-д. Весною 1905 г., совместно с латышским революционером Берзкальн, организовал в гор. Тальсене подпольную типографию для печатания латышских прокламаций. Вскоре после этого Г. арестовывается в Риге. Сидя в Рижской центральной тюрьме, Г. примкнул к „Бунду“. Освобожденный из тюрьмы в ноябре 1905 г., Г. переезжает для работы в Тукум-Тальсенский район, где принимает участие в вооруженном восстании. Был предан военно-полевому суду карательной экспедиции генерала Орлова. Бегством спасся от приговора суда. Вместо него был захвачен во время обыска поезда совершенно невинный человек, но по внешности сходный с Г., сын тукумского фабриканта Куржанский. Последний был по приговору военно-полев. суда повешен на дереве около ст. Стенден (б. Виндаво-Рыбинской ж. д.). В 1906 г. Г. работает в виленской организации „Бунда“. Был там же арестован. В 1907 г. переезжает в Либаву, а потом в Ригу, его выбирают в рижский комитет „Бунда“. В начале июня 1907 г. Г. вновь арестовывается в Риге, после разгона II государств. думы. По выходе из тюрьмы ведет с.-д. работу в подпольи, профессиональных союзах и в культурно-просветит. обществе „Вестник Знания“. В 1911 г. арестовывается в Риге на демонстрации, посвященной годовщине 9 января 1905 г. В 1912 г. опять арестовывается на короткий срок и по освобождении из тюрьмы участвует в организации всеобщей забастовки печатников в Риге, в связи с выработкой нового тарифа. Назначается в члены генерального стачечного комитета печатников Прибалт. края. Начались аресты печатников, и Г. удается бежать из типографии во время ее окружения полицией.

По распоряжению ЦК „Бунда“ Г. направляется для партийной работы в Лодзь, где вскоре на собрании в союзе текстильщиков арестовывается и высылается из Лодзи. Переезжает летом 1913 г. для партийной работы в Варшаву, откуда его избирают от варшавского рабочего кооператива на II всеросс. с'езд кооперативов в Киеве. По окончании с'езда его в Киеве арестовывают и после двухмесячной отсидки в Остерской тюрьме (Черниговской губ.) он вновь приезжает в Варшаву. Привлекается по лодзинскому делу по 102 ст. Вызывается в Гомель на совещание при ЦК Бунда, где проваливается и уезжает в Берлин. Поступает на работу в типографию. В начале империалист. войны, совместно с другими русскими с.-д., в Берлине его арестовывают и отправляют в концентрационный лагерь в Дебериц. По возвращении в Берлин вновь аресто-

вывается за принадлежность к германской с.-д. и по ходатайству К. Либкнехта, после короткой отсидки, был освобожден. Переезжает для работы в Швецию. Через некоторое время порывает с Бундом и входит в заграничную группу большевиков. В апреле 1916 г. арестовывается в Стокгольме и высылается совместно с Н. И. Бухариным и Ю. Пятаковым в Норвегию. Уехал в Данию, где вел революционную работу среди еврейских пролетарских эмигрантов. Выпускает один номер революционной интернационалистской газеты, при участии Г. И Чудновского и М. С. Урицкого, на еврейск. яз.—„Арбейтер Штимме“. Работает в типографии. В 1917 г. весной приезжает в Ленинград. В ноябре этого же года избирается секретарем ленинградского союза печатников, потом председ. союза. В 1918 г. избирается членом ленингр. Совета Р. и Кр. Д. и в 1919 г. членом ленинградского комитета РКП(б).

Гуковский, Исидор Эммануилович, род. в 1871 г., сын купца, был аптекарским помощником. Революц. деятельность нач. с 1898 г. участием в кружке „Группа рабочих революционеров“, издавав. „Рабочее знамя“, и руководством колпинским кружком рабочих. За подстрекательство к забастовке ижорских рабочих и принадлежность к с.-д. партии был заключен в крепость и затем попал в ссылку на 5 лет в Енисейск. губ. Из ссылки вернулся в 1904 г., уехал в Баку, работал в с.-д. организации под именем Федора Измайловича. В 1906 г. Г. состоял секретарем газ. „Новая Жизнь“, затем уехал сначала в Одессу, потом за границу. В 1907 г. вернулся в Россию, был задержан, опять привлечен к суду, но оправдан (1908), жил затем в Москве. После Октябр. революции Г. был назначен наркомом финансов, а затем полпредом РСФСР в Эстонии. Осенью 1921 г. ум. от воспаления легких. См. „*Мат.*“.

Гусев, Сергей Иванович (*автобиография*) (перв. Драбкин, Яков Давидович), род. в 1874 г. в г. Сапожке Рязанской губ. Детство (до 5 лет) провел в г. Борисоглебске. Четырех лет от роду был на улице избит, как „жид“, мальчишками. Это было первым поводом к недовольству существующим строем. До 10 лет проживал в селе Надеждино (Куракино) Сердобского у. Сарат. губ. Убийство Александра II и особенно процесс народовольцев (более же всего помещенная в „Ниве“ иллюстрация, изображающая Желябова и Перовскую в тот момент, когда их на повозке везут на казнь) произвели на меня очень сильное впечатление. Не менее сильное впечатление осталось у меня от коронации Александра III, во время которой владелец имения кн. Куракин (владевший спиртоочистительным заводом и несколькими десятками кабаков в уезде) пожертвовал куракинским крестьянам несколько бочек водки, в результате чего они перепились до такой степени, что несколько человек на лугу перед княжеским дворцом, где производилась раздача водки, тут же умерли. Самодержавный царь, устроивший в начале своего царствования несколько еврейских погромов, слился в представлении моем с кровью и водкой. В Куракине я попал под начало старой бабушки, которая принуждала меня ежедневно читать по несколько часов длиннейшие еврейские молитвы. Позже к этому присоединилось изучение библии на древне-еврейском языке под руководством специально выписанного учителя. Результатом этого было непреодолимое отвращение к древне-еврейскому языку и ненависть к бабушке, к религии и к богу. С 1884 по 1886 г. проживал в Сердобске, где через одноклассницу, дочь писателя-народника Слепцова, познакомился с последним и здесь впервые услышал о любви к народу, к мужику, к бедняку. Начавшееся еще в Куракине увлечение чтением (французские романы, в роде „Рокамболя“ и „Монте-Кристо“), в Сердобске превратилось в страсть и на долгие годы стало непреодолимой потребностью.

В 1887 г. я переехал в Ростов н/Д. и там поступил в 3-й класс реального училища. В этом же году „ненависть к богу“ превратилась в инстинктивный атеизм, который в последующие два года под влиянием Дарвина стал сознательным убеждением. В 1890 г. впервые познакомился с нелегальной литературой (листки „Фонда вольной русской прессы“, наполненные придворными сплетнями, и герценовский „Колокол“). В 1891 г. едва не был исключен из училища „за проповедь атеизма“. В том же году впервые услыхал о Марксе и о марксизме. Первой марксистской книжкой были „Очерки из общественной жизни животных“ Каутского, произведшие на меня сильное впечатление. В следующем году свел знакомство с несколькими учениками городского училища, где сохранилась революционная традиция от бывшей ранее в Ростове н/Д., но совершенно разгромленной, сильной народовольческой организации. Прочитал несколько книжек по французской революции и начал заниматься просветительной работой с отдельными рабочими (математикой,

естественными науками, историей). Участвовал в кружке по изучению истории. В 1892 г. окончил реальное училище. В 1893 г. пытался поступить в Петербургский технологический институт, но из-за высокого конкурса (для евреев) не был принят. Вынужден был поступить в банк в Евпатории, но через 8 месяцев службу бросил, порвал с родными и переехал в Одессу, где сильно бедствовал и голодал, занимаясь грошевыми уроками. Здесь я познакомился с бывшим народовольцем Леоновым, у которого достал первую и третью главу „Капитала", которые, однако, не сумел полностью осилить. Прочитал в тамошней публичной библиотеке не мало книг. В 1895 г.—вновь в Ростове, без определенных занятий. Вновь много читал и работал в кружке. В 1896 г. я поступил в Петербургский технологический институт и тотчас же вступил в „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", работал преимущественно на технической работе (устройство типографии — мимеографа, печатание прокламаций, разноска литературы). Прочитал за зиму 1896—97 гг. первый том „Капитала", Бельтова, Струве, Эрфуртскую программу, несколько нелегальных брошюр. Участвовал в демонстрации (четвертого марта 1897 г.) у Казанского собора в Петербурге по поводу самоубийства в Петропавловской крепости курсистки Ветровой. В ночь на 21 марта арестован, при обыске найдены соц.-дем. брошюры и отпечатанная на мимеографе „Рабочая Газета". После 6-месячного пребывания в „Предварилке", где очень много читал (второй и третий том „Капитала", Зибер, ряд старых журналов), был выслан в конце сентября в Оренбург, а затем с января 1899 г. в Ростов н/Д. под гласный надзор полиции. С 1900 по 1903 г. был сотрудником в „Приазовском Крае" и в „Донской Речи" и одновременно работал в донском комитете РСДРП. В 1900—1901 гг. ездил на 8 месяцев в Брюссель, изучал нелегальную литературу. Благодаря знакомству с Акимовым еще по работе в Петербурге в 1896—97 гг., некоторое время колебался в самоопределении между „Рабочим Делом" и „Искрой", но по приезде в Ростов на опыте практической работы в пару недель убедился в правильности позиции „Искры" и бесповоротно стал ее сторонником. Принимал деятельное участие во всей комитетской работе, участвовал в руководстве знаменитой ростовской забастовкой 1902 г., а затем в организации мартовской демонстрации 1903 г., вслед за которой эмигрировал в Женеву. Летом того же года участвовал во II-м с'езде РСДРП в качестве делегата от донского комитета и решительно стал на сторону Ленина и Плеханова, собравших на с'езде незначительное большинство голосов, почему их группа и получила название „большевиков". После с'езда (осенью 1903 г.) об'ехал с докладом о нем южные города (Киев, Одессу, Николаев, Харьков), но затем, по настоянию ЦК вернулся за границу в виду угрожавшей смертной казни по Таганрогскому процессу (военный суд, судивший ростовских демонстрантов, был в Таганроге). За границей (Женева, Париж) оставался до ноября 1904 г., занимаясь в рабочих кружках (нескольких русских и двух французских) и ведя борьбу с меньшевиками. В начале декабря 1904 г. прибыл в Петербург, где оставался до 7 мая 1905 г. в качестве секретаря петерб. комитета РСДРП (б) и бюро комитетов большинства (большев. ЦК). Принимал деятельное участие во всех работах ПК и БКБ и вел деятельную переписку с Лениным и Крупской, посылал ряд корреспонденций в большевистский орган „Вперед". В мае, удачно избежав ареста, уехал на две недели в Ревель, а затем вследствие серьезного заболевания, вызванного крайним переутомлением, в Одессу, где по болезни не мог до июля принимать участия в работе. По выздоровлении был секретарем одесского комитета РСДРП(б), вел деятельную переписку с Лениным, читал рефераты и воевал против меньшевиков. В январе 1906 года переехал в Москву, где был членом МК РСДРП(б), в начале в качестве ответственного пропагандиста, а затем в качестве организатора ж.-д. района. Весной 1906 г. ездил в Стокгольм в качестве делегата московской организации на 4 (об'единительный) с'езд. В сентябре 1906 г. арестован в Москве, при обыске найдено огромное колич. нелегальных брошюр, резолюций, воззваний и проч. Просидел в тюрьме 9 месяцев и затем был выслан на три года под надзор полиции в Березов Тобольской губернии. Через год переведен был в Тобольск, откуда весной 1909 г. бежал. В Москве ознакомился со спорами между „отзовистами" и „ленинцами" и примкнул к последним. В течение лета и осени 1909 года по поручению ЦК об'езжал южные города (Киев, Одесса, Николаев, Елисаветград, Екатеринослав, Харьков), затем работал около 2 мес. в Одессе, ведя борьбу с „отзовистами" и „ликвидаторами" и поддерживая переписку с Лениным. Осенью 1909 г. приехал в Петербург, где познакомился со Свердло-

вым, и вместе с ним около 3 мес. работал в организации, затем бежал от ареста в Териоки, где пробыл до весны. Острое нервное заболевание, начавшееся в Териоках и затем крайне усилившееся вследствие пребывания на нелегальном положении (без паспорта, без квартиры, без заработка), на долгие годы вывело из строя и лишило возможности продолжать партийную работу, которая возобновилась только в 1917 году. В октябрьские дни был секретарем Военно-Революционного Комитета Петрограда, в 1918—22 гг. последовательно был членом РВС 5-й и 2-й армии, членом РВС Востфронта, членом РВСР, членом РВС Юговостфронта, членом РВС Южного фронта и с весны 1921 г. начальником Политуправления Республики и членом РВСР.

С 1923 года—секретарь ЦКК РКП(б) и член коллегии НК РКИ СССР. Написал ряд военных и военно-политических статей (наиболее крупные работы: „Уроки гражданской войны", 1920 год, и „Наши разногласия в военном деле", 1925 г.), а также брошюру „Единый хозяйственный план" (1920 г.), в которой изложен план восстановления хозяйства СССР, принятый IX-м с'ездом РКП(б).

Демьян Бедный *(авторизованная биография).* Вряд ли хоть одному из наших писателей выпала на долю история жизни более страшная и выразительная, чем детство Д. Б. В ранние годы теснейшим образом он был связан с людьми, в душе и на платье своем носившими все запахи уголовщины и каторги. И нужны были огромные внутренние силы, чтобы так легко стряхнуть с себя эту грязную накипь жизни. Ужасающая жестокость и грубость окружали детство Д. Б. Предки его, по фамилии Придворовы, принадлежали к военно-поселенцам Херсонской губ. Военные поселения—детище страшного Аракчеева — представляли собою худший вид крепостного права, худшее рабство, какое только знал мир. С величайшей завистью смотрели военно-поселенцы на обыкновенных крепостных. После падения крепостного права дух аракчеевщины еще долго витал над всей херсонщиной, поддерживая в местном населении жестокость, буйство, бандитско-разбойничьи инстинкты, нашедшие свои отзвуки позже в махновщине и григорьевщине.

Родился Д. Б. 1 (13) апр. 1883 г. в дер. Губовке Александрийск. уезда Херсонской губ. Это большое украинское село прорезанное р. Ингулом, отделяющим левую—украинскую часть села от правой, издавна занятой военно-поселенцами. Дед Д. Б., Софрон Федорович Придворов, хорошо еще помнил времена поселенчества. Мать, Екатерина Кузьминична, была родом украинская казачка из селения Каменки. Женщина исключительно красивая, крутая, жестокая и распутная она глубоко ненавидела своего мужа, жившего в городе, и всю свою тяжелую ненависть вымещала на сыне, которого родила, когда ей было только 17 л. Пинками, побоями и бранью она вселила мальчику ужасающий страх, который постепенно превратился в непреодолимое, навсегда оставшееся в душе, отвращение к матери.

...„Незабвенная пора, золотое детство"...—иронически вспоминает потом эту пору своей жизни поэт.

Ефимке едва минуло 4 года. Был праздник,— ужасная духота. По обыкновению избитый и заплаканный Ефимка, плетясь за матерью, очутился у лавочника Гершки. Забившись в угол, он стал невольным свидетелем бесстыдной сцены, разыгравшейся тут же на мешках, на глазах потрясенного ребенка. Мальчик горько заплакал, а мать всю дорогу остервенело лупила его палкой. Отец, Алексей Сафронович Придворов, служил в городе, в 20 верстах от Губовки. Приходя домой на побывку, он бил жену смертным боем, и та сторицею возвращала побои сыну. Возвращаясь к себе на службу, отец нередко уводил с собою Ефимку, который, как праздника, дожидался этих счастливых передышек. До 7 лет Ефим жил в городе, где и научился грамоте, а потом до 13 лет в деревне с матерью.

Против материнского дома, прямо через дорогу, находились шинок (кабак) и сельская „расправа". По целым дням сидел на завалинке Ефимка и смотрел в лицо деревенской жизни. Безгласная, безмолвная, порабощенная Русь, набравшись смелости в кабаке, дико горланила похабные песни, мерзостно сквернословила, бушевала, буянила и потом смиренно искупала свои кабацкие ереси покаянием в „холодной". Тут же, бок-о-бок с „холодной", где шла борьба с индивидуальными пороками перепившихся губовцев, развертывалась во всю крикливую ширь губовская жизнь на поле общественной борьбы: галдели деревенские сходки, кляня шатались понурые неплательщики, орали и требовали недовольные жалобщики и, гремя всеми струнами деревенской юстиции, „расправа" вселяла губовским мужикам уважение к основам помещичьего строя. А мальчик слушал и поучался.

Не раз среди действующих лиц приходилось встречать ему собственную

мать. Екатерина Кузьминична редко бывала дома и, с увлечением предаваясь попойкам и дракам, не мало способствовала отступлениям от форменного и узаконенного порядка в Губовке. Изголодавшись, мальчик стучался в первую попавшуюся избу. „Так сызмала—говорил Д. Б. улыбаясь—я приучался к общественному питанию: куда придешь, там и дом твой“. По вечерам, забравшись на печку, Ефимка делился с дедом запасом житейских наблюдений. А в воскресные дни дед брал с собой внука в кабак, где в пьяном чаду довершалось житейское образование мальчика. Дома навеселе дед любил вспоминать о старине, о поселенческих временах, об уланах и драгунах, стоявших постом по всей херсонщине. И подогретое водкой воображение деда охотно рисовало идиллические картины крепостной старины.

— „Как, бывало за поселение...“ начинал дед.

Выходило так, что лучшего порядка, чем патриархальная старина, и желать нельзя. Всякое нововведение тут ненужная вставка. Но в трезвом виде дед говорил другое. С ненавистью рассказывал он внуку об аракчеевщине, о милостях барских: как поселенцев наказывали палками, как мужиков в Сибирь ссылали, а баб, оторванных от грудных детей, превращали в собачьих кормилок. И рассказы эти навеки врезались в памяти Ефимки.

О многом мне поведал дед.
Суровы были и несложны
Его рассказы и ясны,
И были после них тревожны
Мои младенческие сны...

Для живого и впечатлительного мальчика наступило время тяжелых размышлений. Он хватал на-лету рассказы деда и бился в тревожных думах. С одной стороны, дед как бы требовал оправдания крепостному строю, с другой—он поселял заклятую ненависть к старине бытовою правдою своих рассказов. И незаметно в мозгу Ефимки рождалось смутное представление о двух правдах: одной—елейной и примиряющей, приукрашенной мечтательной ложью деда, и другой—суровой, несговорчивой и беспощадной правде мужицкой жизни. Эту двойственность поддерживало в мальчике и деревенское воспитание. Рано научившись грамоте, он под влиянием деревенского попа начал читать псалтырь, „Четьи-Минеи“, „Путь ко спасению“, „Жития святых“ и это направило воображение мальчика на ложный и органически чуждый ему путь. Постепенно в нем даже сложилось и утвердилось желание уйти в монастырь. Но дед обидно высмеивал религиозные мечтания мальчика и в своих словоохотливых беседах не мало внимания уделял лицемерию и плутням попов, церковному обману и проч.

Ефимку определили в сельскую школу. Учился он хорошо и охотно. Чтение окунуло его в сказочный мир. Он вытвердил на память „Конька-Горбунка“ Ершова и почти не расставался с „Разбойником Чуркиным“. Каждый пятак, попадавший ему в руки, он мигом превращал в книжку. А пятаки водились у мальчика. Дом Придворовых по своему стратегическому положению (против „расправы“ и шинка и недалеко от дорожного тракта) был чем-то в роде заезжего двора. Сюда заглядывали и становой, и урядник, и сельские власти, и проезжающие обозы, и конокрады, и дьячок, и вызываемые в „расправу“ крестьяне. В гуще этого разношерстного люда восприимчивое воображение мальчика пополняется образами будущих „затейников“, „администраторов“, „улицы“, „батраков“, „бунтующих зайцев“ и „опекунов“. Вместе со знанием жизни приобрел тут Ефимка и делеческие навыки и вскоре он начинает подвизаться в роли сельского писарька. За медный пятак он сочиняет прошения, дает советы, выполняет разные поручения и всячески воюет с „расправой“. От этой борьбы с „расправой“ и берет начало его литературная карьера. А приток житейского опыта все растет, расширяется, и накапливаются сотни новых сюжетов. На короткое время грамотный Ефимка становится нужным и матери. Вследствие ли постоянных побоев или другого извращения природы, но кроме Ефимки у Екатерины Кузьминичны детей больше не было. Это создало ей прочную репутацию специалистки по страхованию от потомства. От охотниц такого рода страховок отбою не было. Екатерина Кузьминична ловко поддерживала обман. Она давала бабам всякие снадобья, поила настоями из пороха и лука. Губовские девки исправно глотали и к положенному сроку исправно рожали. Тогда привлекался к делу Ефимка. В качестве грамотея он строчил лаконическую записку: „крещеное имя Мария, при сем рубль серебром“, и „тайный плод любви несчастной“ препрепровождался вместе с запиской в город. Парни знали, что Ефимка посвящен во все секретные операции матери и, поймав его в темном углу, допытывались: „А ходила Прыська до твоей маты? Кажи“. Но Ефимка крепко хранил де-

вичьи тайны. Кроме того, в качестве грамотея, мальчик зарабатывал пятаки чтением псалтыря по покойникам. Эти пятаки обычно тоже пропивались матерью.

Услуги, оказываемые мальчиком матери, не делали последней более ласковой к сыну. Она попрежнему тиранила мальчика, попрежнему оставляла его по целым дням без еды и предавалась бесстыдному разгулу. Однажды мальчик, в конец изголодавшийся, обшарил в избе все уголки, но не нашел ни крошки. В отчаяньи лег на пол и заплакал. Но, лежа, увидел неожиданно под кроватью дивное зрелище: в деревянное дно кровати было вбито десятка два гвоздей, а к гвоздям на веревочках подвешены—колбаса, рыба, баранки, сахар, несколько бутылок водки, сметана, молоко,—словом, целая лавочка. Уведомленный об этом дед Софрон крякнул:—„вот почему она, стерва, всегда такая красная!",—но запасы тронуть голодный старик и мальчик побоялись. К этому времени относит Д. Б. одно из самых мрачных воспоминаний своего детства. Ему 12 лет. Он умирает—должно быть от дифтерита: глотку заложило до полной немоты. Его причастили и положили под образами. Тут же мать—простоволосая, пьяная. Она шьет смертную рубашку и орет во весь голос веселые кабацкие песни. Мальчику мучительно тяжело. Он хочет что-то сказать, но только беззвучно шевелит губами. Мать заливается пьяным смехом. Входит кладбищенский сторож Булах—пьяница и веселый циник. Он присоединяется к пению матери. Потом подходит к Ефимке и добродушно резонерствует: „Що же, Ефимаша, поховаем... Дэ-же тэбэ поховаты? Пидля бабуси. Там мята дуже гарно пахне...". Кто-то дал знать отцу, что Ефимка умирает.

Между тем нарыв прорвало. Очнулся мальчик от страшных криков. Было темно. На полу валялась пьяная мать и визжала неистовым голосом под ударами отцовского сапога. Отец отмахал 20 верст из города, застал мать на пьяном гульбище и поволок ее за косы домой. С этой памятной ночи начинается перелом в жизни Ефимки. Мать перестала его бить, мальчик стал решительно отбиваться и начал чаще бегать к отцу. В городе Ефимка подружился с двумя мальчиками—Сенькой Соколовым, сыном эльвортовского рабочего, и сыном жандармского вахмистра—Сашкой Левчуком. Последний готовился в фельдшерскую школу. Готовил его настоящий учитель, получавший по 3 рубля в месяц. Побывав раза два на уроках у Сашки, мальчик целиком был захвачен желанием пойти по стопам своего друга. Отец не противился этому. Он уплатил учителю 3 рубля за право Ефимки присутствовать на уроках. Месяца 3 Ефимка ходил к учителю. Осенью 1896 г. мальчиков повезли в Киев экзаменоваться.

И вот победа одержана. Мальчик принят в военную фельдшерскую школу в качестве „казенно-коштного" воспитанника. В высоких и теплых комнатах с белыми стенами и начищенными полами он сразу почувствовал себя переполненным возвышенной радостью. Далеко позади остались свирепая мать, побои, драки, увечья, похабные разговоры, беременные девки, подкидыши, псалтыри у покойников, желание бежать в монастырь. Он жадно прислушивался к каждому слову преподавателей, проникался их верой и убеждениями. И здесь впервые придал своим чувствам те формы, которые были свойственны его таланту: он написал стихи.

Это были патриотические стихи, посвященные царю Николаю II по поводу его выступления в роли „миротворца" с созывом конференции в Гааге (в 1899 г.):

Звучи моя лира:
Я песни слагаю
Апостолу мира
Царю Николаю!

Могло ли быть иначе? Он отказывается поступить в монастырь, но, конечно, рассматривает свою удачу, как благодать провидения. Острая от природы, но еще нетронутая культурой и знанием мысль мальчика продолжает работать в том же узком церковно-патриотическом кругу. Вся душа его во власти елейно-примиряющей правды.

— „Когда мне предлагают написать об „ужасах" военного воспитания в военно-фельдшерской школе—говорит Д. Б.—то мне становится просто неловко. Какие там ужасы, когда я в школе впервые почувствовал себя на свободе. Высокие белые стены, паркетные полы, ежедневно горячие обеды—да мне такое и во сне не снилось никогда. Я был на десятом небе от блаженства".

Школу Д. Б. окончил в 1900 г. После этого он прослужил на военной службе до 1904 г. в Елисаветграде, где Д. Б. успел подготовиться на аттестат зрелости. Весною 1904 г. он выдержал экзамен и поступил в Петербургский университет. Это был для Д. Б. большой триумф, так как подготовка на аттестат зрелости стоила ему невероятных усилий. Впрочем этот триумф был, по обыкновению, отравлен. Когда Д. Б. уезжал

в Петербургский университет, увидал он на вокзале растрепанную бабу, не совсем трезвую. Грозя кулаком в его сторону, она дико кричала на весь перрон:

— А, щоб тобі туды ны доїхать и назад не вернуться...

Это Екатерина Кузьминична посылала свое материнское благословение от'езжающему сыну. С тех пор мать не давала о себе знать в течение многих лет. Только в 1912 г. сын, работая в петербургской публичной библиотеке, случайно наткнулся в елисаветградской газете на небольшую заметку:

„Дело Екатерины Придворовой об истязании малолетних". Вскоре после этого мать приехала в Петербург, разыскала сына и, не глядя ему в глаза, угрюмо бросила:

— Его вбылы.

— Кого?

— Батька (отца).

И путаясь рассказала, что на базаре в Елисаветграде в отхожем месте нашли труп отца. Труп совсем разложился, на пальце сохранился серебряный перстень с надписью: Алексей Придворов. Из расспросов выяснилось, что у нее была крупная ссора с отцом из-за дома в деревне. Отец собирался куда-то уехать и хотел продать дом. Мать была против. Она в то время торговала на базаре, и рундук ее находился недалеко от отхожего места. Слушая сбивчивые показания матери, сын пришел к твердому убеждению, что она причастна к убийству. Но Екатерина Кузьминична умела держать язык за зубами.

Уже в годы советской власти, когда сын стал известен на всю Россию, она разыскала его в Кремле, не раз приезжала к нему, получала деньги, подарки, но уезжая, неизменно обворовывала, при чем не стеснялась кричать в Елисаветграде на базаре:

— Вот шапка Д. Б., за три карбованца.

Но на вопрос об убитом отце отвечала злобной бранью. И только на смертном одре она покаялась и созналась, что муж был убит ею при содействии двух любовников. В день убийства она всех троих позвала к себе на обед, опоила мужа отравленной водкой, и тогда те двое обмотали его тонкой бичевкой, удавили и бросили в отхожее место.

Любопытен приезд Е. Придворова в столицу ранней осенью 1904 г.: с Николаевского вокзала вышел крепкий детина в порыжелом пальто с отцовского плеча, с тощим чемоданчиком, но в новенькой студенческой фуражке и с тросточкой в руке. На Знаменск. площ. у Николаевск. вокзала памятн. Александру III еще не было тогда, а стояла деревянная ограда с выразительной надписью: „останавливаться воспрещается", и возле внушительный городовой на посту. Робко и нерешительно студент подошел к городовому и вежливо обратился к нему:

— Господин полицейский, можно по Петербургу гулять с тросточкой? Городовой был озадачен.—Почему же нельзя?

— Да ведь тут царь живет...

Усы служаки грозно зашевелились. В странной наивности приезжего студента ему почуялась скрытая крамола, и в округленных глазах его мелькнуло что-то такое, что заставило испуганного студента немедленно навострить лыжи. „Впоследствии,—рассказывал Д. Б., вспоминая этот недоброй памяти эпизод,—я искупил грех свой юности и оправдал догадку городового". Этим искуплением явилась надпись Д. Б., высеченная со всех четырех сторон на гранитном пьедестале памятника Александру III. Ею—этой стегающей надписью—„Пугало", встречает ныне революционный Ленинград всякого, выходящего с Октябрьского (Николаевского) вокзала на бывшую Знаменскую площадь:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Надолго и крепко в'елась в душу Е. Придворова военно-фельдш. муштра. Кругом закипала упорная борьба с деспотизмом, Россия вздрагивала от подземных ударов. И собственная судьба вчерашнего Ефимки, и воспоминания об уродливой губовской „расправе"—все и вокруг и сзади, казалось бы, толкало Е. Придворова в ряды революционных студентов. Но это не могло случиться сразу у юноши, с 13-летнего возраста до 21 года выросшего и воспитанного в требованиях военной муштры. Он пытался учиться, ходил на лекции, слушал, записывал, не без тайного ужаса сторонясь от университетских волнений и „беспорядков". Этот период жизни Д. Б.—период юношеского возмужания и роста личности—отмечен был сложным процессом внешней и внутренней ломки, нашедшим себе очень точное и правдивое изображение в автобиографической поэме „Горькая правда": здесь разителен чисто-сказочный внешний переход от „подростка-пастушка", который

... Ржаного хлебушки... брал с собой ковригу
И с хлебом бережно засовывал в мешок
Свою любимую, зачитанную книгу

— к жизни столичной в высшем „свете“, среди „господ“, средь „блеска почестей“, и потом „пробуждение“ от „горькой правды“, „обманов“, возвращение к народным низам уже искушенным и все познавшим бойцом. В сжатых сильных стихах здесь—не вольные поэтические метафоры, а отвечающие действительности точные образы, лишь художественно завуалированные,—вся история страстных падений и под‘емов этой образующей поры жизни Д. Б. — его Sturm und Drang—периода.

Судьбы причудливой игрой
Заброшенный потом нежданно в город шумный,
Как я завидовал порой,
Подслушав у господ спор непонятно-умный.
Шли—день за днем, за годом год.

Смешав со светом „блеск“, на „блеск“ я шел упорно,
С мужицкой робостью взирая на господ,
Низкопоклонствуя покорно.

Здесь, что ни слово—то исповедь жгучая, самобичующая,—„исповедь горячего сердца“, и только расшифровав каждое слово и образ этой совершенно правдивой исповеди, можно прочесть биографию этих лет жизни Д. Б.

Но какая-то „червоточина“ незримо под‘едала внешне-блестящее благополучие юноши, оторванного от той почвы, на которой он родился.

... Но смутная душа рвалась на свет дневной,
Больней давили грудь извечные вериги,
И все заманчивей вскрывали предо мной
Иную жизнь, дорогу в мир иной,
Родных писателей возвышенные книги.

И вот „настало пробужденье“ (как у Пушкина):

От блеска почестей, от сонмища князей,
Как от греховного бежал я навожденья.
В иной среде, иных друзей
Нашел я в хору пробужденья.

Повторяем, здесь очень скупо, но очень точно намечен тот сложный путь душевных бурь, внутренних катаклизмов, неимоверных усилий и работы над собой, который превратил студента Придворова в „мужика вредного Демьяна Бедного“. Как-то сразу сделалось ясным, что страна ступает по трупам, и отовсюду веет всероссийской губовской „расправой“. Рука потянулась к перу.

Мстя за бесплодную растрату юных сил,
За все минувшие обманы,
Я с упоением жестоким наносил
Врагам народа злые раны.

Вот начало этой иной — литературно-политической карьеры Д. Б.

Первые стихотворения будущего сатирика носят мрачный характер и пропитаны духом строгой самопроверки. Они относятся к 1907—1908 годам. На протяжении десятилетия с 1907 до 1917 г. басня составляет почти единственную форму его литературного творчества, и, собственно, в этот период Д. Б. и завоевана заслуженно репутация баснописца пролетариата. К этому времени относится также политическое формирование Д. Б. Сперва он вступает в дружбу с народниками, там сближается с известным поэтом Мельшиным (Якубовичем), в журнале „Русское Богатство“ печатает свои первые стихи. И потом бесповоротно уходит к большевикам. С 1910 г. он—постоянный сотрудник „Звезды“ и „Правды“. С этой минуты Д. Б. больше себе не принадлежит. Он весь во власти борьбы. Тысячью нитей он связывается с корпусами заводов, фабрик и мастерских. Нравоучения его басен насквозь насыщены мятежом и начинены динамитом классовой ненависти. С первых дней революции басня Д. Б. естественно перерождается в революционный плакат, в боевой призыв и „коммунистическую марсельезу“. Их организующее воздействие на трудовые массы огромно. Все пути революции освещены творчеством Д. Б. Памятник за памятником встают в его сочинениях: февральские дни, большевистский Октябрь, Красная армия, дезертиры, мешочники, кулаки, новая экономическая политика, белогвардейские манифесты, поповские плутни. Его сатиры, песни и басни — превосходная летопись наших дней. Сам Д. Б. в стих. „Мой стих“, написанн. в ответ М. Горькому и „Нов. Жизни“, определил ярко значение свое, как политического писателя эпохи, смысл вдохновляющих его поэзию—подвиг идей:

Пою. Но разве я „пою“?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде...

Не в чистой эстетике—задачи этой поэзии, и по-иному звучит этот голос современной „музы мести и гнева“:

... Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый четкий стих—мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я—„пес сторожевой“!

И этот подвиг оценен: по постан. ВЦИК 22 апреля 1923 г. Д. Б. удостоен ордена Красного Знамени.

Л. Войтоловский.

Дербышев, Николай Иванович *(автобиография)*. Родился я в Сибири на кожевенном заводе в гор. Томске. Отец мой—кожевенник, начал свою работу с 10-лет на заводе и к моменту моего рождения жил не нуждаясь, работал в качестве технического руководителя кожевенного завода „Пастухова и Казанцева“. Завод этот прилегал к горе, назыв. „Каштак“, покрытой лесом, граничащим с тайгой. Дикие утки и гуси садились на озера около завода, и часто даже белки, волки и медведи заходили на территорию завода. Мой старший брат, которому в то время было 14 лет, и сын моего крестного отца—однолетки—однажды, начитавшись „Робинзона в русском лесу“, сбежали в лес. Конечно, „робинзоны“ были пойманы и самым позорным образом, с побоями, возвращены по домам, но на нас „клопах“ это сильно отразилось. Романтическая обстановка, близость леса, волки и т. п. толкали нас на соответствующие игры. Мы убегали по ночам из своих квартир, даже зимой, изображали из себя две партии разбойников, нападающих друг на друга, бегали купаться на реку, где воображали себя индейцами. По мере того, как мы росли, наши иллюзии перешли в действительность, и мы перешли на увлечение охотой и рыбной ловлей. К тому времени я уже окончил городское училище и 14-ти лет поступил учеником в наборное отделение типографии Макушина. Колотушки и битье мастеров сильно озлобляли меня, я старался быть прилежным и уже, благодаря моим успехам, через два года был выпущен из ученья наборщиком. Окружающее пьянство первое время отталкивало меня, и я все свободное время проводил на охоте, часто уезжая на лодке против быстрого течения очень далеко. Тяжести походной охотничьей жизни, борьба с бурей в утлой ладье, по названию „обласок“, где еле помещался один человек,—сделало меня сильным закаленным юношей. Но, к сожалению, все же среда стала затягивать, и я, как и все „мастера“, втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной компании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворили меня, появилось стремление к чему-то необычному, думы, как-бы куда-нибудь вырваться из этой среды..

В этом состоянии меня судьба столкнула с соц.-демокр. Волжаниным („Валяна“), и я с неменьшей энергией, как в пьянке и охоте, окунулся с головой в революционную работу. В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократ. союза, но уже скоро в 1900 г., по доносу наборщика Софронова, был арестован за организацию нелегального союза печатников, председателем которого я был, а равно и за произнесение речи на митинге за рекой. Участие мое в с.-д. организации тогда не было обнаружено.

После года одиночного заключения был выслан в г. Омск под надзор полиции на 2 года. В Омске организовал большевистский комитет. Но по доносу провокатора Попова был арестован и просидел около трех лет в тюрьме, затем был сослан на крайний север в г. Березов Тобольск. губ. на 4 года. После $2^1/_2$ лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал вместе с покойным Я. М. Свердловым. После трех месяцев революционной борьбы с реакцией, был арестован в лесу вместе с екатеринбургской конференцией. После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию в дер. Бережную Дуброву на два года, откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до февральской революции под фамилиями: Бурсин, Пакедин, Стряпчев и Войткевич.

За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать, создали из меня—бурного и эксцентричного человека—более или менее уравновешенного революционера-борца. После Волжанина, значительное влияние на мое развитие имел с.-дем. Виктор Вановский, участник I-с'езда РСДРП. Но больше всего я любил „Андрея“, или Якова Михайловича Свердлова. Его умение подойти к душе человека, богатое большевистское чутье меня очень подкупали, и его влияние на мою психику и на окончательное оформление большевистского мышления—было огромно.. Я не любил подчиняться никому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея я любил, и слова его были для меня законом. Когда под влиянием очень резких нападков Ильича на соц.-демократию, где Ильич предлагал скинуть грязную рубашку—соц. демократии, я ушел в „межрайонку“, чтоб вовлекать туда наиболее сознательные кадры рабочих, и уже организовал параллельный с большевистским, межрайонный комитет городского района. В это время я вновь, после долгой разлуки встретился со Свердловым на первой конференции фабр. зав. комитетов г. Петрограда, и на его вопрос: „Ну, ты, конечно, в нашей партии?“—я ему об'яснил, что со мной произошло,

„Брось ты дурака валять, какой ты межрайонец?—ты ярый большевик,“ сказал он. И у меня от стыда все лицо налилось кровью, было сильное желание сейчас же вернуться к большевикам. Но жизнь сама сказала за себя—через пару недель „межрайонка“, в которой я пробыл $1^1/_2$ месяца, на с'езде постановила слиться с большевиками.

Работал за это время сначала ручным наборщиком, потом инструктором-механиком наборных машин. Был за границей в Берлине, где работал практикантом на заводе наборных машин „Линотип“ Мергенталера. Работал в типографии Сойкина инструктором. За это время мне удалось пройти 5 семестров вечерних высших политехнических курсов по механическому отделению. Февральская революция заставила бросить ученье. Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда, кроме того я активно работал в союзе печатников, где в это время вел борьбус меньшевиками. После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати, работал секретарем бюро союзов, затем заместителем председателя Сов. Нар. Хоз. Северн. района, одновременно управлял морским и речным транспортом Севера. После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря. В 1920 г. вызван в Москву на пост начальника Главного Управления Полиграфическ. Промышленности. В 1921 г. выбран на с'езде председателем ЦК печатников. В 1922 и 1924 гг. два раза снова был выбран председателем ЦК союза раб. полиграф. пр-ва. Одновременно с этим, три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИК'а РСФСР и ЦИК'а СССР.

Джапаридзе, Прокофий Апресианович (парт. имя „Алеша“), род. в 1880 г., сын крупного кутаисского помещика. Отец его рано умер, семья разорилась, и Д. рос в тяжелых материальных условиях. Учился он в Сукцениссском дворян. училище, затем в Тифлисск. учительск. институте. В 1898 г. Д. входит в нелегальн. политич. кружок самообразования, который распадался на народническую группу во главе с Калюжным (известным впоследствии с.-р.) и марксистскую. Д. примкнул к последней и вскоре вступил в с.-д. организацию. В 1900 г., будучи в 3 классе учител. института, Д. принимал деятельное участие в подготовке первомайской демонстрации, был арестован, просидел 11 месяцев в тюрьме и был выслан на родину. В 1901 г. Д. руководит забастовкой табачных рабочих в Кутаисе, в 1903 г. организует побег из-под стражи видного с.-д. Хомерики. В 1904 г. партийная организация направляет его в Баку, и Д. становится руководителем союза нефтепромышленн. рабочих, организатором балахан. района партии, а в 1905 г. подготовляет всеобщ. политическую забастовку бакинск. рабочих. В том же 1905 г. Д. попадает на III-й (Лондонский) с'езд партии в качестве делегата от Кавказск. союза Р. С. Д. Р. П. (большевиков), в 1908 г. был членом партийного комитета в Балаханах, в 1909 г. был арестован и выслан с Кавказа на 5 лет; отправленный этапным порядком в Ростов н/Д., он вступает в ростовскую организацию с.-д. и руководит с.-д. группой в Нахичевани. Здесь Д. опять был арестован и сослан на 3 года в Великий Устюг. В 1913 г. Д. возвращается в Тифлис, работает в нелегальных организациях, читает лекции в Народн. университ., в 1915 г. за подготовку первомайской демонстрации опять ссылается в Вологодск. губ., откуда в 1916 г. бежит сперва в Петроград, а затем в Тифлис. Февральская революция застает его в Трапезунде, где он работает в Красном Кресте и руководит революц. работой. Д. отправляется в Тифлис, затем в Баку и здесь становится во главе бакинск. Совета и исполняет обязанности комиссара внутренних дел и продовольствия Азербайдж. республики. Во время занятия Баку англичанами Д. был арестован и затем расстрелян 20 сент. 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров, См. *„Пам. бор.“* и *„Мат“*.

Дзержинский, Феликс Эдмундович, род. в 1877 г., сын мелкого шляхтича. Учился в Виленской гимназии, в 1894 г., будучи в 7-м классе гимназии, вошел в с.-д. кружок саморазвития, в 1895 г. вступил в „Литовскую социал-демократию“, вел кружки ремесленных и фабричных учеников (получил от них имя „Яцек“), изучая в то же время марксизм. Вышел добровольно из 8 класса гимназии в 1896 г., чтобы быть ближе к массе рабочих. Во время пребывания в гимназии постоянно воевал с начальством. Несмотря на противодействие „рабочих верхушек“ стремлению интеллигенции проникнуть в рабочую среду, Д. удалось сделаться агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы — на вечеринки в кабаки, там, где собирались рабочие. В начале 1897 г. партия отпра-

вила Д. в Ковно, промышленный город, где не было еще с.-д. организации, и где провалилась организ. польск. социал. партии (П. П. С.). Здесь Д. вошел в самую гущу фабричных масс, столкнулся с ужасающей нищетой и эксплоатацией, особенно женскаго труда, и здесь на практике научился организовывать стачки. Во второй половине года Д. был арестован по доносу рабочего подростка, при чем назвался Жебровским. В 1898 г. Д. был выслан на 3 года в Вятскую губ., сначала в Нолинск, затем, в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, на 500 верст дальше на север в село Кайгородск. В августе 1899 г. Д. бежал на лодке и возвратился в Вильно, где резко выступил против национализма литовской с.-д. организации. Отсюда Д. направили за границу, но он предпочел поехать в Варшаву, чтобы здесь завязать связь с рабочими, и скоро привлек на сторону с.-д. организации целые группы рабочих разных профессий (работая под прозвищами „Астроном" и „Франек"). В феврале 1900 г. Д. был арестован на собрании, сидел сначала в варшавской цитадели, а затем в седлецкой тюрьме и в 1902 г. был выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск Д. бежал из Верхоленска и эмигрировал за границу. Здесь он принял участие в партийной конференции с.-д. Польши и Литвы в Берлине. Поселился в Кракове для работы по связи (псевдоним с этого времени „Юзеф"). До января 1905 г. наезжал от времени до времени в русскую Польшу для подпольной работы, а затем переехал туда совсем для работы в качестве члена глав. правления с.-д. Польши и Литвы. В июле 1905 г. Д. был арестован и освобожден только по октябрьской амнистии. В 1906 г. был делегирован на Стокгольмский об'единительный с'езд Р.С.Д.Р.П. и вошел в ЦК партии, как представитель с.-д. Польши и Литвы. В конце 1906 г. Д. был арестован в Варшаве, в июне 1907 г. освобожден под залог. 13 апреля 1908 г. Д. снова арестовывают, судят два раза по старому и новому делу и в конце 1909 г. высылают на поселение в Сибирь, в Тасеевку Енисейск. губ., но Д., пробыв здесь всего 7 дней, вновь бежал и через Варшаву скрылся за границу. Снова поселившись в Кракове, Д. наезжал оттуда в Польшу. В 1912 г. он был арестован в Варшаве и присужден к 3 г. каторги. В 1914 г. был отправлен в Орел, где и отбыл каторгу. Затем его пересылают в Москву, здесь в 1916 г. судят за партийную работу периода 1910—1912 гг. и прибавляют еще 6 лет каторги. Из московского централа Д. освободила февральская революция 1917 г. До августа Д. работает в Москве, в августе делегируется москов. организацией на с'езд Р.С.Д.Р.П. (больш.), который выбирает его в ЦК партии. Д. остается в Петрограде. В Октябрьской революции он принимал участие в качестве члена Воен. Револ. Комитета, затем на него была возложена задача организации для борьбы с контр-революцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, и он был назначен председателем ее, состоя в то же время наркомом внудел; с 14 апр. 1921 г. был также наркомом путей сообщения, затем стал в 1924 г. во главе ВСНХ СССР. В то же время состоит бессменно (с 1917 г.) членом ЦК РКП. (Авториз. изложение автобиографии, напеч. в „*Мат.*").

Довгалевский, Валериан Савельевич (*автобиография*), род. в 1885 г. на Украине, в селе. 13-ти лет от роду был отвезен в город, где поступил в гимназию. Страсть к чтению развилась рано. В 1903 г. я уже зачитывался марксистской литературой, а в 1904 г. вступил в члены „Спилки" при Южно-Русском бюро РСДРП. В конце 1905 г. перешел на нелегальное положение, работая в качестве профессионала. В 1906 г. был арестован в Умани Киевской губ. и предан вместе с другими 11-ю товарищами Киевскому военно-окружному суду. Был оправдан, но тут же привлечен по другому делу, выпущен под залог, через 3 месяца вновь арестован и осенью 1907 г. приговорен Киевской судебной палатой к ссылке на вечное поселение. Весной 1908 г. бежал из Приангорья— сначала в Красноярск, затем за границу. Жил поочередно в Бельгии, Швейцарии и Франции. Осенью 1908 г. в Льеже (Бельгия) вступил в ряды большевиков. Все время пребывания за границей работал активно в партии, состоя секретарем большевистских групп. В 1913 г. получил в Тулузе (Франция) диплом инженера-электрика. Все это время жил газетным заработком и уроками. Профессиональную карьеру начал рабочим. В 1914—1915 г. сотрудничал в „Le midi Socialiste" до окончательного взятия этой газетой социал-патриотического курса. 1917 г. застает меня в Париже в должности заведующего эксплоатационным и техническим отделами крупной электротехнической фирмы. Июльские дни застали меня в дороге в Россию. В Белоострове был арестован контр-разведкой, вскоре выпущен на свободу в Петрограде и спешно сдан в солдаты

на Украине. 1918—1919 гг. провел в армии; в 1920 г. последовательно—член комиссии СТО по восстановлению дорог Сибири и Урала и комиссар управления связи и электротехники НКПС. С весны 1921 г. по осень 1924 г.—сначала наркомпочтель РСФСР, а затем замнаркомпочтель СССР, одновременно ректор Московского Института Гражд. Инженеров. Осенью 1924 г. назначен полпредом и торгпредом СССР в Швеции.

Догадов, Александр Иванович (*автобиография*). Родился в 1888 г. в Казанской губ. (Татреспублика). Отец, по профессии садовник—из бывших дворовых людей помещика Лебедева (Казанской губ.), помнил еще крепостное право и рассказывал мне как его один раз выпороли на конюшне. Учился в городском училище в Вятской губ., в г. Царевосанчурске. Окончил училище. Отец прочил меня в сельские учителя. Смерть отца и в связи с этим невозможность из-за материального положения пробыть год на практике, как этого требовалось в училище, заставили мою семью перебраться из Царевосанчурска в Казань, где стал работать учеником в литейном цехе завода Либигхта. С 1905 г. стал принимать участие в казанской организации РСДРП в качестве члена заводского и районного комитетов. Одновременно работал в союзе металлистов Казани, организованном в 1906 г. Будучи секретарем союза и членом бюро совета профсоюзов (нелегально), не прерывал профессиональной работы литейщика на заводе. В 1907 г. был арестован и за принадлежность к РСДРП сослан в северные уезды Вологодской губ.—в г. Усть-Сысольск на два года. По окончании ссылки в 1909 г. работал в Баку—в Балахнах, сначала литейщиком, а затем масленщиком на промыс. Бабаева. Принимал также участие в работе балаханской организации в секретариате района. В 1911 г. был командирован бакинским комитетом от большевиков в партийную школу в Париж (Ленжюмо). По окончании школы вернулся в Казань, а затем был командирован на партийную конференцию в Праге—1912 г. После конференции работал в ленинградской организации, где и был арестован и выслан в Вологодскую г. в 1912—14 г. После ссылки был взят на империалистскую войну, где и пробыл на юго-западном и румынском фронтах до 18 г., участвуя в качестве председателя бригадного, дивизионного и армейского комитетов. Вернувшись с фронта, 18—21 гг. работал в Казани инструктором совета профсоюзов, а затем председателем Г.С.П.С. и одновременно заведующим отделом труда (народный комиссар труда Татреспублики), принимая участие в организации, как член бюро губкома (обкома). В 21 г. на IV Всероссийском с'езде профсоюзов был избран в члены президиума ВЦСПС—секретарем ВЦСПС, а также состою членом ЦК РКП (б), членом президиума ВЦИК'а и бюро Профинтерна.

Дробнис, Яков Наумович (*автобиография*), род. в 1890 г. 6 марта в г. Глухове Черниговской губернии, в семье рабочего — сапожника. По окончании низшей школы я был отдан в сапожную мастерскую для обучения сапожному ремеслу. Семья моего отца была многочисленная. Нужда всегда царила в доме, и это ожесточало моего отца, который создавал суровую обстановку в семье, и было трудно дышать. Среда сапожников, отличавшихся невежеством, пьянством и разгулом, особенно влияла на меня, и все это вместе взятое толкало меня на поиски нового. В 13 лет я уехал из дому. Добрался до Астрахани, но как еврей, не имеющий права жительства, этапным порядком был выслан в родной город. По этапам встретился с некоторыми политическими заключенными, что было для меня первым толчком к революционной деятельности. В г. Глухове я встретился с высланным из Баку за пропаганду Борисом Рогачевским, рабочим сапожником, который ввел меня в революционную среду. Кроме этого на меня оказали сильное влияние начавшиеся в 1904—1905 годах аграрные беспорядки, которые в Глуховском уезде, где было много помещичьих имений, приняли широкие размеры. В 1905 г. принял участие в революционном движении, выполняя различные технические поручения местной организации РСДРП, как-то: печатание на гектографе, распространение прокламаций и хранение оружия.

В 1906 г. официально вступил в глуховскую организацию РСДРП. В 1907 г. в марте месяце я был арестован за участие в забастовке и заключен в тюрьму, откуда был освобожден через $1^1/_2$ месяца. В январе 1908 г. я был арестован в г. Глухове за принадлежность к РСДРП. Просидев 10 месяцев в предварительном заключении, я был приговорен выездной сессией Киевской судебной палаты в г. Глухове к 5 годам тюремного заключения, как несовершеннолетний. По окончании срока наказания я уехал в г. Вильно, откуда был выслан в г. Полтаву в январе 1915 г. по подозрению в антивоенной агитации. В Полтаве работал в

подпольном кружке РСДРП (большевиков) до начала революции. В период революции работал на различных советских и партийных постах.

В 1918 г. принимал участие в основании коммунистической партии (большевиков) Украины и был членом ЦК названной партии в течение 5 созывов. В том же 1918 г., как член ЦК коммунист. партии (б) Украины, был командирован на Украину для подпольной работы и для организации партизанских отрядов для борьбы с гетманско-петлюровским режимом, где был арестован и подвергнут расстрелу. Бежав из-под расстрела раненый, я должен был скрываться до прихода красных войск.

В 1919—1920 г. был мобилизован на фронт на борьбу с деникинцами. За время гражданской войны я был под угрозой расстрела 4 раза. В первый раз это было в декабре 1917 г., когда войска Центральной Рады, именно полк Богдана Хмельницкого, разгромили полтавский совет. Я с группой товарищей был захвачен и подвергнут жестоким издевательствам. Всем угрожала смерть. Я, как гласный демократической Полтавской думы, был по ее настоянию освобожден. Второй случай мною уже был описан выше. Третий случай. Во время наступления деникинцев на Украину я был назначен военкомом 2-й сводной дивизии. Когда я прибыл в часть, положение было в высшей степени тяжелое. Это были последние дни власти Советов на Украине. Штаб стоял на ст. Круты Чер. губ. Задача наша состояла в том, чтобы задержать наступление деникинцев впредь до отступления и эвакуации г. Нежина. Но это было трудно, так как неприятель наседал, и наши части были деморализованы. Я с небольшой группой пытался оказать сопротивление небольшому казачьему отряду, но мы были окружены, и я попал в плен, откуда, раненый в ногу, убежал. В 4-й раз, как председатель полтавского исполкома, я был захвачен бандитами на ст. Ковяга Харьк. губ. Был жестоко избит и брошен в погреб, как заложник. Энергичным наступлением члена Реввоенсовета южного фронта Берзина я был спасен. В 1922 г. был назначен членом Малого Совета Народных Комиссаров РСФСР, а в 1923 г. был назначен членом административно-финансовой комиссии при СНК Союза ССР, в каковых должностях состою и поныне.

Дунаев, Евлампий Александрович, род. в 1877 г., сын крестьянина Шуйск. у. Владим. г., с 8 до 15 л. был пастухом, в 15 лет выучился читать, 17 л. поступил рабочим на ткацк. фабрику Горелина в Иваново-Вознесенске. С 1897 г. Д. принял участие в стачке ив.-вознес. рабочих, стал заниматься в нелегальн. кружках Иван.-Возн. рабоч. союза. В 1899 г. был арестован и после пребывания в тюрьме был на свободе под особым надзором полиции, затем—1 год в „Крестах". В 1902 г. Д. вернулся в Иваново-Вознесенск, и в 1905 г. играл руководящую роль в рабочих демонстрациях, был выбран членом Совета раб. депутат. и приобрел громадное влияние на рабочие массы. После осенних погромов 1905 г. Д. переходит на нелегальное положение, живет то на родине, то в Москве, исполняет партийные поручения, в 1906 г. подвергается аресту, но скоро освобождается. Поступив на службу в московск. трамвайный парк, Д. работает в партийн. организациях, участвует в Стокгольмск. с'езде в качестве делегата от московск. группы большевиков, в 1907 г. опять подвергается аресту и высылается в Сольвычегодск, организует здесь кассу взаимопомощи для нуждающихся членов колонии и этапов и ведет агитацию среди местных крестьян. В 1909 г. Д., отбыв ссылку, уезжает в Петербург, поступает здесь монтером на станцию „Общ. электр. освещ. 1886 г.", участвует в рабочем движении, затем переезжает на такое же место в Москву. В 1911 г. Д. опять арестован, высылается в Нижний, здесь продолжает нелегальную партийную работу и служит связью между интеллигенцией и рабочими. В 1914 г. Д. вновь в Петербурге, работает в „бюро" по доставке нелегальной литературы из-за границы и занимается ее распространением. С начала войны Д. выступил ее непримиримым противником, в 1916 г. был арестован, отправлен в полк, стоявший в Шадринске Пермск. губ., но бежал по дороге из Екатеринбурга в Нижний, где и прожил до феврал. революции. В дни революции Д. был одним из руководителей движения в Нижнем и участвовал в „семерке", к которой перешла власть. В Сов. рабоч. деп. Нижнего Д. был тов. председателя, затем был членом городск. думы от большевиков. Последующая его работа протекала сначала в губпродкоме, а затем в Нижегор. СНХ. Ум. 1919 г. См. „*Пам. бор.*".

Дыбенко, Павел Ефимович *(автобиография)*. Родился 16 февраля 1889 г. Уроженец села Людков Новозыбковского у. Черниговской губ. (ныне Гомельской). Происходит из крестьян. Его родные— мать, отец, брат и сестра до сих пор живут в с. Людков и занимаются крестьянством. Крестьяне данного села и уезда являются малоземельными. Зе-

мельные участки для крестьян до революции были нарезаны исключительно на весьма песчаной почве. Вся более удобная и более плодородная земля принадлежала помещикам, коих на территории уезда было—крупных 7 и мелких, как называется столбовых дворян, в одном только с. Людкове около 40 домов. Мелкопоместные дворяне располагали от 100 до 300 десятин пахотной земли. Крестьянство данного уезда и особенно с. Людкова было весьма бедное и постоянно занималось отхожим промыслом, эмиграцией в Америку и поденными работами у мелкопоместных дворян. К числу таких бедных крестьян принадлежала и семья Д., которая при 9 душах семьи имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову. Отец и мать постоянно работали на поденных работах. Из работоспособных в семье было только двое—отец и мать. Остальные члены семьи—6 детей (самой старшей сестре в 1899 г. было 13 лет) и дедушка 102 лет. Нищета, как вечный спутник в семье Д., заставляла малолетних детей итти на поденщину в летнее время зарабатывать гроши. Д. уже семи лет вместе с отцом работает в поле—помогает боронить и возить удобрение, а в свободное время пасти скот мелкопоместных помещиков. Мать, обремененная кучей малолетних детей и изо дня в день работающая, особенно весной и летом, по вечерам и рано утром у себя, а днем поденщицей за гроши, с ненавистью относилась к помещикам, всегда проклиная их, как живущих за счет крестьян и не ценивших их труда. Еще с малых лет, при таких тяжелых условиях жизни, среди всех членов семьи зарождалась ненависть к помещикам-поработителям.

Несмотря на весьма тяжелые условия существования семьи, Д., как старший сын, 6 лет был отдан учиться к поповской дочери, которая занятия с ним и еще четырьмя крестьянскими детьми производила в холодной кухне, где одновременно помещались телята и молодые овцы. Поповна-учительница в методах воспитания чуть ли не ежедневно применяла рукоприкладство и избиение линейкой. Такое отношение, несмотря на желание во что бы то ни стало учиться, заставило бросить заниматься после 4 месяцев, и только на следующий год он поступил в народную школу. Будучи в народной школе хорошим учеником, он пользовался любовью со стороны заведующей школой М. К. Давыдович, которая в то время состояла в партии с.-д. По окончании народной школы мать и отец отказались дальше учить, несмотря на просьбы Д., и только благодаря настоянию Давыдович, которая с ним все время занималась, удалось переломить упорство родителей и осенью 1899 г. поступить в 3-классное городское училище. Когда он был учеником народного училища, родные не могли ему помогать абсолютно ничем, и поэтому приходилось во время каникул работать у мелкопоместных дворян, дабы иметь средства приобрести учебники и сшить себе обмундирование. В течение 4 лет учения в городском училище Д. не порывал связи со своей прежней учительницей, которая в известной степени влияла и на его воспитание. Будучи учеником городского училища в 1905 г., еще не отдавая точно отчета, что именно происходит, Д. принимает участие в забастовочном движении учеников реального, технического и городского училища, за что в 1906 г., после усмирения крестьянского восстания Новозыбковского уезда Дубасовым, привлекался к ответственности стародубским Окружным судом. На суде был оправдан. 14 лет окончил трехклассное городское народное училище, после чего родители категорически отказались продолжать его учить, ссылаясь на свою нищету и требуя от него поступить на службу и помогать им кормить других детей. К этому времени средний брат, Федор Ефимович (который в 1919 г. был убит во время гражданской войны при взятии ст. Дебальцево, будучи командиром дивизии), поступил также в городское училище и требовал учить и его. Пришлось подчиниться родным и поступить служить в казначейство в г. Новоалександровске, где казначеем был один из родственников. Через полтора года службы в казначействе Д. был уволен со службы по настоянию новоалександровского исправника, как состоящий в нелегальной организации. После исключения из казначейства уехал в г. Ригу, где 17-летним юношей поступил работать простым грузчиком на пароходы, где работал в течение двух лет. Данная работа являлась сезонной, поэтому зимой был безработным. Однако, в течение лета удавалось скопить незначительные средства, и на эти гроши удавалось посещать зимой электротехнические курсы. В 1910 г. поступил работать на рижский холодильник. Во время работы на холодильнике связался с группой большевиков-латышей, где вместе с ними, не будучи членом партии, работал. За забастовку на холодильнике был уволен и в июле 1910 г. рабо-

тал на постройках, где также в августе месяце вспыхнула забастовка. Во время этой забастовки, будучи уже под наблюдением полиции и будучи разыскиваем ею, уехал в Либаву, где нелегально прожил до весны 1911 г. В 1911 г. снова вернулся в Ригу и работал опять грузчиком на пароходах. За неявку на призывной участок и уклонение от воинской повинности в ноябре 1911 г. был арестован в Риге и препровожден этапным порядком в г. Новозыбков на призывной участок. По прибытии в Новозыбков был принят на военную службу матросом в Балтийский флот. Будучи матросом в Балтфлоте в 1912 г., официально вступил в партию большевиков и работал совместно с Сладковым, который умер в 1922 г. в Кронштадте. По окончании минной школы в 1913 г. был списан на линейный корабль „Император Павел I", который после Февральской революции был переименован в „Республика". На этом корабле, который среди моряков назывался „морской тюрьмой", вел активную подпольную работу и был организатором восстания в 1915 г. во время восстания на дредноуте „Петропавловск". В 16 году ушел вместе с морским баталионом на рижский фронт в район Икскюльских укрепленных позиций. Перед наступлением батальон моряков, будучи достаточно обработан и революционно настроен, отказался наступать и к этому склонил 45-й сибирский стрелковый полк. За поднятие восстания батальон моряков был срочно отозван в Ригу, где его расформировали и под конвоем отправили обратно в Гельсингфорс. По дороге многие моряки были арестованы. Д. при отправке батальона остался в Риге под видом болезни в госпитале, где пробыл два месяца и только после этого вернулся, за что впоследствии был осужден на два месяца. В 1917 г. после Февральской революции был избран председателем центрального комитета Балтийского флота, где, будучи в меньшинстве из состава Центробалта (всех членов Центробалта 33, большевиков—6 и им сочувствующих—5), все же провел устав Центробалта, который недвусмысленно говорил о том, что Центробалт признает Временное Правительство, но все его распоряжения проводятся в жизнь только с санкции Центробалта. В июле месяце за Июльское восстание был арестован, избит юнкерами и просидел в „Крестах" до 4 сентября. По выходе из „Крестов" снова вернулся в Гельсингфорс и вступил в исполнение обязанностей Центробалта, который после июльских дней был разогнан комиссаром Керенского—Онипко. В 1917 г. в начале октября во время большого наступления немецкого флота в Балтморе, будучи председателем Центробалта, участвовал в боях под остр. Даго и Эзелем. В октябре принимал активное участие в восстании и командовал войсками под Царским и Гатчиной. Ликвидировав авантюру Керенского, лично арестовал Краснова и доставил в Смольный. В октябре же был избран народным комиссаром по морским делам, каковым пробыл до апреля 1918 г. В мае 1918 г. был судим за сдачу немцам Нарвы, но был по суду оправдан. После суда уехал на нелегальную работу на Украину и в Крым. В Севастополе в августе 1918 г. был арестован правительством генерала Сулькевича и просидел до конца сентября 1918 г. При попытке бежать из Севастопольской тюрьмы был закован в наручники и кандалы и перевезен в Симферопольскую тюрьму. Из тюрьмы был освобожден согласно переговоров Совнаркома с немцами на замену. В октябре, прибыв в нейтральную зону около гор. Рыльска Курской губ., был сперва военкомом полка, потом вступил в командование батальоном и впоследствии, при взятии Харькова и дальнейшем продвижении в направлении на Екатеринослав, командовал группой екатеринославского направления. В феврале 1919 г. был назначен начальником Заднепровской дивизии, которая, после занятия Крыма, была переформирована в Крымскую армию, коей командовал до июля 1919 г., одновременно был и народным комиссаром по военным и морским делам Крымской республики. В сентябре 1919 г. поступил в Академию РККА, но тут же был откомандирован на юго-восточный фронт, где вступил в командование 37 стр. дивизией, с которой участвовал 28 ноября при разгроме корпуса белых ген. Топоркова в станице Качалинская и при взятии Царицына. В феврале 1920 г. вступил в командование 1-й Кавказской кавалерийской дикой дивизией и при ликвидации деникинщины командовал кавгруппой в майкопском направлении. В июле 1920 г. командовал 2-й кавалерийской дивизией на южном фронте. В сентябре 1920 г. вернулся в Академию. В 1921 г., будучи слушателем младшего курса Военной Академии, был послан для участия в ликвидации кронштадтского мятежа. По прибытии в Ораниенбаум принял командование сводной дивизией и в день боя за обладание Кронштадтом командовал войсками, участвовавшими под Кронштадтом. После ликвидации

кронштадтского восстания был назначен комендантом Кронштадтской крепости. Через несколько дней был отозван для назначения для действий против банд Антонова. По соображениям штаба РККА был назначен начальником западного Черноморского побережья и в июне месяце командиром 51 Перекопской дивизии. Командуя дивизией, одновременно экстерном, в течение полутора лет, т.-е. с 1 июня 1921 г. и по 1 сентября 1922 г., сдал зачеты за старший и дополнительный курс Военной Академии. Так. обр., в 1922 г. окончил Военную Академию РККА. В июле 1921 г. был назначен командиром 6 стрелкового корпуса. По окончании Академии был переведен на должность командира и комиссара 5 стрелк. корпуса. В апреле 1924 г. назначен командиром 10 стр. корпуса. 6 мая 1925 г. назначен начальником Артиллер. Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и III С'ездом Советов Союза Сов. Соц. Респ. избран членом Центр. Исп. Ком. СССР.

За боевые отличия награжден: тремя орденами Красного Знамени, золотыми часами ВЦИК, серебряными часами ленинградского Совета и лошадью.

Елизаров, Марк Тимофеевич, род. 22 марта 1862 г. в дер. Бестужевке Самарской губ. Родители его были крепостными крестьянами, и Е. окружала с детства атмосфера поднимающихся, стряхивающих с себя оковы вчерашних рабов. Рассказы о перенесенном от „бар“ отца, подвергавшегося экзекуциям, и других близких, сохранившие еще всю свежесть только что миновавшего вчерашнего дня и всю остроту обиды, и первый мощный из всей груди вздох проснувшегося к жизни самого широкого, самого многочисленного слоя населения—вот что было первым осознанным им впечатлением, тем воздухом, которым он дышал и который глубоко вобрал в себя. Из этих первых переживаний, из этой среды он вынес, с молоком матери впитал глубокую вражду к барству, всякое проявление которого, даже в мелочах, действовало на него болезненно всю жизнь. И из этих бодрых впечатлений детства плюс крепкая физическая организация выросла та энергия, та жизнерадостность, которые отличали его всю жизнь и которые он изливал невольно на всех окружающих, изгоняя свойственную интеллигенции в той или иной мере упадочность и мерихлюндию. Много дал ему, по его словам, отец, о котором он вспоминал всегда с большой благодарностью. Энергичный и способный самородок, отец его был самым видным лицом в деревне, т. н. „мирским человеком“, пользовался большим уважением и был бессменно выбираем в сельские старосты. В качестве такового он вел непосредственные сношения с мировыми посредниками, отстаивая интересы своих односельчан. Рассказы об этом, пример отца, к которому крестьяне шли со всеми своими нуждами, имели большое влияние на Е.

Ему, младшему, смог отец дать и образование. Е. окончил начальную школу в ближнем селе Обшаровке, где обратил на себя внимание своими выдающимися способностями к математике, и об учителе которой вспоминал с благодарностью. И тогда кто-то из знакомых отца по общественной деятельности,—кажется, мировой посредник,—настойчиво посоветовал ему отдать мальчика в гимназию. Е. был отвезен в Самару, помещен там „на хлеба“ и, подогнав с помощью репетитора из гимназистов в пару недель недостающие знания, поступил во 2-й класс. В гимназии он пошел прекрасно, по математике прямо блестяще, и в старших классах содержал себя сам уроками, при чем ему приходилось, м. пр., заниматься и со своими одноклассниками, разными купеческими и дворянскими баловнями. Тотчас по окончании экзаменов возвращался он в Бестужевку, где принимал деятельное участие во всех полевых работах. В периоды косьбы и жнивья жил неделями в поле под открытым небом, питаясь у костра, как всякий крестьянин или сельскохозяйственный рабочий, в тесном общении с ними. Т. обр., связь его с крестьянством, с родной деревней не порывалась как в гимназическое время, так и позднее, когда он, по окончании гимназии, поступил в 1882 г. на математический факультет Петербургского университета.

Эта непорывавшаяся связь создала чрезвычайно благоприятные условия для бесед и пропаганды в деревне. Е. был самой популярной личностью в округе; его приездов ждали, к нему шли с расспросами, за советами. Он пользовался таким уважением и доверием, что мог безвозбранно вести такие беседы, за которые другие представители его же воззрений попадали очень скоро в тюрьму и в ссылку. Мог читать им такие брошюры, как „Хитрая механика“, „Кто чем живет“ и т. п. печатные и гектографированные издания того времени. Его рассказы в студенческих кружках о собеседованиях в деревне, о настроениях деревни вызывали огромный интерес и даже некоторую зависть к нему, как к

поставленному в исключительно благоприятные условия. Тогда самое трудное было завязать связь с деревней, завоевать себе доверие в ней, и счастливчиком казался товарищ, пользовавшийся всем этим в полной мере, да еще в поволжской деревне, над которой реяли образы Стеньки Разина и другой вольницы, которая влекла к себе неотразимо большинство революционно настроенного студенчества. В юные годы Е. господствующими были народнические воззрения. Представителей таковых он встречал в Самаре еще гимназистом. Как „плоть от плоти“ крестьянства, он с особой чуткостью прислушивался к ним; и они, в свою очередь, по той же причине выделяли его из другой молодежи, останавливали на нем исключительное внимание. Имена тех из народников, которые имели наибольшее влияние на него, не сохранились в моей памяти. Увлекался он и народнической литературой. Любимым поэтом его был Некрасов.

В Петербурге он вошел в самарское землячество, составлявшее часть Поволжского, и был его активным членом. Участвовал в кружке по изучению истории крестьянства, организованном этим землячеством. Большое значение для развития его революционных взглядов имел т. наз. „экономический“ кружок, группировавшийся вокруг статистика Гизетти. В кружок этот, м. пр., входили участники 1-го марта 1887 г.—А. И. Ульянов и С. А. Никонов. Особенно сильно было влияние А. И. Ульянова, с которым, как членом того же Поволжского землячества, Е. встречался чаще. Кружок этот, по словам самого Е., много дал ему для выработки его революционных воззрений. Отмечал он и роль самого Гизетти, народника мирного типа, но очень начитанного, очень чуткого к молодежи. Этот кружок, гл. обр., и желание взять от Питера больше в общественном смысле побудили его по окончании курса в 1886 г. приехать еще на год в столицу, где он взял, как базу для существования, место в казенной палате. Рассказывал Е., что тот же Гизетти убеждал его брать работу в родном Поволжьи, ближе к деревне, говоря—„вы будете там золотой человек“. Он и намеревался служить по выборам или в земстве, но ни к какой подобной службе его не допускали, вследствие близости его к казненному по делу 1 марта 1887 г. Александру Ильичу Ульянову, а затем и ко всей семье Ульяновых, с которой он породнился женитьбой на старшей сестре, Анне, и в тесной близости с которой провел всю свою жизнь. Пришлось оставить эти мечты и взять канцелярскую работу, сначала в Самаре, а потом в железнодорожном управлении в Москве.

К этому времени,—осень 1893 г.,—Е. распростился окончательно с народническими иллюзиями. Внимательно изучив „Капитал“ Карла Маркса, который произвел на него громадное впечатление, он стал социал-демократом. Большое влияние на него в этом смысле имел Владимир Ильич Ленин, с которым он прожил 4 года в Самаре и много беседовал и часто видался потом. Е. был близок и оказывал содействие кружку Мицкевича в Москве, а затем московскому комитету 1896 г., в который хотел вступить, но сами члены его (Финн, Чорба) считали его вследствие семейного положения (это был год, когда сидел в Питере Владимир Ильич) более полезным вне комитета. И позднее почти непрерывающиеся аресты и высылки кого-либо из семьи Ульяновых, а иногда и нескольких сразу, затрудняли революционную работу для Е. Необходимо было хотя кому-либо „быть опорой“ семье,—гл. обр., матери, Марии Александровне Ульяновой, которая прожила с Е. почти беспрерывно до самой своей смерти в 1916 г., и для которой он был истинным сыном. Кроме того, в рамках легальности при семейных условиях Е. было мудрено вести революционную работу. Вошел он преподавателем в одну воскресную школу для рабочих, где под видом „бухгалтерии“ читал им политическую экономию, но закрытие школы положило предел этой работе.

Задумал было Е. поступить в Московское инженерное училище, чтобы сменить опостылевшую ему бухгалтерскую службу на более живую, но охранка отказала ему в выдаче необходимого для того свидетельства. Распоряжение министра путей сообщения Хилкова принять его, как выдающегося железнодорожного работника, помогло ему обойти это препятствие. Но обойденная охранка злилась, неоднократно доносила на него в училище и при первом же случае, накануне, т. ск., окончания, на 3-м курсе, арестовала его и добилась его исключения. Случаем этим были „студенческие беспорядки“ в марте 1901 г. и одновременно с ними крах соц.-дем. комитета (П. В. и С. Н., по второму мужу Смидович, Луначарские, М. И. Ульянова и др.), которому Е. оказывал услуги. После 8 мес. сидения он был выслан на два года в Сызрань. Не найдя там работы, он поехал на инженерную практику в Томск, а затем на Дальний Восток.

По окончании срока гласного надзора Е. вернулся в Россию и, видя, что окончание курса в инженерном училище для него невозможно, поступил бухгалтером службы пути в управление Николаевской (теперь Октябрьской) жел. дор. в Петербурге. Это было в 1904 г., в канун Октябрьской революции. Е. стал разрабатывать пенсионный устав для железнодорожников на широкой демократической основе, чем создал себе огромную популярность в их среде; был выбран представителем на железнодор. с‘езд и был одним из руководителей всеобщей жел.-дор. забастовки. После подавления революции был арестован и после 3-х месяцев сидения выслан из Петербурга, с запретом служить по жел.-дор. ведомству, под гласный надзор. Он выбрал Сызрань, где был фактическим редактором газеты „Сызранское утро“, популярной, широко распространенной среди крестьянства. После сызранского пожара Е. перебирается в Самару, куда переносит и газету, переименованную в „Самарскую Луку“ и обслуживавшую соц.-дем. комитет во время выборной кампании во 2-ю Думу. Е. участвует в этой кампании не только литературно, но и выступлениями против кадетов и эс-эров. Он был выставлен кандидатом от соц.-демократов большевиков в эту Думу. Наступившая после разгона 2-й Думы реакция и отсутствие заработка заставили его поехать на работу в Нерчинск; но и в том далеком краю он мог служить на постройке жел. дороги лишь неофициально, благодаря знакомству с заведующим постройкой. Оттуда проехал через Японию морем в Западную Европу. По возвращении мог служить лишь в частных обществах. Оказывал постоянное содействие революционной работе и подвергался неоднократно обыскам. Принимал участие в выборной кампании в 4-ю Думу и был выставлен кандидатом в нее от большевиков в Саратове.

После Октябрьской революции был назначен первым наркомом путей сообщения. Затем организовал комиссариат по страхованию и борьбе с огнем. После реорганизации этого комиссариата вошел в Коллегию Народного Комиссариата Торговли и Промышленности. Поехал по делам службы в Петроград, заболел сыпным тифом и скончался 10 марта 1919 г.

А. Елизарова.

Енукидзе, Авель Сафронович *(автобиография)* (партийн. клички: „Золотая рыбка“, „Абдул“, „Авель“), родился 7/20 мая 1877 г. в с. Цкадиси Рачинского у. Кутаисской губ. До 12 лет рос в деревне среди красивейшей природы горной Рачи и учился в сельской школе. С 1889 по 1892 г. учился в уездном училище Мингрелии, а в 1893 г. переехал в Тифлис учиться, где окончил среднее техническое образование в 1897 г. С начала 1894 г. в Тифлисе, под влиянием политической забастовки в Духовной семинарии, которая являлась тогда центром революционной молодежи, и в других учебных заведениях стали организовываться ученические нелегальные кружки. Кружок, в котором я принимал участие с 1894 г., имел сначала программу полу-националистическую, полу-марксистскую. С весны 1896 г. я был членом уже смешанного кружка, состоящего из рабочих и учащихся, и с этого момента начинается мое марксистское воспитание. На всю нелегальную литературу того времени, на статьи „Современника“, нового „Мира Божьего“, „Самарского Вестника“, а затем „Нового Слова“, мы набрасывались с величайшей жадностью. Летом 1897 г., не имея средств продолжать дальнейшее образование, я поступил на железную дорогу и работал в сборном цехе главных мастерских Закавказских железных дорог. Там я впервые стал работать в рабочих кружках в качестве пропагандиста и организатора. К тому времени тифлисская организация заметно расширила свою работу и среди других фабрик и заводов Тифлиса. Наша организация тогда уже имела связь с петербургским „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса“, а после I с‘езда РСДРП—и с другими организациями России. В сентябре 1898 г. я получил перевод в бакинское депо в качестве помощника паровозного машиниста. В Баку я вскоре завязал связи, кроме железнодорожных рабочих, и с рабочими заводов и промыслов нефтяного района. В то время в Баку никаких с.-д. организаций не существовало, кроме маленькой группы рабочих, высланных туда из Москвы известным Зубатовым. Вместе с ними мне удалось организовать в трех районах Баку кружки из рабочих (в гор. Сабунчах и Балаханах). Таким образом, начало 1899 г. можно считать началом основания бакинской с.-д. организации.

С приездом в Баку покойного Вл. Кецховели, высланного из Тифлиса, как организатора трамвайной забастовки, начинается правильная работа и укрепление бакинской организации. За годы 1899, 1900 и 1901 нам удалось в Баку создать бакинский комитет РСДРП, расширить работу в районах, создать малень-

кую нелегальную типографию и т. д. С весны 1901 года, по предложению партии, вплотную ушел в революционную работу и вместе с Кецховели работал в подпольи. С осени 1901 г. была образована в Баку группа „Искры“, и с тех пор мы были с „Искрой“ в постоянных сношениях. За это время мы в Баку организовали большую нелегальную типографию, в которой, между прочим, были перепечатаны №№ 7 и 11 „Искры“, №№ 5—8 „Южного Рабочего“ и др., и наладили транспорт заграничной литературы через Батум. В апреле 1902 г. был арестован за майскую демонстрацию. После освобождения в мае того же года продолжал работать в организации до 2-го сентября того же года, когда вместе с Кецховели снова был арестован и переведен в тифлисский Метехский Замок, где просидел до лета 1903 г. Летом принимал участие в посылке делегата на II С‘езд РСДРП. Осенью 1903 года снова был арестован и отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, но по дороге бежал и окончательно перешел на нелегальное положение. С ноября 1903 г. по решению ЦК партии я работал в большой подпольной типографии ЦК РСДРП вплоть до ликвидации перевозки этой типографии в Петербург в феврале 1906 г. В 1906 г. работал в петербургской организации. После разгона Г. Думы был командирован для работы на Кавказе.

После общекавказского с‘езда осенью 1906 г. работал в бакинской организации, как член БК (большевиков) и союзного комитета РСДРП до 5 мая 1907 г., когда был арестован на бакинской конференции большевиков. Осенью был выслан в Воронеж, но по дороге бежал от конвоя, снова вернулся в Баку работать до общепартийной конференции большевиков в Таммерфорсе. По дороге в Финляндию 9 ноября 1907 г. был арестован в Петербурге и заключен в „Кресты“. В мае 1908 г. был сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал в сентябре обратно в Петербург. От предложения эмигрировать за границу я отказался и после трехмесячного скитания по Питеру и Финляндии вернулся в ссылку в Онежский уезд, которую кончил в июле 1910 г. С осени 1910 г. работал в бакинской организации, как член БК. В разгар организации Всероссийской конференции большевиков был вместе с Шаумян, Каспаровым, Черномазовым и др. арестован в сентябре 1911 г. Просидел в тюрьме до июля 1912 г., получил высылку из пределов Кавказа. С октября по декабрь 1912 г. работал в Ростове н/Д. В декабре уехал в Москву, откуда был выслан „в 24 часа“, и направился в Петербург. С начала 1913 г. по июль 1914 г. работал в Петербурге. 4 июля 1914 г. был арестован и в октябре того же года выслан в Енисейскую губ. В конце 1916 г. был из ссылки призван в солдаты. Служил рядовым в Красноярске в 13 роте 14-го Сибирского стрелкового полка, откуда 22 февраля 1917 г. был послан на фронт в действующую армию через Петроград. В Петроград прибыл 27-го февраля, т.-е. в первый день революции. С 28-го февраля по 3-е марта принимал участие в уличных выступлениях войск в Петрограде. До апрельского совещания Советов работал в частях петроградского гарнизона. В апреле был избран членом ВЦИК‘а. На I С‘езде Советов был избран членом ВЦИК от большевиков, затем был членом петрогр. Совета и Исполкома. В предоктябрьские дни был избран членом „15“—бюро рабочей секции петрогр. Совета. Принимал близкое участие в организации II С‘езда Советов и в октябрьских событиях. С тех пор непрерывно работаю во ВЦИК‘е, состоя членом ВЦИК‘а всех созывов. Сначала работал в качестве заведующего военным отделом ВЦИК‘а, а с осени 1918 г. по конец 1922 г.—как член президиума и секретарь ВЦИК‘а. С 30 декабря 1922 г.—член президиума ВЦИК‘а и член президиума и секретарь ЦИК‘а Союза ССР.

Загорский (Лубоцкий, парт. псевдоним „Денис“), Владимир Михайлович, р. в 1883 г. в Нижнем-Новгороде, в зажиточной семье. Будучи на школьной скамье, вступил в местную с.-д. организацию. В 1902 г. был деят. участником первомайских демонстраций рабочих и учащейся молодежи, был арестован и сослан в Енисейск. губ., откуда бежал в 1904 г. в Швейцарию и примкнул к большев. организации. В 1905 г. З. возвращается в Россию и отдается революционной борьбе. В качестве партийн. профессионала живет в Москве до 1908 г. и после провала московск. организац. бежит в Англию. В 1910 г. он возвращается в Саратов, но скоро опять должен бежать, теперь уже в Германию. В начале войны его арестовывают в Лейпциге и держат до окончания войны с Россией в качестве гражданского военнопленного. Октябрьская революция и мир освобождают его, и он входит в состав советск. посольства в Берлине в качестве секретаря. В 1918 г. З. возвращается в Москву и становится одним из самых деятельн. работников моск. комит.

РКП и его секретарем. Погиб от взрыва бомбы 25 сент. 1919 г. в Леонтьевском пер. См. *„Пам. бор.“*.

Зеленский, Исаак Абрамович *(автобиография)*, род. в 1890 г. в Саратове, сын отставного солдата - портного, учился в высшем начальном училище, вступил в с.-д. организацию в 1906 г. В 1906—1907 гг. работал в партийных и профсоюзных организациях в Саратове. Весной 1908 г. был арестован и осенью того же года был выслан под надзор полиции в Оренбургскую губернию. В Оренбурге некоторое время работал по своей специальности (картузник), усиленно занимался самообразованием, поддерживая связь с отдельными партийными товарищами, но не принимая участия в партработе. Весной 1909 г. скрылся из-под надзора полиции. В поисках связей с парторганизациями об'ехал некоторые города Поволжья. Работал короткое время в Астрахани и Пензе. Однако, ликвидаторское настроение меньшевиков в Астраханской организации, где они были в подавляющем большинстве, и опасение ареста в Пензе не давали сколько-нибудь серьезной возможности восстанавливать организационную работу в этих местах. Отсутствие каких-либо связей с центральными учреждениями партии или даже с другими парт. организациями и тугое положение с заработком побуждают вернуться в Оренбург. В Оренбурге работал опять в мастерской, встретился с группой товарищей, работавших в жел.-дор. мастерских и на некоторых предприятиях (Скороходов, Г. Коростелев и др.). Совместно с ними работал по восстановлению организации, был арестован и выслан.

Зимой 1910 г. поселился в Самаре. Некоторое время работал в мастерской, но заработок был низкий, почему поступил в магазин сборщиком денег с должников, а потом конторщиком. С парторганизацией связался быстро. Партия в это время уже начала оправляться от разгрома, понесенного после 1907—8 гг. Проходило и безнадежное настроение в рабочем классе. После преодоления ликвидаторства, которое было довольно сильно в Самаре, и формального разрыва с меньшевиками, партработа развернулась интенсивно. Партработа содержала в себе все элементы, сочетающие использование довольно скудных тогда легальных возможностей с крепкой нелегальной организацией. В Самаре продержался довольно долго и только в начале 1912 г. был арестован, а осенью выслан на 3 года в Нарымский край. В Нарыме пробыл несколько месяцев, в начале лета 1913 г. бежал и работал в Царицыне. В Царицыне же провалился, бежал во время ареста, был арестован, как потом выяснилось, благодаря доносу провокатора, и отправлен обратно в Нарым. Путь этапом в Нарым был довольно тяжел—не было денег и в бумагах значилось—„склонен к побегу“, что заставляло солдат быть ко мне особо строгими. В Нарыме прожил до августа 1914 г., после чего уехал в Самару. В Самаре в это время была прекрасная большевистская парторганизация, которая вела упорную войну с оборонцами. В Самаре, однако, долго жить не пришлось, так как был очень известен охранке. В декабре приехал в Москву, получил работу, благодаря А. И. Смирнову, на электропередаче. Партработа была очень затруднена тем, что и Смирнов и я были достаточно известны охранке и находились под ее постоянным наблюдением, и ограничивалась поддержкой связи с партийными товарищами и кое-какой работой у себя на станции в Глухове, Орехове.

Осенью 1915 г. преследования охранки сделались слишком наглыми—да и потребность разворачивать работу в другом месте была—переехал в Сормово, где работал секретарем больничной кассы. Работа в Сормове была не продолжительна, я был арестован на квартире у К. И. Ландера, когда мы условливались об организации газеты. Просидев несколько месяцев, был выслан в Иркутскую губ. Киренский уезд. В Иркутской тюрьме заболел тифом, по дороге из Иркутской тюрьмы в Александровскую пересыльно - каторжную тюрьму конвойные маленько побили. В ожидании якутской партии и пока оправился от тифа и проч. просидел несколько месяцев. В тюрьме вместе с группой большевиков решили учинить протест и добиваться отправки нас в ближайший уезд. Почему и попал в Верхоленский уезд, а не Киренский. Пробыл в Верхоленске до конца 1916 г. и бежал в Москву, куда приехал за месяц до Февральской революции. С февраля по октябрь был партийным организатором Басманного района, председ. Райсовета. С 18 по 20 год работал в Московском Продотделе, членом коллегии и завед., был секретарем МК, откуда был опять переброшен на продовольственную работу членом коллегии Наркомпрода. Осенью 20 г. был командирован в Сибирь. Затем работал в президиуме Моссовета и с апреля 21 г. и до осени 24 г. опять работал секретарем МКРКП. В данный момент, с ноября 24 г. работаю председ.

Сред. А. Бюро ЦК РКП. Членом МК состоял с небольшими перерывами, начиная с весны 1917 г., членом президиума Моссовета с 1918 г. Кандидатом в члены ЦК избран на X с'езде, а на XI с'езде избран членом ЦК РКП.

Зиновьев, Григорий Евсеевич, председатель исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, член политбюро ЦК РКП (б) и председатель ленинградского Совета и Губисполкома, один из ближайших сотрудников и учеников тов. Ленина. Род. в сент. 1883 г. в г. Елисаветграде Херсонской губ., в малоимущей мелкобуржуазной семье (отец был владельцем небольшой молочной фермы). С 14—15 лет стал жить своим трудом и своим небольшим заработком помогать родным—сначала давал уроки, а потом служил конторщиком в двух крупных торговых предприятиях (образование получил домашнее).

В конце 90-х годов участвует в первых кружках самообразования на юге и близко примыкает к той группе, которая организовала первые экономические стачки рабочих и служащих на юге России. В 1901 г. подвергается первым преследованиям и в 1902 г. уезжает за границу. Сначала в Берлин, затем в Париж, затем в Швейцарию (Берн). Повсюду в этих городах принимает близкое участие в тогдашней работе заграничных с.-д. групп, выступает с рефератами в небольших кружках и т. д. В 1903 г. в Швейцарии впервые встречается с Лениным. Первое личное знакомство с Плехановым—тогда же. Когда на II с'езде партии (1903 г.) произошел раскол, сразу примыкает к большевикам. Вскоре после II с'езда отправляется (осенью 1903 г.) назад в Россию—опять на юг. Работает в организациях „искровцев", ведет борьбу против „экономистов", содействует установке нелегальной типографии, входит в сношение с Полтавским бюро „искровцев" и т. д.

В конце 1904 г. заболел и отправился опять за границу. Сдал экзамен и поступил в Бернский университет (химия). 9-е января застает в Швейцарии. Участвует в комитете заграничной организации большевиков, сотрудничает в первом большевистском журнале „Вперед". С началом революции 1905 г. уезжает с группой товарищей в Россию, в Петроград. В Питер приезжает в разгар всеобщей стачки. Входит в местную партийную работу. Скоро сильно заболевает (сердце), врачи вновь отправляют за границу. Пара месяцев лечения (профессор Салли запрещает всякую политическую деятельность). Поправляется. Переходит на юридический факультет. Скоро бросает университет и в марте 1906 года—опять в Петрограде. Начинает работу за Московской заставой—преимущественно у металлистов. Становится популярным агитатором. Через несколько недель выбирается в Петр. комитет партии. Остается членом ПК до весны 1908 г., т.-е. до момента ареста. В ПК в то время работают б-ки вместе с м-ками. Идет резкая борьба, которая особенно разгорается после Стокгольмского (об'единительного) с'езда.

ЦК перешел в Стокгольме в руки м-ков. ПК стал оплотом и главной организацией б-ков. Во время 1-й Думы и после все время идет борьба между меньшевистским ЦК и большевистским ПК. Борьба эта имеет всероссийское значение. Вокруг ЦК и ПК группируются равные половины партии. Во главе московского ЦК стоят Мартов, Джорданния, Дан, Мартынов, Хинчук. Во главе большевистского ПК фактически стоит Ленин. Непосредственное практическое руководство ПК, вся организационная работа и проч. падает на исполнительную комиссию ПК, состоящую из Г. Зиновьева, Н. А. Рожкова и И. А. Теодоровича. Эта тройка являлась тогда влиятельной ячейкой большевистских сил в Петрограде. Во время 1-й Думы З. ведет агитацию против кадетов и меньшевиков. Сотрудничает в тогдашних легальных газетах большевиков. Редактирует вместе с А. А. Богдановым нелегальный популярный орган б-ков „Вперед" (выходил в Финляндии). Участвует в професс. союзах. Переходит из Московского района („Григорий Московский") в Невский. Там работает среди ткачей. Много раз счастливо избегает ареста, хотя полиция рыщет. Выступает лектором на собраниях студентов и курсисток (университет и курсы Лесгафта). Во время разгона 1-й Думы З. едва избегает ареста. Вместе с И. Ф. Дубровинским (Иннокентий), Рамишвилли, Алексинским, З. по поручению Ленина едет в Кронштадт для организации восстания. После неудачи возвращается в Петроград.

Весь 1907 г. З. работает во многих рабочих районах Петрограда. Участвует в проведении большевистской избирательной кампании во 2-ю Гос. Думу по рабочей курии. В такой же мере активную роль З. играет в проведении избирательной кампании большевиков на Лондонский с'езд партии (весна 1907 г.). При выборах на этот с'езд в Петрограде окончательно определилось громадное большинство рабочих за большевиков. Когда

м-ки выдвинули лозунг „ответственное (т.-е. кадетское) министерство“, З. среди других большевиков выступил в Петрограде энергичным борцом против этого лозунга. На многочисленных собраниях, в спорах с влиятельными ораторами меньшевиков, З. с успехом выступает в защиту большевистской политики. Вместе с тем, З. ведет агитацию среди солдат в Петрограде и его окрестностях, ездит в царскосельские казармы, посещает солдатские собрания за оградой царскосельского дворца, проходя туда переодетым. На Лондонском с'езде партии З.—делегат Петроградской организации. На Лондонском с'езде в числе 6 членов ЦК большевиков (Ленин, Богданов, Дубровинский) выбирается также З. С этого времени З. является членом всех составов ЦК партии. Как член ЦК, З. входит в состав так наз. БЦ (большевистского центра), руководящего всей работой большевиков.

Немедленно после Лондонского с'езда З. возвращается в Россию. Он приезжает в Петроград к моменту разгона 2-й Гос. Думы. Б-ки загнаны в подполье. ЦК приступает к нелегальному изданию центрального органа партии („Социал-Демократ“) в Петрограде. З. является одним из редакторов его.

В избирательной кампании партии в 3-ю Гос. Думу З. принимает деятельное участие. В то же время принимает участие во всей нелегальной работе партии. Весной 1908 г. З. арестовывают (на Васильевск. Острове на собрании редакции нелегальной газеты). Работа З. оказывается, однако, не вполне известной охранке. З. в тюрьме сильно заболел, и, благодаря заступничеству покойного Д. В. Стасова, З. удалось вырвать из тюрьмы сравнительно скоро. Через несколько месяцев З. выпускают под надзор полиции.

К концу лета 1908 г. ЦК партии вызывает З. за границу. ЦК и Ленин находились в это время в Женеве. З. приезжает в Женеву, участвует там в пленуме ЦК и входит в редакцию большевистского органа „Пролетарий“, который редактируется затем впредь до его прекращения Лениным, З. и Каменевым. В декабре 1908 г. З. участвует на Всеросс. конференции партии в Париже. Выступает докладчиком по вопросу о ликвидаторстве, которое тогда начало оформляться. На этой конференции создается ЦО партии („Социал-Демократ“). В редакцию его входят: от м-ков—Мартов и Дан, от б-ков—Ленин, З. и Варский (польский большевик).

В редакции „Пролетарий“ и „Социал-Демократ“ З. пишет много статей по вопросам теории и практики движения. В то же время З. поддерживает сношения с Россией, главным образом с Питерской организацией. В 1910 г. участвует, как делегат партии, на Копенгагенском международном конгрессе. В 1911 г. начинает выходить „Звезда“ в Петрограде, журнал „Мысль“ в Москве, затем „Правда“ в СПБ. Во всех этих газетах З. принимает деятельное участие, ведет переписку с петроградскими и московскими сотрудниками наших изданий. В 1912 г. в Праге (Богемия) состоялась общероссийская партийная конференция большевиков, имевшая историческое значение. На этой конференции была восстановлена партия после годов контр-революции. Эта конференция, происходившая на фоне оживления рабочего движения (Ленская стачка), положила основу нынешней коммунистической партии. З. был на этой конференции делегатом от Москвы, выступал докладчиком по ряду вопросов и был выбран в новый ЦК.

Вскоре после Пражской конференции Ленин переезжает в Галицию (Краков), дабы быть ближе к России. З.—тоже. В Кракове основывается бюро ЦК (Ленин и З.). Сюда приезжает ряд товарищей из России. Отсюда Ленин и З. самым деятельным образом сотрудничают в питерских изданиях. З. пишет речи для рабочих депутатов 4-й Думы. Здесь (в Кракове) происходил ряд конференций и совещаний с работниками из России. Отсюда Ленин руководил и теоретическим журналом большевиков „Просвещение“.

Начало войны застает З. вместе с Лениным в Галиции. Отсюда оба товарища с большим трудом пробираются через Вену в Швейцарию. Здесь возрождается ЦО партии („С.-Д.“) под редакцией Ленина и З. Газета повела самую решительную борьбу против социал-шовинизма, победившего во всех партиях. Против течения — таков был лозунг „Социал-Демократа“. Первая статья под этим назв. напечатана З. (см. сборник „Против течения“). В то же время Ленин и вместе с ним З. начинают кампанию среди иностранных рабочих, издают нелегальные листки и брошюры на немецком языке и транспортируют их в Германию и Австрию. Вместе с Лениным, З. представляет партию на Циммервальдской конференции, организует Циммервальдскую левую, оба входят в бюро Циммервальдской левой, помогают поставить немецкий интернационалистический жур-

нал „Vorbote“, организуют кружки швейцарских рабочих и т. п. З. входит также, как представитель большевиков в J. S. K. (Интернациональная Социалистическая Комиссия Циммервальда). Февральская революция 1917 г. застала Ленина и З. в Берне.

Все попытки проехать в Россию через „союзные“ страны успехом не увенчались, благодаря препятствиям со стороны временного и „союзных“ правительств. И лишь через месяц после революции Ленин и З. вместе с группой большевиков переезжают через Германию и Швецию в Россию. Встреченные бешеным воем всей буржуазной печати, Ленин и З. были горячо приняты питерским пролетариатом. Со дня приезда в Россию З. принимает участие в подготовке партии и широких масс трудящихся к Октябрьской революции.

Еще задолго до Февральской революции Лениным при тесном сотрудничестве с З. была намечена основная линия поведения большевиков в период перехода от буржуазно-демократической диктатуры к диктатуре пролетариата. Два основных документа („Несколько тезисов“—1915 г. и „Набросок тезисов 17 марта“) были написаны Лениным при ближайшем участии З. Общегородская конференция Петроградской организации, председателем которой был избран З., и Всероссийская конференция (апрельская) проходят под руководством Ленина. З. вместе с Лениным обосновывают важнейшие вопросы порядка дня, являющиеся в то же время важнейшими вопросами подготовки революции. З. входит в состав редакции газ. „Правда“, соредактором которой остается до разгрома газеты в июльские дни, помещая почти ежедневно статьи, раз'ясняющие смысл войны, братанья, тайных договоров, о крестьянстве, земле и др. (см. Г. Зиновьев, собр. соч., том VII).

На ряду с этим З., по поручению ЦК, является участником беспрерывной цепи враждебных большевикам различных с'ездов и конференций и разоблачает руководивших с'ездами меньшевиков и эс-эров. З. работает в Петроградском Совете, главным образом в его рабочей секции. 3 июня, по докладу З., рабочая секция Совета принимает составленную З. резолюцию о переходе власти к Советам и избирает его в бюро для осуществления этого решения. Упорная борьба З. с буржуазией и социал-патриотами создает ему самую широкую популярность среди петроградского пролетариата и солдат и бешеную ненависть врагов. Буржуазия, меньшевики и эс-эры принимают все меры к тому, чтобы изолировать столь опасного противника, и после июльских дней пускают известную клевету с подделкой документов, уличающих якобы З., на ряду с В. И. Лениным, в шпионаже в пользу Германии.

По постановлению ЦК Ленин и З. уходят в подполье. Сперва З. скрывается у различных товарищей в Петрограде, а 9 июля перебирается вместе с Лениным на ст. Разлив, Приморской ж. д. и живет у рабочего Сестрорецкого завода Емельянова в „таинственном шалаше“. В первых числах августа З. перебирается в Петроград на квартиру рабочего-айвазовца Эмиля Кальске, у которого остается до октябрьских дней. Из подполья З. посылает статьи в „Пролетарий“ и „Рабочий“, выходившие вместо закрытой „Правды“. Начиная с конца августа участвует в работе ЦК. 10 октября избирается членом политбюро ЦК, созданного для руководства восстанием. Принимает участие в Октябрьской революции, которая окончательно выводит З. из подполья. В день восстания, впервые после долгого перерыва, выступает на заседании Петрогр. Совета с призывом к продолжению борьбы. В начале ноября 1917 г. между большинством ЦК и рядом товарищей, среди которых был и З., усиливаются возникшие ранее разногласия на почве переоценки меньшинством влияния левого крыла так-называемых советских партий на массы. Разногласия эти ликвидируются в течение нескольких дней.

До середины ноября (ст. стиля) З. работает в Петрограде, как член ЦК партии, выступает на Крестьянском с'езде, на заседании Петроградского Совета и др. В 15-х числах ноября З., по поручению ЦК, едет на Украину для организации борьбы против Украинской Рады. З. об'езжает ряд крупнейших пунктов Украины, участвует на конференции в Киеве, подготовлявшей восстание против Рады, где ему, равно как и в Знаменке, едва удается избежать ареста. По возвращении в Петроград, З. (13 дек. 1917 г.) избирается председателем Совета, каковым он остается и поныне. В начале января 1918 г. З. становится во главе Комитета Революционной обороны Петрограда, задачей которого было организовать отпор наступавшей германской армии.

26 февраля 1918 г. он избирается председателем Совнаркома Петрогр. Трудовой Коммуны. К этому времени относятся известные разногласия внутри партии в связи с переговорами в Бресте. З. вместе с Лениным ведет борьбу с так-на-

зываемыми левыми коммунистами и другими партийными группами, позиция которых грозила гибелью революции.

26 апреля он—председовнаркома Союза Коммун Северной Области. В дальнейший период революции З. является организатором обороны Ленинграда (во время Юденича он—член РВС 7-й армии), руководит борьбой с голодом и принимает участие в руководстве обороной и строительством в стране, как член ЦК и руководитель Северной Коммуны. На ряду с работой внутри страны, З. под руководством Ленина, собирает остатки левой Циммервальда по всей Европе. И когда в 1919 г. удается созвать 1-й конгресс Коммунистического Интернационала, З. избирается председателем исполнительного комитета Коминтерна.

С этого момента работа З. в Коминтерне становится основной его работой. В 1920 г. З. участвует на с'езде партии независимых социал-демократов в Галле, содействует расколу партии и присоединению левого крыла ее к Коминтерну. Руководит с'ездом народов Востока в Баку. Докладчик по основным вопросам на всех конгрессах Коминтерна и почти на всех с'ездах партии. На XII и XIII с'ездах РКП выступает с политическими отчетами ЦК.

Важнейшие произведения: „Война и кризис социализма“, „Война и социализм“ (написано вместе с В. И. Лениным), статьи в сборнике „Против течения“, „История РКП (б)“, „К основным вопросам ленинизма“, статьи в журнале „Коммунистический Интернационал“, сборник „Лицом к деревне“ и др. З. написан целый ряд важнейших документов большевизма, как-то:

1) Резолюция „О роли партии в пролетарской революции“ и 2) „Условия приема в Коммунистический Интернационал“, принятые 2-м конгрессом Коминтерна. 3) Тезисы „О роли профсоюзов“, принятые X с'ездом РКП. 4) Тезисы „О большевизации партий Коминтерна“, принятые 5-м расширенным пленумом ИККИ в 1925 году и ряд других. Собрание сочинений З. издается Ленгизом. Наиболее четко в произведениях З. освещены вопросы тактики классовой борьбы, роли партии и профсоюзов в революции, вопросы международной и внутренней политики, взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, борьбы с меньшевизмом и внутрипартийными уклонами от большевизма и др.

Б. Богдан.

Зоф, Вячеслав Иванович, род. в дек. 1889 г. в г. Дубно, Волынск. губ. Рабочий - металлист. Образование получил в народн. школе и на вечерн. общеобразовательных курсах. В царской армии не служил. В 1918 г.—комиссар дивизии и нач. снабжения 3 армии восточн. фронта; в 1919 г. — член Реввоенсовета Военн. Балт. флота и член Комитета Обороны Петрограда, в 1920 г. — член коллегии главн. водн. транспорта Республики, а затем нач. полит. управления того же транспорта; в 1921 г.—пом. ком. морск. силами по хозяйств. части и главноком. всеми вооруженн. силами Республики; в 1922 г.—член Высш. Академ. военно-педагогич. совета, в 1924 г.—комисс. военно-морских сил СССР, с конца 1924 г.—член РВС СССР. За время революции неоднократно избирался в члены ВЦИК'а и члены ЦИК'а СССР; с начала 1925 г.—начальник военно-морских сил СССР.

Зурабов, Аршак Герасимович, б. член 2-й Гос. Думы (*см. XVII, 35*), был сослан на каторгу; после того находился в эмиграции. С наступлением Февральской революции вернулся в Россию, жил в Грузии и, примыкая к интернационалистам, был выбран в члены Учредит. собрания от Закавказья. Во время господства меньшевиков в Грузии З. вел с ними энергичную полемику, выступая в пользу диктатуры пролетариата и установления советской власти. За свою агитацию он был выслан в Армению и там умер от тифа в 1919 г. См. „*Пам. бор.*“.

Ильмер, Карл, род. в 1891 г., сын латышского рабочего бумажн фабрики в мест. Лигат, куда поступает и И. по окончании городского училища. 15 лет делается активным членом местн. группы РСДРП (больш.), постепенно втягивается в организац. работу, принимает на себя ответств. поручения, входит в состав „боевой дружины“ и в числе „лесных братьев“ скрывается от преследований, работает в г. Риге и, наконец, в Баку. За это время с 1908 г. по 1916 г. он подвергается обыскам, арестам, тюремному заключению и в 1914 г. ссылке в Нарымский край. После об'явления призыва политических ссыльных на передовые позиции, И. бежит из ссылки в тайгу, а затем в Петроград, работает в военной организации, после революции—в латышск. рабочей газете „Борьба“ и потом назначается районным комиссаром продовольствия. С начала 1918 г. И. командируется в Сибирь для извлечения продовольствия, там заведует эконом. отделом краевого Совета С.-Зап. Сибири и назначается продовольств. комиссаром Акмолинской области. При наступлении чехо-словаков, а затем Колчака И. командируется для подполь-

ной работы и организации восстания. Когда уже все было готово к выступлению, заговор был раскрыт, И. с рядом др. участников был арестован и в марте 1919 г. расстрелян. См. *„Пам. бор“*.

Иорданский, Николай Иванович *(по автобиографич. матер.)*, род. 4 декабря 1876 г. в Новохоперске Воронежской губ. в семье конторщика. В 1895 г. окончил гимназию в Симферополе и поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Весною 1899 г. за руководство студенческою политическою забастовкою исключается из университета. С этого времени, подвергаясь арестам, высылкам и полицейскому надзору, до 1904 г. работает в с.-д. организациях Петербурга („Группа рабочих для борьбы с капиталом“, „СПБ Союз борьбы за освобождение рабочего класса“), Симферополя (Крымский союз борьбы за освобождение рабочего класса, 1901 г.), Севастополя (первые революционные кружки черноморских матросов, 1901 г,), Борисоглебска, Тамбовской губ. (1902 г.), снова — Петербурга (1903 г.). В 1904 г. И. в Женеве работает фактическим членом редакционной коллегии и постоянным сотрудником „Искры“. В 1905 г. под кличкою „Тихон“ входит в Исполком первого Совета Рабочих Депутатов Петербурга. В 1906 г. в качестве члена ЦК РСДРП (кличка Негорев) участвует на Стокгольмском с‘езде РСДРП, где избирается членом редакции Ц. О. и кандидатом в члены ЦК. Вместе с В. В. Воровским и И. А. Теодоровичем редактирует протоколы с‘езда.

С появлением ликвидаторства разрывает с меньшевизмом и сближается с большевиками. В 1910 г. активно участвует в организации и редакции газеты „Звезда“, положившей начало рабочей печати. Во время империалистской войны примыкает к революционному оборончеству и организует плехановскую группу „Единство“. После Февральской революции в качестве комиссара Временного Правительства и ЦИК при армиях юго-западного фронта подавляет восстание Деникина и других сподвижников Корнилова. Октябрьская революция привлекает И., после недолгого перерыва политической деятельности, в ряды РКП (б). В 1921 г. он редактирует советскую газету „Путь“ в Гельсингфорсе. Высланный из Финляндии, в 1922 г. работает в Москве в НКИД и в Госиздате. В 1923 г. И. назначается полпредом СССР в Италии, где заключает торговый договор с признанием Италией СССР де-юре. В 1924 г. возвращается в Москву к литературно-политической деятельности.

Публицистическая деятельность И. началась с 1899 г.; в 1902—1903 гг. он был членом редакции журнала „Образование“, в 1905 г. — членом редакции, а с 1908 по 1917 г. — редактором журнала „Мир Божий“, переименованного с 1906 г. в „Современный Мир“. После 1905 г. был также членом редакции многих партийных газет: „Начало“, „Северный Голос“, „Невская Газета“, „Новый день“, „Звезда“ и др. Литературные труды: „Сборн. по текущей статистике Таврич. губ.“, 1901 г.; „Первый шаг“ (об Учредительном собрании) без имени автора. Женева, 1905 г. Статьи в Женевской „Искре“ под псевдонимом Н. Негорев перепечатаны в сборнике „Искра“, „За два года“, СПБ, 1906 г. „Как выбирать рабочих депутатов“, СПБ, 1906 г. „Земский либерализм“, два издания 1905 и 1906 г. „Конституционное движение шестидесятых годов“, СПБ, 1906 г., Газетные статьи, политические обзоры в „Образовании“, „Современном Мире“ 1904—1917 гг.

Иоффе, Адольф Абрамович *(автобиография)* (литер. псевд. В. Крымский), род. 10 октября 1883 г. в г. Симферополе (Крым) в богатой купеческой семье. Еще гимназистом в конце 90 годов, когда в России усилилось рабочее движение вообще, а забастовочное в особенности, и когда началось известное гонение против студенчества, вошел в революционное движение и вступил в российскую социал-демократическую рабочую партию. В виду этого, в 1903 г., по окончании гимназии, как „политически неблагонадежный“, не мог поступить ни в один российский университет, а потому уехал за границу в Берлин, где поступил на медицинский факультет, продолжая в то же самое время свои занятия социально-политическими науками и участвуя как в германском соц.-дем. движении, так и в российском, в качестве члена берлинской группы содействия РСДРП. В 1904 г. по поручению ЦК РСДРП поехал в Баку с транспортом нелегальной партийной литературы и для пропагандистской работы. В Баку работал в большевистской организации, но в том же году, скрываясь от арестов, должен был покинуть Закавказье и был отправлен в Москву для той же пропагандистской работы. В Москве тоже вскоре провалился и скрылся за границу, куда прибыл сейчас же после событий 9-го (22-го) января 1905 г. Немедленно же опять вернулся в Россию и принимал участие в революции в различных городах. Сначала на севере, а затем на юге. Во время По-

темкинского восстания был в Крыму и устраивал впоследствии побег К. Фельдману, одному из участников этого восстания, из Севастопольской военной тюрьмы. После этого должен был опять скрыться за границу. В Берлине, после „Стокгольмского об'единительного с'езда РСДРП", был назначен одним из четырех членов первого „Заграничн. Бюро Центр. Комитета РСДРП". В мае 1906 г., по постановлению тогдашнего германского имперского канцлера фон-Бюлова, был выслан из пределов Германии, как „неудобный иностранец" и уехал опять в Россию (в Москву), но преследуемый там, избегая ареста, опять вынужден был скрыться за границу и отправился в Цюрих, где поступил на юридический факультет, продолжая в то же время свою революционную и партийную деятельность. В 1907 г. из Швейцарии опять вернулся в Россию, а в 1908 г. опять вынужден был скрыться за границу. Обосновался в Вене, где вместе с Троцким начал издавать газету „Правда". От имени редакции этой газеты в 1910 г. совершил об'езд российских партийных организаций. Такой же об'езд сделал в 1911 г., а в 1912 г., когда была организована организационная комиссия по созыву общепартийного с'езда всех фракций партии, вошел в эту комиссию, как представитель группы и редакции „Правда". В качестве члена организационной комиссии, опять-таки нелегально, об'езжал российские организации с агитацией за созыв с'езда. Во время пребывания в г. Одессе в 1912 г. вместе со всей одесской организацией партии был арестован. Т. к. для суда материала не было, то после 10 мес. сидения в одиночке был в административном порядке сослан на крайний север Тобольской губернии на 4 года. В связи с арестом в г. Александрии, в Египте, редактора газеты „Моряк", с которой имел сношения в качестве соредактора „Правды", и при обыске у которого был найден весь архив редакции, в том числе и письма за подписью В. Крымский и, таким образом, идентичность между Иоффе и Крымским для суда могла быть установлена—был в 1913 г. в Сибири опять арестован и привлечен к делу черноморского союза моряков по 102-й статье. На суде признал свою принадлежность к партии, но, в виду начавшейся войны и мягкости приговора вообще, не был осужден на каторгу, а с лишением всех прав состояния—к пожизненной ссылке на поселение в Сибири. Однако, сослан не был, в виду пред'явления, на основании тех же материалов, обвинения уже в принадлежности к партии; был переведен в каторжный корпус и содержался на каторжном режиме. В 1916 г. вторично судился и, принимая во внимание, что и на первом процессе открыто признавал свою принадлежность к партии, был присужден опять к ссылке на поселение в Сибири. Был водворен в Канском у. Енисейск. г. и в виду недостатка врачей в Сибири из-за мировой войны был принудительно назначен заведующим больницей на слюдяных копях в самой глуши тайги. Из Сибири продолжал сотрудничать в различных нелегальных органах. Как только дошли слухи о революции 1917 г. уехал с копей и после кратковременного пребывания в Канске для организации там революционной работы отправился в Ленинград. Там вместе с Троцким и др. стал издавать газету „Вперед". Затем от большевиков последовательно проводился в петроградскую городскую думу, в петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов и Учредительное Собрание (от г. Пскова); был членом „Демократического совещания" и „Предпарламента". На 6-м с'езде партии (в июле 1917 г.) был избран членом Центрального Комитета РСДРП (б), а затем, после изменения наименования партии, членом ЦК РКП (б). Во время октябрьского восстания был председателем Военно-Революционного Комитета. Когда последний ликвидировался, передав свою власть Совету Народных Комиссаров, был послан в Брест-Литовск председателем российской мирной делегации. Заключил и подписал перемирие с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. После германского ультиматума отказался подписать Брестский мирный договор, заявив, что это не мир соглашения, а мир насилия, против которого должно бороться всеми доступными средствами. После окончания брестских переговоров был комиссаром иностранных дел и социального обеспечения, а затем был послан в Берлин послом. В Берлине вел с германским правительством переговоры и заключил „добавочный договор" к Брест-Литовскому мирному трактату. Тогда же вел переговоры с Турцией. Принимал деятельное участие в подготовке германской революции и за три дня до восстания, 6-го ноября 1918 г., был вместе со всем посольством выслан из Германии. После победы германской революции сносился из Минска и Борисова, где поезд посольства был задержан, с новым германским правительством и берлинским советом рабочих депутатов, но все же

вернуться в Германию не удалось. Когда был созван Всегерманский с'езд рабочих и солдатских депутатов, был послан председателем делегации ВЦИК на Всегерманский с'езд Советов, но делегация в Берлин не была допущена. Затем в качестве члена ЦК РКП был послан на Литву и Белоруссию для партийной работы и содействия организации Литовско-Белорусской республики. Непосредственно перед занятием Вильны поляками вернулся в Москву. Вскоре после этого был послан на Украину членом Совета Обороны и народным комиссаром советской социалистической инспекции. При занятии Киева Деникиным, вместе с армией и другими членами Совета Обороны отступил на Чернигов, откуда после занятия всей Украины Деникиным и Петлюрой вернулся в Москву. При возникновении института рабоче-крестьянской инспекции был направлен в Ленинград для организации там последней по своим методам и планам. Вместе с тем был членом петроградского комитета РКП. Во время наступления Юденича и эстонцев на Ленинград был членом „Совета Внутренней Обороны Петрограда". После ликвидации юденического наступления был послан в Юрьев председателем российской мирной делегации по переговорам с Эстонией. После заключения мира с Эстонией вернулся в Ленинград, но вскоре был отозван в Москву для ведения мирных переговоров с Литвой и Латвией одновременно председателем росссийских делегаций. Заключив мир с Литвой, переехал в Ригу для окончания мирных переговоров с Латвией. После их окончания вернулся в Ленинград для прежней работы, но вскоре в 1921 году был назначен председателем мирной делегации по переговорам с Польшей. После окончания этих переговоров и заключения мира с Польшей был послан в Туркестан председателем туркестанской комиссии ВЦИК и туркестанского бюро ЦК РКП (б).

Оттуда, после об'езда всего Туркестана, Бухары и Хорезма, был вызван в Москву и отправлен в Геную членом президиума советской делегации. После окончания генуэзских переговоров был послан на Дальний Восток чрезвычайным послом для Китая и Японии и председателем советской делегации по переговорам с Японией в Чан-Чуне (Манчжурия). После переговоров в Чан-Чуне (где тяжело заболел) вернулся в Пекин, где вел переговоры с китайским правительством. Затем членом палаты лордов Японии и лорд-мэром Токио, виконтом Готто, был под предлогом лечения приглашен в Японию для ведения там переговоров. Сначала вел неофициальные переговоры с виконтом Готто, а затем официальные с представителем японского правительства Каваками. Состояние здровья в этот период настолько ухудшилось, что принужден был прервать переговоры и вернуться в Москву. В Москве тяжело болел и весной 1924 года был отвезен для лечения в Вену. Несколько поправившись там, был отправлен в Лондон членом президиума советской делегации по переговорам с Великобританией. После подписания договора с Великобританией был оставлен в Лондоне для подготовки второго договора. Затем был назначен полпредом в Вену. Во все время своей революционной и партийной деятельности сотрудничал в целом ряде партийных газет и журналов и редактировал таковые. Написал несколько брошюр, из коих главнейшие: „Местное самоуправление", „Крах меньшевизма", „Внешняя политика сов. власти", „Мирное наступление", „Генуэзская конференция", „От Генуи до Гааги", „Последний утопист", „Англия в наши дни" и др.

Калинин, Михаил Иванович (*авторизованная биография*), председатель Центр. Исполнит. Комитета СССР и РСФСР, род. 7 ноября 1875 г. в деревне Верхняя Троица Тверск. губ. Корчев. у. Родители К.— небогатые крестьяне. До 13 лет помогал отцу по хозяйству. Учиться грамоте начал десяти лет у полуграмотного старика солдата; 11 лет он был отдан в начальное земское училище соседней помещицей Мордухай-Болтовских, с детьми которой он играл. Окончив училище одним из первых учеников, К. был отдан в услужение к Мордухай-Болтовским, жившим в это время в Петербурге. Обязанности лакея он исполнял, по его словам, небрежно и плохо. Эта служба, однако, позволила перечитать ему много книг из библиотеки Мордухай-Болтовских. Шестнадцати лет хозяйка определила К. учеником на патронный завод в Петербурге, где он посещал по вечерам заводскую школу. Проработавши там 2 года, К. поступил токарем на Путиловский завод. Здесь завязываются первые политические знакомства К.; он входит в политический кружок, вскоре, однако, распавшийся. Тем не менее, К. продолжает втягиваться в политическую жизнь, сходится с одним пожилым рабочим, Паршуковым, и с группой рабочих-туляков, находившихся в соприкосновении с подпольем. В 1898 г. К. на-

чинает работать в кружке, под руководством студента-технолога Фоминых. Через полгода студент был арестован, но на смену ему пришли другие. В 1898 же г. К. вступает в социал-демократическую партию, продолжая работать на Путиловском заводе, где в это время имелся уже ряд политических кружков. В 1898 г. К. начинает выступать в печати (статьи в „Рабочей Мысли"). В следующем году К. подвергается своему первому аресту, по обвинению в принадлежности к „Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса", одним из основателей которого был В. И. Ленин. Через десять месяцев тюремного заключения К. высылается на Кавказ. Заехав по дороге домой в деревню, К. направляется в Тифлис, где устраивается токарем на железной дороге и ведет подпольную работу среди тифлисских рабочих. Будучи уволен после забастовки с железной дороги, К. поступает на частный завод, но вскоре совсем лишается права проживания на Кавказе и переезжает в Ревель. В Ревеле он поступает на завод „Вольт", а через год снова переходит на железную дорогу, все время продолжая вести подпольную работу. В 1903 г. К. опять подвергается аресту и переводится в петербургскую тюрьму, где он и пробыл шесть месяцев. „В 1903 году, вспоминает об этом времени К., уже чувствовались новые веяния. Вся предварилка была набита политическими, шумели, буйствовали. Не помню по каким причинам начался протест. Спокойная тюрьма превратилась в сумасшедший дом". Начальство усилило репрессии, в ответ на что заключенные об'явили голодовку. К. был переведен в „Кресты", где подвергся наряду с 41 заключенным жестокому избиению, повлекшему за собой смерть одного из избитых. Через полтора месяца после избиения К. был выпущен на свободу, снова принужден был уехать в Ревель и поступил на завод „Вольт", где уже работал раньше. В начале 1904 г. вновь подвергается аресту и высылается на 4 года в Сибирь; однако, в виду начавшейся Японской войны, Сибирь заменяется ему Олонецкой губернией, где он и остается до своего освобождения в 1905 г. После непродолжительного пребывания у себя в деревне, К. возвращается в Петербург на Путиловский завод и вступает там в члены районного комитета и боевого штаба. Уволенный вследствие забастовки, К. снова едет на несколько месяцев в деревню и снова возвращается в Петербург на патронный завод. Но ему нигде не удается удержаться подолгу: с патронного завода он переходит на оптический завод Рейхеля; подвергается аресту; возвращается в деревню; уезжает в Москву, где поступает на трамвайную станцию; через два года снова появляется в Петербурге на орудийном заводе; наконец, после ареста, высылается в деревню и остается там целый год, занимаясь сельским хозяйством. Все это время К. не перестает заниматься революционной деятельностью; примыкает в 1906 г. к фракции большевиков; работает в центральном союзе металлистов; входит в члены районных комитетов; принимает участие в издании рабочей газеты; ездит делегатом на Стокгольмский с'езд партии. Во время своего пребывания в деревне К. подвергся тщательному обыску, но был оставлен на свободе, в виду выгодных для него показаний крестьян-соседей, хранивших молчание об его политической деятельности. Первые годы войны К. работает в Петербурге на заводе „Айваз", одном из наиболее передовых в техническом отношении и наиболее революционно-настроенных заводов Петербурга. В ноябре 1916 г. К. вновь арестовывается и предназначается к высылке в Сибирь; вспыхнувшая в феврале 1917 г. революция возвращает ему свободу. Принимает деятельное участие в подготовке Октябрьской революции. При перевыборах Петербургской городской думы К. избирается на пост городского головы. В 1919 г. К. проходит в члены Центрального Комитета РКП, а после смерти Свердлова становится председателем ВЦИК и в 1923 г. также председателем ЦИК СССР. Защищая его кандидатуру в марте 1919 г., Ленин говорил: „Переход к социалистическому земледелию мы мыслим не иначе, как в виде ряда соглашений со средним крестьянством. А мы знаем, что товарищи, больше всего работавшие в период революции, не всегда умели подойти к крестьянству, как это нужно было. Вопрос об отношении к среднему крестьянству у нас стоит более остро, чем у наших товарищей в Европе, и у нас следует сделать так, чтобы во главе советской власти встал товарищ, который мог бы показать, что наше отношение к среднему крестьянству будет действительно проведено в жизнь так, как постановил партийный с'езд. Мы знаем, что, если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства— мы эту задачу разрешить сможем, и я

думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это—кандидатура Калинина". Видя главную задачу своего назначения на пост председателя Ц. И. Комитета в укреплении связи между рабочей массой и крестьянством, К. совершает частые об'езды провинции. В 1919 г. он требует устранения на местах продовольственных рогаток, мотивируя это отрицательным отношением к ним крестьян, с трудом понимающих „пользу таких постановлений, установленных высшими органами, в целях выполнения отдельных нарядов".

См. „*12 б.*" „М. И. Калинин" (изд. „Кр. Новь", 1914 г.), „Изв." от 8 февр. 1924 г.

Калинин, Федор Иванович, род. в 1882 г. в семье ткача Иван.-Возн. района, в дер. Шилкове, Александр. у., жил в фабричных казармах, но его угнетали моральные условия рабочего быта. Под влиянием отца, любителя природы и рыболова, он полюбил лес и реку, но затем пристрастился к чтению, бросил фабрику. Был одно время столяром, потом наборщиком, затем возвращается к ткачеству, жил в Киржаче. Под влиянием воспитанников учител. семинарии начал знакомиться с русск. худож. литературой и критикой. Любимыми его писателями становятся Писарев и Белинский; за чтением их он проводит целые ночи. От художественной литературы он скоро переходит к политической. Как „неблагонадежный элемент", его увольняют с фабрики (под Александровом), и он переезжает в Ярославль. Здесь он вступает в студенческо-рабочий кружок самообразования и вскоре примыкает к группе, подготовлявшей покушение на ярославского губернатора: но заговор был раскрыт в самом начале. К. был арестован, провел в одиночном заключении больше года, но за отсутствием улик в 1902 г. подвергнут лишь административной ссылке в Архангельскую г. В ссылке он много работает над пополнением своего образования и под влиянием Шулятикова становится социалдемокр. с большевистским уклоном. По амнистии он в 1904 г. возвращается на родину, затем переезжает в Александров и поступает на Барановскую ткацкую фабрику. На фабрике он приобретает большое влияние на рабочих, ведет среди них усиленную пропаганду, встречает поддержку и в сыне владельца мануфактуры, молодом Баранове. Революционный под'ем охватывает и гарнизон города. С развитием революционного движения в столицах, К. в октябре 1905 г., стоя во главе лишь небольшой группы рабочих, свергает местную власть Александрова. Но скоро прибыли подкрепления и „Александровская республика" была быстро ликвидирована.

Благодаря большим связям Баранова—отца, делу не было придано большого значения, и К. поплатился всего 3 годами арестантских рот, которые отбыл во Владимире, и в тюрьме отдавая все время дальнейшей работе по самообразованию. В 1908 г., по окончании срока заключения, его отправляют в Муром, оттуда он нелегально переезжает в Москву. В Москве он входит в состав Моск. ком. РСДРП (больш.) Как выдающегося партийца его отправляют в организованную тогда на Капри партийную школу. Здесь он сразу приковывает к себе внимание лекторов (Луначарского, Богданова и др.) исключительной вдумчивостью и неослабным стремлением придать во всем работе школы направление, наиболее полезное для партии и рабочего дела. И в первой школе—на Капри, затем продолжая свое образование во второй школе—в Болонье, К. особенно интересовался и много работал над вопросами пролетарской культуры. Он возвращается в Россию в разгар реакции и в 1912 г. должен опять уйти за рубеж. Он поселяется в Париже, работает на фабриках, много читает и пишет под влиянием А. В. Луначарского, участвует в журналах „Борьба", „Вперед". После Февр. революции К. приезжает в Петроград, принимает участие в культпросвет. организациях и становится во главе Пролеткульта и затем заведующим организац. сектором при Наркомпросе. Ум. в 1920 г. К. напис. „Идеология производства" (1922) и (вместе с П. Бессалько) „Проблемы пролетарской культуры" (1920). Интересно отметить взгляды К., по особенно обострившемуся в последнее время его деятельности вопросу, о роли интеллигенции в развитии пролетарской культуры. „Примыкающая к нам интеллигенция,—писал К. в одной статье („Пролетариат и творчество")—мыслит с нами, а если нужно—и за нас может,—чувствовать же нет. Поскольку вопрос идет о логическом мышлении, наблюдении, систематизации опыта,—интеллигент, внимательно изучающий жизнь и окружающие условия рабочего, может вполне мыслить за рабочего, правильно намечать путь развития идеологии пролетариата, как это сделано Марксом и целым рядом пролетарских идеологов. Но лишь дело касается более глубоких переживаний, области чувства рабочего, тут интеллигент бессилен, его проникновение ограниче-

но... Художественное творчество — процесс по преимуществу в своей основе подсознательный, контролируемый сознанием при своем уже выявлении; а подсознание имеет своей основой по преимуществу быт, а потому у интеллигента почти никогда не может оказаться пролетарским». См. *„Пам. Бор.* и „Памяти Ф.И.К." (изд. Петрогр. Пролеткульта, П. 1920).

Каменев, Лев Борисович (*авторизованная биография*), род. 18 июля 1883 года в Москве, где отец его в то время служил машинистом на Московско-Курской ж. д. Отец и мать К. выбились из мелко-мещанской среды и окончили свое образование: отец—в Петербургском Технологическом институте, мать – на Бестужевских высших курсах. Оба они вращались в радикальной студенческой среде конца 70-х годов. Отец был сокурсником участника 1-го марта—Гриневицкого. Службу на Московско-Курской ж. д. отец К. скоро заменил должностью главного инженера на небольшом гвоздильном заводе, расположенном в Виленской губернии около станции Ландворово. На этом заводе в среде фабричного поселка К. провел детство. Товарищами детства была рабочая детвора завода. Связь с заводом не порывалась и тогда, когда К. был определен во 2-ю Виленскую гимназию. Приезжая на каникулы из гимназии, по желанию отца и по собственному влечению, приучался к работе в мастерских завода, сначала столярной, а затем слесарной. В 1896 году отец К. получил назначение на Закавказские жел. дор. в Тифлис, куда и переехал со всей семьей. В Тифлисе в 1901 году К. окончил 2-ю гимназию. В последних классах гимназии К. находился уже в связи с марксистскими кружками Тифлиса и читал нелегальную литературу. Первой нелегальной брошюрой, оформившей общее стремление и интерес к рабочему движению, сложившиеся на основании детских и юношеских впечатлений от общения с атмосферой завода и с рабочими, была брошюра Лассаля „Программа работников". В этом же направлении действовало и изучение тогдашней борьбы между марксистами и народниками, за которыми пристально следил К. по легальным журналам.

Аресты 1900 г., коснувшиеся ряда лиц, в сношении с которыми находился К., не задели его, но из гимназии он был выпущен с плохим баллом по поведению, который закрывал дорогу в университет. Пришлось специально хлопотать, чтобы добиться у тогдашнего министра народного просвещения Боголепова права поступить в университет. Настояния отца о карьере инженера были отвергнуты, и К. выбрал юридический факультет в Москве, уже тогда решив посвятить себя общественной революционной деятельности.

В Моск. университете К. немедленно связывается с радикальными элементами студенчества, через несколько месяцев выбирается представителем своего курса в союзный совет землячеств, отстаивает политическую линию в студенческом движении, принимает участие в знаменитой сходке 8 февраля 1902 г., когда университет был осажден полицией.

После арестов тогдашних руководителей моск. студенческого движения (Церетелли, Алексинский, Будилович и др.) К. вместе с группой товарищей организует второй Совет землячеств, который продолжает движение. По поручению совета ездит в Петербург для установления связи с руководителями петербургского студенчества, пишет ряд прокламаций студенчеству с яркой политической окраской, с призывом об'единить студенческие усилия с рабочим движением и организует вместе с другими контр-демонстрацию рабочих и студентов на Тверском бульваре 13-го марта, когда зубатовская организация звала рабочих к памятнику Александра II. Демонстрация была окружена полицией, К. арестован и посажен сперва в Бутырки, а затем в Таганку.

После нескольких месяцев отсидки К. высылается на родину в Тифлис под надзор полиции без права обратного поступления в университет. Прибыв в Тифлис, он связывается с местной социал-демократической организацией, начинает работать в ней в качестве пропогандиста, получив две школы: одну—среди железнодорожных рабочих в Нахаловке, другую—среди сапожников офицерского экономического общества. Осенью того же 1902 года, с целью ознакомиться с революционной литературой, К. уезжает в Париж, где немедленно примыкает к „искровской" группе. С „Искрой" К. познакомился еще в Москве.

В Париже К. знакомится с непосредственными руководителями парижской группы „Искры" (Линдов-Литайзен и др.), пишет отчеты о студенческом движении для „Искры", а через несколько месяцев, при первом же приезде Владимира Ильича Ленина с рефератом в Париж, К. знакомится с Лениным.

Знакомство с Лениным и впечатление, произведенное на К. рядом лекций и рефератов, прочитанных Лениным в тот

приезд в Париж, оказали решающее влияние на всю его дальнейшую судьбу и деятельность. Узнав, что редакция „Искры“ во главе с Владимиром Ильичом переезжает из Лондона в Женеву, К. покидает Париж и поселяется в Женеве, где проводит несколько месяцев в деятельном изучении революционной социал-демократической литературы и впервые сам выступает в искровском кружке с докладом, направленным против модной тогда критики марксизма со стороны Струве, Бердяева, Булгакова и других. Оппонентом на докладе К. выступал Мартов, который, между прочим, пользовался тогда паспортом К. при своих раз'ездах с рефератами по Европе. В сентябре того же 1903 года, немедленно после 2-го с'езда партии, К. возвращается в Россию. Еще в Париже, на собрании, посвященном пятилетию организации Бунда, К. познакомился со своей будущей женой, Ольгой Давыдовной Каменевой.

Вернувшись в Тифлис, К. вступает в ближайшую связь с тогдашними руководителями с.-д. движения в Тифлисе (Д. С. Постоловский, М. А. Борисова, В. И. Ненешвилли и др.) и в качестве пропагандиста и агитатора принимает участие в подготовке забастовки на Закавказских ж. д.

После обыска в ночь с 5 на 6 января (1904 г.) К. вынужден покинуть Тифлис и перебирается в Москву, где работает под руководством Московского комитета партии (пропагандистские кружки, разброска прокламаций, хранение шрифта и т. д.). К этому времени социал-демократические организации в России переживают внутренний кризис, связанный с борьбой между большевиками и меньшевиками. К. решительно отстаивает большевистскую точку зрения и находится в сношениях с представителем большевистского Ц. К. в Москве—тов. Землячкой.

Для предупреждения подготовлявшейся 19-го февраля демонстрации охранка производит аресты в среде Московского комитета. Среди арестованных находятся вместе с Б. Кнуньянц (Радин), Аня Шнеерсон, а также и К. В тюрьме К. просидел 5 месяцев и 15-го июля был выслан под гласный надзор полиции в Тифлис. В тюрьме же была написана К. брошюра с решительной критикой всей политической линии новой „Искры“, которая ходила в тюрьме из рук в руки, но затем затерялась и до за-границы не дошла.

Попытка легализоваться при помощи поступления в Юрьевский университет окончилась неудачей в виду присланной в университет следующей справки Департамента полиции:

„Бывший студент Московского университета Лев Борисов Розенфельд, по имевшимся сведениям, по возвращении своем из-за границы, в ноябре истекшего года поселился в г. Москве, где, после арестов видных деятелей Московской социал-демократической организации, занялся формированием групп опытных пропагандистов социал-демократических идей. Организованная им группа присвоила себе наименование группы социал-демократов и, заведя сношения с рабочей средой, усиленно стала агитировать за устройство 19 февраля с. г. уличной политического характера демонстрации. Изложенные сведения о Розенфельде послужили основанием к привлечению его при Московском губернском жандармском управлении к дознанию о названной выше противоправительственной группе. По обыску у Розенфельда отобрана компрометирующая его в политическом отношении переписка. На допросе, не признавая себя виновным, Розенфельд отказался от дачи каких-либо об'яснений“.

Вернувшись в Тифлис, К. вводится в состав союзного Кавказского комитета (Миха-Цхакая, Сталин, Кнуньянц (Радин), Ханоян и др.), который руководит всем рабочим движением на Кавказе, принимает участие в органе комитета („Борьба пролетариата“), ведет пропагандистскую работу и выступает в качестве агитатора на больших митингах железно-дорожных рабочих, связанных с подготовленной социал-демократией забастовкой на кавказских дорогах, об'езжает местные организации—Батум, Кутаис и т. д.

Союзный комитет, в который входил К., стоял на строго большевистской точке зрения и вел ожесточенную борьбу с грузинскими меньшевиками (Жордания, Церетелли, Хомерики и др). В это же время К. корреспондирует в ленинском органе „Вперед“.

После образования на севере, по указанию Ленина, бюро комитетов большинства, союзный комитет целиком примыкает к этой Всероссийской большевистской организации и командирует в ее состав, как своего представителя, К.

К. выезжает в Петербург и там получает поручение об'ехать ряд местных комитетов для агитации за созыв 3-го с'езда. С этим поручением он об'езжает Курск, Орел, Харьков, Екатеринослав, Воронеж, Ростов и Кавказ. Сам К. получает мандат на с'езд от Кавказско-

го Комитета и, перебравшись нелегально через границу, принимает участие на с'езде в Лондоне. (В протоколах с'езда псевдоним Градов).

По окончании с'езда, вновь избранный Центральный Комитет назначает К. своим агентом и поручает ему об'езд ряда организаций с агитацией за большевистскую тактику: бойкот Булыгинской думы, подготовку восстания и т. д. С этим поручением К. в июле—сентябре 1905 г. об'езжает почти все крупные города центральной и западной России, выступая с защитой большевистской тактики на собраниях местных комитетов, в кружках пропагандистов и на народных собраниях и митингах.

Октябрьская всероссийская ж. д. забастовка и манифест 17-го октября застают К. в Минске, где он участвует в демонстрации, расстрелянной губернатором Курловым. На первом же паровозе, двинувшемся из Минска, К. возвращается в Петербург, где вступает в местную работу и становится одним из ближайших сотрудников Владимира Ильича во всех литературных большевистских предприятиях. Весь конец 1905, 1906 и 1907 г. К. проводит в Петербурге в ближайшем общении с Владимиром Ильичом, сотрудничая во всех легальных и нелегальных изданиях, выступая пропагандистом и агитатором, отстаивая большевистскую точку зрения на избирательных собраниях и т. д. Незадолго до 5-го с'езда партии, в апреле 1907 г. К. командируется Центральным Комитетом для проведения предс'ездовской кампании в Москву, откуда избирается делегатом на с'езд. После разгрома 2-й Думы К. остается в Петербурге в качестве члена большевистского центра и продолжает там (вместе с Зиновьевым, Мешковским, Рожковым) работу.

После от'езда Владимира Ильича за границу и после ряда обысков 18-го апреля 1908 года К. арестовывается по обвинению в подготовке издания первомайского листка. После освобождения, в июле месяце, Владимир Ильич, через приехавшего тогда из-за границы Дубровинского, вызывает К. к себе в Женеву. За границей, куда К. прибыл в самом конце 1908 г., он назначается редактором центрального органа большевистской фракции „Пролетарий" (Ленин, Зиновьев, К.) и принимает участие во всех партийных совещаниях и конференциях за границей. Одно время, по поручению Владимира Ильича, К. является представителем партии в международном социалистическом бюро, принимает участие в Копенгагенском международном социалистическом конгрессе (1910 г.) и, как представитель партии, выступает на Базельском конгрессе 1912 г. и на Хемницком конгрессе германской социал-демократии.

Принимая из-за границы участие во всех большевистских легальных или нелегальных изданиях, К. в то же время выпускает под редакцией Ленина книгу „Две партии", знаменующую окончательный разрыв с меньшевизмом, а в свободное от партийных обязанностей время занимается разработкой вопросов русского революционного движения, в частности эпохи Герцена-Чернышевского.

В 1913 году, вслед за Лениным и Зиновьевым, К. переезжает ближе к границе в Краков, а в начале 1914-го года командируется Центральным Комитетом в Петербург для руководства „Правдой" и большевистской фракцией в 4-й Государственной Думе. Эту работу К. выполняет вплоть до 8-го июля, когда разгром „Правды" вынуждает его переехать в Финляндию, где и застает его об'явление войны. К. успешно проводит созванное им в Финляндии первое совещание фракции и местных работников после об'явления войны и подготовляет более широкое совещание. Это совещание полностью арестовывается 4-го ноября в деревушке „Озерки" под Петербургом. (Бадаев, Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов, Яковлев, Линде, Воронин, Антипов и т.д.). В мае 1915 г. происходит процесс, и Петербургская судебная палата с сословными представителями присуждает К. на ряду с депутатами и другими участниками процесса к лишению всех прав и к ссылке на поселение в Сибирь. Осужденных сначала направляют в Туруханск, затем в деревню Ялань под Енисейском и, наконец, в город Ачинск, где застает их февральская революция. Находившиеся в то время в Ялани К., Сталин, Муранов немедленно направляются в Ленинград, куда прибывают за несколько дней до возвращения из эмиграции Ленина.

На апрельской конференции 1917-го г. К. избирается в Центральный Комитет партии. В то же время К. становится одним из редакторов „Правды" и вплоть до октября является одним из представителей партии сначала в Ленинградском Совете и в его Исполнительном Комитете, а затем и в Центральном Исполнительном Комитете Советов.

После июльских дней 1917 г. правительство Керенского арестовывает К. и держит его в тюрьме вплоть до наступления Корнилова. Во время ареста К. подвергается самым грязным обви-

нениям со стороны меньшевиков и эсэров. Пред октябрьским выступлением между К. и Зиновьевым, с одной стороны, Лениным и большинством Ц. К., с другой—намечаются разногласия, которые вызывают со стороны Ленина решительный отпор; однако, пред выступлением эти разногласия ликвидируются, и по предложению Ленина К. избирается председателем 2-го С'езда Советов, который провел и оформил октябрьский переворот, а затем и первым председателем нового, большевистского в своем большинстве, Центрального Исполнительного Комитета. Вскоре затем К. сдает свою должность председателя ЦИК Я. М. Свердлову, а сам входит в состав Брестской делегации, заключившей перемирие на фронте, а затем и в состав Брестской мирной делегации. После временного разрыва переговоров с немцами в январе 1918 г. К. получает поручение от Ленина пробраться в Англию и во Францию для ознакомления их с совершившимся переворотом и с задачами советского правительства. После недельного пребывания в Лондоне английское правительство высылает К. Возвращаясь через Финляндию, в которой в то время кипит гражданская война между красными и белыми, К. попадает в руки белых, арестовывается на Аландских островах, содержится некоторое время в тюрьме в Мариенхабен, а затем переводится в крепость Улеаборг, откуда, после нескольких месяцев одиночного заключения, освобождается в августе 1918 г. в обмен на арестованных в Ленинграде финляндцев.

По возвращении в Москву избирается председателем Московского Совета. В 1919 г., когда республика переживала тяжелые дни, К. едет на фронт гражд. войны, как чрезвыч. уполном. Совета Обороны. В 1922 году, во время болезни Ленина, назначается одним из заместителей председателя Совета Народных Комиссаров и СТО, а после смерти Ленина—председателем Совета Труда и Обороны. В январе 1926-го г. освобожден от этой должности с назначением Народным Комиссаром Торговли. К. в своей полит. деятельности является последовательным большевиком-ленинцем. Он не мало унаследовал от своего учителя В. И. Еще в июле 1917 г. В. И., когда скрывался, писал К.: „Если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку „Марксизм о государстве"*). Еще при жизни В. И. с согласия Ленина К. начал издание собр. соч. В. И. Во время своей болезни В. И. передал К. свой личный архив, из которого впоследствие вырос и развернулся Институт В. И. Ленина, директором которого состоит К.

В течение всей своей общественной деятельности К. отдавал много сил литературе. Его статьи по обществ. и полит. вопросам, напис. в период до революции 1917 г., частично собраны в кн. „Между двумя революциями". В нее не вошли статьи по вопросам литературы, в том числе крупные этюды о Чернышевском, Герцене и Некрасове и статьи, напеч. в сб. „Литер. распад". Ему же принадлежат работы: „Экон. система импер. и задачи социализма", „Две партии", „Борьба за мир" и т. д. В наст. время подготовляется собр. сочин., I т. которого уже издан. *Ф. Музыка.*

*) Так Ленин думал назвать свою книгу, которая вышла под загл. „Государство и Революция".

Каменев, Сергей Сергеевич *(авторизованная биография)*—не относится к категории тех людей, которые в своем прошлом имели предпосылки стать деятелями революции. „Революции пришлось его завоевать — говорит в одной своей статье*) С м и л г а — а потом.... он стал воевать за революцию". К. род. 4 апреля 1881 г. Происходя из военной семьи (отец его—военный инженер-механик), среднее образование он получил в Киевском кадетском корпусе. Очень тяготился режимом кадетского корпуса и, повидимому, нисколько не выделялся как по наукам, так и физическому воспитанию, шел средним, переходя из года в год в следующий класс, и благополучно закончил курс кадетского корпуса в 1898 г. По окончании корпуса, по успехам в среднем разряде, он не мог поступить ни в Инженерное, ни в Артиллерийское училище, куда принимали только лучших учеников, почему он автоматически попал в Александровское военное училище. Может быть благодаря режиму, может быть благодаря лучшим, чем в корпусе, отношениям преподавательского персонала, но в Александровском училище К. сразу же выдвигается как по предметам, так и по физической своей подготовке. В порядке учебных и строевых заслуг он производится в младшие портупей-юнкера, затем в старшие портупей-юнкера и кончает Александровское училище в 1900 г. третьим по старшинству, имея возможность выбирать лучшие вакансии, какими по тем временам считались гвардейские полки.

*) „Политработник" за 1922 г.

К. отказывается от этих вакансий и берет вакансию в Киев в 165 пехотный Луцкий полк. Главным мотивом такого решения и отказа от возможной карьеры—службы в гвардейских частях—была привязанность к родителям и желание быть с отцом, который в это время стал уже болеть. Почти с первых же дней службы в пехотном полку К. приступает к подготовке в Академию и в 1904 году поступает в нее. Здесь по своим успехам он идет одним из первых. В 1907 году оканчивает Академию по первому разряду и возвращается в 165-й пехотный Луцкий полк для двухгодичной стажировки на роте. В период командования ротой К. попутно делается нештатным преподавателем Киевского военного училища, где преподает тактику и топографию. По окончании двухгодичной стажировки, в 1909 г., получает назначение старшего ад'ютанта во 2-ю кавалерийскую дивизию. Во 2-й кавдивизии, будучи по первоначальной службе пехотным командиром, усиленно изучает кавалерийское дело, участвует на всех кавалерийских маневрах и кавалерийских поездках. В то же время он состоит преподавателем на краткосрочных штабс-капитанских курсах, которые были созданы после Японской войны в округах для подготовки штабс-капитанов при замещении в будущем должностей ротных командиров. Здесь К. особенно много работает над изучением опытов русско-японской войны. Работу на краткосрочных курсах К. вспоминает с особенным удовлетворением, как давшую громадный материал для роста его тактического кругозора, и, вместе с тем, успешную в отношении подготовки слушателей курсов. К. участвует во всех без исключения полевых поездках генерального штаба, а равно Виленского и Варшавского округов на западную границу. В числе этих поездок также были две крепостных поездки: в крепость Ковно и в только что тогда зародившуюся крепость Гродно. Эта практическая работа по службе генерального штаба дает богатый матариал для разностороннего изучения военного дела и практические навыки по работе Генштаба. Своей работой К. привлекает внимание руководителей генерального штаба и вскоре получает перевод ад'ютантом в Оперативно-Мобилиз. Отдел Виленского военного округа. Тут К. знакомится с совершенно новой для него оперативной и мобилизационной работой в более крупном масштабе. Новая работа вновь затягивает К. вплотную, он опять участвует во всех поездках Виленского округа по вопросам мобилизации и операций. Перед войной 14 г. участвует в киевской поездке генерального штаба. где разыгрывается будущий план войны После этой поездки в июле 1914 г выступает на войну в чине капитана генерального штаба, в качестве младшего ад'ютанта Оперативного Управления штаба 1-й армии. В период боев под Инстербургом К. получает назначение старшего ад'ютанта того же Оперативного Отдела. На этой должности он остается до 1917 г., когда получает должность командира 30-го Полтавского полка, на каковой должности и застает К. революция.

Полк в это время занимал окопы севернее Постав в районе Мозжейки. 30-й Полтавский полк был одним из крепких и спаянных полков, состоявший, по преимуществу, из украинцев. В громадном своем большинстве полк так же, как его командир, был застигнут фактом революции врасплох, без какой-либо идейной подготовки. Каждый в полку понимал революцию по своему, но условия войны и обстановка тяжелой окопной жизни быстро об'единили понимание революции в массах в смысле: „революция—это конец войне“, „революция—замирение“. А в общем, никто и ничего не разбирал,—что делается, какова перспектива. Естественно, что при таких условиях во всем полку немедленно пробудилось лихорадочное стремление к ознакомлению с вопросами политики, и начинается революционная „обработка“ всего полка, а также и его командира. Свою отсталость в области политических вопросов К. наверстывает усиленной работой над вопросами, выдвинутыми революцией. Знакомится он и из того очень небольшого запаса книг и брошюр, каким располагали в то время окопы, знакомится и в порядке совместной работы с полковым комитетом, а также и путем постоянных бесед с теми немногими политически подготовленными товарищами, которые имелись в то время в полку. В это время К. попадается сборник Зиновьева и Ленина „Против течения“. Среди литературы, имевшейся на позиции, это была единственная книга, которая освещала постановку вопросов большевиками. Сборник произвел на К. ошеломляющее впечатление, открыл перед ним совершенно новые горизонты. Лихорадочное революционное самообразование и практическая работа способствуют идейному росту как всего полка в целом, так и лично К. Условия работы вплотную знакомят его с работой в революционных условиях и — что самое главное—

сближают его с массой. В период выборного начала в армии он становится уже выбранным командиром полка. Это обстоятельство еще больше скрепляет его с полком. Однако, на должности выборного командира полка он остается недолго, так как примерно в это же время, как офицер генерального штаба, К. попадает на должность начальника штаба 15-го корпуса. На этой должности его застают октябрьские дни революции. Осложнившаяся к этому времени обстановка на фронте, массовые недоразумения с офицерами, повальное бегство офицеров с фронта и вообще крайне напряженные условия работы не меняют характера работы К. Оставаясь начальником штаба 15 корпуса, он продолжает свою совместную работу с корпусным комитетом. Однако, на должности начальника штаба корпуса он остается очень недолго, так как армейский комитет 3-й армии перемещает его на должность начальника штаба 3-й армии.

На должности нач. штаба 3-й армии работа К. проходит, гл. обр., по линии демобилизации и сбора боевого имущества на фронте 3-й армии, так как к этому времени уже выяснилось, что немцы явно намерены перейти в наступление и занять весь район 3-й армии вплоть до Полоцка. В этой кипучей работе К., гл. обр., посвящает себя работе в комиссии, выделенной армейским комитетом по вопросам демобилизации. Эта работа в первое время развернулась в направлении увоза материальных частей тяжелой артиллерии, затем — легкой и, наконец, — боевого имущества. Позднее началась отправка и войсковых соединений в тыл страны для окончательной демобилизации. По занятии немцами г. Полоцка, К. с армейским комитетом переехал из Полоцка в Нижний-Новгород, где и закончил полную демобилизацию и ликвидацию старой 3-й армии.

Этот период совпал с призывом Советской власти, обращенным к офицерству, об участии в строительстве Красной армии. После всей предыдущей работы в революционных условиях для К. совершенно естественно было немедленно же отозваться на призыв Советской власти и отдать себя, свои знания и свои силы целиком и полностью на строительство новой армии, на создание вооруженных сил революции в самой начальной, в самой тяжелой стадии этого создания. Он получает от Советской власти назначение на должность военного руководителя Невельским районом Западной Завесы. Около 1-го мая он вплотную приступает к этой новой работе. В Невельском районе к этому времени было два отряда: один—Россонский, другой—Полотский. Россонским отрядом командовал В. Т. Тихонов, Полотским—Пожидаев. Помимо этого, в самом Невеле был отряд Уездвоенкома, не подчиненныйК. Россонский отряд был с революционной дисциплиной и представлял уже сколоченную красную часть. Иную картину представлял Полотский отряд—основы формирования были добровольческие. На первых же порах своей работы К. внимательно изучает попавшие в его распоряжение части. Особенно характерным и богатым для изучения был Полотский отряд. Полотский отряд представлял из себя весьма неустойчивую часть с резко выявленными болезненными явлениями: многие добровольцы были из тех, которые, идя добровольно на службу в Полотский отряд, фактически укрывались от военной работы, много было среди них порочного элемента с грабительскими наклонностями. К этому времени начал обозначаться Чехо-Словацкий фронт. Ясно было, что на этот фронт должны были быть отправлены те лучшие части западной завесы, которые могли формироваться в относительно спокойных условиях, и для К. не было сомнения, что именно Полотский отряд в его составе вряд ли может быть той частью, которую можно перебросить на любой военный фронт. Вот почему первой работой К. и двух состоящих при нем комиссаров—Редера и Ахманова-Гиршфельда, было оздоровление Полотского отряда.

Примерно к этому же времени оба эти отряда, и Полотский и Россонский, было приказано рассматривать, как основу для формирования Витебской дивизии. Позднее, в истории Красной армии эта дивизия получила 17-й номер, почему К. и считается основоположником 17-й дивизии. Разворачивание отрядов в дивизию сперва было предположено произвести также на добровольческих началах. Но учтя, что настоящих добровольцев, которые действительно были бы готовы воевать за интересы революции, в районе формирования много не находилось, и что часть добровольцев, несомненно, шла в этот отряд, чтобы укрыться от военной работы, К. предложил формировать дивизию на основе мобилизации населения, где были расположены эти отряды. Произведенная разработка этой мобилизации была представлена выше по линии подчиненности, но разрешения на мобилизацию дано не было, почему мобилизационная работа

К. не была развернута. К тому же, примерно в августе, он был перемещен в Смоленск в качестве помощн. главн. руководителя всей Западной Завесы, Егорьева. В Смоленске К. были подчинены уже три района: Невельский, Витебский и Рославльский. В Смоленске он пробыл также недолго. За этот период им была произведена лишь отправка на образовавшийся к тому времени Восточный фронт дивизий Витебской и Рославльской. Само собой разумеется, что эти дивизии только именовались дивизиями, а по сути дела были лишь отрядами. Витебская дивизия была отправлена в лучшем составе, более сколоченная, она вошла в правую группу 5-й армии, получив позднее наименование 27-й дивизии. Отправка Рославльской дивизии прошла далеко не гладко: прежде всего сбежал начальник дивизии со своим штабом. Это уже внесло большую дезорганизацию и в отправку самих частей, почему Рославльская дивизия, или Рославльский отряд, пришла на Восточный фронт в очень жалком состоянии.

Вслед за этим под руководством К. начинается операция по занятию частями Красной армии очищаемых немцами Лепельского и Оршанского районов. В момент выполнения этой операции К. получает командировку на Восточный фронт и по приезде в сентябре 1918 г. получает назначение командующим Восточным фронтом. Не без опасений и внутренних переживаний принял К. Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать—каким порядком можно управлять войсками фронта. Фронт в этот момент состоял из бесконечного количества мелких отрядов, не было стройной организации, не было стройного управления, почему первой задачей, конечно, было сколотить части фронта в более крупные единицы с регулярным построением, организовать прочную связь управления и подчиненность. Но если была ясна задача, то было трудно осуществление этой задачи, так как бои продолжались, и приходилось всю организационную работу проводить в боевых условиях и при самой неблагоприятной обстановке.

Вступление в командование Вост. фронтом К. относится к тому периоду, когда Казань была уже очищена от белогвардейщины, но зато Ижевский район с Ижевским оружейным заводом был в руках противника и сковывал действия 2-й армии, которая занимала сарапульское и казанское направление. Самара была также захвачена нами, но дальнейшее продвижение к Уфе противник всемерно сдерживал. 3-я армия занимала громадный фронт и находилась на путях отступления от Екатеринбурга, цепляясь за заводы, расположенные на Урале. В лучшем положении находилась центральная часть на путях Симбирск—Уфа, где были 2 группы: правая и левая. Составленные из частей, прибывших с западной завесы, в частности Витебской дивизии, эти две группы были организованы в дивизионные формирования, таким образом представляя все же крупные соединения, управляемые начальником дивизии. Период формирования всех мелких частей в крупные единицы дивизии был одним из труднейших моментов, и при всей сложности эта работа проводилась с чрезвычайной быстротой.

Вслед за этой работой, было проведено уточнение задач и районов действия каждой армии фронта, каковых в то время было пять. Одновременно с этой работой приходилось еще и организовывать штаб, которого, после от'езда бывшего штаба Восточного фронта в ставку главнокомандующего, почти не осталось на месте. Мало по малу, части переформировывались в более крупные единицы; задачи уточнялись, и в октябре уже можно было перейти в наступление Восточным фронтом, с целью занятия Уфы и Оренбурга. Этот период работы характерно отмечен в одной из статей б. начальника Гувуза Д. А. Петровского (в тот период тесно связанного по работе с К.), который говорит, что К. „не только принял всем сердцем революцию, но что он понял и ее особые пути. В роли командующего Восточным фронтом К. понял особое значение и и исключительную роль в нашей борьбе рабочих батальонов. Он знал и сознавал, что рабочие батальоны, являясь гвардией революции, обеспечивают ее победу именно тем, что, вливаясь в красноармейские массы, они скрепляют всю армию и делают ее победной". *)

Операции по овладению Уфой и Оренбургом увенчались успехом. Но в марте нам был нанесен колчаковцами удар под Уфой, и почти все достигнутые в октябре успехи свелись к нулю. А дальше — больше: Колчак начал угрожать захватом красной Волги.

Начинаются тяжелые дни для Восточного фронта, начинается работа Восточного фронта по накоплению сил для нового удара и меры чисто оборонительного порядка. Начинают воздвигаться

*) „Правда" за 1923 г. от 8 июля.

укрепленные районы. По этому поводу тот же Петровский отмечает: „По своему понимал также К. смысл и значение укрепленных районов в гражданской войне. Он знал, что суть не столько в проволочных заграждениях и окопах, сколько в том, чтобы поднять политическое сознание населения, чтобы население в целом превратилось в сплошную колючую проволоку для белой гвардии, и этот метод укрепления тыла стал одним из непреложных правил борьбы на фронте гражданской войны". В апреле начинается решительное наступление Восточного фронта на Колчака, которое в дальнейшем ведет к окончательной победе и уничтожению как Колчака, так и его армии.

Через 7 дней после начала операции К. снимается с должности командующего фронтом. Новое назначение командующего Восточным фронтом, некоторые невязки, которые начались в связи с уходом К., привели, в конечном счете, к обратному возвращению его на должность командующего Восточным фронтом по постановлению правительства. Вот телеграмма Ленина в Реввоенсовет Восточного фронта: „По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...... Следите внимательнее за подкреплением. Мобилизуйте поголовно прифронтовое население...... Следите за политработой. Еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги. Не увлекайтесь оперативной стороной".

Прошло всего месяца два по восстановлении К. в должности комфронта, как получилось постановление правительства о назначении его главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. 8-го июля 1919 г. покидает он Симбирск и уезжает в Москву; получив соответствующую директиву, выезжает в г. Серпухов, где тогда помещался штаб. За победы, одержанные на Восточном фронте, ВЦИК награждает К. золотым оружием (сабля) с орденом Красного Знамени. Как характерную черту работы К. по главнокомандыванию, надо отметить систему ликвидации фронтов по очереди их значения.

Когда было покончено с Колчаком, началась борьба на южном, Деникинском, фронте. Для этой борьбы стягиваются все возможные силы и рессурсы. Начинается период, когда успех борьбы зависит, главным образом, от работы железнодорожного транспорта, пожалуй даже больше,—ставится ставка на работу железных дорог. Если дороги справятся с пред'явленной к ним нагрузкой, то замыслы командования приведут к победе, в противном случае,—условия борьбы усложнятся до крайности. Работа железных дорог во всех планах К. была одним из основных моментов для успеха. И вот, несмотря на все трудности этой работы, которая от месяца к месяцу все утяжелялась, железные дороги выполнили свою роль, и победа была обеспечена. Ликвидация Южного фронта была одной из самых труднейших задач, т. к. приходилось перебрасывать части из очень далеких участков Восточного фронта, почему не сразу одерживались победы на Южном фронте. К этому еще присоединялась операция, которую Юденич развернул против Ленинграда. Эта операция началась в самые тяжелые дни, когда на Южном фронте обнаружилась неустойка, доведшая до потери Курска и угрожавшая захватом Деникиным Тулы, т.-е. нашей базы. Этот момент борьбы отличается наибольшим напряжением в главнокомандовании — приходилось Юденича отбивать при условии полной невозможности ослабления Южного фронта. Главнокомандование с этой задачей справилось за счет ослабления (частичного) северного участка Миллеровского фронта и быстрой подачей оттуда требуемых сил, а также путем использования курсантских сил Москвы и Ленинграда.

Вся Юденическая операция была опять таки построена на быстроте подачи тех небольших сил, какие можно было наскрести по тому времени. Опять делается ставка на ту же работу железных дорог. Разгром Юденича уже значительно облегчает всю обстановку. Сосредоточение ударных сил для ликвидации Южного фронта за это время приходит к концу, и начинается решительное наступление Красной армии на Деникинский фронт, которое, в конечном итоге, привело к полному разгрому Деникина.

Теперь остался Северный фронт, который был поставлен на ликвидацию последним. Разгром Северного фронта был предрешен при этих условиях, а внутренний развал Миллеровской армии облегчил и ускорил события. Начинается последняя страница истории гражданской войны — это ликвидация Врангеля и бело-польская кампания. Обе эти операции по времени совпадают. Сперва Южный фронт ведет борьбу на белополяков и на Врангеля, который к этому времени вышел из Крымской пробки в Северную Таврию. Раздвоение внимания

на Южном фронте сильно ослабляет успех работы как на одном, так и на другом фронте. Происходит разделение Южного фронта на Юго-западный и Врангелевский. С разделением фронтов задача значительно упрощается, и Врангель быстро ликвидируется. Уже тогда вопрос бело-польского фронта получил полную ясность, в смысле бесцельности дальнейшей на нем борьбы, и заканчивается Рижским миром. 14-го ноября 1920 г. оканчиваются гражданские фронты. Того же числа Рижским миром оканчивается война с бело-поляками. За одержанные победы К. награждается ВЦИК орденом Красного Знамени.

На этом, как будто бы, должны были закончиться боевые операции Красной армии. Однако, не везде еще заглохли звуки выстрелов: с границы бело-поляки начинают пропускать на нашу территорию ряд банд, которые приходится ликвидировать, выбрасывая их из пределов Союза; в Карелии начинается авантюра, т. наз. Карельское восстание, организуемое белогвардейцами; в Туркестане разыгрывается борьба с басмачеством, и, наконец, в Тамбовской губ. развивается Антоновская авантюра. Для ликвидации Карельской авантюры К. выезжает на место и участвует в проведении военного плана по ликвидации. Антоновская операция в Тамбове ликвидируется образуемым там особым командованием. Пригpаничные белопольские банды выбрасываются местным командованием. Басмачество в Туркестане, очевидно поддерживаемое и питаемое извне, если не сдерживается, то все же не имеет большой тенденции к росту. К. командируется в Туркестан для руководства борьбой с басмачеством. Борьба увенчивается успехом—ликвидируется достаточно серьезная авантюра Энвера-паши разгромом его формирований и смертью его в бою. За ликвидацию басмачества и авантюры Энвер-паши Бухарское правительство награждает К. Бухарской Звездой 1-й степени. На эти ликвидации уходит почти весь 21 и частью22 год. Красная армия после стольких лет борьбы вышла, в конце концов, победительницей.

По окончании гражданских фронтов К. награжден ВЦИК почетным огнестрельным оружием с орденом „Красного Знамени". Помимо этого, с'ездом революционной бедноты красного Дагестана К. поднесено золотое оружие, исполненное мозолистыми руками освобожденной бедноты Дагестана. Одновременно Хорезмская республика награждает К. знаком военного ордена Хорезмской Народной Республики.

По окончании гражданских фронтов начинается период демобилизации Красной армии и строительства Красной армии на мирное время.

К. в это время ведет работу в области новых форм и приемов борьбы, вылившуюся в подготовку Красной армии к борьбе групповым порядком. Групповая тактика, идея машинизации пехоты явились целым периодом в учебе Красной армии. Поднятие значения пехоты в новых условиях боя, совместная работа пехоты с артиллерией, изучение боя совместно с другими техническими средствами, — явились следующим шагом в области обучения Красной армии. Необходимость поднять теоретическую подготовку боевого комсостава, родившегося на полях сражений, привела к созданию ряда курсов усовершенствования по всем родам войск со специальной программой, приспособленной к уровню знаний тех командиров, которые нуждались в поднятии их теоретической подготовки. Эта система курсов усовершенствования, в конце концов, закончилась созданием Высших Академических курсов для высшего комсостава, ныне переформированных в Курсы усовершенствования высшего нач. состава, находящиеся при Военной Академии. Одновременно с этим ведется беспощадная борьба со стрелковой немощью в Красной армии.

В апреле 1924 г. производится реорганизация центрального военного аппарата и упраздняется должность главнокомандующего. К. назначается инспектором Рабоче-Крестьянской Красной армии, где он еще более вплотную подходит к вопросам обучения Красной армии. Этот период характеризуется работой по составлению ряда уставов учебного и боевого порядка. В марте месяце 1925 г. происходит слияние инспекторского аппарата со штабом, и К. назначается начальником штаба РККА. Этот период совместной работы инспектората со штабом РККА продолжается недолго, и в ноябре 1925 г. происходит снова разделение инспектората и штаба. К. получает назначение главного инспектора Красной армии. Параллельно с делом обучения и строительства Красной армии К. принимает активное участие в работе различных советских и общественных организаций, в обществе Друзей Возд. Флота (ныне Авиохим); в спортивно-стрелковой секции В. С. Ф. К. В 1921 г. он входит в число членов ВЦИК'а и Моск. Совета, депутатом и членом которых состоит и до настоящего времени.

Камо́ (партийное имя Семена Аршаковича Тер-Петросяна), род. в 1882 г. в г. Гори Тифлисс. губ., в семье состоятельного подрядчика. Отец, самодур и деспот, любил поесть и угостить „именитых“ гостей, но семье уделял мало. Мать, молодая и красивая (когда К. родился ей еще не было 16 лет), имела чуть не дюжину детей, из которых осталось пятеро, и души не чаяла в старшем сыне. Семи лет К. попал в армянскую школу, в которой учили на армянском языке, мало доступном мальчику, в семье которого говорили по-грузински. Одиннадцати лет он перешел в городское училище, где насильственно заставляли изучать совершенно чуждый ему русский язык. К. еще в детстве сближался с беднотой, что вызывало недовольство отца. Будучи свидетелем грубого и оскорбительного отношения отца к матери, которую К. обожал, он становился на сторону матери и, подросши, выступил энергично в ее защиту. В 1898 г. К. был исключен из школы за дурное поведение (вольнодумство в законе божьем). Он решил было готовиться на вольноопределяющегося и с этой целью поехал в Тифлис к тетке. Уроки он брал у уроженцев родного Гори—Сталина и Вардаянца, уже тогда принимавших деятельное участие в революционном движении. Они свели К. с новыми товарищами и познакомили его с основами революционного марксизма. Но смертельно заболела мать, и К. вернулся домой. Отец в это время разорился, семья узнала нужду, и не хватало средств на лечение. После смерти матери К. с сестрами опять уехал в Тифлис к тетке. Здесь он с 1901 г. вступил в с.-д. партию, два года исполнял разного рода партийные технические поручения и получил имя „К.“ (испорченное русское к о м ӯ). В 1903 г. К. вступил в число членов союзного кавказского комитета Р.С.Д.Р.П., организовал типографию союзн. ком. и принимал энергичное участие в отправке делегатов на 2 с'езд партии. Находчивость его в распространении нелегальной литературы была неистощима. В ноябре 1903 г. К. был арестован, но спустя 9 месяцев бежал из тюрьмы. В 1904 г. он примкнул к партии большевиков. Перейдя на нелегальное положение, К. продолжал работать в кавк. союзн. комитете. В декабре 1905 г. вспыхнуло в Тифлисе восстание и здесь, во время борьбы с казаками, К. был ранен, избит и арестован. В тюрьме К. просидел $2^1/_2$ мес. Поменявшись фамилией с одним грузином, он сумел скрыться. Далее К. занимался транспортированием оружия и дал возможность убежать из Метехского замка 32 товарищам. В 1906 г. К., чувствуя недостаточность знаний, решил было ехать в Петербург, но партия дала ему ответственное поручение—закупить оружие за границей. Попытка окончилась неудачей—пароход с оружием по дороге из Болгарии затонул. В 1907 г. К., под именем князя Дадиани, ездил в Финляндию, был у Ленина и вернулся с оружием и взрывчатыми веществами в Тифлис. Здесь он произвел чрезвычайно смелую экспроприацию и в августе 1907 г. уехал в Берлин. В сентябре был арестован германской полицией, при чем было найдено оружие и чемодан со взрывчатыми веществами. Ему было пред'явлено обвинение, как террористу-анархисту, и угрожала выдача русскому правительству. К. начал симулировать буйное умспомешательство и успешно проделывал это целых 4 года. В 1908 г. его перевели в больницу Бух для душевно-больных близ Берлина и поместили в палату, где было десять буйно помешанных. Из Буха К. в 1909 г., как „поправившийся“, был переведен в следственное отдел. тюрьмы Альт-Моабит, но здесь опять симулировал больного, страдающего анестезией. После долгих и мучительных испытаний врачи признали его душевно-больным, а затем власти передали его России. Жандармы препроводили его в Тифлис и заключили в Метехский замок. От виселицы его спасло вмешательство с.-д. германской прессы, обрушившейся на германское правительство за то, что оно выдало заведомо больного человека как политического преступника реакционной России. Адвокат О. Кон переслал в Тифлис свидетельство о хронической душевной болезни К., подписанное известными берлинскими психиатрами. На суде в Тифлисе, среди залы, переполненной публикой, желавшей взглянуть на прославленного героя, К. опять симулировал душевно-больного. Военный суд постановил подвергнуть К. новым испытаниям в психиатрической больнице Метехского замка, где он пробыл год и четыре месяца, и где его подвергали тем же пыткам, как и в Бухе. Врачи, наконец, признали его душевно-больным. К. перевели в Михайловскую больницу для умалишенных, откуда он бежал, сначала скрывался в квартире матери прежнего товарища и затем в течение месяца в уединенном доме одного чиновника. Власти приняли все меры для поимки знаменитого революционера, город был оцеплен и выход из него или посадка из него были

строго контролируемы. К., однако, удалось скрыться на велосипеде, под видом гимназиста, в Мцхет, а оттуда в Батум. Батумские товарищи поместили его в трюме парохода между бочками и ящиками, и К. уезжает в Париж к Ленину, который снабдил его деньгами, а из Парижа уехал в Константинополь, а затем в Болгарию. Из Бургаса он поехал через Константинополь в Трапезунд. В Константинополе он во время попытки перебраться на пароход, идущий в Батум, был арестован турецкими властями. К. назвал себя Иваном Зоидзе, который был известен турецким агентам, как человек, ведший антирусскую пропаганду на Кавказе. Тогда его освободили и предложили ехать в Афины. К. удалось опять уехать на Кавказ. Здесь он снова собрал своих боевиков и предпринял в 1912 г. попытку устроить экспроприацию денежной почты на Каджорском шоссе. Экспроприация не удалась, четверо было убито, а сам К. ранен и арестован и опять помещен в Метехский замок. Через непродолжительное время его судили по 4 делам и по каждому вынесли смертный приговор. Приговор должен был быть приведен в исполнение через месяц. Но прокурор суда Голицинский, чрезвычайно заинтересовавшийся личностью К., медлил с посылкой приговора на утверждение, ожидая появления манифеста по поводу трехсотлетия дома Романовых. За эту уловку прокурор поплатился выговором и карьерой, но К. по манифесту смертная казнь была заменена 20-летней каторгой. В 1915 г. К. был переведен в Харьковскую тюрьму, где сидел вместе с уголовными. Освободила его из тюрьмы Февральская революция. К. уехал в Москву, а затем в Питер. Ленин отправил его на Кавказ для поправления здоровья. Немного отдохнув в горном курорте, К. направился в Баку, работал в Бакин. совете и Ч. К. и затем поехал в Москву. Здесь ЦК партии поручил ему организовать группу для работы в тылу Деникина. Набрав себе отряд и испытав его стойкость оригинальным образом, К. уехал на юг, но взятие Ростова спутало его расчеты. К. отправился в Тифлис, был арестован меньшевистским правительством и опять очутился в Метехском замке. Освобожденный из тюрьмы, К. уехал в Баку и вел здесь подпольную работу вплоть до вступления Красной армии 27 апреля 1920 г. Боевая работа кончилась. К. решил пополнить свои знания, и Ленин предложил ему готовиться в Акад. Ген. Штаба. От предлагаемых ему не раз ответственных постов К. постоянно отказывался, считая себе недостаточно подготовленным. 14 июля 1922 г. К. случайно был убит в Тифлисе автомобилем, наскочившим на его велосипед. (*См.* С. Ф. Медведева, „Герой революции" („тов. К."). 1925. Истпарт.).

Карахан, Лев Михайлович, род. в 1889 г. в семье мещан Кутаисской губ. Обучался в реальном училище, которое и окончил. Примкнул к работе в РСДРП с 1904 г. Средствами заработка были репетиторство и репортерство. Работал в организациях Дальнего Востока, с 1910—15 г. был студентом юридического факультета в Петербурге. С 1912 г. стал принимать участие в профессиональном движении и, в частности, работал по организации выставки профессиональной гигиены в Петербурге; в 1913 г. примкнул к образовавшейся в Петербурге организации об'единенных с.-д. большевиков и меньшевиков и вплоть до своего ареста состоял бессменным членом „междурайонного комитета". В комитете он выполнял самые разнообразные функции как агитатора, так и пропагандиста-организатора. В это же время им написан ряд листовок. Задачи его работы лежали в плоскости организационной—в деле об'единения районов и установления связи „междурайонного комитета" с провинциальными и заграничными группами. С момента возникновения империалистической войны он занял непримиримо-интернационалистическую позицию, ориентируясь в дальнейшем на полный организационный разрыв с оборонческими элементами и далее—на лозунги гражданской войны и III Интернационала. В этом отношении он занял позицию близкую к левому крылу межрайонцев. Принимал деятельное участие в организации комитетом журналов „Текстильщик", „Рабочие Ведомости" и нелегального органа „Вперед" (1915 г.). К этому же времени относится работа его по постановке комитетом нелегальной типографии на Чубаровом переулке (под видом легальной). Осенью 1915 г., при выходе из помещения последней, был арестован. При аресте бумагу с адресами партийцев, гл. обр. заграничных работников, он успел проглотить. Результатом политического обыска был обнаружен ряд статей, присланных Троцким, Сокольниковым и др. для помещения в „Рабочих Ведомостях". После этого был выслан в административном порядке в г. Томск, где продолжал занятия в университете, ведя одновременно нелегальную работу в иркутской организации и

состоя постоянным содрудником с.-д. забайкальской прессы. Неоднократно для нелегальной работы приезжал в Петроград. После Февральской революции 1917 г. по возвращении в Петроград продолжал работу в межрайонном комитете, состоял членом районной городской думы (петроградского района), далее,—членом Совета Рабочих Депутатов. В комитете межрайонцев он вел энергичную кампанию за слияние с петербургским комитетом большевиков. После июльских дней целиком перешел на платформу большевиков.

В августе—сентябре его избирают в президиум петроградского совета рабочих и солд. депутатов, где он ведет большевистскую агитацию. В 1918 г. участвует в мирных переговорах в Брест-Литовске, исполняя роль секретаря русской делегации. С 1918 г. он назначается в коллегию нар. комиссар. по иностр. делам, где и работает в качестве заместителя наркома по организации комиссариата и налаживанию в нем работы. Дальнейшая работа К. связана с нар. комисс. по иностр. делам, где он работал до момента своего назначения полномочным представителем в Пекин (Китай)—8 августа 1923 г. На посту советского посла в Китае К. провел ряд договоров с Китаем; в апреле 1925 г. он был выбран старшиной дипломатического корпуса в Пекине. *С. Лопашев.*

Квиринг, Эммануил Ионнович (*автобиография*). Род. в 1888 г. Мое детство прошло в селе. В город учиться меня отправили, когда мне было 11 лет. В 15 лет моя учеба закончилась. 5 классов — дальше отец не мог тянуть, и я в ожидании работы в городе поехал домой в село. Там и захватила меня революция 1905 г. Помещиков в нашем районе нет, и единственным отголоском великой встряски страны были слухи с железной дороги, проходящей в нескольких верстах. С железной же дороги пошли газеты. «Сын Отечества»—первая газета, которая пробудила мою мысль. Но главный толчок к политическому развитию я получил от местного земского врача, молодого неокончившего студента-болгарина. Студент-врач оказался марксистом, и скоро я начал зачитываться брошюрками. Мой первый учитель марксизма был большим поклонником Лассаля, и потому блестящие речи Лассаля были одними из первых серьезных книг, на которых я воспитывался.

К концу 1906 г. я получил работу в Саратове (в аптеке). С этого времени начинается мое организационное сближение с рабочим движением. Я тогда уже считал себя социалистом и был одним из организаторов профессион. союза аптекарских служащих. В саратовской лиге «содействия профдвижению» (позже я узнал, что это была ширма и одна из форм работы с.-д.) я столкнулся с товарищами самых разных толков, но реакция надвигалась быстрыми шагами, и лигу закрыли через несколько месяцев, профсоюзы распустили, организационный центр распался. Нас осталась небольшая группа, некоторое время тянувшая нелегальное существование профсоюза, но это была агония. Реакция крепчала,—и мы, группа неопытной, «сочувствующей» социализму молодежи, не знали, что делать. Ударились в самообразование. Сгруппировались вокруг «Вестника знания». Мне приходилось говорить с рядом крупных работников моего поколения, и все они так или иначе группировались в годы реакции вокруг кружков «Вестника знания». В нашем кружке, или обществе, как оно называлось впоследствии, легализированном или полулегализированном, так как мы зарегистрировались, но о собраниях наших никому не сообщали,—шла оживленная кружковая работа. Здесь я прошел Богданова, «Полит. экономию» Железнова; здесь уже велись диспуты, которые превращались в споры социал-демократов, анархистов, соц.-револ. Еще от первого своего учителя-болгарина я считал себя марксистом, и работа в кружках все укрепляла меня на этой позиции. Тогда же я стоял уже и в непосредственной связи с местными партийными социал-демократами. Я выполнял некоторые поручения. У меня одно время хранился шрифт и др. нелегальщина, — но я был все же только сочувствующим и учеником.

Большевиком я стал с 1912 г., когда переехал в Петроград и поступил на политехнические курсы по коммерч. экономическому отделению. «Правда» — вот кто повернул мои марксистские настроения по большевистскому пути. Так как у меня была известная подготовка, я скоро стал сотрудником «Правды», а с 1913 г.—секретарем думской большев. фракции. Последовали аресты, первый, второй, третий, ссылка. Закреплялась большевистская закалка. Работал в культурно-просветит. рабочем об-ве «Наука и Жизнь». Сколько большевиков вышло из этой своеобразной большевистской партийной школы! Высылка из Питера в 14 г. забросила меня в Екатеринослав, и, так. обр., я стал украинцем, и по возвращении в 17 г. из Иркутской ссылки я работаю снова в Екатеринославе и все время с 17 г. на Украине.

Как большевик, я принадлежу к поколению «правдистов», воспитанных не только на борьбе с царизмом и капитализмом, но и на борьбе с ликвидаторско-меньшевистским буржуазным влиянием на пролетариат. Я считаю, что это помогло и мне и большинству «правдистов» остаться непреклонными большевиками и в тяжелые времена империалистской войны и предательства громадного большинства соц.-демокр., и в годы тяжелого строительства советского государства. Один из организаторов КП(б)У, член ЦККП(б)У с 1-го созыва (исключая 4-й) и секретарь ЦККПУ в течение 2-х лет, член ЦКРКП с XII-го С'езда.

Керженцев, Платон Михайлович (*автобиография*). Мой отец—доктор (М. Д. Лебедев) был депутатом в 1-й Государств. Думе и за Выборгское воззвание сидел в тюрьме. Я родился в 1881 г. в Москве, учился в гимназии, потом на историко-филологич. факультете. Студентом работал по статистике на обследованиях крестьянского хозяйства. Это непосредственное изучение деревни дало первый толчек к марксизму. В феврале 1904 г. был арестован и полгода просидел в Таганке. Здесь познакомился с рядом революционных деятелей (Л. Каменевым, Б. Кнуньянцем и др.). Проштудировал основательно легальную и нелегальную литературу марксизма и народничества. Вышел из тюрьмы — лучшего университета в моей жизни — большевиком. По выходе из тюрьмы был сослан в Нижний под надзор и сейчас же вступил в партию (1904). В Нижнем работал в большев. организации, как пропагандист, агитатор, литератор—до начала 1906 г., когда был арестован, сослан в Вологодск. г. В Нижнем писал в газете и выпустил указатель социал-демокр. литературы (Библиотека С.-Д.), выдержавший несколько изданий и разошедшийся во время первой революции во многих десятках тысяч экз. В Нижнем в партийной работе пришлось близко познакомиться с Яковом Свердловым (и всей его семьей), Седым, Н. Семашко, А. Рыковым, М. Владимирским, А. Лежавой и др.

В Вологде вместо 3-х лет пробыл ровно три недели, бежал и перешел на нелегальное положение. Так прожил шесть лет (гл. обр.—в Питере и Киеве). В Питере работал в партии, принимал участие во всех большевистских период. изданиях. В Киеве принимал участие в местных газетах («Киевская Мысль», «Киевские Вести»). В 1912 г. эмигрировал. Эмигрантом больше всего жил в Лондоне, а также в Америке и Париже. Был участником заграничных организаций большевиков. Корреспондировал из Лондона и Нью-Иорка в разл. газеты и журналы («Правда», «День», «Киевск. Мысль», «Летопись» и др.). После революции вернулся из Америки через Японию в Россию. Начал работать в «Новой Жизни»—гл. обр. писал против оборончества, империализма и т. п. С 1918 г. стал ближайшим сотрудником, а затем замест. ред. «Известий ВЦИК». С весны 1919 г. до конца 1920 г. был ответственным руководителем «Роста», превратил этот аппарат во всереспубликанский, создав до сотни отделений, свыше 200 газет, ежедневную «Агит—Роста», окна сатиры и проч. Летом 1920 г., как член мирной делегации, вел переговоры с Финляндией, закончившиеся подписанием сперва перемирия, потом—мира. В 1921 г. был назначен полномочным представителем РСФСР в Стокгольм, где и пробыл два года. В Швеции вел переговоры со всеми тремя скандинавскими странами о договорах. Подписал договор с Норвегией и Швецией (последний рикстагом не был ратифицирован).

С весны 1923 г. вернулся для работы в Россию. В 1923—24 гг. работал почти исключительно в области НОТ (как председ. секции НОТ на транспорте, член президиума совнота РКИ, основатель «Лиги Время — Лиги НОТ» и председ. президиума лиги, председатель Оргкомиссии по созыву 2-й конференции по НОТ, редактор журнала «Время» и т. д.). С апреля назначен послом СССР в Италии.

Мои литературные работы идут по четырем руслам. По вопросам коммунизма: «Ленинизм» (с предисловием Н. Крупской) (3 изд.), «Чему учит Ленин», „Страницы истории РКП", «Библиотека коммуниста» (4 изд.) и др. На историко-политические темы: «Революционная Ирландия» (3 изд.), «Англия и англичане», «Новая Англия», «Лондон», «Союзники и Россия» (есть два франц. изд.) и др. По вопросам организации: «Принципы организации» (4-е изд.), «НОТ» (2 изд.), «Организуй самого себя» (2 изд.) и др. По вопросам культуры: «Творческий театр» (5 изд.—есть немецк. пер.), «К новой культуре», «Газета» (3 изд.) и др.

Кингисепп, Виктор, род. в 1888 г. на о. Эзеле, в состоятельной семье, примкнул к революционн. ученическому кружку в г. Аренсбурге еще в 1905 г., в 1906 г. уехал в Петербург и поступил в университет. Здесь он посещает пропагандистские курсы, знакомится с революционн. литературой и организационной

практикой. В 1907 г. К. уезжает в Ревель и ведет борьбу с меньшевиками настолько успешно, что скоро перевыборы ревельского комитета РСДРП дали решительный перевес большевикам. Однако, к концу года, благодаря провокации, ревельская организация была разгромлена, до 200 членов партии было арестовано, и все вновь оборудованные типографии захвачены. К. уцелел, но должен был уехать в Москву, затем в Петербург и, наконец, в 1909—1910 г. живет в Аренсбурге у родителей. Осенью 1910 г. К. возвращается в Петербург, продолжает учиться, работает в подпольи, становится во главе петроградской организации эстонских рабочих, отвоевывает у „ликвидаторов“ рабочую газету „Киир“ („Луч“), издав. в г. Нарве. После конференции 1913 г., устроенной в Петербурге и окончившейся провалом, К. уехал в Финляндию, потом в Петербург и отсюда был выслан административным порядком на 2 года в Тверь и затем в Казань. В 1916 г. по окончании срока высылки К. возвращается в Петроград, сдает государств. экзамены и отправляется с санитарным отрядом на Кавказский фронт от Союза Городов. На фронте К. продолжает революционную деятельность. После Февральской революции в середине 1917 г. К. возвращается в Ревель, входит в состав редакции центр. партийн. органа эстонского пролетариата „Телине“ и выступает на митингах. В ноябре, когда Эстония была об'явлена советской республикой, К. становится членом краевого исполкома, одним из организаторов Красной Гвардии и руководителем администр. отдела. В 1918 г. Эстония была оккупирована немецк. войсками, К. уехал в Москву и был назначен следователем при верховн. трибунале и президиуме ВЧК. После германской революции и очищения Эстонии К. опять отправляется в Ревель, в самый разгар гражданской войны был принужден уйти в подполье, работал около $3^1/_2$ лет в самых тяжелых условиях, скрываясь от полиции, по месяцам не имея крова, иногда в большой нужде. Благодаря его усилиям в Эстонии вновь образовалась налаженная коммунистическая организация, стала издаваться газета, в которой К. принимал весьма широкое участие. Вместе с тем К. руководит всей деятельностью коммунистической фракции эстонского парламента, хотя членом парламента не состоял. В 1922 г. К. был арестован и немедленно расстрелян. См. „*Г. и М*“.

Киров, Сергей Миронович (*автобиография*), член ЦК РКП и член Центр. Исполнит. Комитета Союза ССР. Родился в 1886 г. в маленьком уездном городе Уржуме Вятской губ. В самом раннем детстве лишился отца и матери и остался вместе с двумя сестрами на попечении своей бабушки, которая жила на ежемесячную трехрублевую пенсию, так как покойный дед был николаевский солдат. Семи лет был помещен в детский приют, ибо кормить трех внучат бабушка была не в состоянии. Через год поступил в начальную школу, по окончании которой—в городское училище. Учился хорошо, поэтому по окончании городского училища, в качестве земского стипендиата, был отправлен в Казанское механико-техническое училище. Здесь начал почти самостоятельную жизнь, прежде всего в виду ограниченности стипендии (96 рублей в год). Еще в Уржуме познакомился с политическими ссыльными, влияние которых почувствовал очень скоро. Позднее, во время приезда в Уржум на каникулы, знакомства эти стали более определенными и с более положительными результатами—достаточно аккуратно читал нелегальную литературу, много беседовал с ссыльными и пр. Эта элементарная политическая подготовка дала возможность добиться некоторых связей с казанскими студентами-революционерами, и по окончании технического училища стал достаточно определенным революционером, с уклоном к социал-демократии. Техническую школу окончил очень успешно. Явилось стремление продолжать образование. Осенью 1904 г. отправился в Сибирь в Томск с намерением подготовиться для поступления в технологический институт. В Томске поступил на общеобразовательные курсы. Вскоре в Томске связался с товарищами, работавшими в местной социал-демократической организации (Смирновым и др.). Занялся элементарной подготовительной работой. Принимал участие в организации вооруженной демонстрации в январе 1905 г. в ответ на январьские события в Питере. 2 февраля 1905 г. был арестован на нелегальном партийном собрании вместе с 40 товарищами. Просидел в „административном порядке“ два-три месяца, был освобожден. Отсюда и начинается настоящая революционная работа, вскоре ставшая профессиональной. Занимался, гл. обр., распространением нелегальной литературы и пропагандой, вел небольшие кружки, ходил на рабочие собрания и т. д. Примыкал к небольшой тогда группе большевиков, большинство организации было за меньшевиками. Затем был введен в томский комитет РСДРП (под

кличкой Сергей, Серж, Костриков), заведывал нелегальной типографией. В революцию 1905 г. работал в Томске и, гл. обр., на ст. Тайга, где вместе с погибшим в 1905 г. Писаревым проводил забастовку железнодорожных рабочих, прошедшую с большим успехом. В самом начале 1906 г. партией был командирован в Москву и Ленинград для приобретения хорошей типографской машины (обыкновенный ручной станок не удовлетворял нашим заданиям), но в день от'езда был арестован на квартире казначея организации Царевского. Просидел в Томской тюрьме, по обвинению по 126 ст. Уг. Код., около года, был освобожден под денежный залог до суда. По выходе из тюрьмы занялся вместе с М. А. Поповым, Г. Шпилевым и Решетовым устройством прекрасной, в смысле конспирации, типографии в подземелье. Типографию устраивали на краю города в доме д-ра Грацианова,—впоследствии члена Колчаковского правительства. Работали весьма упорно. Помещение было почти закончено. К сожалению, однажды рано утром все четверо были арестованы на месте. Однако, помещение для типографии, где был уже и типографский станок, несмотря на самый тщательный обыск, не было обнаружено (между потолком подземелья и полом, который еще не был настлан, дома был слой земли свыше аршина, а вход в подземелье—из подполья, был тщательно замаскирован). Долго сидели под следствием, но никаких улик обнаружить жандармам не удалось. Всех, кроме К. (Кострикова), освободили; последнему же пришлось остаться в тюрьме по первому делу, по которому он был освобожден раньше под залог. Вскоре по этому делу состоялся суд. Привлечено было шесть товарищей—К. (Костриков), Моисеев, Барон и др. Всех суд приговорил к ссылке на поселение, кроме К., которому „в виду его несовершеннолетия" дали три года крепости. Столь определенно предусмотренный срок неизбежного пребывания в тюрьме дал полную возможность заняться самообразованием. Библиотека в тюрьме была достаточно приличная, кроме того имелась возможность получать всю тогдашнюю легальную литературу. Мешали занятиям только свирепствовавшие тогда зверские суды, в результате которых десятки людей были повешены. Часто по ночам одиночный корпус Томской загородной тюрьмы оглашался душу раздирающими криками прощавшихся с товарищами и с жизнью „смертниками", которых уводили на казнь. Но в общем заниматься было неизмеримо лучше, чем на свободе, на нелегальном положении. Начальство, как-будто, даже поощряло такой образ жизни заключенных—спокойнее, меньше было тюремных „концертов", голодовок и пр.

По отбытии заключения переехал в Иркутск. Организации были разгромлены. Вскоре оказалось, что в Томске, в доме д-ра Грацианова, где была сооружена подпольная типография, и над которой по воле судеб жил какой-то полицейский чиновник, провалилась печь. Жандармы вспомнили прошлое этой квартиры, раскопали подземелье, и все обнаружилось. Пришлось бежать на Кавказ, так как Сибирь оказалась ненадежной. Попов и др. были в разных местах арестованы. К. оказался во Владикавказе. Организации здесь не было. Были только отдельные товарищи. Живя на нелегальном положении, работал в местной легальной газете в качестве сотрудника. В 1915 г. снова был арестован и этапом препровожден в Томск по делу типографии. Просидел в тюрьме год, судился, но был оправдан за „отсутствием улик"; в действительности дело было не в отсутствии улик, а наступала новая эра, в двери стучала революция, чего судьи не могли не слышать.

Постановлением жандармерии предназначался в Нарымский край, но и этому не суждено было сбыться. Снова уехал на Кавказ, где к этому времени стала складываться кое-какая организация. Здесь прожил до революции 1917 г. Принимал непосредственное участие в этой революции в качестве члена Комитета Владикавказской соц.-демокр. организации, где работали большевики и меньшевики вместе. Вскоре после Октября, по возвращении из Ленинграда со с'езда Советов, на Сев. Кавказе застал начало своеобразной гражданской войны. Был командирован организацией в Москву по делам вооружения, снабжения и проч. С большим транспортом оружия и боевых припасов возвращался в 1918 г. на Кавказ, через Царицын, однако, проехать было уже нельзя. Навстречу шла отступавшая после разгрома XI армия. Был послан в Астрахань. Началось собирание остатков XI армии. Здесь работал по обороне Астрахани и низовьев Волги в качестве члена РВС XI армии. С разгромом Деникина, вместе с XI армией шел на С. Кавказ, затем на Баку. На X с'езде партии был избран в кандидаты члена ЦК РКП, на XI—членом ЦК РКП. После советизации Азербайджана был назначен в Грузию полномочным представителем РСФСР, а через

несколько времени—в Рижскую делегацию для переговоров с Польшей. По заключении мира с поляками был назначен на партийную работу на Сев. Кавказ, затем в Азербайджан, где работал в качестве секретаря ЦК АКП и члена закавказского Краевого Комитета.

Киселев, Алексей Семенович *(автобиография).* Родился я в семье рабочего в 1879 г. в селе Авдотьино, в трех верстах от Иваново-Вознесенска, где отец мой работал на прядильных фабриках с семи лет. Так как отец мой был связан с землей, то мне приходилось с самого раннего возраста заниматься сельским хозяйством. Семейство наше было большое—7 человек детей; отец получал жалованье небольшое; мне и приходилось в силу этого заниматься крестьянским хозяйством. В школу отдали меня после слезного упрашивания отца и матери, ибо я был старшим сыном и, кроме работы по хозяйству, заменял еще и няньку. С большим трудом окончил церковно-приходскую школу и стал просить отца отпустить меня учиться дальше в семинарию, в которую взялись устроить меня дети сельского причта, но отец не соглашался меня отдать; тогда в судьбе моей принял участие местный поп, заменявший одновременно и школьного учителя, продержал меня в школе лишние 2 года и желал сделать из меня сельского учителя. Года полтора я еще пробыл в школе, но новых знаний там не приобрел, так как поп начал усиленно прикладываться к романовскому изделию, и мне приходилось заниматься с детьми в качестве учителя, но не учиться самому. В 14 лет я поступил на ситце-набивную фабрику Куваевской мануфактуры в качестве слесарного ученика. Работать на фабрике приходилось в крайне тяжелых условиях и за гроши с платой по три рубля в месяц (расчетная книжка № 2624 от 1893 г.); однако, мысль о приобретении знаний не давала мне покоя. Я скоро поступил на только что открывшиеся тогда в Иваново-Вознесенске вечерние воскресные технические курсы, где занимался преимущественно математикой, черчением и немного механикой. Для приобретения знаний читал много всяких книг, попадавшихся мне в руки; получал их от товарищей и из библиотек гор. Иваново-Вознесенска. Когда мне было около 18—19 лет, товарищи из партийной организации обратили внимание на мое стремление учиться и читать, стали подходить ко мне ближе, знакомиться, к чему я стремлюсь, и, когда узнали, стали знакомить с социалистической литературой и давать кроме легальных и нелегальные книжки. С 1898 г. я стал бывать на нелегальных собраниях и сам стал подыскивать подходящих рабочих для организации кружков, вносить деньги в партийную кассу. В 1900 г. был в первый раз арестован вместе с другими товарищами за посещение нелегальных собраний, просидел месяц и был отдан под гласный надзор полиции. Затем через год был вновь арестован, просидел во Владимирской губернской тюрьме 4 мес.; по выходе из тюрьмы, где получил связи, поехал в Смоленск за нелегальной литературой, восстановил организацию и вновь был посажен. Сидел сначала в Иваново-Вознесенской тюрьме, затем был переведен в Шуйскую, а потом отправлен в Ковровскую; просидев 3 мес., я был освобожден и отдан под гласный надзор полиции.

Прошло около года после последнего ареста, и 1 января 1904 г. меня снова арестовали, привезли в с. Кохму (10 верст от Иваново-Вознесенска), доставили к становому приставу, который мне и об'явил, что я ссылаюсь, помнится, по постановлению департамента полиции, в Архангельскую губернию на 4 года. В ноябре 1905 г., по манифесту 17 октября, я был освобожден, вернулся в Иваново-Вознесенск, где нелегально работал до 1906 г. в качестве районного организатора и члена горрайкома. В связи с усиленной слежкой ходивших по пятам шпиков, в марте—апреле 1906 г. я бежал из Иваново-Вознесенска в Москву. Работал слесарем в Сокольническом парке, откуда был избран членом сов. раб. деп., вновь избранного летом 1906 г., одновременно состоя членом сокольнического комитета. После приказа градоначальника арестовать весь совет я бежал из Москвы в Харьков, потом в Николаев. Здесь провел кампанию по проведению закона о нормах отдыха и улучшении положения рабочих и служащих промышленных предприятий. После проведения этой кампании я лишился работы в мастерской и в 1907 г. уехал в Одессу. В Одессе поступил членом производственного кооператива, где и получил работу в качестве токаря. Позднее связался с партийной организацией, принимал участие в заседаниях партийного комитета, но систематического участия в работе не принимал. Уйдя из кооператива, поступил на маслобойный завод Филера, где через месяц была устроена забастовка, в организации которой я принимал активное участие (принимал участие в руководстве забастовкой и в составлении требований). Администрация

хотела меня арестовать, но потом решила, в силу шкурных соображений, не связываться и только ограничилась удалением с предприятия.

После этого, в конце 1908 г., я уехал в Батум. В Батум приехал с явкой; не устроившись на работу, поехал в Тифлис, но явочной квартиры там не нашел и через три дня уехал в Баку. С партийной организацией большевиков в Баку связи не было. Позднее встретил в союзе металлистов одного партийного товарища, который в 1902 г. работал в Иваново-Вознесенске, но он оказался меньшевиком, и я ограничился работой в профессиональном союзе металлистов. Позднее встретился с большевиками, лично знавшими меня. Проработав в Баку около года, уехал в Иваново-Вознесенск за несколько часов до назначенного мне ареста. В 1909 г. в Иваново-Вознесенске проводил выборы в Государственную Думу. Через полгода уехал в Москву. Работал на заводе Гоппера, впоследствии перешедшем к Михельсону (где в 1918 г. эсеры стреляли в Ильича). Переехав из Москвы в Петроград, я стал работать в профессиональных организациях. Был выбран председателем союза металлистов, через полгода арестован и в конце 1913 г. освобожден с лишением права проживать в 52 пунктах Российской империи, в том числе и в Петрограде. Поселившись в Шувалове, по Финляндской ж. д., близ Питера, я работал на петербургских заводах, сначала на заводе „Айваз“, а потом у „Эриксона“. Позднее партия выдвинула меня на страховую работу с тем, чтобы я бросил свою специальность токаря; назначили меня секретарем больничной кассы завода Барановского, так как ранее, еще в союзе металлистов, я руководил нелегально страховой кампанией.

В 1914 г. ездил по партийным делам в Австрию, посетил Владимира Ильича Ленина, получил от него соответствующие инструкции по созыву партийной конференции; тогда же был кооптирован в члены ЦК партии. Из-за границы в 1914 г. приехал в Петроград. Ночью 8 июля 1914 г. в редакции „Правда“ было арестовано 30 человек, в том числе и я; просидели мы в тюрьме 3—4 месяца и вместе с другими товарищами были сосланы в Сибирь. Я получил 3 года в Енисейской губернии. Из Сибири в 1914 г. бежал от мобилизации и жил нелегально сначала в Енисейске, в Красноярске, а потом, позднее, остановился в Верхне-Удинске Иркутской губернии для заработка. Работал там в качестве инструктора по кооперации. Потом, в 1917 г., смещал ставленников самодержавия и организовывал в деревнях революционную власть. В 1917 г. возвратился в Иваново-Вознесенск, где был избран председателем горсовета, членом горрайкома и членом управы. Летом 1917 г. был избран на партийном с'езде также кандидатом в члены ЦК. В 1917 г. на I-м С'езде Советов был избран в члены ВЦИК, а затем от Владимирской губернии—в Учредительное Собрание. После разгона Учредительного Собрания был избран председателем Центротекстиля (в Москве), потом был избран в члены президиума ВСНХ. Немного позже был назначен членом коллегии Центропленбежа и членом комиссии СНК по делам Туркестана.

Когда наступление Колчака и Дутова отрезало Туркестан, с 1918 г., я принял участие в военных действиях, сначала в качестве начальника группы обороны Оренбурга, затем с начала 1919 г. был демобилизован (в ноябре), избран от Красной Армии на Всероссийский С'езд Советов и вошел в состав президиума ВЦИК. С конца 1919 г. по конец 1920 г. работал в Москве, тогда же был избран председателем союза горнорабочих и членом комитета замоскворецкого райкома. В том же году ездил по профессиональным делам за границу, пробыл 3 недели в Норвегии, потом 3 месяца в Германии. В 1921 г. был назначен председателем Малого СНК. На партийном с'езде был избран кандидатом в ЦК РКП, затем был избран членом президиума ЦКК, потом назначен был народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и заместителем народного комиссара РКИ Союза ССР. В 1924 г. избран секретарем ВЦИК и членом президиума ЦКК.

Коллонтай, Александра Михайловна (*автобиография*). Первая женщина, вошедшая в состав правительства, и первая женщина — полномочный представитель страны и чрезвычайный посланник. Родилась я в 1872 г. и выросла в семье помещичье-дворянской. Отец мой был русский генерал, украинец родом. Мать—финляндская уроженка, из крестьянской семьи. Детство и юность провела в Петрограде и Финляндии. Как младшая в семье и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами. В гимназию меня не пустили — боялись, что я там столкнусь с «неподходящим элементом». В 16 лет я сдала экзамен на аттестат зрелости и стала посещать частные курсы и лекции

профессоров истории, литературы и т. д. На курсы Бестужевские меня тоже не допустили. Занималась я много, главным образом под непосредственным руководством известного историка литературы Виктора Петровича Острогорского. Он считал, что у меня есть литературное дарование, и всячески толкал меня на путь журналистики. Вышла я замуж очень рано, отчасти в виде акта протеста против воли родителей. Но через три года разошлась с мужем — инженером В. Коллонтай, взяв с собой своего маленького сына *).

В это время мои политические убеждения начали уже определяться. Я работала в ряде культурно-просветительных обществ, носивших тогда (это было в середине 90-х годов) характер вывесок для ряда подпольных начинаний. Так, работая в известном тогда «подвижном музее учебных пособий», мы завязывали связь со шлиссельбуржцами; работая в просветительном обществе и давая уроки рабочим, мы, таким образом, получали живую связь с последними; устраивая благотворительные вечера, мы добывали средства для политического «Красного Креста». 1896 г. был решительный год в моей жизни. Весною этого года я побывала на Нарве, на известной Кремгольмской мануфактуре. Закабаленность 12.000 ткачей и ткачих произвела на меня ошеломляющее впечатление. Тогда я еще не была марксисткой и скорее склонялась к народничеству и терроризму. После посещения Нарвы занялась изучением марксизма и экономики. В то время выходили один за другим два первых легальных марксистских журнала «Начало» и «Новое Слово». Чтение их на многое открыло мне глаза. Путь, который я стала с особенной настойчивостью искать после посещения Нарвы, был мною найден.

Выяснению моих политических взглядов также много способствовала знаменитая стачка текстильщиков в 1896 г. в Петрограде, в которой участвовали до 36.000 рабочих и работниц. Вместе с Ел. Дм. Стасовой и многими другими товарищами, работавшими еще только на периферии, мы организовывали сборы и помощь стачечникам. Этот наглядный пример растущей сознательности пролетариата, при полной его закабаленности и бесправии, заставил меня уже решительно перейти в лагерь марксистов. Однако, литературно я на этом поприще еще не работала и в движении активного участия не принимала. Я себя считала слишком мало подготовленной. В 1898 г. я написала первую свою литературную работу из области психологии воспитания — «Основы воспитания по взглядам Добролюбова». Она появилась в сентябре 1898 г. в журнале «Образование», который тогда еще носил педагогический характер, а затем превратился в один из наиболее выдержанных легальных органов марксистской мысли. Редактором был Ал. Як. Острогорский. 13-го августа того же года я уехала за границу изучать социальные и экономические науки.

В Цюрихе я поступила в университет к профессору Геркнеру, чья книга по рабочему вопросу (в ее втором издании) меня заинтересовала. Было характерно, что, по мере того как я углублялась в область изучения законов экономики, становилась все более и более «ортодоксальной» (правоверной) марксисткой, мой профессор и руководитель становился все более и более правым и отходил от революционной теории Маркса, в 5-м издании своей книги став настоящим ренегатом. Это был любопытный период, когда в германской партии, с легкой руки Бернштейна, появилась тенденция к открытому практическому соглашательству, оппортунизму, «ревизионизму», т.-е. пересмотру теории Маркса. Почтенный мой профессор вторил Бернштейну, пел ему дифирамбы. Но я решительно стала на сторону «левых», увлекалась Каутским, зачитывалась издаваемым им журналом «Neue Zeit» и статьями Розы Люксембург, особенно ее брошюрой «Социальная революция или социальные реформы», где она разбивала приспособленческую теорию Бернштейна.

По совету моего профессора и снабженная его рекомендациями, я отправилась в 1899 г. в Англию «изучать» английское рабочее движение, которое будтобы должно было меня убедить, что истина за оппортунистами, а не за «левыми». У меня были рекомендации к «самим» Сидней и Беатриссе Вебб, но после первых же разговоров с ними я поняла, что мы говорим на разных языках, и без их руководства я начала знакомиться с английским рабочим движением. Это знакомство, однако, убедило меня как раз в обратном. Оно показало мне всю остроту социальных противоречий, существующих в Англии, и все бессилие реформистов излечить их тактикой трэд-юнионизма или с помощью знаменитых «сэтлементов» (культурных ячеек в рабочих кварталах), вроде «Тойнби-Хол», «Дворцов народа», кооперации, клубов и т. д. Из Англии я вернулась еще более утвердившейся в правильности мировоззрения «левых», «правоверных» марксистов, но уже поехала не в Цюрих, а в Россию. У меня завязались связи с

*) Моя девичья фамилия Домонтович.

подпольными работниками и хотелось скорее применить свои силы на живом деле, приложить их к борьбе.

Когда я уезжала из России в 1898 г., вся передовая часть интеллигенции, студенчество были настроены «марксистски». Кумирами были, помимо Бельтова, Струве и Туган-Барановский. Шла ожесточенная борьба между народниками и марксистами. Молодые силы—Ильин (Ленин), Маслов, Богданов и др.—теоретически обосновывали революционную тактику, складывавшуюся в подполье социал-демократической партии. Я ехала в радужной надежде очутиться среди единомышленников, но осенью 1899 г. Россия была уже не та, что год назад. Произошел сдвиг, медовый месяц об'единения легального и подпольного марксизма пришел к концу. Легальный марксизм отходил открыто в сторону защиты крупного промышленного капитала. «Левое» крыло уходило в подполье, все решительнее защищая революционную тактику пролетариата. Место увлечения Марксом заняло среди студенчества и интеллигенции не менее страстное увлечение «бернштейнианством», ревизионизмом. В моду стал входить Ницше с его «аристократизмом духа».

Помню, как сейчас, вечер, устроенный в квартире отца Ел. Дм. Стасовой на Фурштадтской в пользу политического «Красного Креста». Струве делал доклад о Бернштейне. Публика была «избранная», много подпольных работников, и все-таки доклад Струве был встречен сочувственно, с полным одобрением. Против Струве выступил только Авилов, поддерживали же Струве все светила и «имена» того периода. Я взяла слово. Дали мне его неохотно, как лицу мало кому известному. Моя слишком горячая защита «ортодоксов» (левых) встречена была общим неодобрением и даже негодующим пожиманием плеч. Кто-то нашел, что неслыханная дерзость—выступать против таких общепризнанных авторитетов, как Струве и Туган, другой находил, что подобное выступление на руку «реакции», третий—что мы уже переросли «фразы» и должны стать трезвыми политиками... В этот период я писала статьи против Бернштейна, о роли классовой борьбы, в защиту «правоверных» для журнала «Научное Обозрение», но цензура красными и синими карандашами отмечала мои статьи, как непригодные к печати.

Тогда я решила отдаться научной работе в области экономики. Связь с Финляндией у меня была живая. Между тем, финляндский народ переживал черный период бобриковщины, насилия и гнета со стороны русского самодержавия. Основы самостоятельности маленького народа были поколеблены, конституция, законы страны—нагло нарушены. Шла борьба между финляндским народом и русским самодержавием. Все мои симпатии не умом лишь, а нутром были на стороне Финляндии. Я видела в Финляндии растущую, но мало кем осознанную силу промышленного пролетариата. Отмечая признаки обостряющихся классовых противоречий и образование новой, рабочей Финляндии в противовес националистским буржуазным партиям—шведоманов, финоманов, младофинов, войдя в живое соприкосновение с финскими товарищами, я помогла им организовать первый стачечный фонд. Мои статьи о Финляндии появились в 1900 г. в немецком экономическом журнале «Sociale Praxis», в «Научном Обозрении» и в «Образовании». Одну статью—конкретно статистическую—поместило «Русское Богатство». Одновременно, годы 1900–1903, я собирала материал для своей большой экономико-статистической работы о Финляндии под невинным для цензуры названием «Жизнь финляндских рабочих». Разумеется, эти годы не исчерпывались одной литературно-научной работой, приходилось вести и подпольную работу, но больше на периферии: вести кружки за Невской заставой, составлять воззвания, хранить и распространять литературу подпольную и т. д.

В 1901 г. я отправилась за границу. Здесь у меня завязались личные связи с Каутским, Розой Люксембург, Лафаргами в Париже и Плехановым в Женеве. В «Заре» появилась моя статья о Финляндии без подписи, в «Neue Zeit» Каутского также моя статья под псевдонимом Элины Малин. С тех пор я оставалась с иностранными товарищами в регулярных сношениях. В начале 1903 г. появилась моя книга «Жизнь финляндских рабочих»,—экономическое исследование положения финляндских рабочих и развития народного хозяйства Финляндии. Написанная в марксистском духе, она встречена была сочувственно подпольными работниками и неодобрительно со стороны многих легальных марксистов. В 1903 г. я впервые выступала на открытом собрании, организованном студентами в Татьянин день, противопоставляя мировоззрение идеалистическое—мировоззрению социалистическому. Летом 1903 года снова ездила за границу. Это было время крестьянских восстаний в России; рабочие юга подымались. Мысль кипела и бродила. Все острее сталкивались две враждебные силы: подпольная Россия, идущая к революции, и самодержавие, упрямо цеплявшееся за власть. Промежуточное положение

занимала группа «освобожденцев» со Струве во главе. Многие из моих близких друзей шли к «освобожденцам», видя в них «реальную силу», считая чистый социализм для тогдашней России—утопией. Приходилось резко расходиться с недавними соратниками и единомышленниками. В эмиграции социалистической шли споры уже не между народниками и марксистами, как в былые годы, а между «меньшевиками» и «большевиками». У меня были друзья в обоих лагерях. По душе ближе мне был большевизм, с его безкомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от осуждения меньшевизма. По возвращении из-за границы в 1903 г. я не примкнула ни к одной из партийных группировок, предоставив обоим партийным фракциям использовать меня в качестве агитатора, по части «прокламаций» и других текущих заданий. Кровавое воскресенье 1905 г. застало меня на улице. Я шла с демонстрантами к Зимнему дворцу, и картина жестокой расправы с безоружным рабочим людом—навсегда запечатлелась в моей памяти. Необычайно яркое январьское солнце, доверчивые выжидательные лица... Роковой сигнал выстроенного вокруг дворца войска... Лужи крови на белом снегу... нагайки, улюлюканье жандармерии, убитые, раненые... расстрелянные дети... Партийный комитет тогда отнесся с недоверием и осторожностью к выступлению 9-го января. Многие товарищи на специально организованных рабочих собраниях пытались отговорить рабочих от выступления, видя в нем «провокацию» и ловушку. Мне же казалось, что «итти надо». Это выступление было актом самоопределения рабочего класса, школой революционной активности. А я увлекалась тогда решениями Амстердамского конгресса по вопросу о «массовых действиях».

После январьских дней подпольная работа закипела с новой энергией и силой. Большевики в Петрограде начали издавать тогда свою подпольную газету (названия не помню), в которой я участвовала не только как журналистка, но и неся техническую заботу по ее изданию. Из написанных мною в тот период прокламаций особенный успех имела прокламация, направленная против «земского собора», за Учредительное Собрание. Сохраняя все эти годы живую связь с Финляндией, я теперь активно содействовала об'единению действий обоих партий, русской и финской социал-демократии, направленных на нанесение удара царизму.

Из социалисток России я одна из первых заложила фундамент организации работниц, устраивая специальные митинги-клубы для работниц и т. д., при чем с 1906 г. отстаивала мысль, что организация работниц не должна быть оторвана от партии, но в партии должно существовать специальное бюро или комиссия для защиты и выявления интересов работниц. До 1906 г. работала с большевиками, разошлась с ними по вопросу об участии рабочих в 1-й Государств. Думе и по вопросу о роли профсоюзов. С 1906 по 1915 г. состояла во фракции меньшевиков, а с 1915 г. и до сих пор состою в партии большевиков-коммунистов. В 1908 г. бежала из России в виду двух направленных против меня процессов: за организацию работниц-текстильщиц и за призыв к вооруженному восстанию в брошюре «Финляндия и социализм». В политической эмиграции пробыла с конца 1908 г. по 1917 г., т.-е. до 1-й, еще буржуазной революции. За границей немедленно вступила в партию германскую, бельгийскую и т. д. и в качестве агитатора и писателя работала в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Швеции, Дании, Норвегии и Соедин. Штатах (1915—1916 гг.).

Во время войны была арестована в Германии, выслана в Швецию и снова арестована за антимилитаристскую пропаганду, тем не менее в годы войны вела систематическую работу за Циммервальдское об'единение против II Интернационала и за интернационализм в Соед. Штатах по приглашению немецкой группы социалист. партии Америки, в Норвегии и Швеции, обслуживая подпольным путем также и Россию. Вернувшись в Россию в 1917 г., была избрана первым членом-женщиной в исполнительный комитет петрогр. совета, а затем членом исполнит. комитета Всероссийского. Перед большевистской революцией была арестована вместе с другими лидерами большевизма Временным правительством Керенского и была выпущена незадолго до ноябрьской революции большевиков, по настоянию петрогр. совета. В момент большевистской революции состояла членом центр. комитета партии большевиков и стояла за взятие власти рабочими и крестьянами. В первом революционном большевистском правительств. кабинете состояла народным комиссаром госуд. призрения. С момента возвращения в Россию работала по организации работниц. С 1920 г. состояла заведующей женотделом партии по организации работниц. В бытность свою наркомом социального обеспечения издала декреты, положившие начало охране и обеспечению материнства и младенчества.

Полпред и торгпред СССР в Норвегии с мая 1923 г.; с марта 1924 г. состою в дипломатическом корпусе в качестве Chargé d'affaires в Норвегии; с августа 1924 г.—Ministre Plénipotentiaire et Envoyée Extraordinaire de l'U. R. S. S.—полномочный представитель и чрезвычайный посланник СССР в Норвегии.

Крупнейшие теоретически-социалистические и экономические работы мои след.: «Положение рабочего класса в Финляндии» (1903), «Классовая борьба» (1906), «Первый рабочий календарь» (1906), «Социальные основы женского вопроса» (1908), «Финляндия и социализм» (1907), «Общество и материнство» (600 стр.), «Кому нужна война» (разошлась в миллионах экземпл.), «Рабочий класс и новая мораль». Сверх того, большое количество статей, рассказов на сексуальные проблемы и всяческая агитационная литература, направленная, главн. обр., против войны и за освобождение трудящейся женщины.

Кон, Феликс Яковлевич (*автобиография*). Я родился в Варшаве 30 мая 1864 г. Родители, ассимилированные евреи, душой и телом были преданы делу освобождения Польши. Мать принимала участие, хотя только косвенное, в восстании, ее брат, Исидор Гейльперн, был адъютантом Лянгевича и после разгрома повстанцев бежал заграницу... Вспоминая свои детские годы, я до сих пор вижу мать, сидящую за столом и рассказывающую о страданиях Польши и тех, кто восстал на ее защиту, и о зверствах „москалей"... Шестилетним мальчиком я мечтал о том, чтобы стать вождем повстанцев, драться за отчизну и освободить Польшу от „москалей" и от „швабов" и, помню, с особым увлечением распевал:

„И поляк в Москве был
И ему челом бил
Нынешний господин."

Патриотизм в семье заменил религию. Из последней сохранилась только формальная обрядовая сторона—не больше, но и ей придавалось небольшое значение. Помню такой случай. Была Пасха. Вечер мы проводили у деда, который восседал, как полагается по ритуалу, и читал какие-то молитвы. Ритуал требует, чтобы перед ужином приоткрыть выходную дверь, дабы всякий голодный, бездомный или странник мог войти и разделить с хозяевами пасхальную трапезу. Мне, как младшему, приходилось обыкновенно открывать двери. Я открыл и... оторопел. На лестнице послышались шаги, а несколько секунд спустя в квартиру вошел совершенно мне незнакомый человек и направился к столу. Это был бежавший за-границу дядя, нелегально вернувшийся в Варшаву. Он знал, что наступит момент приоткрытия двери, выждал его и проник в квартиру. Дед, бабушка, родители бросились к нему, а мы с недоумением глядели на сцену их встречи. Минуту спустя нам очень таинственно сообщили, кто таинственный незнакомец, предостерегая о том, что это величайшая тайна, потому что, если „москали" узнают, то дядю непременно расстреляют. Я, братья и сестры уставились на этого гостя, а он вскоре начал рассказывать о своих похождениях. Молитвы были забыты. Все—от малышей до старого деда—с замиранием сердца слушали его рассказы. — Чем рассказывать об освобождении евреев из Египта, поговорим о мученичестве Польши,—обратился дядя к деду, и тот охотно на это согласился.

Воспитанный в этом духе, я чувствовал себя в вражеском лагере, когда меня 9-ти лет отдали в гимназию, в приготовительный класс. Преподавание велось на русском языке, которого дети совершенно не понимали. Уже в первом классе, после года пребывания в гимназии, я зубрил стихотворение:

И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой

и был убежден, что дар Валдая надо понимать „дарвалдая"—деепричастие от глагола „дарвалдать".

О гимназических порядках, об отношениях между учениками и учителями говорить не приходится. Нас наказывали за разговор на польском языке, несмотря на то, что во II-ой классической гимназии, в которой я учился, в то время еще сохранились учителя-поляки. Но мы и к ним относились с большой осторожностью, глубоко убежденные, что „поляк на русской службе"—как нам говорили дома—хуже „москаля". Во II-ой гимназии были и такие, но были и другие, весьма порядочные, как Склодовский—отец Кюри-Склодовской, Крынский и другие. Но они с такой же опаской относились к нам, как мы к ним, и мы до окончания гимназии оставались чуждыми друг другу. Но с ними у нас хоть столкновений не было. Не то было с другими, в особенности с учителем немецкого языка фон-Дуйсбургом, который заставлял нас учить стихотворение, рисующее подвиги немецкого героя, разгромившего всю польскую армию. Он этим не ограничивался и часто провоцировал нас на столкновения. Я как-то не вытерпел и спросил его, не

было ли это в битве под Грюндвальдом, где немцы были на голову разбиты поляками. За эту дерзость я был оставлен на 2 часа без обеда, но зато дома мой ответ „швабу" был принят восторженно. Я на короткое время стал героем, чуть ли не мучеником. Но уже тогда впервые меня, как обухом по голове, ударило наставление матери: — „все же, мальчик, будь осторожен..."

Я тогда еще не понимал того, что „патриотизм" был не только в моей семье, но и в большинстве польских семей, только, так сказать, „для дома", а вне его рекомендовалось быть „паинькой". — Я таким „паинькой" не был и вскоре чуть не вылетел из-за этого из гимназии. Я был в пятом классе, когда в Варшаву приехала, после продолжительного пребывания за-границей, пользовавшаяся всемирной известностью, артистка Елена Модржеевская. Зная в каком тяжелом положении находятся все учреждения под управлением царских сатрапов-руссификаторов, Модржеевская дала целый ряд спектаклей в пользу студентов, учеников гимназии и т. д., и только уже потом начала свои спектакли по контракту с Большим театром. Все учреждения, желая подчеркнуть свое отношение к артистке-гражданке, во время этих спектаклей устраивали ей овации, подносили венки, забрасывали цветами. Только мы одни, ученики гимназии, не могли принять в этом участия. Нам без разрешения гимназического начальства, даже в одиночку нельзя было посещать театры. Само собою разумеется, что чем внушительнее становились устраиваемые Модржеевской демонстрации, тем нам было досаднее, что мы ничем не выражаем своего отношения к ней. И нас в конце концов „прорвало".

В Варшаве в то время было 6 гимназий: I-ая—по преимуществу для детей русских чиновников, IV-ая, в которой группировались сыновья крупных польских помещиков, VI-ая—аристократическая и три остальные—для детей обыкновенных смертных. Вот представители этих трех гимназий собрались и решили, что и „мы не лыком шиты", что и нам необходимо выявить свое отношение к артистке. Но как? После долгих препирательств постановили ни венков, ни букетов не подносить — Модржеевская поймет почему,—закупить раек и галерку и массой, не считаясь с запрещением, присутствовать на спектакле. Пьесу выбрали самую „невинную", чтобы начальство не могло придраться, и избрали 3-х человек, которым поручили заняться покупкой билетов. Обо всей этой затее узнало начальство и запретило дирекции театра продавать нам билеты. Это лишь подлило масла в огонь. Мы собрались вторично и решили, что коль скоро самым невинным нашим затеям ставятся препятствия, то нужно „им", т. е. начальству, „показать". Дети повстанцев, мы кое-что смыслили в конспирации. Притворились подчинившимися, в гимназии ни слова не говорили о своих планах, а тем временем, соблюдая конспирацию, собирали деньги на билеты, большой венок и букеты, поручили посторонним лицам закупить раек и галерку и, уже не стесняясь ничем, и пьесу выбрали „подходящую": „Даму с камелиями" Дюма. Мало того, к венку были заказаны польские национальные ленты с надписью: „Елене Модржеевской — польская учащаяся молодежь". Гимназическое начальство и полиция хватились лишь тогда, когда все было готово. Несколько полицейских не смогли сдержать натиска нескольких сот юношей, и мы ворвались в театр, поднесли венок и устроили шумную манифестацию. Несколько дней спустя во всех трех гимназиях началась расправа. Нас допрашивали: был ли на спектакле, давал ли деньги на венок, знал ли, что ленты национальные, кто собирал деньги на билеты и венок и кто поднес венок. На первые три вопроса мы отвечали утвердительно, на два последних отказались ответить. Тогда из каждого класса, по выбору инспектора, было исключено из гимназии по 5-ти человек. В числе исключенных был и я.

Во второй и третьей гимназиях этим дело и окончилось; в пятой оно осложнилось. В число исключенных не попал Игнатий Нейфельдт, подносивший венок. Считая, что другие страдают за него, он, когда инквизиторы уже уходили, заявил им:—Я поднес венок.

— И я, откликнулся другой ученик—Домбровский.

— А я собирал деньги — заявил мой однофамилец—Кон.

Они предполагали, что своим признанием спасут других, но добились лишь того, что их всех троих исключили с волчьими билетами. Этим дело не кончилось. На следующий день Нейфельдт явился к директору Хорошевскому с просьбой назначить ему другое наказание, так как исключение ставит его и его семью в отчаянное положение: он уроками содержит старуху-мать, а исключенный, он потеряет уроки. Тут же Нейфельдт прибавил, что если его просьба не будет уважена, ему ничего не остается, как пустить себе пулю в лоб.

„Жид—и пулю в лоб--не поверю"—ответил, директор. Несколько минут спустя Нейфельдт с раздробленной головой лежал мертвый на полу в соседней комнате. Он после этого разговора жил только столько времени, сколько нужно было для того, чтобы написать записку с сообщением о разговоре с директором.

При известии об этом вся Варшава от мала до велика вознегодовала, а власти струсили. К исключенным, в том числе и ко мне, был на квартиру прислан курьер с вызовом в гимназию, где нам было об'явлено, что попечитель округа оказал нам снисхождение и решил принять нас обратно в надежде на то, что мы исправимся. Мы не исправились. Несмотря на запрещение участвовать на похоронах Нейфельдта, все высшие классы упомянутых трех гимназий приняли в них участие, каждый класс с венком с соответственной надписью. Но не одни ученики демонстрировали, демонстрировали и родители. Тысяч до 50-ти человек участвовало в этих похоронах, на гроб было возложено более 200 венков. На первых порах власти не принимали никаких мер, даже Хорошевского перевели куда-то вглубь России, но когда все успокоилось, мы, намеченные ранее к исключению, были наказаны многочасовым карцером.

Само собой разумеется, что при таких педагогических приемах тот дух бунта, который не мог не быть в детях в крае порабощенном, только усиливался и все более и более толкал на революционный путь. А так как все зло приписывалось поработителям Польши, то путь этот был путем борьбы за независимость Польши. С этого начинала вся более отзывчивая молодежь, с этого начал и я... но только начал. Противоречие между словами и делами „патриотов" оттолкнуло от них и толкнуло на другой путь, о чем я подробно говорил в своих воспоминаниях „Сорок лет под знаменем революции" и „Из дней ранней юности". Недостаток места заставляет меня лишь упомянуть о том, что я сначала работал в партии „Солидарность", затем в „Пролетариате" (см. указанные воспоминания), был предан военному суду (см. „Суд над пролетариатом"), был приговорен к каторге, шел почти целый год по этапу вместе с партией уголовных (см. „Этапом на каторгу") к месту назначения—на Кару, где пробыл до декабря 1890 г. (см. „В каторге на Каре" и в журн. „Каторга и ссылка" ст. „На Каре"), затем был сослан на поселение в Якутскую область.

Каре я обязан углублением своих знаний под руководством старших товарищей и знакомством с русским революционным движением. Пребыванию на Каре я приписываю и то, что под влиянием таких обаятельных людей, как Сергей Бобохов, я уклонился в сторону народничества, и прошли целые годы прежде чем я, „пролетариатец", с уклоном к марксизму, окончательно стал на путь революционного марксизма. В Якутской области я вновь был арестован и только благодаря серьезной болезни избег путешествия в Верхоянск. Долгое время я недоумевал, чем вызван был этот арест, но затем от лиц, имеющих доступ к делам областного управления, узнал, что за обращение к польским революционерам с призывом сохранить союз, заключенный „Пролетариатом" с русскими революционерами. Долго я недоумевал, откуда сие, так как я в этом „преступлении" не был повинен. Впоследствии оказалось, что вышла небольшая „перепутанница". Я такое воззвание написал, когда был заключен договор „Пролетариата" с „Народной Волей", но рукопись этого воззвания была у кого-то найдена уже после моего осуждения. Об этом департамент сообщил „для сведения" иркутскому генерал-губернатору, а он почему-то предположил, что это воззвание мною было послано из Якутска и, исходя из того, что „дальше едешь — тише будешь", сделал распоряжение об отправке меня в Верхоянск.

В Якутской области, кроме обычного для всех государственных ссыльных воздействия на молодежь, писания всевозможных жалоб якутам на чинимые им местными властями обиды и т. д., я занялся изучением края, напечатал в „Памятной книжке" Якутского края статью о перспективах развития земледелия в Якутской обл., произвел подворную перепись в Хатын-Арынском скопческом селении (монография напечатана в „Записках Восточного Отдела Географич. Общества"), в Никольской поселенческой слободке Намского улуса (вышло в прилож. к „Восточн. Обозр."), описал быт якутов Намского улуса в „Вост. Обозр." („Намские письма") и принял участие в „Сибиряковской экспедиции" („Якуты", изданн. впоследствии в Минусинске). В это же время я написал первый беллетристический очерк из жизни ссыльных повстанцев—„В Якутской юрте"—на польском языке, который был напечатан в „Курьере Львовском".

В ноябре 1895 г. я, после прописки в „крестьяне из ссыльных", перебрался в

Иркутск, где по приглашению редактора Ив. Ив. Попова принимал участие в редакц. коллегии „Восточн. Обозр." вместе с Коваликом, Лянды и др. Пребывание мое в Иркутске продолжалось всего несколько недель. Ген.-губерн. Горемыкин, временно пребывавший в Петербурге, узнав о моем пребывании в Иркутске, телеграфным путем распорядился о выдворении меня оттуда, и мне пришлось перебраться в Балаганск. Это был самый критический момент в моей жизни. В Балаганск, несколько недель после моего прибытия туда, приехал Марк Андреевич Натансон, один из старейших революционеров, о котором я еще на Каре слыхал очень много и очень положительного и как о революционере и как о человеке. Такого умного и обаятельного человека мне редко приходилось встречать. Но... он в то время был „народоправцем" и упорно гнул свою линию, пытаясь и меня вовлечь на этот путь. Я был ошеломлен. Во мне проснулся „пролетариатец", и я начал борьбу с ним, опасаясь его влияния на отбывающих в Балаганске ссылку рабочих (Коханского, Чарковского, Анелевича). Это меня и вернуло на прежний путь. Я уже тогда, поработав очень много, стал твердой ногой на путь марксизма, хотя многое еще оставалось для меня неясным. Как это ни странно, но это не повлияло на личные отношения с Натансоном, и мы до его смерти оставались друзьями. В Балаганске я страшно томился. Во мне не заглохла жажда деятельности, а в этом захолустьи делать было нечего. Это меня побудило перебраться дальше на запад, и я после долгих мытарств переселился в Минусинск. В одном отношении я попал из огня да в полымя. Здесь был первомартовец Аркадий Владимирович Тырков, славный человек, но уже сильно отставший, были „народоправцы" Тютчев и Яковлев, из которых первый был крайне нетерпим по отношению ко всем инако-мыслящим, а из марксистов был вначале только один Райчин, о котором у нас были сведения, что он вел себя неважно на следствии, и который по своему характеру не располагал к себе.

Впоследствии в Минусинский округ прибыли Владимир Ильич Ульянов-Ленин, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, Лепешинский и др. люди, общение с которыми могло бы мне помочь разобраться в целом ряде вопросов, в частности в национальном, но одна из обычных „историй" в ссылке помешала сближению. Из-за побега Райчина произошла „склока", и я остался с „стариками". Сблизился я в это время только с одним Тырковым, но это была личная дружба. Идейно мы расходились. Появившиеся на Минусинском горизонте другие социал-демократы—Михаил и Арон Лурье, носили только эту кличку и были ярыми сторонниками мировоззрения Н. К Михайловского. Идейно я был одинок, но я в это время очень много работал над собой, все более и более укрепляясь на пути марксизма.

Все время пребывания в Минусинске я продолжал свои антропологические и этнографические исследования, печатал работы в „Русском антрополог. журнале", работал в Минусинском местном музее, составил его историю („Двадцатипятилетие Минусинского местного музея"), участвовал в сибирских газетах („Сиб. Жизнь", „Степной Край", „Вост. Обозр."), выпустил и сборник беллетристических очерков „Сказки сибирской действительности", напечатал в Гольцовской „Русской Мысли" очерк „Не по тому пути", а затем по предложению Восточн. Отдела Красноярского под'отдела Географич. Общества отправился в экспедицию в Засаянский край для изучения урянхов—сойотов. Собранные во время этой экспедиции материалы до сих пор полностью не разработаны. Помешала этому и революционная работа (1905—1906 г.), и скитание по эмиграции, и война и то, что все материалы застряли во Львове, и их до сих пор нельзя было оттуда выручить, но часть материалов в обработанном виде уже напечатана („Усинский Пограничный Округ"). Собранные коллекции пересланы в музеи, в том числе Московский Политехнический. За эту экспедицию и за собранные коллекции Антрополог. Отделом Общества Любителей Естествоиспытания мне была присуждена золотая медаль и половина Расцветовской премии.

На обратном пути (я шел от верховьев Малого и Большого Енисея вплоть до оз. Коссогол) я вышел к Байкалу. Я остановился на несколько дней, пока меня вновь не выдворили оттуда, в Иркутске. Здесь жил тогда Ф. Ю. Рехневский и еще несколько человек—участников польского революционного движения. Мы устроили небольшое совещание, на котором обсуждали программы и деятельность социалистических партий в Польше. Для нас тогда не подлежало ни малейшему сомнению, что фактическое игнорирование национального вопроса „соц.-дем. царства Польского и Литвы" в стране порабощенной недопустимо и может в результате толкнуть рабочие массы в сторону националистов.

С другой стороны, для нас уже тогда было ясно, что для руководителей польской социалистической партии с Иосифом Пилсудским во главе, как это мною было впоследствии формулировано на с'езде, на котором произошел раскол, „пролетариат был нужен для независимости Польши, а не независимая Польша для пролетариата."

Рехневский, живя в Иркутске, имел больше, чем я, возможности изучать движение, и он обратил мое внимание на идейную разноголосицу, происходившую в П. П. С., указав на то, что национализм насаждается главарями, живущими в Галиции и издающими там „Przedswit" („Заря"), но что местные организации в царстве Польском становятся все более и более на классовую позицию. „В П. П. С. под одной крышей находятся две фактически ничего общего друг с другом не имеющие партии— формулировал свою точку зрения Рехневский.—Рано или поздно произойдет раскол и слияние рабочей части с с.-д., а с.-д. тоже вынуждена будет пересмотреть свою национальную программу." Я не могу не упомянуть здесь о том, с какой радостью и удовлетворением мы с Рехневским констатировали, что, несмотря на годы разлуки, мы оказались единомышленниками, что оба готовы были употребить все силы к идейной очистке рабочего движения и к его об'единению.

Как я уже упоминал, меня выдворили из Иркутска, и я несколько дней спустя вернулся в место своей ссылки—в Минусинск. По инерции я еще продолжал заниматься этнографическими исследованиями, изучал качинцев и сагайцев (статьи в „Русском Антроп. Журн."), принимал участие в местной общественной жизни, работал в прессе, но меня уже все более и более тянуло на родину, на работу среди рабочих и, как только получено было разрешение, я немедленно покинул Сибирь, в которой пробыл 18 лет, и двинулся в Польшу. Это было в июне 1904 г. Я сразу с головой окунулся в движение, примкнул к оппозиции в П. П. С., которая оказалась сильнее, чем мы с Рехневским предполагали, и уже на VII с'езде (в начале 1905 г.) выступил решительно против националистов. О моей деятельности с момента возвращения из Сибири до ареста в ноябре 1906 г. упомяну лишь вкратце. Это была не работа, а, если можно так выразиться, сплошное кипение. Я был редактором ежедневного легального органа „Курьер Цодзенный", принимал участие в редакции нелегального „Работника", был членом ЦК, когда удалось вытеснить из ЦК Пилсудского и его сторонников, возглавлял работу среди солдат и редактировал нелегальный „Солдатский Листок", вел сношения с русскими партиями, был представителем П. П. С. на совещании всех революционных партий в России по вопросу о координации действий—от П. С.-Д. представителем был Дзержинский, от большевиков „Любич" (Саммер),—участвовал в декабрьские дни 1905 г. в об'единительном комитете всех трех партий в Польше, который руководил забастовкой в Варшаве и противодействовал отправке войск из Польши на усмирение Московского восстания и т. д., исчезая из Польши, когда полиция наступала по пятам, и устраивая себе „передышку" в России (в Одессе, в Николаеве), пользуясь существовавшей тогда „децентрализацией", благодаря чему разыскиваемые в одном генерал-губернаторстве могли свободно проживать в другом. Во время этой передышки я участвовал в редакционной коллегии газеты „Юная Россия" и „Одесских Новостей", где печатал фельетоны и статьи под псевдон. „Панглосс". В 1906 г. участвовал в с'езде, на котором вместе с другими добился исключения Пилсудского и его сторонников из партии. Наступил самый трудный период — размежевания расколовшейся организации. Приходилось ходить с фабрики на фабрику, с одного делегатского собрания на другое, делать доклады о причинах раскола, опровергать докладчика „фраков" (так называли рабочие организацию исключенных, которые приняли название революционной фракции П. П. С.). На одном из этих собраний здание фабрики окружили солдаты и арестовали всех 63 присутствовавших на собрании. Я вновь очутился в тюрьме. На этот раз уже сказался возраст. Я захворал цынгой. Сидевшие одновременно со мной в той же тюрьме Дзержинский, Варский, Ганецкий и др. уже собирались меня хоронить, но меня до суда отпустили на поруки, и я, оправившись, убежал в Галицию. Все арестованные по этому делу были приговорены к каторжным работам.

В Галиции, где партия, возглавляемая Дашинским, стояла на позиции Пилсудского, в начале меня не подпускали к работе, но мало по малу я добился того, что проник в организацию и смог вести работу среди рабочих. Вскоре я сделался директором рабочей больничной кассы в Дрогобыче и Бориславе, был избран в местный комитет, а затем в областной, но все

время наталкивался на противодействие лидеров, крайне враждебно относившихся ко мне, как к „левицовцу“, „мутившему, по словам Дашинского, воду“. Из Дрогобыча я переехал во Львов, где принимал участие в редакции газеты „Глос“ (местный социалист. орган), а затем с войной перебрался в Швейцарию в ноябре 1914 г. За время пребывания в Галиции написал на польском языке „Историю революц. движения в России от 1861 г. до разгона II Думы“ и „Военные суды в Царстве Польском“, напечатав автореферат об этой книге в петербургском „Праве“.

В Швейцарии я примкнул к Циммервальду. Находясь в Швейцарии до революции, я принимал участие в местном движении и организовал вместе с Н. К. Крупской эмигрантскую кассу во всешвейцарском масштабе. В мае 1917 г. я в т. наз. „запломбированном вагоне“ возвратился в Россию, работал сначала в Ленинграде, затем переехал на Украину.

После об'единения в Польше „Социал-демократии царства Польского и Литвы“ с „левицей“ П. П. С. и образования коммунистической партии Польши в конце 1918 г. вошел вместе со всей организацией П. П. С. (левицы) в состав РКП. В 1919 г переехал в Киев, где руководил польской организацией и редактировал на польском языке орган „Голос Коммуниста“ и был членом коллегии Н. К. И. Д. Украины. После оккупации Деникиным Украины переехал в Москву, где некоторое время был членом коллегии Наркомпроса, затем вновь возвратился на Украину, был членом Киевского Губкома КП (б) и затем членом ЦК и секретарем ЦК, состоял одновременно членом ВУЦИК'а и членом президиума ЦИК СССР. В промежутке 1920 г. был членом Временного Революционного Комитета, возглавляемого покойным Мархлевским. В 1922—23 г. состоял секретарем Коминтерна. В настоящее время состою редакт. газ. „Красная Звезда“ и зампредседателя контрольной коммисии ИККИ.

Копп, Виктор Леонтьевич *(автобиография)*, род. 16/29 сентября 1880 г. в Ялте в мещанской семье среднего достатка. Смерть отца в 1886 г. очень быстро повела к разорению многочисленной семьи, которой пришлось вести полуголодное существование. В 1888 г. был взят на воспитание родственниками, отдан в реальное училище в г. Николаеве, которое окончил, идя все время первым учеником, в 1898 г. Еще в младших классах пристрастился к чтению, поглощая все попадавшееся под руку. Особое впечатление произвела на 14—15-летнего юношу книжка Р. Оуэна „Об образовании человеческого характера“. Она заложила фундамент социалистического миросозерцания и пробудила интерес к судьбе рабочего класса. Белинский, Добролюбов, Писарев, а из иностранных писателей—Бокль оказали сильнейшее влияние и пробудили жажду практической деятельности и стремление уйти от мещанской обстановки. В последнем классе училища и немедленно по его окончании завязываются связи с кружками радикальной интеллигенции, и начинается пропагандистская работа в рабочих кружках. К этому же времени относится первое знакомство с теоретическими работами Маркса.

В 1900 г. поступил в Харьковский Технологический институт, но вскоре был уволен и выслан из Харькова за организацию студенческой забастовки и за участие в демонстрации 4 марта 1901 года. С этого времени начинается для К. период подпольной работы, сначала на юге в Екатеринославе, где он был арестован за организацию и за речь на маевке, затем за границей по организации транспорта „Искры“, потом в качестве агента орг. комитета по созыву II партийного с'езда и т. д. Подпольная работа неоднократно прерывалась арестами и нелегальными поездками за границу из мест, куда направлялся до „приговора“.

После II партс'езда, на который К. был избран делегатом от одесской организации, но куда из-за провала связей на границе попасть не успел, работал в транспортной организации Ц. К. При расколе партии об'явил себя „внефракционным“ и остался на этой позиции и после 1905 года, когда начал принимать деятельное участие в профессиональном движении в Ленинграде. Был одним из организаторов профсоюза рабочих металлистов (псевдоним Томский), редактором их союзного журнала, сотрудником, а затем одним из редакторов органа Центрального Бюро профсоюзов и т. д. В 1909 г. был арестован и выслан за границу, где сотрудничал сначала в „Правде“ Троцкого, а затем в германской с.-д. печати.

Вернувшись в Россию незадолго до начала империалистической войны, был мобилизован, отправлен на фронт, попал в начале 1915 г. в плен, где оставался до осени 1918 г., когда был по требованию Сов. посольства в Берлине освобожден и включен в состав миссии в качестве советника. В Советскую

Россию попал впервые в конце 1918 г. вместе с высланным из Берлина составом миссии Иоффе. Дальнейшая работа К. с этого времени посвящена целиком внешней политике: 1919—1921 г.— представитель Р.С.Ф.С.Р. в Германии. 1923—1925 г.—член коллегии НКИД; с апреля 1925 г.—полпред. С.С.С.Р. в Японии.

Косиор, Станислав Викентьевич *(автобиография)*. Родился в 1889 г. Отец—рабочий, поляк. Окончил начальное заводское училище при Сулинском металлургическом заводе (ст. Сулин, быв. Донобласти). С 13-ти лет поступил на работу в слесарную мастерскую на заводе, проработав год вынужден был переселиться на Юрьевский завод близ Луганска, вследствие закрытия Сулинского завода после стачки рабочих в 1905 г. Стачка оставила во мне определенный след, и через брата Владимира, который уже был в РСДРП, выполняю технические поручения партии и в 1907 г. официально был принят в партию. Вскоре после вступления в партию был арестован и выслан в административном порядке, а с завода уволен без права поступления. После этого поступил в кустарную сапожную мастерскую в качестве ученика, ведя одновременно и партийную работу; проработав год, вынужден был уехать вследствие разгрома полицией партийной организации. В 1909 г. благодаря старым связям поступаю вновь на Сулинский завод конторщиком. Проработав некоторое время на заводе, подвергаюсь аресту и заключению в Новочеркасскую областную тюрьму, где просидел 6 мес. и после этого был выслан под надзор полиции на 2 года в Павловский рудник в Донбасс. Здесь устанавливаю с Юрьевской организацией связь и принимаю участие в предвыборной кампании в 3-ю Госуд. Думу. Пробыв в Павловском руднике 4 мес., высылаюсь из пределов Екатеринославской губернии в гор. Харьков. В Харькове вначале веду работу в профсоюзах, а затем устанавливаю связь с частью партийцев, находившихся тогда в Харькове. Партработу развернули весной 1914 г. в связи с подготовкой забастовки 1-го мая. Благодаря провокатору Рудову были арестованы и высланы из пределов Харькова в Полтаву. В 1914 г. после об'явления войны переехал в Киев, где связался с отдельными партийцами, и совместно организовали временный комитет большевистской партии. В 1915 г. вследствие провала вынужден был уехать в Москву. В Москве поступаю на работу в Центросоюз, группой большевиков московской организации провожусь на продовольственный с'езд и работаю по собиранию разгромленной в Москве партийной организации и созыву городской партийной конференции. Попытка созвать конференцию не удалась вследствие провала, и я арестовываюсь и отправляюсь в ссылку на 3 года в Иркутскую губернию. После Февральской революции 1917 г. возвращаюсь из ссылки в Петроград, где вначале работаю в парторганиз. Нарвско-Петергофск. района, а затем избираюсь в ПК и исполкомиссию, где и работаю до 1918 г. (до переезда в Москву). В 1918 г. уезжаю на Украину на нелегальную работу и работаю как секретарь правобережного обл. ком. В 1919 г. работаю на Уманском участке фронта, затем избираюсь в декабре 1919 г. в ЦК КПУ(б). В 1922 г. переезжаю в Сибирь на парт. работу, где и работал до 14 партс'езда, на котором избираюсь в секретари ЦК ВКП (б).

Котовский, Григорий Иванович, род. в 1887 г. в Бессарабской губ. Отец К., по происхождению дворянин, служил инженером на винокуренном заводе в имении родовитого бессарабского князя Манук-Бея. К. был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, он часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери, бледный и перепуганный, и ложился с ней. Но и бедокурил не мало. Пяти лет он упал с крыши и с тех пор стал заикой. В ранних годах К. потерял мать. Десяти лет К. отдали в реальное училище. Там уже он проявлял черты той бурной, свободолюбивой натуры, которая позднее развернулась во всю ширь. Его поведение не давало покоя школьным наставникам. К. увольняют из реального училища за плохое поведение. Он поступает в Каракозовское агрономическое училище. 16-тилетний К. теряет отца и остается круглым сиротою. Уже во время пребывания в агрон. училище, в начале 1903 г., К. знакомится с кружками социал.-революц. и 17-тилетним юношей впервые попадает в тюрьму, арестованный Кишиневским губ. жандармским управлением. Три месяца К. просидел под следствием, но за отсутствием улик был освобожден.

В 1904 г. К. поступает практикантом по сельскому хозяйству в имение богатого бессарабского помещика Кантакузино. Экономия Кантакузино носила на себе все черты „культурных" помещичьих хозяйств того времени. Батраки работали на помещика по 20 часов в день, жили в темных конурах,—бесправные, под угрожающей все время плетью

барского произвола. К., всегда искавший наиболее свободных отношений с окружавшей его средой, с трудом выносил режим помещичьей экономии. Он тесными нитями связывается с батрацкой голытьбой. В то же время у К. происходит личное столкновение с Кантакузиным. Жена последнего увлеклась молодым, самоуверенно державшимся практикантом. Князь, узнав о чувствах княгини, замахнулся на К. арапником. И К. решается отомстить той среде, в которой он вырос. Он сжигает имение князя. С этого часа он вступает на дорогу бунтовщичества, которое охватило долгий период его жизни. В бессарабских лесах он собирает вокруг себя группу из 10—12 человек, которая принимает участие в стихийном крестьянском движении, развившемся в то время. 1905 г. связывает дружину К. со своими освободительными стремлениями, — правда, очень неоформленными. В глазах крестьянства и всей Бессарабии К. является отзвуком революционной бури, отзвуком, который услышали маисные поля благодатной Молдавии. Помещики пытаются оклеветать К. Газеты пишут о нем, как об уголовном герое и бандитском батьке. Но они прекрасно сознают, что это ложь.

Вот К., окружив в лесу патруль, препровождавший пеший отряд крестьян, задержанных за аграрные беспорядки, освобождает их. В книге старшего по команде он оставляет расписку: „Освободил арестованных Григорий Котовский". В другой раз он является на званый вечер в дом богатого помещика Крупенского под видом крупного провинциального помещика. Свежий человек привлекает на вечере внимание присутствовавшей здесь знати. Синадино, Семиградов, Крупенский с интересом слушают рассказы нового гостя. Идет разговор о Котовском. „А что бы вы сделали, если бы К. действительно явился к вам?"—спрашивают хозяина. Крупенский отвечает, что у него на стуле у кровати постоянно лежит браунинг. В ту же ночь, после раз'езда гостей, на квартиру Крупенского—налет. Однако, К. не намеревался всерьез потревожить помещика. Он взял у него только подарки эмира Бухарского и шаха Персидского—дорогой ковер и палку с золотой отделкой (которые он после отдал приставу, пытавшемуся арестовать К., но самому арестованному последним и затем отпущенному). А на достопримечательном браунинге оставил записку: „Не хвались идучи на рать, а хвалися идучи с рати".

Полиция тщетно старается поймать К. Пользуясь смутным временем, полиция, под прикрытием имени К., обделывает и свои корыстные дела: она входит в контакт с уголовными, которые производят налеты под видом отряда К. Но в конце-концов зимой 1906 г., проданный власти за 10.000 рублей одним провокатором, К. попадает в Кишиневский тюремный замок. В тюрьме К. пользуется огромным авторитетом среди заключенных, и это дает ему возможность организовать грандиозный побег. И К. блестяще справляется с этой задачей. Вся стража и надзиратели были обезоружены. Арестанты вырвались за последние ворота и широкой лавиной хлынули на Сенную площадь. Побег провалился из-за предательства двух арестантов. Воинские части встретили на Сенной площади арестантов в штыки. К. после этого был посажен в особую железную камеру, но вскоре снова бежал и через короткий промежуток времени опять был арестован.

Его перевели в образцовую Николаевскую каторжную тюрьму, как осужденного на десять лет каторги. Потом Смоленская каторжная тюрьма, Орловская и, наконец, Сибирь—Нерчинская каторга. Работа в шахтах. Зимой 1915 г. К. убивает двух конвоиров, охранявших выход из шахты, и бежит. Тайга, тысяча верст бездорожья. Благовещенск, Чита, Иркутск, Томск. Затем снова Европейская Россия. К. работает на Волге в качестве грузчика, чернорабочего на постройках и в помещичьих имениях, кочегаром на мельнице, помощником машиниста, кучером, разливщиком на пивоваренном заводе, молотобойцем, рабочим кирпичного завода и на постройке железной дороги.

В 1916 г. К. направляется в Бессарабию. О его пребывании там становится известным. За поимку К. берется сам департамент полиции. Из Петрограда, Москвы и Киева присылаются лучшие шпионы. Фотография К. в тысячах экземпляров разослана во все города. В конце-концов один провокатор предает К.

В имение, где находился К., нахлынул однажды отряд жандармерии. С закованными руками и ногами К. доставляют в Кишинев, а затем в Одессу. К. находится под угрозой казни. Но в это время грянула Февральская революция, и К. был освобожден из тюрьмы. В городском оперном театре Одесский совет рабочих, крест. и солд. депутатов продает кандалы К. за 10.000 рублей с аукциона. К. едет на фронт. Это было

в мае 1917 г. Получает „Георгия" и производится за боевые заслуги в прапорщики. Но революционная волна Октябрьских дней увлекает и его на путь Октября. На с'езде 4-й армии румынского фронта в г. Галаце К. присоединяется к выделенной на с'езде фракции большевиков и избирается в состав армейского комитета. С тех пор начинается работа К. сначала в Красной гвардии, а затем в Красной армии. В конце 1917 г. К. организует в Тирасполе красногвардейские отряды и борется с контр-революцией. Позднее его отряд вливается в регулярные части Красной армии и получает громкую славу, благодаря своей отваге. Отряд К.—впоследствии бригада —участвовал в знаменитом в летописях гражданской войны Южном походе (берет Одессу и Тирасполь), затем—в боях против Юденича, бело-поляков. Большая глава принадлежит ему в борьбе с бандитизмом—с Тютюником, Петлюрой, Махно, и в подавлении тамбовского восстания Антонова. В боях на львовском направлении он был тяжело ранен в голову и живот. За боевые заслуги был награжден Реввоенсоветом Республики тремя орденами Красного Знамени. К. военного образования не имел и действовал личной храбростью, необычайной сноровкой, ориентировочным талантом. Особенно трудные условия для его борьбы создавала необходимость сочетать партизанские настроения конников с задачами трезвой, дисциплинированной борьбы. В среде котовцев и в поздние годы гражданской войны продолжали жить партизанские настроения, которые грозили увлечь боевой отряд на путь авантюризма. К. приходилось приводить своих бойцов к пониманию общих задач, воспитывать в них сознание общих целей, укреплять ростки их революционной идеологии. Но, с другой стороны, К. должен был откликаться на те требования, которые пред'являл к нему стан его бойцов. Волей или неволей К. соприкасался одним краем с партизанской „вольницей".

Но все же его заслуга в том, что он не держался партизанщины, а выносил ее на себе, выбирая из нее все, в чем был дух будничный, ежечасно утверждая ее в верности трудному, революционно-боевому делу. К. стремился к тому, чтобы не дать красной романтике расцвесть в авантюризм пошлости. И если все же прошлое и среда оставили известный отпечаток на К. (тяжелый суб'ективизм, стремление к внешней помпе, театральность), то эти черты не были в полной мере характерными для К. Дисциплине армии и партии, в которую К. вступил во время гражданской войны, он подчинялся в полной мере. Не раз он говорил о том, что если бы не эта дисциплина, то он не выдержал бы и ринулся со своими конниками на освобождение родной Бессарабии.

В ночь на 6 августа 1925 г. К. был убит на хуторе Чабанка в Одесской губ. одним из своих подчиненных—ад'ютантом. Смерть застала К. в должности командира 2 Конного Корпуса. К. был членом Союзного, Украинского и Молдавского ЦИК'а. *М. Барсуков.*

Красиков, Петр Ананьевич (*просмотренная биография*), род. в 1870 г., 4 октября, в г. Красноярске Енисейск. губ. Предок К., по семейным преданиям, был сослан из Москвы в Сибирь при Иване Грозном, и только в Сибири этот род получил прозвище Красиковых, благодаря преобладанию в нем рыжеволосых. Дед, Петр Иванович К., был приписан к минусинским казакам и в 60-х годах прошлого столетия занимал должность „градоправителя" в г. Минусинске и сыновьям своим, в том числе Ананию Петровичу, смог дать высшее образование в Петербургском унив. и Гейдельберге. А. П., окончив в 1863 г. курс юридических наук, вернулся в Сибирь с мечтами о культурной работе на своей родине и по воззрениям своим примыкал к кружку Ядринцева, Потанина и др. патриотов Сибири. Женившись на сибирячке, Елиз. Вас. Касьяновой, окончивш. курс иркутского пансиона, А. П. вступил на службу по своей специальности, работая во многих городах Сибири: Омске, Каркаралинске, Красноярске и др. Государственная служба сильно разочаровала его, ибо произвол губернаторов и жандармов в то время в Сибири душил и не давал ходу ничему живому. Реформы 60-х г., как известно, почти не коснулись Сибири, где не был введен даже суд присяжных. Бросив, вследствие обостренных отношений с губернской властью, службу, А. П. посвятил себя педагогической деятельности и умер чрезвычайно рано, на 42 году своей жизни, оставив Елизавету Васильевну с тремя детьми, Евгенией, Елизаветой и Петром, почти без всяких средств. Благодаря поддержке деда, К., кончив Красноярскую классическую гимназию, направился в 1891 г. в Петерб. унив. Уже в гимназические годы наметилось направление К., как будущего революционера. Этому особенно способствовали 2 обстоятельства: во-первых, жажда знаний, выразившаяся в страсти к чтению, и книги, оставшиеся от отца, среди

которых были наиболее передовые в то время произведения русской и переводной литературы 60-х г.: „Современник", Чернышевский, Флеровский, Щедрин, Добролюбов, Писарев, Лавров, Д. Милль, Адам Смит, Бокль, Дарвин, Дрепер, Лассаль, и, во-вторых,—влияние политических ссыльных, отчасти тех, что жили в Красноярске, а главное тех, что шли через Красноярск, как этапный пункт, пропускавший всех, кто направлялся в Восточную Сибирь. Группа гимназистов Красноярской гимназии, в том числе и К., умудрялась проникать к останавливающимся проездом в Красноярске ссыльным и с жадным любопытством слушала их рассказы о борьбе с царизмом, революционные песни, разговоры и споры и даже получала кое-какую литературу. Преобладали в то время народовольцы, народники и, наконец, пролетариатцы (Феликс Кон).

Ко времени окончания гимназич. курса К. сильно тяготел к народовольцам; из всех героев революции самые сильные симпатии в нем возбуждали личности Желябова и Перовской. С теорией Маркса и русским ее преемником Плехановым знакомство началось лишь в VIII классе гимназии, и более основательное ее изучение могло осуществиться лишь на I курсе Петербургск. унив. Университетская и общественная жизнь в Петербурге сразу настолько захватила К., что он перешел с математического факультета, куда он первоначально поступил, на юридический. Через сибирское землячество он входит в общестуденческую организацию, каким тогда было „Общество вспомоществования студентам", и здесь сталкивается с наиболее прогрессивными представителями петерб. студенчества—Л. Л. Оболенским, Глебом М. Кржижановским, Гофманом, Метальниковым и др. Общественная работа дает К. связи, но не удовлетворяет его по существу. Маркс, за основательное изучение которого засел К. немедленно по приезде в Питер, толкает его на работу по распространению идей марксизма. Сойдясь с А. Бесчинским, в то время марксистом, он участвует в образовании рабочих кружков на Васильевском острове и ведет с ними занятия (рабочие Садов, Фишер, Нефедов и др.). В то же время вместе с А. Бесчинским и А. Гурьевым кустарно нелегально издает на ремингтоне и гектографе брош. Энгельса „Научный Социализм" и „Коллективизм" Геда, пользуясь квартирой и содействием архитектора Еремеева и его жены Зои Митрофановны.

В 1892 г. едет за границу в Швейцарию и вступает в тесное сношение с Плехановым, Засулич, Аксельродом, имея, между прочим, поручение от товарищей-единомышленников привезти директивы и как можно больше новейшей марксистской литературы. В Женеве, кроме тесного общения с Плехановым, усердно сидит и изучает русскую литературу; привозит на себе полпуда литературы: „Наши разногласия", „Социализм и политич. борьба", „Соц.-Демократ" и др. Через день по приезде в Петроград, после обыска (при чем литература уже была передана, куда следует), арестовывается по приказу фон-Валя и через месяц предварительного заключения переводится в Петропавловскую крепость, где сидит год по обвинению в сношениях с полит. эмиграцией (Плехановым). После смерти Александра III, зимой 1894 г., отправляется в Сибирь, по исключении из университета, в административную ссылку в г. Красноярск, где, спустя год, получает приговор на три года. В Сибири К. продолжает занятия марксизмом и ведет кружок среди местной молодежи по изучению „Капитала". Условия ссыльной жизни в Красноярске в то время для революционного марксиста были чрезвычайно тяжелы: помимо притеснений сибирской полиции и гласного надзора, приходилось выдерживать натиск самой ссыльной братии, исключительно состоящей из народников, народовольцев, народоправцев, среди коей марксист в то время рассматривался скорее как отступник от революционных заветов, чем соратник и товарищ. По адресу марксиста клички: „пластырь", „горчичник", „сторонник капитализма" украшали полемику со стороны „стариков", напр. таких, как В. А. Караулов (впоследствии кадет) и др. Борьба шла, конечно, о влиянии на местную молодежь и была очень успешной для марксизма. Только с приездом т. т., высланных тоже в Красноярск, А. Залкинда и Л. Н. Скорнякова и затем В. П. Арцебушева—марксистского полку прибыло, и от'едаться от „стариков" и вести работу К. стало легче. К трудностям жизни, конечно, присоединялось отсутствие средств к существованию и содержание семейства. К. пришлось заняться уроками, и только в 1896 г., благодаря постройке железной дороги, требующей квалифицированных работников, и категорическому требованию инженера Чернцева, правительство согласилось дать разрешение принимать политиков на железнодорожную службу. К. занял небольшую должность на „Ангарском пароходстве" и производил

кропотливую работу по перевозке и перегрузке Байкальского парохода-ледокола и других ангарских грузов на берегу Енисея. 1896 г. был знаменательным для немногочисленных еще тогда марксистов. По пути в Шушу, село Минусинского уезда, проехал Владимир Ильич Ленин и затем приехал в Красноярск полечиться и купить ружье; здесь произошло личное знакомство К. с Владимиром Ильичом, известным до тех пор ему лишь по его произведениям под псевдонимом Тулина. Приблизительно в этот же период через Красноярск проследовали Ванеев, Старков, Запорожец, Мартов и прожили несколько дней, в течение которых происходило общение немногочисленных красноярцев с вновь прибывшими.

С приездом этой плеяды марксистов, а затем и других, в том числе рабочих, атмосфера сибирской ссылки стала сильно наполняться марксистским духом, и жить стало легче. К., благодаря центральному положению красноярского этапа, встречал и провожал многочисленные партии ссыльных, среди которых все более и более стали появляться пролетарские элементы, сильно нуждавшиеся в материальной помощи. Помощь, оказываемая им из собираемых средств, повидимому, навлекла гнев генерал-губернатора Сибири, и почти в день окончания трехлетнего срока ссылки К. получил прибавку—еще на один год с мотивировкой: „за сношение с сибирской ссылкой".

По окончании этого срока К. выезжает в Питер, где поступает на службу в министерство финансов за ничтожное вознаграждение и на чрезвычайно трудную статистическую работу. Заводит связи среди молодежи, преимущественно имеющей связи с рабочими, но при случайном налете полиции на одну из квартир, где собралась молодежь, был арестован и без каких-либо конкретных обвинений выслан в Псков до об'явления „приговора", в 1900 г. В Пскове этого приговора пришлось ожидать 2 года в чрезвычайно трудных материальных условиях, ибо губернатор Васильчиков категорически запретил принимать К. на какую-либо службу, и К. приходилось жить уроками. Однако, Псков в то время был самым интересным для марксиста городом. Там жил Ильич, там он положил начало русской организации „Искры". К. уже не застал Владимира Ильича в Пскове; он, как того требовал план искровской работы, выехал за границу для издания общерусской газеты, вокруг которой должны были быть об'единены все силы революционной соц.-дем. и затем организованы на с'езде партии. К. вступает в псковскую группу „Искры", кооптируется затем в „Организационный Комитет по созыву II с'езда" вместе с Кржижановским, Ленгником, Лепешинским, Краснухой, Радченко, Александровой, Розановым, Левиным и пред. „Бунда", как член комитета от организации „Искры", и в 1902 г. переходит на нелегальное положение. Ближайшей задачей К. была поездка за границу в искровский центр, к Ильичу, Плеханову и Надежде Константиновне (секретарь редакции, фактически ведший сношения с российскими организациями „Искры"), за получением непосредственных директив и инструкций, а затем работа по выявлению и сплочению искровских, т.-е. револ. социал-демократических сил, в противовес рабочедельческой агитации в местных соц.-дем. организациях, и по подготовке с'езда партии. После кратковременного пребывания у Владимира Ильича, снабженный инструкциями, К. вновь нелегально переходит границу и совершает об'езд всех важнейших с.-д. организаций России: Киев, Одесса, Екатеринослав, Харьков, Питер, Москва, Самара, Саратов, Кавказ, Вильно, Минск, Белгород, поддерживая все время связь с остальными искровскими членами О.К. Техническая трудность задачи конспиративного об'езда усугублялась тем, что в каждом почти комитете шла борьба двух главных течений среди соц.-демокр.—революционной и оппортунистической, рабочедельческой. Отношения между этими двумя течениями иногда были чрезвычайно обостренными; полемика и крупные разногласия по основным вопросам марксизма и рабочего движения между сторонниками платформ в обстановке тогдашних полицейских условий грозили часто провалом.

К. удачно выполнил возложенные на него поручения и в начале 1903 г. вновь перешел границу для поездки в Лондон для сообщения о положении дел и получения дальнейших инструкций по непосредственной организации с'езда. Возвратясь затем в Россию и приняв необходимые шаги для устройства переезда четырех десятков делегатов за границу, он едет летом 1903 г. в Лондон на с'езд, как член О. К. и как делегат Киевского парт. комитета.

На с'езде избирается в президиум вместе с Лениным и Плехановым и председательствует после удаления из зала заседания Плеханова и Ленина в том историческом заседании с'езда, где бурно

решался вопрос о составе центров и редакции партийного органа. Перед с'ездом избирается по соглашению членов редакции „Искры“ супер'арбитром на случай разногласий в редакции и деления голосов поровну.

После с'езда К. по поручению большев. центра едет с инструкциями и документами в Россию, но, благодаря провалу берлинской квартиры, захвачен берлинской охранкой на кв. Чеколдина, посажен в тюрьму на Alekxander-platz и осужден берлинским полицейским судом к двухнедельному тюремному заключению за проживание по болгарскому паспорту. По поводу этого суда К. вошел в близкие отношения с посещавшим его в тюрьме в качестве поверенного Карлом Либкнехтом, судебное красноречие которого нисколько не повлияло на судью. Благодаря ловкому маневру Либкнехта, внесшего залог после приговора в 1.000 марок и взявшего К. на поруки, при переходе дела по апелляции к новому судье освобожден из берлинской тюрьмы, за которой следовала бы выдача на русскую границу, и направлен Либкнехтом в ожидании кассации в Штуттгардт к Кларе Цеткин. Критическое положение дел в партии благодаря послес'ездовскому расколу требовало напряжения всех сил, и потому, по приказу Ильича, экстренно выехал в Женеву. В виду того, что меньшевики старались выбить почву у большевиков прежде всего в заграничных колониях, К. получает задание об'ехать ряд заграничных центров с отчетом о II-м с'езде, имевшем целью выяснение заграничным товарищам сущности разногласий, правильности партийной линии большевиков. Он об'езжает Цюрих, Гейдельберг, Брюссель и др. города, всюду с успехом защищая позиции партии против меньшевиков. Издает в этом же году для российских товарищей свой краткий отчет о II-м с'езде под назв. „Письмо к товарищам“, под псевдонимом, данным ему редакцией Комиссии по редактированию протоколов 2-го с'езда,—„Павлович“. С этого момента и в партийных кругах механически его старая кличка „Шпилька“ и „Игнат“ сменяются кличкой „Павлович“, что иногда вводит в заблуждение некот. историков партии, путающих К. с членом ВСНХ Павловичем-Вельтманом, который большевиком в то время не был.

После об'езда заграничных комитетов лиги, К. назначен партийным представителем в Париж, где укрепляет позиции большевиков в глазах французской партии, участвуя в комиссиях и совещаниях по русским делам, входя в сношение по этому поводу с Гедом, Жоресом, Бракке и др. представителями французских партий.

В 1904 г. К. вместе с Лядовым-Мандельштамом, под псевдонимом „Бельский“, назначен ЦК делегатом от большевиков на Амстердамский конгресс II Интернационала, где, несмотря на отчаянные сопротивления Дана и изменившего уже тогда большевизму Плеханова, при поддержке Клары Цеткин и Розы Люксембург добивается включения большевиков в число русской делегации. Лично знакомится на этом конгрессе с Бебелем и участвует в комиссиях с'езда на знаменитой дуэли между Бебелем, Плехановым, Каутским и Розой Люксембург—с одной стороны, и Жоресом—с другой. После 9-го января К. командируется в Россию, сначала в Московскую организацию, где работает вместе с Бауманом, и затем в Петербургский комитет партии, где работает нелегально до октябрьских дней. В октябре К. участвует в организации первого Совета Рабочих Депутатов и входит в него в качестве члена исполнительного комитета от партии большевиков. В течение всего октября и ноября участвует во всех заседаниях исполнительного комитета и совета и заведует агитотделом ПК, беспрерывно организуя и выступая на митингах и собраниях под кличкой „Антон“.

3 декабря арестован в Вольно-Экономическом обществе на заседании Совета Р. Д. и посажен во второй корпус Выборгской тюрьмы, где содержится до июня 1906 г. По освобождении вновь выступает членом Петерб. комитета партии и арестовывается перед разгоном Думы на партийной конференции на Английском проспекте в помещении инженеров вместе с секретарями комитета Стасовой и Гарфункель, благодаря лишь тому, что все трое последними покинули зал заседания после извещения о предстоящем аресте конференции и столкнулись с ротмистром Пономаревым, узнавшим их при самом выходе. Снова заключен в Выборгскую тюрьму, где содержится до разгрома партии и подавления революции. В 1908 г., высланный из Питера, К. с значительно подорванным здоровьем и в трудных материальных условиях живет под Питером в Озерках, в течение шести месяцев подготовляется к экзамену за юридический факультет, сдает его и в 1908 г. вступает в сословие присяжных поверенных. Находясь под беспрерывным тайным надзором полиции, К. занимается

исключительно политическими и рабочими делами и приобретает известность среди рабочих Петрограда и особенно Васильевского острова, которые идут к нему не только со своими исками к предпринимателям, но и вообще как к своему человеку за всевозможными советами, вплоть до обсуждения политических вопросов. Полиция неуклонно следила за кабинетом К. и не раз подсылала туда своих агентов.

Эта полоса жизни К. была периодом тяжелой работы по сравнительно многочисленным мелким рабочим делам. К. вместе с небольшой группой с.-д. приходилось бороться как с засилием в суде адвокатов-профессионалистов, привыкших не церемониться с рабочими делами, так подчас и с врачами, от экспертизы которых в значительной степени зависит мера вознаграждения получаемого рабочим по суду.

Группа рабочих адвокатов новой после революции формации, в том числе К., поставила рабочие процессы на должную высоту и, что особенно важно, искоренила из практики неправильный расчет с рабочими, до той поры практиковавшийся.

27 февраля 1917 г. в Таврическом дворце К. принимает участие в организации Совета Рабочих Депутатов и избирается в члены Исполнительного Комитета. На выборах в Петроградскую думу в 1917 г. проходит гласным в думу от фракции большевиков, избирается членом исполнительного комитета петербургского совета рабочих и солдатских депутатов по большевистскому списку, при завоевании большинства в петроградском совете, и на первом С'езде Советов состоит кандидатом в ВЦИК от фракции большевиков, затем с переходом власти к Советам—членом ЦИК. В Октябрьские дни назначен председателем след. комиссии по борьбе с контр-революцией и по образовании комиссариата юстиции — членом коллегии Наркомюста. В 1918 г., с переездом правительства, эвакуирован вместе с комиссариатом в Москву. По образовании кассационного трибунала назначен его председателем с одновременной работой члена коллегии Н. К. Ю. Ему поручается, кроме того, ведение ликвидационного отдела Наркомюста, где сосредоточена выработка и проведение декретов и мероприятий по отделению церкви от государства, каковую работу ведет до передачи этих дел из Н. К. Ю. в президиум ВЦИК. Одновременно с работой по комиссариату К. работает в Московском совете членом районного и городского совета и состоит агитатором и пропагандистом при московском комитете партии. В связи с работой по отделению церкви от государства К. выступает, как публицист, на страницах партийной и советской прессы („Правда", „Известия", моск. „Рабочая газ.") по вопросам советского права и антирелиг. пропаганды и агитации (см. сборник его статей „На церковном фронте"), редактирует журнал, изд. при Наркомюсте, „Революция и церковь". С образованием Союза и Верховного Суда при ЦИК'е Союза состоит прокурором Верховного Суда Союза и одновременно кандидатом в члены Всеросс. и Общесоюзного ЦИК-ов и членом бюджетной комиссии, почетным членом Моск. совета по избранию Дунаевской ф-ки и почетным красноармейцем.

Красин, Леонид Борисович *(авторизованная биография)*, род. в 1870 г., 15 июля, в небольшом уездном городе Кургане Тобольской губ. Отец, Борис Иванович К., представлял из себя ярко выраженный тип разночинца, среднего интеллигента с подлинно демократической психологией и с тенденциями, если и неоформленными, то достаточно сильными, к политическому и социальному радикализму. Большое значение здесь имело близкое знакомство Б. И. К. с некоторыми из польских повстанцев и затем с деятелями народнических и народовольческих групп, ссылаемых в Сибирь. Помимо того, отец К. был человек с „административной складкой". От отца К. и унаследовал, повидимому, умение работать и любовь к работе. В общем духовном развитии сказалось влияние матери К., Антонины Григорьевны, широко образованной, с большими духовными запросами, типичной русской женщины 60-х годов.

На это развитие влияли и внешние факты: сама обстановка его детства и отрочества. Дело в том, что в 80-х годах XIX стол. Сибирь являлась одним из немногочисленных гнезд социального и политического радикализма (другим таким было Поволжье). Постоянный приток ссыльных из России в значительной степени воздействовал на духовный быт сибирской интеллигенции. В атмосфере влияния ссыльных политиков прошли детские и отроческие годы К. К. вырос в „идеальной" семейной обстановке, имея в полном смысле слова счастливое детство и отрочество. Нужно добавить, что это далеко не была обстановка излишества, напротив, семья его отца, — довольно многочисленная, кстати сказать,—еле сводила концы с

концами, и о том, что такое бюджет и сведение расходов с приходами, К. получил понятие задолго до выхода на деловую и политическую арену.

Среднее образование К. получил в Тюменском реальном училище, которое окончил в возрасте 17 лет. К этому периоду у К. определяется прочное стремление к точным наукам. В 1887 г. К. поступил в Петербургский Технологический институт. В первые же годы своих институтских занятий К. начинает интересоваться марксизмом и серьезно изучать его и в скором времени уже считается среди своих товарищей знатоком марксизма. Боевое политическое крещение К. относится к 1890 г., когда за участие в студенческих беспорядках он подвергается кратковременной высылке из Петербурга. По возвращении К. вступает в октябре 1890 г. в пропагандистский кружок, который был одной из первых социал-демократических организаций России и который вел работу среди рабочих тогдашнего Петербурга. Кружок этот был основан М. И. Бруснёвым и В. С. Голубевым и вырос в дальнейшем в „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", организатором которого явился В. И. Ленин. Но знакомство К. с Лениным и совместная их работа относится к более позднему времени. К моменту образования „Союза борьбы" К. уже не было в Петербурге, так как он был выслан из столицы в 1891 г., в связи с демонстрацией студенчества при похоронах писателя Шелгунова. Тогда же он был исключен из Технологического института, на этот раз уже без права поступления. С этого момента биография К. становится довольно обычной биографией российского революционера. Он отбывает после высылки воинскую повинность в Н.-Новгороде и, состоя на военной службе, одновременно занимается пропагандой марксизма в разных кружках Н.-Новгорода, ведя в интеллигентских кругах ожесточенную борьбу с разлагавшимся тогда народничеством, имевшим в Нижнем таких видных представителей, как Н. Ф. Анненский, Зверев, Карелин. Одновременно К., не порывая связей с М. И. Бруснёвым, содействует организации социал-демократической пропаганды на московских текстильных фабриках и после провала Бруснёва в 1892 г. арестовывается и переводится в Таганскую тюрьму, где сидит в одиночке около 10 месяцев. Освобожденный, он заканчивает срок отбывания воинской повинности (в 1893 г.) в Туле, находясь все время под гласным надзором.

Сиденье в Таганке К. всегда вспоминает с большим удовольствием. После первых же допросов жандармы оставили его в покое, и он посвятил весь свой невольный досуг самой упорной работе: изучил немецкий язык и прочел в оригинале почти все сочинения Шиллера и Гете, познакомился с Шопенгауером и Кантом, проштудировал логику Милля, психологию Вундта, одолел значительное число томов исторических книг Соловьева и Чернышевского и вообще сильно пополнил довольно тощий теоретический багаж гонимого судьбой из города в город российского студента. Одно знание немецкого языка уже давало большое преимущество в дальнейшей самообразовательной работе. С неблагоприятными влияниями тюремной одиночки помогла справиться молодость, хорошее, унаследованное от родителей, здоровье и бодрый радостный взгляд на жизнь, принесенный из необозримых сибирских равнин и дремучей тайги. В 1894 г. следует новая высылка — из Крыма, где он проводил лето—по случаю приезда в Крым Александра III. К. избирает тогда своим местожительством село Калач Воронежской губ., где он поступает в качестве сперва рабочего, а затем десятника на постройку железной дороги. Отдаваясь со всем пылом энергичного работника своей непосредственной работе, К. в то же время не забывает о своей революционной деятельности и в скором времени увольняется с постройки, как политически неблагонадежный. Затем в январе 1895 г. следует новый арест, уже по приговору, в связи с делом Бруснёва: 3-х месячное тюремное заключение и высылка в Яренский уезд Вологодской губ., замененная высылкой в Восточную Сибирь на 3 года. Местом высылки К. избирает Иркутск. В Иркутск К. прибывает уже вполне сформировавшимся человеком, революционером-марксистом. Три года проведенные в Иркутске, при невозможности вести там в то время какую-бы то ни было активную политическую работу, К. посвящает, главным образом, полемической борьбе с народовольцами, из которых в это время почти целиком состояла иркутская колония ссыльных. Все время в течение этой ссылки К. работал в качестве чертежника и техника на сибирских железных дорогах, ведя под конец и ответственную работу инженера-строителя.

По окончании срока ссылки, К. удается поступить в Харьковский Технологический институт для окончания высшего технического образования и

получения диплома инженера. Он смог, однако, окончить институт лишь в 1900 г., так как нормальный ход учения то и дело прерывался то временными высылками из Харькова, то практической работой на железнодорожных изысканиях. По окончании института К., как инженер, был приглашен на работу по специальности в Баку, где он провел четыре года, работая на постройке больших электрических станций. Эти 4 года прошли в работе в 2-х направлениях. С одной стороны, К. положил много энергии на свою работу по специальности— эти годы были как раз годами бурного развития бакинской нефтепромышленности и электрификации нефтяных промыслов; с другой стороны, со всей пылкостью революционера, засидевшегося в Сибири без практической работы, К. бросился в подпольную социал-демократическую работу не только в Баку, но и в других важнейших центрах Кавказа. Революционная работа К. сводилась, с одной стороны, к интенсивной пропаганде среди бакинского пролетариата. Баку в то время являлся одним из самых крупных пролетарских центров в России. Возмутительные условия труда на нефтяных промыслах давали, конечно, достаточно материала для наиболее рельефной действенной агитации и пропаганды. И работа в этом направлении, которую К. вел вместе с группой бакинских социал-демократов, привела к возникновению знаменитой бакинской забастовки 1903 г., каковая, в свою очередь, явилась буревестником, первым симптомом надвигавшейся революции 1905 г.

Другое направление революционной работы К. выявилось в создании первых в России социал-демократических подпольных типографий, организованных на широкую ногу. Эти типографии—они находились в самом городе Баку—сыграли очень важную роль в деятельности социал-демократической партии, которая была тогда еще единой. „Искра", составлявшаяся и редактировавшаяся сначала в Цюрихе, а потом в Лондоне, печаталась в бакинских типографиях, созданных усилиями К. и его друзей, с матриц, получавшихся прямо из-за границы и служивших для приготовления стереотипов, с которых уже и шло печатание. Бакинская работа создала К. имя незаурядного инженера, энергичного революционера и первоклассного подпольщика. Он был отмечен центральными органами партии и после II с'езда партии в 1903 г. был кооптирован в члены центрального комитета Р. С. Д. Р. П. В 1904 г. К. в виду состояния здоровья (заболел малярией) должен был переехать в центральную Россию и, найдя себе новую работу, переселился в крупный промышленный центр под Москвой — Орехово-Зуево. Этот переезд находился в связи с расширением революционной работы, и одним из последствий его было установление более близких отношений между партией и крупным московским фабрикантом Саввой Морозовым. Партийная работа К. шла все более усиленным темпом и окончилась тем, что он должен был перейти на нелегальное положение (после провала Ц. К. при аресте в квартире писателя Л. Н. Андреева).

В 1905 г. К. был делегирован на III Лондонский с'езд социал-демократической партии, который был, как известно, созван Бюро Комитетов большинства, вопреки желанию меньшевистской части партии, и на котором большевистская часть партии сорганизовалась и выделилась, как отдельная, самостоятельная партия. К., выступивший на этом с'езде под псевдонимом Зимина-Винтера, был избран товарищем председателя и играл на с'езде большую роль. Он выступал с основными докладами по ряду организационных и политических вопросов и, в частности, вместе с Лениным провел через с'езд основную резолюцию по вопросу об участии с.-д. партии во временном революционном правительстве. С'езд вновь избрал его в члены центрального комитета. Вернувшись нелегально в Россию, К. продолжал энергичную партийную работу, не оставляя в то же время своей профессиональной деятельности (к этому времени, в связи с под'емом революционной волны, он успел легализоваться). Эта профессиональная деятельность в качестве инженера, заведывающего в Петербурге осветительной кабельной сетью, служила прекрасной маскировкой его революционной работы.

В 1908 г. К. был окончательно провален и арестован в Финляндии. Однако, и при этом аресте жандармы и прокуратура не смогли представить каких-либо изобличающих материалов, и по постановлению выборгского губернатора К. был освобожден и, не желая искушать судьбы возвращением в Петербург, эмигрировал из России за границу.

Наступили годы, когда в связи с полной победой реакции практическая работа в России стала невозможной. Находясь за границей, К., не будучи литератором и не находя приложения для своих сил в кружковой эмигрантской

работе, использовал вынужденный перерыв в своей деятельности революционера для усиленной работы по инженерной специальности. Поселившись в Берлине, он с головой ушел в практическую инженерную деятельность и упорным трудом добился положения даже в среде высококвалифицированных немецких инженеров.

К. отозвался на первый же призыв большевистской партии в момент революции. По приглашению Ленина и Троцкого К. принимал активное участие в Брест-Литовских переговорах и явился одним из авторов так называемого августовского дополнительного соглашения, заключенного в Берлине в августе 1918 г. По возвращении из Берлина в Москву К. занял пост председателя Чрезвычайной Комиссии по снабжению Красной армии. Наряду с этим постом он берет также на себя обязанности члена президиума Высшего Совета Народн. Хозяйства и народного комиссара Торговли и Промышленности. В марте 1919 г. назначается одновременно еще и народным комиссаром Путей Сообщения. В скором времени, однако, хозяйственная деятельность К. заменяется дипломатической работой. Вместе с Литвиновым он является представителем Советской России при первой ее встрече с буржуазным миром, в лице соседней Эстонии, в сентябре 1919 г. на конференции во Пскове. В декабре того же года он назначается главой мирной делегации, которая несколько времени позже подписала Юрьевский мир с Эстонией, явившийся прорывом блокады. Впрочем, выработку этого договора заканчивает уже Иоффе. В 1920 г. Советское представительство организуется в Лондоне. Во главе этого представительства, по назначению Ленина, становится К. В марте 1921 г. К. подписывает англо-советский договор, являющийся первым из той серии договоров, которые связывают ныне Советский Союз с капиталистическим миром.

После того К. остается в Лондоне в качестве полпреда Советских республик. В качестве такового он вошел в состав советской делегации на Генуэзской и Гаагской конференциях. Затем он назначается народным комиссаром Внешней Торговли и проводит в жизнь монополию внешней торговли.

В конце 1924 г. К. был назначен полномочным представителем СССР в Париже с оставлением народным комиссаром Внешней Торговли. На XIII с'езде Р. К. П К. был избран в члены ЦК.

М. Левидов.

Крестинский, Николай Николаевич *(автобиография)*. Род. 13/26 октября 1883 г. в г. Могилеве на Днепре, в семье учителя гимназии. Отец и мать—украинцы, уроженцы Черниговской губернии. Будучи гимназистом, отец находился под влиянием нигилистических настроений, в ту пору весьма развитых в интеллигентских кругах. Мать в молодости была близка к народникам. Однако, вскоре семейные заботы заставили родителей отойти от общественного движения: отец стал педагогом-чиновником, мать—интеллигентской обывательницей. Т. обр., семья К. не развила в нем революционного чувства, но привила ему потребность руководствоваться в своем поведении не одними личными интересами. Обучался К. в Виленской гимназии, которую окончил в 1901 г. Затем поступил в Петербургский университет на юридический факультет и, кончив его в 1907 г., стал работать вначале в качестве помощника присяжного поверенного, а затем—присяжного поверенного (до 1917 г.). С революционным движением и революционной литературой К. стал знакомиться в последних классах гимназии под влиянием некоторых из гимназических товарищей, имевших личные связи в среде работников польского и русского рабочего движения. Но особенно сильное влияние оказывал на него в этом отношении гимназический учитель гимнастики—офицер И. О. Клопов, социал-демократ.

С конца 1901 г. К. начинает принимать деятельное участие в революционном движении среди студентов и военных. Социал-демократом К. становится в 1903 году и вступает в возникшую тогда Виленскую организацию РСДРП, в которой не обозначилось еще тогда фракционное разделение на большевиков и меньшевиков. В эпоху 1905 г. К. познакомился с заграничной большевистской литературой и определил свои симпатии к большевизму. С 1903 по 1906 г. включительно он работал в Северо-западном крае, в Виленской, Витебской и Ковенской организации, с временными наездами в Петербург. Начиная с 1907 г., он работает в Петербурге, в василеостровском районе, затем переходит на работу по профессиональному движению, работает во фракциях Думы и в большевистской печати. При выборах в 4 Государств. Думу был выставлен кандидатом от большевиков.

Первый раз был арестован в Вильне осенью 1904 г., освобожден до суда. Вторично—в Петербурге в феврале 1905 г. при выборах в комиссию Шидловского.

Освобожден до суда с высылкой из Петербурга; затем два раза был арестован административно в Вильне летом и осенью 1905 г., освобожден в результате октябрьской забастовки 1905 г. с прекращением по амнистии обоих судебных дел. Снова арестован в Витебске в январе 1906 г., освобожден в апреле того же года с высылкой из Витебской губернии; арестован снова в Вильне административно в августе и октябре 1906 г., после чего уехал в Петербург. В Петербурге был арестован на засаде в день роспуска II-й Гос. Думы, освобожден после обыска на квартире. В 1912 г. был привлечен по 102 ст. за принадлежность к партии в связи с организацией „Правды", страхового движения и с предвыборной кампанией. В 1914 г., после об'явления войны, был арестован и выслан в административном порядке на Урал, сначала в Екатеринбург, потом в Кунгур. Первый год революции до декабря 1917 г. провел на Урале, работая в Екатеринбургском и Уральском областном (председатель) комитетах РСДРП (б); на VI с'езде партии в июле 1917 г. был заочно выбран членом ЦК, каковым оставался до X с'езда партии (март 1921 г.). С декабря 1919 г. по март 1921 г. был секретарем ЦК РКП (б).

Работая на Урале, в советской работе непосредственно принимал небольшое участие. Был лишь членом исполкома екатеринб. совета, участвовал на всех областных и окружных с'ездах и на последнем, перед октябрем, окружном екатеринб. с'езде, где большевики получили большинство — председательствовал. Был председателем екатеринбургского революционного комитета, временной организации с участием меньшинства с.-р., предшествовавшей полному переходу власти в Екатеринбурге в руки большевистского совета. Был выбран членом Учредительного Собрания от Пермской губернии.

В Петербурге вошел в коллегию НК финансов в качестве тов. главного комиссара Народного банка. По переезде Советского правительства в Москву остался в Петербурге и был одновременно тов. председ. Нарбанка и комиссаром юстиции Петербургской трудовой коммуны и Союза Коммун Северной Области. В августе 1918 г. был назначен наркомом финансов и оставался таковым фактически до октября 1921 г., а номинально—до конца 1922 г. С октября 1921 г. К. состоит полпредом Советского правительства в Германии. На партийных с'ездах принимал участие, начиная с VII, на советских — с III. Кроме того, был на I Всероссийском совещании Советов в марте 1917 г. и членом демократич. совещания по уполномочию от екатеринбургского совета. Состоит членом ЦИК, начиная со II созыва.

Кржижановский, Глеб Максимилианович *(автобиография)*. Род. 25 января 1872 г. в г. Самаре. Дед-декабрист был сослан в г. Тобольск, где и умер. Отец юношей приехал в Россию, кончил курс в Казанском универс. по физ.-матем. факультету, был оставлен при университете, но скоро бросил научную деятельность, жил случайными заработками, умер молодым. Мать осталась без всяких средств с двумя маленькими детьми (сын—4 л. и дочь—2 л.), терпела большую нужду, жила тем, что держала реалистов-нахлебников. Учился я сначала в приходской школе, оттуда за хорошие успехи был переведен в реальное училище (и освобожден от платы), которое кончил в 1889 г.

Несомненно, что очень многое из того, что руководило и руководит всей моей жизнью, дано было мне моей матерью. Трудная борьба за существование с ранних лет создала между мною и ею крепкую спайку. Вспоминаю, что с 8 лет я уже отдавал себе ясный отчет о заботах и огорчениях матери. С 13 лет пришлось давать уроки. Мать была прямой, глубоко честный и энергичный человек, но не имела никакой специализации и поэтому с большим трудом боролась за наше существование. Мы бывали счастливы, если к летнему времени, когда наши столовники раз'езжались по домам, у нас оказывался годичный приработок в несколько десятков рублей. Вооруженные таким капиталом, мы покидали душную и пыльную Самару и проводили лето в какой-нибудь волжской деревушке, в крестьянской избе, в самой непосредственной близости к крестьянству.

Мать, немка по происхождению, была воспитана на гуманистической немецкой литературе, а через нашего отца к ней привилась явная симпатия к основоположникам русской революции. Шиллер, Гёте, Гейне, Чернышевский и Добролюбов—вот кого еще ребенком я считал солью земли и, главным образом, под влиянием матери. С годами дружба моя с матерью только крепла. Со времени ссылки, куда она добровольно последовала вместе со мной, она была вполне убежденно в наших рядах и не задумываясь делила с нами наши горе и радости. Ее смерть была для меня потрясающе тяжкой потерей.

Реальное училище, в котором я пробыл с 1882—1889 г., носило на себе все следы

80-х гг. Но среди учителей были и исключения. Наш «естественник» был верным учеником Писарева и Дарвина и сумел привить нам здоровый рационализм. Однако, мне кажется, что мое «сознание» больше всего определялось тем обстоятельством, что в городе я жил в среде самых низов городского плебса, а в деревне—среди подлинных крестьян, да еще среди волжских крестьян. Вспоминаю, что уже в 5 кл. реального учил. я чуть не попал в лапы к жандармам за антирелигиозную пропаганду среди крестьян села Царевщины. В этом же селе я впервые встретился с революционерами-народниками. Среди них с особой благодарностью отмечаю О. П. Федоровскую, беседы с которой не мало помогли мне разобраться в действительности.

Однако, самое решающее значение для всей моей идеологии, конечно, имела для меня поездка в Питер и поступление по конкурсу в Петербургский Технологич. институт (1889), который и окончил в 1894 г. Два года питерской обстановки закончили мое духовное воспитание. Думаю, что знакомство с учением Маркса и встречи с питерскими рабочими—вот что было главнейшим для меня за это время. Период 90-х годов и возникновение первых с.-д. кружков в Питере уже достаточно описаны в литературе, показывающей, каким образом «разночинцы» конца 80-х гг. эволюционировали в сторону революционного марксизма.

В революцию вошел в 1893 г., ведя сначала пропагандистскую работу в соц.-демократических рабочих кружках, а затем организуя вместе с Ильичом „Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“. Был арестован в декабре 1895 г. и сослан в Вост. Сибирь (Минусинский уезд).

По возвращении из ссылки в 1901 г. поселился в г. Самаре (все университетские города и промышленные центры были для жительства мне воспрещены). Там был организован центр «Искры», и оттуда были завязаны связи со всем Поволжьем, организована переписка, получение паспортов, транспорт «Искры» и пр.

В 1903 г. переехал в Киев, где работал в качестве члена ЦК первого созыва после 2-го с'езда партии. После провала организации (в 1904 г.) ЦК был перенесен из Киева в Москву. В 1905 г. принимал участие в ж.-д. забастовке, был председателем забастовочного комитета юго-запад. ж. д. После разгрома движения был уволен с жел. дороги без права поступления. Уехал в Питер, где принимал участие в большевистских партийных органах и находился все время в связи с большевистским подпольем.

С начала Февральской революции работал в моск. совете Р. и К. Д. во фракции большевиков и заведывал отделом снабжения московск. совета. В дальнейшем работал последовательно в Комгосоре, ВСНХ, Главэлектро. С 21-го года был председателем сорганизованной мною государственной комиссии по электрификации РСФСР (Гоэлро) и делал доклад VIII С'езду Советов о плане электрификации РСФСР. После VIII с'езда мною была организована госуд. плановая комиссия (Госплан), в которую я вошел в качестве председателя.

Крупская, Надежда Константиновна (*автобиография*), род. в 1869 г. в Петербурге. Родители, хотя дворяне по происхождению, оба рано осиротели и воспитывались на казенный счет—мать в институте, отец в корпусе. Мать по окончании института пошла в гувернантки, отец окончил Военную Академию и отбывал военную службу. Никакой ни движимой, ни недвижимой собственности у родителей не бывало. Оба были рано захвачены революционными идеями, и в доме родителей К. с самых ранних лет видела революционеров различных направлений. Отец проводил свои революционные идеи в жизнь, за что предавался суду, хотя и был потом оправдан. Всю жизнь родителям К. приходилось переезжать из города в город в зависимости от перемены службы отца. Отец умер, когда К. было 14 лет, и с тех пор они с матерью перебивались случайными заработками: перепиской, уроками, сдачей комнат жильцам. К. училась в гимназии Оболенской, которую окончила с золотой медалью. По окончании гимназии была некоторое время толстовкой. С 1891 г. по 1896 г. она занималась в воскресной школе и вечерних смоленских классах для рабочих (за Невской заставой). В то же время она становится марксисткой, ведет пропаганду среди рабочих, участвует в создании „Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“. Во время стачек 1896 г. она арестовывается и сидит в тюрьме 6 месяцев, а потом высылается на 3 года в Минусинский округ в село Шушенское, где выходит замуж за Вл. Ильича Ульянова, с которым раньше работала в Петербурге, в Союзе Борьбы.

Последний год ссылки проводит в Уфе, где также ведет революционную подпольную работу. Ей выдают в 1901 г. заграничный паспорт. Приехав весной 1901 г. в Мюнхен, она становится секретарем „Искры“, потом членом „Заграничной Лиги русских соц-демократов“, потом, после 3-го с'езда партии, секре-

тарем заграничной части Ц. К. и Ц. О. В конце 1905 г. возвращается в Россию, где работает все время секретарем Ц. К. В самом начале 1908 г. уезжает вновь за границу. Заглазно привлекается к трем делам по 102 статье. За границей опять работает, как секретарь большевистских организаций, изучая в то же время педагогическую иностранную литературу и заграничную школу. Пишет из-за границы статьи в „Свободное Воспитание", работает над книгой „Народное образование и рабочая демократия". По приезде в Россию сначала работает в секретариате Ц. К., но вскоре выбирается в Выборгскую районную думу, работает там в управе, заведуя делом народного образования и принимает участие в революционном движении. После Октябрьского переворота становится членом коллегии Наркомпроса, где ведет сначала внешкольную работу, потом работает еще как председатель научно - политической секции Гуса. Одновременно с этим помогает в работе женотделу, комсомолу, пионерам, пишет в газетах и журналах. Всю жизнь, начиная с 1894 г., помогала, чем могла и умела, Владимиру Ильичу Ленину в его работе.

Крыленко, Николай Васильевич (*автобиография*). Род. в 1885 г. 2 мая в глухой деревушке Сычевского у. Смоленской губ., куда „за политическую неблагонадежность" был выслан под надзор полиции исключенный из университета мой отец. В 1890 г. вместе с семьей переехал в г. Смоленск, куда отец был приглашен редактировать газ. „Смоленск. Вестник" ярко оппозиционного радикально-демократического направления. В 1902 г. после прекращения работы в редакции газеты „по независящим обстоятельствам" вся семья переехала в Польшу, в г. Кельцы и затем Люблин, где отец был вынужден к этому времени взять должность чиновника по акцизному ведомству, и где я прожил почти безвыездно до 1903 г., т.-е. одиннадцать лет. Определенная политическая атмосфера, окружавшая меня в семье, неблагонадежность отца, преследования, которым он подвергался—все способствовало тому, чтобы не только изолировать меня и других детей нашей довольно большой семьи от растлевающего влияния чиновничьей среды, в которой мы все теперь очутились, но и развить интерес к общественным наукам и общественной деятельности помимо казенной науки. В результате, с момента поступления в казенную классическую гимназию в г. Люблине в 1895 г. и до момента ее окончания весной 1903 г. мне удалось не только с легкостью преодолеть гимназическую учебу, но выйти в жизнь с достаточным запасом сведений по гуманитарным наукам—в особенности по обще-европейской истории. Осенью 1903 г. молодым студентиком 1-го курса историко-филолог. факульт. Петербургского университета я приехал в Петербург.

Выбор истор.-фил. фак. был сделан мной вполне сознательно, как продолжение увлечения историческими и в особенности общественными социологическими науками. Первый год университетской жизни в нелегальных организациях я, однако, участия еще не принимал и более того, несмотря на яркое оппозиционное настроение, которым я был пропитан, к подпольным организациям относился критически и недоверчиво. Мне они казались несерьезными, как несерьезной мне казалась и попадавшая мне в руки нелегальная литература за ее крикливые, как мне казалось, выпады, агитационные призывы, за презрительное трактование имевших вес в моих глазах буржуазных научных авторитетов. Одновременно внутри меня совершалась другая работа: войдя в университет под сильным влиянием отца, с большим эсэровским, вернее народническим уклоном, я в первый же год университета под влиянием потребности к точному мышлению и к научному обобщению явлений общественной жизни, чему меня научили исторические занятия, невольно перешел к марксизму с его выдержанной, стройной и могучей историко-философской теорией.

Активные выступления начались с осени 1904 г. К этому времени относится дата моего первого официального вступления в студенческую революционную подпольную организацию, об'единившую три нелегальных организации под названием „центральной". Эта организация в отношении к студенческим группам с.-демократов и эс-эров занимала нейтральную линию и своей задачей, кроме чисто-политической революционной деятельности, ставила задачу воспитательную — подготовить студенчество к выбору между двумя этими партиями и облегчить им доступ в них. С обеими партиями эта организация поддерживала тесный контакт.

18 октября 1904 г. датируется мое первое выступление от имени этой организации на нелегальной сходке студентов Петерб. университета, не помню уж по какому поводу. Это выступление обратило на меня внимание партийных организаций. Немедленно после него я и от

организации эсэров и от эсдэков почти одновременно получил предложение формального вступления в партию. Я выбрал большевиков (декабрь 1904 г.). Из публичных выступлений этого времени (до конца 1904 г.) следует отнести участие в студенческих нелегальных собраниях и уличных демонстрациях (28 ноября) и нелегальных смешанных собраниях с участием интеллигенции и вождей тогдашней земской либеральной России—Родичева, Прокоповича и других, где дебатировались вопросы т.-наз. „банкетной кампании“ и тезисы земского совещания 7—8 ноября 1904 г. Несмотря на то, что формально я в организацию с.-д. не входил, тем не менее мне приходилось выступать против земцев и либералов в защиту всеобщего избирательного права против правого крыла земской либеральной оппозиции от имени с.-д.

Первое соприкосновение с рабочими массами, а не только со студенчеством, и организованное участие в подпольной работе в рядах с.-д. относятся к февралю 1905 г., когда под свежим впечатлением 9 января масса студенчества бросилась в ряды крайних партий. В качестве агитатора-пропагандиста я вошел в организованную группу содействия при П. К. партии Р. С. Д. Р. П. большевиков, впоследствии переименованную в окружной район и охватывавшую Колпино, Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Охту, Шлиссельбург и др. пригородные пункты под Петербургом. Одновременно при моем участии проходят все сходки в университете, в особенности известная сходка 7 февраля 1905 г., где было решено закрыть университет и об‘явить всероссийскую забастовку протеста. Это была та сходка, на которой т. Мануильским был изрезан царский портрет. Лозунгом, наиболее популярным в массах, был в то время лозунг вооруженного восстания.

Счастливо избегнув 2 апреля 1905 г. ареста, которому подверглись почти все члены нашей группы, благодаря случайной перемене квартиры, я немедленно выехал из Петербурга домой и вернулся назад только к августу, когда, благодаря т.-наз. „автономии“, университет, а за ним и все остальные высшие учебные заведения широко открыли свои двери для рабочих масс, открыв т.-наз. „митинговую эру“, продолжавшуюся вплоть до начала октября и фактически послужившую политическим прологом к всеобщей забастовке 1905 г. Из выступлений следует отметить, кроме выступления на заводах, на уличных митингах и массовках, борьбу с эсэрами за открытие университетов (эсэры требовали продолжения забастовки) и непосредственное участие в нелегальной партийной прессе (большевистский „Вперед“), где были помещены первые мои корреспонденции о нелегальной работе. Организационно в эпоху митингов я был связан с организацией большевиков через коллегию агитаторов при П. комитете. Кульминационным пунктом моей работы этой эпохи было председательствование на митинге в Технологическом институте 13 октября, где имело место и первое выступление Хрусталева-Носаря с предложением образования Совета Рабочих Депутатов. Ночь на 17-е октября была проведена мною на Выборгской стороне в квартире Немцева, раб. из Тулы (члена Совета), ныне члена Верх. суда.

После же 17/X партийная работа сосредоточилась уже исключительно в рабочих районах и среди пролетарских масс, в особенности на Выборгской стороне на Металлическом заводе и на всех крупнейших заводах за Невской заставой, где, под кличкой „А б р а м а“, я был известен в рабочих кругах, ежедневно проводя митинги и борясь от имени Питерской организации большевиков вместе с Николаем Коноваловым (впоследствии провокатором) и „Сергеем“—Войтинским (впоследствии меньшевик) против влияния эсэров с Черновым, Авксентьевым, Фундаминским, Вороновым и др. лидерами эсэров. Вторая забастовка застала меня на Металлическом заводе, третья, декабрьская—на Александровском вагонном и Семянниковском. Арест и разгон Совета 28 ноября я встретил в г. Череповце, куда ездил для организации профсоюза железнодорожников.

Ликвидация забастовки и московское вооруженное восстание застали меня в больнице, куда я попал после случайного ранения в ногу, полученного за Невской заставой. Выйдя из больницы я опять-таки уехал для сокрытия следов и вернулся только в феврале 1906 г., где принял самое активное участие в избирательной кампании в I Государств. Думу в качестве агитатора от имени с.-д. партии большевиков, проводившей тогда тактику бойкота. Одновременно продолжалась работа в рабочих массах, где от окружного района я был проведен в члены Петербургского комитета. Этот мандат я вскоре уступил Ксандрову, так как угроза ареста снова заставила меня покинуть Петроград, приблизительно 25 мая 1906 г. К этому времени относится моя литературная работа сначала

в „Призыве", а потом в партийной „Волне" и работа в военных организациях нашей партии среди гарнизона, закончившаяся арестом всей организации и известным процессом в Военно-Окружном суде в 1907 г. Ареста я избежал случайно, не заночевав дома, и немедленно на другой же день скрылся из Питера.

С этого числа начинается моя нелегальная работа в качестве революционера-профессионала—первоначально в Москве под фамилией „Войченко" в качестве агитатора Моск. комитета вместе с тем же провокатором Коноваловым. Новые аресты побудили меня бросить Москву, и в июне 1906 г. я впервые эмигрировал за границу—первоначально в Бельгию, а затем во Францию, в Париж, откуда, однако, уже к ноябрю того же 1906 г. вернулся по паспорту брата опять-таки в Петербург и под фамилией сначала „Рено", а затем „Гурняка" опять вошел в работу прежде всего широко агитационную, по проведению выборов в II Государств. Думу, на открытых собраниях под именем „Абрамова" и на заводах и конференциях, в особенности по подготовке с'езда партии. Все это было прекращено внезапным арестом на заводе Крейтона на Охте, через два дня после 3-июньского переворота 1907 г., когда я был арестован уже под фамилией „Постникова", после того, как случайный арест на улице в мае месяце, закончившийся таким же случайным, по глупости охранников, освобождением, провалил меня как „Гурняка".

В этот раз арест не прошел даром; я был раскрыт и установлен и предан Военно-Окружному суду вместе с Гусаровым, Малоземовым и др. по обвинению в „участии в военной организации". Исключительно счастливое стечение обстоятельств ликвидировало, однако, для меня счастливо этот процесс, и в числе трех из 19 человек, серьезно обвинявшихся, вместе с Кирносом и Зеленко (сейчас работает в Ленинграде) я был оправдан 16 сентября 1907 г. Немедленно уехав после освобождения в Финляндию, я опять принял участие в партийной работе и был через полтора месяца арестован вновь на Финляндском вокзале и после месячной отсидки освобожден 6 декабря 1907 г. и выслан из Петрограда в порядке охраны „впредь до распоряжения" на родину в г. Люблин, где и пробыл до осени 1908 г., когда снова нелегально вернулся в Петроград. Все это время было посвящено мной приведению в порядок своих взглядов, чему начало было положено еще в тюрьме. Тогда же мной задумана и написана моя книга „В поисках ортодоксии", где теоретически я рвал с официальной соц.-демократией. То здоровое, что в это время я воспринял от синдикализма, теперь сделалось официальной программой коммунизма: принципиальное признание возможности социальной революции в России, отрицательное отношение к буржуазному парламентаризму, предпочтение перед ним тактики прямого действия, теория разрушения пролетариатом государственной машины, а не ее „использования", и уважение к массовым организациям пролетариата—все это было мною выдвинуто на первый план. Вопросы чисто синдикалистической теории о роли проф. организаций в деле социалистического строительства не стояли для меня в центре внимания. Выход этой книги в свет весной 1909 г. оформил разрыв, начало которому приходится отнести к лету 1907 г., и весь период от весны 1909 г. и по осень 1911 г. проходит для меня в атмосфере изолированности от партийной жизни. По существу, это, конечно, не было совсем так, так как осенью 1908 г. я снова принимал участие в развитии студенческого забастовочного нелегального движения, выезжая из Питера в Москву, как член „Коалиционного Совета" для проведения забастовки, но строгого контакта с партией в это время не было. Весной 1909 г. мне удается получить разрешение на в'езд в Питер на два месяца для держания государственных экзаменов, и к июню с дипломом об окончании университета я снова уехал в Польшу. К этому же моменту относятся мои попытки заняться серьезной научной работой, и по предложению профессоров Эрвина Гримма и Ястребова я начинаю работать по кафедре всеобщей истории и истории славян, без официального, однако, оставления при университете за „политическую неблагонадежность". Одновременно начинается моя педагогическая деятельность в г. Люблине, Сосновицах и затем опять в Люблине, в качестве преподавателя литературы и истории в частных польских школах, продолжавшаяся до осени 1912 г., когда по требованию центральных властей я был изгнан из всех этих школ. В области партийной работы в эти годы связь с партийными организациями поддерживалась лишь временными нелегальными поездками в Петроград и участием в начавшей выходить в 1911 г. „Звезде" и неорганизованной пропагандой социализма на уроках истории и

литературы в старших классах школ, где, благодаря их особому положению, мне фактически была предоставлена полная свобода агитации.

К весне 1911 г. относится новое возобновление мною партийных отношений, когда я был лично вызван в Галицию к Владимиру Ильичу, по вопросу об использовании имевшейся у меня возможности наладить транспорт через границу, каковую возможность я действительно имел и использовал для партии в бытность свою учителем в Сосновицах—на самой границе и невдалеке от Кракова, где находился в то время наш партийный центр. Не считая в данной политической обстановке свои теоретические воззрения препятствием для партийной работы, я принял предложение В. И. о поездке в Питер для агитационной работы по подготовке выборов в IV Гос. Думу, к сожалению не надолго, так как осенью 1912 г. я должен был для отбывания воинской повинности поступить вольноопределяющимся в 69 Рязанский полк. Одновременно я вторично поступил в университет, на этот раз на юридический факультет, и одновременно же в качестве экстерна подготовился и сдал три магистерских экзамена по новой истории на ученую степень. Военная служба, с одной стороны, и изгнание из школы, с другой, и вновь подымавшиеся волны революционного рабочего движения сделали то, что я бросил свои планы об ученой деятельности и немедленно же по окончании военной службы выехал за границу к Владимиру Ильичу с новым предложением своих услуг, после чего, направленный в Петроград, первоначально стал работать в „Правде", а затем был прикомандирован ЦК нашей партии к думской с.-д. фракции в качестве „сведующего лица", фактически в качестве партийного инструктора по подготовке агитационных выступлений наших товарищей в Госуд. Думе. К этому времени относится моя деятельность по проведению партийной директивы относительно разрыва с меньшевиками — деятельность, на которую я тем более охотно пошел, что воочию убедился в какую трясину оппортунизма заводили меньшевики рабочий класс.

Моя деятельность была прервана арестом 11 декабря 1913 г. по указанию провокатора Малиновского и провокатора Черномазова, в самое тесное соприкосновение с которыми мне постоянно приходилось входить. Освобожденный 18 марта 1914 г. я был выслан в административном порядке на два года из столиц и выбрал своим местожительством Харьков, куда приехал в начале апреля и где одновременно закончил государственные экзамены по юридическому факультету и снова вошел в нелегальную работу по подготовке партийного с'езда и южной конференции нашей партии, вместе с высланной туда же секретарем Розмирович. Эта работа была прервана первоначально обыском и затем через неделю приказом об аресте, которого я опять-таки избег совершенно случайно, так как, подходя ночью к дому, заметил у своих дверей городового и потому вместо того, чтобы подняться к себе, немедленно отправился на вокзал и в ту же ночь выехал из Харькова в Люблин, откуда при помощи контрабандистов перешел границу в начале июля 1914 г. вместе с Розмирович и Максом Савельевым (Ветровым).

Это был самый продолжительный период моей эмиграции с июля 1914 г. по июль 1915 г., проведенный последовательно в Галиции, в Австрии вместе с В. И. и затем в Вене и в Швейцарии под Лозанной. За этот период партийная работа выразилась в участии в партийной конференции в марте 1915 г. в Берне и выступлениях на публичных собраниях и рефератах, пока по решению Центр. комитета я вместе с Розмирович не были направлены опять-таки в Россию в качестве доверенных лиц в Москву на нелегальную работу, куда и выехали в июне 1915 г. я под фамилией „Лохвицкого", она под фамилей „Галер". К сожалению, широкой работы в Москве нам развернуть не удалось, и уже в ноябре я был арестован под фамилией „Сидорова". После трехмесячной отсидки я был в январе препровожден в Харьков в качестве уклонившегося от военной службы офицера, где снова просидел в тюрьме до апреля 1916 г., когда был мобилизован и направлен, как офицер запаса, в действующую армию на юго-западный фронт с „сопроводительной", в которой предлагалось принять меры против пропаганды с моей стороны.

В подобной обстановке думать об организованной работе было, конечно, нельзя, и до марта 1917 г. моя работа замирает до тех пор, когда впервые полученное от немцев известие о Февральской революции переворачивает вверх дном все отношения на фронте. 5 марта было получено первое известие, 7 марта я был уже приказом переведен из окопов в тыл, а 9 марта мною был созван первый открытый митинг солдат команды, куда я был прикомандирован, и началась моя агитационная деятельность

по всем близ расположенным полкам, не считаясь с их принадлежностью по дивизиям и корпусам. Одновременно полученный мною первый транспорт „Правды" произвел целый переворот в полку, и с тех пор вплоть до конца апреля я последовательно избираюсь на пост председ. полкового комитета, дивизионного и, наконец, председателя армейского комитета II-й армии, в качестве какового получаю возможность развить агитационную деятельность в крупных размерах. 3 мая я делегируюсь от комитета в Петроград и здесь выступаю на собраниях Петрогр. Совета и с'езда фронтовиков, где от имени фронта я остро ставил вопрос о прекращении войны.

После возвращения на фронт, по директивам партии, мне приходится выдержать жестокий бой с оппортунистским большинством армкомитета, в результате чего я вышел из комитета, как председатель комитета, и уже просто, как делегат, и одновременно, как официальный представитель Ц. К. Р.С.Д.Р.П. выступил против Керенского, Тома, бывш. большевика Н. Д. Соколова и бывш. меньшевика, теперь большевика, Шапиро и Н. С. Станкевича на общефронтовом с'езде в Кременце и, наконец, как представитель меньшинства трех из восьми, был делегирован от армейского комитета на первый Всеросс. С'езд Советов 1 июня 1917 г. в Петроград. Кроме работы по с'езду, как член президиума от фракции большевиков я принимал ближайшее участие в агитационной работе и как член центр. бюро военных организаций Ц. К. РСДРП—в литературной работе в „Солдатской Правде". Июльские дни 1917 г. застают меня в Киеве, где я выступил на киевском Совете против меньшевиков и на киевских заводах. Из Киева я выехал на фронт, сопровождаемый посланной мне вслед телеграммой Савинкова об аресте. Спасаясь почти бегством с фронта снова через Киев обратно в Питер, я арестовываюсь в Могилеве и препровождаюсь обратно в Киев, где против меня возбуждается дело по обвинению в „государственной измене". По телеграмме Керенского меня доставляют в Петроград и содержат на гауптвахте вплоть до сентября 1917 г., когда, освобожденный по приказу военного министра Верховского, я прямо из гауптвахты попадаю на заседание в Александринском театре на „Демократическое совещание".

Весь сентябрь и октябрь снова проходят в лихорадочной работе по подготовке Октябрьского переворота, в котором я принимал участие, как член военно-революц. комитета, а затем как народный комиссар по Военным Делам, вплоть до назначения меня верховным главнокомандующим и выезда на фронт для заключения перемирия с немцами, а затем для ликвидации духонинского мятежа. Ноябрь, декабрь и январь 1918 г. уходят на организационную работу по сохранению остатков прежней армии и попытки создания новой, на участие в III С'езде Советов и в первом и последнем заседании Учредительного Собрания, куда я был избран от Петроградской губ., от юго-западного фронта и от румынского фронта, и лихорадочную работу по организации самообороны против немецкого наступления в феврале 1918 г.

В конце первой четверти 1918 г., в виду принципиальных разногласий по вопросу формирования Красной армии, перешел в ведомство юстиции по отделу исключительных судов, где при непосредств. моем участии проведены показательные процессы. В декабре 1922 г. назначен заместит. народного комиссара юстиции и ст. помпрокурора Республики.

Кузьмин, Александр Александрович, сын известного петербург. архитектора, рос в богатой обстановке, учился дома, выдержал экстерном экзамен за реал. уч., поступил в Горный инст., где окончил первым. Богатый домовладелец, выдающийся математик и в то же время виртуоз-музыкант, К. обращается к изучению Маркса и в 1905 г. вступает в партию большевиков. Он делается учителем механики и математики в рабочих школах за Невской заставой, хранит у себя на квартире бомбы боевой дружины района. В 1908 г. он был арестован, 3 года сидел в одиночке и был выпущен в конце 1910 г. К. уехал на Выксу директором завода, организовал профессиональн. союз, ячейку и, наконец, забастовку рабочих. Из Выксы ему пришлось бежать, он перешел инженером на Лысьву, в октябре 1917 г. был выбран рабочими на Всеросс. с'езд. После Октябрьских дней К. работал, как специалист, на Урале, затем переехал в Москву, когда Урал был занят, и опять воротился туда, но уже больной. Умер в 1919 г. в Н. Тагиле. См. „*Пам. бор.*"

Куйбышев, Валериан Владимирович, род. в Омске в 1888 г., получил среднее образование, был в высш. учеб. зав. только на 1 курсе, так как был арестован. В 1904 г. начал революционн. деятельность, принимая участие в омск.

с.-д. кружках и содействуя организации распространением нелегальной литературы. В 1905 г. принимал участие в революц. движении в Петербурге, определенно примыкая к большевистскому крылу партии и исполняя разного рода технические функции (транспортировка и хранение оружия и т. п.). В 1906 г. К. возвращается опять в Омск и избирается в члены омского комитета РСДРП (б.). В том же году на конференции партии К. был арестован, предан суду по обвинению в принадлежности к с.-д. организации, был оправдан, но скоро опять был арестован и выслан в г. Каинск (Томск. губ.), откуда бежал сначала в Томск, а потом в Петропавловск, где уже в качестве профессионального партийного работника руководил местной организацией. Отсюда ему в 1907 г. пришлось уехать в Петербург, спасаясь от ареста. В 1908 г. К. был арестован в Петербурге и отправлен этапным порядком в Каинск, где и отбыл тюремное заключение за побег. В 1910 г. К. ссылается в Нарымский край. По отбытии ссылки уехал в Омск, затем вПетербург, где работал в качестве члена петербург. комитета и одновременно в страховом движении и вместе с др. членами комитета занял при начале мировой войны определенную антимилитаристическую позицию. Летом 1915 г. произошел разгром петроградской организации, К. был сослан в село Тутуры Верхолен. у. Иркутской губ., откуда через 4 месяца бежал в Самару. Поступив на Самарский трубочный завод фрезеровщиком по металлу, К. вместе с Бубновым, Шверником и др. принимает участие в организации созыва поволжской большевистской конференции. В сентябре конференция собирается, но, вследствие провокации, после первого же заседания подвергается разгрому. Почти все делегаты были арестованы, и К. высылается в Туруханский край. Февральская революция застает К. во время следования по этапу к месту ссылки. Он возвращается в Самару, выбирается председ. рабочей секции самар. совета и председателем самар. парт. комитета. После Октябрьского переворота К. становится во главе губревкома, а потом—губисполкома. Во время наступления чехо-словаков К. участвует в военной работе, сначала в качестве комиссара 1-ой революц. армии, затем члена РВС 4-ой армии. После изгнания чехов из Самары К. опять занимает прежнюю должность. При подходе Колчака к Самаре К. назначается членом РВС южн. группы восточного фронта, а после отступления Колчака членом РВС, сначала 11-ой армии, затем Туркестанского фронта. После изгнания эмира из Бухары К. назначается полпредом РСФСР при бухар. революц. правительстве. В конце 1920 г. К. переезжает в Москву, где работает в ВЦСПС, затем входит в состав президиума ВСНХ и одновременно руководит электрич. промышленностью в качестве начальника Главэлектро. На XI с'езде партии К. избирается членом ЦК и затем его секретарем. На XII с'езде партии в 1923 г. К. избирается в состав ЦКК, которая выбирает его своим председателем, а затем К. избирается народ. комиссаром РКИ (составл. по сб. „*12 б.*“).

Кун, Бела (*авторизованная биография*), род. 20 фев. 1886 г. в местечке Силадчех Трансильванской области Венгрии (принадлежащей в настоящее время к Румынии). Будучи гимназистом 15-летнего возраста, он пришел в соприкосновение в гор. Коложвар с социал-демократическим и профсоюзным движением, находившимся в то время еще в зачаточном состоянии. В 1902 г. он вступил в с.-д. партию, участвовал в основании трансильван. организации партии и деятельно работал над созданием трансильванских союзов строительных рабочих и горняков. Поступив на юридический факультет Коложварского университета, Б. К. принял здесь, а потом в Будапеште участие в создании студенческих организаций, имевших задачу радикально отмежевать марксистски-мыслящую интеллигенцию от возникших в то время в Венгрии интеллигентских организаций, находившихся под влиянием мелко-буржуазного франк-масонства, шедших по стопам немецкого профессорского социализма и „сочувствующих“ марксизму. В 1905 г. вспыхнули в Трансильвании под руководством Б. К. крупные забастовки, распространившиеся почти на все промышленные предприятия Трансильвании. Забастовочное движение привело к кровавым столкновениям с полицией и жандармерией в Коложваре. Участвуя в этом движении, Б. К. подвергался неоднократно аресту и судебным преследованиям, был осужден на тюремное заключение на два с половиной года; кассационный суд снял половину этого наказания, и Б. К. отбыл, таким образом, один год и три месяца. После освобождения, с 1908 г., он принял участие в руководстве с.-д. партией и профдвижением в Коложваре и руководил в условиях полнейшего террора венгерских властей работой по организации 50—60 тысяч рабочих

горняков Жильвельд,— крупнейшей горной области тогдашней Венгрии. В 1909 году он занимал во главе трансильванских организаций крайне-левую позицию против компромиссов, заключенных с.-д. партией с буржуазными партиями по вопросу об избирательном праве.

В момент возникновения империалистической войны он занимал интернационалистскую и пораженческую позицию. В 1914 г. он был мобилизован на фронт и в 1916 г. попал в плен в Россию. Попав в город Томск, он организовал в 1916 г. в лагере военнопленных офицеров, так же как и в лагере нижних чинов, интенсивную революционно-социал-демократическую агитацию и пропаганду. В течение этого же года ему удалось из одного томского лазарета найти связь с некоторыми членами томской организации РСДРП(б). Февральская революция внесла полную дезорганизацию в военную дисциплину среди военнопленных, создав в Томске сильные группы, из которых вышел затем командный и комиссарский состав сибирских красных военных интернациональных формаций. Во время керенщины военная власть Омского округа дала распоряжение о заключении всех военнопленных в лагерь. Это распоряжение осталось в Томске на бумаге, благодаря сопротивлению Совета. Б. К. работал в это время в томском большевистском губкоме, приняв участие в редакции большевистского журнала „Сибирский Рабочий“ и в ежедневной газете „Знамя Революции“. После Октябрьской революции он попал в Петроград, где редактировал венгерскую окопную газету „Интернациональный Социал-демократ“ и писал статьи для „Правды“. После неудачи Брестских переговоров Б. К. отправился в Нарву и участвовал в боях против наступавших на Петроград германских войск. В апреле 1918 г. он организовал „Венгерскую группу“ при ЦК РКП и редактировал совместно с Тибором Самуэли венгерскую газету „Социальная Революция“, под влиянием которой тысячи венгерских военнопленных вступили в российскую, а также и венгерскую Красную армию. Б. К. в это время составил несколько брошюрок на венгерском языке, чтобы сделать для венгерских рабочих и военнопленных идеи большевизма доступными. Совместно с Тибором Самуэли он начал организовывать интернациональные военные формации. Во главе одной из этих формаций он во время эс-эровского восстания в Москве взял обратно телеграф и захватил в плен часть эс-эровского штаба. В то же время он организовал венгерскую партийную школу, из которой многие рабочие отправились в Венгрию организовывать большевистскую пропаганду. В бюро ЦККП(б)У, находившемся тогда в Москве, Б. К. принял участие в организации большевистской пропаганды среди германо-австро-венгерских войск на Украине. Пропаганда, исходившая из России, настолько сильно влияла на австро-венгерскую армию, что венгерский король Карл затребовал всю переписку, относящуюся к военно-судебному делу, которое было возбуждено против Б. К. в его отсутствии по обвинению в государственной измене. Когда Перми угрожали чехо-словацкие войска, К. был откомандирован на Уральский фронт. В конце 1918 г. он отправился через Украину в Венгрию и тотчас же приступил к работе по организации коммунистической партии Венгрии, ведя в то же время широкую агитацию и пропагандистскую кампанию за идеи коммунистического переворота и создания власти Советов. К этому же моменту относится создание им большевистского органа в Будапеште („Красная Газета“). Громадное сочувствие рабочих масс большевистской агитации вызвало резкие нападки со стороны вождей с.-д. и контр-революционно настроенной интеллигенции и офицерства против Б. К. Эти нападки довели до выстрелов в него (во время агитации среди солдат в одной из казарм) и тяжелого избиения. 20 февраля Б. К. был арестован вместе с группой коммунистов за большевистскую агитацию. В тюрьме он продолжал напряженно работать по организации агитации и пропаганды, созданию газет и т. п. Тупик, в который Антанта ставила своей политикой стоявшую фактически у власти социал-демократическую партию, заставил последнюю сделать коммунистам предложение о передаче всей власти Советам на основе платформы, выработанной Б. К. в тюрьме. 21 марта делегация Ц.К. с.-д. партии явилась к Б. К. в тюрьму, и по окончании переговоров он и вся группа коммунистов были освобождены, и создано Советское правительство совместно с с.-д. Б. К. занимал в этом правительстве пост народного комиссара по внешней политике, а позже он стал также членом коллегии Наркомвоена. Кроме того, он руководил всей политикой Советской Венгрии, павшей, как известно, под ударами Антанты и из-за предательства с.-д. После падения Б. К. удалось бежать в Австрию, где он был

интернирован в Гейдельмюле, а затем в Карлштейне и Штейгофе.

По освобождении он поехал через Германию в Советскую Россию. Белогвардейское венгерское правительство затребовало его выдачи, против чего энергично протестовали германские рабочие. Прибыв в Советскую Россию, Б. К. отправился на южный (Врангелевский) фронт, где он работал членом Реввоенсовета южфронта. По ликвидации фронта он работал в Исполкоме и президиуме Коминтерна. Коминтерном он был откомандирован в 1921 г. в Германию, где руководил мартовским выступлением пролетариата. С мая 1921 г. по апрель 1923 г. Б. К. работал в Екатеринбурге членом Уралбюро РКП и зав. Агитпропотделом Областного Бюро партии. В сентябре 1923 г. ЦК РКП ему было поручено идейное и политическое руководство РКСМ. С июля 1924 г. он заведует Агитпропотделом Исполкома Коминтерна и является членом ЦК К. П. Венгрии.

В течение всей своей политической деятельности Б. К. принимал деятельное участие в печати, работая в венгерских, немецких и русских органах рабочей печати. Кроме того, он написал несколько брошюрок на венгерском языке: „Кому земля принадлежит", „Кто заплатит за войну", „От революции к революции", редактировал серию брошюрок по организационным вопросам венгерской компартии и т. д. *Дорибуш.*

Курский, Дмитрий Иванович (*автобиография*). Родился в 1874 году в городе Киеве. Отец был инженером и служил на железной дороге, мать—дочь украинского помещика. Раннее детство протекало частью в кочевании по участкам железных дорог, частью в одной из деревень Полтавщины. Последнее обстоятельство развило любовь к природе и в то же время рано дало наглядные предметные уроки разорения и разложения помещичьей усадьбы, впоследствии осознанные, как проявление распада целого класса. Отец умер рано, и воспитание 3-х братьев взяла на себя мать. Учился сначала в гимназии в г. Прилуках Полтавской губ., а с пятого класса выдержал конкурсный экзамен в Коллегию Павла Галагана в Киеве, которую и кончил. Таким образом, с 14 лет оторвался от семьи. Коллегия была обставлена значительными преподавательскими силами (пр. Житецкий, Науменко, Анненский) и выгодно отличалась от обычного типа гимназии лекционной системой, семинариями, а, главное, большой библиотекой, и если не могла дать законченного образования, во всяком случае привила литературные вкусы и интерес к социальным наукам. Кончил с золотою медалью и поступил на юридический факультет Московского университета. С первого же года принял участие в украинском землячестве, а затем в более широком студенческом движении, став впоследствии членом студенч. союзного совета. К 19 годам познакомился с марксизмом, достал и проштудировал запрещенный тогда первый том «Капитала». Много помогало в занятиях знание иностранных языков, вынесенное частью из дома, частью из гимназических уроков в Киеве. В первые годы студенчества близко познакомился с семьей известного в Москве профессора западной литературы Стороженко, у которого встречал Пыпина, Веселовского, Милюкова, Сеченова, Янжула и др. Собиравшиеся у Стороженко еженедельно литераторы представляли, пожалуй, лучшее, что давала тогдашняя интеллигенция, но влияния этот кружок на студенчество оказать не мог, так как уже тогда передовое студенчество жило идеями марксизма и материализма. Пока не отдался революционному движению, занимался экономическими науками и свое студенческое сочинение посвятил такой теме, как мелкий сельско-хозяйственный кредит. В 1895 г. был первый раз арестован в связи с большой студенческой сходкой и просидел около месяца в Бутырской тюрьме вместе с 700 других студентов, чем значительно пополнил свое революционное образование. По окончании университета и отбытии воинской повинности поступил в ряды московской адвокатуры помощником присяжного поверенного и специально занимался изучением рабочего и крестьянского законодательства, работал в консультации при С'езде судей, выступал в рабочих процессах и с докладами по крестьянскому законодательству, один из этих докладов напечатан был в отчете консультации. Написал несколько статей по рабочему жилищному вопросу в статистическом журнале «Изв. Московской Думы». С 1904 г. вошел в партию с.-д. большевиков, с которой с тех пор неразрывно связан. В 1905 г. напечатал в издат. «Колокол» три книжки: «Французский», «Английский» и «Американский рабочий». В декабре 1905 г. принял участие в вооруженном восстании в Москве в районе Садовой. Был выборщиком при выборах в 1-ю Государственную Думу, а при последующих выборах выдвигался так наз. «левыми» (т.-е. с.-д. большевиками) кандидатом в депутаты от Москвы. С 1906 г. входил в областное бюро московской организации большевиков и работал, как организатор

и юрисконсульт, в профессиональных союзах, использовывая, согласно тогдашней партийной тактике, «легальные» возможности. Принимал участие в ряде газет легальных и нелегальных («Борьба», «Истина»», «Красное Знамя» и др.). В 1909 г. был провален одним провокатором, арестован и на некоторое время выбыл из строя. В 1911 г. активно участвовал в избирательной кампании в Государствен. Думу, чем вновь легализовался, продолжая поддерживать связь с партией. Наступившая глухая полоса реакции завершилась империалист. войной, с первых дней которой был мобилизован. Прошел ряд перипетий на фронтах, завершившихся в центре Февральской революцией 1917 г., а на румынском фронте советами солдатских депутатов; председателем одного из них (в Бырладе) я был избран, начав борьбу с керенщиной на фронте. От совета солд. депутатов был делегирован на первый С'езд Советов. В октябре был членом революцион. комитета в Одессе, а с ноября в Москве мог приняться за советское строительство. Был организатором первых народных судов в Москве, а с переездом правительства в Москву—членом Совета Народных Комиссаров, с августа 1918 г. бессменно народным комиссаром юстиции РСФСР. В период усиления гражданской войны с середины 1919 г. был мобилизован коммунистической партией на фронт и работал сначала в качестве комиссара Главного штаба, а затем комиссаром Полевого штаба и членом Реввоенсовета, непосредственно участвуя в главном командовании. Демобилизован в конце 1920 г. С переходом к новой экономической политике непосредственно руководил разработкой нового законодательства (Кодексы гражданский, уголовный, процессуальный), провел положения о судоустройстве и о прокуратуре.

Начиная с V-го Всероссийского С'езда Советов участвовал неизменно во всех С'ездах Советов, как всеросс., так и союзных, а также, начиная с IV созыва, во всех сессиях ВЦИК и ЦИК Союза, состоя с 1921 г. членом президиума ВЦИК, а с 1923 г. членом Президиума ЦИК Союза. Неоднократно выступал с докладами на сессиях. Основная область работы—законодательная и руководящая в области юстиции

Кутузов, Иван Иванович (*автобиография*). Род. в 1885 г. в одной из захолустных деревень Смоленской губернии (дер. Новоселки Гжатского уезда) в семье „недоделанного" крестьянина Ивана Захарова; бедность заставляла его жить на два фронта: летом — деревня, зимой — город Москва, завод и фабрика. И не видать было Ивану Захарову конца, когда пройдет эта трудная пора, чтобы оправдать себя и не ходить с рукой. Из семерых его ребят в живых остался только я — самый младший сын, которого старики жалели, а кой-когда и баловали. Когда мне минуло 10 лет, старики отдали меня грамоте учиться в церковно-приходскую школу. На учениках того времени лежало много обязанностей: и дорожку от снега к дому дьяка отгребать, по его дому прибирать, и по праздникам в церковь ходить, одним—петь, другим—читать, а третьим—подавать в алтарь просфорки с поминаниями за упокой и таскать подсвечники. Проходил я в церковно-приходскую школу две с половиной зимы и, наконец, окончил ее с похвальным листом. Ах, какая радость была для отца—сын мой, мол, теперь знает читать, писать и считать...будет не такой, как я, неуч, а с понятием.

Быстро проходило время в деревне. Летом около дома подбирал, работал, скотину загонял, а также и в поле ее выгонял. Днем старики с собой в поле брали, где заставляли подгребать сено, учили косить; во время пашни скородил, подтаскивал жерди и колья, загородки городил, на полдни бегал, коров доил, гуртом с ребятишками в ночной лошадей водил и там всю ночь костры с ними разводил; у костров картошку пекли и учились курить — завертывали папироски, потаскавши мха от избы. Приходилось изредка и псалтырь читать по покойникам. Пришлось порядочное время поработать и на барщине.

Так проходили детские годы, пока не стукнуло мне 14 лет. Пришло время, когда в студеную зиму, погромыхивая и пыхтя, увозил паровоз из родной деревни пятнадцатилетнего паренька на заработок в Москву. Крепко сжималось мое сердце: жалко было покидать родные поля, дремучие леса, родные деревни.

В Москве, после долгих скитаний по родным и знакомым, удалось, наконец, поступить в книжный и переплетный магазин мальчиком, откуда разносил газеты и журналы. После мне удалось поступить на текстильную фабрику. С этих пор события моей жизни пошли сложней, ибо здесь уже я стал знакомиться с революционным движением, стал знакомиться с литературой, в то время нелегальной. Подробно об этой поре писать долго, а в кратких чертах она такова. В 1905 г. поступил рабочим на красильно-аппретурную фабрику Кириллова, где пришлось проводить несколько эконо-

мических забастовок, за что и был уволен. В 1907 г. поступил на красильно-аппретурную фабрику Хишина на Земляном Валу, а в 1908 г.—на Переведеновскую красильно-аппретурную ф-ку, где работал до начала революции. Революционная деятельность в нелегальный период началась с 1906 г. В 1907 г. был организатором и учредителем союза мануфактуристов, а впоследствии—председателем его, одновременно работая в организациях союзных ячеек, участвуя в маевках, выступлениях. Подвергался репрессиям со стороны хозяев, администрации фабрик и полиции. В 1908 г. был арестован за выступление на собрании женщин-работниц.

С первых дней революции 1917 г. до сих пор состою членом Моссовета, был председателем комитета и секретарем ячейки Переведеновской красильно-аппретурной ф-ки, организатором и председателем Лефортовского союза мануфактуристов, членом Баумановского райкома, членом правления первых национализированных фабрик, в том числе и Ликинской мануфактуры. С июля 1917 г. был избран председателем московского союза текстильщиков и членом бюро всеросс. совета текстильщиков. На втором всероссийском с'езде союза текстильщиков был введен в ЦК, а с февраля 1918 г. и до сих пор состою председателем ЦК союза текстильщиков. Участвовал на демократическом совещании в Ленинграде и Всероссийских с'ездах Советов РК и КД. На X с'езде РКП был избран в состав ЦК РКП(б). Состоял членом бюро фракции ВЦСПС и до сих пор состою членом пленума ВЦСПС. С 1920 г. и до сих пор состою членом президиума ВЦИК'а и при образовании СССР—членом президиума союзного ЦИК. На пленуме ВЦСПС VI с'езда профсоюзов избран членом президиума ВЦСПС. Постановлением СНК и ЦИК СССР в 1924 г. был назначен и работал в составе советской делегации по переговорам с Англией.

Лазаревич, Владимир Саламанович (*исторuзованная биография*), род. 2/15 сентября 1882 г. Отец Л.—малоземельный крестьянин Гродненской губ. Сокольского уезда. Сначала крестьянствовал в дер. Островке, но земля плохо его кормила, и он ушел на Сестрорецкий Оружейный завод рабочим. Впоследствии он переходит на службу в войсковые части, сначала оружейным слесарем, потом оружейным мастером. После Октябрьского переворота служит непрерывно в частях Красной армии на западном фронте и до сих пор, несмотря на свои 76 лет и потерянный глаз, продолжает служить заведывающим оружейным музеем на Высших Стрелковых Курсах.

Бедная семья рабочего, в которой родился и рос Л., не могла дать ему сколько-нибудь серьезного образования. Окончив народную школу в Августове, он поступил было в Сувалкскую гимназию, но платить за ученье было нечем и пришлось ее оставить. Чтобы дать сыну хоть какое-нибудь образование, отец свез его в Варшаву и отдал в архиерейский хор певчим, за что там его учили даром в духовном училище. Так же бесплатно учился Л. и в Холмской, а потом в Виленской духовной семинарии, и только благодаря этому, да зарабатывая еще уроками, ему удалось кое-как получить среднее образование.

Болезненный, хилый, он учился, однако, отлично, и ему предстояло, идя по проторенной дорожке, попасть также на казенный счет в Духовную Академию. Но уже в семинарии происходит перелом в настроении Л. Наблюдая близко жизнь высшего духовенства, он начинает скептически относиться к религии и ее служителям и, наконец, рвет решительно с нею и с духовной деятельностью, бросает семинарию и уходит народным учителем. Он увлекается своею новою работой, ведет воскресную школу, кружковые занятия, чтения. Вместе с тем сам готовится в университет. Но подозрения и придирки полиции заставляют его уйти и оставить свою работу учителя. В университет он не попадает—большая семья отца нуждается, помочь ничем не может, и Л. поступает в Виленское военное училище. Училище он окончил в 1906 г. первым, с занесением на мраморную доску отличнейших и награждением первым призом за успехи—золотыми часами. В последние годы пребывания в семинарии Л. начал работать в кружках, связанных с местной виленской социал-демократ. рабочей организацией. В этих кружках читали и разбирали Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Бокля, Лассаля и др. Вместе с этим там же знакомили с вопросами революционного движения. К этому же времени относится и окончательный разрыв с религией, целый ряд выступлений против семинарского начальства и уход из семинарии. Будучи в Виленском военном училище, Л. продолжает также состоять в кружках, знакомится с более серьезной литературой по вопросам революционного движения. По поручению местной организации Бунда ведет агитационную работу среди своих товарищей юнкеров

училища, в 1905 г. образует в училище кружки революционно-настроенных товарищей для содействия активным выступлениям местных рабочих организаций. Работа была очень трудна, так как требовала большой выдержки и конспирации, особенно в 1905 г.

Окончание училища и выход в 1 гренадерский Екатеринославский полк в Москву прервал и эту работу. Но на второй же год службы Л. поступает вольнослушателем в Московский университет. Здесь он примыкает к социал-демократич. кружкам и ведет агитационную работу среди солдат полка. Но в этот период реакции работа очень трудна и дает мало результатов. Недолго пришлось оставаться и в университете; по приказу Сандецкого, пришлось оставить университет, а на следующий год уйти из полка в Военную Академию Генерального Штаба. Академию окончил Л. в 1912 г. и перевелся в 170 пехотный Молодеченский полк опять в Вильну. Восстановились старые связи с организациями Бунда, но начавшаяся в 1914 г. война оторвала надолго от политической работы и всецело заняла внимание только что переведенного в генеральный штаб молодого работника. Он участвует в боевых операциях 2 арм. корпуса в Восточной Пруссии, у Мазурских озер, под Варшавой, Лодзью, в Августовских лесах. В составе частей этого корпуса под командой Триковского участвует в боях под Гродно и получает высшую боевую награду за боевую разведку и руководство успешным боем за высоту 100,3. В 7 Сибирской стрелковой дивизии, а потом в 5 арм. корпусе участвует в боях под Кальварией, Ковно, Яновым, у озера Нароч, в Галиции. В составе Особой Армии в районе Луцка руководит работой авиации армии в должности штаб офицера по авиации. Начальником штаба 166 пех. дивизии участвует в операциях в Карпатах. В период Февральской революции ведет агитационную работу в частях своей дивизии. После Октябрьской революции избирается начальник. штаба 18 арм. корпуса и участвует в работе корпусного комитета.

В январе 1918 г. прибывает в Петроград и работает в главном управлении Генер. Штаба и одновременно в Военной Академии. С Всеросс. главным штабом эвакуируется в Москву, а с началом гражданской войны уезжает опять на боевую работу на фронт. Сначала ведет оперативную работу в штабе 4 армии Хвесина против чехо-словаков; участвует в занятии красными войсками Самары. С назначением М. В. Фрунзе командующим 4 армией становится его нач. штаба и сначала в этой должности, а затем в должности нач. штаба южной группы участвует в борьбе с Колчаком, организуя тот фланговый удар из района Бузулука, который нанес армии Колчака решительное поражение и заставил ее откатиться из-под самой Самары в направлении на Уфу. В составе южной группы командует сначала Туркестанск. армией под Уфой, а затем 4 армией на Уральском направлении против белоказаков, тесня их на юг от Уральска на Лбищенск и Гурьев.

С ноября 1919 г. Л.—уже на западном фронте, занимает должность нач. штаба фронта, участвует в борьбе с Юденичем у Ямбурга и Гдова и с белополяками на Березине. После небольшого перерыва фронтовой боевой работы, который посвящен был работе в только что открытой молодой красной Военной Академии, Л. в 1920 г. опять на западном фронте командует 3 армией и участвует в походе на Варшаву. За это наступление Р. В. С. Р. впервые наградил Л. орденом Красного Знамени.

Еще до окончания похода под Варшаву Л. спешно был переброшен на южный фронт к Фрунзе, где тогда велась последняя борьба с Врангелем. В начале октября 1920 г. он принимает командование опять 4 армией и с полевым только штабом ведет энергичное наступление на Александровск, Федоровку, Рыково. Под Чонгаром непосредственно организует и руководит атакой сильно укрепленных неприступных позиций с прорывом на Джанкой, чем способствует полному разгрому войск Врангеля. После прорыва у Чонгара были заняты Феодосия и Керчь, и очищен весь южный берег Крыма. За победоносные бои в северной части Таврии и за взятие Чонгарских и Сивашских позиций Л. награждается Р.В.С.Р. вторично орденом Красного Знамени. По ликвидации Врангеля Л., продолжая командовать Крымской армией, ведет трудную и упорную борьбу с Махно как в самом Крыму, так и в районе Мелитополя, Бердянска, Гуляй-Поля.

С февраля 1921 г. Л. командует Туркестанским фронтом, изгоняет окончательно из Восточной Бухары эмира бухарского, ликвидирует его шайки, ведет борьбу с басмачеством в Фергане, изгоняет Джунаид-Хана и другие шайки басмачей из района Хорезмской республики, а также руководит операцией против белых Бакича на территории Китайской республики. Вместе с тем он принимает деятельное участие в проведении

политических и экономических мероприятий для упрочения советской власти на далекой окраине. За успешную борьбу с басмачеством Р. В. С. он награжден шашкой бухарского образца, Ц. И. К'ом Хорезмской республики—военным Красным орденом, а Туркест. Комиссией Ц. И. К. С.С.С.Р. — золотым портсигаром. Кроме того, общим собранием 15 Туркест. Алмаатинских кав. курсов и отдельного Туркменского кав. полка избирается почетным курсантом и почетным джигитом.

Из Туркестана Л. в феврале 1922 г. перебрасывается для новой боевой работы опять на западный фронт, но в виду разрешившихся благополучно осложнений остается в Москве и назначается замест. главн. начальника всех военно-учебных заведений Союза Республик и одновременно начальн. Военно-Академ. Курсов высшего командного состава РККА. Занимая учебно-административные должности, он не прерывает и педагогической деятельности на Высших Академических Курсах и на Курсах Конференции по усовершенствованию высшего командного состава В. У. З.

В феврале 1925 г. Л. получает назначение на работу по военным воздушным силам Р. К. К. А. и занимает должность начальника Военной Воздушной Академии.

В. Алкалаев.

Ландер, Карл Иванович *(автобиография)*. Род. я в трудовой крестьянской семье, и раннее детство мое протекало в деревне у деда: мать служила где-то в имении, зарабатывая на жизнь себе и мне. Дед с материнской стороны был каменьщиком по профессии, жил в небольшом, но очень опрятном домике и имел крошечный участок земли в 1/2 дес. Все хозяйство состояло из лошади, коровы, 2 свиней и пр. мелочи. Бабушка—славная добрая старушка, очень баловала меня, несмотря на то, что я имел по тогдашним условиям несчастье принадлежать к категории заклейменных презрением незаконнорожденных. Впоследствии я редко даже в т. н. интеллигентных образцовых семьях встречал столь чуткое, хорошее отношение к ребенку, как у этих простых, бедных крестьян. Рос я на свободе, предоставленный сам себе. Это рано развило во мне самостоятельность, любовь к природе, к крестьянской трудовой жизни. Уже 6 лет я пас корову и свиней, и не было для меня большего счастья, как когда на меня возлагалось какое-нибудь серьезное поручение по хозяйству. Я очень рано научился читать (научила бабушка, оба старика были вполне грамотные) и читал в засос все, что ни попадалось мне в деревне. Впоследствии, когда я уже переехал в город, я каждое лето все каникулы проводил в деревне. Мои лучшие детские воспоминания связаны именно с деревней, и я всегда любил ее немного романтическою, восторженною любовью.

Когда мать вышла замуж и взяла меня к себе—это стоило ей большого труда. Я ни за что не хотел расстаться с деревней, со своими старичками. Немедленно по приезде я начал учиться, поступил в одну из лучших в Либаве т. н. элементарных школ. Дома меня заставляли помогать в домашней работе, а лет 12 я уже зарабатывал, помогал семье. Я выгружал в гавани кирпичи, зарабатывая до 50 к. в день. Затем я работал при городских купальнях. А когда лето удавалось проводить у деда в деревне, я буквально запоем набрасывался на сельские работы. Занимался я также столярным делом, и моей мечтой было хорошо изучить какое-нибудь „тонкое" ремесло и стать хорошим мастером. Но у моих родителей были другие виды на мое будущее. Обычно все простые трудовые люди готовят своих детей к более „легкой" жизни, к канцелярской или иной письменной работе, считая почему то ее более почетной и легкой и прибыльной. Так смотрели и мои родители, надеясь, что из меня выйдет бухгалтер, чиновник или, в крайнем случае, учитель городского училища. Я рос в обстановке обычной трудовой семьи, где постоянно царила плохо замаскированная бедность, где вся семья из 5 человек ютилась в квартире из одной комнаты с кухней, и где вся жизнь проходила в постоянных ухищрениях, как прожить на получаемые отцом 20—25 рублей в месяц. Но, несмотря на постоянные лишения и нужду, у нас наблюдалась исключительная чистота и порядок. Дети с самых ранних лет приучались к этому. Домашнее трудовое воспитание было суровым и внимательным. Мы, дети, никогда не чувствовали себя брошенными, предоставленными себе. Внимательный глаз родителей никогда не упускал нас из виду.

Начальная школа дала мне первоначальную грамотность и пробудила впервые зачатки товарищества; состав учащихся был однороден—все больше дети рабочих, ремесленников, мелких служащих, по преимуществу латыши и немцы. Программа этой школы была довольно широкая. По окончании начальной школы я поступил в городское училище, а затем стал готовиться к экзамену по полному курсу реального училища.

Решающим для меня годом еще в ранней юности был 1899 год. Мне было тогда 15 лет. Было это 1 мая, в чудный теплый день. Я шел в училище. На Пивоварной улице против пивоваренного завода я наткнулся на большую толпу людей. Подойдя ближе, я увидел, что то были исключительно рабочие проволочного, пробочного и др. заводов. В толпе я увидел несколько своих знакомых рабочих и работниц, живших в одном доме с нами. Они об'яснили мне, что к ним рано утром на завод пришли рабочие проволочного завода и сняли с работ, что работа прекратилась на всех заводах города, а они идут снимать еще работающих в крупных мастерских и грузчиков. Они пред'явили администрации завода требования, чтобы увеличили расценки и сократили рабочий день, и не приступят к работам, пока их требования не будут удовлетворены. Тем временем мы подошли к гавани. Толпа намеревалась перейти мост, чтобы попасть в Старую Либаву—торговую и административную часть города, но против моста выстроились цепью в два ряда солдаты и не пропускали никого. Толпа спокойно повернула назад и направилась к городскому парку, где рассеялась на небольшие группы. Я весь день проходил с манифестантами, буквально охваченный своего рода лихорадкой, я жадно ловил в разговорах каждое слово, прислушивался напряженно ко всему, что делалось вокруг. Поздно ночью вернулся я домой, весь охваченный новыми впечатлениями. Дома только и было разговоров, что о разыгравшейся забастовке. Мои родители тоже очень заинтересовались ею и в общем относились к ней вполне сочувственно. Все видели в этой забастовке исключительно экономическую борьбу рабочих, борьбу за лучший кусок хлеба. Но в то же время многих смущало вмешательство войск. Ведь рабочие вели себя спокойно и тихо, зачем полиция и войска? А меня это-то заинтересовало больше всего. Я видел и чувствовал в этом выступлении рабочих не одно лишь требование о хлебе. В этом грозном и стройном выступлении нескольких тысяч человек, в этом шествии чувствовалась какая-то новая небывалая сила, которая притягивала к себе, влекла, возбуждала.

С того дня я с фанатизмом подростка, увлеченного новым, небывалым явлением, стал интересоваться только виденным и слышанным мною первого мая. Я стал искать людей и книжек, которые могли бы мне об'яснить все это. Мир рабочих я знал хорошо по их повседневной будничной жизни (родственные связи, близкие знакомые и т. п.). И вдруг он предстал предо мною в совершенно новом свете, с новой неожиданной стороны, как носитель и обладатель какой-то великой тайны и силы. Но возможностей узнать и разобраться во всем этом мне долго не представлялось. Организация тогда еще была слаба и молода, еще не было массовой рабочей организации. Наконец, я познакомился с уволенным за активное участие в забастовке и агитацию рабочим металлургического завода. Мы близко сошлись, и я проводил целые ночи в беседах с ним; он дал мне первые, хотя и очень скудные понятия о рабочем движении. От него я узнал приблизительно, что такое социалисты, чего они добиваются, за что их преследует правительство. Узнал также некоторые подробности только что закончившейся стачки. У него, кроме того, нашлась в рукописи на латышском языке брошюра „Эрфуртская программа" — первая прочтенная мною нелегальная книга.

Но и то, что я узнал, давало новый толчок моей мысли. Это была первая на заре моей жизни переоценка ценностей и, пожалуй, самая радикальная из них. Пришлось пересмотреть и отбросить всю сложившуюся несложную программу жизни. Родилось сознание, что для того, чтобы все это понять, необходимо учиться, учиться много и усердно. Явилось желание поступить в университет во чтобы то ни стало, чтобы стать настоящим знающим революционером. Таково тогда было общее мнение молодежи, и оно находит себе об'яснение в настроении передового студенчества этой классической эпохи студенческих беспорядков. В провинции звание студента было синонимом революционера-бунтаря, такою репутацией пользовалось студенчество даже в рабочих массах и в частности латышское студенчество, на $^9/_{10}$ вышедшее из трудовых масс населения. Разумеется, что это представление отнюдь не относилось к немецкому студенчеству Латвии — сыновьям баронов и богатых бюргеров, типичных реакционеров, забулдыг, бреттеров и корпорантов. Но для того, чтобы учиться, нужны были в первую очередь деньги. Необходимо было пожертвовать несколькими годами ученья, чтобы подработать необходимые средства. Много профессий испробовал я за это время, пока, наконец, остановился на выборе—по мнению родителей на самом неудачном — места народного учителя в одной из ближайших волостей.

Проработал я почти два года и ушел разругавшись с инспектором и пастором.

Решившись на отсрочку моих занятий, я постарался наверстать потерянное время усердным и серьезным чтением. Благодаря случайному знакомству с двумя-тремя радикальными учителями, я сумел подобрать необходимые книги для серьезных чтений. Кроме неизбежных и модных в то время Юнга, Гексли, Дрэпера, Липперта, Мензиса и т. д., я тогда познакомился с нашими общественниками—Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Михайловским. В смысле углубления и расширения знаний эти два года протекли для меня крайне успешно. В это время я познакомился с И. М. Трегубовым, проживавшим в ссылке в уездном городишке Гробине, в 10 верстах от моей школы. Это был человек исключительной кристальной честности и искренности, настоящий аскет по укладу своей жизни, привычкам и т. д. Серьезный, вдумчивый он был фанатически предан своей идее. Его обыкновенно называют толстовцем, но он не был прямым последователем учения Толстого, хотя прекрасно знал его и находился под влиянием некоторых его взглядов. И. М. был социалистом-утопистом, христианским социалистом в лучшем смысле этого слова, единственным в своем роде. Ему бы жить в эпоху крестьянских войн эпохи реформации. Но для России XX века он был своего рода анахронизмом. Правда, свое миросозерцание он почерпал в крестьянской среде, у сектантов (гл. обр. духоборов), не знавших другой книги, кроме евангелия, других учений и истин, кроме христианских. Наблюдая эту отсталую самобытную крестьянскую Русь, он пришел к выводу, что ее можно расшевелить и повести к социализму, опираясь на христианство, толкуя его, как революционное миропонимание. Он отвергал и смертельно ненавидел церковь и попов, извлекал из евангелия нужные и полезные для агитации места и считал избранный им путь самым правильным и кратчайшим для завоевания крестьян. „Рабочих у нас всего сотни тысяч, говорил И. М., а крестьян сотня миллионов; крестьяне и решат судьбу русской революции. А учение Христа для них священно, они верят в него, ищут в нем спасения и истины, и надо помочь им найти ее. У нас до десяти миллионов сектантов с готовым почти коммунистическим миросозерцанием, не признающих властей ни духовных, ни светских, признающих общность имущества. Это наши естественные союзники, и мы должны уделить им серьезное внимание".

Перспективы крестьянского движения и роль христианского социализма в нем сильно заинтересовали меня. Когда Трегубов, получив разрешение, выехал за границу, я решил познакомиться со всем этим поближе. К этому времени я уже оставил место учителя и переехал в город. Здесь я 18-летним юношей стал работать в редакции местной газеты. Поступил я в качестве корректора, а затем стал нечто вроде секретаря редакции и единственным постоянным сотрудником. Это было своеобразное издание, выходившее ежедневно на двух языках: половина газеты печаталась на русском, другая половина, с совершенно иным содержанием—на немецком языке. Редактор—учитель младших классов местной мужской гимназии, по природе добродушный и ленивый человек, которому эта газета осточертела, и который работал больше клеем и ножницами, был рад свалить на меня всю работу, и я ушел в нее со всем пылом юности. Говорить о направлении газеты не приходилось, но, во всяком случае, она была вполне безвредной и приличной. Самое для меня важное было чтение массы периодических изданий и книг, которые массами присылались в редакцию. В том числе были даже „Форвертс" и „Гамбургер Эхо", и я получил более или менее точное представление о работе немецкой с.-д. Затем наступил кризис этой эпохи моей жизни. Наступило время, когда с небывалой силой во мне проснулась жажда активной деятельности. Связей и возможностей, кроме тех, что мне дал Трегубов, у меня еще не было. И вот однажды я бросил все и отправился посмотреть, как протекает жизнь в трудовых колониях, о которых я столько слышал, и среди духоборов, интересовавших меня еще более. Несколько месяцев длились мои скитания. Побывал я в нескольких колониях, повидал я духоборов. Жизнь и быт интеллигентских колоний оттолкнули меня. Осталось впечатление о сборище нескольких десятков разочаровавшихся в суетности и пустоте земной жизни интеллигентов, ушедших, спасения ради, в свой скит, где они отгородили себя от всего мира, надели вериги нелепого, бессмысленного и непосильного для них труда и с надрывом, тоской и чванливым самолюбованием влачили свое никому не нужное нудное существование. Единственным светлым пятном на этом темном фоне был небольшой хутор под Полтавой, где тоже жило несколько таких семей, и где фактической хозяйкой и работницей была И. М. Дудченко, но, казалось, она по

недоразумению попала в эту среду. Правда, в этой среде я встретил несколько весьма интересных лиц—бывших чайковцев, народовольцев и т. д.

Знакомство с русскими сектантами и в частности духоборами разбило христиански-социалистическую теорию Трегубова. Правда, встречались общины, где наблюдалось искание новых форм жизни, где царило нечто вроде коммунизма, но скорее исключительно производственного характера, ибо разница в имущественном положении сохранилась. Положив в основу своей личной и общественной жизни учение Христа, они толковали его со всей присущею сектантам односторонностью и упрямством. Все мирское, светское было беспощадно изгнано из их обихода. Ни светских школ, ни книг не допускалось. Всякое общение с внешним миром было прекращено и считалось греховным. Это движение не могло стать всенародным, всекрестьянским. Оно выродилось в замкнутую группу избранных, живущих своими групповыми интересами и нуждами.

Эта эпопея моей жизни совершенно неожиданно закончилась арестом. Оказалось, что за мною еще в Либаве был учрежден надзор. После моего от'езда жандармерия произвела у меня обыск, затем стала меня разыскивать. Я отнюдь не скрывал своего местопребывания, и нашли меня скоро. Арестовали меня на юге, и в довершение всех злоключений при мне не оказалось при аресте паспорта. Вследствие этого меня препроводили на родину общим этапным порядком. Я пробыл в пути несколько месяцев, перебывал приблизительно в 9 различных тюрьмах и многого насмотрелся во время своего путешествия. По прибытии в Либаву я был немедленно переведен в разряд политических. В тюрьме я познакомился с арестованным за с.-д. пропаганду фермером Спруде, родственником известного латышского революционера Розина. Ночи напролет мы проводили в оживленной беседе, и много нерешенных вопросов мне удалось выяснить тогда. Вскоре после прибытия меня вызвали на допрос. Никаких конкретных обвинений мне пред'явить не могли. Но тем не менее мне дали пять лет гласного надзора и этим разрушили на долгое время все мои мечты об учении, так как в столичных и университетских городах проживание было запрещено.

Так кончился мой первый период исканий. Из тюрьмы я вышел уже с готовым решением пойти по определенному пути. И следующим шагом было уже практическое усвоение тех начал и практических знаний, которые были необходимы партийному работнику с.-д. Это уже краткая повесть о том, как я стал марксистом и с.-д. Большую роль тут сыграла „коммуна" на Березовой ул. Здесь, на окраине города в мансардных 4 комнатах поселилась группа молодежи, человек 6, связанная общими идейными интересами и тесными узами дружбы. Большинство из нас, за единичными исключениями, впоследствии стали активными работниками с.-д., многие из них играли руководящую роль в латвийской с.-д. партии уже в 1905 г. В латышской с.-д. партии не было деления на большевиков и меньшевиков, но по вопросам тактики все склонялись к большевикам; наибольшим авторитетом по партийным вопросам пользовались статьи Плеханова и Ленина. Для меня лично этот период был периодом последнего испытания. Я лишний раз убедился, что для того, чтобы стать сознательным марксистом, надо многому учиться и серьезно учиться. Я сознавал, что здесь речь идет не только о практической революционной работе, а о всем миросозерцании. И я постепенно впитывал в себя это миросозерцание, отбрасывая все остатки революционного и нигилистического романтизма, навеянного моими предыдущими исканиями.

К этому времени состоялось мое знакомство с первыми настоящими партийными профессионалами, под влиянием которых я и втянулся в партийную работу. То был известный в крае под кличкой „Музыкант" тов. Скарре и тов. „Боб"—Лютер. Начало моей революционной работы совпало с общим под'емом и оживлением рабочего движения в 1902—03 г. Вся наша коммуна, все мои товарищи влились в работу. Эта эпоха моей жизни прервалась арестом в начале 1904 г. Кроме обвинения в агитации и пропаганде, поводом к моему аресту послужил большой транспорт литературы из-за границы, без моего ведома направленный по моему адресу. На этот раз я просидел около года и был освобожден под залог и по манифесту, по поводу рождения наследника, уже к концу 1904 г. По освобождении я еще пару месяцев прожил в своем родном городе, пережил здесь памятные январьские дни 1905 г. и начало революционного движения в Латвии (церковные манифестации, стачки, начало террора).

После освобождения меня принудили покинуть Либаву, и я направился в Москву, где с головою ушел в революционную работу, проработав здесь до 1907 г. Не-

медленно по приезде я вошел в организацию с.-д. большевиков и стал работать в тогдашнем городском районе, главным образом среди печатников, в качестве пропагандиста и агитатора. Организатором городского района был тогда Алексей Алексеевич (Алексинский). Одновременно я здесь же начал и литературную работу, сотрудничал в „Русских Ведомостях“, затем в „Вечерней почте“ (марксистского периода ее существования), а потом в „Борьбе“. Стал я также посещать урывками лекции на историко-филологическом факультете, хотя толку из этого было мало: лишь впоследствии в Петербурге я мог кое-как продолжать прерванное учение, но закончить его так и не удалось. Бурный 1905 г. увлек меня в самый водоворот событий. Наступили памятные декабрьские дни, и я вместе с ближайшими товарищами очутился на баррикадах в какой-то смешанной большевистско-эсэровской дружине в районе Живодерки—Зоологического сада–Садовой. Нас было около 20 человек, из них трое вооруженные винтовками, остальные револьверами, в том числе двое даже бульдогами. Чувствовалось отсутствие единого целесообразного боевого плана и задания, умелого руководства и цели. Жил я тогда на Грузинах, и когда начался обстрел Пресни и поголовные обыски, я едва успел утром уйти, почти на глазах семеновцев перепрыгнув через забор.

Московское восстание разгромили, но борьба не прекратилась. Я помню, что мы с особым энтузиазмом взялись опять за работу. Я работал потом в Рогожском районе, в качестве ответственного пропагандиста и организатора Дангауэровского подрайона, был членом районного комитета. Я перешел на положение партийного профессионала, жил нелегально и исключительно отдался партийной работе. Я был горячим приверженцем лозунга о продолжении борьбы, верил, что мы еще можем победить, что необходимо готовиться к новому вооруженному восстанию. Работа в районе протекала успешно. Удалось провести удачно несколько экономических забастовок, в том числе у Дангауэра, что сильно приподняло настроение рабочих. И когда в связи с разгоном Думы была об’явлена всеобщая забастовка, наш район встал дружно, и манифестанты направились в центр, согласно инструкции, принятой на общегородской конференции. Но здесь мы оказались почти в единственном числе; кругом царило самое будничное настроение, везде кипела работа, сновала деловая публика, на нас почти не обращали внимания. Помню, что меня тогда впервые охватило сознание, что в этой борьбе мы потерпели поражение всерьез и надолго, и настроение сразу упало. Нашу толпу скоро окружили конные и пешие полицейские и драгуны. Многих арестовали, меня товарищи буквально вырвали из рук пристава, схватившего уже меня. Я с одним из ближайших товарищей на время уехал из Москвы. И почему-то мы решили направиться в самое пекло—в Латвию, где тогда свирепствовали карательные отряды, расстреливая и вешая всех подозрительных. Мы полагали, что сможем там работать, где нас не знают, но попали действительно в самый ад. Все активные ответственные работники уже разбежались, осталось несколько моих старых друзей (по либавской коммуне), которые буквально ежедневно рисковали своею жизнью. Несмотря на все мои уговоры, мой товарищ остался там и был вскоре арестован, а я, погостив немного, уехал. От этой поездки у меня осталось кошмарное впечатление на всю жизнь.

После этого в моей жизни наступила самая мрачная полоса: период реакции 1907—1911 годов. За это время я несколько раз менял местожительство: сначала жил в Петрограде, затем в Либаве, Москве и Самаре. В Питере я занялся литературным трудом, работал в местных радикальных газетах, журналах и взялся за серьезную научную работу: начал свою „Историю Латвии“. Как меня ни влекла наука, учение, но жить в непривычной общественной жизни оказалось для меня невозможным. Но как изменились за это время обстановка и условия. В рабочих массах—полная апатия и какая-то раздраженность. На заводах—открытые ячейки союза русского народа, вещь немыслимая раньше, выступавшие открыто против с.-д. Затем поголовное бегство интеллигенции из рядов партии, в том числе многих видных работников и лидеров 1905 г. Это вызвало страшное раздражение и озлобление в рабочей массе; на этой почве родилась пресловутая махаевщина, с представителями которой мне приходилось сталкиваться довольно часто. Кроме того, начались разногласия в самой партии как на почве общих теоретических, так и на почве чисто тактических вопросов. Народились разные философские течения, направленные против ортодоксального марксизма. Появилось богоискательство и богостроительство. Но всеми этими проблемами увлекалась по преимуществу интеллигенция, стоящая вне активной партийной работы. Партийную—в частности рабочую—массу они не затронули. Немного адептов

навербовали также и представители новых направлений в большевистской партии: отзовисты, впередовцы (троцкисты), и др. Я работал в то время в Питерской латышской инициативной группе, названной так потому, что она взяла на себя инициативу восстановления нелегальной организации, связавшись для этого с русскими группами. Кроме того, я читал лекции в возникших тогда рабочих обществах просвещения, где приходилось вести ожесточенную борьбу с меньшевиками, выдвинувшими лозунг легализации партии и созыва рабочего с'езда. После избирательной кампании в третью Гос. Думу за мною началась усиленная слежка, и во избежание провала я уехал в Либаву, где опять на ряду с литературной и научной работой стал работать в местной большевистской организации. Проработал менее года. На этот раз дело кончилось серьезным провалом; как потом мне передавали, в самом комитете, состоявшем из пяти человек, оказалось чуть ли не два провокатора. Мне удалось избежать ареста благодаря счастливой случайности: во время производимого у меня обыска меня не оказалось дома.

С того времени опять начались мои скитания в Риге, Питере, Москве, на положении нелегального. Кроме всего прочего, над головою дамокловым мечом навис грозный призрак нужды (приходилось думать и о семье из 5 человек). И вот тут по совету некоторых товарищей я решился уехать куда-нибудь подальше, где меня мало знали, авось там на первое время оставят в покое. Я наткнулся в газете на об'явление, что самарская городская управа ищет редактора для ежедневной муниципальной газеты. Я послал заявление и получил извещение, что принят. И я с семьей переехал в Самару. Вопреки моему ожиданию, губернатор, по ходатайству некоторых либеральных гласных, утвердил меня в должности, и я стал работать. Городским головою в Самаре тогда был пресловутый „борец трезвости" Челышев—самодур и оригинал, но несомненно способный и даровитый человек. Работа в городской управе—это в своем роде занимательная повесть, изобилующая чисто щедринскими штрихами, но я здесь ее касаться не буду.

Вскоре после приезда я свел знакомство с местными партийцами, жившими разрозненной жизнью; никакой организации не было. Связавшись с ближайшими товарищами, мы тоже создали инициативную группу, при чем первое время работали рука об руку с меньшевиками-партийцами (не ликвидаторами). Но скоро партийные разногласия сказались с достаточной яркостью, и образовались две партии: большевиков и меньшевиков, со своими руководящими центрами (комитетами). Я вошел в большевистский комитет и энергично взялся за работу. Партийная жизнь заметно оживала. То была памятная эпоха ленских дней, „Звезды" и „Правды". Кроме подпольной партийной работы, приходилось вести также культурную открытую: читать лекции в профессиональных союзах, обществах и т. д. Это, с точки зрения конспирации недопустимое явление, привело к неизбежным последствиям: начались обыски, аресты.

Наконец, грянула война. Наша большевистская организация встретила ее выпуском прокламации и легального номера выходившей в Самаре большевистской газеты „Заря Поволжья"—кажется единственной в России легальной большевистской газеты, которая успела выйти после об'явления войны. Мы поместили в ней протест против войны и оценку происшедшего с нашей точки зрения, с замаскированным призывом направить оружие не туда, куда призывало правительство. Успели распространить до 5 тысяч экземпляров, остальные были конфискованы полицией. Вскоре после этого нас всех арестовали, но кара, постигшая нас, была сравнительно пустяковая: мы были разосланы по разным городам, я всего-на-всего—в Нижний.

В Нижнем я связался с товарищами из Канавина и Сормово и приступил к работе, но проработал недолго: опять был арестован, но почему-то вскоре выпущен. А когда всю публику стали вновь забирать и стали высылать в Якутку и Нарым — я счел за лучшее скрываться. По полученным из полицейского правления сведениям я получил 5 лет Якутки, которые мне, к счастию, отбывать не пришлось. Из Нижнего я уехал в Москву, где жил некоторое время нелегально, а затем при содействии П. П. Маслова, без документов, разыскиваемый полицией, устроился в комитете западного фронта земского союза, куда и уехал и пробыл на фронте (в Минске, в должности секретаря озн. комитета) до оставления Минска нашими войсками. Нелегальная работа на фронте до революции была налажена слабо. Были отдельные лица и небольшие разрозненные группы, которые получали урывками кое-какую нелегальную литературу, собирались иногда, беседовали, но систематической организованной пропаганды среди армии еще не было.

Нечего говорить о том, что Февральская революция застигла нас в значительной степени врасплох. Группировка партийных сил началась лишь после нее. В начале не было даже правильно организованной партийной организации. Образовался так-называемый „об'единенный комитет“, в который входили меньшевики-партийцы (интернационалисты) и большевики. В минском совете и фронтовом комитете преобладали меньшевики и с.-р. Я с группой товарищей начали борьбу за раскол, и он произошел в мае месяце 1917 г. С приездом Ленина и опубликованием его знаменитых тезисов работа у нас пошла успешно. Мало-по-малу мы захватили в свои руки Совет, при чем я был избран его председателем. Энергичную деятельность стал проявлять комитет нашей партии под руководством тов. Мясникова, А. Ф., трагически погибшего при крушении аэроплана близ Тифлиса в 1925 г. Мало-по-малу все местные советы и военные организации были в наших руках. Работа наша на фронте была необыкновенно дружная и интенсивная. И когда настали решающие Октябрьские дни, мы оказались достаточно подготовленными для выполнения вставших перед нами исторических задач. Нам удалось овладеть фронтом, взять в свои руки власть без малейшего кровопролития. Все попытки к сопротивлению были ликвидированы решительно и быстро. На выборах в Учредительное Собрание мы провели всех своих кандидатов по фронту и округу. Нам удалось также успешно задержать движение войск, вызванных Керенским на помощь в Питер и Москву. В то время я был председателем военно-революционного комитета фронта и Совнаркома области. После утверждения первого мирного договора с немцами, они немедленно перешли в наступление, и нам пришлось оставить Минск. Я переехал в Питер, где был избран членом президиума ВЦИК, в нем я работал вместе с покойным Я. М. Свердловым до мая 1918 г., когда был избран нар. комиссаром Государственного Контроля.

В связи с переходом на мирное строительство у меня опять проснулось с небывалою силой влечение к той отрасли работы, которую я было совсем забросил за время революции: научно-литературной, которую все же считаю своей основной профессией. Не хочется бросать все то, что уже намечено и отчасти разработано, ряд специальных тем, по которым собраны груды материалов. И думается, что теперь, в начале последней трети жизни, все же удастся эту мечту осуществить.

Ларин, Ю. (он же *Лурье*, Михаил Александрович) (*автобиография*.) Родился в Симферополе в 1882 г., единственный ребенок интеллигентной матери, разведшейся с мужем еще на первом году жизни Л. Учился грамоте на книжках Успенского, Салтыкова, Пушкина, Гоголя. Первое запомнившееся политическое событие—отставка Бисмарка, вызвавшая в доме (где жило еще много родных и бывало много знакомых) много разговоров (помнится, 1891 г.). С тех пор начал читать газеты. Рано побывал за границей, в городах и в сельских местностях, имел возможность сравнивать с нашими деревнями и городами. С детства рос в оппозиционной атмосфере — в доме постоянно бывали высланные за „беспорядки“ студенты, остававшиеся еще от 80-х г. поднадзорные политики и т. п. Еврей—не сталкивался с антисемитизмом, в то время почти не чувствовавшимся в Крыму. Знал теоретически о соответственных угнетениях, но получал воспитание в духе об'яснения их, как частного случая общего угнетения. Перед поступлением в гимназию и первые годы в ней увлекался больше астрономией и другими естественными науками, потом перешел к общественным книжкам. Большой любитель читать—почти не водил знакомства со сверстниками и гимназистами, прочитал за время пребывания в гимназии, м. пр., главнейшие русские журналы конца 50-х, 60-х и 70-х г. („Соврем.“, „Отеч. Записки“, „Русское Слово“ и т. д.), а также почти всю экономическую литературу, выходившую в России в 90-х г. (до Маркса и Ильина включительно). Первое соприкосновение с жандармами — в начале 1900 г. в 8-м классе—за гимназическую кассу взаимопомощи, которой был председателем. Дело было потушено директором, так как в него были вовлечены и гимназисты из некоторых видных семей города.

Первое участие в нелегальной соц.-дем. маевке — в Симферополе 1 мая 1900 г., за городом, с группой ремесленных рабочих, руководившихся Б. Л. Вольфензоном (впоследствии ревизионистом). Первая написанная Л. и изданная прокламация—в январе 1901 г. в Одессе, с призывом к студентам вынести свою забастовку на улицу, устроив демонстрацию и апеллируя к рабочим. Был тогда же руководителем одесской студенческой организации и об'ехал Киев, Харьков, Москву, предлагая студенческим центрам перейти к уличным демонстрациям (которые и были назначены в Харькове и

в Москве на 19 февраля и в Киеве на 4 марта). Тогда же первое удачное уклонение от ареста.

Первые нелегальные переходы границы—весной и летом 1901 г. (переправка соц.-дем. литературы из Швейцарии через западную границу и получение ее с немецкого пар. „Обербургомистер Гакен", на Гутуевском острове, с К. И. Рабиновичем). Первое руководство подпольной соц.-дем. рабочей организацией—в Симферополе в 1901—1902 г., где жил высланный под гласный надзор полиции и организовал симферопольский комитет РСДРП, а затем и крымский союз РСДРП. Арестованный в августе 1902 года, выслан затем по „высочайшему повелению" на 8 лет в Якутскую обл., откуда удачно бежал осенью 1904 г. (перед этим—неудачный побег из Красноярской тюрьмы—на улице у ворот встретил и остановил тюремный надзиратель). В 1904 г. Бундом издана за границей брошюра, описывающая поездку партии ссыльных на паузке до Якутска, старостой которой был Л., и которая сопровождалась избиениями, привязыванием к телегам и убийствами (в том числе убит и начальник конвойной команды). В Якутске при конспиративной переписке получил прозвище „Юрий" и стал с тех пор Ю. Лариным.

Приехав в Женеву, примкнул к меньшевикам (во время пребывания его в тюрьме РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков), написал брошюру „Почему сдался Порт-Артур" (изд. „Искры") и др. и в январе 1905 г. (по случаю 9-го января) вернулся на нелегальную работу в Петербург (ныне Ленинград). М. пр., участвовал там в основании первых русских профессиональных союзов, в частности написал первый проэкт устава питерского союза металлистов. Арестован в мае и посажен в Петропавловскую крепость. Октябрьская революция 1905 г. освободила из тюремной больницы, вновь вошел в состав пет. комитета меньшевиков и в федеративный совет, который пет. комитеты меньшевиков и большевиков образовали для согласования деятельности обоих организаций в очередных вопросах и в руководстве Пет. Советом Рабочих Депутатов (по два человека от каждой организации, — м. пр. в том числе Шотман). После ареста Хрусталева и Троцкого (первых председателей Совета) — оказались, Л. вместе с большевиком Макаром, единственными уцелевшими членами пет. федеративного совета РСДРП, которые быстро сорганизовали по районам выборы нового Исполкома Совета Рабочих Депутатов (и стали сливать рабочие низы обоих соц.-дем. организаций—в первую очередь слился Выборгский район). На первом заседании этого второго исполкома пет. совета, при воздержании и возражениях некоторых представителей, принято предложение Л. об'явить с 6 декабря всероссийскую забастовку, с целью свержения царского правительства. Забастовка окончилась неудачей (восстание в Москве на Пресне и др.). На очередь стал вопрос о предстоявших весной 1906 г. выборах в 1-ю Госуд. Думу. Среди большевиков преобладало течение за бойкот, среди меньшевиков появилось течение за избирательное соглашение с либерально-буржуазной партией кадетов. Обе стороны сильно подчеркивали невозможность успешной избирательной кампании соц.-дем. при разгуле реакции, покрывшей Россию сетью „военных положений". Л. был и против бойкота и против соглашения с кадетами и уехал в провинцию, где, в находившейся на военном положении Феодосии, провел при помощи прокламаций и нелегальных сборищ избирательную кампанию, окончившуюся избранием единственным выборщиком от города кандидата рабочих, соц.-дем. П. Бианки, сидевшего в то время в феодосийской тюрьме (председателя Феодосийского Совета Раб. Деп. до его разгрома). Это был единственный соц.-дем. выборщик, прошедший как официальный кандидат партии до состоявшегося затем весной 1906 г. Стокгольмского с'езда.

На Стокгольмском с'езде Л. входил в меньшевистскую группировку, разойдясь с нею по двум вопросам. Аграрная программа (муниципализация) казалась ему недостаточно ограждающей интересы социалистического преобразования земледелия. Поправка его в этом смысле была принята Плехановым и внесена в резолюцию (первый намек на будущие совхозы; обосновано затем в вышедшей в 1906 г. брошюре Л. „Крестьянский вопрос и социал-демократия"). Во-вторых, меньшевики были против принятия в партию бывших в то время большевиками бундовцев, поляков и латышей, принятие которых должно было лишить меньшевиков перевеса, достигнутого на Стокгольмском с'езде (что действительно затем и случилось). В этом вопросе голоса Л. и шедшей с ним небольшой группы южных меньшевистских делегатов дали перевес большевикам и окраинные соц.-дем. организации были приняты в партию.

После разгона первой Госуд. Думы большие споры вызвало предложение Аксельрода о „рабочем с'езде". Л. принял в них участие брошюрой: „Широкая рабочая партия и рабочий с'езд", где защищал эту идею, бывшую у него ошибочным выражением стремления к расширению рабочей базы социализма, условия для которого созрели лишь более чем через десятилетие и на других началах (не с'езд „всех зрелых рабочих элементов для сговаривания", а вливание их в большевизм на твердой основе революционного социализма).

С осени 1906 г. до лета 1907 г. Л. руководит в Киеве работой украинской Спилки — нелегальной областной соц.-дем. организации, об'единявшей в этом районе большевиков и меньшевиков и охватывавшей губ.: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Черниг. и Полтавскую. При избирательной кампании во 2-ю Государств. Думу дважды арестуется: в Сквире (был избран под чужой фамилией выборщиком от крестьян в в Государств. Думу—бежал из-под ареста по лестнице через забор) и в Киеве, где из участка прислал крестьянской части выборщиков список пяти кандидатов соц.-дем., которые и были избраны в Госуд. Думу (арестованный под чужой фамилией и не узнанный, был скоро выпущен). Там же, вопреки линии меньшев. ЦК., руководимая им организация отказалась заключить избирательное соглашение с кадетами, благодаря чему от Киева во 2-ю Госуд. Думу был избран черносотенец—архиепископ Платон.

После Лондонского с'езда 1907 г. (на котором был от Спилки) уехал в Баку, где работал также в качестве нелегального до лета 1908 г., в частности был секретарем союза механических рабочих нефтяной промышленности, одним из руководителей кампании за коллективный договор, проводившейся по соглашению между большев. и меньшев. союзами (брошюра Л. „Коллективный договор", изд. в Баку в 1908 г. за подписью Л. А. Рин) и, уполномоченный обоими организациями, выступал от имени бакинского пролетариата на с'езде нефтепромышленников под фамилией Рин, после чего делались попытки арестовать, от которых удалось скрыться. М. пр., расстроил в Баку избирательное соглашение с кадетами, намечавшееся другими меньшевиками, благодаря чему от русских Закавказья в 3-ю Госуд. Думу был избран черносотенец Тимошкин. После краткого пребывания в Киеве, зимой 1908—1909 г. пишет книжку „Рабочие нефтяного дела" (изд. в Москве) и с осени 1909 г., переехав в Харьков, примыкает к моск. журн. „Возрождение" („Жизнь", „Дело жизни"), основ. группой меньшевиков ликвидаторов (Ежов, Миров, В. П. Милютин и др.), являясь одним из наиболее широко известных их представителей. Работая литературно в ликвидаторской группировке, Л. является одновременно одним из идейных инициаторов создания нелегальной меньшев. организации (в отличие от бывшей против „подполья" другой меньшевистской группы, издав. в те же годы журн. „Наша Заря"—Потресов и др.). Такая нелегальная организация образовалась сперва в Петербурге, как „Пет. инициативная группа", включавшая затем несколько сот соц.-дем. рабочих, — многие из которых сейчас занимают видное положение в рядах ВКП (б),—а затем и в нек. др. городах. Ведя все время в России жизнь нелегального, Л. появляется за границей (едва уцелев от пули пограничника при переходе границы) перед сорганизованной Троцким в 1912 г. конференцией соц.-дем. групп, образовавших „Августовский блок", в которой участвовали группы меньшевиков, Луначарского („впередовцы"), Троцкого (возглавлявшего выходившую в Вене газ. „Правда", а затем в России— журн. „Борьба"), бундовцев и др. С этих пор усиливается расхождение Л. с меньшевистски-ликвидаторской группой, превратившееся в открытый разрыв с началом мировой войны, и начинается сотрудничество в „Борьбе". К периоду 1909—1912 г. относится ряд работ Л. по аграрному вопросу, обосновывавших на изучении русской действительности будущие „совхозы" и т. п. (работы эти переизданы в 1926 г. Госиздатом — „Экономика досоветской деревни").

В январе 1913 г. Л. арестовывают в Тифлисе после лекции его в рабочем клубе и вскоре перевозят в Петроград. После почти годичного пребывания в тюрьме, признанный умирающим несколькими повторными медицинскими комиссиями, он высылается за границу. С началом мировой войны (июль 1914 г.) Л. становится на интернационалистскую позицию против войны и широко использует все возможности легальной печати („Вестник Европы", „Русские Ведом.", „Летопись", „Сев. Записки", „Мир Божий" и др.) для того, чтобы в виде многочисленных корреспонденций о военном хозяйстве (подпис. М. Лурье) доставлять обширный материал агитаторам и пропагандистам за неизбежность социалистической революции, проблема которой

с самых первых дней ставится им, как неустранимое следствие войны. Эта корреспондентская кампания, продолжавшаяся с 1914 г. до весны 1917 г., как обилием и научной проработкой материала, так и обоснованностью вытекавшего из него вывода о рабочей революции, как о неизбежном выходе из положения, была своеобразным явлением русской литературы военного времени.

Именно она послужила как идейным мостом для сближения Л. с большевистской группировкой, так и одним из главных оснований, по которым при распределении функций 25 октября 1917 г. Ленин поручил ему заняться экономикой (см. журн. ВСНХ „Народн. Хоз." за 1918 г., № 11, „У колыбели").

После Февральской революции 1917 г. Л. приезжает в Петербург первым вернувшимся эмигрантом (одновременно с Урицким) и привозит известие, что за границей бывший тогда министром иностран. дел Милюков делает от имени Врем. Правит. аннексионистские заявления,—что, согласно его предложениям, послужило конкрентным поводом для кампании за отказ от аннексий, за отставку Милюкова и т. п. и для установления связи Совета Рабочих Депутатов с Европой через собственных курьеров и представителей.

Л. выставлял требование „мира по телеграфу", т.-е. немедленного предложения перемирия и борьбы против господствовавшей еще в петрогр. революц. полках идеологии „войны до победного конца". Требования эти были отклонены господствовавшими в Петр. Совете элементами (меньшев. президиум Исполнит. Комитета и меньшев. ЦК, назыв. „Орг. комитет"), опиравшимися на петрогр. меньшев. организацию, развернувшуюся из прежней подпольной „иниц. группы". Следствием этого было, во-первых, создание фактического „левого блока" для борьбы против господствующих меньшев. групп внутри Исполн. Комитета (где предложения Л. поддерживались обычно Залуцким, Федоровым и другими большевиками, и наоборот) и, во-вторых, борьба Л. за отрыв петр. рабочей меньшев. организации.

Крупнейший ее район — Василеостровский—скоро признал себя солидарным с Л., был организован небольшой журнал „Интернационал", посвящ. агитации за требование немедленного перемирия и предложения мира и за неизбежность рабочей революции.

После июльских дней, когда большевитская партия загнана была на время правительств. преследованиями в подполье—Л. и около тысячи рабочих из прежней петрогр. меньшев. организации формально вступили в большев. организацию: „можно бы слепить здесь и в провинции третью организацию в пару десятков тысяч человек,—гласила обосновывавшая это декларация Л.—но... в трудную для пролетариата минуту... последовательность требует, во имя пролетарского интернационализма и собственного революционного прошлого... не дробить силы „ларинскими" или еще какими „третьими" фракциями... искренно и бесповоротно с распущенными знаменами войти в большевистские организации, вложить в них все накопленные знания, опыт и методы, содействуя таким путем построению классовой партии русского пролетариата".

После Октябрьской революции 1917 г. работа Л., гл. обр., протекала в области разработки хозяйственно-политических вопросов и организации хозяйственной жизни.

На его долю выпадала часто инициатива в постановке на практическую очередь ряда крупных вопросов, как аннулирование займов, национализация промышленности, концессионная политика, рабочее законодательство и пр. Первые периоды Советской власти (примерно до лета 1918 г.) было допущено единоличное составление и публикация Л. в официальном отделе правительств. газеты законов и обязательн. постановлений по разнообразным вопросам хозяйственн. жизни, иногда за ставившейся им подписью Ленина, чаще только за своей личной (как, напр., декрет о 8 час. рабочем дне и нормах рабочего законодательства, положение об управлении промышленными предприятиями и порядке их национализации, о создании ряда „главков" и „центров" и мн. др.), иногда с присоединением подписей еще некоторых товарищей, предоставивших право присоединения их подписей и т. д.

В наступивший затем период военного коммунизма (с осени 1918 г. до лета 1921 г.) работа Л. охватывала все основные области хозяйства, начиная от финансов (введение сметного порядка содержания промышленности, правил о составлении государственного бюджета, затем бесплатности государственных и коммунальных услуг с отменой денежных налогов и т. д.) и распределения (осенний закон 1918 г. о национализации торговли и др.) и кончая земледелием (создание совхозов, приписного к фабрикам и городам земледелия и пр.),

транспортом и внешними экономическими сношениями (участие в введении монополии внешней торговли, командировка летом 1918 г. в Берлин для переговоров с Германией и т. д.), не говоря уж о промышленности и рабочем законодательстве (натурализация и нормирование заработной платы, затем введение премиальности, переход к коллективному снабжению и т. д.).

Практически Л. ставился в эти годы партией поочередно во главе ряда рабочих органов советской власти, перед какими ставились особенно острые, сложные и неотложные вопросы хозяйственной жизни,—с тем, что после их организации, охвата работы, выработки известной традиции и подготовки кадра преемников он переходил к руководству следующим вновь создавшимся органом соответственного свойства.

Так, поочередно руководил комитетом хозяйств. политики, проделавшим в 1918 г. крупную часть работы по национализации промышленности, по созданию об'единяющих ее центров, введению производственных программ и пр.; комиссией использования, которой принадлежало в 1919—1920 г. распоряжение всеми материальными рессурсами государства, осуществлявшееся затем Наркомпродом и подлежащими органами Совнархоза; рабочим комитетом содействия земледелию (установление политики и начало совхозно-колхозной практики); высшим советом по перевозкам (учрежд. осенью 1919 г. и имевшим до весны 1921 г., примерно, до окончания войны, диктаторские полномочия до определения пределов подвоза войск к разным фронтам включительно); совещанием по установлению численности армии (в связи с возможностями и перспективами ее снабжения); комиссией по натуроотчислениям (в связи с ломкой в 1921 г. системы заработной платы); комиссией по пересмотру учреждений республики, учрежд. во второй половине 1921 г. для пересмотра организаций и состава центр. и местных органов и действовавшей до лета 1922 г., упразднив ряд организаций, переведя другие на новые организационные основы, сократив на $1^1/_2$ миллиона человек фактический штат госслужащих и т. д.

Следует особо отметить поднятый им осенью 1920 г. вопрос о необходимости создания Госплана и преобразования СТО в экономический штаб республики, нашедший себе скоро практическое осуществление. К этому периоду относится ряд брошюр: „Очерк нар. хозяйства 1917—1920 г." (вместе с Крицманом), „Производственная пропаганда" и др.

Переход к новой экономической политике в первой половине 1921 г. был поддержан Л., который еще в 1920 г. настаивал в интересах соглашения с крестьянством на отмене монопольной хлебной разверстки и на переходе к торговым и налоговым способам заготовки крестьянских продуктов (проведенные им в этом смысле в начале 1920 г. резолюции на Всеросс. с'езде совнархозов и отдельно на особом совещании центр. комитетов профсоюзов—остались неопубликованными по причине непринятия еще партией в то время этой точки зрения). Потому Л. принимает активное участие в введении новой экономической политики, в частности составлением закона о явочном порядке создания кооперативов и о разных льготах им, поднятием на общепартийной конференции 1921 г. вопроса о раскрепощении от необходимого в свое время главкизма и о переводе на основы хозрасчета также и государств. промышленности, участием в составлении типового устава первых трестов, агитацией за переход от собезно-пайковой заработной платы к системам, основанным на связи с размерами выработки и т. д. Но с конца 1921 г. начало отмечаться расхождение Л. с некоторыми явлениями дальнейшего развертывания нэп'а (увеличение концессионных программ на действующие уже промышленные предприятия, рост участия внутренней буржуазии в хозяйств. жизни, особенно в торговле и т. н. „разбазаривание", т.-е. крайнее ослабление тенденций к плановому хозяйству, некоторые изменения налоговой и пр. практики в отношении к деревенской бедноте).

На собраниях, с'ездах и в печати он выставляет требования „коммунистической реакции", т.-е. прекращения дальнейшего экономического отступления пролетариата; перестройки фронта для вытеснения частного капитала из господства в торговле; сведения к неизбежному минимуму концессий в области уже существующих предприятий, с преимущественным развитием их в области неиспользованных природных богатств; поворота к усилению планового руководства государства всей хозяйственной жизнью; определенной ориентации в деревне на батрака, маломощного и на низового середняка; твердого курса на орабочивание социального состава как хозяйственного аппарата,

так и самой осуществляющей пролетарскую диктатуру партии. Формулировка этих воззрений дана была Л. в 1922—1924 г. в ряде докладов, статей, исследовательских работ и речей, из которых более крупные собраны в книжках: „Итоги нэпа“, „Вопросы крестьянского хозяйства“, „Уроки кризиса“, „Новая торговая политика“ и „Советская деревня“. Экономические и политические условия в то время не созрели еще для подобного перехода в обратное хозяйств. наступление пролетариата.

В начале 1922 г. не был утвержден в последней инстанции принятый уже Высшим Экономич. Советом (существ. в то время под председ. Л. Б. Каменева) так наз. „ларинский“ проэкт положения о трестах, твердо устанавливавш. конец отступления в области промышленности, торговли промизделиями и отчасти заготовок, финансов и кредита и в области общего планового руководства хозяйством. После этого Л. не принимает уже прежнего участия в общеруководящей администрат. хозяйственной деятельности, и работа Л. сводится лишь к участию в разработке отдельных крупных вопросов (введение по его почину классовой системы квартирной платы, организация рабочего кооперат. жилищн. строительства и пр.), к участию в разных комиссиях ЦК, ЦИК, СНК, СТО и в партийной печати.

Впоследствии, в 1924—1925 г., складываются условия, когда хозяйственно-политическая обстановка оказывается уже созревшей не только для остановки отступления, но и для перехода пролетарского государства в экономическое наступление (курс на постепенное вытеснение частного капитала из торговли, курс на активную поддержку в деревне маломощного, его колхозов и т. п., усиление курса на орабочивание по всей линии, подчеркивание особой осторожности в концессионных вопросах, укрепление руководяще-плановой роли СТО, как экономического штаба, и т. д.). Вместе с тем ослабляется острота разногласий, Л. начинает вновь принимать деятельное участие в разработке ЦК новой торговой политики и т. п. Неизлечимая и тяжкая болезнь (прогрессивная атрофия мускулов), особенно развившаяся после первого двухлетнего тюремного заключения (1902—1904 г.) и затем под влиянием особенно перенапряженной работы 1917—1921 г. все в большей степени не дает Л. возможности полностью использовать его силы. Он все реже выступает и на собраниях и в печати, ограничиваясь преимуществ. постановкой являющ. особенно больными или считаемых особенно щекотливыми вопросов („револ. законность“, некот., стороны национ. вопр. и пр.).

Лацис, Мартын Иванович (Судрабс, Я. Ф.) (*автобиография*). Я родился в 1888 г. в бедной семье латышского батрака, проживавшего в Лифляндской губ. Старо-Пебальгской волости в усадьбе Рагайни. Это было время отмирания патриархальных отношений хозяина и батрака. Латышский крестьянин, приобревший путем покупки у немецких баронов значительные земельные участки, начинает себя чувствовать уже белой костью и отгораживаться от батрака и в обществе и в домашнем быту. И в деревне и в городе нарастает своя латышская буржуазия, ведущая борьбу с немецким засильем в крае, и латышский пролетариат, идущий рука об руку с рабочими других национальностей края.

Но все же первые годы моей молодости были пока только отмиранием патриархальности, поэтому на место ясного классового чувства и искания выхода в открытой классовой борьбе мои родители искали выхода из беспросветного существования в школе, в образовании: «Кончишь школу и тебе не придется служить у мужика»—неоднократно наказывала мне мать. Она сама, хотя и была грамотна, но считала себя обреченной на положение сельско-хозяйственного рабочего. Зато ее единственный сын должен был «выйти в люди», и она работала не покладая рук, чтобы провести сына хотя бы через начальное и приходское училище.

Старость и слабость отца все же не давала возможности набрать достаточно средств на школу, и мне с 8 лет пришлось начать жизнь с.-хоз. пролетария. Начиная с этого возраста меня каждое лето отдают в пастухи, чтобы иметь возможность зимой посещать школу. В 1903 г. я кончаю приходское училище и уезжаю в Ригу подыскать работы. Здесь два года я работаю сначала в качестве ученика в столярной мастерской, потом в магазине в качестве «мальчика». Встреча с столярным подмастерьем Тенчом вводит меня в круг городского сознательного пролетариата, и я начал приобщаться к социализму. В эти годы я не бросаю ученья, у меня твердое намерение стать народным учителем, чтобы всерьез заняться обучением молодежи новому евангелию. Летом 1905 г. я бросаю работу в городе и направляюсь в деревню, чтобы подготовиться к экзаменам в учительской семинарии. Но здесь аграрное движение в полном разгаре. Революционная волна

нарастает с каждым днем, и я с головой ухожу в революцию. От учения не получается ничего и, естественно, я на экзаменах проваливаюсь. Но разве это может огорчить в эти дни революционного под'ема! В сентябре я официально вступаю в партию и с того времени живу одним лишь революционным движением. Я—член боевой дружины и активный участник разоружения немецких баронов, поджога имений, борьбы с солдатами и т. д.

Карательные экспедиции заставляют меня на время уйти в подполье. Жизнь лесного брата меня не прельщает, и уже в начале 1906 г. я нанимаюсь в батраки и работаю так в деревне до конца 1907 г., когда я снова уезжаю в Ригу. Однако, при моей попорченной репутации я работы отыскать не могу и уезжаю в Энгельгартовское волостное училище к учителю Миллеру учиться и помогать в школьной работе. Здесь я усердно учусь и в марте месяце 1908 г. сдаю в Риге экзамен на народного учителя. Родители за эти годы померли, и я совершенно один. Отсутствие всяких средств заставляет меня на лето снова наняться батраком, пока не подыскиваю место учителя в Велико-Роопском приходском училище. Зимою учительствую, а летом отправляюсь в Ригу по приглашению члена ЦКСД Латышского края, Тейкмана, и работаю в качестве пропагандиста ЦК и Рижского комитета партии. Летом 1910 г. я проваливаюсь и ухожу в подполье, бросив учительство навсегда. С тех пор я живу исключительно партийной работой и сотрудничаю в латышской рабочей прессе. Весной 1911 г. я вынужден покинуть Ригу из-за преследования охранки. До 1913 г. скитаюсь по Северному Кавказу и Дону, работая в качестве помощника землемера, а осенью того же года еду в Москву и поступаю в университет имени Шанявского. Но учиться удается не долго: я втягиваюсь в партийную работу и после первой же листовки, изданной инициативной группой партийцев против войны, я снова проваливаюсь благодаря провокации Поскребухина. Но мне удается скрыться, и я начинаю проживать в Московском уезде в районе Петровско-Разумовского. Весной 1915 г. я вместе с другими латышскими партийцами, гл. обр. из универс. имени Шанявского, организуем Тверскую группу и начинаем связываться с Московской организацией. Я ставлю у себя в Петровско-Разумовском подпольную типографию и заделываюсь и типографским техником и литератором. Работаю в столовой С.-Хоз. института, откуда при помощи некоторых студентов и Грунта получаю материальные средства на типографию. После шестой листовки типография проваливается и опять благодаря провокаторам Поскребухину и Романову. Через две недели арестовывают и меня, но из-за отсутствия вещественных доказательств меня суду не предают, а отправляют в административном порядке на четыре года в Иркутскую губернию.

Там во время этапа я встречаюсь с Молотовым и Залуцким, которые меня приглашают бежать из ссылки и поставить типографию для партийного центрального органа. Я на это предложение соглашаюсь и, даже не доехав до места ссылки—до Киренска, совершаю побег и 20 ноября 1916 г. приезжаю в Петроград и приступаю к организации подпольной типографии. На этом деле меня застает Февральская революция, я бросаю типографию и начинаю работать в Выборгской стороне в качестве организатора и агитатора, одновременно состоя членом Выборгского районного Комитета и Петроградского Комитета партии. В Октябрьские дни состою членом Петрогр. Военно-Революц. Комитета и руковожу работой Бюро Комиссаров, а отсюда назначаюсь членом Коллегии Наркомвнудела, где ведаю отделом местного управления. 20 мая 1918 г. я по совместительству назначаюсь членом Коллегии ВЧК, где работаю до ликвидации этого органа, все время совместительствуя. В середине июля назначаюсь председателем Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контррев. на чехословацком фронте. По взятии нашими войсками Казани одновременно состою председателем военно-полевого трибунала 5-й армии. В марте 1919 г. начинаю работать на Украине в качестве председателя Всеукр. Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контррев.

В начале 1921 г. перехожу на работу в соляную промышленность, продолжая сотрудничать и в ВЧК. Здесь я работаю вначале в качестве члена Коллегии Главсоли, потом пред. Главсоли, а в марте 1922 г. организую Солесиндикат и работаю, гл. образ., в качестве председателя синдиката, хотя и состою заместителем нач. Главн. Управления Горной Промышленности. В 1923 г. я перехожу в Наркомзем, где работаю до сих пор в качестве члена коллегии и председ. Госсельсиндиката, направляя работой землеустройства, мелиорации, колонизации и переселения, рыбного дела, земельного суда и кассационного ком. при НКЗ.

С образованием Совета синдикатов состоял членом бюро его, а теперь состою членом Президиума Совета С'ездов торговли промышл. и транспорта. Состою одновременно председ. Совета Мос-

сельбанка и членом Сов. Всесоюзн. С.-Х. Банка и председателем Литиздата.

Написал несколько популярных брошюр по вопросам сов. строительства, промышленности и с.-хоз. Мною написано несколько агит. пьес на русском и латышском языках и повесть «Наша дорога» из жизни революционера. (Моя настоящая фамилия Судрабс, Ян Фридрихович, а Лацис—моя нелегальная фамилия, которую ношу с 1911 г. с момента моего полного ухода в подполье.)

Лашевич, Михаил Михайлович, первый заместитель наркомвоенмора СССР и председателя РВС СССР. Род. в 1884 г. Революционную работу начал в 1900 г., когда вступил в кружок учащихся, связанный с одесской организацией. В конце 1901 г. Л. состоит в рядах РСДРП (искровского направления) и после раскола на втором с'езде примыкает к большевикам. С тех пор Л. принимает активное участие в революционной работе. Л. многократно арестовывался, был в ссылке в Вологодской губ. и в Нарыме.

Во время германской войны был мобилизован, участвовал на фронте в качестве солдата и был дважды ранен. Во время Февральской революции Л., по поручению ЦК партии, находился в Питере и работал в Совете рабочих и солдатских депутатов. Затем был секретарем, потом председателем фракции большевиков, а также членом военно-революционного комитета в Петрограде. В Октябрьские дни Л. командует частями Кексгольмского полка и матросами, которые в ночь на 25-е октября захватывают телеграф, Государственный банк, казначейство и почту. Под руководством Л. было захвачено Павловское юнкерское училище.

Во время гражданской войны Л. был командармом и членом реввоенсовета 3-й армии, членом реввоенсоветов Восточного фронта, Южного фронта и 7-й армии. После окончания войны он работал в президиуме ленинградского исполкома, затем членом реввоенсовета и командующим войсками Сибирского военного округа. За участие в боях на Восточном фронте Л. имеет орден Красного Знамени (См. *Спр. ж.* и *Изв.*).

Лебедев, Павел Иванович (*автобиография*) (парт. и литерат. псевдоним *Валерьян Полянский*), старый большевик-коммунист, родился в 1881 г. в Меленках, захолустном городишке Владимирской г. Мальчик, болезненный от природы, провел свое детство в тяжелой мещанской обстановке. Отец—мелкий чиновник, без образования, суровый, мать—почти неграмотная. От жестокого обращения мальчик несколько раз убегал из дому, скрываясь в лесу и питаясь подаяньем, домой водворяли с полицией. В минуты отчаяния проклинал бога, в детской надежде, что он поразит его на месте. И тут навсегда утратил религиозность. 9-ти лет его отдали в духовное училище, полагая, что духовенству живется беззаботно. Воспитание шло на религиозно-патриотических книжках, в лучшем случае на Майн-Риде, Жюль-Верне и т. п. Отказывая себе в белом хлебе и сахаре, мальчик покупал «Черного монаха», «Английского Милорда» и «Чуркина». Классиков читать не давали.

В это время в народных массах ходили слухи, что есть социалисты, которые убили царя, не верят в бога, за что их мучают в Петропавловской крепости, где механически раздвигаются полы, заключенные падают в Неву и тонут. Своевольный и непокорный, познавший жестокость жизни, мальчик захотел быть социалистом.

14-ти лет его перевели в семинарию. Он сразу был поражен: один из воспитанников рубил топором голову ректору. На первом же году он столкнулся с подпольной библиотекой, где было немало даже рукописных книг. Биография Добролюбова в издании Павленкова была первой книжкой, которая открыла ему новый мир. Потом пошли сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Герцена, журн. «Современник» и «Отеч. записки», Спенсер, Дарвин и русская художественная литература. «Что делать?» и «Знамения времени» перечитывались по нескольку раз, укрепляя в сознании социалистические настроения. Увлекался Некрасовым, Г. Успенским и Щедриным. Читать уходил в лес, в поле, в уборную, книги прятал в дровах, в матраце, на чердаке, под полом. Под влиянием Писарева и Дарвина—увлечение естествознанием (Бюхнером и Молешоттом) и решение поступить в университет на естественное отделение. В 1900 г., девятнадцати лет, он знакомится с марксизмом—с «Монистическим взглядом» Плеханова, потом с «Коммунист. манифестом», с отдельными работами Маркса, Энгельса, Каутского и Лассаля. Беспокойный, мятущийся, доходивший ранее до отчаяния и потери смысла жизни, он сразу ожил, нашел мировоззрение и приобрел уверенность. Начал вести пропаганду среди учащихся и рабочих своего города. У начальства на счету, как «неисправимый социалист», как человек, который «сжег свои корабли», пишет социалистические стихи и рассказы. У него производят обыски, отбирают нелегальную с.-д. литературу, грозят уволить

без права поступления в какое-либо учебное заведение. С затаенной злобой он со всем мирится, надо кончить семинарию. Начальство берет с него обещание итти в Академию. Он кончает семинарию по первому разряду со званием студента, но, несмотря на сильное сопротивление родителей, поступает в Дерпт в университет на медицинский факультет, выдержав вступительные экзамены.

Осенью 1902 г. в Петербурге он встречается со студентами с.-д. и сразу входит в группу, становится «искровцем», зачитываясь в «Заре» «Критикой наших критиков». Большое впечатление произвела брошюра «Что делать?». Помимо медицинских и естественных наук занимается историей, государственным правом, политической экономией, литературой. 19 февраля 1904 г. во время политической демонстрации его арестовывают и привлекают за пропаганду и распространение нелегальной литературы. Сидит в Дерптской тюрьме вместе с Герасимом Махарадзе, впоследствии членом с.-д. фракции в Гос. Думе, и решает сделаться революционером профессионалом. Осенью, по постановлению Рижской судебной палаты, высылается до суда под гласный надзор полиции во Владимир на р. Клязьме.

Здесь опять работает над общественными науками, над аграрным вопросом, ведет пропаганду среди интеллигенции, учащихся и солдат, наезжая в Ковров, Муром, Меленки, соседние фабрики и деревни, восстанавливая вместе с другими разрушенную ранее арестами большевистскую организацию. В октябрьские дни 1905 г. организует первую в городе демонстрацию, и его до полусмерти избивает черная сотня, а затем чуть не убивает в ближайшем селе Ундоле. Дальше работа в Нижнем-Новгороде. Член Нижгор. комитета РСДРП. Сормовское, Канавинское и Молитовское вооруженное восстание. 14-месячное сидение по делу Комитета вместе с Семашко, Лежавой, Керженцевым и др.

В ожидании каторги, весной 1907 г., бежал из тюрьмы и по поручению большевистского центра направился в г. Николаев для подготовительной работы к Лондонскому с'езду. Благодаря обнаружившемуся в организации предательству вернулся на север, поселился в Выборге, ведя работу в военной организации, среди русских рабочих и входя в Финскую С.-Д. партию. В Финляндии он знакомится с Лениным, Крупской, Каменевым, Богдановым и другими руководителями большевистской фракции, увлекается философией. Осенью 1908 г. его арестовывают, но он вырывается из рук финской охранки и с помощью финских с.-д. переправляется за границу, в Женеву, в центр тогдашней эмиграции.

За границей, как и раньше, полуголодная жизнь. Моет в ресторане посуду, позже занимается педагогической деятельностью и иллюстрированием медицинских работ. Упорная систематическая работа в течение нескольких лет над вопросами философии, культуры, истории социализма и партии, по национальному вопросу. Знакомство с вождями других фракций российской с.-д., с Луначарским, Плехановым, Троцким, Аксельродом, Мартовым и друг. Во время разделения большевиков на ленинцев, впередовцев и примиренцев становится активным членом группы «Вперед» и почти бессменным ее секретарем в Женеве. Во время империалистической войны организует и вместе с Луначарским редактирует нелегальный журнал «Вперед», который вел беспощадную борьбу с социал-патриотами. В годы эмиграции сотрудничал в петроградском рабочем журнале «Борьба», в профессиональных органах «Вестник портных», «Рабочий иглы», «Печатное дело», в американской газете «Новый мир», в парижской газете «Наше слово», посылал корресп. в московскую газету «Наш путь».

Когда разразилась Февральская революция, едет через Германию в Россию, принимая активное участие в Межрайонке, являясь членом Комитета, неустанным агитатором, членом редакции журн. «Вперед», состоит членом Петросовета и членом ВЦИК, членом Думы и различных культпросвет. организаций. В июльские дни выбирается в Комиссию по руководству движением и арестовывается. Сидит в «Крестах», пережив в подвалах генерального штаба приготовления к расстрелу. Обвинялся, как немецкий шпион, как участник вооруженного восстания, как изменник отечеству. Во время заключения избирается в члены Петроградского Комитета Партии большевиков.

После Октябрьского переворота назначается членом коллегии Наркомпроса, проводит декрет о национализации классиков художественной литературы и широко развертывает издательскую деятельность, являясь одновременно главным редактором журнала «Народное просвещение». Затем председатель Всероссийского Пролеткульта, организует Международное Бюро Пролеткульта и работает в нем, как секретарь. Сотрудничает в петроградск. журналах «Юный пролетарий», «Студенческая правда», в газете «Правда», а затем целиком сосредоточивается в созданном им журнале «Проле-

тарская культура», являясь редактором и активным сотрудником, ревностно отстаивая идею пролетарской культуры, пролетарской науки, пролетарского искусства, пролетарской литературы, позже отстаивая ее от натиска «попутчиков». Принимает ближайшее участие в организации пролетарского университета, ныне имени Я. М. Свердлова. На фронте редактирует газету Реввоенсовета Южного Фронта «Красная звезда» и ревизует политическую и культ.-просв. работу фронта. С организацией Коммунистической Академии избирается профессором, читает лекции о пролетарской литературе, а затем становится действительным членом Академии.

После партия посылает его работать в ВСНХ, где он является членом Центральной Производственной Комиссии и начальником Главного Управления Учета и Статистики Промышленности. Литературная работа не прерывается. Он редактирует журнал литер. и искусства «Творчество», литер. газету «Московский понедельник», регулярно сотрудничает в журналах «Под знаменем марксизма», «Печать и революция», «Жизнь», «Современник», „Воинствующий материалист", „Рабочий журнал" и в др.

За годы революции вышли его книжки: «На литературном фронте», критико-биограф. очерки о Некрасове, Островском, брошюра «О пролетарской культуре» и «Ленин и литература». В своих литературных работах он, признавая положение «искусство, как познание жизни» половинчатым, выдвигает организационную роль искусства, держится строго реалистического направления, резко нападая на футуристов, имажинистов, конструктивистов, производственников и т. п. В области критики он работает над вопросом о принципах марксистской научной критики, о роли психоанализа.

В настоящее время он—председатель Главного Управления по делам Литературы и Издательств, профессор Первого Моск. Госуд. университета, читает лекции по методологии литературы (марксистский анализ) и истории русской критики.

Лебедь, Дмитрий Захарович (*автобиография*). Родился в 1893 г., 11 января. Родители мои—крестьяне Екатеринославской губ. Новомоск. у. д. Николаевки. Через год после моего появления на свет отец уходит из деревни и поступает на завод в качестве чернорабочего. В 12 лет я впервые вступаю в обращение, как об'ект для прибавочной ценности: в компании с такими же малышами поступаю на пристань складывать дрова в сажени, в то время по капризу случая я схожусь с ровесником, два брата которого—анархисты. Постоянное пребывание возле взрослых революционеров прививает нам любопытство, и ради него мы подражаем взрослым. Так, один раз Василий ворует револьвер у брата, и мы собираемся на „экс" у владельца винного магазина, но взрослые узнают, и наше предприятие не удается. В другой раз нам дают прокламации, мы идем на пристань и разбрасываем их, вдруг увидели полицейского и давай бежать; хотя он и не мог заметить нашей крамольной работы, но мы всюду рассказывали, что нас ловили, и этим становились, по крайней мере в своих глазах, героями. Параллельно этому я таскал доски с пристани, очевидно думая, что и листовки и воровство досок одинаково подрывают устои капитализма.

В 1905 г. поступил в Н.-Днепровске в 2-х классное железнодорожное училище при станции Н.-Д. Учился до 1908 г. В этом году умер отец, и мне предложили старшие бросить учиться и пойти работать. Поступаю на завод штампования в Н.-Днепровске. Летом этого же года В. Хлебодаров (б. меньшевик) вводит меня в кружок самообразования организованный под фирмой „Вестника Знания". Во главе кружка был студент Анисимов—эс-эр, известный террорист. Он настаивает, чтобы кружок занимался по политической экономии, большинство его членов не соглашается, и кружок распался. Часть, в том числе и я, создали новый, пригласив Анисимова.

Всю зиму он занимался с кружком, читая лекции по различным вопросам социально-политического значения. В конце года я поступаю в депо Ек. ж. д. в качестве обтирщика паровозов. Здесь знакомлюсь с Гончаренко (как после узнал с.-д.), который меня и Хлебодарова вводит в новый кружок, состоявший из рабочих. В 1909 г. я знакомлюсь с Андроновым, слесарем с.-д. (большевик, ныне работает на Ек. ж. д. в качестве инспектора труда). Он меня рекомендует в Заднепровскую группу. На первом ее заседании я узнаю, что надо платить членский взнос в размере $1/2$ %; хотя жалование мое и скудное (45 коп. в день), но я подчиняюсь. В конце 1909 г. и в 1910 г. я перехожу из одного кружка в другой.

Впечатления детства, особенно 905-6 годов, всколыхнули мою душу и вызвали с силой тогда еще не совсем осознанные стремления готовить себя к борьбе. Хотя кружки заднепровской организации и именовались с.-д., но я-то себя считал еще неготовым назваться сознательным

последователем этой партии. Я считал себя сознательным рабочим. Но уже к концу 1910 года в лесу близ Днепра было устроено первое организационное собрание нескольких человек рабочих во главе с интеллигентом Григорием (его кличка; фамилии и теперь не знаю) и бывшим членом 3-й Государств. Думы Кузнецовым (после оказавшимся в меньшевистском лагере). На этом собрании Григорий и Кузнецов настояли, чтобы наша группа называлась с.-д-ой, с чем большинство согласилось. 1910 и 1911 годы я непрерывно пребываю в кружках, но уже не только в качестве слушателя, а и практического работника. Мне дают различные поручения, в роде патрульных обязанностей, перевозки шрифта, печатания листовок и т. п. В эти годы я знакомлюсь со своим первым духовным воспитателем Беспаловым. Тогда он был полон энтузиазма, энергии и революционной бодрости; он был любимцем рабочих. Бесчисленное количество кружков он посещал еженедельно; я был всегда исполнителем его поручений. В первом кружке, куда вошел ряд рабочих, среди них и Новиков, рабочий-больш. Екатеринослава, я, под руководством Беспалова, должен был читать первый доклад о классовой борьбе. Помню, как всю ночь он меня муштровал и в конце концов сказал: „Из тебя выйдет плохой пропагандист, а все же выйдет". В 1912 г. я вовлекаюсь в массовую работу. Повсеместное оживление рабочего движения—Ленские события—нашло отклик в толщах рабочего класса; он стал как бы пороховницей. Мы лихорадочно работаем над тем, чтобы искры были наиболее зажигающими. Непрерывная массовая организация забастовок, оживленная работа кружков—все это поглощало нас, молодых, полных веры, хотя и с малым опытом и знанием в работе. В это время я сталкиваюсь с Носенко, державшим связь с ЦК партии (большевиков) в Екатеринославе, с Драчевым и рядом других интеллигентов-партийцев. Осенью 1912 г. наша организация готовится к выборной кампании в Государственную Думу. В Заднепровьи меня избирают в организационное бюро по проведению кампании. Вскоре я знакомлюсь с Г.И. Петровским, намеченным тогда кандидатом от большевистской организации в 4-ю Госуд. Думу. Оживление в наших рядах и в рабочих массах вызвало оживление и в недрах охранки. Стоило огромных усилий уберечь нашего кандидата. Каплю своего участия должен был приложить и я в этом деле. Кампания была окончена благополучно, депутат избран, и мы крепко связываемся с Петровским. До его ареста он не терял связи с заднепровцами. В этом же году я перевожусь в Нижнеднепровские вагонные мастерские. Здесь, совместно с Андроновым, Медведевым (старым большевик., ныне умершим) и Сторублем, украинским с.-д., организуем инициативную группу по работе среди масс; мне поручается работа среди рабочей молодежи и связь с редакцией газеты „Правда". К концу года меня переводят в никкелировочную мастерскую, где в течение 3-х лет я и работал, приобретя специальность никкелировщика. Позже был переведен в слесаря. В 1913 г. заднепровская организация становится центром всей партийной массовой работы Екатеринослава. В городе, вследствие частых провалов, организация работает менее оживленно.

В мастерских совместно с П. Воронцовым (быв. член областкома донецкой организации, погибший на фронте) была организована 1-я группа из молодежи. В нее вошли Воронцов, Булат, Суханов, Живодер и ряд др. На первом заседании мною была прочтена первая лекция. Выразилась она в чтении и комментировании брошюры А. Бебеля „Студенчество и социализм". Через два-три месяца группа молодежи была вовлечена в партийную работу. Как раз к этому времени в нашу организацию входит, по рекомендации Петровского, Скворчевский —один из старой школы марксистов —педагог; он берет на себя воспитание молодежи, и я вовлекаю их в практическую работу. Необходимо указать на огромнейшую пользу, которую принес Скворчевский екатеринославской организации. Имея недюжинные способности педагога и большое марксистское развитие и образование, он в течение 3-х лет пропустил в Заднепровьи через партшколу, т. е. высшие и низшие кружки, до сотни человек. Из первого кружка собныхжи вышло несколько спомолоде работников: Булат (был членом екатеринославского Губкома и председатель Дорпрофсожа Ек. ж. д., а теперь член ЦК Украины и зам. пред. СНК), Живодер (был красным офицером, умер на фронте), А. Суханов (управдел ЦК, а теперь секретарь окружн. комитета партии) и нек. др.

Благодаря тесной связи с Петровским, наша организация никогда не чувствовала недостатка в опытных руководителях партработой. Когда в Екатеринославе усилилось среди рабочих забастовочное настроение, большинство из практических работников организации устремило свое внимание на работу в массах. Круж-

ковая работа отходит на второй план, и в это время впервые чувствуется, как наши руководители Носенко, Драчев отходят от организации, не желая участвовать в массовой работе. Но к нам из Питера приезжает ряд так-наз. партийцев-профессионалов. В начале 1914 г. приезжал Н. Н. Глебов (Авилов—первый наркомпочтель), но благодаря преследованию охранки вынужден был уехать. После приехал Шмидт (нынешний наркомтруда), он с головой уходит в работу организации. Для руководства работой и выполнения конспиративных заданий создается „исполнительная комиссия" из Шмидта, Воронцова и меня. Издается ряд листовок, и готовится своя газета. К этой работе привлечены из кружка молодежи Суханов и Булат. 1914 г. (до об'явления войны) проходит в усиленной массовой работе. Исполнительная комиссия связывается с группами Екатеринослава и Каменского, устраивает ряд совместных заседаний, проводит массовки, руководит забастовками на отдельных предприятиях. В это время посланный заднепровской организацией на екатеринославскую конференцию в Каменское, я знакомлюсь с Власенковым (зам. ВСНХ Украины), с Авериным (б. пред. Губисполкома Одессы), Вронским и рядом других видных работников ек-ской организации. За несколько дней до официального об'явления войны наша организация на об'единенном с украинскими с.-д. собрании определяет свое отношение к войне: была вынесена резолюция в духе Циммервальдских постановлений. Эта же резолюция, дополненная и измененная позже, уже в начале войны, выносится на обширном собрании совместно с депутатом Гос. Думы Г. И. Петровским (при аресте его резолюция была найдена и после оглашена с трибуны Гос. Думы, как образец „большевистской измены").

Условия работы на заводах ухудшаются, предприниматели налегают в своей погоне за наживой прибылей от войны. Рабочие Каменского, Брянского заводов и в Заднепровьи—Шодуара, Гантке и др.—усиленно говорят о забастовке, наша организация ставит в порядок дня своей работы всеобщую забастовку, в течение месяца с лишним ведется подготовительная работа. В некоторых предприятиях забастовка об'является, но усилиями полицейских властей она прекращается. В 1915 г. на одном из заседаний исполнительной комиссии заднепровской организации выносится постановление бросить наши силы для работы в больничные кассы, кооперативы и др. общественные организации, для противопоставления засевшим там меньшевикам. По постановленю комиссии меня посылают в Нижнеднепровское Культурное Общество. Члены этого общества, рабочие, меня избирают тов. председателя общества, в это же время я иду работать и в кооператив Мануиловки. Здесь мы об'единяемся для совместной работы среди крестьян с украинскими с.-д. В конце года исполнительная комиссия меняет свой состав, в нее вошел Власенков, перешедший работать в вагонные мастерские, и в то же время к нам приезжает Квиринг, б. секретарь ЦК КП (б.) У, последний идет работать в больничную кассу.

В 1916 г., несмотря на правительственное постановление об освобождении от военной службы и мобилизации ж. д., меня арестовывают и берут на военную службу. Из сарая-карцера в Н.-Московске я бежал и только через два месяца с помощью одного эс-сэра, писаря военного начальника Н.-Московска, я был послан в 228 полк, стоявший в Екатеринославе. Пробыл в нем всего три месяца. По болезни ухожу и поступаю в Н.-Д. вагонные мастерские.

В ноябре месяце 1916 г. в мастерских нашей организацией организована забастовка. Вопреки постановлению комитета я выступаю на первом собрании, где, увлекшись, говорю о войне, о ее вреде и об экономических требованиях рабочих. Забастовка была задавлена, часть ее руководителей выгнали, в том числе и всех членов первого кружка молодежи. Меня всячески стали притеснять административными мерами. В январе 1917 г. меня арестовывают и сажают в екатер. тюрьму. Прокурором пред'явлено обвинение по 102 ст. за принадлежность к с.-д. партии. Арест был произведен по доносу провокатора Стеркина, работавшего в нашей организации и присланного, как узнали после, из Питера специально для ликвидации заднепровской большевистской организации. В это время со мной была арестована группа в 23 человека, в том числе и недавно приехавшая из Франции С. И. Гопнер. 3 марта 1917 г. я был освобожден и на первом же собрании рабочих вагонных мастерских избран в екатер. совет. раб. деп. Отсюда меня избрали в губисполком, последний назначил губернским комиссаром милиции. Совместно с Носенко мы арестовали охранные отделения, мне первому удалось выяснить провокаторов в нашей организации. Среди них были Стеркин, Вереичов, Моисеев—все рабочие (Вереичов—меньшевик). Позже на Екат. ж. д.

меня избирают тов. председат. исполнительн. комитета Екат. ж. д. и председателем комитета большевистской организации Екат. ж. д. Во время наступления гайдамаков и немцев, совместно с управлением ж. д., уезжаю вначале в Дебальцево, после в Саратов и затем в Москву. Здесь, по предложению Г. И. Петровского, иду работать в Наркомвнудел редактором изданий „Вестника Наркомвнудела".

Партийную работу веду по заданиям Московского комитета. В 1918 г. по постановлению ЦК откомандировываюсь в Екатеринослав. Вначале работаю в Наркомвнуделе Украины, потом работаю в Губкоме и Губисполкоме в качестве тов. председ. Во время занятия Украины белыми я откомандировываюсь в распоряжение ЦК РКП, последний направляет меня во Владимир, где и работал до февраля 1920 г. Поставлением ЦК КПУ меня вновь направляют в его распоряжение; последний направляет в Екатеринослав. Здесь Губком назначает редактором партийной газеты „Звезда" и заведующим Агитпросвета Дорполит'а Екат. ж. д., где и работал до ноября 1920 г.

На 5-й Всеукраинской конференции в 21 г. был избран в ЦК КП (б) У, а последний избрал вторым секретарем. На 11-м с'езде партии был избран кандид. в ЦК РКП (б), то же и на 12. На 13 с'езде избран в члены ЦК РКП (б). В 1923 г. был избран председателем ЦКК Украины и наркомом РКИ. Кроме этого, принимал участие в военной работе и в борьбе с петлюровцами, белыми и бандитами; был один раз ранен.

Левицкий, Константин Осипович (парт. псевдон. „Осип Иванович"). Род. в 1868 г. в Сумск. у. Харьк. губ., сын польского дворянина. Учился в Нежин. гимназии, известной своим революционн. настроением. Окон. в 1889 г. и сейчас же попал в тюрьму, затем был под надзором полиции. Ему удалось попасть на юрид. фак. Дерптск. унив., где он примкнул к марксистск. течению и начал работать в провинциал. газетах. С 1898 г. по 1901 г. был в Петербурге, а затем переехал в Одессу и вошел в соц.-дем. организацию, где образовалась „Искровская группа" и принимали участие многие выдающиеся деятели революции. В 1903 г. он примыкает к партии большевиков, энергично работает по завоеванию рабочих масс, пишет листки на разные темы и, выдаваясь своими познаниями по теории марксизма, приобретает широкую популярность и влияние в партийных кругах. После потемкинского восстания в 1905 г. он был выслан в Пермскую губ. (г. Оханск), но по октябрьской амнистии вернулся опять в Одессу, где работал до ареста в 1907 г. и последующей ссылки в Астрахан. губ. После ссылки он кочевал по провинции, всюду об'единяя революционно-настроенную публику. С наступлением войны разошелся со многими старыми товарищами, отстаивая необходимость отражать наступление германск. империализма. Это расхождение не помешало, однако, ему после революции вести организационную работу в Сов. Р. и С. Д. и в уисполкоме. Ряд дальнейших расхождений по вопросу о преждевременности захвата власти пролетариатом заставил Л. отойти от широкой общественной работы. Ум. в 1919 г. См. „*Пам. бор.*".

Лежава, Андрей Матвеевич (*автобиография*). Я родился в 1870 г. в г. Сигнахе Тифлисской губ. Отец мой, из крестьян Кутаисской губ., еще мальчиком 14 лет бежал из родительского дома, скитался довольно долго по разным местам Сигнахского уезда, попал, наконец, в услужение к священнику, у которого он обучился грамоте, а впоследствии, юношей, стал псаломщиком. Однако, вскоре после женитьбы он бросил духовную карьеру и пошел в приказчики в торговое предприятие, сначала в Сигнахе, а затем в Тифлисе, куда он перевез семью: мою мать и меня 3 лет, и с нами переехали моя бабка по матери и ее единственный сын, мой дядя, тогда, вероятно, лет 15. Года через два моя мать умерла от брюшного тифа, и я остался на попечении бабушки. Отцу по службе, видимо, не везло,—он часто менял хозяев и кончил поступлением на железную дорогу, сначала линейным сторожем на Закавказских жел. дор., а под конец, до самой смерти, служил стрелочником на станции Батум. Приблизительно с 10-летнего возраста, когда отец перешел на жел.-дор. службу, я видел его лишь урывками, во время его приездов в Тифлис и во время моих поездок к нему в каникулярное время. Овдовев молодым человеком, он отказался от второго брака, об'яснив моей бабке, что при его заработке он едва может уделять деньги на мое воспитание, и о семье ему думать не приходится.

Мы с бабкой существовали на деньги, зарабатываемые дядей и присылавшиеся моим отцом. Бабка была очень добрая женщина, любила меня и баловала безгранично, ни в чем меня не ограничивая. Мой отец мечтал сделать из меня врача или инженера. Меня рано потянуло к

книжке. 5 или 6 лет, по моему настоянию, бабка определила меня в армянскую школу, где преподавателем был П. И. Катаньян, который меня очень полюбил и, когда я заболел оспой, проявлял большое внимание к моей судьбе, а когда я стал поправляться, несколько раз навещал меня в постели. Светлый образ этого педагога на всю жизнь остался в моей памяти. Потом меня определили в прогимназию, вскоре ставшую 2-й Тифлисской гимназией. Моими товарищами и теперь продолжали оставаться уличные мальчики Авлабара. Впрочем, в этой гимназии тоже было не мало ребятишек из той же среды, к которой принадлежал и я. И на ряду с нами, детьми 7—10 лет, в одном и том же классе сидели бородатые верзилы в 20 и более лет, отпрыски княжеских фамилий или богатых торговцев. Такой состав, вероятно, имел хорошее воспитательное значение для нас, ибо мы все время обретались в противоположных лагерях, между собой враждовавших. Дойдя до 3-го класса, я стал увлекаться литературой—особенно Пушкиным и Гоголем. На почве увлечения чтением лучших писателей у нас образовался маленький кружок гимназистов, где, между прочим, стали у нас дебатироваться разные этические вопросы. Результатом этих дебатов было то, что я однажды неожиданно об'явил своей бабке, что не желаю больше учиться в гимназии, что хочу жить своим трудом и что я решил поступить на телеграф (влияние соседа-телеграфиста). Бедная старушка сделала слабую попытку отговорить меня, но, вероятно, не выдержав моих настояний, а, может быть, и капризов, пошла к моему классному наставнику И. Е. Гамкрелидзе, который всячески отговаривал от этого шага и ее и меня, так как я был одним из лучших учеников. Но ничто не помогло. На государственный телеграф меня не приняли („до ключа ты еще не дорос"). Я тогда поступил на ж.-д. телеграф, но вскоре бросил телеграф и начал учиться столярному ремеслу. На ж.-д. телеграфе, а впоследствии в столярных мастерских моя жизнь потекла совсем по-новому: я покинул бабушку (чтобы совсем стать самостоятельным), поселился с товарищем столяром где-то на чердаке, голодал, холодал. Терял работу, опускался на дно, пьянствовал, отбился от большинства прежних товарищей и, потеряв, так. обр., около трех лет, спохватился, вернулся вновь к бабке и об'явил, что хочу учиться. Об истинном характере этого периода моей жизни мои родные почти ничего не знали. Больше знала бабка, которая терпеливо ждала, когда у меня пройдет эта дурь. Дурь, видимо, прошла, и я признал, что я далеко ушел от мечты о самостоятельной трудовой жизни. Вероятно, пришлось над собой сделать большое усилие, так как поворот у меня вышел очень крутой. Обрел новых товарищей, связался с новыми кружками. Среди моих товарищей теперь были и рабочие и интеллигенты. Это было в середине 80-х г. К этому времени относится мое первое знакомство с подпольной литературой, листками „Народной Воли"—„Письма из Петропавловской крепости". Эти „письма" на меня и на ближайшего моего товарища Сергея Вартанова произвели огромное впечатление, и мы с ним торжественно поклялись отдать жизнь на борьбу с тиранией. В то же время в Тифлисе много было революционной интеллигенции и рабочих из России, или высланных, или заблаговременно удравших на далекую окраину от шпионских преследований. Я быстро втянулся в эту среду, в ней стали складываться мое сознание и мои общественные и политические симпатии.

Очутившись перед лицом нескольких рабочих кружков, среди которых я играл роль руководителя, я скоро понял недостаток своей подготовки для новой своей роли. Я окончательно решил учиться, при чем от гимназии отказался, а решил итти в Учительский институт, где, мне казалось, я мог получить как раз такое образование, какое нужно для пропагандистов, и где были хорошие революционные традиции. А для поступления в Учительский институт мне понадобилось два года, чтобы окончить шестиклассное городское училище. Последующие 6 лет учения полны самой напряженной работы и над собственным развитием и в различных легальных и нелегальных кружках. Одновременно приходилось давать уроки, чтобы зарабатывать на существование, но заработок получался пустяковый, и я жил вновь на средства дяди и отца.

К этому времени относится мое знакомство с находившимися в Тифлисе видными деятелями революции, с которыми я сблизился и к которым проникся величайшим уважением и любовью. Среди них должен назвать народовольцев, впоследствии руководителей армянского национального революционного движения—Семена Заварьяна и Христофора Микаеляна, в девяностых годах убитого на Балканах взрывом бомбы при ее испытании. Позднее приехал в Тифлис из березовской ссылки Н. М. Флеров, с которым я сдружился и с которым

не терял связи почти до конца его жизни. Влияние Флерова на мое развитие в ту пору было весьма велико.

В 1893 г. я поехал в Москву, где рассчитывал приобщиться к революционным центрам. Одновременно в Москве я делал попытки слушать лекции в Московском университете по физико-математическому факультету, устроился преподавателем в воскресной школе при Курских ж. д. мастерских, где быстро сошелся с группой революционно настроенных рабочих. Но все это пришлось прервать, так как ко мне явился Н.М. Флеров, переехавший в это время в Харьков, и предложил мне принять участие в устройстве нелегальной типографии только что организовавшейся партии „Народное Право", которая, борясь за социализм, предполагала на ближайшей ступени об'единить в борьбе против царизма самые разнообразные элементы революционные и даже оппозиционные. „Вот вам и возможность снабжать Тифлис социалистической литературой", — говорил мне Н. М. Флеров.

„Народное право" начало складываться на меже двух эпох нашего революционного движения: распада „Народной Воли" и реакции 80-х годов и начала марксистского и широкого рабочего движения 90-х годов. В Москве я застал в кружках дебаты, посвященные критике народовольчества, пересмотру его программы, и споры между народниками и первыми марксистами. Не успев разобраться в этих теоретических спорах, я дал согласие Флерову на работу в типографии, и в связи с этим вскоре ко мне явился М. А. Натансон, один из организаторов „Народного Права", и сговорился со мной о работе. Я отправился в Смоленск, где была устроена подпольная типография, и приступил к ее обслуживанию. Через 4 месяца народоправцы провалились; по обнаружении близкого провала, типография спешно начала ликвидироваться, я был послан в Харьков, где меня арестовали в апреле 1894 г. Два слишком года провел в Петропавловской крепости, Доме предварительного заключения и на этапах и в ноябре 1896 г. был водворен в Верхоленск, куда был сослан на 5 лет. Пять месяцев этапного пути (тогда еще не было жел. дорог) дали большое знакомство с различными революционными течениями, представители которых были в составе арестантских партий. В этом отношении весьма поучительно было также продолжительное пребывание в Бутырской тюрьме (около 5 месяцев) в ожидании этапа. И в Бутырках и потом в пути мне пришлось близко познакомиться с М. А. Натансоном, Н. С. Тютчевым и из продолжительных бесед с ними почувствовать и осознать основные ошибки народничества, особенно же народоправчества. В Верхоленске продолжалось мое дальнейшее политическое развитие. В Верхоленской колонии были представлены различные революционные течения того времени и из различных местностей. Господствующей темой наших споров и дебатов были вопросы народничества и марксизма. Здесь я стал марксистом, близко сошелся с такими марксистами, как Н. Е. Федосеев, К. К. Бауер, Ляховский и др. По возвращении в Россию я принял участие в рабочем движении уже марксистом. В 1901 г., после ссылки, я был секретарем правления Потреб. общества Закавказской ж. д. в Тифлисе. Однако, через несколько месяцев должен был покинуть Тифлис, в виду начавшейся за мной охоты со стороны охранки. Я поселился в Воронеже, где работал в качестве заведующего складом сельскохоз. орудий и семян Воронежского отд. Московского о-ва сельского хозяйства. Через два года должен был покинуть эту работу, вследствие полицейских преследований, и попытался устроиться оценщиком при город. управе, но и тут полиция мне не дала работать; тогда я перешел на службу в частное предприятие—в банк, где я проработал около полугода. К концу 1903 г. мои знакомые предложили мне место помощн. инспектора в пароходстве К° „Надежда" на Волге, и я переехал в Нижний.

В Воронеже мне в качестве представителя третьего элемента пришлось участвовать в работах Воронежского уездного комитета Особого Совещания о нуждах сельскохозяйств. промышленности, учрежд. в Питере под председ. Витте. Этот воронежский комитет прогремел своими радикальными резолюциями. М. пр., после продолжительных работ, в которых и я принимал с некоторыми товарищами участие, накануне официального заседания комитета, на котором должны были быть сделаны доклады и оглашены резолюции, на совещании группы руководящих либеральных земских деятелей уездный предводитель дворянства И. Т. Алисов, он же председ. комитета, заявил, что он мне завтра в комитете слова не даст, ибо „еще не пришло время для таких революционных заявлений". Произошло замешательство. Сколько земцы его ни уговаривали — он был непреклонен.

Тогда один из земцев, врач и помещик С. В. Мартынов, когда-то народоволец, о котором Плеве говорил, что он, Мартынов, у него в 1881 г. с виселицы сорвался,—обратился ко мне: „Вот что, нигилист, напишите на бумаге сегодня все, что хотите сказать, а я завтра прочту в комитете,—меня Алисов слова не может лишить". Я в ту же ночь вместе с воронежским врачом Гинзбургом составил прокламацию, в которой говорилось, что ни о каком поднятии сельскохоз. промышленности не может итти речь, покуда не будет свергнуто самодержавие, и через временное правительство не будет созвано учредительное собрание. В битком набитой публикой зале, после речи знаменитого педагога Бунакова, призывавшего назад к реформам Александра II, Мартынов огласил нашу прокламацию, прочитав ее до конца без пропуска. Председатель делал попытки остановить его, но Мартынов, отмахиваясь от него рукой, делал свое. В эту же ночь Мартынов и Бунаков были арестованы. В это время в Воронеже была целая колония состоявших там под надзором полиции, в числе которых были: А. И. Любимов, Л. И. Карпов, Ф.И. Кривобоков (Невский), Н.А.Карташев с женой и др. Там же я познакомился и близко сошелся с покойным Жилиным и А. И. Любимовым.

Против моего переезда в Н. Новгород сильно возражал вице-губернатор, барон Фредерикс, исполнявший в то время обязанности нижегородского губернатора; он уступил лишь после того, когда я ему сказал, что я заключил договор с акц. о-вом К° „Надежда", в котором предусмотрена неустойка, в случае моей неявки к установленному сроку на службу, и что, заключая этот договор, я руководствовался отсутствием возражений со стороны департамента полиции.

По прошествии некоторого времени я познакомился с жившими в Н. Новгороде товарищами и постепенно стал втягиваться в работу местной организации. Осенью 1904 г. в Н. Новгороде происходил многолюдный учительский с'езд, который был использован нашим партийным комитетом для агитации среди с'ехавшихся учителей. На различных нелегальных собраниях перед учителями выступали, с одной стороны, эсэры, с другой стороны, наши товарищи. Помню, в это время в Нижнем работал среди эсэров Е. Колосов, не без успеха работавший и среди учителей. Мне пришлось принять деятельное участие в этой борьбе и закончить открытым выступлением в Народном доме перед концертом с большой речью о текущем моменте (происходила война с Японией) и закончить речь призывом к вооруженному восстанию. Полиция ожидала подобного финала, своевременно мобилизовалась и в битком набитый зал во время моей речи ввела многочисленные отряды городовых. Полиция и жандармы минут 20 продолжали слушать мою речь до конца, а затем, по данному ими сигналу, свет в зале был погашен, раздалась команда „сабли на-голо", и городовые принялись в темном зале избивать людей. Я был по этому делу арестован, и было возбуждено дело против меня. Но безобразия полиции были столь вопиющи, что прокурор оказался вынужденным при резких протестах губернатора Унтербергера (организатор первых черносотенных погромов в России) возбудить дело и против полицмейстера Игнатьева—руководителя полицейского погрома в Народном доме. Меня взяли под залог мои хозяева, нижегородские купцы, а следствие по делу тянулось до конца 1905 года.

Продолжая работать в составе нашей организации весь 1905 г., я был арестован в декабре этого года, и в июле 1906 г., вследствие вмешательства с.-д. фракции Государств. Думы, постановлением Моск. Суд. Палаты был освобожден. После этого я был вынужден скрыться из пределов Нижегор. губ., в виду приказа жандармов о моем аресте и привлечении в административном порядке.

По предложению Нижегородского комитета в 1907 г. я вновь вернулся в Нижний и принял участие в избирательной кампании во 2-ую Госуд. Думу. Не попав в Государств. Думу лишь вследствие измены со стороны эсэров, которые, вопреки заключенному с нашим комитетом соглашению, свои голоса передали выдвинутому ими кандидату Долгопятову, я избежал каторги, в которую попали все члены с.-дем. фракции 2-й Думы. Я поселился в Саратове и в течение ряда лет работал в страховом деле, находясь в раз'ездах по губерниям Юго-Восточной области. Служба в страховых предприятиях за это время дала мне возможность близко ознакомиться с экономикой всего этого обширного края.

В 1916 г. я переехал на службу в Москву и здесь через Ольминского связался с наладившимся кружком, в котором были Смидович, Ногин, И.И. Скворцов и др. В начале 17 г. по страховым же делам я переехал в Петербург, очень часто бывая и в Москве, где я принимал

участие в рабочей группе Продовольств. комитета, а с начала Октябрьской революции я отдал все свои силы на хозяйственное строительство, сначала в области страхового дела, а затем кооперации и торговли.

Ленгник, Фридрих Вильгельмович *(авторизованная биография)*. Родился в 1873 г. в г. Гробине Курляндской губ. По окончании среднего учебного заведения в г. Екатеринославе, поступил в Петроградский (Ленинградский) Технологический институт, каковой и окончил в 1896 г. В Ленинграде же начал с 1893 г. принимать участие в революционном рабочем движении и в 1896 г. был арестован, как член „Союза борьбы за освобождение рабочего класса". По этому делу просидел около двух лет сначала в Ленинграде, в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости, а затем в Бутырской пересыльной тюрьме в Москве. В 1898 году был выслан на 3 года в Восточную Сибирь, в село Казачинское Енисейской губ., откуда через год был переведен в с. Тесинское Минусинск. у., а затем на ст. Иланскую Сибирской ж. д., где и пробыл до 1901 г., после чего уехал в Европейскую Россию, сперва в Екатеринослав, затем Самару и в Киев, состоя членом организации „Искра" и членом Организационного Комитета по созыву II С'езда партии.

В 1903 г. после 2-го С'езда партии, на котором был избран членом первого большевистского ЦК, поехал в Швейцарию, в Женеву, где в качестве члена ЦК пробыл до весны 1904 г., являясь заграничным представителем ЦК и членом совета партии от Ц. комитета. По возвращении из-за границы работал нелегально в Москве и под фамилией Артур Циглер был арестован летом 1904 г. вместе с Бауманом и Стасовой по делу Северного бюро Центр. ком. партии. Весной 1905 г., после годичного тюремного заключения, в виду тяжелой болезни легких, был освобожден либеральствующей судебной властью на поруки до суда и, во избежание грозящего нового ареста, бежал за границу, где должен был продолжительное время лечиться в Давосе (Швейцария) от туберкулеза легких.

По возвращении в Россию, после общей амнистии 1905 года, жил в разных городах России—Ревеле, Екатеринославе, Александровске, Новочеркасске, Москве, Ленинграде под настоящей своей фамилией, преследуемый царской жандармерией и будучи вынужден переезжать из города в город, переходить от одного занятия к другому, чтобы избавляться этим путем от внимания жандармов, контролировавших каждый шаг, каждое движение.

После Октябрьской революции, которая застала его в Ленинграде, работал в Наркомпросе, в ВСНХ, затем опять в Наркомпросе (членом коллегии Наркомпроса), к Наркомвнешторге (членом коллегии Наркомвнешторга). В 1923 г. XII партийным с'ездом был избран членом ЦКК РКП (б) и вскоре назначен был членом коллегии НКРКИ СССР. На XIII и XIV с'ездах партии вновь был избираем членом ЦКК ВКП (б) и с января 1926 г. состоит членом президиума ЦКК ВКП (б), оставаясь членом коллегии НКРКИ СССР и начальником центр. Инспекции Транспорта и Связи.

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич, род. в Симбирске 10/23 апреля 1870 г. Отец его, Илья Николаевич, происходил из мещан г. Астрахани, лишился отца в возрасте 7 лет и был воспитан старшим братом, Василием Николаевичем, которому и самому горячо хотелось учиться, но не удалось: пришлось после смерти отца поступить на службу, чтобы содержать семью. Но все, что ему не удалось достичь самому, он решил дать младшему брату, которого содержал в гимназии и послал потом в университет. Илья Николаевич говорил детям с чувством глубокой благодарности о брате. Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям. Воспитанный в трудных условиях, рано взявшийся за уроки, чтобы содержать себя самому и не висеть на шее брата, Илья Николаевич отличался всю жизнь строгим сознанием долга, большой исполнительностью в работе, которую требовал неуклонно от себя и от других,—в первую очередь, конечно, от своих детей. Он сам направлял старших вначале их учения, требуя от них неукоснительного исполнения их обязанностей; приучал их к труду. Между прочим, он высказывал опасение, что у сына Владимира привычки к труду не создастся, ибо ему все слишком легко дается; поэтому на развитие трудоспособности у Владимира он напирал особенно сильно. Сам чрезвычайно скромный в личной оценке, исполнявший всю свою большую и инициативную работу как должное,—не более того, Илья Николаевич был против „захваливания", как он выражался, и, таким образом, постоянным похвалам Владимиру Ильичу

в школе создавался дома полезный корректив. Личный пример отца имел, как это всегда бывает в воспитании, еще бо́льшее значение. Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его раз'ездов, рано научались понимать, что дело—это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило,—и с верхами: власть имущими, помещиками,—и с низами: темнотой и предрассудками массы,—живо впитывались детьми. Особенно осталась в памяти его радость, проявляемая всякий раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей. Первым сознательным стремлением его старшей дочери было стать сельской учительницей.

По убеждениям И. Н. был тем, что определялось словами: мирный народник. Взяв должность инспектора народных училищ Симбирской губ., он взялся за организацию нового трудного дела. Его любимым поэтом был Некрасов. Он переписывал в юности некоторые неразрешенные его стихотворения и старшему сыну еще в детские годы отмечал те, в которых преобладали гражданские мотивы, как-то: „Песня Еремушке“, „Размышления у парадного под'езда“. В прогулках по деревенским полям и лесам он напевал детям запрещенные студенческие песни его времени. Как гласят воспоминания его учеников, он был очень чутким педагогом.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового по своему времени человека, большого идеалиста, неумевшего прислуживаться и сколачивать деньгу и потому не сделавшего себе карьеры. Ее молодые годы прошли в деревне, в очень скромной обстановке: физическое воспитание ее было почти спартанским. Она страстно стремилась учиться и всю жизнь жалела, что смогла получить лишь домашнее воспитание. Знала хорошо новые языки и музыку; много читала. Одаренная большим педагогическим тактом, Мария Александровна отдала себя всецело воспитанию детей. Она отличалась отсутствием предрассудков и большой энергией. При скудных средствах и большой семье она была весь день занята. Твердость ее характера проявилась во весь рост во время ее последующих испытаний. Владимир Ильич всегда с большим уважением и любовью относился к матери и удивлялся силе ее воли (см. восп. Н. К. Крупской).

Таким образом, семейные условия воспитания были очень благоприятны для Владимира Ильича. Он рос в дружной, идейной семье, в трудовой обстановке. Кроме влияния отца и матери, большое—и очень благотворное—влияние имел на него его старший брат, Александр Ильич. Это был любимый старший брат, идеал для подражания. В виду отличавшей Александра Ильича с раннего детства большой идейности, твердости воли, выдержанности, справедливости и вообще высоты нравственных качеств,—между прочим огромной трудоспособности,—подражание это было очень полезно для Владимира Ильича. Живя с ним в общей или смежных комнатах вплоть до от'езда его в Петербург и затем во время летних каникул, Владимир Ильич видел, чем он интересуется, какие книги он читает. А на последние два лета Александр Ильич привозил с собой книги по экономике, истории и социологии,—между прочим, „Капитал“ Карла Маркса. Гибель любимого брата произвела, конечно, сильнейшее впечатление на Владимира Ильича и уже сама по себе была сильным толчком на революционный путь.

Кроме брата и книг, непосредственного революционного влияния на Владимира Ильича в Симбирске того времени не было. Гимназия, руководимая Ф. И. Керенским (отцом бывшего главы Временного Правительства), была далека от всяких свободолюбивых веяний,—да и годы обучения в ней Владимира Ильича (1879—1887) относились к тому времени, когда школа была взята под строгий надзор, когда все сколько-нибудь свободомыслящие учителя сурово изгонялись из нее и оставлялись, кроме низкопоклонных, лишь те, более бледные, которые более или менее приспособлялись к режиму и налагали строгую печать молчания на уста свои.

Таким образом, интерес к общественным вопросам питался лишь товарищескими беседами в своей среде, где Владимир Ильич, по воспоминаниям некоторых однокурсников, играл, как оно и должно было быть, первую скрипку, а не испытывал на себе чьего-либо влияния. Сторонних революционных влияний, на которые ошибочно указывают некоторые биографы, — вроде кружков

высланных под надзор или неблагонадежных,—у него в это время не было.

По летам Владимир Ильич ездил с семьей в деревню Кокушкино Казанской губ. В этой деревне провела юность его мать, у которой сохранились очень сердечные отношения с местными крестьянами, и Владимир Ильич имел случай близко наблюдать быт и психологию захудалой русской деревни. Слышал он там жалобы на малоземелье; слышал высказываемое отцом и матерью сожаление, что кокушкинские крестьяне, несмотря на горячие убеждения его деда, отца его матери, предпочли оброку дарственный надел.

Владимир Ильич окончил гимназию в 1887 г. с золотой медалью. Было колебание, выдавать ли ему таковую в виду того, что гимназия получила нагоняй за выдачу золотой медали и выпуск с лучшей аттестацией столь важного государственного преступника, как его старший брат. Но успехи Владимира Ильича как за все годы учения, так и на выпускных экзаменах, были настолько показательны, что даже школа того времени не могла лишить его заслуженной награды.

По окончании гимназии Владимир Ильич подал прошение о приеме на юридический факультет Казанского университета. Прямого запрещения поступить в один из столичных университетов ему не было, но директор департамента полиции дал понять его матери, что лучше ему проситься в провинциальный университет и лучше, если он будет жить при ней. Директор Керенский, в виду выдающихся успехов Владимира Ильича по латыни и словесности, прочил его в филологический институт или на историко-словесный факультет университета и был очень разочарован его выбором. Но Владимир Ильич тогда определенно уже интересовался юридическими и политико-экономическими науками, а кроме того не был склонен к профессии педагога, да и знал, что таковая для него будет закрыта, и наметил себе более свободную—адвокатскую.

Влияния университетской и студенческой жизни он, можно сказать, не успел испытать на себе, так как был вынужден покинуть университет через три месяца после поступления. В ту осень студенческие „беспорядки" прокатились по всем университетам. То был протест студенчества против нового устава, против введения усиленного, чисто полицейского, надзора за студентами, протест против многочисленных из'ятий сколько-нибудь замеченных полицией, сколько-нибудь „неблагонадежных" студентов. Это были репрессии после покушения 1 марта 1887 г., участниками которого были почти исключительно студенты. Владимир Ильич, всегда очень свободомыслящий, очень чутко подмечавший и сильно реагировавший на всякое оскорбление личного достоинства, очень критически настроенный к установленным порядкам, тогда, под впечатлением казни любимого брата, был настроен особенно антиправительственно. С другой стороны, хотя близких знакомств он завести в университете еще не мог, но к нему, как к брату казненного, отношение студенчества, главным образом более революционного, было иным, чем к другим первокурсникам. Всем этим об'ясняются донесения суб-инспекторов, что Владимира Ильича видели в компании студентов, бывших на подозрении, что он, якобы, „шушукался" с ними. С другой стороны, не надо упускать из виду, что полицейский надзор был, по известным причинам, более придирчив к Владимиру Ильичу, чем ко многим другим студентам. Как бы то ни было, инспектор студентов, на которого наступала взволнованная масса молодежи, утверждал, как передавали матери, что видел Владимира Ильича в первых рядах, чуть ли не со сжатыми кулаками. В результате он в числе 40 других студентов оказался следующей же ночью арестованным и отправленным в участок. Адоратский передает рассказ Владимира Ильича о разговоре с приставом, отвозившим его в часть.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена, — сказал пристав.

— „Стена, да гнилая, ткни ее, она и развалится", — ответил Владимир Ильич.

Всех арестованных высылали затем из Казани на „место родины". Но так как у Владимира Ильича на месте родины никого не осталось, его согласились выслать в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, где жила уже под гласным надзором по делу 1 марта 1887 г. его сестра Анна, пишущая эти строки. В этой деревне прожил Владимир Ильич до осени 1888 г. Там он много читал; во флигеле, где он поселился, стоял книжный шкаф покойного дяди,—очень начитанного человека, и Владимир Ильич поглощал книги по общественным вопросам, выискивал ценные статьи в старых журналах. Затем он ходил на охоту, много гулял по окрестностям и, конечно, имел много возможности наблю-

дать жизнь крестьян. Общества, кроме двоюродных братьев и сестер, проводивших в Кокушкине летние каникулы, у Владимира Ильича не было никакого, а родственники эти были все люди не общественного типа и ничем не выделялись, так что дать что-либо для развития Владимира Ильича не могли. Осенью 1888 года Владимиру Ильичу резрешено было переехать в Казань, где он прожил всю зиму 1888—89 г. Здесь он разыскал некоторых из прежних знакомых, завел новых. В числе последних он встречался с одной народоволкой, Четверговой, к которой относился с большой симпатией. В общем он питал всегда большое уважение к старым народовольцам (как о том свидетельствуют воспоминания Крупской, Зиновьева и др.) и от „наследства" их никоим образом не отказывался.

К этой зиме относится начало его выработки социал-демократических убеждений. Он начал изучать „Капитал" Карла Маркса, которым очень увлекался. Вступил он и в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом, молодежи, вырабатывавшей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного. Никакого более авторитетного руководителя в кружке этом не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу. В то время главным организатором марксистских кружков в Казани был Н. Е. Федосеев, о котором Владимир Ильич слышал, но с которым ему не пришлось встречаться. Они познакомились позднее путем переписки и обмена статей. Люди одного возраста, они в те, юные, годы были, так сказать, приблизительно равноценными величинами, и влияния одного на другого устанавливать не приходится.

С весны 1889 года Владимир Ильич переезжает с семьей на хутор Алакаевка Самарской губ., а с осени—в Самару. Этот самарский период его жизни продолжался четыре с лишним года. Он был посвящен изучению марксизма,—Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была все более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом. Вообще социал-демократизм был тогда, особенно по провинциям, только пробивающимся революционным течением и был представлен обычно одной молодежью. За описываемый период Владимир Ильич познакомился (в 1891 или 1982 г.) только с одним сформировавшимся, зрелым марксистом, — с П. И. Скворцовым, проездом через Нижний-Новгород. Это знакомство очень интересовало его, и он рассказывал потом с удовольствием о беседе с этим марксистом, но тут же подчеркнул, что Скворцов стоит лишь теоретически на почве марксизма, и что революционера из него никогда не выработается.

Из революционно-настроенной публики в Самаре жили в те годы поднадзорные, возвращавшиеся из Сибири,—все, конечно, народники или народовольцы. Со всеми ними наша семья была в более или менее тесных отношениях. Чаще других видался Владимир Ильич с Н. Долговым, участником еще долгушинского процесса, и с супругами Ливановыми, представлявшими собой типичных народовольцев, очень цельных и идейных. Владимир Ильич любил беседовать с ними и, не сходясь в путях, заимствовал от них революционный опыт, изучал, так сказать, по их рассказам, историю нашего революционного движения за полным почти отсутствием нелегальной литературы в нашей провинции. А по поводу основных воззрений спорил как с ними, так и с другими представителями народничества разного толка все ожесточеннее и в этих спорах все прочнее выковывал и лучше научался обосновывать свои взгляды. Одним из оппонентов его был проживавший один год под надзором в Самаре В. В. Водовозов. Вся эта более солидная публика была немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала пред ним. Немало беседовал Владимир Ильич также с находившейся в то время под надзором в Самаре М. И. Ясневой (Голубевой), — представительницей русского якобинства, ставшей, под влиянием Владимира Ильича, социал-демократкой.

На ряду с выработкой своего революционного мировоззрения Владимир Ильич двигал в эти годы в Самаре и официальную науку. Обратное поступление в университет ему не разрешалось, получались отказы и на ходатайство поехать учиться за границу и, наконец, только через три года после исключения, в 1890 г.,—матери его удалось добиться для него разрешения сдать экзамен экстерном. Тогда Владимир Ильич засел вплотную за работу и совершенно самостоятельно подготовился в $1^1/_2$ года к этому экзамену,

который и сдал в два срока—весной и осенью 1891 года при Петербургском университете. Сдал прекрасно, не отстав при этом ни на один год от своих однокурсников, не покидавших университета.

При поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами и у одного из них, преподавателя Технологического института, по фамилии как-будто Явейн, получал и привозил с собой в Самару марксистскую литературу, —между прочим, журнал „Neue Zeit", еженедельник „Für sociale Gesetzgebung und Statistik".

По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному поверенному Хардину, видному представителю тогдашнего либерального общества в Самаре, человеку очень умному, которого Владимир Ильич ценил. Несколько раз пришлось ему выступать по процессам. Это были мелкие процессы, не бравшие много времени на подготовку и интересовавшие Владимира Ильича в очень умеренной степени. Запись в адвокаты давала ему профессию, которая могла доставлять в будущем средства к существованию, но главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе. К этому же—самарскому—периоду относятся первые литературные работы Владимира Ильича: реферат о книге Постникова „Южнорусское крестьянское хозяйство", напечатанный только недавно,—через 30 лет, и те тетради с критикой писателей народников, В. В. Южакова, Карышева, которые выросли позднее в его первую крупную работу: „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов",—в ту работу, в которой заложены основы всего его миросозерцания.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переезжает в Петербург, где записывается помощником присяжного поверенного к адвокату Волкенштейну. Это давало ему положение, могло давать заработок. Несколько раз, но, кажется, все в делах по назначению, Владимир Ильич выступает защитником и в Петербурге. Здесь он заводит связи с петербургскими социал-демократами, с кружком Красина, Радченко и студентов-технологов—Старкова, Кржижановского, Запорожца и др. Кроме того, он знакомится с литераторами-марксистами, Струве и Потресовым. Он пишет ответ Михайловскому по поводу выступлений последнего против марксистов в легальной печати, составивший первую главу его сочинения „Что такое друзья народа". Эта работа была напечатана впервые на ремингтоне и размножена на мимеографе кружком московских студентов—социал-демократов. Затем Владимир Ильич выступает с критикой книги Струве.

Критика эта печатается (псевдоним „Тулин") в сборнике „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития", под заглавием „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве", вместе с некоторыми другими статьями тогдашних марксистов. Но сборник этот был сожжен в цензуре, главным образом за статью Владимира Ильича, — уцелели лишь единичные экземпляры. В этой статье Владимир Ильич, соглашаясь с критикой народничества у Струве, высказывается очень определенно против того либерального уклона, который наметился уже тогда в его мировоззрении.

Таким образом, те два с небольшим года, которые Владимир Ильич прожил в Петербурге (с сентября 1893 по декабрь 1895) были употреблены им как на борьбу с народничеством и выработку правильного марксистского мировоззрения,—„Друзья народа", статья „Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве" Тулина,—так, с другой стороны, на революционную социал-демократическую работу. Владимир Ильич завязал связи с рабочими (Шелгуновым, Бабушкиным и др.). Он ходил заниматься в кружок рабочих за Невской заставой; он писал листки, как общеполитические,—на 1-е мая,—так и по поводу тех или иных требований на отдельных фабриках.

К этому периоду относится первая поездка Владимира Ильича заграницу (весной 1895 г.) и знакомство с группой Освобождение Труда (Плеханов, В. Засулич, Аксельрод). Вся эта группа, и особенно Г. В. Плеханов, имела большое влияние на Владимира Ильича. Он ознакомился еще в России с главными литературными произведениями Плеханова, очень уважал его и считал своим учителем. Личное свидание закрепило его связь со всей группой и, как он сам признавал по возвращении из-за границы, много дало ему. Между прочим, он рассказывал, что как Плеханов, так и Аксельрод нашли некоторую узость в постановке вопроса об отношении к другим классам общества в статье за подписью Тулин; оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограни-

читься одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни, к борьбе против самодержавия различных классов и групп.

Владимир Ильич признал правильность этой точки зрения, и, несомненно, беседы с Плехановым и Аксельродом имели большое влияние на него и помогли ему оформить свои взгляды и ускорили его выступление на широкую арену революционной борьбы основанием „Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Члены группы „Освобождение Труда" поощрили его также к выпуску политического органа российской социал-демократии. Первый номер такой подпольной газеты, под заглавием „Рабочая газета", был уже готов и проредактирован Владимиром Ильичем, перу которого принадлежали и все главные статьи в нем, когда при арестах 9-го декабря 1895 г. был забран весь этот материал. Аресты разгромили почти целиком весь кружок; был арестован и Владимир Ильич.

В тюрьме, где Владимир Ильич провел 1 год и 2 месяца, он не переставал работать. Во-1-х, он собирал, пользуясь петербургскими библиотеками и книгохранилищами, материалы для задуманной им книги: „Развитие капитализма в России"; во-2-х, он не оставлял и нелегальной работы. Ведя, путем переписки шифром и химией, регулярные сношения с волей, он посылал таким же способом листки, брошюры, проект программы партии с об'яснениями к ней. По освобождении,—в феврале 1897 г.,— Владимир Ильич, оставленный департаментом полиции вместе с товарищами на 3 дня в Питере „для устройства своих дел", повидался с работавшими там социал-демократами и выступил решительно против того „экономического" уклона, который стал намечаться в движении.

Поехать в ссылку Владимиру Ильичу было разрешено на свой счет, — не по этапу,—таким образом, он, минуя все тюрьмы, приехал по только что построенной тогда сибирской железной дороге в Красноярск, где получил назначение в село Шушенское Минусинского уезда.

В этом селе провел Владимир Ильич три года своей ссылки. Сюда приехала к нему через год его невеста Н. К. Крупская с матерью, получив разрешение по мотиву предполагавшегося замужества заменить назначенную ей Уфимскую губернию селом Шушенским. В одном селе с Владимиром Ильичом жили только два рабочих поляка, но в других селах Минусинского уезда жили товарищи, с которыми разрешались иногда свидания: на праздники, на свадьбу и т. п. Переписка поддерживалась со всеми товарищами по ссылке самая деятельная. Очень аккуратно переписывался Владимир Ильич и с центром, русским и заграничным. Переписка эта велась, главным образом, через меня,— как обычным путем, так и химией. Ему выписывались журналы, посылались по возможности все книжные новинки; привезла я по его заказу не мало книг и из-за границы.

В ссылке Владимир Ильич написал по собранному в тюрьме материалу свою книгу: „Развитие капитализма в России"; писал, кроме того, статьи в существовавших недолго легальных марксистских журналах, которые были собраны им в сборник: „Экономические этюды и статьи". Обе эти книги, которые он поручил мне корректировать, вышли в 1899 году.

Кроме того, он перевел вместе со своей женой, Надеждой Константиновной, книгу Сиднея и Беатрисы Уэбб „Теория и практика тред'юнионизма" с английского, написал, изданную заграницей, книжечку „Задачи русских социал-демократов" и некоторые другие статьи и рефераты, которые читались товарищами по ссылке.

В Шушенском был также составлен им протест против так-называемого „Credo" Кусковой и Прокоповича, напечатанный за границей, как „Протест 17 социал-демократов" и известный под более коротким названием „Anticredo". В нем Владимир Ильич разбирает и подвергает жесточайшей критике это наиболее выпуклое proffession de foi так-называемых „экономистов".

Вернувшись из ссылки в феврале 1900 г., Владимир Ильич после посещения родных в Москве поехал в Псков, избранный им местом жительства (все университетские города и крупные промышленные были исключены для возвращающихся из ссылки). Туда приехали из ссылки А. Потресов, Лепешинский, Цедербаум (Мартов); там жили уже Л. Н. Радченко и другие социал-демократы. Необходимое об'единение кружков, работающих по отдельным городам, в партию затруднялось тогда чрезвычайно постоянными провалами: после I с'езда партии в 1898 г. были арестованы почти все участники. II с'езд намечался в 1900 г. южанами,— главным образом

Екатеринославским комитетом, издававшим газету „Южный Рабочий“. Но весной 1900 г. и эта группа была разгромлена. Тогда у Владимира Ильича созрела мысль о том, что партию надо попробовать об'единить не с'ездом работников, слишком дорого обходящимся в тогдашних условиях, а вокруг газеты, издаваемой за пределами досягаемости, за границей. Эта газета должна была послужить, по его сравнению, „лесами“, вокруг которых строилась бы партия. Эту свою идею он провел на так-называемом псковском совещании социал-демократов. Было решено, что для выполнения ее он, Потресов и Мартов поедут за границу. Все трое выхлопотали заграничные паспорта,— в то время департамент полиции пускал довольно легко за границу, ибо тогдашний опыт показывал, что люди,—особенно литераторы и научные работники,—всасывались за границей и становились более или менее безвредными с точки зрения революционной работы.

Но план этот чуть не рухнул вследствие ареста Владимира Ильича и Мартова во время их нелегальной поездки из Пскова в Петербург. Дело ограничилось, однако, трехнедельным арестом, после которого оба были выпущены без последствий. Тогда Владимир Ильич решил поспешить с выездом. Он с'ездил только по выхлопотанному ему матерью разрешению с ней и со мной в Уфу, где должна была провести последний год гласного надзора его жена, Надежда Константиновна. Конечно, и в Уфе и заездом в Самаре он видался с тамошней социал-демократической публикой и развивал ей свой план.

По приезде за границу решено было издавать газету „Искра“ с эпиграфом из стихотворения, посвященного декабристам: „Из искры возгорится пламя“, вместе с группой „Освобождение Труда“. Другая заграничная издательская группа, „Рабочее Дело“, не была привлечена, как клонящаяся к „экономизму“. Для большей независимости и удаленности от кишащей эмиграцией Женевы решено было издавать новую газету в Мюнхене, куда переехали Владимир Ильич, Потресов и В. Засулич. Позднее туда же явился из России Мартов. Кроме газеты „Искра“, решено было издавать научно-марксистский журнал „Заря“.

Владимир Ильич с жаром взялся за работу, которая вначале, особенно вследствие малого количества работников, была для него в большой мере черновой: приходилось самому вести переписку, шифровку, налаживать транспорт, связи с Россией и с другими заграничными колониями и т. п. За $2^1/_2$ г., до лета 1903 г., до II с'езда партии, „Искра“ приобрела огромное влияние и, несмотря на массу трудностей и провалов, стала распространяться все шире по России. Она сильно способствовала росту политического сознания рабочих масс, превращению забастовок из экономических в политические; она помогала об'единению партийных комитетов, их организации. Как „Искра“, так в еще большей степени написанная за это время Владимиром Ильичом брошюра „Что делать“, настаивая на необходимости создания организации профессиональных революционеров, нелегалов, помогли делу этой организации. Большинство партийных комитетов встали на точку зрения „Искры“, и на II с'езде партии она была провозглашена Ц. О. партии

Но на этом с'езде произошел раскол. между большинством и меньшинством с'езда,—отсюда названия „большевиков“ и „меньшевиков“. Большинство с'езда, с Владимиром Ильичом во главе, стояло за более революционное и четкое определение того, кто должен быть членом партии, за более деловую организацию редакции Ц. О. Из членов старой редакции „Искры“ за большинство высказался, кроме Владимира Ильича, один Плеханов. Но позднее и Плеханов, под влиянием Мартова, отказавшегося войти в редакцию, и других невыбранных с'ездом членов прежней редакции, вышел из нее. Остался один Ленин. Он счел невозможным для себя работать при таком положении дела и сложил с себя редакторство. Тогда Плеханов ввел всю остальную часть редакции, и „Искра“ оказалась в руках меньшевиков. За это время Владимир Ильич написал брошюру: „Шаг вперед, два шага назад“.

Владимир Ильич остался в стороне от руководства партией, но так долго продолжаться не могло: большинство организаций, подавляющая часть рабочих в России были на стороне большевиков; они требовали своего органа. Владимир Ильич видел также необходимость его, и через год приблизительно по оставлении „Искры“ большевики стали издавать газету „Вперед“. Она завязала также связи с русскими организациями, стала посылать профессиональных революционеров по местам, звала к более революционным методам работы, к подготовке революционного восстания.

В это время Владимир Ильич жил уже в Женеве. В 1902 г. редакция вынуждена была переехать из Мюнхена, где

слежка стала черезчур давать себя знать, в Лондон. Оттуда она перекочевала в Женеву. Все эти годы Владимир Ильич жил чрезвычайно скромно, средства партии были скудны, и он брал очень немного из них, подрабатывая и литературным трудом. Обилие работы и нервная обстановка ее отражались очень сильно на его здоровьи; так, пред II с'ездом, при переезде из Лондона в Женеву, он заболел нервной болезнью, называемой „священный огонь". По летам, особенно после с'ездов, конференций или крупных разногласий в редакции, он старался уезжать куда-нибудь на лоно природы, к морю или в горы,— при чем выбирал всегда более уединенное и дикое место, самый простой и дешевый пансион. Владимир Ильич всю жизнь любил природу и умел отдыхать среди нее.

Волны революции за это время нарастали,— особенно с января 1905 года. На эмиграции вообще и на Владимире Ильиче в частности это отразилось, с одной стороны, большей интенсивностью и кипучестью работы, а с другой, тем, что стало более неудержимо тянуть в Россию. Свойственная Владимиру Ильичу всегда прозорливость проявилась в конце лета 1905 г. в том, что он написал мне раз, кажется в ответ на мои жалобы на трудности и затяжки получения литературы из-за границы: „Скоро мы откроем газету в Петербурге, с редакцией на Невском проспекте". Я посмеялась над этим тогда, как над вещью совершенно невероятной, а между тем через каких-нибудь три месяца вывеска редакции „Новая Жизнь" красовалась действительно на Невском проспекте.

Владимир Ильич приехал тотчас после того, как вспыхнула первая наша революция, и был провозглашен манифест, открывший двери тюрем и возможность вернуться из эмиграции целому ряду лиц. Для Владимира Ильича эта возможность оказалась сразу проблематичной: так, он всего одну ночь переночевал по своему паспорту в комнате, снятой для него в знакомой семье и, заметив несомненную слежку, стал менять квартиры и жить по чужим паспортам. Выступал он также под чужими именами; таково было его известное выступление в доме Паниной под фамилией Карпова. Владимир Ильич разбивал иллюзии кадетов, эсеров и меньшевиков, их веру в завоевания октября 1905 г., их надежды на мирный ход движения. Он подверг резкой критике так-называемую булыгинскую (совещательную) Думу и дал лозунг бойкота ее. Он указывал на необходимость сплочения рядов, подготовки к решительному бою, к вооруженному восстанию. Два раза за зиму 1905—06 г. ездил он в Москву,— один раз до декабрьского восстания, другой раз после него. Он внес также поправку в отношение к первому Совету рабочих депутатов, который тогдашние большевики склонны были игнорировать, на который склонны были глядеть свысока, как на стоящий в своем большинстве на мелко-буржуазной точке зрения. Он понял то значение, которое имело такое подлинно избранное массами учреждение, он провидел его роль в будущем.

Пока можно было думать, что волны революции еще поднимаются, Владимир Ильич стоял за поддержку их, за самую революционную тактику. Так, он выпустил лозунг бойкота и первой Государственной Думы; он провозглашал необходимость хотя бы партизанской борьбы, так-называемые тройки и пятки. Когда же движение пошло на убыль, он решительно переменил фронт, высказался за необходимость итти в Государственную Думу, пользоваться ее платформой, когда все другие возможности пропагандировать свои взгляды одна за другой отнимались у народа. Газеты с.-д. большевиков закрывались одна за другой: вместо „Новой Жизни" возникали „Волна", „Вперед", „Эхо". До последней возможности партия с.-д. б-ков старалась использовать легальную печать. Издавались отдельные брошюры; перу Владимира Ильича принадлежат: „Две тактики социал-демократии в демократической революции", „Победа кадетов и задачи рабочей партии", „Роспуск Думы и задачи пролетариата", „Социал-демократия в выборах в Думу" и др.

Но размах пропаганды должен был все сокращаться; приходилось все больше уходить в подполье. Владимир Ильич принужден был поселиться в Финляндии, в Куоккала, откуда наезжал в Питер, а больше к нему туда приезжали за рукописями, на совещания. Кроме целого ряда мелких совещаний, в 1905 г. состоялась партийная конференция в Таммерфорсе, а в 1906 г.— с'езд в Стокгольме,— так называемый об'единительный, названный так потому, что на нем с'ехались обе части партии, большевики и меньшевики, в то время как на предыдущий III с'езд, в 1905 г., меньшевики не пошли. Но попытка об'единения оказалась безрезультатной.

После разгона 2-й Думы, в 1907 г., реакция все сгущалась, и осенью этого года Владимир Ильич получил предупреждение от финляндских социал-де-

мократов, что есть приказ о его аресте. Тогда он с предосторожностями уехал через Або и Стокгольм опять за границу, в Женеву.

Эта вторая эмиграция после временных свобод 1905—6 г. была тяжелее первой. Настроение уныния и разочарования охватило широкие слои интеллигенции и молодежи, проникало и в среду рабочих. Широкие общественные интересы заменялись личными, вопросами пола, философией, клонящейся к мистике, к религиозным исканиям. На ряду с этим разочарование проявилось и в более мрачной форме: в среде молодежи, наиболее чуткого барометра общественной жизни, появилась эпидемия самоубийств. В партийных кругах (среди меньшевиков) появилось так называемое „ликвидаторство"—проповедь сосредоточения всей работы в легальных рамках, ликвидаторство нелегальной партийной работы. Все эти уклонения в эмиграции проявились, конечно, особенно остро. Настроение было очень подавленное. Но Владимир Ильич не терял бодрости и поддерживал ее в других. Он указывал на причины подавления революции 1905 г. и говорил, что надо готовиться к следующему под'ему ее. Как в прежнее время он использовал ссылку для научной работы, так и теперь наиболее глухое время второй эмиграции он посвятил изучению философии, которой до тех пор не было времени заняться, и своей философской книге: „Материализм и эмпириомонизм", вышедшей в 1909 г. Она была направлена против всех разновидностей идеализма и подвергала с этой точки зрения критическому разбору все философские теории,—как за границей, так и в России,—в частности неокантианство.

На этой почве отчасти, отчасти же на почве политических разногласий произошел у Владимира Ильича раскол с группой „впередовцев", или „отзовистов", как их называли за то, что они предлагали отозвать представителей социал-демократии из Государственной Думы. Владимир Ильич доказывал необходимость пользоваться всеми легальными возможностями, когда нельзя было надеяться на непосредственно революционную борьбу: думской платформой, легальной печатью. Мне пришлось говорить с ним в 1911 г. относительно недоверия, с которым товарищи, работавшие в нелегальных провинциальных кружках, отнеслись к одной скромной легальной газетке, которую удалось одно время издавать в Саратове, и он решительно осудил их за нежелание поддержать ее. Я видела его как раз под конец этого периода реакции, и он сказал мне как-то: „Не знаю, доживешь ли до следующей революции".

Летом 1911 г. Владимиром Ильичом была организована партийная школа в Лонжюмо (под Парижем), и прочитан ряд лекций рабочим из России. В 1912 г. он избирается в Международное Социалистическое Бюро.

Но силы в массах накоплялись, и ленский расстрел рабочих в апреле 1912 г. вызвал их к жизни. Прежде всего, несмотря на всяческие трудности и стеснения, стала развиваться легальная рабочая печать. Ежедневная рабочая газета „Правда" стала выходить в Питере, в самом центре самодержавной власти, которой никак не удавалось заставить ее замолчать. Открылся новый фронт, на который надо было сосредоточить силы, и Владимир Ильич переехал из Парижа, где жил последнее время, поближе к России, в Краков. Скорый поезд шел оттуда до Петербурга только 12 часов, статьи могли поспевать во-время, газета получалась на другой день. Легче можно было устраивать свидания с нелегальными работниками, с членами Думы,—тогда 4-й, которым Владимир Ильич писал речи для выступлений. Легче было руководить и нелегальной работой в России. Таким образом, хотя Владимир Ильич писал и в подпольной печати,—тогда выходил центральный орган „Социал-Демократ",—но главная его энергия направилась в эту открывшуюся тогда форточку легальной рабочей печати: кроме „Правды", он писал в еженедельную газету „Звезда", в марксистские журналы „Мысль" и „Просвещение".

Но надвинувшаяся европейская война смешала все карты. Все рабочие органы были закрыты. Члены Гос. Думы с.-д. большевики были арестованы, преданы суду и высланы в Сибирь. Владимир Ильич в самом начале войны был арестован австрийскими властями и просидел около трех недель в тюрьме. Несмотря на полную неизвестность, грозившую всякими осложнениями, он чувствовал себя, как обычно, бодро, чем очень удивлял нескольких интеллигентов, попавших в то же положение. Благодаря хлопотам австрийских социал-демократов он был освобожден и уехал в Швейцарию. Среди охватившего все партии взрыва патриотизма почти единственно его голос призывал не отступать от международной точки зрения, отмечал, что единственным способом борьбы против империалистической войны долж-

но быть превращение ее в войну гражданскую,—в каждый стране против своего правительства.

Надежда Константиновна рассказывает в своих воспоминаниях, как одинок был Владимир Ильич в этой борьбе, как тягостно ощущал он полное непонимание вокруг себя.

Им были составлены тезисы об отношении революционных социал-демократов к войне. Пересланные в Россию, эти тезисы попались у арестованных членов 4-й Государственной Думы большевиков и послужили одним из главных обвинений против них. В тезисах этих заявлялось вполне определенно, что каждый последовательный социалист должен бороться в первую голову со своим правительством, и что лучшим исходом войны было бы поражение царского правительства, как самого реакционного.

Владимир Ильич читал и рефераты на эту тему в Швейцарии, он сплочал на идее последовательного интернационализма всех, кого мог.

На Циммервальдской и Кинтальской конференциях Ленин был представителем левого крыла интернационалистов. Их было в то время за границей незначительное меньшинство,—громадное большинство социалистов было настроено патриотически. Владимиру Ильичу приходилось в то время пробивать брешь в толстой стене почти всеобщего непонимания. Сношения с Россией, пересылка туда литературы были тоже очень затруднены во время войны. Масса работников была взята на фронт. Патриотический угар был силен и в России, идеи „пораженчества“ воспринимались исключительно большевиками или клонящимися к ним. Это было тяжелое время эмиграции, оторванность от России была страшная.

В 1916 г. Ленин написал книгу „Империализм, как новейший этап капитализма“.

С революцией 1917 г. Владимир Ильич сразу же стал рваться в Россию, но это не так-то легко было осуществить в то время. Троцкий, поехавший через Англию, был задержан там. После нескольких более или менее неисполнимых планов Владимир Ильич решил поехать через Германию, в „запломбированном“ вагоне. Этот запломбированный вагон был в то время сильно использован всеми врагами Владимира Ильича и большевиков: их громили, как изменников, пошедших во время войны на соглашение с враждебным нам германским правительством. Между тем, соглашение состоялось лишь в том, что такие-то проедут через Германию, но при полном их отказе с кем бы то ни было в этой стране видаться или говорить. Для того-то и была выбрана форма „запломбированного“ вагона.

Едучи в Россию, Владимир Ильич был совершенно неуверен, что не будет там арестован правительством Милюкова,—более того, был почти убежден, что этот арест произойдет. Но оказалось, что он, благополучно проехав через Стокгольм, проехал так же благополучно и через Финляндию вплоть до границы с Россией, до станции Белоостров, где был встречен некоторыми партийными товарищами, вместе с которыми приехал вечером 2-го апреля (стар. стиля) в Петербург. Здесь, на Финляндском вокзале, ему была устроена торжественная встреча центральным и петербургским комитетами партии большевиков, созвавшими и массы рабочих со всех районов.

Владимир Ильич обратился к товарищам с броневика с краткой речью, в которой призывал к борьбе за социалистическую революцию. В таком же смысле высказался он и на собрании представителей организаций в тот же вечер. Со свойственной ему нелюбовью ко всяким фразам, к ликованью и к овациям, он сразу же перевел разговоры на деловую почву, на ближайшие задания следующего дня. Он резко клеймил позорное поведение международной социал-демократии в мировой войне и убедил партию большевиков, с целью отмежеваться решительно от этого поведения, переименоваться в коммунистическую. Он отмечал, что революция, свергнувшая трон Романова, ничего еще не дала рабочим и крестьянам, и что временное правительство,—как кадетское, так позднее на половину эсэрское,—ничего дать не в состоянии и должно быть свергнуто. В этом смысле писал он решительно и в „Правде“ и в брошюрах того времени. Первый опыт восстания,—в июле,—от которого коммунистическая партия удерживала,—был неудачен: многие выдающиеся большевики были Временным Правительством арестованы. Владимир Ильич и Зиновьев, чтобы не подвергнуться этой участи, которая для Владимира Ильича особенно могла оказаться роковой, решили скрыться.

В это время, как Владимир Ильич отмечал впоследствии, укрывать человека его убеждений могли лишь рабочие, и оба они скрывались сначала в квартирах рабочих в Петербурге, потом в Сестрорецке и, наконец, в Финляндии. Пришлось прибегнуть ко всем формам нелегального житья,—к гриммировке,

парикам, чужим паспортам; пришлось часто менять квартиры, ездить за кочегара на паровозе, скрываться в шалаше. Но и оттуда Владимир Ильич следил за жизнью партии, писал статьи и письма в Ц. К. В этот период он начал книгу „Государство и революция", законченную позднее. Видя, что влияние большевиков растет среди рабочих,—в чем убедили особенно городские выборы в Петербурге и в Москве, авторитет же Временного Правительства все больше расшатывается в массах, — Владимир Ильич стал настаивать на необходимости, без дальнейших проволочек, восстания против Временного Правительства. Несогласие с такой решительной линией некоторых ближайших его товарищей не могло поколебать его.

Ко времени созыва II Всероссийского С'езда Советов Владимир Ильич приехал нелегально в Питер и принимал лично участие в заседаниях Ц. К. Восстание было решено и состоялось 25-го октября (старого стиля). В этот день вечером на первом заседании II С'езда Советов было заявлено о захвате власти коммунистической партией и о свержении Временного Правительства. Владимир Ильич выступил с провозглашением Советской Социалистической Республики и ее первых двух декретов: о прекращении войны и о том, что вся помещичья и частно-владельческая земля поступает в безвозмездное пользование трудящихся. На место диктатуры буржуазии была поставлена диктатура пролетариата.

Строительство новой советской власти началось среди чрезвычайных трудностей: почти вся интеллигенция и все советские служащие об'явили ей бойкот. Конституирование правительства без сотрудничества других партий и направлений вызвало разногласие и в Ц. К. коммунистической партии. Но Владимир Ильич был решительно против всякого сотрудничества, он твердо верил в массы, в то, что пролетариат сможет управлять и сам государством, что на деле, за работой, он будет расти и учиться неизмеримо быстрее.

Но такое конституирование правительства из людей одной коммунистической партии, опытных в революции, но совершенно неопытных в строительстве государства, возложило громадную работу и ответственность на Владимира Ильича, стоявшего во главе нового правительства, как председатель Совета Народных Комиссаров. Ему пришлось самому направлять работу во всех отраслях,—начиная с военной и кончая продовольческой или просвещенской. Гражданские войны, субсидируемые и поддерживаемые международной буржуазией, восстания внутри страны, голод и хозяйственная разруха в результате как этих потрясений, так и предшествовавшей им мировой войны,—все это требовало колоссального напряжения энергии и сил от Владимира Ильича, стоявшего во главе правительства, являвшегося его мозгом, его главным рычагом. Сильно подорвало здоровье Вл. И. покушение на него эс-эрки Каплан 30 авг. 1918 г. во дворе завода Михельсон *), где В. И. выступал на митинге. Поранения, причиненные ему Каплан, едва не стоили В. И—чу жизни.

По инициативе Владимира Ильича и опять-таки при сильном сопротивлении части Ц. К. партии был заключен в 1918 г. так называемый Брестский мир с Германией. По этому миру мы согласились на отчуждение целого ряда городов и земель, на уплату огромной контрибуции, мир этот по справедливости назывался позорным,—но Владимир Ильич видел, что на войну крестьянство не пойдет, он считал, кроме того, что революция в Германии надвигается быстрым темпом, и что самые позорные условия мира останутся на бумаге. Так оно и вышло: вспыхнувшая в Германии буржуазная революция аннулировала наиболее тягостные условия Брестского мира.

Была создана крепкая и боеспособная Красная армия, одержавшая победу в гражданских войнах; освобожденные от белогвардейцев области, как Украина, Сибирь, Крым, Грузия, стали присоединяться на правах автономных областей к Советской Социалистической Республике. Был образован РСФСР, выросший позднее в Союз Советских Социалистических Республик. С окончанием гражданских войн стало налаживаться хозяйство страны. Но самая многочисленная часть населения,—крестьянство, наиболее истощенное войнами и суровым военным коммунизмом, нуждалось в отдыхе, нуждалось в более нормальных условиях, в которых оно могло бы выбиться из хронической голодовки, смогло бы приступить к восстановлению хозяйства. Владимир Ильич понял железную необходимость изменения политики в этом смысле и ввел вместо продразверстки продналог, оставляющий излишки в руках крестьян, побуждающий их работать над восстановлением хозяйства. Он ввел так-называемую „новую эконо-

*) Переименован теперь в завод имени „Владимира Ильича".

мическую политику", разрешившую частную свободную торговлю, давшую возможность крестьянству и широким слоям населения искать самостоятельно тех средств существования, которых государство не могло еще дать им. Он доказал, что необходимо сделать этот поворот, пока мировая пролетарская революция задерживается, и РСФСР приходится налаживать свое хозяйство с мелко-буржуазной частью населения и в капиталистическом окружении.

В то же время Владимир Ильич настаивал на развитии предприятий государственного типа, на электрификации, долженствующей поставить нашу отсталую страну на один уровень с наиболее культурными странами, на развитии кооперации. Он указывал, что в ожидании мировой пролетарской революции надо, удерживая всю крупную промышленность в руках государства, таким образом, частично, понемногу осуществлять социализм в одной стране. Таким образом,—говорил он,—делая с одной стороны уступки частному капиталу, мы будем и наступать на него до тех пор, пока взрыв революции в других странах и поднятие крупной производительности в нашей стране не даст нам возможности перейти снова решительнее к коммунизму.

Но колоссальная перегруженность Владимира Ильича работой начала сказываться на его здоровьи: он стал страдать головными болями и бессоницами. Врачи находили сначала лишь общее переутомление и рекомендовали продолжительный отдых. Но воспользоваться таковым не давали Владимиру Ильичу как условия существования СССР, требовавшие напряженной работы от правительства, так и его собственный характер, строгое отношение к себе, ко взятым на себя обязанностям, ежеминутная забота о том, как все обстоит в государстве, неумение отвлечься вполне, отдохнуть: он сам жаловался, что на прогулках думает все о тех же делах. И болезнь стала прогрессировать. 25 мая 1922 г. его постиг первый удар. Полный отдых и внимательное лечение поставили его на ноги к осени, и с октября этого года он вернулся к занятиям; но хотя сравнительно с прежним они были сильно сокращены, Владимир Ильич только около двух месяцев смог выдержать их. В последних днях ноября он слег. В эти месяцы,—до марта,—он получал еще, хотя и в самых общих чертах, осведомление о делах и диктовал секретарю свои последние статьи: о Рабкрине, „Лучше меньше, да лучше", „О кооперации", о работе Наркомпроса.

В марте с ним произошел второй удар, лишивший его употребления речи, которая, несмотря на усилия врачей и на то, что физически Владимир Ильич за лето поправился, не возвращалась уже до самой его кончины,—21 января 1924 г. в 6 час. 50 мин. вечера. Смерть наступила почти внезапно, ничто не предвещало такого близкого конца. Вскрытие обнаружило полную изношенность артерий мозга в то время, как общий артериосклероз отмечался у Владимира Ильича лишь в умеренной степени.

Тело его было набальзамировано и положено в мавзолей на Красной площади.

А. Ульянова-Елизарова.

Лепешинский, Пантелеймон Николаевич (*автобиография**). Родился 29 февраля (ст. ст.) 1868 г. в с. Студенце Климовичского у. Могилевск. губ. Сын деревенского священника. Семья у отца была большая (18 человек детей, из которых, впрочем, очень многие не пережили периода детства и рано сошли в могилу). Большинство из оставшихся в живых воспитывалось в школах духовного ведомства (в бурсах, епарх. училищах и т. д.), и лишь мне посчастливилось поступить в светскую школу (да еще следующему за мной брату). Кончил Могилевскую гимназию в 1886 г. и поступил в Петербургский университет (на физико-математ. факультет). В университете примкнул к радикально настроенной молодежи, входил в конспиративный кружок (народовольческого типа), принимал активное участие в студенческих движениях (в 1887 и в 1890 г.). За участие в студенческой истории в 1890 г. был даже исключен из университета без права поступления в какие либо учебные заведения, но у меня в кармане было уже удостоверение о зачтении мною всех 8 семестров полностью, и впоследствии мне удалось получить диплом об окончании университета (из Киевского у-та). В 1890 г. был выслан из Питера. Скитался по провинции, пробавлялся уроками, служил конторщиком в управлении Лозово-Севаст. ж. д. В 1894 г. снова попадаю в Петербург. После долгих мытарств пристраиваюсь на службу в Госуд. Комиссию Погашения Долгов. Возобновляю свои революционные связи и веду кой-какую конспиративную работу: изготовляю мимеограф и печатаю на нем листовки (по своей инициативе и по заказам со

*) Настоящая автобиография является повторением автобиографии, представленной в Общество старых большевиков.

стороны), руковожу кружком рабочих и т. д. 8 декабря 1895 г. подвергаюсь аресту. В тюрьме окончательно самоопределяюсь, как марксист. В предварилке высиживаю 14 мес., затем путешествие по этапу и водворение в Енисейскую губ. (сначала в Енисейский уезд, а потом в Минусинский, по соседству с Ильичом и другими товарищами по аресту 8 декабря 1895 года). Хотя я имел право считать себя соц.-демокр. с конца 1895 г. или начала 1896 г., но членом партии признаю себя со времени 1-го с'езда в 1898 г. В 1900 г. возвращаюсь из ссылки и по предложению Ильича поселяюсь в Пскове, где обслуживаю интересы искровской организации (корреспондирую в „Искру", организую искровскую группу, способствую транспортированию литературы из заграницы в Питер и т. д.). В моей работе мне деятельно помогает жена моя, Ольга Борисовна (девичья фамилия Протопопова), с которой я иду рука об руку, начиная с весны 1897 г. В ноябре 1902 г., сейчас же после образования в Пскове (у меня в квартире) организационного комитета, в состав которого вошел и я, меня снова арестовывают. В течение 8 месяцев делю свое время между предварилкой и Петропавловкой. Летом 1903 г. опять высылаюсь в Енисейскую губ.—до приговора. Не ожидая приговора (как потом оказалось—6 лет в Восточ. Сибирь,—вероятно, в Якутку), эмигрирую в конце 1903 г. в Швейцарию (в Женеву). Там сейчас же привхожу в большевистскую фракцию и делю с ней все перипетии внутрипартийной борьбы в 1904—1905 г. В начале 1905 г. в течение нескольких месяцев уезжаю на конспиративную работу в Екатериносл. комитет, а затем, по вызову Надежды Константиновны, снова пробираюсь через границу и еду в Женеву. В конце 1905 г. возвращаюсь легально в Россию и работаю в 1906 г. в Питере (выступаю на митингах, принимаю участие в газетной работе—в „Волне", и т. д.).

В 1907 г. нахожу себе приют в г. Орше Могил. губ.—в качестве учителя математики в реальном училище. О моем революционном прошлом жандармерия получает сведения слишком поздно, но, осведомившись на этот счет, начинает меня преследовать, правда неумело, по провинциальному, не зная, к чему прицепиться. А все-таки в связи с деятельностью моей по городской библиотеке меня ставят под знак 129-й статьи, затем в 1909 г. арестовывают, но по недостатку улик—скоро выпускают и т. д. Тем не менее, мне и нескольким товарищам, местным большевикам, удается организовать группочку для конспиративной работы. В эту группу входили, кроме меня и жены, два брата Клиндуховы (особенно интересным работником был Николай Лукич Клиндухов,—хороший, преданный большевик), Ф. Ф. Жуковский (тоже в свое время хороший большевик), Г. Н. Куртев (болгарин, фигурировавший в женевской большевистской группе в 1904—1905 г. под кличкой „Максимов", в последние годы он отошел от партии) и некоторые другие. После ареста в 1909 г. мне было уже трудно держаться в Орше, и я в 1910 г. метнулся, в качестве педагога, в с. Щелково Моск. губ. Но вскрытая могилевскими жандармами моя „неблагонадежная" репутация шла уже за мной по пятам, и московский сатрап Джунковский с треском выкинул меня из намеченной мною трудовой колеи.

После этого для меня начинается очень голодный период в жизни моей семьи,—полтора года отчаянной борьбы за существование. Наконец, мне удается в 1912 г. пристроиться, при содействии Г. М. Кржижановского и Э. И. Гуковского, в Статистическое бюро при Моск. гор. управе. В этом положении, не переходя на нелегальное положение, я не смог бы вести систематической революционной работы, а потому ограничивался лишь спорадическим привхождением в те или иные свои, большевистские, кружки (напр. в литературный кружок, куда входили Ольминский, И. И. Скворцов, Обух, Ногин, П. Г. Смидович и т. д., или в те кружки, которые образовывались в наших управских сферах,—напр. в кружок по подготовке к революции в 1916 г., куда входили Сысин, Пискунов, А. А. Додонова и т. д.). Не будучи достаточно актуальным в революционной работе за этот период времени, я тем не менее в идеологическом отношении постоянно сохранял свое большевистское лицо. Так, напр., с первого же дня империалистической войны я совершенно самостоятельно стал на ту точку зрения, какая потом стала официальным выражением взглядов нашей партии на войну, и даже стал готовить в 1915 г. обстоятельную статью с изложением этих своих взглядов. Познакомившись же с тем, что сказал по тому же предмету Ильич, я с удовольствием констатировал приближение моих мыслей к идеям Ильича, но печатное выступление в партийной прессе с выражением своих мнений счел уже излишним. В 1917 г., продолжая еще работу в статистическом бюро, и после Февральской революции

я в своих управских сферах (в городской управе) занял резкую оппозицию к подавляющему большинству остальных служащих—меньшевиков, эс-эров, кадетов (на десяток тысяч служащих нас, большевиков, насчитывалось не более полдюжины) и соответствующим образом выявлял свою большевистскую природу. В мае того же года провел огромную работу по организации выборов в Московскую думу, крайне переутомился и с тяжелым сознанием, что моя работа пошла на пользу эс-эров (они получили большинство мандатов), уехал в Крым подлечиться. Октябрьский переворот застает меня в Орше, где я позволил себе сделать опыт муниципальной работы в так наз. „социалистической" думе, с которой мог ужиться только до тех пор, пока не запахло Октябрем. Здесь, в Орше, на нас, большевиков, в Октябрьские дни выпала благодарная задача задерживать двигавшиеся на красный Питер с зап. фронта эшелоны и обрабатывать их (об этом см. ст. Т. И. Дмитриева: „Октябрь в Орше" в № 10 „Пролет. Рев."). После экстраординарного напряжения сил снова заболел (приключилась какая-то маленькая катастрофа склерозистого характера, после чего я на левое ухо оглох) и в Питер мог попасть только в декабре 1917 г. Здесь оказался среди своих. Начал работу в Наркомпросе. В январе-феврале 1918 г. захотел принять участие в „своей" войне и отправился вместе с группой других добровольцев на ст. „Дно" для выполнения задания по охране военных (интендантских) складов. С марта 1918 г.—в Москве, работаю по организации отдела по реформе школы. Затем, с благословения Ильича, еду в деревню—проделывать „опыт социалистического строительства в деревне". В 1919 г. возвращаюсь в Москву и снова работаю в качестве члена коллегии в Наркомпросе. В 1920 г. работаю в Ташкенте (зам. нар. комисс. по просвещению). Возвращаюсь в Москву и становлюсь работником в Истпарте. Мне, между прочим, принадлежит инициатива основания в 1922 г. МОПР'а. В настоящее время вплотную работаю в МОПР'е (в качестве зам. председателя Исполкома МОПР'а) и пред. ЦК Мопр'а в СССР. От партийной работы старался не отставать.

Леплевский, Григорий Моисеевич (*автобиография*). Родился я 1 мая 1889 г. в г. Брест-Литовске Гродненской губ. Отец мой—рабочий-табачник. Промышленность эта, как и вся прочая мелкая промышленность, в виду особенностей Брест-Литовского крепостного района, была ликвидирована, и отец мой переехал на работу в Варшаву. Семейные обстоятельства вынудили его к возвращению на родину. Здесь, однако, по свой профессии он работы найти не мог, и содержание семьи, очень многочисленной—9 человек детей—целиком легло на весьма энергичную, предприимчивую мать, добывавшую средства к существованию мелкой лавочной торговлей. В империалистическую войну, при высылке в 1915 г. из Брест-Литовска всего населения, семья наша в течение суток была разорена полностью. Из Брест-Литовска семья перебралась на юг, и отец стал работать на табачной фабрике в Ростове н/Д.

До 9 лет я обучался в „хедерах": таков уж был в то время обычай в еврейских семьях во всей Литве. Затем, по настоянию отца, законченного безбожника, при отчаянном сопротивлении со стороны крайне религиозной матери, я поступил в городское 4-х классное училище, из последнего класса которого был исключен за принадлежность к „Бунду" и за речь, произнесенную мною на митинге в декабре мес. 1905 г. в разгаре Московского восстания. После двухлетнего перерыва,—с трудом перебиваясь уроками, писанием сочинений на разные темы для учащихся средне-учебных заведений, службой на строительных работах, большей частью в обстановке полуголодного существования,—я продолжал образование сначала в частном коммерческом училище, а затем в Киевском Коммерческом институте. Последний окончил в 1915 г. по экономическому отделению.

В 1909 г. вследствие разногласий по вопросам организационному и программному (культурно-национальная автономия), я вышел из рядов „Бунда". С первых же дней Февральской революции я вступил в партию большевиков, будучи принят полесской организацией РСДРП (большевиков).

С мая 1917 г. вплоть до от'езда из Гомеля в Самару (1918 г.) состоял членом полесского комитета этой организации. В период между Февральской и Октябрьской революциями вел активную агитационно-пропагандистскую работу в б. Могилевской губ., гл. обр. среди многочисленного гомельского гарнизона. Был членом Исполкома гомельского совета, а после октябрьского переворота вплоть до эвакуации в связи с наступлением немецких войск на западном фронте,—председателем этого совета и революционного комитета. Был делегирован

Исполнительным Комитетом Советов Западной Области на сентябрьское демократическое совещание. От Могилевской губ. был избран по списку большевиков в Учредительное Собрание. Принимал участие во II-м и III-м Всеросс. С'ездах Советов в качестве члена этих с'ездов. С марта 1918 г. и до половины 1920 г. работал в Самаре в качестве заместителя председателя Губисполкома и Городского Совета.

В эпоху „демократической" контр-революции на Волге, при занятии чехословаками Самары, я в нечеловеческих условиях отсидел четыре месяца в подполье. В мае 1920 г. по постановлению Центр. Комит. РКП(б) переехал в Москву. Работал вначале заведующим организ. инструкт. отделом НКВнудела, затем состоял членом коллегии этого наркомата, исполнял обязанности замест. нар. комиссара. Одновременно работал в Малом Совете Народных Комиссаров РСФСР в качестве его члена, а затем и председателя. С образованием Союза ССР был назначен председателем административно-финансовой комиссии СНК Союза ССР.

Литвинов, Максим Максимович *(автобиография)* (партийные клички: „Папаша", „Лувинье", „Феликс", „Ниц"), род. 1876 г. в буржуазной семье. Образование получил в об'еме реального училища; 17-ти лет поступил вольноопределяющимся на военную службу; будучи на военной службе, стал изучать социально-экономические науки, познакомился с марксизмом и историей социализма и немедленно по окончании военной службы занялся пропагандистской деятельностью в рабочих кружках, вначале в 1898 г.—в рабочем поселке Клинцы Черниг. губ. Организации там не было, работал в одиночку. Организовал несколько кружков, где на ряду с распространением общего образования знакомил рабочих и ремесленников с марксизмом и полит. экономией. Вследствие слежки переехал в 1900 г. в Киев, где, проработав короткое время на периферии, был принят в члены киевского комитета РСДРП. В 1901 г. вместе со всем комитетом был арестован и вследствие предательства одного из членов комитета подлежал высылке на 5 лет в Восточн. Сибирь. Сидя в тюрьме, примкнул к организации „Искра". Через полтора года предварительн. заключения, не дождавшись приговора, бежал из тюрьмы в числе 11-ти. Попав после побега в Швейцарию, работал при редакции „Искры" и на конгрессе Лиги заграничных социал-демократов был избран вместе с Крупской-Ульяновой и Л. Дейчем в члены администрации Лиги, считавшейся тогда практическим центром „Искры"; после раскола на втором лондонском с'езде примкнул к большевикам, в рядах которых работал беспрерывно до настоящего времени. В начале 1903 г. вернулся нелегально в Россию, где и работал до революции 1905 года, вначале в качестве агента уполномоченного ЦК для Северо-Западн. края, имея свою штаб-квартиру в Риге и заведуя „границей". Одновременно в 1904 г. состоял также членом Рижского Комитета РСДРП и в качестве делегата этого Комитета участвовал на 3-м партийном с'езде в Лондоне. С оформлением раскола в партии был выбран членом тогдашнего большевистского центра в России, существовавшего под названием „Бюро Комитета Большинства". Участвовал на конференции северных комитетов в Колпине (вместе с Рыковым, Землячкой, Владимирским, Румянцевым и др.). Летом 1905 г., по поручению ЦК, подготовлял на острове Наргене близ Ревеля приемку оружия, заказанного в Англии Гапоном, имевшего прибыть на пароходе „Джон Графтен", впоследствии разбившемся у финских берегов. Осенью 1905 г. был вызван ЦК в Петроград, где вместе с Красиным поставил издание первой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь" (под фамилией Ниц); с наступлением столыпинской реакции вынужден был в 1906 г. бежать за границу, где выполнял ряд ответственных поручений ЦК, между прочим по закупке и отправке на Кавказ парохода с оружием (пароход утонул). В 1907 г. вновь вернулся в Россию и был почти изловлен полицией в книжном складе Бонч-Бруевича в Петрограде. В том же году ездил по поручению ЦК в Поволжье и на Урал для организации областной партийной конференции. Попав под наблюдение полиции, вынужден был в конце года выехать за границу, где и оставался в эмиграции (в Лондоне) почти 10 лет. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международном Конгрессе в Штуттгарте. Состоял секретарем лондонской группы большевиков, участвовал в Бернской конференции заграничных групп в 1912 г. Находясь в эмиграции, состоял делегатом от большевистской секции при Междунар. Социалист. Бюро, принимал участие в 1-й и 2-й Лондонских Конференциях Бюро; на 2-й конференции в начале войны подал заявление протеста против участия социалистов в буржуазных правительствах и поддержки войны и с конференции удалился. Под-

вергался арестам почти во всех европейских странах. После Октябрьской революции был назначен первым полпредом в Англии. Через 10 месяцев был арестован в Англии в качестве заложника за Локкарта, на которого и был обменен. В РСФСР состоял членом Коллегии НКИД, Рабкрина, полпредом, торгпредом и уполномоченным Совнаркома по валютным операциям в Эстонии и затем был назначен замнаркомом НКИД; ездил в Швецию и Данию для переговоров с буржуазными правительствами, заключил ряд соглашений об обмене военнопленных; добился от Англии снятия блокады, заключив первые торговые сделки в Европе, и отправил первые грузы после снятия блокады. Участвовал в делегации РСФСР в Генуе и состоял председателем делегации в Гааге. Председательствовал на московской конференции по разоружению в 1923 г. Подписал торговые договоры с Германией и Норвегией.

Лозовский, А. (псевдоним Дридзо, Соломона Абрамовича) *(автобиография)*. Род. 29 (16) марта 1878 г. в селе Даниловке Александровского у. Екатериносл. губ. Детство провел в Царедаровске и в поселке при жел.-дор. станции «Лозовая», Павлоградского у. той же губернии. С 8 лет начал работать: продавал на базарах и ярмарках спички, табак, лимоны и пр. Отец был бедным еврейским учителем (меламед), мать имела лоток с галантерейным товаром на базаре, где торговала в воскресенье и другие базарные дни. Учился в хедере. 11 лет поступил мальчиком в мясную лавку, где пробыл $1^1/_2$ года, после этого работал несколько месяцев приказчиком в бакалейной торговле. 14 лет поступил в кузницу, где пробыл 3 года в качестве ученика. Затем работал кузнецом в Лозовой Павлоградского уезда, в Павлограде и Мелитополе в течение 3 лет. В 20-летнем возрасте бросил работу и при материальной помощи брата начал учиться—приготовился за 4 класса гимназии и поступил в конце 1899 г. вольноопределяющимся в 236 Лаишевский резервный батальон в Казани. Нелегальную литературу читал уже в 1898 г., ближе познакомился в 1900 г. в Казани. Будучи вольноопределяющимся, хранил иногда с.-д. литературу. Формально к с.-д. организации не принадлежал. Из-за своего воинского звания на собрания не ходил. Будучи на военной службе, сам и при помощи некоторых студентов готовился на аттестат зрелости, экзамены выдержал в мае 1901 г. в Симбирске. В конце 1901 г. переехал в Лозовую, где стал давать уроки и где немедленно приступил к организации с.-д. кружков. Партийную связь держал тогда с Харьковом и Екатеринославом. Организовал также кружки среди железнодорожников станции Панютино. В августе 1903 г. переехал в Петроград. Здесь под именем Матвея Григорьевича начал вести организационную работу на Васильевском острове, а затем за Невской заставой. Для права жительства записался в аптекарские ученики, но никогда им не был. Был арестован в Петербурге 30 октября 1903 г. и просидел в «предварилке» до 31 октября 1904 г. Обвинения определенного не пред'являли, хотя жандармы показывали некоторые фотографические карточки и подозревали, что занимался организационно-пропагандистской работой. После освобождения из тюрьмы был выслан в Казань, где немедленно вступил в большевистскую организацию и вел организационно-пропагандистскую работу. Начиная с мая 1905 г., был не формально членом Казанского комитета РСДРП большевиков. За речь, произнесенную во время выхода с работ рабочих Алафузовского завода в Казани (июнь 1905 г.), был арестован, в тот же вечер рабочие освободили, угрожая разгромить фабрику. Летом 1905 г. участвовал в Самаре на Волжской конференции с.-д. большевиков. После поездки по России опять вернулся в Казань (июль) и там работал среди рабочих и солдат. В Казани был известен под кличкой—рабочий Алексей. В октябрьские дни 1905 г. во главе демонстрантов разоружал полицейские участки в Казани и потом раздавал около университета отобранное оружие. С.-д. большевики $2^1/_2$ дня стояли у власти. Затем пехота, юнкера и артиллерия окружили городскую думу, и все находившиеся в городской думе были 21 октября 1905 г. арестованы. Просидел в тюрьме 3 недели, выпустили и взяли подписку о невыезде. В конце ноября 1905 г. был выбран казанской организацией на с.-д. большевистскую конференцию, которая состоялась в первых числах декабря в Таммерфорсе (Финляндия). После конференции работал в Петербурге в организации с.-д. большевиков на Васильевском острове и в Гавани. В январе 1906 г. был арестован на квартире у рабочего Балтийского судостроительного завода Шитикова (попал в засаду). Был посажен в тюрьму при Вас.-островск. полицейской части, где сидел под именем Карла Карловича Витке. После 3-х дней бежал. Был послан Центральным комитетом партии в Харьков, где жил под именем Ивана Александровича Кузнецова и вел работу

организ.-пропагандистскую на заводах. В марте 1906 г. был арестован, в начале июня был, как Кузнецов, освобожден под залог, но затем в конце июня, по доносу из Казани, был вновь арестован и просидел в Харьковской губернской и Холмогорской тюрьмах до мая 1908 г. Был осужден харьковской судебной палатой к ссылке на поселение за принадлежность к боевой организации Харьковского комитета РСДРП (большевиков). В мае был отправлен в ссылку на поселение. Пробыл около 3-х месяцев в Александровской Центральной пересыльной тюрьме (Иркутской губ.), а затем был отправлен в Преображенскую вол. Киренского уезда Иркутской губ. Дошел я только до Чечуйска, а оттуда в августе бежал за границу. В Женеву приехал в конце октября 1908 г., а в начале января 1909 г. переехал в Париж, где состоял в группе РСДРП (большевиков). Давал иногда статьи в «Пролетарий» и «Социал-демократ». В Париже был секретарем Бюро Труда для русских эмигрантов и некоторое время администратором школы электро-монтеров для взрослых. Два года состоял генеральным секретарем профсоюза шапочников Франции. 10 месяцев руководил кооперативом булочников и был несколько месяцев директором автомобильного гаража. Будучи в Париже, прошел школу шоферов, работал на заводе кузнецом и токарем по металлу. Все время состоял членом французской социалистической партии. С 1912 г. был одним из руководителей группы с.-д. большевиков-партийцев. После об'явления войны между Францией и Германией (1914 г.) работал в течение 6 недель чернорабочим на виноградниках около Монпелье, затем вернулся в Париж и там стал соредактором «Голоса». После закрытия «Голоса» начало выходить «Наше Слово», которое в свою очередь было закрыто в сентябре 1916 г. После этого под той же редакцией выходило «Начало» и после закрытия «Начала»— «Новая Эпоха». С 1914 г. принял активное участие в организации интернационалистических групп во французских профессиональных союзах и в партии. Был членом «Комитета по восстановлению международных связей». Писал, хотя и редко, в «Современнике», «Летописи» и горьковской «Новой Жизни». Вел активную агитацию в социалистических секциях и професс. союзах. В Россию приехал в июне 1917 г. (французское правительство около двух месяцев не хотело выпускать интернационалистов), на III Всероссийской конференции профессиональных союзов (20—28 июля) был выбран секретарем Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Секретарем ВЦСПС был до I-го Всероссийского С'езда Професс. союзов (3—9 января 1918 г.). Накануне с'езда был исключен из Российской Коммунистической партии за оппозицию. В феврале 1918 г. стал ответственным секретарем Всеросс. професс. союза текстильщиков, а в июле того же года стал ответственным секретарем Всеросс. Совета професс. союзов железнодорожников (Всепрофжель). Был некоторое время председателем Московск. Губ. Совета Проф. Союзов. С марта 1918 г. по декабрь 1919 г. был председателем Центрального Комитета РСДРП интернационалистов и редактором центрального органа этой партии «Пролетарий». В декабре 1919 г. партия с.-д. интернационалистов слилась с РКП. С 1907 г. — член Президиума Всеросс. Центр. Совета Професс. Союзов и был некоторое время редактором его центрального органа. В августе 1920 г. поехал представителем ВЦСПС за границу. Поездка кончилась арестом и высылкой из Германии. Был в 1920 г. одним из инициаторов создания Профинтерна. С мая 1921 г. генеральный секретарь Красного Интернационала Профсоюзов. Редактор журнала «Красный Интернационал Профсоюзов», редактор многотомной энциклопедии по международному профдвижению. Докладчик по вопросам международного профдвижения на всемирных конгресах Коминтерна и Профинтерна. Сотрудник советских газет и журналов по вопросам международного рабочего движения и международной политики. Член президиума Коммунистической Академии СССР, профессор I-го МГУ, лектор советских и партийных школ. Член ВЦИК СССР.

Автор ряда брошюр и работ по международному и российскому профессиональному движению:

1. „Уголь и железо". К борьбе за Эльзас-Лотарингию. „Книга", 1918 г.; 2. „Рабочий Контроль" (Петрогр. Сов. Союзов, 1918 г.); 3. „Профсоюзы в Советской России" (ВЦСПС, 1920 г.); 4. „Программа действия" (Профинтерн, 1921 г.); 5. „Французский народный учитель" („Работник Просвещ.", 1922 г.); 6. „Рабочая Франция" („Красная Новь", 1922 г.); 7. „Анархо-синдикализм и коммунизм" (ВЦСПС, 1924 г.); 8. „Москва или Амстердам" (ВЦСПС, 1924 г.): 9) „Великий стратег классовой войны" (ВЦСПС, 1924 г.); 10. „Тред-юнионизм и нейтрализм" (Тверской ГСПС, 1920 г.); 11. „Верен ли путь" (ВЦСПС, 1922 г.); 12. „Мировое профдвижение до и после войны" („Вопр. Труда", 1925 г.); 13. „Первый Междунар. конгресс революц. профсоюзов" (Профинтерн, 1921 г.); 14. „Они и мы в борьбе против войны" („Красная Новь", 1923 г.); 15. „Ближайшие задачи Красного Интернац. Профсоюзов" („Кр. Новь", 1922 г.); 16. „Мировое наступление капитала и единый пролетарский фронт" (Профинтерн, 1922 г.); 17. „Основные моменты в развитии международного профдвижения" (ВЦСПС, 1924 г.); 18. „Что должен знать и помнить инструктор по профессснон. движению" (ВЦСПС, 1921; 19. „Организ. вопросы" (Профинтерн, 1921 г.)

20. „Мировой кризис, задачи и тактика Профсоюзов“, 1921 г. (вместе с проф. Варга); 21. „Задачи революц. професс. движения“ (ВЦСПС, 1924 г.); 22. „Наша тактика в профдвижении“ (Профинтерн, 1924); 23. „За единство“ (Профинтерн, 1925); 24. „Ленин и професс. движение“ (1925, Л.) и т. д.

Важнейшие работы переведены на французский, немецкий и английский языки. Отдельные работы переведены на испанский, итальянский, чешский, сербский, болгарский, турецкий, японский, китайский, малайский, греческий, румынский, шведский, норвежский, финский языки и т. д.

Ломов-Оппоков, Георгий Ипполитович (*автобиография*). Род. я в январе 1888 г. в г. Саратове, выходец из буржуазной интеллигентской среды. В 13 лет примкнул к революционному движению, работая в социал-демократических кружках. С 1903 г. начал работу в технике организации Р С Д П в Саратове (работая на мимеографе и гектографе). После раскола Р С Д П немедленно примкнул к большевистскому крылу партии. 1904 г. — средняя техника и кружки. В 1905 г. помимо работы в боевых дружинах и пропагандистом, начал вести организационную работу среди судоходных волжских рабочих в „Волжской судоходной организации“. Вскоре Волжская судоходная организация была признана отдельным районом Саратовской организации, представительство которого в Саратовском комитете было возложено на меня. В 1905 г.—первые корреспонденции в „Новой Жизни“ о движении среди учащихся (в Саратове). В 1904 г. и 1905 г. на меня большое влияние оказывает И. П. Гольденберг-Мешковский, который в кратковременные с ним встречи в 1906 и 1908 г г. еще больше закрепляет это влияние на меня. В 1906 г. я работал в Петербургской организации в железнодорожном районе организатором Николаевской жел. дор. Все это время попутно учился. С 1906 по 1910 г. — в Петербургском университете на юридическом факультете, на государственно-экономическом отделении. Только в 1913 г. разрешили держать госуд. экзамен экстерном.

В 1906 г. помещаю статьи в „Сарат. Волне“, редактирую и сотрудничаю в газете „Школа и Жизнь“. Работаю в нелегальной типографии. В 1907 г. был выставлен от большевиков в гор. Саратове на Лондонский С'езд, но провалился. В 1907 г. работал членом Иваново-Вознес. комитета. Был выбран Моск. областной конференцией на обще-русскую конференцию за границей в Финляндии. В конце 1907 г. работал в Московском окружном комитете и в редакции „Борьбы“ (орган Моск. комитета). 1907 г.—летом, обычно писал $^3/_4$ всех листовок для Иваново-Вознес. комитета.

В 1908 г. работал членом Московского комитета и ответственным организатором Лефортовского района. В 1909 г. работаю членом Петербургск. комитета партии, членом исполнит. комиссии Петерб. комитета партии. Был избран секретарем Петерб. комитета. В силу преследований и арестов перебираюсь в Москву и работаю в Московском комитете партии до своего ареста в 1910 г. В этот период своей работы я примыкал к „впередовскому“ крылу партии. 1911—1913 гг.—Архангельская ссылка и работа среди рабочих лесопильных заводов и ссыльных. Листки. Кружки. Во время ссылки я начал с большим увлечением заниматься полярными исследованиями. В 1911 г. я принимаю участие в экспедиции в Крестовскую Губу Новой Земли. В 1912 г.—в качестве заместителя начальника экспедиции в Канинской экспедиции (гл. обр. в Чешскую Губу Северного Ледовитого океана). В это время я из'ездил Сев. Ледовитый океан и все тундры (на оленях, собаках, лошадях и т. д.). До сих пор в результате этой работы на севере у меня сохранилась большая любовь к приполярным областям и океану. В 1913 г. вместе с Рыковым восстанавливаем организацию Лефортовского района в Москве. Сотрудничество в „Правде“.

В 1914 г. (в начале) работаю в Лефортовском и Замоскворецком районах и принимаю участие в организации союза металлистов в Москве, избираюсь юрисконсультом профсоюза металлистов в Москве и в ряде других союзов. Перед войной (весна 1914 г.) арестован. Сижу в Таганской тюрьме. Выслан из 59 городов и пунктов России. Попадаю в Саратов. Восстанавливаю первые группы большевиков в Саратове. Веду систематически противовоенную кампанию под большевистскими лозунгами.

В 1915 г.—работа среди рабочих Саратова и в о-ве „Маяк“. Редактирование и издание первой легальной противовоенной большевистской газеты „Наша газета“. Выпускаю вместе с Антоновым, Ногиным и Ольминским 9 номеров этой газеты. В каждом номере помещаю свои статьи. Фактически был руководителем нашего большевистского центра в Саратове. 1916—1917 г.—ссылка в Восточную Сибирь. На Лене. Веду работу среди ссылки вместе с Станиславом Коссиором и Иннокентием Стуковым. В течение 1916 г. и в начале 1917 г. занимаю ленинскую позицию в основных вопросах войны, перспектив революции в России и мировых. Читаю массу докладов.

В 1917 г. работаю, главным образом, в Москве. По постановлению ЦК послан в Московскую область для созыва конференции и подготовки общерусской конференции. Об'ехал Москву, Иваново-Вознесенск, Тулу, Н.-Новгород и др. места. Участник конференции в апреле. Член Бюро ЦК Моск. Области, член МК, представитель партии в Президиуме Моск. Совета (товарищ председателя). Являюсь агитатором, пропагандистом, организатором. Пишу все время в „Социал-Демократе" и в Петерб. органе партии. Моему перу принадлежит ряд статей по вопросам экономики в журнале „Просвещение" и в Московском журнале нашей партии. В июле на с'езде партии избираюсь в члены ЦК РКП, продолжая работать в Москве. В это время Бухарин, я и Яковлева (канд. в члены ЦК Партии) из нашей делегации Московской Области ведем линию на восстание. Принимаю участие во всех решающих заседаниях нашего ЦК перед Октябрем.

В дни Октябрьского переворота был в Питере вместе с ЦК Партии. Участник с'езда Советов. Избран в 1-й состав СНК как народный комиссар юстиции. Был срочно ЦК партии направлен в Москву для участия в борьбе за власть. Член Ревкома Москвы. Товарищ председателя Моссовета, зам. Покровского. Веду в это время руководящую работу в Москве. Под моим руководством проходит национализация банков, промышленности и реорганизация всего аппарата власти в Москве и области.

С января 1918 г. я снова переезжаю в Питер, где избираюсь в состав Президиума ВСНХ, а затем зам. пред. ВСНХ. Все время член ВЦИК'а до настоящего времени. В должности зампреда ВСНХ до 1921 г. Все время до 1921 г. ведаю топливоснабжением республики.

В 1921 г. работаю в Новониколаевске — член Сиббюро ЦК РКП и пред. Сибпромбюро ВСНХ и член Сибревкома до осени 1921 г. С осени 1921 г. до осени 1923 г. работаю в Екатеринбурге, состою членом Уралбюро ЦК РКП и пред. Урал. Эконом. Совета. Все это время с решающим или с совещательным голосом участвую на всех с'ездах партии, как член ВЦИК'а и делегат от Урала, Москвы и др. районов. Являюсь участником С'ездов Советов. Все это время пишу в основанной по моей, Крумина, Савельева и Фабрикевича инициативе газете „Экономическая Жизнь", в газетах Сибирских и Уральских, в „Правде", в „Известиях ВЦИК'а", в журнале „Народное Хозяйство". Пишу брошюры по хозяйственным вопросам.

В 1923 г. назначен пред. Нефтесиндиката, в каковой должности нахожусь и сейчас. Состою членом Президиума ВСНХ СССР, членом МК РКП, Моссовета, членом Районного Комитета РКП Баумановского района, начальником Управления Печати ВСНХ СССР. В это время пишу много по вопросам обще-экономическим и в частности по экономике нефти (особенно экспорта нефти). Во время работы в ВСНХ неоднократно командируюсь в Иваново-Вознесенск, Ярославль, Харьков, Одессу, Саратов и др. города по поручению ЦК РКП. Выступаю, как лектор и агитатор по поручению ЦК ВКП по всей России.

Лоренц, Иван Леопольдович (*авторизованная биография*), родился 20 сентября 1890 г. в семье бухгалтера одной из фабрик г. Лодзи. Там же кончил гимназию, а затем юридический факультет Петербургск. университета. В 1913 г. после окончания университета поступил в сословие присяжных поверенных в Петербурге. В 1915 г. призван на военную службу по мобилизации. Поступил в Михайловское артиллер. училище, ускоренный курс (военного времени) которого и кончил. С 1915—1917 г. был на фронте, в начале революции — в чине поручика артиллерии. Война произвела переворот в его взглядах, и он становится в ряды революционеров, — работает в солдатских кружках на фронте. Во время Февральской революции работает в солдатских комитетах. В начале Октябрьской революции избирается по выборному началу командиром дивизиона и работает в армейском комитете 5-й армии. Участвует в работах Брестской мирной конференции в качестве переводчика. В 1918 г состоит секретарем Полпредства РСФСР в Берлине. В 1919 г. участвует в работе секретариата 1-го конгресса Коминтерна. В апреле 1919 г. отправляется на западный фронт, где участвует в боевых действиях в качестве красного командира, комиссара батареи, а затем — комиссара артиллерии 16-й армии. В 1920 г. отзывается с фронта для дальнейшей работы в Н.К.И.Д. Участвует в качестве старшего секретаря в мирных переговорах с Латвией, Литвой, Польшей. Состоит секретарем полпредства в Риге (1920 г.), секретарем, а затем советником полпредства (1921—1923) в Варшаве. Им подписан ряд соглашений, в том числе санитарная конвенция с Польшей. На международной санитарной конференции в Варшаве, имевшей место до Генуэзской конференции, состоял председателем советской делегации. С 1923 г. состоит

полпредом СССР в Литве и в1924 г.— членом делегации на Конференции с Румынией в Вене. В 1925 г. назначен полпредом СССР в Финляндию.

Луначарский, Анатолий Васильевич (*автобиография*), род. в 1875 г. в Полтаве в семье чиновника. В виду радикальных настроений, господствовавших в семье, очень рано, в детском возрасте, освободился от религиозных предрассудков и проникся симпатиями к революционному движению. Образование получил в 1-й Киевской гимназии. С 15 лет под влиянием нескольких польских товарищей стал усердно изучать марксизм и считал себя марксистом. Был одним из участников и руководителей обширной организации учеников, охватившей все средние учебные заведения Киева. С 17-ти лет начал вести пропагандистскую работу среди рабочих железнодорожных мастерских и ремесленников. По окончании гимназии уклонился от поступления в русский университет и поехал за границу для более свободного изучения философии и общественных наук. Поступил в Цюрихский университет, где в течение двух лет работал по естествознанию и философии, гл. обр. в кругу творца эмпирио-критической системы Рихарда Авенариуса, в то же время продолжая более глубокое изучение марксизма под руководством Аксельрода, отчасти и Г. В. Плеханова.

Тяжелая болезнь старшего брата, Платона Васильевича, заставила Л. прервать эту работу. Ему пришлось прожить некоторое время в Ницце, затем в Реймсе и, наконец, в Париже. К этому времени относится близкое знакомство его с проф. М. М. Ковалевским, библиотекой и указаниями которого Л. пользовался, и с которым у него установились очень хорошие отношения, сопровождавшиеся, однако, постоянными спорами. Несмотря на тяжелую болезнь брата, Л. удалось распропагандировать его и его жену Софью Николаевну, ныне Смидович, так что они сделались социал-демократами и позднее оба сыграли довольно видную роль в рабочем движении.

В 1899 г. вместе с ними Л. возвращается в Россию в Москву. Здесь вместе с А. И. Елизаровой, сестрой Владимира Ильича Ленина, Владимирским и некот. др. он возобновляет работу Московского комитета, ведет пропаганду в рабочих кружках, пишет листовки, руководит стачками на ряду с другими членами Моск. комит. В результате провокации А. Е. Серебряковой, состоявшей в периферийной организации при Моск. комит., большинство членов организации арестуется, также и Л. Однако, через короткий промежуток времени, в виду отсутствия серьезных улик, Л. отпускается на поруки к отцу в Полтавскую губ., а затем получает разрешение переехать в Киев. Здесь в Киеве Л. вновь начинает работу, но несчастный случай, арест его вместе со всеми присутствующими на благотворительном реферате в пользу студентов об Ибсене, прекращает его работу. Следуют два месяца заключения в Лукьяновской тюрьме, где, между прочим, Л. подружился с М. С. Урицким. Едва выпущенный из этой тюрьмы Л. вновь арестован по московскому делу и препровождается в Москву, где остается в Таганской тюрьме в течении 8-ми месяцев. Это заключение используется им для усиленной работы по философии и истории, в особенности по истории религии, которой он занимался в течении двух лет и в Париже при музее Гимэ. Усиленные занятия и одиночка сильно расстраивают здоровье Л. Но, наконец, его освобождают с перспективой дальнейшего административного приговора и со временной ссылкой в Калугу. В Калуге создается тесный марксистский кружок, в который, кроме Л., входят А. А. Богданов, И. И. Скворцов (Степанов), В. П. Авилов, В. А. Базаров. Здесь кипела интенсивная умственная работа, издавались переводы капитальных немецких сочинений при помощи марксистски настроенного молодого фабриканта Д. Д. Гончарова. Вскоре после от'езда А. А. Богданова, Л. и Скворцов переходят к активной агитации в железнодорожном депо, среди учительства и т. д. В это время дружба Л. с семьей Гончаровых растет. Он переселяется на их фабрику „Полотняный Завод“, ведет там работу среди рабочих и приступает к первым литературным трудам, напечат. в газ. «Курьер». Позднее рабочие полотняного завода переименовали эту фабрику в «Писчебумажную фабрику имени Л.»

Наконец, Л. получает приговор на трехлетнюю ссылку в Вологодскую губ. Ему удается остаться в г. Вологде, который к тому времени являл собою очень крупный эмигрантский центр. Здесь уже жил А. А. Богданов, с которым Л. и поселился. Здесь кипели споры с идеалистами, во главе которых стоял Бердяев. В них деятельное участие принимали такие люди, как Савинков, Щеголев, Жданов, А. Ремизов и многие другие. Вологодское пребывание отмечается для Л., гл. обр., борьбою с идеализмом. Здесь к прежней калужской компании, не порвавшей своей связи, присоединяется покойный С. Суворов, и вместе они издают

против книги «Проблемы идеализма», «Очерки рационалистического мировоззрения». Эта книга выдержала два издания. Л. пишет много статей по вопросам психологии и философии в «Образовании», в «Правде», главная цель которых та же борьба против идеализма. Однако, одновременно вся группа отходит от того трактования марксистского материализма, которое давал Плеханов. Т. обр., далеко не все социал-демократы разделяли взгляды группы, приобретшие все же значительный вес в тогдашнем русском идейном мире.

Ссора с губернатором Ладыженским, сопровождавшаяся множеством курьезных инцидентов, забрасывает Л. в маленький городок Тотьму, где он является единственным ссыльным в то время. Попытки местной интеллигенции связаться с Л. пресекаются грозным окриком местного исправника, и Л. вместе со своей женой, сестрой А. А. Богданова, А. А. Малиновской, живет почти в полной изоляции. Здесь написаны им все те работы, которые позднее вышли в сборнике «Этюды критические и полемические». Здесь же написана им популяризация философии Авенариуса. Все время Л. самым энергичным образом продолжает свое образование, окружив себя книгами.

По окончании ссылки в 1903 г. Л. возвращается в Киев и начинает работу в тогдашней полумарксистской легальной газ. «Киевские отклики». Между тем в партии произошел раскол, и примиренческий ЦК, во главе которого стояли Красин, Карпов и др., обращается к Л. с просьбой поддержать его политику. Однако, вскоре под влиянием Богданова Л. покидает примирительную позицию и целиком присоединяется к большевикам.

Письмом из Женевы В. И. Ленин пригласил Л. немедленно выехать в Швейцарию и принять участие в редактировании центр. органа большевиков. Первые годы заграничной работы прошли в бесчисленных спорах с меньшевиками. Л. работал не столько в журн. «Вперед» и «Пролетарий», сколько широкими об'ездами всех колоний в Европе и докладами о сущности раскола. Вместе с политическими докладами он выступал также на темы философские.

В конце 1904 г. болезнь заставила Л. переехать во Флоренцию. Там застала его и весть о революции и приказ ЦК немедленно выехать в Москву, чему Л. повиновался с величайшим удовольствием. По приезде в Москву Л. вошел в ред. «Новой Жизни», а затем последовательно заменявших ее легальных газет, и вел усиленную устную пропаганду среди рабочих, студенчества и т. д. Еще до этого на 3-ем С'езде партии Владимир Ильич поручил Л. доклад о вооруженном восстании. Л. принял участие в Стокгольмском об'единительном с'езде. 1-го января 1906 г. Л. был арестован на рабочем собрании, но через месяц отпущен из Крестов. Однако, немного позднее ему были пред'явлены серьезнейшие обвинения, грозившие весьма тяжкими последствиями. Согласно совету партийной организации Л. решил эмигрировать, что и сделал в марте 1906 г. через Финляндию.

В годы эмиграции Л. присоединился к группе Богданова и вместе с ним организовал группу «Вперед», участвовал в редактировании ее журнала и был одним из деятельнейших руководителей впередовских рабочих школ на Капри и в Болонье. В то же время им выпущен был двухтомный труд «Религия и социализм», вызвавший довольно сильное осуждение со стороны большинства партийных критиков, усматривавших в нем уклон в сторону какой-то утонченной религии. Терминологическая путаница в этой книге давала достаточно оснований для таких обвинений. Ко времени пребывания Л. в Италии относится его сближение с Горьким, которое отразилось, между прочим, в повести Горького «Исповедь», тоже довольно строго осужденной В. Г. Плехановым.

В 1911 г. Л. переезжает в Париж. Здесь группа «Вперед» приобретает несколько другой уклон, благодаря уходу из нее Богданова. Она пытается создать об'единенную партию, хотя усилия ее в этом отношении были тщетными. В то время к ней принадлежали М. Н. Покровский, Ф. Калинин, Мануильский, Алексинский и др.

Л., входивший в большев. делегацию на Штутгардском международном с'езде, представлял там большевиков в секции, выработавшей известную резолюцию о революционном значении профессион. союзов. Здесь происходили довольно резкие столкновения по этому вопросу между Л. и Г. В. Плехановым. Приблизительно то же было и на Копенгагенском с'езде. Л. был делегирован туда группой русских впередовцев, но и здесь сговорился по всем важнейшим пунктам с большевиками и по настоянию Ленина представлял большевиков в комиссии по кооперативам. И опять-таки оказался в резкой оппозиции с Плехановым, представлявшим там меньшевиков.

Как только разразилась война, Л. присоединился к интернационалистам и вместе с Троцким, Мануильским и Антоновым-Овсеенко редактировал в самом

Париже анти-милитаристич. журнал «Наше Слово» и др. Чувствуя невозможность наблюдать об'ективно события великой войны из Парижа, Л. переехал в Швейцарию и поселился в Сен-Льеже близ Вевэ. К этому времени относится довольно близкое знакомство его с Ромэн Ролланом и дружба с Августом Форелем, а также сближение с великим швейцарским поэтом К. Шпиттелером, часть произведений которого Л. перевел на русский язык (еще не опубликованы). После Февральской революции Л. немедленно отправился к Ленину и Зиновьеву и заявил им, что бесповоротно становится на их точку зрения и предлагает работать по указаниям ЦК большевиков. Предложение это было принято.

В Россию Л. вернулся несколькими днями позже Ленина в том же порядке, т. е. через Германию. Немедленно по приезде началась самая кипучая работа по подготовке революции. Никаких разногласий между Л. и большевиками не было, но согласно постановления ЦК последних решено было, что Л., так же как Троцкий, останутся в организации межрайонцев, чтобы позднее влиться в большевистскую организацию с возможно большим количеством сторонников. Маневр этот был успешно проделан. ЦК направил Л. на муниципальную работу. Он был выбран в городскую думу и был руководителем большевистской и межрайонной фракции в думе. В июльские дни Л. принял деятельное участие в происходивших событиях, был обвинен вместе с Лениным и другими в государств. измене и немецком шпионстве и посажен в тюрьму. И до тюрьмы и в тюрьме неоднократно создавалось крайне опасное для его жизни положение. По выходе из тюрьмы, при новых думских выборах фракция большевиков чрезвычайно выросла, и Л. был выбран товар. городск. головы с препоручением ему всей культурной стороны городского дела. Одновременно и неуклонно велась Л. самая горячая агитация, гл. обр. в цирке Модерн, но также и на многочисленных заводах и фабриках.

Тотчас же после Октябрьского переворота ЦК партии большевиков составляет первый совет народных комиссаров и включает в него Л., как народного комиссара по просвещению. При переезде всего правительства в Москву Л. предпочел остаться в Петрограде, чтобы работать вместе с оставленными там на опасном посту товарищами Зиновьевым, Урицким и др. В Петрограде Л. оставался больше года, при чем Наркомпросом по заместительству ведал М. Н. Покровский из Москвы. В эпоху гражданской войны Л. беспрестанно приходилось отрываться от своего наркомата, так как он об'езжал почти все фронты гражданской и польской войны в качестве полномочного Реввоенсовета и вел деятельную агитацию в войсках и среди жителей прифронтовой полосы. Он был назначен также представителем Реввоенсовета в Тульском укрепленном лагере в самые опасные дни деникинщины.

Работая, как партийный агитатор, член Совнаркома и Народный Комиссар по Просвещению, Л. продолжал свою литературную работу, в особенности, как драматург. Им написан целый ряд пьес, часть которых поставлена была на сцене, шла и идет в столицах и во многих провинц. городах.

Лутовинов, Юрий Хрисанфович, род. в 1887 г. в г. Луганске, рабочий-металлист, с ранних лет работал на заводе, в 1904 г. вступил в с-д. партию. С этого времени начинается его революционная деятельность, он работает в Луганске, Александровске, Петербурге и др. городах, состоя членом местных партийных (большевистских) комитетов. Л. был активным работником в области профдвижения, в 1912 г. принимал деятельное участие в петербургской конференции металлистов. За время своей революционной работы неоднократно подвергался арестам, был в ссылке в Архангельской губ. и Якутской обл., оба раза бежал. В 1916 г. был командирован в Донецк. бассейн для проведения партийных конференций, здесь его застала Февральская революция. В годы гражданской войны Л. сражался в войсках против ген. Краснова, а затем в период гетманщины на Украине работал там, входя в состав ЦК КП (б) Украины. После того отдался работе в профсоюзах, входил в ЦК союза металлистов, а в последние годы жизни был председ. союза связи, состоял членом президиума ВЦСПС, кандидатом в члены президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Одно время был заместителем зам. торгпреда в Берлине. На IX парт. с'езде Л. отстаивал идею коллегиального управления в промышленности и в 1920—21 г. находился в рядах „рабочей оппозиции“. Л. не мог примириться с медленным развитием социалист. строительства и покончил самоубийством в мае 1924 г. См. *„Кат. и с.“ № 4, 1924 г.* и др.

Лядов (Мандельштам), Мартын Николаевич (*автобиография*), род. в Москве в 1872 г., в семье купца. Отец разорился в то время, когда мне было лет 8—9. Последние годы своей жизни он служил

приказчиком. В 1881 г. поступил во II Московскую гимназию, учился хорошо до 3-го класса. Не выносил казарменной дисциплины. Из 3-го кл. был исключен с тройкой по поведению, за то что обругал инспектора. Поступить с „волчьим" паспортом в другую гимназию не мог. Родители послали меня в Митаву, там жил довольно состоятельный дядя. В Митаве я поступил в реальное немецкое училище, которое кончил в 1889 г. Не сдал выпускного экзамена в виде протеста против насильственного обрусения немецких школ. С 14-ти лет, несмотря на жизнь у дяди, оплачивал свое содержание, зарабатывая уроками и случайной работой. И мать и отец умерли в 1885—1886 г. В 1890 г., благодаря встрече со старшим братом Григорием, впервые серьезно задумался над революционной работой. Брат Григорий вернулся тогда нелегально из-за границы и некоторое время прожил у меня в Митаве. Из Парижа он вернулся марксистом и находился под впечатлением только что состоявшегося в Париже международного социалистического конгресса. В том же 1890 г. я поступил вольноопределяющимся в 114-й Новоторжский полк. Здесь я впервые близко сошелся с забитой солдатской массой, которая меня сильно перевоспитала. В полку на ряду со строевой работой я вел ротную школу. В августе 1891 г. я был уволен в запас младшим унтер-офицером и вернулся в Москву. Хотел поступить в Императорское Техническое училище. Стал готовиться к экзамену, поселился со студентом-техником и через него попал в студенческие кружки. Студенческая жизнь не заинтересовала меня. Бесконечные беспочвенные споры разочарованных народников и народовольцев отпугнули меня. Благодаря технику Круковскому и брату Григорию заинтересовался марксизмом, стал очень много читать и поступил на химический завод за Даниловской заставой. Здесь организовал первый кружок рабочих и провел первую стачку. Из завода был выгнан. Окончательно стал социал-демократом весной 1892 г. после ареста брата Григория, благодаря, главным образом, Александру и Пелагее Винокуровым. Под их руководством стал переводить Бебеля „Женщина и социализм" и ряд брошюр из немецкой социал-демократической библиотеки. Через них же вошел в марксистский кружок Аркадия Ив. Рязанова. Вместе с Винокуровым мы начали искать и находить связи с рабочими. Помогла мне в этом моя работа на фабрике искусственной шерсти. В ноябре 1892 г. я был впервые арестован по делу Круковского, Ванновского, Егубова и др. Попутно мне пред'явили обвинение в пропаганде на химическом заводе. После краткого тюремного заключения меня выпустили под надзор полиции. С тех пор я целиком уже отдался социал-демократической работе. В 1893 г. принял участие в организации Московского Рабочего Союза, который окончательно окреп в 1895 г. В 1894 г. помогал организовывать нелегальную типографию в Москве. В 1895 г. организовал празднование „1-го мая" под Москвой в Вишняках. В июле 1895 г. был арестован, просидел до 1897 г. и был выслан в Якутскую область на пять лет. В ссылке в Верхоянске пробыл до февраля 1902 г. После этого получил еще дополнительно два года надзора, которые должен был отбывать в Саратове. В Саратове работал в статистическом бюро губернского земства и одновременно входил в состав саратовского комитета РСДРП. Ездил два раза нелегально в Москву и Ленинград. Принял участие в организации майской демонстрации в 1902 г. В феврале 1903 г., перед арестом, бежал из Саратова за границу. Вошел в берлинский кружок искровцев, выступал с докладами и помогал в работе по транспорту нелегальной литературы. Получил мандат из саратовского комитета на II с'езд партии. В Женеве сблизился с Владимиром Ильичом, сразу встав на его сторону в спорах с остальными членами редакции „Искры". При расколе на II с'езде без колебаний стал на сторону большевиков. После с'езда одно время был представителем ЦК в Берлине. В 1904 г., в связи с протестом против Бюлова и с разоблачением агентов департамента полиции (Гартинга), должен был перед арестом бежать из Берлина. Принял участие в большевистской конференции 22 в Женеве, был избран членом Бюро Комитетов Большинства. В качестве такового поехал нелегально в Россию для об'езда российских организаций. Участвовал 9-го января 1905 г. в Ленинграде. После подготовлял созыв III-го с'езда. Участвовал на III-м с'езде. После с'езда снова об'езжал с докладами о с'езде заграничные и российские организации. В августе 1905 г. был арестован в Баку, бежал из тюрьмы. Попал в Москву во время разгара всеобщей забастовки 13-го октября. Вошел в московский комитет. В ноябре по поручению Ленина об'езжал заграничных лидеров социал-демократических партий с уведомлением о русской революции.

В декабрьские дни входил в состав исполнительного комитета МК по руководству вооруженным восстанием. В январе 1906 г., как агент ЦК, об'езжал Урал и Сибирь, проводя выборы на об'единительный с'езд. Пришлось принять участие и в Сибирском восстании. На об'единительном Стокгольмском с'езде участвовал по мандату московской организации. После с'езда работал в петербургском комитете. Несколько раз убегал во время ареста. При начале Свеаборгского восстания послан был ЦК руководить им, приехал к моменту ликвидации его. Некоторое время работал в Финляндской военной организации. Участвовал на Таммерфорсской военно-боевой и на Гельсингфорсской обще-партийной конференции. Проводил избирательную кампанию во 2-ю Думу и на Лондонский с'езд в Уральской областной организации, откуда и получил мандат на Лондонский с'езд. После этого работал в Питере, Москве и Финляндии. Несколько раз арестовывался, судился в Териоках и Выборге. Участвовал на конференциях в Котке и Гельсингфорсе (на Гельсингфорсской конференции стоял на точке зрения бойкотистов 3-ей Думы). В 1908—1909 г. работал в областной организации Центрально-Промышленного района. Представлял этот район на Парижской конференции в январе 1909 г. Весной 1909 г. принял участие в организации партийной школы на Капри. Вел там занятия и вошел в группу „впередовцев". Вместе с группой „впередовцев" участвовал в организации и руководстве школой в Болоньи. В 1911 г. вернулся в Россию, легализировался и поступил на работу в Баку, сначала в Совет С'езда Нефтепромышленников, затем в контору бр. Нобель. Был секретарем редакции „Нефтяное Дело". С группой „Вперед" порвал связь при от'езде из-за границы, отказался от организационно-партийной работы и всецело посвятил себя пропагандистской работе среди бакинских промысловых рабочих. Широко использовал фирму Бакинского Народного университета для систематической пропаганды. Одновременно помогал проведению стачек 1913—1914 г., страховой кампании и кампании борьбы с дороговизной и борьбы против военно-промышленных комитетов.

С начала Февральской революции был избран товарищем председателя Бакинского Совета Рабочих Депутатов (председателем заочно был избран Шаумян). Был редактором Известий Бакинского Совета. Во время гражданской войны в Баку (в марте 1918 г.) был избран председателем об'единенных штабов Красной гвардии промысловых районов, а затем—членом президиума бакинского Совнархоза. Участвовал в проведении национализации нефтяной промышленности. Организовывал эвакуацию пред захватом власти в Баку эс-эрами и меньшевиками. После этого был избран секретарем полулегального (большевистского) союза нефтепромышленных рабочих. При захвате Баку турками и мусаватистами был взят в плен. Сидел два месяца в тюрьме, ожидая повешания. Перед сдачей турками Баку англичанам и белым, с последним эшелоном турецких войск был вывезен на границу меньшевистской Грузии. Благодаря обострившемуся после тюрьмы туберкулезу и закрытию всех границ вынужден был полтора года прожить в Грузии, работал там статистиком и читал лекции. После возвращения советской власти в Баку (1920 г.) выехал в Россию. Назначен был в Главтоп, а затем директором правления Нефтяной Промышленности. В мае 1922 г. был командирован для партработы в Нижний Новгород, а в мае 1923 г. назначен ректором Коммунист. университета имени Я. М. Свердлова. Одновременно состою сейчас кандидатом в члены ЦИК СССР, в члены ВЦИК РСФСР, членом моск. комит. и краснопресненского райкома ВКП, членом Моссовета, членом совета Института Ленина, Истпарта при ЦК, пред. совета Музея Революции, членом научно-политич. секции ГУС'а и т. д.

Первой моей брошюркой была нелегально изданная в Москве в 1895 г „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратился" и „Кой-что о женщине-работнице". Из крупных работ укажу: „История Росс. Социал-демокр. Рабочей Партии", 1-й и 2-й том (изд. 1906—1907 г.), „Двадцать пять лет РКП" (изд. 1923 г.), „Zur Geschichte der socialdemokratischen Arbeiterpartei Russland" (изд. 1904 г., русский перев. вышел в 1924 г.), „Как складывалась РКП", выходит 4-м изд. В различное время писал разные статьи, прокламации и брошюры. Их было много и в русских и в заграничных журналах и газетах. Было много и переводов.

(Продолжение свода во 2-й части 41-го тома).

Изменения и замеченные опечатки в I ч. XLI тома.

(Просят исправить в тексте).

Столбец	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
374	2 св.	400	450
374	3 св.	350	400
402	7-6 сн.	северчее Борисоглебска	Борисоглебск
403	12 св.	в зап. части Минусинского у. и	в Минусинском у., в
403	13 св.	Ачинского, два небольших острова в	части Ачинского,
403	14 св.	средних частях Красноярского и Ачинского у.	вдоль линии ж. д. в Красноярском и Канском у.
410	19 сн.	башкиры.	мордва, башкиры, тептяри, мещеряки, татары.
411	25 сн.	озера Чархала	Уральска
431	23 св.	у.,	губ.,
434	1 сн.	пятью	четырьмя
435	2 св.	Канд-узяк и Улькун-дарья.	Канд-узяк.

Приложение: „Деятели СССР и Октябрьской революции“:

3	16 св.	член он	членом
19	1 св.	Горболь	Горбов
26	20 сн.	Григорьевич	Георгиевич
90	20 сн.	Фавк	Фавн
95	2 св.	1909 г.	1904 г.
97	17 сн.	мая	марта
99	26 св.	полка	роты